

3 1761 08106633 4

ВѢСТНИКЪ Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

ОСНОВАННЫЙ М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ІЮЛЬ

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала:
Загородный проспектъ, № 14.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

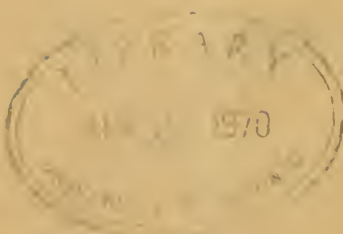

1910

AP
50
V5
7.45
30 701

4074

ИДЕЯ БОГОЧЕЛОВѢКА ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ САГѢ

I.

„По направленію, въ которомъ онѣ развиваются, религіи наиболѣе близкихъ намъ и наилучше изученныхъ народовъ распадаются на *теантропическія* и *теократическія*. Слова эти вполне удобопонятны. Первое, сложное изъ theos „богъ“ и anthrōpos „человѣкъ“, говоритъ вамъ, что въ религіяхъ этого порядка удареніе лежитъ на theion en anthrōpō, воплощеніи божественнаго начала въ человѣкѣ и на родствѣ этого послѣдняго съ божествомъ; другое, состоящее изъ элементовъ theos и kratein „властвовать“, даетъ вамъ понять, что въ соответствующихъ религіяхъ съ особенной силой развито ученіе о власти божества надъ человѣкомъ и природой. Конечно, всѣ религіи по необходимости содержать въ себѣ и теантропическое, и теократическое начало — но далеко не въ одинаковой степени.. А именно: теократическое начало господствуетъ у семитовъ, теантропическое — у арійцевъ“.

Въ этихъ словахъ К. П. Тиле, не такъ давно скончавшійся профессоръ исторіи и философіи религіи въ Лейденѣ („Введеніе въ науку о религіи“, I, 133, нѣм. перев.), характеризуетъ сущность различія между религіями арійскихъ и религіями семитскихъ народовъ. Осмѣливаюсь утверждать, что въ нихъ заключается одно изъ самыхъ крупныхъ открытій въ малоизслѣдованной области морфологіи религій. Замѣчу тутъ же — чтобы на

наглядномъ примѣрѣ показать важность этого открытія, — что, согласно теоріи Тиле, христіанство, заключающее въ своей сердцевины элементъ богочеловѣчества, этимъ самымъ отходить къ группѣ арійскихъ религій, и притомъ не только то христіанство, которое оформилось въ III-мъ вѣкѣ работой греческихъ богослововъ, но и самое исконное, христіанство Иисуса Христа. Повторяю: основанная Христомъ религія съ самаго начала со знавалась какъ имъ, такъ и окружающимъ его іудейскимъ міромъ, какъ теантропическая, а, стало быть, какъ несемитская религія. „Заклинаю тебя Богомъ Живымъ, скажи намъ, ты ли Мессія, Сынъ Божій?“ — спрашивали первосвященники Иисуса; торжественность заклинанія доказываетъ намъ, что въ этомъ вопросѣ сосредоточена догматическая сущность новой религіи. Но въ этомъ вопросѣ заключено два представленія: Иисусъ-Мессія и Иисусъ-Сынъ Божій. И насколько первое представленіе объ Иисусѣ-Мессіи было основано на данныхъ іудейской религіи, настолько второе представленіе объ Иисусѣ-Сынѣ Божьемъ ей противорѣчитъ, имѣя свои корни въ религіи арійскаго, а именно эллинскаго народа. И нужно ли говорить, что именно это второе представленіе объ Иисусѣ какъ Сынѣ Божьемъ, объ Иисусѣ какъ Богочеловѣкѣ сдѣлало христіанство тѣмъ, чѣмъ оно было, есть и, надѣмся, будетъ во вѣки вѣковъ? Иисусъ-Мессія заглохъ бы на берегу Иордана, подобно столькимъ мессіямъ до и послѣ него, но Иисусъ-Сынъ Божій побѣдилъ весь міръ.

Исходя изъ этого основного факта, я въ одной изъ своихъ религіозно-историческихъ статей позволилъ себѣ назвать античную религію, съ ея идеей богочеловѣка, настоящимъ Вѣхнымъ Заветомъ нашего христіанства. Само собою разумѣется, что въ этихъ словахъ не заключается никакого даже формальнаго приравненія христіанства къ античной религіи. Нѣтъ: будучи приближено къ античной религіи самой идеей богочеловѣчества, отсутствующей у семитовъ, христіанство отличается отъ нея существенно пониманіемъ этой идеи. Говоря кратко—*богочеловѣкъ христіанской религіи есть спаситель рода человѣческаго, между тѣмъ какъ богочеловѣкъ античной религіи, какъ и арійскихъ религій вообще, представляется спасителемъ царства боговъ*. Двойная эволюція потребовалась для этого перехода языческаго богочеловѣка въ христіанскаго. Съ одной стороны возвысилось понятіе о божествѣ: перенесенное съ какого-нибудь земнаго Олимпа или Асгарда въ надзвѣздныя высоты, оно перестало быть зависимымъ отъ земныхъ или подземныхъ силъ, перестало, такимъ образомъ, нуждаться въ спасеніи со стороны человѣка. Обратнаго рода эво-

людію испытало представленіе о человѣкѣ: изъ гордаго своей самобытностью Прометеева потомка онъ превратился въ приниженное, погрязшее въ грѣхѣ существо, все сильнѣе и настойчивѣе просящее, чтобы рука помощи была ему протянута свыше. И та, и другая эволюція можетъ быть прослѣжена въ отдѣльныхъ своихъ фазисахъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ античной религіи. Насъ, однако, здѣсь будетъ интересовать не она, а самая идея богочеловѣка, какъ намѣченного рокомъ спасителя царства боговъ.

Удобство обработки темы требуетъ нѣкотораго ея суженія. Мы видѣли, что идея богочеловѣчества присуща арійскимъ религіямъ вообще; это вѣрно, и читатель, напр., индійской „Сакунталы“ съ удовольствіемъ отмѣтитъ черты, характеризующія ея героя Душьянту какъ богочеловѣка религіи Индры. Но мы ими здѣсь заниматься не будемъ. Для сравненія достаточно двухъ религіи; таковыми будутъ у насъ двѣ наиболѣе близкія и извѣстныя намъ, греческая и германская. Нашъ краткій религіозно-морфологическій очеркъ будетъ посвященъ обоимъ богочеловѣкамъ германской и греческой саги, Зигфриду и Гераклу.

II.

Мнѣ пріятно указать здѣсь на одинъ очень красивый обычай, вотъ уже нѣсколько лѣтъ существующій у насъ въ С.-Петербургѣ на нашей казенной сценѣ и, повидимому, прочно привившійся. А именно: въ теченіе великопостныхъ недѣль, предшествующихъ Страстной, нашъ Маріинскій театръ ставитъ музыкальную трагедію богочеловѣка древне-германской религіи: „Кольцо Нибелунга“, Р. Вагнера. Такъ-то передъ торжественными днями, посвященными переживанію христіанскимъ міромъ великой новозавѣтной мистеріи, многіе изъ насъ получаютъ возможность углубиться въ созерцаніе очень глубокомысленной мистеріи той религіи, въ которой мы признали своего рода Вѣтхій Завѣтъ нашей.

Въ чемъ же сущность этой мистеріи?

Въ ея основаніи лежитъ идея о предвѣчности и вѣчности божественной Земли, Эрды, и о преходящести возникшаго во времени высшаго бога, Вотана. Центръ земли и ея жизни—это родниез Судьбы у корней мірового ясеня; здѣсь пророчицы судьбы, норны, поютъ вѣсть Земли, считывая ее съ нитей золотого каната, прикрѣпленнаго къ міровому ясеню. Но вотъ къ роднику

приходить Вотанъ; цѣною своего глаза онъ добываетъ право отломить вѣтвь мірового ясеня. Это отишѣ его копьѣ; на немъ онъ пишетъ руны договора, подчиняющаго ему силы вселенной. Но нѣтъ золота вѣчности во власти, пріобрѣтенной договоромъ: основанный на обоюдности услуги и воздаянія, договоръ подчиняетъ себѣ своего господина, и этогъ послѣдній не можетъ увеличить своей силы въ одной области, не уменьшая ея въ другой. За твердыню Валгаллы, построенную исполинами, Вотанъ долженъ заплатить имъ даромъ молодости и любви, воплощеннымъ во Фреѣ, а выкупить Фрею онъ можетъ не иначе, какъ жертвуя символомъ власти—проклятымъ кольцомъ Нибелунга. Такъ владыка копьѣ сталъ рабомъ начертаннаго на немъ договора; онъ не можетъ отвратить рокового дня, когда необузданныя силы Земли, соединившись, придутъ разрушать основанное имъ свѣтлое царство, и изъ пламени Валгаллы взойдутъ, предвѣщая вѣчную ночь, „сумерки боговъ“.

Онъ самъ этого дня отвратить не можетъ; но не могъ ли бы за него отвратить его другой—отпрыскъ его крови, сынъ смертной жепы, который, ничѣмъ не обязанный своему божественному родоначальнику, не былъ бы связанъ и угнетающимъ его договоромъ и этимъ самымъ былъ бы сильнѣе его? И вотъ передъ глазами Вотана сверкнула идея меча—того меча, который разрубить копьѣ съ рунами договора. Онъ идетъ въ люди, беретъ въ образѣ смертнаго Вельзе смертную жену, дѣлается отцомъ близнецовъ, Зигмунда и Зиглиды. Ихъ онъ предоставляетъ своей участи, чтобы они ничѣмъ не были обязаны ему; только завѣтный мечъ онъ вонзаетъ глубоко въ дерево, чтобы онъ, въ минуту крайней опасности, явился спасителемъ его сына. И этотъ сынъ растетъ, не признавая угнетающихъ людей договоромъ, руководимый только своей собственной волею и любовью. Онъ находитъ послѣ долгой разлуки свою сестру женой мрачнаго мужа; что ему въ томъ, что она—чужая жена, а ему сестра? Онъ ее любитъ по закону весмы, а отъ врага его спасетъ завѣтный мечъ его отца, который онъ добываетъ вмѣстѣ съ нею. Но увы! Этотъ мечъ исходитъ отъ Вотана, вынужденнаго въ силу договора выступить защитникомъ чистоты брака противъ родного сына и спасителя. Мечъ разбивается о руны Вотанова копьѣ—Зигмундъ гибнетъ. Но идея богочеловѣка не гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ: ее спасаетъ дѣва — Валкирія, Брюнгильда.

Эта дѣва—второй символъ силы Вотана, обособившейся отъ своего творца. Какъ дочь Вотана и Эрды, она исполняетъ волю

своего отца; но почувствовавъ, что эта воля здѣсь сама невольна, какъ раба договора, — она возмущается противъ отца, заступаетъ за Зигмунда въ его роковомъ бою и послѣ его паденія спасаетъ Зиглинду и осколки меча. Этимъ самымъ она спасаетъ и зародышъ второго богочеловѣка — сына Зигмунда и Зиглинды. Но за ослушаніе и ее, въ силу того же договора, ждетъ кара: Вотанъ снимаетъ съ нея безсмертіе и усыпляетъ, среди моря пламени, на вершинѣ скалы.

Сынъ Зигмунда и Зиглинды — это и есть Зигфридъ, второй и совершеннѣйшій богочеловѣкъ; въ немъ, наконецъ, идея богочеловѣчества, послѣ второй, такъ сказать, закалки, достигаетъ силы, превосходящей свой источникъ. Вотану онъ уже ничѣмъ не обязанъ; даже свой мечъ, свое единственное оружіе, онъ сковалъ себѣ самъ изъ спасенныхъ Брюнгильдой осколковъ. Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, онъ добываетъ кольцо Нибелунга, символъ міровой власти, у обладавшаго имъ змѣя-исполина. Не власть ему нужна. Движимый смутнымъ влеченіемъ любви, онъ идетъ освобождать сиящую среди пламени невѣсту. Тщетно Вотанъ преграждаетъ ему путь: теперь его копье разбивается отъ удара самовольнаго меча Зигфрида. Нѣтъ болѣе договора, подчинявшаго весь міръ Вотану, а его — року; есть только свободная власть, красующаяся на рукѣ Зигфрида въ видѣ роковаго кольца. Куда поведетъ она своего носителя? Онъ самъ объ этомъ не думаетъ; освободивъ Брюнгильду, онъ оставляетъ ей свое кольцо; символъ власти сталъ залогомъ любви.

Тѣмъ временемъ и силы подземной глубины продолжаютъ свое тихое, мрачное дѣло, направленное къ разрушенію свѣтлаго царства боговъ. Тотъ Нибелунгъ, который однажды, отрекшись отъ любви, цѣною этого отреченія сковалъ себѣ кольцо власти и, будучи его лишенъ Вотаномъ путемъ хитрости, проклялъ его — онъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы овладѣть имъ вновь. По примѣру своего божественнаго противника, и онъ рождаетъ себѣ сына отъ смертной — жадной супруги царя Гибиха. Среди дѣтей послѣдняго, Гунтера и Гутруны, вырастаетъ и сынъ Нибелунга, Гагенъ, антихристъ нашей саги. По его наущенію Гутруна подноситъ Зигфриду волшебную чашу: осушивъ ее, юный богатырь забываетъ о своей невѣстѣ, которую онъ самъ освободилъ на вершинѣ скалы, окруженной моремъ пламени. И онъ не только забываетъ о ней: обольщенный красотой Гутруны, онъ общается Гунтеру добыть для него Брюнгильду, принявъ волшебствомъ его образъ. Замыселъ удался: проклятое кольцо опять на рукѣ у Зигфрида, какъ трофеею его побѣды надъ Брюн-

гильдой; послѣдняя же, ставъ насильственно женой Гунтера, видитъ среди его свиты своего прежняго мужа женихомъ Гутруны. Тутъ ей прежняя любовь переходитъ въ ярость: она выдаетъ Гагену то мѣсто, гдѣ можно пронзить желѣзомъ непроницаемое тѣло Зигфрида, и богочеловѣкъ гибнетъ отъ копья сына Нибелунга на охотѣ, устроенной въ прирейнскихъ лѣсахъ. На этотъ разъ гибель его окончательна: царство Вотана некому больше спасти. Но и Гагену не удается овладѣть кольцомъ своего отца: его беретъ, какъ свое законное наслѣдіе, прозрѣвшая Брюнгильда и бросаетъ въ волны Рейна, прежде чѣмъ бросится самой въ огненные волны сооруженнаго для Зигфрида костра. Выше и выше вздымаются эти волны — тонетъ въ нихъ Валгалла, сумерки спускаются надъ царствомъ боговъ.

III.

Я передалъ подробно сущность дивнаго творенія Вагнера, такъ какъ оно по замыслу автора должно было быть не столько твореніемъ, сколько, такъ сказать, воствореніемъ — воспроизведеніемъ древнѣйшаго божественнаго мѣста германскаго народа. Вагнеръ былъ не только композиторомъ и поэтомъ, но и философомъ, и филологомъ; въ качествѣ послѣдняго онъ усердно и могуче, подобно своему Зигфриду, сковалъ мечъ древнѣйшей саги изъ осколковъ эддическихъ пѣсенъ. Правда, его имя не упоминается среди изслѣдователей преданія о Нибелунгахъ. Что дѣлать. Онъ былъ, увы, филологомъ, но и философомъ, и не только философомъ, но и поэтомъ, и не только поэтомъ, но и композиторомъ — а тутъ въ глазахъ филологовъ цеха одна рекомендація хуже другой. Такъ-то и здѣсь оправдались сложенные про мастеровъ музыкальнаго цеха язвительные стихи Вагнера:

Denn wer als Meister ist geboren,
Unter Meistern hat der schweren Stand ¹⁾.

Не будемъ, однако, несправедливы къ мастерамъ: само собою разумѣется, что Вагнеръ-филологъ, не будучи специалистомъ, страдалъ нѣкоторымъ дилеттантизмомъ, что у него зачастую поэтическая интуиція занимала мѣсто филологическаго метода. Болѣе строгій филологъ, всматриваясь въ швы Вагнеровскаго меча, укажетъ немало такихъ, гдѣ эддическіе осколки были имъ не-

¹⁾ Ибо кто мастеромъ родился, тому среди мастеровъ туго живется.

правильно спаяны; по сущность дѣла отъ этого не измѣнится, лишь бы основной принципъ оказался вѣрнымъ.

Какой же основной принципъ? Онъ совпадаетъ съ началомъ четвертаго Евангелія и гласить вкратцѣ: въ началѣ былъ Логосъ. Въ этомъ вся суть. Вѣрить въ этотъ принципъ необязательно; филологъ имѣетъ право требовать доказательства. Есть, однако, филологи, которые не довольствуются критическимъ отношеніемъ къ сторонникамъ Логоса, а незамѣтно для себя самихъ исходятъ отъ противоположнаго принципа: „въ началѣ была алогія“—и считаютъ самую идею Логоса въ построенияхъ своихъ противниковъ доказательствомъ неправильности этихъ построений. Вотъ съ этими-то „алогіанами“ необходима серьезная борьба. Можно не постулировать Логоса въ развитіи миеовъ, но не должно постулировать алогіи.

„Въ началѣ былъ Логосъ“—это значить въ данномъ случаѣ вотъ что: въ началѣ была вѣра въ возникшаго во времени бога и въ грозящую ему отъ силъ Земли гибель; на фонѣ этой вѣры развивается драма богочеловѣка, который одинъ могъ бы отвратить эту гибель, но самъ гибнетъ раньше, и гибнетъ вслѣдствіе ревности той божественной дѣвы, для которой онъ дороже всего на свѣтѣ. Согласно этому логосу Зигфридъ—съ самаго начала отпрыскъ высшаго бога Вотана-Одина, рожденный смертною человѣкъ божественнаго сѣмени. Такъ намъ и представляетъ дѣло древнѣйшая трагедія, которую мы возстановляемъ главнымъ образомъ изъ Эдды и изъ саги о Вельзунгахъ. Это не значить, что генеалогія Вагнера во всѣхъ подробностяхъ правильна: отождествляя Вельзе, отца Зигмунда, съ Вотаномъ, онъ дѣйствуетъ скорѣе по поэтическимъ соображеніямъ, чтобы не осложнять еще болѣе и безъ того сложную драму. Филологія этого отождествленія не допускаетъ; а такъ какъ Вотанъ-Одинъ былъ все-таки родоначальникомъ рода Вельзунговъ, то скорѣе правдоподобно, что по древнѣйшему представленію этотъ предполагаемый Вельзе былъ сыномъ Вотана. Оно и лучше: такимъ образомъ мы получаемъ въ послѣдовательномъ чередованіи Вельзе, Зигмунда и Зигфрида—тройную закалку божественнаго сѣмени. Это и само по себѣ правдоподобіе въ силу всеобщаго магическаго значенія троицы, и подтверждается, какъ мы увидимъ, параллелизмомъ греческой саги. Но это не существенно: для логоса важно только, чтобы Зигфридъ остался отпрыскомъ высшаго бога—а эту данную онъ не постулируетъ, а находитъ въ древнѣйшей доступной для насъ традиціи. Отсюда дальнѣйшій выводъ: разъ Зигфридъ, рожденный Вотаномъ, богочеловѣкъ, то его драма связана съ

той божественной драмой, развязкой которой были сумерки боговъ.

Но вотъ, съ прииціемъ христіанства, и эти сумерки разсѣлись. Вотанъ сталъ вождемъ „дикой рати“, бушующей по ночамъ равноденствія въ лѣсахъ горной цѣпи, за которой осталось его имя (Оден-вальдъ); его связь съ героической сагой распалась сама собой. Эта послѣдняя не была забыта, такъ какъ не было никакой причины предавать ее забвенію, разъ она могла быть обособлена отъ языческаго міа. Итакъ, Зигфридъ, сынъ Зигмунда и Зиглиды, убиваетъ змѣя и купаньемъ въ его крови пріобрѣтаетъ неуязвимость, добываетъ золото Нибелунговъ и шлемъ превращеній, освобождаетъ спящую Брюнгильду, отправляется на новые подвиги, знакомится съ Гунтеромъ и Кримгильдой-Гутруной стариннаго предапія, пьетъ изъ ея рукъ напитокъ забвенія... Позднѣ этотъ напитокъ забвенія показался неправдоподобнымъ или, можетъ быть, народное преданіе пожелало очистить своего любимаго героя даже отъ невольной невѣрности: приключеніе Зигфрида и Брюнгильды было предано забвенію, при чемъ, однако, не удалось стереть всѣ слѣды прежняго знакомства Зигфрида съ невѣстой царя Гунтера. Какъ бы то ни было, по позднѣйшему предапію, Кримгильда—единственная невѣста героя; Брюнгильду онъ сватаетъ для своего шурина. Она не названа валкиріей, но сверхчеловѣческая сила таковой за ней осталась: побороть ее Гунтеръ не можетъ, это дѣлаетъ за него Зигфридъ, принявшій, благодаря шлему превращеній, видъ Гунтера. Въ послѣдней борьбѣ онъ безъ видимой причины отнимаетъ у обманутой жещины кольцо и поясъ и даритъ ихъ своей женѣ Кримгильдѣ. Вполнѣ понятно, что вслѣдствіе происшедшихъ измѣненій и сцена столкновенія обѣихъ жещинъ теряетъ значительную долю своего первоначальнаго трагизма: она сводится къ довольно вульгарному мѣстничеству, при чемъ Кримгильда, торжествуя, показываетъ своей противницѣ знакомые ей кольцо и поясъ и этимъ рѣшаетъ споръ. Все же здѣсь поворотный пунктъ: мстительная Брюнгильда поручаетъ Гагену убійство своего оскорбителя; Гагенъ путемъ обмана узнаетъ отъ простодушной Кримгильды единственное мѣсто, гдѣ ея супругъ уязвимъ, и убиваетъ его на охотѣ. Убійство обставлено очень красиво, но, за отсутствіемъ рокового заблужденія со стороны Брюнгильды, и здѣсь нѣтъ никакого трагизма: Зигфридъ падаетъ жертвой собственнаго легкомыслія, сказавшагося въ оскорбленіи, которое онъ нанесъ ни въ чемъ передъ нимъ неповинной жещинѣ и королевѣ.

Такова послѣдняя форма очеловѣченной саги о Зигфридѣ; ее даетъ знаменитая „пѣснь о Нибелунгахъ“, національный эпосъ германскаго народа. Убѣдительно ли представленная нами здѣсь — и, разумѣется, ничуть не претендующая на оригинальность — эволюція? Полагаю, что она имѣетъ всѣ данныя считаться таковою. Прежде всего, она вполне соотвѣтствуетъ хронологической послѣдовательности сохраненныхъ или добытыхъ путемъ заключенія источниковъ отдѣльныхъ стадій развитія преданія. Затѣмъ и причина послѣдовательнаго измѣненія до очевидности ясна: разъ божественный миѳъ предшествовалъ героической сагѣ, то ясно, что именно изгнаніе боговъ и должно было вызвать развитіе саги изъ миѳа, т.-е. его очеловѣченіе. Такъ-то Логось не постулируется нами, но вносится эволюціею преданія извнѣ: онъ заключенъ въ ней, и требуется принципиально враждебное къ нему отношеніе для того, чтобы перевернуть естественный ходъ событій и признать за Зигфридомъ-героемъ временное первенство передъ Зигфридомъ-богочеловѣкомъ, за человѣческой сагой — первенство передъ божественнымъ миѳомъ.

Это и есть точка зрѣнія тѣхъ филологовъ, которыхъ я выше назвалъ „алогіанами“. По ихъ теоріи въ началѣ существовала въ прирейнской Германіи, безъ всякой связи съ божественнымъ миѳомъ, сага о Зигфридѣ, побѣдитель змѣя и освободитель спящей на скалѣ среди пламени Брюнгильды; затѣмъ эта сага была перенесена на скандинавскій сѣверъ и поставлена въ связь съ божественнымъ миѳомъ, при чемъ высшій богъ Вотанъ-Одинъ былъ сдѣланъ родоначальникомъ Вельзунговъ, а съ ними и Зигфрида-Сигурда. При этомъ толкованіи миѳъ о богочеловѣкѣ если не упраздняется совсѣмъ, то все же приурочивается не къ исконному, а къ производному фазису развитія преданія, въ началѣ котораго оказывается не Логось, а алогія.

Критика этой теоріи не можетъ быть содержаніемъ настоящаго очерка; полагаю, однако, что нижеслѣдующій параллелизмъ косвенно сослужитъ намъ и эту критическую службу. Мы перенесемъ съ германской почвы на греческую и прослѣдимъ здѣсь развитіе саги о богочеловѣкѣ; ея близкое родство съ германской докажетъ намъ исконность также и этой послѣдней.

IV.

Мы видѣли выше, что оба главныхъ стадія развитія германской саги — божественный и очеловѣченный — нашли свое поэтиче-

ское воплощеніе: первый—въ пѣсняхъ Эдды, второй—въ пѣснѣ о Нибелунгахъ. Для греческой саги у насъ нѣтъ источника, который можно было бы сопоставить съ Эддой; древнѣйшую форму преданія мы возстаповляемъ изъ разныхъ намековъ и случайныхъ слѣдовъ, сохраненныхъ намъ болѣе поздними авторами. Очеловѣченную форму мифа представлялъ одинъ изъ эпосовъ такъ называемаго „цикла“, а именно пѣснь „о взятіи Эхалии“. Она намъ не сохранена; зато сохранена трагедія, содержаніе которой почерпнуто изъ этой пѣсни. Это—„Трахинянки“ Софокла. Съ нея мы и начнемъ.

Объ одномъ, однако, я считаю пужнымъ предупредить читателей. Еслибы мы могли привлечь къ сравненію обѣ исконныя формы преданія, германскую и греческую, то ихъ родство бросилось бы читателю въ глаза; тогда мнѣ и не пришлось бы писать этихъ строкъ, такъ какъ то открытіе, которое я имѣю въ нихъ сообщить, давнымъ давно было бы сдѣлано другими. Но это, повторяю, невозможно: мы исходимъ изъ очеловѣченной саги. А какимъ измѣненіямъ подвергается таковая, объ этомъ свидѣлствуетъ нѣмецкая пѣснь о Нибелунгахъ; много ли осталось въ ея Зигфридъ отъ прежняго богочеловѣка? Неудивительно, поэтому, что и сходство германской саги съ греческой на почвѣ очеловѣченной формы послѣдней—а именно трагедіи Софокла—окажется не очень разительнымъ; но, конечно, и оно не ускользнетъ отъ вниманія подготовленнаго читателя.

Ея фабула заключается въ слѣдующемъ.

Мимо Плеврона въ Этоліи протекала великая греческая рѣка Ахелой; ея богъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, получилъ права на прекрасную Деяниру, дочь плевронскаго царя Энея (Онеус). Нѣсколько разъ приходилъ онъ напоминать о нихъ; наконецъ, былъ назначенъ послѣдній срокъ, когда Деянирѣ придется проститься съ родителями и послѣдовать за своимъ нелюбимымъ женихомъ. Въ это время въ Плевронѣ явился молодой Гераклъ; могучій богатырь поправился царевнѣ, да и она полюбилась ему; онъ сразился съ Ахелоемъ, побѣдилъ его. Деянира стала его женой.

У Геракла былъ, однако, повелитель—аргосскій царь Еврисей, подъ верховенствомъ котораго онъ княжилъ въ сосѣднемъ съ Аргосомъ городѣ Тиринѣѣ. Отпраздновавъ въ Плевронѣ свою свадьбу, онъ отправился со своей молодой женой въ путь, чтобы вернуться въ Тиринѣѣ. Пришли они на своемъ пути къ рѣкѣ Евену; русло было глубокое, моста не было, перевозчикомъ служилъ кентавръ Нессъ, а перевозилъ онъ путниковъ на своей

собственной лошадиной спинѣ. Гераклъ довѣрилъ ему Деяниру; очутившись съ нею на серединѣ теченія, Нессъ вздумалъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нескромной рукой коснуться своей прекрасной ноши. Деянира вскрикнула; замѣтивъ, въ чемъ дѣло, Гераклъ пустилъ въ Несса стрѣлой, а его стрѣлы были отравлены ядовитой кровью лернейской гидры. Такъ-то Нессъ заплатилъ жизнью за свою дерзость. Желая отомстить своему убійцѣ, онъ, напрягая послѣднія силы, донесъ Деяниру до другого берега и тамъ сказалъ ей, чтобы она взяла съ собою комъ его запекшейся крови; эта кровь, говорилъ онъ, будетъ для нея талисманомъ, благодаря которому Гераклъ уже ни одной женщины не полюбитъ послѣ нея. Не подозрѣвая коварства, заключеннаго въ этихъ двухъсмысленныхъ словахъ, Деянира послушалась его совѣта, ничего не говоря о немъ мужу. Затѣмъ они безъ дальнѣйшихъ приключеній пришли въ Тиринѣ.

Въ Тиринѣ для Деяниры началась скучная, томительная жизнь. Ея супругъ былъ постоянно въ отлучкѣ, будучи посылаемъ Еврисеемъ то на одинъ подвигъ, то на другой; съ нетерпѣніемъ дожидалась она того дня, когда срокъ его службы прекратится. Онъ долго заставлялъ ждать себя. Старшій изъ сыновей, которыхъ она родила Гераклу, Гиллъ, успѣлъ вырасти, при чемъ ей ни разу не пришлось вспомнить о Нессовомъ талисманѣ. Когда же ожидаемый день наконецъ насталъ, то вмѣстѣ съ нимъ явилось и новое горе на смѣну старому. Его причина заключалась въ слѣдующемъ.

Евритъ, царь еврейскаго города Эхали, былъ отцемъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ наиболѣе славились старшій сынъ, „могучій“ Ифитъ, и красавица дочь, „свѣтлокудрая“ Иола. Ставъ гостемъ Еврита въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ странствованій, Гераклъ особенно подружился съ Ифитомъ; но и Иолъ его образъ запалъ въ душу, и она стала мечтать о томъ, какъ бы ей стать женой славнаго богатыря... Въ этой эхалийской исторіи многое остается для насъ неяснымъ, но нѣкоторыя данныя заставляютъ насъ догадываться, что Иола задумала достигнуть своей цѣли съ помощью волшебнаго напитка, который она поднесла Гераклу, сговорившись объ этомъ со своимъ братомъ, а его другомъ, Ифитомъ.

Любовь Геракла къ Иолѣ—поворотный пунктъ въ трагедіи его жизни. Когда ея отецъ, желая выдать дочь замужъ, объявилъ для ея жениховъ состязаніе съ его сыновьями въ стрѣльбѣ, то въ числѣ жениховъ явился и Гераклъ. Съ помощью своего волшебнаго лука онъ легко побѣдилъ всѣхъ: какъ побѣдитель,

онъ потребовалъ Юлу для себя. Само собой разумѣется, однако, что Евритъ мужу Деяниры въ этомъ требованіи отказалъ. Съ двойною раной въ сердцѣ вернулся Гераклъ въ Тиринъ.

Затѣмъ слѣдующихъ мѣсяцевъ было внезапно прервано приходомъ въ Тиринъ Ифита, отправившагося отыскивать славный табувъ коней, уведенныхъ разбойниками у его отца Еврита. Подъ гнетомъ невыносимаго позора, причиненнаго ему Евритомъ, Гераклъ рѣшился на недоброе дѣло. Онъ пригласилъ Ифита на высокую Тиринскую стѣну, какъ бы для того, чтобы указать ему уведенный табувъ, и тамъ сбросилъ его съ крутизны въ пропасть.

Убийство гостя, да еще коварное, требовало искупленія; искупить его могла только продолжительная рабская служба — таковъ былъ законъ. И вотъ самъ Зевсъ, отецъ Геракла, продаетъ своего сына въ рабство лидійской царицѣ Омфалѣ. Отъ семьи, однако, Гераклъ скрылъ свой позоръ: не говоря, куда онъ отправляется, но предвидя долговременную разлуку, онъ оставилъ Деянирѣ свое завѣщаніе, приказывая привести его въ исполненіе, если онъ въ данный срокъ — этотъ срокъ былъ ему указанъ додонскимъ оракуломъ — не вернется обратно. Затѣмъ онъ ушелъ.

Но и семья преступника не могла долго оставаться въ оскверненномъ преступленіемъ Тиринѣ. Къ счастью другъ Геракла, трахинскій царь Кеякъ, согласился дать ей убѣжище въ своемъ городѣ, что въ Фессалии, близъ Термопилъ, на склонѣ Эты. Здѣсь, въ Трахинѣ, для Деяниры началась новая разлука, самая мучительная изъ всѣхъ. Въ своемъ одиночествѣ она коротала долгіе дни тѣмъ, что ткала своему мужу роскошный плащъ, какъ украшеніе того дня, когда онъ вернется и совершитъ благодарственное жертвоприношеніе за счастливое исполненіе своего таинственнаго для Деяниры замысла.

Годъ рабства, между тѣмъ, прошелъ; но сильнѣе ныла та двойная рана, которую Гераклъ унесъ изъ Эхалии. Теперь онъ былъ чистъ; набравъ вольную рать изъ пришлыхъ людей, онъ повелъ ее противъ Эхалии. Недолго продолжалась осада: когда назначенный оракуломъ срокъ наступилъ, Эхалия стала добычей побѣдителей. Евритъ и все мужское населеніе было перебито, Юла же „среди крови, среди пламени“ утолила долгую страсть своего новаго господина.

Угаръ прошелъ; надлежало подумать о возвращеніи. Какъ представлялъ себѣ Гераклъ свою дальнѣйшую жизнь? Не знаемъ. Пока онъ Юлу съ прочей добычей отправилъ домой, довѣ-

ривъ ее своему другу и глашатаю Лихасу, самъ же на время остался въ Евбеѣ, чтобы на Кенейскомъ мысѣ воздвигнуть алтарь Зевсу и принести ему благодарственныя жертвы за счастливый исходъ эхалійскаго предпріятія. Это и есть тотъ пунктъ, когда начинается дѣйствіе нашей трагедіи.

V.

Остановимся здѣсь на минуту. Какъ видитъ читатель, неотвратимымъ взмахомъ колеса судьбы подготовлена та сцена, въ которой должны встрѣтиться обѣ женщины, раздѣлившія любовь Геракла. Вездѣ, гдѣ мнѣ о богочеловѣкѣ получилъ художественную обработку, эта сцена стоитъ въ центрѣ интереса; здѣсь—апогей паѳоса трагедіи богочеловѣка, здѣсь же и ея поворотный пунктъ. И все же можно сказать, что нигдѣ еще этотъ паѳосъ не нашелъ себѣ такого полнаго выраженія, при которомъ всѣ скрытыя въ немъ силы вырвались бы наружу, подобно спертымъ въ ущельѣ вѣтрамъ, и произвели бы соотвѣтствующую ихъ мощи бурю аффектовъ: вездѣ мы наталкиваемся на какой-нибудь сдерживающій моментъ—быть можетъ безсознательно подсказанный поэту его тактомъ и чувствомъ предѣловъ поэтической силы. Самое бурное выраженіе страсти мы имѣемъ у Вагнера, у котораго музыка могла придти на помощь поэзіи; но и здѣсь сдерживающій элементъ данъ въ незнаніи Гутруны, которая, сама обманутая, видитъ въ Брюнгильдѣ только свою насильно добытую невѣстку и даже не подозрѣваетъ, что она была ея предшественницей въ обладаніи любовью Зигфрида.

У Софокла отношенія обратныя: Гола знаетъ, что ей суждено предстать передъ исконной и законной супругой своего любовника, но Деянира не знаетъ, что въ лицѣ плѣнницы своего мужа—точнѣе говоря, одной изъ его плѣнницъ—она имѣетъ передъ собой свою разлучницу. Знаетъ объ этомъ глашатай Лихасъ, получившій отъ своего повелителя затруднительное порученіе пристроить его новую подругу въ домъ его жены. Но и Лихасъ знаетъ не все: онъ не знаетъ, что эта жена—кроткая голубица и всего менѣе заслуживающая той участи, которую онъ ей готовитъ. Выросшій въ грубой солдатской средѣ и никогда раньше не видѣвшій Деяниры, онъ представлялъ себѣ ее, надобно полагать, немолодой и некрасивой, подозрительной и сварливой женщиной; ужъ, конечно, она была таковой, коль скоро Гераклъ, его боготворимый вождь, рѣшилъ ей на смѣну

послать Юду. Онъ не торопится исполнить свое порученіе; отъ законной супруги, все равно, награды не будетъ. Окруженный на городскомъ илгонѣ толпой трахинянтъ, жадно спрашивающихъ его о Гераклѣ, онъ рассказываетъ имъ обо всемъ, ничуть не щадя Деяниру; когда же трахиняне, знавшіе и любившіе Деяниру, къ его рѣчи относятся недобѣрчиво, онъ подъ клятвой имъ подтверждаетъ, что дѣйствительно Юлѣ предстоитъ сдѣлаться новой женой Геракла. Среди его слушателей нашелся одинъ расчетливый человѣкъ, сообразившій, что въ вѣсти Лихаса, все-таки, заключается и радостная для Деяниры частіца; онъ рѣшается предупредить ея Лихаса — но, разумеется, только ею, — чтобы получить отъ обрадованной госпожи положенные за благое извѣстіе дары.

Слѣдующую за его появленіемъ сцену позволю себѣ передать словами поэта. „Трахинянки“ — его наименѣе извѣстная у насъ трагедія; даже стихотворнаго перевода по-русски не имѣется. Въ виду этого смѣю рассчитывать на нѣкоторый интересъ читателя къ приводимому образцу.

ВТОРАЯ СЦЕНА.

Съ лѣвой стороны послѣшно приближается увѣчанный зеленой вѣтвью вѣстникъ. Это пожилой, но еще бодрый трахинецъ; въ его голосѣ, манерѣ говорить слышится, кромѣ наивнаго корыстолюбія, также и неподдѣльное участіе къ Деянирѣ.

Вѣстникъ.

Моя царица, первымъ изъ гонцовъ
Освобожу тебя отъ страха. Мужъ твой
Живъ, побѣдилъ и дань побѣды славной
Несетъ роднымъ Трахина божествамъ.

Дѣвушки съ радостными криками толпятся вокругъ Деяниры, поздравляя ее; она стоитъ какъ бы въ оцѣпенѣніи, едва вѣря своимъ ушамъ.

Деянира.

Что ты сказалъ, старикъ? Скажи еще разъ.

Вѣстникъ.

Сказалъ, что вскорѣ твой супругъ желанный
Вернется къ намъ съ побѣдопосной ратью.

Деянира.

Кто вѣсть принесъ? Трахинецъ, изъ чужой?

Вѣстникъ.

Его жъ товарищъ все намъ разсказалъ,
Глашатай Лихасъ, тамъ, гдѣ скотъ пасется.
И жъ, услыжавъ, къ тебѣ бѣжать пустился,
Чтобъ первымъ даръ и милость заслужить.

Деянира—*удивленно*.

Чего жъ онъ медлитъ, если вѣсть благая?

Въстникъ—*посль едва замѣтной заминки.*

Не такъ легко пройти ему, царща.
Его народъ малійскій обступилъ
Съ распросами, дорогу преграждая.
Вѣдь кто тоску по комъ питаетъ, тотъ
Не отойдетъ, не насладившись вдоволь.
Такъ-то и онъ, ихъ волѣ угождая,
Своей лишился; но придетъ онъ скоро.

Деянира — *молитвенно простирая руки
по направленію къ Этѣ, съ жа-
ромъ.*

О Зевсъ, властитель Этѣ заповѣдной!
Ты позднюю, но свѣтлую даль радость.

Быстро направляясь къ портику.

Запойте пѣсню, вы, что въ домѣ нашемъ,
Что у дверей. Нежданнымъ солнцемъ яснымъ
Взошла та вѣсть, что жизнь мнѣ принесла.

Уходить въ домъ. Кормилица подходитъ къ вѣстнику и уводитъ его черезъ ворота
во дворъ.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

Дѣвушки обращаются къ кумпрамъ Аполлона и Артемиды. Челядь Деяниры высы-
паетъ изъ дому; кто выходитъ въ портикъ, другіе толпятся у воротъ. Нѣсколько
прислужницъ подходятъ къ алтарямъ Аполлона и Артемиды и воскуряютъ на нихъ
вѣнцями; въ это время старшая дѣвушка поетъ слѣдующую пѣсню, при чемъ прочія
сопровождать ея мѣрными движеніями, а музыка—игрой на киварѣ.

Старшая дѣвушка.

Въ свадебномъ весельѣ
Возликуй, чертогъ!
Дружной пѣсней славьте,
Юноши, владыку:
Аполлонъ вамъ внемлетъ,
Сребролукій богъ.
Пойте, дѣвы, звонко:
„О пѣань, пѣань!“
Ту, что въ мракѣ ночи
Свѣточи возносятъ,
Чья стрѣла пугливыхъ
Ланей поражаетъ —
Ваша да прославитъ
Артемиду пѣсня,
Съ ней сосѣднихъ нимфъ.

Прислужницы подходятъ къ обоимъ другимъ алтарямъ—Діониса и Гермеса. Харак-
теръ музыки мѣняется: вмѣсто строгихъ звуковъ кивари слышатся шумные, востор-
женные палѣвы флейты. Дѣвушки хора срываютъ по вѣткѣ плюща; одна изъ нихъ
поетъ, прочія сопровождаютъ ея пѣніе веселой пляской.

Вторая дѣвушка.

Помчусь и восторженной пляской
Отвѣчу на флейты призывъ.

Ты видишь, мени возбуждасть
 Твой плюющъ, эио! всемогущій
 Владыка ума моего!
 Въ вакхической радости гонитъ
 Прислужницъ своихъ Діонисъ.

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА

Съ лѣвой стороны появляются на сцену нѣсколько ратниковъ; за ними рабы ведутъ муловъ, навьюченныхъ золотыми, серебряными и мѣдными сосудами, или парчами и другими матеріями, или виномъ; за ними, тоже въ сопровожденіи рабовъ, скотъ; шествіе замыкаетъ глашатай Лихасъ (*съ жезломъ въ рукахъ*) и отрядъ плѣнницъ, среди которыхъ находится Гола. Рабы Деяниры указываютъ ратникамъ ворота во дворъ; всѣ направляются туда, въ медленномъ шествіи проходятъ передъ зрителями.

Всѣ дѣвушки.

Ю, Ю, нэанъ!

Тѣмъ временемъ изъ дома выходитъ Деянира, въ роскошномъ облаченіи царицы, сіяя счастьемъ и красотой. Завидувъ ее, старшая дѣвушка подходитъ къ ней, обнимаетъ ее и говоритъ, указывая рукой на шествіе.

Старшая дѣвушка.

Смотри, смотри, подруга!
 Лицомъ къ лицу блаженство
 Ты видишь наконецъ.

Деянира—*въ радостномъ упоеніи.*

Да, милая. Отъ стражи глазъ не скрылся
 Видъ этотъ—долго я ждала его.

Мало-по-малу передняя и средняя части шествія проходятъ передъ Деянирой; показывается Лихасъ съ плѣнницами, изъ которыхъ нѣкоторыя рыдаютъ, другія равнодушно разговариваютъ между собою; одна только Гола слѣдуетъ за Лихасомъ въ горделивомъ молчаніи, съ заплаканными, но въ настоящую минуту сухими глазами.

Увидя Лихаса, Деянира быстро идетъ ему навстрѣчу.

Тебѣ, глашатай, первый мой привѣтъ,
 Давно желанный—

(Лихасъ, до сихъ поръ наблюдавшій за плѣнницами, быстро оборачивается къ Деянирѣ. Догадавшись, кто передъ нимъ, онъ потупляетъ глаза; видно, что онъ всѣми силами старается побороть овладѣвшее имъ смущеніе. Деянира, удавленная его поведеніемъ, нѣсколько отступаетъ, прибавляя въ полголоса:)

—если только радость

Ты мнѣ несешь.

Лихасъ—*послѣ отчаяннаго усилія надъ собою.*

Да, госпожа моя.

Сколь радостенъ привѣтъ твой, столь отраденъ
 И нашъ приходъ. За добрыя дѣла
 Достойно добрыми встрѣчать словами.

Деянира—*съ прежнимъ жаромъ.*

О дорогой, на первый мой вопросъ
 Отвѣтъ дай первый: встрѣчу ль я живымъ
 Геракла?

Лихасъ—*съ напускной веселостью.*

Я живымъ его оставилъ,
Цвѣтущимъ, сильнымъ, безъ слѣда болѣзни.

Деянира.

Въ странѣ родной? Иль варварской? Скажи.

Лихасъ.

Въ Евбеѣ. Тамъ въ Кенейскаго честь Зевса
Онъ жертвенникъ и рошу освящаетъ.

Деянира.

Обѣта долгъ? Иль приказанье бога?

Лихасъ.

Онъ далъ обѣтъ, когда съ оружіемъ бравнымъ
(показывая на плънищъ)
Ихъ городъ онъ поработить сбирался.

Деянира.

А кто онѣ, скажи мнѣ, и откуда?
Мнѣ жаль ихъ—если жалость тутъ умѣстна.

Лихасъ—*съ притворнымъ равнодушіемъ.*

Ихъ мужъ твой, взявъ Еврита градъ, богамъ
Наградой выбралъ и себѣ добычей.

Деянира.

Еврита градъ? Такъ подъ его стѣнами
Весь долгій срокъ разлуки онъ провелъ?

Тѣмъ временемъ у воротъ показывается, въ сопровожденіи двухъ рабовъ, трахискій вѣстникъ. Онъ въ новомъ плащѣ и слегка навеселѣ: рабы хотятъ его увести, но слова Лихаса приковываютъ его вниманіе, и онъ остается, не смотря на настойчивыя приглашенія рабовъ.

Лихасъ—*не замѣчая вѣстника.*

Не весь. Онъ долго у лидійцевъ медлилъ
(Такъ говоритъ онъ самъ) не доброй волей,
А купленный...

(Видя, что Деянира вспыхиваетъ:)

Негодовать не должно

О томъ, что Зевсъ опредѣлилъ, жена.
Онъ, проданный лидіанкѣ Омфалѣ,
Исполнилъ годъ (такъ говоритъ онъ самъ)
И такъ былъ узавленъ обидой этой,
Что клятву далъ виновника ея
Поработить съ женою и дѣтьми.
И слово мужа не пропало даромъ:
Очистившись, онъ вольницу набралъ
Изъ люда пришлого—и двинулся
Подъ градъ Еврита.

(Деянира обрываетъ его вопросительнымъ движеніемъ:)

Онъ его впою

Считалъ своихъ страданій одного.
Къ нему однажды, какъ кунзгъ старпный,

Онъ гостемъ въ домъ вошелъ. И что жъ? Хозяинъ
И въ рѣчи дерзкой гостя поносилъ.—
Смѣясь, что онъ, владыка стрѣлъ волшебныхъ,
Стрѣлокъ презрѣнный предъ дѣтьми его,
Что онъ, на рабство подлю промѣнявъ,
Побой тернить отъ господъ надменныхъ—
И на шире его, въ хлѣбной отвагѣ,
Съ позоромъ со двора прогнать велѣвъ.

Вскрипѣлъ ретивый мужъ. И вотъ, въ отместку,
Когда Ифитъ, ница табуиъ заблудшій,
Его тиринскій замокъ навѣстилъ,
И внизъ смотри, по о другомъ мечтаю,
Стоялъ на вышкѣ—тогъ его внезапно
Низвергнувъ въ бездну со стѣны крутой.
Но не простилъ ему лихого дѣла
Отецъ нашъ общій, олимпіецъ Зевсъ.
Онъ сына въ рабство продать—въ наказанье,
Что онъ врага—одинъ лишь въ жизни разъ—
Убилъ коварствомъ. А убей открыто—
Зевсъ снизошелъ бы къ справедливой мести:
И небожителямъ противна спѣлъ.

Теперь ихъ вѣкъ языкъ неукротимый
Въ Анда свелъ туманную обитель.
Ихъ городъ взять. А тѣ, что предъ тобой,
Простившись съ счастьемъ, въ незавидной долѣ
Къ тебѣ пришли. Такъ приказалъ твой мужъ;
И жъ, вѣрный другъ ему, приказъ исполнилъ:

А самъ онъ вскорѣ, данъ священной жертвы
Отцу принесши Зевсу за удачу,
Сюда придетъ. Таковъ конецъ отраднй
Хорошей рѣчи, госпожа, моеи.

Девзира опять обратила свое вниманіе на плѣнницъ; мало-по-малу радостное выра-
женіе ея лица уступаетъ мѣсто глубокой грусти.

Старшая дѣвушка.

Царица, нишѣ счастлива ты явно:
И взоръ, и слухъ свидѣтельство даютъ.

Девзира—съ грустной улыбкой.

Конечно, рада повѣсти я славной
О счастье мужа—рада отъ души.
И быть не можетъ иначе. Но все же
И страхъ питать за бадовня успѣха
Велитъ намъ разумъ: долго ль до взмѣны?
Ахъ, жалко мнѣ—такъ жалко мнѣ, подруги,
На нихъ смотрѣть, на сиротъ горемычныхъ,
Бездомныхъ, брошенныхъ въ странѣ чужой.
Давно ль онѣ въ свободѣ процвѣтали
Среди своихъ? Теперь удѣлъ ихъ—рабство.

(Простирая руки къ этейскому Зевсу.)

О Зевсъ вершитель! Не суди мнѣ видѣть

Такого жь гнѣва твоего на тѣхъ,
 Что мною рождены. Такой боязнью
 Меня наполнилъ ихъ печальный видъ.

(Снова всматривается въ плѣнницъ. Мало-по-малу ея взоры останавливаются на Голѣ, которая одна не старается разжалобить ее. Деянира продолжаетъ въ полголоса, обращаясь болѣе къ себѣ, чѣмъ къ Голѣ.)

Ахъ, кто ты, кто, страдальца младая?
 Въ дѣвницахъ ли? Иль матерью слыла?
 Не говоритъ о мукахъ материнства
 Твой станъ; и столько благородства въ немъ...

(Подойдя къ Лихасу и указывая ему рукой на Голу, при чемъ Лихасъ вздрагиваетъ.)

Чья, Лихасъ, эта плѣнница? Скажи мнѣ:
 Кто мать ея? Какъ звать ея отца?
 Скажи. Всѣхъ болѣ тронута я ею;
 Она одна достоинство хранить.

*Лихасъ—съ подозрительной торопливостью,
 въ крайнемъ смущеніи.*

Почемъ мнѣ знать? Къ чему меня пытаешь?
 Евбеянка—и, видно, не простая.

Деянира.

Ужъ не царевна ль?

(Какъ бы ослепленная внезапно мыслью, быстро.)

Дочь имѣлъ Евритъ?

Лихасъ.

Почемъ мнѣ знать? Не наводилъ я справокъ.

Деянира.

И имени отъ спутницъ не слыхалъ?

Лихасъ.

Да нѣтъ же: молча путь свой совершалъ я.

*Деянира—подходитъ къ Голѣ и тономъ
 теплаго участія говоритъ ей:*

Откройся жь ты мнѣ, бѣдная.

(Голѣ, потупивъ взоръ, молчитъ; Деянира съ ласковой настойчивостью продолжаетъ.)

Вѣдь горе,

Если и имя пропадетъ твое.

(Хочетъ дружески положить ей руку на плечо. Голѣ, съ протестующимъ движеніемъ руки, отступаетъ. Въ это время ея взоръ встрѣчается со взоромъ Деяниры, она какъ будто уже готова выдать тайну, но внезапно закрываетъ лицо руками и начинаетъ рыдать. Лихасъ, все время обнаруживавшій признаки крайней тревоги, поспѣшно вмѣшивается.)

Лихасъ.

Не жди отвѣта. Не измѣнить дѣва
 Упорству своему. Она ни слова,
 Ни звука одного не проронила

На всемъ пути; въ страданіи безмелвиномъ
Она лишь слезы лить съ минуты той,
Какъ на добычу шаловливымъ вѣтрамъ
Своей отчій домъ оставила она.
Была жестока къ ней судьба—но этимъ
На спусхожденіе право ей дала.

Деянира, не сводившая глазъ съ Юли, съ участіемъ.

Иди же съ миромъ въ домъ мой, чужестранка,
Такъ, какъ самой пріятнѣй. Не хочу
Двойныхъ страданій причинять тебѣ:
Довольно терпишь ты и такъ. (*Къ Лихасу*)

И мы

Ройдемъ во дворъ, чтобъ и тебѣ, другъ Лихасъ,
Въ обратный путь собраться, и въ порядокъ
Мнѣ привести домашній дѣла.

Лихасъ съ пѣльвицами направляется къ воротамъ; Деянира, смотрящая вслѣдъ Юлѣ, медленно и нерѣшительно подходитъ къ портику.

ПЯТАЯ СЦЕНА.

Видя, что Деянира собирается уйти, вѣстникъ внезапно вырывается у своихъ пробожатиныхъ, быстро подходитъ къ ней и въ полголоса, глядя вслѣдъ Лихасу, говорить ей:

Вѣстникъ.

Не торопись. Дай имъ уйти—узнаешь,
Кого ты въ домъ введи, узнаешь все,
Что отъ тебя безсовѣстно скрываютъ:
Объ этомъ мнѣ вся истина извѣстна.

Деянира—не останавливаясь, презрливо.
Въ чемъ суть? Зачѣмъ подбрался ты ко мнѣ?

Вѣстникъ.

Ты стоя слушай. Давеча вѣдь правду
Тебѣ сказалъ я—и теперь скажу.

Деянира.

Что жъ, призовемъ обратно тѣхъ? Иль тайну (*указывая на хоръ*)

Лишь мнѣ да имъ согласенъ ты открыть?

Вѣстникъ.

Тебѣ да имъ; а тѣхъ оставь въ покоѣ.

Деянира—омянувшись, дожидается, пока Лихасъ съ пѣльвицами окончательно не войдутъ во дворъ; затѣмъ она опять обращается къ вѣстнику и быстро говоритъ ему:

Они ужъ скрылись; говори, что знаешь.

Вѣстникъ—еще ближе подходитъ къ Деянири и съ таинственнымъ видомъ говоритъ ей, указывая пальцемъ по направленію къ ушедшему Лихасу.

Глашатай этотъ весь рассказъ свой длинный
Велъ по неправды колеѣ кривой;
Онъ или нынѣ сталъ гондомъ коварнымъ,
Иль раньше лживымъ вѣстникомъ пришелъ.

Деянира—съ безпокойствомъ.

Что говоришь ты? Выскажись яснѣе.
Въ недоумѣннѣ ты повергъ меня.

Трахиныяки съ озабоченнымъ видомъ окружаютъ Деяниру; всѣ съ жадностью прислушиваются къ словамъ вѣстника. Рѣчь его страстна и злобна; на дѣйствіе, производимое его рассказомъ на Деяниру, онъ не обращаетъ вниманія.

Вѣстникъ.

На всемъ народѣ этотъ человекъ
Разсказывалъ, что ради дѣвы плѣнной
Твой мужъ престолъ Еврита испровергъ
И стѣны срылъ Эхалинъ вѣнчанной,
Что лишь Эротъ изъ всѣхъ боговъ небесныхъ
Его на бранный подвигъ вдохновилъ—
Не Лидія, не прихоти Омфалы,
Не рабскою службы у нея позоръ,
Не смерть Ифита, сброшеннаго въ пропасть,
Какъ онъ теперь облыжно говорить.

Вначалѣ словомъ онъ склонить пытался
Ея отца, чтобъ дочь свою родную
Ему для тайныхъ наслажденій далъ.
Отказъ. Тогда, предлогъ пустой измысливъ,
Онъ двинулъ рать на родину ея:
„Тамъ властвуетъ“, такъ молвилъ онъ дружинѣ,
„Лихой виновникъ горя моего“.
Царя-отца онъ лютой смерти предалъ,
Разрушилъ городъ; а красу-царевну
— Ты видѣла?—онъ въ теремъ твой ведетъ.
Ведетъ не спроста, не рабой смренной—
Объ этомъ ты и думать перестань:
Ужъ коль онъ страстью воспылялъ такую...

(Деянира отчаянно вскрикиваетъ; вѣстникъ, только теперь замѣчающій ея состояніе, продолжаетъ болѣе спокойнымъ и почтительнымъ тономъ.)

Прости; рѣшилъ я все тебѣ открыть,
Царица, что отъ Лихаса я слышала.
Не я одинъ, а весь народъ трахпнскій
Вмѣстѣ со мной тамъ былъ—спроси любого.
Тебя рассказъ мой огорчилъ, я вижу;
Что жъ дѣлать. Правду я зато сказалъ.

Деянира—мало-по-малу приходить въ себя
и смотритъ по направленію къ
воротамъ, черезъ которыя ушла
Юла.

О горе, горе! Что со мной творится?
Какую лзну тайную ввела
И въ теремъ свой! Такъ вотъ она какая
Безродная, какъ клялся провожатый!

Вѣстникъ.

Да, какъ же. Въ блескъ красоты и славы,
Державнаго Еврита дочь, она
Звалась Юлой—а ея онъ рода
Не могъ назвать: не наводилъ, молъ, справки.

Старшая дѣвушка — торжественно простирая
правую руку къ землѣ.

Проклятье...

(Деянира обрываетъ ее умоляющимъ движеніемъ руки)

Нѣтъ, не всѣмъ злодѣяютъ: тѣмъ лишь.
Кто въ злобѣ тайной долгу измѣняетъ!

Деянира.

Какъ быть, подруги? Такъ поражена я
Всѣмъ слышаннымъ; не знаю, что мнѣ дѣлать.

Старшая дѣвушка.

Войди въ хоромы, спроси его;
Онъ скажетъ правду—лишь пытай построже.

Деянира.

Да, я войду; совѣтъ дала ты здравый.

Вѣстникъ.

А мнѣ остаться? Или войти прикажешь?

Деянира.

Нѣтъ, оставайся. И пословъ не надо:
Онъ добровольно изъ дому идетъ.

ШЕСТАЯ СЦЕНА.

Лихасъ выходитъ изъ воротъ и подходитъ къ Деянирѣ, не обращая вниманія на
вѣстника, который отошелъ немного въ сторону.

Лихасъ.

Что мнѣ Гераклу передать, царица?
Ты видишь, я въ обратный путь готовъ.

Деянира—стараясь казаться спокойной.

Пришелъ такъ поздно, и уже уходишь,
Разговориться не успѣвъ со мной?

Лихасъ.

Я на вопросы отвѣчать согласенъ.

Деянира.

И правду всю мнѣ скажешь, безъ утайки?

Лихасъ.

Клянуся Зевсомъ—все, что знаю самъ.

Деянира—*внезапно, глядя въ упоръ Лихасу,
строго.*

Скажи же, кто та плѣнница, что въ домѣ?

Лихасъ—*оторопѣвъ.*

А ты зачѣмъ вопросъ мнѣ этотъ ставишь?

Деянира—*тихо.*

Изволь отвѣтить, коль въ умѣ ты здоровомъ!

Лихасъ—*замѣчая вѣстника, почтительно
и твердо.*

Евбеянка; а кто ея родитель,
Того сказать, царица, не могу.

Вѣстникъ—*грубо.*

Смотри сюда: ты знаешь, передъ кѣмъ ты?

Лихасъ—*окинувъ вѣстника презрительнымъ
взоромъ.*

Передъ державной Деянирой, дочерью
Энея и Геракловой сунругой—
Коль не ослѣнъ я—госпожей моей.

Вѣстникъ—*сначала было отъинившій, жадно
хватается за послѣднія слова
Лихаса.*

Вотъ это и хотѣлось мнѣ узнать.
Ее ты госпожей называешь?

Лихасъ.

По праву.

Вѣстникъ.

Какую жъ казнь ты претерпѣть достоинъ,
Если ее ты нагло обманулъ?

Лихасъ.

И обманулъ? Брось выдумки, почтенный.

Вѣстникъ.

Не я, а ты выдумывать гораздъ.

Лихасъ.

Мнѣ въ путь пора; и такъ я безразсуденъ,
Что время трачу, слушая тебя.

Вѣстникъ.

Постой, отвѣтъ мнѣ кратко на вопросы.

По его знаку рабы преграждаютъ Лихасу дорогу; Деянира кивкомъ головы одобряетъ происходящее.

Лихасъ—*съ досадою.*

Что жъ, спрашивай; не молчаливъ, небось.

ВѢСТНИКЪ.

— Ты плѣнницу, что ввель ты въ домъ... ты знаешь,
О комъ я говорю?

Лихасъ.

— Что жь дальше? Знаю.

ВѢСТНИКЪ.

— Ея ты имя причеси; а тогда
Вѣдь звалъ Голой, дочерью Еврита?

Лихасъ—*съ притворнымъ возбужденіемъ.*

— Гдѣ звалъ? Кто слышалъ? Кто во всей Элладѣ
Сендѣтелемъ, что такъ я звалъ ее?

ВѢСТНИКЪ.

— О, сколько хочешь. Въ сборищѣ трахипевъ
Огромная толпа тебѣ внимала.

Лихасъ—*холодно и презрительно.*

— Нѣтъ; я сказалъ, что ходитъ слухъ такой.
А вѣдь не все, что выскажешь догадкой,
Въ отвѣтственномъ ты словѣ передашь.

ВѢСТНИКЪ.

— Какая тамъ догадка! Ты ль не клялся,
Что вводишь въ домъ ее женой Геракла?

Лихасъ.

— Женую, я? Царица дорогал,
Скажи хоть ты: что это за чудакъ?

ВѢСТНИКЪ.

— А тотъ чудакъ, что слышалъ отъ тебя—
Вотъ какъ теперь—что изъ любви онъ къ дѣвѣ
'Эхалию разрушилъ всю до тла,
Да; что тому не Лидія причиной,
А только къ ней везанная любовь.

Лихасъ.

— Вели ему уйти, царица.

(Косясь на вѣстника, съ удареніемъ.)

Право

Подъ стать ли мнѣ, степенному мужчинѣ,
На всякій бредъ большого отвѣчать?

(По данному Деянирой знаку рабы уводятъ вѣстника.)

СЕДЬМАЯ СЦЕНА.

Во время спора Лихаса съ вѣстникомъ Деянира, подавленная горемъ и униженіемъ, стояла въ какомъ-то забытѣ, мрачно понуривъ голову. Упомянутое „жены“ заставило ее очнуться: съ воплемъ она бросилась къ портику, къ богамъ своего крова, точно ища помощи у нихъ. При этомъ ея взоръ упалъ на пустыя крѣсна и на сидѣнье, на которомъ она оставила сотканный для Геракла плащъ. Его видъ приводить ее въ ярость: она бѣшено хватаетъ плащъ; видно, что она хочетъ бросить его на землю, растоптать. Вдругъ она останавливается, какъ бы подъ вліяніемъ новой

мысли; бережно сглаживая складки плаща, она въ глубокомъ раздумьѣ возвращается къ спорящимъ. По уходѣ вѣстника она обращается къ Лихасу, указывая правой рукой на вершину Эты.

ДЕЯНИРА.

Зевсомъ молю, чьи молніи сверкаютъ

Съ вершины Эты: о, открой мнѣ все!

(Лихасъ въ смущеніи молчитъ; послѣ краткой паузы она тихо продолжаетъ; чѣмъ дальше, тѣмъ страпнѣе и неискреннѣе звучитъ ея голосъ.)

Ты не пустой вѣдь женщинѣ внимаешь,

Я знаю сердце человѣка, знаю:

Самой природой не дано ему

Всегда однимъ и тѣмъ же увлекаться.

А тутъ еще—Эротъ. Кто съ нимъ дерзаетъ

Тягаться силой, какъ борецъ въ палестрѣ,

Тотъ безразсуденъ. И богами онъ

Державно правитъ прихотью своею.

И я его извѣдала законы;

Теперь другал—женщина, какъ я.

Мнѣ ль мужа своего корить, что онъ

Болѣзни той безмолвно подчивился?

Иль мстить... вотъ той, что согрѣшила страстью

Невинной, безобидной для меня?

(Пауза. Лихасъ молчитъ. Деянира мыслитъ тонъ.)

Нѣтъ, не безумна я. А ты помни:

Если Гераклъ ко лжи тебя поставилъ,

То шкоду ты постыдную прошелъ.

Если жъ ты самъ себя въ паукъ этой

Воспитываешь—вмѣсто благородства

Безчестье и позоръ ты обрѣтешь.

Скажи жъ мнѣ правду. Вѣдь прослѣтъ лжецомъ—

Свободному тяжелая обида;

А истины ты все равно не скроешь:

Свидѣтелей немало—ихъ спрошу.

(Новая пауза. Видя, что ея искренность не дѣйствуетъ на Лихаса, Деянира, послѣ страшнаго усилія надъ собой, возвращается къ своему первоначальному, притворно-спокойному тону. Все же она говорить съ перерывами; видно, что она борется съ собою, чтобы выдержать свою роль.)

Иль ты меня боишься огорчить?

Мнѣ неизвѣстность тягостна, не спору,

Но въ знаньѣ нѣтъ обиды для меня.

Ужъ сколько женщинъ въ жены бралъ сунругъ мой.

И что жъ? Слыхала ль хоть одна изъ нихъ

Дурное слово отъ меня? А этой, (злобно)

Хоть расплывись она въ любви, не трону (спохватываясь).

О, нѣтъ. Мнѣ жалость видѣ ея внушаетъ

Сильнѣйшую. Своею красотой

И собственную жизнь она сгубила,

И отчій городъ, бѣдная, певолей

Разрушила... Но въ этомъ боги властны;

Ты жь будь искрененъ съ кѣмъ хочешь, мнѣ же
Всегда и всюду правду говори.

Старшая дѣвушка.

Она права: послушайся ея,
И благодарны все тебѣ мы будемъ.

Лихась — видимо тронутый.

Царица дорогая, такъ разумна
Слова твои, такъ далеки отъ снѣга,
Что я молчать и скрывать не въ силахъ.
Да, правъ тотъ вѣстникъ. Къ ней Гераклъ въ тѣ дни
Воспламенился страстью роковою;
Ради ней въ потокахъ крови бранной
Свершился рокъ Эхалии родной.

Все жь долженъ за него я заступиться.
Не отрекался отъ нея нигдѣ оный,
И страсть свою скрывать мнѣ не велѣлъ.
Я самъ, царица, не рѣшился вѣстью
Правдивой сердце огорчить твое
И провинился — коль вина тутъ есть.

Теперь ты знаешь все. И въ знаньи этомъ,
Къ твоей, въ его отрадѣ обоюдной
Люби ту дѣву и сдержанъ старайся
То слово ласки, что ты ей дала.
Вѣдь оный — во всемъ непобѣдимый витязь.
И лишь предъ ней оружіе сложилъ.

Деявиръ — съ злобнымъ спокойствіемъ.

И я сама такъ поступить рѣшила.

Усиливать дикое навожденье
Безумнымъ богоборствомъ не хочу.

Теперь пойдемъ. Тебѣ я передать

Словесное имѣю порученье

И даръ отвѣтный на дары его.

Пришелъ ко мнѣ ты съ полными руками —

Не съѣдь тебѣ съ пустыми уходить.

(Уходить въ домъ.)

VI.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Деявиры не трудно догадаться по ея игрѣ; думаю, что еслибы ея поэтъ располагалъ музыкальными средствами повѣйшаго претворителя мифа о богочеловѣкѣ, то въ томъ мѣстѣ, гдѣ несчастная женщина въ ярости схватываетъ плащъ Геракла и затѣмъ, внезапно остановившись, начинаетъ въ раздумьѣ его расправлять — въ оркестрѣ внушительно и злобѣще прозвучалъ бы „мотивъ кентавра“. Да, она вспомнила о кентаврѣ и его предсмертномъ словѣ:

Дочь старика Энея!

Хочу на память о моей услугѣ
Тебя почтить—за то, что я тебя
Наѣздницей послѣдней перевезъ.
Возьми въ свой плащъ моей ты крови комъ,
Что запеклась вокругъ стрѣлы въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ ядъ лернейской гидры въ черный цвѣтъ
Ее окрасилъ. Талисманъ могучій
Въ немъ обрѣтешь ты для любви Геракла:
*Его отдаваъ, ни одной жены онъ
Послать тебя ужъ болъ не полюбитъ.*

Она не ревнива, къ Иолѣ она враждебныхъ чувствъ не питаетъ: она только хочетъ себѣ вернуть любовь своего супруга, которую она—несправедливо, какъ показало дальнѣйшее — считаетъ утерянной. Волшебной и ядовитой кровью она намазываетъ тотъ плащъ, который она соткала, и со всѣми предосторожностями передаетъ его Лихасу для врученія Гераклу. Пусть онъ надѣнетъ его предъ совершеніемъ благодарственной жертвы: таковъ былъ ея обѣтъ. Лихасъ приноситъ своему повелителю плащъ какъ разъ въ время, въ присутствіи дружины и сына Гилла, отправившагося, по просьбѣ матери, отыскивать отца и нашедшаго его именно здѣсь, на Кенейскомъ мысѣ. Дѣйствіе яда неотвратимо; въ страшныхъ мученіяхъ Гераклъ обрываетъ жертвоприношеніе, бросаетъ невольнаго виновника Лихаса о скалу, мечется, кричить... По его волѣ его переправляютъ въ Трахинъ; Гиллъ, отправившійся въ домъ за носилками, встрѣчаетъ тамъ Деяниру и рѣзко, считая ее убійцей своего отца, говоритъ ей объ успѣхѣ ея злодѣйскаго замысла. Въ его словахъ Деянира слышитъ свой приговоръ; ничего не отвѣчая сыну, она смиренно идетъ исполнить его. Тѣмъ временемъ приносятъ Геракла, уже обезсиленаго отъ мученій; узнавъ, что его жена была жертвой коварства Несса, онъ видитъ въ этомъ исполненіе загадочнаго оракула, гласившаго, что не живому, а мертвому суждено его убить. Итакъ, его смерть неизбежна: Иолу онъ пристраиваетъ за сына своего Гилла—эта непріятная для насъ черта была дана генеалогическимъ мифомъ и поэтому для античнаго поэта обязательна; себя же онъ велитъ сжечь на кострѣ, сооруженномъ на вершинѣ Эты, на заповѣдномъ лугу его отца, Зевса.

VII.

Въ оконченномъ только что пересказѣ Софокловой трагедіи мы имѣемъ, согласно замѣченному раньше, очеловѣченную форму

греческаго мѣа о богочеловѣкѣ; попробуемъ теперь, пользуясь путеводными вѣхами отрывочныхъ, но тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ, возстановить его древнѣйшую божественную форму.

Здѣсь, однако, необходима оговорка. Уже Вагнеру пришлось при возстановленіи германскаго мѣа примѣнить интеграціонный методъ, устраняя расщепленность, такъ сказать, эддическаго преданія и сосредоточивая на своихъ герояхъ черты, распространенныя въ Эддѣ по различнымъ по имени, но единымъ по существу лицамъ. Еще въ большей мѣрѣ имѣемъ мы эту расщепленность въ греческомъ мѣѣ, соотвѣтственно племенному дѣленію греческаго народа. Мы можемъ указать на цѣлый рядъ героевъ, въ которыхъ воплотилась для даннаго племени идея богочеловѣка, и не безинтересно убѣдиться, какъ каждый изъ нихъ по той или другой своей особенности соотвѣтствуетъ германскому Зигфриду. Гераклъ былъ богочеловѣкомъ дорическаго мѣа; его мы главнымъ образомъ имѣемъ въ виду. Но немногимъ менѣе славенъ богочеловѣкъ ахейскаго мѣа Ахиллъ, очеловѣченный въ Иліадѣ; онъ раздѣляетъ съ Зигфридомъ физическую неуязвимость (ср. „Ахиллесову пяту“), утраченную въ рационализирующей Иліадѣ, но сохраненную въ другихъ свидѣтельствахъ. Къ обоимъ приближается богочеловѣкъ минійцевъ, Ясонъ; его сближаетъ съ Зигфридомъ мотивъ проклятаго золота, воплощеннаго въ золотомъ рупѣ. Менѣе извѣстенъ богочеловѣкъ этолійскаго мѣа, Мелеагръ; подобно Зигфриду, и онъ гибнетъ на охотѣ—знаменитой калидонской охотѣ—и отъ этой гибели при расщепленіи получилъ свое имя (Mele-agros, „несчастный охотникъ“). Все же мы не будемъ по отношенію ко всѣмъ имъ примѣнять интеграціоннаго метода; это—область поэзіи, а не филологіи. Ограничяясь возстановленіемъ первоначальной формы мѣа о Гераклѣ, другія же будемъ привлекать лишь попутно, въ видахъ параллелизма.

Гераклъ—сынъ Зевса; въ этой чертѣ до позднѣйшихъ временъ сохранилось богочеловѣческое значеніе этого героя. Но это не все. Его мать Алкмена происходила по прямой линіи отъ того Персея, который и самъ былъ сыномъ Зевса отъ аргосской царевны Данаи. Эта послѣдняя въ свою очередь происходила отъ Эпафа, который былъ сыномъ того же Зевса отъ аргосской нимфы, Іо. Въ этой генеалогіи мы имѣемъ ту же идею тройной закалки божественной крови, которую германскій мѣѣ выразилъ въ нѣсколько иной формѣ, дѣлая Зигфрида не непосредственно сыномъ Вотана, а сыномъ Зигмунда, послѣдняго—сыномъ Вельзе и лишь Вельзе—сыномъ Вотана. Эту послѣднюю формулу точно

воспроизводитъ миѡъ объ Ахиллѣ: Ахиллъ считается сыномъ Пелея, Пелей — сыномъ Эака и лишь Эакъ — сыномъ Зевса. Такъ-то и здѣсь трижды закаливается мечъ, долженствующій разрубить древко гнетущаго договора, грозящаго гибелью свѣтлomu царству боговъ.

Но что это за гибель? Въ германскомъ миѡѣ дѣло ясно: „сумерки боговъ“ нависли надъ свѣтлымъ Асгардомъ, о нихъ вѣщаетъ слово Эрды устами трехъ Норнъ у родника Судьбы, подъ мировымъ ясенемъ; но кто слыхалъ о подобной угрозѣ греческому Олимпу? И все же о ней нѣкогда знали. Древнѣйшее свидѣтельство о рожденіи Геракла сохранилъ намъ Гесіодъ въ своемъ „Щитѣ Геракла“ (ст. 27; перевожу прозой въ видахъ точности); оно гласитъ такъ: „Отецъ же людей и боговъ иную думу твалъ въ своемъ умѣ—чтобы ему и для боговъ, и для людей, хлѣбомъ кормящихся, создать отвратителя гибели“. Этимъ ясно высказана задача Геракла, для которой его рождаетъ его божественный отецъ: онъ — отвратитель гибели боговъ. Свидѣтельство это, повторяю, древнѣйшее и важнѣйшее, но все же не совсѣмъ единичное: та другая традиція, которая, предвкушая успѣхъ Геракла и его бракъ на Олимпѣ съ Гебой, награждаетъ его дѣтьми отъ этой божественной супруги—эта традиція старшему изъ нихъ даетъ имя Алексіара, т.-е. именно „отвратителя гибели“ (Alexi-agês; ср. у Гесіода agês alktêr), по обыкновенію ипостасируя въ сынѣ главное достоинство отца.

Но, повторяемъ вопросъ, что же это за гибель? Логика отвѣчаетъ: именно та, за отвращеніе которой онъ долженъ былъ быть награжденъ бракомъ съ богиней вѣчной молодости, Гебой. Мы читаемъ въ „Θεογονίᾳ“ того же Гесіода (ст. 954) про Геракла: „Блаженный мужъ. Совершивъ среди безсмертныхъ великое дѣло, онъ живетъ, не вѣдая ни боли, ни старости, во всѣ дни“. Точнѣе говоритъ объ этомъ великомъ дѣлѣ Пиндаръ, влагая въ I-ой Немейской одѣ своему Тиресію въ уста такое пророчество о будущей судьбѣ тогдашняго младенца Геракла (ст. 100 и сл.): „Когда боги на равнинѣ Флегры вступятъ въ бой съ гигантами—они подъ тяжестью его ударовъ смѣшаютъ свои свѣтлыя волосы съ прахомъ земли. Онъ же въ мирѣ на всѣ времена, обрѣвъ вѣчную тишину въ блаженной обители, какъ роскошную награду за свои великіе труды, получить женой цвѣтущую Гебу и, отпраздновавъ свадьбу, съ ней займетъ священное мѣсто у Кронида Зевса“. Итакъ, тѣмъ великимъ дѣломъ среди безсмертныхъ, совершить которое было суждено Гераклу, было его участіе въ бою съ гигантами, въ гигантомахіи. Оче-

видно, это его участіе было очень важно, коль скоро онъ за него получаетъ столь чрезвычайную награду. И дѣйствительно, старинное свидѣтельство, сохранный у мѣоографа Аполлодора (I, 6, 4) гласитъ: „Богамъ былъ данъ оракулъ, что гиганты никѣмъ изъ боговъ сражены быть не могутъ, но что они падутъ, если пѣкто смертный придетъ на помощь богамъ“. Вотъ, значитъ, та угроза, подъ гнетомъ которой отецъ боговъ и людей

Новую думу задумалъ въ душѣ своей, чтобъ и безсмертнымъ,
И земнороднымъ создать отвратителя гибели лютой.

Гигантомахія—это „сумерки боговъ“ религіи Зевса.

Все это прекрасно одно къ другому подходитъ; цѣпь фактовъ смыкается безукоризненно. Все же присмотримся ближе къ свидѣтельству Аполлодора: тутъ есть одинъ мотивъ, приковывающій наше вниманіе: „Богамъ былъ данъ оракулъ“... Какъ это понимать? Обыкновенно боги даютъ оракулы смертнымъ. Здѣсь — пережитокъ глубокой старины, исконной религіи Зевса, когда боги, съ Зевсомъ включительно, считались лишенными вѣщей силы, обладательницей же таковой была „первопророчица Земля“, какъ ее называетъ Эсхиль. Итакъ, Землей былъ данъ оракулъ Зевсу; ея роль здѣсь на греческой почвѣ такая же, какъ и въ языческой Германіи. Она сообщила Зевсу условіе его спасенія — и подъ вліяніемъ ея слова идея богочеловѣка, „идея меча“, сверкнула передъ прозрѣвшими глазами высшаго бога.

Попробуемъ прослѣдить дальше тотъ путь, на который насъ ведетъ это древнѣйшее свидѣтельство; сходство съ германскимъ мѣомъ станетъ еще поразительнѣе.

VIII.

Прорицаніе заставляетъ предполагать прорицалище. Древнѣйшимъ прорицалищемъ, о которомъ знаетъ Греція, была Додона, „бурная Додона“ въ ущельѣ эпирскихъ горъ. Объ этомъ прорицалищѣ намъ сохранилось очень древнее свидѣтельство—свидѣтельство Гомера, которое я, опять-таки въ видахъ точности, перевожу прозой. Ахиллъ молится Зевсу передъ роковымъ боемъ своего друга Патрокла (Ил. XVI, 233 ст.): „Зевсъ владыка Додонскій Пелазгическій, далеко живущій, властвующій въ бурной Додонѣ, въ ней же Селлы тебѣ живутъ пророками, не моющіе ногъ, снѣющіе на голой Землѣ“. Прошу замѣтить: живутъ *тебѣ* пророками, а не *твоими* пророками; въ это древнѣйшее время

они не смертнымъ вѣщаютъ знаніе Зевса, котораго у него нѣтъ, а Зевсу вѣщаютъ знаніе всевѣдущей Земли. И вотъ для чего они не умываютъ ногъ и спятъ на голой землѣ: для того чтобы сростись съ Землей, чтобы проникнуться ея силой. Тамъ въ Додонѣ растетъ старинный, вѣщій дубъ; это—мировой дубъ греческой саги, вполне соотвѣтствующій мировому ясеню германской; у корней его течетъ родникъ, давшій и Додонскому Зевсу прозвище „Зевса Родниковаго“ (Zeus Naios), родникъ, считавшійся (географически это неправильно) истокомъ Ахелоя, этого Рейна греческой саги—Ахелоя, культъ котораго правился въ той же Додонѣ. Все это элементы общіе обѣимъ миѳологіямъ, греческой и германской, и поэтому исконные.

Но вотъ созданіе специально греческой красоты. Сила Земли, проникая черезъ корни, стволъ и вѣтви додонскаго дуба, приводитъ въ движеніе его листья; шелестъ этихъ листьевъ—это вѣсть Земли. И двѣ голубки сидятъ на вѣтви додонскаго дуба и, проникнутыя исходящей отъ него силой Земли, тихо воркуютъ; ихъ воркованье—это вѣсть Земли. Зевсу эта вѣсть непонятна: онъ врагъ Земли. Онъ основалъ свое царство, сразивъ ея сыновей-титановъ; позволительно ли догадаться, что онъ именно съ этой цѣлью отправилъ къ додонскому дубу своихъ Селловъ, чтобы они, не умывая ногъ и спя на голой землѣ, тоже прониклись ея силой, чтобы они поняли шелестъ дубовыхъ листьевъ и воркованіе голубицъ и передали ему, невѣдущему богу, вѣсть всевѣдущей Земли?

Такъ-то „богамъ былъ данъ оракулъ“—оракулъ о богочеловѣкѣ: „Смертному сыну безсмертнаго отца дано будетъ совершить то, что не по силамъ его отцу—побороть гигантовъ и обезпечить вѣчность богамъ Олимпа. Тогда царь боговъ—повторяю еще разъ знаменательное свидѣтельство Гесіода—

Новую думу задумалъ въ душѣ своей, чтобы и безсмертнымъ,
И земнороднымъ создать отвратителя гибели лютой.

Началась земная жизнь Геракла. Съ тревогой слѣдить съ Олимпа его божественный отецъ за его дѣянiami и страданіями. Онъ вѣдь ничего не могъ ему дать кромѣ жизни: только вполне самобытный въ своемъ развитіи сынъ можетъ быть сильнѣе отца. Власть царей исходитъ отъ Зевса—поэтому Гераклъ не царь. Богатствомъ награждаютъ боги—поэтому Гераклъ бѣднякъ. Его единственный покровъ—шкура того звѣря, котораго онъ убилъ; его единственное оружіе—та палица, которую онъ самъ себѣ отломалъ. Но зато онъ свободенъ и ото всякихъ нравственныхъ

обязательствъ: онъ одинъ не подчиненъ тому договору, которымъ живетъ міръ и блюстителемъ котораго состоитъ Зевсъ. Его единственный законъ—его воля. Схумѣетъ ли онъ выйти невредимымъ изъ пучины жизни и дожить до того дня, когда рать гигантовъ двинется на Олимпъ? Если да, то и награда ему обезпечена. Гигантовъ онъ поборетъ, получитъ супругой Гебу, воплощенную молодость, и будетъ среди боговъ, самъ будучи богомъ, наслаждаться вѣчною жизнью.

Все это ему обезпечено, если онъ доживетъ до рокового дня. Только доживетъ ли онъ до него?

IX.

Здѣсь начинается дѣятельность Деяниры. Отъ читателя не ускользнуло, что ея роль въ греческой сагѣ соотвѣтствуетъ роли Брюнгильды въ германской. И ту и другую освобождаетъ богочеловѣкъ: Брюнгильду—Зигфридъ, изъ огады пламени на прирепской скалѣ, Деяниру—Геракль, изъ извилинъ самого Рейна греческой мифологіи, Ахелоя. И той, и другой послѣ вѣрнаго супружества богочеловѣкъ измѣняетъ подъ вліяніемъ чаръ противницы; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ измѣна является причиной его гибели. Все же по характеру обѣ героини нимало непохожи другъ на друга. Брюнгильда—бывшая валькирія, и пережитки этой ископной роли сохранились даже въ „Пѣснѣ о Нибелунгахъ“. Напротивъ, Деянира—„вѣжная, прекрасная“—самая кроткая изъ всѣхъ кроткихъ героинь Софокла, настоящій идеаль преданной, беззавѣтно любящей супруги.

Все же есть примѣты, доказывающія, что она не всегда была такою. Сюда относится прежде всего ея имя—„Dei-aneira“ („возбуждающая къ брани мужей“); это—настоящее имя валькирин, мало идущее въ кроткому характеру Софокловой героини. Затѣмъ интересно сравнить свидѣтельство вышеназваннаго Аполлодора про Деяниру: „она умѣла управлять конями и занималась военнымъ дѣломъ“ (I, 64). У Софокла не осталось и слѣда отъ этихъ воинственныхъ наклонностей его героини, а это свидѣтельство не единично: въ схоліяхъ на Аполлонія Родоскаго (I, 1212) сохранилось поразительное извѣстіе, что Деянира помогла Гераклу въ его войнѣ противъ дріопійцевъ, сражаясь рядомъ съ нимъ. Я назвалъ это извѣстіе поразительнымъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, дріопійцы—это тотъ самый народъ, къ которому принадлежала Юла, новая подруга Геракла,

изъ-за которой онъ измѣнилъ Деянирѣ. А затѣмъ и потому, что это представленіе о Деянирѣ-валкирії, помогающей Гераклу въ его сраженіяхъ, сближаетъ ее съ Аѳиной, дочерью Зевса, всегдашней валкиріей греческихъ мифовъ. Специально съ Геракломъ Аѳина, по свидѣтельству расписныхъ вазъ, встрѣчается замѣчательно часто, какъ его помощница и покровительница—до того часто, что явилось даже мнѣніе о бракѣ между Геракломъ и Аѳиной.

Не могу здѣсь идти дальше по указанному пути: укажу лишь кратко на конечную цѣль, къ которой онъ ведетъ. Дѣйствительно, Деянира первоначально не что иное, какъ эпитетъ Аѳины — валкирії, „возбуждающей къ брани мужей“. Великодушная дочь Зевса, раздѣляя его тревогу о земной жизни Геракла, намѣченного рокомъ спасителя его царства, жертвуетъ своей божественностью, чтобы стать его помощницей на землѣ. Частности мы возсоздавать не можемъ; особенно темнымъ остается вопросъ, какъ она подпадаетъ власти рѣчного бога Ахелоя, изъ которой ее освобождаетъ Гераклъ. Какъ бы то ни было, она становится его женой, и ея помощью онъ побѣждаетъ своихъ враговъ. Уже близокъ тотъ день, когда онъ — опять-таки рядомъ съ нею — сразитъ гигантовъ, залогъ его и ея вознесенія и совмѣстной блаженной жизни въ чертогахъ олимпійскаго Зевса. Но и вражьи силы не дремлютъ; попавъ въ ихъ коварныя сѣти, богочеловѣкъ забываетъ о своей великодушной подругѣ-покровительницѣ и падаетъ жертвой ея ревности. Орудіемъ ихъ коварства стала Іола, дочь Еврита, царя дріопійцевъ въ Эхалии.

Кто же такая эта Іола?

Евритъ съ сыномъ Ифитомъ и дочерью Іолой—тѣ же имена имѣемъ мы на сторонѣ самого Геракла. Евритъ этимологически тождественно съ Евриссеемъ, его двоюроднымъ братомъ и господиномъ, Ифитъ—съ Ификломъ, его своднымъ братомъ, сыномъ Амфитріона, Іола—съ Іолаемъ, сыномъ Ификла, вѣрнымъ помощникомъ Геракла. Видно мнѣ сохранилъ память о томъ, что враги Геракла были одно время его (названными) братьями — также какъ и Гунтеръ былъ названнымъ братомъ Зигфрида, — и лишь очеловѣченіе мѣа повело къ расщепленію обѣихъ серій. Дріопійцы — „сыны дуба“ — въ сущности тѣ же гиганты, какъ и Гундинги и родичи Гунтера до очеловѣченія германскаго мѣа. Эхалия же, согласно этимологіи (oichonai, „я исчезъ“, „меня нѣтъ“) — это городъ исчезновенія, Нифльгеймъ греческой саги. Принималъ ли Ифитъ, кунакъ Геракла, какое-нибудь дѣятельное участіе въ той сѣти коварства, которая сдѣлала вѣрнаго до тѣхъ

поръ Геракла любовникомъ Юлы? Была ли его страшная смерть отъ руки Геракла актомъ мести прозрѣвшаго героя? Здѣсь только догадки возможны; одно ясно—роль „свѣтлокудрой Юлы“, какъ орудія коварства враговъ Геракла, подобно Гутрунѣ-Кримгильдѣ германской саги.

Такъ погибъ намѣченный рокомъ спаситель царства боговъ до исполненія той задачи, ради которой онъ былъ созданъ своимъ отцомъ. Теперь гибель этого царства неотвратима. Преисподняя поглощаетъ душу богочеловѣка послѣ сожженія его брэннаго тѣла на этейскомъ кострѣ. Придетъ роковой день—ратъ гигантовъ побѣдоносно двинется за беззащитный Олимпъ, „сумерки боговъ“ заволокутъ его и всю вселенную съ нимъ. Таковъ грустный финалъ религіи Зевса.

X.

До сихъ поръ мы старались прослѣдить параллелизмъ обѣихъ религій, германской религіи Вотана и греческой религіи Зевса, на почвѣ общаго имъ обѣимъ—и не только имъ—мѣта о богочеловѣкѣ. Параллелизмъ этотъ до того поразителенъ, что мы должны признать исконными параллельными въ обѣихъ религіяхъ черты—а слѣдовательно „принципъ“: „въ началѣ былъ логосъ“ также и для германской религіи и саги, вопреки критическимъ уловкамъ „алогіанъ“. Въ сущности этимъ наша задача исполнена; все же, въ предупрежденіе неясности, мнѣ хотѣлось бы отвѣтить на одинъ вопросъ, который неминуемо долженъ возникнуть у вдумчиваго читателя.

А именно вотъ какой. Всѣ, сколько-нибудь знакомые съ германской миологіей, знаютъ о „сумеркахъ боговъ“; ближе знакомые знаютъ также, что это поэтическое выраженіе возникло путемъ этимологическаго недоразумѣнія изъ другого, болѣе древняго, которое означало: „рокъ боговъ“. Прекрасно; почему же никто не слышалъ о такомъ „рокѣ боговъ“ въ греческой религіи Зевса? Ему соответствуетъ гигантомахія; но вѣдь о ней мы знаемъ, какъ о дѣлѣ прошлаго. Зевсъ сразился сначала съ титанами, сынами земли, и основалъ свое царство; затѣмъ онъ поборолъ „гигантовъ“, тоже сыновъ Земли, которыхъ она родила какъ мстителей за свое пораженіе. Съ тѣхъ поръ онъ царствуетъ безопасно во вѣки вѣковъ. Какъ же это объяснить?

Вотъ на этотъ-то вопросъ я и попытаюсь отвѣтить.

Германцы, дѣйствительно, во все время пока они были языч-

никами, не пошли дальше своей религіи Вотана; память о ней они перенесли и въ христіанство, поскольку это было возможно для нихъ. Такимъ образомъ только Христосъ явился для нихъ тѣмъ богочеловѣкомъ, который побѣдоносно разсѣялъ нависшія надъ человѣчествомъ сумерки боговъ.

У грековъ не то. У нихъ культурная жизнь началась много раньше, чѣмъ у германцевъ; а чѣмъ болѣе эта культура развивалась, тѣмъ невыносимѣе становилось чаяніе предстоящей гибели Зевса съ богами и со всѣмъ осѣняемымъ его державой человѣчествомъ. Эллада жаждала избавителя; она обрѣла его, наконецъ, въ лицѣ Аполлона. Религія Аполлона явилась послѣ религіи Зевса, но не для того, чтобы смѣнить ее. Она сраслась съ нею. Аполлонъ исторгъ у Земли ея знаніе, убивъ ея змѣя Пифона и основавъ свое прорицалище на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ его убилъ; благодаря этому знанію, Зевсу обезпечена вѣчность. Онъ же заключилъ миръ между нимъ и Землей, и его пророчица провозгласила новую эру вѣчности, въ самой Додонѣ, у корней мірового дуба, знаменитымъ двустипіемъ:

Есть Зевсъ, былъ онъ и будетъ: востигну молвою, великъ Зевсъ.
Зиждетъ плоды вамъ Земля: величайте же матерью Землю.

Съ этимъ пришлось отнынѣ считаться. А такъ какъ по стариннымъ вѣрованіямъ вѣчность царства Зевса была обусловлена его побѣдой надъ гигантами, то эту побѣду слѣдовало представить какъ состоявшуюся: *титаномахія была изъ будущаго перенесена въ прошлое*, она стала простымъ дублетомъ титаномахіи. А такъ какъ побѣда Зевса надъ гигантами была обусловлена помощью Геракла, то и эту помощь надлежало представить какъ состоявшуюся: рядомъ съ Аѳиной Гераклъ поборолъ строптивыхъ сыновъ Земли. А такъ какъ наградой за побѣду Гераклу было обѣщано вознесеніе и бракъ съ богиней, то и это стало совершившимся фактомъ: послѣ всѣхъ своихъ земныхъ трудовъ и подвиговъ, законченныхъ гигантомахіей, Гераклъ былъ принятъ въ сонмъ боговъ и получилъ супругой... правда, не Аѳину (нельзя уже было пожертвовать представленіемъ о ея дѣвственности), а просто олицетвореніе вѣчной молодости, Гебу.

Таковъ былъ новый радостный конецъ греческаго міва о богочеловѣкѣ: Гераклъ-богъ смѣнилъ Геракла-героя, свѣтлый апоѳеозъ смѣнилъ грустное представленіе о сошествіи его души въ преисподнюю. Понятно, что эта смѣна произошла не вдругъ: на рубежѣ между обѣими эпохами греческой религіи представленія переплетались и путались. Гдѣ приносили Гераклу заупокойныя

жертвы какъ герою, а гдѣ молебственный, какъ богу. Точно также и оба исхода его земной жизни — сошествіе въ преисподнюю и апсеозъ — одно время сосуществовали. Крайне любопытенъ въ этомъ отношеніи, какъ образчикъ этого сосуществованія, разсказъ Одиссея о своей встрѣчѣ съ Геракломъ въ подземномъ-мѣрѣ („Одиссея“, XI, 601 и сл., пер. Жуковскаго):

Видѣлъ я тамъ, наконецъ, и Гераклову силу — одинъ лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ.
Сладость блаженства вкушаетъ близъ Гебы, цвѣтущей сунуруги.

Преисподняя не была еще представима безъ своей главной жертвы; а такъ какъ, съ другой стороны, и вѣра въ апсеозъ Геракла успѣла уже укрѣпиться, то пѣвцу-гомериду осталось только прибѣгнуть къ этому наивному эсхатологическому раздвоенію живого Геракла на его „самого“ и его призракъ.

Съ пріятіемъ идеи апсеоза и весь миозъ о трагической смерти героя былъ обреченъ на забвеніе. Дѣйствительно, дорійцы, носители миоза о Гераклѣ, не перенесли его на свои новыя мѣста въ Пелопонесѣ. Аргосскій миозъ о двѣнадцати подвигахъ Геракла не признаетъ миоза объ его смерти, которая, по греческимъ понятіямъ, несомѣстима съ апсеозомъ: окончивъ свои земные труды, побѣдивъ также и гигантовъ, Гераклъ укрощаетъ Кербера, звѣреподобнаго бога смерти, затѣмъ добываетъ яблоки Гесперидъ, символъ вѣчной молодости, и возносится на Олимпъ. Миозъ о его трагической смерти вмѣстѣ съ Деявирой и Иолой остался прикрѣпленнымъ къ прежнимъ сѣдалищамъ дорійцевъ, къ горѣ Этѣ; здѣсь его нашелъ авторъ эпоса о „взятіи Эхалии“, а изъ этого эпоса почерпнулъ матеріалъ для своей трагедіи Софокль. Давно уже былъ отмѣченъ мрачный конецъ этой трагедіи, исключаящій всякую мысль объ апсеозѣ; а такъ какъ этотъ конецъ — въ то же время и подлинный конецъ исконнаго миоза о богочеловѣкѣ, то я позволю себѣ его переводомъ закончить всю мою статью. Знатоки Вагнера и здѣсь найдутъ точки соприкосновенія и воздадутъ должное поразительному поэтическому чутью этого великаго художника; я особенно имѣю въ виду то мѣсто, гдѣ Брюнгильда передъ костромъ Зигфрида обращается къ богамъ съ патетической укоризной:

O ihr, der Eide
Ewige Hüter
Blicket herab
Auf mein blühendes Leid,
Erkennt eure ewige Schuld!

Прошу теперь—но не только ради этой черты—углубиться въ конецъ Софокловой трагедіи съ того мѣста, гдѣ герой, передавъ сыну свою послѣднюю волю, благодарить его за его послушаніе.

ГЕРАКЛЪ—*отускаясь на носилки.*

Спасибо за конецъ. Теперь же, сынъ мой,
О скоромъ исполненіи прошу,
Чтобъ, не дождавшись судорогъ и корчей,
Ты упокоилъ на кострѣ отца.

(*Дружинѣ:*)

Скорѣй, друзья. Тамъ будетъ исцѣленье,
Послѣдній отдыхъ вашего вождя.

ГИЛЛЪ.

Препятствій нѣтъ; съ усердіемъ исполнимъ
Твое желанье—твоей приказъ, отецъ.

(Глубокая ночь. На вершинѣ Эты показываются первые огни; это—факелы тѣхъ, которые пришли воздвигнуть костеръ для Геракла. Челядь Деянпры высыпала на сцену, наполняя ее вмѣстѣ съ дружиной Геракла; за ней появляются плѣнницы, въ томъ числѣ Іола. Маршевая музыка, торжественная и траурная, сопровождаетъ всю слѣдующую сцену.)

ГЕРАКЛЪ.

А теперь, пока вновь не взъярилась болѣзнь,
Мой безтрепетный духъ, удила на языкъ
Наложилъ мнѣ стальные и крикъ задуши;
Пусть покажется всѣмъ, что на радость себѣ
Ты свершишь подневольное дѣло.

(Закрываетъ голову плащомъ и остается безъ движенія до конца.)

ГИЛЛЪ—*съ укоризненнымъ движеніемъ руки
по направленію къ Этѣ.*

Поднимайте, друзья; вы великое мнѣ
Въ томъ дадите свидѣтельство; вы и боговъ
Уличите въ великой неправдѣ—боговъ,
Что отцами слывуть и споѣйно съ небесъ
На такія мученія взиратьъ.

СТАРШАЯ ДѢВУШКА.

О грядущемъ судить не дано никому,
Настоящаго жъ обликъ печаленъ для насъ
И позоренъ для нихъ; но изъ всѣхъ тяжелѣй
Онъ тому, кто несетъ
Несказаннаго бѣдствія бремя.

(Носильщики поднимаютъ носилки; у нихъ стоятъ Гиллъ, за нимъ ратники, далѣе челядь, позади всѣхъ плѣнницы; одна только Іола въ смущеніи остановилась подъ колоннами портика. Старшая дѣвушка подходитъ къ ней.)

Не скрывайся, невѣста, и ты въ терему:
Ты младую, ужасную видѣла смерть,
Ты извѣдала столько страданій—душа

И попыиѣ Болитъ —
Но во всемъ была Зевсова воля.

Приводить ее къ Гиду, который молча подаетъ ей руку; всѣ участвующіе въ шествіи, впереди Гидъ съ Толлою, медленно идутъ по подъему направо, ведущему на Эту. Трахивлянки, при послѣднихъ словахъ старшей дѣвушки, обратились съ простертыми руками къ вершинѣ Эти; послѣ нѣмой молитвы онѣ всѣ направляются въ теремъ Деявиря, дверь котораго затворяется, оставляя сцену въ полномъ мракѣ.

О. Зѣлинскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

„МЫСЛЬ КАЖДАЯ...“

(FRÉDÉRIC AMIEL ¹⁾)

Мысль каждая—цвѣтокъ
Съ душою чутко-нѣжной,
Блестящій огонекъ
Средь ночи тьмы безбрежной.

Сверкнетъ, какъ лучъ зари,
И вновь во мглѣ тaitся,—
Какъ звать ея пути,
Куда, откуда мчится!?

Какъ сорванный листокъ
Средь жизни бури снѣжной,
Случайныхъ думъ потокъ
Храни душой мятежной.

Мысль каждая—цвѣтокъ
Съ улыбкой чутко-нѣжной.

---

¹⁾ Амiель — авторъ „Дневника“, переведеннаго подъ редакціей Л. Н. Толстого.

ИДЕАЛЪ

(SULLY PRUDHOMME.)

Блѣдна луна въ равнинѣ неба ясной,
Сіяють звѣзды, спитъ земля втиши,
И рѣбеть міра духъ, и въ глубинѣ души
Миѣ виденъ лучшій свѣтъ иной звѣзды прекрасной,

Звѣзды невидимой, чей блескъ въ странѣ иной
Сердцамъ другимъ златые сны вѣщаетъ
И въ чудномъ мірѣ грезъ незримо обитаетъ
И намъ когда-нибудь пришлетъ свой свѣтъ живой.

О вы, счастливые, которымъ та звѣзда
Зажжется нѣкогда въ иныхъ вѣкахъ далекихъ,
Скажите, что ее я сердцемъ ждалъ всегда,
По ней грустилъ въ скитаньяхъ одинокихъ.

Ел. Милнчъ.

7 февраля, 1909 г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой *).

У насъ съ сестрой былъ рѣдкой доброты вотчимъ: онъ любилъ насъ, какъ самый нѣжный родной отецъ. По нездоровью онъ не присутствовалъ на актѣ въ нашемъ пансіонѣ. Когда мы появились передъ нимъ въ нашихъ бѣлыхъ платьяхъ и бросились къ нему на шею, отъ радости впередъ жить съ нимъ неразлучно и отъ удовольствія представить ему наши отличные аттестаты, онъ прослезился и сказалъ, обращаясь къ нашей матери:

„Это ли взрослыя дѣвицы, окончившія курсъ наукъ! Да это дѣти, крошки! Имъ нужно расти и развиваться и имъ нужно помочь въ этомъ. Посоветуйся съ врачами: не пошлютъ ли они ихъ куда-нибудь къ морю купаться и подышать на свободѣ? Я употреблю все мои трудовыя силы, чтобы доставить имъ тамъ и необходимое развлеченіе, и нѣкоторую экипировку, такъ какъ вполне надѣюсь, что онѣ подрастутъ послѣ такой поѣздки“.

По совѣту врачей наша родная мама, не далѣе какъ черезъ двѣ недѣли послѣ того, повезла насъ въ Одессу, пригласивъ съ собою портниху для шитья намъ платьевъ. Одесса въ то время пользовалась правами *porto-franco*. Иностранные товары тамъ были чрезвычайно дешевы, но существовала таможня, ревизовавшая чемоданы ѣхавшихъ изъ Одессы внутрь Россіи, и ничего неспитаго нельзя было провезти безъ большого штрафа. Между

---

*) См. июнь, стр. 195.

тѣмъ съѣздъ на купальный сезонъ въ Одессу бывалъ очень большой, въ особенноти дамъ и дѣвицъ, которыхъ привлекала туда не столько необходимость поправить здоровье морскимъ купаньемъ, сколько жажда развлечься, послушать итальянскихъ пѣвцовъ и закупить себѣ нарядовъ. Поэтому модистки тамъ были совершенно недоступны; даже самыя незатѣйливыя портнихи были завалены работой и брали что хотѣли за свой трудъ, зная, что рѣдко кто рѣшится провезти въ своемъ чемоданѣ въ Россію кусокъ купленной въ Одессѣ матеріи или кружева. Многія, подобно нашей мамѣ, брали съ собой портнихъ, содержаніе которыхъ было нераззорительно, такъ какъ почти всѣ, пріѣзжавшіе въ Одессу цѣлой семьей, устраивались не въ гостиницахъ, а занимали отдѣльныя квартиры въ нѣсколько комнатъ, смотря по средствамъ. Съ нами, кромѣ портнихи, былъ еще лакей, котораго предоставилъ намъ нашъ добрый вотчимъ для наблюденія за исправностью экипажа въ пути, для расплаты на станціяхъ за почтовыхъ и для услугъ на квартирѣ въ чужомъ городѣ.

Желѣзной дороги отъ Кіева до Одессы въ то время не было, и мы ѣхали туда чуть не цѣлую недѣлю, въ виду массы проѣзжавшихъ на почтовыхъ лошадяхъ. Въ Одессѣ мы скоро нашли себѣ очень удобную квартирку въ четыре комнаты въ нижнемъ этажѣ камешнаго дома, что признавалось лучшимъ для предохраненія живущихъ отъ нестерпимаго іюльскаго зноя. Мама немедленно взяла для меня на прокатъ помѣсячно хорошій рояль и стала освѣдомляться о лучшихъ учителяхъ музыки въ Одессѣ. Кстати, въ парадномъ вестибюлѣ того дома, гдѣ мы помѣстились, очень часто слышались звуки исполняемыхъ въ бель-этажѣ на роялѣ трудныхъ этюдовъ и пьесъ. Ежедневные выходы утромъ и вечеромъ для купанья приводили насъ къ постоянной встрѣчѣ съ пожилой особой, квартировавшей въ томъ же домѣ, гдѣ и мы. Особа эта, также какъ и мы, пользовалась морскимъ купаньемъ, такъ что мы встрѣчались и въ купальняхъ. Это подало поводъ сначала къ небольшимъ разговорамъ, а потомъ и къ знакомству. То была княгиня Шаликова, супруга престарѣлаго поэта. Долго намъ не случалось видѣть его въ гостивой его супруги-княгини; но какъ-то разъ, послѣ утренняго купанья, мы были приглашены княгиней на завтракъ. Пока накрывали столъ, я осматривала картины; взглянувъ на висѣвшій въ числѣ ихъ портретъ неизвѣстнаго мнѣ лица, я воскликнула:

„Княгиня! какой пось! могу ли спросить имя его носителя?“

— Это мой князь, дитя мое. Я познакомлю его съ вами, и вы полюбите его.

Мнѣ было очень неловко, а мать моя, извиняясь передъ княгиней за мою выходку, оправдывала ее долгимъ пребываніемъ въ закрытомъ заведеніи, безъ обращенія въ обществѣ и, наконецъ, живостью и впечатлительностью моей натуры. Княгиня смѣялась, но князя мы въ тотъ день не видѣли: онъ гдѣ-то гулялъ.

Отъ княгини мы узнали, что надъ нашимъ помѣщеніемъ, въ бель-этажѣ, квартируютъ какіе-то богатые люди; у нихъ дочь музыкантша и ей даетъ уроки музыки извѣстный композиторъ Черни, пріѣхавшій на этотъ сезонъ въ Одессу; княгиня съ ними знакома и слыхала отъ нихъ, что Черни, идучи къ нимъ на урокъ, поинтересовался узнать, кто такіе пріѣзжіе, помѣщающіеся въ нижнемъ этажѣ дома. Благодаря тому, что для защиты отъ жгучихъ солнечныхъ лучей въ квартирѣ этихъ пріѣзжихъ всегда были спущены жалюзи, онъ всякій разъ останавливался у одного изъ оконъ на нѣсколько минутъ, такъ какъ всякій разъ слышалъ бойкое и отчетливое исполненіе различныхъ этюдовъ, что указывало на присутствіе даровитаго молодого существа, учащагося или учащейся. И въ самомъ дѣлѣ, хотя я играла сидя спиной къ окну, но черезъ жалюзи мелькали и отражались на моихъ нотахъ тѣни проходящихъ; случилось, что нѣкоторые изъ нихъ останавливались.

Обрадованная слышаннымъ отъ княгини, мать моя просила ее узнать черезъ своихъ знакомыхъ, не пожелаетъ ли г. Черни давать уроки той учащейся, которую онъ иногда слушаетъ черезъ раскрытое окно изъ-за жалюзи? Я же съ этого дня вознамѣрилась подкараулить стояніе г. Черни подъ окномъ во время моей игры.

Дня черезъ два послѣ этого, почти при окончаніи моихъ упражненій, я замѣтила на нотахъ тѣнь остановившагося человѣка, быстро обратилась къ ней и прервала игру, надѣясь узрѣть Черни.

„Такъ мучительно жарко сегодня, что и наслаждаться подъ окномъ нельзя: позвольте войти!“

Я бросилась къ дверямъ въ увѣренности увидѣть во входящемъ не кого иного, какъ г-на Черни, и отворила ихъ съ выраженіемъ восторга на лицѣ. Но каково было мое глупое смущеніе при видѣ чудовищнаго носа... То былъ князь Шаликовъ. Наговоривши риторически подобранныхъ любезностей по поводу моей игры, онъ скоро ушелъ, а супруга его, при нашей вечерней встрѣчѣ на морѣ, обрадовала мать мою и меня извѣстіемъ, что Черни, отказавшійся многимъ пріѣзжимъ давать уроки, согла-

сень давать ихъ мнѣ, такъ какъ успѣлъ уже нѣсколько познаться съ моей игрой и, помимо моихъ способностей, плѣненъ моимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, съ которымъ я добивалась преодоленія трудностей при изученіи музыкальных этюдовъ.

Черни давалъ мнѣ уроки въ продолженіе августа и сентября, т. е. до того времени, когда мы съ матерью должны были покинуть Одессу и возвратиться въ Кіевъ ¹⁾.

Въ Одессѣ мы часто посѣщали театръ, гдѣ давались по преимуществу итальянскія оперы. Мы восторгались и новизною, какую представляло для насъ вокальное исполненіе громадныхъ пьесъ, и самими исполнителями. Мы помѣщались всегда въ одной и той же ложѣ нижняго яруса и заслушивались нѣвдами и хорошимъ оркестромъ. Мама наша усаживала насъ впереди, сама же помѣщалась за нами. Въ первыхъ числахъ августа случилось намъ слушать оперу „Саффо“ Паччини. Играли увертюру. Какъ ни требовала отъ насъ мама, чтобы мы съ сестрой сидѣли чинно и не возвышали голоса во время своей бесѣды, но при первомъ же сильнономъ впечатлѣніи наставленіе это забывалось.

И вотъ видимъ въ партерѣ знакомое лицо... Мы обѣ привѣтливо кланяемся и слегка окликаемъ:

„Monsieur Kostomarov! и вы здѣсь!“

— Потише, Бога ради! Кого это вы вздумали вызывать изъ партера? Сидите же прилично, прошу васъ!—сказала намъ въ полголоса мама.

„Мамочка!—залепетали мы, радостно сіяя:—это нашъ учитель, monsieur Kostomarov!“

— Да Господь съ нимъ, съ вашимъ учителемъ! Вы здѣсь не въ пансіонѣ, а въ свѣтѣ, въ оперѣ!—сказала мать.

Но мы не упимались—и нашему восторженному настроенію никакъ нельзя было помѣшать, въ особенности когда м-гъ Костомаровъ вошелъ къ намъ въ ложу. Онъ представился нашей мамѣ и обратился къ намъ:

„Какими судьбами вы здѣсь?“

— Такими, вѣроятно, какъ и вы: пріѣхали сюда изъ Кіева для отдыха и къ морю,—сказала я.

Встрѣча съ нами и въ особенности мой отвѣтъ очень обрадовали Николая Ивановича. Онъ разсказалъ, что послѣ окончанія марша изъ „Огелло“ на актѣ у г-жи Де-Мельянь онъ

¹⁾ Всѣ эти подробности о моихъ музыкальных успѣхахъ описываю потому, что Николай Ивановичъ придавалъ имъ громадное значеніе и, любя музыку, приходилъ въ восторгъ отъ моей игры, мечтая о моемъ дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи.

вмѣстѣ съ другимъ учителемъ нашего пансіона, утомленные духовой въ залѣ, посѣвши уйти и отправились бродить по „Аскольдовой могилѣ“ надъ Днѣпромъ ¹⁾. Шла у нихъ рѣчь объ актѣ, и Николай Ивановичъ спросилъ у своего товарища о мѣстѣ жительства дѣвицъ Крагельскихъ, а тотъ ему сообщилъ, что мать наша не носитъ фамиліи нашей, такъ какъ вторично замужемъ, и что насъ увозятъ въ Курскую губернію.

„Тѣмъ пріятнѣе для меня сегодняшняя встрѣча, — сказалъ намъ Николай Ивановичъ, — что сообщеніе моего пріятеля невѣрно, и я надѣюсь представиться вамъ въ Кіевѣ, когда вы туда вернетесь“.

Послѣдовало сдержанное и сухое приглашеніе со стороны нашей матери и очень живое отъ насъ, но съ предупрежденіемъ, что раньше октября мы въ Кіевъ не возвратимся.

На другой день послѣ встрѣчи въ театрѣ Николай Ивановичъ пришелъ къ намъ. Много болтали и смѣялись. Строгая наша мама, незамѣтно для себя, попала подъ обаяніе нашего „учителя“, а при прощаніи напомнила ему о времени нашего возвращенія въ Кіевъ и дала адресъ нашей квартиры.

Николай Ивановичъ спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ педагогическимъ занятіямъ и уѣхалъ; мы же возвратились въ Кіевъ въ послѣднихъ числахъ сентября.

Съ первыхъ дней октября 1846-го года Николай Ивановичъ сталъ посѣщать насъ. Мой бѣдный вотчимъ мучился ревматизмомъ въ рукахъ, неподдававшимся никакому леченію. Въ рѣдкіе вечера выходилъ онъ изъ своего кабинета, съ трудомъ преодолевая страданія и изнеможеніе подъ вліяніемъ сильнаго жара. По этой причинѣ Николай Ивановичъ не могъ сблизиться съ нимъ и оцѣнить его высокія духовныя качества. Ревматизмъ, называемый врачами хирагрой, подтачивалъ силы крѣпкаго сорокалѣтняго организма, но ни мать моя, ни я съ сестрой не замѣчали этого и смотрѣли на хирагру только какъ на сильную ломоту, которая постоянно къ утру ослабѣвала и давала больному возможность выѣзжать и даже заниматься служебными дѣлами. Оня былъ, притомъ, такъ терпѣливъ, такъ великодушно оберегалъ спокойствіе своей семьи, что не только выражалъ желаніе, но даже требовалъ, чтобы мы съ матерью выѣзжали на вечера къ знакомымъ и звали къ себѣ гостей. Мать

¹⁾ „Аскольдовой могилой“ называютъ кладбище, расположенное въ живописной мѣстности, на склонахъ къ Днѣпру, по пути изъ Печерской части гор. Кіева. Церковь этого кладбища построена на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, погребены Аскольдъ.—В. Б.

моя находила, что мы обѣ съ сестрой еще слишкомъ молоды для того, чтобы посѣщать блестящіе балы генераль-губернатора Д. Г. Бибикова, что въ нашемъ возрастѣ полезнѣе вращаться въ домашнемъ кругу знакомыхъ и что годикъ-другой намъ нужпо заняться серьезнымъ научнымъ чтеніемъ и усовершенствоваться въ музыкѣ. Знакомство Николая Ивановича казалось для моей матери тѣмъ болѣе подходящимъ, что онъ съ перваго своего посѣщенія завелъ рѣчь о томъ, какіи сочиненія мы думаемъ читать съ сестрой, и предложилъ намъ не только свои книги, но и свой выборъ. Посѣщенія его учащались. Длинные осенніе и зимніе вечера, когда случалось, что у насъ не было гостей, игравшихъ въ карты, мы проводили то въ оживленной бесѣдѣ, то въ чтеніи. И то и другое, по просьбѣ Николая Ивановича, перемежалось моей игрой его любимѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ, и онъ до того увлекался, что упрашивалъ повторять то извѣстное отдѣленіе, болѣе другихъ ему правившееся, то всю пьесу. Ему особенно приходились по душѣ творенія Бетховена, и не только сонаты, но и ораторіи въ переложеніи Листа. Любилъ онъ слушать „Stabat Mater“ Россини, увертюру изъ „Вильгельма Телля“ и „Erlkönig“ Шуберта въ переложеніи Листа. Послѣдняя пьеса никогда не проходила безъ повторенія, а такъ какъ она очень утомительна по скорому темпу и силѣ, необходимой для ея исполненія, то я за вторичное исполненіе придумала необходимость вознагражденія, въ видѣ чтенія Николаемъ Ивановичемъ какого-либо изъ произведеній Пушкина для меня, Мицкевича — для моей матери и для меня съ сестрой. Мать моя происходила изъ старинной польской фамиліи, вовсе не знала и не интересовалась иными поэтами, кромѣ Мицкевича, и приходила въ полнѣйшій восторгъ, слушая, какъ нашъ гость превосходно и съ увлеченіемъ перечитывалъ наизусть то „Dziady“, то „Konrad Wallenrod“. Память у Николая Ивановича была феноменальная. Лицо его при чтеніи такъ оживлялось, что плѣняло всѣхъ присутствующихъ. Въ глазахъ его блистала божественная искра. При всей прелести такихъ вечеровъ хозяйка дома скоро утомилась ими, и стала скучать... Она съ давнихъ лѣтъ привыкла къ другому способу времяпровожденія, привыкла посѣщать ежедневно карточные вечера и устраивать такіе же у себя; она стала скучать безъ нихъ. Николай Ивановичъ подмѣтилъ какое-то апатическое отношеніе моей матери къ нашимъ бесѣдамъ съ нимъ, къ его чтеніямъ и къ моей игрѣ на роялѣ; я прямо сказала ему, въ чемъ дѣло. Съ той поры Николай Ивановичъ вздумалъ предлагать кое-когда сыграть одну пьеску въ преферансъ, садился играть самъ и,

разумѣтся, приводилъ насъ въ смѣхъ своимъ неумѣньемъ не только распоряжаться картами, но и держать ихъ такъ, чтобы онѣ не были видны партнерамъ. Мама, увидѣвши, что посѣщенія Николая Ивановича учащаются, не сочла нужнымъ долѣе лишать себя пульки, и какъ только являлся кто-либо изъ партнеровъ, садилась съ нимъ за зеленый столъ въ гостиной, вполне предоставляя намъ съ сестрой бесѣду съ Николаемъ Ивановичемъ, игру на роялѣ въ залѣ и чтеніе вслухъ всякихъ поэтическихъ произведеній, съ тѣмъ лишь, чтобы все это не происходило вблизи карточного столика, не отвлекало вниманія играющихъ. Это очень понравилось Николаю Ивановичу: онъ увидѣлъ, что визиты его не будутъ стѣснять хозяйку дома, а при такой обстановкѣ ему самому пріятнѣе проводить вечера въ обществѣ своихъ бывшихъ юныхъ ученицъ, слушавшихъ его восторженно. Такъ проходила зима. При такой обстановкѣ мы скоро сблизились. Наступалъ февраль 1847-го года.

Въ то время кievская зимняя ярмарка — такъ называемые „Контракты“ — бывала многолюдна. Съѣзжались помѣщики всего юго-западнаго края, будто бы для совершенія всякаго рода сдѣлокъ по имѣніямъ, въ сущности же для покупки различныхъ товаровъ отъ пріѣзжавшихъ купцовъ, своихъ и иностранныхъ, и чтобы повеселиться и, какъ говорится, себя показать и людей посмотреть. Съ этой цѣлью богатые помѣщики изъ числа польской знати, какъ на примѣръ князя Любомірскаго, Сангушки, графы Браницкаго, заранѣе прислали въ Кіевъ своихъ породистыхъ упряжныхъ лошадей, экипажи и громадный штатъ прислуги. Мѣстныя власти — генераль-губернаторъ, губернаторъ и предводитель дворянства — давали балы, посѣщавшіеся этими „паннами“ и ихъ семьями. Знаменитѣйшіе европейскіе артисты пріѣзжали давать концерты. Мѣстнымъ и пріѣзжимъ дамамъ представлялась возможность щегольнуть нарядами и драгоценными украшеніями, экипажами и лошадьми. Кетати, „Контракты“ совпадали по времени съ окончаніемъ зимнихъ развлеченій и тянулись до послѣднихъ дней масленицы. Веселилась не одна знать, но и всякій, кто только хотѣлъ и могъ веселиться.

Въ одинъ изъ вечеровъ „контрактоваго“ времени входитъ къ намъ Николай Ивановичъ съ какимъ-то особеннымъ оживленіемъ и, поздоровавшись съ моей матерью, провозглашаетъ, обращая ко мнѣ:

„Францъ Листъ здѣсь! Слышали?“

— Слышали, видѣли и даже принимали его здѣсь у насъ въ

домъ сегодня утромъ!—отвѣчала я, сіяющая отъ такого радостнаго событія.

„Какая звѣзда привлекла его къ вамъ?“

— Трехзвѣздіе: Витвицкій, Ванко и Попочини ¹⁾. Они встрѣчали свое свѣтило въ приготовленной для него квартирѣ и послѣ подобающихъ привѣтствій, во время бесѣды о Кіевѣ и его обитателяхъ, сообщили о „маленькой“ музыкантшѣ, подающей большія надежды. Онъ спросилъ и записалъ нашъ адресъ—и пріѣхалъ.

Все это я проговорила съ паускою важностью, несвоею ственною ни моему характеру, ни возрасту. Я была вѣ себя отъ восторга. Николай Ивановичъ, какъ я тогда замѣтила, стоялъ молча, не своди съ меня своихъ выразительныхъ глазъ: онъ любовался свѣжимъ, чисто дѣтскимъ проявленіемъ моего восторженнаго душевнаго состоянія.

„Это случилось нѣсколько иначе,—сказала моя мать, прерывая нѣмое, но выразительное созерцаніе нашего гостя.—Мы были съ утреннимъ визитомъ у графини Меллиной. Она никогда не упуститъ случая заставить Алину поиграть. Алина отдѣльвалась чѣмъ-нибудь коротенькимъ и, напрактиковавшись за послѣднее время въ исполненіи „Erkönig“, принялась играть. Графиня, слушая, сказала мнѣ, что не сегодня-завтра пріѣзжаетъ въ Кіевъ Листъ. Въ это самое время кто-то подѣхалъ въ саниахъ, быстро вошелъ въ прихожую и безъ доклада—въ залъ. Здѣсь, не представляясь хозяйкѣ дома, неизвѣстный гость остановился за спиной Алины и слушалъ... Вдругъ она, смущенная близостью какого-то невѣдомаго слушателя, прекращаетъ игру и, обернувшись назадъ, восклицаетъ: „Monsieur Lisst!“ — „Continuez, mon enfant!“ —ласково усаживая ее на табуретъ, отвѣтилъ Листъ, котораго она узнала по сходству стоявшаго передъ ней съ портретомъ и медальономъ, висящими у нея дома близъ роаяля. Но куда! Она закрыла лицо руками и едва сдерживала слезы отъ волненія и стыда при мысли, что Листъ нѣсколько минутъ слушалъ, какъ коверкаютъ его мастерское произведеніе. Графиня поспѣшила представить ее Листу. Онъ вынулъ изъ кармана свою записную книжечку, взглянулъ туда и съ благодушнѣйшею улыбкой, обращаясь къ Алинѣ, медленно, но отчетливо прочиталъ: „M-elle Alina Krahelska, Petschersk, rue Hospitalnaïa... n'est-ce pas, petite?“ Тутъ онъ сказалъ графинѣ, что учителя музыки сообщили уже ему о способностяхъ Алины и дали адресъ нашъ.

¹⁾ Тогдашніе учителя музыки въ Кіевѣ.

„Не прикажете ли заранѣе записать билеты для концертовъ Листа?“ — спросилъ Николай Ивановичъ.

— Хороши вы, нечего сказать, а еще любите слушать „Egk-könig“, увертюру изъ „Вильгельма Телля“ и другія несравненныя переложенія Листа! Вѣдь вчера уже былъ первый концертъ его въ залѣ Контрактоваго дома. Давка была невообразимая, мы съ бою достали себѣ билеты въ десятомъ ряду, а множество слушателей стояло между колоннами и повсюду было загромождено публикой до того, что когда мы, по окончаніи концерта, направились къ эстрадѣ, чтобы пожать эти волшебныя руки, насъ чуть не задавили. А вы только предлагаете заpastись билетами!

„Виновать, за лекціями опоздалъ. Зато слѣдующій и послѣдній концертъ будетъ въ актовомъ залѣ нашего университета и билеты будутъ поближе къ эстрадѣ“.

— Опоздали и тутъ! — весело перебила я Николая Ивановича.

„А вы поторопились рѣшить, что я опоздалъ. Вотъ и билеты!“

Онъ положилъ билеты въ гостиной на столъ. Мать взяла ихъ и, возвращая деньги, уплаченныя за билеты, благодарила за любезность, а взглядомъ, направленнымъ ко мнѣ, и мимикой давала мнѣ понять, чтобы я молчала объ имѣвшихся уже у насъ билетахъ помимо заботъ Николая Ивановича.

Но свѣтлое, радужное настроеніе духа не укладывалось въ свѣтскія рамки любезной лжи, и я побѣжала въ свою комнату, быстро вернулась въ гостиную и, поднося билеты перваго ряда кресель, задорно проговорила:

„А это чтò такое! Развѣ не опоздали! Куда ужъ вамъ! Сидите себѣ надъ своей „Славянскою Миѳологіей“, думайте о пѣсняхъ народныхъ, да о Богданѣ, а я думаю о музыкѣ, о Листѣ, и Листъ обо мнѣ хоть разъ въ жизни подумалъ — и то какое счастье! Сегодня онъ привезъ намъ билеты. Мама не хотѣла брать даровые билеты, благодарила и сказала, что мы уже обеспечены билетами, а онъ на это сказалъ: „Пусть и такъ, но мои билеты *особые*, для васъ полезныя, входите въ залъ съ *моими*, вамъ укажутъ назначенныя мною для васъ мѣста, — а свои билеты подарите кому-нибудь“.

Чтобы сгладить выходку своей дочки, мама еще разъ поблагодарила Николая Ивановича и сказала, что доставленные имъ билеты сейчасъ отошлетъ знакомымъ, которые въ огорченіи, что не достали себѣ билетовъ; затѣмъ, поддаваясь чувству материнской гордости, свела разговоръ на посѣщеніе Листа.

„Представьте, онъ выбралъ изъ ея нотъ труднѣйшую увертюру изъ „Вильгельма Телля“ своего переложенія и слушалъ ее

съ величайшимъ вниманіемъ, все прибавляя скорости и поддерживая энергію исполнительницы непрерывными „браво“, затѣмъ обратился ко мнѣ съ просьбой довѣрить ему дочь для помѣщенія въ вѣнскую консерваторію, гдѣ онъ будетъ слѣдить за ея музыкальнымъ образованіемъ. Сулилъ ей блестящую будущность. Я очень благодарила, но отказалась: не для подмостковъ росла я дочерей; да и возможно ли сдать молоденькую дѣвчонку на попеченіе Листа?“

— Васъ сегодня экзаменовали?—спросилъ Николай Ивановичъ, обращаясь ко мнѣ.

„Да—и экзаменъ былъ пострашнѣе нашихъ пансіонскихъ. Я сядила за рояль въ какомъ-то оцѣпенѣніи, а встала пылающая и смущенная своею дерзостью: играть при Листѣ!“

— Вамъ очень хочется въ Вѣну, въ консерваторію?

„Не будемъ говорить о несбыточномъ!“

— Отъ васъ будетъ зависѣть, чтобы такая мечта осуществилась.

„Отъ меня зависитъ только одно право—мечтать; все остальное—въ рукахъ мамы“.

— До извѣстнаго времени.

Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ другихъ гостей. Послѣ продолжительнаго сидѣнія за чаемъ, игры на роялѣ и пеклевшейся бесѣды Николай Ивановичъ уѣхалъ. Одинъ изъ оставшихся гостей, жившій по сосѣдству съ нами, проникательно замѣтилъ, что г. профессоръ бываетъ здѣсь очень часто, какъ онъ наблюдалъ это изъ окна.

Второй и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній концертъ Листа въ университетскомъ залѣ прошелъ тѣмъ болѣе блистательно, что резонансъ здѣсь несравненно лучше, чѣмъ въ контрактномъ залѣ. Послѣ шумныхъ овацій при первомъ выходѣ великаго артиста на эстраду, устроенную по срединѣ зала, послѣ многочисленныхъ его поклоновъ на всѣ стороны зала, онъ спустился съ эстрады, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и ввелъ на эстраду. Отъ такой неожиданности я смѣшалась и какъ-то невольно повиновалась ему. Тамъ было установлено два рояля и у каждаго по стулу для артиста. Листъ отодвинулъ нѣсколько свой стулъ и усадилъ меня такъ, какъ будто я должна была играть съ нимъ въ четыре руки, — а самъ прошелъ къ другому роялю и взялъ оттуда стулъ для себя. Усѣвшись рядомъ, онъ сказалъ мнѣ по-французски: „Слѣдите за моей игрой—это урокъ для васъ на память обо мнѣ“.

Это было 7-го февраля 1847-го года.

Въ концертномъ залѣ публика была заинтересована вниманіемъ Листа къ молоденькой дѣвушкѣ, и въ промежуткахъ между пьесами носились то тамъ, то сямъ распросы — кто такая эта дѣвушка. Николай Ивановичъ, присутствовавшій на концертѣ, слышалъ, какъ близъ него кто-то распространялъ добытое свѣдѣніе, что это — „невѣста Листа, плѣннившая его здѣсь въ Кіевѣ своимъ талантомъ, и теперь она играетъ съ нимъ въ четыре руки“.

По окончаніи концерта, когда Листъ, много разъ пожимая мои обѣ руки, простился со мной, Николай Ивановичъ подошелъ ко мнѣ и съ пылкостью проговорилъ, что вполне понимаетъ, какъ на душѣ у меня свѣтло и радостно.

Дни шли; чуть не каждый вечеръ пріѣзжалъ къ намъ Николай Ивановичъ. Вслѣдъ за нимъ, словно на зло ему, являлся сосѣдъ, инженерный офицеръ А., подмѣтившій частые визиты „г. профессора“. Это волновало Николая Ивановича: онъ желалъ бы посидѣть у насъ безъ постороннихъ свидѣтелей, поговорить со мной, а назойливый А. все тутъ... Наконецъ выпалъ счастливый вечеръ 12-го февраля, когда никого изъ гостей, кромѣ Николая Ивановича, не случилось. По обыкновенію исполнялись любимыя пьесы; какъ и прежде, Николай Ивановичъ стоялъ у рояля, не сводя съ меня глазъ... и едва дослушалъ послѣдній аккордъ, обратился къ сидѣвшей тутъ же моей матери:

„Я прошу у васъ руку дочери вашей Алины!“

— Пусть она ее сама вамъ отдастъ, Николай Ивановичъ!

Онъ взялъ меня за руки, хотѣлъ подвести къ матери.

„Не знаю,.. не знаю, — пробормотала я, — пусть будетъ такъ, какъ мама хочетъ“.

Мама улыбнулась; Николай Ивановичъ не выпускалъ моихъ рукъ... Прошло нѣсколько секундъ въ молчаніи... Мы подошли къ матери. Она вызвала къ намъ своего страдальца-мужа и отрекомендовала ему жениха и невѣсту. Всѣ были тронуты.

Тутъ мать моя спохватилась и воскликнула:

„Долго же вамъ, Николай Ивановичъ, быть женихомъ: вѣдь Алинѣ всего пятнадцать съ половиной лѣтъ!“

— Шестнадцать съ половиной, — сказали мы въ отвѣтъ.

Мать открыла свое бюро, вынула бумаги, нашла мое метрическое свидѣтельство, взглянула и, отдавая жениху, сказала:

„Вы правы — странно, какъ это я ошиблась! А я все считаю Стефанія семнадцатый, а Алинѣ шестнадцатый: не похожа она на невѣсту!“

По просьбѣ жениха, на слѣдующій же день, 13-го февраля,

назначено было наше обрученіе. То было на второй недѣлѣ великаго поста, и потому, какъ ни торопиль Николай Ивановичъ со свадьбой, но раньше Оомина воскресенья, 30-го марта, назначить ее было невозможно.

Къ назначенному часу, вечеромъ 13-го февраля, къ намъ съѣхались священникъ съ причетникомъ, мой женихъ съ своею матерью и Л. О. Де-Мельянъ. Квартира наша была ярко освѣщена. Я была въ томъ самомъ платьѣ, бѣломъ кисейномъ, въ которомъ Николай Ивановичъ видѣлъ меня на послѣднемъ концертѣ Листа, съ тою разницею, что мать падѣла на меня очень цѣнные брилліантовья серьги и ожерелье. Крупные камни самой чистой воды сверкали при блескѣ огней. Послѣ обряда обрученія происходили поздравленія, объятія. Наши матери были взволнованы; у г-жи Де-Мельянъ скатилась слеза. Водворилось почему-то на нѣсколько минутъ молчаніе. Въ это время протяжно и жалобно завывла во дворѣ собака. Обѣ матери тревожно переглянулись; Татьяна Петровна ¹⁾ уперно молчала, а моя мать сказала:

„И число выбралъ Николай Ивановичъ 13-ое для дня своего обрученія, и собаки воютъ у насъ при тостѣ, вмѣсто музыки! Такъ это все непріятно!“

— Мы не должны предугадывать будущее, да еще по такимъ примѣтамъ,—сказалъ священникъ.—Богъ милостивъ, и нашимъ новонареченнымъ испошлетъ все благое, а пока мы должны жить ихъ радостью и любоваться ими.

Мой женихъ и я были безмятежно счастливы и весело смѣялись, въ особенности когда послѣ повторенія всякихъ пожеланій за шампанскимъ подали чай и всѣ собрались какъ-то торжественно усаживаться за столomъ. Мы помчались съ женихомъ къ роялю: я сѣла играть, Николай Ивановичъ сѣлъ рядомъ со мною, но потомъ не утерпѣлъ и сталъ противъ меня, чтобы не сводить съ меня глазъ по прежнему. Мать моя почему-то нашла мое поведеніе неприличнымъ, вышла изъ-за чайнаго стола, подошла ко мнѣ и сказала:

„Нужно бы съ сегодняшняго вечера стать взрослой, посидѣть со старшими... Играть всегда усѣбешь!“

— Почему же старшимъ не послушать, какъ мы играемъ?—сказалъ Николай Ивановичъ.

„Кто играетъ, а кто любителъ!“—замѣтила мать, шутя.

¹⁾ Мать Николая Ивановича.—В. К.

— У моей невѣсты сегодня необыкновенно торжественный видъ.

„Это дѣлають брилліанты, которые я только и могу дать своей безприданницѣ!“

— Да ей и не нужно никакихъ брилліантовъ, потому что она сама—драгоценный брилліантъ.—

Мать моя какъ-то кисло улыбнулась и пошла къ чайному столу. Мы послѣдовали за нею.

Во все время нашего чиннаго сидѣнья за чаемъ я поглядывала на блѣдное и суровое лицо Татьяны Петровны—моей будущей свекрови. Ей шель уже пятидесятый годъ, но черты лица напоминали еще о былой красотѣ. Я не смѣла заговорить съ нею.

По тогдашней дисциплинѣ моей матери, я обязана была только отвѣчать на обращеніе ко мнѣ пожилыхъ людей, а тѣмъ болѣе будущей моей свекрови. А такъ какъ она была молчалива и только изрѣдка поглядывала на меня исподлобья, то оловянный взглядъ ея леденилъ меня: мнѣ становилось жутко... Николай Ивановичъ не скрывалъ отъ меня, что при немъ живетъ матушка, и когда былъ назначенъ день нашего обрученія, то попросилъ у моей матери дозволенія привезти къ намъ свою. Я встрѣтила будущую свекровь мою съ почтеніемъ, поцѣловала ей руку. Это ей, повидимому, понравилось, но было замѣтно, что она не вращалась въ обществѣ: она имѣла видъ запуганной и вмѣстѣ сердитой дикарки. При прощаніи она глухимъ голосомъ произнесла приглашеніе „на чай“. Я проводила ее въ прихожую, помогла одѣться и снова поцѣловала ее руку. Какое-то негармонизирующее съ такимъ свѣтлымъ днемъ чувство, вызванное во мнѣ этой первой встрѣчей съ матерью моего Николая (какъ я теперь называла его про себя), умаляло впечатлѣніе моего перваго праздника жизни. Мнѣ не хотѣлось поддаваться этому чувству, и когда мы съ сестрой улеглись въ свои постели, поболтавши немного, я предалась невольной раздумью: какой въ самомъ дѣлѣ контрастъ съ моею матерью! думалось мнѣ; моя—съ черными, блистающими глазами; его—съ мутными, холодными; моя—строгая, настойчивая, ревниво хранящая свое полновластіе въ семьѣ; эта—словно запуганная, скрытная и тѣмъ не менѣе также настойчивая; тутъ нужно было исполнять волю матери безпрекословно—тамъ нужно будетъ догадываться, чего хотятъ! Но, думалось, вѣдь я успѣю заранѣе распросить жениха о характерѣ его матери—и съумѣю угодить ей! Съ такими мыслями я провела большую часть ночи, пока, наконецъ, сонъ не изгналъ ихъ.

Теперь, по праву жениха, Николай Ивановичъ сталъ бывать у насъ ежедневно. Въ первый же вечеръ я спросила его о характерѣ его матери, разумѣется когда мы были наединѣ, за роялемъ. Онъ заволновался.

„Какъ честный человекъ, я обязанъ сказать вамъ, что характеръ у матушки тяжелый. Она не была счастлива въ молодости, напротивъ, она много перенесла горькаго, оттого она педовѣрчива и скрытна; но я у нея одинъ, она живетъ мною и для меня, и я долженъ снисходить, хотя это рѣдко мнѣ удается по моей горячности. Всего хуже то, что на нее безпричинно налетаетъ какое-то дурное расположеніе духа; она ни съ того, ни съ сего, вставши отъ сна, съ ранняго утра, вдругъ смотритъ волкомъ, исподлобья... Я сейчасъ начинаю допрашивать ее, не больна ли она, не сдѣлалъ ли кто ей какой непріятности?— молчитъ и не глядитъ на меня, а я вскипачусь... ну, и выходитъ ни изъ-за чего огорченіе. Я виноватъ, что не сказалъ вамъ этого равнѣ“...

— Что дѣлать!—отвѣтила я.—Примѣняюсь къ характеру своей мамы, примѣняюсь и къ вашей, дасть Богъ.

Для черезъ два послѣ этого я поѣхала съ матерью къ Костомаровымъ „на чай“, по ихъ приглашенію. Насъ встрѣтили радушно.

Мать моя проскучала весь вечеръ въ обществѣ Татьяны Петровны, въ гостиной; я съ женихомъ сидѣла большею частью въ его кабинетѣ, и, разумѣется, скукъ не было мѣста. При отъѣздѣ у меня въ рукахъ были двѣ книги: одна—сочиненіе объ униі, другая—„Вѣтка“, сборникъ малорусскихъ стихотвореній. На обѣихъ рукою автора было написано во время нашего сидѣнья въ кабинетѣ: „Коханой, пайкращей половинѣ души моей, Алиніѣ Леоптьевнѣ Крагельской“. Я привезла домой эти книги. На другое утро мать моя спросила ихъ у меня и, заглянувши слегка въ ихъ содержаніе, сказала какъ бы про себя: „Вотъ такъ подарки невѣстѣ: одна книга польская, другая—мужицкая, съ хлацкими пѣснями!“

— Сегодня я получу третью, французскую...

„Ну и слава Богу!“—ядовито закончила моя мать.

Вечеромъ пріѣхалъ Николай Ивановичъ и привезъ обѣщанную книгу. Это было сочиненіе Оумы Кемпійскаго: „L'imitation de Jésus Christ“. Я открыла книгу, ища надписи, и нашла большую надпись, которую и привожу здѣсь.

„Богомъ указанная подруга жизни, любезнѣйшая Алива! Принося вамъ въ подарокъ эту книгу, я прошу васъ больше всего,

чего могъ бы просить женихъ у своей невѣсты, прочитавъ все здѣсь написанное великимъ авторомъ съ величайшимъ вниманіемъ, проникнуться духомъ этого сочиненія, напечатлѣть въ своей памяти и въ своемъ сердцѣ въ особенности написанное на 178 стр. и далѣе и вообще такъ усвоить *L'imitation de Jésus Christ*, чтобы при помощи Всесильной Благодати вамъ стала ясною, какъ день, та великая спасительная мысль, что истинные христіане въ брачномъ союзѣ соединяются не только тѣломъ, но духомъ, не для плотскихъ удовольствій, не для карьеры, не изъ суеты, не изъ того влеченія половъ, какое въ мірѣ несправедливо профанируется именемъ любви и которое не болѣе, какъ похоть сердца и очей, не для всякихъ мірскихъ наслажденій, а для того, чтобы при взаимномъ содѣйствіи пройти дружно и твердо черезъ всѣ искушенія, болѣзни, несчастья, утраты и невозбранно достигнуть царства вѣчной любви Господа нашего Иисуса Христа. Соединяясь съ вами бракомъ, я не прошу васъ любить меня, а прошу любить Христа, и тотъ научитъ васъ, какъ любить и меня, и все васъ окружающее. Умоляю васъ не прежде приступить къ брачному алтарю, какъ тогда, когда, не обманывая себя, вы почувствуете, что готовы неуклонно слѣдовать по пути, намѣченному для насъ на землѣ, въ духѣ любви Христовой“.

По желанію моей матери я прочла вслухъ эту надпись. Мама сказала нѣсколько словъ въ похвалу надписи, а я, признаться, смутилась, развертывая книгу и заглядывая вскользь въ ея содержаніе: оно не вязалось съ розовымъ настроеніемъ шестнадцатилѣтней невѣсты. Мама отошла въ сторону и вскорѣ совсѣмъ вышла изъ комнаты, гдѣ мы съ Николаемъ Ивановичемъ сидѣли на маленькомъ диванчикѣ рядомъ, на правахъ обрученныхъ; я вторично прочла про себя надпись.

„Чогось-то засумовала або й зажурилась, моя коханая!“ — нѣжно проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Все то, что вы здѣсь объясняете о значеніи брака, очень вразумительно объяснялъ намъ въ пансіонѣ нашъ ксендзъ-законоучитель, говоря обо всѣхъ таинствахъ; да и о любви къ Христу мы читали немало, приготовляясь къ св. причастію. Прочту эту книгу потому, что вы объ этомъ просите—и пусть сила авторскаго таланта сдѣлаетъ изъ меня совершенство! А если скоро не сдѣлаетъ—добавила я, лукаво поглядывая на жениха,—тогда, разумѣется, отложимъ день нашей свадьбы на неопредѣленное время.

„Ну нѣтъ!—съ горячностью воскликнулъ Николай Ивано-

вичъ:—свадьба назначена на тридцатое марта; мнѣ это обѣщали и должны исполнить“.

— Но вѣдь вы умоляете меня „не прежде приступить къ брачному алтарю, какъ“...

„Не позже какъ 30-го марта: книгу прочтете внимательно въ нѣсколько дней!“

— Прочестъ недолго, а проникнуться... и почувствовать... Да развѣ есть срокъ для чувства? Если теперь ничего не чувствую, то, кто знаетъ, почувствую ли и послѣ! Можетъ, когда-либо и почувствую, а вы будьте терпѣливы!

„Ну, виноватъ, увлекся, не такъ выразился“.

Мы скоро поладили и стали считать, сколько дней остается намъ до свадьбы. Время летѣло. Женихъ прїѣзжалъ къ намъ обыкновенно по вечерамъ. Я встрѣчала его въ прихожей. Иногда, желая подурачиться, я становилась на стулъ, за входною дверью, и оттуда привѣтствовала жениха неожиданнымъ „ау!“ Мать моя была занята распоряженіями по изготовленію мнѣ приданого и часто толковала о неудобствѣ близкаго срока для свадьбы. Каждое утро, вплоть до обѣда, проходило у нея въ поѣздкахъ по магазинамъ, гдѣ дѣлались покупки; по вечерамъ являлись мѣховщики, бѣлошвеи, портнихи и даже башмачники, такъ какъ въ то время въ Кіевѣ не было магазина, гдѣ бы можно было заказать для себя обувь по желанію, а была въ продажѣ готовая, привозная обувь изъ Варшавы, изъ Москвы и изъ другихъ городовъ, и если привозная обувь не приходилась по размѣрамъ ногъ, то нужно было заказывать не въ магазинахъ, а рекомендованнымъ башмачникамъ, работавшимъ у себя на квартирахъ.

Николай Ивановичъ, замѣтивши такія хлопоты, спрашивалъ, зачѣмъ все это нужно дѣлать за одинъ разъ, а не по мѣрѣ надобности.

Намъ съ Николаемъ Ивановичемъ, конечно, нисколько не мѣшали эти вечерніе переговоры моей матери съ разнаго рода мастерами и мастерицами; напротивъ, мы были довольны, располагая полной свободой бесѣдовать по душѣ то вдвоемъ, то въ присутствіи моей сестры, которая очень любила и меня, и моего жениха, и раздѣляла наше свѣтлое настроеніе. Если случалось, что онъ являлся къ намъ днемъ, послѣ лекцій—это значило, что вечеромъ онъ занятъ чѣмъ-либо важнымъ и не прїѣдетъ.

Въ такіе дни, которыхъ, впрочемъ, было немного, я пресерьезно встрѣчала его такимъ возгласомъ: „Не быть нашей свадьбѣ въ Фомино воскресенье, мама никакъ не успѣетъ... Придется отложить“.

— И пусть маменька готовится все это для Стефаніи, а мы сдѣлаемъ за границей все, что намъ крайне будетъ нужно; я надѣюсь, что меня командируютъ съ ученою цѣлью года на два: будемъ тамъ заниматься, я—науками, а моя Алина—музыкой!

Заманчивая мечта прожить два года за границей не разъ служила предметомъ нашихъ бесѣдъ; она сулила намъ несомнѣнные успѣхи, такъ какъ мы оба стремились къ развитію своихъ способностей и расширенію знаній; она сулила намъ въ то же время возможность прожить эти два года вдвоемъ, такъ какъ Татьяна Петровна не помышляла ни о путешествіи, ни о жительствѣ за границей. Въ то время заграничный паспортъ для каждаго лица оплачивался 500 руб., и поѣздки за границу уже поэтому были доступны только богатымъ людямъ. Еслибы состоялась командировка Николая Ивановича за границу, то университетъ снабдилъ бы его паспортомъ и лишь для меня предстояло приобрести паспортъ за 500 руб. Татьяна Петровна никогда не противилась временнымъ поѣздкамъ своего сына куда бы то ни было, но сама не любила ихъ.

Для того, чтобы она не скучала въ одиночествѣ, Николай Ивановичъ придумалъ купить хуторокъ вблизи Кіева и заранѣе сталъ прискивать такой за Днѣпромъ, чтобы матушкѣ его было занятіе; съ дѣтства привыкшая къ сельской жизни и хозяйству, она продала свое имѣніе въ селѣ Юрасовкѣ, въ Острогжскомъ уѣздѣ Воронежской губ., единственно для того, чтобы не жить вдаль отъ сына, избравшаго себѣ такую дѣятельность, которая влекла его въ университетскіе города. Какъ только онъ устроился въ Кіевѣ, она переѣхала къ нему на жительство. Купить теперь хуторъ вблизи Кіева казалось тѣмъ необходимѣе, что если не сейчасъ послѣ свадьбы осуществится наша поѣздка за границу, то и для насъ будетъ пріятнѣе провести лѣтнія каникулы 1847 года въ своемъ деревенскомъ гнѣздѣ, и для матушки не представлялось бы надобности оставаться цѣлыхъ два года въ городской квартирѣ, еслибы наша поѣздка состоялась.

Женихъ мой ѣздилъ осматривать хутора и чуть-было не купилъ одного изъ нихъ, но продавецъ подмѣтилъ торопливость и горячность покупателя и заломилъ такую цѣну, что Татьяна Петровна безъ особаго труда убѣдила сына не бросать деньги понапрасну.

Тогда онъ услышалъ, что продается домъ съ садомъ въ Кіевѣ, вблизи университета, и упросилъ мою мать пріѣхать со мной въ назначенный день и часъ осмотрѣть этотъ домъ, куда и онъ

съ матерью явился въ то же время. Наступилъ уже мартъ, весна въ томъ году была ранняя, и яркіе лучи весенняго солнца уничтожили всякіе слѣды зимы. Деревья и кустарники начинали развиваться. Домъ показался намъ нѣсколько мрачнымъ. Николай Ивановичъ сталъ соображать, какъ можно сдѣлать его свѣтлѣе передѣлкой двухъ простыхъ оконъ въ венеціанскія. Садъ и близость дома къ университету плѣнили его. Домъ этотъ находился на Большой Владимірской улицѣ, у спуска къ Лыбедской части.

„Позвольте мнѣ, моя любя, купить этотъ домъ на ваше имя!“—обратился ко мнѣ въ полголоса Николай Ивановичъ.

— Для чего это нужно? Избави Богъ!—отвѣтила я:—умоляю васъ не дѣлать этого!

„Это почему? не нравится?“

— Вечеромъ, на свободѣ, скажу почему.

Едва мы поздоровались въ тотъ вечеръ у насъ въ домѣ, какъ Николай Ивановичъ, нервно оглядываясь, не помѣшаетъ ли моя мать нашему объясненію, спросилъ:

„Отчего не покупать дома?“

— Оттого, что покупка хутора болѣе нравилась вашей матушкѣ и подходила ближе къ нашей задачѣ—доставить матушкѣ привычный сельскій образъ жизни, болѣе разнообразныя занятія по хозяйству, нежели въ городѣ, развлеченіе пріѣхать къ намъ въ Кіевъ на два-три зимнихъ мѣсяца; для насъ же—провести лѣтнія капикулы у матушки въ деревнѣ. Съ покупкой дома все это проваливается... Пусть бы такъ было, какъ нравится матушкѣ... Ради Бога, купите хуторъ и непременно на ея имя... И намъ, и ей будетъ съ хуторомъ удобнѣе, нежели съ домомъ.

„Понимаю, и это вѣрно, что всѣмъ будетъ лучше. Мнѣ приглянулся уютный домикъ вблизи университета, мое воображеніе подкупилъ развивающійся садъ. Все это продается за четыре тысячи рублей, а за хуторъ требуютъ четырнадцать—я и остановился на домѣ. Въ этомъ своемъ домикѣ, все равно какъ и въ квартирѣ, у матушки всѣ занятія ограничатся одной кухней, этими вѣчными дразгами съ кухаркой, отъ которыхъ я иногда прихожу буквально въ ярость: мнѣ мѣшаютъ углубляться въ мои занятія, я сержусь, убѣгаю изъ дому, а матушка потомъ запирается въ своей комнатѣ и хмурится нѣсколько дней. Я уже говорилъ вамъ объ этомъ, но многого еще не успѣлъ сказать или не рѣшался... Но скрытность не въ моей натурѣ. Лучше вамъ знать впередъ всѣ наши грѣхи! Я очень вспылчивъ, а матушка своенравна. Она любитъ меня чрезвычайно и

ревниво охраняетъ свои права на мою любовь къ ней. Женитьбу мою она ставитъ въ ущербъ этимъ правамъ и, хотя прямо не говоритъ этого, даетъ мнѣ чувствовать это на каждомъ шагу. При первомъ моемъ сообщеніи о намѣреніи вступить въ бракъ матушка словно помертвѣла. Не дождавшись отъ нея ни слова, я повторилъ сказанное. „На комъ это?“ спросила, наконецъ, матушка. — На бывшей моей ученицѣ въ пансіонѣ г-жи Де-Мельянъ, Алинѣ Крагельской, съ которой я познакомился ближе въ домѣ ея родителей. — „Это что же за имя такое? ужъ не полька ли? Нѣтъ тебѣ моего благословенія брать католичку! Знать ее не хочу!“ Я вскипѣлъ, и чего только не наговорилъ бѣдной матушкѣ въ порывѣ горячности: и брошу ее, и пусть не благословляетъ, женюсь и безъ ея благословенія! Матушка тоже что-то кричала и, уходя въ свою комнату, хлопнула дверью. Я заоралъ, что сейчасъ самъ убѣгу отъ нея навсегда... Но тутъ вошелъ мой Ома, подаль мнѣ стаканъ холодной воды и просилъ успокоиться, уговаривая, что матушка „поломается“ и согласится дать свое благословеніе. Я пошелъ къ ней, сталъ передъ нею на колѣни, объяснилъ, что мать моей невѣсты полька, а невѣста Польши не видѣла, родилась въ кругу русскихъ военныхъ людей, воспитывалась и выросла въ Кіевѣ съ малорусскими симпатіями, и если католичка, такъ какъ отецъ и мать ея католики, то это нисколько не должно беспокоить матушку, такъ какъ ея будущіе внуки — наши дѣти — будутъ православные въ силу существующихъ законовъ. Я употребилъ всѣ свои чувства, все умѣнье, чтобы склонить матушку не доводить меня до разлада съ ней, въ которомъ всецѣло виноватою будетъ она одна, такъ какъ я другой Алины не найду и съ этой не разстанусь ни за что. Матушка долго молчала, потупившись, и, наконецъ, сказала: „Ну, Богъ съ тобой, женись на этой Еленѣ своей, а тамъ будетъ видно, чтѣ и какъ...“ Я просилъ ее присутствовать на нашемъ обрученіи, привезъ ее къ вамъ — и она, повидимому, довольна вашимъ юнымъ возрастомъ и вашей лаской“.

— Однако, матушка начала подумывать о хуторѣ, какъ бы желая удалиться отъ насъ.

„Это къ лучшему; впрочемъ, мысль купить хуторъ подъ Кіевомъ явилась гораздо ранѣе моего сватовства“.

— И нужно осуществить ее.

Когда моя мать вошла къ намъ, отъ ея глазъ не ускользнуло наше обоюдное волненіе: наши лица горѣли. По отъѣздѣ Николая Ивановича, мать моя спросила меня — какая причина,

что мы съ нимъ казались смущенными при ея появленіи, о чемъ шель разговоръ у насъ. Я откровенно пересказала все, считая это тѣмъ болѣе необходимымъ, что мать моя поддерживала желаніе моего жениха купить домъ въ Кіевѣ; теперь, какъ мнѣ казалось, она уразумѣтъ, что покунка хутора, съ поселеніемъ тамъ матери Николая Ивановича, послужитъ къ устройству нашей спокойной семейной жизни. Дослушавши все, мама сказала мнѣ:

„Не знаяши семьи, не слѣдовало торопиться входить въ нее. Мать и сынъ, какъ видно, оба крутого и непокойнаго нрава. На дняхъ была у насъ наша добрая знакомая и говорила, что Костомаровы панимають квартиру у одного изъ сослуживцевъ ея мужа и что тамъ всѣ жалбуютъ насъ, предрекають, что ты, такая молоденькая, зачахнешь въ этой будущей твоей семьѣ. У нихъ чуть не ежедневныя баталіи: крики, ссоры. Думаютъ даже, что кто-нибудь изъ нихъ пьетъ; послѣ браги и крика твой женихъ убѣгаетъ иногда изъ дому какъ угорѣлый, а иногда хозяева черезъ стѣну слышать, какъ онъ кричитъ благимъ матомъ, что у него голова болитъ: его кучерь-лакей Тома только и дѣлаетъ, что таскаетъ изъ колодца холодную воду и окачиваетъ своему барину голову. Еслибы не стыдъ и срамъ, не сплетни, которыя сдѣлають изъ тебя покинутую невѣсту, — я бы готова хоть сейчасъ отказать этому жениху“.

Я много плакала, доказывала, что вспыльчивость Николая Ивановича нельзя считать крутымъ правомъ, а относительно права его матери успокаивала свою тѣмъ, что будетъ купленъ хуторъ, гдѣ поселится Татьяна Петровна; мы поѣдемъ за границу, а по возвращеніи будемъ только гостить, то мы у нея, то она у насъ, и прочее...

Понятно, что послѣ такихъ разговоровъ, сначала съ женихомъ, потомъ съ матерью, я провела ночь не только безъ сна, но въ слезахъ.

При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Николая Ивановича мать моя обнаруживала какое-то дѣланное гостепріимство и не показывала и тѣни того вниманія, какимъ прежде окружала моего жениха. Мнѣ было тяжело, ему тоже — и какъ институтки считаютъ дни и часы до выпуска, такъ мы считали ихъ до дня нашего бракосочетанія.

Разъ какъ-то вечеромъ мать моя обратилась къ Николаю Ивановичу съ вопросомъ, „какимъ экипажемъ опъ обзавелся для семейной жизни: не ѣздитъ же новобрачнымъ съ визитами на дрожкахъ!“ Николай Ивановичъ сказалъ, что еще не думалъ объ этомъ.

„Ну, такъ я за васъ подумаю и даю Алину свою колясочку; но какъ она съ дверцами, то нуженъ лакей для выѣздовъ; онъ же будетъ служить вамъ и въ комнатахъ“.

— Не люблю я лакеевъ ни въ какомъ смыслѣ слова!—возразилъ Николай Ивановичъ.—У меня Оома служить кучеромъ, служить и въ комнатахъ, когда это бываетъ нужнымъ, но въ комнатахъ по большей части служить горничная Галька, которую вы у насъ видѣли, а младшая сестра ея, другая Галька, стряпаетъ и тоже служить. Будемъ мы съ Алиной обходиться безъ лакеевъ: я самъ отворю ей дверцы коляски.

„Для ѣзды съ новобрачной это совсѣмъ неприлично, и вы ужъ пощадите Алину, наймите хоть мальчика лѣтъ 15—16-ти, чтобы это было недорого, не разоритесь: пройдетъ какой-нибудь годъ, и того меньше, васъ отправить за границу на два года, и тогда мальчика расчитаете“.

Понятно, что Николаю Ивановичу не могло нравиться вмѣшательство моей матери въ устройство нашего будущаго домашняго обихода, но онъ не возражалъ и готовъ былъ подчиниться указаннымъ ею правиламъ „приличія“, такъ какъ не разъ говорилъ, что вращался не въ дамскомъ обществѣ и о „правилахъ“ приличія, усвоенныхъ этимъ обществомъ, имѣетъ весьма скудные свѣдѣнія.

Желая вывести его изъ затрудненія, я отозвалась:

— Право, мамочка, пусть лучше Николай Ивановичъ выучится открывать дверцы коляски, нежели заводить въ домъ мальчика на подобіе лакея, да еще, пожалуй, шить на него миниатюрную ливрею, какъ это сдѣлали наши знакомые А. для своего двѣнадцатилѣтняго Мишутки. Да и что будетъ дѣлать у насъ такой Мишутка внѣ „выѣздовъ“?

„Ты слишкомъ еще молода, чтобы распорядиться сообразно своимъ личнымъ взглядамъ на жизнь, и должна помнить, что если при вступленіи въ свѣтъ тебѣ и дастся, какъ „дамъ“, извѣстная доля свободы въ сравненіи съ дѣвцами, все же и послѣ твоего бракосочетанія власть надъ тобой твоей матери не прекращается“.

— Ну нѣтъ!—съ горячностью возразилъ Николай Ивановичъ:—тогъ мужъ былъ бы пентюхъ, который допустилъ бы кого бы то ни было распорядиться его женой.

Мою мать покорило отъ этихъ словъ и въ особенности отъ пылкости, съ какою они были сказаны. Для перемѣны разговора я сдѣлала нѣсколько аккордовъ на роялѣ. Мать ушла, взволнованная, въ гостиную; я замѣтила Николаю Ивановичу его горячность. Онъ отвѣтилъ:

— Вѣдь я сказала правду, а правда всегда хороша. Тебѣ и безъ того предстоитъ сживаться съ привычками моей матери, вести домашнее хозяйство и держаться условнаго обихода, а тутъ ужъ неизвѣстно, чтѣ бы и вышло въ нашемъ домѣ, еслибы допустить проявленіе родительской власти Апели Устиповны.

Какъ ни хороша правда, но она показалась моей матери слишкомъ горькой и заронила въ ней чувство такого глубокаго неудовольствія къ Николаю Ивановичу, что со слѣдующаго же утра начались постоянныя сѣтованія на судьбу, связавшую нашу семью съ Костомаровыми, изъ которыхъ у сына „бѣшеный“ правъ, а у матери—злой и притомъ настойчивый, какъ то выражается на ея суровомъ лицѣ отсутствіемъ улыбки и привычкой не глядѣть никому въ глаза. При такихъ сѣтованіяхъ мать моя изо дня въ день повторяла полученныя свѣдѣнія о ссорахъ и крикахъ Костомаровыхъ, о бѣготнѣ Оомы къ колодцу за холодной водой для окачиванія больной головы Николая Ивановича, который, будто бы, „ревѣлъ“ отъ боли.

Я не выдержала и сказала все это жениху, умоляя его не ссориться съ матушкой своей и быть болѣе терпѣливымъ при головныхъ боляхъ, о которыхъ онъ часто говорилъ у насъ, несколько не скрывая, что онѣ беспокоятъ его и что единственное средство нѣсколько ослабить ихъ—это голодать и окачивать голову самой холодной водой ¹⁾.

Въ какихъ-то неловкихъ и натянутыхъ отношеніяхъ къ моей матери мы съ Николаемъ Ивановичемъ переживали время оставшееся намъ до 30-го марта, когда назначено было наше вѣнчаніе.

Вотъ, слава Богу—говорили мы вечеромъ 28 марта, въ пят-

¹⁾ Въ старости, когда судьба соединила насъ послѣ 26 лѣтъ разлуки, я увидѣла на опытѣ, что у Николая Ивановича не по характеру было сдерживать выраженіе своихъ ощущеній, не только душевныхъ, но и физическихъ: онъ если и не „ревѣлъ“, то черезъ-чуръ громко вскрикивалъ при ежедневныхъ обтираніяхъ тѣла громадной губкой, напитанной ледяной водой, при окачиваніи такою же водой головы и даже при зѣваніи послѣ пробужденія отъ сна. Такія привычки, независимо отъ вліянія обстановки первоначальнаго домашняго воспитанія, а также впечатлительности и экспансивности натуры, сложились у Николая Ивановича, какъ я думаю, вслѣдствіе безсемейной жизни. Каковъ бы ни былъ темпераментъ, семейная обстановка, думается мнѣ, сдерживала бы громогласныя проявленія испытываемыхъ ощущеній: рожденіе дѣтей, ихъ болѣзни и т. п. внушали бы доброму семьянину заботливость о спокойномъ снѣ членовъ его семьи; матушка же Николая Ивановича всегда пользовалась при немъ отличнымъ здоровьемъ и вставала раньше его, такъ что ее беспокоятъ эти проявленія не могли.

ницу, — послѣ завтра конецъ всѣмъ непріятностямъ. — Шутя, я замѣтила жениху, что онъ не веселъ, и потому не отложить ли нашу свадьбу до каникулъ: тогда укатимъ прямо за границу или на хуторъ, за Днѣпръ.

„Избави Богъ откладывать! Не говори этого и въ шутку!“ съ грустью сказалъ Николай Ивановичъ.

— А зачѣмъ сидишь, повѣсивши носъ? Что за раздумье такое! Отниму обручальное кольцо!

При этомъ, рѣзвясь какъ беззаботный ребенокъ, я начала снимать съ руки жениха обручальное кольцо, а онъ, защищая его, снялъ съ своей руки другое кольцо, надѣлъ мнѣ на палець и сказалъ:

„Вотъ это кольцо могу тебѣ отдать. Спрячь его у себя, пусть у меня красуется только одно обручальное.“

— Это еще что за „памятки“ чуть не наканунѣ свадьбы! Не хочу я этого кольца съ твоими излюбленными именами святыхъ; носи самъ! — При этомъ я надѣла Николаю Ивановичу это кольцо на палець другой руки, чтобы оно не мѣшало сѣять обручальному. Николай Ивановичъ смѣялся, повеселѣлъ.

Не разъ и прежде этого вечера кольцо съ именами св. Кирилла и Меодія было предметомъ нашего разговора, какъ только бесѣда обращалась къ занимавшему въ то время Николая Ивановича вопросу о славянской взаимности, но никогда не придавалось особенной важности тому, носить или не носить это кольцо, какъ и не придавалось никакой таинственности этой эмблемѣ или символу проектировавшагося Кирилло-Меодіевскаго общества.

Кольцо это, золотое, плоское, съ матовыми поперечными рубчиками, совсѣмъ напоминало кольца съ именемъ св. великомученицы Варвары (въ большинствѣ серебряныя), продаваемыя въ кievскомъ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ покоятся мощи этой святой. Только надпись на кольцѣ Николая Ивановича была: „Св. Кирилль и Меодій“.

Около двухъ часовъ пополуночи Николай Ивановичъ сталъ собираться домой. Мать моя замѣтила ему, что онъ засидѣлся, а Николай Ивановичъ отвѣтилъ:

„Завтра я не могу быть у невѣсты — много дѣла. Нужно побывать въ университетѣ, взять хотя на недѣлку отпускъ, побывать у священника, назначить часъ вѣнчанія. Заѣду къ вамъ въ воскресенье поутру. Алина говорила мнѣ, что завтра утромъ, наканунѣ свадьбы, она будетъ у исповѣди и св. причастія. Не пожалуете ли къ намъ прямо отъ обѣдни? Матушка будетъ ожи-

дать съ чаемъ и кофе. За-одно, Алина указала бы въ нашей новой квартирѣ мѣсто роялю и другимъ вещамъ ¹⁾).

Мать моя приняла это приглашеніе. Николай Ивановичъ уѣхалъ домой.

Алина Костомарова.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

---

¹⁾ По усиленной просьбѣ Николая Ивановича, горюпившагося съ устройствомъ новой своей квартиры—нашего будущаго семейнаго гнѣзда, мать моя отослала туда въ пятницу, 28 марта, мой рояль и мои вещи въ сундукахъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Николай Ивановичъ испросилъ разрѣшеніе моей матери взять къ нему въ квартиру рояль, чтобы я могла играть на немъ пока не придетъ новый, выписанный имъ для меня изъ Вѣны. Разумѣется, я была въ восторгѣ отъ такого сюрприза, приготовленнаго для меня женихомъ. Рояль этотъ былъ полученъ изъ Вѣны впоследствии, когда уже ни Николая Ивановича, ни его матери не было въ Кіевѣ.

В Ъ Р У Ю...

Туда, гдѣ въ Небесахъ Мечты передо мною
Сіяль, какъ солнца свѣтъ, какой-то чудный храмъ,
Туда, по спутаннымъ, таинственнымъ путямъ,
Вела меня Судьба заботливой рукою.

Вела отъ зорь весны до зимней тьмы ночей
И, вѣрю, поведеть до часа усыпленья,—
И я пойду, какъ шель, безъ страха и сомнѣнья
Довѣрившись Судьбѣ, наставницѣ моей.

Не разъ, во тьмѣ земли, сбивался я съ дороги,
Къ видѣнью въ небесахъ терялся всякій слѣдъ.
Я говорилъ: „Храмъ пусть, онъ призракъ, Бога нѣтъ,
Молюся вамъ, самимъ мной созданные боги!“

Но Жизнь-Судьба, сломавъ тѣхъ чтимыхъ мной боговъ,
Опять влекла меня туда, гдѣ Богъ Единый
Откроеть мнѣ Своихъ дѣяній всѣхъ причины,
Съ Предвѣчной Тайны снявъ божественный покровъ.

Я много жилъ: въ добрѣ и злѣ я искусился,
Спускался въ адъ, стоялъ предъ райскими дверьми,
И, духомъ возносясь надъ міромъ и людьми,
Смирить свой гордый умъ предъ Богомъ научился.

Ему покорень, жду!— Онъ скажетъ: „Часъ насталь!
Иди за грань міровъ, чтобъ жизнью жить иною“.
Тогда, покинувъ плоть, безсмертною душою
Я радостно сольюсь съ Началомъ всѣхъ началъ.

Ал. Луговой.

„НОВАЯ КРѢПЬ“

Очерки изъ жизни современной деревни.

I.

Въ рабочемъ кабинетѣ виднаго бюрократа, тайнаго совѣтника Елецкаго, было богато и непривѣтливо. На письменномъ столѣ часы тикали преувеличенно звонко и презрительно. Бронзовый Вольтеръ, облокотившись на мраморную чернильницу, ехидно улыбался. По крайней мѣрѣ такъ казалось Борису Николаевичу Безсонову.

„Какая попытка просить, просить должнаго! Что за вздоръ! Ничего здѣсь нѣтъ постыднаго: вѣдь я прошу не милостыню, я прошу труда. Всякій человѣкъ имѣетъ право на трудъ“—мелькали у него въ головѣ неубѣдительныя мысли, а сердце между тѣмъ болѣзненно замирало, и кровь заливала щеки неприятно-жгучимъ румянцемъ.

Въ голосѣ Елецкаго звучали утомленно-скупающія нотки.

— Повторяю вамъ еще разъ, вы сдѣлали три очень трудно поправимыя ошибки: вы пошли на государственную службу—это разъ; во-вторыхъ, работали усердно и еще терпѣливѣе ждали милостиваго вниманія начальства, и наконецъ...—Елецкій на секунду пріостановился и разсмѣялся неискреннимъ генеральско-начальническимъ баскомъ.—Наконецъ, въ-третьихъ, вы напрасно пошли на государственную службу.

Безсонова стала разбирать злость.—Россія обновляется, ей нужны работники—это аксіома. Я хочу и могу работать. Не-

ужели желаніе трудиться на пользу родинѣ, искренно и честно исполняя свой долгъ на государственной службѣ, это только троекратно повторенная ошибка и больше ничего?—сказаль онъ сухо.

По жирному, самодовольному лицу Елецкаго пробѣжала недовольная гримаса.

— Вы совершенно правы: желаніе работать на пользу родинѣ—великое чувство, способное двигать горы. Нельзя гасить въ себѣ эту святую искру—сказаль Елецкій. Въ тонѣ его голоса промелькнула неуловимо-тонкая насмѣшка.

— Да, въ нашъ вѣкъ большое несчастье имѣть хорошую голову, отличные дипломы и не имѣть протекціи—продолжалъ Елецкій въ раздумѣ.—Однако нужно что-нибудь придумать. Я очень жалѣю, что не могу предложить вамъ мѣсто въ моемъ департаментѣ, но у насъ на каждый стулъ по десятку кандидатовъ со связями. Конечно, я могъ бы васъ устроить у себя, но откровенно говорю: не хочу, боюсь, поднимется скрытый, трусливый писецъ.—Елецкій замолчалъ; по лицу его бродили тѣни какихъ-то соображеній.

— Скажите, вы жили когда-нибудь въ деревнѣ? Само собой, въ настоящей русской деревнѣ, а не гдѣ-нибудь близъ Стрѣльны—спросилъ онъ Безсоновъ.

— Я долго жилъ въ деревнѣ. Деревня вполнѣ настоящая—1.500 верстъ отъ Петербурга и 90 верстъ отъ полустанка—отвѣтилъ Безсоновъ.

— И, пожалуй, отличите овесъ отъ ржи?—недовѣрчиво спросилъ Елецкій.

— Отличу.

— А рожь отъ пшеницы?

— Тоже.

— А гречиху и просо представляете себѣ?

— Вполнѣ! — улыбнулся Безсоновъ этому оригинальному экзамену.

— Великолѣпно. Я очень радъ! Изъ васъ выйдетъ образцовый, не въ примѣръ другимъ, землеустроитель. Вы образованы, интеллигентны, хотите работать, видѣли въ своей жизни деревню и мужика. Чего же больше? Вѣдь кадры землеустроителей пополняются выгнанными околочными, вольноопредѣляющимися, зрителями волжскихъ пристаней и тому подобными субъектами,—повеселѣвшимъ голосомъ сказаль Елецкій.

— Я люблю крестьянина и радъ буду поработать въ деревнѣ—отвѣтилъ Безсоновъ.

— Итакъ, выходи найденъ. Я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ Семену Семеновичу, къ нашему современному фельд-маршалу отъ землеустройства. Увѣренъ, что онъ исполнитъ мою просьбу. Да, къ слову сказать, каковы ваши политическія убѣжденія? Вижу, вижу безъ словъ, что вы не союзникъ. А жаль: ваше верховное начальство учуило бы это нюхомъ и поставило бы вамъ на приходъ вашу политическую невинность. — Елецкій досталъ изъ бювара листокъ почтовой бумаги съ причудливымъ вензелемъ и дворянской короной, и размашистымъ твердымъ почеркомъ принялся быстро писать. Черезъ минуту письмо было готово.

— Вотъ вамъ письмо—сказалъ Елецкій, заклеивъ конвертъ и подписавъ на немъ адресъ.—Увѣренъ, что вы оправдаете мое довѣріе къ вамъ и паверстаете потерянные годы. Для этого пужно очень мало: умѣть служить и отвыкнуть отъ мечтаний, къ которымъ, къ слову сказать, русскій человѣкъ имѣетъ большую склонность.

Часы торопливо пробили двѣнадцать.

— Вы меня, Борисъ Николаевичъ, извините, но мнѣ пора собираться въ департаментъ—ласково замѣтилъ Елецкій.

Безсоновъ всталъ, радуясь, что наконецъ окончился весь этотъ разговоръ, и онъ не будетъ больше видѣть жирнаго, довольнаго лица Елецкаго, ехиднаго тощаго Вольтера, слышать самодовольную рѣчь виднаго бюрократа и вкрадчиво-презрительное тиканье дорогихъ часовъ.

— Позвольте мнѣ выразить вамъ... — началъ было Безсоновъ, но Елецкій быстро прервалъ его.

— Пожалуйста, безъ благодарностей. Во-первыхъ, я не люблю ихъ, а во-вторыхъ онъ преждевременны. Вотъ вамъ мой добрый совѣтъ: не теряя дорогого времени, идите нынче же на приемъ къ его превосходительству.

Елецкій преувеличенно дружелюбно пожалъ руку Безсонова и пошелъ проводить его до передней. Изящный лакей, вѣжливый и безконечно презирающій всѣхъ кто небогатъ и не состоитъ въ чинѣ по крайней мѣрѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, подалъ Безсонову пальто.

— Еще разъ желаю вамъ усѣха, а для этого научитесь читать не только паписанное вашимъ начальствомъ на бумагѣ, но даже не родившееся еще въ его мысляхъ!—сказалъ на прощанье Елецкій, и въ тонѣ его голоса Безсоновъ почувалъ презрительную насмѣшку сильнаго надъ слабымъ.

На улицѣ стопала ноябрьская вьюга. Безсоновъ шелъ бы-

стро, не замѣчая холода и леденящихъ объятій метели. Мысли охватили его тѣснымъ хороводомъ. Университетъ, милые студенческіе годы, мечты объ ученой карьерѣ, изученіе вопросовъ естественнаго права, а затѣмъ безконечныя синія дѣла дореформенной канцеляріи. Скука, затхлость, смерть; онѣ побѣждаютъ, и мечты о профессурѣ увядаютъ, не успѣвъ расцвѣсть. Но гдѣ-то въ глубинѣ сердца живетъ вѣчное желаніе осмысленнаго труда, красиваго, яркаго и полезнаго. Къ чорту дореформенный приказъ! Начинается новая жизнь: Елецкій далъ ему рекомендацію; онъ будетъ служить по землеустройству, онъ будетъ работать въ дѣлѣ пересозданія Россіи, созидать новый фундаментъ для великаго, чуднаго храма, имя которому будетъ—великая, свободная Русь. Безсоновъ улыбнулся припомнивъ экзаменъ, которому его подвергъ Елецкій.—Да, я знаю и люблю деревню!—отвѣтилъ самъ себѣ Безсоновъ. И словно чудодѣйственной силой исчезло сѣрое небо, саташьющая вьюга, и почудились дорогія, позабытыя картины. Синее глубокое небо, пестрѣющія полосы полей, кроткіе, покорные волю, догорающее въ заревѣ заката солнце, бѣлыя стѣны мазанокъ. Все это исчезло. Снова тяжелое небо и свирѣпыя ласки вьюги. Большое сѣрое зданіе. Строгій швейцаръ, увѣшанный медалями, помогъ Безсонову снять пальто и нѣхотя промычалъ:—второй этажъ направо, тамъ обратитесь къ господину секретарю, они все вамъ растолкуютъ.— По лѣстницѣ, кишащей испуганно-торопливыми чиновниками, Безсоновъ прошелъ въ пріемный залъ. Двѣ бонтонныя дамы капризнымъ тономъ что-то объясняли секретарю, упитанному человѣчку съ розовыми щечками. За круглымъ столомъ, углубившись въ „Русское Знамя“, нетерпѣливо сопѣлъ жирный генераль. Человѣкъ десять мужичковъ робко жались по стѣнкамъ.

— Что вамъ угодно?—услышалъ Безсоновъ: передъ нимъ съ неприязненной улыбкой стоялъ упитанный секретарь.

— Я желалъ бы видѣть его превосходительство.

— По какому дѣлу?

— По личному.

— Пожалуйста, болѣе точно.—Голосъ упитаннаго человѣчка звучалъ недружелюбно, по-начальнически.

— Я пришелъ просить у его превосходительства мѣсто—отвѣтилъ Безсоновъ; его начиналъ злить этотъ глупо-начальническій тонъ.

— Но развѣ вы не видѣли?—Секретарь повелъ рукой по направленію къ стѣнѣ, гдѣ красовалось отпечатанное большими

буквами объявленіе, что мѣста, молъ, теперь и впредь всѣ заняты, и его превосходительство даже и разговаривать о подобныхъ вещахъ не станетъ. Объявленіе, пожелтѣвшее отъ времени и вдоволь засиженное мухами, говорило о томъ, что оно уже давно пугаетъ „людей съ вѣтра“.

— Я пришелъ къ его превосходительству съ просьбой отъ Елецкаго—отвѣтилъ Безсоновъ.

— Директора департамента. Тогда, конечно, дѣло другое. Я могу въ такомъ случаѣ о васъ доложить его превосходительству—уже примирительнымъ голосомъ сказалъ секретарь.— Пожалуйста, вашу фамилію, имя, отчество. Такъ и запишемъ: съ просьбой отъ тайнаго совѣтника Елецкаго. Ваша очередь будетъ послѣ этихъ мужиковъ.

Секретарь покинулъ Безсонова и съ восторженно-почтительной улыбкой бросился къ полной, сильно наштукатуренной дамѣ. Потянулось убійственно медленное время ожиданія. Въ таинственную дверь кабинета его превосходительства впорхнули двѣ веселыя дамочки, громко шурша шелковыми юбками, потомъ въ очереди прослѣдовали наштукатуренная дама, генераль и лихой корнетъ съ кавказской шапкой.

— Эй вы, уполномоченные! — сердито крикнулъ секретарь робко жавшимся къ стѣнамъ мужичкамъ:—сейчасъ вашъ чередъ. Только вы говорите меньше: губернія, уѣздъ, названіе товарищества, что просите, подайте прошеніе и уходите.

Старикъ-курьеръ съ симпатичнымъ, умнымъ лицомъ распахнулъ дверь. Робко сбившись въ одну кучу, словно овцы въ стадѣ, бочкомъ прошли въ кабинетъ пятеро крестьянъ; остальные остались въ залѣ и стали истоиво креститься на икону въ громадномъ рѣзномъ киотѣ. Короткій, энергичный звонокъ. Съдой курьеръ распахнулъ дверь, откуда выкатилось трое мужиковъ. Безсоновъ успѣлъ разсмотрѣть двухъ другихъ крестьянъ на колѣняхъ передъ низенькимъ, кругленькимъ господиномъ, въ гнѣвъ топочущимъ на нихъ ногами. Еще звонокъ, и двое крестьянъ, печальные и смущенные, выходятъ изъ двери. Ихъ обступаютъ. Безсоновъ слышитъ обрывки разговора.

— Самъ-то больно сердить. Мы ему резоны, да просьбу нашу покорную, а онъ на насъ: молчать, да молчать, и ножкой такъ сердито стучаетъ.

— Не любить, видно, нашего брата-крестьянина.

— Чего ужъ тамъ любить.

— Гдѣ же правды-то искать теперь?

— Это старшой надъ нами, теперь и просить-то некого.

— Найдёмъ, братцы.

Безсоновъ съ интересомъ слушалъ эти безхитростныя слова, интересныя по тону и тому оскорбленному блеску, который они зажигали въ усталыхъ, покорныхъ глазахъ мужиковъ.

— Ваша очередь, г. Безсоновъ. Пожалуйте!—услышалъ онъ вкрадчивый голосъ старика-курьера. Безсоновъ вошелъ въ кабинетъ. Громадная комната; на стѣнахъ портреты въ золоченыхъ рамахъ, большая сельско-хозяйственная карта Россіи. Передъ крохотнымъ столикомъ стоялъ коренастый господинъ въ синемъ пиджакѣ, съ глазами татарскаго баскака, хитраго и жестокаго. Онъ вертѣлъ въ рукахъ карандашъ и на лицѣ его было разлито выраженіе утомленія и злобнаго отвращенія. Его превосходительство не подаль Безсонову руки, не сказалъ ни одного слова, только глянулъ на него вопросительно, закатилъ глаза къ потолку и продолжалъ быстро и ловко жонглировать карандашомъ. Безсоновъ изложилъ свою просьбу и передалъ рекомендательное письмо. Его превосходительство быстро пробѣжалъ письмо, сдѣлалъ какую-то помѣтку и два раза энергично надавилъ кнопку электрическаго звонка. Въ кабинетъ мягко вкатился круглѣнькій секретарь. Его превосходительство ткнулъ ему письмо и сквозь зубы буркнулъ: — Принимаю. Къ исполненію. — Съ чувствомъ безмѣрной искренней гадливости, что ему приходится подавать руку титулярному совѣтнику, чловѣку безъ положенія и, къ тому же, въ довольно потертомъ сюртукѣ, его превосходительство протянулъ Безсонову кончики пальцевъ, сказалъ: — Хорошо-съ — и вразумительно повелъ глазами на дверь. Аудіенція была окончена. Въ приѣмномъ залѣ все еще толкались опечаленные мужички.

— А какъ онъ ножкой-то пристукнулъ, тутъ я ему прошеньце, а онъ больно осерчалъ, слушать резоновъ никакихъ не пожелалъ, да и погналъ насъ.

— Охъ, Господи, гдѣ же правда на землѣ?—вздыхалъ другой мужикъ.—Ужъ теперь правды, видно, не найти: самъ-то старшой.

— И чего осерчалъ на насъ: мы ему еще не объяснили, въ чемъ бѣда-то наша, а онъ, нажось, взялъ да и прогналъ.

— Да, Иванъ Митрофановичъ, не больно-то господа нашего брата-крестьянина уважають.

У Безсонова стала болѣть голова. Все сдѣлалось маленькимъ и непонятнымъ. И ему вдругъ показалось, что онъ стоитъ передъ опущеннымъ занавѣсомъ, который сейчасъ взовьется, и бездушныя маріонетки въ чьихъ-то невидимыхъ смѣлыхъ рукахъ будутъ разыгрывать первый актъ жестокой трагикомедіи жизни.

II.

Раннее утро. Поднимается на голубое небо ликующее солнце. На полях блѣдно зеленѣетъ озимь; снѣжный покровъ еще не вездѣ исчезъ, но сталъ рыхлымъ и грязнымъ повсюду. Поѣздъ подходитъ къ станціи большого губернскаго города. Безсоновъ торопливо собираетъ свои вещи. Поѣздъ жестко скашиваетъ стрѣлки, гремитъ тормозами и останавливается. Ни громадномъ дебаркадерѣ шумъ, гвалтъ и безтолочь. На запасныхъ путяхъ стоятъ безконечныя теплушки. Дѣтскій плачъ смѣшивается съ пьянымъ хохотомъ, заунывная пѣсня чередуется съ крѣпкой бранью: это переселенцы въ Сибирь. По платформѣ трудно пройти: вездѣ лежатъ въ повалку, крохотныя дѣтишки вертятся подъ погами. Свѣжій воздухъ отравленъ ѣдкимъ запахомъ карболки, доносящимся съ переселенческаго пункта. Жестко трясется по булыжной крупной мостовой разбитая пролетка. Все на мѣстѣ, какъ и подобаетъ приличному губернскому городу: старинныя церкви, торговые ряды, неизбѣжная для каждаго губернскаго города Дворянская улица. Извозчикъ останавливается у подъѣзда гостиницы. Часъ-другой отдыха подкрѣпили Безсонова. Пора и въ Отдѣленіе, чтобы представиться повому начальству и приступить къ исполненію обязанностей „мѣстнаго дѣятеля“, ликвидатора крестьянскаго банка. Но вотъ и Отдѣленіе. Трещать пишущія машинки; мужички о чемъ-то просятъ высокаго, худого блондина. Нѣсколько минутъ ожиданія—и новое начальство принимаетъ Безсонова. Управляющій понравился Безсонову: у него былъ умный взглядъ и приличный, сдержанный тонъ человѣка изъ общества.

— Итакъ, теперь весь вопросъ въ томъ, какой районъ вамъ поручить. Осталось свободными два района въ Городецкомъ уѣздѣ. Надо вамъ сказать, что этотъ уѣздъ очень неподатливъ для ликвидаціи: община тамъ сильна, земля неважная, и вамъ предстоятъ трудное дѣло.—Голосъ управляющаго звучалъ спокойно и ласково.—Я думаю поручить вамъ 36-й ликвидаціонный районъ; разбивки новой предстоятъ немного, но за то продать придется двѣ тысячи десятинъ земли, довольно-таки скверной,—добавилъ управляющій и засмѣялся. Еще нѣсколько фразъ, и аудіенція была окончена.

— Недѣлку-другую вамъ придется поработать здѣсь, ознакомиться съ дѣлами, а затѣмъ и на мѣсто—на прощанье сказалъ Безсонову управляющій.

Борисъ Николаевичъ пошелъ знакомиться со своими новыми сослуживцами. Рукопожатія, стереотипныя фразы. Въ комнатѣ по стѣнамъ развѣшаны образцовые ликвидаціонные планы да громадный схематическій чертежъ, который нагляднымъ образомъ долженъ былъ доказать счастье Ивана Непомнящаго, рѣшившагося выйти изъ общины и закрѣпить надѣльную землю въ единоличную собственность. Вертлявый, низенькій чиновникъ громогласно повѣствовалъ:

— Они телеграмму губернатору съ жалобой на меня, потому другую. Наконецъ, его превосходительство приѣзжаетъ, я ему все объясняю, прошу стражниковъ и вразумленія забастовщиковъ. Онъ собираетъ сходъ и объявляетъ: „Я такихъ негодяевъ-забастовщиковъ въ пятнадцать минутъ изъ губерніи высылаю. Помните это“. Вотъ потомъ я и продалъ первый участокъ, а теперь дѣло пойдетъ: лиха бѣда начать.

— Ты ловко началъ, прямо со стражниковъ! — замѣтилъ насмѣшливо молодой человекъ съ кукольнымъ лицомъ вербнаго херувима.

— Молчи, Николай! — обозлился вертлявый чиновникъ. — Барчукъ, бѣлоручка. Вообразите—обратился онъ къ Безсонову—этотъ субъектъ по деревнямъ и селамъ возить съ собой ночную вазу.—Онъ залился хохотомъ.—Туда же золотопромышленникъ!

Завязался споръ. Въ быстрыхъ словахъ злой пикировки Безсоновъ подмѣтилъ нотки глубокаго цинизма. Это его неприятно поразило. Незамѣтно промелькнула недѣля. Клубокъ Ариадны былъ наконецъ распутанъ: изъ всевозможныхъ плановъ, чертежей, сельскихъ приговоровъ и крестьянскихъ прошеній выдвинулась одна идея, одинъ силуэтъ: фигура мужика, бѣднаго землицей, вѣрнаго общинѣ, смущеннаго и перепуганнаго хуторами и богатѣями. Пора было ѣхать на мѣсто. Каждый день приходили мужички и просили г. ликвидатора на мѣстѣ посмотреть ихъ „правое дѣло“. Наконецъ, выправивъ необходимые документы, Безсоновъ пришелъ къ управляющему и сообщилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ уѣздъ.

— Желаю вамъ успѣха,—сказалъ ему тотъ.—Для этого нуженъ тактъ, особый, понятный мужику тактъ. Но только помните одно: община должна погибнуть.

III.

Темная, сырая комната въ банковскомъ домѣ — вотъ помѣщеніе, гдѣ Безсоновъ долженъ былъ коротать свои труды

и досуги полгода, а можетъ быть и цѣлый годъ. Стѣны покрыты зловѣщими черными точками. За стѣной безголкова-назойливо бречитъ балалайка. Вотъ первыя впечатлѣнія Безсонова по прїѣздѣ въ Городецъ. Его потянуло въ поле, подъ чистый пологъ апрѣльского неба. Городъ былъ безнадежно унылъ, какъ уныла современная русская дѣйствительность. Обойти его весь было дѣломъ десяти минутъ. Помѣстительное зданіе тюрьмы, почта, казначейство, двѣ церкви съ покачнувшимися оградами и мрачнымъ вороньемъ на крестахъ; большая площадь, если только этимъ словомъ можно назвать громадное болото грязи, гдѣ почти потонули телѣги съ поднятыми вверхъ оглоблями. Впрочемъ, обзрѣвая новыя мѣста съ добросовѣстностью англичанина-туриста, Безсоновъ открылъ еще чайную союза русскаго народа и сотни двѣ-три стражниковъ, на широкой улицѣ производившихъ учеше. Вотъ и весь городъ. Безсоновъ поставилъ на немъ крестъ и для прогулокъ рѣшилъ подалеже выбрать закоулокъ. А за городомъ, гдѣ кончалась жалкая мѣщанская обывательщина, было хорошо, привольно и радостно. Внизу змѣилась рѣчка. Лугъ зеленѣлъ молодой, невинной травкой. На высокомъ крутомъ берегу стоялъ неодѣвшійся еще лѣсъ. Фиолетовые, желтые, зеленые блики сливались въ одинъ прекрасный, звучный аккордъ весенней мелодіи жизни. Между голыхъ вѣтвей бродили невинтно сѣдые призраки. Пахло гніеніемъ, землей и влагой. Солнце уже заходило, когда Безсоновъ вернулся въ свою неуютную комнату. Онъ погрузился въ дѣла—сумбурныя, гдѣ трудно было что-нибудь понять и еще труднѣе пайти.—Итакъ, завтра, — подумалъ Безсоновъ — завтра начинается работа „отъ земли“, выражаясь техническимъ, довольно-таки непонятнымъ терминомъ.

У Безсонова въ ликвидаціи было пять имѣній. Вотъ уже цѣлый годъ два изъ нихъ—одно въ 1.100 десятинъ, другое въ 300—были безъ почина. Трагедію современной крестьянской жизни читалъ Безсоновъ въ томъ, что имѣніе въ 1.000 десятинъ перешло въ банкъ за недоимку товарищества и теперь продается тѣмъ же крестьянамъ.

„Просилъ я, Иванъ Микулинъ, его высокородія г. ликвидатора продать мнѣ участочекъ подъ № 15 при сельцѣ Алексѣевкѣ, такъ теперь прошу мнѣ его не продавать, потому я не согласенъ, а хотимъ обществомъ на себя нашу древнюю землю возвратить“.

„Мы крестьяне сельца Алексѣевки просимъ господицъ банкъ нашу бывшую землю, отнятую за долгъ товарищества, продать намъ обратно, потому безъ нея наша неутѣшная жизнь

пришла въ совершенное разстройство“. Такія заявленія десятками были подшиты къ дѣлу и громко говорили о привязанности алексѣевцевъ къ міру.

Безсоновъ рано легъ спать, но долго не могъ заснуть: до часа тренькала балалайка, наигрывая „Катеньку“, потомъ пришли безжалостные клопы, и только на разсвѣтѣ онъ забылся тревожнымъ полусномъ.

— Ваше благородіе!— кричалъ за дверью голосъ работника Петра—по приказанію вашему лошади пришли.

Въ нѣсколько минутъ Безсоновъ былъ готовъ. Сейчасъ онъ ѣдетъ, верстъ за тридцать пять, въ банковское имѣніе „Ручьевку“. Изучая дѣла и планы, Безсоновъ еще въ Отдѣленіи заинтересовался этой деревней. Дарственный надѣлъ Ручьевскаго сельскаго общества былъ отовсюду мощно сдавленъ банковской землей, богатыми надѣлами государственныхъ крестьянъ (мордвы) и имѣніемъ богатаго купца. И казалось бы, одинъ прямой выходъ—это хуторскіе участки банковскаго имѣнія; но нѣтъ—только одинъ ручьевскій крестьянинъ купилъ себѣ отрубъ, остальные же чего-то ждали.

— А вѣдь интересно, въ самомъ дѣлѣ, войти въ самый центръ крестьянской экономики. У меня есть кое-какая дискреціонная власть. Можно сдѣлать много добра, незамѣтнаго, но очень осязательнаго для сѣрой рабочей шкуры крестьянина!—думалъ про себя Безсоновъ, подпрыгивая чуть не на аршинъ въ колеяхъ и ухабахъ невозможной дороги.

Налѣво красивыми уступами шло могучее краснотѣсье. Высокое небо наливается красками жизни.

Громадное сего Югово. Безконечная деревенская улица, прочныя избы, „Мануфактурная лавка“, образцовое зданіе трактира и казенки, даже что-то въ родѣ каменныхъ рядовъ. Село богатое: крестьяне государственники, да и торговлю лѣсомъ ведутъ большую. Мужики, бабы и ребятишки кланяются Безсонову. Отвѣчать на поклоны ему скоро надоѣдаетъ, и Безсоновъ начинаетъ разсматривать наивно-пухля, юныя облачка, тающія въ небѣ.

Ямщикъ на козлахъ обернулся къ Безсонову и замѣтилъ:

— Вотъ теперь ваши юговскіе въ сумленіе пришли. Больно ужъ правила стали непонятныя для міра.

— Какія правила?—спросилъ Безсоновъ.

Мужиченко мялся.

— Да вѣдь, чай, вы и сами, ваше благородіе, знаете.

— Можетъ быть и знаю, да не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Да вотъ, чтобы отъ крестьянъ землю отобрать, а потомъ къ господамъ насъ приписать.

Отъ изумленія Безсоновъ чуть не подпрыгнулъ.

— Что ты мелешь, милый человѣкъ! Нѣтъ такихъ правилъ, да и быть не можетъ. О крестьянинѣ заботятся, хотятъ, чтобы онъ побогаче жилъ, да самъ бы себѣ господиномъ сдѣлался, а ты что выдумалъ! — сказалъ Безсоновъ и невольно поморщился. — „Чортъ возьми, — подумалъ онъ — современная землеустроительная пропись довольно-таки скучна“.

Ямщикъ недовѣрчиво покачалъ головой въ огромной козьей шапкѣ.

— Ужъ намъ доподлинно, ваше благородіе, извѣстны новыя правила. Самъ земскій и господинъ непремѣнный членъ сходу объяснять изволили, чтобы мы по старинному обычаю, значить, обществомъ жить не смѣли бы. — Возница помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ, словно обронилъ: — Можетъ, вамъ отъ начальства приказано смущеніе наше образумить, такъ вы... того... на меня не забывайте, а я... я ничего. Чтò люди толкуютъ, то и я.

Безсонова поразили эти печальныя, кошмарныя слова. Ямщикъ, видно, былъ наполовину откровененъ; форма и кокарда Безсонова мѣшали словоохотливому мужичку быть болѣе откровеннымъ. У Безсонова начинали ныть бока отъ ужасной дороги.

— Скоро будетъ Ручьевка? — спросилъ онъ ямщика.

— Общественная? нѣтъ еще. А это все банковское благосостояніе, и лѣсокъ, и пашня — повелъ кнутомъ ямщикъ. Телѣжка съ трудомъ спустилась съ косогора; за веселымъ быстрымъ ручейкомъ на пригоркѣ шелестѣлъ вѣтвями чахлый осинникъ. За перелѣскомъ шло широкое ровное поле... Словно понастроенныя прихотливой дѣтской рукой, были раскиданы тамъ и сямъ избы: это — хутора на банковской землѣ.

Лошади устали; идутъ уныло и неровно... Но что такое?.. Безсоновъ смотреть и рѣшительно не можетъ понять, чтò должны обозначать и для чего предназначены эти странныя постройки — точно свайнаго періода... Четыре столба, крыше соломенной настилкой — и все...

„Для загона скота... Вѣдь я не знаю мѣстныхъ условій — думаетъ Безсоновъ. — Но почему такъ близко одно къ другому?“ Онъ хочетъ спросить ямщика, но боится попасть въ просакъ. — „Потомъ узнаю“ — рѣшаетъ про себя Безсоновъ. Но словоохотливый мужикъ самъ приходитъ ему на помощь...

— Ивана Асташина хуторокъ... А это, значить, Петра Трясова... Умиѣющіе хрестьяне... И за что Господь Богъ такое счастье людямъ далъ: вѣдь земля, то-есть не земля — а лучше золота.

— Гдѣ же хуторъ?—рѣшился спросить Безсоновъ.

— Да вотъ, ваше благородіе!—ямщикъ опредѣленно ткнулъ въ сторону свайныхъ построекъ...

— Какой же это хуторъ?.. Это для скота, для сѣна, для чорта, только не для человѣка—замѣтилъ Безсоновъ.

— Нѣ... зачѣмъ!.. Для комиссіи это они построили да для банка... Значить запрошлый годъ пріѣхалъ господинъ ликвидаторъ и объявилъ крестьянамъ на сходѣ: кто, говоритъ, рѣшительность свою обнаружитъ да переселится, тому всякое вспомошествованіе будетъ: изъ комиссіи сто рублей дадутъ, лѣса казеннаго отпустятъ, сѣмена дадутъ. Одно слово, утѣшительное житье будетъ. Подумали мы міромъ, да и порѣшили: хоть и хорошо оно выходитъ, а намъ все жъ статья неподходящая... міромъ прочнѣе, стало быть. Вотъ это, значить, Петръ да Иванъ — умнѣющіе мужики — ликвидатору свою рѣшимость переселиться и высказали... Тотъ это, значить, обрадовался, и участочекъ имъ даромъ предоставилъ, а въ комиссіи по сту рублей задаромъ на хозяина отпустили. . Вотъ они потомъ взяли и построились. — Возница замолчалъ и укоризненно покачалъ головой.—По сотнѣ рублей получили, а на пять рублей построились... Потомъ господинъ непремѣнный членъ очень огорчались, что довѣріе ихъ обманули. Иванъ Митрофановъ деньги, значить, пропилъ: потому къ вину они пристрастіе имѣютъ, а Трасовъ, тотъ крестьянинъ обстоятельный: дочери сапоги купилъ, женѣ платье городское справилъ, за годъ банку платежъ сдѣлалъ, а остальное, что осталось, сыну въ Челябину, на торговлю, отправилъ...—Ямщикъ тяжело вздохнулъ: — Эхъ, коли бы мы знали, всѣ бы такъ переселились...

Безсонову стало смѣшно, но вмѣсто смѣха у него вырвался невольный вздохъ...

Чернѣются на пригоркѣ изгородь, каменный господскій домъ, сбитыя подъ одну крышу хозяйственныя постройки: это усадьба банковскаго имѣнія. Чья-то невидимая рука отпираетъ ворота. Телѣжка въѣзжаетъ на большой дворъ. Банковскій староста, молодой блондинъ, съ симпатичнымъ лицомъ, встрѣчаетъ Безсонова. Распрягаетъ лошадей; жена старосты хлопочетъ у самовара. Мужъ бѣжитъ на деревню оповѣстить крестьянъ о пріѣздѣ господина ликвидатора. Безсоновъ пошелъ бродить по усадьбѣ. Вотъ барскій домъ, вѣриѣ сказать—развалины бывшаго барскаго дома. Что-то страшное, загадочное кроется въ этихъ лишенныхъ стеколъ и рамъ овнахъ, въ этомъ молодомъ побѣгѣ березки, растущей изъ-подъ ржавой, насквозь пробитой дождемъ и време-

немъ крыши дома. Безсоновъ входитъ въ домъ. Пахнетъ склепомъ. Обвалились ступени скрипучей лѣстницы, потолоки зіяють, словно смертельными ранами, огромными провалами, въ которые види́ются погнувшіяся, гнилыя балки, да смотрится и клочокъ чистаго неба.

Безсоновъ зналъ исторію этого дворянскаго гнѣзда, исторію обыкновенную, но страшную своей жизненной шаблонностью. Жилъ былъ на свѣтѣ дворянинъ, добрый и мягкій, ни уха, ни рыла не понимавшій ни въ дѣлахъ, ни въ людяхъ; у него былъ приказчикъ тихій, вкрадчивый, богомольный. Всѣмъ вѣрилъ добрый дворянинъ, особенно же своему другу, приказчику Ивану Сергѣевичу. Вотъ напоследокъ и оказалось, что приказникомъ состоитъ не Иванъ Сергѣевичъ, а добрый дворянинъ, у котораго нѣтъ больше ни кола, ни двора, а есть больная жена да шестеро голодныхъ ребятъ. Но помнилъ о Богѣ Иванъ Сергѣевичъ: далъ на прощанье дворянину фунтъ чая въ подарокъ, да подводу до ближней станціи. Зажилъ богато Иванъ Сергѣевичъ, купилъ себѣ другое имѣніе поближе къ желѣзной дорогѣ да къ своему винокуренному заводу, а Ручьевку продалъ банку, заработавъ на этой операціи по пятаку на копеечкѣ.

Уже вечерѣло, когда пришли мужички съ деревни. Собрались за изгородью на мірской землѣ. Было крестьянъ немного, человекъ двадцать-тридцать, но Безсоновъ почувствовалъ жуткую неловкость: въ ихъ взглядахъ онъ мгновенно прочиталъ злое чувство къ нему—къ „его высокородію господину ликвидатору, банковскому чиповнику“.

— Здравствуйте вамъ, ваше благородіе!—сказалъ, выступая впередъ, рыжебородый мужикъ съ мѣдной бляхой на груди.—Я, значить, старостой состою и по вашему приказанію собралъ сходъ; остальные на дѣлянкѣ работать къ графу ушли.

Безсоновъ старался говорить какъ можно проще и понятнѣе. Говорилъ онъ о томъ, что земля банковская имъ продается, что неволить большими задатками онъ крестьянъ не будетъ и сдѣлаетъ для нихъ все что только можетъ. Когда Безсоновъ кончилъ, наступило вдумчивое молчаніе; казалось, что непріязненное недовѣріе было поколеблено на минуту.

— Ну, слышали, что ихъ благородіе объяснять изволили?—спросилъ строго бородатый староста.

— Статья понятная, слышали.

— Дѣло ихъ благородіе говоритъ: до смерти земляца нужна.

— Дарственники мы, одно слово: хуже нищихъ.

Передъ Безсоновымъ заvertsя юркій мужикъ съ умными голубыми глазами.

— Ваше благородіе, согласны мы даже очень, только не иначе какъ обществомъ: потому каждому намъ не осилить.

— Нельзя. Каждый для себя покупаетъ хуторъ, самъ себѣ хозяинъ и работникъ. — Снова повторять этимъ общинникамъ, крѣпко спаяннымъ между собой земельнымъ голодомъ, объ удобствахъ единоличной собственности ему не хотѣлось.

— Нельзя! — протянулъ чей-то голосъ.

Снова мужикъ съ васильковыми глазами вертится передъ Безсоновымъ.

— И кто это такія правила открываетъ? И что это за врагъ всего христіанскаго міра? Нѣтъ, то-есть, я одно скажу, я одно скажу, не человѣкъ это выдумалъ, не человѣкъ. — Голосъ мужика дрожалъ отъ злобной горечи.

— Что ты толкуешь ихъ благородію? Развѣ они повинны? Тоже вѣдь, небось, человѣкъ: долженъ по законамъ поступать — замѣтилъ горбатый мужикъ съ черными строгими глазами.

— Ишь насѣлъ! — добавилъ другой голосъ. Мужикъ ступевался.

— Ахъ, ты, Господи — Мать святая Богородица, то-есть какая это наша жизнь неутѣшительная! Мірской землицы нѣтъ, мордва проклятая въ сѣмъ паръ не даетъ больше, а господинъ банкъ только одно названіе, что намъ подсобляетъ! — говорилъ плаксивый голосъ.

— Мы что, мы ничего, развѣ противъ воли начальства супротивничаемъ, а только, какъ въ прошлый годъ сказалъ намъ господинъ ликвидаторъ, что пропацій мы народъ и умирать намъ самое любезное дѣло, такъ и стали мы думать о новкѣ. И за что только разсердился господинъ ликвидаторъ — никто изъ насъ ума не приложить. Просили мы его отвести намъ выгонъ по плану, значить, литера Б. Вотъ по водотекъ сейчасъ! — мужичокъ повелъ рукой направо, гдѣ подъ горой змѣилась узенькая полоска воды. — А господинъ ликвидаторъ намъ объявилъ, что тамъ хуторъ устроить и переселенца посадить. Да мы за эту землю никакихъ денегъ, кажись, не пожалѣли бы, всѣ бы хуторки за собой оставили, потому не супротивничаемъ мы начальству, а земляца травки не поднимаетъ. Хутора туда-жъ! — продолжалъ сокрушаться мужичокъ.

— Чего тамъ толковать: безпремѣнно человѣкъ по правиламъ начальства поступалъ.

— И что это за правила такія сурьезныя пошли!

— Вѣстимо сурьезныя.

— Спасибо его сіятельству, что выгономъ насъ облагодѣтельствовали, а то что бы стали со скотинкой дѣлать, хоть по воздуху летай!

Безсоновъ слушалъ эти слова, а глаза его были прикованы къ далекому горизонту, гдѣ въ мягкой лазури серебрился крестъ церкви, чернѣла ровная полоса лѣсовъ, догорали вечернія краски безмятежнаго весенняго неба.

А мужицкіе голоса продолжали:

— А ты скажи, Иванъ Кузьмичъ, какъ бы мы теперь стали жить, ежели бы господинъ Андреевъ намъ проходныхъ свидѣтельствъ въ Минусинскъ не выправилъ?

— Одно слово, дай Богъ ему здоровья, сердечный онъ крестьянину человѣкъ.

— Теперь, значить, ваше благородіе мы ходоками въ Сибирь направляемся, потому намъ своя деревня теперь не мать, а хуже мачихи.

— А если ничего не найдете? Что тогда? — спросилъ Безсоновъ.

— Обернемся назадъ.

— Ваше благородіе — вкрадчиво говорилъ чей-то голосъ. А вы того... землицу намъ поберегите; вѣдь неровень часъ и впрямь въ Сибири землицы не найдемъ.

— Судьба, Богъ дастъ, побережетъ! — отвѣтилъ Безсоновъ.

— Спасибо на ласковомъ словѣ, ваше благородіе.

— Прощевайте вамъ.

Выступилъ впередъ рыжебородый староста. — Приказаній какихъ, ваше благородіе, не будетъ ли?

— Оповѣсти всѣхъ крестьянъ на деревнѣ, чтобъ о землѣ крѣпко подумали бы — отвѣтилъ Безсоновъ.

— Оно само собой безпремѣнно.

Мужики двинулись по деревенской улицѣ.

— А я такъ вамъ, Егоръ Степановичъ, объясняю, что всѣ эти строгости не отъ человѣка — уловилъ Безсоновъ обрывки разговора.

Когда Безсоновъ перешагнулъ черезъ калитку, онъ невольно вздрогнулъ: черными впадинами глянулъ на него домъ, бѣлый, противный и загадочный, словно хохочущій черепъ. А вверху темнѣло синее, печальное и безколѣчно равнодушное ко всему и всегда небо.

IV.

Маленькая комната конторы биткомъ набита народомъ. Удушливо пахнетъ махоркой, потомъ и лукомъ. Конторщикъ, прыщавый молодой человекъ, усердно быстро щелкаетъ на счетахъ.

Почти всей деревней пришли къ Безсонову алексѣевскіе крестьяне, бывшіе члены товарищества, земля котораго за какую-то сравнительно ничтожную недоимку отошла къ банку, съ крестьянскими постройками, богатымъ урожаемъ крестьянскихъ посѣвовъ, и въ утѣшеніе мужикамъ осталась лишь маленькая бумажка — справка Отдѣленія, что-де, молъ, съ нихъ, крестьянъ, еще осталось дополучить.

Но земля никуда не ушла: она еще непочата, аккуратно и толково разбита на хутора. Вездѣ новенькіе приземистые столбы съ выжженными гербами и цифрами. Алексѣевцы — крѣпкіе общинники и даже говорить не любятъ объ „отрубяхъ“. Прошли апрѣль и май въ безуспѣшныхъ просьбахъ алексѣевцевъ продать имъ землю на общество. Наконецъ великая брешь была пробита: пришлось прощаться съ послѣдними надеждами. Давеча богатѣй изъ Борисовки закупилъ у господина ликвидатора хуторокъ, да къ тому же и люди говорили, что кто на себя одного участочекъ взять согласится, тому паръ даромъ отойдетъ. Вотъ почему всѣмъ обществомъ пришли нынче алексѣевцы къ Безсонову. Сегодня крайній день, а завтра районный подъ урожай сдатьъ весь паръ — и тогда прощай, земля, до будущаго года.

— Такъ поняли, что ихъ благородіе объясняетъ? — спросилъ наставительно староста.

— Какъ не понять — поняли.

— Значить, за паръ теперь не возьмется, а до января ихъ благородіе обождетъ.

— А сколько съ меня задаточка придется? — выкрикивалъ, вытягиваясь изъ-за плотныхъ спиць, маленькій мужичонка.

— И съ меня: я, стало быть, за собой хочу четырнадцатый хуторъ оставить.

— Ваше благородіе, а сколько съ меня процентовъ причитаться будетъ? — Сѣрыя однообразныя лица слились въ одну печальную стѣну, словно на картинѣ старо-нѣмецкаго художника. Какъ во снѣ, Безсоновъ повторялъ стереотипныя фразы, что онъ задаткомъ крестьянъ неволить не будетъ, что задатокъ „скостится“ съ продажной цѣны, и процента придется платить каждый годъ меньше.

— Получай съ меня, ваше благородіе, задатокъ за двадцать первый участокъ!— Высокій мужикъ съ непріятнымъ взглядомъ жестокихъ сѣрыхъ глазъ протянулъ Безсонову двѣ засаленныя десятирублевки. Подѣзли и другіе мужички за пазуху. Кто-то громко охалъ, слышался опасливый шопоть, велись тихіе переговоры.

— Господи Боже Ты нашъ, и почему это господское овладѣніе всеѣмъ крестьянскимъ міромъ приключилось? Думали мы себѣ, что земля намъ, крестьянамъ, достанется, а тутъ, скажи на милость, вся банковская стала, а мы плати ему пятьдесятъ пять лѣтъ. А ну какъ не осилимъ?—еле слышно мямлилъ мужичокъ съ добрымъ рябымъ лицомъ.

Открыто и смѣло выступилъ впередъ крестьянинъ богатырскаго сложенія.

— А что, ваше благородіе, какъ же насчетъ чернаго передѣла? Вѣдь люди говорятъ, вышелъ такой манифестъ.

— Полно вздоръ говорить!—строго замѣтилъ Безсоновъ.

— А и смутьянъ же ты, Егоръ Трофимовичъ! Развѣ не знаешь, что священное право собственности неприкосновенно?—сердито сказалъ мужикъ съ острымъ взглядомъ жестокихъ глазъ.— Или позабылъ, какъ запрошлый годъ стражники тебя поучили?—добавилъ онъ и въ голосъ его послышалась злая угроза.

— Да я ничего, Василій Петровичъ: что люди говорятъ, то и я, конфузливо оправдывался добродушный богатырь.—А то правда ваша: то-есть, до сихъ поръ почитай спина чешется, словно вши ее накусали!—улыбнулся мужикъ, блеснувъ бѣлой полосой красивыхъ зубовъ.

— Не хочешь землю брать, не бери—а людей не смущай!—не унимался мужикъ съ сѣрыми злыми глазами.—Вѣдь ихъ благородіе не силкомъ землю даетъ: наше доброе согласіе и къ тому же добра намъ дуракамъ желаетъ.

Безсоновъ хотѣлъ-было сократить своего непрошеннаго союзника, но удержался. „Пусть выскажутся“—подумалъ онъ, выводя на зеленыхъ квитанціяхъ цифры полученныхъ задатковъ.

Мужички, до сихъ поръ сочувственно слушавшіе поученіе Василя Петровича, вдругъ довольно дружно загудѣли; видно было, что въ нихъ неосторожно расшевелили какую-то гнойную рану, разбудили что-то болѣзненное, чуткое, заснувшее на двѣ мужицкаго, тихо тоскующаго сердца.

— И что за слово такое нескладное ты сказалъ, Василій Петровичъ? Что за согласіе наше, ежели, стало быть, насъ за глотку господинъ банкъ ухватилъ?—говорилъ чей-то возмущенный голосъ.

— Третье лѣто банкъ намъ паръ по шести рублей сдавалъ; въ прошлое лѣто по десяти, а теперь по пятнадцати рублей, то-есть какая сурьезная цѣна. А намъ вѣдь безъ этой землицы жить совсѣмъ невозможно—вторилъ хриплый басъ.

— Хуже господь этотъ банкъ-то самый и только чего онъ „крестьянскимъ“ величается! Охъ, Господи, Господи!

— То-есть, господинъ иной разъ съ совѣстью бываетъ. Нашъ баринъ его сіятельство аренду справедливую пятнадцать лѣтъ держалъ.

Такъ говорили мужички. Въ ихъ словахъ звучало печальное и злое раздраженіе. Безсоновъ прекратилъ мужицкія изліянія и сталъ раздавать написанныя квитанціи. Снова безконечные разговоры о землицѣ, разговоры полные мучительнаго любопытства, снова просьбы повременить съ задаточкомъ до ближайшей пятницы, когда на базарѣ коровенку продать можно будетъ, просьба укротить старосту, который „больно сердить“, и т. д., и т. д. безъ конца.

— Нищій мы народъ!—говорили Безсонову мужички, и ему становилось какъ-то совѣстно за свои обѣщанія повременить недѣлю съ задаткомъ и за добрые совѣты не продавать корову, а управиться инымъ способомъ.

— Ну вотъ спасибо вамъ, ваше благородіе, что пожалѣли насъ. Одно слово, народъ мы нищій, никому ненужный!—твердили мужики на прощанье.

Часамъ къ пяти дня убрались, наконецъ, послѣдніе мужички. Нѣсколько минутъ на обѣдъ, полчаса на отдыхъ, и снова неудобная телѣжка трясетъ Безсонова по ухабамъ большой трактовой дороги. Когда Безсоновъ доѣхалъ до Степановки, на далекомъ горизонтѣ уже плавилось солнце; по землѣ тянулись длинныя умирающія тѣни. Кончились пески, жидкая, хилая пашня, могучее краснотѣсье; пошли богатые поля, улыбалась кокетливая веселая зелень чернотѣсья; вѣтряныя мельницы, съ широко разставленными объятіями застывшихъ крыльевъ, попадались каждую минуту. Кирпичная ограда стараго парка. Высокія, старыя липы. Барскій домъ, веселый и привѣтливый когда-то, теперь одинокъ и грустенъ. Безсонова встрѣчаетъ мордастый староста съ тупымъ и сердитымъ лицомъ. Нѣсколько мужиковъ толкуются на дворѣ. Безсоновъ идетъ въ сторожку. Пока послѣдуетъ веселый самоваръ, а усталое отъ далекаго пути тѣло отдыхаетъ, Безсоновъ достаетъ записную книжку и читаетъ, что нужно будетъ завтра сдѣлать: „Посмотрѣть въ Плющевкѣ, какъ устроились хохлы-переселенцы, можно ли разрѣшить имъ рубку лѣса. Про-

вѣрить межевые признаки. Кто ближе живетъ, Кузьминъ или Ершовъ: просить участокъ безъ переселенія, а мужики оба хороше“.

Въ сторожку между тѣмъ набрался народъ. Безсоновъ зналъ, о чемъ мужички съ нимъ будутъ калякать, и дѣйствительно онъ не ошибся. Просьбъ не было; были горькія сѣтованія на то, что ихъ господинъ банкъ отъ земли „отдалилъ“. Дѣло въ томъ, что годъ тому назадъ была эпидемія „хутороманіи“: живи мужичокъ хоть въ двадцати саженихъ отъ разбитыхъ довольно-таки скверно хуторовъ — онъ долженъ былъ селиться на покупаемый участокъ, бросать свою усадьбу и строиться вновь; иначе земля ему не продавалась. Неподходящая это статья оказалась для мужичковъ, какъ пи манила ихъ къ себѣ земля, глубокой ровный черноземъ. Община побѣдила. Но пришли другіе крестьяне, взяли хутора въ предварительную аренду, съ обязательствомъ переселиться въ теченіе года. Времена перемѣнчивы: прошелъ острый періодъ хутороманіи — наступилъ періодъ, девизомъ котораго было: „давай задатку побольше и можешь не селиться“. Мечты арендаторовъ сбылись: съ нихъ взяли лишь задатокъ въ пять процентовъ съ продажной цѣны, и они стали счастливыми обладателями завѣтной земли. Бѣдные степановцы, съ ихъ привязанностью къ старымъ устоямъ крестьянской жизни, были жестоко посрамлены и наказаны: земля, смежная съ ихъ надѣлами, земля-золотое дно ушла отъ нихъ навсегда, а впереди — перспектива каждый годъ кланяться счастливымъ владѣльцамъ „отрубей“ да просить ихъ Христомъ Богомъ сдать паръ, хотя бы по 30 рублей за десятину. Долго сѣтовали мужички, что „отдалили“ у нихъ землю и чужому народу отдали; долго судили-рядили, нельзя ли возвратить землю обратно и жеребій бросить. Безсоновъ сильно усталъ и уже собирался попросить мужичковъ идти по домамъ, когда къ нему съ таинственнымъ видомъ подошелъ рыжеволосый мужичонка, съ раскосыми, наглыми глазами.

— Запасный ефрейторъ Филиппъ Филимоновъ, — отрекомендовался онъ Безсонову.

— Здравствуй, что скажешь.

— Разрѣшите насчетъ карповъ.

— Что такое? — удивился Безсоновъ.

— Значить, въ господскомъ пруду карповъ наловить прошу сотню другую и къ себѣ въ прудецъ пустить на разводъ желаю.

Безсоновъ разрѣшилъ. Мужичонка досталъ изъ-за пазухи смятый клочокъ бумаги и протянулъ его Безсонову.

— Разрѣшеніе-съ. Все, значить, въ порядкѣ.

На бланкѣ Отдѣленія безъ подписи говорилось, что владѣльцу участка за № 13 Филиппу Филимонову, въ виду выраженного имъ желанія переселиться на арендуемый участокъ, дозволяется вырубить на немъ $\frac{1}{2}$ десятины лѣса.

Безсоновъ внимательно посмотрѣлъ на Филимонова. Рысьи глаза мужика воровато забѣгали.

— Николай! — спросилъ Безсоновъ старосту: — трехполье у него на участкѣ правильное ведется?

— Чего тамъ правильное: всѣ пятнадцать десятинь подъ рожью. Потому въ прошломъ году, говорятъ, можно было порядокъ по землѣ нарушать съ разрѣшенія начальства — отрапортовалъ староста.

— Всѣ пятнадцать десятинь? Это правда? — спросилъ Безсоновъ. Глаза Филимонова еще быстрее забѣгали.

— Одно слово — правда. Только я отъ своей готовности трехполку нарушить господину прежнему ликвидатору объявилъ.

— Зачѣмъ тебѣ рубить понадобилось сразу $\frac{1}{2}$ десятины лѣсу?

— Потому я строиться рѣшился. Ну, вѣстимо, избенку, мостикъ, гать придется сдѣлать. Господи Боже мой! Селиться желаю по волѣ начальства. Вѣдь ужъ такой порядокъ извѣстенъ, что кто не смутянь, тотъ селись. — Раскосые, хамскіе глаза бѣгали все быстрее и вороватѣе.

Безсоновъ сталъ понимать этого хищника: онъ игралъ въ тонѣ хутороманіи. За участокъ имъ еще ничего не уплачено. Платежъ скоро, такъ онъ и хочетъ вырубить лѣсъ, дорогой, хорошій лѣсъ, цѣнный особенно отъ близости губернскаго города и желѣзной дороги, снять хищнической урожай, смѣха ради, что одурачилъ господина ликвидатора, прихватить сотню карповъ и уйти, заработавъ на этой счастливой комбинаціи не меньше рублей 200—300.

— Николай, — сказалъ Безсоновъ старостѣ — слышишь, что я тебѣ говорю: ни одного дерева не позволяй ему рубить, иначе будешь въ отвѣтѣ ты.

— Слушаю-съ. — Мордастое лицо старосты, вѣрнаго банковскаго барбоса, выразило искреннее удовольствіе. Филимоновъ заволновался.

— Ваше благородіе, что же это? Такъ нельзя. Я по волѣ начальства. Я селиться хочу по правиламъ. Я — ефрейторъ конной артиллеріи, на войнѣ былъ. Я жаловаться пойду, жаловаться. Потому я по справедливости.

Безсоновъ почувствовалъ, что въ немъ начинаетъ закипать волна раздраженія; еле сдержавъ себя, Безсоновъ велѣлъ старостѣ припести въ домъ сѣна, сказалъ мужикамъ, внимательно слушающимъ происходившій разговоръ: „прощайте братцы, приходите завтра“ и вышелъ изъ душевной сторожки...

— Хоть и баринъ, а сообразительный!—услышалъ Безсоновъ велѣдъ себѣ комплиментъ, убѣдившій его въ правильности предположеній объ истинныхъ планахъ артиллерійскаго ефрейтора. Послѣ затхлой, душевной людской хорошо было почувствовать себя на свѣжемъ воздухѣ, подъ высокимъ шатромъ бездоннаго, изсиня чернаго неба. На горизонтѣ, подъ красной, быстро падающей кисеей, поднимался мѣсяцъ; на деревнѣ внятно брехали собаки; вставала внятная почная чутъ. Въ паркѣ невнятно бродили призраки былого—умершаго и никогда немогущаго воскреснуть. Вотъ къ этому подъѣзду подъѣзжали пѣкогда тройки, большіе нескладные дормезы; здѣсь встрѣчали гостей радушные хозяева; на этихъ хорахъ сидѣли музыканты изъ дворовыхъ; здѣсь танцевали, беззаботно пировали господа дворяне, пировали до тѣхъ поръ, пока наконецъ не распалась цѣнь великая и не ударила „однимъ концомъ по барипу—другимъ по мужику“. А потомъ кого только не перебывало въ этихъ комнатахъ: казаки, стражники, землемѣры, ликвидаторы; на-дняхъ пріѣзжаетъ сюда на дачу колонія малолѣтнихъ преступниковъ. Безсоновъ ничуть не идеализировалъ старо-помѣщичьей культуры, но онъ отдавалъ должное той средѣ, гдѣ выросли Пушкинъ, Герценъ, Тургеневъ, Толстой, гдѣ открылся прекрасно-творческій размахъ 60-хъ годовъ. Передъ Безсоновымъ вставало сумбурное настоящее, грозило неуловимо страшное будущее. Безсоновъ вспомнилъ отвѣтъ одного мужика на его совѣтъ обратиться съ просьбой къ односельчанину, богатому крестьянину. „Нѣтъ, ваше благородіе, ошибаться изволите: еще иной разъ баринъ смилосердствовать сможетъ, а ужъ богатѣй изъ мірофдовъ глотку перерветъ, а брата нашего не уважить“. Вотъ будущіе дворяне Россіи: мужикъ-мірофдъ, скупившій у банка до сотни десятинъ и ухитряющійся ту самую землю, за которую самъ платитъ 45 рублей въ годъ, передать крестьянамъ подъ урожай за 150 рублей. Все даетъ счастливцу деньги: гонитъ общество скотъ по низу оврага на его участкѣ—плати; теленокъ или лошадь попала на ловко отгороженную полянку—плати; за воду изъ колодца, за проѣздъ по межнику, за все деньги, ни на копейку пощады. Вотъ она, будущая соль земли русской, будущая аристократія великорусской деревни. А остальные, ошалѣвшіе отъ вздорныхъ слуховъ, тол-

ковъ, кошмарныхъ предположеній, жмутся, молчатъ и чего-то ждуть.

Сторожъ Николай принесъ огромный ворохъ душистаго сѣна. Въ окно изъ разноцвѣтныхъ, красиво подобранныхъ стеколъ вдумчиво свѣтила высокая луна. Липы прильнули къ окнамъ. Коротка лѣтняя ночь. Разгораются неясныя краски золотого дня; солнце омываетъ свой божественный ликъ въ умирающихъ туманахъ утренней зари. Тройка ожидаетъ у воротъ. Когда Безсоновъ пріѣхалъ въ Плющевку—блещущій красками жизни воцарился іюньскій торжествующій полдень. Десятка два мужиковъ встрѣчаютъ Безсонова. Свитки, удивительныя соломенные шляпы, достойныя пера Майнъ-Рида, черныя лица, черные глаза, смышленные и хитрые мужички-переселенцы изъ Кіевской и Херсонской губерній. До слуха Безсонова доносится веселая, залихватская пѣсня, полная щебечущихъ звуковъ малороссійскаго нарѣчія. Еще нѣсколько сажень дѣлаетъ впередъ тройка. Крестьяне бѣгутъ позади. Предиковинная картина открылась за косогоромъ Безсонову: нѣсколько мужиковъ и бабъ, въ костюмахъ Адама и Евы до грѣхопаденія, мѣсятъ ногами глину, четверть казенки стоитъ на землѣ. Блеститъ подъ солнцемъ мокрая отъ пота кожа, весело звенитъ въ воздухѣ пьяная пѣсня. Присутствіе начальства было мигомъ замѣчено, и голая команда, вытащивъ не безъ труда изъ цѣпкой глины ноги, побѣжала къ землявкамъ за сорочками и портами. Безсонова окружаетъ небольшая плотная толпа. По обыкновенію — просьбы и просьбы безъ конца. Безсоновъ чувствуетъ безконечную нѣжность къ этимъ чернымъ отъ зноя и труда людямъ, которыхъ судьба-мачиха заставила бросить свою родную, уютно-прекрасную кіевщину и забраться сюда на новыя мѣста, къ новымъ людямъ. Здѣсь не могло быть мѣста тѣмъ нелѣпымъ, бутафорскимъ постройкамъ, которыми мѣстные мужики обманывали землеустроительную комиссію и банеъ, якобы переселяясь на банковскую землю. Здѣсь чувствовалась искренняя влюбленность въ землю: вѣдь на родимѣ надѣлъ проданъ, возвращеніе немислимо, вся надежда на новую родину. Но она непривѣтливо встрѣтила новоселовъ: уже трое ребятъ умерло, умерла и жинка Кузьменко, рожая на сырой землѣ въ землянкѣ, пробитой насквозь проливными дождями. Стоитъ Кузьменко, молодой рябой мужикъ съ голубыми задумчивыми глазами, на которыхъ блестятъ невольныя росинки слезъ.

— Ну что, Кузьменко, — спрашиваетъ Безсоновъ, — ты просилъ послѣдній участокъ тебѣ продать: берешь или нѣтъ? — Мужикъ весь вздрагиваетъ и дѣлается печальнѣе.

— Ни, ваше благородіе, совсѣмъ невозможно: живка померла, двухъ лошадей изъ табуна угнали.—Мужикъ уныло смолкаетъ; всѣ притихаютъ на секунду и затѣмъ снова начинаютъ, перебывая другъ друга, тараторить на плохо понятномъ Безсонову языкѣ. Старый Тихонъ совѣтуется съ нимъ относительно фруктоваго садика, который опъ мечтаетъ развести; остальные толкуютъ о томъ, что хорошо было бы взять сѣялку и рандаль. Здоровый мужикъ съ рѣзкимъ, энергичнымъ лицомъ, братъ садовница Тихона, рассказываетъ Безсонову, какъ попали они вмѣсто далекаго Пріамурья въ мирную Плющевку. Безсоновъ знаетъ хорошо, но слушаетъ съ интересомъ: вѣдь жизнь и человеческое слово всегда стары и вѣчно новы. Шли они ходаками въ Сибирь, а тутъ на станціи крушеніе поѣзда произошло и сильно попортило путь. Стали переселенцы съ мѣстными людьми толковать и прослышали, что въ 12-ти верстахъ банковская земля шибко хорошая продается. Чтò значить мужику 12 верстъ, когда ему то пужно! Какъ увидѣли переселенцы жирный черноземъ, да рѣчку, да веселенькій березнякъ, безъ долгихъ размышленій вылѣзли изъ теплушекъ и въ тотъ же день пріѣхали въ губернской городъ, осадили Безсонова и мягомъ раскупили Плющевку, золотое дно, которое упустили мѣстные крестьяне, надѣющіеся на „манифестъ“, на то, что „господинъ банкъ пожалѣетъ ихъ бѣдное общественное состояніе“ и продастъ имъ на общество ту землю, которую ихъ отцы и дѣды еще крѣпостными поливали тяжелымъ мужицкимъ пѣтомъ. Но земля ушла навѣки.

Провести прогонъ, осмотрѣть лѣсъ, который переселенцы желали почистить и частью вырубить, указать неясную межу— все это отпяло у Безсонова много времени; надвинулся вечеръ, роса опустилась на задумавшіяся поля. Нужно было ѣхать домой, тѣмъ болѣе, что безобразный голодъ и усталость давали Безсонову знать о себѣ.

— Прощайте, ваше благородіе! Мы къ вамъ въ пятницу явимся насчетъ лѣсочка, ужъ сдѣлайте такую божескую милость! Грамотку агроному напишите намъ!—кричали вслѣдъ Безсонову мужики. Безсоновъ обернулся и увидѣлъ, что ветхая старуха благословила его широкимъ благоговѣйнымъ крестомъ. Безсонову стало весело и тепло на сердцѣ.—Прощайте, милые люди, сдѣлаю для васъ все, что могу!—крикнулъ онъ. Лошади весело подхватили, загудѣли бубенцы, неистово залился колокольчикъ.

V.

Въ вагонѣ душно и пыльно. Поѣздъ движется убійственно медленно, и Безсоновъ начинаетъ соображать, что ему придется опоздать къ началу ликвидационнаго совѣта, куда онъ вызванъ телеграммой. Напротивъ Безсонова сидитъ длинноволосый господинъ въ сѣромъ пыльникѣ. Дружелюбный разговоръ смѣнился враждебнымъ молчаніемъ, когда незнакомецъ узналъ, что Безсоновъ — ликвидаторъ; но, видно, незнакомцу хотѣлось говорить, и онъ нарушилъ сердитое молчаніе.

— Хутора насаждаете и крѣпкихъ людей творите? — спросилъ онъ.

— Стараюсь — отвѣтилъ Безсоновъ.

— И задатками мужичковъ разоряете. Для страха и любви къ начальству бьете его по уху? — продолжалъ задавать язвительные вопросы незнакомецъ въ пыльникѣ.

Безсонова началъ раздражать этотъ непріязненный допросъ.

— Нѣтъ, не грѣшенъ — засмѣялся онъ.

— Не удивляйтесь моимъ вопросамъ, я самъ изъ Б—скаго уѣзда, такъ у насъ почти всѣ крестьяне, взявшіе отруба, коровъ да лошадей продавали. Легко сказать: ликвидаторы по 10-ти рублей съ десятины задатка требовали. — Незнакомецъ на минутку остановился. — А правы господь землеустроителей таковы: недавно созвалъ сходъ нашъ ликвидаторъ и спрашиваетъ старосту: „Ты староста?“ — Староста — отвѣчаетъ мужикъ. Ликвидаторъ ему въ ухо. „Ты староста“ — продолжаетъ допытываться ликвидаторъ. — Староста — отвѣчаетъ перетрусившій до смерти мужикъ и получаетъ вторую плюху. Мужикъ на колѣни и пріемлетъ отъ его высокородія индульгенцію: „Хуторянинъ ты, а не староста“. Конечно, все подкрѣплялось соотвѣтственными выраженіями.

— Въ семьѣ не безъ уroda: таковъ печальный удѣлъ всякаго хорошаго дѣла — замѣтилъ Безсоновъ.

Незнакомецъ весело засмѣялся.

— Простите меня, но въ васъ или говорить профессиональная честь, или вы ничего не знаете и не видите, или же... или же вы сами таковы.

— Вы черезчуръ любезны — сухо замѣтилъ Безсоновъ.

Наступило неловкое молчаніе, которое наконецъ прервалъ таинственный господинъ въ пыльникѣ. Безсоновъ разсѣянно слушалъ его, глядя въ окно на свѣжую зелень бѣгущихъ мимо березовыхъ рощъ.

— Все идетъ по буквѣ социаль-демократической теоріи: пролетаризація деревни сильно подвинулась впередъ за послѣдніе два года, община разрушена безусловно, да иначе, впрочемъ, и быть не могло. Въ нашей губерніи съ 1905-го года была довольно сильно развита пропаганда вообще, въ частности социаль-демократическая; теперь она сведена къ нулю: во-первыхъ трудно, а во-вторыхъ — бессмысленно. Всякую истину можно доказать прямо и отъ противнаго. Но какой смыслъ эдекамъ доказывать теорему прямо и за то попадать въ тюрьму, когда господа землеустроители, сдирая съ крестьянина семь шкуръ за участокъ, лупя его по мордѣ, продавая землю исключительно зажиточнымъ мужикамъ, докажутъ теорему отъ противнаго?

Голосъ незнакомца звучалъ спокойно и увѣренно. Говорить, а тѣмъ болѣе спорить Безсопову не хотѣлось: было слишвомъ душно и жарко, поѣздъ шель съ большимъ опозданіемъ и все это, вмѣстѣ взятое, лишало Безсонова спокойствія и логичности мысли, необходимыхъ для спора. Прогремѣлъ желѣзнодорожный мостъ, подъ которымъ змѣилась свѣтлая, ликующая подъ яркимъ солнцемъ рѣчка. На высокой, зелепѣющей садами горѣ видѣлся городъ. Безсоновъ сталъ собираться.

— На судъ синедріона, изъ Питера прибывшаго, везете все это?—кинулъ незнакомецъ на громоздкіе плапы.

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ Безсоновъ.

— Догадаться не хитро: три дня тому назадъ наши страны посѣтило ваше грозное начальство, а потомъ сюда направилось чипить судъ и расправу. Вообще, я человекъ весьма наблюдательный и гожусь въ россійскіе Шерлоки-Холмсы. Напримѣръ: вы везете тысячи двѣ-три крестьянскихъ денегъ въ кассу Отдѣленія и, боясь посягательства на нихъ и на вашу бюрократическую невинность, вы вооружились браунингомъ, который вамъ дьявольски мѣшаетъ. Не правда ли? — незнакомецъ весело засмѣялся.

Безсоновъ удивился; собесѣдникъ его не ошибся.

— Теперь позволю себѣ сказать о васъ самихъ нѣсколько словъ. Съ моей точки зрѣнія, вы очень и очень вредный человекъ: въ васъ есть чувство гуманности, вы мягки, у васъ нѣтъ никакой окраски; вы не заставите мужика продавать лошадей, коровъ, овецъ; вы не будете ловить по деревнямъ бабъ и дѣвокъ, бить мужиковъ по мордамъ, брать взятки, а въ результатъ что? Мужикъ размякнетъ; онъ хоть и хитерь, а все же и его обойти можно и, глядишь, въ результатъ новая союзная

чайная открывается.—Въ голосѣ незнакомца зазвучали горячія нотки и, увлекаясь все болѣе и болѣе, онъ продолжалъ:

— По моей теоріи рѣшительно все-равно—на какой бортъ навалиться, на правый или на лѣвый, лишь бы только была дѣйствительная опасность перевернуться совсѣмъ; вотъ скверно, когда лодка начинаетъ идти ровно и спокойно, а это вѣдь вполне возможно, попади государственная работа въ руки людей, готовыхъ кормиться либеральными палліативами, которые творять тишь да гладь не искусственную, а дѣйствительную. Но, слава Богу, времена всякихъ правовѣрныхъ октябристовъ, кадетовъ и тому подобныхъ не придутъ во вѣкъ.—Голосъ его звучалъ искренно.

„Кто онъ — филеръ или революціонеръ?“ подумалъ Безсоновъ, съ интересомъ всматриваясь въ загорѣвшееся жизнью лицо незнакомца.

Поѣздъ остановился у станціи.

— Позвольте познакомиться на прощанье — сказалъ незнакомецъ, протягивая Безсонову руку. Особенно ясно, словно подчеркивая, незнакомецъ назвалъ свою фамилію, старо-дворянскую, именитую на Руси уже нѣсколько сотъ лѣтъ. Вѣроятно на лицѣ Безсонова отразилось удивленіе; по крайней мѣрѣ незнакомецъ сказалъ:—Удивлены? Въ Россіи вообще удивляться нельзя, а въ настоящее время особенно: придется все время съ открытымъ ртомъ ходить. Да, представьте себѣ, былъ я раньше земскимъ начальникомъ, потомъ уѣзднымъ предводителемъ, а теперь скупающимъ зрителемъ состою: мечтаю и скупаю, единственное, на что русскій человекъ очень способенъ. Еще разъ прощайте.—Что, поѣздъ на Инзу поданъ?—спросилъ онъ подбѣжавшаго поильщика.

„Кающійся дворянинъ. Типъ старый, но въ наше время довольно рѣдкій“—подумалъ Безсоновъ. Они разстались.

Черезъ часъ Безсоновъ былъ уже въ Отдѣленіи; тамъ было шумно, чувствовалось тревожно приподнятое настроеніе духа. Еще бы. вмѣстѣ съ уполномоченнымъ пріѣхалъ самъ Семенъ Семеновичъ, весь черный отъ злости, разнесшій въ пухъ и прахъ все Поволжье. Что-то будетъ?—читалось въ глазахъ каждаго. Сторожа таскали чудовищныхъ размѣровъ ликвидаціонные планы хуторовъ, отрубовъ, поселковъ, словомъ—картины будущей Россіи, счастливой и богатой. Разговоръ шель на тему о томъ, что мужикъ побѣжденъ, и землеустроительная кампанія удалась блестяще.

— Я задатка меньше 8% не беру—говорилъ одинъ.

— Только-то? И 10%, а иной разъ и 15 нагоняю! — хвастался другой.

— У меня мужики въ струнѣ ходятъ, не разсуждаютъ, а только слушаютъ, да слушаются. А кто философствовать начинаетъ, тому я говорю: ты женатъ? „Такъ точно“. Вотъ ты и должень свою бабу звать, а до остального тебѣ нѣтъ дѣла. Ну, конечно, къ татап посылаешь для должнаго впечатлѣнія.

Дружный одобрителный смѣхъ покрылъ слова остроумца.

— А у васъ, Борисъ Николаевичъ, какъ идутъ дѣла? — обратился къ Безсонову остроумный ликвидаторъ.

— Кажется, что довольно успѣшно; крестьяне участки берутъ.

— Да это что, пустыки. А вотъ вы сколько берете задаточныхъ?

— Безъ переселеня минимальный законный задатокъ въ 5%, а съ переселеньемъ—рублей десять.

— Съ десятины, конечно? — спросилъ вкрадчиво Безсонова его собесѣдникъ.

— Нѣтъ, со всего отруба—улыбнулся Безсоновъ.

Ликвидаторъ опасливо отодвинулся отъ Безсонова, и остальные стали смотрѣть на него недовѣрчиво - неодобрительно. А на другой сторонѣ громаднаго, покрытаго синимъ сукномъ стола апоплексическаго вида господинъ, въ формѣ непремѣннаго члена землеустроительной комиссіи, повѣствовалъ:

— Я говорю всегда мужику одно: дай вамъ мерзавцамъ въ общинное владѣніе фруктовый садъ—и вы обратите его въ пустыню, въ скалу, въ голый камень, гдѣ и подохнете. А если тебѣ, милому человѣку, дать въ единичную собственность голый камень, то ты его скорехонько въ такое золотое дно превратишь, что ай-люли малина ягода. И вообразите — понимаютъ, молчатъ, косятся, а въ глубинѣ души соглашаются.

Безсоновъ съ интересомъ слушалъ вдохновенное повѣствованіе чурбана. Интересная бесѣда была прервана тревожной суетней на лѣстницѣ. Забѣгали курьеры. Изъ своего кабинета прошелъ съ озабоченнымъ видомъ управляющій. Наступила боязливая тишина. Черезъ минуту въ комнату вмѣстѣ съ управляющимъ вошелъ его превосходительство, въ сопровожденіи уполномоченнаго, элегантнаго молодого человѣка, съ отталяющей застывшей улыбкой на бездушномъ красномъ лицѣ. Его превосходительство обвелъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ хитрыхъ и жестокихъ глазъ и, закативъ глаза къ потолку, протянулъ одному изъ непремѣнныхъ членовъ руку. На лицѣ его, черномъ и уста-

ломъ, Безсоновъ подмѣтилъ чувство самаго искренняго отвращенія, точно рука его прикасалась не къ рукѣ очень порядочнаго человѣка и честнаго работника, а окуналась во что-то зловонное. Остальные ликвидаторы придвинулись къ его превосходительству, желая удостоиться рукопожатія и вообще побыть на глазахъ у начальства; но эта маленькая подлость не удалась. Его превосходительство круто повернулся и прошелъ въ кабинетъ управляющаго. Молодой элегантный человѣкъ обходилъ присутствующихъ, крѣпко всѣмъ пожимая руки, и въ его стереотипномъ рукопожатіи, въ его застывшей улыбкѣ читалось безконечное презрѣніе ко всѣмъ этимъ незамѣтнымъ рядовымъ землеустроителямъ. Эта сценка, этотъ шикъ, достойный опереточнаго купца, поющаго: „я гусаръ, а не купецъ“, эти разочарованныя фізіономіи едва не заставили Безсонова разсмѣяться. Онъ сталъ смотрѣть въ раскрытое окно. Тамъ далеко внизу тускло поблѣскивала застывшая полоска рѣки, а за ней широко и привольно разливалось цѣлое море лѣса, примиряющаго безучастное небо съ тоскующей землей.

Между тѣмъ молодой человѣкъ окончилъ свой обходъ и удался въ кабинетъ. Черезъ минуту выскочилъ управляющій и сказалъ, что засѣданіе назначено въ девять часовъ вечера, а теперь его превосходительство освобождаетъ отъ занятій всѣхъ и вся. Словно школьники, шумя и толкаясь, дружной гурьбой двинулись ликвидаторы къ выходу, за которымъ ждала ихъ свобода.

Безсоновъ вечеромъ опоздалъ къ началу засѣданія. За длиннымъ столомъ возсѣдалъ весь синклитъ землеустроителей. Передъ чудовищныхъ размѣровъ планомъ на подставкѣ коротенькій, апоплексическаго вида ликвидаторъ, тотъ самый, который проповѣдывалъ мужикамъ, что единоличная собственность сотворить изъ камня цвѣтущій садъ, водилъ по плану толстой, мясистой рукой и что-то съ воодушевленіемъ повѣствовалъ. Уполномоченный непріятнымъ, фальшиво-гортаннымъ голосомъ задавалъ ему вопросы. Въ залѣ царила почтительная тишина. Безсоновъ тихонько пробрался и занялъ мѣсто у окна.

— Здѣсь будетъ у меня поселокъ на 64 двора. Въ этомъ мѣстѣ у меня разбито 42 отруба съ переселеніемъ и 18 безъ переселенія. Въ этомъ мѣстѣ у меня оставлена десятина подъ кладбище — рапортовалъ ликвидаторъ деревяннымъ голосомъ, блуждая рукой по разноцвѣтному плану.

— Ну, какъ же крестьяне къ кладбищу относятся?—спросилъ уполномоченный.

— Хорошо. Они очень рады.

Въ залѣ послышался легкій смѣхъ.

— Теперь очень важный вопросъ относительно обводненія. Я думаю устроить 18 колодцевъ. Пробныхъ колодцевъ я не дѣлалъ, но я полагаю, что вода должна быть, такъ какъ изъ Змѣевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ имѣнія, есть колодецъ съ очень вкусной водой.

— Не слишкомъ ли это будетъ смѣло, не найди воды, разбивать участки съ переселеніемъ?— усумнился уполномоченный.

Но ликвидаторъ заволновался, сталъ честнымъ словомъ утверждать, что тамъ найдется очень вкусная вода, и планъ будущаго земного раи былъ утверждень. У толстаго ликвидатора была цѣлая серія громадныхъ плаповъ, проектъ возсозданія цѣлаго маленькаго государства, крѣпкихъ, русскихъ людей. Снова онъ сталъ махать по планамъ рукой и говорить дубоватыми словами о вкусной водѣ, которой нѣтъ, но которая можетъ, по его предположеніямъ, оказаться, о безконечномъ стремленіи мѣстнаго мужика порвать съ ненавистной общиной и начать новой жизнью, достойной европейца. Правда, иногда хуторъ находился въ подозрительной близости къ непроходимому оврагу, дорога шла по мірской землѣ, но все это — пустыки, на которые не стоило обращать никакого вниманія. Планы утверждались съ большой быстротой, безъ долгихъ разговоровъ, послѣ двухъ-трехъ стереотипныхъ вопросовъ.

— Ну, теперь порауйте насъ расцѣнками, — сказалъ уполномоченный, когда безконечные планы мирно лежали на столѣ.

Посыпались цифры. Ариметика очень простая и пріятная для начальства. Цѣна, по которой имѣніе досталось банку, считалась основной; къ ней прибавлялось 10 — 15⁰/₀, смотря по радѣвію ликвидатора, да стоимость колодцевъ, а затѣмъ оцѣнить каждый отдѣльный участокъ предоставлялось доброй волѣ ликвидатора.

У толстаго ликвидатора на его тупомъ лицѣ разлилось вдругъ блаженное выраженіе. Съ таинственнымъ видомъ нагнувшись къ уполномоченному, онъ сказалъ:

— Это, Александръ Александровичъ, расцѣнки официальные для банка; на самомъ дѣлѣ я съ мужика беру за отрубъ на сто рублей больше. Доходъ банку бываетъ значительный.

Уполномоченный поморщился; видно было, что откровенная готовность драть съ мужика безъ пардона его немного шокировала.

— Едва ли, Иванъ Николаевичъ, такой пріемъ допустимъ: вѣдь вы дѣйствуете какъ представитель правительства. И потому я хотѣлъ вамъ сказать: на васъ есть жалобы со стороны

крестьянъ, этихъ жалобъ много и всѣ онѣ однородны. Крестьяне жалуются, что вы объявляете однѣ цѣны за участки, а въ запродажныхъ пишете другія, нерѣдко рублей на 300—500 выше.

Ликвидаторъ радостно заволновался.

— Именно, именно, Александръ Александровичъ, я всегда такъ и поступаю съ тѣми, кто неграмотный. Русская пословица не даромъ говоритъ: не обманешь—не продашь.

Онъ радостно быстро загоготалъ и сталъ собирать свои планы. Какъ ни были подготовлены ко всему землеустроители, но очевидно имъ стало стыдно за своего собрата. Воцарилась неловкая тишина, которую нарушилъ уполномоченный, сказавъ сухимъ тономъ:

— Благодарю васъ, вы свободны.

Ликвидаторъ шаркнулъ коротенькими ножками и выкатился изъ зала, сказавъ на прощанье:

— На поѣздъ еще поспѣю.

Когда онъ ушелъ, кто-то ему вслѣдъ демонстративно фыркнулъ. Зашевелились и заговорили довольно громко.

— Это, господа, одинъ изъ двухъ фокусовъ многоуважаемаго Ивана Николаевича. Вы помните, какъ въ прошломъ году онъ возилъ съ собой шестерыхъ хохловъ. Посадить ихъ въ одно имѣніе, глядишь, мужикъ перетрусилъ—переселенцы, молъ, пришли, земля уйдетъ,—и сталъ брать отрубъ, а онъ бутафорскихъ хохловъ потомъ сниметъ и посадить въ другое имѣніе. Результаты этого фокуса были отличные. Но второй слишкомъ рискованъ, я боюсь его вамъ рекомендовать. Однако, долженъ васъ предупредить, господа, что непремѣнное желаніе Семена Семеновича, чтобы ликвидаторы брали съ мужика возможно больше въ задатокъ, процентовъ 10—15, а то и 20. Ну, что за бѣда, если мужикъ корову, даже лошадь продастъ: вѣдь все это наживное, зато видна его истинная любовь къ землѣ!—говорилъ, развалился на креслѣ, уполномоченный.

Безсоновъ съ трудомъ вѣрилъ своимъ ушамъ и тоскливое изумленіе закрадывалось въ его душу. Что это—мелочная лавочка, купецъ и подручные, мечтающіе выручку побольше справиться, а покупателя увѣрить, что товаръ себѣ дороже—или же правительственное учрежденіе, цѣль котораго такъ или иначе утолить земельный голодъ, правильно разрѣшить проблему величайшей важности?

Время тянулось убійственно однообразно: быстро смѣнялись однообразные ликвидаторы, быстро утверждались однообразные планы. Правда, иногда выходили довольно забавные *qui pro quo*,

въ родѣ того, что ликвидаторъ вдругъ открывалъ на планѣ невѣдомые ему дотолѣ овраги, дороги и даже однажды довольно большую рѣчку; тѣмъ не менѣе все обстояло благополучно и было несомнѣнно, что будущіе хуторяне — счастливѣйшіе изъ смертныхъ.

Было уже поздно, когда уполномоченный, стукнувъ по столу кулакомъ, словно учитель на распалившихся ребятишекъ, сказалъ:

— Прошу не шумѣть, когда я говорю!

Голосъ его, до тѣхъ поръ искусственно фальшивый, вдругъ зазвучалъ живыми нотками: сразу видно было, что человѣкъ заговорилъ о чемъ-то дорогомъ и близкомъ сердцу.

— Вы знаете, господа, что въ печальные годы такъ называемаго освободительнаго движенія, когда вездѣ хозяйничали „товарищи“ (опъ подчеркнулъ послѣднее слово искреннимъ чувствомъ презрѣнія), многіе помѣщики принуждены были покинуть свои старыя дворянскія гнѣзда не по своей охотѣ. Слава Богу, тѣ печальныя времена прошли и никогда больше не повторятся. Въ настоящее время, господа, мы должны охранить эти культурные оазисы отъ распыленія среди массы мелкихъ земельныхъ собственниковъ; мы должны помочь помѣщикамъ вернуть ихъ бывшія мѣста въ земствѣ, по выборамъ, однимъ словомъ, вернуть ихъ на землю, добытую доблестной службой ихъ предковъ. Какъ вамъ уже всѣмъ извѣстно изъ циркуляра, вамъ вмѣняется въ обязанность при образованіи особо-выдѣленныхъ культурныхъ участковъ нарѣзать ихъ безусловно въ размѣрѣ полной земской ценовой единицы. Очевидно, уже многіе изъ васъ исполнили это съ большой вдумчивостью и усердіемъ. Благодарю васъ, Николай Петровичъ, вы прекрасно поняли мысль его превосходительства.

Ликвидаторъ, стоявшій у плана, покраснѣлъ отъ радостнаго волненія.

„Товкачи!“ — подумалъ Безсоновъ, и ему стало даже на минуту смѣшно. Потомъ безконечное чувство гадливости поползло ему въ душу. Чтò это — законъ? Нѣтъ: только циркуляръ, только воля его превосходительства — но сомнѣвій нѣтъ никакихъ, все что угодно и какъ угодно. Болѣзненно-смѣшная мысль пришла Безсонову въ голову.

„Не предложить ли начальству мое счастливое изобрѣтеніе: фокусъ, достойный двухъ фокусовъ Ивана Николаевича?.. — Господа, куплено имѣніе въ 500 десятинъ, по 100 рублей за десятину, у дворянина и своего человѣка. Земскій цевзъ — 250 десятинъ, который и выдѣляется. Необходимо пожалѣть быв-

шаго владѣльца стараго дворянскаго гнѣзда. И такъ, господа, въ одной рукѣ у меня 250 и въ другой столько же. Разъ, два, три! Пожалуйте, господинъ дворянинъ, 250 десятинъ за 12.500 рублей; берите, милые люди, 250 десятинъ за 37.500 рублей. Не хотите? Дорого? Бойкотъ? У насъ есть переселенцы-хохлы“. — Тяжелыя думы овладѣли Безсоновымъ. Онъ сталъ смотрѣть въ окно, за которымъ жила полная истомы красавица лѣтняя ночь. Серебрились въ лунномъ сіяніи зарѣчныя дали. Кривой точкой свѣтилось пламя костра на дугу. На лѣсъ ниспала дымчатая вуаль.

Рѣзкій голосъ вывелъ Безсонова изъ прекраснаго, умиляющаго душу созерцанія.

— Господа, на сегодня засѣданіе объявляю закрытымъ. Завтра засѣданіе начнется въ десять часовъ утра! — объявилъ уполномоченный, начиная стереотипно дружески потрясать всѣмъ на прощанье руки.

„Какъ все это скучно и какъ безнадежно!“ — подумалъ Безсоновъ.

VI.

Снова тотъ же залъ, тѣ же лица, чинно сидящія за длиннымъ столомъ. Новое лицо — губернаторъ, небольшого роста господинъ, въ форменномъ кителѣ и съ причудливыми запонками на маншетахъ. Все по старому, какъ и вчера. Передъ объемистымъ планомъ стоитъ пухлый блондинъ съ идиотскимъ выраженіемъ лица. Голосъ уполномоченнаго звучитъ нынче какъ-то особенно звонко и нагло.

— Это дѣлаетъ вамъ честь, что вы возбудили настоящій вопросъ. Конечно, мы не можемъ ровнять мужика, бывшаго въ товариществѣ, земля котораго за невзносъ платежей перешла къ банку, и того мужика, который является къ намъ впервые, несетъ денежки въ задатокъ и признаетъ всѣ преимущества единоличной собственности. Нѣтъ, первому мужику мы должны связать: ты ненадежный плательщикъ, изволь уплатить по долгу товарищества недоимку, 10—15% задатка — и тогда, пожалуй, получай свою старую землю; въ противномъ случаѣ ступай вонъ, ты ненадежный покупатель, ты нищій, и нечего тебѣ дѣлать на банковской землѣ.

Во время этой тирады губернаторъ нервно ёрзалъ на креслѣ. Когда уполномоченный кончилъ, губернаторъ сказалъ:

— Помилуйте, Александръ Александровичъ, но это ужъ слишкомъ. Вы только посудите сами: у товарищества отобрали землю, посѣвы, постройки, и когда крестьяне хотятъ возвратиться на землю уже на правахъ единоличной собственности, имъ продаютъ ту же землю по повышеиной оцѣнкѣ, ихъ же старыя постройки—опять-таки за плату, и въ довершеніе всего вы желаете требовать съ нихъ уплаты недоимокъ по долгу товарищества. Какъ хотите, но это слишкомъ.—Голосъ губернатора дрожалъ отъ чувства искренняго возмущенія.

— Но мы, ваше превосходительство, должны въ такомъ духѣ толковать статью 41-ую инструкціи: иначе могутъ пострадать коммерческіе интересы банка—возразилъ уполномоченный.

— Наконецъ, подобная практика банка можетъ вызвать неудовольствіе, упреки—замѣтилъ губернаторъ.

Уполномоченный повернулся всѣмъ корпусомъ къ губернатору, и голосъ его зазвучалъ еще болѣе фальшиво, еще противнѣе.

— О, ваше превосходительство, мы должны бояться только справедливыхъ упрековъ, а на несправедливые упреки, которыхъ, къ сожалѣнію, такъ много, мы будемъ отвѣчать презрительнымъ равнодушіемъ.

Губернаторъ сталъ волноваться все больше и больше: видно было, что онъ сдерживается черезъ силу.

— Простите, Александръ Александровичъ, но это грабежъ, беззастѣнчивый грабежъ. Нужно пожалѣть мужика. Я съ вами не могу согласиться.

— Напрасно, ваше превосходительство, но повторяю: нужно съ мужика, бывшаго недоимщика по товариществу, брать недоимку—безъ пощады, безъ малѣйшаго снисхожденія. И не только съ него, но если его сынъ или внукъ покупаетъ, и съ тѣхъ нужно требовать недоимку въ теченіе по крайней мѣрѣ пятнадцати лѣтъ.

Безсоновъ слушалъ съ большимъ интересомъ. Къ нему нагнулся знакомый ликвидаторъ и съ подавленнымъ смѣхомъ сказалъ:—По крайней мѣрѣ пятнадцать лѣтъ. Восхитительно! Новое гражданское право творимъ.

— Какъ хорошо, что нашъ высокій патронъ не содержатель ссудной кассы, а то невзначай заложилъ бы ему часы, а онъ и цѣпочку потребовалъ бы—сказалъ Безсоновъ.

— Но вѣдь только въ теченіе пятнадцати лѣтъ, и то лишь при случаѣ!—заливался ликвидаторъ тихимъ, сдавленнымъ смѣхомъ. Безсоновъ посмотрѣлъ на управляющаго. Въ его умномъ взглядѣ

видѣлся затаенный смѣхъ, смѣхъ прекрасно скрытый субординаціонной дисциплиной и хорошимъ воспитаніемъ.

— А я, простите, все же называю и назову все это грабежомъ. Впрочемъ, я напишу свои соображенія Семену Семеновичу—сказалъ губернаторъ.

— Прекрасно!—обрадовался уполномоченный.—А я, кромѣ того, внесу данный вопросъ на разсмотрѣніе комитета.

Оба представителя власти сердито смолкли. Сконфуженно продолжаетъ свой докладъ ликвидаторъ. Онъ повѣствуетъ о своемъ желаніи прирѣзать къ усадьбѣ банковскіе огороды, смежные съ крестьянской землей, и создать такимъ образомъ новое дворянское гнѣздо.

— Зачѣмъ прирѣзать еще землю? Подъ усадьбой находится 15 десятинъ, что вполне достаточно для уютной дачи—говорить губернаторъ.

— Ваше превосходительство, мы желаемъ создавать новыя земскія ценовыя единицы. Мы желаемъ вернуть дворянамъ ихъ земли, утраченныя ими въ печальные дни иллюминацій!—патетически воскликнулъ уполномоченный.

Губернаторъ заёрзалъ на мѣстѣ.—Но позвольте, Александръ Александровичъ: вѣдь не сегодня-завтра земскій цenzъ будетъ пониженъ, что и дастъ возможность помѣщикамъ вернуться хозяевами въ деревню. Я знаю хорошо данный уѣздъ и это имѣніе. Тамъ земля для крестьянина безусловно дороже золота, тамъ необходимо быть сккупными на землю, а не создавать латифундіи—сухо замѣтилъ губернаторъ.

— Мы должны идти быстрѣе законодательства. Жизнь не ждетъ, культурный элементъ быстро убываетъ изъ деревни. Непремѣнное желаніе Семена Семеновича—возсоздать аристократовъ земли.

— Я не слыхалъ о такомъ законѣ. Когда же онъ вышелъ?—спросилъ губернаторъ.

— Это дѣло недалекаго будущаго. Нѣтъ никакихъ сомнѣній, что комитетъ утвердитъ наше предположеніе.

— Тогда не лучше ли повременить?

— Ни въ какомъ случаѣ, ни одной минуты!—загорячился уполномоченный.

— Тогда я протестую.

— Но развѣ, ваше превосходительство, это не будетъ ложкой дегтя въ бочкѣ меда, помѣхой въ дружной работѣ объединеннаго правительства?—язвительно-угрожающе замѣтилъ уполномоченный. Ударъ былъ нанесенъ вѣрной рукой: пробормотавъ

что-то, губернаторъ замолкъ. Побѣдно и злобно звучалъ голосъ молодого человѣка.

Въ открытое окно дышаль теплый лѣтній вѣтерокъ, пропитанный радостью далекихъ зарѣчныхъ полей. Безсоновъ зажалъ уши, чтобы не слушать этихъ мутныхъ потоковъ убійственно-скучнаго, однообразнаго угодничества.

— Господинъ Безсоновъ, прошу васъ!—послышался ему словно сквозь сонъ все тотъ же фатоватый и лживый голосъ. Безсоновъ захватилъ два плана и вышелъ къ доскѣ. „Совсѣмъ какъ въ гимназiи; чего добраго, отмѣтки ставятъ за поведение и успѣхи!“—подумалъ Безсоновъ. Глаза уполномоченнаго устали на него недружелюбно-внимательно. Губернаторъ съ сосредоточеннымъ видомъ шлифоваль погги. Безсоновъ говорилъ долго. Онъ напередъ зналъ, что его проектъ разбивки лѣса на отруба будетъ проваленъ, но зналъ также, что этотъ юмористическій планъ былъ необходимъ для того, чтобы земля не ушла отъ крестьянъ и не попала къ миллионеру-кулаку, цѣпкiя, жестокiя руки котораго уже давно тянулись къ этому золотому дну, дремучему, сказочно-прекрасному чернолѣсью. „Всякую теорему можно доказать отъ противнаго“—думаетъ Безсоновъ, и ему становится весело при мысли о томъ, что никогда этотъ лѣсъ не попадетъ въ заводскiя печи купца-миллионера. Безсоновъ развѣртываетъ второй плащъ Ручьевки.

— Усадьба. Прекрасно. Вы говорите, что крестьяне не берутъ хутора. Почему? Вѣроятно бойкотируютъ?—спрашиваетъ уполномоченный.

— Ходоки ушли въ Сибирь. Ждутъ ихъ обратно.

— Но тутъ усадьба. Можно сдѣлать прекрасную ценовую единицу. Вы продумали? Нѣтъ, видно вы не продумали!—голосъ уполномоченнаго звучитъ нагло. Безсонова начинаеть разбирать злость.

— Вполнѣ продумалъ и пришелъ къ убѣжденiю, что думать о созданiи здѣсь ценовой единицы—невозможно!—сказаль онъ сухо и привился доказывать искусственность конфигураци будущей ценовой единицы и ея экономическую нежизнеспособность. А въ головѣ у Безсонова вставали другiя мысли. „Возвратятся ручьевскiе ходоки вѣроятно несолоно хлебавши... Уйдетъ бапковская земля—совсѣмъ плохо имъ будетъ на голодномъ надѣлѣ. Въ общее владѣнiе лугъ можно будетъ имъ отвоевать“.

Нѣхотя и сердито уполномоченный уступаль его доводамъ. Въ концѣ доклада Безсоновъ порадовалъ губернатора тѣмъ, что

крестьяне берутъ отрубъ, и огорчилъ уполномоченнаго мизерностью получаемыхъ съ крестьянъ задатковъ. На колокольнѣ собора часы отчетливо пробили девять, когда уполномоченный закрылъ засѣданіе. Всѣ были голодны и безконечно злы отъ нуднаго сидѣнья. У Безсонова кружилась голова отъ усталости; онъ прощался съ однимъ ликвидаторомъ уже шестой разъ и говорилъ другому что-то о колодцахъ. Наконецъ-то надъ нимъ потемнѣвшій пологъ неба! Безсоновъ почувствовалъ себя одинокимъ, какъ никогда; возвращаться въ затхлый номеръ гостиницы ему не хотѣлось, и онъ рѣшилъ отправиться въ загородный садъ. Онъ былъ голоденъ и прошелъ въ буфетъ. По дорогѣ его кто-то окликнулъ. За столикомъ сидѣла сильно подгулявшая компанія въ форменныхъ фуражкахъ.

— Присаживайтесь къ намъ. Вы намъ, глухимъ провинціаламъ, послѣднія новости поразкажете! — громко говорилъ Безсонову его знакомый Мидяшинъ, земскій начальникъ сосѣдняго уѣзда.

Безсоновъ подошелъ къ компаніи. Незнакомымъ для него оказался только какой-то грузный старикъ въ дворянской фуражкѣ и чесунчевой поддевкѣ.

— Ты оставь, Петръ, такъ говорить: вѣдь ты все же особа VI-го класса—говорилъ Мидяшину толстый земскій съ лицомъ, на которомъ застыло выраженіе грустнаго недоумѣнія.

— Что ты думаешь, я революцію пускаю. Ничуть. А только что твои выдѣлы гадость и на нихъ жить невозможно, такъ это правда,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, бросьте, охота вамъ!—прохрипѣлъ пьяный бастъ.— Выпьемъ еще. А только оно правда, что обидно: за выдѣлъ да вдругъ цѣлковый. Я на чай лакею въ „Центральной“ столько даю.

Безсоновъ молча слушалъ. Мидяшинъ подмѣтилъ его удивленіе и громко разсмѣялся.

— Это мы толкуемъ про послѣдній циркуляръ нашего превосходительства: за сто выдѣловъ намъ, земскимъ начальникамъ, общано по 100 рублей, иначе: за одинъ выдѣлъ рубль-цѣлковый. Понимаете ли вы, въ чемъ тутъ вся драма: выдѣлъ—дѣло неизмѣримой важности, для мужика это—ломка всей его жизни, всей психологіи, а тутъ циркуляръ: торопиться съ выдѣлами, при чемъ за выдѣлъ—рубль-цѣлковый награды.

Безсоновъ слушалъ уже безъ удивленія.

— Значить, у васъ не лучше, чѣмъ у насъ?

Отвѣтомъ на вопросъ Безсонова былъ дружный смѣхъ всей компаніи.

— Алексѣй Михайловичъ идетъ впереди всѣхъ: у него 280 выдѣловъ!—говорилъ толстякъ въ дворянской фуражкѣ.

— И какихъ выдѣловъ: на томъ свѣтѣ отолюбятъ ему его выдѣлы. Но что же дѣлать: ужъ больно человекъ лютъ къ волѣ начальства!—сказалъ Мидяшинъ.

— А ты, Петръ, кукиша въ карманѣ не кажи, на это мы всѣ больно храбры!—строго замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Да я вовсе не въ карманѣ кукишь кажу, а очень даже открыто. Сдѣлалъ два выдѣла и безъ хвастовства скажу—очень приличныхъ. Но, конечно, я дезертирую, дѣлаюсь честнымъ негодіантомъ и буду съ Англіей рогожей да лыкомъ торговать.

— Не дворянское это дѣло торговать—хмуро замѣтилъ сумрачный земскій.

Мидяшинъ только свистнулъ въ отвѣтъ. У Безсонова стала кружиться голова отъ выпитаго вина.

— И ничего-то изъ всего этого не выйдетъ путнаго!—сказалъ толстякъ въ красной фуражкѣ.

— Я деревню прекрасно знаю, мужика насквозь вижу, вѣдь не даромъ восемнадцать лѣтъ земскимъ состою, и конечно ничего хорошаго не ожидаю отъ всей нашей землеустроительной суетни. Потому больно чудна наша матушка Россія. Вотъ мы выдѣлы стряпаемъ, а мужики къ чудотворцу идутъ клятву давать, что общину соблюдать по старинѣ будутъ. Мы союзникамъ всяческія поблажки дѣлаемъ, а они у себя въ чайныхъ о черномъ передѣлѣ шушукуются. Я давно пересталъ удивляться—съ печальною искренностью говорилъ земскій съ интеллигентнымъ, умнымъ лицомъ.

— Милый мой другъ, вообще удивляться, говорю вамъ самымъ серьезнымъ образомъ, вещь весьма глупая. Жизнь идетъ по своимъ строго логическимъ законамъ. Если плохой охотникъ вмѣсто зайца убиваетъ свою вѣрную собаку, то удивляться здѣсь рѣшительно нечему!—замѣтилъ Мидяшинъ, насвистывая вальсъ изъ „Веселой вдовы“.

— Знаете ли, что въ нашу комиссію прислали въ видѣ поясненія къ наказу? Прислали брошюру: „Земельный вопросъ въ Ирландіи“. На кой она намъ чортъ?—слышалъ Безсоновъ пьяно-возмущенный голосъ.

— Иной разъ мнѣ кажется, что я не предсѣдатель союза...

— А кто же?

— Революціонеръ.

— Дуракъ ты! вотъ что я тебѣ скажу.

Было сильно пьяно. Мимо буфетной террасы прошли двѣ женщины, одна въ косынкѣ, другая въ убогой зеленой шляпкѣ съ какимъ-то глупымъ коричневымъ цвѣткомъ.

— Нютка, поди сюда!—повелительно крикнулъ Мидяшинъ.

Женщина въ шляпкѣ послушно подошла. Совсѣмъ молодое лицо, глухие глаза, крупныя веснушки.

— Годъ назадъ по деревнѣ бѣгала, а теперь въ ночныя феи попала. Держи цѣлкачъ!—сказалъ Мидяшинъ. Дѣвушка дико глянула и зажала въ рукѣ серебряный рубль.

— Съ тобой кто?

— Лушка,—по деревенски на-распѣвъ протянула она.

— Тоже изъ Егорьевки?

— Ага.

— Зови.

Дѣвушка стремительно бросилась къ подругѣ.

— Держи, шаршавая!—сказалъ Мидяшинъ и далъ Лушкѣ рубль.

— Что ты, Петръ, глупишь?—строго сказалъ толстый земскій.

— Сентиментальничаю. Мои выдѣлы въ Егорьевкѣ—сердито отрѣзалъ Мидяшинъ.

Дѣвушки, сконфуженно хихикая, ступевались. Разговоръ, словно подгоняемый сильнымъ хмелемъ, быстро перешелъ на вѣчную тему о женщинахъ, о томъ, какъ добиться успѣха и кто какимъ манеромъ на своемъ вѣку губилъ женскія сердца. Говорились скабрѣзныя вещи, передавались губернскія сплетни. Безсоновъ сильно усталъ. Онъ распрощался съ компаніей и вышелъ изъ сада. На небѣ тучи закрыли луну; было душливо и тревожно. Безсоновъ вздрогнулъ: изъ темнаго, узкаго переулка на него метнулась громадная мужская фигура.

— Ваше благородіе. Не осерчайте, второй день васъ ищу. Ужъ сдѣлайте такую божескую милость, продайте мнѣ участочекъ: на двѣсти сажонъ ближе моя усадьба, чѣмъ Кузьмина, а селиться мы не желаемъ!—умоляюще зашептала фигура, въ которой Безсоновъ съ удивленіемъ узналъ крестьянина Ершова.

— Ты какъ меня подкараулил? Какъ нашель?—спросилъ Безсоновъ.

— Потому, ваше благородіе, всѣмъ доподлинно извѣстно, что господа ночью завсегда гуляютъ.

— „Однако характеристика не изъ важныхъ“, — подумалъ Безсоновъ и сказалъ:—Ты, Ершовъ, не тревожься. Я тебѣ обѣщаль отрубъ—тебѣ и продамъ. Жеребья съ Кузьминымъ вы не захотѣли тянуть—такъ ужъ твое такое счастье, что ближе твоя

изба къ отрубѣ оказалась. Иди съ Богомъ въ деревню: время теперь рабочее, дорогое.

Мужикъ подошелъ совсѣмъ близко къ Безсонову.

— Ну, спасибо тебѣ, родимый. На тебѣ, родимый, на бумагу, аль на што хопь!—сказаль онъ, и Безсоновъ почувствовалъ, что мужикъ хочетъ ему что-то сунуть въ руку.

Въ первую минуту Безсоновъ ничего не понималъ, но вдругъ словно молнія прорѣзала его сознание мысль, что ему даютъ взятку, оскорбляютъ глупо и подло. Въ грудь Безсонова что-то тяжело подкатило; въ ухахъ болѣзненно зазвенѣло. Любопытная дура выглянула изъ-за тучъ и посмотрѣла на интересную сценку. Вѣроятно, у Безсонова на лицѣ было написано что-то сильное и страшное. По крайней мѣрѣ мужикъ громко кивнулъ: „обознались“! и опрометью бросился въ узкій переулокъ, откуда выскочилъ. Это „обознались“, это паническое бѣгство гигантскаго роста мужика были такъ комичны, что безумный хохотъ овладѣлъ Безсоновымъ. „Обознались“—какъ это типично! Именно обознались, какъ сказаль мужикъ, а не обознался. Всѣ обознались: мужики, дворяне, чиновники и, наконецъ, вся Россія. О, еслибы всѣ повторили это честное, хорошее слово, отъ котораго поворотъ къ правдѣ!

VI.

Взять было мученье. Въ дьявольскомъ вихрѣ крутились по дорогѣ сѣровато-грязные столбы пыли. Въ довершеніе всего было удушливо жарко, а ящикъ поѣхаль на Ручьевку дальней дорогой, черезъ большое село Липяговку. Вотъ и оно; теперь скоро Ручьевка. Изъ-за пригорка лихимъ ходомъ вылетаетъ тройка. Сквозь облако грязной пыли Безсоновъ узналъ земскаго и непремѣннаго члена комиссін. За вздрогнувшимъ мостикомъ шла деревенская улица. Безсоновъ взглянулъ и разомъ понялъ, что въ этомъ громадномъ мужицкомъ ульѣ произошло событіе большой важности. Было шумно и тоскливо-пьяно. Бабы и ребятишки съ тупымъ вниманіемъ слушали, что гуторятъ мужики. Печальной, стильной декораціей было небо молочнаго, беспросвѣтнаго тона, да обуглившіяся черныя головешки недавняго пожара.

— Эй, православные, дай дорогу!—крикнулъ ящикъ. Но православные не дали дороги; не ломали, какъ обычно, передъ его благородіемъ шапокъ. Въ этихъ мутныхъ глазахъ, большихъ въ большинствѣ случаевъ трахомой, Безсонову чудилось что-то

новое, еще никогда имъ невидѣнное въ флегматичномъ взорѣ русскаго мужика.

— Эй, вамъ говорятъ, подайся! ихъ благородіе разсерчаетъ— крикнулъ ямщикъ.

— И пушай себѣ!..

— Ъхаль бы околицей... Нашель себѣ какую дорогу!

— Нѣшто не видишь: сходъ?— Молодой, сильно пьяный парень схватилъ-было лошадей подъ уздцы, но сѣдой мужичонка неодобрительно повелъ головой, и парень мигомъ ступевался. Безсоновъ вылѣзъ изъ телѣжки. Смѣшаться съ этой толпой и въ минуту ея тоскливаго возбужденія услышать хоть одно откровенное, широкое слово—было желаніемъ Безсонова. Онъ зналъ, что крестьяне немного отмякли отъ его обращенія съ ними, отъ того, что онъ „совѣстливый ликвидаторъ“ и „задатками народъ не мучаетъ“; но онъ чувствовалъ, что есть какая-то великая тайна, которую мужикъ никогда не откроетъ барину. Вликій сфинксъ—смѣшной или ужасный.

Безсоновъ пошелъ впереди тройки, которая шагомъ двинулась за нимъ. Толпа раздалась.

— Здравствуйте, добрые люди! О чемъ толкуете?— сказалъ Безсоновъ.

— Господинъ земскій объявилъ, что землю нашу мірскую отнимать будутъ.

— Что, значить, мы, крестьяне, по старому обычаю жить не смѣемъ, а по новому должны строиться.

— А мнѣ такъ, братцы, сдается, что господинъ земскій не по сурьезному, а, значить, только пугаетъ.

— Нѣшто ему пугать насъ: мы и такъ у его въ страхѣ.

— Нѣтъ, Иванъ Пахомовичъ, не дѣло ты говоришь. А ужъ намъ все извѣстно, что новая крѣпъ наступитъ въ тринадцатомъ году. Значить, какъ перегонять насъ на хутора, сейчасъ господамъ и раздадутъ. Ей-ей! Очень даже хорошо извѣстно, кому наше общество предназначается: кто до волчьаго оврага жить будетъ, тѣ Егору Афанасьевичу дворовыми стануть, а прочіе кто—графскими,—говорилъ сухонькій старичокъ.

— Полно, старикъ, побойся ты Бога, зачѣмъ народъ мутить! Никогда новой крѣпи быть не можетъ, а если выдѣляютъ крестьянъ изъ общины, то о нихъ же думаютъ: крестьянская земля, имъ и владѣть ей предстоитъ вѣчно, безъ передѣловъ—ласково сказалъ Безсоновъ.

Старикъ весь затрясся и на его выплѣвшихъ, безстрастныхъ глазахъ загорѣлись крупныя слезы.

— Эхъ, ваше благородіе, правды въ нашей мужицкой не знаете! Теперь, значить, объявились къ намъ въ общество такія личности, что никто ихъ не знаетъ и не видывалъ никогда. Мы имъ свое сомнѣніе на ихъ личность открыли, а господинъ земскій взял да и отдалъ имъ нашъ лужокъ: „владайте, говоритъ, други, потому они противъ моей личности возстали“. Да ты только подумай, баринъ: лужокъ-то нашъ красота небесная, кажинный годъ всѣмъ обществомъ его передѣляли, косою землю мѣрили, а тутъ, скажи на милость, какое немилосердіе: неизвѣстнымъ личностямъ отдали нашу красоту!—Голось старика звучалъ искренно и печально. Безсоновъ хотѣлъ говорить, но въ это время изъ ближней избы донеслись дикіе, пчеловѣческіе крики. Безсонову показалось, что совершается жестокое убійство. Медлить нельзя. Онъ однимъ порывомъ бросился къ избѣ, на порогъ чуть не растянулся и сильно стукнулся о притолку. Въ избѣ натоплено безумно жарко, синій чадъ крѣпко схватываетъ голову, окна плотно закрыты. Изъ русской печи торчатъ чьи-то голыя толстыя ноги. Похожая на сказочную бабу-ягу старая мордовка суетится около печи.

— Соломки постели побогаче. Какъ бы Степавидушка не обгорѣла. Ребеночекъ лѣвшой родится тогда, а супружница и совсѣмъ помереть можетъ.

Молодой мужикъ, съ льяпыми длинными волосами, поклонился Безсонову.

— Супружница моя изволятъ разрѣшаться ребеночкомъ. Одно слово, значить, отпарить брюхо ей нужно, чтобы легче рожать было.

Безсоновъ дико смотрѣлъ на эту картину. Стоны прекратились.

— Ну, что пришелъ глядѣть? Иди къ мужикамъ. Не твое тутъ дѣло!—сердито набросилась на Безсонова мордовка.—Митрій Никитичъ, полей изъ ведерочка кваскомъ супружницу: кажись, обмерла.

Безсоновъ вышелъ изъ избы. Ему было стыдно своего выппада, достойнаго Донъ-Кихота. Страшной, безконечно страшной показалась только что видѣнная картина непобѣдимой на Руси власти тьмы. И на деревенской улицѣ продолжался этотъ цѣпкій, живой кошмаръ.

— А, говорятъ, Россія отъ Китая опять золотой клинъ отшибла. И всякому нашему мужику, значить, даетъ тамъ землю, избу, да ихнюю бабу.

— И по старому тамъ жить разрѣшается.

Безсоновъ прошелъ къ своей тройкѣ. Разступилась толпа; тряхнули лошади, загремѣли бубенцы. Мужики вѣхота снимали шапки; иные отворачивались. Быстро пробѣжала длинная деревенская улица. Долго Безсонова не покидало тяжелое впечатлѣніе отъ только что видѣнныхъ картинъ безпомощнаго горя, давящаго мрака, черныхъ, грозящихъ небу и людямъ, зловѣщихъ скелетовъ погорѣлой деревни.

Когда Безсоновъ добрался до Ручьевки, начался дождь. Крупныя капли тяжело и нерѣшительно падали на пыльную дорогу. Издалека ползли сизыя грозовыя тучи. Въ маленькой сторожкѣ было темно и печально: въ окно предгрозовая тишина не давала воздуха, тусклая лампа копѣла, изъ-за стѣны доносился плачь больного сынишки старосты. Сторожка полна ручьевскими. Когда на ликвидаціонномъ съѣздѣ Безсоновъ думалъ о возможной неудачѣ въ Сибири ручьевскихъ ходоковъ, онъ не ошибался. Ходоки вернулись дней пять тому назадъ. Неудача была полная: земля оказалась еще хуже ручьевской. Погоревали ручьевскіе, пьянствовали два дня, хоть и было время передъ Успеньемъ горячее, проломили двумъ ходокамъ головы, да и пошли всѣмъ обществомъ къ Безсонову за участками и въ одинъ день всѣ ихъ разобрали. Но не было никакихъ надеждъ: Высова расцѣпка, ваше благородіе, — не оправдаетъ себя участокъ, — какъ бы намъ на общество отдали, тогда бы статья иная, — твердили постоянно ручьевскіе и заключительнымъ печальнымъ аккордомъ обыкновенно добавляли: — Погибшій мы народъ, нищій, одно слово, потому насъ и знать не желаютъ.

Безсоновъ раздавалъ крестьянамъ запродажныя условія. Мужички ухитрились мгновенно обратить розоватую чистенькую бумагу во что-то грязное и безформенное и затѣмъ уже прятали ее въ нѣдра посконныхъ портковъ. Долго калякали они съ Безсоновымъ, прося его уберечь ихъ отъ Митрія Ивановича, который зарится на участочекъ № Б, безъ котораго ихъ скотинѣ придется „хоть по вѣтру летать“. Толковали о мірской межѣ, о томъ, что хуторянинъ Черновъ больно сердить и дорого за выпасъ съ нихъ беретъ.

— Коли въ своемъ разсудкѣ—50 копеекъ, ежели пьянъ— рубль, а ужъ какъ съ бабой своей подерется, то и два, — сокрушались въ одинъ голосъ мужички.

— А вы зачѣмъ даете? — спросилъ Безсоновъ.

— Да какъ же, ваше благородіе, не дать, коли онъ лучшую землю захватилъ, да къ тому же и начальствомъ насъ все пугаетъ. А мы народъ нищій, насъ никто не уважаетъ, — тоскливо

говорили кто-то изъ толпы. Поздно вечеромъ, наконецъ, убрались мужички изъ душевой сторожки. На дворѣ грохотала гроза, полыхала бѣлая молнія, съ неба рушились потоки дождя.

Къ Безсонову съ таинственно-смущеннымъ видомъ подошелъ банковскій староста.

— Ваше благородіе, съ вами человѣчекъ говорить просится! — сказалъ онъ тихо.

— Почему же онъ раньше не шелъ? — спросилъ Безсоновъ.

— Общества сомнѣвался, потому онъ, Дмитрій Акимовъ, свою волю противъ общества обнаружить желаетъ. — Безсоновъ разрѣшилъ. Въ сторожку вошелъ парень съ раскосыми, быстрыми глазами, одѣтый въ клеепчатую шведскую куртку.

„Вотъ онъ, крѣпкій хуторянинъ“, — подумалъ Безсоновъ. И дѣйствительно, это не былъ мужикъ; это былъ именно типичный хуторянинъ, наливающийся кровью паукъ, для котораго міръ, т.-е. вся государственная мудрость мужика — нудный, противный звукъ. Парень наклонился къ Безсонову и сказалъ:

— Облыжно все они. Не вѣрьте, ваше благородіе.

— Что облыжно? — говори толкомъ.

— Да вотъ, что они на лужокъ-то зарятся. Нестоющій они народъ, все только бы человѣку поперекъ дороги стать, а сами первые смутьяны. Третій день на сходѣ положили у господина банка лужокъ за наличныя деньги купить, вчера порѣшили на три года разсрочку просить, а нынче ужъ на 55 лѣтъ толкуютъ. Не осилимъ, молъ. Не осилишь, такъ отступись, — другіе осилятъ! — и вдругъ парень съ какимъ-то звѣринимъ воемъ бухнулся Безсонову въ ноги.

— Ваше благородіе, золото драгоцѣнное, запишите на меня литеру Б эту самую; вѣдь они только время канителютъ, а народъ и совѣмъ зрящій. Задатку банку внесу, сколько причитается, а то и наличныя выложу. Я не имъ ровня! — заливался парень быстрыми словами, частенько стучая объ полъ лбомъ.

Безсонова начинала злить эта гнусная сцена.

— Встань! — сказалъ онъ тономъ, не допускающимъ возраженій. Парень мигомъ вскочилъ, вытянулся по военному и принялъ приличный видъ.

— Теперь слушай: участокъ подъ литерой Б еще не отмежеванъ и проданъ быть теперь не можетъ; а потомъ я буду хлопотать, чтобы его банкъ продалъ крестьянамъ въ общее владѣніе. — Парень сразу осунулся и присмирѣлъ. Затѣмъ снова затараторилъ быстрыми, отрывистыми словами. Мысли, мечты бѣжали съ поразительной быстротой, но въ отрывистыхъ, несвяз-

ныхъ словахъ Безсоновъ читаль интересную повѣсть о будущемъ миллионерѣ, о крѣпкомъ человѣкѣ бѣдной родины. Парню двадцать два года, у него уже есть одинъ банковскій хуторъ, самъ онъ лѣсной приказчикъ у купца миллионера, вся Ручьевка ему должна и сѣменами, и деньгами. Участокъ № Б, котораго онъ съ такой страстностью домогается, нуженъ ему для того, чтобы перехватить узкую и быструю въ томъ мѣстѣ рѣчку, поставить лѣсопильную машину и дѣлать ящики на табачныя фабрики — мимоходомъ же постараться отвести рѣчку на старое русло и взять съ хуторянина Егора Фягина, уже поставившаго мельницу, хорошее отступное. „Вотъ она, деревенская сила!“ — думаль съ горечью Безсоновъ. Мечты парня неслись неудержимо впередъ. Онъ уже просилъ Безсонова продать ему усадьбу съ правомъ снести каменный барскій домъ. И снова лицо мужика одеревенѣло отъ печали, когда онъ узналъ, что господинъ ликвидаторъ хлопочетъ о томъ, чтобы въ домѣ устроить земскую шеолу. Съ полуслова Безсоновъ понималь Акимова: купить участочекъ, благо дешево оцѣненъ, снести домъ и продать кирпичъ на постройку, уплатить банку наличными, а тамъ и придавить участочкомъ на бѣдныхъ ручьевскихъ, его новыхъ батраковъ. Долго молиль онъ Безсонова, то объ усадьбѣ, то о лугѣ; наконецъ, видя, что его мольбы не помогаютъ и ликвидаторъ начинаетъ сердиться, парень снова растянулся на землѣ и, пообѣщавъ придти завтра съ шабромъ, выбѣжалъ, словно ошпаренный, изъ избы. Въ комнатѣ было жарко и душно. У Безсонова разболѣлась голова, и онъ вышелъ на свѣжій воздухъ. Гроза прошла и небо любовно засвѣтилось крупными звѣздами. Безъ шапки, въ какомъ-то изступленномъ забытѣ бродила по двору чья-то тѣнь.

— Нестоющій человѣкъ, зрящій человѣкъ — слышаль едва слышно Безсоновъ тихій, полубредовой лепетъ Акимова.

„Это по моему, очевидно, адресу“, — подумаль Безсоновъ. Парень натолкнулся на Безсонова, дико глянулъ на него и черезъ секунду верхомъ на лошади уже летѣль съ господскаго двора.

Жестко было лежать на кованномъ сундукѣ. За стѣной надрывался отъ плача большой ребенокъ. Въ низкое окно смотрѣлось звѣздное небо. Спать не хотѣлось. Безсоновъ думаль о томъ, что въ концѣ концовъ онъ служитъ безнадежному дѣлу, которое въ итогѣ можетъ дать только отрицательные результаты. Дѣйствительно, каковъ тотъ законъ, который онъ, рядовой отъ землеустройства, проводить въ жизнь? Но закона даже нѣтъ: есть коротенькая циркулярная инструкція, чисто кабинетное измы-

шленіе, не дающее отвѣта на самые насущные вопросы деревенской жизни. Возможно, однако, что планъ кампаніи плохъ, но полководецъ и солдаты таковы, что побѣда обезпечена. Полководецъ? Бездарный администраторъ, девизъ котораго, какъ и фон-визинскаго Скотинина: всякій убытокъ, чѣмъ за нимъ ходить, содрать съ своихъ крестьянъ. — Офицеры? Десятка два воспитанниковъ привилегированнаго заведенія, не желающіе ничего знать, кромѣ собственной карьеры. Когда они являются на мѣста, они вносятъ туда безконечную сумятицу и окончательный хаосъ. Зеленое поле съ просомъ они называютъ травкой, и удивляются, что мужики не пасутъ на немъ скота. Когда они видятъ черное паровое поле, то говорятъ, указывая на него: „Какой мужикъ подлець, жалуется, что земли у него пѣтъ, а посмотрите, сколько земли забросилъ!“ И такъ безъ конца—на первый взглядъ комическихъ, но по существу своему очень и очень печальныхъ исторій. Наконецъ, рядовые отъ землеустройства? Можетъ быть они выручатъ и, какъ суворовскіе чудо-богатыри, перелѣзутъ черезъ Альпы современнаго земельного вопроса. Но и тутъ ничуть не лучше: каковъ попъ, таковъ приходъ. Чтò могутъ и могли создать поваго, крѣпкаго и творческаго всевозможные смотрители волжскихъ пристаней, донскіе казаки, околоточные, обыватели города Златоуста, вольноопредѣляющіеся севастиопольскаго гарнизона и т. д. до безконечности? Противъ этого войска стоятъ мужикъ, какъ за великую святыню хватающійся за обломки сокрушенной общины. Но вотъ мужикъ пошелъ на хутора, упорство его сломлено, онъ призналъ за благо едиполичную земельную собственность. Но кто же этотъ мужикъ, этотъ гражданинъ обновленной Россіи? Три четверти изъ нихъ мірофды-кулаки, жестокіе и неумолимые какъ никто. Купить такой хуторянинъ у банка десятинъ двадцать, потомъ перепродать съ барышомъ въ три тысячи другому мужику—и, глядишь, крѣпкій человекъ уже покупаетъ въ сосѣдней губерніи сто десятинъ. Нарождается батрачество, нарождаются повья слезы. Сплетясь другъ съ другомъ, бродятъ по деревнѣ кошмарные слухи о новой крѣпи—и о черномъ передѣлѣ. И весь этотъ карнавалъ заканчивается шествіемъ спекулянтовъ всякой масти. Безсонову стало смѣшно, когда онъ вспомнилъ, что элегантные фрачные лакеи изъ хорошей губернской гостиницы, гдѣ онъ останавливался, и тѣ не позабыли пріобрѣсти у ливидатора участочки. Тяжелыя, свинцовыя мысли больно сверлили Безсонову голову. На востокъ загорѣлась молитвенно-чистая зоря, когда онъ позабылся слабымъ, тревожнымъ полусномъ.

VIII.

Рано утромъ Безсонова разбудилъ довольно неутѣшительный діалогъ: „Папанька, Борисъ Николаевичъ больно ночью кашлялъ да стоналъ, а потомъ разомъ замолкъ. Поди, померь — лядашій онъ человекъ“, — говорила дочка завѣдующаго, двѣнадцатилѣтняя Катя. „Папанька“ хмуро замѣчаетъ: — „Не жилецъ онъ на свѣтѣ, что и говорить; нужно будетъ Андрею велѣть дверь взломать. Можетъ быть, можно его въ чувствіе привести“. — Безсоновъ, чтобы прекратить подобный разговоръ, отыскалъ сапоги и громко ими застучалъ. Разговоръ прервался. Мужички въ прихожей, обрадовавшись, что господинъ ликвидаторъ не померъ, загудѣли громче. Чей-то голосъ, хриплый и надорванный, торжествующе объявлялъ:

— Ужъ я вамъ говорю, братцы, что вѣрно. Помяните мое слово.

— А все же лучше его благородію не говорить. Пожалуй осерчаетъ.

— Ничего, онъ добрый эксплуататоръ.

„Добрый эксплуататоръ!“ — До какого страннаго званія я дослужился! — подумалъ Безсоновъ.

Когда Безсоновъ вышелъ въ контору, биткомъ набитую мужиками, онъ удивился: ни одного знакомаго лица, ни одного изъ тридцати пяти Жаткиныхъ, ни одного изъ шестидесяти восьми Асташкиныхъ.

— Здравствуйте, ваше благородіе. Пришли мы, значитъ, къ вамъ, чтобы разъясненіе получить, а то смущаемся мы очень — говорить высокій мужикъ. Въ рукахъ у него грифельная доска, исписанная цифрами.

— Откуда вы? — спрашиваетъ Безсоновъ.

— Сусѣдскіе мы, значитъ, вязовскіе. Пришли сюда на базаръ огромный и къ вашему благородію за сумленіями обращаемся. Потому мы народъ темный.

— Ну, говори.

Мужикъ смущенно стучаетъ грифельемъ.

— А вотъ, стало быть, нашъ банковскій чиновникъ написалъ мнѣ бумагу, что продалъ отрубъ за тысячу рублей, съ расплатой на пятьдесятъ пять лѣтъ по сорокъ-пять рублей за годъ. Оно выходитъ не тысяча, а почитай что втрое больше.

— Ваше благородіе — на какомъ же это году манифѣстъ о скоростѣ выйdetъ? — вопрошалъ другой голосъ.

— Гдѣ же будетъ правда, ежели скостки не послѣдуетъ?

— Нѣтъ, это правильно. Ты за свой отрубъ ровно тысячу рублей въ пятьдесятъ пять лѣтъ выплатишь, ни копейки больше!— сказалъ Безсоновъ. Безчисленное количество разъ обращались къ нему мѣстные мужики съ просьбой объяснить насчетъ процентовъ.

— Ваше благородіе, хоть и темный мы народъ, а все-же вы намъ растолкуйте!— сказалъ мужикъ съ грифельной доской. Съ жаднымъ вниманіемъ слушали мужики арифметическія выкладки Безсонова. У него кружилась голова и болѣзненно стучало въ головѣ отъ удушливой жары, нестерпимаго запаха прѣлаго пѣта и лука. Наконецъ вычисления окончены. Прыщавый конторщикъ подщелкалъ на счетахъ всѣ платежи погашенія за пятьдесятъ пять лѣтъ и въ итогѣ получилась безукоризненная тысяча.

— И что за наука такая хитрая, Иванъ Аованасьевичъ! Глядишь и впрямь по его благородію выходить!— удивленно замѣтилъ старческой голосъ.

— А полторы тосячи лишку, значить, какое оправданіе себѣ имѣютъ?— наставительно-строго спросилъ мужикъ съ грифельной доской.

— Это проценты на капиталъ за пятьдесятъ пять лѣтъ. Мужики загудѣли.

— Значить, плати процентъ.

— Да какіе мы плательщики! Мы хуже нищихъ.

— А ты, шаберъ, поставь себѣ въ соображеніе, что пятьдесятъ пять лѣтъ платить нужно. Наука хитрая.

— Вѣстимо дѣло, для нашего брата, крестьянина статья не пригодная.

— Наука, одно слово, сурьзная.

Голоса звучали оскорбленно-сердито.

— Такъ, значить, скостки ни въ какой годъ не будетъ?

— Нѣтъ!— отвѣтилъ Безсоновъ.

— Та-акъ!— протянулъ рыжій мужикъ.— Ну, прощенья просимъ, ваше благородіе.— Вязовскіе медленно повернули сермяжныя спины. А со двора лѣзли уже другіе мужики. Ветхій, хрупкій дѣдушка, тонкій, наивный голосъ ребенка, серебромъ завита борода.

— Мы народъ темный, ваше благородіе, разъясните намъ, сдѣлайте святую божескую милость, какой табый манифестъ о конопляникахъ вышелъ.

Безсоновъ разсмѣялся.

— Не было такого манифеста и быть не может! — сказалъ онъ. Старикъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Какой тамъ вздоръ, ваше благородіе! — Не одинъ къ вамъ пришелъ, а поди со всѣми, кто на деревнѣ посмышленѣе будетъ. Извольте сами спросить, чтѣ нашъ господинъ ликвидаторъ намъ объявилъ. Такъ и обнаружилъ, что банковскіе коноплиники, что въ аренду намъ завсегда ходили, теперь особливому барину отойдутъ для вспомошествованія, а намъ безъ нихъ не жить, лучше умереть. Почитай, отъ самой мірской грани до рѣчки тянутся ровные, т.-е. какъ бархатъ. А тутъ, поди, что за грѣхъ: манифестъ о коноплиникахъ вышелъ! — Голосъ старика дрожалъ, полный стихійной нѣжности къ завѣтнымъ коноплиникамъ. Онъ нагнулся и водилъ по воздуху черной тонкой рукой, желая, вѣроятно, нагляднымъ образомъ доказать Безсонову, какъ хороши и гладки милые ему коноплиники. Безсоновъ понялъ, что дѣло шло о созданіи земской цензовой единицы. Мужички переминались съ ноги на ногу.

— Что же, ваше благородіе, научите, кому намъ слѣдуетъ грамотку написать. А то, можетъ, въ Питеръ людей послать для дѣйствительности? — замѣтилъ унылый бась.

— Никакихъ вамъ грамотокъ писать не надо. Если это манифестъ, тогда будетъ поступлено по правиламъ, а если нѣтъ — тогда ваши коноплиники только въ крестьянскія руки и попадутъ — сказалъ Безсоновъ.

— Ну, спасибо, ваше благородіе, хоть на ласковомъ словѣ, а вотъ намъ писарь объясняетъ, что въ Питерѣ есть такая канцелярія, что всякія крестьянскія прошенія безъ уваженія не оставляетъ, только она въ секретѣ подземельнымъ банкомъ держится.

Безсоновъ махнулъ рукой. Вѣроятно жестъ былъ довольно энергиченъ и вразумителенъ; по крайней мѣрѣ мужики дружной гурьбой двинулись къ двери.

Пришелъ почтальонъ и принесъ цѣлый ворохъ пакетовъ. Пятнадцать циркуляровъ изъ Отдѣленія. Прекрасно. Дальше что? Рапортъ отъ землемѣра: поставлены послѣдніе столбы и проведены межи. Ура! Значитъ свобода, воскресеніе личной жизни. Письмо. На немъ штемпель уѣзднаго города Саратовской губерніи. Безсоновъ начинаетъ читать и съ первыхъ же строкъ письма его точно обдаетъ трупнымъ запахомъ, безнадежнымъ и ужаснымъ. На письмѣ подпись знакомаго ликвидатора... „На дняхъ прогнали волостного писаря за то, что выписывалъ „Биржевыя Вѣдомости“. Наша сельская учительница (къ слову ска-

зять, премилая дѣвушка) Христомъ Богомъ умолила меня не выписывать „Рѣчь“: всѣмъ плохо будетъ—твердитъ она одно. Послушался, иѣриѣ сказать—испугался, а потому и послушался. Интеллигенціи иѣтъ, а то, что обыкновенно называютъ интеллигенціей, давно потеряло обликъ человѣческой, зарычало по звѣриному и захрюкало по свинячьи. Вчера былъ у меня урядникъ, и былъ въ полѣ; онъ произвелъ у меня для пользы службы обыскъ; папился пьянымъ моей водкой и на прощанье заявилъ, чтобы я ему все доносилъ, что замѣчу подозрительнаго. Мужики поголовно думаютъ, что скоро будетъ свѣтопреставленіе; гообразите, и я пачинаю думать то же самое: больно ужъ скверно. Ликвидация идетъ очень скверно по существу, по по статистикѣ здорово. Года черезъ три пачнутъ всходить лядки, а если будетъ неурожай, то и раньше. Я мечтаю объ акцизѣ. Мужики стали молчаливѣе обыкновеннаго и насъ не любятъ еще больше. Чортъ съ ихъ любовью, а все же какъ-то обидно. Хотя по правдѣ сказать, за что имъ насъ любить?..“

Тяжелыя думы охватили Безсонова. Вотъ она—русская дѣйствительность, страшная и смѣшная въ то же время. Онъ сталъ разсматривать присланные изъ Отдѣленія пакеты. Что это, снова жалоба на него?—„Такъ просимъ мы господинъ банкъ приказать его благородію нашему ликвидатору продать огородную землю намъ малоимущимъ и несчастнымъ крестьянамъ сельца Алексѣевки, а не продавать, какъ онъ то въ мысляхъ своихъ имѣеть, богатѣямъ, у которыхъ торговый оборотъ больше чѣмъ на 10.000 рублей“.—Слово въ слово такое же, какъ и 12 полученныхъ Безсоновымъ въ теченіе лѣта изъ Отдѣленія крестьянскихъ на него жалобъ. Глупѣе и обиднѣе всего было то, что эти жалобы писалъ крестьянамъ мужикъ-міроѣдъ, которому Безсоновъ отказалъ въ участкѣ. Теперъ богатѣй старался однимъ выстрѣломъ убить двухъ зайцевъ: досадить ненавистному ликвидатору и заработать съ ошалѣвшихъ отъ страха мужиковъ, сдирая съ нихъ по десяти рублей за прошеніе.—Устарѣло!—подумалъ съ горечью Безсоновъ. Вотъ уже двѣ недѣли, какъ земля перешла въ давно ожидавшія ее руки „малоимущихъ и несчастныхъ“ алексѣевцевъ. Другая жалоба тоже отъ міроѣда: „прошу отдѣленіе приказать его благородію господину ликвидатору не потакать крестьянамъ недоимщикамъ и прочимъ малоимущимъ и не продавать имъ участка подъ лигерой А, а устроить на него торги. Потому слыхалъ я съ огорченіемъ, что сулился господинъ ликвидаторъ крестьянамъ продать эту землю по 148 рублей за десятину, а я сейчасъ наличными даю 160. Неужто госпо-

динь банкъ свои барыши не уважаетъ?.. И ликвидатору самовольствовать позволить?.. Почетный гражданинъ лавочникъ Петръ Ивановъ Лихинъ“.—Поздно!—съ радостью думаетъ Безсоновъ:—земля уже продана крестьянамъ.

Вотъ они, побѣдители современной деревни! Ростовщикъ, трактирщикъ, подпольный ходатай—жестокіе, страшные пауки, которые начинаютъ цѣпко бѣгать по бесконечной паутинѣ покрывшихъ всю Россію новенькихъ приземистыхъ межевыхъ столбовъ.

Безсоновъ слышитъ въ передней робкое покашливаніе.—Кто тамъ? идите сюда!—окрикнулъ онъ. Въ комнату ввалилось чело-вѣкъ десять мужиковъ. Лица знакомы: это тѣ траги-комическіе кижимскіе крестьяне, которые цѣлое лѣто безуспѣшно шагали по уѣзду, разыскивая своего ликвидатора, невѣдомо гдѣ проводившаго медовый мѣсяцъ съ какой-то обольстительной попойшей. „Баринъ сердечный, только къ бабѣ больно пристрастенъ“—говорили про него мужики. Ликвидатора въ концѣ концовъ удалили, и бѣдные кижимцы остались совсѣмъ безъ начальства. Съ Безсоновымъ говорятъ высокій, коренастый мужикъ съ умными, смѣлыми глазами.

— Изъ города мы, значить, къ вамъ напрямикъ, ваше благородіе. Разное толкуютъ про васъ люди: одни, стало быть, говорятъ, что вы въ отдаленіе уѣзжать собираетесь, а въ городѣ намъ обѣщали, что вы и будете нашъ настоящій ликвидаторъ.

— Въ отдаленіе ѣду, братцы, это правда, — улыбаясь, сказалъ Безсоновъ. Рослый мужикъ мотнулъ головой, бросивъ строгій взглядъ на своихъ спутниковъ, и всѣ они словно по командѣ опустились на колѣни. Безсоновъ ненавидѣлъ этотъ холопскій пережитокъ, вбитый въ мужика многовѣковой тьмой и рабствомъ.

— Встаньте, что за глупости!—раздраженно крикнулъ Безсоновъ. Мужики неохотно поднялись.

— Не до глупостей намъ, ваше благородіе!—сумрачно замѣтилъ рослый мужикъ. — Три года купчая не выходитъ, задаточки пропали, районный по краснымъ бумажкамъ деньги требуетъ, а земля, слышь ты, не за нами числится.

— И ни одного столбика нѣтъ, какъ найти свою землицу—никакой возможности нѣтъ.

— Неужто ли за то, что мы штрафные, все еще начальство гнѣвается? Оно—вѣрно: загнали третій годъ господскій скотъ и гуменники подпортили, ну и наказаніе свое нашли.

— До сихъ поръ пухнетъ...

— А господинъ банкъ все серчаетъ.

Хотя господинъ банкъ на кижимцевъ за аграрныя безпорядки и не серчалъ, но дѣло было дѣйствительно скверно. „Никогда не слѣдуетъ возвращаться на свою блевотину. Это еще изъ библіи извѣстно“ — цинично говорилъ родоначальникъ кижимскаго земельного хаоса и сунуль на свою „блевотину“ поваго ликвидатора, чужого человѣка, котораго не жаль. Тотъ зацуталъ дѣло еще больше, и вотъ теперъ Безсонову предстояло расхлебывать заваренную другими кашу. Безсоновъ рѣшилъ отказаться. „Трусъ!“ — шепталъ пасмѣшливый голосъ гдѣ-то въ глубинѣ его сердца. „Нѣтъ, не трусъ!“ — твердо проносилось въ мозгу. „Милости хочу, а не жертвы!“ — вспомнилъ онъ великія слова. Безсоновъ смутно чужалъ, что его невольно можетъ поднять и захватить съ собой громадный черный девятый валъ всей этой безтолковщины, хамства и халатности. Остаться здѣсь, поѣхать въ Кижимъ — да вѣдь это значитъ еще пять мѣсяцевъ не видѣть живого человѣка, отказаться отъ личной жизни, потерять обликъ человѣческой и завуть по звѣриному. А мужицкій голосъ печально просилъ: — Пожалѣйте насъ, ваше благородіе — человѣкъ вы совѣстливый, а намъ предстоитъ раззореніе, и мы всѣ 73 двора въ чахотку впадемъ отъ горести. — Безсонову было грустно слышать эти слова. — Спасибо на добромъ словѣ вамъ, братцы, а только не просите лучше — не могу; долженъ ѣхать въ отдаленіе. — Мужички въ раздумѣ чесали затылки и твердили о своей „незадачѣ“ и о томъ, что они „народъ штрафной“ и потому на особой статьѣ. Въ концѣ концовъ порѣшили отправить грамотку въ комиссію, чтобы „запретъ“ съ нихъ сняли, и въ городъ сходить попросить въ ликвидаторы поставить имъ совѣстливаго человѣка. Долго еще со двора доносились голоса опечаленныхъ кижимцевъ.

Вечеромъ Безсоновъ пошелъ гулять. Благовѣстили въ церкви жидко и торопливо. Съ базара разъѣзжались подгулявшіе мужички. Изъ-за угла улицы выѣхали стражники. „Гей, гей, гей! Весело гуляемъ, пѣсни мы играемъ“ — повторяли они безчисленное количество разъ эти бессмысленныя слова, и пѣсня звучала печально и нагло. За городомъ шли молчаливые лѣса, строгіе, благородныя, въ потускнѣвшихъ тонахъ бабьяго лѣта.

Невольно Безсоновъ подводилъ итоги своей землеустроительной дѣятельности. Онъ чувствовалъ, что удовлетворенія для своего самолюбія онъ не найдетъ, не смотря на удачно оконченное дѣло, не смотря на то, что ни одна справедливая крестьянская просьба не осталась безъ удовлетворенія. Слишкомъ велика была разница

между побѣдителями и побѣжденными, между „банковской милостью“ и цѣпляющимся за „міръ“ мужикомъ, чтобы можно было говорить про нравственное удовлетвореніе. Безсоновъ зналъ, что губернія, гдѣ онъ работалъ, считалась первой въ дѣлѣ банковскаго землеустройства. Однако и здѣсь дѣло обстоило благополучно только въ длинныхъ статистическихъ таблицахъ. Что же дѣлалось въ поволжскихъ губерніяхъ, гдѣ даже по статистикѣ и по мнѣнію оптимистическаго начальства дѣло было швахт, куда широкой волной двинулись переселенцы съ юго-запада, желая на безводныхъ солончаковыхъ степяхъ найти себѣ новую родину?

Бутафорскіе хутора къ пріѣзду петербургскаго начальства, поселки по гребню оползня горы, удобныя земли въ шесть верстъ длины и тридцать сажень ширины—и такъ безъ конца самой ужасной правды на общемъ фонѣ вражды между общинниками и хуторянами, между переселенцами и мѣстными крестьянами. Вотъ та атмосфера, гдѣ должна была возсоздаться новая, сильная культурой Россія.

Путаница все росла; все труднѣе и труднѣе становилось распутать гордіевъ узелъ, завязанный старательными, но неумными околоточными и вольноопредѣляющимися во исполненіе воли начальства. Не было плана, не было работниковъ, не было никакихъ творческихъ результатовъ, если не считать статистическихъ, весьма коварныхъ таблицъ.

Вотъ она, хронологія банковскаго землеустройства: 1905—1906 гг. Усиленная покупка дворянскихъ имѣній по благожелательнымъ оцѣнкамъ.

1907 г. Начальство приказываетъ на мѣстахъ въ три мѣсяца продать всю землю крестьянамъ (примѣчаніе: и въ два года почти ничего не продано).

1908 г. Увлеченіе хуторами и переселеніями. Общинники крѣпятся и ждуть. Угрозы переселенцами и первый пріѣздъ хохловъ.

1909 г. Угаръ хутороманіи и переселенія проходитъ. Эпоха увлеченія богатѣями. Начальство оффиціально приказываетъ брать возможно крупныя съ покупателей задатки.

Безсоновъ попалъ въ этотъ круговоротъ землеустроительной политики и чувствовалъ всѣ послѣдствія этихъ метаній въ отношеніяхъ къ нему крестьянъ. Мужикъ вообще не любитъ барина, особенно начальство; не любилъ онъ и его, „добраго эксплуататора“. И Безсоновъ ясно сознавалъ, что алексѣевцы не доверяютъ ему за то, что банкъ съ недоимкой не подождалъ; ручьев-

скіе крестьяне—за то, что землю банкъ купилъ „больно нескладно“. Степановцы сѣтовали на то, что селиться „пудили“, а для богатѣевъ манифестъ вышелъ, чтобы „ослабонить“ отъ хуторовъ, кто откупиться можетъ. Трофимовскіе сильно огорчались, что чужихъ людей прислали за землей, когда самимъ жрать нечего. И тоскливое недоумѣніе разливалось среди мужиковъ, смутно понимающихъ, что быстро рушатся старыя устои жизни и вмѣсто нихъ создается что-то новое, невѣдомое, можетъ быть красивое, творческое, органически цѣлое, что создастъ новую могучую Русь— а можетъ быть страшное и кошмарное, какъ застѣнокъ, откуда не видно ни клочка чистаго далекаго неба, возвышающаго человека мечтой о Всемогущемъ. А пока что, слышались въ глухой деревнѣ каторжанскія пѣсни, пытье какихъ-то новыхъ, промежуточныхъ между мужикомъ и рабочимъ людей, да богатѣи, какъ пауки, сладострастно заволновались, радуясь, что найдется, на чемъ поживиться и „въ господа черезъ деньги выйти“.

Опустился поздній вечеръ. Умирали послѣднія тѣни. На колокольнѣ кладбищенской церкви, мимо которой шелъ Безсоновъ, били часы. Ему невольпо сдѣлалось страшно. — Умираетъ Россія,—подумалъ Безсоновъ,—не воскреснетъ никогда героическая Россія двѣнадцатаго года; умерла на вѣки Россія Толстого, Герцена, Тургенева, Россія мечтательно-творческая, прекрасная, какъ первая, чистая любовь. А впереди— великая вражда, зубастая и безошадная. Жуть—чуткая и злая—заползла Безсонову на сердце.

С. Холщевниковъ.

ТИХІЯ ДОЛИНЫ

Я знаю тихія долины,
Гдѣ вѣетъ нѣгой и весной,—
Тамъ бродятъ гордые павлины,
Раскрывъ свой вѣеръ расписной.

Тамъ несмущенная природа
Ни зломъ, ни дерзкой суетой,
Цвѣтетъ пышнѣе годъ отъ года,
Плѣнная дивной красотой.

Тамъ не пугаютъ небо тучи
И не приносятъ грозы бѣды.
Собираютъ пчелы медъ пахучій,
И въ немъ ихъ мудрость и секретъ.

Тамъ много лилій бѣлоснѣжныхъ,
Глициній синихъ, алыхъ розъ...
Онѣ отъ сновъ страстей мятежныхъ
Влекутъ къ блаженству райскихъ грѣзъ.

Сойди къ нимъ въ тихія долины
И, въ созерцаньи красоты,
Забудь страданья и кручины
Земной борьбы и суеты!

ЛЕОНИДЪ АФАНАСЬЕВЪ.

ЛАМАРКЪ И ДАРВИНЪ

КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ

I.

Великіе люди имѣютъ право на вниманіе потомства къ тому, что было ими сдѣлано, какъ они работали, чѣмъ интересовались, какія задачи себѣ ставили, не потому только, что вниманіе это является актомъ благодарности, а потому, что ихъ мысли, ихъ дѣла, ихъ приемы работы вплетаются въ живую ткань современной жизни и активно участвуютъ въ ея тревоженіяхъ, ея борьбѣ и ея будущемъ.

Какое значеніе имѣютъ Ламаркъ и Дарвинъ въ специальныхъ вопросахъ науки—это хорошо извѣстно далеко за предѣлами круга специалистовъ. Общеизвѣстные термины: дарвинизмъ и неодарвинизмъ, ламаркизмъ и неоламаркизмъ, лучше пространныхъ разсужденій свидѣтельствуютъ о томъ, что мысли и теоріи великихъ натуралистовъ прошлаго вѣка живутъ въ наши дни и еще долго будутъ оказывать вліяніе на развитіе научнаго міровоззрѣнія культурной части человѣчества. Въ предлагаемомъ очеркѣ я собираюсь остановиться, однако, не на томъ значеніи, которое Ламаркъ и Дарвинъ имѣютъ для современныхъ біологическихъ изслѣдованій, а на томъ вліяніи, которое они, какъ типы ученыхъ, могутъ оказать на рѣшеніе боевого вопроса нашихъ дней, стоящаго нѣсколько въ сторонѣ отъ вопросовъ, ихъ непосредственно интересовавшихъ: вопроса по теоріи познанія. Отвѣтъ на него мы можемъ получить не столько изъ специаль-

ныхъ работъ великихъ натуралистовъ, сколько изъ анализа психологіи ихъ творчества, особенностей въ складѣ ихъ ума, въ характерѣ ихъ изслѣдованій и въ свойствѣ научныхъ интересовъ.

Самый вопросъ, о которомъ будетъ идти рѣчь, заключается въ слѣдующемъ. Большая часть ученыхъ натуралистовъ, создавшихъ науку XIX вѣка, руководились въ своихъ изслѣдованіяхъ основными методологическими правилами точнаго знанія: они изучали факты, изъ которыхъ дѣлали свои заключенія, въ строгой зависимости отъ этихъ послѣднихъ; при недостаткѣ матеріала они *объясняли одни факты черезъ и при посредствѣ другихъ фактовъ, родственныхъ категорій*; они признавали научнымъ *толкованіе слѣдствій на основаніи сходства причинъ*, эти слѣдствія порождающихъ; добытыя такими путями конечныя заключенія они облекали въ формулы, которыя называли законами, и принимали ихъ за реальныя явленія, способныя въ свою очередь служить источникомъ познанія явленій и фактовъ.

Теперь намъ говорятъ, что время, когда научныя задачи можно было рѣшать одному лицу, если еще не прошло, то проходить; что на очередь выступаютъ работы организаціи; что въ области научныхъ изслѣдованій, какъ и въ другихъ областяхъ человѣческой дѣятельности, фабричное производство вытѣсняетъ кустарный промыселъ; что если это такъ, то старыя пріемы познанія становятся невозможными и *ненужными*, такъ какъ задача познающихъ не можетъ идти далѣе стремленія установить связь и соотношенія въ мірѣ опыта.

Исходя изъ того положенія, что познаніе есть трудъ, и что оно, вслѣдствіе этого, будетъ тѣмъ производительнѣе, чѣмъ съ меньшею затратою энергіи познающаго достигаются его цѣли; что познаніе есть трудъ, который болѣе чѣмъ какой-либо иной встрѣчаетъ массу препятствій и со стороны нервныхъ процессовъ познающаго, и со стороны разнообразнѣйшихъ факторовъ среды; что экономизированіе энергіи, поэтому, составляетъ иногда вопросъ, быть или не быть самому познанію—для того, кто поставилъ себѣ задачей его пріобрѣтеніе, Махъ требуетъ: *включать въ понятія и формулы только то, что имѣется въ фактахъ опыта*, то-есть то, что составляетъ „чистое описаніе“ этихъ фактовъ. Въ познаніи — говоритъ онъ — не должно быть ничего лишняго. Задача познанія съ этой точки зрѣнія сводится къ тому, чтобы точно установить и выразить связь данныхъ опыта; какъ только эта задача рѣшена—существуетъ возможность правительнаго предвидѣнія фактовъ и цѣлесообразнаго воздѣйствія на ихъ теченіе.

Объясненія — говорятъ эмпириокритики — имѣютъ цѣнность лишь постольку, поскольку они являются *обобщеннымъ описаніемъ*; объясненіе же фактовъ черезъ факты, слѣдствій—черезъ причины, явленій—черезъ законы природы, ведетъ не къ знанію, а къ заблужденіямъ. Законъ причинности — утверждаютъ они — рудиментъ стараго фетишизма, ибо явленія толкуются и понимаются по аналогіи съ тою связью, которая существуетъ между волею человѣка и его дѣйствіемъ. При объясненіи явленій на мѣсто воли человѣка подставляется *причина*, а на мѣсто дѣйствія — *слѣдствіе*. Отъ такого пріема познания явленій человѣчество ровно ничего не выигрываетъ.

Что воззрѣнія Маха отнюдь не сводятся всецѣло къ тому, что сказано выше — это понятно само собою; но сущность его идеи и точка отправления эмпириокритицизма, поскольку она имѣетъ отношеніе къ предмету моей рѣчи и поскольку я правильно ее понялъ, мною передава точно.

Не буду я говорить и о томъ, въ чемъ заключаются конечные выводы той полемики, которая происходила между теоретиками эмпириокритицизма съ одной стороны и представителями классическихъ пріемовъ изслѣдованія въ области точнаго знанія—съ другой. Это стоитъ за предѣлами моей задачи; я собираюсь говорить о томъ лишь, что, по моему мнѣнію, даютъ намъ для рѣшенія вопроса о познаніи великіе представители біологическихъ наукъ — Ламаркъ и Дарвинъ. Ученые эти такъ различны между собою по своему умственному складу, по характеру своихъ изслѣдованій и пониманію задачъ, что отношенія Дарвина къ Ламарку дали поводъ біографамъ перваго изъ нихъ называть его отношенія къ послѣднему несправедливыми и даже враждебными.

Claus, въ статьѣ: „Lamarck als Begründer der Descendenzlehre“¹⁾, пишетъ по этому предмету слѣдующее: „считая ошибочными основныя положенія Ламарковской теоріи эволюціи, Дарвинъ перенесъ происходящее отсюда пренебреженіе и на всю книгу Ламарка, хотя она, собственно говоря, выражаетъ всѣ существенныя положенія десцендентной теоріи въ строгой связи и развиваетъ въ сущности такимъ же путемъ одно изъ собственныхъ ученій Дарвина, отличаясь только по своимъ основаніямъ“. Мы можемъ ближе познакомиться съ этой бросающейся въ глаза и трудно объяснимой низкой оцѣнкой изъ недавно изданнаго

¹⁾ См. „Извѣстія С.-Петербург. Біологической Лабораторіи“, т. I, вып. 3-й, статья В. Половцева: „Ламаркъ и его ученіе“.

сыномъ Дарвина труда: „Жизнь и письма Чарльса Дарвина“. Многократные, особенно ясно высказанные въ письмахъ къ Лайелю, весьма неблагоприятные отзывы прямо-таки поражаютъ, если принять во вниманіе, какъ склоненъ былъ Дарвинъ осыпать похвалами каждый, даже незначительный трудъ. Такъ, въ письмѣ 12-го марта 1863 г. (томъ III, 13) къ Лайелю, который всегда считалъ книгу Дарвина видоизмѣненіемъ Ламарковского ученія о развитіи органическаго міра, мы читаемъ: „Если это — ваше твердо укрѣпившееся мнѣніе, то ничего болѣе не остается сказать объ этомъ; но мнѣ кажется, что это не такъ. Платонъ, Бюффонъ, мой дѣдъ, еще до Ламарка, какъ и многіе другіе, высказывались вполне опредѣленно, что если виды не были созданы по одиночѣ, то они должны происходить отъ другихъ видовъ, и я не могу признать болѣе ничего общаго между „Происхожденіемъ видовъ“ и Ламаркомъ. Я думаю, что такой способъ представлять это дѣло вредно отзывается вообще на принятіи идеи (эволюціи), такъ какъ онъ неизбѣжно останавливаетъ дальнѣйшій прогрессъ и ставитъ мои возрѣнія въ тѣсную связь съ книгой, которую я послѣ двукратнаго внимательнаго чтенія признаю за весьма малоцѣнную, и отъ чтенія которой (я помню отлично свое разочарованіе) я ничего не приобрѣлъ. Но я знаю, что вы ставите ее высоко, что меня удивляетъ, такъ какъ она ни на іоту не пошатнула вашей вѣры“. Въ другомъ письмѣ (17-го марта 1863 г.) къ тому же естествоиспытателю находится подобная же замѣтка: „что касается Ламарка, то радуйтесь, такъ какъ вы имѣете на вашей сторонѣ такого ученаго, какъ Грове; но я не могу измѣнить вслѣдствіе этого свое мнѣніе, такъ какъ эта книга была для меня совершенно бесполезна. Можетъ быть, это произошло оттого, что я обращаюсь къ книгамъ всегда послѣ изученія фактовъ, а можетъ быть и потому, что, какъ я зналъ, мой дѣдъ высказалъ еще раньше подобныя же спекулятивные идеи“.

Нашлись такіе авторы, которые пытались объяснить отношеніе Дарвина къ Ламарку расовыми различіями; другіе — даже завистью перваго къ открытіямъ послѣдняго; третьи полагали, что Дарвинъ боялся хотя бы нѣкоторымъ сходствомъ своей теоріи съ ученіемъ Ламарка скомпрометтировать себя, такъ какъ идеи Ламарка были осмѣяны біологами его времени. Всѣ эти и многія другія объясненія отношеній Дарвина къ Ламарку нельзя признать основательными: Дарвинъ былъ слишкомъ большимъ человѣкомъ, чтобы его можно было заподозрить въ одномъ изъ этихъ мелкихъ мотивовъ. Такое отношеніе къ товарищамъ по оружію, возможное въ посредственностяхъ второго и

третьяго ранга, совершенно не вяжется съ образомъ великаго человѣка. Какъ же объяснить, однако, эту „несправедливость“?

Эристъ Геккель, большой знатокъ исторіи біологіи, талантливый сторонникъ и проповѣдникъ дарвинизма, въ рѣчи, произнесенной въ Іенѣ, 12-го февраля 1909 г., по поводу столѣтняго юбилея Ч. Дарвина, указываетъ, ссылаясь на докладъ Арнольда Манга: „Къ характеристикѣ изслѣдованій Ламарка и Дарвина“, что основное отличіе ихъ другъ отъ друга заключается въ различіи метода изслѣдованія. Ламаркъ, по утвержденію Геккеля, слѣдовалъ дедуктивному методу, Дарвинъ—методу индуктивному.

Попытка *такъ* объяснить различіе между Ламаркомъ и Дарвиномъ и къ этому свести антагонизмъ между двумя типами ученыхъ не соответствуетъ фактамъ. Въ самомъ дѣлѣ: нельзя говорить, что Ламаркъ слѣдовалъ дедуктивному методу, если, по заявленію того же Геккеля, ученый къ 50-ти годамъ (будучи ботаникомъ) въ своемъ изслѣдованіи: „Encyclopédie méthodique“ собралъ и обработалъ огромный ботаническій матеріалъ и далъ характеристики 2.000 растеніянь, а позднѣе, сдѣлавшись зоологомъ, изслѣдовалъ тысячи животныхъ и далъ такую ихъ классификацію, которая обнаруживала ихъ внутреннюю родственную связь между собою. Къ такимъ заключеніямъ дедуктивнымъ методомъ не приходятъ, а приходятъ къ совершенно имъ противоположнымъ, въ родѣ тѣхъ, которыя въ то время строилъ, напри- мѣръ, Шеллингъ, утверждавшій, что для познанія природы нуженъ свободный полетъ мысли, а вовсе не факты и ихъ изученіе. Дарвинъ въ своихъ изслѣдованіяхъ шелъ *совершенно тѣмъ же* путемъ, какимъ шелъ и Ламаркъ; онъ началъ съ описанія и коллектированія насѣкомыхъ, ихъ опредѣленія и установленія новыхъ видовъ. Затѣмъ матеріалъ, уже несравненно болѣе разнообразный, въ теченіе пяти лѣтъ онъ собиралъ, а въ теченіе шести лѣтъ обрабатывалъ.

Нельзя говорить о дедуктивномъ методѣ изслѣдованія Ламарка и объ индуктивномъ методѣ Дарвина, какъ объ основныхъ признакахъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга какъ ученыхъ, когда у Ламарка мы читаемъ нижеслѣдующую характеристику метода, которому онъ слѣдовалъ.

„Желая дѣйствовать послѣдовательно, чтобы знать, чего держаться, я счелъ долгомъ избрать слѣдующій путь: я постоянно наблюдалъ факты, а рядомъ съ этимъ постарался собрать и всѣ тѣ наблюденія, которыя были установлены другими изслѣдователями. Затѣмъ я тщательно изучилъ всѣ дошедшіе такимъ образомъ до моего сознанія факты, совершенно отвлекаясь на время какъ отъ собственныхъ своихъ воззрѣній, такъ и отъ общепринятыхъ мнѣній относительно изслѣдуемыхъ вопросовъ; въ результатѣ я получилъ выводы, одни--общіе, другіе--болѣе частные, находящіеся

въ послѣдовательной зависимости отъ первыхъ. Такимъ образомъ я создалъ теорію, основные принципы которой я излагаю. Основаніемъ всей моей работы служить наблюденіе и, мнѣ кажется, трудно было бы найти лучшее“.

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ:

„Если человѣкъ научится отличать истины, которыя онъ можетъ постичь, отъ иллюзій, т.-е. отъ мыслей, не имѣющихъ никакого основанія, или, иначе, научится различать положительное, то-есть факты, отъ того, что является результатомъ его разсужденій, хотя бы даже и вытекающихъ изъ фактовъ; если онъ, кромѣ того, пойметъ, что ему немислимо приобрѣтать идеи иначе, какъ путемъ наблюденія или путемъ вывода ихъ изъ наблюденныхъ фактовъ; наконецъ, если онъ признаетъ, что всякая мысль, не выведенная изъ наблюденія или не являющаяся слѣдствіемъ наблюденныхъ фактовъ, не будетъ имѣть для него ровно никакого значенія, — тогда онъ съумѣетъ избѣгать многихъ обольщеній и заблужденій, которыя часто имѣютъ для него такіа роковыя послѣдствія.

„Для человѣка нѣтъ другихъ дѣйствительныхъ истинъ и положительныхъ знаній, кромѣ наблюдаемыхъ имъ фактовъ и слѣдствій, вытекающихъ изъ этихъ фактовъ, если онъ обладаетъ всѣми элементами, которые должны служить основаніемъ этихъ слѣдствій. Вне этого круга положительныхъ знаній, который одинъ ему доступенъ, для него существуютъ только иллюзій; и дѣйствительно, онъ легко можетъ создавать себѣ пріятныя и радужныя иллюзій, которыя, однако, могутъ оказаться для него скорѣе вредными, чѣмъ полезными“.

Съ другой стороны, нельзя говорить объ индуктивномъ методѣ Дарвина, которому онъ, будто бы, исключительно слѣдовалъ, когда методъ дедукцій въ его изслѣдованіи сыгралъ и благотворную, и (съ точки зрѣнія его оцѣнки трудовъ Ламарка) неблагоприятную роль — какъ мы это видимъ въ его трактатѣ о пангенезисѣ, трактатѣ, рѣшительно ничѣмъ не отличающемся отъ самыхъ рискованныхъ „спекулятивныхъ идей Ламарка“.

Но если различіе между Ламаркомъ и Дарвиномъ заключается не въ методѣ изслѣдованія, который у обоихъ былъ совершенно одинъ и тотъ же и который, кстати сказать, не избавилъ отъ ошибокъ ни того, ни другого, ибо заблуждался и Ламаркъ, ошибался и Дарвинъ, иногда даже по вопросамъ, на которые Ламаркъ далъ полувѣкомъ раньше болѣе близкіе къ истинѣ отвѣты, — какъ на примѣръ по вопросамъ сравнительной психологіи, — то гдѣ же лежитъ источникъ „несправедливаго отношенія“ Дарвина къ Ламарку?

Я вижу его въ различіи умственнаго склада ученыхъ, въ различіи ихъ научныхъ интересовъ и въ данныхъ исторіи точныхъ наукъ. Всякій разъ, какъ сталкиваются умы, изъ которыхъ одинъ стремится охватить возможно болѣе широкое поле изслѣдованія и пытается дать отвѣтъ на возможно большее число вопросовъ, волнующихъ человѣчество, иначе говоря — когда умъ философскій сталкивается съ умомъ строго систематическимъ, —

между ними, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда они служатъ одному и тому же дѣлу, ближе всего интересуясь одной и той же категоріей знанія, создаются непріязненныя, иногда прямо враждебныя отношенія. Линней называлъ жабу именемъ Бюффона, Кювье не иначе говорилъ о новомъ сочиненіи Ламарка, какъ о новыхъ глупостяхъ, и не пощадилъ сторонника Ламарка, Жоффруа-Сентъ-Илера, своего учителя; Дарвинъ увѣряетъ, что ничему не научился у Ламарка, и т. д. Почему это такъ—я скажу ниже, послѣ того какъ выяснятся особенности Ламарка и Дарвина, какъ типичныхъ ученыхъ.

II.

Вопросы, интересовавшіе Дарвина, были вопросами исключительно біологическими и всегда стояли въ связи съ основной задачей, которую онъ себѣ поставилъ и границами которой опредѣлилъ кругъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Уоллесъ такъ опредѣлилъ эту задачу и стремленіе Дарвина какъ ученаго: *„ненасытное желаніе открыть причины разнообразныхъ и сложныхъ явленій, видимыхъ въ живыхъ существахъ“*. Какъ возникло у Дарвина это желаніе, какъ совершился у него переходъ отъ интересовъ къ собиранію научнаго матеріала, отъ интересовъ систематики къ вопросамъ, которые онъ называетъ теоретическими, мы узнаемъ изъ автобіографіи Дарвина. Тамъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Въ октябрѣ 1838 года, то-есть черезъ 15 мѣсяцевъ послѣ того, какъ я приступилъ къ своему систематическому изслѣдованію, я прочелъ, ради развлеченія, книгу Мальтуса о народонаселеніи. Будучи подготовленъ продолжительными наблюденіями надъ образомъ жизни животныхъ и растеній, я сразу оцѣнилъ все значеніе повсемѣстно происходящей борьбы за существованіе и былъ пораженъ мыслью, что при этой борьбѣ полезныя видоизмѣненія должны сохраняться, а бесполезныя—уничтожаться. Наконецъ-то я обладалъ теоріей, руководясь которою могъ продолжать свой трудъ!“ Ею Дарвинъ дѣйствительно и руководится. Онъ ставитъ себѣ огромную задачу: провѣрить основную идею своей теоріи во всѣхъ проявленіяхъ жизни организованныхъ существъ—и блестяще рѣшаетъ эту задачу. Но дальше этого Дарвинъ не пошелъ: всѣ его работы, по его собственному опредѣленію, должны составить только разработку частностей, вытекающихъ изъ открытаго имъ закона естественнаго отбора.

Его первый, капитальный и исчерпывающій трудъ: „*Происхожденіе видовъ*“ (1859 г.), былъ основой его гениальнаго открытія; всѣ послѣдующіе составляютъ либо дополненіе къ отдѣльнымъ вопросамъ естественнаго отбора, либо обработку матеріала, попутно добытаго при изслѣдованіи основныхъ вопросовъ.

Когда ученый занимался вопросомъ о происхожденіи видовъ, у него накопился матеріалъ, который могъ перегрузить книгу, и безъ того переполненную массою фактовъ. Матеріалъ этотъ, объединенный тою же идеей „отбора“ естественнаго и искусственнаго, составилъ особую книгу: „*Измѣненіе животныхъ и растений въ домашнемъ состояніи*“ (1867 г.). Въ качествѣ отдѣльной главы къ этой книгѣ Дарвинъ въ 1867 г. предполагалъ присоединить собранныя имъ данныя по вопросу „*о происхожденіи человека*“. Въ 1871 г. эта „глава о человѣкѣ“ превратилась въ книгу „*О происхожденіи человѣка*“. Попутно съ работою надъ этою послѣднею книгой у Дарвина скопляется матеріалъ по „*выраженію лица*“. Онъ обращается къ Уоллесу съ просьбой о данныхъ по выраженію лица у малайцевъ „въ связи съ различными ихъ чувствованіями“. Первоначально Дарвинъ предполагалъ на основаніи этого матеріала написать одну главу къ книгѣ о происхожденіи человѣка, но матеріалъ накоплялся, и въ концѣ концовъ появляется отдѣльная книга: „*О выраженіи ощущеній*“.

Такъ, по мѣрѣ накопленія матеріала при разработкѣ вопроса о борьбѣ за существованіе, какъ основнаго закона существованія организмовъ, являлась потребность выдѣлять часть его въ особую группу и издавать особою книгою.

Этотъ спеціальнй характеръ изслѣдованія Дарвина выясняется не только изъ обзора его трудовъ въ цѣломъ, но и въ рѣшеніи каждаго отдѣльнаго вопроса. Онъ сказывается и въ соображеніяхъ о видѣ, о значеніи упражненія и неупражненія органовъ, о прямомъ вліяніи среды, о классификаціи, о психологіи животныхъ, о происхожденіи человѣка и пр. Ко всѣмъ этимъ вопросамъ Дарвинъ подходит со стороны своей теоріи естественнаго отбора и видитъ въ явленіяхъ, которыя изслѣдуетъ, главнымъ образомъ только тѣ ихъ свойства и особенности, которыя стоятъ въ связи съ его теоріей.

Такъ, по вопросу о *плодовитости*, въ первомъ изданіи „*Происхожденія человѣка*“ Дарвинъ обнаруживаетъ склонность къ признанію правильности теоріи Спенсера объ антагонизмѣ между ростомъ особи и развитіемъ плодовитости ¹⁾.

¹⁾ См. Спенсеръ, „Общая Біологія“, стр. 339 и сл.

Въ позднѣйшихъ изданіяхъ „Происхожденія челоуѣка“ и „Происхожденія видовъ“ Дарвинъ объ этой теоріи уже не упоминаетъ. Почему же? Факты, которые приводятся Спенсеромъ, каковы бы ни были исключенія изъ правила — справедливы ¹⁾. Не упоминаетъ о ней Дарвинъ потому, очевидно, что она не совпадаетъ съ его теоріей естественнаго отбора.

Правда, онъ пытается включить явленія эти въ общую систему теоріи. Онъ пишетъ: „настоящее значеніе большого количества яицъ или сѣмянъ состоитъ въ томъ, чтобы вознаграждать за значительную гибель въ какой-либо періодъ жизни; а это въ большинствѣ случаевъ и есть именно ранній періодъ. Если животное можетъ какимъ-нибудь образомъ защитить свои яйца, или дѣтенышей, то ихъ можетъ быть произведено и малое число“. Но пишетъ онъ это для того лишь, чтобы доказать, что организмы, дающіе даже мало яицъ или сѣмянъ, способны, при отсутствіи препятствій, заселить весь земной шаръ. А между тѣмъ явленіе, о которомъ идетъ рѣчь—антагонизмъ между ростомъ и развитіемъ организма, съ одной стороны, и его плодовитостью, съ другой—заключаетъ въ себѣ огромный интересъ и независимо отъ точки зрѣнія дарвиновской теоріи. Но интересъ этотъ стоитъ за предѣлами великой задачи великаго натуралиста—и онъ обходитъ явленіе молчаніемъ.

Еще болѣе характернымъ и важнымъ, еще болѣе рѣзко под-

---

¹⁾ Нельзя не признать справедливымъ, напримѣръ, что въ то время какъ большія млекопитающія приносятъ заразъ только по одному дѣтенышу, начинаютъ рождать только достигнувъ довольно зрѣлаго возраста и затѣмъ повторяютъ этотъ процессъ только черезъ значительные промежутки времени, мелкіе представители того же класса начинаютъ рождать очень рано, дѣтенышей приносятъ заразъ большее количество—мелкіе грызуны, напримѣръ, до 10 и болѣе,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и рожаютъ чаще, а потому въ результатѣ получается сравнительно громадная плодовитость. Антагонизмъ между ростомъ и половымъ генезисомъ, проявляющійся въ этихъ общихъ контрастахъ, можетъ быть прослѣженъ и въ исторіи каждаго отдѣльнаго растенія и животнаго. Половой генезисъ у всѣхъ много расходящихся организмовъ начинается только тогда, когда почти достигнуты предѣлы роста. Когда построеніе особи идетъ быстро, воспроизводительные органы не вполне развиваются и не дѣятельны, и наступленіе акта воспроизведенія одновременно свидѣтельствуетъ объ уменьшеніи силы роста и ставовятся причиною его задержанія. Не менѣе справедливо и то, наконецъ, что многія деревья растутъ иногда много лѣтъ прежде чѣмъ начнутъ нести плоды, и что сперва они долго производятъ только незначительное ихъ количество. Въ такомъ же антагонизмѣ съ генезисомъ стоитъ и возрастаніе уже не массы—роста, а возрастаніе строенія—развитія. Общій біологическій смыслъ всѣхъ этихъ явленій заключается въ томъ, что плодовитость каждаго вида именно такова, какою она должна быть для поддержанія существованія этого вида, и плодовитость тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже организація даннаго существа.

черкивающимъ справедливость высказаннаго соображенія, представляется отношеніе Дарвина къ вопросу о *человѣкѣ*, какъ объектѣ біологіи. Дарвинъ такъ глубоко былъ поглощенъ своею задачею — установить законъ борьбы за существованіе и естественный отборъ, — что все, лежащее за ея предѣлами, лежитъ за предѣлами и его изслѣдованій. Идея о томъ, что человѣкъ представляетъ собою лишь звено въ цѣпи другихъ организмовъ и генетически связанъ съ группою вышихъ изъ нихъ, совершенно опредѣленно была высказана Ламаркомъ за пятьдесятъ лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги Дарвина о происхожденіи видовъ. Но Дарвинъ этого не знаетъ, и все, что онъ нашель возможнымъ сказать по этому поводу въ своей книгѣ „О происхожденіи видовъ“, ограничивается предположеніемъ, что „такимъ образомъ долженъ упасть лучъ свѣта на темный вопросъ о происхожденіи человѣка и на его исторію“.

Въ 1864 г. Дарвинъ писалъ Уоллесу: „я собралъ нѣсколько замѣтокъ о человѣкѣ, но не думаю, чтобы онѣ когда-нибудь мнѣ пригодились“. Но въ 1872-мъ году появляется книга о происхожденіи человѣка, появляется послѣ того, какъ „смѣлый Гексли“ рѣшился прочесть три лекціи „о мѣстѣ человѣка въ природѣ“, послѣ того, какъ Карлъ Фохтъ, Бюхнеръ и цѣлый рядъ другихъ натуралистовъ высказались въ томъ же смыслѣ, послѣ того, наконецъ, какъ у самого Дарвина скопился матеріалъ, стоящій въ связи съ его теоріей естественнаго отбора и на основаніи данныхъ этого отбора.

Еще болѣе характерно для Дарвина то, что, занявшись вопросомъ о человѣкѣ съ точки зрѣнія своей теоріи, онъ этимъ и ограничился: человѣкъ за предѣлами теоріи борьбы за существованіе и естественнаго отбора интересовалъ его очень мало. Правда, онъ указалъ на то, что нравственное чувство человѣка въ его конечныхъ формахъ („люби ближняго какъ самого себя“, „плати добромъ за зло“ и др.) едва ли могло быть продуктомъ естественнаго отбора, и въ этомъ далеко оставилъ за собою слишкомъ прямолинейныхъ своихъ послѣдователей-дарвинистовъ; но дальше этого онъ не пошелъ. Человѣкъ, какъ человѣкъ — быть можетъ, потому именно, что онъ уходитъ отъ вліянія естественнаго отбора — для него, какъ будто, не существуетъ.

Самое будущее человечества зависитъ, по его мнѣнію, отъ неизбѣжной конкуренціи и подбора. „Человѣкъ, подобно всякому животному, поднялся до настоящаго высокаго уровня путемъ борьбы за существованіе, возникающей какъ слѣдствіе быстрого

размноженія. Если человѣку суждено подвинуться еще впередъ, то необходимо, чтобы онъ остался подъ вліяніемъ жестокой борьбы. Иначе онъ скоро предастся лѣни, и болѣе одаренные люди не выдвинутся къ жизненной борьбѣ. Поэтому, естественная быстрота размноженія человѣка не должна быть значительно задерживаема какими бы то ни было способами, не смотря на очевидное зло, создаваемое ею. Для человѣка должно быть открыто поприще свободной конкуренціи; законъ и обычай не должны препятствовать наиболѣе способнымъ имѣть рѣшительный успѣхъ въ жизни и оставлять наибольшее число потомковъ“. Другими словами, будущій прогрессъ человѣчества Дарвинъ, въ концѣ концовъ, ставитъ въ зависимость отъ той же біологической борьбы за жизнь и отъ естественнаго отбора.

Другъ Дарвина, Уоллесъ, сообщаетъ, что Дарвинъ, въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ, выражалъ мало надежды на свѣтлую будущность человѣчества, именно потому, что въ современной цивилизаціи принципъ естественнаго подбора не можетъ имѣть примѣненія, вслѣдствіе чего не всегда перевѣсъ остается за болѣе способными.

Что касается практическихъ указаній, какъ быть человѣку въ его исканіи новыхъ путей къ совершенствованію, что нужно ему дѣлать и т. д., то, какъ этого и слѣдовало ожидать въ виду вышесказаннаго, у Дарвина имѣется только одинъ совѣтъ, одно мнѣніе, которое исчерпывается слѣдующими словами: „человѣкъ накопляетъ собственность и оставляетъ ее дѣтямъ, благодаря чему дѣти богатыхъ имѣютъ преимущества передъ дѣтьми бѣдняковъ, независимо отъ тѣлеснаго или душевнаго превосходства. Съ другой стороны, дѣти недолговѣчныхъ, стало быть, въ среднемъ, болѣе слабыхъ здоровьемъ и тѣломъ родителей, раньше начинаютъ самостоятельную жизнь и раньше вступаютъ въ бракъ, нежели другія дѣти, оставляя большее число потомковъ, наслѣдующихъ слабую организацію. Само по себѣ, однако, наслѣдованіе собственности не составляетъ зла, такъ какъ безъ накопленія капитала не могли бы развиваться искусства, а благодаря имъ цивилизованныя расы распространились и еще теперь увеличиваютъ свои владѣнія; вытѣсняя низшія расы. Также и умѣренное накопленіе богатства не мѣшаетъ процессу подбора. Когда бѣднякъ становится болѣе богатымъ, дѣти его начинаютъ заниматься торговлей или промыслами, гдѣ достаточно мѣста для борьбы и гдѣ наиболѣе сильный тѣломъ и духомъ всегда успѣваетъ больше другихъ. Существованіе извѣстнаго числа образованныхъ людей, незанятыхъ добываніемъ насущнаго хлѣба, имѣетъ огромное значеніе. Въ

самомъ дѣлѣ, вся высшая умственная работа производится ими, а отъ этой работы зависитъ, главнымъ образомъ, матеріальный прогрессъ всякаго рода, не говоря уже о другихъ, высшихъ преимуществахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что очень большое богатство мало-по-малу превращаетъ людей въ бесполезныхъ трутней, но число такихъ богачей никогда не бываетъ велико; притомъ оно нерѣдко подвергается самопроизвольному сокращенію, такъ какъ мы ежедневно видимъ, что богатые люди, вслѣдствіе расточительности или глупости, проматываютъ все свое состояніе¹⁾.

Таковъ Дарвинъ.

Образъ ученаго цѣленъ и законченъ; онъ глубокъ, но не широкъ. Это—великій искатель одной великой истины, который въ увлеченіи своею задачею плохо видитъ другія, а то и вовсе ихъ не видитъ.

Влад. Вагнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

¹⁾ Дарвинъ. „Происхожденіе человѣка“.

ХАМЕЛЕОНЪ

Берегись! — суровъ Египетъ,
Не щадитъ пришельца онъ!
Здѣсь обманами осыпетъ,
Заклянетъ хамелеонъ.
Онъ потопитъ въ тускломъ Нилѣ
Сладкій грузъ надеждъ твоихъ,
Тайныхъ чаръ злобщей силѣ
Онъ предастъ твой вольный стихъ.
Онъ пахнетъ сухимъ хамсиномъ
И свинцомъ нальетъ твой мозгъ.
Въ колдованіи змѣиномъ
Станешь ты какъ мягкій воскъ.
Въ ночь безсонную, на крышѣ
Звонной плотью побѣжденъ,
Обезумѣешь въ гашишѣ,
Въ обольщеньяхъ смуглыхъ женъ.
Берегись — Египта лоно
Сердце плѣнное сожжетъ.
Острый глазъ хамелеона
Чужеземца стережетъ.

Л. ВАСИЛЕВСКІЙ.

Александрія.

ТѢНЬ ЛЮБВИ

РОМАНЪ МАРСЕЛЬ ТИНЭЙРЪ.

V *).

Внезапно, сквозь шумъ и говоръ, стукъ посуды и шипѣнье жира на сковородѣ, прорывается первый звукъ полуночи... И въ то время какъ часы ясно и раздѣльно бьютъ еще одиннадцать разъ за окнами снова поднимается веселый трезвонъ, врывающійся въ теплую комнату, вмѣстѣ съ мракомъ, холодомъ и запахомъ ночной сырости. Стаканы дребезжатъ на этажеркахъ, испуганная лампа колеблется, мерцаетъ и чадить... Всѣ, кто сидѣлъ, встаютъ... Женщины, застегнувъ плащъ и поднявъ капюшонъ, одна за другой, молча уходятъ.

— Наконецъ-то!—вздыхаетъ Дениза.

И она выходитъ, вмѣстѣ съ дядей. Со всѣхъ сторонъ спѣшатъ фигуры неопредѣленныхъ очертаній, передъ которыми мелькаютъ и колеблются красноватые кружки отъ фонарей; когда онѣ проходятъ мимо, слышно бормотанье, стукъ деревянныхъ башмаковъ. И во мракѣ старая церковь, этотъ улей душъ, излучая слабый свѣтъ изъ оконъ и полураскрытыхъ дверей, влечетъ къ себѣ ночной рой вѣрующихъ.

Войдя въ церковь, всѣ обнажаютъ головы и смыкаютъ уста, кланяются по направленію къ главному алтарю, погружаютъ пальцы въ освященную воду и раздѣляются: мужчины идутъ направо, женщины налево... Улей, мало-по-малу напол-

*) См. июнь, стр. 224.

няющей, весь гудитъ отъ звона четырехъ колоколовъ, которые не устаютъ бить и трепетать своими металлическими языками, тамъ наверху, въ своихъ каменныхъ ячейкахъ... Плиты пола холодны какъ ледъ. Восковыя свѣчи на алтарѣ, кажется, дрожатъ отъ холода. Но съ каждой минутой въ церкви становится теплѣе, потомъ и совсѣмъ тепло, какъ въ хлѣву, и скоро запахло бы спеціальнымъ запахомъ деревенскаго сборища — „запахомъ голытьбы“, еслибы не заглушавшій его запахъ воска, смѣшивавшійся съ живительнымъ горькимъ запахомъ букса, смолистымъ — сосны и терпкимъ — можжевельника.

Дениза и Ланейри стали поодаль, сзади. Здѣсь собрался весь Монадузъ, даже члены общиннаго совѣта, даже государственные служащіе, въ лицѣ почтальона, завѣдующей почтовымъ отдѣленіемъ и учительницы начальной школы. И свободомыслиціе, которые только что, въ кабачкѣ, грубо издѣвались надъ „попами“, пришли вмѣстѣ съ другими, въ томъ числѣ Фощъ, слѣпой, и сказочникъ Шабрилья.. Ихъ привела сюда не пажность, а власть издревле хранимой традиціи, желаніе отпраздновать праздникъ полностью, со всѣми обрядами и съ ритуаломъ, установленнымъ древнимъ обычаемъ. Месса, ярмарка, сѣзды, выборы — вѣдь это же единственныя развлечения крестьянина, единственные случаи, когда онъ живетъ общественной жизнью. „Отъ мужика чего же и ждать? Извѣстное дѣло, мужикъ дуракъ“, — говоритъ онъ, объясняя или извиняя свое присутствіе въ церкви.. Это вполне естественное желаніе побывать среди народа мѣшало монадузцамъ удивляться тому, что мадемуазель Кайроль, певѣрующая, каждый годъ бывала у ночной обѣдни и у пасхальной заутрени. Каждый развлекается по-своему, и для женщины это — развлечение вполне приличное.

Среди шума передвигаемыхъ стульевъ началась обѣдня... Какая-то добрая старушка пришла спросить Денизу, не хочетъ ли она перейти на другое мѣсто лучше, возлѣ ясель, окутаныхъ кисеей, которую снимутъ только во время возношенія даровъ... Та, съ улыбкой, отказалась. Фортунада, сидѣвшая среди „дѣтей Маріи“, повернула къ ней голову и подъ вуалью сдѣлала легкій дружественный знакъ, означавшій: „Это хорошо, что вы пришли.. Я помолюсь за васъ!“ Голубое облачко кадильнаго дыма поднялось кверху медлительной легкой спиралью и такъ же медленно разсѣялось, пропитавъ нагрѣтый воздухъ пѣжной ароматной восточной истомой. Свѣчи на алтарѣ, серебряныя розы, золото дарохранительницы — все это сверкаетъ какъ будто издали, въ облакахъ душистаго дыма... Дениза ду-

маеть о трехъ царяхъ-волхвахъ, объ ихъ сокровищахъ, о звѣздѣ, указывавшей имъ путь... Ея воображеніе, если не сердце, остается чувствительнымъ къ обаянію христіанской легенды... Но вотъ, съ хоръ, раздаются голоса, немного вздрагивающіе, срывающіеся:

„Пробудитесь, пастухи!..“

Поютъ не совсѣмъ стройно; старинная мелодія дрожить, какъ отблескъ свѣта въ водѣ; хрупкая линія ея ломается; минорныя каденцы затягиваются... Священные стихи, наполовину французскіе, наполовину на мѣстномъ нарѣчій, вызываютъ въ памяти знакомые наивные образы: священныя маріонетки, вырѣзанныя изъ дерева пастухомъ въ часы досуга: Богородица, Младенецъ, пастухи, невинныя животныя, раздѣляющія радость людей. Когда, наконецъ, доходить до припѣва, его подхватываютъ всѣ, вся церковь, хоромъ, все громче и громче, нѣсколько крикливо и гнусаво, такъ что словъ не слышно и впечатлѣніе получается дикое...

Стѣны церкви дрожатъ отъ этого пѣнія... Дрожатъ и статуи четырехъ евангелистовъ, поддерживающихъ старую кафедру, расписанныхъ пестрѣ индійскихъ вождей — охрой, индиго, киноварью. Присвоенныя имъ символическія животныя тоже вздрагиваютъ подъ толстыми рѣзными деревянными гирляндами и золотыми виноградными листьями. Лица у нихъ были настоящія мужицкія; глаза, похожіе на черные шарики, равнодушно смотрѣли на живыя морщинистыя лица, на лысыя головы, чепцы и пальчи: столько поколѣній прошло передъ ихъ глазами и такъ они были всѣ похожи другъ на друга, что они уже не различали сегодняшнихъ отъ вчерашнихъ... А ритуаль пражника все оставался неизмѣннымъ: та же пастушеская пѣснь, на тотъ же мотивъ, напоминающій мелодію пастушескаго рожка, ежегодно раздавалась въ тѣхъ же стѣнахъ... За четыре столѣтія ничего или почти ничего не измѣнилось; только святой Кристофъ, разбитый въ куски, былъ замѣненъ „Священнымъ Сердцемъ“, голубымъ и розовымъ, да „Милосердіе“, безобразное и трогательное, было продано любителю и замѣнено дамой въ кринолинѣ и испанской мантильѣ...

Дениза, сложивъ руки на колѣняхъ, склонивъ бѣловурую головку, улыбалась своимъ воспоминаніямъ... Ей вспоминались другіе праздники, пережитые въ дѣтствѣ, башмачки, которые она ставила возлѣ камина, добрая ласковая мама, лица которой она уже не могла себѣ представить ясно... Потомъ рождественскія святки въ монастырѣ... въ особенности одно Рождество. Ей было тогда четырнадцать лѣтъ, и она въ послѣдній разъ

причащалась... Вспоминалось нѣчто въ родѣ религіознаго безуміи, овладѣвшаго ею, бурныя рыданія, сладкія слезы, потомъ уснокоеніе, глубокій миръ въ душѣ, немного грустный, какъ всегда бываетъ, когда душа полна. Какъ всѣ эти волненія стали ей чужды, непонятны!..

„Это было опьяненіе фантазіи“ — думала она, благодушно и въ то же время нѣсколько иронически посмѣиваясь надъ прежней экзальтированной маленькой Денизой. Ей не было жаль прошлаго; ей не хотѣлось, чтобъ оно повторилось, это „опьяненіе“, давно ужъ отлетѣвшее. Постепенно, безъ рѣзкихъ кризисовъ, въ періодъ между шестнадцатю и восемнадцатю годами, она заразилась спокойнымъ невѣріемъ доктора Кайроля. Мало-по-малу, почти незамѣтно для нея, ея міровоззрѣніе преобразилось и перемѣстился его центръ тяжести. Теперь она относится къ современному католицизму не то чтобы враждебно, но болѣе чѣмъ равнодушно; какъ и отецъ, видитъ въ немъ политическую партію, чуждую духа милосердія, совокупность догматовъ, не связанныхъ съ моралью и враждебныхъ наукъ, которая ихъ опровергаетъ. Въ себѣ самой и вокругъ себя она находитъ достаточно поводовъ быть доброй, справедливой, чистой, искренней и сострадательной, по мѣрѣ силъ своихъ умножать сумму добра и уменьшать сумму зла. Разумъ ея мужественно мирится съ необъяснимыми роковыми невзгодами, постигающими человѣка. Она не боится страданія—не испугается ни старости, ни смерти. Она не столько нуждается въ Богѣ, сколько въ братьяхъ-людяхъ, съ которыми она дѣлитъ и горе, и радость, и таинственный ихъ удѣлъ.

И однако Денизѣ Кайроль нравится бывать въ церкви. Она не ищетъ въ этомъ эстетическаго наслажденія, но ей пріятны мракъ, тишина, витающія возлѣ нея тѣни прошлаго. Въ деревняхъ и въ малелькихъ городкахъ вы найдете только зданія, служащія матеріальнымъ нуждамъ; вдали отъ библиотекъ, музеевъ, великихъ памятниковъ національной жизни душа, отъ природы склонная къ созерцанію, не знаетъ, гдѣ сосредоточиться, дать свободу своей внутренней жизни. Ни мэрія, ни префектура, ни рынокъ не благопріятствуютъ экзальтаціи и размышленію. Но церковь, храмъ—даже безъ Бога—остаются священнымъ пріютомъ мечты, мѣстомъ, видѣвшимъ въ стѣнахъ своихъ больше человѣческой скорби и надежды, чѣмъ какое бы то ни было иное мѣсто, гдѣ собираются люди.

Дениза не анализировала того удовольствія, которое доставляли ей рѣдкія посѣщенія церкви. Она только говорила себѣ:

„Это культъ воспоминанія... Церковь напоминаетъ мнѣ дѣтство, маму“... И не смѣшивала этого культа прошлаго.— ея собственнаго прошлаго—съ тоской по утраченной вѣрѣ...

Когда аббатъ Барбазанъ взошелъ на кафедру, Денизѣ не пришло въ голову, что его проповѣдь можетъ взволновать ее. Она улыбнулась и сдѣлала знакъ дядѣ.

— Слушайте внимательно... Проповѣдь стоитъ того.

Этотъ маленькій, сутулый, съ краснымъ лицомъ, уже сѣдѣющій человѣчекъ, на которомъ стихарь сидитъ какъ рабочая блуза, славится по всей округѣ. „Онъ любитъ покушать“ — говорятъ про него въ Эггерѣ.— „А поэтъ фальшиво“ — говорятъ въ Барѣ. Но Монадузъ, презирая клеветы завистниковъ, гордится своимъ кюрэ не меньше, чѣмъ докторомъ Кайролемъ. Превосходный садовникъ, умѣлый пчеловодъ, монадузскій священникъ—одной породы со своими прихожанами. Онъ проповѣдуетъ на мѣстномъ нарѣчьи, уснащая свою рѣчь не столько латинскими цитатами, сколько остроумными мѣстными пословицами. Полевая работа, время года, тепло или холодъ—все даетъ ему матеріалъ для параболъ, примѣровъ и сочныхъ правоученій...

Перегнувшись черезъ перила кафедры, возвышаясь надъ всѣми четырьмя расписными евангелистами, онъ обводитъ взглядомъ слушателей, какъ бы уловляя ихъ въ свои сѣти.

Слышенъ кашель... двигаютъ стульями... Трехлѣтній ребенокъ, проснувшись на рукахъ у матери, требуетъ, чтобъ ему показали Рождество.

— *Надалу*... Гдѣ же оно, *Надалу* 1)?

— Тссъ! Тссъ!—унимаетъ его мать.

Старушки улыбаются. Кюрэ Барбазанъ не въ претензіи: когда надо будетъ, онъ сумѣетъ привлечь вниманіе аудиторіи.

— Дорогие мои братья, — говоритъ онъ добродушно — мнѣ не хотѣлось бы огорчить добрыхъ христіанокъ, которыя привели сюда своихъ ребятъ, полагая, что это будетъ имъ полезно. Но когда Спаситель говорилъ: „Пустите ко мнѣ дѣтей!“ — Онъ говорилъ не о томъ, чтобы пускать ихъ къ нему послѣ полуночи. И можете быть увѣрены, что еслибы шелъ дождь, Матерь Божія не вынула бы изъ яслей Божественнаго Младенца, хотя бы и для того, чтобъ посмотрѣть на пастуховъ, волхвовъ и на звѣзду...

— Однако, братья мои, сердцу моему отраденъ крикъ этого невиннаго младенца, чающаго увидѣть воочию Рождество. Смирно сознаюсь вамъ, что въ этомъ крикѣ заключается вся моя проповѣдь.

1) *Nadalou*—Noël: Рождество.

— Вѣдь и мы—не ждемъ ли каждый годъ святаго часа, когда родился Иисусъ, какъ будто Иисусу надлежитъ родиться снова? Вѣдь и мы въ терпѣніи и радости своей становимся все какъ маленькія дѣти... И какъ будто ждемъ обѣщанныхъ намъ великихъ даровъ...

— *Надаму!* Рождество! когда же ты придешь?.. Что ты принесешь намъ!—Такъ мыслить дитя, такъ мыслить христіанинъ; такъ мыслили и древніе. Послушайте же, что отвѣтствуетъ на это Господь: „Дѣтямъ — конфеты и яблоки. Людямъ доброй воли—обѣтованіе вѣчной жизни“.

Проповѣдникъ остановился, чтобы передохнуть и поправить рясу. Все слушали, затанувъ дыханіе. Ребенокъ уснулъ.

— Братья мои, я говорилъ вамъ о людяхъ древности, которые ждали Рождества тысячи и тысячи лѣтъ. Между ними были язычники, поклонившіеся идоламъ, и евреи, поклонявшіеся истинному Богу, Творцу неба и земли. Эти послѣдніе были ближе къ царствію Божію и счастливѣе язычниковъ, но счастье ихъ не было совершеннымъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ имѣть той надежды на вѣчную жизнь, которую Христосъ принесъ въ даръ вѣрующимъ въ Него.

— Поразмыслите минутку объ ихъ печальномъ положеніи... Правда, избранный народъ, евреи, познали истиннаго Бога... Ну да... Но то былъ Богъ Отецъ, безконечно великій, безконечно достойный поклоненія, но въ то же время грозный, всегда окруженный молніями и громами. Одинъ Моисей смѣлъ приблизиться къ Нему; простой же народъ, простые мужики въ родѣ васъ, до смерти боялись Его, такъ какъ они думали о Его всемогуществѣ и правосудіи больше, чѣмъ о Его любви, и это мѣшало имъ молиться, рассказывать Ему, Творцу міра, все свои маленькія дѣла... и дѣлишки... И потомъ, у всехъ у нихъ на совѣсти лежалъ этотъ злополучный адамовъ грѣхъ, который—не забывайте этого—припечъ въ міръ смерть.

— О раѣ уже не было рѣчи, и смерть казалась тѣмъ болѣе страшной... Души праведныхъ—говорили пророки—идутъ въ лимбы, въ преддверіе рая, туда же, куда идутъ души младенцевъ, умершихъ до крещенія... Пророки, правда, говорили также, что придетъ Мессія и освободитъ эти души и отнесетъ ихъ на лоно Господне. Но все это было паясно... И притомъ, видите ли, пророки пророчествовали не для простонародья, и святыхъ рѣчи ихъ были такъ напыщенны, неясны, трудны для пониманія, что для тогдашнихъ мужиковъ онѣ были все равно, что для васъ латынь за обѣдней. Здѣсь я объясняю вамъ каждое

слово, а тамъ пророчества толковали священники, жрецы и книжники, а еврейскіе священники не очень-то заботились о бѣднякахъ.

— Что касается язычниковъ, они поклонялись тѣмъ богамъ, изображенія которыхъ мы, изъ любопытства, ходимъ теперь смотрѣть въ музеи; они думали, что, послѣ смерти, животныхъ и людей ждетъ одинаковая участь. Они и не слыхивали никогда о Мессіи и не ждали ничего, кромѣ полного уничтоженія. Богатые, чтобъ отогнать страхъ смерти, ѣли, пили, веселились, каждый по своему, и нерѣдко при этомъ совершали тяжкіе грѣхи. Но бѣднымъ, несчастнымъ, больнымъ, сиротамъ, вдовамъ, жилось трудно и тяжело, и это заставило ихъ призадуматься. Человѣкъ не легко мирится съ несправедливостью и зломъ, съ тѣмъ, что у него умираютъ близкіе и что самъ онъ долженъ умереть, не зная, зачѣмъ все это нужно. Въ его душѣ живетъ потребность къ справедливости. Онъ нуждается въ утѣшеніи; а, вы сами знаете, настоящей справедливости нѣтъ на этомъ свѣтѣ. И чѣмъ же утѣшить умирающаго, если онъ не вѣритъ въ безсмертіе души и воскресеніе тѣла? Сколько бы онъ ни храбрился, все же онъ весь холоднымъ потомъ обливается отъ страха, когда вспомнить о саванѣ, о могилѣ, о червяхъ...

— Но въ человѣкѣ во всѣ времена жила какая-то инстинктивная надежда, даже у дикарей и у язычниковъ. Они говорили себѣ, что не можетъ же всегда такъ продолжаться: когда-нибудь, можетъ быть, узнаютъ же, чтò скрывается тамъ, по другую сторону жизни, на томъ свѣтѣ...

— Такъ они, эти люди, по-своему ждали невѣдомаго имъ Христа... Все человѣчество походило въ то время на этого ребенка, который кричитъ: „Рождество! Рождество!“ — а самъ не знаетъ, что это такое — Рождество... И Христось, котораго ждали всѣ народы, сошелъ на землю. И принесъ въ міръ великій свѣтъ. Стало видно, чтò тамъ, по другую сторону. А здѣсь — Онъ уничтожилъ несправедливость, потому что тѣхъ, кто всѣхъ несчастнѣе, Онъ всѣхъ больше любитъ...

— Братья мои, кто же можетъ замѣнить Христа!.. Какой врачъ, изучившій всѣ науки человѣческія, утѣшить умирающаго, котораго онъ не въ силахъ вылѣчить? Чтобы скрыть отъ него ужасъ могилы, онъ будетъ давать ему лѣкарства, которыя усыпляютъ, убиваютъ мысль, притупляютъ тревогу безпокойной души... или же, изъ состраданія, будетъ говорить ему лживыя слова... Но христіанинъ не нуждается ни въ опиумѣ, ни въ обманахъ, потому что у него есть надежда, увѣренность въ вѣчной жизни. —

Кюрэ Барбазанъ все время возвращался къ этой темѣ, развивалъ ее, повторяя идеи и формулы, чтобы прочѣе впечатлѣть ихъ въ тяжеловѣсные мозги своихъ слушателей. Онъ приводилъ въ примѣръ всѣмъ извѣстныхъ людей своего прихода, Корнилиху, Шадебеха, терпѣливо перенесшихъ тяжкія испытанія и умершихъ какъ праведники. Онъ говорилъ о ясной радости христіанина, противопоставляя ее мрачной гордости и тайной тоскѣ невѣрующаго...

Крестьяне понимали его мысль, такъ какъ почти всѣмъ имъ былъ присущъ не столько физическій страхъ смерти, сколько суевѣрное предчувствіе загробной жизни. Ихъ пассивность фаталистовъ была очень далека отъ „ясной радости христіанина“, но они не прочь были послушать успокоительныя рѣчи кюрэ. Старики, въ особенности, были довольны, когда имъ говорили, что смерти пѣтъ, что человѣкъ воскреснетъ, какъ онъ есть, съ костями и волосами, въ прежнемъ своемъ земномъ обликѣ: идея безсмертія сводилась для нихъ къ идеѣ о нетлѣнности плоти, а о душѣ они не думали. Молодые, болѣе скептически настроенные, вовсе не помышляли о таинственномъ и страшномъ переходѣ— до этого было еще такъ далеко. Всѣ ихъ желанія витали въ этомъ мірѣ, и невѣріе ихъ было лишь лѣнностью ума, не болѣе мотивированной и не болѣе логичной, чѣмъ ихъ была вѣра.

Депиза слушала внимательно. Она одна поняла скрытый намекъ на безсиліе врача, изучившаго „всѣ человѣческія науки“, и говорила себѣ:

— Кюрэ ошибается... Смерти боятся именно потому, что не знаютъ, что будетъ тамъ, за гробомъ... Возвратиться въ небытіе менѣе ужасно, чѣмъ стоять передъ невѣдомымъ...

Это была мысль, заимствованная ею у отца. Но она не оставалась на ней долго. Обѣдня продолжалась. При серебряномъ звонѣ колокольчика молящіеся склонили головы. Въ то время какъ священникъ опускалъ ковчегъ со Св. Дарами, двѣ фигуры, въ бѣлыхъ покрывалахъ, въ синеватомъ дымѣ ладана, поднялись и открыли ясли, гдѣ лежалъ Младенецъ-Иисусъ, въ коротенькой рубашечкѣ, бѣлый и розовый, на свѣтлой соломѣ. Фортунада, нагнувшись, уложила его, укрыла, какъ настоящаго младенца, и дѣвушки и женщины всѣхъ возрастовъ затрепетали отъ бессознательнаго желанія материнства...

„Вотъ—думала Депиза—дитя, обѣщанное ласкамъ тѣхъ, кому не суждено стать матерями. Ихъ Богъ удовлетворяетъ всѣмъ стремленіямъ ихъ сердца. Онъ—ихъ мистическій супругъ, Онъ же принимаетъ образъ ребенка“...

И она вздохнула: ей вспомнились слова дяди, и она сама дивилась, какимъ образомъ она можетъ чувствовать себя счастливою—она, утратившая вѣру въ Бога, она, у которой нѣтъ супруга и которой не суждено быть матерью.

VI.

— Отецъ, ты ѣдешь въ Шастанъ?

— Да... Подержи пони, Дениза: надо подтянуть подпругу... Теперь давай сюда козью шкуру и мой пледъ. Есть уголь въ грѣлкѣ?—Хорошо.

Докторъ пощекоталъ ноздри пони и вскочилъ въ кабріолетъ. Дениза отошла и стала поодаль. Съ порога садовой калитки, подъ нависшими вѣтвями деревьевъ, отяжелѣвшими отъ снѣга, она смотрѣла на отца, натягивавшаго на руки толстыя мѣховыя перчатки.

— Будь остороженъ, отецъ.

— Ничего: лошадь подкована на острые пины; она никогда не оступается; и потомъ на крутыхъ спускахъ я буду сходить... Не бойся ничего.

— Я хочу сказать, чтобы ты остерегался этихъ Вейдренновъ. Старикъ тебя ненавидитъ.

— Онъ уже впалъ въ дѣтство, старикъ... А что касается сына, еслибы Фортунада не пришла за мной тогда, какъ съ нимъ случилось несчастіе, я не сталъ бы утруждать себя ради этого мерзавца... Но я люблю, чтобы работа была сдѣлана аккуратно, и разъ ужъ я вправилъ ему переломъ, надо послѣдить и за выздоровленіемъ... Онъ, чего добраго, останется хромымъ, этотъ вашъ Вейдреннъ.

— Съ больною ногой ему труднѣе будетъ браконьерствовать.

— Потому я и спрашиваю себя, не безнравственно ли съ моей стороны поставить на ноги этого разбойника?.. А ты что будешь дѣлать, моя Низа?

— Можетъ-быть стѣзжу въ Монадузъ: Марія Бранду получила транспортъ лимоновъ, а намъ нужны лимоны для лимонада Жану.

Между собой отецъ и дочь называли своего жильца просто „Жаномъ“.

— До свиданья, моя Низа.

— До свиданья, отецъ!

Кабріолетъ двинулся. Дениза вернулась въ комнаты.

Она поднялась въ первый этажъ. Коридоръ, вымощенный краснымъ плитнякомъ, шелъ изъ конца въ конецъ, во всю ширину дома, отдѣляя комнаты, выходившія на лицевой, южный фасадъ, отъ другихъ, которыя выходили окнами на сѣверъ и въ которыя рѣдко заглядывали. Старая лѣстница, прерываемая кирпичными площадками, поднималась, слегка заворачивая, во второй этажъ, состоявшій изъ чердака и двухъ длинныхъ мансардъ, гдѣ жила Франсуетта.

Печь-калориферъ, день и ночь топившаяся въ вестибюль, распространяла по всему дому мягкое тепло. Дениза остановилась передъ дверью Жана. Онъ отдыхалъ, наконецъ, успокоившись послѣ мучительной ночи. Молодая дѣвушка вспомнила, что ночью онъ все требовалъ лимонаду, и обрадовалась, что можетъ сдѣлать ему сюрпризъ къ тому времени, когда онъ проснется. Дни тянулись такъ медленно, такъ монотонно, что среди этого однообразія каждая мелочь получала необычайное значеніе. Жанъ Фальеръ ждалъ почты, какъ событія; онъ заставлялъ доктора по пяти, по шести разъ повторять мельчайшія подробности своихъ докторскихъ объѣздовъ-визитовъ; онъ не уставалъ восхищаться букетомъ изъ покрасивѣвшихъ листьевъ, сорванныхъ Денизой, и когда въ домѣ не было больше лимоновъ или апельсинавъ, онъ огорчался, какъ ребенокъ. Съ тѣмъ чутѣмъ прирожденной сестры милосердія, которое, въ сущности, есть только одно изъ проявленій материнскаго инстинкта, мадемуазель Кайроль угадывала, такъ сказать, нравственную температуру своего больного, его потребности въ развлеченіи или отдыхѣ, раньше чѣмъ онъ самъ успѣвалъ сознать ее; она умѣла занять его, не утомляя, дать ему въ мѣру свѣта или тѣни, бодрящей бесѣды или одиночества, въ которомъ отдыхаютъ черезчуръ натянутые нервы.

Дениза входитъ въ свою комнату, чтобы снарядиться въ путь. Передъ круглымъ зеркаломъ туалета, въ которомъ она никакъ не можетъ увидѣть себя всю съ головы до ногъ, она прикалываетъ къ своимъ косамъ шапочку-токъ съ фазаньими перьями.

Синеватая бѣлизна свѣга бросаетъ рѣзкій свѣтъ на тускло-сѣрыя деревянныя панели; суровыя занавѣси у окна, рядомъ съ нею, кажутся грязными. Направо, перпендикулярно къ окнамъ, между двумя огромными шкафами съ дугообразной рѣзбой, укрылся альковъ. Кровать, свѣтлаго орѣха, почти не видна за кретоновыми занавѣсками, красными съ бѣлымъ, на которыхъ одноцвѣтнымъ рисункомъ изображены сады Армиды, и Рено, и Клоринда, и патры сарациновъ. Напротивъ кровати—каминъ деревянный, съ зеркаломъ. На немъ алебастровые часы, въ видѣ

греческаго храма, и двѣ хрустальныя вазы, пустыя. На углахъ комода блестятъ головы сфинксовъ; рядомъ—овальный мраморный столикъ на трехъ когтистыхъ ножкахъ. Два стула, обитые ручною вышивкой, на которой въ крестикъ изображены пастушка и пажъ въ жанрѣ „трубадуръ“ времени Реставраціи. На мягкихъ креслахъ, съ ручками въ видѣ лебединой шеи, утрехтскій бархатъ, когда-то ярко-золотою, теперь смягченнаго временемъ теплаго желтаго цвѣта. Мебель сборная, не слишкомъ цѣнная, нельзя сказать чтобы красивая, но она уже три поколѣнія въ семьѣ. Въ 1808-мъ году она принадлежала Люсиль де-Фонтэнуаръ, матери Селесты Буйе, дочь которой вышла за одного изъ Лапейри. Валентина Лапейри, внучка Селесты, стала женою доктора Кайроля.

Еслибы Дениза чаще бывала въ этой комнатѣ, ея молодость вернула бы жизнь и душу вышедшей изъ моды старосвѣтской мебели. Но Дениза весь день сидитъ въ столовой или въ отцовскомъ кабинетѣ. И ея покинутая комната напоминаетъ кабинетъ священника или монастырскую гостиную. Не хватаетъ только Мадонны и Распятія, но холодныя розы монашеской непорочности могли бы цвѣсти въ этой дѣвичьей комнатѣ не хуже, чѣмъ въ кельяхъ монастыря кармелитокъ. Лѣности негдѣ здѣсь пріютиться: спинки кресель слишкомъ прямы. Поперечная балка на потолокъ давитъ мечту. Ничто не говоритъ здѣсь чувствамъ или воображенію: все говоритъ о трудовой жизни дѣвушки, которая встаетъ вмѣстѣ съ служанками, умывается чистой водой, безъ духовъ, не застаивается передъ зеркалами и всякій день надѣваетъ одно и то же платье, скромное, опрятное, уже немного поношенное.

А между тѣмъ на комодѣ лежитъ нѣсколько книгъ въ потертыхъ переплетахъ, которыя Дениза любитъ перелистывать, по вечерамъ, когда ей грустно. Это не романы; это—вышедшія изъ моды, позабытыя книги, надъ которыми когда-то плакали бабушка Люсиль и бабушка Селеста: „Méditations“ Ламартина.

Прежде чѣмъ уйти, Дениза предупредила Фортунаду, которая шла въ нижнемъ этажѣ:

— Я иду къ твоей матери и найду на почту, повидаться съ мадемуазель Мюрэ. Если мсье Жанъ позвонитъ, сейчасъ же поднимись къ нему навстрѣчу.

— Ой, барышня, что вы!

— А что такое?

— Да я и говорить-то съ нимъ не смѣю, съ вашимъ мосье Жаномъ. Я его боюсь... Онъ всегда такой сердитый, когда васъ иѣтъ; его тогда все раздражаетъ.

— Боишься?.. Глупенькая, какъ тебѣ не стыдно... Ты боишься большого, потому только, что онъ бываетъ требователемъ и капризнымъ... А еще хотѣла идти въ сестры милосердія.

Дениза пожала плечами.

Фортунада сконфузилась.

— Вы, можетъ-быть, и правы. Я-таки глупенькая... но, какъ говорятъ наши милыя сестры, благодать приходитъ вмѣстѣ съ клубукомъ.

— Я вѣдь не монахиня.

— О, вы... вы!..

— Ну? Чтò же я?

— Вы умѣете съ нимъ разговаривать, съ этимъ парижаниномъ... Я даже думаю, что какъ я боюсь его, такъ онъ боится васъ... Онъ капризничаетъ и съ Франсунеттою, и съ докторомъ; а съ вами онъ милъ и стыдится своего дурного характера.

— У него характеръ вовсе не дурной.

— Онъ избалованъ, какъ всѣ богатые... Не умѣетъ терпѣть... Вы думаете, у насъ по деревнямъ ухаживаютъ такъ за больными, какъ вы это дѣлаете?.. Дадутъ ему лекарства, укроютъ потеплѣе, перипою — и лежи себѣ: некогда тутъ съ тобой возиться. У иного ни перины нѣтъ, ни лекарства, и никто его не пожалѣетъ.

— Вы, крестьяне, жестокіе люди.

— Вы думаете, Вейдренну-сыну легко приходится съ его сломанной ногой? Кто подумаетъ о немъ?.. Кто станетъ за нимъ ухаживать?

— Вейдреннъ вовсе не такъ заброшенъ, малютка, какъ ты увѣряешь. Ты была добра къ нему, а мой отецъ столько же возился съ его ногой, какъ еслибы онъ былъ миллионеромъ. Онъ даже и сегодня поѣхалъ къ нему.

— Ахъ! — вздохнула Фортунада: — господишь докторъ и вы — лучше васъ нѣтъ людей на свѣтѣ...

Дениза ушла; Фортунада снова принялась за толстые велосипедные чулки, которые она штопала. — Только бы парижанинъ спалъ подольше...

Она рада была бы облегчить ему страданія и поминала его въ своихъ молитвахъ, чтобъ онъ скорѣе выздоровѣлъ; или, по крайней мѣрѣ, переносилъ свой недугъ, какъ подобаетъ доброму

христіанину. И все же, ей было не такъ ужъ жаль этого молодого человѣка, красиваго, богатаго, образованнаго и, ужъ конечно, взявшаго отъ жизни свою долю земныхъ радостей. Она видѣла вблизи бѣдшія страданія, не только физическія, но и моральныя, бѣдшую оброшенность, и мысль о несчастной душѣ, заранѣе обреченной на вѣчныя муки, волновала ее душу глубоко жалостью.

Ей врѣзался въ память этотъ страшный крещенскій вечеръ. Годъ начался такими холодами, что въ четыре дня всѣ пруды замерзли, и сторожа изъ замка наняли людей колоть ледъ. И вотъ, въ самый крещенскій сочельникъ эти люди, возвращаясь въ Монадузъ, черезъ каштановыя роціи Сень-Дюмина, нашли Марсіала Вейдренна лежащимъ на землѣ, съ переломанной ногой, полумертвымъ отъ холода, голода и лихорадки. Онъ пролежалъ тутъ всю ночь.

Какой переполохъ поднялся въ Монадузѣ!.. Старухи попадавали свои праздничныя чепцы; ребятишки, еще не успѣвшіе улечься въ постель, крестьяне, мирно ужинавшіе въ кругу семьи, и тѣ, кто уже успѣлъ выпить въ кабацкѣ—всѣ сбѣжались, кто изъ любопытства, кто—чтобы натѣшить давно копившуюся злобу... Мэръ уѣхалъ въ Тюль, кюрэ обѣдалъ въ замкѣ, и, за отсутствіемъ властей, полевой сторожъ не зналъ, что дѣлать... Взвалить Вейдренна, какъ свинью, на телѣжку, запретъ въ телѣжку сѣраго ослика Брандунихи и свезти раненаго на поѣздъ, который отходитъ въ семь часовъ... Пусть себѣ поправляется или издыхаетъ въ тюльскомъ госпиталѣ. По крайней мѣрѣ, община-то будетъ отъ него избавлена... Но Вейдреннъ не хотѣлъ ѣхать въ больницу; онъ требовалъ, чтобы его свезли къ его старику-отцу, въ Шаставъ... Нога его страшно распухла, и на ней уже выступили зловѣщія пятна. Пока сторожъ и трактирщица препирались относительно телѣжки, Фортунада командировала своего братишку къ доктору—единымъ духомъ, одна нога здѣсь, другая тамъ. При появленіи г. Кайроля, любопытные разбѣжались; Брандуниха волей-неволей принуждена была взять къ себѣ раненаго и устроить его на матрацѣ, въ каморкѣ за кухней, гдѣ обыкновенно спали служанки, когда имъ приходилось уступать свои постели путешественникамъ.

— Кто же мнѣ заплатитъ за чистое бѣлье, за свѣчу, за коньякъ, за безпокойство?—плакалась матушка Бранду, между тѣмъ какъ Фортунада готовила горячій грогъ, большую лохань съ водою, полотняные бинты и лубки изъ волоконъ каштана.

На другой день Вейдреннъ-отецъ, извѣщенный сосѣдями,

пришелъ за сыномъ. Было десять часовъ утра; мужчины все были на работѣ; женщины, чистившія картофель или вязавшія чулки на порогѣ своихъ домовъ, все до смерти боялись стараго кузнеца, слышнаго колдуномъ... Брандуниха, опасаясь, какъ бы старикъ не навелъ порчи на ея домъ, сама предложила телѣжку и осла, и Фортунату—чтобы доставить обратно осла и экипажъ. При восьмидесятилѣтнемъ старикѣ, болѣе морщинистомъ, чѣмъ старый каштанъ, обладавшемъ властью однимъ взглядомъ нагнать на человѣка лихорадку или исцѣлить его — вслѣдствіе чего, по ея мнѣнію, ему безумно завидовали доктора — она не посмѣла и заикнуться о деньгахъ... Телѣжка, вмѣстѣ съ раненымъ и Фортунатой, ведшей въ поводу осла, благополучно прибыли въ Шастанъ, не смотря на трудную дорогу и январскій морозъ.

Не смотря на то, что оба ея спутника пользовались дурною славой, Фортуната не боялась. Она знала, что старикъ возьметъ ее подъ свою защиту и она вернется домой здоровой и невредимой, вмѣстѣ съ осломъ и телѣжкой. Обоимъ Вейдреннамъ не чужда была та особаго рода признательность, какую умѣютъ чувствовать и дикари. Рѣдко они проявляли ее потому, что случая не было. И отецъ, и сынъ нисколько не обманывались насчетъ добраго расположенія къ нимъ трактирщицы, но оба чувствовали, что ея дочка имъ не врагъ. На словахъ они ее не благодарили; но Фортуната была увѣрена, что эти двое никогда ужъ не обидятъ ея. Когда раненаго уложили на соломенникъ, дѣвушка съѣла кусочекъ холодной лепешки, выпила блага вина изъ треснувшаго стакана и, грустная, вернулась въ Монадузъ.

Съ тѣхъ поръ у нея не выходилъ изъ головы больной Вейдреннъ, брошенный въ этой труппѣ на попеченіе отца, на старости лѣтъ впавшаго въ дѣтство. Работала ли она въ замкѣ, или у Кайролей, дома, и въ церкви, и на вечеринкѣ—этотъ образъ преслѣдовалъ ее, какъ живой укоръ. Ничто не могло развлечь ее: ни вкусная ѣда, ни веселый огонекъ въ печи, ни теплая постель, ни даже ласки маленькаго братишки. Ее мучило смутное сознаніе совершенной великой несправедливости. Никто вокругъ нея не понималъ этого, а она поняла—и съ тѣхъ поръ уже не могла быть счастливой...

— Зачѣмъ?—говорила она себѣ.—Зачѣмъ мучиться? Не въ моей власти устранить изъ этого міра страданія. Всегда будутъ въ немъ грѣшники и несчастные.

Но такого рода разсужденія не успокоивали ея. Безпредѣльное горе человѣческое угнетало и давило ея слабый умъ. По-

рой ей казалось, что ее захватила, несетъ и толкаетъ впередъ таинственная, невѣдомая сила... эта сила была жалость—глухая, и слѣпая, и могучая, какъ любовь.

Дениза еще не вернулась, когда порывисто затрепала колокольчикъ: испуганная и огорченная, Фортунада поднялась наверхъ, къ Жану.

Онъ встрѣтилъ ее неласково.

— Что же это такое? Я десять минутъ звоню...

— О, мосье, я, какъ только услышала звонокъ, сейчасъ же пошла наверхъ...

Она стояла посреди комнаты, вся выпрямившись, подтянувшись, уйдя подбородкомъ въ плечи; изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ обида и негодование выдавили двѣ слезы.

— Мосье несправедливъ.

— Пожалуйста, не распускайте нюни... Подумаешь, какая мученица!.. И поднимите штору—я люблю, чтобы было свѣтло.

Дѣвушка повиновалась. Огсвѣтъ снѣжной бѣлизны вошелъ въ высокое окно, и все сразу засіяло: стѣны, изсиня бѣлыя, словно лакированные, бѣлая лакированная мебель, мѣдная рѣзьба на кушеткѣ...

— Поправьте огонь.

Фортунада помѣшала въ каминѣ, подкинула полѣно и снова придвинула къ огню металлическій экранъ. Жанъ повернулся на бокъ; блѣдное какъ воскъ, исхудалое лицо его казалось еще блѣднѣе въ рамкѣ спутанныхъ черныхъ волосъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Дайте мнѣ лимонаду... Благодарю васъ... Вы все-таки милая дѣвочка и услужливая... Пфуй, какая гадость... Что это за гадость вы мнѣ подали?

— Это лимонадъ, мосье.

— Онъ перестоялся... Скажите, чтобы мнѣ сдѣлали другого.

— Лимоны всѣ вышли... Мадемуазель Дениза пошла за ними.

— Какъ... Ея нѣтъ дома?

— А вы что же—хотите, чтобы она тутъ и жила въ вашей комнатѣ? И то ужъ она нажила себѣ мигрень, ухаживая за вами съ тѣхъ поръ какъ уѣхала сидѣлка.

Робкая Фортунада вдругъ набралась храбрости.

Жанъ пробормоталъ:

— Когда ея нѣтъ дома, все идетъ Богъ знаетъ какъ.

— Да вотъ и она... Бѣдная барышня! Ей некогда было даже погулять: она безпокоилась о васъ и торопилась домой.

Вошла Дезиза съ полной тарелкой мандариновъ и лимоновъ.

— Вотъ и я... Давно вы проснулись? Вамъ хочется пить... Скорѣе, Фортупада, давай сюда сахару и свѣжей воды... Что съ вами, мосье Фавьеръ: у васъ такой растерянный видъ?!

— Меня мучать угрызения совѣсти.

— По поводу чего?

— Я страшный эгоистъ.

— Страшный эгоистъ?

— Не смѣйтесь: мнѣ стыдно: я даже не замѣчаю, когда у васъ болитъ голова... Вы разстраиваете ради меня свое здоровье, которое вамъ такъ къ лицу... Я не хочу этого. Я лучше уѣду.

— Куда это?

— Въ саваторію, къ крестному—все равно, куда.

— Вы лучше посмотрите на меня: и ваши угрызения разсѣются сами собой. Развѣ у меня плохой видъ?

Онъ улыбнулся.

— Превосходный. Вы, навѣрное, шли подъ деревьями; свѣжинки запутались въ вашихъ волосахъ, и теперь на васъ корона изъ водяныхъ капелекъ...

— И у васъ тоже видъ теперь лучше.

— Правда?

— Совсѣмъ другой, чѣмъ мѣсяць тому назадъ, когда я встрѣтила васъ на вокзалѣ. Васъ и не узнать.

— Въ тотъ вечеръ на васъ былъ этотъ ужасный плащъ и еще болѣе ужасный капюшонъ, и вы были похожи на большой черной колокольчикъ.

— Я была очень гадкая?

— Отвратительная... Но этотъ колокольчикъ издавалъ очаровательные звуки. У васъ такой звучный голосъ. Вы сказали мнѣ: „Осторожнѣе“ и протянули мнѣ руку. А потомъ сказали: „Молчите!“ Въ этотъ первый вечеръ я ненавидѣлъ васъ... Ваше покровительственное отношеніе ко мнѣ унижало меня...

— Гордецъ!

— Теперь у меня уже нѣтъ гордости. Я прямо цинично выставляю на показъ все мое убожество, физическое и моральное... Но это пройдетъ. Ко мнѣ возвращаются силы... Вашъ батюшка правъ: молодость, воля и хорошій уходъ творятъ чудеса... Ахъ! еслибъ я пріѣхалъ сюда годомъ раньше... Но и сейчасъ еще не поздно. У меня былъ товарищъ... у него тоже была ча-

хотка, въ послѣднемъ градусѣ, — и всетаки онъ выздоровѣлъ... А я вѣдь не въ послѣднемъ градусѣ?..

— Ну, конечно, нѣтъ... Я сдѣлаю вамъ лимонаду и приготовлю апельсины ломтиками, въ сахарѣ, какъ вы любите... И если вы будете умникомъ, дамъ вамъ письмо, которое пришло съ этой почтой...

— Изъ Парижа?

— Не знаю.

— О! Дайте же... Можетъ-быть, это мама пишетъ, что пріѣдетъ?..

Дениза подала ему конвертъ. Онъ мелькомъ взглянулъ на него.

— Нѣтъ... Это отъ Гюбертена...

Онъ читалъ. Сидя въ ногахъ кровати, Дениза чистила апельсины ножичкомъ съ перламутровой рукояткой. Ароматная кожура, изрѣзанная спиралью, горкой лежала на колѣняхъ молодой дѣвушки. Она сидѣла противъ свѣта, и контуръ ея головы былъ обведенъ свѣтящейся линіей, подъ свѣтлымъ ореоломъ волосъ. Опущенныя рѣсницы и сжатыя губы скрывали блестящіе зубы и зрачки, и вся фигура Денизы была какъ бы окутана тѣнью; только на груди поблескивала золотая цѣпочка.

Письмо соскользнуло съ кровати на полъ.

— Оставьте!—сказалъ Жанъ, когда Дениза нагнулась поднять его.—Это неинтересное письмо... Одинъ изъ моихъ друзей извѣщаетъ, что онъ пріѣдетъ навѣстить меня въ будущемъ мѣсяцѣ.

— И вамъ это не очень пріятно?

— Быть можетъ.

— Но почему же... если это другъ?..

— О, когда я говорю: „другъ“, это значитъ: товарищъ. У меня вѣдь нѣтъ друзей. Да и родныхъ-то все равно что нѣтъ... Мать моя до сихъ поръ не навѣстила меня, а у насъ ужъ конецъ января...

— Она, навѣрное, скоро пріѣдетъ.

Оба задумались.

— Счастье мое, что со мною вы и вашъ батюшка...—снова началъ Жанъ.—Еслибъ не вы...

— И вашъ крестный тоже.

— Да, его я тоже люблю; но вѣдь его нѣтъ здѣсь... а вы — вы здѣсь... Безъ васъ...

Дениза, видя, что его опять волнуютъ навязчивые, тягостные образы и мысли, предложила ему пить. Онъ выпилъ и умолкъ; его, повидимому, одолѣвала дремота.

Но минуто спустя онъ снова заговорилъ:

— Этотъ Гюбертънъ... У него желѣзное здоровье... это прямо неприлично быть такимъ здоровымъ... Еслибъ вы его видѣли... Огромный, толстый, краснощекій, жирный атлетъ, который только знаетъ, что ѣсть, пьеть, кричить и всюду заниматься страшно много мѣста... И тѣмъ не менѣе, есть жепщины... которыя находятъ его красавцемъ. У женщины бываютъ престранные вкусы.

— Опъ, навѣрное, ужасенъ, этотъ вашъ пріятель?

— Вамъ опъ побазался бы ужаснымъ, не правда ли?.. Въ такомъ случаѣ, пусть пріѣзжаетъ... Это васъ позабавить... А вѣдь я ему завидовалъ — повѣрите ли: я ему завидовалъ... Потому что... потому что...

— Тсъ! Не надо такъ много говорить... Надо спать... Спите.

Жанъ задремалъ. Наклонившись надъ нимъ, Дениза слѣдила за тѣмъ, какъ конвульсивно передергивалось его лицо... Что за кошмаръ мучить его и во снѣ?

— Бѣдный мальчикъ!

Онъ былъ такъ юнъ еще. Ей было жаль его, какъ брошеннаго, нелюбимаго ребенка, котораго можно утѣшить, приласкавъ его. Какъ часто она думала о матери, забросившей его, и возмущалась:

— Еслибъ у меня былъ сынъ, я не позволила бы другой женщинѣ ходить за нимъ, когда онъ боленъ... Я дни и ночи сидѣла бы у его изголовья... я сотворила бы чудо—я не дала бы ему умереть...

Внезапно онъ очнулся... широко раскрылъ глаза... узнаеть комнату, уже на-половину окутанную сумерками, и женщину, склонившуюся надъ нимъ...

— Не уходите отсюда... не оставляйте меня... Я не хочу объ этомъ думать... А когда я остаюсь одна, я все время думаю...

— О чемъ?.. О чемъ вы думаете?

Дениза держать въ своей рукѣ горячую руку, въ которой бьется натянутая до послѣдней степени жилка, подъ огненнымъ смычкомъ лихорадки.

— Успокойтесь... усните...

Онъ вздрогнулъ... мысли его путаются, какъ при началѣ бреда.

— А... а... Жюльетта!

На этотъ разъ Дениза разслышала имя. И смутилась, взвол-

новалась, словно увидавъ жестъ, не предназначавшійся для нея, словно передъ ней обнажилось вдругъ тѣло больного. Въ полутьмѣ она вспыхнула и почувствовала какую-то странную боль въ груди.

Жанъ повторялъ это имя: „Жюльетта“... словно призывая невѣрную, далекую... Потомъ измѣнившимся голосомъ прошепталъ:

— Это вы здѣсь, возлѣ меня?

— Это я, Дениза.

— Дениза.

Она кладетъ кончиками пальцевъ на запекшіяся губы ломтикъ апельсина.

— Это хорошо... Еще.

— Вотъ... Хотите еще?

Онъ качаетъ головой въ знакъ отрицанія. Потомъ успокаивается и засыпаетъ—но тревожнымъ сномъ. Дениза не смѣетъ отойти отъ него, не смѣетъ даже выйти изъ комнаты, чтобы спросить лампу, и только молить Бога, чтобы поскорѣе вернулся Кайроль, такъ какъ насталь часъ ежедневнаго приступа лихорадки—часъ, который иногда удается отдалить, но который неизбѣженъ, приводитъ въ уныніе врача и съ каждымъ днемъ уноситъ еще частицу этой юной жизни.

VII.

Конюшня и каретный сарай, расположенные на окраинѣ сада, выходили на дорогу. Кайроль, оставивъ лошадь и кабріолетъ на попеченіе Жанту, шелъ уже къ дому, когда на дорогѣ ему повстрѣчалась Фортуната.

— Что новаго, дѣвочка?

— Ничего особеннаго, господинъ докторъ. Барышня наверху, у мосье Фавьера.

За спущенными занавѣсками, въ комнатѣ Жана зажглась лампа, желтый цвѣтокъ фіолетовыхъ сумерекъ, и отъ этого огонька сразу мрачнѣе сталъ зимній пейзажъ. Но отъ свѣга какъ будто падали странные отсвѣты на все окружающее, а надъ лѣсистыми хребтами горъ въ однообразно сѣромъ небѣ былъ маленькій просвѣтъ. И сине-багровой щелью было отмѣчено то мѣсто, куда скрылось солнце.

— Что... ему лучше — Вейдренну? — робко освѣдомилась Фортуната.

Докторъ вскипѣлъ:

— Да тебѣ-то что за дѣло?.. Что онъ тебѣ — ухаживатель, что-ли?.. Будь онъ трижды проклятъ, не смѣй никогда больше разговаривать со мной объ этомъ мерзавцѣ!

— Но...

— Пускай издохнетъ тамъ, въ своей дырѣ... Его отецъ на-травилъ на меня своихъ собакъ... Если сынъ будетъ лѣчиться только его снадобьями, онъ на всю жизнь останется хромымъ... и чудесно... и очень радъ... душевно радъ... Нечего сказать, хорошо я вознагражденъ за мое дурацкое великодушіе...

— На такихъ людей нельзя сердиться, господинъ Кайроль. Они не вѣдаютъ, что творять... Они не довѣряютъ вамъ... Еслибъ кто-нибудь втолковалъ имъ, что вы желаете имъ добра...

— Никакого добра я имъ не желаю... Ты идешь въ домъ?

— Нѣтъ, сударь. Я уйду.

— Куда это?

— Домой.

— Развѣ ты не пообѣдаешь съ Франсуеттой? Дениза отослала тебя домой?

— Нѣтъ, господинъ докторъ. Я не смѣла потревожить ее... Но, разъ я кончила работу...

— Ты свободна... Добрый вечеръ!

Она накинута платокъ на голову, поправила сабо на ногахъ и пошла.

Какъ пустынно вокругъ... Съ одной стороны — холмъ, изрѣзанный полосами взбѣгающихъ на него уступами полей и увѣнчанный искривленными каштанами. Съ другой — глубокой ровъ, черный отъ вереска, съ пятнами тающего снѣга. Въ этотъ ровъ четырьмя скачками ниспадаетъ Монадуза, поднимая страшный грохотъ и цѣлый водоворотъ пѣны; потомъ бѣжитъ по осыпавшимся камнямъ, притаившаяся и пѣвучая, къ темнымъ проваламъ.

На выступѣ скалы — кладбище, словно повисшее надъ каскадами. Во избѣжаніе обваловъ, край оврага укрѣпленъ стѣной, и на самой оконечности выступа гигантскій орѣшникъ высится, какъ стражъ этого печальнаго уголка. Лѣтомъ въ его холодной тѣни гибнетъ всякая растительная жизнь; зимою, сквозь сѣтъ безлиственныхъ, черныхъ его вѣтвей, видны, какъ въ рамкахъ, куски зеленого и голубого пейзажа.

Жители Монадуза избѣгаютъ по вечерамъ проходить мимо этого уединеннаго кладбища и часовенки пасупротивъ его, всегда запертой. Дѣло въ томъ, что именно здѣсь, „въ былыя времена“, старый Бранду повстрѣчалъ „блага звѣря“, а въ еще болѣе

отдаленныя времена оборотни поджидали здѣсь пьяныхъ, чтобы вскочить имъ на плечи и заѣздить ихъ до смерти.

Фортунада, которой приходится каждый вечеръ ходить мимо этого кладбища, всегда немножко труситъ, не смотря на свою вѣру въ Божье милосердіе и защиту... Ноги несутъ ее мимо, но глаза она невольно закрываетъ, изъ страха, какъ бы съ рѣзкимъ скрипомъ не распахнулась передъ нею заржавленная рѣшетка, какъ бы гигантскій призракъ-орѣшникъ не нагнулъ надъ бездной и не свалился въ нее, увлекая за собой и землю, и мертвецовъ, похороненныхъ между его корнями... Вотъ, наконецъ, и околица Монадуза—домъ ткача, домъ Бюнейля, домъ Ліонардуны.. Вотъ и церковь, съ четырьмя колоколами разной величины, видными въ четыре просвѣта колокольни. Церковный сторожъ сметаетъ снѣгъ съ порога.

Тамъ и сямъ бѣгають свиньи, распространяя вокругъ себя отвратительный запахъ, смѣшивающійся съ запахами хлѣва. Какъ будто иронически смотрятъ на васъ эти лимузинскія свиньи, съ черными пятнами по розовому тѣлу; кажется, какъ будто онѣ въ панталончикахъ и капюшонахъ.

Изъ оконъ гостинницы виденъ свѣтъ, несется говоръ голосовъ и запахъ перегорѣлаго говяжьего жира. Маленькія окошечки изукрашены открытками и прозрачными картинками; шторы подняты, и на подоконникахъ видны горшки съ геранью, которая весной пышно цвѣтетъ краснымъ и зеленымъ цвѣтомъ, какъ картинки, которыя дѣлають въ Эпиналѣ.

Она входитъ... Двое мужчинъ, сидящихъ за столикомъ, мельникъ и торговецъ яблоками, привѣтствуютъ ее ласковымъ: „Адузіась, Фортунада“... Маленькій братишка играетъ подъ столомъ съ собакой. Мадалуна, на корточкахъ передъ печкой, печетъ турту—блины изъ ржаной муки, дымъ которыхъ пріятно, какъ благовонный ладанъ, щекочетъ ноздри дѣдушки.

Марія Бранду, которая моетъ стаканы въ большой лохани, кричитъ ей:

— Это ты, дѣвчурка? Что ты дѣлаешь?

— Надѣваю галоши. Барышня послала меня сюда... съ порученіемъ... а мнѣ неловко идти въ сабо...

— Ты опять пойдешь туда?

— Приходится идти.

— Хочешь, сестра тебя проводить?

— Еще не поздно... А оттуда меня проводятъ.

Брандуниха не обращаетъ больше вниманія на свою дочь... Мельникъ и торговецъ бесѣдуютъ между собой, въ то время

какъ ихъ ослы жуютъ овесъ въ конюшнѣ. На дворѣ стоятъ телѣги, повернутыя кверху оглоблями...

— ...Нашъ кюрэ — рассказываетъ мельникъ — сначала былъ у насъ въ большомъ почетѣ; но потомъ взбреди ему на умъ сочинять книги... И сейчасъ это онъ давай всѣхъ распрашивать: мальчишекъ, дѣвчонокъ, которыя учатся у него катехизису; тѣ ему наши сказки рассказываютъ, а онъ записываетъ, а онъ записываетъ... Потомъ сталъ взрослыхъ зазывать... затащить къ себѣ сосѣда и просить: „Присядь, Франселу, спой-ка мнѣ „Побра новія“¹⁾“... А самъ пишетъ, а самъ пишетъ...

Торговецъ яблоками подмигнувъ ему и постучалъ себѣ по лбу.

— Да, — согласился мельникъ, — понятное дѣло, у него были не всѣ дома... Ну, пошли, значить, жалобы. Каждый, молъ, занимайся своимъ ремесломъ... Я, къ примѣру, мельникъ: значить, мели муку... Вы — торговецъ, ну и торгуйте себѣ яблоками... А попу платять за то, чтобъ онъ служилъ обѣдню, вѣнчалъ, крестилъ, хоронилъ мертвыхъ и училъ катехизису ребятишекъ... А книги сочинять — это не его ремесло...

Торговецъ яблоками пошутилъ:

— Вотъ посмотримъ, за какое ремесло они возьмутся, попы-то, когда произойдетъ отдѣленіе церкви отъ государства.

Мельникъ отвѣтилъ грубой, неприличной шуткой; но изъ-за печки отклевнулся голосъ дѣдушки Бранду:

— Отдѣленіе церкви отъ государства... Послушайте... Вамъ этого не видать.

— Почему же — если правительство захочетъ?

— Потому что тогда не будетъ и праздниковъ! — авторитетно заявилъ старческой голосъ, окутанный дымомъ отъ блиновъ. — А мужику праздничекъ нуженъ. Мужичкамъ охота иной разъ собраться вмѣстѣ, распить бутылочку, послушать, какъ балагурять на ярмаркахъ... Отнимите у него праздничекъ — придется ему все время жить только съ быками, да съ свиньями, въ скукѣ, въ тоскѣ... Видишь ли, братъ мельникъ, отдѣленіе церкви отъ государства — это хорошо для городовъ, но для деревни это не годится... И не будетъ этого никогда.

Мельникъ, порядкомъ уже выпившій, захохоталъ:

— Вы это говорите, дѣдушка Бранду, потому, что вы въ дружбѣ съ попами, и внучка ваша собирается идти въ монашки. Упразднить монастыри, куда жъ она дѣнется?

¹⁾ Бѣдная женщина!

— Фортунада—въ монашки?!—съ негодованіемъ вскричала Брандуниха.—Да ты, батюшка, ополоумѣлъ или нализался ужъ очень? Не мѣшался бы ты не въ свое дѣло... Моя дочь выйдетъ замужъ, когда я захочу. Жениховъ у нея вдоволь, и приданое за нею будетъ... Отдать дѣвчонку, и съ приданымъ, въ монастырь—ну нѣтъ, это ужъ дудки.

— Ну, прощайте,—сказала Фортунада.—Я ухожу.

Мать не возражала. Швеямъ часто приходится работать въ домахъ до поздняго вечера.

На маленькой площади, возлѣ каменнаго креста съ изваянною на немъ виноградной лозой, женщины брали воду изъ фонтана. Ночь еще не совсѣмъ спустилась на землю; полная луна, которой здѣсь не было видно, свѣтила гдѣ-то, ясная и яркая, за тучами. Слабый отблескъ ея свѣта мѣстами пробивался сквозь скопленія паровъ, озарялъ блѣднымъ сіяніемъ еще не стаявшій свѣгъ и помогаль распознавать формы предметовъ.

Церковь была открыта для вечерней молитвы, на которую, по звону къ „Angelus“, собирались передъ алтаремъ священникъ, пономарь, нѣсколько дѣтей клирошанъ и пять-шесть старухъ. Вечеръ, лукавый и злокозненный въ этой странѣ колдуновъ и горныхъ вершинъ, поросшихъ верескомъ, робко прокрался въ храмъ и притаился тамъ. Очищенный запахомъ ладана и воска, онъ бродилъ вокругъ купелей и еще не смѣлъ приблизиться къ блистательной Мадоннѣ, стоявшей на лазурномъ шарѣ и охраняемой тремя восковыми свѣчами, въ экстазѣ пламенѣвшими передъ нею.

Фортунада на колѣняхъ молилась. Она физически ощущала свой грѣхъ, какъ физическую боль, и это было новое, непривычное ощущеніе: послѣ волненій и тревогъ, предшествовавшихъ первому причащенію, ея душа успокоилась... Теперь же, добросовѣстная до щепетильности, она чувствовала себя большой грѣшницей. Но все же чистота ея намѣреній до извѣстной степени должна была служить ей оправданіемъ. Ей казалось, что долгъ милосердія къ ближнему—выше всѣхъ другихъ, и спасеніе несчастнаго можетъ искупить ложь.

И снова душа ея, простая, не вѣдавшая богословскихъ ухищреній, возмущалась противъ тайны зла и грѣха... Какъ согласовать съ безконечной благостью Божіей безконечныя людскія страданія? Какъ выносить, безъ праведнаго гнѣва, зрѣлище этихъ страданій? Однако, зрѣлище это, очевидно, не нарушаетъ душевнаго покоя многихъ порядочныхъ людей... Напримѣръ, докторъ Кайроль и г. кюре, которые постоянно видятъ передъ

собой все человѣческое убожество и стараются облегчить его — они не мучаются... Напугутствуютъ умирающихъ, слышать рыданія вдовъ и матерей, соболѣзнують, но, въ силу привычки, быстро успокаиваются и возвращаются домой, довольные уже и тѣмъ, что исполнили свой долгъ, примирившіеся съ своимъ безсиліемъ передъ роковой необходимостью, палагаемой природою или общественными условіями. И забываютъ...

Фортунада не можетъ забыть... Христіанская жалость, родившаяся въ ея сердцѣ въ то время, когда она впервые слышала разсказъ о страданіяхъ Христа, не была трусливымъ и слезливымъ чувствомъ, которое само на себя любитъся и питается дешевыми слезами, фразами и мистицизмомъ. Въ ней оно стало сознательной волей, требовавшей немедленнаго перехода въ дѣйствіе. Въ этой лимузепской крестьянкѣ, слабой тѣломъ и съ измученными глазами, жила душа тѣхъ дѣвственницъ, которыя низвергали идоловъ и не боялись гнѣва проконсуловъ, — душа пастушекъ-героинь, покорныхъ зову небесныхъ голосовъ, бросавшихъ прялку и веретено ради меча. Но голоса, звучавшіе для Фортунады, не предрекали ей великаго призванія и не сулили мученичества: они повелѣвали ей только бороться съ несправедливостью, которую создаютъ случайности въ природѣ и людской эгоизмъ. Повелѣвали накормить голоднаго, одѣть нагого, утѣшить плачущаго, смягчить сердце того, кто разучился плакать, быть свѣтомъ — для темныхъ душъ, словомъ — для нѣмыхъ, силою — для упавшихъ духомъ, вожатымъ — для заблудшихъ, смиренной посредницей между человѣкомъ, забывшимъ Бога, и Богомъ, отвратившимъ лицо Свое отъ человѣка; повелѣвали поступать по завѣту Распятаго, Который отверзъ небеса раскаявшемуся разбойнику — а можетъ-быть и нераскаянному... Соблазнъ неслыханный! Священное безуміе! Блистательная надежда, полная расшатаанность фантазій, прирожденная женская чувствительность... Сопротивляться — какъ?.. Разсуждать — зачѣмъ?.. Богъ велитъ. Опъ указываетъ утѣшительницѣ ея призваніе... „Иди!.. спиши къ твоему страждущему брату... Не завтра — нынче“. Она трепещетъ. — „Что, если узнають?.. Что подумаютъ? Вѣдь сказалъ же мнѣ мосье Кайроль, что я сумасшедшая и помѣшалась на любви... Но Ты, Пресвятая Дѣва, Ты видишь мое сердце... оно открыто предъ Тобою“...

И она идетъ, подъ небомъ аспиднаго цвѣта, пробираясь черезъ высокій темный верескъ, по изрытымъ дорогамъ съ глубокими колеями, наполненными водою, черезъ лѣса съ тощими березками и высокими темными елями. Холмъ за холмомъ встаютъ

передъ нею; дальнія горы скрылись въ туманѣ. Вотъ уже ночь, поднялся вѣтеръ и несетъ съ собою волчій вой и холодъ отъ снѣговъ Оверни, которыхъ онъ коснулся, пролетая мимо.

Фортунада все идетъ. Страхъ сковываетъ ея члены, но душа ликуетъ и бодритъ усталое тѣло... По пути деревня... собаки лаютъ, бараны испуганно блеютъ. Зажигаются костры на холмахъ... Въ умѣ молодой дѣвушки просыпаются вѣковья суевѣрія— но прочитанное „ave“ отгоняетъ призраки, разсѣиваетъ страхъ... Вотъ кто-то прошелъ. Что-то зашевелилось въ кустахъ... Скорѣй перекреститься, прочесть молитву!.. Вотъ каштановая роща, въ которой, словно въ засадѣ, прячется нѣскольکو хижинъ... Это— Шастанъ.

Шастанъ! Это не большое село, какъ Монадузъ. Это даже не деревушка — всего пять-шесть лачугъ, низкихъ, цѣпта грязи и камня, пріютившихся въ разсѣлинѣ холма. Болотистая почва, зеленая отъ тростниковъ, сочится лихорадкою. Днемъ тощія бараны и пятнистыя свиньи пасутся около жалкихъ хижинъ. Запахъ навозной жижи, загнившей воды, грязнаго бѣлья, еще болѣе грязныхъ хлѣбовъ, тяжело виситъ въ нездоровомъ воздухѣ этой долины... Нездоровое это мѣсто и для души, и для тѣла христіанина; слѣдовало бы хорошенько вычистить его и окропить большимъ количествомъ святой воды, потому что много грѣховъ лежитъ на душахъ его обитателей... И грѣхи эти копились вѣками: остановленные въ пути дилижансы, изувѣченные путники, изнасилованныя пастушки, жандармы, забитые на смерть камнями, подоженные мельницы—длиненъ списокъ прегрѣшеній шастанцевъ.

Изъ-подъ двери, въ щель, пробивается полоска свѣта. Вывѣтрившійся камень замѣняетъ порогъ. Фортунада еще не успѣла позвонить, какъ раздался отчаянный лай.

— Гей!.. Кто тамъ?

— Это я—Фортунада Бранду.

— Ты... Ты одна?

И старикъ недовѣрчиво вглядывается въ темноту.

— Одна.

— Чего тебѣ?

Она указываетъ на свою корзину.

— Я принесла вамъ...

— Войди.

Дворовые псы, съ жесткой сѣрой шерстью, успокоенные жестомъ стараго хозяина, идутъ къ очагу и ложатся; но свирѣпыя глаза ихъ, не отрываясь, слѣдятъ за каждымъ движеніемъ не-

прошенной гостыи. Фитиль изъ хлопчатой бумаги, пропитанной масломъ, горитъ, и дымить, и чадить. Пола ибтъ, ни деревяннаго, ни плитяного, ни даже утрамбованнаго земляного; простой камень, неровный, шишковатый... Столъ, скамья у стола, сундукъ у стѣны; мѣстами подвѣшены ружья или гирлянды луковицъ; въ углу — мѣшокъ съ капитанами, треснувшій котель, лисья шкура, извѣденная червями, пуча какихъ-то странныхъ предметовъ...

Марсіаль Вейдренъ лежитъ въ традиціонномъ альковѣ, завѣшенномъ обрывкомъ красной саржи. Шумъ разбудилъ его, и онъ поворачиваетъ къ дѣвушкѣ свое лицо, исхудалое, блѣдное, черное отъ плохо подстриженной бороды... И спрашиваетъ:

— Что они съ тобой сдѣлали?

— Но... ничего...

Зачѣмъ же она пришла, если ей не нужно ни помощи, ни вознагражденія за ея трудъ? Вольной никакъ не можетъ взять въ толкъ... Старикъ, усѣвшійся на стуль, даже не любопытствуетъ. Огромная косматая борода, выросшая ошейникомъ вокругъ его лица, придастъ ему видъ двупогаго звѣря.

Фортунада чувствуетъ себя оторванной отъ міра, отдавнкой на произволь этимъ двумъ отверженцамъ, о которыхъ она знаетъ только, что они грубы и несчастны. Конечно, рядомъ съ этими двумя Фощъ, Бюнейль и даже Шабрилья кажутся цивилизованными людьми и христіанами...

Молодая дѣвушка подходитъ къ кровати.

— Вамъ не хуже, Вейдренъ? Когда походишь немного за больнымъ, хочется узнать, какъ онъ поправляется... Вотъ, я и пришла... просто такъ...

— Ты хорошая дѣвушка, Фортунада. Что же ты не присядешь?

Она оглядывается, гдѣ присѣсть.

— Отецъ, дай же дѣвчонѣ стуль, да согрѣй вина. Мы напьемъ тебя, дѣвушка, теплымъ виномъ. Ты такая блѣдненькая.

Старикъ поднимается со стула, идетъ за бутылкой, за стаканомъ. Фортунада стѣсняется и не рѣшается отказаться отъ вина, котораго она не любитъ. Она знаетъ, что деревенская учтивость этого не допускаетъ.

Усѣвшись, она спрашиваетъ:

— Можетъ быть, у васъ чего-нибудь недостаетъ?.. лѣкарствъ?.. бѣлья?..

— О, намъ многого не хватаетъ. Но что подѣлаешь... кое-какъ обходимся... И потомъ со мной отецъ... Онъ знаетъ разныя

хорошія травы—и слова... О, онъ много народу вылѣчилъ на своемъ вѣку... Въ былое время къ нему приходили и изъ Шамбере, и изъ Аржанта, со всѣхъ концовъ департамента... Болѣзнь печени, легкихъ, водянку въ животѣ—отецъ все лѣчилъ; на все у него было слово... Да вотъ, не далѣе какъ сегодня вечеромъ, онъ заговорилъ мою лихорадку... Когда ты заболѣешь, ты позови его... такъ, чтобъ никто не зналъ... Онъ придетъ къ тебѣ—къ тебѣ-то онъ придетъ. Только другимъ не говори... А то, если докторъ узнаетъ, съ отца взыщутъ штрафъ, по суду... Охъ, ужъ этотъ мнѣ докторъ!..

Онъ грубо выругался.

— Что ему тутъ у насъ понадобилось? Приѣхалъ шпионить. Ну, я его и выставилъ за дверь. Онъ своимъ наушничаньемъ и лганьемъ отбилъ у отца всѣхъ больныхъ.

— Вы слишкомъ много разговариваете, Марсіаль Вейдрениъ... Ваша лихорадка, видно, плохо заговорена... Молчите же... Вы, старій, скажите ему, чтобъ онъ замолчалъ.

Старикъ качаетъ головой, и беззубый ротъ его что-то бормочетъ на мѣстномъ нарѣчій въ косматую грязную бороду... Прежде онъ былъ силой, вліятельнымъ человѣкомъ въ этомъ краѣ... Но съ тѣхъ поръ какъ онъ погасилъ свою кузницу и пересталъ заниматься своимъ ремесломъ колдуна и костоправа, мозгъ его одеревенѣлъ, и языкъ отвыкъ говорить, среди вѣчнаго одиночества...

Фортунада понемногу набирается храбрости.

— Ну вотъ, теперь вы успокоились... Отвѣчайте мнѣ, только не громко... Что ваша нога? Болитъ?

— Посмотри.

Онъ хочетъ откинуть одѣяло — и останавливается на полдорогѣ, какъ будто ему въ первый разъ въ жизни стало стыдно женщины...

— Нѣтъ... не стоитъ... больно ужъ она некрасива...

— Вамъ бы надо въ больницу... Здѣсь вамъ неудобно лежать, и вообще неудобно. И у старика вашего нѣтъ прежней силы...

Вейдрениъ отрицательно качаетъ головой. Молодая дѣвушка подходитъ еще ближе... касается своей блѣдной рукой костлявой руки съ широкими лопатообразными пальцами; оправляетъ куртку на больномъ, взбиваетъ небольшой соломенный, замѣняющій подушку...

— Бѣдный...—говоритъ она.

Она не знаетъ завѣтныхъ словъ, цѣлящихъ; она принесла

Вейдренну только себя, свое мужество, свое присутствіе и состраданіе. Но ея улыбка — лучшее средство отъ лихорадки, чѣмъ докторскія лѣкарства и колдовской наговоръ.

Больному не совѣтъ ясно, зачѣмъ она пришла; но ея приходъ льститъ ему, быть-можетъ трогаетъ его, будить въ немъ уцѣлѣвшую искорку смутной потребности въ обществѣ себѣ подобныхъ. Какъ въ истомѣ дикарѣ, въ немъ живетъ первобытный инстинктъ гостепріимства, и онъ не хочетъ отпустить гостя, не накормивъ и не напоивъ ее, не заключивъ съ нею, при посредствѣ общей трапезы, нѣчто въ родѣ союза, безмолвнаго договора...

Онъ бормочетъ:

— Погоди минутку... Ты простудишься на смерть, если уйдешь не согрѣвшись. Вино теплое... Выпей...

Молодая дѣвушка обмакиваетъ губы въ чашку, поданную ей старикомъ. Вино горячей волной ударяетъ ей въ голову; щеки ея горячи, какъ хлѣбъ, только-что вынутый изъ печи; черные глаза застилаетъ какой-то туманъ, мѣшающій видѣть ясно.

— Крѣпкое у васъ вино... И жжетъ какъ во рту.

— Ничего, это полезно... Скажи, ты придешь еще?

— Приду, если вы мнѣ позволите ходить за вами, Марсіаль Вейдреннъ, и не будете говорить дурно о моихъ друзьяхъ... Меня это обижаетъ... Должны же вы это понять.

— Я вовсе не хочу обижать тебя...

— Ну, такъ до свиданья. Добрый вечеръ!

— Добрый вечеръ... Отецъ, ты бы проводилъ ее...

— Нѣтъ, нѣтъ... Я не боюсь...

— Проводи ее, отецъ... Дороги тутъ не безопасны... Дѣвушка же еще такая молоденькая.

— Богъ защититъ меня—на все Его власть...

— Ну, какъ знаешь... Ежели не хочешь... Насчетъ Господа Бога я, ты знаешь...

И вотъ она опять одна, во мракѣ... На дворѣ темень, ночь... Старый Вейдреннъ проводилъ ее всего до перекрестка. И вдругъ ей становится жутко: сердце упало, ноги подкашиваются.

Она видитъ передъ собой берлогу Вейдренновъ, безмолвнаго старика, собакъ, копящую лампу и мужчину, лежащаго въ растяжку на соломенномъ матрацѣ... Страхъ, отвращеніе, тайная тревога стыдливости, угрызеніе за то, что пришлось солгать матери—бѣдная Фортунада жестоко страдаетъ.

— Что бы сказали мама, и мадемуазель Дениза, и мосье Кайроль?..

Она думаетъ и о томъ, что Вейдревнъ ужасенъ.

— Но онъ такой несчастный... Надо же, чтобы хоть одинъ добрый человекъ поговорилъ съ нимъ ласково, разсудительно, дружески, какъ миссіонеръ говоритъ съ язычниками и съ китайцами... Можетъ, онъ и переменится...

Снова навязчивая мысль:

— Какъ хорошо было бы спасти эту заблудшую душу!

VIII.

Конецъ февраля былъ испорченъ метелями; но потомъ холода спали, и въ теченіе двухъ долгихъ недѣль горные хребты и долины исчезали подъ смутной цѣпью непрерывныхъ ливней. Весенній дождь—другъ земледѣльца, размягчающій пересохшую, твердую землю, дождь, подъ которымъ всходитъ, рядомъ съ черными жирными бороздами свѣже-вспаханныхъ полей, яркая зелень озимей. Почка уже совсѣмъ налилась, крупная и твердая; грушевыя деревья съ первыми солнечными днями сулили обильный урожай блѣдно-палеваго нѣжнаго цвѣта. Пастухи уже слышали кукушку въ лѣсу. На особенно низкихъ мѣстахъ уже попадались сморчки. Зима плакала оттого, что ей не хотѣлось умирать; весна плакала оттого, что ей не хотѣлось родиться.

Жизнь полей шла своимъ чередомъ, упорно и терпѣливо; но жизнь селеній какъ бы замерла, пріютилась въ домахъ, гдѣ огонь заигали равно, какъ въ январѣ, такъ какъ подъ тяжелымъ, нависшимъ, пасмурнымъ небомъ и незамѣтно было, что дни прибываютъ. Собравшись по двѣ, по три, кумушки сокрушались, что выходитъ много керосина, и бѣлье плохо сохнетъ. Малѣйшій шумъ на улицѣ превращался въ событіе...

Черезъ правильные промежутки времени появлялись мясникъ, булочникъ, почтальонъ, Марселина отъ г. кюрэ, Франсунетта отъ Кайролей. Эта послѣдняя останавливалась то тамъ, то сямъ поболтать съ сосѣдками.

— А, Франсунетта!.. Что, идете къ Брандунихъ?.. Ну, какъ вашъ парижанинъ?

— Все такъ же.

— А барышня ваша?.. Что это она совсѣмъ не показывается?.. Дождя стала бояться... Небось, въ прошломъ году не боялась—надѣнетъ, бывало, галоши и плащъ съ капюшономъ и идетъ поболтать съ учительницей, или барышней, что на почтѣ сидитъ.

— Некогда ей теперь гулять, бѣдняжкѣ. И на полчаса не выйти... Этотъ нарижанинъ совсѣмъ какъ ребенокъ маленькій... Теперь около него весь домъ на ципочкахъ ходитъ.

Женщины восклицали:

— Ну что жъ, если онъ хорошо платитъ, то имѣетъ право требовать...

— Онъ, говорить, очень богатый...

— Еще бы не богатый! — поддакивала Франсуетта. — Еще бы не богатый... Ахъ, милыя вы мои... посмотрѣли бы вы у него на столъ духовъ-то, духовъ — и все въ такихъ флаконахъ, съ выкрутасами да съ серебряными пробками... А бѣлье — я такого красиваго да тонкаго и не видывала... Еще бы не богатый!

— Ну, какъ онъ тамъ ни богатъ, всетаки не желала бы я быть на его мѣстѣ.

— Здорово они отъ него поживятся, Кайроли-то... Еще, чего добраго, дочкѣ всѣ свои деньги оставить по завѣщанію — изъ благодарности.

— Не надо такъ говорить — унимала ихъ нѣсколько задѣтая служанка. — Понятное дѣло, еслибъ онъ свои деньги завѣщаль барышнѣ, онъ бы нехудо сдѣлалъ — она того стоитъ — но барышня ходитъ за нимъ не изъ корысти...

— Что же — можетъ быть изъ любви къ нему?

— Господи помилуй! Да вы его видѣли?

— Ну, такъ что жъ, христіанскаго милосердія ради, что-ли?

— Мадемуазель Дениза не набожная, сами знаете... Вы, бабочки милыя, это все такъ смѣха для говорите... Ну, прощайте, милыя, заболталась я съ вами.

— Прощай, Франсуетта!

Крѣпко стянувъ голову бѣлымъ чепцомъ, прикрывъ сгорбленную спину триковой пелериной, въ черной короткой юбкѣ, изъ-подъ которой видны толстыя синіе чулки, старуха шла, постукивая деревянными сабо. Вотъ и почта... Тукъ, тукъ! Кто-то стучитъ въ окно; зававѣска приподнимается... Барышня съ почты дѣлаетъ ей знакъ остановиться. Приотворила окно.

— Какъ поживаетъ Дениза?

— Ничего, слава Богу!.. Только занята очень, бѣдная барышня.

— А молодой человекъ?

— Какъ Богъ смилуется... День хорошо, два худо.

— Это грустно... Соскучилась, должно быть, Дениза, ухаживая за нимъ?

— Чего веселаго — при больномъ сидѣть!

— Ну, прощайте, Франсунетта.

— Прощайте, мадемуазель Мюрэ.

А по вечерамъ съ почты стучали въ окошко Фортунадѣ, возвращавшейся домой, и кумушки накидывались на нее съ расспросами: что за человекъ этотъ парижанинъ? пригожь ли собой?.. есть ли у него родные?.. какъ его лѣчитъ докторъ — такъ ли, какъ бѣдняковъ, или иначе...

Швея кротко отвѣчала:

— Не знаю... я его и не вижу...

Она работала то въ замѣѣ, то у Кайролей, но никогда ничего не знала о людяхъ и порядкахъ въ домѣ, потому ли, что отъ природы была скрытная и не хотѣла сплетничать, потому ли, что жила своей особой жизнью, внутренней, наполненной молитвой и размышленіемъ... Ея набожность и религіозное усердіе не убавлялись; но молодость ли брала свое, или докторское лѣченіе шло въ прокъ — только дѣвушка немного поправилась и порозовѣла. Она уже не была такой унылой, научилась улыбаться, казалась болѣе уравновѣшенной и довольной жизнью. Мать ея приписывала это хинину и пилюлямъ, сама же Фортунада говорила, что вся ея болѣзнь зимой была отъ страха, какъ бы ее насильно не выдали замужъ, и что она мигомъ поправилась, какъ только къ ней перестали приставать съ Ліонассу.

Докторъ Кайроль былъ того же мнѣнія: онъ стоялъ за то, чтобы молодежь женилась и выходила замужъ, но не изъ-подъ палки, не насильно... Порою онъ подшучивалъ и надъ тетужкой Бранду: Фортунада — говорилъ онъ, — расцвѣла потому, что влюбилась. Трактирщица разводила руками.

— Да въ кого же, милый баринъ?.. Она вѣдь нигдѣ не бываетъ: танцы ненавидитъ, нарядовъ не любитъ и до сихъ поръ плачетъ, какъ вспомнить о своемъ монастырѣ... Нѣтъ, нѣтъ... Она еще совѣмъ ребенокъ. Она до смерти боялась, какъ бы я ее не принудила выйти за Ліонассу... Можетъ, это и правда, что она стала поправляться, какъ только у нея прошелъ страхъ... Но влюбиться — гдѣ ей!.. Дѣвчонка, которая причащается каждое воскресенье...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ кюрэ знаетъ правду, которой не знаете вы, мамаша. Я бы обидѣлся, будь я на вашемъ мѣстѣ...

— Развѣ про своихъ дѣтей когда-нибудь что-нибудь знаешь, докторъ? Вотъ хоть бы ваша барышня, мадемуазель Дениза, и красавица, и умница, и образованная — а развѣ вы ее знаете?

— Еще бы! Вѣдь у нея, слава Богу, нѣтъ духовника. Кого же ей взять въ друзья, какъ не меня?!

Брандуниха качала головою съ гладко прилизанными волосами, запрытанными подъ круглую сѣтку.

— Родители — это уже не друзья; это — родители. А дѣти, господинъ докторъ — ахъ, сколько отъ нихъ горя натерпѣшься!.. Вы посмотрите на мою Фортунату... Вы думаете, я радуюсь, что она набожная... Отъ ея набожности мнѣ еще больше заботы, чѣмъ отъ кокетства младшей дочки... А Мадалуна! Всего пятнадцать лѣтъ, а спитъ и видитъ, какъ бы на балу потанцевать... Вы, разумѣется, другое дѣло. Вамъ — счастье. Мадемуазель Дениза — это ангель... и красавица... и умница... Говорятъ, она, какъ настоящая сестра милосердія, ухаживаетъ за вашимъ жильцомъ... — Въ маленькихъ глазкахъ трактирщицы свѣтилось живѣйшее любопытство. — Что же, онъ поправляется, вашъ молодой человѣкъ?

— Скоро встанетъ съ постели.

— Да что вы!.. Вотъ что значить образованность, господинъ докторъ... Значить, вы его-таки поставили на ноги.

Жанъ Фавьеръ въ первый разъ всталъ съ постели наканунѣ того дня, когда ждали его мать. То былъ одинъ изъ тѣхъ теплыхъ мартовскихъ дней, когда вдругъ повѣтеть весной, и солнце ярко свѣтитъ въ окна, и дѣвушки, уставъ шить, ослѣпленныя свѣтомъ, бросаютъ иглу, и забываютъ подбросить дровъ въ топящуюся печку.

Франсулетта, разыгрывавшая изъ себя бабушку, помогла ему одѣться, и, когда Жанъ уже стоялъ, держась за спинку кресла и чувствуя, что у него подкашиваются ноги, кликнула Денизу:

— Барышня... Барышня...

И Дениза, наконецъ, получила разрѣшеніе войти. Она даже вскрикнула... Какая перемена! Да его едва можно узнать... Она уже не смѣетъ говорить съ нимъ по прежнему, какъ старшая сестра... Онъ даже какъ будто выросъ.

Жанъ размѣялся и долженъ былъ сознаться, что онъ и самому себѣ кажется выросшимъ, необычайно длиннымъ и тонкимъ въ этомъ платьѣ, которое стало ему слишкомъ широко.

— Мама ужаснется, увидавъ меня.

— Она будетъ счастлива, что вы, наконецъ, встали. Вотъ, еслибы она пріѣхала мѣсяцъ тому назадъ, ей было бы грустно видѣть васъ такимъ.

— А всетаки я предпочелъ бы, чтобъ она пріѣхала мѣсяцъ

тому назадъ... Но у ея сына была краснуха, а мадамъ Фабръ не любить оставлять своего сына одного.

Онъ говорилъ: „ея сына“, вмѣсто: „моего брата“, и Дениза явственно слышала въ его голосѣ нотки мучительной зависти, каждый разъ, какъ онъ упоминалъ о второмъ мужѣ, о второмъ ребенкѣ своей матери.

— Сядьте вотъ здѣсь у окна.

— У меня кружится голова... Какъ я, однако, ослабѣлъ... еле стою на ногахъ.

— Ничего, къ завтрашнему дню будете совсѣмъ молодцомъ,— ободряла его Франсунетта.— Дайте, я вамъ подушечку подложу подъ спину—такъ вамъ будетъ удобнѣе... И ноги надо укрыть одѣяломъ...

Дениза поставила возлѣ молодого человѣка маленькій столикъ и положила на него книги и газеты, присланныя съ послѣдней почтой г-мъ Лапейри; потомъ принесла стаканъ оранжада и сахарницу.

Жанъ застегнулъ свою куртку изъ мягкой шерстяной матеріи и перевязалъ широкій галстухъ, скрывавшій его худую, жилистую шею. Онъ утомился, но это была пріятная усталость. Еще пріятнѣе была заботливость этихъ двухъ женщинъ, казалось, существовавшихъ только для того, чтобы заботиться о немъ, развлекать его и служить ему. Онѣ дѣлали все это такъ весело и добродушно, что Жанъ Фавьеръ иной разъ говорилъ себѣ:

— Онѣ—сидѣлки по призванію, и это замѣняетъ имъ материнство... Моя комната—ихъ царство, и моя слабость даетъ имъ радость чувствовать себя сильными... Онѣ забываютъ, что мнѣ уже двадцать три года, а я вновь становлюсь ребенкомъ, чтобъ доставить имъ удовольствіе баловать меня...

И наивно добавлялъ:

— Мнѣ повезло... Какое счастье, что еще есть такія женщины!.. Я думалъ, что эта порода совсѣмъ перевелась...

Онъ и не могъ думать иначе, такъ какъ въ сущности не зналъ женщинъ, а зналъ только мимолетныхъ подругъ мимолетнаго увлеченія, которымъ для счастья достаточно подарка и поцѣлуя. Эгоизмъ этихъ очаровательныхъ созданій въ былое время нимало не смущалъ его. Онъ бралъ отъ нихъ лишь то, что давалъ имъ самъ: красивыя слова, милыя ласки и, въ день разлуки, напускную, но лестную грусть.

Потомъ, онъ полюбилъ Жюльетту Ремонъ, кокетливую, чувственную и трусливую. Но пришли черные дни, и угроза смерти обратила въ бѣгство и друзей, и возлюбленную. Тогда въ душѣ

Жана проснулась острой потребностью въ женской нѣжности иного рода: въ привязанности не любовницы, а жены или матери, привязанности, которая не видитъ физическаго безобразія, не знаетъ отвращенія и льется прямо изъ сердца женщины, какъ льется молоко изъ ея груди.

Живя между Денизой и Кайролемъ, относившимися къ нему какъ къ брату и сыну, Фавьеръ съ умилениемъ и восторгомъ дышалъ этой атмосферой семьи, гдѣ два существа, жившія другъ для друга и вмѣстѣ для другихъ, гдѣ и богатство, и высшая эстетическая культура, и общественныя развлеченія—все замѣнилось взаимною преданностью, заботой другъ о другѣ, интеллигентностью и желаніемъ сохранить и упрочить свое счастье. Тѣсная общность идей, а нерѣдко и поступковъ, сглаживала здѣсь разницу пола и возраста. Отецъ и дочь были прежде всего друзьями. Съ каждымъ днемъ передъ Жаномъ выростали, обрисовывались опредѣленнѣе и привлекательнѣе эти два прекрасныхъ образа, неразлучныхъ съ его мыслью, какъ и съ его изголовьемъ, — образы мужественной доброты и женственной нѣжности. Живя съ ними, онъ самъ становился проще и чище; въ немъ гасли его необузданныя, большыя желанія и сожалѣнія, не вполне заглушенныя гордостью; безъ усилий, онъ становился такимъ, какимъ былъ отъ природы—искреннимъ и правдивымъ.

Перев. съ франц. З. ЖУРАВСКАЯ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОДЕНЪ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ!

Жоржа Экоута ¹⁾.

I.

Бѣдная Барбель Горь!..

Францъ, ея славный мальчикъ, зѣннца ея ока, настоящее бѣненіе ея сердца, уже съ недѣлю уѣхалъ въ гарнизонъ, далеко отъ деревни, отъ родины,—затерянный, увезенный туда, въ очень большой городъ!..

Бѣдная простая женщина не можетъ свыкнуться съ этимъ фактомъ; каждое утро, вставая раньше всѣхъ, она, какъ и прежде, взбирается на чердачокъ, гдѣ спалъ ея сынъ. Она убѣждается въ его отсутствіи только тогда, когда ощупываетъ приготовленную постель, начиная съ изголовья до самыхъ ногъ, и ищетъ напрасно подъ одѣяломъ его мускулистую руку, которую она всегда трясла, но не слишкомъ сильно, изъ опасенія сдѣлать больно—точно это было возможно!—здоровому, какъ дубъ, молодцу. Ахъ, кроткое божеское созданіе!

— Здравствуй, мама!

Что стало съ этимъ голосомъ столь любимаго молодца!

Какъ онъ медлитъ вытянуться, обнять ее за шею!

Между тѣмъ его одежда плотника, его куртка и его бар-

---

¹⁾ Ж. Экоутъ—одинъ изъ видныхъ представителей бельгійскаго натурализма. Изображая типы бродягъ, „бывшихъ людей“, подонки общества, Ж. Экоутъ въ своихъ произведеніяхъ описываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, бесплодную, песчаную мѣстность—Кампину,—съ ея грубымъ, невѣжественнымъ народомъ, нравы, обычая котораго онъ рисуетъ съ большимъ талантомъ.

хатные панталоны, его передникъ изъ сѣраго полотна, его мягкая фуражка, лежать на стулѣ, у изголовья, точно онъ только-что ихъ снялъ. Но запахъ смолы и воска, которыми были пропитаны эти вещи, темнаго вывѣтрился за прошедшую ночь; складки, обрисовывавшія его тѣло, скоро исчезнутъ; настанетъ день, когда мать, втягивающая въ себя запахъ отъ этихъ одеждъ, точно ладанъ, и цѣлующая ихъ, какъ реликвию, не найдетъ въ нихъ больше слѣда дорогого отсутствующаго!

Послѣ приступа глубокой грусти, она, наконецъ, рѣшается спуститься.

Она разводитъ огонь, приготовляетъ кофе. Вскорѣ вода закипаетъ въ чайникѣ. Подъ звуки этой музыки и подъ дѣйствіемъ вкуснаго аромата кофе, иллюзія снова увлекаетъ ее.

Вотъ она наливаетъ столько кипятку, точно ей надо было приготовить и его долю! Она парѣзаетъ кусочки хлѣба, изъ которыхъ три большихъ, предназначенныхъ для Франца, она кладетъ возлѣ его чашки. Она наполняетъ также и его жестяную бутылку, которую онъ обыкновенно уноситъ съ собой, надѣвая ее черезъ плечо, когда идетъ на работу. Затѣмъ она ждетъ, прислушивается къ обычной суетлоктѣ. Ничего не слышно! Вся семья продолжаетъ спать надъ ея головою. И, въ концѣ концовъ, пустота становится столь очевидной, что заставляетъ ее вздрогнуть, точно шумъ взрыва.

— Бѣдная я! Гдѣ были снова мои мысли? Развѣ онъ не ушелъ?..

Ахъ, Францъ! Францъ!

Бутылка падаетъ изъ ея рукъ. Одинокая, она опускается на стулъ возлѣ очага; слезы катятся вдоль ея словно пергаментныхъ щекъ, прямо къ ней въ чашку.

II.

У нея остались еще и другія дѣти, но почему природѣ захотѣлось, чтобы этотъ сынъ былъ ея любимцемъ? Она любитъ его сильнѣе не только трехъ старшихъ сыновей, четырехъ чудесно сложенныхъ дочерей, но она обожаетъ не такъ сильно своихъ двухъ совсѣмъ маленькихъ дѣтей: маленькаго Рупа, красиваго мальчика, который долженъ скоро идти къ первому причастію, и маленькую Да, семилѣтнюю блондиночку. Барбель Горъ почти легко относилась къ тому, что старшія дѣти, одинъ за другимъ, уѣзжали въ Антверпенъ, гдѣ юноши становились уче-

никами въ мастерскихъ, а дѣвочки поступали въ услуженіе. Многіе изъ нихъ вступали въ бракъ, но и это событіе не производило на нее впечатлѣнія. Не смотря на новыя заботы, они продолжали помнить о матери и посылать ей часть своего жалованья или заработной платы. Это хорошія, честныя дѣти, на которыхъ съ завистью смотрѣли другіе старики и горячо любили бы ихъ, а мать любить ихъ столько, сколько надо, безъ преувеличенія, вполне разумно.

Какъ большинство ей подобныхъ бѣдняковъ, старуха Горь слѣдовала своимъ инстинктамъ и побужденіямъ, никогда не задумываясь надъ ними. Все, что она знаетъ о причинахъ ея предпочтенія Франца другимъ дѣтямъ, это — то, что мальчикъ такъ похожъ на покойнаго отца!

Существуютъ и другіе мотивы для этой сильной привязанности, которые она иногда невольно улавливаетъ. Она отдается во власть своему чувству, подобно тому, какъ менѣ простые души испытываютъ иногда очарованіе какой-нибудь музыки или какого-нибудь аромата, не имѣя понятія объ инструментѣ или цвѣткѣ, его возбуждающемъ.

Барбель была дочь заготовщика деревянныхъ башмаковъ изъ Ранста, эгоиста и скупца, который умеръ, позволивъ ей выбрать себѣ мужа по вкусу — простого возчика, служившаго у торговца лѣсомъ. Они начали обрабатывать землю, наняли ферму въ Кесселѣ, возлѣ Ліерра. Они могли бы разбогатѣть, но у нихъ было слишкомъ много дѣтей.

Жена, жгучая брюнетка, имѣвшая въ своихъ жилахъ капли той испанской крови, которую насильно вводили потомки войскъ герцога Альбы и Фарнезе въ свѣтлое и спокойное сложеніе фламандцевъ изъ Кампины, не руководила своимъ мужемъ; напротивъ, она наслаждалась имъ, какъ хлѣбомъ. Она такъ же часто возвращалась къ алькову, какъ и къ квашнѣ, утоляя свой голодь.

Фрерикъ Горь былъ храбръ въ работѣ; онъ много трудился для своихъ малышей. Однажды добрый работникъ испыталъ что-то въ родѣ удара; онъ упалъ на полъ, позади плуга, точно пораженный ударомъ бича по затылку. Необычайное мычаніе его быковъ возбудило тревогу. Рабочіе отнесли его на ферму, гдѣ волненіе окружающихъ продолжалось, пока онъ не пришелъ въ себя. Не понимая ничего въ этомъ предостереженіи, Фрерикъ, такой здоровый, первый засмѣялся надъ своимъ паденіемъ. Но нѣсколько времени спустя, однажды утромъ, вставъ съ постели,

онъ почувствовалъ себя нехорошо, и при кашлѣ, вмѣсто мокроты, у него показалась кровь.

На этотъ разъ, сильно взволнованная Барбель послала за докторомъ въ Лиерръ. Осмотрѣвъ больного, еще очень слабого, и распросивъ жену, докторъ прописалъ имъ строгое воздержаніе. Случай съ ея мужемъ не безнадеженъ, говорилъ онъ хозяйкѣ, но она должна давать ему покой ночью, если она не хочетъ, чтобы онъ улегся навсегда тамъ, въ тиши колокольни. Барбель была немало удивлена. Она знала нѣкоторыхъ живыхъ людей, которые увидали съ тоски, потому что ихъ не любили, но она никогда не повѣрила бы, что можно было умереть отъ силы любви!

Францу, ея младшему ребенку, было тогда около десяти лѣтъ. Барбель обѣщала себѣ, что этотъ ребенокъ будетъ послѣднимъ. Къ тому же обработка полей ничего не приносила. Изъ-за болѣзни Фрерика надо было покинуть ферму, нанять лачужку, открыть лавочку въ деревнѣ, обрабатывая только часть земли подъ картофель.

Между тѣмъ Фрерикъ поправлялся; его лицо снова стало, какъ прежде, красивымъ, живымъ, и онъ снова принялся за работу, какъ поденщикъ у равныхъ ему крестьянъ. Въ то же время его страстный темпераментъ снова предъявлялъ свои требованія. Барбель было нелегко оставаться холодной къ этому воскресающему человѣку, который, опечаленный ея отказомъ, раздражалъ ее взглядомъ, полнымъ мольбы и обѣщаній.

Фрерикъ не зналъ того, что сказалъ докторъ его женѣ.

Однажды, когда онъ крѣпко ее обнялъ и былъ разсерженъ, что она все еще отстраняется, онъ хотѣлъ приневолить ее, но она со слезами рассказала ему обо всемъ. Онъ сталъ смѣяться надъ ней и убѣждать ее, что докторъ, хитроумный городской житель, захотѣлъ позабавиться надъ ними.

У нихъ явились новыя дѣти: маленькій Рупъ, затѣмъ крошка Да. Послѣдней было нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды вечеромъ, въ апрѣлѣ, у Фрерика Гора, вернушагося съ полевой работы, появились тревожные симптомы. Онъ не позволилъ своей женѣ бѣжать въ ту же ночь въ Лиерръ. На другой день докторъ сказалъ, что онъ безнадеженъ. Увидавъ двухъ крошекъ въ углу комнаты, онъ не могъ сдержаться и сказалъ матери, указывая на нихъ: „Эти маленькія ручки вырыли землю, чтобы закопать вашего мужа!“ —

Черезъ два дня Фрерикъ скончался.

Несчастная рѣшила пережить его, но никогда не простила себѣ, что не послушалась доктора.

Ея Францъ снова привязалъ ее къ жизни. Вспоминая постоянно образъ лучшаго изъ людей, она снова нашла его въ этомъ ребенкѣ, особенно въ юношескомъ возрастѣ, когда онъ необычайно напоминалъ покойнаго отца.

Ей казалось, что она снова видитъ передъ собою живого возчика, съ пѣсенкою на устахъ, щелкающаго хлыстомъ, какимъ она ждала его на большой дорогѣ, когда онъ возилъ лѣсъ въ городъ. Это были тѣ же черные волосы, каріе глаза, большой ротъ, рѣзкій четырехугольный подбородокъ, толстыя щеки, какъ у Фрерика Гора. Мальчикъ отличался искренностью, живостью, храбростью, добрымъ сердцемъ, какъ и его отецъ. Францъ унаслѣдовалъ отъ отца откровенность, приступы веселья, пристрастіе къ шуткѣ. Сыну доставляло удовольствіе, какъ когда-то отцу, шутить съ доброй женщиной, перевортывать все хозяйство вверхъ дномъ, приставать къ матери, какъ надоѣдливая муха. За столомъ онъ прикидывался, что недоволенъ ѣдой, находилъ похлебку пригорѣлою, объявлялъ картофель недовареннымъ. Каждый разъ она вѣрила ему на слово, старалась оправдываться, защищать свою стряпню. Часто она дѣлала видъ, что сердится, и гналась за дорогимъ шалуномъ. Не имѣя силъ его догнать, она бросала въ него метлой, крышками отъ кострюлекъ, но всегда старалась не попасть въ него. Въ глубинѣ души она радовалась этой суетолокѣ; она благословляла своего преслѣдователя, забавляла его своимъ смѣшнымъ гнѣвомъ; если онъ оставался спокойнымъ, она начинала бояться.

Вечеромъ онъ передавалъ ей новости, услышанныя въ мастерской и на улицѣ. Онъ придумывалъ необычныя исторіи и заставлялъ добрую женщину, падкую на сплетни, вѣрить пѣлою серіи все болѣе и болѣе невѣроятныхъ вещей, пока какая-нибудь слишкомъ колоссальная ложь или смѣхъ, котораго мистификаторъ не могъ удержать, наконецъ объясняли ей все.

Теперь всего этого недоставало Барбель! Домъ сталъ печальнымъ, какъ послѣ смерти хозяина. Ахъ, этотъ рекрутскій наборъ!

III.

Она ничего не пропустила, однако, чтобы умиловить Бога и святыхъ въ день, когда ему надо было тянуть жребій. За годъ передъ тѣмъ, на Троицу, она ходила вмѣстѣ съ Францемъ съ процессіей ихъ села въ Монтэгю. Позднѣе, при приближеніи

рокового дня, она заказала девятидневную службу въ церкви .Лиерра. Утромъ въ памятный день, когда онъ, взволнованный и блѣдный, отправился въ общинную школу, она надѣла, по обычаю, ему на шею свой наплечникъ, освященные четки на правую руку и положила въ карманъ его куртки и панталонъ цѣлый арсеналъ амулетовъ: грибокъ, сорванный въ почъ на праздникъ святыхъ младенцевъ, зубъ черной кошки, каштанъ, на которомъ пастухъ Польсъ, извѣстный колдунъ, вырѣзалъ ножомъ, за нѣсколько лѣтвъ, серію кабалистическихъ цифръ, предназначенныхъ для полученія счастливаго номера. Дѣйствительно, она ничего не упустила. Когда же она жаловалась этому вору Польсу на неуспѣхъ его талисмановъ, онъ упрекалъ ее въ томъ, что она смѣшала религіозныя приемы съ тѣми, которые осуждаетъ священникъ, такъ какъ нельзя прибѣгать одновременно къ святымъ и къ демонамъ.

Францъ вытянулъ одинъ изъ самыхъ низкихъ номеровъ, столь же безвадежный, какъ и ихъ положеніе.

Она пыталась получить освобожденіе несчастнаго, указывая на то, что она вдова и что этотъ мальчикъ ее кормитъ; но, какъ всегда, нашлись услужливые люди изъ ея села, не менѣ ретиво оспаривавшіе своихъ сыновей у казармъ и открывшіе вербовщикамъ, что у вдовы остаются другія дѣти.

Тогда она придумала выставить мотивы здоровья. Докторъ изъ .Лиерра согласился подтвердить письменно, что отецъ Франца умеръ отъ худосочія. Это было не совсѣмъ такъ, но, рассказываясь въ суровыхъ словахъ, произнесенныхъ когда-то у постели Фрерика Гора, добрый докторъ допустилъ небольшой обманъ.

Къ несчастью, малый былъ такъ превосходно сложенъ, какъ бываетъ еще только въ Кампинѣ. Когда его ввели изъ комнаты, гдѣ онъ раздѣлся, вмѣстѣ съ другими рекрутами, въ залу совѣта, онъ произвелъ сенсацію. Члены воинскаго присутствія радовались удачѣ: нашли, наконецъ, настоящаго солдата. Не считаясь съ его изумленіемъ, его смущеніемъ, когда онъ очутился голымъ, какъ червякъ, передъ этими разукрашенными людьми, они грубо шутили, поворачивали его нѣсколько разъ въ разныя стороны, ощупывали, мѣрили, взвѣшивали, осматривали съ головы до ногъ, затѣмъ хлопали его по плечу и объявили, что онъ годенъ къ военной службѣ! Онъ собрался съ духомъ и просилъ ихъ рассмотреть его просьбу объ освобожденіи. Они много смѣялись надъ этимъ требованіемъ. Но, хорошо настроенные, они позволили ему снова одѣться и отправиться за бумагою. Когда они познакомились съ нею, они чуть

не померли со смѣха. Этому широкоплечему, толстощекому чело­вѣку грозить чахотка! Съ такою грудью! Какая шутка! Собрать смѣялся надъ ними. Наборщики рекрутовъ никогда не пробовали лучшаго мяса.

Годенъ къ военной службѣ! Францъ вернулся очень опе­ченный, въ особенности при мысли о матери. Онъ зави­довалъ Бальду Винку, молодцу, котораго эксперты осматри­вали вмѣстѣ съ нимъ, и забраковали изъ-за его рукъ. Этотъ молодецъ имѣлъ расширенныя вены и никогда не хвастался этимъ. Другой молодецъ изъ Кесселя, Тистъ, былъ обязанъ своей свободой грыжѣ. Еще одинъ порокъ, котораго не зналъ сынъ Барбель Горъ и который онъ готовъ былъ разсматривать какъ даръ небесъ.

На другой день онъ долженъ былъ отправиться на сборный пунктъ, въ Бевернъ, гдѣ его подвергли новому тѣлесному осмотру. Затѣмъ съ него сняли мѣрку, внесли его въ списокъ и отослали домой, въ семью, снабдивъ письменнымъ маршрутомъ.

Прошла зима, прошли лѣтніе мѣсяцы. Вдова воображала, что эти важные господа забыли объ ея сынѣ, какъ вдругъ, въ одно октябрьское утро, Францъ, отправляясь на лѣсной дворъ, встрѣтилъ деревенскаго сторожа, который протянулъ ему непонятную бумагу, подписанную бургомистромъ. Ему приказывали немедленно отправиться на сборный пунктъ. Надо было покориться.

Барбель Горъ только имѣла время завязать въ красную тряпку нѣкоторые пожитки и зашить немного денегъ въ шерстяной чулокъ.

Ахъ, утро разставанья! Онъ привязалъ свой узелъ на кончикъ палки, закинутой на плечо. Бѣдная женщина часто вспоминаетъ его, какимъ онъ былъ въ тотъ часъ, съ очень краснымъ, а иногда и блѣднымъ лицомъ, испуганнымъ видомъ, одѣтый въ лучшіе панталоны, чистую синюю матросскую куртку и фуражку, которую онъ носилъ по воскресеньямъ. Она хотѣла, чтобы онъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на господъ офицеровъ и не былъ бы смѣшанъ съ бродягами, пойманными въ сѣти рекрутскаго набора одновременно съ сыновьями честныхъ людей.

Она проводила его до Ліерра, хотя онъ и пытался отговорить ее, чтобы уменьшить ея волненіе. „Нѣтъ,—говорилъ онъ,

огорченный, съ заплаканными глазами, — ты можешь лишить меня всего моего мужества“...

Дорогой они останавливались, точно на остановкахъ крестнаго пути, передъ маленькими часовнями, придѣланными къ стволу самыхъ красивыхъ деревьевъ. Она падала на колѣни, начинала молиться, но не кончала, оборачивалась къ сыну, брала его голову въ свои руки и смотрѣла ему въ глаза, какъ будто она никогда его больше не увидитъ; затѣмъ она начинала рыдать.

— Не плачь, мать. Я уѣзжаю не на край свѣта... Я буду проводить время моихъ отпусковъ въ деревнѣ. Вы тоже прїѣдете ко мнѣ туда. Затѣмъ, я буду писать, и Рупъ прочтетъ мои письма, — не такъ ли, Рупъ? Поцѣлуй еще разъ старшаго брата, хитрецъ! И нашъ Рупъ будетъ мнѣ отвѣчать, какъ умный мальчикъ!

И со словами: „не плачь!“ онъ имѣлъ такой видъ, точно самъ не могъ справиться со своими слезами. Бѣдная мать снова начинала плакать. Дѣти, вертѣвшіеся возлѣ нихъ, имѣли серьезные и заинтересованные лица.

Онъ пытался развеселить ее, какъ въ добрые старыя дни, но ничего не выходило. Эта искусственная веселость еще сильнѣе раздирала душу, чѣмъ все остальное; и онъ боялся, что его фальшивый смѣхъ потонетъ въ потокѣ, который поднимался все выше и выше изъ его сердца къ глазамъ. Тогда онъ прибавлялъ шагу, отворачивался, усиливалъ нѣкоторую грубость въ обращеніи: „Скорѣе!.. послѣшимъ!.. А то я приду слишкомъ поздно!“ И ударяя себя по груди кулакомъ, онъ ворчалъ сквозь зубы: „Мужчина ты или нѣтъ, наконецъ?! Тогда не плачь, чертъ возьми!“

Они дошли до города. Улица, ведущая къ вокзалу, была загромождена рекрутами, переходившими, безъ всякой жадности, изъ кабака въ кабакъ. Городскіе и сельскіе жители сходились. У многихъ на фуражкѣ были пѣтухи и цвѣтныя украшенія, которыми украшаютъ жирныхъ быковъ, предназначенныхъ на бойню, и здоровыхъ молодцовъ, посылаемыхъ въ казарму. Семья Горъ вошла въ одинъ изъ трактировъ, но пиво не шло имъ въ горло.

IV.

Матери, сестры, невѣсты рѣшили, подобно Барбель, не разставаться съ уѣзжающими до послѣдней минуты. Эти женщины смотрѣли другъ на друга съ симпатіей; взаимная жалость охва-

тывала ихъ и онѣ показывали другъ другу взглядомъ того, кого онѣ должны были потерять. По угламъ залы происходили увѣщанія, слышались вздохи, виднѣлись протянутыя руки, глубокіе взгляды. Иногда какой-нибудь рекрутъ, съ обычною жестокостію слышеюмъ любимыхъ существъ, дѣлалъ видъ, что раздражается отъ этихъ слезъ, почти не слушаетъ нѣжныхъ совѣтовъ, нервно желая орать вмѣстѣ съ печальными крикунами, которые проходили толпами передъ окнами.

Послѣднія минуты пролетали. Надо было разставаться. Барбель и другія упорныя женщины кинулись впередъ. Прислонившись къ барьеру, онѣ хотѣли видѣть, какъ пройдетъ поѣздъ. Локомотивъ засвистѣлъ. Шествіе началось и приближалось медленно, точно съ трудомъ.

— Вотъ они! Вотъ они!

Ихъ помѣстили въ вагоны. Крики благодарности, призывы скрещивались, не вполнѣ заглушаемые шумомъ машины.

— Францъ! Францъ!

— Мать!

Онѣ смотрѣли, какъ удалялась черная змѣя, и махали платками, даже послѣ того какъ разсѣялась полоска дыма, которую оставило послѣ себя чудовище. Ничего не видно было больше — а онѣ все еще смотрѣли вслѣдъ этому человѣческому грузу, который поѣздъ точно отрѣзалъ отъ ихъ сердець!

V.

Вернувшись домой, Барбель становилась даже озлобленной по отношенію къ ближнимъ.

„Ахъ! Зачѣмъ они не были такъ богаты, какъ лавочники изъ Navet d'ог, которые хвастали передъ бѣдняками тѣмъ, что откупили своихъ трехъ сыновей“.

Вотъ что называется привилегіей!

Чтобы поборотъ это вовсе не евангельское настроеніе, она пыталась отдаться заботамъ по хозяйству. Въ тотъ самый вечеръ, на другой день, еще на другой день, всѣ дѣла шли коекакъ; Барбель блуждала, какъ потерянная, по дому.

Желаніе снова увидѣть его, настойчивое, мучительное, подобное желанію беременной женщины, охватывало все ея существо. Она увѣряла себя, что она была недостаточно ласкова съ нимъ въ минуту разлуки на вокзалѣ. Она упрекала себя въ томъ, что сказала ему рѣзкое слово наканунѣ отъѣзда, въ ми-

пути огорченіи, во время ихъ пѣжныхъ изліній. Она могла дать ему еще столько совѣтовъ! Чудесные предлоги приходили ей въ голову: онъ увезъ съ собою только одну пару шерстяныхъ посковъ, онъ можетъ очутиться безъ денегъ, можетъ-быть ему не хватить хлѣба!

На седьмой день, не имѣя силъ оставаться на мѣстѣ, она рѣшила во что бы то ни стало увидѣть его. Онъ могъ быть еще на сборномъ пунктѣ, гдѣ, какъ она узнала, рекруты остаются около недѣли. Она быстро собрала новый узелокъ изъ бѣлья и съѣстныхъ припасовъ; Рупъ и Да, бѣгавшіе по пыльной дорогѣ, были вымыты, одѣты однимъ взмахомъ руки, она сама въ свою очередь принарядилась.

— Куда мы отправляемся, мать?

— Въ Бевернъ! Повидаться съ нашимъ Францемъ!

Дѣти не протестовали противъ этого путешествія. Они приплясывали отъ одной мысли, что поѣдутъ по желѣзной дорогѣ.

Видя, какъ Барбель запираетъ на двойной замокъ дверь своей лавочки, сосѣди говорили:

— Смотрите! Старушка Барбель устраиваетъ себѣ отдыхъ!

Кумушки горѣли нетерпѣніемъ спросить ее, зачѣмъ она надѣла свою воскресную шляпу, свой самый чистенькій чепчикъ, свою шерстяную юбку, свой новый черный суконный плащъ? Всегда такая болтливая, она только поздоровалась съ ними, не сходя съ дороги, и прибавила шагу.

Въ Льеррѣ у нихъ было времени только на то, чтобы взять билеты. Грубые сторожа помогли всунуть эту троицу неопытныхъ путешественниковъ въ вагонъ третьяго класса. Въ первый разъ Барбель рѣшилась подвергнуться опасности этого способа передвиженія. Правда, что ея Францъ подалъ ей уже примѣръ. Рупъ и Да смотрѣли, словно очарованные, на пейзажи, исчезающіе быстрѣе, чѣмъ видѣнія во время ихъ сна.

Часы на соборѣ въ Антверпенѣ били два часа пополудни, когда послѣ многихъ хожденій взадъ и впередъ, грубыхъ пріемовъ, мальчишескихъ шутокъ, всевозможныхъ препятствій, крестьянка и двое ея дѣтей, наконецъ, вступили на маленькій пароходъ. Бѣдные, они никогда ранѣе не видѣли Шельды! Барбель, слишкомъ погруженная въ свои материнскія ощущенія, обращала смутное вниманіе на эту грандіозную массу зеленоватой воды, увязанной деревянными домиками. Она ничего не сознавала, кромѣ настойчивой мысли о сыпѣ, и ко всей этой морской обстановкѣ, которая въ другой разъ навѣрно поразила бы ее, она относилась равнодушно, даже не замѣчала ея. Малыши, напро-

тивъ, переходили отъ одного восторга къ другому. Каждую минуту они дергали задумавшуюся мать за плащъ, заставляя ее любоваться какимъ-нибудь парусомъ, судномъ, чайкой, летавшей надъ водой, какой-нибудь подробностью передвиженія, головнымъ уборомъ смуглаго матроса. Раздался колокольный звонъ на башнѣ, и они подумали, что эта музыка падаетъ съ неба.

На берегу они должны были сѣсть въ другой поѣздъ.

— Приѣхали ли мы въ Бевернъ? — спрашивала Барбель своихъ спутниковъ съ первой же остановки. Она была уже пресыщена скоростью локомотива. Ея умъ двигался быстро, но иначе.

Наконецъ, они достигли своего назначенія. Ей указали сборный пунктъ, большое красное зданіе, на краю маленькаго городка.

Она встрѣчала небольшіе отряды рекрутовъ, которые были уже экипированы и которыхъ солдаты уводили, точно священнодѣйствовали. Неловкіе, смущенные, непривыкшіе къ новой обстановкѣ, они ощупывали другъ друга, точно желая увѣриться въ своей личности. Другіе казались наивно польщенными, одѣвъ новую форму. Съ сжатымъ сердцемъ, Барбель старалась узнать своего Франца подъ этими круглыми головными уборами, среди этихъ сѣрыхъ панталонъ! Она хотѣла подойти къ одной изъ головъ этого человѣческаго стада, но ее оттолкнули.

Она бросилась къ новымъ пришельцамъ, еще не введеннымъ на сборный пунктъ рекрутовъ и пользовавшимся послѣднимъ свободнымъ часомъ. Она спрашивала о Францѣ у болѣе смиренныхъ. Но оступѣвшіе, погруженные въ собственную заботу, эти несчастные не слышали и не понимали ея. Францъ Горъ? Это имя ничего не говорило имъ.

Въ дѣйствительности, они чувствовали себя такъ же на чужбинѣ, какъ и она сама. Перевезенные сюда массами со всѣхъ концовъ страны, они не имѣли еще времени узнать другъ друга, разобраться въ томъ, что съ ними произошло. Это было смѣшеніе городскихъ и сельскихъ жителей, фламандцевъ и валлонцевъ, судовщиковъ и землекоповъ. Ихъ нетвердая походка и крики напоминали волненіе птицъ различнаго оперенія и различныхъ странъ, внезапно собранныхъ въ одномъ птичникѣ. Они случайно сходились, заговаривали другъ съ другомъ, хлопали по рукамъ, угощали другъ друга пивомъ, готовые черезъ минуту разойтись, затеряться въ другой группѣ, найти новыхъ друзей. Они не встрѣчались между собою раньше. Нѣсколько старыхъ солдатъ смѣшались съ рекрутами. Ихъ окружали, обращались

съ ними деликатно, слушали ихъ, какъ оракуловъ, надѣвали ихъ фуражки или вытягивали ихъ шашки изъ ноженъ.

Наконецъ, Барбель удалось устроить себѣ проходъ черезъ толпу къ казармамъ сборнаго пункта. Она хотѣла войти. Часовой помѣшалъ ей. Къ счастью, это былъ молодецъ изъ Кампиви, а плащъ съ капюшономъ, широкій чепчикъ и цилиндрическая шляпа крестьянки уже расположили его въ ея пользу, прежде чѣмъ она открыла ротъ. Приказъ запрещалъ входъ женщинъ на сборный пунктъ, но онъ хотѣлъ разъяснить ей то, что было ей необходимо. Онъ самъ не зналъ рекрутовъ изъ Кесселя. Онъ позвалъ другого солдата, Монтуа, настоящаго молодца.

— Францъ Горъ? — спросилъ тотъ. — Подождите минуту. Я видѣлъ этого пѣхотинца. Черный, довольно высокій, широкоплечій... Не такъ ли? Неудача въ такомъ случаѣ, бѣдная мамаша! Въ это время онъ на всѣхъ парахъ мчится въ Остендъ, гдѣ стоитъ его полкъ...

Барбель почувствовала страшное потрясеніе, но не потеряла мужества. Гдѣ это Остендъ? Она отправится туда сейчасъ же.

Ей Богу, это не легко объяснить, гдѣ находится этотъ чертовскій городъ! Все, что знали о немъ эти два молодца, было то, что онъ стоитъ на берегу моря, очень далеко, и что надо ѣхать туда нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ. Едва ли она попадетъ туда сегодня. Если даже предположить, что попадетъ, то къ самой ночи, послѣ повѣрки, и тогда ей придется ждать, въ незнакомомъ городѣ, слѣдующаго дня, чтобы обнять сына.

Она слушала эти умныя заключенія, какъ мученица, подвергающаяся самой ужасной пыткѣ. Во время путешествія мысль, что она снова увидитъ своего Франца, поддерживала ее. Ея нервы теперь словно упали. Она чувствовала сильное утомленіе, а мракъ дождливаго вечера увеличивалъ ея страданіе.

Ея собесѣдники сжалились, при видѣ ея огорченія.

— Повѣрьте намъ, — говорилъ часовой — отложите ваше посѣщеніе и возвращайтесь къ себѣ. Есть еще поѣздъ въ Антверпенъ, черезъ полчаса. Будьте спокойны, вашего сына не убьютъ! Тяжело служить, но отъ этого не умираютъ: въ доказательство вотъ вамъ мы, товарищъ и я, здоровы и на ногахъ!

При видѣ огромнаго пакета, который она таскала съ утра и который заключалъ въ себѣ провизію, могущую снабдить припасами весь полкъ, онъ вызвался передать это Францу, черезъ рекрутовъ его полка, которые должны были уѣхать на другой день.

Къ тому же, малыши, о которыхъ она вовсе не заботилась,

падали отъ усталости. Солдаты указали ей на это. Уже давно новые предметы перестали интересовать Руна и Да, и ихъ, недовольныхъ, приходилось тянуть. Это заставило ее рѣшиться. Она раскрыла свой узелъ, вынула оттуда нѣсколько кусочковъ хлѣба, пару сваренныхъ яицъ для дѣтей и заставила любезныхъ солдатъ принять отъ нея въ даръ нѣсколько чудесныхъ яблокъ, предназначенныхъ для ея Франца. Она укрыла Руна и Да полами своего плаща и медленно пошла назадъ, окинувъ изумленнымъ взглядомъ высокія красноватыя стѣны, которыя, казалось, содрогались подъ наплывомъ сѣрыхъ и багровыхъ облаковъ.

VI.

Францъ Горъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы покинуть сборный пунктъ рекрутовъ. Пользъ, куда его опредѣлили, былъ ему неизвѣстенъ, но всякое жилище было лучше этого зловоннаго каравансарая.

Что огорчало его сильнѣе всего, при вступленіи на службу, это нечистота, съ которой былъ связанъ новый его режимъ. Онъ долженъ былъ ложиться спать на соломенномъ мѣшкѣ, о который многія поколѣнія рекрутовъ вытирали свое грязное и потное тѣло. Не имѣя одѣяла, онъ ложился одѣтымъ на эту постель. Не было возможности умыться утромъ. Не только потому, что ему было отказано въ мылѣ, но и вода тамъ встрѣчалась рѣдко.

Днемъ онъ блуждалъ съ товарищами по заламъ и дворамъ этой тюрьмы и его взгляды встрѣчали только красноватыя или оштукатуренныя стѣны, иногда черныя отъ нечистоты и явно сырыя. Ни одного свободнаго часа! Они не могли сообщаться съ внѣшнимъ міромъ, пока не произойдетъ ихъ полное превращеніе изъ крестьянъ въ солдата.

Въ Остендѣ онъ пробылъ только два дня. Его направили туда по ошибкѣ. Къ счастью, свертокъ, посланный его матерью, пришелъ въ то время, когда онъ собирался въ путь.

Теперь Францъ пріѣхалъ въ Брюссель. Онъ помѣщается, съ сотнею другихъ военныхъ крѣпостныхъ, въ очень старомъ аббатствѣ, покрытомъ плѣсенью, обрушивающемся, съ стѣнами, наминавшими стѣны конюшни, съ массой крысъ, въ центрѣ

лабиринта улицъ, въ кварталѣ, гдѣ помѣщаются самыя бѣдныя изъ бѣдныхъ.

Французъ узнавалъ мало-по-малу правила внутренняго порядка. Инструкторъ научилъ его, какъ держать оружіе, ходить по двору, считая шаги, остаиваться по приказу, вертѣться на томъ или другомъ каблукѣ. Освоившись съ школою солдата, онъ изучалъ ружейныя приемы. Позднѣе его посылали два раза въ день, вмѣстѣ съ полкомъ, на ученье, происходившее на грязной и пыльной равнинѣ. Тамъ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ, они шлепали по грязи, жарились на солнцѣ, вертѣлись и учились всевозможнымъ приемамъ.

Хорошо, еслибы были однѣ военныя прогулки! Но существовали еще смотры, гдѣ они простужались, выстаивая цѣлыми часами съ оружіемъ въ рукахъ; караулы передъ дворцами и мундштетами; празднества и публичныя церемоніи, во время которыхъ войско фигурировало ради тщеславія высокопоставленныхъ людей и увеселенія зѣвакъ; сотни необычайно-тяжелыхъ работъ, прибавляемыхъ къ ежедневной службѣ. Приказъ полученъ, надо идти! Безконечныя придирки, ученическія наказанія сыпались дождемъ, съ какимъ бы трудомъ солдатъ ни старался ихъ избѣгнуть. Начальники выполняли свои причуды на спинѣ опытныхъ солдатъ. Бѣда, если кто двинетъ подошвой. Военный законъ, который прочли Францу при его вступленіи въ казарму, заключалъ въ себѣ большой выборъ способовъ напомнить о долгѣ возмущившимся или непослушнымъ людямъ. Одна мысль о заключеніи въ антверпенскую крѣпость, о посылкѣ въ „исправительное“, заставляла блѣднѣть самыхъ несговорчивыхъ. Даже въ сторожа этихъ тюремъ нието не шелъ по доброй волѣ. Считалось уже наказаніемъ быть посланнымъ туда въ качествѣ надзирателя надъ провинившимися. Тѣмъ, кого посылали въ эти печальныя мѣста, надо было имѣть наклонности палачей.

Французъ наполнялъ свой досугъ въ казармѣ передъ сномъ чисткой ружья, пуговицъ на мундирѣ; онъ рѣдко задерживался въ кабачкѣ, предпочитая сохранить свои нѣсколько серебряныхъ монетъ для выхода на свободу. Когда онъ уставалъ играть щеткой и доской для чистки пуговицъ, онъ вытягивался совсѣмъ одѣтымъ на постели, въ ожиданіи переключки. Дежурные офицеръ и унтеръ-офицеръ входили. Каждый солдатъ находился у своей постели. Начиналась переключка; отвѣты: „здѣсь!“ различными голосами громко падали вплоть до заполнения листа. Раздавалась вечерняя заря, гасли огни.

Въ первыя ночи Французъ не могъ спать. Вплоть до самой

полуночи солдаты шумѣли, забавлялись непристойными шутками, играми, продѣлками порочныхъ учениковъ. Иногда требовался рассказъ о чемъ-нибудь трагическомъ, но по мѣрѣ того какъ рассказъ развивался, число слушателей уменьшалось. На возгласъ: „крикъ“, которымъ прерывалъ рассказчикъ свое повѣствованіе, чтобы привлечь вниманіе слушателей, отвѣты: „крикъ“ становились все менѣе многочисленными.

Когда сонъ, наконецъ, опрокидывалъ на соломенный мѣшокъ и шутниковъ, и рассказчиковъ, наступала тишина, во время которой Францъ слышалъ только игру дыханій, смѣшивавшихся наудачу. Если онъ еще не засыпалъ, онъ сильно рисковалъ совсѣмъ не сомкнуть глазъ, такъ какъ, мало-по-малу, дортуаръ входилъ въ новую стадію шума. Поднимался храпъ. Спящихъ посѣщали сны: раздавались жалобы, крики, лепетанія. Съ одного конца залы на другой спящіе, казалось, разговаривали, отвѣчали другъ другу, продолжали играть. При лунномъ свѣтѣ Францъ замѣчалъ поразительное выраженіе лицъ, странное состояніе спящихъ. Одинъ улыбался, казалось, грезилъ о домѣ и отчизнѣ, шепталъ дѣтскимъ голосомъ дорогія имена. Въ другомъ углу слышались проклятія, рыданія. Кто-то во снѣ вставалъ, на половину протягивалъ руки, произносилъ какія-то непонятныя, странныя слова, затѣмъ падалъ снова точно замертво. Францъ видѣлъ, какъ ноги бѣшено протягивались изъ-подъ одѣяла, сжатые кулаки грозили невидимому мучителю. Самыми безпокойными обазывались, можетъ быть, хрипы любви, сдавленные вздохи, поцѣлуніи, направленные въ пустое пространство, замиранія, вызванные призраками. Францъ удерживалъ дыханіе, дрожа отъ ужаса и состраданія. Зимой было трудно дышать, воздухъ былъ ужасенъ, но лѣтомъ испаренія этого человѣческаго скопленія словно заражали всѣхъ и заставляли страдать, какъ дыханіе слишкомъ опьяняющихъ растений.

Часто его будилъ какой-нибудь пьяница, обманувшій строгость сторожей и падавшій на нѣсколько чужихъ постелей, прежде чѣмъ дойти до своей. Или же онъ просыпался отъ обхода дежурнаго офицера; лучи скрытаго фонаря, подносимаго отъ лица къ лицу, отрывали его на минуту отъ сна, и его вытаращенные глаза снова закрывались, прежде чѣмъ удалялся патруль.

Если казарма, этотъ современный фаланстерій, неприятна для всякаго, то особенно ужасна она для деревенскихъ жителей, болѣе привыкшихъ къ уединенію, чѣмъ жители городовъ и тор-

говыхъ центровъ. Кто прошелъ черезъ большую фабрику, тотъ умѣетъ жить рядомъ съ другими, подвергаться нѣкоторой дисциплинѣ. Его свободный духъ притупился.

Но изъ числа крестьянъ всего болѣе достойны сожалѣнія уроженцы фламандскихъ деревень. Прежде всего, ихъ разговорный языкъ совсѣмъ иной, чѣмъ языкъ, раздающійся при ученьяхъ и приказахъ. Въ полку говорятъ официально только по-французски. Въ результатѣ выходитъ то, что валлонцы, съ минуты ихъ вступленія на службу, выказываютъ апломбъ и увѣренность, въ которой начальники часто видятъ ихъ умственное превосходство предъ товарищами другой расы. Напрасно обвиняютъ въ глупости этихъ высокихъ, тоскующихъ мечтателей, молчаливыхъ, какъ всѣ германцы, и отличаютъ краснобайство болтуновъ изъ городскихъ предмѣстій. На долю деревенскихъ фламандскихъ жителей приходится бдльшая часть обидъ и оскорбленій. Унтеръ-офицеры и старые солдаты обращаются съ ними особенно грубо. Долго эти деревенщины служатъ предметомъ шутокъ. Позднѣе они поражаютъ своею понятливостью, памятью, серьезнымъ отношеиіемъ къ своимъ обязанностямъ, которыя они исполняютъ безъ преувеличеннаго рвенія, безъ шума, но умно и правильно. Намѣшники перестаютъ тогда смѣяться надъ ними, или, униженные ихъ достоинствомъ, начинаютъ втайнѣ ненавидѣть эти тихія, глубокія существа. Въ теченіе этихъ испытаній каждый кампинецъ, сравнивая свою судьбу съ судьбою коровъ и овецъ, которыхъ онъ стерегъ, не колеблясь завидуетъ животнымъ, оставленнымъ въ стойлахъ.

Французъ, какъ всѣ другіе, перенесъ эти обиды, но, болѣе другихъ способный, скорѣе понялъ приемы службы. Противъ него были столь же жестокія предубѣжденія, какъ и противъ другихъ молдавцевъ, пріѣхавшихъ съ сѣвера, но его больше уважали, довольствуясь тѣмъ, что оскорбляли втихомолку на языкѣ, котораго онъ не понималъ.

Французъ отличался большимъ фламандскимъ юморомъ, столь быстро стѣсняющимся въ чужой средѣ. Онъ, радость кессельскаго очага, съѣжился среди этихъ цыпиковъ. Никто не пытался сойтись съ нимъ. Безпутная фамиллярность „добрыхъ молдавцевъ“ внушала ему отвращеніе. Онъ довольно явно отклонялъ ихъ подходы, никогда не отрекался отъ своей индивидуальности ради унижительнаго сближенія.

Единственный изъ своего села въ ротѣ, онъ, къ счастью, нашелъ въ полку и въ другихъ частяхъ гарнизона нѣсколькихъ соотечественниковъ, честныхъ людей, страдающихъ, какъ онъ,

отъ общенія съ подонками городовъ и большихъ дорогъ, съ ни на что непригодными лѣнтяями, бродягами, негодьями.

На улицѣ Францъ, испытывалъ нѣкоторое безпокойство. У всѣхъ носителей формы онъ встрѣчалъ одинъ и тотъ же пассивный характеръ. Ему казалось, что онъ также имѣетъ въ глазахъ это выраженіе животнаго, находящагося въ клѣткѣ, вдали отъ родины. У всѣхъ солдатъ онъ видѣлъ какое-то сходство съ овдой. Всѣ отличались какою-то неловкостью, пустотою. Инстинктивно они уступали часто дорогу буржуа. Они носили не форму, а ливрею парія. Въмѣсто того, чтобы представлять собою армію, возбуждать патріотизмъ народа, воплощать его юность, они точно играли роль наемнаго войска. На нихъ всюду смотрѣли какъ на отбросы, на тягость, на лѣнивцевъ. Ихъ сравнивали съ бѣдняками, получающими общественную помощь, съ пансіонерами сиротскихъ домовъ и пріютовъ. „Безполезные рты, которыхъ напрасно содержитъ государство и которые питаются на деньги людей, вносящихъ подати!“ — такъ опредѣляли ихъ нѣкоторые. И все же буржуа рассчитывали, что въ день стачки эти дѣти народа, поступившія въ солдаты, будутъ стрѣлять въ своихъ братьевъ, работающихъ въ рудникахъ и на фабрикахъ. Въ дѣйствительности, солдаты ѣли хлѣбъ олигархій эгоистическихъ и вульгарныхъ чувствъ. Какъ требовать отъ нихъ гражданственности и рыцарскаго духа, которые отсутствовали именно у ихъ эксплуататоровъ? Если вспыхивала случайная ссора между солдатами и буржуа, всегда солдатъ былъ виновенъ. Нѣтъ героическихъ легендъ, чтобы возвеличить ихъ, украсить ихъ знамя!

Не разсуждая о причинахъ такого положенія, Францъ, очень впечатлительный, считался съ нимъ. Въ глазахъ хорошо одѣтыхъ прохожихъ онъ читалъ если не вражду, то, по крайней мѣрѣ, унижительное состраданіе. Если онъ входилъ въ кофейную, посѣщаемую штатскими, онъ чувствовалъ себя чужимъ, непрошенымъ уже въ виду того, какъ посѣтители взглядывали на него и какъ выслушивала прислуга его требованія. Какая-то скрытая антипатія заставляла его уходить, испытывая чувство возмущенія; но сознавая свою слабость передъ союзомъ счастливыхъ кастъ.

VII.

Воскресенья! Онъ позналъ ихъ, эти воскресенья, когда солдаты шатаются по всѣмъ направленіямъ, безъ всякой цѣли, по мостовой города: ротозѣйство вокругъ какого-нибудь камня, оста-

повки передъ выставкой товаровъ, одиночество среди равнодушной толпы, случайныя встрѣчи съ товарищами, займы денегъ накупунѣ, нѣсколько заходятъ въ трактиръ, одинъ или два танца въ кабачкѣ!.. Въ дождливую погоду прогулка по галлерей св. Гюберта! Въмѣсто того, чтобы вернуться ужинать, какъ всегда, въ казарму, онъ закусывалъ вечеромъ, сообразно времени года, вишнями, орѣхами или каштанами. Тоска, вездѣ тоска, но лучше скучать на воздухѣ, на свободѣ!

Когда была хорошая погода, совершались экскурсіи за городъ, по дорожкамъ, окаймленнымъ цвѣтами, вдоль полей и луговъ. Этотъ чистый воздухъ, напоенный благоуханіемъ, увеличивалъ въ его душѣ постоянное сожалѣніе о родинѣ. Пускай это шутка, но она напоминаетъ рекруту о болѣе гордой жизни! Шаги замедляются, можно сѣсть на краю рва и, нарѣзавъ прутиковъ, просвистать какую-нибудь родную пѣсенку... Въ сумерки, надо возвращаться въ предмѣстье. Солдаты остававливаются въ какомъ-то опьяняющемъ оцѣпенѣніи передъ балаганами, зѣваютъ передъ лампами, пронизывающими мракъ навѣсовъ, отвѣчаютъ на удары ногъ, которыми награждаетъ ихъ клоупъ, и не говорятъ ни слова, пока тотъ или другой ротозѣй, оторвавшись отъ очарованія и растолкавъ товарищей, не позоветъ ихъ слѣдовать за нимъ машинально, словно въ гипнозѣ.

Надо возвращаться домой, и ускореннымъ шагомъ! Группами, обнявшись, размахивая руками, они всѣ, въ поту, бѣгутъ, испуганные, пофыркивая, произнося только ругательства. Бѣда штатскому, который обратится къ нимъ съ какимъ-нибудь дѣломъ! Они собираются въ казарму, дурно накормленные, дурно настроенные, въ сырости и зловоніи... Вдали барабанъ произноситъ угрозы, или труба исполняетъ свою долгую жалобу и, казалось, заранѣе печалится о судьбѣ опоздавшихъ. И со всѣхъ улицъ сходятся шатающіеся пьяницы, поддерживаемые другими; близкіе домишки извергаютъ изъ себя запоздавшихъ, застегивающихъ свои пояса и увеличивающихъ это человѣческое стадо; всѣ въ тревогѣ отвѣчаютъ свое имя на переключкѣ, пока въ окнахъ дортуаровъ не погасли огни, наверху мрачныхъ стѣнъ.

Поступивъ въ полкъ, Францъ не зналъ еще женщины. Лѣтомъ на ярмаркахъ, зимой на гильдейскихъ собраніяхъ, онъ часто танцевалъ съ Ванске, дочерью Іенина, телѣжника. Въ послѣдній разъ они крѣпко поцѣловались и, какъ говорятъ по фламандски, онъ крѣпко прижалъ ее къ своему жилету, находя въ этомъ безконечную нѣжность. Случай не позволилъ ему пойти дальше. Онъ находилъ удовольствіе въ томъ, что видѣлъ

блондинку Ванске, дразнилъ ее по окончаніи бала, но не думалъ больше ни о чемъ. Барбель продолжала обращаться съ нимъ какъ съ ребенкомъ, ощущая нѣкоторый страхъ и даже ревность по отношенію къ той, кого онъ изберетъ. Мать помнила причину смерти Фрерика Гора и боялась за своего сына. Когда онъ уѣзжалъ, она предупреждала его противъ городскихъ сиренъ, падкихъ на лучшихъ людей.

Въ первый же день, какъ Францъ и другіе рекруты, подобные ему, вышли въ формѣ, старые солдаты, которыхъ они угощали по случаю своего вступленія и которые вырвали у нихъ, между двумя кружками пива, откровенное признаніе въ ихъ чистотѣ, потащили ихъ въ кварталъ женщинъ, предназначенныхъ для солдатъ. Предварительно выпившіе, возбужденные всевозможными описаніями, эти деревенскіе парни, послушные и довѣрчивые, настроенные священникомъ или матерью, какъ Францъ, замедляли шаги, не безъ желанія отступить, пѣли, чтобы ободрить себя, немного тревожно, фальшиво смѣялись, краснѣли до самыхъ ушей. Ихъ руководители толкали ихъ въ ярко освѣщенный домикъ, подобно священно-служителямъ Венеры, кричавшимъ: „Красавицы! Кому назначены дѣвственники!“

Когда они вышли изъ объятій этихъ обыкновенныхъ, но умѣлыхъ женщинъ, они были обучены всему, и главарь, придумавшій это, фамиллярно хлопалъ по плечу молодца изъ Кесселя со словами: „Ну-съ, рекрутъ, ты теперь настоящій бельгіецъ!“

Францъ не отвѣчалъ. Онъ позналъ „любовь“, или, по крайней мѣрѣ, то, что подразумевали солдаты подъ этимъ именемъ; но въ мечтахъ онъ продолжалъ желать „женщину“. Съ того момента онъ полюбилъ Ванске, дочь телѣжника, такъ сильно, что на слѣдующую ярмарку, когда онъ получилъ отпускъ, невинная веселая женщина должна была бороться вечеромъ, въ садикѣ, позади деревяннаго сарая, такъ какъ увидѣла совѣмъ новаго Франца.

Между тѣмъ онъ возвращался *туда*, изрѣдка, по необходимости, закрывая глаза и представляя себѣ отсутствующую дѣвушку. Затѣмъ онъ навсегда почувствовалъ отвращеніе. Однажды, послѣ одного осмотра, который такъ унижилъ его въ первый разъ и необходимость котораго онъ, увы, самъ созналъ, докторъ, по ошибкѣ, велѣлъ его немедленно провести въ больницу и положить въ отдѣленіе постыдныхъ болѣзней. Онъ не былъ зараженъ, его скоро освободили; но часы, которые онъ провелъ въ этой гееннѣ, были достаточны, чтобы онъ

навсегда отошелъ отъ женщинъ, торгующихъ удовольствіями. Онъ сохранилъ представленіе объ ужасныхъ зрѣлищахъ, неописуемыхъ болѣзняхъ, одно воспроизведеніе которыхъ поражаетъ посѣтителя анатомическаго кабинета. Онъ присутствовалъ при безнадежныхъ операціяхъ. Мужчины его возраста, его родины, его вѣры были изрѣзаны и истерзаны на его глазахъ! Ахъ, крики этихъ приговоренныхъ! Счастливы тѣ, которые выходили только съ шрамами и не были навѣки потеряны для невѣсты, оставшейся въ деревнѣ, не были осуждены на разложеніе заживо!

Францъ довольствовался тѣмъ, что чаще возвращался въ Кессель. Онъ рѣшилъ жениться на своей свѣженькой и полной блондинкѣ, и ждалъ только окончанія своего срока, чтобы забыть съ нею кошмары солдатской жизни.

Чтобы успокоить его, мать иногда вмѣстѣ съ дѣвушкой пріѣзжала къ нему. Это были дни веселой болтовни, а молчаніе было еще болѣе выразительнымъ!..

И Францъ дошелъ до того, что почти полюбилъ кварталъ свѣрнаго вокзала.

Шоссе, ведущее въ Антверпентъ, всегда полное ярмарокъ, имѣло вполнѣ фламандскую виѣшность; Лекенъ и его королевскій паркъ, подъ деревьями котораго мерзнуть эти бѣдняки-гренадеры съ ихъ дѣтскими, толстощеками лицами, такъ мало созданными для внушительнаго убора военной одежды; спокойно и разсудительно они прислушиваются къ вѣтру въ нѣжныхъ листьяхъ, напоминающему ихъ села. Каналь Вилльброкъ становился цѣлью его прогулокъ съ матерью и Ванске, какъ только онъ встрѣчалъ ихъ на вокзалѣ. Онъ угощалъ ихъ въ какомъ-нибудь сосѣднемъ погребкѣ, посѣщаемомъ исключительно деревенскими жителями и солдатами, полъ-литромъ брюссельскаго пива. Ему казалось, что онъ опять у себя дома.

Въ слѣдующее воскресенье онъ продѣлывалъ ту же прогулку одинъ, вспоминая ихъ послѣднее посѣщеніе. Отважный ходокъ, онъ удалялся еще дальше. Однажды онъ дошелъ до Трехъ Фонтавовъ. Пройдя шлюзъ, налѣво отъ канала, онъ замѣтилъ прямо передъ собою заслоняющее горизонтъ своей тяжелой массой огромное зданіе, оштукатуренное въ желтую краску, съ безчисленными окнами, узкими какъ бойницы. Это зданіе было еще безобразнѣе, чѣмъ казарма, носило холодный, мрачный, немолимый характеръ. Оно оскорбляло небесную лазурь, наносило вызовъ свободному воздуху, зеленому ландшафту, наполненному пѣніемъ птицъ, прилѣвами гребцовъ, смѣхомъ влюбленныхъ, по-

мѣстившихся въ бесѣдкахъ; это было угроза жизни, профанація природы! Это былъ военный острогъ, крѣпость для солдатъ, вильвордская тюрьма!

Францъ, съ сжатымъ сердцемъ и спертымъ дыханіемъ, не сдѣлалъ ни шага впередъ. Мрачное зданіе, казалось, заграждало ему дорогу, ведущую въ Антверпенъ; оно мѣшало ему смотрѣть въ сторону Кампинны. Огорченный, непонятно опечаленный, онъ повернулъ назадъ среди тишины красивыхъ сумерекъ. Онъ вспоминалъ о всемъ томъ, что ему дорого, призывалъ на помощь успокоительное посѣщеніе, мечталъ о будущей свободѣ, о Ванске, о Барбель: каменный призракъ все еще стоялъ передъ нимъ!

VIII.

Дни проходятъ очень медленно, но проходятъ! Пора освобожденія придетъ въ свою очередь. Францъ, все болѣе и болѣе нетерпѣливый, возвращается изъ отпуска каждый разъ болѣе мрачнымъ, приносить съ собою воспоминанія, сожалѣнія, боязнь, желанія, о которыхъ вспоминаетъ въ долгіе часы караула. Тоска по родинѣ! Неизлѣчимая болѣзнь!

Недавно достаточно было одного такта, исполненнаго полковою музыкою, чтобы наполнить тоскою все его сердце, такъ какъ эту живую, но трогательную мелодію онъ слышалъ послѣдній разъ у Ванске, на репетиціи трубной музыки Кесселя.

Францъ Горъ не даромъ происходитъ изъ вѣрующаго края, гдѣ внѣшняя обстановка скрываетъ горячія до фанатизма души. Сколько разъ повторялъ этотъ припѣвъ онъ, молодымъ рабочимъ, передъ своимъ верстакомъ! Въ деревнѣ всѣ его распѣвали. Крестьянинъ машинально насвистывалъ его, расхаживая за плугомъ. Косари, усѣвшись на телѣгѣ сѣна, напѣвали его. Ванске щebetала его, когда мыла посуду. Францъ слышалъ его въ послѣдній разъ на ярмаркѣ и подъ него открылъ балъ. Эта пѣсенка, которую всѣ поютъ безсознательно, убаюкиваетъ мечту, точно аромат цвѣтка, сорваннаго на краю дороги. Припѣвъ овладѣваетъ вами, какъ мучительный демонъ!

Эта живая пѣсенка вызвала въ памяти Франца нѣжный верескъ, сочный запахъ можжевельника, жужжаніе пчелъ въ пчельникѣ, шелестъ папоротника, свѣжесть травы на зарѣ и, въ особенности, головной уборъ и лицо матери, красныя щеки Ванске.

Ему хотѣлось бы передать эти мысли въ письмахъ, акку-

ратно посылаемыхъ въ Кессель. Сколькимъ противоположнымъ вліяніямъ онъ подвергался, сколькимъ переходамъ отъ вѣры къ безпокойству! Сколько преходящихъ и тонкихъ чувствъ, предчувствій, которыхъ онъ не сознавалъ, охватывали его!

Какъ только онъ принимался за письмо къ Барбель, всѣ впечатлѣнія такъ сильно охватывали его, что добрый молодецъ ограничивался банальными формулами, навивыми и стереотипными фразами, которыя можно встрѣтить за послѣдніи пятьдесятъ лѣтъ во всѣхъ солдатскихъ письмахъ.

То же начало, тотъ же конецъ: „Я берусь за перо, чтобы увѣдомить васъ, что я здоровъ и надѣюсь, что и вы здоровы. Пришлите мнѣ денегъ, такъ какъ здѣсь не легко“...

Но чтó значитъ виѣшняя сухость фразы! Отсутствующіе понимаютъ и отгадываютъ. Часто слеза, дурно вытертая, распускается въ сырость чернилъ и говоритъ простымъ людямъ о тоскѣ солдата.

Между тѣмъ, въ отличіе отъ большинства солдатъ, Францъ не надоѣдалъ просьбами о деньгахъ. Далекій отъ того, чтобы эксплуатировать свою мать, подъ предлогомъ, какъ это всегда дѣлается, въ полку, болѣзней, штрафовъ, потерянныхъ или заложенныхъ вещей, которыя надо было выкупить подъ страхомъ военного суда, добрый сынъ умудрялся не только сберечь на одеждѣ, но и на жалованьѣ. Ему удавалось оказывать мелкія услуги какому-нибудь сынку достаточной семьи, попавшему въ полкъ, и тотъ платилъ ему охотно. Эти деньги онъ отдавалъ Барбель, и послѣдняя сердилась, когда онъ не соглашался оставить ихъ у себя для своихъ удовольствій.

Однажды, въ первый мѣсяцъ своего пребыванія въ Брюсселѣ, онъ словно выбросилъ деньги за окно: красивый солдатъ, онъ не удержался передъ кокетствомъ заказать свои фотографіи въ новой блестящей формѣ. Портретъ, посланный въ Кессель, привелъ въ восторгъ Барбель, Ванске и дѣтей всего околотка.

Во весь ростъ, хорошо сложенный, съ веселымъ видомъ, при чемъ его сапоги топтали пестрый коверъ, а занавѣска висѣла за нимъ, правая рука опиралась на спинку кресла, лѣвая держала пашку, высокій киверъ лежалъ на красивомъ столѣ—Францъ напоминалъ барона. Барбель готова была благодарить Бога, что Онъ помѣстилъ ея сына въ такую чудную обстановку! Въ добрый часъ: это было лучше, чѣмъ внутренность сборнаго пункта. И добрая душа хранила, вплоть до своего перваго путешествія въ Брюссель, эту иллюзію о роскоши, окружающей солдата въ казармѣ!

Будь бодрѣмъ, солдатъ! Еще нѣсколько мѣсяцевъ, и ты будешь свободенъ. Другой, на твоемъ мѣстѣ, остался бы жить въ казармѣ. Ты больше не страдаешь въ этой обстановкѣ. Большинство твоихъ товарищей кончили тѣмъ, что уважаютъ тебя. Когда оскорбленія сыпались на тебя дождемъ, ты никогда не протестовалъ, слишкомъ гордый, чтобы жаловаться, слишкомъ благородный, чтобы оказаться въ роли доносчика или требовать открытія виновныхъ. Въ подобныхъ случаяхъ ты терпѣливо шелъ въ карцеръ. Отсюда равные тебѣ увидѣли, что имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, у котораго есть характеръ, съ бѣдовымъ молодцомъ, искреннимъ и храбрымъ!

Твои начальники тоже цѣнили тебя, предлагали тебѣ нашивки унтеръ-офицера, съ условіемъ, чтобы ты остался на службѣ.

Никогда! Ты не согласился бы и на эполеты! У тебя одна цѣль—уйти возможно скорѣе!

Нѣсколько мѣсяцевъ! Нѣсколько недѣль! Нѣсколько дней! Ахъ! Бѣдный рекрутъ, слишкомъ нетерпѣливо рвущійся уѣхать! Берегись, ты искушаешь несчастье! Ты слишкомъ высказываешь свою радость! Люди не любятъ такого тщеславія. Тебѣ начинаютъ завидовать. Эти презрѣнные шнуры надѣлъ другой, и по противорѣчію, слишкомъ понятному въ человѣческомъ характерѣ, этотъ другой, вмѣсто того чтобы радоваться твоему отказу, чувствуетъ себя униженнымъ и сердится за то, что его раньше презирали. Къ тому же онъ, по его словамъ, никогда не могъ тебя выносить. Прежде всего между вами существовала антипатія расъ, затѣмъ несходство характеровъ. Это — дурной рабочей изъ торговой страны, выгнанный отовсюду, къ тому же хвастунъ, лгунъ, посѣтитель кабачка, вольтерьянецъ перекрестка. Въ казармѣ его краснорѣчіе было оцѣнено; онъ добился довѣрія у капитана!

Францъ намѣренно избѣгалъ этого ничтожнаго человѣка. Но быть незамѣченнымъ не входило въ расчеты послѣдняго. Онъ хочетъ во что бы то ни стало подружиться съ фламандцемъ, быть-можетъ изъ тщеславія, чтобы похвастаться, что одержалъ верхъ надъ гордостью этой „рожи“, и имѣть возможность сказать съ презрѣніемъ послѣ нѣсколькихъ вмѣстѣ выпитыхъ стакановъ: „вы знаете этого фламандскаго мужика: онъ ничего не стоитъ, такой смѣшной“!..

Ты, Францъ, предпочитаешь не знать такихъ людей, которыхъ не любишь, точно не видѣть ихъ! Всѣ подходы этого пьяницы были напрасны; ты отвѣчалъ съ разсѣяннымъ видомъ на его остроты; погруженный въ твою мечту о Кампинѣ, ты зани-

мался имъ не болѣе чѣмъ какой-нибудь мухой; ты ищешь такихъ же замкнутыхъ душъ, какъ твоя. Шутника Голькера ты не любишь. О, онъ тебѣ не проститъ! Онъ принялъ съ радостью чинъ, отъ котораго ты отказался. Онъ теперь—твой начальникъ.

Но только на три дня...

Францъ хочетъ писать своей матери. Въ минуту радости онъ нашель даже новый вариантъ къ обычной формулѣ своихъ писемъ:

„Мать, въ послѣдній разъ я берусь за перо, чтобы писать о своемъ здоровьѣ. Черезъ три дня я приду самъ спросить о твоёмъ здоровьѣ. Три дня, семьдесятъ два часа. Четыре тысячи триста двадцать минутъ“...

Онъ отмѣтилъ эти минуты на одной страницѣ, и съ такимъ счастьемъ вычеркивалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ онѣ протекали! Въ минуту, когда онъ кончаетъ свое письмо, остается только четыре тысячи триста пятнадцать. Какъ отрадно уничтожить ихъ!

Прозвонилъ колоколь. Чтò такое? Необыкновенный призывъ!

Сержантъ Голькеръ показывается передъ солдатами, выстроенными на дворѣ, и произноситъ громкимъ голосомъ:

— Слушай! Направо, равняйся!.. Номеръ второй, третій... Номеръ седьмой, выходите... Откройте ряды!..

Солдаты послушались автоматически.

— Хорошо! У меня *украи* кошелекъ, въ которомъ было три франка. Кто изъ васъ знаетъ вора? Понятно, воръ здѣсь, но не сознается. Между тѣмъ это было бы для него лучше всего... Всѣ молчатъ... Поэтому, пока вы здѣсь, я осмотрю всѣ мѣшки и ваши вещи. Но сначала приступимъ къ маленькому прямому осмотру... Номеръ первый, второй, третій, выверните ваши карманы!..

Указанные люди повиновались этому приказу. Затѣмъ другіе подверглись въ свою очередь. Они вытягивали изъ своихъ кармановъ трубки, табакъ, засаленное письмо, иногда цѣмного монетъ, клѣтчатые платки.

— Эй, вы, померъ десятый, фламандецъ! Францъ Кави-верштанъ, вы слышали? Опорожните ваши карманы в быстро...

Бѣдный малый былъ очень далекъ въ мысляхъ отъ той сцены, въ которой онъ участвовалъ въ эту минуту, среди унизительной комедіи. Онъ вычислялъ минуты, протекавшія въ то время, какъ онъ мечталъ о спасительной, почти уже достигнутой гавани. Онъ не слышалъ словъ, обращенныхъ къ нему.

— Чортъ возьми!.. Точно у него нѣтъ ушей, у этого глупца! Поглядь ли ты меня, наконецъ: надо показать чистую лапу!

Люди засмѣялись, чтобы подслужиться къ сержанту.

Францъ не двигался. Голькеръ идетъ къ нему и трясетъ его за руку:

— Выверни твои карманы!

Что онъ говоритъ, сержантъ? Грудь его уже полна ароматомъ вереска, все его безупречное сердце возмущается отъ этого испытанія. Францъ не хочетъ понимать и пожимаетъ плечами въ знакъ протеста.

— Что такое, у него *глупый* видъ! Я тебѣ покажу! Посадите его въ исправительное. Но сначала ты послушаешься, или я тебѣ сверну шею! Ахъ, онъ способенъ быть предусмотрительнымъ передъ путешествіемъ домой! Держу пари, что я поймалъ вора!

Онъ не кончилъ еще, какъ Францъ, забывъ все, не думая больше ни о дисциплинѣ, ни о законѣ, ни о военномъ уставѣ, чувствуя себя снова свободнымъ, схватываетъ кувшинъ, находившійся на мостовой, и бросаетъ его въ голову обидчика.

Голькеръ падаетъ, — рана на головѣ, — онъ произноситъ проклятія...

Ему оставалось четыре тысячи триста двѣнадцать минутъ. Ахъ, роковыя минуты, которыя только-что прошли, а ты, бѣдный солдатъ, не можешь вернуть ихъ, пережить ихъ иначе!..

Въ то время какъ солдаты подбирали упавшаго сержанта, другіе, по приказанію офицера, уводили мятежника въ тюрьму. И Францъ слышалъ, какъ солдаты его отряда, которые должны были уѣхать черезъ день вмѣстѣ съ нимъ, шептали, покачивая головой: „Его дѣло ясно. По крайней мѣрѣ, пять лѣтъ онъ пробудетъ въ исправительныхъ ротахъ“.

Оставшись одинъ въ камерѣ, Францъ бросается, рыдая, на койку и валяется на ней, рветъ себѣ волосы, закрываетъ лицо руками, чтобы не видѣть каменнаго зданія, представляющагося ему, какъ въ тотъ чудный лѣтній вечеръ, когда видъ его испортилъ свободную и счастливую природу. Пять лѣтъ въ Вильвортѣ—сколько это составляетъ минутъ? Подумай!

Близится ночь; прошелъ ночной осмотръ; колоколь призываетъ ко сну. Заглушаются звуки. Еще ждать? Нѣтъ, у него не хватитъ силъ. Лучше покончить разомъ... „Простите мнѣ, мои дорогіе, и ты, мой Боже, не пожалѣвшій меня!“ Тюрьма? Этого слишкомъ мало за его преступленіе. По приговору военного суда ему грозитъ смертная казнь . . . . .

Письмо, посланное изъ казармы, дошло до Кесселя, и Рупъ, теперь уже большой мальчикъ, читалъ и перечитывалъ его доброй женщиной.

Четыре тысячи триста двадцать минутъ! Чтѣ я говорю? Рупъ умѣетъ считать. Теперь осталось только двѣ тысячи сто восемьдесятъ минутъ, такъ какъ цѣлый день прошелъ съ минуты отправки письма.

Завтра вернется старшій братъ!

Утромъ, когда было еще совсѣмъ темно, Барбель отправляется, какъ всегда, на чердачокъ, гдѣ жилъ ея мальчикъ. Она хорошо оправляетъ постель; онъ на будущую почъ будетъ спать уже не на соломѣ.

Какъ долго она держитъ въ худыхъ рукахъ эту простыню, въ которую снова укутается ея любимецъ, эту очень бѣлую, точно луннаго цвѣта, простыню! Это старинное полотно, сотканное матерью, кажется такимъ нѣжнымъ, такимъ ласковымъ, вечеромъ, когда всѣ члены устали отъ работы!

Между тѣмъ одежда рабочаго, куртка и бархатные панталоны, фартукъ изъ сѣраго полотна, мягкая фуражка, разложены на стулѣ у изголовья, точно Францъ только-что ихъ снялъ. Запахъ смолы, чувствовавшійся отъ этихъ одеждъ, навсегда вывѣтрился; складки, обрисовавшія его мускулы, исчезли, и наступилъ моментъ, когда бѣдная обожательница, которая словно впитываетъ ихъ въ себя, какъ сладость, и цѣлуетъ ихъ какъ реликвию, не найдетъ больше слѣда дорогого отсутствующаго. Но что же изъ этого? Развѣ онъ не оживитъ ихъ своимъ юнымъ и живымъ тѣломъ?

Она трясетъ ихъ, затѣмъ вѣшаетъ ихъ на задвижку окна.

Она кончаетъ оправлять постель, хорошо покрываетъ ее простынею.

— Прощай, мать!

Это былъ голосъ любимаго сына.

Она оборачивается—и на одну минуту, въ послѣднихъ лучахъ умирающей луны, ей показалось, что она увидѣла задыхающееся тѣло Франца, въ одеждѣ, которую она развѣсила.

„Несчастливая я! — подумала она, потрясенная этимъ неяснымъ видѣниемъ и желавшая бороться противъ этой непонятной тревоги.— О чемъ я думала! Францъ вернется только завтра; онъ спать еще тамъ!“ — Да, тамъ, далеко отъ деревни, отъ рыночной площади, далеко отъ большого города, перенесенный въ вѣчное жилище!

Перев. съ франц. М. Веселовская.

ТОРЖЕСТВО ГИЛЬОТИНЫ

Къ вопросу о смертной казни во Франціи

„Исторія наказанія есть непрерывная его отмѣна“. Въ этихъ словахъ Теринга заключается вся исторія смертной казни.

Одна за другой цивилизованныя страны вычеркивали изъ своихъ уголовныхъ кодексовъ этотъ архаическій институтъ, отъ котораго такъ отдастъ затхлостью средневѣковаго застѣнка. Казалось, что недалекъ уже день, когда смертная казнь навсегда исчезнетъ съ горизонта культурнаго міра. Однако послѣдніе годы знаменуютъ собою огромный шагъ назадъ въ этомъ аболиціонистскомъ движеніи. Съ 1906-го года смертная казнь становится въ Россіи обыденнымъ явленіемъ. Въ 1909-мъ году въ демократической и свободной Франціи неожиданно торжествуетъ палачъ.

I.

Во Франціи статья первая закона 4-го брюмера V-го года гласитъ, что „съ провозглашеніемъ всеобщаго мира смертная казнь отмѣняется на всей территоріи французской республики“. Это обѣщаніе осталось неисполненнымъ какъ при директоріи, такъ и въ эпоху консульства и имперіи. Послѣ реставраціи французское общество какъ бы боится коренныхъ реформъ, предпочитая имъ медленную и постепенную эволюцію. По этому же пути двинулось оно и къ отмѣнѣ смертной казни. Три фактора дѣйствовали въ этомъ направленіи: законодательная инициатива, присяжные засѣдатели и право помилованія.

Необычайная суровость наполеоновскаго уголовного кодекса вызвала протестъ общественнаго мнѣнія, выразившійся въ систематическомъ оправданіи присяжными обвиняемыхъ въ сравнительно легкихъ, но караемыхъ смертью преступленіяхъ. Получалось ненормальное положеніе вещей: излишняя суровость законовъ приводила на практикѣ къ полной безнаказанности. Отсюда законъ 28-го апрѣля 1832 г., который отмѣнилъ смертную казнь по цѣлому ряду преступленій и даровалъ присяжнымъ засѣдателямъ право признавать „смягчающія вину обстоятельства“. Конституція 1848-го года отмѣнила смертную казнь за политическія преступленія, а законъ 21-го ноября 1901 г. отмѣнилъ ее за дѣтубійство. Въ настоящее время она можетъ быть назначена во Франціи только за убійство съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ.

Уголовная статистика во Франціи указываетъ на непрерывную тенденцію присяжныхъ засѣдателей и главы государства смягчать участь осужденныхъ. Вотъ относящіяся сюда цифры:

Періоды.	Смертныя приговоры.	Казни.	Помилованія.
1826—1830 г. Реставрація	554 (138 въ годъ)	354 (64%)	200 (36%)
1831—1847 г. Юльск. монархія	881 (52 въ годъ)	564 (64%)	317 (36%)
1848—1852 г. 2-ая республика	231 (46 въ годъ)	141 (61%)	90 (39%)
1853—1870 г. 2-ая имперія	589 (32 въ годъ)	321 (54%)	268 (46%)
1871—1880 г. 3-ья республика	272 (27 въ годъ)	107 (39%)	165 (61%)
1881—1900 г. „ „	533 (27 въ годъ)	155 (34,38%)	376 (65,62%)
1901—1905 г. „ „	79 (16 въ годъ)	9 (8,78%)	70 (91,22%)

Съ 1906-го года гильотина совершенно бездѣйствовала.

Впереди законодательства и судебной практики идетъ литература. Уже философы и криминалисты XVIII-го столѣтія провозглашаютъ себя непримиримыми аболіціонистами. „Развѣ не абсурдно—восклицаетъ Беккарія,—что законъ, являющійся выраженіемъ воли пародной, законъ порицающій и наказующій челоѣкоубійство, въ своемъ желаніи отвратить отъ него гражданъ, предписываетъ публичное убійство?“ Этотъ протестъ Беккарії былъ съ энтузіазмомъ подхваченъ французскими энциклопедистами. Въ XIX-мъ вѣкѣ аболіціонистское движеніе насчитываетъ въ своихъ рядахъ наиболѣе выдающихся криминалистовъ, общественныхъ дѣятелей и писателей. Викторъ Гюго неоднократно обрушивается всей силою своего поэтическаго генія на этотъ „пережитокъ варварскихъ наказаній“. „Да, я утверждаю,—говоритъ онъ,—что всю жизнь боролся съ одряхлѣвшимъ и бессмысленнымъ закономъ мести: кровь за кровь—и клянусь,

что пока будетъ въ груди моей хоть капля жизни, буду бороться противъ него всѣми усиліями писателя, всѣми актами законодателя“¹⁾). На другой же день послѣ революціи 1830-го года, депутаты Траси и Бартъ внесли въ палату депутатовъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни. Единственнымъ его результатомъ было изданіе упомянутаго выше закона 28-го апрѣля 1832-го года. Большою страстностью отличались дебаты 1838 г., поднятые подъ вліяніемъ многочисленныхъ петицій, требовавшихъ отмѣны смертной казни. Петиціи эти нашли въ палатѣ депутатовъ краснорѣчиваго защитника въ лицѣ Ламартина. Отвѣчая докладчику, говорившему въ защиту смертной казни, какъ единственнаго устрашающаго наказанія, Ламартинъ воскликнулъ: „Нѣтъ, не смерти бояться намъ нужно учить, а уважать жизнь... Проникнемся ужасомъ къ эшафоту, ужасомъ, заставляющимъ насъ отодвигать его съ каждымъ годомъ все дальше и дальше отъ центральныхъ мѣстъ города къ глухимъ предмѣстьямъ; проникнемся совѣстью присяжныхъ, заставляющей ихъ отказывать закону въ выдачѣ преступныхъ головъ. Неужели вѣчно будутъ стоять другъ противъ друга общество и преступникъ, ожидая, кто первый прекратитъ рѣзню? Начинайте же и не бойтесь тѣхъ опасностей, которыми васъ пугаютъ. Нѣтъ! ключъ общественнаго блага—не въ смерти; онъ—въ моральномъ значеніи законовъ“. Тридцать лѣтъ спустя вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни обсуждался законодательнымъ корпусомъ 8-го апрѣля 1868-го года, когда противъ нея безуспѣшно выступалъ Жюль Фавръ. Начиная съ 1871 г., правительство и отдѣльные депутаты вносятъ рядъ предложеній о непубличномъ исполненіи смертныхъ приговоровъ. Всѣ эти предложенія разбивались въ палатѣ депутатовъ объ одну и ту же, необъяснимую на первый взглядъ коалицію непримиримыхъ враговъ и ярыхъ сторонниковъ казни. „Мы не хотимъ отмѣнять публичность смертной казни, — говорилъ Гамбетта, — такъ какъ это укрѣпитъ самое наказаніе. Если вы уничтожите ужасъ этого зрѣлища, вы задушите тѣмъ самымъ чувство общественнаго протеста, проявляющееся въ послѣдніе годы все чаще и чаще“. Съ другой стороны приверженцы казни боялись, что уничтоженіе публичности будетъ лишь первымъ шагомъ къ ея полной отмѣнѣ.

На высокой эстрадѣ, расположенной на большой площади, воздвигался нѣкогда во Франціи эшафотъ, „дабы вдохнуть въ

¹⁾ Рѣчь, сказанная Викторомъ Гюго въ защиту сына его Шарля передъ сенскимъ судомъ присяжныхъ 15-го іюня 1851 г. (В. Гюго былъ тогда членомъ законодательнаго собранія).

души гражданъ ужасъ къ преступленію и страхъ передъ наказаніемъ“. Многолюдная толпа могла наблюдать казнь; тысячи иностранцевъ стекались къ лобному мѣсту. Казнь совершалась среди цѣнія, смѣха и прибаутокъ по адресу приговоренныхъ. Но не всѣ преступники умирали со страхомъ; многіе изъ нихъ мужественно смотрѣли въ глаза смерти, и для нихъ эшафотъ изъ мѣста позора превращался въ мѣсто триумфа. Свидѣтельства цѣлаго ряда лицъ, близко подходившихъ къ приговореннымъ преступникамъ, показываютъ, что большинство послѣднихъ присутствовало раньше на одной или даже нѣсколькихъ казняхъ. Бывшій священникъ теперь уже не существующей парижской тюрьмы „La Grande Roquette“, въ продолженіе сорока лѣтъ исповѣдывавшій осужденныхъ на смертную казнь, рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что на его вопросы о мотивахъ, побудившихъ ихъ совершить преступленіе, отъ многихъ получалось въ отвѣтъ указаніе на впечатлѣніе, произведенное на нихъ зрѣлищемъ казни. Понятно, что абolicіонисты не хотѣли отказаться отъ того неистощимаго источника агитаціи противъ смертной казни, какой даетъ имъ ея публичность. Столь же понятно, что и сторонники смертной казни не хотѣли отказаться отъ ея публичности. Спрятать гильотину въ глубину тюремнаго двора, скрыть ее отъ глазъ свѣта—не значить ли это признать въ ней нѣчто позорное, не вяжущееся съ современной цивилизаціей? Если гильотина является полезнымъ учрежденіемъ, „факторомъ общественнаго подбора“, какъ говоритъ одинъ изъ представителей итальянской школы криминалистовъ, Гарофало, тогда незачѣмъ скрывать ее; наоборотъ, ее нужно поставить на высокое мѣсто, рядомъ съ другими полезными государственными учрежденіями. Если же въ самомъ видѣ гильотины таится нѣчто безнравственное, возмущающее культурнаго человѣка, то не прятать, а уничтожить ее надо. Главнымъ аргументомъ защитниковъ смертной казни является, притомъ, ея устрашающій характеръ, а спрятать гильотину—значило бы уничтожить ея устрашающее дѣйствіе.

II.

Вопросъ о совершенной отмѣнѣ смертной казни былъ снова поставленъ на очередь въ 1905 г., когда палата депутатовъ отказала въ кредитѣ (27.000 фр.) на содержаніе палача и его помощниковъ. Въ 1906 г. министерство Клемансо, непримиримаго абolicіониста, внесло, одновременно съ аналогичнымъ пред-

ложением Рейнаха, законопроектъ о замѣнѣ смертной казни пожизненнымъ тюремнымъ заключениемъ. Законопроектъ этотъ былъ принятъ въ принципѣ парламентской комиссіей судебныхъ реформъ, большинствомъ восьми голосовъ противъ двухъ. Въ то же время и сенатская комиссія, обсуждавшая подобное предложеніе сенатора Фалльера, высказалась за отмѣну смертной казни, постановивъ воспользоваться правомъ законодательной инициативы сената, если въ теченіе двухмѣсячнаго срока палата депутатовъ не приступитъ къ обсужденію правительственнаго законопроекта. Во время той же парламентской сессіи палата депутатовъ, большинствомъ 12-ти голосовъ, возстановила кредитъ на содержаніе „исполнителей высокихъ дѣлъ“ (*exécuteurs des hautes oeuvres* — старинное наименованіе палачей). За этотъ кредитъ голосовалъ и одинъ изъ самыхъ видныхъ французскихъ аболиціонистовъ, Ж. Рейнахъ, находя невозможнымъ разрѣшить бюджетнымъ порядкомъ столь важный вопросъ. Казалось, что вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни окончательно созрѣлъ во Франціи, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые, по удачному выраженію одного итальянскаго министра, не обсуждаются, а вотируются.

Но въ этотъ моментъ на сцену выступила французская пресса. Ухватившись за помилованіе Солейана, совершившаго гнусное преступленіе, она повела энергичную атаку какъ противъ президента республики Фалльера, за систематическое помилованіе имъ осужденныхъ на смертную казнь, такъ и противъ самаго проекта отмѣны смертной казни.

Пробѣгая безконечную вереницу истерическихъ газетныхъ выкриковъ противъ отмѣны смертной казни, можно было подумать, что Франція наканунѣ гибели: бандиты и апаши удесятирили свою дерзость, число самыхъ ужасныхъ преступленій увеличилось въ ужащающей прогрессіи; убійства чуть не сотнями совершаются среди бѣлаго дня; мирные граждане не рискуютъ выходить на улицу; уходящій изъ дома отецъ не знаетъ, удастся ли ему вновь увидѣть своихъ дѣтей. Тщетно судьи, вмѣстѣ съ присяжными, съ похвальнымъ мужествомъ примѣняютъ суровые тексты законовъ: всѣ ихъ усилія парализуются ложной чувствительностью Фалльера и злой волей группы политикановъ, приносящихъ въ жертву убійцамъ „честныхъ людей“. А завтра, съ законодательной отмѣной смертной казни, уже никакой границы не будетъ дерзости бандитовъ, и подъ ихъ ударами погибнетъ общество... И вотъ, пресса поднялась на защиту бѣднаго отечества! Посыпались интервью, петиціи, плебисциты; газеты занялись сравнительнымъ изученіемъ пенитенціарнаго режима различныхъ странъ.

Плодомъ этихъ работъ явился выводъ о полнѣйшей безнаказанности преступленія во Франціи. Каторжныя работы оказались раемъ, обѣтованной землей, куда только и обращены взоры преступниковъ¹⁾. Съ свойственнымъ французамъ юморомъ, ихъ прозвали даже „loisirs forcés“ (вмѣсто travaux forcés). Не меньшей „прелестью“ оказалось и одиночное заключеніе; „Temps“, посвятилъ цѣлую статью описанію той идиллической обстановки, въ какой пребываетъ содержащійся въ женеvской одиночной тюрьмѣ итальянскій анархистъ, Люгини, осужденный за убійство императрицы австрійской Елизаветы. Какое-то уличное общество „народнаго протеста“ организовало плебисцитъ, распространяя по Парижу тысячи листовъ, въ которыхъ устанавливало якобы растущую во Франціи преступность и предлагало всѣмъ „честнымъ матерямъ“ высказаться по вопросу объ отмѣнѣ смертной казни. Появились десятки злободневныхъ романсовъ, на ту же тему, распѣваемыхъ уличными музыкантами. Любопытно отмѣтить при этомъ, что, за исключеніемъ консервативнаго „Temps“, кампанія эта велась не серьезной партійной прессой, а уличными, впрочемъ наиболѣе вліятельными во Франціи газетами, какъ напр. „Le Matin“, „La Petite République“, „Le Petit Parisien“.

Кампанія, предпринятая прессой, внесла панику въ ряды неустойчивой массы мелкой французской буржуазіи. Организованный парижской газетой „Le Petit Parisien“ референдумъ далъ знаменательные результаты: изъ 1.412.347 опрошенныхъ газетой лицъ, 1.083.655 человекъ провозгласили себя сторонниками и только 328.692 человекъ — противниками смертной казни²⁾. Еще знаменательнѣе были петиціи присяжныхъ, протестующія противъ отмѣны смертной казни и злоупотребленія правомъ по-

1) Эта легенда о раѣ каторжныхъ работъ вызвала энергичный отпоръ со стороны лицъ, изучавшихъ положеніе французскихъ каторжниковъ. Извѣстный профессоръ парижскаго юридическаго факультета, Гарсонъ, утверждаетъ, что жизнь французскихъ каторжниковъ воистину ужасна. Уже самый климатъ Гвіаны настолько вреденъ, что отъ него гибнетъ большой процентъ сосланныхъ. Тяжелыя работы производятся подъ палящими лучами солнца и подъ угрозой голода (каторжникамъ полагаются хлѣбъ и вода; остальное пропитаніе они должны зарабатывать своимъ трудомъ). О прелестьяхъ каторжнаго жита краснорѣчиво свидѣтельствуетъ статистика бѣгущихъ отъ него каторжанъ: по даннымъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за одинъ только 1906-ой годъ изъ Гвіаны и Новой Каледоніи бѣжало 323 арестанта. Значеніе этой цифры станетъ понятнымъ, если прибавить, что всѣ почти бѣгущіе находятъ смерть въ дикихъ лѣсахъ и болотахъ Гвіаны. Райское жите, которому 323 человека ежегодно предпочитаютъ почти вѣрную смерть!

2) Къ читателямъ „Petit Parisien“ принадлежатъ главнымъ образомъ консержны и мелкіе лавочники.

милованія. Не ограничиваясь петиціями, присяжные манифестировали противъ отмѣны смертной казни значительнымъ увеличеніемъ числа смертныхъ приговоровъ. Въ 1903 г. ихъ было 15, въ 1904 г.—16, въ 1907 г.—40. Демонстраціи присяжныхъ засѣдателей повлекли за собой подобное же движеніе въ средѣ департаментскихъ генеральныхъ совѣтовъ.

„Никогда преступники не были такъ дерзки!“ — кричала пресса, указывая на Солейана. „Никогда еще не обладали они такой сложной и стойкой организаціей“ — вопила она, говоря о шайкѣ, совершившей рядъ преступленій на сѣверѣ Франціи. Странно, что печать ухватилась за Солейана, чтобы поднять свою кампанію; теперь уже почти никто не отрицаетъ его психическаго разстройства. Самъ Кастильяръ, свирѣпый докладчикъ парламентской комиссіи, требовавшей возобновленія смертныхъ казней, торжественно заявилъ, что и онъ не отправилъ бы Солейана на гильотину. Что касается до шайки Поля, то главные ея преступленія совершены между 1895-мъ и 1905-мъ годами, т. е. въ тотъ десятилѣтній періодъ, за который насчитывается во Франціи 45 смертныхъ казней. Другая разбойничья шайка, оперировавшая въ департаментѣ Дромы, образовалась въ 1904 г. и главные свои преступленія совершила въ 1905 г., насчитывающемъ 4 смертныхъ казни.

Что въ дѣйствительности усложнилось и выросло до уродливыхъ размѣровъ за эти годы, такъ это не преступность, а рекламированіе ея. Никогда и нигдѣ преступленіе не пользовалось такимъ вниманіемъ, какъ въ современной Франціи; никогда и нигдѣ не отводилось ему столько газетныхъ столбцовъ, нигдѣ легіоны репортеровъ не гнались такъ бѣшено за сенсаціонными извѣстіями. Стоитъ только развернуть любую парижскую газету, чтобы натолкнуться на слова: „assassinat“, „parricide“. Каждое преступленіе анализируется въ его мельчайшихъ деталяхъ; передъ читателемъ развертываются самыя подробныя свѣдѣнія о преступникѣ и его жертвѣ, описываются ихъ движенія, жесты, слова. Каждая крупная парижская газета содержитъ настоящую тайную полицію, всевѣдущую, всездѣющую. Судебное слѣдствіе по дѣлу Солейана было окружено какой-то кинематографической рекламой. Портретъ убійцы въ самыхъ различныхъ позахъ, его переписка, его думы о новой жизни на каторгѣ, нелѣпныя откровенія его жены, наконецъ призванія, сдѣланныя преступникомъ своему товарищу по камерѣ—все это было воспроизведено газетами съ одвой цѣлью: усилить и безъ того болѣзненную жадность читателя къ сильнымъ ощущеніямъ. Неудивительно, что самый про-

цессъ сопровождался рядомъ скандальныхъ сценъ: обвиняемый плакалъ и рисовался передъ толпой расфранченныхъ дамъ свѣта и полу-свѣта; свидѣтели принимали соотвѣтствующія положенію позы, и за каждымъ моментомъ процесса слѣдилъ фотографъ. По словамъ директора Théâtre Français, Кларети, процессъ Солейана былъ „представленіемъ, и только представленіемъ. Допросъ подсудимаго велся председателемъ для публики, которая пришла въ судъ за тѣмъ же, за чѣмъ пошла бы въ театръ. Отъ подсудимаго ожидали трагическихъ жестовъ, фразъ, крика, волнующей сцены. И Солейанъ, молодой дебютантъ, игравшій только третью роль, не имѣлъ успѣха. Сцена была сыграна его женой; въ ней отсутствовала жалость. *Негодяй, я убью тебя!*— въ этомъ ея крикѣ было, конечно, движеніе, то, что на театральномъ языкѣ называется *дѣйствиємъ*“. И Кларети прибавляетъ: „читая газетные отчеты объ этомъ процессѣ, я чувствовалъ сильный аппетитъ къ закрытымъ дверямъ“. Самъ председатель суда письмомъ въ „Temps“ подтверждаетъ скандальное поведение публики: „Нужно признаться, говоритъ онъ, что въ публикѣ ѣли бутерброды, а дамы верхомъ сидѣли на барьерахъ. Но что могъ я сдѣлать? Чѣмъ реагировать?“

Широкое рекламированіе преступленія создаетъ панику, убѣжденіе въ ужасномъ ростѣ преступности. Читая растянутыя въ десяткахъ номеровъ подробности какого-нибудь сенсационнаго убійства, публика представляетъ его себѣ воочію, преувеличиваетъ, разрисовываетъ въ своемъ воображеніи. Постепенно общество охватываетъ кошмаръ; кажется, что кровь льется безъ конца. И терроризованное общество апплодируетъ палачу...

Французская буржуазная пресса прекрасно чувствовала неизбѣжность этого психологическаго вывода изъ всего того шума, какой поднимала она по поводу каждаго сенсационнаго убійства. Отсюда единодушіе, съ которымъ она встала на защиту смертной казни. Гильотина, къ тому же, является заключительнымъ актомъ кинематографической трагедіи, послѣднимъ ея аккордомъ. И стоило ли, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за нѣсколькихъ головъ отказаться отъ красиваго жеста торжествующей добродѣтели, отъ прекраснаго случая усилить тиражъ газеты?

III.

Мы уже говорили, что въ 1906 г. парламентская комиссія судебныхъ реформъ приняла, въ принципѣ, правительственный законопроектъ объ отмѣнѣ смертной казни. Въ концѣ февраля

1908-го года докладъ, составленный извѣстнымъ криминалистомъ и яркимъ аболиціонистомъ Крюппи, былъ окончательно напечатанъ и розданъ депутатамъ. 25-го іюня того же года новый докладчикъ той же комиссіи, Кастильяръ, предложилъ сохранить смертную казнь. Въ засѣданіи 3-го іюля Кастильяръ далъ въ палатѣ депутатовъ первый бой аболиціонистамъ, въ которомъ крайняя лѣвая, при полномъ нейтралитетѣ лѣвой, съ отчаянной энергіей сражалась съ центромъ и крайней правой. Рѣшеніе было отложено до новой парламентской сессіи. Въ январѣ 1909-го года палата депутатовъ приняла предложеніе Кастильяра.

Эта внезапная переменѣна въ образѣ дѣйствій палаты депутатовъ объясняется, конечно, не эволюціей идей, а страхомъ, обаявшимъ депутатовъ въ виду общественнаго движенія противъ отмѣны смертной казни. „Народное самосознаніе не отвергаетъ смертной казни“ — говорили депутатамъ защитники ея; — „напротивъ, оно находитъ ее необходимымъ орудіемъ общественной самозащиты. Прочтите многочисленныя петиціи присяжныхъ, адреса генеральныхъ совѣтовъ — и вы поймете, что отмѣной смертной казни вы вызовете противъ себя взрывъ общественнаго негодованія. Склонитесь же передъ волей народной!“ И депутаты склонились... Зато никогда не сказывалось такъ ярко противорѣчіе между ихъ убѣжденіями и поступками. Предсѣдатель комиссіи судебныхъ реформъ, Піешъ, энергично ратовавшій, вмѣстѣ съ Кастильяромъ, за оставленіе въ силѣ смертной казни, не дальше какъ въ 1898 г. провелъ въ парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ формулу перехода, требовавшую отъ правительства немедленной отмѣны „варварскаго наказанія“. Больше того: не дальше какъ въ 1905 г. тотъ же Піешъ вотировалъ за отмѣну кредитовъ на содержаніе палача! Во время обсужденія предложенія Кастильяра большинство лѣвыхъ депутатовъ одобрительно встрѣчало рѣчи аболиціонистовъ; блестящія рѣчи лидера социалистовъ, Жореса, были покрыты дружными, долго несмолкавшими апплодисментами всей лѣвой, въ то время какъ рѣчи Кастильяра и Лабора встрѣчали враждебное молчаніе, а иногда и сильные протесты „большинства“. Все это не помѣшало, однако, тому же большинству вотировать вмѣстѣ съ Кастильяромъ. Не больше стойкости и послѣдовательности проявило и правительство. Право помилованія, являясь конституціонной прерогативой президента республики, не могло быть отмѣнено какимъ бы то ни было актомъ палаты депутатовъ. При аболиціонистскихъ убѣжденіяхъ Фалльера можно было ожидать, что, фактически, смертная казнь не будетъ примѣняться и впредь.

Но рѣшеніе палаты депутатовъ могло стать источникомъ отвѣтственности для правительства. Клемансо, всю жизнь осуждавшій смертную казнь, уступилъ, послѣ краткой борьбы; за нимъ капитулировалъ и президентъ республики Фалльеръ. Семь головъ были выданы Деблеру...

„Мы склонились передъ волей народной“ — говорили въ свое оправданіе депутаты и правительство. Замѣтимъ, однако, что далеко не весь французскій народъ стоялъ за смертную казнь. „Лига правъ человѣка и гражданина“ до самаго послѣдняго момента энергично боролась съ сторонниками смертной казни. Аболиціонисты могли найти и болѣе могущественнаго союзника въ массѣ рабочаго класса Франціи, враждебно настроеннаго по отношенію къ смертной казни и ясно выразившаго эту враждебность во время казни въ Альби. Не аплодисментами, а свистками встрѣтили восторжествовавшую гильотину въ этомъ фабричномъ городѣ—свистками, смолкнувшими лишь съ прибытіемъ осужденныхъ на мѣсто казни. Въ глубокомъ молчаніи рабочіе присутствовали при совершеніи казни и въ такомъ же гробовомъ молчаніи, потрясенные происшедшей драмой, разошлись по домамъ.

Но еслибы даже голосъ народа высказался за смертную казнь, это не могло бы оправдать законодателей. Въ крикѣ: „кровь за кровь“, раздающемся послѣ какого-нибудь ужаснаго преступленія, скрывается не чтò иное, какъ врожденная человѣку жажда мести. Когда этотъ инстинктъ, самъ по себѣ варварскій и свойственный первобытной цивилизаціи, перестаетъ быть индивидуальнымъ и превращается въ массовый, онъ становится воистину чудовищнымъ. То же чувство толкаетъ толпу на дикую расправу съ преступникомъ, вызвавшимъ ея гнѣвъ. Но гнѣвъ толпы часто несправедливъ. Толпа судитъ на основаніи одной только виѣшней стороны преступленія, не принимая во вниманіе субъективную его сторону, забывая, что самыя уродливыя, по своей жестокости, преступленія часто совершаются людьми психически-ненормальными. Весьма интересны, въ этомъ отношеніи, данныя, приведенныя въ опубликованной недавно небольшой брошюрѣ доктора Бельера, врача при французской палатѣ депутатовъ. Онъ изслѣдовалъ мозгъ двадцати казненныхъ во Франціи преступниковъ—и въ четырехъ случаяхъ обнаружилъ явныя патологическія поврежденія, на основаніи которыхъ такіе авторитеты, какъ профессоръ Брока и Манувриеръ, констатировали несомнѣнное психическое разстройство казненныхъ. Въ четырехъ другихъ случаяхъ мозгъ не представлялъ никакихъ болѣзненныхъ

поврежденій, но въ его формѣ и структурѣ замѣчались чрезвычайно характерныя аномаліи.

Толпа не можетъ, конечно, понять весь ужасъ подобныхъ наблюденій; но одна возможность обнаруженныхъ ими явленій должна остановить законодателя и напомнить ему, что отправнымъ и конечнымъ пунктомъ общественнаго воздѣйствія противъ преступности не должна служить жажда кровавой мести.

Мы не вѣримъ въ долговѣчность воскресшей гильотины. Уже на другой день послѣ новыхъ казней большая часть французской прессы стала требовать непубличнаго совершенія казни. И весьма вѣроятно, что послѣ близкой уже реформы избирательнаго права, которая принесетъ французскимъ депутатамъ большую независимость отъ мѣстныхъ воротилъ, они вычеркнутъ наконецъ изъ карательной системы Франціи смертную казнь.

К. Ф.

СМЕРТНИКИ

Последніе полтора-два года мнѣ пришлось провести въ тюрьмѣ одного большого города на югѣ Россіи. Этотъ городъ занимаетъ видное мѣсто въ кровавыхъ лѣтописяхъ послѣднихъ лѣтъ: это одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ вакханалія висѣлицъ и экспропріацій достигла наибольшаго развитія... Почти все это время мнѣ пришлось жить среди людей, преданныхъ военному суду по всеобъемлющей 279 ст. XXII кн. свода военныхъ постановленій. Вокругъ меня сотни людей ожидали смертной казни. А такъ какъ люди, сжатые въ тѣсномъ помѣщеніи безпощадными тюремными стѣнами, дышащіе однимъ воздухомъ, не имѣютъ тайнъ другъ отъ друга, то душевная жизнь этихъ людей была открыта предо мной. На моихъ глазахъ военные суды постановили больше двухсотъ приговоровъ, и больше ста чловѣкъ было за это время повѣшено. И хотя я ни разу не присутствовалъ при самомъ совершеніи казни, ни разу не видѣлъ *физической* агоніи повѣшеннаго, но въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мнѣ пришлось изо дня въ день наблюдать *духовную* агонію людей, ждущихъ смертнаго приговора или уже приговоренныхъ къ смерти и ждущихъ казни. Нѣкоторыми изъ этихъ наблюденій я и хочу подѣлиться съ читателями.

I.

Еще въ 1906-мъ году, когда эпидемія смертныхъ казней въ Россіи только начиналась, когда смертные приговоры были сравнительно рѣдкимъ явленіемъ и, по большей части, не при-

водились въ исполненіе, а замѣнялись каторгой, мнѣ пришлось встрѣтиться впервые со „смертниками“, какъ называютъ въ тюрьмахъ людей, приговоренныхъ къ смертной казни.

Я былъ арестованъ судебнымъ слѣдователемъ и сидѣлъ въ одиночкѣ. Моя камера ничѣмъ не отличалась отъ камеръ одиночнаго заключенія въ знаменитыхъ „Крестахъ“. Но надъ дверью ея была отдушина для вентиляціи. Такія же отдушины были и въ сосѣднихъ камерахъ, выходившихъ на тотъ же коридоръ. И благодаря этому заключенные изъ различныхъ камеръ могли свободно переговариваться между собой... Изъ сосѣднихъ келій доносилось неприятное, рѣзкое бряцаніе кандаловъ. Этотъ непривычный для меня звукъ невольно билъ по нервамъ и волновалъ меня. Мнѣ хотѣлось узнать, кто мои сосѣди по заключенію. Моихъ сосѣдей, повидимому, не менѣе интересовалъ вопросъ о моей личности. Естественно, что между нами скоро завязалась бесѣда. Мой сосѣдъ справа указалъ мнѣ на отдушину надъ дверью, научилъ, какъ ею пользоваться, и засыпалъ меня градомъ вопросовъ: кто я? за что сижу? что новаго на волѣ? Я отвѣчалъ, а затѣмъ самъ сталъ спрашивать его:

— Вы давно арестованы?

— Ужъ восемь мѣсяцевъ.

— Скоро судъ?

— Я уже судился.

— Къ чему приговорены?

— Къ смертной казни!

Я не видѣлъ своего собесѣдника. Но его молодой, звонкій голосъ звучалъ такъ бодро, такъ весело, что мнѣ показалось сперва, что онъ шутить.

— Какъ такъ къ смертной казни?—переспросилъ я.

— Ну, да, къ петлѣ. Очень просто. Приговорили повѣсить.

— Какъ же вы здѣсь?

— Командующій приговора не утвердилъ. Замѣнилъ на двадцать лѣтъ. Въ № 4 тоже такой же, какъ я, сидеть... Тоже замѣненный.

— Мнѣ, братъ, на пятнадцать лѣтъ замѣнили...—Это говорилъ уже мой сосѣдъ слѣва. Его голосъ былъ не такой звонкій, не такой веселый, какъ моего перваго собесѣдника: въ этомъ голосѣ звучали болѣе глухія, подавленные ноты.

Мои сосѣди сильно заинтересовали меня. Въ первый разъ я встрѣтился съ людьми, которымъ пришлось стоять подъ висѣлицей. И хотѣлось узнать, что испытывали эти люди въ ожиданіи казни, пока они не узнали объ отміѣнѣ приговора. Но какъ-то

неловко было спрашивать ихъ объ этомъ. И мы говорили о самыхъ различныхъ вещахъ. Я рассказывалъ имъ новости съ воли; они передавали подробности суда надъ ними. Но все время на умѣ у меня вертѣлся одинъ вопросъ... Наконецъ, педѣли черезъ полторы послѣ перваго знакомства, я спросилъ своего молодого сосѣда:

— А что, страшно вамъ было, когда судъ объявилъ приговоръ?

— Да чего страшнаго, когда другого я и не ожидалъ. Я и теперь не знаю, съ чего имъ вздумалось замѣнить приговоръ. Вѣдь съ каторги я уйду. Это—какъ Богъ есть!..

— Все же, сердце дрогнуло?

— Я на свѣтѣ одинъ. Дрожать мнѣ не за кого. Жизнь я любилъ, вѣрно!.. Но ужъ до суда примирился съ судьбою.

— А послѣ суда какъ?

— Послѣ суда все то же. Вотъ только плохо, что заковали. А кандалы въ морозъ—смерть. Всего хуже—никакъ сразу не сообразишь, какъ брюки продѣвать сквозь кольца. Да я теперь научился. Вамъ каторги не будетъ?..

— Нѣтъ.

— А-а-а!.. А то я научилъ бы васъ. Дѣло пехитрое, когда умѣешь.

И мой сосѣдъ началъ съ большимъ жаромъ объяснять мнѣ, какъ продѣваютъ брюки сквозь кольца кандаловъ. Я былъ пораженъ. Значить, человѣка, часы жизни котораго были сосчитаны, человѣка, который не зналъ, придется ли ему дожить до завтрашняго утра, вопросъ о томъ, какъ быстрѣе и легче переодѣваться съ кандалами на ногахъ, интересовалъ сильнѣе, чѣмъ всѣ великіе вопросы о жизни и смерти. А это былъ не грубый, одеревенѣлый преступникъ: это былъ молодой, живой и энергичный рабочій, развитой и остроумный, осужденный за сопротивленіе полиціи при арестѣ.

Я обратился къ своему второму сосѣду:

— Ну, а вы испугались приговора?

— Нѣтъ, я тоже ждалъ. Но у меня хуже вышло. Мать-старуха была въ судѣ. Она, конечно, простая, безъ сознанія. Ну, многого не понимаетъ. Ей-то, конечно, страшно... Плакать начала. Тутъ меня зло взяло. Такъ бы и сказалъ всѣмъ судьямъ... Послѣ я, конечно, стою около двери, а генераль проходитъ мимо. Остановился, поглядѣлъ на меня и говорить: „Почему ты не вытянулся“? Я хуже разозлился: „Теперь—говорю—я ничего не обязанъ дѣлать и никого не признаю“. Овъ кричать

сталь. Я говорю: „Чего кричите? Я все равно теперь ничего не боюсь“! Покричалъ, покричалъ, да и отсталъ. Мнѣ даже конвойный говорить: „Ты, братъ, не слишкомъ того... Еще замѣнить могутъ“. А я говорю: „Куда ужъ тамъ“!.. Потомъ мать пришла въ тюрьму. Плачетъ, конечно, потому что какъ объяснить ей, старухѣ. Я говорю ей: „Не плачьте зря! Вѣдь лучше все равно не будетъ“... А она: „Попробую—говорить—командующаго просить. Авось смилуется“. „Бросьте—говорю—матенька. Какая отъ нихъ милость“? А она все затвердила одно... Потомъ уже рассказывала, какъ командующій ее принималъ. Она ему въ ноги упала. Старуха, конечно, простая. А онъ говоритъ: „Я посмотрю... Жизнь за жизнь, старуха! Если твой сынъ, хоть и виноватъ, да не убилъ никого, а только покушался, такъ и онъ живъ будетъ. Помилую я его. Ты не больно убивайся. Если на немъ чужая жизнь, такъ и плакать о немъ нечего. А если не такъ, я уже посмотрю“. Такъ и замѣнили мнѣ на пятнадцать лѣтъ...

— А умирать не хотѣлось?

— Да все одинъ конецъ. Только, конечно, старуху жаль было. Ей не растолкуешь: старый человекъ, все по своему норовить.

Мой собесѣдникъ, судя по всему, былъ парень простодушный и нѣсколько вялый, хотя и партійный. Я не смогъ передать его рассказъ вполне точно. Но этотъ рассказъ глубоко растрогалъ меня: такъ живо рисовалась его убитая горемъ мать и такъ просто былъ онъ самъ, не боящейся смерти, болѣющей лишь горемъ своей старухи матери, которой „никакъ не растолкуешь всего“...

Такова была моя первая встрѣча со смертниками. Такъ описывали они свои впечатлѣнія послѣ смертнаго приговора, свое состояніе въ ожиданіи казни. И больше всего поразило меня въ ихъ рассказѣ, что не было въ ихъ переживаніяхъ никакого слѣда тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которые наполняютъ душу осужденнаго у Виктора Гюго или Оскара Уайльда.

Черезъ одну камеру отъ моей одиночной кельи сидѣлъ матросъ, приговоренный къ долгосрочной каторгѣ за возстаніе на броненосцѣ. Онъ судился вмѣстѣ съ сотней товарищей и многие изъ его товарищей были приговорены къ разстрѣлу. И въ безыскусственной формѣ онъ черезъ отдушину надъ дверью камеры рассказывалъ мнѣ, какъ бунтовалъ ихъ броненосецъ, какъ захватили ихъ въ плѣнъ, какъ судили ихъ, какъ вынесли многимъ изъ нихъ смертные приговоры, какъ сидѣли они вмѣстѣ, въ общей камерѣ, въ ожиданіи казни, и какъ, наконецъ, всѣмъ имъ

пришлось присутствовать при разстрѣлѣ „зачищниковъ“... Нѣкоторые подробности его разказа глубоко врѣзались мнѣ въ память. Когда судъ ушелъ въ совѣщательную комнату, они смѣлились и шутя спорили о томъ, сколькихъ и кого именно приговорять къ смерти. Но когда началось чтеніе приговора, всѣ затихли и ждали съ напряженнымъ вниманіемъ. А послѣ приговора осужденные на смерть цѣловались съ приговоренными къ каторгѣ, прощаясь съ ними навсегда. Приведенія приговора въ исполненіе пришлось ждать много мѣсяцевъ. Это время было очень тяжелое. И всѣ обрадовались, когда узнали, что день казни назначенъ. Наканунѣ казни одинъ изъ осужденныхъ долго смотрѣлъ на свои серебряные часы, подарокъ отца, и затѣмъ сказалъ: „Некому часы оставить. Вы, братцы, на каторгу идете, тамъ у васъ отберуть. Домой отослать—все равно, пропадутъ. Отдамъ ихъ солдату, который стрѣлять въ меня будетъ. Вѣдь и мы такіе же были, и онъ когда-нибудь человѣкомъ станетъ“!

— Утромъ вывели насъ на дворъ,—разсказывалъ матросъ-каторжанинъ,—выстроили: насъ всѣхъ въ сторонку, а смертниковъ въ серединѣ... Солдаты здѣсь же рядомъ стоятъ. Товарищъ тутъ вынулъ часы, и говоритъ солдатамъ, да только тихо, чтобъ офицеръ не слышалъ: „Братцы, кто будетъ въ меня стрѣлять“? Молчатъ солдаты. А онъ тогда опять: „Хочу, братцы, память оставить тому, кто будетъ стрѣлять въ меня“. Одинъ солдатикъ, совсѣмъ еще молоденькій, выходитъ: „Я“—говоритъ. Онъ ему часы отдалъ. „Смотри—говоритъ—вспоминай, какъ ты по приказу человѣка убилъ. Да лучше цѣлься. Чтобы не мучиться мнѣ“. Поцѣловались они. Солдатъ часы взялъ...

Какъ похожа эта подробность жизни на старшій обычай цѣлованія преступника съ палачомъ!..

Я вскорѣ разстался со своими сосѣдями-смертниками. И мнѣ некогда было думать о ихъ судьбѣ и о судьбѣ другихъ людей, подобно имъ ожидающихъ казни. Некогда было думать объ этомъ, такъ какъ слишкомъ много другихъ вопросовъ будила тогда русская жизнь. И читая ежедневныя извѣстія о смертныхъ казняхъ въ 1907-мъ году, я мало задумывался надъ смысломъ этихъ извѣстій.

II.

Въ послѣдній разъ я былъ арестованъ въ началѣ 1908-го года. Предъявленное мнѣ полиціей предписаніе жандармскаго управленія гласило категорически: „подвергнуть безусловному задер-

жанію, независимо отъ результатовъ обыска“. На вопросъ о причинахъ задержанія, полиція отвѣчала: „Это намъ неизвѣстно“. На вопросъ о томъ, куда меня отправятъ, полиція отвѣчала: „Политическихъ приказано въ N—ную часть отправлять“.

Я жилъ далеко отъ N—ной части, на другомъ концѣ города. И трясясь съ городовыми на извозчикѣ по соннымъ улицамъ города, я вспоминалъ все, что слышалъ въ различное время объ этой части. О ней много говорили въ городѣ: здѣсь приводились въ исполненіе смертныя приговоры, постановляемые военными судами; здѣсь, во дворѣ, передъ окнами арестантскаго корпуса, помѣщалась губернская висѣлица.

И когда, послѣ записи моего имени и званія въ канцеляріи части, два дюжихъ городскихъ повели меня черезъ дворъ къ низенькому одноэтажному домику, съ рѣшетками въ окнахъ, я внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, ожидая увидѣть висѣлицу. Но во дворѣ не было никакихъ столбовъ, даже никакихъ выступовъ въ стѣнахъ, никакихъ кронштейновъ или крюковъ, которые можно было принять за часть висѣлицы...

Внутри арестантское помѣщеніе оказалось состоящимъ изъ двухъ большихъ и четырехъ маленькихъ камеръ, выходящихъ дверями на общій коридоръ, а окнами—на черный дворъ. Слѣва были расположены двѣ маленькія камеры, въ которыхъ помѣщались надзиратель и палачъ. Первый жилъ здѣсь постоянно. Второй содержался обыкновенно въ тюрьмѣ, а въ участокъ переводился лишь тогда, когда предстояла работа. Рядомъ съ маленькой камерой палача была болѣе обширная камера, рассчитанная чело-вѣкъ на шесть или семь, но вмѣщавшая при мнѣ чело-вѣкъ пятнадцать-двадцать, а порой и тридцать. За ней шли двѣ крошечныя камеры—секретки—со тщательно задѣланными толстой рѣшеткой окнами: здѣсь содержались приводимые изъ тюрьмы на казнь смертники. Рядъ камеръ кончался большой камерой, въ которой, по росписавію, могло помѣститься чело-вѣкъ двѣнадцать, а въ дѣйствительности помѣщалось отъ двадцати до тридцати, а иногда и отъ сорока до пятидесяти.

Когда меня привели въ часть, секретки пустовали. Послѣдніе смертники были повѣшены за нѣсколько дней до моего ареста. Новыхъ смертниковъ изъ тюрьмы тоже не ожидалось, такъ какъ со всѣми осужденными послѣдней сессіей военного суда было уже покончено. Но палачъ, только что закончившій свою работу, все еще содержался здѣсь, въ части, во второй камерѣ слѣва.

Среди заключенныхъ, съ которыми я встрѣтился въ общей

камерѣ, были разные люди: были здѣсь и убѣжденные члены социалистическихъ партій, и революціонно настроенные рабочіе, и обыкновенные экспроприаторы, и совершенно темные крестьяне, попавшіе въ тюрьму неизвѣстно за что, и очень подозрительныя личности, промышленники на волѣ обыкновенной уголовщиной. Серьезный разговоръ плохо клеился въ такой разношерстной компаніи. Жили не дружно, ссорясь между собою, споря изъ-за всякой мелочи и оскорбляя одинъ другого дурными словами. Но все же между всѣми было *одно* общее, что сближало всѣхъ: это—ужасъ недавнихъ казней. Последняя казнь была совершена всего за нѣсколько дней до моего ареста: тогда въ одну ночь было повѣшено пять человѣкъ. Казалось, тѣни казненныхъ, какъ какой-то кошмаръ, не даютъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ чудовищнаго дѣла, которое совершилось здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Ни о чемъ другомъ нельзя было говорить, ни о чемъ другомъ нельзя было думать въ этомъ мѣстѣ. Возникали шумные споры, начинались шутки, затягивалась пѣсня, завязывалась игра или возня, но снова и снова, днемъ и ночью, мысль настойчиво возвращалась къ *одному*...

Я не видѣлъ лицъ послѣднихъ пяти повѣшенныхъ, не слышалъ ихъ голосовъ, не присутствовалъ при томъ, какъ ихъ вѣшали, но изъ разсказовъ окружающихъ я узналъ всю картину казни, и эта картина стояла передо мной такъ же ярко, какъ передъ людьми непосредственно наблюдавшими ее.

Это произошло наканунѣ большого праздника. Надзиратель съ утра проявлялъ необыкновенную суетливость. Опъ нѣсколько разъ заходилъ въ секретку, тщательно изслѣдуя рѣшетки, полъ и стѣны, поминутно подходилъ къ дверямъ общихъ камеръ, прислушиваясь къ разговорамъ арестантовъ. Послѣ обѣда опъ обратился къ заключеннымъ съ краткою рѣчью.

— Вотъ что, господа: шила въ мѣшеѣ, говорятъ, не утаишь. Такъ что я ужъ скажу вамъ, хоть приказано не говорить... Да ужъ все равно! Ну, приведутъ сегодня пятерыхъ... Вѣшать будутъ... Такъ вы къ волчкамъ лучше не подходите и сидите тихо... Стражники будутъ. А имъ много ли надо? Да и приказъ есть такой: если хоть слово скажетъ кто, или кричать будетъ, или пѣть, или въ волчокъ выглянетъ, такъ чтобъ стрѣляли безъ предупрежденія. Вы, господа, сами поостерегитесь...

Вскорѣ затѣмъ коридоръ наполнился стражниками. Они разговаривали между собой, шутили, смѣялись... Одинъ изъ нихъ, сидя на подоконникѣ, громко пѣлъ. Вдругъ все стихло.

Стражники выстроились въ коридорѣ, заслонивъ своими спинами волчки дверей.

— Смотри, ребята! — крикнулъ надзиратель и, позвякивая ключами, подошелъ къ выходной двери.

— Кто идетъ?

— Изъ тюрьмы. Принимай пятерыхъ.

Дверь отворилась. Въ коридоръ ввалилась толпа народа. Слышался топотъ тяжелыхъ сапоговъ, стукъ ружейныхъ прикладовъ, бряцаніе цѣпей.

— Стой... Повернись... Скинь поясъ... Разстегни рубаху... Дай ногу... Да портянку скинь...

На коридорѣ шель обычный обыскъ вновь прибывшихъ. И вдругъ послышалось паденіе на полъ тяжелаго тѣла и чей-то изступленный голосъ закричалъ:

— Да за что насъ, дѣдушка? Передъ Христомъ клянусь, невиновенъ я! Отпусти, дѣдушка! За что насъ?.. Вѣдь бумага придти должна!.. Ради Христа!..

Человѣкъ рыдалъ, бился головой о полъ, цѣпи его глухо звенѣли. Надзиратель, повидимому, смутился.

— Чего ты?.. Чего? — успокаивалъ онъ несчастнаго: — Кто тебя вѣшать будетъ!? Перевели сюда потому, значить, мѣстовъ въ тюрьмѣ мало... Посидишь здѣсь... А тамъ изъ Петербурга бумага придетъ... Можетъ и вовсе на свободу отпустить...

— Родненькій, помоги ради Христа, ради души спасенія! — Къ первому плачущему голосу присоединились еще два. Но новый, рѣзкій и громкій голосъ вмѣшался въ ихъ вопли:

— Стыдись, старикъ! Зачѣмъ людей обманываешь? Вѣдь *сегодня* вѣшать будутъ! Чего виляешь? Не ты ли и палачомъ будешь?.. Вилять нечего. Собака!..

— Врешь, врешь! Самъ собака... Сволочь!.. — Надзиратель окончательно растерялся и поспѣшилъ закончить обыскъ. Захлопнулись двери секретокъ. Часть стражниковъ вышла во дворъ, часть осталась въ коридорѣ.

Все было тихо въ тюрьмѣ, никто не говорилъ ни слова. Изъ секретокъ не слышалось даже бряцанья цѣпей. И вдругъ тишину прорѣзалъ громкій звукъ пѣсни:

Слезамъ залить мѣръ безбрежный,
Вся наша жизнь—тяжелый трудъ...

Голосъ пѣвца звучалъ твердо, увѣренно, и трудно было поверить, что это пѣлъ человѣкъ, ожидающій казни. Но это былъ тотъ самый голосъ, который только что спорилъ на кори-

дорѣ съ надзирателемъ. Надзиратель въ тревогѣ бросился къ двери.

— Брось пѣть! Тебѣ говорить, замолчи! Чортъ окаиншій!.. — Но смертникъ продолжалъ пѣть такъ же громко, такъ же увѣренно, какъ бы смѣясь надъ гнѣвомъ своего тюремщика. Только допѣвъ пѣсню до конца, онъ обратился къ нему.

— Чего кричишь? Я тебя, знаешь, не боюсь: на томъ свѣтѣ съ тобою посчитаемся.

— Да брось пѣть! Тюрьма здѣсь...

— Буду пѣть, пока всѣхъ пѣсень не пропою на прощанье!..

И опять полились страстные звуки революціонной пѣсни:

Вихри враждебные вѣютъ надъ нами...

Старикъ-надзиратель отошелъ отъ секретки и подошелъ къ двери общей камеры, какъ бы нища у своихъ узниковъ сочувствія при столь явномъ попраніи всѣхъ правилъ тюремной дисциплины.

— Анархистъ это! — заговорилъ онъ, заглядывая въ волчокъ:— за нападеніе судился... Отчаянный. А тѣ четыре—мужики деревенскіе... Немолодые все... За поджогъ, говорятъ. Плачутъ, что зря осудили ихъ, да кто ихъ разберетъ!.. Молятся теперь. А тотъ дьяволъ оретъ.

Арестанты сидѣли молча, слушая, какъ за стѣной человѣкъ пѣлъ, прощаясь съ жизнью. Хотѣлъ ли онъ звуками пѣсни заглушить страхъ смерти, поднимавшійся въ его сердцѣ? Или, прощаясь съ жизнью, онъ прощался съ любимыми пѣснями, съ которыми было связано для него такъ много святого? Но голосъ его звучалъ все сильнѣе, все красивѣе, и въ пѣснѣ выливалась вся его молодая душа. Никто не проронилъ ни слова въ общей камерѣ, но у всѣхъ было тяжело на сердцѣ.

Кончивъ пѣсню, пѣвецъ умолкъ, но не надолго. Черезъ вѣскольکو минутъ онъ снова запѣлъ.

А изъ другой секретки неслись стоны и вопли. Осужденные метались по камерѣ, бились о дверь.

— За чтò, за чтò? Дѣдушка! Роденькій, заступись!.. Оговорили вѣдь пасъ... Ни за что гибнемъ... Безъ вины... Бумага вѣдь будетъ!.. Аль не то?.. Не будутъ вѣдь вѣшать?.. Правда? Смилуйся, дѣдушка, отпусти! Не мы вѣдь! Видитъ Богъ, не мы!..

Нѣскольکو голосовъ кричало здѣсь разомъ. И рѣзче всего выдѣлялся изъ нихъ какой-то старческой голосъ, дребезжащій, надорванный. Сражники въ коридорѣ молчали. Надзиратель пытался возстановить порядокъ въ секреткахъ, и то кричалъ на

молодого пѣвца, то принимался успокаивать плачущихъ мужиковъ.

— Полно выть-то... До бумаги здѣсь посидите... Здѣсь хорошо у насъ, не то что въ тюрьмѣ. Харчи хорошіе. Вотъ завтра на базаръ пойду. Чего вамъ принести? А? Сказывайте! Чего принести?.. Я все могу... Хоть курицу къ обѣду. Хотите? Ну, ладно, такъ, значитъ, я себѣ отмѣчу, чтобъ курицу. Да вы хоть соснуть ложитесь. Поздно ужъ. А ты брось орать! Будетъ тебѣ глотку драть... Хуже людей разстраиваешь.

— Господи, помилуй! Господи, помилуй! Не дай, не дай... — изступленно молились мужики.

А изъ сосѣдней секретки лились мощной волною звуки похороннаго марша:

Порой изнывали вы въ тюрьмахъ сырыхъ...

Такъ проходило время. Смѣнились стражники въ коридорѣ. Въ камерахъ зажглись лампы. Спустилась ночь. А изъ секретокъ неслись вопли отчаянія и звуки пѣсни.

Мужики то какъ будто успокаивались и начинали степенно объяснять суть своего дѣла надзирателю, то снова принимались молиться и плакать. А анархистъ въ сосѣдней секреткѣ все пѣлъ. Теперь онъ пѣлъ уже не революціонныя пѣсни, а народныя, волжскія. Въ голосѣ его звучала то грусть, то удалъ, но нельзя было понять, пѣсня ли навѣвала ему эти чувства, или въ душѣ его предсмертная тоска боролась съ привычнымъ молодечествомъ. Пѣвецъ уже усталъ, и промежутки молчанія между пѣснями становились у него длиннѣе. И въ эти промежутки молчанія громче казались вопли приговоренныхъ къ казни крестьянъ.

Никто изъ заключенныхъ не смыкалъ глазъ въ эту ночь... Ждали развязки.

Было еще совсѣмъ темно, когда коридоръ снова наполнился людьми. Пришелъ усиленный нарядъ стражниковъ. Палачъ вышелъ во дворъ, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія. Наконецъ прибыли власти. Стражники какъ-то подобрались и вытянулись. Въ секреткахъ замолели вопли, замерла пѣсня. Прибывшіе, громко разговаривая между собой, ходили по коридору.

Въ волчокъ общей камеры заглянуло чье-то лицо, интеллигентное, выхоленное, украшенное изящными усиками.

— О, сколько ихъ здѣсь! — произнесъ удивленный голосъ: — Одинъ, два, три... Больше двадцати, пожалуй. Не всѣ вѣдь сегодня?..

Другой, болѣе солидный голосъ возразилъ:

— Да нѣтъ же! Это не тѣ совѣтъ... Здѣсь разные... На сегодня—въ сосѣдней камерѣ. Вы поглядите.

Господинъ съ интеллигентнымъ лицомъ отошелъ отъ волчка.

Щелкнулъ замокъ у секретки. Въ коридоръ вывели анархиста-пѣвца.

— Какъ звать? — спросилъ суровый начальнической голосъ. Осужденный отвѣтилъ отчетливо и твердо.

Затѣмъ послышалось быстрое чтеніе:

„По Указу Его Императорскаго Величества... признанъ виновнымъ въ томъ, что въ мѣстности, объявленной на положеніи чрезвычайной охраны... къ смертной казни черезъ повѣшеніе... издержки на счетъ суда... передать наслѣдникамъ“...

И прежній суровый голосъ спросилъ:

— Священника примешь?

— Къ чему?

— Да ты отвѣчай: примешь, или нѣтъ?

— Не приму...

— Ну и отлично... Ну, живо!.. Пойдемте, господа!..

Топотъ многихъ тяжелыхъ ногъ, бряцаніе ружей, звонъ кандаловъ... и твердый, громкій голосъ:

— Прощайте, товарищи! За свободу...

Но никто не отвѣтилъ на этотъ послѣдній крикъ... Хлопнула дверь. За стѣной слышны были шаги, хрустѣлъ снѣгъ, долетали отрывочныя слова разговора. Но вскорѣ и эти звуки затихли въ отдаленіи. Арестанты сидѣли безмолвные, подавленные.

Прошло нѣкоторое время, — можетъ-быть пять минутъ, можетъ-быть часъ. Толпа снова вернулась на коридоръ.

— Слѣдующаго!

Щелкнулъ замокъ у второй секретки.

— Твое имя?

Въ отвѣтъ раздался надорванный вопль.

— Не я, ваше благородіе!.. Видитъ Богъ, не я!.. Не губите! Дѣдушка, роденькій, ты хоть скажи, что не я!.. Ради Христа!.. Помилуйте!.. Вѣдь бумагу писали... Бумага будетъ... Роденькіе мои! Да какъ же такъ...

— Помолчи-ка лучше! Тебя какъ звать? А? Ну, хорошо... Вотъ и слушай.

И опять быстрое чтеніе:

„По Указу Его Императорскаго Величества... къ смертной казни... черезъ повѣшеніе“...

Мужикъ продолжалъ плакать.

— Священника примешь?

— Батюшка! Передъ Богомъ, невиненъ я... Семья дома...

И чей-то густой, благочестивый голосъ успокаивалъ его:

— Ну, хорошо, хорошо... Встань на колѣни... Вотъ такъ...

Молись... И азъ, недостойный іерей, властью Его мнѣ данной прощаю и разрѣшаю... Ну, встань... Вотъ крестъ, поцѣлуй... Ну, такъ.

— Готово?—спросилъ суровый голосъ.

И благочестивый голосъ отвѣчалъ:

— Готово!

— Ну, такъ живо!.. Пойдемте.

И дверь захлопнулась за второй жертвой.

Такъ же взяли на казнь и третьяго, и четвертаго, и пятаго.

Уже свѣтало на дворѣ, когда начальство покинуло часть...

Такъ описывали мнѣ эту казнь товарищи по заключенію. Два десятка людей, различныхъ и по умственному развитію, и по взглядамъ, и по характеру, рассказывали при мнѣ объ этой казни. И рассказъ ихъ во всѣхъ подробностяхъ былъ одинъ и тотъ же. Всѣ черточки этой картины съ беспощадной ясностью врѣзались въ память невольныхъ свидѣтелей, и долго, долго не забудутъ они этой картины. И когда я сидѣлъ среди этихъ людей, въ этой части, картина казни днемъ и ночью стояла передо мной и нельзя было избавиться отъ нея.

Взобравшись товарищу на плечи, можно было черезъ окно окинуть взглядомъ задній дворъ части. Небольшой, запущенный дворъ... Въ глубинѣ его, шагахъ въ двадцати-пяти отъ арестантскаго помѣщенія, сѣрый бревенчатый сарай, съ потрепанной крышей, съ потемнѣвшими отъ времени и покосившимися стѣнами. Почти по серединѣ сарая широкія двери-ворота.

— Здѣсь вѣшаютъ, — объясняли мнѣ товарищи. — Здѣсь балка идетъ такая поперечная подъ стропилами. Такъ черезъ нее веревки перебрасываютъ. Скамейка больше тамъ стоитъ, а иногда ее и въ коридоръ къ намъ вносятъ. Кандалы ужъ послѣ казни сбиваютъ съ покойниковъ...

Палачъ жилъ подъ одной крышей съ нами, въ сосѣдней камерѣ за стѣной. Когда онъ проходилъ по коридору мимо двери нашей камеры, всѣ бросались къ волчку посмотрѣть на него. Сперва мнѣ было противно смотрѣть на палача, и я не подходилъ къ волчку. Но затѣмъ и мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ выглядитъ палачъ... Я увидѣлъ высокаго, плотнаго мужчину, лѣтъ двадцати-пяти—двадцати-восьми на видъ, съ загорѣлой жилистой шеей, съ бѣлокуроыми гладкими волосами. Ходилъ онъ слегка

согнувшись и всегда отворачивался, проходя мимо заключенныхъ. Не сразу можно было разобрать черты его лица. И на первый взглядъ даже предубѣжденный глазъ не могъ открыть въ его чертахъ что-либо особенное, ужасное. Обыкновенное мужицкое лицо, съ крупными правильными чертами. Только глаза его какъ-то странно бѣгали по сторонамъ, и онъ, повидимому, не могъ уже смотрѣть въ лицо человѣку. А когда онъ замѣчалъ, что на него устремлены враждебные, любопытные взгляды, онъ хмурился и какъ-то странно оскаливалъ верхніе зубы. Тогда видъ у него становился свирѣпый и противный.

И висѣлица, и палачъ въ N-ной части оказались сѣрыми, будничными. Не было въ нихъ ни капли тѣхъ романтическихъ ужасовъ, которыми окружила висѣлицу и палача легенда. Былъ въ нихъ свой ужасъ—но ужасъ сѣрый, будничный. И все же трудно будетъ забыть эту висѣлицу и этого палача... Особенно трудно потому, что теперь я знаю весь смыслъ казни, совершенной въ N-ной части за нѣсколько дней до моего ареста. Въ тюрьмѣ я узналъ, что мужики не лгали, когда клялись въ своей невинности; въ тюрьмѣ я узналъ, что въ тотъ день въ N-ной части дѣйствительно было повѣшено четверо невинныхъ крестьянъ, оговоренныхъ по злобѣ односельчаниномъ... Произошла судебная ошибка: вѣдь такъ естественно ошибиться при слѣшномъ разборѣ множества дѣлъ!...

Но не буду дольше останавливаться на впечатлѣніяхъ, внесенныхъ мною изъ N-ной части. Слишкомъ блѣдны и незначительны эти впечатлѣнія сравнительно съ тѣмъ, что пришлось видѣть и слышать въ слѣдующіе мѣсяцы въ тюрьмѣ.

III.

Первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, это необыкновенное *множество* заключенныхъ, имѣющихъ „смертныя дѣла“, т. е. привлекаемыхъ по обвиненію въ преступленіяхъ, караемыхъ смертною казнью... Въ тюрьмѣ содержалось около тысячи человѣкъ. Изъ нихъ человѣкъ сто составляли уголовную аристократію тюрьмы: это были рецидивисты-профессіоналы, частью приговоренные къ арестантскимъ ротамъ или къ каторгѣ, частью ожидавшіе такого приговора. Приблизительно столько же было въ тюрьмѣ мелкихъ уголовныхъ преступниковъ, попавшихъ въ тюрьму кто по несчастью, кто по легкомыслію, кто случайно. Значительно малочисленнѣе была группа политиковъ, привлеченныхъ или осу-

жденныхъ за опредѣленные политическія преступленія (принадлежность къ партіи, агитація, храненіе литературы и т. п.). Сравнительно больше было административно арестованныхъ, обвиняемыхъ невѣдомо въ чемъ, стоявшихъ на волѣ одинаково далеко отъ уголовщины и отъ политики, задержанныхъ по недоразумѣнію или, какъ выражались въ тюрьмѣ, „за покушеніе на подозрѣніе“. Но всѣ эти четыре группы вмѣстѣ не составляли и половины населенія тюрьмы: другая, бѣльшая половина тюремнаго населенія состояла изъ „смертниковъ“.

Всѣ эти люди ждали смертнаго приговора и казни... Рядомъ съ ними немало было въ тюрьмѣ и такихъ, которые были уже приговорены къ смертной казни предыдущими сессіями военного суда, но получили замѣну смертной казни каторгой на 15 — 20 лѣтъ или безъ срока.

И первое, что поразило меня въ тюрьмѣ, было то, какъ много здѣсь смертниковъ. Правда, статистическія данныя вблизи кажутся больше, чѣмъ на бумагѣ, и потому неудивительно, что сравнительно небольшая цифра 5, 10, 20 смертныхъ казней становится чудовищно огромной, если эти казни происходятъ на твоихъ глазахъ, въ двухъ шагахъ отъ тебя. Но меня поразило другое: неправильно вѣдь считать, что смертная казнь совершается только въ тотъ моментъ, когда намыленная веревка сдавливаетъ горло преступника, сердце его перестаетъ биться и изъ горла его вырывается послѣдній крикъ. Въ этотъ моментъ совершается лишь уничтоженіе преступника, умерщвленіе его. Смертная казнь, какъ высшая мѣра наказанія, *прекращается* въ тотъ моментъ, когда прекращается его жизнь; *пытка ожиданіемъ, страхомъ* смерти *кончается* въ тотъ моментъ, когда палачъ, вышибивъ скамейку изъ-подъ ногъ жертвы, сбрасываетъ преступника въ бездну. Но *начинается* эта пытка гораздо раньше: иногда послѣ того, какъ судъ постановилъ свой приговоръ; иногда послѣ того, какъ осужденный узналъ объ отклоненіи его кассационной жалобы, или о задержаніи ея командующимъ войсками; иногда еще значительно раньше, съ того момента, когда обвиняемый увидѣлъ въ своемъ обвинительномъ актѣ роковую статью 279-ую, или съ тѣхъ поръ какъ онъ убѣдился, что охранное отдѣленіе подозрѣваетъ его и „лѣпить ему дѣло“...

Какихъ только людей не было среди „смертниковъ“! Казалось, тутъ переплелись всѣ теченія русской жизни, всѣ ея свѣтлые и мутные потоки. Большинство „смертниковъ“ принадлежало къ разряду „политико-уголовныхъ“, меньшинство — къ „политическимъ“ или „уголовнымъ“ въ болѣе узкомъ смыслѣ

слова. „Политическими“ считались послѣдніе участники возстанія 1905-го года, обвиняемые по ст. 100-ой уголовного уложенія. „Уголовными“ считались старые профессиональные грабители, судившіеся не разъ общеуголовнымъ судомъ, но попавшіе теперь подъ военный судъ потому, что при послѣднемъ нападеніи, вмѣсто обычнаго уголовного: „Ложись и ни съ мѣста!“, имъ издумалось командовать по-экспроприаторски: „Руки вверхъ!“ „Политико-уголовные“ привлекались кто за убійство или нанесеніе ранъ (терроръ), кто за нападеніе и грабежъ (экспроприація), кто за сопротивленіе и отпоръ полиціи при задержаніи, кто за поджогъ (аграрный терроръ), кто за разсылку угрожающихъ писемъ (вымогательство).

Какъ разнообразны были преступленія, за которыя ждала этихъ людей смертная казнь, такъ же различны были сами люди. Смертники - уголовные смотрѣли на все окружающее съ презрѣніемъ. Они ненавидѣли политиковъ: „Изъ-за васъ, подлецовъ, умирать приходится. Сколько людей вы сгубили! Раньше окружный судилъ или палата, а теперь, съ вашей революціи, пошелъ военный судъ! То получилъ бы лѣтъ десять, или роты, а изъ-за васъ, вотъ, петля. Сволочь“!.. И эта была для нихъ неистощимая тема для ругани и насмѣшекъ надъ политиками. Судъ сильно волновалъ ихъ. Предстоящая казнь ихъ пугала, и уже задолго до суда они старались узнать форму прошенія о помилованіи.

Среди смертниковъ, ожидавшихъ казни за возстаніе 1905-го года, можно было замѣтить два рѣзко противоположныхъ теченія. Одни, оставшіеся вѣрными своимъ вѣрованіямъ, ждали суда и казни безъ страха, безъ трепета, съ традиціонной для русскаго революціонера стойкостью; другіе, проклиная свое увлеченіе, проклиная „впутавшихъ“ ихъ въ это дѣло, жили въ безумномъ страхѣ за свою жизнь, каждый день переживая безысходный, отчаянный ужасъ смерти. Между спокойствіемъ первыхъ и отчаяніемъ вторыхъ контрастъ былъ поразительный... Нѣкоторые изъ политиковъ, спокойно ожидавшихъ смерти, искренно жалѣли своихъ павшихъ духомъ, мечущихся въ отчаяніи товарищей. Но среди послѣднихъ было много людей, готовыхъ на что угодно, чтобы выкупить свою голову изъ неумолимой петли. И потому большинство политиковъ, оставшихся вѣрными своимъ старымъ идеаламъ, смотрѣли на раскаявшихся товарищей съ враждой и презрѣніемъ. Мнѣ, какъ юристу, показалось цѣннымъ одно наблюденіе: я замѣтилъ, что смертная казнь, предназначенная по своей „идеѣ“ для самыхъ нераскаянныхъ преступниковъ, всего

менѣе страшна именно для того, кто остался такимъ же, какимъ былъ въ моментъ совершенія преступленія; мучительной и ужасной она становится для преступника съ того момента, когда онъ начинаетъ *расскаиваться* въ совершенномъ преступленіи, когда онъ уже перестаетъ быть тѣмъ, котораго „надо“ было по-вѣсить...

Наибольшее разнообразіе типовъ приходилось наблюдать между смертниками „политико-уголовными“: среди нихъ можно было прослѣдить всѣ оттѣнки, отъ революціоннаго подвижничества до грубѣйшей уголовщины; среди нихъ были люди хрустальной душевной чистоты, люди, полные безкорыстнѣйшей пламенной любви къ ближнимъ—и рядомъ съ ними люди развращенные, глубоко павшіе въ нравственномъ отношеніи, стоявшіе иногда ниже обыкновенныхъ „уголовныхъ“. Всѣ они объединялись въ тюрьмѣ подъ общимъ понятіемъ „уголовно-политическихъ“, но общее было у нихъ лишь одно: то, что всѣ они были преданы военному суду и всѣхъ ихъ ожидала висѣлица по 279-ой статьѣ.

Уже среди лицъ, привлекаемыхъ за террористическіе акты, были люди совершенно противоположныхъ чувствъ и стремленій. Вотъ—человѣкъ, до глубины души ненавидящій всякое насиліе, ненавидящій всякое пролитіе крови—и все-таки вышедшій на террористическій актъ. Вотъ—молодой рабочій, который съ пьяныхъ глазъ, ни съ того ни съ сего, выстрѣлилъ два раза изъ револьвера въ постового городского. Вотъ—привычный экспроприаторъ, подбараулившій и убившій человѣка, который раньше вмѣстѣ съ нимъ совершалъ экспроприаціи, но затѣмъ поступилъ въ охранное отдѣленіе. Вотъ—„человѣкъ браунинга“, сдѣлавшій себѣ спеціальность изъ „шпикобойства“, т.-е. убійства низшихъ агентовъ полиціи, которыхъ онъ ненавидитъ всей душой, ненавидитъ не менѣе сильно, чѣмъ прежнихъ товарищей по партіи, съ которыми онъ давно разошелся...

Еще разнообразнѣе прошедшіе передъ моими глазами „экспроприаторы“, составляющіе главный процентъ приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Идейныхъ людей среди нихъ было немного, и они рѣзко отличались отъ окружающей среды. Участники „партийныхъ“ или „групповыхъ“ экспроприацій, дѣйствовавшіе не ради личной наживы, люди, насильственно завладѣвшіе типографіей и захватнымъ путемъ, держа подъ дуломъ револьвера хозяина типографіи, отпечатавшіе здѣсь свои воззванія, отличались отъ другихъ политиковъ своимъ боевымъ темпераментомъ. Прямую противоположность имъ представляли „экс-исты“ въ узкомъ смыслѣ слова. Изъ

нихъ нѣкоторые имѣли революціонное прошлое, но они ужь давнымъ давно порвали съ своей партіей. Грабя въ свою пользу лавочки, устраивал облавы на артельщиковъ, убивая время отъ времени то городского, то стражника, и съ отчаянной смѣлостью отстрѣливаясь отъ погони, они на волѣ привыкли называть и считать себя „революціонерами“, чаще всего—анархистами. Но ни съ революціей, ни съ анархизмомъ у нихъ не было ничего общаго. Тяжелую картину нравственнаго паденія представляли собой эти люди. Но къ смерти они по большей части относились такъ же хладнокровно, какъ наиболѣе стойкіе политики. Трепетали передъ ожидаемой казнью и мелкіе вымогатели и грабители, усвоившіе нѣкоторые виѣшніе приемы „мародеровъ революціи“, но пользовавшіеся на волѣ революціоннымъ флагомъ съ сознательно корыстной цѣлью. Съ политиками эти мелкіе „эксъ-исты“ вели войну еще на волѣ и, естественно, продолжали ее въ тюрьмѣ. Въ тюрьму попадали они, по большей части, довольно многочисленными группами, сразу по десяти-пятнадцати человекъ, такъ какъ ири арестѣ каждый изъ нихъ спѣшилъ выдать товарищей. И въ тюрьмѣ они держались вмѣстѣ, тѣсно группируясь вокругъ своего предводителя (чаще всего—какого-нибудь мелкаго подрядчика, торговца или трактирщика). На допросахъ, стараясь выпутаться, они выдавали другъ друга; послѣ суда писали прошенія о помилованіи, доходили даже до предложенія своихъ услугъ для вѣшанія другихъ осужденныхъ... Крестьянъ-аграрниковъ въ тюрьмѣ было немного, еще меньше чѣмъ „идейныхъ“ экспроприаторовъ. Тѣ, которыхъ миѣ пришлось встрѣтить, представляли трагическую картину смѣси недоумѣнія и отчаянія: они какъ будто не понимали, въ чемъ ихъ обвиняютъ, а мысль о грозящей имъ казни была для нихъ такъ ужасна, что они не могли обнять ее своимъ смятеннымъ разумомъ.

Я отмѣтилъ главнѣйшія группы смертниковъ, но не упомянулъ еще о двухъ *основныхъ* группахъ, на которыя дѣлятся они все—политики, уголовные и политико-уголовные, террористы, эксъ-исты и вымогатели. Эти двѣ группы: *виновные*, т.-е. люди, дѣйствительно совершившіе то дѣло, за которое имъ предстоитъ отвѣчать передъ судомъ и затѣмъ идти на висѣлицу, и *невинные*, т.-е. люди, ни душой, ни тѣломъ не причастные къ тому дѣлу, за которое ихъ будутъ судить и несомнѣнно осуждать, ибо противъ нихъ имѣются „улики“.

Въ спорахъ о смертной казни всегда упоминаютъ о возможныхъ судебныхъ ошибкахъ. Сторонники висѣлицы указываютъ,

что эти ошибки происходят крайне рѣдко. Люди, агитирующие противъ смертной казни, подчеркиваютъ, какъ ужасна самая возможность ошибокъ. Я приведу лишь нѣкоторыя наблюденія по вопросу о процентѣ „невинныхъ“.

Въ каждой большой тюрьмѣ заключенные довольно хорошо знаютъ, какое у кого дѣло. Въ частности мнѣ пришлось близко ознакомиться съ дѣлами многихъ заключенныхъ, такъ какъ ко мнѣ обращались то за юридическимъ совѣтомъ, то съ просьбой составить прошеніе. И я убѣдился, что среди „политико-уголовныхъ“ процентъ невинно обвиняемыхъ, невинно осуждаемыхъ и невинно казнимыхъ достигаетъ чудовищной высоты. Конвойные, сопровождающіе обвиняемыхъ въ судъ, нѣсколько разъ говорили мнѣ, что среди осужденныхъ на смерть лишь половину составляютъ виновные, а другую половину—невинные. Конечно, здѣсь есть преувеличеніе. Я думаю, что число невинныхъ среди приговариваемыхъ къ казни и казнимыхъ *рѣдко поднимается выше трети, а по большей части составляетъ не болѣе $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$* . Цифра все же чудовищная! Вѣдь въ судебныхъ дѣлахъ по 279-ой статьѣ судъ почти никогда не принимаетъ свидѣтельскихъ показаній, клонящихся къ установленію alibi обвиняемаго. Вѣдь въ этихъ дѣлахъ главнымъ матеріаломъ обвиненія являются всегда агентурныя или провокаторскія свѣдѣнія, взаимный оговоръ обвиняемыхъ, ихъ сознание на допросѣ и опознаніе ихъ со стороны пострадавшихъ. За полтора года мнѣ пришлось наглядѣться на смертныя дѣла, основанныя на этихъ „несомнѣнныхъ“ данныхъ обвиненія. Я не знаю почти ни одной экзпропріаторской шайки, въ которой не было бы провокатора. Если ему дорога жизнь, онъ не можетъ ограничиться передачей въ руки властей лишь определенной группы людей, участвовавшихъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ оговорить гораздо большее число людей, долженъ оговорить всѣхъ, кто соприкасался съ нимъ и съ жертвами его предательства, всѣхъ, въ комъ онъ можетъ подозрѣвать будущихъ мстителей. Не изъ-за простой денежной корысти такъ поступаетъ провокаторъ: иначе, по самому существу дѣла, онъ и не можетъ дѣйствовать, если не хочетъ на другой же день послѣ предательства получить пулю въ лобъ. Эта причина вовлеченія въ дѣло невинныхъ существуетъ во многихъ дѣлахъ, въ основаніи которыхъ лежитъ провокація. А на сколько мнѣ пришлось наблюдать, провокація лежитъ въ основаніи $\frac{9}{10}$ эксъ-истскихъ дѣлъ.

Взаимный оговоръ обвиняемыхъ приходится наблюдать въ подавляющемъ большинствѣ дѣлъ о мелкихъ шайкахъ эксъ-истовъ—

„лавочниковъ“ и „вымогателей“. Эти мелкіе грабители, подъ вліяніемъ страха казни, на первомъ же допросѣ начинаютъ „сыпать“ всёхъ, кого только могутъ. Приставъ, жандармскій офицеръ или, на лучшей копеецъ, слѣдователь излагаютъ имъ свои подозрѣнія, свои догадки и предположенія — и они сейчасъ же спѣшатъ подтвердить ихъ, а затѣмъ, закутавшись въ собственныхъ показанійхъ, поддавшись на увѣренія, что заператься бесполезно, признаются и въ томъ, что дѣлали, и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ никогда даже не слыхали. Въ „взаимныхъ оговорахъ“ и „чистосердечныхъ признаніяхъ“ этихъ смертниковъ правда тонетъ въ ворохахъ лжи. И въ дѣлахъ, построенныхъ на подобныхъ данныхъ, нерѣдко половина обвиняемыхъ и половина осужденныхъ томится въ тюрьмѣ и идетъ на висѣлицу безъ всякой вины. На сколько мнѣ удалось замѣтить, это — не случайность, а неизбежный результатъ того, что обвиняемые и допрашиваемые находятся подъ страхомъ смертной казни. Судъ основывается на показаніяхъ, вырванныхъ у нихъ этимъ страхомъ.

„Опознавіе виновныхъ потерпѣвшими“, играющее столь видную роль въ военныхъ судахъ, тоже является источникомъ судебныхъ ошибокъ. Даже несомнѣннаго участника нападенія потерпѣвшій почти никогда не можетъ опознать съ полной увѣренностью. Военные суды привыкаютъ къ тому, что, при несомнѣнной виновности обвиняемаго, потерпѣвшій, вмѣсто категорическаго: „онъ!“ — говоритъ болѣе уклончиво и осторожно: „кажется, онъ... Тамъ былъ одинъ похожій... Навѣрное не знаю“. Свидѣтель, зная, что своимъ показаніемъ онъ отправляетъ чело-вѣка на висѣлицу, рѣдко рѣшается показывать съ большой увѣренностью, какъ бы хорошо ни помнилъ онъ лицо обвиняемаго. А затѣмъ идетъ безконечный рядъ дѣлъ, въ которыхъ обвиняемый только похожъ на участника того или другого нападенія, похожъ или ростомъ и фигурой, или цвѣтомъ волосъ, или прической, усами, бородой, или типомъ лица. И свидѣтель опять мнется: „Навѣрное не знаю... Хорошенько я не разсмотрѣлъ, да и времени много прошло... А кажется былъ одинъ похожій... Только ростомъ повыше... А усы и борода вотъ такіе“... И суду этого достаточно: обвинительный приговоръ и смертная казнь. Такихъ случаевъ мнѣ пришлось наблюдать довольно много. И защитники, выступавшіе передъ военными судами, тоже знаютъ много такихъ примѣровъ. Подобныя „опознавія“ невинныхъ фабрикуются охранниками съ величайшей легкостью.

Въ производствѣ имѣется множество дѣлъ о нападеніяхъ,

участники которых не обнаружены. По каждому дѣлу имѣется рядъ свидѣтелей, показанія которыхъ не дали пока въ руки правосудія необходимой нити для отысканія преступниковъ. И вотъ, арестовано лицо, замѣченное въ посѣщеніи опредѣленныхъ квартиръ, подозрѣваемое въ сношеніяхъ съ экспроприаторами. Опредѣленныхъ обвиненій противъ него нѣтъ. Естественно провѣрить, не принадлежитъ ли онъ къ числу разыскиваемыхъ, необнаруженныхъ злодѣевъ. Его карточку предъявляютъ свидѣтелямъ нераскрытыхъ преступленій, дѣла о которыхъ находятся въ производствѣ. Въ концѣ концовъ, въ числѣ этихъ свидѣтелей легко можетъ найтись хоть одинъ, который покажетъ: „Не знаю... много времени прошло... А, кажется, былъ похожій... Вотъ только безъ усовъ и безъ бороды, а въ остальномъ похожій“... Свидѣтели, не опознавшіе карточки преступника, въ судъ не будутъ вызваны—а свидѣтель, „опознавшій“ преступника, вызывается и повторяетъ свое показаніе: „Много времени прошло, такъ-что не помню!.. Навѣрное сказать не могу... Кажется, былъ одинъ похожій слегка... А впрочемъ, можетъ-быть и не онъ... Не знаю“... Подобнаго показанія для суда достаточно, такъ какъ и въ совершенно несомнѣнныхъ дѣлахъ потерпѣвшей и свидѣтели показываютъ немногимъ болѣе увѣренно и твердо.

И обвиняемые знаютъ, что значить „опознаніе“! Рано или поздно, среди десятковъ и сотенъ свидѣтелей найдется такой, который скажетъ: „кажется, похож“... Такимъ образомъ въ тюрьмѣ создается особая группа смертниковъ, не знающихъ точно, за какое преступленіе ихъ повѣсятъ, но убѣжденныхъ, что въ концѣ концовъ имъ не миновать висѣлицы. „Знаю, что за шею повѣсятъ, а больше ничего не знаю“ — такъ говорятъ эти смертники, опредѣляя свое положеніе. Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось видѣть людей, которыхъ безуспѣшно опознавали по пяти различнымъ дѣламъ, а потомъ вѣшали по шестому.

Что же удивительнаго, что среди смертниковъ бываетъ не менѣе 20-25 процентовъ невинныхъ? Вѣдь я не упомянулъ еще о жертвахъ сознательныхъ, злостныхъ оговоровъ (какъ тѣ четверо крестьянъ, повѣшенныхъ за поджогъ), не упомянулъ и о жертвахъ провокаціи со стороны агентовъ охраны. Въ результатѣ, однако, у меня сложилось такое впечатлѣніе: прямыя злоупотребленія создаютъ лишь меньшую часть судебныхъ ошибокъ, а большая ихъ часть зависитъ просто отъ того факта, что въ дѣлахъ, которыя должны окончиться смертнымъ приговоромъ, все слѣдственное производство оказывается извращеннымъ и не ведетъ къ раскрытію истины.

Тюрьма знала, кто изъ смертниковъ сидитъ невинно. Какъ же эти невинные смертники сами относились къ своему положенію? Миѣ не удалось замѣтить, чтобы ихъ отношеніе къ ожидающей ихъ казни существенно отличалось отъ того, какъ относились къ своей участи другіе смертники. Одни сохранили полное равнодушіе и безъ всякаго страха ждали смерти; другіе металсь въ отчаяніи, жили въ безумномъ ужасѣ и не знали, что предпринять, чтобы вырваться изъ петли.

IV.

Я встрѣчалъ людей, которые сидѣли по два—по два съ половиною года и больше въ ожиданіи суда по „смертной“ статьѣ. Казалось бы, люди, которыхъ ждетъ висѣлица, должны были бы всячески стараться какъ-нибудь отдалить свой конецъ. Такое изображеніе состояніи осужденнаго миѣ не разъ приходилось встрѣчать и въ литературѣ. Но, какъ я убѣдился въ дѣйствительности, большинство смертниковъ ждетъ суда съ нетерпѣніемъ. Арестантъ, которому предстоитъ черезъ нѣсколько недѣль выйти на свободу, не считаетъ дней съ такимъ волненіемъ, какъ смертникъ, ожидающій суда. И это не надежда „выкрутиться“ на судѣ, а именно желаніе, чтобы все кончилось скорѣе. Это страстное желаніе можно было наблюдать и у наиболѣе стойкихъ, наиболѣе спокойныхъ изъ смертниковъ, и у тѣхъ, которые всего сильнѣе цѣплются за жизнь, всего мучительнѣе, всего острѣе переживаютъ страхъ передъ казнью. И тѣ, и другіе одинаково думаютъ о томъ, чтобы скорѣй кончилось ихъ неопредѣленное положеніе.

Впрочемъ, иногда у смертниковъ, ожидающихъ суда, миѣ приходилось наблюдать и обратное стремленіе—стремленіе какъ-нибудь отсрочить судъ. Это стремленіе я замѣчалъ, однако, не у кающихся преступниковъ, цѣпляющихся всеми силами за ускользающую отъ нихъ жизнь и потерявшихъ голову отъ ужаса и отчаянія—а, наоборотъ, у людей стойкихъ, энергичныхъ, предприимчивыхъ, любящихъ жизнь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не боящихся смерти, готовыхъ съ улыбкой идти на висѣлицу. У этихъ людей всегда тлѣетъ въ душѣ хоть искра надежды. Пока они живы, они борются за жизнь и надѣются... На что надѣются они? Да мало ли что можетъ случиться! Можетъ-быть удастся бѣжать изъ тюрьмы; можетъ-быть Дума отмѣнитъ смертную казнь; можетъ-быть дѣло изъ военнаго суда перейдетъ въ палату... Мало ли

что может случиться!.. И какъ ни наивны эти надежды, ихъ достаточно, чтобы человекъ съ петлей на шеѣ жилъ спокойно изо дня въ день, не чувствуя себя обреченной жертвой. Эти надежды то угасаютъ, то вспыхиваютъ съ новой силой, когда вдругъ разнесется по тюрьмѣ слухъ, что отмѣняются военные суды или уничтожается смертная казнь.

Какъ должно отозваться въ человекѣ продолжительное ожиданіе смертной казни? На большинство людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, столь ненормальное положеніе оказывало глубокое дѣйствіе. Развивалась страшная нервность. Всѣ мысли направлялись въ одну сторону—въ сторону мечты о мести, мечты, порабоцавшей себѣ все мышленіе, подобно бредовой идеѣ помѣшаннаго. Правда, я видѣлъ людей, которые встрѣчали смертный приговоръ съ другимъ, болѣе яснымъ настроеніемъ. Но мысли большинства были заполнены кошмарно-кровавыми мечтами о мести. И на этомъ фонѣ тѣмъ ярче вырисовывалась духовная сила тѣхъ людей, надъ чувствами и мыслями которыхъ безсиленъ былъ страхъ смерти, безвластенъ былъ ужасъ казни.

„Хотѣлось бы пожить еще хоть нѣсколько лѣтъ“ — говорилъ мнѣ одинъ молодой рабочій, ожидавшій казни за нападеніе на типографію: „теперь я могъ бы поработать по настоящему. Вѣдь на волѣ я только послѣдніе два года жилъ настоящей жизнью, а работать всего годъ пришлось, да и то неполный... Да, по правдѣ, хотѣлось бы еще хоть разъ повидать всѣхъ своихъ — семью, друзей, товарищей. Но я знаю, что повѣсятъ. Надеждами себя тѣшить, воздушные замки строить я не хочу... Значить, кончилось... А еслибы выйти теперь на волю, я знаю, что нужно дѣлать“... И онъ начиналъ рисовать планъ широкой культурной работы среди рабочихъ, безъ бомбистики, безъ браунинговщины, безъ заговорщества. Мечтать объ этомъ передъ казнью могъ только человекъ съ очень чистой и очень сильной душой.

Другой рабочій, арестованный еще въ 1905 г. за вооруженное возстаніе, въ которомъ онъ игралъ видную роль, такъ выражалъ свое отношеніе къ предстоящей казни: „Я и тогда шелъ навстрѣчу смерти, велъ съ собою другихъ людей и зналъ, на что иду, на что зову товарищей. Я ужъ давно, когда только вступалъ въ партію, взвѣсилъ все и все рѣшилъ. Тогда я рѣшилъ отдать жизнь за рабочее дѣло, за социализмъ... И вотъ теперь отдаю жизнь. Еслибы я другого ждалъ, такъ теперь, пожалуй, пришлось бы задуматься... Но когда къ этому я самъ шелъ, самъ выбралъ свой путь? О чемъ теперь думать“?... И

онъ, дѣйствительно, не поддавался ни страху, ни кошмарнымъ мечтамъ о мести, оставаясь до конца вѣрнымъ самому себѣ и своимъ идеаламъ.

А вотъ что пришлось мнѣ слышать отъ одного молодого человѣка, принадлежавшаго къ с.-р. партіи, но арестованнаго по чужому дѣлу и ожидавшаго казни по ложному обвиненію. „Мнѣ теперь все равно,—говорилъ онъ—если и на волю выйду. Изъ близкихъ никого не осталось въ живыхъ; друзья все погибли. Кругомъ ужасъ что творится: развратъ, провокація, предательство“... И онъ шелъ въ судъ, не вѣря въ возможность оправданія, не надѣясь на оправданіе и почти не мечтая о свободѣ.

Такъ, или приблизительно такъ, смотрѣли на ожидавшую ихъ казнь лучшіе изъ смертниковъ-политиковъ. Кто примирился съ нею, какъ съ неизбѣжностью, кто видѣлъ въ ней естественное завершеніе своей жизни, кто смотрѣлъ на нее какъ на избавленіе отъ тяжелой, кошмарной русской дѣйствительности...

Въ тюрьмѣ много говорили о висѣлицѣ, о палачѣ, о томъ, кого когда повѣсятъ. Это былъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ остротъ и шутокъ. Видно, французская пословица: „въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ“—сложилась не въ русской тюрьмѣ. И сперва мнѣ казалось страннымъ, какъ могутъ люди, обреченные висѣлицѣ, такъ весело, такъ легкомысленно говорить о казни. Позже я понялъ, что не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ тюрьма переполнена смертниками, гдѣ сотни людей думаютъ объ одномъ, ждуть *одного*...

„Послѣ суда“—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ двѣнадцати приговоренныхъ къ смерти за участіе въ возстаніи 1905-го года— „насъ сейчасъ же заковали и отдѣлили. Правда, не въ секретку заперли, а большую отвели камеру. Написали мы кассационную жалобу, но больше такъ себѣ, на авось: защитники заранѣе говорили, что толку не будетъ. Недѣли черезъ три отвѣтъ пришелъ, что командующій жалобѣ хода не далъ. На свиданіи намъ это передали. Ну, мы попрощались другъ съ другомъ и вечеромъ даже спать не легли: думали, той же ночью и на казнь насъ возьмутъ. Другой день съ утра тоже все ждали... Вообще первое время все ждали, ничѣмъ не занимались, даже не говорили между собой... Странно такъ: откроешь книгу—и не знаешь, придется ли страничку кончить; сядешь въ шашки играть—и не знаешь, придется ли партію окончить... Все ждемъ, когда возьмутъ на казнь. А жили дружно: все свои, товарищи. Потомъ къ намъ въ камеру еще двоихъ посадили,

осужденныхъ за нападеніе какое-то. Такъ прошло еще нѣсколько недѣль; подѣ конецъ мы привыкли. Книжки у насъ были кое-какія. Ну, стали заниматься, кто ариѳметикой, кто грамматикой, кто французскимъ языкомъ. Только по утрамъ занимались, а послѣ обѣда, какъ начнетъ темнѣть, такъ ужъ не могли заниматься. Все ждемъ и на дверь поглядываемъ. И утро быстро проходить, а вечеръ тянется, тянется и конца ему нѣтъ. Такъ мы сидѣли еще мѣсяцевъ шесть. Потомъ тѣхъ двухъ взяли... Мы за нихъ домой прощальныя письма писали. А насъ все не берутъ. Мы ужъ и ждать устали. Думаемъ, можетъ-быть замѣнили намъ висѣлицу. Справились у администраціи. Начальникъ говоритъ: ничего еще неизвѣстно. Такъ еще шесть мѣсяцевъ прошло. Только черезъ четырнадцать мѣсяцевъ послѣ суда объявили намъ, что вѣшать никого не будутъ, что всѣмъ висѣлица замѣнена каторгой—кому на двадцать лѣтъ, кому безъ срока. Значитъ, четырнадцать мѣсяцевъ насъ продержали такъ, зря... Вѣдь они-то сразу рѣшили, замѣнять или нѣтъ. Зачѣмъ же издѣвались надъ людьми“?...

Другому смертнику предстояла висѣлица по „линку“, т.-е. по чужому дѣлу. Три раза жандармы предъявляли его для опознанія старухѣ-крестьянкѣ, бывшей единственною свидѣтельницей какой-то экспроприаціи. Въ первый разъ старуха замахала руками: „Не онъ, не онъ. И не похожъ совсѣмъ!“ Но жандармскій офицеръ строго сказалъ ей: „Смотрите хорошенько! Намъ отлично извѣстно, что это онъ самый; можетъ быть, онъ измѣнился. Теперь безъ усовъ, а тогда былъ съ усами. Платье тоже мѣняется. Смотрите хорошенько“. Не добившись отъ свидѣтельницы толку, офицеръ отпустилъ ее. Но черезъ недѣлю новое опознаніе. На этотъ разъ старуха сказала: „Не видала я такого. Можетъ и былъ онъ, да я не припомню: давно ужъ было“... Еще черезъ мѣсяць снова призвали старуху, и офицеръ въ присутствіи обвиняемаго сталъ кричать: „Смотрите лучше! Что вы разбойника покрываете? Мы-то отлично знаемъ, что это онъ былъ! Не могли вы не видѣть; только сказать не хотите“. Старуха перепугалась: „Я и то припоминаю, что былъ одинъ похожій... да измѣнился онъ сильно“. И обвиняемый понялъ, что участь его рѣшена. Онъ не пытался ни оправдываться, ни защищаться, зная, что все будетъ напрасно. И, дѣйствительно, онъ былъ повѣшенъ. Задолго до полученія обвинительнаго акта, онъ зналъ уже, что ждетъ его, но былъ вполне спокоенъ. Полученіе обвинительнаго акта, однако, взволновало его: въ обвинительномъ актѣ оказались подробности приписываемаго ему преступленія, подробности

грязища, постыдныя, и самое дѣло оказалось обыкновеннымъ грабежомъ, съ рядомъ звѣрскихъ убійствъ. И смертникъ, принадлежавшій на волѣ къ с.-д. партіи, мучился мыслью, какъ бы товарищи не повѣрили обвиненію, какъ бы не усумнились въ его честности. До суда и послѣ суда эта мысль волновала его сильнѣе, чѣмъ предстоящая смерть. И въ самый день казни онъ написалъ на стѣнѣ своей секретки: „Товарищи! Передайте тѣмъ, кто на волѣ зналъ меня за с.-д., что я до смерти остался вѣрнымъ своей партіи, что я умираю какъ с.-д., что я не виновенъ въ томъ подломъ дѣлѣ, за которое меня повѣсили“.

Сколько такихъ же краткихъ и такихъ же искреннихъ завѣщаній сохранилось на стѣнахъ тюремной секретки! А сколько человѣкъ сошло въ могилу, не успѣвъ нацарапать на стѣнѣ даже такого завѣщанія, такъ какъ у нихъ не было подъ руками ни обломка карандаша, ни гвоздя!

С.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ „УТОПІЯ“

Десять лѣтъ тому назадъ, въ первыхъ числахъ іюля 1900 г., возлѣ гор. Благовѣщенска-на-Амурѣ было произведено массовое убійство нѣсколькихъ тысячъ мирныхъ людей — въ томъ числѣ женщинъ, стариковъ и дѣтей. Мы говоримъ о насильственной переправѣ китайцевъ черезъ р. Амуръ на манджурскій берегъ этой рѣки. Это событіе не было въ свое время освѣщено въ печати, по условіямъ тогдашняго момента русской общественной жизни. О немъ мы и хотимъ рассказать теперь, пользуясь матеріалами, почерпнутыми изъ официальныхъ судебныхъ архивовъ.

1—3 іюля 1900-го года, во время боксерскаго движенія, китайцами съ противоположнаго берега Амура была открыта стрѣльба изъ орудій по городу Благовѣщенску. Еще задолго до этого среди русскаго населенія города и Амурской области появились тревожные слухи, неблагоприятно отразившіеся на проживавшихъ въ нашихъ предѣлахъ китайцахъ: результатомъ ихъ были (въ половинѣ іюня) случаи грубаго насилія надъ мирнымъ манджурскимъ и китайскимъ населеніемъ Амурскаго края, главнымъ образомъ—со стороны призывавшихся въ войска нижнихъ чиновъ. Бомбардировка, вызвавъ панику, усилила враждебное отношеніе къ китайцамъ. Паникой этой вскорѣ увлеклись и мѣстныя власти. 3-го іюля благовѣщенскій полиціймейстеръ Б. доложилъ о необходимости немедленнаго выдворенія всѣхъ китайцевъ изъ города и области за Амуръ военному губернатору генераль-лейтенанту Грибскому, который сейчасъ же сдѣлалъ соотвѣтствующее распоряженіе. Того же 3-го іюля китайцы города были собраны и помѣщены во дворѣ лѣсопилки Мордина на

р. Зеѣ. Ихъ усердно собирали не только чины полиціи, но и добровольцы изъ мѣстныхъ обывателей: китайцевъ извлекали изъ лавокъ, погребовъ и т. п., колотили чѣмъ попало, а затѣмъ избитыхъ доставляли въ городскую полицію. Точно также были задерживаемы и доставляемы въ указанное мѣсто китайцы изъ окрестнаго района (до 50-ти верстъ). Задержанные повиновались безъ всякаго сопротивленія, что крайне удивляло русскихъ и русскія власти; такъ на примѣръ, партіи въ 40 китайцевъ шли полсотни верстъ подъ конвоемъ трехъ-четыреухъ русскихъ сторожей, ничѣмъ не вооруженныхъ.

4-го іюля изъ Благовѣщенска въ поселокъ Верхне-Благовѣщенскій-на-Амурѣ была отправлена первая партія, численность которой слѣдствію точно установить не удалось: по показаніямъ однихъ свидѣтелей, китайцевъ было всего около 800, по показаніямъ другихъ—около 4.000, китайцы же повыпали это число до 5—6 тысячъ. Наиболѣе правильною слѣдуетъ считать цифру около 3.000—3.500. Къ этой партіи было впоследствии присоединено еще 320 человекъ. Для охраны всѣхъ этихъ „мятежниковъ“ было наряжено военнымъ начальствомъ всего 80 новобранцевъ, вооруженныхъ, за отсутствіемъ ружей, топорами. Мѣсто, гдѣ находились китайцы, представляло собою почти неогороженный дворъ. Всю ночь они вели себя тихо; большинство спало. При слѣдованіи въ Верхне-Благовѣщенскъ къ вышеуказанной стражѣ присоединилось до 20 человекъ казаковъ и добровольцевъ; всѣмъ отрядомъ командовалъ помощникъ пристава полицейскаго участка Ш. Разстояніе отъ города до поселка Верхне-Благовѣщенска равняется приблизительно 7-ми верстамъ, но такъ какъ по настоящей дорогѣ, проходящей вдоль берега Амура, все время вести партію признано было „неудобнымъ“, то ее вели въ сторонѣ отъ дороги, чрезъ что путь увеличился версты на три. Погода въ тотъ день была жаркая; китайцевъ гнали скорымъ шагомъ, они растянулись на большое разстояніе, и хотя въ половинѣ пути данъ былъ небольшой отдыхъ, все же, приближаясь къ Верхне-Благовѣщенску, невольные путники стали сильно уставать, въ особенности старики. Для облегченія они бросали свои котомки, снимали и бросали одежду, но тѣмъ не менѣе жара и усталость заставляли многихъ падать или сильно отставать. Противъ этого сейчасъ же были приняты энергичныя мѣры: приставъ Ш. отдалъ приказаніе всѣхъ отставшихъ „зарубить топорами“. Отставшихъ китайцевъ конвоиры били чѣмъ попало, при чемъ нѣсколько десятковъ человекъ было убито, а нѣкоторые пристрѣлены казаками.

Черезъ десять мѣсяцевъ послѣ происшествія слѣдователемъ былъ произведенъ осмотръ „скорбнаго“ пути. Было найдено большое количество манджурскихъ лѣтнихъ и зимнихъ одеждъ — куртокъ, халатовъ, овчинныхъ полупубковъ, китайской обуви и проч., разбросанныхъ какъ по самой дорогѣ, такъ и по сторонамъ ея; затѣмъ были найдены китайскія косы, человѣческіе черепа, нѣкоторые со слѣдами мозговъ и мяса, далѣе отдѣльныя кости и цѣлые скелеты. Слѣдствіе выяснило, что были и случаи грабежа: одни „шарили“ въ вещахъ, брошенныхъ китайцами по дорогѣ, забирая то, что поцѣнише; другіе просто грабили китайцевъ, обыскивая ихъ и отнимая деньги.

По доставленіи партіи китайцевъ къ поселку Верхне-Благовѣщенску, атаманъ поселка Н. выслалъ на встрѣчу, „для оказанія содѣйствія къ переправѣ китайцевъ на другой берегъ Амура“, нѣсколько вооруженныхъ казаковъ; кромѣ того партію окружили и другіе жители поселка. Затѣмъ было выбрано мѣсто для переправы — за поселкомъ, вверхъ по рѣкѣ, въ наиболѣе узкой ея части. Тѣмъ не менѣе ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ превышала сто сажень, а глубина достигала двухъ съ небольшимъ сажень. Теченіе здѣсь очень сильное; къ тому же дулъ порядочный вѣтеръ. Выбравъ мѣсто, рѣшили, что этого достаточно, и ничего больше для переправы не нужно: китайцевъ стали прямо загонять въ воду и приказывали плыть. Нѣкоторая часть бывшихъ впереди вошла въ рѣку; иные поплыли, но скоро стали тонуть; остальные идти въ воду не рѣшались. Тогда казаки стали побуждать ихъ нагайками, а вслѣдъ затѣмъ была открыта стрѣльба, всѣми у кого были ружья — и казаками, и поселянами, и стариками, и дѣтьми. Стрѣльба длилась около получаса; послѣ чего у берега образовалась порядочная куча китайскихъ труповъ. Затѣмъ, послѣ пальбы начальникъ отряда рѣшилъ прибѣгнуть и къ холодному оружію: казаки рубили шапками, новобранцамъ было приказано топорами убивать „непослушныхъ“ китайцевъ; когда у нѣкоторыхъ изъ новобранцевъ не хватало на это рѣшимости, казаки грозили „снести имъ головы, какъ измѣнникамъ“. Китайцы плакали; нѣкоторые крестились „православнымъ крестомъ“, умолая, чтобъ ихъ не били, по ничто не помогало. Передъ окончаніемъ переправы принялъ участіе въ стрѣльбѣ по китайцамъ и проѣзжавшій по берегу казачій разѣздъ одного изъ амурскихъ казачьихъ полковъ. Начальникъ разѣзда сперва не хотѣлъ стрѣлять, но по требованію III. приказалъ своимъ людямъ выпустить по пяти патроновъ, а затѣмъ продолжалъ свой путь, не смотря на просьбы

атамана Н. остаться съ командой и „еще пострѣлять“, такъ какъ поселковые казаки все патроны разстрѣляли. Онъ согласился лишь взять записку отъ Н. къ сотенному командиру о присылкѣ помощи; но просьба эта осталась безъ исполненія. Въ результатѣ переправы первой партіи китайцевъ оказалось, что ихъ бѣльшая часть погибла: одни утонули, другіе были перебиты. Переплыло на другой берегъ и спаслось не болѣе ста китайцевъ.

„Вся совокупность показаній очевидцевъ переправы—говорить официальная записка—приводитъ къ убѣжденію, что это была собственно не переправа, а уничтоженіе и потопленіе китайцевъ“. Такъ понимали эту переправу и новобранцы, изъ которыхъ одинъ на слѣдствіи показалъ, что имъ приказано было „топить китайцевъ“, а другой: „я топилъ первую партію“. Чувство человѣколюбія было проявлено только однимъ изъ участниковъ кроваваго дѣла—новобранцемъ Яковомъ Іевлевымъ, въ отношеніи одного китайскаго мальчика, лѣтъ 10—11, на глазахъ котораго была убита въ водѣ его мать, а самъ онъ былъ раненъ въ локоть лѣвой руки и въ голову. Замѣтивъ мальчика, стоящаго въ водѣ, когда живыхъ китайцевъ на берегу уже не было, Іевлевъ, съ разрѣшенія Ш., вытащилъ раненаго изъ воды и доставилъ въ управленіе амурскаго вонискаго начальника, помѣстившаго несчастнаго ребенка въ лазаретъ...

Не лучшая участь постигла въ тотъ же день и вторую партію китайцевъ, отправленную изъ гор. Благовѣщенска въ поселокъ Верхне-Благовѣщенскій. Эта партія была невелика: слѣдствіемъ точно установлено, что она состояла изъ 84 человѣкъ, сопровождаемыхъ десятью конвойными. Старшій конвойный, отправляясь въ путь, спросилъ полиціймейстера, что дѣлать съ китайцами на мѣстѣ назначенія. Полиціймейстеръ загадочно отвѣтилъ: „тамъ самъ узнаешь, что нужно дѣлать“. Въ Верхне-Благовѣщенскѣ другой распорядитель „переправы“, Н., оказался откровеннѣе: онъ прямо сослался на то, что было сдѣлано вѣсколько часовъ тому назадъ, и предложилъ повторить. Старшій конвойный второй партіи, урядникъ Б., не протестуя, приказалъ загнать нагайками въ воду и свою партію, а затѣмъ открылъ по ней стрѣльбу. Официальные документы спокойно констатируютъ, что „почти вся эта партія погибла“.

Этими двумя избіеніями не удовлетворились. 6-го и 8-го іюля изъ города были вновь высланы въ поселокъ двѣ партіи (3-я и 4-я) китайцевъ: въ 170 и въ 66 человѣкъ. Для сопровожденія третьей партіи было назначено 50 новобранцевъ съ топорами, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Р. Отправляя эту партію,

полицеймейстеръ сообщилъ Р., что переправой завѣдуетъ атаманъ Н., при чемъ лицемѣрно просилъ подтвердить послѣднему, что не надо стрѣлять по переправляющимся. Какъ происходила переправа этой партіи — данныя о томъ малочисленны и одно-сторонни, какъ показанія начальствующихъ лицъ. Изъ 170 человекъ спаслось, самое большее, двадцать, которымъ удалось переплыть Амуръ.

8-го числа отправилась къ мѣсту гибели своихъ собратьевъ послѣдняя (4-ая) партія китайцевъ, съ 36 конвоирами, подъ командой поручика А. Когда китайцы вышли изъ города, за ними толпою шла „публика“. Эта „публика“ накидывалась на вещи, бросаемыя китайцами по дорогѣ, и вступала изъ-за нихъ въ драки. Какъ происходила четвертая переправа, о томъ свѣдѣній сохранилось еще меньше. А. показалъ при слѣдствіи, что, приведя партію къ рѣкѣ, онъ предоставилъ полицейскимъ руководить переправой, а они произвели ее ранѣе примѣнявшимся способомъ. Этотъ способъ переправы „вплавъ“ свидѣтель считалъ установленнымъ высшимъ начальствомъ, „ибо онъ уже практиковался ранѣе, былъ всѣмъ извѣстенъ и никто его не отмѣнял“. Какъ происходила на самомъ дѣлѣ переправа, поручикъ А. не знаетъ: „онъ отѣхалъ въ сторону, чтобы не видѣть тяжелаго зрѣлища“... Другой свидѣтель, городской, сообщилъ нѣкоторыя подробности. Китайцы 4-ой партіи, дойдя до поселка, предполагая, что въ нихъ будутъ стрѣлять, упали на колѣни и стали просить, чтобы ихъ не убивали; у самой же переправы „они, никѣмъ не побуждаемые, бросились въ воду и, отойдя шаговъ 60, стали кричать, что очень благодарятъ русскихъ за то, что ихъ не убили“. Первые китайцы переплывшіе на противоположный берегъ, оттолкнули оттуда лодку и доску и этими средствами дали возможность спастись большинству товарищей; утонуло нѣсколько менѣе половины партіи...

Устроители кровавыхъ переправъ нисколько не скрывали своихъ дѣйствій. Приставъ Ш. въ тотъ же самый день — 4-го іюля — донесъ о первой переправѣ по начальству. Въ своемъ рапортѣ онъ наивно „полагаетъ, что были человеческія жертвы: часть китайцевъ утонула, а большая часть (?) переплыла на свою сторону“. Для объясненія „жертвъ“ въ рапортѣ прибавлены измышленія, что китайцы отказывались подчиняться и потому были приняты „строгія мѣры“. Были точно также рапорты штабсъ-капитана Р. и поручика А.

Получивъ всѣ эти донесенія, военный губернаторъ Амурской области сейчасъ же распорядился „по закону“: назначилъ до-

знаніе, но высшему начальству — приамурскому генераль-губернатору — предпочелъ не доносить. Не донесъ онъ и тогда, когда изъ дознанія убѣдился, что на лицо имѣется „уголовщина“ и что дѣло надо направить къ слѣдователю и къ прокурору.

Будучи потомъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго къ слѣдствію, генераль Грибскій старался доказать, что онъ ни въ чемъ не виноватъ: руководствуясь ст. 270 и 396 тома II-го свода законовъ, онъ, для охраненія спокойствія жителей, приказалъ лишь собрать всѣхъ китайцевъ, „не пожелавшихъ остаться, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, въ городѣ“, а также тѣхъ, „кои являются подозрительными“, и затѣмъ всѣхъ этихъ лицъ переправить на китайскую сторону. Кто именно долженъ былъ быть выдворенъ — это генераль Грибскій предоставилъ рѣшать полиціймейстеру, которому, будто бы, было „ясно указано“, что для переправы нужно достать лодки въ поселкѣ. Ни числа подлежащихъ переправѣ китайцевъ, ни того, какъ именно ихъ будутъ переправлять, ни того, какъ съ ними будутъ обходиться, генераль Грибскій, по его словамъ, совершенно не зналъ и этимъ не интересовался. Ходили потомъ по городу слухи, что передъ переправой управляющій обществомъ пароходства по Амуру, г. Макѣевъ, предлагалъ властямъ перевезти китайцевъ на правый берегъ на пароходѣ. Для опроверженія этихъ слуховъ генераль Грибскій приказалъ произвести разслѣдованіе, которое благополучно и подтвердило, что г. Макѣевъ „ни губернатору, ни кому-либо изъ его подчиненныхъ“ предложеній о перевозкѣ китайцевъ не дѣлалъ. Затѣмъ, уже въ октябрѣ мѣсяцѣ, девять благовѣщенскихъ „потаблей“ — вице-губернаторъ, воинскій начальникъ, полиціймейстеръ, полковникъ В. (о которомъ рѣчь будетъ ниже) и другіе — удостовѣрили, что „никто изъ нихъ по поводу перевозки съ Макѣевымъ разговора не имѣлъ и о подобномъ предложеніи никто изъ нихъ не былъ освѣдомленъ“. Было ли въ самомъ дѣлѣ г. Макѣевымъ сдѣлапо какое-либо предложеніе — осталось невыясненнымъ, такъ какъ его самого на слѣдствіи не допросили, „за выбытіемъ изъ Благовѣщенска“.

Изъ показаній полиціймейстера выяснилась очень важная роль во всѣхъ описанныхъ событіяхъ выше упомянутаго полковника В., занимавшаго должность предсѣдателя амурскаго войскового правленія. Получивъ приказаніе военнаго губернатора переправить китайцевъ за Амуръ, полиціймейстеръ поручилъ своимъ подчиненнымъ, приставамъ З. и Л., обратиться за содѣйствіемъ къ В. Когда они 4-го іюля по телефону стали говорить съ послѣднимъ, то получили очень простой отвѣтъ по

телефону же: „что вы ко мнѣ пристааете съ китайцами, не велика бѣда, если ихъ всѣхъ перетопятъ и перерѣжутъ“. На слѣдствіи В. старался отъ этого разговора отпереться, но неудачно.

Такова общая картина благовѣщенскаго „утопленія“ по официальнымъ даннымъ. А вотъ подробности изъ частныхъ источниковъ. Въ нашемъ распоряженіи находятся выдержки изъ дневника за 1900 г., веденнаго генераль-маіоромъ Х. Подъ 27-мъ августа г. Х., находясь въ Благовѣщенскѣ, записалъ слѣдующій рассказъ своего знакомаго, секретаря духовной консисторіи П. „За нѣсколько дней до бомбардировки, купцы, богатые китайцы Юлхозанъ и другіе пришли къ директору китайскаго банка за совѣтомъ—какъ имъ быть: уѣзжать изъ Благовѣщenska, или оставаться. Директоръ послалъ ихъ спросить объ этомъ губернатора, т.-е. генерала Грибскаго, который обласкалъ ихъ и увѣрилъ, что они находятся подъ покровительствомъ русскихъ законовъ и не должны ничего опасаться, а тѣмъ болѣе покидать городъ. На другой же день послѣ первой бомбардировки приказано было собрать всѣхъ китайцевъ, безъ разбора, въ полицію и въ особые дворы, охраняемые полиціей. Многіе изъ русскихъ старались удержать у себя служащихъ у нихъ китайцевъ и брали ихъ на поруки, но полиція этого не позволяла. Впрочемъ многимъ китайцамъ удалось откупиться отъ полиціи и спрятаться у русскихъ. Богачъ Юлхозанъ былъ спрятанъ отставнымъ полковникомъ Рубаномъ или Рубановымъ (безвозмѣдно), но когда объ этомъ узнала полиція, то потребовала съ Юлхозана за это 1.000 рублей; тотъ далъ 800 рублей, обѣщавъ 200 заплатить послѣ, но послѣ катастрофы отказался заплатить эти 200 рублей и за это былъ засаженъ въ тюрьму. Большая фирма Кунетъ-Альберсъ отказала полиціи въ выдачѣ нѣсколькихъ десятковъ своихъ служащихъ китайцевъ и такимъ образомъ сохранила ихъ. Нѣкоторымъ частнымъ лицамъ тоже удалось сохрaнить своихъ служащихъ или знакомыхъ китайцевъ отъ рвенія полиціи“. Дальше идетъ описаніе переправы, въ сущности подтверждающее вышеприведенную картину „Благовѣщенской утопіи“, какъ ее называли на Дальнемъ Востокѣ.

Особыя слѣдственныя дѣла выяснили рядъ другихъ жестокихъ расправъ съ мирными китайцами въ Амурской области, имѣвшихъ мѣсто въ томъ же іюль мѣсяцѣ. Самымъ крупнымъ изъ нихъ является уничтоженіе китайцевъ въ станицѣ Поарковской.

5-го іюля полковникъ В. получилъ донесеніе атамана Поар-

ковской станицы К. о задержаніи 85-ти китайцевъ (съ парохода „Саратовъ“ и бродячихъ), а также и китайскаго полковника. Въ отвѣтъ на это донесеніе онъ телеграфировалъ: „китайцевъ отправить рѣку или уничтожить, если будутъ сопротивляться“. Атаманъ усумнился, какъ понимать эту телеграмму: отправить китайцевъ за рѣку или съ рѣку. В., 7-го іюля, разрѣшилъ недо-разумѣніе очень характерной депешей: „нужно быть сумасшедшимъ и неразумнымъ, чтобы спрашивать, что дѣлать китайцами; когда сказано уничтожить ихъ, то и слѣдуетъ уничтожить безъ разсужденій. Полковника китайскаго держать не въ особомъ помѣщеніи, а въ карцерѣ наравнѣ со всѣми. Все, что у него есть отобрать; всѣ мои приказанія исполнять безъ всякихъ уклоненій и не самовольничать, глупостями меня не беспокоить“. Того же 7-го іюля В. разослалъ циркулярную телеграмму своимъ подчиненнымъ—станичнымъ атаманамъ и начальнику 3-го участка: „Появляющихся на нашей сторонѣ китайцевъ уничтожать, не испрашивая указаній“.

Атаманъ К. объяснилъ на слѣдствіи, что, получивъ телеграммы полковника В., онъ сдѣлалъ распоряженіе переправить китайцевъ за Амуръ на лодкахъ, назначивъ для наблюденія за переправой урядника П. и нѣсколькихъ казаковъ-малолѣтковъ. Такъ какъ китайцы пробовали разбѣгаться въ разныя стороны и „стали бунтовать, бросаясь въ воду и выбѣгая на берегъ“, то по нимъ открыли стрѣльбу и большую часть перебили. Послѣ этого малолѣтки, съ помощью постороннихъ лицъ, перевязали оставшихся на баржѣ 15—18 человекъ китайцевъ, увели ихъ за станицу, въ лѣсъ, и тамъ прикончили. Во всей станицѣ Полярковской остались нетронутыми и цѣлыми всего только пять китайцевъ — мѣстныхъ торговцевъ, которыхъ держали подъ особой охраной въ школѣ. В. объяснилъ свои телеграммы слухами, о паглости китайцевъ и о ихъ воинственныхъ намѣреніяхъ, а также „общимъ безотраднымъ положеніемъ области“ и малочисленностью казачьяго населенія области.

Запросы о томъ, что дѣлать съ китайцами, поступали и отъ другихъ станичныхъ начальниковъ. Такъ, 3-го іюля атаманъ Албазинской станицы донесъ В., что въ поселкѣ Райновскомъ находятся до 100 китайцевъ. На это В. того же числа кратко телеграфировалъ: „удалить китайскую сторону“. Райновскій атаманъ дополнительныхъ разъясненій не требовалъ, а понялъ приказаніе разумно и гуманно: мирно, безъ всякихъ насилій, переправилъ всѣхъ своихъ китайцевъ, 5-го іюля, на правый берегъ Амура. Атамана Кумаринской станицы, доносившему о появленіи въ Содомонѣ 200 ки-

тайцевъ и просившему указаній, какъ поступить, В., 7-го іюля, отвѣтилъ рѣшительной телеграммой ранѣе выработаннаго имъ шаблона: „китайцевъ уничтожить... нужно быть сумасшедшимъ, чтобы спрашивать каждый разъ распоряженія“. Такое же распоряженіе объ уничтоженіи В. далъ 7-го іюля атаману Черняевой станицы, въ отвѣтъ на донесеніе о задержаніи на Богановской пристани 30 китайцевъ. Что было въ самомъ дѣлѣ сдѣлано съ этими 30 китайцами и съ 200 китайцами въ Содомонѣ—слѣдствію выяснить не удалось, можетъ быть потому, что въ дѣлѣ амурскаго войскового правленія, въ которомъ была сосредоточена вся переписка объ уничтоженіи китайцевъ, не оказалось, по удостовѣренію слѣдователя, многихъ листовъ.

Наконецъ, 7-го іюля, власти опомнились. Генераль Грибскій получилъ въ этотъ день телеграфный запросъ изъ Покровки: „Поселковый атаманъ получилъ распоряженіе станичнаго атамана выдворить всѣхъ китайцевъ правый берегъ, не допускать перевозить къ намъ китайцевъ, а въ случаѣ сопротивленія уничтожить ихъ, прошу подтвержденія, слѣдуетъ ли исполнить“. Генераль Грибскій положилъ на этой телеграммѣ резолюцію: „прошу разъяснить станичнымъ властямъ, что мы ведемъ борьбу съ вооруженными китайцами, которые проявляютъ къ намъ вредныя дѣйствія. Мирныхъ, безвредныхъ китайцевъ, а тѣмъ паче безоружныхъ, никоимъ образомъ не обижать. Для спасенія ихъ жизни отправлять ихъ на свою сторону въ лодкахъ, или на паромахъ“. Немедленно послѣ этого измѣнилъ характеръ своихъ депешъ и полковникъ В.: онъ сталъ разсылать по станицамъ телеграммы уже о томъ, чтобы „не трогали мирныхъ китайцевъ и не уничтожали ихъ“.

Такимъ образомъ для прекращенія варварскихъ избіеній массы ни въ чемъ неповинныхъ людей достаточно было всего лишь, буквально, нѣсколькихъ словъ генерала Грибскаго, раньше не знавшаго или не видѣвшаго, что дѣлается у него передъ глазами.

Всѣми приведенными фактами не исчерпывается мартирологъ китайцевъ, проживавшихъ въ Амурской области въ іюльскіе дни 1900-го года. 6—7 іюля въ деревни Ново-Троицкую и Егорьевку были доставлены пересылавшіеся подъ конвоемъ 40 китайцевъ и тамъ всѣ убиты мѣстными крестьянами, по подстрекательству писаря, который читалъ крестьянамъ объявленіе генераль-губернатора о введеніи въ краѣ военнаго положенія и комментировалъ это объявленіе въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ убивать всѣхъ китайцевъ. Затѣмъ полицейскій приставъ 4-го Амурскаго округа отдалъ распоряженіе убить 400 китайцевъ, которыхъ и пере-

били крестьяне разныхъ деревень. Гдѣ именно происходили эти избіенія—изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ не видно. Наконецъ, были и единичные случаи убійства хозяевами-русскими своихъ работниковъ-китайцевъ.

Теперь намъ остается рассказать о томъ, какая судьба постигла виновниковъ всѣхъ описанныхъ ужасовъ. Напрасно читатель сталъ бы искать гдѣ-нибудь въ архивахъ протоколовъ судебныхъ процессовъ о генералѣ Грибскомъ и подчиненныхъ ему должностныхъ лицахъ, или отчетовъ объ этихъ процессахъ. Дѣло въ томъ, что этихъ процессовъ не было: было признано достаточнымъ ограничиться данными предварительныхъ слѣдствій и дознаній, разрѣшивъ окончательно всѣ эти дѣла тихо и спокойно, безъ всякой огласки, въ административномъ порядкѣ.

По соглашенію трехъ министровъ—егермейстера Сипягина, статсъ-секретаря Муравьева и генераль-адъютанта Куропаткина — въ февралѣ 1902-го года было испрошено разрѣшеніе на окончаніе дѣла безъ преданія суду виновныхъ. Генераль-лейтенантъ Грибскій, противъ котораго было формулировано обвиненіе въ бездѣйствіи власти—отдачѣ лишь словеснаго приказанія о выдвореніи и переправѣ китайцевъ, а не письменнаго приказа,—въ неприятіи мѣръ къ выясненію, насколько могла быть осуществима переправа, въ неопредѣленности распоряженій объ организаціи самой переправы, въ недонесеніи высшему начальству и т. п., подвергся за такія формальныя упущенія формальному взысканію: онъ былъ отчисленъ отъ занимаемыхъ имъ должностей. При этомъ, „во вниманіе къ прежней отличной его службѣ и боевымъ заслугамъ во время военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ въ 1900-мъ году“, было признано справедливымъ откомандировать его въ распоряженіе начальника главнаго штаба на одинъ годъ, съ производствомъ ему жалованья по чину и квартирныхъ по положенію, т. е. оставить его на службѣ. Полиціймейстеръ, также за „бездѣйствіе власти и нераспорядительность“, былъ удаленъ отъ должности. Помощника пристава Ш., признаннаго виновнымъ, между прочимъ, въ томъ, „что при переправѣ китайцевъ черезъ Амуръ вплавь онъ не только не удерживалъ конвойныхъ и частныхъ лицъ отъ насилій надъ китайцами, по и самъ приказывалъ стрѣлять по нимъ и рубить ихъ топорами“, опредѣлено было „считать уволеннымъ отъ службы безъ прошенія и подвергнуть аресту на гауптвахтѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ“. Нѣсколько болѣе строгому взысканію подвергся полковникъ В.: за свои распоряженія и телеграммы, имѣвшія послѣдствіемъ гибель множества людей, онъ былъ уво-

лень отъ службы безъ прошенія, съ воспрещеніемъ вновь поступать на службу и съ арестованіемъ на гауптвахтѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Всѣ прочіе, привлекавшіеся къ слѣдствію по обвиненію въ убійствахъ китайцевъ нижніе чины—атаманы, урядники, казаки, новобранцы и т. п.—освобождены отъ всякой отвѣтственности.

Такъ было оффиціально покончено дѣло о благовѣщенской „утопіи“. Какъ отнеслось къ дѣятелямъ и виновникамъ этого происшествія общественное мнѣніе, сказать очень трудно, ибо оно не могло въ то время проявить себя сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Можно думать, что отношеніе было очень неодобрительное. Въ дневникѣ генерала Х., о которомъ упоминается выше, авторъ описываетъ обѣдъ у пріамурскаго генераль-губернатора Гродекова, имѣвшій мѣсто 1-го сентября 1900-го года, и, между прочимъ, пишетъ: „за столомъ у генерала Гродекова, гдѣ засѣдаетъ весь его штабъ, очевидно принято не говорить про Амурскую область, какъ о предметѣ неприличномъ, но иногда прорывается слово, другое, изъ которыхъ видно, что въ Хабаровскѣ все извѣстно и не одобряется... Къ Г. относятся точно къ покойнику, о которомъ не слѣдуетъ дурно говорить; какъ только разговоръ случайно приблизится къ этой темѣ—всѣ сейчасъ опускаютъ сконфуженно глаза въ свои тарелки и воцаряется молчаніе“.

В.

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ ВЪ РОССІИ

Стачечное движеніе русскихъ рабочихъ въ 1905—6 гг. представляетъ, по своей грандіозности, совершенно исключительное явленіе въ исторіи стачекъ. До послѣдняго времени не было данныхъ, которыя позволили бы дать общую объективную характеристику движенія. Пробѣлъ этотъ заполняется трудомъ отдѣла промышленности, заключающимъ статистическую обработку данныхъ о стачкахъ за послѣднее трехлѣтіе (1906—1908 гг.). Раньше, въ 1908 г., были изданы матеріалы по статистикѣ стачекъ за 1905 г. Такимъ образомъ, въ связи съ имѣющеюся оффиціальной статистикой стачекъ за все предыдущее десятилѣтіе, указанные матеріалы ¹⁾ даютъ возможность на основаніи цифровыхъ данныхъ прослѣдить развитіе стачечнаго движенія отъ первыхъ его шаговъ до кульминаціонной точки подъема въ 1905-6 гг., съ послѣдующимъ пониженіемъ въ 1907 и 1908 гг.

За десятилѣтіе, предшествовавшее 1905-му году, въ среднемъ ежегодно въ стачкахъ участвовало около 3⁰/₀ всего числа рабочихъ. За тѣ же приблизительно годы въ странахъ Западной Европы бастовало во Франціи около 1,5⁰/₀, въ Англии—около 2⁰/₀, въ Германіи—около 1⁰/₀. „Эти цифры указываютъ—говорится въ отчетѣ отдѣла промышленности—на значительную

---

¹⁾ „Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за трехлѣтіе 1906—1908 г.“. Составилъ и разработалъ фабричный ревизоръ В. Е. Варзаръ. „Статистическія свѣдѣнія о стачкахъ рабочихъ за десятилѣтіе 1895—1904 г.“. „Статистика стачекъ за 1905 г.“.

склонность рабочихъ въ русской заводско-фабричной промышленности прибѣгать къ стачкамъ въ спорахъ съ работодателями“. Въ указанныхъ странахъ Западной Европы стачки не наказуемы, между тѣмъ какъ въ Россіи до 1905 г. онѣ влекли за собою административныя и судебныя репрессіи. Репрессіи эти, очевидно, не содѣйствовали уменьшенію стачекъ; наоборотъ, онѣ создавали напряженную атмосферу, при которой всякій конфликтъ легко превращался въ забастовку.

Наступилъ 1905-ый годъ. Изъ „значительной склонности къ забастовкѣ“ выросло грандіозное массовое движеніе. Въ 1905 г. было 13.995 случаевъ стачекъ, въ которыхъ участвовало 2.863.173 человѣка, составляющихъ 163⁰/₀ всего числа рабочихъ ¹⁾, вслѣдствіе повторенія стачекъ въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ. При сравненіи этихъ цифръ съ данными за предыдущее время оказывается, что въ одномъ 1905 г. бастовало въ шесть разъ больше рабочихъ, чѣмъ за все десятилѣтіе 1895—1904 г. Необычайно высокой подъемъ стачечнаго движенія 1905 г. можно выразить еще ярче: въ 1900 г. въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, во Франціи, Англии, Германіи, Австріи, Италіи и Бельгіи бастовало всего 1.164.775 рабочихъ, т.-е. слишкомъ вдвое меньше числа участниковъ русскихъ стачекъ въ 1905 г.

Слѣдующій, 1906-ой годъ продолжаетъ дѣло 1905 г. и также даетъ огромную цифру бастующихъ. Въ дальнѣйшемъ наблюдается пониженіе стачечной волны почти до нормальныхъ предѣловъ. Въ послѣдовательномъ порядкѣ за шесть лѣтъ движеніе опредѣляется слѣдующими данными:

Годы:	Число стачекъ:	Число участв. въ стачкахъ рабочихъ:
1903. . . .	550	86.832
1904. . . .	68	24.904
1905. . . .	13.995	2.863.173
1906. . . .	6.114	1.108.406
1907. . . .	3.573	740.074
1908. . . .	892	176.101

Эта таблица указываетъ на продолжающееся, не смотря на чрезвычайно неблагоприятныя условія, сравнительно интенсивное стачечное движеніе: даже въ 1908 г. стачекъ было слишкомъ вдвое больше, чѣмъ въ 1903-мъ году, одномъ изъ наиболѣ бурныхъ до 1905 г. Между стачками 1905 г. и стачками послѣдующаго

¹⁾ Исслѣдованіе охватываетъ свѣдѣнія о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи.

трехлѣтія существуетъ, однако, коренное различіе: въ 1905 г. движеніе носитъ ярко наступательный характеръ, съ 1906 г. оно принимаетъ характеръ оборонительный. Число случаевъ самозащиты быстро возрастаетъ и къ 1908 г. составляетъ почти половину общаго числа стачекъ, возникающихъ на почвѣ основныхъ вопросовъ: рабочаго дня и заработной платы. По словамъ официальнаго изданія, „послѣ бурнаго патиска 1905 г., съ громаднымъ числомъ стачекъ наступательнаго характера въ видахъ увеличенія заработной платы, то же настроеніе еще сохранялось, по инерціи, въ 1906 г.; но уже съ 1907 г. число требованій этого рода быстро падаетъ, и число наступательныхъ поводовъ приближается къ числу мотивовъ оборонительнаго характера. Сопротивленіе предпринимателямъ, стремящимся къ уменьшенію заработка, весьма незначительное въ начальный періодъ (1895—1904 г.), не велико также и въ періодъ бурнаго настроенія 1905 г.; но уже въ 1906 г., подъ давленіемъ наступившихъ затрудненій и общей неблагоприятной конъюнктуры въ области промышленности, предприниматели обнаруживаютъ усиленное желаніе отнять у рабочихъ вынужденныя уступки. Въ послѣдніе годы истекшаго трехлѣтія (1906—1908 г.) эта тенденція предпринимателей приводитъ къ стачкамъ, къ расчетамъ рабочихъ: настроеніе мѣняется и растетъ число защитныхъ стачекъ. Подъ терминомъ: „защитныя стачки“ скрываются и случаи локаутовъ, которые, при неопытности и незнакомствѣ рабочаго съ этой формой предпринимательской борьбы, вызывали весьма часто со стороны рабочихъ не стремленіе къ соглашеніямъ, а контръ-стачки, при неблагоприятной конъюнктурѣ обыкновенно обанчивающіяся не въ пользу рабочихъ“.

Такимъ образомъ, стачки послѣднихъ лѣтъ въ значительной мѣрѣ вызваны стремленіемъ предпринимателей отнять завоеванія предыдущаго времени. И все это движеніе—отраженный потокъ бурнаго 1905-го года. Стачечныя волны поднимаютъ и опускаютъ рабочія массы, какъ будто по простымъ законамъ механики: за приливомъ слѣдуетъ не остановка движенія, а новое движеніе, но съ отрицательнымъ знакомъ—отливъ, который и является характернымъ для переживаемаго теперь момента.

Такова общая картина стачечнаго движенія. Обращаясь къ болѣе детальному разсмотрѣнію матеріала, приходится выдѣлить двѣ группы: стачки политическія и стачки экономическія. Стачка, какъ методъ экономической борьбы, и стачка, какъ форма политическаго движенія, взаимно переплетаясь, образовали сложную мозаику общественнаго возбужденія широкихъ городскихъ массъ;

но, совершенно отличаясь другъ отъ друга по своему внутреннему содержанію, онѣ должны быть рассмотрѣны каждая особо.

Говорить о политическихъ стачкахъ — значитъ остановиться на характеристикѣ движенія 1905 г. Около половины всего числа стачекъ этого года были „чисто-политическія“, носившія характеръ ярко демонстративный и не связанныя съ экономическими требованіями. Слѣдующей наиболѣе распространенной категоріей стачекъ являются стачки „пассивно-политическія“, возникшія подъ вліяніемъ солидарности, „симпатіи къ политическимъ“, или явившіяся послѣдствіемъ демонстративныхъ стачекъ. Эта группа стачекъ, составляющая $\frac{1}{4}$ всего числа, сопровождается, наряду съ чисто-политическими, также и экономическими требованіями. Такимъ образомъ, около трехъ четвертей всего числа стачекъ возникло по причинамъ преимущественно политическимъ, и только $\frac{1}{4}$ часть имѣла главной своей причиной экономическія требованія.

Отношенія эти мѣняются, если принять во вниманіе не количество стачекъ, а число рабочихъ, участвовавшихъ въ нихъ. Побужденія демонстративно-политическія объединяють, въ среднемъ, меньшія группы рабочихъ (на стачку приходится 189 участниковъ); мотивы экономическіе вызываютъ болѣе многолюдныя стачки (243 раб.). Вслѣдствіе этого въ экономическихъ стачкахъ, не смотря на ихъ меньшее по сравненію съ политическими число, приняло участіе всего 1.406.256 рабочихъ, въ то время какъ мотивы не-экономическіе объединили только 1.303.439 человекъ. „Изъ сопоставленія этихъ цифръ несомнѣнно обнаруживается, что, не смотря на чисто революціонное настроеніе 1905 г., интересъ экономическихъ требованій во всякомъ случаѣ не въ меньшей, если не въ большей степени, возбуждалъ къ стачкамъ фабричныя рабочія массы“. Экономическія требованія непосредственно мобилизовали крупныя массы, а политическіе мотивы сообщили движенію болѣе широкій размахъ, привлекая значительное количество заведеній, въ томъ числѣ и мелкихъ, что понижало среднее число участниковъ политическихъ стачекъ.

Наряду съ тенденціей къ экстенсивному расширенію движенія дѣйствовали другія силы, стремившіяся локализовать стачки въ опредѣленныхъ пунктахъ. Около 86% стачекъ являются повторными, и въ этомъ проявляется вся грандіозность массоваго движенія 1905 г. Повторность стачекъ — наиболѣе характерное явленіе 1905-го года. Вслѣдствіе повторности движеніе фикси-

ровалось въ опредѣленныхъ пунктахъ страны. Стачки повторялись въ однихъ и тѣхъ же заведеніяхъ въ теченіе одного года отъ 2-хъ до 26-ти разъ. Чѣмъ крупнѣе заведенія данной группы, тѣмъ чаще они подвергаются стачкамъ вообще и повторнымъ стачкамъ въ частности. Въ среднемъ мелкія заведенія (до 20-ти рабочихъ) бастовали только въ половинномъ количествѣ общаго ихъ числа; среднія заведенія (отъ 21 до 100 рабочихъ) бастовали по одному разу въ годъ; болѣе крупныя — полтора раза, а самыя крупныя фабрики (свыше 1-й тыс. раб.) подвергались забастовкамъ болѣе двухъ разъ въ годъ.

Кромѣ размѣра предпріятій, на интенсивность движенія вліяло и ихъ территоріальное расположеніе. Промышленныя заведенія распредѣлены въ Россіи между городами и внѣгородскими поселеніями такъ, что внѣ городовъ находится болѣе половины всего числа рабочихъ. Между тѣмъ, въ городахъ было въ 1905—6 гг. 17.219 стачекъ, а внѣ городовъ — только 2.890. При болѣе детальномъ разсмотрѣніи и сравненіи оказывается, что при экономическихъ стачкахъ за первое десятилѣтіе фабрики и заводы въ городахъ подвергались стачкамъ втрое чаще, чѣмъ промышленныя заведенія внѣ городовъ, а въ годы политическаго подъема въ промышленныхъ заведеніяхъ въ городахъ рабочіе бастовали уже въ пять съ половиной (1905 г.) и даже въ шесть съ половиной разъ (1906 г.) чаще, чѣмъ на фабрикахъ внѣ городовъ.

Общая картина развитія стачечнаго движенія представляется, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ. Подъ вліяніемъ политическаго возбужденія массъ стачки распространялись вширь, захватывая все новыя и новыя заведенія, но тенденція эта ослаблялась противоположной центростремительной силой, направлявшей стачечный потокъ въ тѣ промышленныя центры, которые расположены въ городахъ, а здѣсь — преимущественно на крупнѣйшія заведенія. Повторными стачками въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и былъ созданъ весь эффектъ грандіознаго массоваго движенія.

Экономическое стачечное движеніе имѣетъ свои особыя законы развитія. Склонность рабочихъ къ экономическимъ стачкамъ увеличивается въ теплые мѣсяцы года. Воспользуемся закономъ большихъ цифръ и распредѣлимъ общее количество стачекъ за все четырнадцатилѣтіе 1895—1908 г. на три группы, включая въ первую стачки, возникшія въ теченіе четырехъ первыхъ мѣ-

сяцевъ года, во вторую—возникшія въ средніе, теплые мѣсяцы (май, іюнь и іюль), въ третью—стачки остальныхъ пяти мѣсяцевъ.

По расчету для одного мѣсяца каждаго изъ указанныхъ періодовъ получимъ слѣдующія среднія цифры:

	Число участниковъ.	Число стачекъ.
I періодъ	88.334	401
II періодъ	177.594	869
III періодъ	57.889	297

Изъ этихъ цифръ видно, что на каждый изъ трехъ теплыхъ мѣсяцевъ падаетъ приблизительно вдвое большее число стачекъ и участниковъ стачекъ, чѣмъ на первый періодъ, и втрое большее, чѣмъ на третій. Огромное количество наблюденій за четырнадцать лѣтъ устраняетъ возможность искать объясненія этому факту въ случайныхъ причинахъ: подъемъ стачечной волны въ теплые мѣсяцы нужно признать характернымъ явленіемъ русской экономической стачки. Склонность рабочихъ къ стачкамъ въ теплые мѣсяцы наблюдается во многихъ странахъ Европы, но тамъ она не такъ опредѣленно и рѣзко выражена, какъ въ Россіи. Общее вліяніе оказываетъ, очевидно, причина, лежащая въ психо-физической природѣ человѣка — повышенная импульсивность рабочихъ массъ въ теплое время года. Но въ Россіи къ этому присоединяется еще могущественный экономическій факторъ: усиленный спросъ на трудъ въ лѣтнее время со стороны сельскаго хозяйства страны. Нашъ рабочій классъ не представляетъ еще самостоятельной, обособленной демографической единицы; ряды его постоянно пополняются деревенскими элементами, между промышленнымъ центромъ и деревней идутъ постоянные токи—туда и обратно. Сезонный спросъ на трудъ и повышеніе заработной платы со стороны сельскаго хозяйства измѣняютъ, въ извѣстный періодъ, конъюнктуру рынка труда, сообщаютъ рабочимъ массамъ большую устойчивость и создаютъ, такимъ образомъ, благоприятныя условія для стачечнаго движенія. Статистика, обнаруживая рѣзко выраженный подъемъ стачечной волны въ лѣтнее время, указываетъ, между прочимъ, что вліяніе деревни на жизнь промышленныхъ (городскихъ) рабочихъ въ современной Россіи проникаетъ гораздо глубже, чѣмъ это принято думать.

Въ сущности мы здѣсь имѣемъ частный случай болѣе общаго, повсемѣстно наблюдаемаго явленія: зависимости стачечнаго движенія отъ состоянія хозяйства. Расцвѣтъ промышленности со-

проводается подъемомъ стачечной волны. Сезонный расцвѣтъ спеціально въ области сельскаго хозяйства дѣйствуетъ въ Россіи на рынокъ труда подобно періодическому подъему въ самой промышленности—и вызываетъ соответственные ритмическія колебанія въ стачечномъ движеніи.

Состояніе промышленности влияетъ не только на направление, но и на результаты стачекъ: періодъ расцвѣта промышленности является вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ успѣшныхъ стачекъ. Это общее правило не оправдалось въ русскомъ стачечномъ движеніи. Отсутствие сильныхъ профессиональныхъ организацій, стихійность стачекъ и особыя условія ихъ развитія создали совершенно иныя отношенія.

Стачки за періодъ 1895—1904 г. въ общемъ происходили при чрезвычайно благоприятной экономической конъюнктурѣ (расцвѣтъ промышленности). Но число стачекъ, вполне или отчасти окончившихся въ пользу рабочихъ, составляетъ за десятилѣтіе 50%, а число рабочихъ, въ нихъ участвовавшихъ — только 46,6% общаго числа бастовавшихъ. Для западно-европейскихъ стачекъ, судя по цифрамъ приблизительно того же времени, число вполне или отчасти выигранныхъ рабочими стачекъ колеблется въ предѣлахъ 50—60%, при 60% числа участниковъ. Русскіе рабочіе не успѣли использовать благоприятную конъюнктуру этого времени. Наступилъ 1905-ый годъ—и, не смотря на чрезвычайно неблагоприятныя экономическія условія, стачки пріобрѣтаютъ необычную успѣшность. Экономическія стачки дали для этого года 78% удачныхъ, съ участіемъ 70,6% всего числа бастовавшихъ рабочихъ. Такая успѣшность рѣдко встрѣчается въ міровой исторіи стачекъ. Съ 1906 г. идетъ рѣзкое паденіе успѣшности: въ 1906 г. въ успѣшныхъ стачкахъ участвуютъ 66,5% общаго числа забастовавшихъ, въ 1907—42,3%, въ 1908 г.—только 31,1%; остальные 68,9% рабочихъ участвовали въ стачкахъ, кончившихся въ пользу работодателей. Пропорція успѣшности получается обратная 1905-му году.

Въ атмосферѣ общественно-политическаго подъема недавняго прошлаго рабочіе выступили какъ огромная соціально-политическая сила. Это обстоятельство создало чрезвычайно характерный психологическій эффектъ: захваченные врасплохъ предприниматели были оглушены соціально-политической силой движущихся массъ и въ этомъ состояніи часто даже преувеличивали профессионально-экономическое ихъ вліяніе. Только этимъ и можно объяснить необычайно возросшую успѣшность стачекъ за періодъ 1905—6 г., успѣшность, не вызывавшуюся ни экономическимъ

положеніемъ, ни экономической организованностью рабочихъ. Стихійная стачка одержала блестящія побѣды, но эти побѣды оказались непрочными. Въ дальнѣйшемъ начинается контръ-движеніе со стороны предпринимателей, и, при отсутствіи крѣпкихъ профессиональныхъ союзовъ, рабочія массы терпятъ поражение.

Кромѣ внѣшнихъ причинъ, на ту или иную степень успѣшности стачки вліяютъ причины, лежащія въ самой стачкѣ, въ внутреннихъ условіяхъ ея развитія. Среднія цифры, выведенныя на основаніи данныхъ за четырнадцать лѣтъ, показываютъ, что результатъ полнаго успѣха стачки достигается сравнительно малолюдными группами бастующихъ (150 человекъ на стачку). Чѣмъ крупнѣе численность бастующихъ, тѣмъ успѣхъ сомнительнѣе. Проигрышъ стачки, т.-е. разрѣшеніе спора въ пользу работодателя, выпадаетъ на долю наиболѣе многолюдныхъ группъ (269 чел. на стачку). Такъ какъ величина группы бастующихъ зависитъ отъ величины заведенія, если оно цѣликомъ охвачено стачкой, или отъ числа присоединяющихся къ стачкѣ рабочихъ, если они бастуютъ не въ полномъ составѣ, то изъ указанной зависимости между размѣромъ группы бастующихъ и успѣхомъ стачки можно сдѣлать выводъ, что стачки наиболѣе удачны для рабочихъ въ мелкихъ заведеніяхъ и въ тѣхъ изъ крупныхъ, гдѣ рабочіе бастуютъ неполнымъ составомъ. Этотъ выводъ представляется на первый взглядъ нѣсколько парадоксальнымъ. Успѣхъ движенія въ среднихъ и мелкихъ заведеніяхъ объясняется, очевидно, тѣмъ, что въ нихъ стачки бывають рѣже. Что касается успѣшности частичныхъ стачекъ въ крупныхъ заведеніяхъ, то она зависитъ, какъ можно полагать, отъ того, что частичная забастовка въ отдѣльныхъ цехахъ ставитъ все заведеніе въ затруднительное положеніе и заставляетъ предпринимателя идти на уступки.

Существуетъ также опредѣленная зависимость между успѣхомъ стачки и ея продолжительностью. Дѣля число потерянныхъ при стачкахъ дней на число рабочихъ-участниковъ стачекъ, получимъ, въ среднемъ, слѣдующіе коэффициенты упорства для стачекъ различной успѣшности:

Результаты стачекъ:	Въ 1895— 1904 г.г.	За 1906 г.	За 1907 г.	1908 г.
Въ пользу рабочихъ.	3,8	7,1	5,7	4,4
Взаимныя уступки (компромиссъ).	5,1	10,4	8,7	6,6
Въ пользу работодателей.	5,2	11,7	10,6	11,0

Цифры эти, правильно увеличивающіяся отъ стачекъ успѣшныхъ къ неуспѣшнымъ, обнаруживаютъ съ несомнѣнностью, что

русскія фабричныя стачки, въ среднемъ, чѣмъ продолжительнѣе, тѣмъ менѣе успѣшны для рабочихъ ¹⁾. Иначе: успѣхъ стачки обратно пропорціоналенъ ея продолжительности.

Здѣсь обнаруживается наиболѣе слабая сторона стачки, какъ метода экономической борьбы. Въ связи съ указанной выше зависимостью между числомъ участниковъ стачки и ея успѣшностью, получается слѣдующій выводъ: чѣмъ стачка многочисленнѣе и продолжительнѣе, тѣмъ она менѣе успѣшна.

Если стачки болѣе продолжительныя оказываются менѣе успѣшными по сравненію съ непродолжительными, происходящими въ той же странѣ, въ тѣхъ же условіяхъ и въ тотъ же періодъ времени, то, при сравненіи среднихъ коэффиціентовъ продолжительности стачекъ въ разныхъ странахъ, обнаруживается обратная зависимость: стачки успѣшнѣе въ той странѣ, гдѣ онѣ продолжительнѣе. Это происходитъ, очевидно, подъ вліяніемъ профессиональныхъ союзовъ, сокращающихъ общее число стачекъ, но ведущихъ борьбу выдержанно и упорно. Это обстоятельство даетъ автору „Статистики“ поводъ отнести повышающійся въ Россіи коэффиціентъ упорства къ разряду положительныхъ явленій.

Въ среднемъ выводѣ на одного бастовавшаго рабочаго получается слѣдующее число потерянныхъ рабочихъ дней:

За 10 лѣтъ (1895—1904 г.г.)	4,8 дней
„ 1906 годъ	8,9 „
„ 1907 „	7,6 „
„ 1908 „	9,1 „

Русскія стачки — говорить по поводу этихъ цифръ г. Варзаръ, — „должны повышать коэффиціентъ упорства забастовщиковъ въ связи съ увеличеніемъ организованности и предусмотрительности рабочихъ, накопившихъ опытъ въ жизни послѣдняго времени. Въ этомъ нельзя усмотрѣть опасности для нормальнаго развитія промышленности. Не надо забывать, что коэффиціентъ упорства забастовщиковъ возрастаетъ по мѣрѣ развитія организованности и осторожности рабочаго класса въ борьбѣ съ предпринимателями“. У насъ профессиональная организованность рабочихъ не имѣла возможности возрасти; этому мѣшали чисто

¹⁾ Такая же зависимость, хотя и не всегда съ одинаковой ясностью, установлена и для европейскихъ стачекъ. См. А. Саллучи, „Теорія стачки“, Спб., 1904 г. (переводъ съ итальянскаго).

внѣшнія причины. Повышеніе средней продолжительности русской стачки за послѣдніе годы имѣетъ совершенно другое объясненіе: чрезвычайно увеличилось число неудачныхъ стачекъ, которыя, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе продолжительными, повысили средній коэффициентъ.

Коэффициенты продолжительности стачекъ въ главнѣйшихъ странахъ составляютъ:

Для Англій	34,2	рабочихъ	дня
„ С.-Америки	25,4	„	„
„ Франціи	14,3	„	„
„ Австріи	12,1	„	„
„ Италіи	10,3	„	„
„ Россіи (за 10 лѣтъ) . . .	4,8	„	„

„Если сдѣлать — говорить г. Варзаръ — расчетъ потерянныхъ забастовочныхъ поденщинъ не на число только забастовщиковъ, а на все число рабочихъ, занятыхъ въ промышленности, то получимъ коэффициенты распространенности забастовки вообще, при чемъ приведенный выше порядокъ странъ совершенно измѣнится и будетъ приблизительно обратный. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ стачки бывають продолжительныя, при организованности рабочихъ массъ, онѣ осторожнѣе и рѣже обращаются въ борьбу къ содѣйствию такого опаснаго средства, какъ стачка; наоборотъ, при стихійности стачекъ, неопытности и неорганизованности рабочихъ, стачки возникають часто и бывають продолжительными“. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ странахъ, гдѣ стачки, при высокой организованности рабочихъ массъ, болѣе продолжительны, онѣ и болѣе успѣшны (Англія, Германія, С.-Америка), а тамъ, гдѣ онѣ часты и импульсивны (Франція, Россія Италія) — успѣшность ихъ значительно понижается.

Чрезвычайно низкій коэффициентъ упорства русскихъ стачекъ по сравненію съ другими странами является показателемъ неорганизованности, стихійности русскаго стачечнаго движенія. Русскій рабочій бастуетъ чаще англійскаго, но онъ не можетъ продержаться, въ среднемъ, болѣе 5-ти дней, въ то время какъ, при содѣйствіи союзовъ, англійскій рабочій сопротивляется 34,2 дня, американскій — 25,4 дня.

За послѣдніе годы вѣроятность успѣха русскихъ стачекъ, какъ мы уже говорили выше, чрезвычайно понизилась. Такое рѣзкое пониженіе не было бы возможно при существованіи крѣпкихъ профессиональныхъ союзовъ, ибо первый же уклонъ стачечнаго движенія въ сторону меньшей успѣшности вызвалъ бы пониженіе стачечной волны за счетъ стачекъ, не обѣщающихъ

успѣха. Но у насъ, при отсутствіи необходимыхъ условій для развитія профессиональныхъ союзовъ, пониженный успѣхъ экономическихъ стачекъ отклоняетъ все движеніе въ сторону демонстративно-профессиональныхъ и политическихъ протестовъ. Это можно сказать не только о движеніи 1905 г., но и о томъ, что происходитъ за послѣдніе годы. Въ 1906 г. число рабочихъ, участвовавшихъ въ демонстративно-профессиональныхъ забастовкахъ, составляло 59,8⁰/₀ общаго числа бастующихъ, въ 1907 г.—76,8⁰/₀, въ 1908 г.—53,9⁰/₀. „Начиная съ 1905 г., стачки протекаютъ при видимомъ преобладаніи демонстративныхъ и профессиональныхъ мотивовъ; число участниковъ этого рода забастовокъ составляетъ больше половины всего числа бастующихъ, и такимъ образомъ за послѣдніе четыре года все движеніе окрасилось въ цвѣтъ не-экономическихъ требованій. Даже въ послѣдніе два года (1907—1908), когда безуспѣшность экономическихъ домогательствъ сильно уменьшила склонность къ забастовкамъ со стороны рабочихъ, профессиональные и демонстративные мотивы продолжали занимать главное мѣсто въ движеніи. Можно сказать даже болѣе: по мѣрѣ того, какъ бесплодность забастовокъ съ экономическими требованіями являлась очевидной, энергія массъ направлялась на забастовки демонстративнаго характера“ („Статистика“, стр. 48).

Это явленіе чрезвычайно характерно. Оно вызывается тѣми вышшими условіями, которыя мѣшаютъ развитію профессиональныхъ союзовъ. Только рабочія организациі могутъ оформить движеніе, ввести его въ нормальное русло.

Стачка, какъ методъ экономической борьбы, неразрывно связана съ союзной организацией. Руководимая профессиональнымъ союзомъ, стачка имѣетъ свою тактику, свою стратегію, построенную на строгихъ логическихъ основаніяхъ. Но тамъ, гдѣ возникаетъ неорганизованная стачка, кончается логика и начинается психологія массы.

Г. Гольдбергъ.

ФИНЛЯНДСКІЙ ВОПРОСЪ

I.

Не впервые онъ возникаетъ передъ русскимъ обществомъ и передъ законодательными учрежденіями имперіи. Еще въ царствованіе Александра III, въ то время, когда я призванъ былъ читать лекціи въ Стокгольмѣ, весною 1888-го года, мнѣ приходилось не разъ слышать въ шведскомъ обществѣ отголосокъ тѣхъ опасеній, какія вызывали въ средѣ финляндцевъ слухи о предстоящемъ ограниченіи ихъ автономіи. Большія надежды возлагались на предстательство датской королевы предъ императоромъ Александромъ III, и когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, пришло отъ датскаго двора утѣшительное извѣстіе, что никакого похода предпринято не будетъ, финляндцы, случайно попавшіе въ Стокгольмъ, не скрывая своей радости, славословили на всѣ лады правящую династію за строгое соблюденіе ею принятыхъ на себя обязательствъ по отношенію къ ихъ родинѣ.

Нужно ли напоминать, въ какихъ условіяхъ возродился снова финляндскій вопросъ—со времени назначенія въ Финляндію генераль-губернаторомъ сперва графа Гейдена, потомъ Бобрикова? Въ матеріалахъ о порядкѣ изданія законовъ, касающихся Финляндіи, по вопросамъ общегосударственнаго значенія, какіе розданы были членамъ нашихъ законодательныхъ палатъ, приведены буквально важнѣйшіе документы этого времени, призванные бросить свѣтъ на зародышъ того движенія въ пользу общеимперскаго законодательства для Финляндіи, осуществить которое призваны нынѣ Дума и Государственный Совѣтъ. Изъ нихъ оказывается, что еще въ 1881-мъ году выработанъ былъ графомъ Гейденомъ проектъ,

гласившей, что законы общіе для великаго княжества и остальной имперіи издаются порядкомъ, опредѣленнымъ въ основныхъ государственныхъ законахъ. Не приняты сеймомъ законодательныя предложенія правительства, разъ они соприкасаются съ общими пользами и нуждами російскаго государства, становятся законами, буде того пожелаетъ Государь Императоръ. Точно также единоличной волей Государя тѣ или другія нормы приобрѣтаютъ значеніе закона, разъ онѣ не касаются тѣхъ предметовъ, которые поименованы въ особой статьѣ, какъ коренныя мѣстные законы Финляндіи, и не могутъ подвергнуться измѣненію, дополненію или отмѣнѣ безъ участія сейма. Въ числѣ ихъ мы находимъ, рядомъ съ церковными законами евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, и всѣ тѣ, которыя касаются правъ и привилегій сословій, наложенія прямыхъ налоговъ и отбыванія воинскихъ повинностей, всю область гражданскаго права и частнаго землевладѣнія, постановленія о финляндскомъ банкѣ, весь сеймовой уставъ и наконецъ важнѣйшія нормы финляндскаго устава о воинской повинности, отмѣненнаго вполнѣдствіи манифестомъ 29-го іюня 1901-го года. Эти предположенія графа Гейдена интересны тѣмъ, что въ нихъ инициатива общеперскаго законодательства предоставлена Государю Императору, который, при отказѣ сейма дать свое согласіе на сдѣланное ему предложеніе законовъ, имѣющихъ общеперское значеніе, вправѣ дать имъ силу собственной властью, съ тѣми „измѣненіями“, противъ выраженнаго сеймомъ заключенія, какія имъ признаны будутъ желательными. Но если проектъ Гейдена открывалъ такимъ образомъ для императора широкую возможность существеннаго измѣненія финляндскихъ законодательныхъ порядковъ общеперскими законами, то онъ въ то же время заключалъ въ себѣ несомнѣнное признаніе, что въ отношеніи къ предметамъ, переименованнымъ въ перечнѣ какъ подлежащіе вѣдѣнію сейма, императоръ не имѣетъ той свободы законодательнаго самоопредѣленія, каковая признается за нимъ во всѣхъ другихъ областяхъ („Матеріалы“, стр. 11 и 12).

Этотъ проектъ графа Гейдена тѣмъ интересенъ, что въ основной своей мысли сходится съ рѣшеніемъ, на которомъ остановилась Государственная Дума, признававшая, какъ мы увидимъ вполнѣдствіи, что по предметамъ законодательства общеперскаго починъ принадлежитъ единственно Государю Императору. Но проектъ Гейдена въ одномъ отношеніи рѣзко отличается отъ того, какой представленъ былъ въ Государственную Думу и получилъ ея утвержденіе. Въ немъ нѣтъ признанія, что изданные

въ общемъ порядкѣ законы и постановленія сами собою отмѣняютъ всѣ несогласныя съ ними правила финляндскихъ законовъ и постановленій; наоборотъ, по отношенію къ предметамъ, спеціально перечисленнымъ въ списокѣ, требуется согласное рѣшеніе императора и сейма. Въ недавно вышедшемъ сочиненіи г. Руссобытовскаго, озаглавленномъ: „Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса“, обстоятельно изложены тѣ событія, какія вызваны были въ Финляндіи первымъ по времени походомъ противъ ея автономіи. Событія эти еще въ памяти у всѣхъ, и нѣтъ, поэтому, ближайшей необходимости останавливаться на ихъ разсмотрѣніи. Для насъ важно только то, что касается дальнѣйшаго хода общеимперскаго законодательства. Совѣщаніе, учрежденное подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комитета министровъ Бунге, остановилось на той мысли, что со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи для нея неоднократно издавались подъ разными наименованіями постановленія, имѣвшія не одно мѣстное, но и общегосударственное значеніе. Никакихъ правилъ относительно измѣненія и разсмотрѣнія ихъ, однако, не существуетъ. Такія правила безусловно необходимы. Далѣе этого признанія коммиссія не пошла, такъ какъ въ ней русскіе члены разошлись съ финляндскими по вопросу о предѣлахъ общеимперскаго законодательства. Русскіе члены совѣщанія полагали, что всякій проектъ закона, общаго для всей имперіи со включеніемъ великаго княжества, долженъ разсматриваться въ Государственномъ Совѣтѣ; по вопросамъ же, подлежащимъ, согласно финляндскимъ законамъ, внесенію въ сеймъ, отъ послѣдняго требовались бы только простыя заключенія, лишенныя обязательной силы. Это — тотъ самый путь, котораго держалось правительство при внесеніи своего проекта о порядкѣ изданія касающихся Финляндіи законовъ и постановленій общегосударственнаго значенія. Финляндскіе члены совѣщанія высказывали ту же мысль, которую повторяютъ и нынѣ депутаты финляндскаго сейма, а именно, что такой порядокъ былъ бы нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи, и предлагали подвергать всѣ подобныя проекты разсмотрѣнію сейма; за Государственнымъ же Совѣтомъ осталось бы только право высказываться во всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ, слѣдуетъ ли утвердить принятый сеймомъ проектъ или желательно его отвергнуть. Раздѣляя русскихъ и финляндскихъ членовъ совѣщанія также вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли составить перечень вопросовъ общеимперскаго законодательства или нѣтъ. Русскіе члены совѣщанія въ это время, т.-е. съ октября 1892-го по январь 1893-го года, высказывались противъ такого перечня, фин-

ляндскіе же настаивали на немъ. Предложенный ими списокъ предметомъ общеимперскаго законодательства касается многихъ, но далеко не всѣхъ вопросовъ, какіе включены нынѣ въ число общеимперскихъ. Въ немъ говорится о томъ, что къ сферѣ общихъ для Финляндіи и имперіи дѣлъ относятся общія условія пріобрѣтенія подданства, общій порядокъ пріобрѣтенія правъ гражданства въ Финляндіи уроженцами имперіи и на оборотъ, правила исполненія судебныхъ рѣшеній въ обѣихъ странахъ, правила о торговыхъ сношеніяхъ Финляндіи съ другими частями имперіи, взаимная охрана торговыхъ фирмъ и клеймъ, взаимная охрана художественной и литературной собственности. Я перечислилъ только тѣ предметы общеимперскаго законодательства, поименованные въ списокѣ 1892—93-го годовъ, которые пали и въ нынѣ составленный перечень. Ни о желѣзнодорожномъ или почтовомъ законодательствѣ, ни о регулированіи печати общеимперскими нормами въ перечнѣ 1892-го года не упомянуто ни словомъ, по всей вѣроятности потому, что и почта, и печать въ это время принадлежали къ числу такихъ предметовъ, по которымъ Государь Императоръ, какъ Великій Князь, могъ законодательствовать единолично, безъ участія сейма, такъ какъ они входили въ широкую въ Финляндіи область административныхъ и экономическихъ рѣшеній, привимаемыхъ вел. княземъ единолично. Но нѣтъ также въ перечнѣ упоминанія объ обезпеченіи государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за ними, такъ какъ школа, очевидно, не входитъ въ сферу тѣхъ вопросовъ, по которымъ необходимо законодательное единство и, слѣдовательно, однообразіе порядка на протяженіи всей имперіи. И въ то время, какъ и теперь, народное образованіе было поставлено въ Финляндіи на болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ въ имперіи; число безграмотныхъ было ничтожно и свѣдѣнія, сообщаемыя дѣтямъ крестьянъ, несравненно значительнѣе тѣхъ, какія они получаютъ въ Россіи, благодаря большей въ Финляндіи продолжительности срока начальнаго обученія.

Еще въ совѣщаніи Н. Х. Бунге намѣчены были нѣкоторыя рѣшенія, воспроизводимыя нынѣ правительственнымъ законопроектомъ. Такъ, русскими членами предложено было предоставить одному Государю Императору рѣшеніе вопроса, признать ли тотъ или другой законъ имѣющимъ общеимперское значеніе, или значеніе только мѣстное. Финляндскіе члены совѣщанія настаивали на той мысли, что по предметамъ общеимперскаго законодательства можно ограничиться созданіемъ общихъ руководящихъ началъ, съ тѣмъ, чтобы подробныя правила были каждыя

разъ устанавливаемы отдѣльно для имперіи и отдѣльно для великаго княжества. Это дало бы, полагали они, возможность сообразовать эти нормы съ существующимъ въ каждой изъ двухъ частей имперіи строемъ правленія. Совѣщаніе Бунге закончилось составленіемъ не одного, а двухъ несогласныхъ между собою проектовъ общеимперскаго законодательства — русскаго и финляндскаго.

Новое совѣщаніе назначено было, подъ предсѣдательствомъ великаго князя Михаила Николаевича, въ 1899-мъ году, опять-таки для выработки проекта общеимперскаго законодательства. Совѣщаніе это остановилось на той мысли, отголосокъ которой можно найти и во внесенномъ въ наши законодательныя палаты проектѣ. Оно признало, что какъ бы полно ни былъ составленъ перечень предметовъ общеимперскаго законодательства, постоянно развивающаяся жизнь всѣхъ частей россійскаго государства можетъ выдвинуть рядъ вопросовъ, имѣющихъ характеръ общихъ для всей имперіи. Поэтому, не останавливаясь на мысли о составленіи такого перечня, совѣщаніе признало наиболѣе правильнымъ установить, чтобы вопросы о примѣненіи вновь учреждаемаго порядка къ отдѣльнымъ случаямъ получали разрѣшеніе по непосредственному повелѣнію Государя Императора. По всѣмъ вопросамъ общеимперскаго законодательства отъ сейма предполагалось требовать лишь заключеній чисто совѣщательнаго характера. Они поступаютъ на обсужденіе Государственнаго Совѣта, мнѣнія котораго доводятся до свѣдѣнія Государя. Въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 3-го февраля 1899 г. мы находимъ отраженіе тѣхъ же мыслей. Въ немъ говорится, что Государь Императоръ призналъ необходимымъ предоставить себѣ давать ближайшія указанія по предметамъ общеимперскаго законодательства (*ibid.*, стр. 34).

Высочайшій манифестъ вызвалъ, какъ извѣстно, сильное недовольство въ Финляндіи и побудилъ какъ финляндскій сенатъ, такъ и финляндскій сеймъ къ всеподданнѣйшимъ представленіямъ на имя Государя. И сеймъ, и сенатъ жаловались на то, что изданныя въ согласіи съ манифестомъ основныя положенія 3-го февраля 1899 г. допускаютъ обнародованіе закона вопреки заключенію земскихъ чиновъ, и ходатайствовали передъ верховной властью о томъ, чтобы былъ выработанъ проектъ общеимперскаго законодательства, который затѣмъ поступилъ бы на разсмотрѣніе земскихъ чиновъ въ порядкѣ, опредѣленномъ основными законами края (*ibid.* стр. 43, 44, 45 и 46).

Вслѣдъ за законодательными учрежденіями Финляндіи само

населеніе княжества сочло нужнымъ послать Государю особый адресъ съ протестомъ противъ новыхъ мѣропріятій. Депутація, которой поручено было передать адресъ, не была принята и на письменномъ докладѣ, сдѣланномъ Императору, Государь начерталъ слова: „адресъ оставляю безъ послѣдствій; ходагайство нахожу неумѣстнымъ, такъ какъ манифестъ 3-го февраля касается общегосударственнаго, а не мѣстнаго законодательства“.

На основаніи положеній 3-го февраля 1899 г., утвержденныхъ одновременно съ манифестомъ, инициатива всякаго общеперскаго закона исходитъ отъ одного Государя. Такой порядокъ соблюдается—значится въ положеніяхъ—въ отношеніи законовъ, дѣйствующихъ на всемъ пространствѣ имперіи со включеніемъ великаго княжества финляндскаго, а равно въ отношеніи законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ вел. княжества, если они касаются общегосударственныхъ потребностей или находятся въ связи съ общими законами. Эта статья вошла цѣликомъ и въ нынѣ поступившій на разсмотрѣніе палатъ проектъ общеперскаго законодательства. На почвѣ новаго закона послѣдовало измѣненіе порядка отбыванія воинской повинности въ Финляндіи и изданъ былъ новый воинскій уставъ. При его обсужденіи С. Ю. Витте, бывшій въ то время министромъ финансовъ, предложилъ пріостановить дальнѣйшее привлеченіе финляндскихъ новобранцевъ къ отбыванію воинской повинности въ русскихъ частяхъ войскъ и взимать съ финляндской казны въ пользу имперской ежегодное пособіе. При этомъ имъ высказанъ былъ рядъ мыслей, заслуживающихъ вниманія и въ настоящее время. „Ассимилированіе Финляндіи съ Россіей только тогда окажется дѣйствительнымъ, — писалъ теперешній графъ 14-го января 1901 г., — когда проведено будетъ не силой, а мирными средствами, когда финскій народъ самъ оцѣнитъ ту пользу, какую принесетъ ему соединеніе съ могущественной державой, а пониманіе имъ самимъ этихъ выгодъ, говоря словами рескрипта 28-го февраля 1891 г., побудитъ его стремиться къ вѣчному укрѣпленію узъ, связывающихъ Финляндію съ Россіей... Желательное уничтоженіе таможенной черты—продолжаетъ, въ той же запискѣ на имя министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи, фонъ-Плеве, С. Ю. Витте—должно послужить сильнымъ стимуломъ къ развитію торговаго обмѣна, этого самаго вѣрнаго и самаго мирнаго средства къ взаимному сближенію“. Такимъ образомъ будущій предсѣдатель совѣта министровъ указывалъ еще въ 1901 г. тотъ правильный путь, которымъ Финляндія всего легче можетъ быть приведена къ сознанію пользы общеперскаго

законодательства. Это тотъ путь, которымъ шли германскія королевства, княжества и республики въ своей объединительной политикѣ. Едва ли нужно теперь доказывать, что рекомендованный еще Листомъ таможенный союзъ прямо подготовилъ образованіе политической уніи сначала въ видѣ сѣверно-германскаго союза, а затѣмъ германской имперіи. И помимо С. Ю. Витте можно было встрѣтить въ рядахъ тогдашняго правительства сторонниковъ соблюденія финляндской конституціи при созданіи общеимперскаго законодательства. Когда сами финляндцы подняли вопросъ о составленіи точнаго перечня, В. К. фонъ-Плеве высказался въ томъ смыслѣ, что было бы цѣлесообразно установить опредѣленную границу между предметами общеимперскаго законодательства и мѣстнаго и что проектъ такого постановленія слѣдовало бы предложить сейму (см. „Матеріалы“, стр. 51).

Въ 1902-мъ году сдѣлана была новая попытка установленія общеимперскаго законодательства. Въ финляндскомъ сенатѣ образована была комиссія въ составѣ семи лицъ, но и они не могли придти къ единогласному рѣшенію. Большинство остановилось на мысли, что мѣры общеимперскаго законодательства, по выслушаніи подлежащихъ финляндскихъ учрежденій, могутъ быть принимаемы въ порядкѣ, который Его Императорское Величество признаетъ за благо опредѣлить. Меньшинство, по видимому, готово было признать тотъ порядокъ, которой установленъ былъ манифестомъ и основными положеніями 3 февраля 1899 г. Ни большинство, ни меньшинство не останавливались на мысли о томъ, что перечень предметовъ общеимперскаго законодательства долженъ быть исчерпывающимъ и не можетъ быть восполненъ впослѣдствіи. Всѣ члены комиссіи настаивали на необходимости провести черезъ финляндскій сеймъ законъ, разграничивающій сферу общаго и мѣстнаго законодательства.

Когда закончена была дѣятельность комиссіи, образованной финляндскимъ сенатомъ, Высочайшимъ манифестомъ 1904 г. была создана подъ предсѣдательствомъ Н. С. Таганцева, нынѣ члена Государственнаго Совѣта, новая комиссія изъ 5-ти русскихъ и 6-ти финляндскихъ членовъ. Ея задачей было обсужденіе предположеній, выработанныхъ въ учрежденной финляндскимъ сенатомъ комиссіи. Большинство ея остановилось на мысли, что перечень предметовъ общегосударственнаго законодательства долженъ быть представленъ земскимъ чинамъ въ качествѣ сеймоваго закона и затѣмъ санкціонированъ монархомъ. Параграфъ восьмой выработаннаго комиссіей законопроекта гласилъ: „въ случаѣ необходимости издать для имперіи

и великаго княжества согласующіяся законоположенія, Государь Императоръ опредѣляетъ порядоки для такого рѣшенія, затѣмъ порядоки разсмотрѣнія его сеймомъ устанавлиются основными законами Финляндіи“. „Новый законъ“ — гласилъ § 9 — „долженъ почитаться основнымъ и можетъ быть измѣненъ только согласно съ опредѣленіемъ § 71 сеймоваго устава, т.-е. опять-таки съ согласія земскихъ чиновъ“.

Наступившая въ Россіи переменна государственныхъ порядковъ влѣдъ за неудачной войною съ Японіей не дала возможности комиссіи довести до конца своей работы. Одинъ изъ членовъ ея, проф. Германсонъ, въ письмѣ отъ 3-го іюня 1910-го года, протестуя противъ приписываемаго финляндскимъ членамъ комиссіи отказа подписать ея протоколы на томъ основаніи, что они написаны на русскомъ языкѣ, сообщаетъ мнѣ слѣдующія подробности о причинахъ, помѣшавшихъ завершенію работъ. „Нами былъ подписанъ какъ первый, такъ и второй журналъ комиссіи. Одинъ русскій членъ ея, Берендсъ, не счелъ возможнымъ подписать второй журналъ. Мы намѣревались также скрѣпить и третій; но онъ былъ составленъ съ такими ошибками, что требовалъ исправленія; рѣшено было сдѣлать предложеніе въ этомъ смыслѣ, но для выработки ихъ требовалось время, а мы заняты были работой въ ландтагѣ и въ законодательной комиссіи, уставовленной правительствомъ въ Гельсингфорсѣ. Дѣло затянулось главнымъ образомъ по моей винѣ; въ свое оправданіе я долженъ сказать, что я въ это время занималъ постъ предсѣдателя въ той правительственной комиссіи, которая должна была спѣшно приготовить законодательный проектъ въ ландтагъ; въ то же время я былъ членомъ и послѣдняго“.

Несомнѣнно, что въ 1904-мъ году вопросъ общеперскаго законодательства былъ бы рѣшенъ въ смыслѣ болѣе благопріятномъ сохраненію финляндской автономіи, чѣмъ нынѣ, такъ какъ и русскіе члены высказывались за утвержденіе новаго закона финляндскимъ сеймомъ. Можно пожалѣть, поэтому, что по тѣмъ или другимъ причинамъ дѣло не получило тогда своего завершения и что вопросъ снова стоитъ на очереди съ тѣхъ поръ какъ большинство комиссіи, организованной подъ предсѣдательствомъ государственнаго контролера Харитонова, не согласилось съ предложеніемъ финляндскихъ ея членовъ предоставить рѣшеніе общеперскихъ вопросовъ совершенно новому учрежденію, не предусмотрѣнному нашими основными законами, а именно двумъ делегаціямъ, близкимъ по характеру къ австро-венгерскимъ.

II.

Государственному Совѣту еще не приходилось рѣшать болѣе сложнаго вопроса, чѣмъ настоящій, и нельзя не высказать сожалѣнія, что для этого рѣшенія ему отведено было лишь немного дней, приходящихся, къ тому же, къ концу сессіи. Принятіе или непринятіе правительственнаго проекта, принятіе его въ цѣломъ или только въ частяхъ, зависитъ отъ предварительнаго рѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ. Они затрогиваютъ и природу того, что надо считать конституціей, и обязательную силу монаршихъ общаѣй для близкаго и отдаленнаго потомства, и необходимыя условія существованія сложныхъ формъ политическаго устройства. Для того или другого рѣшенія финляндскаго вопроса необходимо выяснитъ предварительно какъ послѣдствія, какія для жителей присоединяющаго чужую область государства имѣетъ самый фактъ этого присоединенія, такъ и значеніе, какое можетъ имѣть для поступательнаго хода мѣстнаго права передача въ руки имперскихъ учреждений исключительнаго законодательствованія по извѣстнымъ вопросамъ. Нельзя также обойтись безъ выясненія того вліянія, какое на законодательную дѣятельность русскихъ палатъ, особенно по предметамъ, касающимся чисто русскихъ интересовъ, можетъ имѣть включеніе въ Думу плохо знающихъ Россію финляндскихъ представителей. Цѣлесообразность или, наоборотъ, нецѣлесообразность созданія имперскаго законодательства въ формѣ декларативнаго закона, — настолько широкаго и потому неопредѣленнаго, что въ немъ въ сферу имперскихъ интересовъ включенъ порядокъ изданія финляндскихъ газетъ или устройства финляндскихъ митинговъ, — также не можетъ быть обойдена молчаніемъ.

Прежде всего каждаго, имѣющаго дѣло съ законопроектомъ, невольно смущаетъ сомнѣніе, да нуженъ ли онъ? Какой реальной необходимости служить, спрашивается, декларативная мѣра, не подлежащая немедленному исполненію и разсчитанная, какъ намъ говорили въ комиссіи, исключительно на то, чтобы выяснитъ юридическую природу отношенія Финляндіи къ Россіи? Все, что сказано было еще Бентамомъ по поводу бесполезности и даже опасности подобнаго рода законодательныхъ заявленій, не заключающихъ въ себѣ немедленно прилагаемыхъ нормъ и въ то же время связывающихъ законодателя на будущее время, могло бы быть повторено и въ отношеніи къ этому закону,

еслибы онъ былъ дѣйствительно тѣмъ, за что его выдаютъ представители объединеннаго правительства, т.-е. своего рода декларацией принциповъ, проведеніе которыхъ возлагается на органы законодательной власти имперіи по мѣрѣ нужды. Сомнѣніе въ томъ, что предлагаемая норма является только точнѣйшимъ выраженіемъ извѣстныхъ принциповъ насчетъ разграниченія задачъ общеимперскаго и финляндскаго законодательства, высказано было уже въ средѣ комиссіи. На вопросъ о томъ, могутъ ли перечисленные въ проектѣ правила быть проведены въ жизнь немедленно, путемъ примѣненія ст. 87-ой зак. осн., полученъ былъ утвердительный отвѣтъ. И хотя есть основаніе думать, что пользованіе этой статьей въ законодательствѣ о старообрядцахъ, не говоря уже о законѣ 9-го ноября, обнаружило для самого правительства нелицевыя стороны такого порядка, нѣтъ увѣренности, что оно не будетъ упорствовать въ своемъ чрезмѣрно широкомъ толкованіи неотложной необходимости—толкованіи, очень отличномъ отъ западно-европейскаго, не исключая ни итальянскаго, ни австрійскаго. Но и помимо возможности проведенія тотчасъ же въ жизнь отдѣльныхъ его статей въ порядкѣ 87-ой статьи, новый законъ потому уже не можетъ считаться только декларативнымъ, что отнесеніе въ немъ извѣстныхъ вопросовъ къ области общеимперскаго законодательства тѣмъ самымъ парализуетъ законодательную дѣятельность сейма по этимъ же вопросамъ: сеймъ не можетъ больше издавать законовъ о печати, такъ какъ печать отнесена къ области общеимперскаго законодательства; сеймъ не можетъ регулировать въ законодательномъ порядкѣ вопросы телефоновъ и воздухоплаванія, понижать почтовую таксу или измѣнять существующій порядокъ устройства собраний и союзовъ, такъ какъ все это отнесено къ области имперскаго законодательства. Конфискуются опредѣленные права, ранѣе дарованныя верховной властью; налагается табу или запретъ на самую постановку вопросовъ, ранѣе переданныхъ верховной властью въ вѣдѣніе финляндскаго сейма. И послѣ этого злой ироніей звучать слова въ объяснительной запискѣ къ проекту предсѣдателя совѣта министровъ, что „перечень предметовъ общаго законодательства есть не болѣе какъ законодательная программа“ (стр. 25) и что „въ задачи правительства вовсе не входитъ упраздненіе финляндской автономіи“. Такъ какъ всѣ перечисленные вопросы включены въ компетенцію сейма, а 80-ый § сеймоваго устава 1906-го года постановляетъ, что законъ этотъ долженъ оставаться въ силѣ во всѣхъ частяхъ, какъ неизблемый, основной законъ, впредь до измѣненія или отмены его по со-

гласному рѣшенію монарха и сейма Финляндіи, то самъ собою ставится и другой вопросъ: какъ же можетъ новый законъ отобрать у сейма всѣ эти права помимо испрошенія согласія сейма на такое явное сокращеніе его функцій? Очевидно, что для такого явнаго нарушенія обязательствъ, еще недавно принятыхъ, должны быть какія-либо причины, отвѣчающія понятію не одной только неотложной необходимости, широко толкуемой, но и государственнаго или народнаго спасенія (*salus populi*). Когда ищешь какихъ-либо точныхъ фактическихъ указаній, доказывающихъ наличность такой государственной необходимости, то въ отвѣтъ получаешь сообщеніе о жалобахъ русскихъ коробейниковъ, не допускаемыхъ къ свободному торгу въ предѣлахъ Финляндіи, о неплатежѣ финляндцами приходившейся на ихъ долю суммы военныхъ издержекъ, о нежеланіи ихъ строить мостъ чрезъ Неву, объ отступленіи на финляндскихъ дорогахъ отъ тѣхъ правилъ пасчетъ разстоянія параллельно идущихъ рельсовъ другъ отъ друга, какое существуетъ въ Россіи, вслѣдствіе чего оказывается необходимымъ производить пересадку войскъ изъ русскихъ вагоновъ въ финляндскіе. Я не отрицаю значенія всѣхъ этихъ неудобствъ, но полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ вызваны къ жизни по нашей собственной винѣ, а другія могутъ быть устранены и помимо изданія составленнаго объединеннымъ министерствомъ закона.

Каждый разъ, когда происходитъ присоединеніе чужой области, присоединяющее государство *implicite* переноситъ на собственныхъ подданныхъ тѣ права, какими пользовались въ присоединяемой области подданные того государства, отъ котораго эта область была отнята. Поэтому не могло возникать и дѣйствительно не возникало на первыхъ порахъ вопроса, могутъ ли или не могутъ пользоваться русскіе въ Финляндіи тѣми же правами, какими до аннексіи пользовались въ ней шведы. Только въ законодательномъ актѣ 1816-го года встрѣчается упоминаніе объ особомъ финскомъ народѣ, принадлежность къ которому одна даетъ право быть членомъ сената. Этотъ актъ буквально гласитъ: „надѣмся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе объ особенномъ сохраненіи конституціи края сего подъ державою Нашею и наслѣдниковъ Нашихъ... Для вящаго ознаменованія намѣренія Нашего о мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія его къ лицу Нашему удобнѣйшимъ признали Мы дать финляндскому высшему правительству названіе финляндскаго сената, безъ отмѣны однако же настоящаго его состава, а еще менѣе того конституціи законовъ Нами

для Финляндіи учрежденныхъ, и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ накіи утверждаемыхъ, при торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ избирать впредь въ члены сего финляндскаго сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ только коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и гражданское право пріобрѣвшихъ“. Въ этомъ актѣ можно видѣть, пожалуй, законодательное обособленіе финляндскаго гражданства въ отношеніи къ пользованію политическими правами въ Финляндіи отъ русскихъ подданныхъ имперіи, поселяющихся въ краѣ, безъ пріобрѣтенія въ немъ правъ гражданъ; но о томъ, чтобы эти поселенцы устранены были отъ пользованія иными правами, кромѣ тѣхъ, которыя связаны съ государственной службой или съ осуществленіемъ правъ представительства, въ самомъ актѣ нѣтъ ни слова. Самодержецъ русскій очевидно не имѣлъ въ виду распространить на жителей русскихъ губерній право выбирать и быть выбранными въ предѣлахъ созданнаго имъ конституціоннаго княжества; но тотъ же самодержецъ отнюдь не хотѣлъ лишать ихъ гражданскихъ преимуществъ, связанныхъ съ подданствомъ. Такимъ образомъ законодательнаго признанія русскихъ государей никогда не получало ни изытіе русскихъ гражданъ изъ числа лицъ, уполномоченныхъ пріобрѣтать недвижимыя имущества въ Финляндіи, ни другія ограниченія сферы ихъ имущественнаго оборота. Если нѣкоторыя изъ этихъ ограниченій держались или возникли со временемъ, — на примѣръ, тѣ, на какія жаловались русскіе коробейники, — то, очевидно, они могутъ быть устранены помимо созданія особой области общеимперскаго законодательства, такъ какъ не отвѣчаютъ самой природѣ тѣхъ послѣдствій, которыя связаны съ присоединеніемъ новой области, и притомъ совершенно независимо отъ того, признаны ли будутъ за жителями такой области конституціонныя гарантіи или нѣтъ. Это не значитъ, разумѣется, что финляндскій сеймъ лишень права законодательнаго регулированія торговли разносчиковъ товаровъ, какъ онъ не лишень права регулированія профессій аптекаря, дантиста и т. д. Это значитъ только, что онъ къ русскимъ не можетъ предъявлять большихъ требованій, чѣмъ тѣ, какія онъ ставитъ мѣстнымъ уроженцамъ. Въ этомъ вопросѣ справедливость притязаній, предъявляемыхъ русскими, настолько несомнѣнна, они въ такой степени отвѣчаютъ тѣмъ юридическимъ послѣдствіямъ, съ которыми связана всякая аннексія, хотя бы сопровождаемая установленіемъ новыхъ конституціонныхъ свободъ или признаніемъ старыхъ, что никакое сомнѣніе не является даже мыслимымъ.

Идеѣ справедливости и требованіямъ обыкновеннаго здраваго смысла отвѣчаетъ и то, чтобы финляндцы участвовали въ несеніи издержекъ, которыя связаны съ необходимостью содержать войско и флотъ для охраны всѣхъ границъ имперіи, въ томъ числѣ и финляндскихъ. Непризнаніе этого было бы равнозначительно допущенію, что жители присоединенной нами области въ правѣ рассчитывать на то, что народъ, подъ охраной котораго они живутъ, добровольно приметъ на себя несеніе издержекъ, связанныхъ съ этой охраной (какъ говорятъ съ министерской скамьи — въ размѣрѣ 6³/₄ коп. съ человѣка). Это не отвѣчало бы ни достоинству финляндскаго, ни благоразумію русскаго народа. Споръ можетъ идти только о порядкѣ, въ какомъ денежные субсидіи и выкупъ за право не нести личной военной службы будутъ ежегодно выплачиваться финляндцами. Установленный финляндскимъ законодательствомъ порядокъ, признанный въ послѣдній разъ и въ сеймовомъ уставѣ — тотъ, что правительственныя предложенія на этотъ счетъ поступаютъ въ законодательномъ порядкѣ въ финляндскій сеймъ, который и вотируетъ требуемыя отъ него для означенной цѣли средства. Финляндія въ правѣ настаивать на выполненіи этого условія, какъ мы въ правѣ требовать, чтобы великое княжество и его населеніе участвовало въ несеніи причитающейся на него доли общеимперскихъ издержекъ. „Въ началѣ каждаго очереднаго сейма“ — значитъ въ § 26 сеймоваго устава — „передается предложеніе о доставленіи средствъ на тѣ потребности, для покрытія которыхъ ординарные штатные доходы являются недостаточными“. По § 43 такія предложенія рассматриваются въ бюджетной комиссіи сейма. Такой порядокъ долженъ быть соблюдаемъ въ строгости, и отступленія отъ него потому уже могутъ сопровождаться отказомъ въ требуемыхъ средствахъ, что, согласно сеймовому уставу (§ 9), депутатъ финляндскій обязанъ при осуществленіи своихъ полномочій руководствоваться велѣніями права и соблюдать основные законы, а предсѣдатель или тальманъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не поступало въ сеймъ на обсужденіе ничего такого, что противорѣчитъ основнымъ законамъ края. Сеймовой уставъ 1906 года изданъ былъ, какъ значитъ въ немъ, въ виду выяснившейся необходимости дать развитіе новымъ основнымъ закономъ организаціи финляндскаго представительства.

Если прибавить къ сказанному, что въ финляндской конституціи, какъ основанной на актахъ, изданныхъ еще въ Швеціи въ 1772 и 1789 гг. и на которые имѣются ссылки въ сеймовомъ уставѣ 1869 г., данномъ императоромъ Александромъ II

(§ 71), область вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію законодательныхъ палатъ, не включаетъ въ себя обширной сферы легальнаго нормированія экономическихъ и административныхъ отношеній, что въ этой сферѣ Великій Князь финляндскій не связавъ участіемъ сейма и осуществляетъ весьма широко свою монаршую прерогативу, что къ этой области отнесена была и почта, то самъ собою напрашивается вопросъ, не могли ли бы затрудненія, вызываемыя ну хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что финляндскія желѣзныя дороги по образцу европейскихъ построены отлично отъ нашихъ и требуютъ извѣстныхъ приспособленій съ цѣлью избѣжать перегрузки, быть устранены въ порядкѣ такъ называемаго административнаго законодательства, т.-е. одностороннимъ актомъ, исходящимъ отъ верховной власти? Вѣдь почта издавна регулировалась такими административными актами, регулировалась и въ то время, когда она проходила по инымъ путямъ, чѣмъ желѣзныя дороги, и появленіе этого новаго вида путей сообщенія не отмѣняетъ прерогативы великаго князя нормировать отношенія, связанныя съ существованіемъ почты. Все это вмѣстѣ взятое, повидимому, не говоритъ въ пользу неотложной необходимости внесеннаго правительствомъ закона.

Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы я отрицалъ самую мысль объ общенперскомъ законодательствѣ. Она вытекаетъ изъ природы любого сложнаго государства, въ которомъ одна или нѣсколько областей пользуются въ большей или меньшей степени законодательной автономіей. Въ Россіи уцѣлѣла одна только такая область: ея, за упраздненіемъ царства Польскаго, осталась Финляндія. Какъ существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ общее для всей федераціи законодательство, а въ Германской имперіи и въ обѣихъ половинкахъ Австріи—законодательство для всѣхъ земель, входящихъ въ ихъ составъ, такъ должно существовать и постепенно развиваться и въ Россіи общенперское законодательство, общее для имперіи и для ея автономной области, Финляндіи. Это общенперское законодательство нигдѣ не возникло сразу, а развивалось въ теченіе десятилѣтій и даже столѣтій. Въ Соединенныхъ Штатахъ вопросъ объ общемъ законодательствѣ для всѣхъ англійскихъ колоній былъ поставленъ въ 1748 г. Франклиномъ и только весьма несовершенно рѣшенъ въ 1781-мъ году созданіемъ такъ называемой конференціи, которая потребовала со временемъ радикальной переработки, что и повело къ созданію федеральной уни и конституціи 1787-го года, заключающей въ себѣ первый перечень предметовъ общаго законодательства для всѣхъ штатовъ. Но и этотъ

перечень оказался неполнымъ и по меньшей мѣрѣ дважды—въ эпоху президентства Джексона, въ 30-хъ годахъ, и въ эпоху президентства Линкольна, въ самый разгаръ междоусобной войны сѣверныхъ и южныхъ штатовъ—ставился вопросъ о его восполненіи. Первый разъ шла рѣчь о созданіи федеральнаго банка, второй разъ—объ изданіи федеральными органами закона, отмѣняющаго рабство негровъ и дарующаго имъ равноправіе.

Что касается до насъ, то мы не хотимъ ждать того, чтобы въ самомъ финскомъ народѣ развилось сознаніе истины, которую выразилъ еще Александръ II-й, сказавъ, что великое княжество можетъ только выиграть отъ сближенія съ имперіей. У насъ имѣются уже на лицо нѣкоторыя статьи того неписаннаго перечня, который теперь намъ предлагаютъ не только закрѣпить на бумагѣ, но и расширить чуть ли не до безконечности—перечня общеимперскихъ вопросовъ. Въ числѣ ихъ и на первомъ планѣ стоятъ два: неразрывность Финляндіи и Россіи въ отношеніи къ правящей въ обѣихъ династіи и неразрывность обѣихъ въ отношеніи къ внѣшней политикѣ, въ томъ смыслѣ, что Финляндія разъ навсегда, и притомъ съ самаго своего присоединенія къ имперіи, отказалась отъ всякой внѣшней самостоятельности, и ея международное представительство, какъ и забота объ обезпеченіи ея отъ внѣшнихъ враговъ, перешли всецѣло на имперію.

Еслибы въ правительственномъ перечнѣ указано было только на то, что къ области общеимперскаго законодательства надо отнести поименованное въ вводной части третьей статьи законопроекта и касающееся порядка преемства престола и положенія православной церкви въ Финляндіи, да еще участія ея въ государственныхъ расходахъ, отбыванія ея населеніемъ повинностей воинской и другихъ, служащихъ для военныхъ надобностей, наконецъ правъ не состоящихъ финляндскими гражданами русскихъ подданныхъ, то едва ли возможно было бы спорить о чемъ-либо другомъ, какъ о порядкѣ проведенія законопроекта: одностороннимъ ли актомъ, исходящимъ только отъ законодательныхъ палатъ имперіи, или двухстороннимъ, не исключаящимъ участія сейма, что отвѣчаетъ и праву, и справедливости, и здравому смыслу. Но въ переченьъ включенъ еще цѣлый рядъ другихъ предметовъ, несомнѣнно въ меньшей степени, а то и совершенно неспособныхъ быть предметомъ общеимперскаго законодательства, а это обстоятельство и заставляетъ меня отнестись вполне отрицательно къ разбираемому законопроекту.

Начать съ того, что этотъ законопроектъ, рассчитанный,

какъ уже было сказано, на то, чтобы служить простой деклараціей руководящихъ принциповъ при установленіи границъ общаго и областного законодательства, прямо вторгается въ область послѣдняго, говоря объ установленіи въ Финляндіи, помимо сейма, взносовъ, сборовъ и налоговъ. Это идетъ рѣшительно въ разрѣзъ со всѣми старыми и новыми конституціями, изданными для великаго княжества, или дѣйствіе которыхъ распространяемо было на него. Это несогласно не только съ шведской „Формой Правленія“ 1772-го года, но и съ порядками, узаконенными для Финляндіи основными ея законами 1869-го и 1906-го годовъ. Мало этого: тотъ принципъ, въ силу котораго сословія облагаются тѣми или другими налогами и сборами только съ согласія ихъ представителей, съ XV-го вѣка прочно установленъ во всѣхъ западныхъ странахъ, въ томъ числѣ и въ Скандинавскомъ мірѣ, и не только по отношенію къ государственнымъ сеймамъ, штатамъ и парламентамъ, но и по отношенію къ провинціальному представительству. Такъ напр., провинціальныя штаты Лангедока вотировали такъ называемый *don gratuit*, т. е. причитающуюся съ населенія долю государственныхъ издержекъ; но отъ нихъ однихъ зависѣло выбрать для этой цѣли ту или другую форму обложенія. Въ сложныхъ государствахъ нашего времени, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, какъ и въ Германской имперіи, чтобы избѣжать необходимости установленія и разверстки въ составляющихъ федерацію государствахъ или областяхъ прямыхъ податей, къ покрытію издержекъ общаго правительства приурочиваются обыкновенно косвенные сборы, въ частности—тѣ, которые получаютъ отъ обложенія предметовъ иностраннаго ввоза. Русская имперія заинтересована только въ одномъ—чтобы великое княжество несло причитающуюся съ него часть государственныхъ издержекъ; но какимъ путемъ будутъ добыты имъ необходимыя для того средства—для имперіи безразлично. Финляндія можетъ, смотря по желанію, или избрать для этого форму добавочнаго сбора съ существующихъ уже у нея налоговъ, нѣчто въ родѣ *centimes additionnels* или приурочить къ покрытію имперскихъ издержекъ доходъ вновь установленнаго или существующаго уже сбора: это ея дѣло. Вопросъ о томъ, какая система будетъ принята великимъ княжествомъ, есть вопросъ его внутренняго законодательства. Наболѣе желательнымъ было бы, разумѣется, обезпечить имперіи постоянное поступленіе какого-либо косвеннаго налога, напр. таможеннаго сбора; но это можетъ быть достигнуто только путемъ прямого соглашенія правительства съ финляндскимъ сеймомъ. Ссылку на то, что

принципъ, по которому денежныя тягости могутъ быть возлагаемы на населеніе только съ согласія его представительства, не нарушенъ и въ томъ случаѣ, когда сборы съ финляндевъ вотируетъ Государственная Дума, а не финляндскій сеймъ, на томъ основаніи, что въ Думѣ къ четыремъстамъ сорока слишкомъ представителямъ имперіи прибавится четыре финляндскихъ депутата — едва ли можно считать серьезной; слишкомъ громко несоотвѣтствіе двухъ только-что приведенныхъ цифръ и слишкомъ велика увѣренность въ томъ, что голоса финляндскихъ представителей, въ виду незначительности ихъ числа, не могутъ повліять на самый характеръ принятаго Думой рѣшенія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ основномъ законѣ, регулирующемъ сферу дѣятельности общеимперскаго законодательства въ примѣненіи къ Финляндіи, должно быть мѣсто только для заявленія, что участіе Финляндіи въ государственныхъ расходахъ опредѣляется въ порядкѣ общеимперскаго законодательства; всякое же заявленіе объ „установленіи для сего взносовъ, сборовъ и налоговъ“ не соотвѣтствуетъ цѣли и характеру закона.

Совершенно непонятнымъ кажется мнѣ включеніе въ перечень предметовъ общеимперскаго законодательства пункта 5, гласящаго, что къ нему должны быть отнесены „основныя начала управленія Финляндіи особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“. Смыслъ этой статьи — тотъ, что финляндская конституція во всякое время можетъ подвергнуться измѣненію со стороны Государственной Думы и Совѣта, если только императору угодно будетъ укрѣпить своимъ согласіемъ представленный на этотъ счетъ законъ. Но такъ какъ сеймовый уставъ 1906-го года въ статьѣ 75-й предвидитъ порядокъ, въ какомъ происходитъ изданіе, поясненіе, измѣненіе или отмѣна основныхъ законовъ — а именно путемъ предложенія, исходящаго отъ Государя и Великаго Князя, и принятія его сеймомъ, — то оказывается, что послѣ проведенія законопроекта будетъ имѣться два порядка измѣненія основныхъ законовъ Финляндіи: Думою и Совѣтомъ, съ одной стороны, и сеймомъ — съ другой, каждый разъ по инициативѣ Государя. Между тѣмъ, сеймовый уставъ 1906 г., по буквѣ и смыслу заключительнаго его параграфа, долженъ оставаться неизмѣннымъ, какъ неизблемый законъ, впредь до измѣненія его по согласному рѣшенію монарха и сейма Финляндіи. Съ момента, когда разбираемый нами законопроектъ войдетъ въ силу, только что указанное обѣщаніе, подписанное собственноручно Императоромъ, будетъ признано болѣе несуществующимъ, и единственнымъ основаніемъ къ этому будетъ со-

вершеною голословное утверждение, не поддерживаемое болѣе теоретиками государственнаго права ни на Западѣ Европы, ни въ Россіи, что суверенитетъ государства неограниченъ. Мы имѣемъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ этотъ государственный суверенитетъ поставленъ въ необходимость считаться съ мѣстной автономіей земель, входящихъ въ составъ общаго государственнаго цѣлаго. Профессоръ Еллинекъ указываетъ на примѣръ Хорватіи и отдѣльных земель Цислейтаніи, въ которыхъ измѣненіе основныхъ законовъ и опредѣленнаго ими областного устройства можетъ послѣдовать только по рѣшенію мѣстнаго сейма. И дѣйствительно, въ венгерско-хорватскомъ соглашеніи 1868-го года при перечислѣ общихъ дѣлъ Хорватіи и Венгріи ни однимъ словомъ не упомянуто о томъ, чтобы къ области общаго законодательства принадлежало установленіе основныхъ началъ управленія Хорватіи „особыми установленіями на основаніи особаго законодательства“. И въ земляхъ, входящихъ въ составъ Цислейтаніи, измѣненіе областного строя, — того, что извѣстно подъ терминомъ *Landstände*, — можетъ посѣдовать только въ порядкѣ мѣстнаго законодательства („nur durch Landesgesetze“: ст. 12 основнаго закона отъ 21 декабря 1867-го года). Въ этомъ отношеніи австрійскія земли пользуются болѣею самостоятельностью, чѣмъ королевства и княжества, вошедшія въ составъ Германской имперіи, въ которой рейхстагъ, дѣйствуя въ предѣлахъ своей компетенціи, можетъ отмѣнить всѣ несогласныя съ нею постановленія мѣстныхъ конституцій. Незыблемость конституцій отдѣльныхъ земель Австріи установлена основнымъ закономъ или королевскимъ патентомъ (§ 3-ій), въ которомъ говорится, что всѣ королевства и княжества должны сохранить свои конституціи (*Verfassungen*) неизмѣнно (*unverändert beibehalten sollen*). Наконецъ, въ тѣхъ же условіяхъ находятся по отношенію къ общему парламенту для всей Канады (такъ называемаго *Dominion*) парламенты входящихъ въ ея составъ областей; общій парламентъ не можетъ внести измѣненій въ ихъ устройство, и это право принадлежитъ однимъ лишь мѣстнымъ парламентамъ.

Тотъ изъ русскихъ государствовѣдцовъ, который сдѣлалъ спеціальнымъ предметомъ своего изученія вопросъ о государственномъ суверенитетѣ, — я разумѣю профессора Палиенко, — приходитъ къ заключенію, что суверенитетъ есть власть, связанная правомъ. Въ недавнемъ своемъ сочиненіи: „Объ основныхъ законахъ и формѣ правленія въ Россіи“ онъ протестуетъ, поэтому, противъ тѣхъ, кто думаетъ путемъ логическихъ выводовъ изъ суверенитета русской государственной власти надъ Финлян-

дѣй вывести какія-либо юридическія заключенія насчетъ положенія Финляндіи въ составѣ имперіи (стр. 78). Другими словами, изъ того обстоятельства, что Финляндія по Фридрихсгамскому договору составляетъ нераздѣльную часть русскаго государства, еще не слѣдуетъ, чтобы конституція, ей дарованная, подлежала измѣненію имперскихъ учрежденій независимо отъ согласія сейма и въ иномъ порядкѣ, чѣмъ тотъ, который указанъ въ нынѣ дѣйствующемъ сеймовомъ уставѣ 1906-го года.

Общеимперское законодательство не заинтересовано въ томъ, какъ въ той или другой области имперіи, имѣющей свое отдѣльное представительство, поставлены будутъ школа и печать. Очевидно, что законодательство о нихъ необходимо должно быть согласовано съ самымъ строемъ политическихъ учрежденій. Гдѣ, какъ въ Финляндіи, система представительства построена на началѣ всеобщаго и равнаго голосованія, тамъ всѣ средства народа и всѣ усилія правительства должны быть направлены къ широкому развитію начальнаго образованія, а распространеніе грамотности въ народѣ вызываетъ необходимость въ дешевой ежедневной газетѣ, чтѣ само по себѣ уже устраняетъ мысль о дѣйтельномъ контролѣ цензуры надъ предназначенной для народа печатью, который въ странахъ, сохраняющихъ избирательное право по преимуществу за одними землевладѣльцами, можетъ считаться обычнымъ. Различіе политическихъ порядковъ и степени культуры необходимо вызываетъ и разное законодательство. Предполагать, поэтому, что Государственная Дума, насчитывающая всего четырехъ депутатовъ отъ Финляндіи, будетъ съ большимъ знаніемъ мѣстныхъ условий, чѣмъ сеймъ, проводить для Финляндскаго края законы, нормирующие порядки школьнаго дѣла или легальное состояніе печати, является чѣмъ-то абсурднымъ. Если прибавить къ сказанному, что законы о печати принадлежатъ къ числу тѣхъ, которые входили въ область административнаго законодательства великаго князя, и что она перешла въ вѣдѣніе сейма лишь въ силу уступокъ, сдѣланныхъ великимъ княземъ изъ своей прерогативы, то невольно можетъ возникнуть подозрѣніе, что включеніе въ перечень общеимперскихъ дѣлъ законодательства о печати имѣетъ цѣлью вернуть въ руки органовъ исполнительной власти добровольно уступленные монархомъ функціи.

Общеимперскіе интересы не пострадаютъ также отъ того, если въ Финляндіи право митинговъ и союзовъ будетъ нормировано инымъ порядкомъ, нежели въ Россіи. Демократическій характеръ учрежденій вел. княжества, господство въ немъ всеобщаго права голосованія, необходимо требуетъ болѣе широкой свободы собра-

ній, чѣмъ въ странѣ, гдѣ призываются къ представительству только владѣтельные классы. Изъ справки, доставленной государственной канцеляріей, видно, что право собраній и союзовъ регулировано въ Финляндіи основнымъ закономъ. Включеніе въ перечень предметовъ общенерскаго законодательства пормъ, регулирующихъ этотъ видъ гражданскихъ вольностей, создаетъ конфликтъ между основнымъ закономъ княжества и основнымъ закономъ имперіи. То, что не далѣе какъ 7-го (20-го) августа 1906-го года утверждено было подписью императора и великаго князя Финляндіи, легко можетъ сдѣлаться предметомъ ограниченія и упраздненія со стороны того же императора, на этотъ разъ дѣйствующаго въ единогласіи съ большинствомъ Государственныхъ Думы и Совѣта. Такого рода конфликты особенно нежелательны въ странѣ, въ которой, какъ въ Финляндіи, каждый депутатъ по сеймовому уставу „обязанъ соблюдать основные законы и не связанъ никакими иными указаіями“. Свобода печати также поставлена въ Финляндіи подъ защиту основного закона, того же, что и право собраній и союзовъ, а слѣдовательно только что сказанное о послѣднихъ примѣнимо и къ печати.

Какъ доводъ въ пользу необходимости предоставить общенерскому законодательству обезпеченіе государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія и надзора за ними, приводятся факты, доказывающіе, что въ финляндскихъ народныхъ школахъ географія и исторія Россіи преподаются въ недостаточной полнотѣ и въ превратномъ видѣ. Но не обобщены ли въ данномъ случаѣ произвольно нѣкоторые частные факты? Не теряется ли изъ виду, что и въ нашихъ не только начальныхъ школахъ, но и гимназіяхъ, свѣдѣнія, сообщаемыя, напримѣръ, по исторіи славянскаго міра, поразительно скудны? И не придаетъ ли также чрезмѣрное значеніе тѣмъ извращеніямъ, которыя допускаются въ оффиціальному преподаванію, извращеніямъ, доходившимъ до того, что, въ эпоху реставраціи, императора Наполеона I выдавали въ школахъ за замѣстителя французскаго короля Людовика XVIII-го?

Нельзя не отмѣтить тѣхъ послѣдствій, какія повлечетъ за собою включеніе въ перечень параграфа 16-го, говорящаго о почтѣ, телефонахъ, воздухоплаваніи и тому подобнымъ способамъ сношенія въ Финляндіи. Одного этого включенія достаточно, чтобы остановить дальнѣйшій ходъ мѣстнаго законодательства по этимъ вопросамъ. Если въ Финляндіи зародится мысль удешевить почтовую издержки, слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Англіи,

или допустить частную инициативу въ дѣлѣ устройства телефоновъ тамъ, гдѣ еще не имѣется телефонной вѣтви — все это останется неосуществленнымъ въ виду того, что общеимперскому законодательству присвоены неподлежащія ему функціи.

При составленіи списка авторы законопроекта несомнѣнно пользовались примѣромъ другихъ сложныхъ государствъ. Это слѣдуетъ уже изъ составленнаго государственной канцеляріей сборника выдержекъ изъ конституцій Германской имперіи, С.-Американскихъ Штатовъ, Австріи и цѣлаго ряда другихъ государствъ, имѣющихъ федеративное или близкое къ федеративному устройство. Списокъ предметовъ общеимперскаго законодательства несомнѣнно составлялся подъ вліяніемъ этихъ иностранныхъ примѣровъ. Постановленія относительно печати и союзовъ включены были, между прочимъ, потому, что по конституціи Германіи 1871-го года (ст. 4) надзору со стороны общеимперскаго законодательства подлежатъ и эти дѣла. То же можно сказать о почтѣ, о таможенной части и таможенныхъ тарифахъ, о денежной системѣ, объ охранѣ торговыхъ и промышленныхъ привилегій, о правѣ литературной и художественной собственности, наконецъ о желѣзныхъ дорогахъ и иныхъ путяхъ сообщенія въ ихъ отношеніяхъ къ оборонѣ государства, а также въ интересахъ сношеній между всѣми частями имперіи.

Нельзя, однако, сказать, что тѣ же предметы всѣ включены въ область общаго законодательства въ другихъ сложныхъ государствахъ. Ихъ нѣтъ въ перечнѣ общихъ дѣлъ Австро-Венгріи или Венгріи и Кроаціи. Такъ, § 48 венгерско-хорватскаго соглашенія 1868-го года прямо относить къ областной автономіи народное просвѣщеніе. Австро-венгерское соглашеніе 1867-го года въ свою очередь не включаетъ въ перечень общеимперскихъ задачъ ни законодательство о союзахъ и собраніяхъ, ни законодательство о печати, ни обезпеченіе государственныхъ интересовъ въ дѣлѣ установленія программъ преподаванія (см. §§ 1 и 2 закона объ общихъ дѣлахъ всѣхъ земель австрійской монархіи). Эти два примѣра особенно поучительны для насъ, такъ какъ Австрія, подобно нашей Имперіи, должна считаться съ наличностью областныхъ сеймовъ, венгерскаго и хорватскаго, соотвѣтствующихъ финляндскому и существовавшимъ въ ней задолго до всякаго общеимперскаго представительства, почему законодательныя учрежденія Имперіи не въ правѣ измѣнять основныхъ законовъ, на которыхъ покоится строй областного представительства Венгріи и Хорватіи. Порядки Австро-Венгріи въ этомъ отношеніи, и въ частности порядки Венгріи и Кроаціи,

какъ указано еще Еллинекомъ, близки къ отношеніямъ, существующимъ между Россіей и Финляндіей; вотъ почему при составленіи перечня было бы удобнѣе придерживаться примѣра скорѣе Австрія, чѣмъ Германія ¹⁾. Въ Соединенныхъ Штатахъ, этомъ древнѣйшемъ и образцовомъ типѣ сложнаго государства, также не заходитъ рѣчи о нормированіи конгрессомъ печати, школьнаго дѣла, свободы союзовъ и собраний.

Перечень, включенный въ разсматриваемый нами законопроектъ, не считается окончательнымъ. Въ этомъ отношеніи составители законопроекта рѣшительно уклонились отъ западныхъ образцовъ. Нигдѣ, ни въ Германіи, ни въ Австріи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Швейцаріи, мѣстное законодательство не можетъ быть постоянно завоевываемо общимъ; вездѣ перечни признаются нечерпывающими. Подобія ст. 3-ей, гласящей, что измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ ст. 2-ой перечня законовъ и постановленій производится въ законодательномъ порядкѣ, мы не найдемъ въ конституціи ни одной изъ странъ, обладающихъ сложнымъ устройствомъ. Отнеся къ области общаго законодательства извѣстные предметы, эти конституціи оставляютъ вѣдѣнію смѣтнаго законодательства всѣ остальные. Самое большее—если иногда, напр. въ актѣ конституціи австралийскаго союза 1900 г., предвидятся случаи передачи дѣлъ на разсмотрѣніе парламента союза парламентомъ или парламентами отдѣльныхъ штатовъ ²⁾. Первоначально имѣлось въ виду возложить заботу о пополненіи перечня на Государственную Думу и Государственный Совѣтъ; но при разсмотрѣніи правительственнаго проекта въ нашей нижней палатѣ большинствомъ принято было предоставленіе въ этомъ отношеніи всей власти одному императору. По ст. 4-й ему же принадлежитъ единственно починъ всѣхъ законовъ, осуществляющихъ на дѣлѣ декларативныя нормы законопроекта. А если такъ, то невольно напрашивается мысль, къ чему можетъ понадобится новый законъ, разъ

¹⁾ Въ законѣ 21-го декабря 1867-го года, нормирующемъ компетенцію цислейтанскаго рейхсрата, говорится однако о прессѣ, правѣ союзовъ и собраний, объ охраненіи духовной собственности, объ опредѣленіи основаній постановки преподаванія въ народныхъ школахъ и гимназіяхъ, а равно и о законодательствѣ, касающемся университетовъ.

²⁾ Въ аргентинской конституціи значится: „провинціи сохраняютъ всю власть, не делегированную общему представительству, и ту власть, которую онѣ выговорили себѣ въ частныхъ договорахъ въ моментъ присоединенія“. Въ актѣ уніи Канады, Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга отъ 1867-го года имѣются два списка: дѣлъ, исключительно принадлежащихъ вѣдѣнію общихъ законодательныхъ палатъ, и дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію законодательныхъ органовъ провинцій.

императоръ и помимо его можетъ возбудить во всякое время своей инициативою нормировку закономъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, общихъ имперіи и великому княжеству. Сосредоточеніе въ рукахъ Императора почина всего общеимперскаго законодательства нисколько не измѣняетъ существующаго порядка, согласно которому Императоръ, со времени присоединенія Финляндіи и особенно до созыва Александромъ II сейма, издавалъ для нея законы общеимперскаго характера. Имѣются, конечно, весьма серьезныя основанія къ тому, чтобы не открывать особу монарха и тѣмъ не освобождать его правительства отъ той отвѣтственности, которую оно несетъ за всѣ акты, издаваемые именемъ лица, облеченнаго верховною властью. Это—элементарнѣйшее требованіе всякаго строя, который, подобно нашему обновленному, призываетъ народное представительство къ участию наравнѣ съ монархомъ въ законодательной работѣ и поручаетъ осуществленіе задачъ верховнаго управленія членамъ объединеннаго и солидарнаго совѣта министровъ. Предположенная норма несомнѣнно имѣетъ, однако, ту выгодную сторону, что избавляетъ финляндцевъ отъ необходимости считаться съ попытками новыхъ посягательствъ на ихъ законодательную автономію въ формѣ законодательныхъ предположеній, исходящихъ отъ инициативы тридцати, по крайней мѣрѣ, членовъ той или другой палаты.

Чтобы отнять у финляндцевъ возможность возраженія, что общеимперское законодательство, ограничивающее ихъ законодательную автономію, возникаетъ помимо ихъ участія и тѣмъ существенно отрицается основной принципъ конституціоннаго строя, по которому законы и налоги устанавливаются съ согласія народныхъ представителей, законопроектъ вводитъ въ составъ Думы четырехъ депутатовъ отъ финляндскаго сейма, вербуемыхъ изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ сеймовыхъ выборахъ, а въ Государственный Совѣтъ—двухъ новыхъ членовъ, избираемыхъ финляндскимъ сеймомъ изъ числа тѣхъ же лицъ. Этимъ лицамъ, въ числѣ дополнительныхъ требованій, ставится обязанность знанія русскаго языка, на которомъ только и могутъ происходить пренія нашихъ палатъ. По отношенію къ числу представителей Финляндіи поставлена въ одни условія съ другими окраинами, напр. съ Польшей: иначе говоря, она будетъ посылать въ два раза меньше депутатовъ и совѣтниковъ, чѣмъ внутреннія губерніи Россіи. Число это, разумѣется, совершенно недостаточно, для того, чтобы существенно вліять на рѣшеніе вопросовъ, въ которыхъ заинтересована Финляндія; но при немъ возрастаетъ возможность проведенія мѣропріятій, нежелательныхъ

населенію великорусскихъ или малорусскихъ губерній, большинствомъ немногихъ голосовъ представителей отъ присоединенныхъ къ имперіи царствъ и княжествъ. Недавній примѣръ показываетъ, что по нѣкоторымъ вопросамъ устройства русскаго крестьянскаго быта разномысліе такъ велико, что рѣшеніе принимается большинствомъ двухъ голосовъ. Въ такихъ спорныхъ случаяхъ присоединеніе финляндцевъ къ той или другой сторонѣ можетъ имѣть катастрофическое послѣдствіе въ вопросахъ малорусскихъ или великорусскихъ. Если вліяніе двухъ дополнительныхъ голосовъ отъ Финляндіи въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ нейтрализовано путемъ назначенія двухъ новыхъ членовъ (число членовъ по назначенію должно быть равно числу членовъ по выборамъ), то нельзя сказать того же о четырехъ новыхъ членахъ, попадающихъ въ Государственную Думу отъ финляндскаго сейма. Они несомнѣнно могутъ, приставая къ тому или другому мнѣнію, обезпечивать перевѣсъ тому или иному рѣшенію. Есть основаніе думать, что отъ ихъ вступленія выиграютъ скорѣе партіи, благоприятныя сохраненію финляндской автономіи—а этихъ партій надо искать, разумѣется, не на правыхъ скамьяхъ и не въ центрѣ, а въ рядахъ оппозиціи. Поэтому ничтожное само по себѣ для судьбы финляндской автономіи восполненіе нашей вишней палаты четырьмя новыми членами можетъ оказать нѣкоторое вліяніе на ходъ законодательства по исключительно русскимъ вопросамъ. Я считалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ дать финляндцамъ равное представительство съ тѣми, какое имѣютъ внутреннія губерніи, т.-е. увеличить вдвое число депутатовъ отъ сейма, по съ условіемъ, что они будутъ голосовать только по вопросамъ общеперскаго законодательства.

Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, проектъ закона, или, точнѣе, деклараціи объ общеперскомъ законодательствѣ, казался мнѣ непріемлемымъ по многимъ основаніямъ. Во-первыхъ потому, что онъ не считается съ требованіемъ финляндской конституціи, по которой ни одинъ законъ, въ томъ числѣ и основной, и никакой палогъ не можетъ считаться легально установленнымъ безъ согласія сейма—согласія, которое въ данномъ случаѣ не имѣютъ въ виду испросить. Во-вторыхъ, потому, что онъ является излишнимъ въ виду возможности использовать для цѣли общеперскаго законодательства широкія законодательныя права Императора, какъ Великаго Князя Финляндіи, въ сферѣ такъ называемаго административнаго и экономическаго законодательства. Въ-третьихъ, потому, что практическія послѣдствія этого закона сводятся къ признанію за

Государемъ Императоромъ исключительной инициативы по всѣмъ вопросамъ общеимперскаго законодательства, для чего достаточно было бы оставленія въ законопроектѣ двухъ статей— 3-ей и 4-ой, выражающихъ опредѣленно эту именно мысль. Въ-четвертыхъ, потому, что законопроектъ страдаетъ, съ одной стороны, неопредѣленностью, такъ какъ отказывается отъ мысли установить окончательный перечень общеимперскихъ дѣлъ, съ другой — внутреннимъ противорѣчіемъ, такъ какъ не проводитъ послѣдовательно и строго различія между общеимперскими и финляндскими интересами, и относитъ къ области первыхъ вопросы, непосредственно касающіеся одной только Финляндіи.

Наконецъ, я высказывался противъ этого закона и потому, что онъ вноситъ опасное новшество въ составъ нашихъ законодательныхъ палатъ, особенно Государственной Думы, призывая плохо знакомыхъ съ нашимъ бытомъ финляндскихъ уполномоченныхъ давать перевѣсъ той или другой сторонѣ въ спорахъ русскихъ уполномоченныхъ.

Я вспоминаю того могущественнѣйшаго монарха, который одному изъ южныхъ правителей Европы давалъ совѣтъ не нарушать имъ самимъ изданной конституціи. Я разумью Николая Павловича и доселѣ сохраняемое въ греческомъ государственномъ архивѣ посланіе его къ королю Оттону I, одно время замышлявшему нарушеніе конституціи, дарованной имъ греческому народу.

Максимъ Ковалевскій.

ЕЩЕ О ПОСЛѢ-КОНСТИТУЦІОННОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКѢ

Свои замѣтки объ административной ссылкѣ послѣ конституціи, помѣщенныя въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1909 г., я закончилъ указаніемъ на то, что съ весны 1909-го года число административно-высланныхъ въ опредѣленныя мѣстности имперіи стало значительно сокращаться, съ одной стороны вслѣдствіе окончанія срока двухгодниками, съ другой—вслѣдствіе уменьшенія наплыва вновь прибывающихъ ссыльныхъ. Сокращается не только вологодская, но и архангельская ссылка, хотя послѣдняя въ меньшей степени, чѣмъ первая: въ Архангельской губерніи большинство высланныхъ—трехгодники, да и вновь высылаемыхъ чаще направляютъ въ Архангельскую губернію, нежели въ Вологодскую. Ходятъ слухи, что предполагается чуть ли не всѣхъ административныхъ ссыльныхъ направлять на Новую Землю. Въ Сибири число административно-ссыльныхъ сокращается еще меньше, чѣмъ въ Архангельской губерніи, такъ какъ въ Сибирь отправляютъ въ ссылку, большею частью, на 4 и 5 лѣтъ, и тамъ пока оканчиваютъ сроки лишь высланные на 3 года: а такихъ немного.

Съ уменьшеніемъ числа ссыльныхъ оставшихся въ ссылкѣ живется не лучше; на оборотъ, во многихъ пунктахъ значительно ухудшилось не только „правовое“, но и матеріальное положеніе ссыльныхъ, какъ вслѣдствіе сокращенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр. въ Вельскѣ, въ Устьсысольскѣ) размѣра кормовыхъ денегъ, такъ и вслѣдствіе неаккуратной выдачи какъ этихъ денегъ, такъ и одежныхъ, перѣдко урѣзываемыхъ на половину противъ установленнаго размѣра. Что касается „правового“ положенія ссыльныхъ, то за послѣдній годъ оно замѣтно ухудшилось не только въ Вологодской губерніи, но и въ другихъ губерніяхъ и областяхъ. Всякое единеніе ссыльныхъ, хотя бы за-

дающееся чисто просвѣтительными или даже экономическими цѣлями, строго преслѣдуется; виновные отправляются изъ городовъ въ глухія деревни, или приговариваются въ административномъ порядкѣ къ аресту, для отбытія котораго иногда передвигаются этапнымъ порядкомъ за 600—700 верстъ—а такое путешествіе въ одинъ только конецъ продолжается отъ 1½ до 2 мѣсяцевъ ¹⁾). И въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ ссыльнымъ ранѣе жилось болѣе или менѣе сносно, за послѣднее время воцарились суровые порядки. Такъ, въ Усть-сысольскѣ, гдѣ ссыльные со второй половины 1907-го года пользовались относительно свободою (имѣли свое колоніальное правленіе, участвовали въ спектакляхъ и концертахъ, дававшихъ значительную поддержку колоніальной кассѣ), съ декабря 1909-го года положеніе рѣзко измѣнилось: колонія прекратила свое существованіе; участіе ссыльныхъ въ спектакляхъ, концертахъ и другихъ публичныхъ зрѣлищахъ запрещено; запрещенъ также выходъ на улицу позже 11 ч.; начались административные аресты, отправки ссыльныхъ въ глухія селенія, между прочимъ въ село Усть-Кулому (по-зырянски „Преддверіе смерти“), расположенное въ трехстахъ верстахъ отъ Устьсысольска, по направленію къ Печорѣ.

Матеріальныя невзгоды и обрушивающіяся на ссыльныхъ гоненія въ общемъ переносятся ими съ твердостью, о чемъ отчасти свидѣтельствуеетъ почти полное отсутствіе среди вологодскихъ ссыльныхъ самоубійствъ (за четыре года ихъ было не болѣе трехъ случаевъ). Но перечисленными строгостями дѣло еще не ограничивается: нѣкоторымъ ссыльнымъ крестьянамъ Саратовской и Курской губерній, отбывшимъ положенный срокъ административной высылки, вмѣсто освобожденія, объявили распоряженіе департамента полиціи о томъ, что они остаются въ мѣстахъ ссылки „впредь до особыхъ распоряженій“, съ прекращеніемъ выдачи имъ казеннаго пособія. Оказалось, что для нѣкоторыхъ саратовцевъ, пока они находились въ ссылкѣ, администрація добилась отъ сельскихъ обществъ, къ составу которыхъ они принадлежатъ, общественныхъ приговоровъ объ исключеніи ихъ изъ обществъ, какъ порочныхъ членовъ, или же о высылкѣ ихъ „за порочное поведеніе“. Потерпѣвшими поданы жалобы въ Сенатъ, съ указаніемъ на незаконность приговоровъ, составленныхъ подъ давленіемъ администраціи, долго спустя послѣ высылки жалобщиковъ, во время ихъ отсутствія изъ мѣстъ приписки и постоянного жительства. Хорошо еще, что администраціи далеко не всегда удавалось получить отъ сельскихъ обществъ приговоры о „порочномъ поведеніи“

¹⁾ Напр. такую „прогулку“ до гор. Никольска, для отбытія въ немъ ареста за первомайское собраніе въ лѣсу, совершили прошлымъ лѣтомъ яренскіе ссыльные, на лодкахъ, въ сопровожденіи конвойныхъ солдатъ.

административно-ссылныхъ крестьянъ. Были такіе примѣры и въ Саратовской, и въ Курской губерніи, что три-четыре раза по приказу земскаго начальника собирался сельскій сходъ для составленія приговора о порочности того или другого крестьянина, находящагося въ административной ссылкѣ—по каждый разъ сходъ отклонялъ предложеніе администраціи объ исключеніи „порочнаго члена“ общества. Въ такихъ случаяхъ ссыльный, о которомъ шла рѣчь, по окончаніи имъ срока высылки, не задерживался въ мѣстѣ ссылки, но за то, большею частью, векорѣ по возвращеніи на родину подвергался высылкѣ за предѣлы губерніи, „виредѣ до снятія въ ней чрезвычайной охраны“.

Прошлымъ лѣтомъ въ русскія газеты проникъ изъ иностранныхъ источниковъ слухъ о предстоящей амнистіи. Большинство ссыльныхъ относилось къ нему съ недовѣріемъ. Мѣстная полиція, напр. въ Сольвычегодскѣ, по порученію, вѣроятно, изъ губерніи, составляла списокъ ссыльнымъ, заслуживающимъ досрочнаго освобожденія. Мѣстный исправникъ, послѣ посѣщенія города губернаторомъ, отправившимся далѣе въ Иренскъ и Устьенъ-Сольскъ, вызывалъ въ полицію нѣкоторыхъ ссыльныхъ—почти исключительно семейныхъ и уже отбывшихъ большую часть срока,—и совѣтовалъ имъ подать прошенія на Высочайшее имя о досрочномъ освобожденіи, объясняя, что такіа прошенія онъ лично вручитъ губернатору при обратномъ проѣздѣ его. Для изъявившихъ желаніе подать такіа прошенія они заготовлялись въ полиціи, и ссыльнымъ оставалось только приложить къ нимъ руку. Подписали такіа прошенія 12—15 ссыльныхъ, не болѣе, и всѣ они стали ожидать амнистіи къ 6-му декабрю. Но вотъ пришелъ и прошелъ этотъ день—а амнистіи не было и нѣтъ, даже для тѣхъ ссыльныхъ, которые подписали заготовленные въ полиціи прошенія.

Въ первомъ своемъ очеркѣ, приводя цифровыя данныя объ общественномъ составѣ ссыльныхъ, я указывалъ на крайнюю разношерстность и пестроту его. Пестрота, дѣйствительно, поразительная: кого-кого только здѣсь нѣтъ! Не говоря уже про свободолюбивые слои населенія, представителями которыхъ, можно сказать, наводнена теперешняя ссылка, въ ней, въ видѣ исключенія, можно встрѣтить миллионера-купца, фабриканта, крупнаго землевладѣльца, офицера, священнослужителя, тюремщика, сыщика, полицейскаго, т.-е. представителей такихъ общественныхъ группъ и профессій, которыя отнюдь не являются противниками стараго режима. Теперешняя административная ссылка существенно отличается отъ прежней тѣмъ, что въ ней чистые политики, вслѣдствіе своего меньшинства, растворяются въ огромной массѣ остальныхъ ссыльныхъ повѣйшаго, обывательскаго

типа, имѣющихъ лишь косвенное отношеніе къ политикѣ (высланные, напр., по подозрѣнію въ участіи въ аграрномъ и рабочемъ движеніи), или даже не имѣющихъ къ ней никакого отношенія и попавшихъ въ ссылку совершенно случайно, потому что подвернулись подъ горячую руку, или были заподозрѣны въ совершеніи разнаго рода уголовныхъ дѣяній. Ссылныхъ послѣдней категоріи, которыхъ въ прежнее время не высылали въ мѣста политической ссылки, въ теперешней ссылкѣ наберется въ Вологодской губерніи 10—15%, а въ нѣкоторыхъ ссылныхъ пунктахъ Архангельской губерніи и Сибири—отъ 25 до 30%¹⁾.

Уголовные ссылки, находясь въ мѣстахъ политической ссылки, тщательно, за единичными развѣ исключеніями, скрываютъ причины своей высылки и выдаютъ себя за политиковъ; но въ большинствѣ случаевъ ихъ уличаетъ образъ жизни ихъ въ ссылкѣ. Они пьянствуютъ, буянятъ, занимаются кражами—и тѣмъ, разумѣется, кладутъ пятно на всю ссылку. Не только мѣстное населеніе, но и сами ссылки не могутъ точно разобраться, кто высланъ по политическимъ причинамъ, хотя, быть можетъ, и мало основательнымъ, кто—по уголовнымъ, и только по поведенію отдѣльныхъ ссылныхъ отчасти можно судить о причинахъ высылки того или другого изъ нихъ. Полиція, разумѣется, располагаетъ свѣдѣніями о причинахъ высылки, но держитъ ихъ въ секретѣ. Даже во время губернаторства Ладыженскаго, когда вологодскіе ссылки пользовались относительно свободою, полиція рѣшительно отказывала колоніальнымъ правленіямъ ссылныхъ въ сообщеніи свѣдѣній о причинахъ высылки нѣкоторыхъ лицъ, которыя своимъ поведеніемъ въ ссылкѣ внушали сомнѣніе относительно принадлежности ихъ къ политикамъ. Нѣкоторые уголовные ссылки, выдающіе себя за политическихъ, ведутъ себя въ ссылкѣ очень хорошо и нисколько не отличаются въ этомъ отношеніи отъ дѣйствительныхъ политиковъ: читаютъ газеты и книги, посѣщаютъ просвѣдительные кружки и школы, иногда пристраиваются даже къ фракціямъ. Такихъ уголовныхъ ссылныхъ, которые не скрываютъ причинъ своей высылки, совсѣмъ мало. Напр. въ сольвычегодской ссылкѣ, которую я здѣсь больше и имѣю въ виду, изъ общаго числа 450—500 ссылныхъ, находившихся тамъ въ моменты наибольшаго наплыва, на долю уголовныхъ приходилось, насколько можно судить по нѣкоторымъ даннымъ, человѣкъ 30—40; но изъ нихъ только одинъ откровенно со-

¹⁾ Въ этапѣ, съ которымъ слѣдовалъ въ ссылку нишущій эти строки, на 60 административно ссылныхъ приходилось 18 человѣкъ, высланныхъ изъ одного губернскаго города царства Польскаго въ Архангельскую губернію на три года по подозрѣнію въ совершеніи систематическихъ кражъ каменнаго угля изъ какого-то казеннаго склада. „Съ нами ѣдетъ угольная политика!“—шутили товарищи-поляки изъ дѣйствительныхъ политиковъ, хорошо знавшіе подробности „угольнаго дѣла“.

знавался, что онъ высланъ не за политику, а за искусныя кражи. „Я былъ такой ловкій воръ — говорилъ онъ, — что имъ никакъ не удалось притянуть меня къ суду; вотъ они взяли и выслали меня безъ суда, какъ это дѣлають съ политиками“. Даже среди лицъ, высланныхъ за политику — причисляя къ нимъ причастныхъ, въ той или иной степени, къ аграрному и рабочему движениямъ, — есть значительный процентъ людей, попавшихъ въ ссылку совершенно случайно, только потому, что полиція въ 1906 -- 1908 г.г. мало разбиралась въ поводахъ къ арестамъ и высылкамъ. Впрочемъ, отъ нея этого и не требовали: секретный циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 30 ноября 1905-го года, изданный черезъ 1½ мѣсяца послѣ манифеста 17 октября, предоставлялъ полиціи право арестовывать и представлять къ административной высылкѣ „политическихъ агитаторовъ“, не утруждая себя производствомъ хотя бы краткихъ полицейскихъ дознаній объ ихъ противоправительственной дѣятельности. Исключение было сдѣлано позднѣе для агитаторовъ изъ среды православнаго духовенства; о нихъ приказано было производить полицейскія дознанія, которыя должны были предшествовать аресту. Немудрено, что при такомъ болѣе чѣмъ упрощенномъ порядкѣ искорененія крамолы мѣста ссылки быстро наполнились самыми обыкновенными лѣвыми обывателями, — благо такихъ обывателей за послѣднее пятилѣтіе развелось немало, — со всѣми свойственными рядовому обывателю слабостями, недостатками и грѣшками. Ссылныхъ стараго типа, со строгими принципиальными взглядами, политическими, социальными и нравственными, въ теперешней ссылкѣ въ общемъ, пожалуй, не болѣе 10%.

Лица, случайно, по недоразумѣнію, попавшія въ новѣйшую административную ссылку, въ большинствѣ случаевъ очень тяготятся своимъ положеніемъ, падаютъ духомъ и, если получаютъ значительную денежную помощь извнѣ или располагаютъ собственными денежными средствами, зачастую спиваются. Такъ, въ устьсысольской ссылкѣ окончательно спился одинъ врачъ, въ сольвычегодской — столичный купецъ, получавшій изъ дому ежемѣсячно крупныя суммы. Онъ не только самъ изо дня въ день пьянствовалъ, но спивалъ окружавшихъ его ссылныхъ изъ числа рабочихъ и крестьянъ-земледѣльцевъ. Въ концѣ концовъ онъ былъ отправленъ исправникомъ въ деревню, гдѣ спивалъ мѣстныхъ крестьянъ. Случайно попавшихъ въ ссылку можно считать не менѣе 10%. Между ними есть высланные по ложнымъ дописамъ, сдѣланнымъ изъ личныхъ и своекорыстныхъ побужденій. Жена рядового обывателя одного подстоличнаго городка, спутавшаяся съ какимъ-то юнцомъ и задумавшая избавиться отъ постылаго мужа, донесла на послѣдняго, что онъ не ночевалъ дома въ ту ночь, когда

въ городкѣ неизвѣстно кѣмъ были убиты два нижнихъ полицейскихъ чина—и этого было достаточно, чтобы ни въ чемъ невиновный супругъ, послѣ шестимѣсячнаго сидѣнья въ тюрьмѣ, былъ отправленъ въ административную ссылку на два года. Деревенскій священникъ, недовольный строгимъ церковнымъ учѣтчикомъ изъ сельскихъ писарей, донесъ на него, что онъ занимается противоправительственной пропагандой среди крестьянъ—и такого доноса тоже оказалось достаточно для того, чтобы 70-ти-лѣтній „пропагандистъ“ прогулялся на два года въ столицу зрянскаго края, Устьсыольскъ. Въ административную ссылку очень часто отправляютъ оправданныхъ военными судами, а иногда и близкихъ родственниковъ приговоренныхъ къ казни и казенныхъ; такъ, съ нашимъ этапомъ слѣдовалъ въ Архангельскую губернію 15-ти-лѣтній мальчикъ изъ Лодзи, старшій братъ котораго, замѣшанный въ дѣло объ экспроприаціи на ст. Рогово, былъ казненъ по приговору военного суда. По дѣлу о щигровскомъ крестьянскомъ союзѣ взрослые члены одной семьи приговоромъ военного суда были присуждены къ каторгѣ или поселенію, а младшіе, несовершеннолѣтніе, въ томъ числѣ 15-ти-лѣтній мальчикъ, оправданные военнымъ судомъ, отправлены въ административную ссылку въ сѣверныя губерніи. Изъ числа оправданныхъ военными судами въ сольвычегодской ссылкѣ находились 60-ти-лѣтній народный учитель Щигровскаго уѣзда, Курской губерніи, и сельскій работникъ того же уѣзда и губерніи, 17-ти-лѣтній юноша.

Составъ ссыльныхъ въ Вологодской губерніи вездѣ болѣе или менѣе однороденъ; только въ Устьсыольскѣ нѣсколько большій процентъ разночинной интеллигенціи, чѣмъ въ другихъ пунктахъ, да въ самой Вологдѣ оставляютъ, большею частью, ссыльныхъ „аристократовъ“ (литераторовъ, врачей, инженеровъ, адвокатовъ и проч.), относительно которыхъ нѣтъ особыхъ указаній отъ департамента полиціи. Затѣмъ въ Вологдѣ оставляются на жительствѣ ссыльные калѣки (безногіе, безрукіе, слѣпые) и тяжело больные, „впредь до поправленія здоровья; туда же временно переводятся изъ уѣздовъ, по ходатайствамъ, подтвержденнымъ медицинскими свидѣтельствами, больные ссыльные, требующіе спеціальнаго лѣченія. Въ моменты наибольшаго наплыва административныхъ ссыльныхъ въ Вологдѣ находилось до 100 чел. больныхъ на временномъ положеніи и около 150 чел. постоянныхъ, оставленныхъ на весь срокъ ссылки. Въ то же время въ Архангельскѣ число ссыльныхъ—исключительно серьезно больныхъ и калѣкъ—не превышало 50 чел.

Съ начала 1909-го года, въ особенности въ такихъ пунктахъ, какъ напр. Устьсыольскъ, Вельскъ и Никольскъ, гдѣ въ составѣ ссылки

былъ значительный процентъ недоучившейся молодежи, проявилось довольно сильное стремленіе къ ученію, въ видахъ подготовки къ экзаменамъ въ объемѣ курса 6-ти и 8-ми классовъ гимназій или полнаго курса реального училища. Подготавливаться къ такимъ экзаменамъ принялись не только молодые люди, попавшіе въ ссылку со школьной скамьи, но и ссыльные изъ народныхъ учителей, а также изъ рабочихъ и ремесленниковъ-евреевъ. Рабочіе и ремесленники, какъ почти незнакомые со школьною мудростью, подготавливаясь къ тому или другому экзамену, превратились, по-истинѣ, въ мучениковъ. Это стремленіе къ диплому встрѣтило рѣзкую критику въ средѣ самихъ ссыльныхъ. „Вотъ васъ куда бросило отъ революціи? Къ ярлыку“! — извили ссыльные изъ числа рабочихъ и крестьянъ своихъ товарищей, усердно взявшихся за учебу. „Хотите запасть въ ярлыкѣ да пристроиться къ бюрократическому пирогу, съѣсть, значить, на шею тому же мужику, за освобожденіе котораго вы боролесь? Хороши борцы за свободу, нечего сказать!“ На самомъ дѣлѣ изъ числа ссыльныхъ, подготавливавшихся къ экзаменамъ, лишь немногіе добились поставленной цѣли. Администрація, послѣ долгихъ хлопотъ, разрѣшаетъ ссыльнымъ держать экзамены при имѣющихся въ губерніи (въ городахъ Вологдѣ и Великомъ-Устюгѣ) гимназіяхъ и реальномъ училищѣ (разрѣшеніе на это нужно получить отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ попечителя учебнаго округа и отъ мѣстнаго губернатора), но большинство экзаменуется безъ успѣха, частью вслѣдствіе слабой подготовки, а частью, можетъ быть, и потому, что число экстерновъ, могущихъ получить аттестатъ зрѣлости, ограничено, въ силу министерскаго распоряженія, извѣстнымъ процентомъ.

За послѣднее время среди ссыльныхъ пabлюдается еще большее умаленіе партійности, съ присущею ей у насъ, вслѣдствіе ненормальной политической обстановки, особою нетерпимостью; но интересъ къ общественно-политическимъ вопросамъ, не смотря на полное отсутствіе перспективъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ, не замираетъ и не изсякаетъ. Бесѣды на эти темы по прежнему ведутся лучшею частью ссыльныхъ. Интересъ къ общественному дѣлу утраченъ въ этой средѣ сравнительно меньше, чѣмъ во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ бывшихъ ссыльныхъ, недавно возвратившійся на родину, въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Уфимской губерніи. „Дѣлая визиты и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, исходилъ чортову прорву знакомыхъ и встрѣтилъ повсюду все одно и то же—заботу о собственномъ житьишкѣ; о широкихъ и глубокихъ вопросахъ не слышалъ ни одного слова, а когда заговаривалъ, то убѣждался, что, повидимому, сіе сейчасъ никому не интересно“.

Значительное число ссыльныхъ, за окончаніемъ сроковъ, весной разлетается по домамъ (перелетныя птицы тянутся къ сѣверу, а ссыльные въ то же время—къ югу). Какъ добраться до дому, когда казна не даетъ ни копейки на проѣздъ ¹⁾? Многимъ ссыльнымъ, высланнымъ, напр., съ Кавказа, изъ царства Польскаго, изъ южной Росіи, нужно на проѣздъ до дому по III-му классу отъ 20 до 25 рублей, а находящимся въ ссылкѣ съ семьями—отъ 45 до 60 рублей и даже болѣе. Нѣсколько яренскихъ ссыльныхъ, каждый въ отдѣльности, написали прошенія министру внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи ссыльнымъ открыть кассу взаимопомощи, такъ какъ товарищеская помощь безъ существованія легальной кассы сильно затрудняется, а подчасъ и преслѣдуется полиціей. Исправникъ, какъ сообщено въ газетахъ, принять прошенія отказался, и одного изъ просителей, по его мнѣнію—зачинщика, выслать въ село Вышгородъ, въ Удорскій край, въ трехстахъ верстахъ отъ города, гдѣ населеніе исключительно зырянское, не говорящее по-русски.

Въ послѣднее время сроки высылки стали увеличиваться: теперь въ Вологодскую губернію двухгодниковъ почти не прибываетъ, всѣ новички высылаются на три года. Замѣтно, что высылку стали примѣнять, какъ и въ до-конституціонное время, съ разборомъ, почти исключительно къ политикамъ. Весьма вѣроятно, что размѣры и фізіономія административной ссылки скоро будутъ прежними, какими были, на примѣръ, при Плеве. „Опять пошли чистые политики!“—радуется лучшая часть теперешней, послѣ-конституціонной ссылки, доживающая свои сроки; радуются этому и мѣстные жители. Теперь къ политикамъ приходится причислять и высылаемыхъ по дѣламъ профессиональныхъ союзовъ и кооперативовъ. Ссыльные этой категоріи, съ усиленіемъ за послѣднее время гоненій на профессиональные союзы и кооперативы, прибываютъ все чаще и чаще. Напр., въ мартѣ мѣсяцѣ этого года такихъ ссыльныхъ прибыло въ Вологодскую губернію изъ одного только Екатеринослава 15 человекъ, всѣ—бывшіе члены закрытыхъ профессиональныхъ союзовъ.

М. Сафоновъ.

¹⁾ До февраля 1907-го года лицамъ, освобождавшимся изъ административной ссылки, выдавались отъ казны проѣздныя деньги по цѣнѣ билета III-го класса; затѣмъ выдача такихъ денегъ окончательно прекращена, и теперь освобождающимся изъ ссылки, не имѣющимъ собственныхъ средствъ на выѣздъ, предлагаютъ отправляться на родину этапнымъ порядкомъ. Желających воспользоваться такимъ даровымъ путешествіемъ мало находится: у ссыльныхъ и безъ того слишкомъ свѣжи въ памяти этапныя мытарства и скитанія по тюрьмамъ.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КАПИТАЛИЗМЪ

I.

Въ послѣднее время много говорилось у насъ объ угрожающемъ владычествѣ промышленнаго капитала въ литературѣ и журналистикѣ; нѣкоторые ясно предвидятъ уже тотъ моментъ, когда капиталисты-предприниматели окончательно завладѣютъ нашею печатью и устроятъ ее по образу и подобию другихъ отраслей капиталистической промышленности.

Несомнѣнно, что при современныхъ экономическихъ условіяхъ матеріальные, промышленные интересы получаютъ все большее преобладаніе въ организаціи и судьбахъ періодической печати. Но — разсуждая теоретически — достигнуть окончательнаго и полнаго господства въ этой области они не могутъ по свойству самаго предмета. Въ томъ своеобразномъ товарѣ, который пускается въ оборотъ литературно-газетной промышленностью, всегда остается перастворимый, неуловимый для капитала, не поддающійся его захвату остатокъ духовнаго, умственнаго, индивидуальнаго творчества, особенно цѣнный для потребителей, т.-е. въ данномъ случаѣ для читателей.

Литературно-издательское производство, даже если оно всецѣло находится въ рукахъ промышленнаго капитала, неизбѣжно сохраняетъ свои особныя черты, рѣзко отличающія его отъ другихъ отраслей промышленности. Умственные работники участвуютъ и занимаютъ видное мѣсто въ каждомъ промышленномъ, техническомъ, фабрично-заводскомъ дѣлѣ; они являются необходимыми организаторами и руководителями предпріятій, создаютъ ихъ репутацію, обезпечиваютъ ихъ успѣхъ своимъ умѣньемъ и талантами, или, напротивъ, приводятъ къ упадку своими ошибками и упущеніями; но въ продуктахъ производства не видно ихъ участіе, не отражается ихъ индивидуальность. Издѣлія той или другой фабрики представляютъ болѣе или менѣе однородную массу товаровъ, имѣющихъ извѣстные вишніе, объективные признаки; въ этихъ товарахъ мы не найдемъ слѣдовъ участія тѣхъ техниковъ, химиковъ, инженеровъ и руководителей, которые работаютъ въ данномъ предпріятіи. Умственные работники производства остаются для насъ вполне закулисными и сливаются съ массою остальныхъ рабочихъ; они безразличны для пу-

блики. Для насъ достаточно знать, что лучшія, богатѣйшія и дорожація своею репутаціею фирмы располагаютъ, конечно, лучшими и дороже оплачиваемыми техническими силами, чѣмъ другія, и мы потому обращаемся къ крупнымъ и извѣстнымъ капиталистическимъ фирмамъ, въ расчетѣ на доброкачественность ихъ товаровъ. Этимъ опредѣляется и характеръ отношеній между предпринимателями-капиталистами и работающими у нихъ умственными работниками, даже самыми высшими по качествамъ. Это — отношенія личнаго найма: капиталистъ платитъ за трудъ высшаго качества высокую плату, и чѣмъ крупнѣе его предпріятіе, чѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ привлеченіи лучшихъ техническихъ силъ для постоянной работы, тѣмъ лучшія матеріальныя условія онъ установитъ для нихъ, тѣмъ выше будутъ нормы ихъ вознагражденія. Но по существу взаимныя отношенія хозяевъ и работниковъ остаются тѣ же. Еслибы какой-нибудь дорого оплачиваемый техникъ или инженеръ пожелалъ выйти изъ предѣловъ договора о наймѣ, еслибы онъ захотѣлъ перестать быть наемникомъ и рѣшилъ прикоснуться въ какой-нибудь мѣрѣ къ хозяйскимъ правамъ, еслибы онъ заявилъ притязаніе на извѣстную долю участія въ предпріятіи, хозяинъ-капиталистъ можетъ сказать ему: за ту цѣну, которую я плачу, я всегда найду кого мнѣ нужно, и я могу всегда замѣнить васъ, въ случаѣ надобности, другимъ работникомъ такого же качества, а публика этого даже не замѣтитъ. А въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда данный умственный работникъ дѣйствительно незамѣнимъ для дѣла, ему предложить и соотвѣтственное повышеніе, поставятъ въ исключительныя условія, не въ примѣръ прочимъ, и никакого вывода изъ этихъ исключительныхъ фактовъ нельзя будетъ сдѣлать.

Совершенно другое мы видимъ въ литературно-издательскомъ дѣлѣ. Здѣсь личность умственнаго работника не отдѣляется отъ продукта его работы: она неизбежно отражается на немъ, и это отраженіе есть именно то, что придаетъ ему цѣну въ глазахъ публики. Индивидуальность литературнаго работника сказывается въ каждомъ изданіи, въ которомъ онъ участвуетъ; въ данномъ номерѣ журнала или газеты сотрудникъ находитъ свои строки, лично ему принадлежація; онъ видитъ слѣды своей работы въ прочитанныхъ и исправленныхъ имъ статьяxъ и сообщеніяхъ, и даже самый скромный участникъ можетъ указать и опредѣлить тотъ уголокъ изданія, въ которомъ такъ или иначе отражается его личность. Литературно-издательская промышленность не производитъ и не выпускаетъ на рынокъ массы однородныхъ, безразличныхъ товаровъ, которые существовали бы и имѣли бы цѣнность сами по себѣ, независимо отъ произведшихъ ихъ лицъ. Каждый органъ періодической печати имѣетъ свою опредѣленную фізіоно-

мію — не внѣшнюю, техническую, а внутреннюю, духовную, интеллектуальную, неотдѣлимую отъ даннаго изданія. Эта фізіономія создается редакціею и ближайшими постоянными сотрудниками журнала или газеты; сотрудники придаютъ извѣстный характеръ или отбѣнокъ изданію, публика невольно отличаетъ ихъ другъ отъ друга, привыкаетъ къ ихъ писательской индивидуальности, и читатели заранѣе знаютъ, кто и что пишетъ въ данномъ изданіи. Писатели по призванію и по профессіи вкладываютъ свою душу въ извѣстное литературное предпріятіе; они налагаютъ на него отпечатокъ своей личности, своего дарованія, своихъ убѣжденій и идеаловъ; для нихъ то изданіе, въ которомъ они участвуютъ, вовсе не предпріятіе, не постороннее учрежденіе, съ которымъ они связаны службою или договоромъ; тамъ, въ этомъ изданіи, заключается часть и, можетъ быть, лучшая часть ихъ собственной души. Здѣсь, очевидно, непримѣнимы тѣ отношенія между хозяевами-капиталистами и умственными работниками высшаго ранга, какія существуютъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Отношенія между издателями и сотрудниками періодическихъ изданій не могутъ быть устраниваемы по образу и подобию отношеній служебныхъ или паемныхъ; это отношенія совершенно особыя, ставящія извѣстные предѣлы самостоятельной распорядительной роли хозяевъ-капиталистовъ въ дѣлахъ литературы и журналистики.

Когда говорятъ о владычествѣ или о предстоящемъ владычествѣ капитала надъ прессою, то при этомъ имѣютъ въ виду главнымъ образомъ печать ежедневную, газетную. Журналы, особенно ежемѣсячные, представляютъ мало соблазна для предпринимателей-капиталистовъ; они существуютъ преимущественно для такъ называемой интеллигенціи, для небольшой сравнительно части образованнаго общества; они интересуютъ публику только своею идейною стороною и не могутъ служить ни орудіями промышленнаго вліянія, ни источниками обогащенія. Журналы не только у насъ, но и за границей находятся обыкновенно въ рукахъ писателей и ученыхъ; они остаются въ распоряженіи болѣе или менѣе тѣсныхъ литературныхъ кружковъ, обществъ или учрежденій, даже когда они формально составляютъ собственность акціонерныхъ компаній или извѣстныхъ издательскихъ фирмъ. Для промышленнаго капитализма тутъ мало простора. Ареною желаннаго господства для капиталистовъ является именно ежедневная печать, проникающая повсюду, доставляющая не только огромные денежные обороты и доходы, но и возможность значительнаго промышленнаго вліянія на многомиліонныя массы потребителей. Капиталисты и завладѣли газетою въ западной Европѣ, но формы этого владычества неодинаковы въ различныхъ странахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаются

различія и въ отношеніяхъ между издателями и сотрудниками. Въ англійской журналистикѣ эти отношенія покоятся на обоюдныхъ коммерческихъ интересахъ и соглашенияхъ; тамъ примѣняются высокія нормы вознагражденія и возможно болѣе выгодныя условія для писателей, но зато издатели остаются полными хозяевами. Во Франціи большія газеты обыкновенно составляютъ собственность особыхъ акціонерныхъ компаній, и лица, владѣющія наибольшимъ количествомъ акцій данной газеты, являются главными и высшими ея распорядителями. Скупка акцій какой-нибудь ходкой газеты для пріобрѣтенія принадлежащаго ей вліянія на промышленномъ рынкѣ считается однимъ изъ способовъ достиженія крупнаго успѣха въ коммерческомъ мірѣ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный парижскій „Figaro“ подвергался риску неожиданнаго перехода въ другія руки, вслѣдствіе значительныхъ закупокъ акцій этой газеты извѣстнымъ спекулянтомъ Рошеттомъ, попавшимъ потомъ въ тюрьму за свои незаконныя биржевыя продѣлки. Для капиталистовъ газета имѣетъ значеніе какъ орудіе рекламы и публикацій, и главные доходы получаютъ изъ этого источника, а вовсе не отъ читающей публики. Въ Германіи нѣкоторыя изъ самыхъ распространенныхъ газетъ принадлежатъ крупнымъ агентствамъ объявленій; такъ напримѣръ, „Berliner Tageblatt“ издается торговымъ домомъ Рудольфа Моссе, по образцу котораго организована существующій у насъ торговый домъ Метцль. Главное мѣсто—или наибольшее количество бумаги—въ каждой нѣмецкой или англійской газетѣ занимаютъ публикаціи и объявленія; литературный или общественно-политическій матеріалъ газеты превращается какъ бы въ побочный, сравнительно незначительный привѣсокъ къ обширному, подавляющему отдѣлу рекламъ. Въ газетахъ французскихъ практикуется болѣе тонкая, менѣ замѣтная форма публикацій; тамъ даже за небольшіе биржевые или банковскіе бюллетени уплачиваются десятки тысячъ франковъ, и на заурядныя объявленія не принято удѣлять много мѣста. Публикаціи выгодно печатать только въ очень распространенныхъ газетахъ, а получить большое распространеніе можетъ лишь газета, располагающая талантливыми, остроумными, компетентными и даже учеными сотрудниками. А такъ какъ источникъ издательскихъ доходовъ находится внѣ читательской публики, внѣ скромныхъ цифръ подписной платы, то высота литературнаго гонорара не стѣсняетъ издателей, и сотрудники, въ особенности постоянные и выдающіеся, пользуются всѣми выгодами своего положенія, безъ ущерба для хозяйскихъ правъ и для интересовъ капиталистовъ. Въ Германіи работа газетныхъ сотрудниковъ оплачивается гораздо хуже, чѣмъ во Франціи, и нѣмецкіе журналисты поставлены въ несравненно менѣ благоприятныя условія,

чѣмъ ихъ французскіе коллеги. Это объясняется тѣмъ, что французскіе работники не сознательно отстаивали свои права и интересы въ борьбѣ съ капиталистами и не дали себѣ превратить въ наемныхъ, хотя и привилегированныхъ рабочихъ, тогда какъ у нѣмцевъ подчиненіе журналистовъ издателямъ совершилось легко и просто, безъ серьезныхъ попытокъ сопротивленія и организованной самозащиты.

II.

Французскіе журналисты отстаивали и сохранили весьма важное право и придали ему значеніе обычая; это—право подписи подъ газетными статьями, замѣтками и сообщеніями, даже въ специальныхъ отдѣлахъ. Большая часть французскихъ газетъ придерживается этого чрезвычайно цѣннаго для сотрудниковъ начала публичности авторства: почти всѣ статьи, начиная съ руководящихъ и кончая мелкими замѣтками, подписываются именами ихъ составителей. Каждый литературный работникъ сохраняетъ, такимъ образомъ, свою индивидуальность и упрочиваетъ свою извѣстность, хотя бы и въ маленькой, скромной сферѣ. Это способствуетъ достоинству и независимости журнальной профессіи, усиливая чувство нравственной отвѣтственности за высказанныя сужденія. Въ рядахъ профессиональныхъ журналистовъ вырабатываются публицисты въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такая газета, какъ „Journal des Débats“, служитъ разсадникомъ выдающихся писателей; сотрудничество въ этой газетѣ въ былое время облегчало доступъ въ академію. Въ „Journal des Débats“ выдвигались писатели и по такому неблагодарному отдѣлу, какъ иностранная политика; постоянный сотрудникъ газеты по этой части въ восьмидесятыхъ годахъ, Джонъ Лемуаннъ, ничего другого, кажется, не писалъ, кромѣ изящныхъ и остроумныхъ статей по иностранной политикѣ—и эти небольшія, подписанныя имъ статьи оказались достаточными для того, чтобы Лемуаннъ попалъ въ академики.

Конечно, во многихъ случаяхъ анонимность статей оправдывается обстоятельствами или вызывается интересами самихъ авторовъ. Всякія мнѣнія и заявленія, исходящія отъ опредѣленной газетной или журнальной редакціи въ цѣломъ, или отъ какихъ-либо партійныхъ кружковъ, должны, разумѣется, печататься безъ подписи, точно такъ же какъ общія политическія обозрѣнія, имѣющія редакціонный характеръ; сверхъ того, статьи и сообщенія извѣстнаго рода, основанныя на конфиденціальномъ свѣдѣніи и предположеніяхъ, могутъ появляться въ печати только подъ условіемъ анонимности; наконецъ, нѣ-

которые авторы, по своему официальному, служебному или общественному положенію, прямо заинтересованы въ сохраненіи своего инкогнито. Право на подпись не должно превращаться въ обязанность, иногда неудобную и тягостную для авторовъ.

Въ періоды острой политической борьбы между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ, какъ это было, напр., во Франціи при второй имперіи, обязательность подписи считается иногда необходимой съ точки зрѣнія интересовъ государственной власти, чтобы можно было привлекать къ суду авторовъ, а не только редакторовъ и издателей, за враждебныя правительству статьи. Въ такихъ случаяхъ анонимность является для журналистовъ болѣе или менѣе надежнымъ—иногда, впрочемъ, только кажущимся—прикрытіемъ отъ судебныхъ и административныхъ преслѣдованій. Обыкновенно, однако, правительственная власть находитъ для себя даже удобнымъ оставлять всю тяжесть отвѣтственности на официальныхъ редакторахъ и издателяхъ, не доискиваясь раскрытія именъ авторовъ. Для администраціи важно держать самыя изданія, въ лицѣ ихъ собственниковъ и руководителей, подъ постоянной угрозой карательныхъ мѣръ—а отдѣльные журналисты всегда могутъ быть привлечены къ отвѣту, въ случаѣ надобности, подъ какимъ-нибудь самостоятельнымъ предлогомъ, независимо отъ своихъ редакцій. Поэтому, напр., у насъ правительство вообще не разыскиваетъ авторовъ оппозиціонныхъ статей, а довольствуется наложеніемъ всякихъ каръ, уголовныхъ и административныхъ, на отвѣтственныхъ редакторовъ и издателей, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ статьями имѣются подписи опредѣленныхъ лицъ. Такъ, между прочимъ, М. М. Ковалевскій судился, какъ редакторъ „Страны“, за статью, подписанную П. Д. Боборыкинымъ, который ни къ какой отвѣтственности не привлекался.

Исключительныя обстоятельства внутренней политики касаются непосредственно только небольшой группы журналистовъ, занятыхъ боевыми внутренними вопросами. По отношенію къ большинству профессиональныхъ литературныхъ работниковъ анонимность, при нормальномъ положеніи печати, можетъ имѣть нежелательныя послѣдствія. Она можетъ увлечь начинающихъ, нетвердыхъ въ принципахъ морали, на путь сознательныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ; подъ ея прикрытіемъ можно пользоваться вліяніемъ и авторитетомъ крупнаго изданія для проведенія личныхъ, иногда неблаговидныхъ цѣлей, для недобросовѣстныхъ нападеній изъ-за угла. Подъ защитой анонимности могутъ процвѣтать самыя ядовитые продукты печатнаго слова—скрытая клевета, доносы, шантажъ. Равносильными анонимамъ могутъ, съ этой точки зрѣнія, считаться и псевдонимы, если они перемѣнчивы и не имѣютъ характера постоянства въ обозначеніи однихъ

и тѣхъ же лицъ; такъ ускользнулъ отъ ответственности за клевету сотрудникъ „Новаго Времени“, обвинявшій, въ началѣ восьмидесятихъ годовъ, редактора-издателя газеты „Порядокъ“ въ полученіи субсидіи отъ евреевъ.

Для издателей-капиталистовъ гораздо выгоднѣе имѣть дѣло съ арміей безымянныхъ журналистовъ, искателей газетной работы, чѣмъ съ точно опредѣленными личностями, имѣющими свою репутацію и свой удѣльный вѣсъ въ глазахъ читающей публики. Во Франціи главные редакторы или директоры распространенныхъ газетъ, принадлежащихъ акціонернымъ компаниямъ, пользуются довольно широкою автономіею. Журналистамъ не приходится, поэтому, чувствовать на себѣ гнетъ капитала; напротивъ, мало-мальски талантливые или дѣльные сотрудники сами ставятъ свои условія и часто завоевываютъ себѣ положеніе фактическихъ распорядителей газеты. Въ Германіи нѣтъ газетныхъ именъ; газеты составляются и редактируются большею частью безымянными писателями, иногда даровитыми и остроумными, но не существующими для читателей и извѣстными только въ тѣсныхъ журнальныхъ кружкахъ. Такой писатель либо отдаетъ себя всецѣло, за высокую плату, въ распоряженіе даннаго органа печати или его издателя, либо отрекается отъ своей индивидуальности вслѣдствіе привычнаго безправія и безсилія, подъ вліяніемъ матеріальной пужды. Анонимный работникъ, человекъ безъ имени, безъ писательской фізіономіи—это именно то, что нужно капиталу для безпрепятственнаго владычества надъ печатью. И потому противъ такой анонимности должны бороться журналисты во имя своихъ интересовъ, какъ правственныхъ, такъ и матеріальныхъ.

Съ капитализаціей печати тѣсно связано одно явленіе, позволяющее авторамъ механически увеличивать свои заработки. Мы видимъ, напр., во Франціи, что однѣ и тѣ же статьи, подписанныя извѣстными, иногда громкими именами, появляются одновременно въ разныхъ провинціальныхъ газетахъ; французская публика получаетъ такимъ образомъ возможность читать статьи Жореса, Лакруа, Ганотѣ помимо ихъ собственныхъ парижскихъ органовъ, которые не могутъ быть всѣмъ одинаково доступны; писатели при этомъ значительно расширяютъ свою аудиторію и получаютъ несравненно большій доходъ, такъ какъ даже при незначительной построчной платѣ отъ каждой отдѣльной газеты общая сумма заработка достигаетъ крупныхъ цифръ, въ зависимости отъ количества изданій, участвующихъ въ данной комбинаціи. Способы распространенія работъ извѣстныхъ авторовъ—не только публицистовъ, но и беллетристовъ-художниковъ,—все болѣе совершенствуются, къ выгодѣ самихъ писателей и въ то же время къ несомнѣнной пользѣ читающей публики. Что касается мѣстныхъ жур-

налистовъ, особенно начинающихъ, то для нихъ примѣры и образцы писательства такихъ конкурентовъ, какъ Жоресъ или Клемансо, должны имѣть возбуждающее, благотворное значеніе. Зато въ газетахъ чисто мѣстнаго характера, посвященныхъ исключительно интересамъ даннаго округа или города, мѣстные журналисты не имѣютъ конкурентовъ и пользуются достаточно широкимъ просторомъ для приложенія своихъ силъ.

Система одновременнаго печатанія извѣстныхъ произведеній не только въ разныхъ изданіяхъ одной страны, но и въ переводахъ съ рукописи въ различныхъ странахъ, примѣняется теперь въ широкихъ размѣрахъ. Когда появляется новое произведеніе Льва Толстого, то оно печатается въ одинъ и тотъ же день въ огромной массѣ изданій, во всемъ культурномъ мірѣ, на различныхъ языкахъ, съ тою впрочемъ разницею, что повсюду оно появляется въ полномъ видѣ, безъ урѣзокъ, и единственно лишь на русскомъ, отечественномъ языкѣ—съ пропусками и многоточіями. Возражать противъ такихъ способовъ распространенія литературныхъ произведеній, хотя бы и газетныхъ, и противъ организованныхъ для этого „прессъ-бюро“,—можно только по недоразумѣнію. Грѣхи капитализма тутъ ни при чемъ. Когда нѣтъ этихъ способовъ распространенія, то практикуются другіе, болѣе первобытные—простыя систематическія перепечатки статей и фельетоновъ изъ столичныхъ газетъ и журналовъ, съ подписью инициаловъ, соотвѣствующихъ названію изданія, откуда взяты матеріалъ. Такихъ самовольныхъ способовъ распространенія газетныхъ и журнальныхъ статей мы не встрѣчаемъ уже въ западной Европѣ.

III.

Наша ежедневная печать находится еще пока въ такомъ положеніи, что чисто капиталистическія начала могутъ быть проводимы въ ней только съ большимъ трудомъ. Газетное и журнальное издательство является у насъ поприщемъ не для выгоднаго помѣщенія капитала, а для самоотверженнаго общественнаго служенія. Промышленные капиталы не идутъ въ такую область, гдѣ судьба предпріятій зависитъ отъ непредвидимыхъ случайностей, гдѣ самый широкій успѣхъ въ публикѣ не ограждаетъ отъ внезапнаго провала, гдѣ существованіе наилучше обставленнаго изданія можетъ быть прекращено въ каждый данный моментъ, по усмотрѣнію постороннихъ для печати лицъ. Всякое промышленное дѣло требуетъ извѣстныхъ элементарныхъ гарантій вѣшной безопасности; оно не можетъ жить и развиваться подъ ежедневнымъ, постояннымъ страхомъ упраздненія

или катастрофы. Разчетливымъ капиталистамъ дѣлать нечего тамъ, гдѣ серьезныя по существу предпріятія осуждены оставаться эфемерными, гдѣ нѣтъ подъ ними надежной почвы даже при несомнѣнныхъ шансахъ успѣха, гдѣ нѣтъ элементовъ прочности и постоянства въ общемъ положеніи дѣлъ. Самое скромное, ничтожное промышленное заведеніе обладаетъ прочнымъ правомъ существованія и можетъ быть твердо увѣрено въ неприкосновенности этого права, при соблюденіи извѣстныхъ, точно установленныхъ формальныхъ правилъ; но такой увѣренности нѣтъ у литературныхъ предпріятій. Наши газеты прекращались болѣею частью не отъ внутренняго худосочія и не отъ равнодушія публики. Нѣтъ надобности приводить примѣры—все знаютъ и помнятъ ихъ. По странной игрѣ случая у насъ внезапно погибали именно тѣ изданія, которыя пользовались наибольшимъ успѣхомъ и популярностью и вполне обезпечивали не только издателей, но и сотрудниковъ. Процифталъ у насъ когда-то „Голосъ“—и погибъ, вопреки всемъ разчетамъ и ожиданіямъ своего осторожнаго и предусмотрительнаго хозяина. Въ послѣдніе годы существовалъ у насъ очень распространенный и популярный „Сынъ Отечества“, но исчезъ, и издатель-капиталистъ разорился. Была газета Л. В. Ходскаго, достигла, подъ разными названіями, прочнаго успѣха—и погибла не по своей винѣ. Естественно, что капиталы уклоняются отъ такихъ явно рискованныхъ и опасныхъ дѣлъ, какъ газетное издательство; въ эту область дѣятельности могутъ идти только люди идейные, а такіе рѣдко встрѣчаются между капиталистами.

Въ силу этихъ особыхъ обстоятельствъ въ русской періодической печати не могъ утвердиться духъ односторонняго капитализма; между издателями, редакторами и главными сотрудниками большихъ газетъ часто устанавливались товарищескія отношенія, и все эти участники общаго дѣла нерѣдко дѣйствительно становились товарищами по несчастью. При такихъ условіяхъ было бы несправедливо и бесполезно предъявлять издателямъ-капиталистамъ какія-либо особыя требованія для обезпеченія интересовъ сотрудниковъ; вѣдь сами издатели абсолютно ничѣмъ не обезпечены и ежеминутно рискуютъ потерять все затраченныя на дѣло средства. Тѣмъ не менѣе, у насъ давно уже дѣлались попытки формулировать тѣ начала, которыя должны господствовать въ отношеніяхъ между издателями и сотрудниками. Болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, въ февралѣ 1879-го года, кружкомъ петербургскихъ журналистовъ выработана была программа союза, съ цѣлью „объединенія литературныхъ силъ для лучшаго и болѣе цѣлесообразнаго пользованія тѣмъ вліяніемъ, какое принадлежитъ печати“, при чемъ имѣлось въ виду „улучшеніе нравственныхъ и экономическихъ условій литературнаго труда, съ возможно широкимъ примѣненіемъ

артельнаго начала въ редакціяхъ и издательствѣхъ. Эта программа „союза литературныхъ рабочихъ“ подписана, между прочимъ, Юзовымъ-Каблицемъ, П. Червинскимъ (П. Ч. изъ „Недѣли“), С. Венгеровымъ, Н. Виленкинымъ-Минскимъ, Гр. Градовскимъ, Евг. Раппомъ, Кейслеромъ, Л. Весинимъ, А. Никольскимъ, Мих. Ивановымъ и другими молодыми литераторами того времени. Тѣмъ же кружкомъ лицъ составленъ былъ проектъ соглашеній съ издателями-редакторами. По этому проекту предполагалось, что „въ каждомъ періодическомъ изданіи, въ которомъ члены союза, въ числѣ не менѣе трехъ, состоятъ постоянными самостоятельными сотрудниками, составляется редакціонная артель для соблюденія единства въ направленіи и въ составѣ изданія и для надлежащаго охраненія правъ литературныхъ рабочихъ“, а также для обезпеченія участія сотрудниковъ въ извѣстной долѣ чистаго дохода съ изданія, сообразно количеству и качеству ихъ работы въ теченіе года.

Эти попытки организациі по обстоятельствамъ времени не могли привести къ цѣли. Наши преуспѣвающія большія газеты подчиняются, конечно, условіямъ промышленнаго успѣха, и для нихъ главнымъ источникомъ и мѣриломъ доходовъ служить не число подписчиковъ, а количество платныхъ объявленій. Наиболѣе распространенная изъ петербургскихъ газетъ находитъ свою главную опору не въ подписчикахъ: ее поддерживаютъ и обогащаютъ публикаціи. Но во главѣ этихъ большихъ ежедневныхъ изданій стоятъ большею частью старые журналисты или идейные капиталисты, и у нихъ положеніе постоянныхъ сотрудниковъ можетъ считаться болѣе или менѣе благополучнымъ. Такъ, въ только-что указанной богатой газетѣ, представляющей, по выраженію ея издателя, „парламентъ мнѣній“, издавна примѣняется—хотя и безъ достаточной послѣдовательности—принципъ участія постоянныхъ сотрудниковъ въ доходахъ изданія, въ качествѣ пайщиковъ. Если не въ настоящемъ, то для будущаго въ высшей степени желательно стремиться къ повсемѣстному и систематическому примѣненію того же руководящаго начала. Сотрудники невольно участвуютъ въ рискѣ гибели и разоренія изданій—и потому справедливо могли бы пользоваться участіемъ въ выгодахъ, доставляемыхъ успѣхомъ изданій.

Твердо установившіяся традиціи русской журналистики позволяютъ надѣяться, что въ ней никогда не удастся восторжествовать чисто-коммерческому капиталистическому духу, и что, избавившись отъ внѣшняго гнѣта, печать не подпадетъ подъ другое иго, еще худшее, отравляющее самую ея духовную сущность, ея душу.

Л. Слонимскій.

ТРИ КУЛЬТУРЫ

(Письмо изъ Танжера.)

I.

Въ дѣтствѣ насъ всѣхъ поражали чудесныя свойства ковра-самолета, переносящаго въ одно мгновеніе героя за тридевять земель, въ совершенно иную обстановку. Пылкая фантазія англійскаго романиста изобрѣла „Time machine“, при помощи которой можно передвинуть по желанію на нѣсколько вѣковъ время впередъ или назадъ.

И вотъ, представьте, на самомъ дальнемъ западѣ Европы я вижу теперь осуществленіе всего того, что можетъ дать соединеніе ковра-самолета съ „Time machine“. Въ теченіе одного дня я переносюсь съ континента на континентъ, изъ Европы въ Африку. Въ самый короткій промежутокъ времени я попадаю изъ Гибралтара въ Алхесирасъ, а оттуда—въ Танжеръ. Британская имперія, Испанія и Марокко! Три міра, три культуры, три міропониманія, три вѣка! Трудно представить себѣ что-либо болѣе противоположное. Въ полчаса мы переносимся изъ XX-го вѣка въ начало XIX-го. Еще черезъ три часа—и мы попадаемъ въ XVI-ый вѣкъ.

Я не намѣренъ дать здѣсь какое-либо изслѣдованіе. Я — только отдыхающій журналистъ, собирающійся подѣлиться бѣглыми наблюденіями надъ тремя мірами и тремя культурами.

Сѣрая гибралтарская скала. Къ острому хребту ея прижалось черное облако. Кажется, что духъ старой Англій, въ видѣ клочка ея чернаго тумана, перенесся сюда и караулитъ ея грозную крѣпость, не имѣющую впрочемъ, какъ говорятъ, такого важнаго значенія, какъ когда-то. Внизу, на Уотерпортѣ, главной улицѣ крошечной колоніи, ничто не говоритъ о туманахъ, холодѣ и сырости. Южное солнце льетъ потоки свѣта на ряды домовъ, на мимозы, пальмы и колючія варварійскія фиги, покрытыя желтыми крупными цвѣтами, на пестрый потокъ людей и на интенсивно голубое море. Мимо скалы проходитъ самая бойкая, самая красивая и наиболѣе богатая воспоминаніями лазоревая большая дорога. Безголовый сфинксъ, съ которымъ сравниваютъ Гибралтаръ, караулитъ эту лазоревую дорогу, готовый въ любой моментъ засыпать ее бомбами. Жерла пушекъ выглядываютъ всюду

изъ темныхъ галлерей и кажутся сказочными чудовищами, показывающими изъ темныхъ пещеръ свои гигантскіе хоботы. О томъ, что каменный сфинксъ охраняетъ лазоревый измѣнчивый путь (въ теченіе одного дня призрачная синева его нѣсколько разъ принимаетъ свинцовый цвѣтъ, бугрится—и тогда горе небольшимъ судамъ!) изъ Средиземнаго моря въ Атлантическій океанъ, о томъ, что на этомъ пути встрѣчаются корабли всѣхъ портовъ земного шара,—свидѣтельствуешь невѣроятно пестрый видъ толпы, которая многоцвѣтнымъ непрерывнымъ потокомъ струится отъ зари до зари по Уотерпорту. Потокъ приходитъ въ движеніе утромъ, когда сигнальная пушка возвѣщаетъ, что крѣпость открыта. Онъ исчезаетъ ночью, когда та же пушка даетъ сигналъ къ отрѣзыванію крѣпости отъ всего міра. Послѣ сигнальнаго выстрѣла, съ вечерней зарей, на улицѣ появляется отрядъ солдатъ. Пищать дудки. Глухо гудитъ громадный барабанъ, въ который что есть силы колотитъ здоровенный солдатъ. Это тотъ, кого испанцы называютъ San Pedro, относить губернатору ключи отъ крѣпостныхъ воротъ. Кого только нѣтъ днемъ въ живомъ, многоцвѣтномъ потокѣ! Тутъ великолѣпный и безконечный матеріалъ для этнографа и лингвиста. Народы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ кожи смѣшались вмѣстѣ. Въ звучную, благородную, сильную испанскую рѣчь влетаютъ грубые, гортанные, архаическіе звуки какого-нибудь малоизвѣстнаго народа Малайскаго архипелага. Индусы, повязанные цвѣтными платками, блестящіе какъ антрацитъ суданскіе негры, бѣлолицыя англійскія туристки, подвижные французы-провансальцы, черныя, большія, густыя бороды которыхъ находятся въ противорѣчьи съ женственными чертами лица; китайцы, высокіе, русоволосые шведы и норвежцы, длинноволосые мексиканцы и еще много представителей другихъ народностей смѣшались какъ при построеніи вавилонской башни. Гордо выступаютъ, закутавшись въ синіе бурнусы, мавры изъ Марокко. Ихъ голыя ноги, въ желтыхъ туфляхъ изъ верблюжьей кожи, поражаютъ великолѣпіемъ мускуловъ. Эти ноги какъ будто отлиты изъ темной бронзы. За маврами нерѣшительно слѣдуютъ другія фигуры, тоже родомъ изъ Марокко. На нихъ длинныя темносѣрые балахоны, перехваченные черными поясами. На головахъ — черныя шапочки. Лица поражаютъ въ одинаковой степени какъ библейской, патриархальной красотой, такъ и робостью выраженія. Это — евреи изъ Танжера, Тетуана, Рабата или Марокеша. Желчный докторъ Лимуэль Гуливеръ, въ своемъ путешествіи по странѣ Гуимнъ, рассказываетъ, какъ когда-то къ отдаленному острову пристали мужчины и женщины. Вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій потомки ихъ стали быстро вырождаться и съ теченіемъ времени превратились въ ужасныхъ, отвратительныхъ „Ягу“. Нѣчто подобное повторилось въ Ма-

рошко. Предки евреевъ, живущихъ тамъ, выселились въ XV-мъ вѣкѣ изъ Испаніи, не желая принять христіанство. Въ то время они и арабы являлись носителями культуры на Иберійскомъ полуостровѣ. Испанскіе евреи выдвинули тогда рядъ смѣлыхъ мореплавателей (одинъ изъ нихъ командовалъ кораблемъ той флотиліи, во главѣ которой стоялъ Колумбъ), государственныхъ дѣятелей, поэтовъ, врачей, математиковъ, философовъ, зодчихъ. Въ дикой странѣ, при новыхъ, крайне неблагопріятныхъ условіяхъ, потомки высоко-культурнаго народа мало-помалу стали вырождаться. Отъ прежняго они сохранили только красивую наружность и испанскую рѣчь. Существованіе мароккскихъ евреевъ протекаетъ теперь при тяжелыхъ условіяхъ. Въ Рабатѣ, въ Марокешѣ, Фецѣ и Тетуанѣ жизнь ихъ — сплошной трепетъ. Въ любой моментъ ихъ имущество можетъ быть отдано на разграбленіе „рифамъ“ (дикимъ горцамъ). Въ любой моментъ губернаторъ провинціи можетъ посадить въ тюрьму еврея, чтобы заставить его заплатить выкупъ. Теперь въ Марокко—тревожныя времена. И въ перечисленныхъ городахъ матери-еврейки каждый вечеръ наряжаютъ своихъ дочерей въ лохмотья и пачкаютъ имъ лица сажей. Онѣ хотятъ такимъ образомъ спасти своихъ дочерей отъ позора, если ночью ворвутся въ городъ „рифы“ и начнется погромъ. Къ несчастью, даже дѣтскій возрастъ не спасаетъ дѣтей отъ крайняго насилія! Гдѣ развѣвается красное британское знамя съ синимъ крестомъ, тамъ неприкосновенность личности абсолютно гарантирована. Въ британской колоніи мароккскіе евреи чувствуютъ себя въ полной безопасности, но и тутъ имъ трудно отдѣлаться отъ вѣковой робости.

Вотъ въ цвѣтной живой потокъ влилась новая сѣрая струя. Эмигрантскій пароходъ, по пути въ Южную Америку, остановился на два часа въ Гибралтарѣ. Переселенцы воспользовались этимъ временемъ, чтобы въ послѣдній разъ побывать на европейскомъ континентѣ. Въ толпѣ слышится польская и еврейская рѣчь. То выходцы изъ Россіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше наша родина становится тѣмъ же, чѣмъ былъ когда-то Золотой берегъ или берегъ Слоновой кости: иностранные корабли вывозятъ изъ Россіи живой грузъ, какъ прежде вывозили его съ береговъ Гвинейскаго залива. Грузъ, состоящій изъ несчастныхъ людей, къ которымъ родина отпелась безпощадно, отправляется въ Сѣверную Америку или въ Бразилію, т.е. туда, гдѣ требуется дешевый и безответный работникъ. Общая судьба соединила представителей разныхъ вѣръ. Евреи, поляки и латыши держатся вмѣстѣ въ пестрой, интернаціональной толпѣ и съ одинаковымъ любопытствомъ глядятъ на лавки, представляющія смѣсь Европы и Азіи. На дверяхъ лавокъ, въ которыхъ сидятъ неподвижные, какъ изваянія Будды, индусы, повязанные цвѣтными платками, видны

пестрыя шали, полотнища, затканныя изображеніями отвратительныхъ божествъ, порожденныхъ богатой, но запуганной фантазіей; висятъ ковры, на которыхъ цвѣты лотоса сочетаются въ самые причудливые узоры. Изъ низкихъ оконъ на улицу выглядываютъ бронзовыя божества всѣхъ азіатскихъ и африканскихъ пантеоновъ. Они привезены изъ языческихъ странъ, но изготовлены благочестивымъ Бирмингэмомъ, который одновременно отправляетъ въ глубину Африки идоловъ — и миссіонеровъ для распространенія христіанства. Рядомъ съ бронзовыми многоголовыми и многорукими богами — восточные кинжалы, амулеты съ таинственными надписями, громадныя кремневыя „пищали“, которыя будутъ вывезены отсюда любителями рѣдкостей. О-бокъ съ индійскими лавками — англійскіе магазины, съ послѣдними новинками Лондона и Парижа. Особенность Гибралтара составляютъ лавки, снабжающія специально испанскихъ контрабандистовъ. Сблазнъ для нихъ слишкомъ великъ, и тюки съ табакомъ, кофе и оружіемъ вывозятся постоянно изъ британской колоніи въ сосѣднюю Испанію. Въ томъ домѣ, гдѣ нѣтъ лавки, тамъ непременно или испанское кафе, или англійскій „баръ“. Въ первомъ за мраморными круглыми столиками сидятъ испанцы, сосутъ освѣжительный напитокъ черезъ соломинку или играютъ въ домино. Въ „барахъ“ матросы, солдаты и пріѣзжіе туристы поглощаютъ густой черной „stout“, дѣйствующій въ этомъ жаркомъ климатѣ какъ ударъ дубиной по головѣ. Матросы и солдаты встрѣчаются на Уотерпортѣ непрерывно. Солдаты въ „хаки“ или въ красныхъ курткахъ видны у воротъ безчисленныхъ казармъ, на площадкахъ, въ дверяхъ кабаковъ. Рослые, свѣтловолосые и краснощекіе защитники Англій выдѣляются сразу въ толпѣ невысокихъ, черноволосыхъ и смуглолицыхъ испанцевъ. Старая Англія заботится о своихъ солдатахъ. Жилища ихъ удобны, комфортабельны и по возможности копируютъ коттеджи, столь любезныя британскому сердцу. Англичане носятъ всегда съ собою свою внѣшнюю культуру, какъ улитка — свою раковину. Стоитъ только присмотрѣться къ окнамъ домовъ въ Гибралтарѣ. Если домъ принадлежитъ англичанину, то окна непременно устроены „гильотиной“, точь въ точь какъ гдѣ-нибудь въ Ричмондѣ или въ Брэдфордѣ. Особенно любопытное зрѣлище представляютъ солдаты рядомъ со своими женами. Англійское правительство охотно помогаетъ послѣднимъ и устраиваетъ ихъ возможно комфортабельнѣе. „Солдатка“ одѣта „барыней“, конечно — въ шляпкѣ. Солдатъ слѣдуетъ рядомъ и толкаетъ колясочку, въ которой сидитъ нарядный, толстощекій, веселый будущій защитникъ Британской имперіи. Младенецъ этотъ — не офицерскій, а принадлежитъ солдату. Англія не отдаетъ своихъ солдатъ офицерамъ въ лакеи. За-

щитнику Британской имперіи не приходится ваксить барскихъ сапоговъ, рубить котлеты на кухнѣ или пиньчить ребятъ...

На Уотерпортѣ—внезапное наводненіе: вся улица залита веселой, краснощекой молодежью въ бѣлыхъ шлупкахъ. То бросившій якорь военный корабль спустилъ на берегъ матросовъ. Полисменъ въ бѣломъ шишакѣ смотритъ на эту новую волну и лицо его выражаетъ покорность судьбѣ. Сегодня ночью, когда вѣстовал пушка подастъ сигналъ, что пора запирать крѣпостныя ворота, полисменамъ будетъ немало возни съ дюжими матросами, которые къ тому времени успѣютъ попробовать и тяжелый „stout“, и виски, и испанское „aguardiente“.

Гибралтаръ поражаетъ туриста не только своею живонисностью и красочностью. Послѣ нѣсколькихъ минутъ пребыванія мы убѣждаемся, что скала представляетъ собою обломокъ старой Англіи, брошенный между двумя морями. Удивительный организаторскій талантъ британскаго народа проявляется на каждомъ шагу: въ великолѣпной военной гавани, въ превосходныхъ дорогахъ, вырубленныхъ всюду въ скалѣ, въ удивительномъ порядкѣ, въ *культурности* города. Мы—въ первой классной крѣпости, имѣющей колоссальное значеніе для Британской имперіи. Военный губернаторъ знаетъ, что на немъ лежитъ страшная отвѣтственность. Между тѣмъ личная свобода всего населенія Гибралтара ничѣмъ не стѣснена. Паспорты неизвѣстны въ Гибралтарѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ міровой имперіи. Все пестрое населеніе крѣпости, не смотря на различіе происхожденія и вѣры, пользуется одинаковыми правами. Военный элементъ преобладаетъ въ крѣпости, по это можно *видѣть* только, а не *чувствовать*. Британскій офицеръ, прежде всего, *джентльменъ* въ лучшемъ смыслѣ слова. Онъ культуренъ, воспитанъ и не считаетъ своимъ долгомъ отравлять существованіе всѣмъ, не принадлежащимъ къ военному сословію. Хотя Гибралтаръ первоклассная крѣпость, мы здѣсь чувствуемъ себя въ XX-мъ вѣкѣ. Тутъ хозяйничаютъ культурные люди. Англичане и въ Гибралтарѣ проявляютъ широкую терпимость и уваженіе къ чужой личности. Дѣлается это не въ силу отвлеченныхъ принциповъ, а потому что это наиболѣе благоразумный и *выгодный* способъ скрѣпленія имперіи. И въ результатѣ испанское населеніе Гибралтара считаетъ себя англичанами и не тяготѣетъ къ своей первоначальной родинѣ.

Безчисленныя книжныя лавки въ Гибралтарѣ, литературныя и другія общества, газеты на англійскомъ, испанскомъ, арабскомъ языкахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ крѣпости отвосятся съ уваженіемъ къ знанію и къ самодѣятельности общества.

II.

Меня окликаетъ высокій сѣдой старикъ съ длинными усами. Краснощекій, здоровый мальчикъ лѣтъ семи подбѣгаетъ и трясетъ за руку. Группа молодыхъ и пожилыхъ дамъ, слѣдующая за старикомъ, какъ у насъ на Украинѣ „старцы“ за поводомъ, улыбаются. Видъ и манеры дамъ нѣсколько эксцентричны. Послѣ двухминутнаго наблюденія зарождается предположеніе, что дамы эти скорѣе привыкли къ верховой лошади и къ жизни въ степи или въ лѣсу, чѣмъ къ моднымъ платьямъ и къ гостинымъ. Всѣ онѣ смѣются очень громко. Одна изъ нихъ, толстая и краснощекая, при этомъ хватается себя за бока и хлопаетъ ладонью по бедрамъ. Дѣйствительно, предположеніе оказывается совершенно вѣрнымъ. Это — американки родомъ изъ Джорджвіи, въ Флоридѣ. До сихъ поръ онѣ „рали на волѣ“ на своихъ ранчахъ и хлопчатобумажныхъ плантаціяхъ. Затѣмъ, когда въ результатѣ продажи быковъ, лошадей и тюковъ хлопка явились деньги и, должно быть, большія, рѣшено было „продѣлать Европу“, to do the old Continent. Во главѣ партіи — молодая дама, съ энергичнымъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ лицомъ. Она одѣта по послѣдней модѣ. На рукахъ много алмазныхъ колецъ. Но по рѣшительнымъ манерамъ, по твердости пожатія небольшой руки, по яснымъ, холоднымъ глазамъ видно, что въ своей глуши молодая дама, при случаѣ, не сробѣетъ ни въ какомъ положеніи. Молодая дама — единственная лингвистка въ партіи, т.-е. съ грѣхомъ пополамъ говоритъ по-испански. На ней, повидимому, лежитъ вся административная сторона дѣла; но въ затруднительныхъ случаяхъ она совѣщается съ единственнымъ мужчиной въ партіи — съ сѣдоусымъ старикомъ. Изъ его собственныхъ словъ я знаю, что онъ „in the timber business“, т.-е. совершаетъ какія-то операціи „по дровяной части“ въ Флоридѣ. Кромѣ того знаю, что онъ былъ долго совѣтникомъ въ штатѣ Джорджіи и по убѣжденіямъ — ярый демократъ, а не республиканецъ. Съ группой этой я встрѣтился впервые въ Гренадѣ, гдѣ мы остановились въ одной гостинницѣ. Первымъ познакомился мальчикъ. Онъ полюбоствовалъ, какой я національности.

— Такъ вы Москву знаете? — спросилъ мальчикъ, услыхавъ мой отвѣтъ.

— Да.

— Быть можетъ, вы ушли изъ Москвы вмѣстѣ съ Наполеономъ? — радостно справился мальчикъ.

Я отвѣтилъ, что, къ сожалѣнію, не могъ знать Наполеона и не могу подѣлиться личными впечатлѣніями отъ пожара Москвы. Съ

мальчиномъ мы познакомились. Когда въ Малагѣ мы очутились въ одномъ вагонѣ по пути въ Ронду, мы уже бесѣдовали какъ старые знакомые. И теперь въ Гибралтарѣ мы встрѣтились, какъ будто иѣкъ были знакомы, хотя еще не сообщили другъ другу своихъ именъ. Вся партія отиравалась въ Алхесирасъ, чтобы посмотрѣть на бой быковъ.

— Вы и мальчика берете съ собою?—справился я.

— Конечно. Вили очень любить это, — отвѣтила за мальчика мать.—Онъ былъ уже на боѣ быковъ въ Севильѣ и описалъ его въ большомъ письмѣ.

— Мнѣ лошадей не жалко,—вставилъ мальчикъ.—Онѣ слабыя. У нихъ души нѣтъ. Быка жалко: онъ смѣлый и сильный!

Алхесирасъ такъ Алхесирасъ! За десять минутъ до того я не думалъ о немъ совершенно, а теперь мнѣ казалось, что въ моемъ путешествіи будетъ незаполненный пробѣлъ, если я не поѣду вмѣстѣ съ остальными на ту сторону бухты. Трудно представить что-нибудь болѣе живописное, чѣмъ Алхесирасская бухта. Пароходъ скользитъ по морю цвѣта индиго. Позади парохода изъ моря постоянно выбрасываются дельфины. Налѣво въ туманѣ вырисовываются сѣрые горы. То виднѣется африканскій берегъ. Пароходъ переполненъ пассажирами. Тутъ туристы, мѣстные обыватели, но еще больше англійскихъ моряковъ, сухопутныхъ офицеровъ, солдатъ и матросовъ, отправляющихся въ Алхесирасъ на бой быковъ. На палубѣ нѣсколько бродячихъ музыкантовъ очень старательно выводятъ вальсъ изъ „Веселой вдовы“, отъ котораго теперь, какъ отъ рока, никуда нельзя уйти. Звуки вальса преслѣдуютъ васъ и въ Петербургѣ, и въ Лондонѣ, и на палубѣ трансатлантическаго парохода, и въ Австраліи. Подъ вліяніемъ удивительнаго дня, тихаго моря и веселыхъ, прыткихъ дельфиновъ звуки заиграннаго вальса заражаютъ публику. Является избытокъ жизнерадостности и довольства бытіемъ, проявляющійся въ прищипываніи, въ шумномъ выстукиваніи такта тростями и зонтиками...

Пристань въ Алхесирасѣ украшена флагами. Поперекъ улицъ протянуты цвѣтныя полосы полотна. Въ городѣ не только бой быковъ, но еще и „ферія“, т. е. ярмарка. Заблудиться въ узкихъ, извилистыхъ улицахъ города совершенно невозможно, потому что вся толпа валитъ по одному направленію: къ цирку. Толпы нищихъ, маленькихъ и старыхъ, осаждаютъ высадившихся съ парохода.

— Uno limosna, señorito! (Милостыньку, баринъ!)—выводитъ старая цыганка.

— Uno perro chico! („Щелка“, т. е. монету въ пять сантимовъ)—голоситъ дѣвочка, гоняясь за отмахивающимся отъ нея, какъ отъ мухи, туристомъ.

Въ Гибралтарѣ англичане какъ-то покончили съ нищенствомъ. Въ Алхесирасѣ мы попадаемъ въ другую культуру: нищихъ здѣсь, пожалуй, еще больше, чѣмъ въ остальной Испаніи. Всюду на улицахъ встрѣчаются разряженныя женщины, безъ шляпокъ, съ волосами, украшенными цвѣтами. Чуть ли не въ каждомъ кварталѣ—касса, надъ которой по-англійски и по-испански значится, что тутъ продаются билеты на бой быковъ. У каждой кассы—большая толпа. Два кассира едва успѣваютъ отрывать билеты и получать за нихъ деньги. На перекресткѣ—слѣпой музыкантъ. Онъ поетъ и подыгрываетъ на гитарѣ. Прислушиваюсь. Пѣвецъ, очевидно, старается попасть въ тонъ публикѣ. Въ куплетахъ говорится про бой быковъ:

„Dic hosa axición torera
Que se acerca á una victoria;
esos niños sevillanos
van á colmarte de gloria“.

(т.-е. „Счастливая профессія тореадоровъ! Она ведетъ къ побѣдѣ. Дѣти Севильи наполняютъ ее славой“). Музыкантъ защипалъ струны гитары; затѣмъ послѣдовалъ куплетъ, восхвалявшій послѣдній подвигъ знаменитаго теперь тореадора „Бомбиты“, который долженъ былъ выступить въ Алхесирасѣ.

„*Bomba* estuvo en su primero
muy maestro en torear,
colosal muleteando,
muy valiente en el matar“.

(т.-е. *Бомба* ¹⁾ справлялся съ первымъ быкомъ. Онъ проявилъ себя мастеромъ, дразня быка; былъ великъ, играя „мулетой“, и очень храбръ, убивая). По тротуарамъ, въ толпѣ разряженной публики, бродятъ испанскіе солдаты, увѣшанные серебряными крестами. Это—участники только-что окончившейся африканской кампаніи. Мнѣ напоминаетъ испанскій офицеръ, ѣхавшій со мною въ одномъ вагонѣ изъ Малаги въ Ронду. Возбужденный очень красивой пассажиркой, сидѣвшей въ томъ же отдѣленіи, гдѣ и мы, офицеръ, по испанскому обычаю, не утерпѣлъ, чтобы не сказать ей на ломаномъ французскомъ языкѣ нѣсколько комплиментовъ. Затѣмъ онъ пропѣлъ и „малагенью“, и „сегедилью“, и „хоту“, и еще какіе-то куплеты. Красивая дама любезно поблагодарила пѣвца и похвалила его голосъ. Офицеръ хотѣлъ выразить свою мысль по-французски, но не хватило словъ, и онъ продолжалъ по-испански:

¹⁾ Кличка *Bomba* или *Bombita* по-испански означаетъ не бомбу, а помпу. Испанцы говорятъ, что на аренѣ давно уже не выступалъ „торео“, надѣленный такиимъ поразительнымъ мужествомъ и такой изумительной ловкостью, какъ „Бомбита“.

— О, я много пѣлъ въ последнее время. Я былъ въ Мелильѣ. Тамъ „yo maté cantando“ (я убивалъ, распѣвая). — И офицеръ, рисуясь передъ красивой дамой, сообщилъ, что собственной рукой убилъ съ десятокъ арабовъ.

Офицеру можно было вполнѣ повѣрить. Мелильская кампанія— одна изъ тѣхъ войнъ, которыя побѣдителямъ не стоятъ жертвъ. Арабовъ укладывали издалека, какъ барановъ, при чемъ испанскіе солдаты ничѣмъ не рисковали. „Взявъ штурмомъ“ (т.-е. войдя безъ сопротивленія) дуаръ (деревню), побѣдители не только убивали всѣхъ встрѣчныхъ, но еще взрывали жилища ихъ динамитомъ и вырубали варварійскія фиги, составляющія для горцевъ единственный источникъ къ существованію. И когда всѣ дуары были выжжены, сады вырублены, а жители убиты, Испанія провозгласила себя побѣдительницей...

На другомъ углу стоитъ уличный пѣвецъ, тоже слѣпой. Рядомъ съ нимъ немолодая уже женщина, которая успѣваетъ и подпѣвать пѣвцу, и обращаться къ прохожимъ, и сбывать имъ листки съ „Couplets de Moda“. Передъ пѣвцомъ остановилась группа солдатъ съ ихъ пріятельницами. Онъ тронулъ пальцами гитару и запѣлъ:

„Para los novios y novias
era su gran pesadilla
antes la isla de Cuba
y ahora Ceuta y Melilla.
Una joven mug rumbosa
á su novio le decía:
A san Juan pondré una vela
si te libra de Melilla.
Otra decía: Ay de mi
qué me va á pasar
si se llevan á mi novio
á la otra parte del mar!“

(т.-е. „Для возлюбленныхъ кошмаромъ была прежде Куба, а теперь— Сеута и Мелилья. Пухленькая дѣвушка сказала разъ своему возлюбленному: „Я поставлю св. Иоанну свѣчку, если онъ избавитъ тебя отъ Мелильи“. Другая сказала: „Горе мнѣ! Что со мною будетъ, если моего возлюбленнаго увезутъ за море!“)...

Испанія теперь несомнѣнно возрождается отъ долгаго сна. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „North American Review“, попавшей мнѣ на глаза въ Гибралтарѣ, я нашелъ очень интересную статью генеральнаго консула Пенфольда: „Spain's Industrial Awakening“ (промышленное пробужденіе Испаніи). Авторъ доказываетъ, что всюду на полуостровѣ обработка земли значительно улучшается. Несомнѣннымъ фактомъ является возрастаніе благосостоянія страны, основаннаго на воздержанности населенія и на развитіи существован-

ныхъ богатствъ Испаніи. На развалинахъ романической Испаніи, жившей воспоминаніями о быломъ величіи, выросла, по мнѣнію Пен-фольда, новая промышленная страна. И эта новая Испанія, живущая не призрачными идеалами, а интенсивнымъ трудомъ, находится въ матеріальномъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ когда-либо раньше. Со времени войны съ Америкой цѣнность государственныхъ бумагъ Испаніи увеличилась почти вдвое. Соответственно съ этимъ поднялся и курсъ. Испанскіе порты на Атлантическомъ океанѣ и въ Средиземномъ морѣ кишатъ кораблями. Почва даетъ хорошіе урожаи. Открыты богатые залежи металловъ. Въ общемъ, уменьшившаяся Испанія теперь богаче чѣмъ тогда, когда Куба и Филиппинскіе острова оставляли ежегодный дефицитъ въ бюджетѣ страны. Измѣнился самый характеръ населенія. Нѣтъ болѣе прежней лѣни и *dolce far niente*. Они замѣнились предприимчивостью и трудолюбіемъ. Отрѣзанная отъ Кубы и Филиппинскихъ острововъ, Испанія нашла для себя новые рынки въ Южной Америкѣ. Всѣ республики латинской Америки являются теперь потребителями испанскихъ фабрикатовъ. Мексика, напримѣръ, служитъ громаднымъ рынкомъ для сбыта испанскихъ винъ, бумажныхъ тканей, чугуна въ болванкахъ, полосового желѣза и металлическихъ издѣлій. Десять лѣтъ тому назадъ рождаемость въ Испаніи составляла 34,38 на тысячу населенія, а смертность — 28,68. Теперь рождаемость — 33,28, а смертность — 25,13. Испанскія 4% государственныя бумаги до войны стоили 63, во время войны—42½, а теперь—85. До войны въ Марокко бумаги эти стоили 90.

Испанскіе публицисты не настроены такъ оптимистически, какъ американскій консулъ. Они указываютъ, напримѣръ, на гибель виноградныхъ лозъ отъ филлоксеры, на необходимость перепаживать виноградники подъ пшеницу, потому что перейти къ культурѣ болѣе цѣнныхъ растений мѣшаютъ уродливые испанскіе законы. Разводить табакъ, напримѣръ, въ Испаніи нельзя, такъ какъ синдикатъ, въ рукахъ котораго находится привозъ табачныхъ листьевъ изъ-за моря, ревниво охраняетъ свои интересы. Испанскій крестьянинъ можетъ сѣять для себя только восемь стеблей табака. Въ Андалузіи — указываютъ испанскіе публицисты — великъ земельный голодъ, хотя помѣщикамъ принадлежатъ тамъ громадные владѣнія, съ которыми они сами не умѣютъ справиться. И въ результатѣ изъ Андалузіи, гдѣ столько свободныхъ земель, ежегодно эмигрируютъ въ Южную Америку цѣлыя деревни, подъ предводительствомъ алькада. Въ Аррагоніи и Галиціи, не смотря на плохое качество земли, она обложена высокимъ налогомъ. На сѣверѣ Испаніи, напримѣръ близъ Вильбао, дѣйствительно интенсивно разрабатываются естественныя

богатства; но тамъ оперируютъ, главнымъ образомъ, иностранные капиталы. Эксплуатація естественныхъ богатствъ—хищническая. Она поведетъ къ прежней бѣдности, когда всю руду вывезутъ и иностранный капиталъ укочуетъ. Фактъ, однако, остается фактомъ. Въ промышленномъ отношеніи Испанія пробудилась. Гораздо большее пробужденіе замѣчаемъ мы въ области литературы. Она выдвинула теперь перво-классныхъ беллетристовъ, какъ Пересъ Гальдосъ или Бласко Ибањесъ. Пробудившаяся Испанія все больше и больше замѣчаетъ поразительныя уродливости своего политическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ большее противорѣчіе между словомъ и дѣломъ, чѣмъ испанская конституція. Теоретически Испанія имѣетъ крайне демократическую конституцію, съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ, съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и съ всевозможными гарантіями. На дѣлѣ выборы подстраиваются представителями центральной власти и „капиками“ (мѣстные воротилы), „ayuntamientos“ (мѣстное самоуправленіе) не независимы, а пасть всѣмъ властвуетъ „сига“ (нонь). Англія и Испанія одинаково имѣютъ демократическія конституціи; но первая находитъ старинныя термины, утерявшіе всякій смыслъ, для новыхъ политическихъ явленій, вторая же (и не она одна) прикрываетъ новыми пышными терминами старый, отжившій порядокъ. Приведу одинъ фактъ, который покажется вамъ очень знакомымъ. Вычиталъ я его въ испанской газетѣ „Correspondencia de España“ (3-го іюня 1910). Теоретически испанская пресса свободна, а на дѣлѣ случается вотъ что. Въ газетѣ „La Atalaya“ (№ 6659), выходящей въ Сантандерѣ, появилась такая юмористическая замѣтка въ отдѣлѣ „Raporama“: „Начальникъ одной русской губерніи былъ устроенъ по очень интересному поводу. Имѣя привычку не заниматься совершенно дѣлами и оставлять ихъ своимъ помощникамъ, онъ ограничивался тѣмъ, что все скрѣплялъ своею подписью, не читая бумаги. Разъ какъ-то губернатору поднесли для подписи бумагу, начинающуюся такими словами: „Я убѣдился, что совершенно неспособенъ быть губернаторомъ“. Добросовѣстный начальникъ скрѣпилъ бумагу, не читая ея. Документъ попалъ въ руки предсѣдателя совѣта министровъ, и губернаторъ былъ немедленно смѣщенъ. Въ дѣйствительности, за свою искренность губернаторъ заслужилъ награду. Намекъ губернаторамъ, которые не служатъ, но, къ сожалѣнію, не молчатъ добродушно (*bonitamente*) или блаженно (*benitamente*)“. Сантандерскаго губернатора зовутъ Bonito. Въ послѣдней фразѣ замѣтки онъ усмотрѣлъ, очевидно, намекъ на себя, и немедленно редакторъ газеты получилъ такую официальную бумагу. „Принимая во вниманіе, что въ № 6659 газеты „La Atalaya“ появилась слѣдующая замѣтка (приводится полностью то, что извѣстно уже читателю).

Имѣя въ виду, что на основаніи 22-й статьи закона о провинціальной печати отъ 28-го августа 1882-го года, губернаторъ, карая проступки противъ нравственности и общественной благопристойности, а также случаи неповиновенія начальству и отсутствіе должнаго уваженія къ властямъ, можетъ налагать штрафъ не больше чѣмъ въ 500 песетасъ,—я рѣшилъ наказать васъ въ административномъ порядкѣ, какъ редактора упомянутой газеты. На васъ наложенъ штрафъ въ 500 песетасъ, который, въ случаѣ несостоятельности, будетъ замѣненъ арестомъ. Постановленіе это вы можете обжаловать въ десятидневный срокъ. Господь да сохранить васъ на много лѣтъ“.

Я привелъ только первый попавшійся примѣръ, но, мнѣ кажется, онъ характеренъ. Покуда Испанія спала, она мирилась и съ административнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла „ayuntamientos“, и съ давленіемъ на выборы, и съ стремленіемъ духовенства захватить въ свои руки все дѣло народнаго образованія. Теперь большіе испанскіе города—очаги недовольства. На послѣднихъ выборахъ въ Мадридѣ, Барселонѣ, Малагѣ, Валенціи, Сантандерѣ, Гренадѣ, Севильѣ прошли республиканцы. О подъемѣ общественнаго настроенія, кромѣ газетъ и митинговъ, говоритъ современная испанская беллетристика. По всей линіи отданъ лозунгъ: борьба за освобожденіе. Я сказалъ, что Испанія переживаетъ теперь начало XIX-го вѣка. Я имѣлъ при этомъ въ виду ту крѣпкую и нѣсколько наивную вѣру въ политическіе идеалы, которая была такъ сильна въ Европѣ сто лѣтъ тому назадъ. Надо видѣть, въ какой восторгъ приходитъ испанская публика въ театрѣ, когда со сцены произносятся слова: „Libertad, fraternidad, igualdad“ (свобода, братство, равенство). Испанцы борются за эти лозунги уже почти сто лѣтъ. Дѣйствительность приносила имъ много разочарованій, но вѣра осталась. И подъемъ общественнаго настроенія можно было констатировать даже въ Алхесирасѣ, не смотря на мишуру „феріи“, не смотря на всеобщее увлеченіе боемъ быковъ. О подъемѣ говорили статьи мѣстной газеты, афиши, возвѣщающія политическіе митинги и т. п.

III.

Переѣздъ изъ Алхесираса въ Танжеръ на испанскомъ пароходѣ продолжается около трехъ часовъ. И въ такое короткое время мы переносимся на нѣсколько вѣковъ назадъ. Я не былъ въ Танжерѣ десять лѣтъ. За это время здѣсь произошли нѣкоторыя переѣмны. Прежде у пристани возвышалась бѣлая стѣна съ рядомъ пушекъ на ней. Пушки были хороши, покуда служили декораціей. Въ прошломъ

году вздумали налить изъ нихъ въ честь новаго султана Мулей-Гафида (теперь говорятъ, что гдѣ-то объявился еще новый султанъ Мулей-Эль-Кибиръ) и едва не взорвали весь городъ: не стало ни стѣны, ни пушекъ, ни десятка пушкарей. Затѣмъ, десять лѣтъ тому назадъ, войско султана состояло изъ нѣсколькихъ оборванныхъ негровъ и метисовъ, вооруженныхъ кремневыми ружьями. Меня самого сопровождалъ такой воинъ во время путешествія изъ Танжера въ Тетуанъ. Теоретически предполагалось при этомъ, что воинъ съ кремневымъ ружьемъ долженъ защищать меня, если по дорогѣ на насъ нападутъ горцы (рифы). Теперь султанъ обзавелся обмундированными солдатами, которые педурно играютъ на барабанѣ и рожкѣ. Въ этомъ искусствѣ они упражняются съ утра до ночи въ Танжерѣ. Собственно говоря, солдаты находятся въ вѣдѣніи не столько султана, сколько каждаго отдѣльнаго губернатора. Англійская газета „Al-Moghreb Al-Arsa“, выходящая въ Танжерѣ, въ номерѣ отъ 13 іюня помѣщаетъ слѣдующую корреспонденцію изъ Аль Казара Кебира, показывающую главное назначеніе солдатъ въ Марокко. „Пишу вамъ нѣсколько строкъ, чтобы сообщить, что въ городъ прибылъ Расули съ пятьюдесятью горцами и столькими же солдатами. Опъ привезъ съ собою нисмо, въ которомъ султанъ увѣдомляетъ именитыхъ гражданъ, что ему благоугодно было назначить Мулай-Ахмеда бенъ-Райсули башой Аль Казара и всего округа. Предшествующій баша Каидъ-Ремики, который всего только на дняхъ получилъ свое назначеніе, провѣдалъ заблаговременно про неожиданныю перемену и бѣжалъ изъ города за нѣсколько часовъ до вступленія Райсули. Сторонники Каиды-Ремики поговариваютъ о сопротивленіи; но вѣрнѣе всего, что ничего не будетъ“. Постъ башы покупается у султана; затѣмъ губернатору предоставляется выколачивать изъ обывателей сколько угодно, или сколько возможно, денегъ. Райсули заплатилъ за башалыкъ сто тысячъ песетасъ. Престарѣвшій баша ускакалъ въ Фецъ, чтобы тамъ заплатить еще больше. И если сдѣлка удастся, тогда уже Каидъ-Ремики явится въ Аль Казаръ Кебиръ съ горцами и солдатами, а убѣжитъ Райсули. Губернаторъ поступилъ крайне благоразумно, убѣжавъ во время. Райсули посадилъ бы его въ тюрьму и тамъ дралъ бы розгами, покуда Каидъ-Ремики не отдалъ бы всѣхъ своихъ богатствъ. Въ томъ же номерѣ „Al-Moghreb Al-Arsa“ нахожу такую замѣтку: „Изъ Фецы сообщаютъ, что Мулей Гафидъ подвергаетъ самымъ жестокимъ пыткамъ женъ башы Хаджи бенъ-Ансса, чтобы добиться отъ нихъ, гдѣ спрятапы богатства“. Если баша не попадаетъ самъ въ тюрьму, то онъ сажаетъ туда богатыхъ обывателей, съ цѣлью выжать изъ нихъ деньги. Въ Танжерѣ двѣ тюрьмы: одна—для мусульманъ, другая—для евреевъ.

Объ наполнены не столько преступниками, сколько людьми, которые, по мнѣнію губернатора, имѣютъ деньги, но не желаютъ разстаться съ ними и отдать ихъ начальству. Въ Марокко это—политическое преступленіе, притомъ самое серьезное.

Туристъ, попадающій въ Танжеръ, не перестаетъ удивляться. Каждый башалыкъ Марокко—отдѣльное государство. Для проѣзда туда надо стовариваться не съ центральнымъ правительствомъ, а съ губернаторами. Сила послѣднихъ зависитъ какъ отъ числа солдатъ, которыми успѣли обзавестись, такъ и отъ орды „рифовъ“ (горцевъ). Про этихъ „рифовъ“ въ Танжерѣ мы слышимъ постоянно. „Рифы готовятъ возстаніе“. „Рифы собираются вмѣстѣ“. „Рифы подходятъ къ Танжеру“. Жизнь въ Танжерѣ, повидимому, течетъ спокойно, а между тѣмъ въ ближайшій Тетуанъ можно ѣхать только кружнымъ путемъ—моремъ. Ближайшій путь опасенъ. Каждый вечеръ во время отлива на берегъ выходитъ и выѣзжаетъ верхомъ пестрое европейское населеніе Танжера. Тутъ испанцы, французы, англичане. Всѣ такъ спокойны, такъ беззаботно пускаютъ лошадей вскачь. А между тѣмъ въ пяти верстахъ отъ Танжера уже начинаются опасныя мѣста, гдѣ могутъ встрѣтиться рифы. Я вижу этихъ горцевъ, о которыхъ такъ много говорятъ, по вторникамъ и четвергамъ на „соко“ (рынкѣ). Высокіе, стройные, въ бурыхъ балахонахъ со шлыками, босонogie, они не выглядятъ болѣе страшными, чѣмъ остальные арабы и негры, толпящіеся на рынкѣ. Рифы всегда являются въ сопровожденіи женъ, нагруженныхъ тяжелыми охапками сучьевъ или вязанками сѣна. Съ такимъ грузомъ жены рифовъ проходятъ версть 15—и все для того, чтобы выручить двѣ-три мѣдныхъ монеты. Отъ „рифовъ“ въ случаѣ возстанія страдаютъ въ одинаковой степени какъ горожане, такъ и деревенское населеніе. Трудно представить себѣ людей болѣе трудолюбивыхъ и мирныхъ, чѣмъ деревенское населеніе Марокко. Они терпятъ и отъ разбойниковъ, и отъ баши. И если въ странѣ поднимется возстаніе, которое поведетъ къ вмѣшательству европейскихъ государствъ—раньше всѣхъ и сильнѣе всѣхъ пострадаютъ мирные деревенскіе обыватели. Ихъ жилища будутъ выжжены, плодовые деревья—вырублены.

Странное дѣло. Танжеръ находится въ совершенно „дикой“ странѣ. Центральной власти здѣсь нѣтъ никакой. Маленькая европейская колонія окружена туземнымъ населеніемъ, у котораго нѣтъ никакого основанія питать какія-либо симпатіи къ „невѣрнымъ“. Полиціи въ Танжерѣ нѣтъ совершенно. А между тѣмъ мы чувствуемъ себя здѣсь такъ же спокойно, какъ въ любомъ европейскомъ городѣ. Если мы слышимъ здѣсь про преступленія, то главнымъ образомъ про тѣ, которыя учинилъ *баша*, со своими ордынщиками и солдатами. Повидимому,

предоставленный самому себѣ человекъ стремится къ „правильной“ жизни, даже если находится въ такой исключительной обстановкѣ, какую мы видимъ здѣсь.

Діонео.

Танжеръ, 14 іюня 1910.

НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВО ФРАНЦІИ

(Письмо изъ Парижа.)

Въ странахъ, гдѣ общій уровень благосостоянія и культуры настолько высокъ, что массы предъявляютъ постоянный спросъ на развлеченіе,—естественнымъ путемъ возникаетъ народный театръ. Театръ перестаетъ быть удовольствіемъ немногихъ, перестаетъ отвѣчать запросамъ только зажиточныхъ слоевъ населенія. Отвѣчая спросу, онъ приспособляется ко вкусамъ массъ, къ ея потребностямъ и карманамъ, и становится могущественнымъ средствомъ общественнаго воздѣйствія. Далеко не одно и то же воспринимать идею или образъ въ одиночку, путемъ чтенія газеты или книги — или въ условіяхъ, при которыхъ полную силу пріобрѣтаетъ массовый контактъ, совмѣстное съ сотнями или тысячами подобныхъ себѣ переживаніе.

Вопросъ о народномъ театрѣ полонъ, поэтому, глубокаго общественнаго значенія, и знакомство съ французской народной сценой, съ ея репертуаромъ, съ идейными теченіями, намѣтившимися въ этой области, наконецъ съ нѣкоторыми общими выводами, которые могутъ быть сдѣланы изъ долготѣннаго и свободнаго опыта Франціи,—представляетъ интересъ и для русскаго читателя. Настанетъ же вѣдь время, когда и для русскаго народа открыты будутъ не только двери полпивной и трактира, но и театра.

Мысль о театрѣ для народа,—не для простонародья, а для народа, для націи,—театра, отвѣчающаго потребностямъ массъ, давно уже тревожитъ общественныхъ дѣятелей Франціи. Уже предшественники и провозвѣстники великой революціи чувствовали необходимость вывести сцену изъ тѣхъ тисковъ, въ которыхъ ее держало служеніе узкому кругу лицъ. Руссо мечталъ о возстановленіи древне-греческаго театра, гдѣ народъ въ прямомъ смыслѣ слова, все населеніе свободного города являлось зрителемъ глубокихъ и серьезныхъ произве-

деній національнаго генія. Чтобы жить едиными переживаніями съ своими согражданами, чтобы получать со сцены поученіе и эстетическое удовольствіе, зритель не долженъ былъ тогда имѣть въ карманѣ извѣстное количество презрѣннаго металла; чтобы пользоваться облагораживающимъ развлеченіемъ, не надо было обладать имущественнымъ цензомъ. Театръ былъ бесплатенъ. И актеръ, поэтому, могъ не заботиться о томъ, полна ли зала, могъ не считать, подсматривая въ глазокъ занавѣса, число входящихъ. Меркантильная сторона дѣла отсутствовала; театръ являлся великой школой культуры и орудіемъ духовнаго роста народа. „Значительныя и величественныя представленія грековъ,—пишетъ Руссо въ своихъ письмахъ къ Д'Аламберу— поставленныя подъ открытымъ небомъ, передъ лицомъ цѣлой націи, развертывали передъ нею картину битвъ, побѣдъ, потрясающихъ сценъ, способныхъ возбудить глубокія настроенія и вызвать въ душахъ чувства чести и любви къ славѣ... Эти возвышенныя картины воспитывали людей“.

Руссо, великій педагогъ, смотрѣлъ, такимъ образомъ, на театръ, какъ на орудіе общественнаго, массоваго воспитанія. Онъ мечталъ о геніи, который создастъ и репертуаръ народнаго театра, репертуаръ „честный и достойный свободнаго народа“, и закрѣпитъ въ умѣ массъ завоеванія вѣка, подготовлявшаго великій социальный переворотъ.

Дидро смотрѣлъ на народный театръ шире. Онъ думалъ не только о публикѣ, но и объ авторахъ. „Если — писалъ онъ — участіе въ театръ, вмѣщающемъ сорокъ, пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, должно усилить впечатлѣніе зрителя, то какое громадное вліяніе долженъ оказать народный театръ не только на актеровъ, но и на авторовъ. Совершенно не одно и то же развлекать и поучать въ маленькой закрытой залѣ сотню-другую человѣкъ, отъ 9 до 12 часовъ—или сосредоточивать на себѣ вниманіе цѣлой націи въ дни народныхъ торжествъ... Я хотѣлъ бы имѣть — говоритъ онъ далѣе — громадную сцену, на которой можно было бы ставить, когда пьеса этого потребуетъ, цѣлую площадь города, перистиль дворца, входъ въ храмъ... Такова была, или могла быть сцена, на которой разыгрывались „Эвмениды“ Эсхила. Можемъ ли мы поставить что-либо подобное на нашихъ сценахъ? Нѣтъ. На нихъ можно развернуть только одно дѣйствіе—такъ онѣ узки, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мы имѣемъ почти всегда нѣсколько одновременныхъ дѣйствій, одновременное воспроизведеніе которыхъ могло бы оказать на насъ грандіозное воздѣйствіе (un effet terrible)... Мы ждемъ, что явится геній, который сумѣетъ совмѣстить на сценѣ діалогъ съ пантомимой, сцены разговорныя—съ массовыми нѣмыми выступленіями, и извлечь весь возможный комическій или трагическій эффектъ изъ сочетанія этихъ двухъ родовъ“.

Великіе умы XVIII-го вѣка понимали, такимъ образомъ, подъ народнымъ театромъ грандіозную открытую сцену, на которой разыгрывались бы грандіозныя же національныя эпопеи и происходило бы массовое воспитаніе зрителей „въ духѣ идей, достойныхъ свободныхъ гражданъ“ (Руссо).

Такой театръ былъ отчасти реализованъ великой французской революціей, обратившей самое серьезное вниманіе на организацию народныхъ празднествъ. Цѣлый рядъ засѣданій конвента былъ посвященъ выработкѣ церемоніала празднествъ вообще и праздника въ честь „Высшаго Существа“ въ особенности. Декорации, хоры, рѣчи, сценическія представленія, живыя картины, шествія, процессіи должны были внушить массамъ правильныя идеи и возбудить въ нихъ чувства „достойныхъ свободныхъ людей“.

Но грандіозныя открытыя сцены не соотвѣтствуютъ ни нашему климату, ни населенности нашихъ большихъ городовъ. И такъ какъ, кромѣ того, „празднества“ можно устраивать не каждый день, то естественно пришлось помириться съ „маленькими сценами“ и „закрытыми помѣщеніями“ и постараться примѣнить на этомъ узкомъ полѣ педагогическія идеи великихъ учителей.

Чтобы воспитать и „закрѣпить въ народѣ страсть къ гражданскимъ добродѣтелямъ и ненависть къ тиранамъ“, конвентъ предписалъ, поэтому, ставить на различныхъ парижскихъ театрахъ „республиканскія трагедіи“ — „Брута“, „Вильгельма Телля“, „Кая Гракха“ и др., — далъ субсидіи частнымъ театрамъ, потребовалъ отъ нихъ въ замѣнъ содѣйствія своимъ „патріотическимъ цѣлямъ“, объявилъ бывший „Французскій театръ“ — театромъ „національнымъ“, установилъ его репертуаръ, обязалъ всѣ частныя труппы играть въ немъ, по очереди, безвозмездно, и § 3 декрета отъ 20 вентоза II года поручилъ муниципалитету Парижа выработать правила бесплатнаго посѣщенія „патріотами“ этой „школы гражданственности“.

Это былъ, такимъ образомъ, не народный театръ, а театръ принудительнаго воздѣйствія на народъ, который республиканцы хотѣли воспитать въ ненависти къ тиранамъ. Пала республика. И еслибы вернувшіеся монархи желали слѣдовать традиціи конвента, они стали бы воспитывать народъ въ „преданности монархіи“, установили бы театральную повинность подданныхъ. Но они не пожелали слѣдовать этой традиціи, и „національный“ театръ, сдѣлавшись платнымъ и дорогимъ, пересталъ быть „народнымъ“.

Совершенно очевидно, что концепція Руссо, Дидро и конвента была ошибочна въ самомъ своемъ существѣ. Ея ранняя смерть въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена на счетъ этой ошибочности. Нельзя трактовать собраніе „гражданъ“, а тѣмъ болѣе гражданъ сво-

бодныхъ, какъ дѣтей, какъ *tabula rasa*, на которой поэтъ, общественный реформаторъ и, тѣмъ болѣе, законодатель могутъ писать что угодно. И правительство Людовика XVIII поступило умно, отказавшись отъ мысли ставить монархическія пьесы на національномъ даровомъ театрѣ, посѣщаемомъ подданными по наряду.

Съ крушеніемъ народнаго театра революціи, потребность народа въ театральномъ развлеченіи не угасла: только удовлетворялась она теперь частной антрепризой, не руководившейся уже государственными соображеніями, общественными идеалами и педагогическими цѣлями, а смотрѣвшей на сцену какъ на коммерческое предпріятіе. Въ теченіе XIX-го вѣка число сценъ въ Парижѣ увеличилось чрезвычайно, при чемъ почти всѣ сцены, существовавшія въ началѣ вѣка въ числѣ двадцати, превратились въ такъ называемые „Большіе театры“, а на окраинахъ разросшагося города появилась масса мелкихъ театровъ, *théâtres de quartier*; на бойкихъ улицахъ и бульварахъ возникло множество кафе-концертовъ, открытыхъ сценъ и сценъ для „*revues*“ — „обозрѣній“, обстановочныхъ пьесъ, написанныхъ на злобы дня. Всѣ *théâtres de quartier* и значительное число открытыхъ сценъ рассчитаны на небогатую публику; мѣста здѣсь дешевы, обстановочные расходы не велики, актеры худшаго разбора, пьесы рассчитаны на невзыскательный вкусъ. Это—тотъ народный театръ, который съумѣли осуществить коммерсанты, народный театръ, представляющій дешевое и ухудшенное переизданіе театра для богатыхъ. Въ условіяхъ частной антрепризы иначе и не могло быть. На дешевую сцену попадали пьесы, имѣвшія успѣхъ на большихъ театрахъ, а также забракованныя послѣдними; актеры здѣсь играли или начинающіе и мечтающіе только о большой сценѣ, или выкинутые оттуда, отслужившіе, спившіеся. Такъ какъ публика дешевыхъ театриковъ менѣе требовательна, то общій характеръ пьесъ и игры—грубѣе и безталаннѣе. Вотъ и вся разница. Завоевывали большую сцену романтическая драма и мелодрама—появилась она и на подмосткахъ народнаго театра. Возникла буржуазная комедія, комедія буржуазныхъ нравовъ и быта—и тотчасъ же переселилась въ театры предмѣстій. Народный умъ питался, такимъ образомъ, соками буржуазной культуры въ ея худшихъ образцахъ.

Такъ дѣло обстоитъ въ значительной степени и до сихъ поръ. До сихъ поръ на сценахъ предмѣстій дается множество драмъ школы Гюго и Дюма-отца, множество раздирательныхъ и чувствительныхъ произведеній, до которыхъ, также какъ и до кровавыхъ романовъ, такъ падки французскія консьержки и тотъ слой „ниже средняго“, изъ котораго онѣ рекрутируются. Затѣмъ идутъ порнографическія и полупорнографическія комедіи и водевили. Какъ это ни странно на первый

взглядъ, водевиль — дитя великой революціи. Въ страшные дни террора, когда патриоты „по наряду“ ходили въ національный театръ слушать „Каель Гракховъ“, народъ толпами валилъ смотрѣть смѣшныя и скабрзные водевили, отдыхая на нихъ отъ трагической и суровой дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ водевиль—одноактный или пятиактный — завоевалъ прочное мѣсто въ театрѣ. Чѣмъ больше въ немъ дурашливаго, чѣмъ больше буффонады, тѣмъ громче смѣется, глядя на него, консержка. Чѣмъ больше сальности, тѣмъ счастливѣе добродѣтельная мать-мѣщанка, сантиментально вспоминая дни вольной молодости.

Затѣмъ идутъ „Revues“ и шансонетка. Если буржуазія на большихъ и вѣшнихъ бульварахъ можетъ переполнить разныя „Moulin-Rouge“, „Olympia“, „Scala“, „Folies-Bergères“, и т. д., то почему не ходить народу смотрѣть пародіи большихъ revues на маленькихъ сценахъ? Во-первыхъ, демаркаціонная линия, отдѣляющая „буржуазію“ отъ „народа“, не очень опредѣленна, и вкусы передаются какъ зараза. Во-вторыхъ, постарѣвшей артисткѣ, всю свою жизнь задиравшей ногу на сценѣ „Scala“ и пѣвшей тамъ десятокъ гривуазныхъ шансонетокъ, надо куда-нибудь дѣться, когда она выйдетъ изъ возраста. Вотъ и отправляется она въ какую-нибудь „Gaité“ предмѣстья, поднимаетъ и тамъ ногу, можетъ-быть немощно безцеремоннѣе, поетъ и тамъ свои шансонетки, вставивъ нѣсколько соленыхъ словечекъ изъ мѣстнаго арга. Такъ по необходимости создается внутреннее единство мелкой и крупной сцены. Въ итогѣ у народа—вздорный театръ.

Опъ вздорный не потому, что съ моей или съ чьей-нибудь еще субъективной точки зрѣнія мелодрама есть ложный видъ сценическаго произведенія, что скабрзныи водевиль или оголенная и грубая, охрипшая пѣвица, поющая и канканирующая на сценѣ и тѣмъ своеобразно совмѣщающая монологъ съ пантомимой,—о чемъ мечтавъ Дидро, — ничего не даютъ ни уму, ни сердцу; нѣтъ, вздоренъ этотъ якобы народный театръ потому, что онъ весь чужой, весь заимствованный, что опъ родился въ другой культурной средѣ и не имѣетъ жизненныхъ корней въ народной массѣ. Та народная масса, которая въ XX-мъ вѣкѣ обладаетъ суверенными правами и стоитъ у преддверія великихъ социальныхъ реформъ, является не простымъ сколкомъ съ буржуазіи, а въ значительной мѣрѣ новой социальной и психологической индивидуальностью. Зачѣмъ же питаться ей крохами съ чужого стола? Да и еще съ какого стола?

Въ былое время, когда сама буржуазія стояла у преддверія исторической сцены и жила великими чаяніями и глубокими страстями, она создала „Женитьбу Фигаро“ и, глядя на нее, апплодируя ей, высмѣивала тотъ социально-политическій укладъ, который потомъ

разрушила. Это былъ періодъ ея юности. Потомъ, предавшись по-революціонной резиньяціи, испуганная излишествами террора и войнами имперіи, она выразила въ романтической драмѣ свой культурный консерватизмъ. Затѣмъ, укрѣпившись на исторической сценѣ, достигнувъ полной зрѣлости, она дала мѣсто буржуазной комедіи, неглубокой, веселой, бередящей чувство, пріятной для глазъ. Дегенерируя и старчески вырождаясь, она предпочла всему „Revue“, гдѣ мало рѣчей, а тѣ, которыя имѣются, веселыя и гривуазныя,— но за то много картинъ, декорацій, блеска, движенія и красоты. Эволюція понятная и естественная, но говорящая о старчевствѣ того социальнаго слоя, которымъ питается современное искусство. Очевидно, что оно не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ запросами того другого слоя, который вслѣдъ за буржуазіей приобщается къ человѣческой культурѣ и находится въ періодѣ своего „Sturm und Drang“.

Чтобы сдѣлать это общее положеніе очевиднымъ, позвольте познать васъ съ пьесой, заслужившей въ Парижѣ репутацію самой блестящей и талантливой вещи нынѣшняго сезона, — если оставить въ сторонѣ „Chanteclair“ Ростана.

Пьеса называется „Рубиконъ“. Она была поставлена строгимъ и изысканнымъ театромъ „Michel“, куда принимаются произведенія только высокой марки, — съ извѣстной точки зрѣнія, конечно.

Рубиконъ — это та линія, которую должна перейти дѣвушка, выходя замужъ. Дѣйствіе начинается первымъ днемъ супружества молодой четы, при чемъ молодая, по дѣвичьему капризу, отказывается перейти черезъ Рубиконъ. Мужъ въ отчаяніи. Мать молодой — въ горѣ и величайшихъ хлопотахъ. Уговоры, просьбы — все только возбуждаетъ въ молодой чувство сопротивленія, и въ домѣ назрѣваетъ цѣлая драма. На помощь является другъ дѣтства. Другъ дѣтства молодой ухаживаетъ за ней, выражаетъ ей сочувствіе, служитъ бальзамомъ ея юному возмущенному и оскорбленному сердцу, и въ такой мѣрѣ растрогиваетъ ее, что въ одинъ прекрасный день она объясняется ему въ любви. Молодой человѣкъ въ восторгѣ. Назначается тайное свиданіе. Молодая, желая доказать силу своей любви и осчастливить избранника своего сердца, признается ему, что она только носить титулъ жепщины и что онъ будетъ первый, кому она отдастъ любовь. Къ ея изумленію онъ пораженъ и огорченъ. Онъ увѣряетъ ее, что Рубиконъ она должна перейти не съ нимъ, а съ мужемъ, что у мужа имѣются права, которыхъ онъ, какъ честный человѣкъ, не смѣетъ нарушить, что кесарево надо отдать кесарю, чтобы быть свободнымъ. Она сначала возмущена, но постепенно сдается на убѣжденія, — всѣ вѣдъ ее убѣждаютъ, — и рѣшается на шагъ, столь ее пугавшій. Мать въ восторгѣ. Мужъ цѣлуетъ руки. И Рубиконъ наконецъ перейденъ.

На другой день другъ дѣтства, въ предвкушеніи блаженства, является—и что же онъ видитъ? Видитъ счастливую молодую женщину, которая любезно и насмѣшливо говоритъ ему:

— А, мой другъ! Вы пришли какъ разъ въ-время, чтобы пожелать намъ счастливаго пути. Мы съ мужемъ ѣдемъ сдѣлать наше свадебное путешествіе!!

Другъ — печально изумленъ. Супругъ — самодовольно счастливъ. А молодая—влюблена въ него.

Такова пьеса. И публика, и критика—въ томъ числѣ критикъ чопорнаго „Temps“, А. Brisson,—были отъ нея въ восторгѣ, цѣня въ авторѣ изящное умѣнье вертѣться вокругъ скользкой темы такъ, что всѣмъ и весело, и смѣшно, и щекотно, и въ то же время все вполне прилично.

Не будемъ спорить. Пусть пьеса дѣйствительно талантлива и прекрасна. Нельзя, однако, не видѣть, что это — пьеса для опредѣленнаго круга зрителей, для людей, отъ брака которыхъ остались только формы, пустыя, но соблюдаемая по лицемѣрью и по любви къ порядку. Въ народную массу съ такой пьесой нечего идти. Тамъ мало любви къ порядку, меньше лицемѣрія, брачныя формы—иногда экономически необходимы, иногда давно оставлены. Скабрѣзныя темы могутъ цѣниться и тамъ. Но для грубоватаго вкуса плебса не для чего ходить элегантно вокругъ скользкаго мѣста. Тамъ лучше быть откровеннымъ. И авторы, пишущіе въ жанрѣ „Рубикона“ для плебса, поступаютъ правильно, заканчивая свадьбу прямо въ домѣ терпимости,—что неслучайно потѣшаетъ непритязательныхъ консервжекъ.

Но такой откровенный театръ—театръ для плебса, для черни, а не для народа.

Что же дать народу, что соответствовало бы его вкусамъ, его потребностямъ и духовнымъ нуждамъ, находило бы откликъ въ его душѣ, будило бы всю гамму его подлинныхъ чувствъ, отвѣчало бы его жизненнымъ стремленіямъ? Этотъ вопросъ поставленъ во Франціи уже давно, и къ тому времени, когда третья республика почувствовала прочную почву подъ ногами, онъ сталъ на очередь дня. Въ республикѣ съ всеобщимъ голосованіемъ отъ народа зависить все. Неужели суверенъ можетъ и долженъ довольствоваться театральнымъ вздоромъ, фальшивой мелодрамой, сальной комедіей, пустяшнымъ фарсомъ и соленой шансонеткой, пропѣтой постарѣвшеей дивой?

И вотъ, въ 1901-мъ году группой драматурговъ, литераторовъ и общественныхъ дѣятелей была подана правительству записка о необходимости создать „Народный театръ“. Инициаторы просили правительство делегировать къ нимъ своего представителя, изучить постановку „народныхъ театровъ“ въ Германіи и поставить дѣло на практическую ногу.

Такъ организовалось предпріятіе, получившее названіе: „L'oeuvre des trente ans de théâtre“.

Вопросъ о грандіозной сценѣ, вмѣщающей десятки тысячъ зрителей, отошелъ, конечно, совсѣмъ на задній планъ, какъ праздный. Рѣшено было воспользоваться дѣйствующими сценами и сосредоточить свое вниманіе на репертуарѣ. Чтò ставить? Здѣсь сказались двѣ различныя тенденціи. Инициаторы полагали, что театръ долженъ подойти къ народу. Въ имѣющейся литературѣ нужно выбрать тѣ произведенія, въ которыхъ нашла свое выраженіе та великая борьба, которую ведутъ низшіе классы общества за свое освобожденіе—произведенія, взятые изъ народной жизни и носящія на себѣ печать радостей, страданій и нравовъ народа. Правительство, въ лицѣ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, Лейга, и его делегата, А. Бернгейма, вставшаго во главѣ предпріятія, держались другого взгляда. Они думали, что Франція, обладающая богатѣйшимъ театромъ, наслѣдіемъ королевской, революціонной и буржуазной эпохъ, театромъ многія произведенія котораго не потеряли и не теряютъ своего литературнаго и общечеловѣческаго значенія,—должна только открыть народу двери этого театра. Не театръ долженъ идти къ народу, приспособляясь и принимая форму какого-то новаго народнаго искусства, а напротивъ, народъ долженъ идти къ нему. Чтобы облегчить этотъ путь, чтобы сдѣлать его возможнымъ, рѣшено было вступить въ соглашеніе съ пятью театрами предмѣстій и ставить на народныхъ сценахъ классическій репертуаръ, интерпретированный лучшими артистами „Французской Комедіи“, „Одеона“ и другихъ большихъ театровъ.

Напрасно директоръ одного изъ маленькихъ театровъ, Лярошель, говорилъ Бернгейму:

— Ни Мольеръ, ни Расинъ не пойдутъ въ нашихъ кварталахъ. Еще если вы будете ставить ихъ, съ артистами „Французской Комедіи“, одинъ разъ и самое большее два раза въ году, дѣло, можетъ быть, сойдетъ. Но берегитесь учащать классическія пьесы. Повѣрьте моей опытности“.

Бернгеймъ не повѣрилъ, и въ результатѣ получился полный неуспѣхъ. Еще кое-что изъ Мольера правилось. Нравился его широкій и сочный смѣхъ, яркія краски, буфонады. Говорятъ, что „Король-Солнце“ помиралъ со смѣха надъ „Продѣлками Скапена“, надъ клистирными трубками, сломаннымъ клавесиномъ и т. п. Смѣялась и народная публика двадцатаго вѣка, но не такъ сильно. Вкусы мѣняются не только въ зависимости отъ положенія на соціальной лѣстницѣ, но и въ зависимости отъ времени. „Мизантропъ“ былъ встрѣченъ вполнѣ равнодушно и не былъ понятъ. „Ученія женщины“ если и говорили чему, то низшимъ инстинктамъ мужской толпы.

Корнель и Расинъ потерѣли полное фіаско. И не только потому, что языкъ Корнели настолько малопонятенъ и превысрененъ, что даже и въ его время злые языки говорили о „галиматьѣ Корнели“; и не потому, что оба они — псевдоклассики, съ попой вмѣсто чело- вѣческаго дѣйствія. Причина глубже. Писатели XVII-го вѣка, публи- кой которыхъ были короли и придворные, ведемъ складомъ своей мысли не отвѣчаютъ требованіямъ современнаго челоука изъ народа. И со- временный челоукъ зѣваетъ.

Но если классики устарѣли, то, можетъ быть, романтики могутъ дать репертуаръ народному театру? Вотъ мнѣніе одного изъ дѣятелей новаго народнаго театра, Romain Rolland, о романтической драмѣ.

„Если не считать аристократически-изысканнаго Мюссе, нѣсколь- кихъ драмъ Альфреда де-Вивьи и В. Гюго, въ общемъ мало соотвѣт- ствующихъ народной сценѣ, то останутся послѣдователи Гюго и Дюма-отца, съ ихъ произведеніями, полными шума, декламации, бра- вурныхъ арій, бьющихъ въ глаза картинъ, фальшивыхъ изгладовъ и извращенныхъ мыслей. Они не давали себѣ труда ни думать, ни учиться, ни наблюдать. Въ нихъ нѣтъ ни правды, ни честности. Ихъ драмы—величественный bluff. Они эксплуатируютъ слушателя, играютъ на его нервахъ и на его чувствительности и заставляютъ простодуш- ныхъ смѣшивать страсть съ гримасой страсти. Обыкновенно въ этихъ драмахъ подъ псевдо-гуманитарной или псевдо-религіозной оболочкой скрывается грубо-матеріалистическое зерно. Ихъ поддѣльные разбой- ники и бутафорскіе революціонеры—прямое порожденіе богемы Мон- мартра“. Эти драмы, по мнѣнію Роллана, могутъ нравиться народу, его нетребовательнымъ элементамъ — и въ этомъ ихъ опасность; но не весь же народъ можетъ быть обманутъ внѣшнимъ блескомъ и крикливостью красокъ. А такъ какъ эти драмы, въ массѣ, чужды на- роду по духу, то и на нихъ не можетъ обосноваться народный театръ.

Но если классики устарѣли, романтики фальшивы, буржуазные жанристы и психологи пусты, то гдѣ же онъ, репертуаръ народнаго театра?

Его нащупывали и отыскивали въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ среди произведеній писателей новѣйшихъ, умъ и дарованіе которыхъ сложились въ обстановкѣ современности и носятъ на себѣ отпеча- токъ великихъ проблемъ, поставленныхъ нашей жизнью. Возникъ рядъ антрепризъ въ Парижѣ и провинціи, не преслѣдовавшихъ коммерче- скихъ цѣлей. Не касаясь провинціальныхъ попытокъ, укажу въ Парижѣ— кромѣ „L'oeuvre des trente ans de théâtre“, — „Le Théâtre Civique“, Луи Люмэ; театръ „Coopération des idées“, основанный въ 1899-мъ году въ С.-Антуанскомъ предмѣстьѣ; „Théâtre populaire“ Берни въ Бельвиллѣ, возникшій въ 1903-мъ году; „Théâtre du Peuple“ Больё, въ

Клиши, и наконецъ дѣйствующую до сихъ поръ организацію, которая, по идеѣ Камилля де-Сенъ-Круа, ставитъ свой репертуаръ въ четырехъ значительныхъ театрахъ предмѣстій.

На этихъ сценахъ выяснился репертуаръ, привлекающій всего сильнѣе народныя массы и видимо отвѣчающій тѣмъ серьезнымъ запросамъ, которые онѣ предъявляютъ сценѣ. Вотъ этотъ репертуаръ:

Французскій: „Тереза Ракенъ“—Э. Зола, „Добрныя надежды“—Германса и Лемэра, „Стачка“—Ж. Гюга, „Монастырь“—Верхарна, „Дурныя пастыри“—Окт. Мирбо, „Волки“—Р. Роллана, „Деньги“—Э. Фобра, „Западнѣя“—Э. Зола, „Арлезіанка“—А. Додэ, „Общественная жизнь“—Э. Фобра, „Медоръ“—Малина, „14 іюля“—Р. Роллана, „Господинъ Вервэ“—Ренара, „Крейкебиль“—Ап. Франса, „Клѣтка“—Декава, „Углекопы“—Э. Зола и десятокъ-другой маленькихъ одноактныхъ пьесъ.

Иностраннй: „Ткачи“—Гауптмана, „Честь“—Зудермана, „Власть тьмы“—Толстого, „Врагъ народа“—Ибсена и др.

Какъ видите, это преимущественно соціальная драма, и едва ли надо доказывать, что такой характеръ репертуара не случаенъ.

Конечно, это только начало народнаго театра. Народъ, какъ думаетъ Р. Ролланъ, любитъ смѣяться и любитъ плакать, любитъ вибрировать въ театрѣ всѣми струнами души. Онъ любитъ историческую эпопею, рисующую ему картину великихъ битвъ прошлаго, предвѣстниковъ грядущихъ битвъ. По мѣрѣ того, какъ онъ будетъ становиться культурнѣе и будутъ зрѣть и расширяться его духовные запросы, долженъ будетъ расширяться и его репертуаръ. Но еще долго, по мнѣнію Роллана, народъ будетъ ставить три основныхъ требованія своему театру: театръ долженъ быть значителенъ, онъ долженъ глубоко волновать чувства и будить мысли; онъ долженъ быть отмѣченъ здоровымъ реализмомъ, долженъ быть правдивъ; онъ не долженъ противорѣчить глубокимъ убѣжденіямъ народа въ области добра и соціальной справедливости.

Это долженъ быть умный, правдивый и честный театръ.

Что значить быть „умнымъ, правдивымъ и честнымъ“ театромъ для народа? Слова, какъ извѣстно, поддаются различнымъ толкованіямъ. Чтобы получить частичный отвѣтъ на этотъ вопросъ, позвольте мнѣ подѣлиться кое-какими личными впечатлѣніями.

Французская толпа—впечатлительная толпа, ладкая на шутку, на остроумный шаржъ, даже на буффонаду. Декламація, хотя бы ходульная, идетъ къ ея сердцу. Сантиментальна она чрезвычайно. Въ театрахъ, поэтому, много смѣются, часто плачутъ и, вообще, очень

легко волнуются. Но волненіе это легкое и скоропреходящее. Примѣръ: идетъ веселое „geue“; французскія демимондонки „воспитываютъ“ испанскаго, или португальскаго, или еще какого-то наслѣднаго принца. Подъ-ручку съ двумя демимондонками, принцъ идетъ по Вандомской площади, и у колонны Наполеона встрѣчается съ Ростаномъ. Ростанъ, какъ извѣстно, каламбуристъ. Каламбуръ рождается на его губахъ помимо воли и сыплется изъ его стиховъ какъ изъ рога изобилія. Встрѣтившись съ принцемъ, Ростанъ начинаетъ каламбурировать. Каламбуры, нелѣпыя, смѣшныя, иногда совсѣмъ идиотскія, иногда уморительныя, сыплются градомъ, — и всѣ проходящія, — полимены и важныя господа, кухарки и посыльные, — останавливаются, слушаютъ, хохочутъ и аплодируютъ. Смѣхъ и шумъ тревожатъ Наполеона на верхушкѣ его колонны и выводятъ его изъ сумрачной задумчивости. Онъ нагибается внизъ, смотритъ, слушаетъ, какъ громоздятся внизу каламбуры, и, заинтересовавшись, спускается на землю. Мы видимъ, какъ его тѣнь быстро скользитъ внизъ по пустотѣ колонны, сдѣлавшейся прозрачною; дверь отворяется, и сумрачный, скрестивъ на груди руки, въ сѣрой походной шинели и трехугольной шляпѣ, — передъ нами великій императоръ. Французы не могутъ равнодушно видѣть великаго императора. Громъ бѣшеныхъ рукоплесканій всегда встрѣчаетъ его появленіе. Онъ и слава, не потерявшая еще своего очарованія — синонимы. Наполеонъ знаетъ это и долго неподвижно стоитъ передъ рампой, пристально глядя на насъ и слушая, какъ волны рукоплесканій, точно волны моря, то затихая, то высоко поднимаясь вновь, ложатся къ его ногамъ. Небрежнымъ жестомъ онъ останавливаетъ овацію и обращается къ Ростану. Ростанъ отвѣчаетъ калабуромъ, однимъ, другимъ, третьимъ... Наполеонъ улыбается и отвѣчаетъ тоже... калабуромъ! Ростанъ не остается въ долгу — и черезъ минуту „великій поэтъ“ и „великій императоръ“, въ кругу сбѣжавшихся кухарокъ и мидипетокъ, какъ два боевыхъ пѣтуха, сражаются за пальму калабурнаго первенства. Въ концѣ концовъ, конечно, побѣждаетъ Ростанъ. Наполеонъ не знаетъ что сказать: каламбуръ споткнулся у него, не вышелъ — и, разводя руками, онъ говоритъ:

— Сознаюсь, ты побѣдилъ меня въ каламбурѣ.

— Побѣдилъ?! Да? Но тогда я долженъ стоять на колоннѣ.

И такъ какъ Ростанъ требуетъ настойчиво, а всѣ кухарки и мидинетки его поддерживаютъ, — Наполеонъ долженъ уступить. Онъ снимаетъ и отдаетъ Ростану свою шинель и свою шляпу, наклеиваетъ ему на лобъ свой нависающій на лобъ клокъ волосъ, поверхъ „сѣраго походнаго сюртука“ напяливаетъ куцый и тѣсный пиджакъ поэта — и передъ нами толстый, лысый, нелѣпый карапузъ, въ жокейской каскеткѣ. Свирило пляшетъ онъ канканъ vis-à-vis съ паря-

женнымъ въ его костюмъ Ростаномъ. Потомъ Ростанъ карабкается на колонну, а карапузъ Наполеонъ, горлани шансонетку и подхвативъ подъ-ручку хорошенькую мидинетку, гнусно кривляясь, уходитъ съ принцемъ и его „учительницами“.

Не будемъ говорить о томъ, великъ или нѣтъ Наполеонъ, полезно ли и разумно ли такъ „разоблачать“ его. Но вѣдь ему только-что бѣшено и восторженно апплодировали — ему, великому! Теперь, когда надъ его тѣнью совершили величайшую профанацію, та же публика хохочетъ до слезъ, до истерическихъ криковъ—и ни одного протеста, ни одного гнѣвнаго возгласа. Правда, вся сцена удивительно смѣшна по формѣ—и этимъ искупается все.

Такова публика, которую я часто вижу въ театрахъ.

Но вотъ, я въ театрѣ Монпарнаса, на представленіи „Жерминаля“ („Углекопы“), драмы, сдѣланной изъ извѣстнаго романа Золя. И сразу меня охватываетъ совсѣмъ другая атмосфера. Я знаю, и всѣ знаютъ, что черезъ четверть часа поднимется занавѣсъ, и на подмосткахъ, среди картонныхъ домовъ и деревьевъ, будетъ воспроизведена подлинная житейская драма, и страсти, мысли, надежды, страданія, которыми полна жизнь этихъ, сидящихъ по сю сторону рампы, найдеть свое яркое и сконцентрированное выраженіе—по ту сторону ея. Это совсѣмъ серьезно и создаетъ соответственное настроеніе въ публикѣ. Публика демократическая. Театръ дешевый, въ рабочемъ кварталѣ, и абонированъ тѣмъ „Обществомъ народнаго театра“, о которомъ я говорилъ выше. Суббота; люди пришли отдохнуть отъ однообразія жизни и работы. Много солдатъ. Около меня большой и сильный человекъ въ шведской курткѣ, съ большими и черными руками—вѣроятно слесарь.

Поднимается занавѣсъ. На сценѣ входъ въ копи; кучка безработныхъ, сильныхъ мужчинъ, отцовъ семей, унижительно клянчить, просить—работы. Моя сосѣдка справа вздыхаетъ и комментируетъ:

— Безъ работы—безъ хлѣба...

Кто знаетъ,—можетъ быть и ей приходилось клянчить, унижаться—и всетаки голодать...

Вторая картина—подземная галлерея, гдѣ, скорчившись, изогнувшись, лежа на брюхѣ, выбиваютъ изъ камня уголь. Глухо бушуетъ протестъ и злоба въ душахъ этихъ засыпанныхъ углемъ людей, и вспыхиваетъ яркимъ пламенемъ, когда въ галлереѣ появляется директоръ. Но тотчасъ тухнетъ, когда инженеръ сухо объявляетъ:

— Немедленно на мѣста, или наверхъ—къ расчету!

Согнувъ спины, какъ подъ ударами бича, идутъ углекопы къ своимъ щелямъ и норамъ, и глухо стучатъ ломы и кирки.

Мой сосѣдъ въ шведской курткѣ тяжело лежитъ локтями на

барьеръ, но отрываясь смотреть на сцену и крутить въ жгутъ толстую, глянцевиую тетрадку программы.

Сцены голода въ семьѣ Магё, смерть Альзиры, вся потрясающая картина этой поистинѣ черной жизни и безнадежной борьбы проходить передъ глухо-замолкнувшей и сосредоточенно напряженной аудиторіей. Странно: я не вижу ни посовыхъ платковъ, ни слезъ, такъ обильно льющихся на мелодрамахъ. Молчать и смотреть — не на сцену только театра, а на ту громадную сцену жизни, гдѣ каждый день творится подобное. Все плакать — не заплачешься!

Какъ разъ въ то время, когда я смотрѣлъ „Жерминали“ въ театрѣ на улицѣ Gaité, шла отчаянная и безнадежная стачка кожевниковъ въ Гролье. Она тянулась долго, два мѣсяца, и не обѣщала успѣха. На заводахъ работали „желтые“, хотя и не въ большомъ числѣ; товаръ доставлялся по ночамъ на заводы и отправлялся съ нихъ на желѣзную дорогу. Рабочіе хотѣли было помѣшкать этому товарному обороту, отрѣзать заводы отъ рынка и тѣмъ сломить сопротивление хозяевъ, — но помѣшали войска. Транспорты двигались подъ ихъ охраной. Тогда среди голодныхъ стачечниковъ созрѣлъ планъ, всю мрачно-отчаянную психологію котораго едва ли вмѣститъ нашъ умъ сытыхъ людей. Едва только смеркъся короткій январскій день, три тысячи стачечниковъ и ихъ женъ по сигналу вышли изъ своихъ домовъ, двинулись къ вокзалу и легли въ грязь улицъ, кольцомъ вокругъ него: нежите товаръ по нашимъ тѣламъ! Всю ночь войска и жандармы поднимали стачечниковъ съ земли и разговяли. Но разогнать не могли. Всю ночь мостили женщины и мужчины улицы своими тѣлами, не смотря на побои, на холодный дождь. И такъ продолжалось три ночи. Три почти фабрики были отрѣзаны отъ міра. Дальше рабочіе не выдержали...

Сцены митинга, забастовки, разстрѣла стачечниковъ войсками. Капитуляція. Взрывъ въ копи. Подземная трагедія. Спасеніе закопанныхъ старимъ Магё. Смерть Катерины. Всѣ эти этапы драмы прошли передъ потрясенными зрителями. Я говорю: „потрясенными“, такъ какъ была минута, когда вдругъ весь театръ всталъ на ноги и загудѣлъ, обнаруживъ всю напряженность своихъ чувствъ. Это когда Шаваль — предатель, купленный обѣщаніемъ награды, — указалъ директору копей, гдѣ собрался митингъ и куда надо вести войска.

Уходя домой по окончаніи пьесы, я думалъ:

— Что отвѣтилъ бы мнѣ мой сосѣдъ въ шведской курткѣ на вопросъ, что такое „честный, умный и правдивый“ театр?

И мнѣ кажется, что онъ отвѣтилъ бы мнѣ:

— Это тотъ театръ, изъ котораго мы только что вышли.

БѢЛОРУССОВЪ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ

СМЕРТЬ МАРКА ТВЭНА.—РУЗЕВЕЛЬТЪ.—НОВЫЯ БОЛѢЗНИ.

21 апрѣля скончался отъ болѣзни сердца, въ своемъ имѣннн въ штатѣ Коннектикутѣ, одинъ изъ очень немногихъ американскихъ беллетристовъ съ всемірною извѣстностью, Самуиль Клеменсъ, гораздо болѣе извѣстный подъ своимъ псевдонимомъ: Маркъ Твэнъ. Большинство его сочиненій переведено на разные европейскіе языки. Въ Америкѣ онъ сдѣлался знаменитостью еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, но Европа признала его только въ девяностыхъ, послѣ его кругосвѣтнаго, чрезвычайно успѣшнаго лекторскаго тура. Онъ написалъ очень много: полное собраніе его сочиненій состоитъ изъ 25-ти большихъ томовъ. Многія его повѣсти были драматизованы и имѣли у насъ большой успѣхъ и на сценѣ. Въ Америкѣ не было и нѣтъ писателя, который пользовался бы такой популярностью, такой постоянной и сильной народной любовью, какъ Твэнъ. Помимо своего таланта, это былъ замѣчательно добрый и симпатичный человѣкъ, первоклассный ораторъ, мудрый и снисходительный государственный дѣятель, умѣвшій оказывать серьезное, хотя и косвенное вліяніе и на политику страны, и на ея общественное мнѣніе. Его знали и почтительно выслушивали и правительственный персоналъ, и вожаки партій, и весь народъ. Его неистощимый юморъ, всегда оригинальный и новый, былъ чуждъ какой-либо искусственности, какой-либо натяжки; сила его сатиры, всегда острой, всегда попадавшей въ цѣль, заключалась не въ ея злости, а въ ея добродушіи; нерѣдко рассказанный имъ застольный анекдотъ, совершенно безобидный и повидимому только забавный, вынуждалъ однако закоренѣлыхъ политикановъ измѣнить уже принятыя-было рѣшенія. Твэнъ до самой смерти оставался одною изъ самыхъ крупныхъ силъ всего нашего общественнаго механизма; въ послѣдніе годы онъ писалъ немного, но его мѣткія опредѣленія, его неподражаемые афоризмы по поводу разныхъ событій мгновенно дѣлались общимъ достояніемъ. Его смерть признана большимъ государственнымъ несчастіемъ; всѣ наши нотабли, литературные и политическіе, сочли необходимымъ высказаться публично по ея поводу. Президенту Тафту принадлежитъ честь и наиболѣе короткой, и наиболѣе вѣрной характеристики покойнаго: Маркъ Твэнъ во

всю свою жизнь не написал и не сказалъ ничего, чего отецъ не могъ бы передать цѣликомъ своей дочери.

Еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, не окончившимъ даже народную школу, Маркъ Твэнъ былъ вынужденъ банкротствомъ отца поступить въ ученье въ типографію, въ которой проработалъ пять лѣтъ; затѣмъ онъ перешелъ юнгой на пароходъ на рѣкѣ Миссисипи, сдѣлался со временемъ лоцманомъ и плавалъ больше десяти лѣтъ, не помысливъ о какомъ-либо писательствѣ. Начало междоусобной войны въ 1861 г. остановило судоходство на Миссисипи и перебросило Твэна сначала въ Неваду, затѣмъ въ Калифорнію, гдѣ онъ былъ рудокопомъ, затѣмъ репортеромъ, а впоследствии и редакторомъ разныхъ газетъ. Какъ корреспондентъ, онъ побывалъ и на островахъ Тихаго океана, и въ Европѣ, по извѣстность его началась съ выходомъ въ 1867-мъ году первой книжки его рассказовъ, подъ заглавіемъ: „The jumping frog“ — „Прыгающая лягушка“. Въ 1869 г. вышли „The Innocents abroad“, затѣмъ въ 1872 г. — „Roughing it“, въ 1873 г. — „The Gilded Age“, въ 1876 г. — „Adventures of Tom Sawyer“. Эта книга принесла съ собой знаменитость и богатство, и, вмѣстѣ съ другою, вышедшею въ 1884 г. — „Adventures of Huckleberry Finn“, — прочно установила его положеніе какъ величайшаго изъ современныхъ ему беллетристовъ Америки. Изъ послѣдующихъ его произведеній наиболѣе извѣстны: „The Prince and the Pauper“, „A Yankee in King Arthur's Court“, „Puddenhead Wilson“, „Joan of Ark“, „A Double barrelled detective story“ и „Eve's Diary“. Всѣ книги Марка Твэна имѣли и продолжаютъ имѣть въ Америкѣ громадное, прямо-таки баснословное распространеніе: многія разошлись въ числѣ слишкомъ полумилліона экземпляровъ. Очень трудно сказать, которая изъ нихъ лучше: всѣ очень популярны, и хотя его манера писать оставалась удивительно одинаковою, каждое его произведеніе блещетъ своеобразной прелестью; Твэнъ никогда не повторялся. Съ годами онъ относился къ своей работѣ все съ большей и большей тщательностью.

Маркъ Твэнъ завѣщалъ американской беллетристикѣ множество, опредѣленныхъ, тонко и поразительно вѣрно очерченныхъ типовъ. Хотя онъ прежде всего сатирикъ, хотя юморъ не оставляетъ его ни на одну минуту, онъ своими героями и героинями далъ не каррикатуры, не одностороннія изображенія, а живыхъ, реальныхъ людей. Фабула обыкновенно играетъ въ его произведеніяхъ самую послѣднюю роль. Онъ никогда не бьетъ на эффектъ, на запутанность или необычность положеній. Каждая глава, каждая сцена имѣютъ свои собственные, самостоятельныя цѣнность и значеніе. Его рассказъ плавленъ, не связанъ посторонними соображеніями; это — блестящая импровизація, свободная, не приправленная ни тенденціей, ни напряженіемъ

воображенія. Чувствуется, что поеть соловей, горло котораго способно на всевозможныя варіаціи. Я думаю, что перевести Марка Твэна на иностранный языкъ сколько-нибудь удовлетворительно чрезвычайно трудно, а часто прямо невозможно. Онъ играетъ своимъ языкомъ увѣренно и красиво, постоянно прибѣгаетъ къ остроумнѣйшимъ каламбурамъ, на которые англійскій языкъ такъ способенъ благодаря своеобразностямъ орфографіи и выговора, поражаетъ то гармоніей, то какофоніей. То рѣзкія, короткія, отрывочныя фразы, то длинныя, утонченныя, изящныя періоды. Маркъ Твэнь неподражаемъ и по языку, и по стилю; самыя тонкія красоты его юмора часто заключаются въ построеніи фразы, въ размѣщеніи словъ. По художественности писательской работы онъ имѣетъ во всей американской литературѣ только одного достойнаго соперника—Эдгара По.

Всю свою жизнь Маркъ Твэнь особенно любилъ дѣтей и всегда имѣлъ между ними по всей странѣ множество корреспондентовъ. Его похороны выдались тѣмъ, что на нихъ собрались дѣти всей окрестности и съ пѣніемъ, усыпая путь цвѣтами, проводили его прахъ до могилы.

Годомъ рожденія Марка Твэна въ большинствѣ его біографій считается 1835-ый; но близко знавшіе его жизнь люди утверждаютъ, что въ дѣйствительности онъ былъ пятью годами старше, и достигъ, слѣдовательно, восьмидесятилѣтняго возраста, сохранивъ до конца всѣ умственныя способности и неизмѣнныя веселость и добродушіе. Онъ пережилъ и жену, и всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ младшей дочери, Клары, годъ тому назадъ вышедшей замужъ за русскаго піаниста, Осипа Габриловича.

Маркъ Твэнь былъ вѣчнымъ странникомъ: онъ нигдѣ не уживался надолго и былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей американской артистической богемы, свободной, безпечной и ни къ чему ничѣмъ не привязанной. Какъ публичный и, въ особенности, застольный ораторъ, онъ цѣнился очень высоко и постоянно говорилъ то здѣсь, то тамъ, будучи повсюду самымъ дорогимъ гостемъ. Своимъ остроуміемъ и житейской мудростью онъ часто улаживалъ самыя запутанныя отношенія и дѣла, обыкновенно совершенно не подозрѣвая самъ своего воздѣйствія. Какъ ни увядаемы его писательскіе лавры, его миротворческая слава едва ли уступаетъ ихъ блеску; въ Америкѣ они связаны неразрывно—и сохраняются такъ въ народной памяти.

Событія конца прошлаго столѣтія и, въ особенности, война съ Испаніей вынесли на самый верхъ нашей политической жизни Теодора Рузвельта, человѣка несомнѣнно обладающаго замѣчательной

способностью волновать, такъ или иначе, американское общественное мнѣніе. Вотъ ужъ почти двадцать лѣтъ, какъ его имя не сходитъ съ первыхъ страницъ нашей печати всѣхъ направлений и оттѣнковъ. Ничто человѣческое ему не чуждо: онъ и государственный мужъ, и солдатъ, и администраторъ, и юристъ, и спортсменъ, и филологъ, и писатель. Ему всего пятьдесятъ лѣтъ—а онъ былъ и свѣтскимъ дэнди въ роскошнѣйшихъ гостиницахъ новаго свѣта, и коубоемъ въ пустынныхъ дальняго Запада, и пачальникомъ полиціи города Нью-Йорка, и товарищемъ морского министра, и полковымъ командиромъ, и губернаторомъ штата Нью-Йорка, и цѣлыхъ семь съ половиной лѣтъ президентомъ Союза. Въ то же время онъ успѣлъ написать пятнадцать большихъ томовъ на разнообразнѣйшія темы, активно проводилъ въ жизнь разныя моральныя, социальныя и даже орографическія реформы и постоянно велъ оживленнѣйшую полѣмику съ различными противниками. Навязавъ странѣ своего преемника, настоящаго президента Тафта, онъ изолировался отъ политики, проведи почти цѣлый годъ въ африканскихъ дѣбряхъ, въ интересахъ науки и спорта, а затѣмъ совершилъ небывало триумфальный объѣздъ европейскихъ столицъ. Въ Каирѣ онъ прочелъ откровеннѣйшую нотацию мѣстнымъ террористамъ; въ Римѣ отказался посѣтить папу, посягнувшаго на независимость его, какъ гражданина, и всетаки сумѣлъ вызвать этимъ отказомъ одобреніе громаднаго большинства католическаго міра. Въ Вѣнѣ, Будапештѣ, Парижѣ, Брюсселѣ—всюду его встрѣчаютъ многотысячныя народныя толпы, всюду шумныя манифестаціи народнаго сочувствія. Чопорный германскій императоръ лично встрѣчаетъ Рузвельта на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, отводитъ для его помѣщенія королевскій дворецъ—небывалые прецеденты въ исторіи берлинскаго двора.

Съ момента появленія Рузвельта въ Гондокоро, американская пресса отвела ему первое мѣсто. Мельчайшія детали его поѣздки занимали нашу читающую публику гораздо больше важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Президентъ Тафтъ, Вашингтонъ, конгрессъ—все отошло на задній планъ, и Рузвельтъ опять всецѣло занялъ собою общественное вниманіе. Его популярность, сильно пошатнувшаяся года два тому назадъ, возродилась съ новой силой, и онъ въ настоящее время пользуется какимъ-то чисто гипнотическимъ вліяніемъ на наши народныя массы. Пресса зоветъ его не иначе какъ Наполеономъ XX-го столѣтія. Весьма вѣроятно, что онъ явится преемникомъ Тафта на посту президента Союза. Не говоря уже о громадномъ большинствѣ республиканцевъ, всѣ болѣе или менѣе дальновидные демократы высказываются прямо или косвенно въ его пользу. Самые серьезные люди начинаютъ задумываться падъ тѣмъ, не представляетъ ли Рузвельтъ собою дѣйствительно великаго человѣка, буду-

шее котораго еще впереди; только очень немногіе рѣшаются продолжать называть его безсодержательной ходячей сенсацией—кличкой, которая была въ большомъ ходу всего годъ тому назадъ.

Какова бы ни была разница въ мнѣніяхъ относительно оцѣнки личности Рузвельта, едвали подлежить сомнѣнію, что онъ принадлежитъ къ числу немногихъ выдающихся людей нашего времени уже по одному тому, что способенъ возбуждать и потрясать до основанія общественное мнѣніе и будить общественную совѣсть. Не смотря на свою добросовѣстность и благія намѣренія, Тафтъ совершенно лишенъ именно этой способности; за время его президентства страна успѣла впасть въ глубокую общественную апатію. Хотя конгрессъ занялъ чрезвычайно важными вопросами, хотя только что перекроены таможенный тарифъ, хотя въ палатѣ представителей произошла настоящая революція и сметена диктаторская власть спикера Каннона—страна не реагируетъ на эти событія, перестала заниматься внутренней политикой и чрезвычайно равнодушно проходитъ мимо, какъ будто все это нисколько ея не касается. Умѣренный и аккуратный Тафтъ скоро пересталъ возбуждать какой-либо интересъ: современному американскому народу нужна сенсация, необходима острота ощущений. Рузвельтъ, повидимому, неистощимъ именно въ этомъ направленіи; своей стремительностью, своей экспансивностью онъ увлекаетъ общественное воображеніе, и подъ его руководствомъ даже незначительный въ сущности эпизодъ принимаетъ размѣры серьезнаго событія. Въ то же время народныя массы безгранично вѣрятъ въ его честность и искренность; если онъ и ошибается, то отъ избытка усердія, а не по какой-либо другой, тѣмъ болѣе—корыстной причинѣ. Если онъ и не достигаетъ прямыхъ положительныхъ результатовъ, онъ все-таки пугаетъ себялюбивые классовые интересы, заставляетъ ихъ сдерживать свои заgreбистыя лапы. Онъ держалъ и капиталъ, и биржу въ состояніи спасительнаго страха, неизвѣстностью слѣдующаго его шага. Рузвельтъ дорогъ народу тѣми врагами, которыхъ онъ создалъ себѣ во всѣхъ темныхъ углахъ нашего общественнаго тѣла, во всѣхъ особенно антипатичныхъ народу сферахъ. Ни года, ни множество и разнообразіе золъ, съ которыми онъ боролся, не убавили его энергіи и не уменьшили его оптимизма. Неудачи его не останавливали—напротивъ, поощряли его къ дальнѣйшей борьбѣ. Что бы то ни было, Рузвельтъ не сложитъ рукъ и не умоетъ ихъ по-пилатовски: онъ будетъ бороться до конца, и народъ вмѣстѣ съ нимъ не теряетъ надежды, что завѣтный ларчикъ когда-нибудь откроется и зло будетъ посрамлено.

Европа вообще крайне скупа на признаніе американскаго таланта въ чемъ бы то ни было—не только скупа, но и, вѣроятно, неспра-

ведлива. Покойный Маркъ Твэнъ, конечно, занимаетъ болѣе прочное, болѣе замѣтное положеніе во всемірной литературѣ, чѣмъ извѣстная только въ сравнительно узкихъ кругахъ шведка Софія Лагерлофъ, которой присужденъ недавно Нобелевскій призъ, тогда какъ Твэнъ умеръ не увѣчанный имъ. Именно поэтому настоящий триумфъ Рузвельта въ Европѣ невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе мыслящихъ людей, вызываетъ переоцѣнку его личности. Очевидно, что его дѣятельность хорошо знакома всей Европѣ—и ея монархамъ, и ученымъ сферамъ, и народнымъ массамъ. За нимъ внимательно слѣдили; считаются съ его государственными, общественными и моральными взглядами. Теперь онъ рядовой гражданинъ, только *бывшій* президентъ. Признавая его значеніе, европейскіе народы не нуждаются въ апробаціи его привилегированными такъ или иначе лицами или учрежденіями. Это признаніе является, повидимому, общимъ приговоромъ, состоявшимся безъ предварительной подготовки. Рузвельтъ, какъ американецъ въ Европѣ, оказался исключеніемъ, не нуждавшимся въ рекомендаціяхъ или рекламѣ. Европа его знаетъ и цѣнитъ—и Америка гордится этимъ.

Американскій народъ чрезвычайно падокъ на всякое новшество. Нигдѣ въ мірѣ не появляется такой массы новинокъ во всѣхъ направленіяхъ; нигдѣ новыя теоріи, новыя методы, перемены въ обычаяхъ и жизненныхъ условіяхъ не принимаются и не прививаются такъ быстро, часто безъ достаточнаго предварительнаго опыта. Эта основная національная черта является непосредственнымъ результатомъ того факта, что въ образованіи американскаго національнаго характера ни одна отдѣльная нація не смогла сыграть преобладающей роли, не смогла связать его своими традиціями и выдающимися особенностями: всѣ европейскіе народы внесли въ него свою долю и, въ процессѣ продолжающейся и до настоящаго времени амальгамации, дали ему способность разставаться со старымъ, усваивать новое безъ излишней борьбы и усилій. За послѣдніе полвѣка Союзъ растворилъ въ себѣ свыше двадцати милліоновъ эмигрантовъ; большинство настоящаго населенія состоитъ изъ нихъ въ первомъ, второмъ и третьемъ поколѣніяхъ. Люди, поголовно недовольные жизненными условіями на родинѣ, ѣхали сюда готовые къ воспріятію новыхъ, и эта готовность, не покидавшая ихъ и въ ихъ послѣдующей жизни, перешла къ ихъ потомству. Новаторы по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности не встрѣчаютъ въ Америкѣ такихъ затрудненій, какъ въ Европѣ. Отсюда обиліе религіозныхъ сектъ, умственныхъ и нравственныхъ теченій, разнообразіе педагогиче-

ческих и медицинских возрѣній и школъ. Особенной ломкѣ за послѣднее десятилѣтіе подвергся у насъ вопросъ о народномъ здоровіи. Многія старыя болѣзни, всего полвѣка тому назадъ бывшія смертельнымъ бичомъ страны, потеряли свой грозный характеръ: оспа, холера, желтая лихорадка исчезли; скарлатина, тифъ, дифтеритъ только въ крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ оканчиваются теперь смертью; съ чахоткой и другими легочными болѣзнями идетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе успѣшная борьба. Цѣлесообразная общественная санитарія, разумная діета, правильный образъ жизни, вообще мѣры предупредительныя заняли гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ индивидуальное лѣченіе уже заболѣвшаго субъекта. Требованіе свѣжаго воздуха, въ частности снанье въ открытыхъ помѣщеніяхъ, не смотря на наружную температуру, лѣтомъ и зимой, сдѣлалось всеобщимъ; въ большей части строящихся новыхъ спальни устраиваются такимъ образомъ, чтобы по крайней мѣрѣ одна стѣна была совершенно открыта свободному доступу наружнаго воздуха. Изобрѣтены новыя кровати, новыя спальныя одежды; вмѣсто того, чтобы закупоривать больного, его, наоборотъ, поселяютъ въ палаткѣ, не смотря на морозъ или ненастье. Немало медицинскихъ школъ со множествомъ послѣдователей, совѣмъ отрицають аптеку и довольствуются лѣченіемъ воздухомъ, солнцемъ, водой, электричествомъ, массажемъ. Имѣются въ полномъ ходу огромныя санаторіи въ горахъ, въ лѣсахъ. Федеральное правительство содержитъ уже нѣсколько лѣтъ въ Вашингтонѣ крупное учрежденіе, въ которомъ цѣлымъ штабомъ специалистовъ производятся діететическіе эксперименты надъ многочисленными группами молодыхъ людей разнаго физическаго сложенія. Многіе штаты и крупные города основали превосходно оборудованныя спеціальныя учрежденія, подъ разными названіями, для бактеріологическихъ изслѣдованій и для борьбы съ отдѣльными болѣзнями, — чахоткой, ракомъ и т. п. Цѣлесообразно организованной статистикѣ смертности придается все большее и большее значеніе; внимательное ея изученіе доказываетъ безусловно, что смертность въ Союзѣ постоянно и существенно уменьшается, а роль разныхъ болѣзней стала за послѣднее время серьезно измѣняться. Всего важнѣе тотъ несомнѣнный активный интересъ, съ которымъ само населеніе относится теперь ко всѣмъ вопросамъ народнаго здоровія: не только взрослые люди, но и школьныя дѣти обсуждаютъ ихъ постоянно, относятся осмысленно къ ихъ требованіямъ, и наша повседневная жизнь прогрессируетъ въ этомъ направленіи весьма замѣтно.

Но, не смотря на все это, по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ или болѣе или менѣе смягчаются старыя болѣзни, появляются на ихъ

мѣсто новыл, едвали не столь же вредныя. Повидимому, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, оказываются прямымъ результатомъ измѣняющихся жизненныхъ условий, того чрезмѣрнаго нервнаго напряженія, съ которымъ связаны требованія современной цивилизаціи. Чрезвычайно растетъ смертность отъ болѣзней сердца и нервовъ; быстро прогрессируетъ развитіе сумасшествія, дегенераціи въ разныхъ формахъ, особенно въ половой области, маніи самоубійства, остраго алкоголизма, даже общей преступности. Это, впрочемъ, явленія болѣе или менѣе общія и съ Европой, хотя наши спеціалисты думаютъ, что у насъ они проявляются сравнительно гораздо рѣзче. Но и помимо ихъ у насъ въ послѣднее время констатировано появленіе нѣсколькихъ новыхъ болѣзней, очень опасныхъ и, повидимому, пока извѣстныхъ только въ Америкѣ. Особенно пугаетъ общественное воображеніе hook worm—крючковая глиста, грозилась, если вѣрить множеству авторитетнѣйшихъ нашихъ врачей, самыми пагубными послѣдствіями всему населенію страны. Ея существованіе было открыто всего года два тому назадъ въ нѣсколькихъ штатахъ Юга: это—очень небольшой и тонкій червь, проникающій въ человѣческое тѣло изъ почвы сквозь кожу. Сначала думали, что онъ опасенъ только бѣднымъ горцамъ Аллеганскихъ горъ, дѣти которыхъ все еще бѣгаютъ преимущественно босикомъ. Но съ теченіемъ времени оказалось, что ей подвержены и состоятельные классы. Ислѣдованіе студентовъ университета города Атланты, въ штатѣ Джорджіи, доказало, что больше трети ихъ заражено. Hook worm, разъ проникнувъ въ человѣческой организмъ, быстро подтачиваетъ всѣ его жизненныя силы, даже умственныя способности, вызываетъ апатію, непобѣдимую лѣнь и, раньше или позже, смерть больного, хотя онъ можетъ прожить и десятки лѣтъ, неспособнымъ къ какому-либо труду. Констатировано, что въ нѣсколькихъ штатахъ Юга цѣлыхъ два милліона жителей, преимущественно дѣтей въ 8—15-ти-лѣтнемъ возрастѣ, поражены уже этой новой болѣзнью. За послѣднее время она открыта и на Западѣ, и на тихоокеанскомъ побережьѣ. Извѣстный Рокфеллеръ пожертвовалъ милліонъ долларовъ на борьбу съ нею, и въ настоящій моментъ многочисленная медицинская коммиссія, съ докторомъ Стайлсомъ во главѣ, занята этой работой. Стайлсъ—молодой военный медикъ, теперь выдающаяся въ Америкѣ медицинская знаменитость, открывшій и изучившій болѣзнь и составившій планъ кампаніи противъ нея. Утверждаютъ, что лѣченіе несложно и очень эффективно; тѣмъ не менѣе страна сильно напугана, и hook worm составляетъ самую животрепещущую нашу злобу дня.

Одновременно съ нимъ въ нѣсколькихъ штатахъ Сѣверо-Запада, преимущественно въ Монтанѣ и Айдахо, появился микроскопическій

клещъ, названный tick'омъ, падающій съ вѣтвей хвойныхъ породъ лѣса на людей и животныхъ, проникающій въ тѣло и причиняющій быструю и мучительную смерть. Въ одной небольшой земледѣльческой долинѣ свыше тридцати лицъ умерли отъ него въ теченіе недѣли. Зима остановила его распространеніе, но мѣстности эти живутъ въ ужасѣ, ожидая весны. Изслѣдованіе tick'a оказалось гораздо болѣе труднымъ и сложнымъ, чѣмъ изслѣдованіе hook worm'a, и прошлое лѣто не дало никакихъ положительныхъ результатовъ въ борьбѣ съ нимъ.

Работы Мечникова въ Парижѣ подѣйствовали электрическимъ токомъ на нашихъ бактериологовъ, и они не перестаютъ стращать насъ всевозможными ужасами. Повидимому, нельзя ни ѣсть, ни пить, ни вообще жить, не подвергая себя нашествію безчисленныхъ миллиардовъ невидимыхъ враговъ. Но hook worm и tick — такія осязательныя реальности, передъ которыми беспомощно умолкаютъ самыя закоренѣлыя скептики. Къ сожалѣнію, къ нимъ приходится прибавить и аппендицитъ. Онъ особенно ужасенъ тѣмъ, что поражаетъ человѣка во всѣхъ возрастахъ, всегда крайне неожиданно, и смертность отъ него стала достигать въ послѣднее время поражающихъ размѣровъ. Совершенно неизвѣстный, въ его современной острой формѣ, всего десять лѣтъ тому назадъ, онъ успѣлъ сдѣлаться одною изъ самыхъ частыхъ и опасныхъ болѣзней. Хирургическій ножъ, повидимому, все еще признается единственнымъ эффективнымъ средствомъ. Сколько больныхъ умираетъ отъ аппендицита, сколько — отъ докторскаго усердія и ножа — извѣстно однимъ врачамъ, а они едва ли подѣлятся съ публикой этимъ своимъ секретомъ.

П. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

„ГОРЕ ОТЪ УМА“

въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ *).

(Окончаніе.)

X.

Петрушка. Вопросъ такъ и остается нерѣшеннымъ: одно и то же лицо или пѣть — Петрушка, заносщій въ календарь разныя дѣла по порученію Фамусова, и буфетчикъ Петруша, въ котораго влюблена Лиза? Въ изданіи Банилова, рисунки котораго такъ расхваливаетъ Гарусовъ, Петрушка — молодой, заспанный парень.

У Пушкина есть дворецкій — „въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ, съ чулкомъ въ рукѣ“.

Фамусовъ громко высказываетъ свои мысли о „родѣ людскомъ“, о вдовѣ-докторшѣ, мысли довольно интимныя. Есть что-то колоритное, если это происходитъ со старымъ слугой, близко знающимъ его жизнь и связи — и съ Прасковьей Федоровной, которую Фамусовъ даже не называетъ по фамиліи, и со вдовой-докторшей, отпошевія къ которой подозрительны. Поэтому Художественный Театръ предпочелъ стараго, заспаннаго слугу, который въ длинные свободные часы занимается вязаніемъ чулка...

Въ первомъ монологѣ Фамусова, кромѣ вышеуказанныхъ стиховъ, внесена изъ музейной рукописи еще одна поправка:

„Но хочеть кто пути предъ Господомъ исправить—
Вотъ благочестія примѣръ:
Покойникъ былъ почтенный камергеръ“ и т. д.

Второе дѣйствіе, по мизансценѣ Художественнаго Театра, происходитъ въ небольшой угловой комнатѣ — диванной, портретной или курильной. Тутъ есть и портретъ Максима Петровича, въ пудреномъ парикѣ, и только-что скончавшагося Кузьмы Петровича (въ нѣкоторыхъ изданіяхъ и тотъ, и другой сведены въ одно лицо — Максима Петровича). Изъ имѣнія кн. Юсуповой взято три соединенныхъ вмѣстѣ и вращающихся полу-кресла, съ столикомъ между ними. Въ углу чу-

*) См. іюнь, стр. 367.

буки. Комната теплая, съ большой печью и отдушникомъ, который „отвертывается“—„отдушничекъ отвёрнемъ поскорѣе“.

Фамусовъ въ скюртукѣ, который онъ надѣлъ еще въ концѣ перваго дѣйствія.

Чацкій приходитъ, конечно, въ другомъ костюмѣ. Послѣ перваго дѣйствія онъ съѣздитъ домой и переодѣлся.

Есть безвкусная традиція приходитъ Чацкому со шляпой въ рукѣ. Свой человекъ въ домѣ—зачѣмъ онъ войдетъ со шляпой? Онъ пришелъ сюда не для визита, а на цѣлый день, хотя бы и безъ приглашенія. Будетъ бродить по комнатамъ, играть на фортепiano, бесѣдовать съ Софьей. Потомъ поѣдетъ домой переодѣться для бала.

Петрушка встрѣчаетъ Чацкаго низкимъ поклономъ и цѣлуетъ ему руку.

Въ первой же сценѣ Фамусова съ Чацкимъ есть рядъ отгѣнковъ, стершихся отъ времени въ игрѣ артистовъ.

„Обрыскалъ свѣтъ,—не хочешь ли жениться?“—„А вамъ на что?“ Изумленіе Фамусова передъ такимъ вопросомъ—гораздо сильнѣе, чѣмъ это передаютъ исполнители.

„Пусть я посватаюсь, вы что бы мнѣ сказали?“—Этому вопросу исполнители Чацкаго придаютъ мало значенія, задаютъ его проходомъ, небрежно, что уже просто неприлично. Вѣдь это почти-что формальное предложеніе. И отвѣтъ Фамусова очень интересуютъ Чацкаго.

Отповѣдь Фамусова: „Сказалъ бы я, во-первыхъ“ и т. д.—также произносится недостаточно внушительно.

Я уже говорилъ въ первой главѣ, что не вижу никакой надобности Чацкому въ монологѣ: „И точно началъ свѣтъ глупѣть“ сразу, что называется, становится на дыбы. Въ этомъ и заключается „театральность“, что разъ молодой, благородный человекъ произносить со сцены умныя слова, то непременно долженъ нахмурить брови. Не умнѣе ли со стороны Чацкаго принять разговоръ о Максимѣ Петровичѣ какъ забавный анекдотъ, который столько же злитъ, сколько и смѣшитъ? Позволяю себѣ повторить, что актеръ можетъ искренно жить на сценѣ чувствами, а не словами. Чацкій въ данное время находится въ благодушномъ настроеніи. Относительно Софьи у него еще нѣтъ разочарованій. Правда, у него могло остаться отъ утренней встрѣчи впечатлѣніе какого-то холодка. Но пока и только. Фамусова же онъ слишкомъ хорошо знаетъ, чтобъ раздражаться отъ его наивнаго консерватизма. И посмотрите, какъ онъ издѣвается. Сколько красокъ въ его насмѣшкѣ.

„Какъ тотъ и славился, чья чаще гнулась шея?
Коль не въ войнѣ, такъ въ мирѣ брали лбомъ...
Стучали объ полъ, не жалѣя“.

И дальше:

„Кого охота забрать,
Хоть въ раболѣствіи самомъ шиломъ,
Теперь, чтобы смѣлнѣе народъ—
Отважно жертвовать затылкомъ!“

И среди этихъ насмѣшекъ отдѣльными блестящими всегда готового вспыхнуть гнѣва:

„Кому нужда—тѣмъ спѣсь, лежи они въ пали,
А тѣмъ кто выше, лести, какъ кружево, пледи.“

И только въ концѣ совсѣмъ серьезно: „хоть есть охотнички по-подличать пездѣ“ и т. д.

Тотъ же почтенный старичокъ, который въ первомъ дѣйствіи съ радостью доложилъ Софьѣ о пріѣздѣ Чацкаго, докладываетъ теперь о визитѣ Скалозуба. Онъ всѣмъ своимъ видомъ и почтительнымъ, негромкимъ докладомъ отрицаетъ барственность Фамусовскаго дома.

И вотъ въ первый разъ Чацкаго охватило ревнивое подозрѣніе, то, что ему не приходило въ голову еще вчера, когда онъ „летѣлъ, дрожалъ—вотъ счастье, думалъ, близко“. Въ первый разъ подозрѣніе больно кольнуло его: „Нѣтъ ли впрямь тутъ жениха какого?“ Въ этомъ монологѣ Чацкаго—начало тѣхъ переживаній, которые дѣлаютъ этотъ образъ такимъ трогательнымъ и лирическимъ. Отъ этого монолога переходъ къ словамъ: „Да-съ, это я сейчасъ явилъ моимъ усердѣйшимъ стараньемъ“ и т. д., потомъ къ чудесному монологу 3-го дѣйствія: „Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый“, и, наконецъ, къ послѣднему монологу въ 4-мъ дѣйствіи. Вся гамма разбитой любви.

XI.

Скалозубъ.

Его уже давно перестали играть каррикатурно. Отъ тѣхъ традицій, которыя сохранились въ изданіи Башилова, слава Богу, ушли. Лѣтъ 15 назадъ лучшимъ исполнителемъ считался Киселевскій. Но только потому, что онъ умѣлъ прекрасно держаться въ военной формѣ и имѣлъ чудесный голосъ.

Скалозубъ молодъ. Ему не больше 30-ти. Онъ служить съ 809-го, т.-е. всего 13 лѣтъ, а началъ, какъ водится, лѣтъ 16-ти—17-ти. Онъ богатъ („И золотой мѣшокъ, и мѣтитъ въ генералы“), имѣетъ большія связи; онъ то, что называли въ старину—*bien né*. Рано сталъ полковникомъ, уже командуетъ полкомъ.

Въ комедіи нѣтъ данныхъ, чтобы сказать, что его карьера складывается на умѣннѣ прислужиться. Нисколько. У него есть другое,

драгоценное качество для успѣха по службѣ: онъ прирожденный военный и въ этой области узко и прямолинейно специализировался. А когда человекъ слишкомъ специализируется, онъ съ одной стороны преуспѣваетъ, съ другой — неминуемо становится ограниченнымъ. И Скалозубъ, крайне ограниченный, въ то же время искренно любитъ все, что входитъ въ область военной службы.

Намъ кажется, что исполнителю слѣдуетъ опираться на слѣдующія соображенія: принадлежность къ „хорошему обществу“, что скажется въ простотѣ и даже элегантнои манерѣ военной выправки. Военные носили корсетъ, прежде чѣмъ шаркнуть дѣлали правой ногой особенное па... Затѣмъ всепоглощающая любовь ко всему военному и полнѣйшее равнодушіе къ тому, что находится внѣ этой области. Это даетъ какую-то завидную уравновѣшенность. Онъ даже скромнѣе, какъ бываютъ скромны люди, плывущіе по точно опредѣленному руслу, „каналу“. И то, что въ немъ можетъ показаться важностью — только спокойствіе и уравновѣшенность.

У него огромная фигура и зычный голосъ, но онъ не рисуется этимъ, какъ дѣлаютъ это безвкусные актеры водевильнаго тона. Онъ безъ чванства сосредоточенъ въ самомъ себѣ. Любитъ и пошутить. „И Скалозубъ, какъ свой хохоль закрутить, прибавитъ сто прикрасъ, шутить и онъ гораздъ“... Закручивать хохоль — вѣроятно, его привычка, какъ бываетъ у многихъ, слѣдящихъ за собой и за какой-нибудь одной чертой своей внѣшности.

Онъ не прочь жениться на Софѣ, но не торопится, и вся процедура женитьбы будетъ выполнена имъ безъ всякихъ волненій. Онъ не будетъ справляться, любитъ она его или нѣтъ. Она представительна, красива, отлично поставитъ генеральскій домъ, а больше отъ жены ничего и не требуется. И когда у нея будутъ любовники, онъ, не замѣчая этого, будетъ персифлировать насчетъ рогатыхъ мужей и благополучно продолжать свою службу, получать чины и ордена, бригады и дивизіи.

Аракчеева изъ него, конечно, не выйдетъ, какъ думали нѣкоторые комментаторы „Горя отъ ума“: для этого у него мало ума и дѣловой энергіи, но карьера его все-таки будетъ завидная.

У исполнителя Художественнаго Театра очень стильная внѣшность, точно сорванная съ портрета времени Александра Перваго. Въ изданіи старинныхъ портретовъ Дягилева есть много прекрасныхъ оригиналовъ для актеровъ.

Отысканіе формы Скалозуба представляетъ немало затрудненій, такъ какъ можно найти подробныя описанія мундировъ всѣхъ полковъ, но нѣтъ рисунковъ въ краскахъ. Здѣсь могли бы помочь традиціи; современники знали хорошо, какъ долженъ быть одѣтъ Скало-

зубъ, но робкая театральная цензура не разрѣшала,—какъ не разрѣшаетъ и теперь, изъ страха отписти передъ военнымъ министерствомъ,—подлинныхъ военныхъ формъ на сценѣ.

Знаменитая, едва ли не самая замѣчательная въ комедіи, сцена Фамусова, Скалозуба и Чацкаго, съ ея гениальными монологами и репликами, оказалась и самой счастливой въ сценической исторіи „Горы отъ ума“. За послѣдніи 25 лѣтъ Фамусовскіе монологи великолѣпно произносились Самаринымъ, Давыдовымъ, А. П. Ленскимъ, прекрасно произносятся и исполнителемъ Художественнаго Театра Станиславскимъ. Монологъ Чацкаго: „А судьи кто?“ также прекрасно звучитъ у многихъ исполнителей этой роли. И классическія реплики Скалозуба всегда производятъ впечатлѣніе.

Тутъ благородство духа, и дивная музыка стиховъ, и мѣткій образный языкъ слились въ такой чарующей гармоніи, что вся сцена, не смотря на неподвижность дѣйствія, держитъ зрителя подъ непрерывающимся обалиемъ, даже если она только хорошо читается. Кромѣ того эта сцена даетъ актерамъ особенно богатый матеріалъ для виртуозной декламации.

Есть нѣсколько частныхъ, которыя, кажется, не всѣмъ исполнителямъ ясны.

Многіе исполнители Чацкаго произносятъ:

„И гдѣ не *воскресятъ* кліенты иностранцы
Промедшаго житія подлѣйшія черты“.

Гораздо понятнѣе: „гдѣ не *истребятъ* кліенты иностранцы“.

Фамусовъ, уходя, громко говоритъ: „Сергѣй Сергѣичъ, я пойду и буду ждать васъ въ кабинетѣ“. Даже А. П. Ленскій говорилъ мнѣ, что не можетъ отдѣлаться въ этомъ уходѣ отъ нѣкоторой натяжки. Въ Художественномъ Театрѣ Фамусовъ говоритъ это съ подчеркнутымъ желаніемъ показать Скалозубу, что не можетъ больше выносить либеральныхъ рѣчей Чацкаго: онѣ слишкомъ волнуютъ его.

И это связывается съ началомъ монолога Скалозуба: „Мнѣ нравится, при этой смѣтѣ“ и т. д. Скалозубъ, ничего, въ сущности, не понявъ изъ всей тирады Чацкаго, уловилъ только то, что когда Чацкій заговорилъ о гвардіи и фаворитахъ („инные отъ двора“), Фамусовъ не выдержалъ и убѣжалъ. И вотъ Скалозубъ готовъ вмѣстѣ съ Чацкимъ подтрунить надъ старикомъ и его „предубѣжденіями“ „къ любимцамъ, къ гвардіи“...

Насколько предыдущей сценѣ повезло на театрѣ, настолько послѣдующая—явленія VII и VIII—играется, съ точки зрѣнія реального искусства, фальшиво и бессмысленно. Испугъ Софьи, ея обморокъ, испугъ Чацкаго, хоть отчасти всетаки и Скалозуба, ухаживание

за Софьей, лежащей безъ чувствъ, ловкія и хитрыя замѣчанія Лизы, появленіе Молчалина—все представляетъ сплошной трафаретъ, грубѣйшій сценическій шаблонъ, за которымъ не доберешься ни до какихъ переживаній. Точно вся эта сцена не имѣетъ никакого значенія и не стоить актерамъ потрудиться надъ нею. А между тѣмъ она даетъ неожиданный и сильный толчокъ развитію фабулы и является великолѣпнымъ *coup de théâtre*, не только возвращающимъ дѣйствіе къ основной нити драмы, но и дающимъ ей рѣшительное движеніе впередъ. Какъ только актеры уклоняются отъ истинныхъ переживаній этой сцены, такъ неминуемо ослабляется энергичное развитіе пьесы.

Софья обыкновенно не столько падаетъ, сколько садится на заранее приготовленный у окна стулъ, и притомъ въ такой позѣ, которая не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что исполнительница благополучно здравствуетъ.

Если излишне, чтобъ Софья падала на полъ, то во всякомъ случаѣ—ее едва успѣваютъ поддержать. Въ Художественномъ Театрѣ Чацкій и Скалозубъ кладутъ Софью на диванъ. Если это увлеченіе въ сторону излишняго натурализма, то всетаки надо придумать какое-нибудь подобіе обморока.

Можно себѣ представить, какъ долженъ былъ испугаться Чацкій, увидѣвъ въ обморокѣ любимую дѣвушку! А кто изъ исполнителей Чацкого даетъ себѣ трудъ пережить этотъ испугъ со всей трогательностью, какая дала бы ему право потомъ сказать: „Не знаю, для кого, но васъ я воскресилъ“.

Можно ли не почувствовать, при искреннемъ переживаніи, что около лежащей въ обморокѣ люди инстинктивно говорятъ тише, чѣмъ обыкновенно? Но конечно, разъ все представляется „нарочно“, никакое аффективное чувство не подскажетъ актеру понизить голосъ. И вотъ и Лиза, и Скалозубъ на перебой стараются только разсмѣшить публику своими репликами.

Обвиняли Театръ и за то, что Лиза убѣгаетъ за укусомъ, а не принесла его съ собой. И за то, что она опрыскивала водой слишкомъ много и „почти по настоящему“. Въ текстѣ:

„Опрыскивай еще водою... Вотъ такъ... еще... еще...“

Сценическая рутина—это прежде всего отсутствіе смѣлости. Страхъ передъ тѣмъ, что публика засмѣется. Да пускай себѣ смѣется! Какое дѣло до этого актеру, искренно и просто переживающему? Пусть актеры, вдумчиво перечитывая не только свою роль, но всю эту сцену, постараются проникнуть, въ какомъ настроеніи описывалъ Грибоедовъ обморокъ Софьи: въ сатирическомъ или въ очень серьезномъ.

Опахало Софья уронила у окна, „теряя чувства“. Чацкій пошелъ

за нимъ и увидѣлъ за окномъ Молчалина. Ему еще не приходитъ въ голову, что Софья такъ перепугалась, потому что любитъ Молчалина: „Бездѣлица ее тревожить“. Хитрая Лиза больше всего боится, что Софья выдала себя, и старается замаскировать дѣло: „Да-съ, барышнинъ несчастенъ нравъ: со стороны смотрѣть не можетъ, какъ люди падаютъ стремглавъ“. Но Софья, чуть только очнулась, выдаетъ себя... Чацкаго охватываетъ страшное подозрѣнiе: „Смятенiе! Обморокъ! непослѣдность! гнѣвъ! испуга!.. Такъ можно только ощущать, когда лишаешься единственнаго друга“¹⁾. Но Софья продолжаетъ вести себя несдержанно, не скрываетъ ужаса при видѣ Молчалина: „Руки не можетъ онъ поднять“. Только присутствiе Скалозуба заставляетъ ее взять себя въ руки.

Въ Художественномъ Театрѣ Молчалинъ входитъ безъ повязки. Только во время дальнѣйшей сцены онъ, въ глубинѣ, достаетъ платокъ и Лиза завизываетъ ему руку.

Немало нападокъ слышали мы за то, что сцена Скалозуба и Софьи разбита нѣсколькими паузами. Но и эти нападки основаны лишь на рутинѣ и на обычаѣ извѣстнаго рода критиковъ набрасываться па все, что выходитъ изъ области привычныхъ впечатлѣнiй.

Для Скалозуба очень характерно сидѣть во время визита въ безмятежномъ спокойствiи, нисколько не заботясь о томъ, рады ли ему, скупаютъ ли съ нимъ, не придумывать темъ для поддержанiя разговора, барабанить пальцами по столу, высказать коротко что взбредеть ему на умъ, барышнѣ рассказать какой-нибудь анекдотъ, потомъ такъ же безмятежно откланяться и уѣхать. Характерно и для Софьи, какъ для свѣтской барышни, выдержать такой визитъ въ то время, когда вся душа ея рвется къ Молчалину. Типично и для Молчалина терпѣливо выжидать, когда важный гость соблаговолитъ уйти... И небольшая сцена прiобрѣтаетъ интересъ, не лишенный внутренняго комизма, и съ бѣльшимъ рельефомъ оттѣняетъ слѣдующую порывистую сцену Софьи съ Молчалинымъ—„Молчалинъ! какъ во мнѣ расудокъ цѣль остался“!

Я не защищаю эти паузы Скалозуба (точнѣе—Софьи), какъ единственную возможную интерпретацію сцены. Если другiе театры выдумаютъ что-либо болѣе мѣткое, тонкое и остроумное—тѣмъ лучше. Но не понимаю, почему предпочтительнѣе безсодержательный, почти небрежный обмѣнъ репликъ.

¹⁾ Музейная рукопись окончательно устанавливаетъ эту редакцію. Слово *испуга* употребляется Грибоедовымъ какъ именительный падежъ существительнаго женскаго рода.

XII.

Въ послѣдніе годы очень много говорили и писали о значеніи, правахъ и обязанностяхъ режиссера. Здѣсь, конечно, не мѣсто распространяться объ этомъ, но будетъ кстати указать на его основныя функціи. Ихъ три. Первая—забота о внѣшности пьесы, объ обстановкѣ—декораціяхъ, костюмахъ, освѣщеніи, бутафоріи и т. д. Вся эта сторона почти исключительно во власти режиссера, его вкуса, проникновенности въ стиль произведенія, знанія эпохи и его способности сценической приспособляемости.

Затѣмъ, его обязанность—слѣдить за правильнымъ развитіемъ фабулы пьесы, ея сценическаго рисунка. Вдохновеніе актера легко можетъ увлекаться въ сторону частныхъ, въ ущербъ главнымъ линіямъ сюжета. Путемъ мизансцены, которую предлагаетъ режиссеръ актерамъ, путемъ напominанія о взаимныхъ отношеніяхъ дѣйствующихъ лицъ и развитіи ихъ, онъ устанавливаетъ перспективы и регулируетъ постепенное наростаніе драматизма или комизма положеній.

Нечего и говорить, что это роль только контролирующая, если актеры, силою своего проникновенія, даютъ такіе неожиданные и яркіе штрихи, которые развиваютъ пьесу глубже, тоньше и рѣшительнѣе, чѣмъ ожидалъ режиссеръ. Тогда на его обязанности легко и быстро приспособляться къ намѣреніямъ актера.

Наконецъ, третья функція режиссера, выражаясь элементарно—быть зеркаломъ для актера. Самочувствіе актера—явленіе очень обманчивое и капризное. Актеру необходима провѣрка, удастся ли ему замысль, и вообще „что у него выходитъ“. Режиссеръ, ближе всѣхъ знакомый съ замысломъ актера и его индивидуальностью, можетъ объяснить ему не только, *что* у него выходитъ или не удастся, но и *почему*.

Такъ, по нашему мнѣнію, должно быть. А затѣмъ, на практикѣ является множество оттѣнковъ, зависящихъ отъ степени талантности актера и режиссера, ихъ темперамента, вкуса, энергіи, настойчивости, и проч. и проч. И привести ихъ взаимоотношенія къ опредѣленнымъ формуламъ нѣтъ никакой возможности.

Третье дѣйствіе „Горя отъ ума“ дало режиссерамъ Художественнаго Театра матеріалъ почти нетронутый, не использованный до тѣхъ поръ другими режиссерами. Я говорю не только объ *обстановкѣ*—декораціи и костюмахъ,—но и обо всемъ сценическомъ рисункѣ этого акта.

Третье дѣйствіе разбито у Грибоѣдова на двѣ части: въ первой,

меньшей, продолжается развитіе главной нити драмы—отношеній между Софьей, Чацкимъ и Молчалинымъ. Вторая часть начинается съ явленія IV: „Вечеръ. Всѣ двери настежь, кромѣ въ спальню Софьи. Въ перспективѣ раскрывается рядъ освѣщенныхъ комнатъ“. И съ слѣдующаго явленія выступаетъ, какъ принято выражаться, галлерей Грибоѣдовскихъ типовъ.

Въ первой части помѣщены двѣ замѣчательнѣйшихъ сцены комедіи: Чацкаго съ Софьей и Чацкаго съ Молчалинымъ. Движеніе пьесы не прерывается. Узелъ, завязанный въ экспозиціи, въ первомъ дѣйствіи, затягивается еще туже—не виѣшнимъ сѣзпленіемъ обстоятельствъ, а все большей углубленностью въ характеры. Прѣпасть между Чацкимъ и Софьей становится все разительнѣе и очевиднѣе. Откровенность, съ какой Софья высказывается, могла бы показаться Чацкому цинизмомъ, еслибы влюбленность не застила ему глаза. Передъ нимъ самая ординарная представительница того общества, для котораго у него всегда готовъ огромный запасъ сарказма, съ аристократической и плѣнительной виѣшностью и мѣщанской душой, а онъ, влюбленный, не можетъ и не хочетъ видѣть это.

Никогда не истлѣвающій драматическій мотивъ. Софья говоритъ: „Мы рѣзвимся, хохочемъ,—онъ съ ними цѣлый день засидеть, радъ не радъ,—играетъ...“ Чацкій изумляется, но дѣлаетъ выводъ, что „она его не уважаетъ“. Она съ наивнымъ резонерствомъ молодой дѣвушки, скромно мечтающей о благополучномъ домашнемъ уютѣ, безъ бурь и опаснаго блеска, говоритъ: „да этакій ли умъ семейство осчастливить“, а Чацкому кажется, что подъ этимъ скрывается тонкая иронія надъ Молчалинымъ и желаніе позлить его, Чацкаго. Это заключеніе радуетъ его: Молчаливъ уже не кажется ему опаснымъ, и онъ спѣшитъ успокоиться насчетъ Скалозуба. Онъ уже вновь тѣшитъ себя надеждой, что сердце Софьи не принадлежитъ никому, впадаетъ почти въ сентиментальность: „дайте мнѣ зайти, хотя украдкой, къ вамъ въ комнату на пѣсколько минутъ: тамъ стѣны, воздухъ—все пріятно“. Но стоило ему неосторожно упомянуть „про умъ Молчалина“, какъ Софья рѣзко уходитъ, и его вновь охватываетъ буря сомнѣній.

Въ сцену Чацкаго съ Молчалинымъ внесены пѣкоторые стихи изъ музейной рукописи.

Чацкій. Къ перу отъ карты и къ картамъ отъ пера?

Молчаливъ. *Могу назвать себя счастливымъ.*

По мѣрѣ ревности и силъ и т. д.

И дальше:

Молчаливъ. Да это, полно, та ли-съ?

Татьяна Юрьевна!! *Ея извѣстенъ домъ.*

Живетъ по старинѣ и рождена въ боярствѣ.

Мужъ занимаетъ постъ изъ первыхъ въ государствѣ.

Любезенъ, лакомка до вкусныхъ блюдъ и винъ.

Притомъ отличный семьянинъ:

Съ женой въ ладу, по службѣ ею дышетъ,

Она прикажетъ, онъ подпишетъ.

Къ Татьянѣ Юрьевнѣ хотъ разъ бы съѣздить вамъ.

Сцена заканчивается восклицаніемъ Чацкаго: „Съ такими чувствами, съ такой душою любимъ!.. Обманщица! смѣялась надо мной?“ Чацкій уже весель, будетъ добродушно встрѣчать „домашнихъ“ и „друзей“ Софьи, будетъ мстить ей ея же оружіемъ, т.-е. хвалить Молчалина, тонко издѣваясь надъ нимъ, и въ этихъ, какъ бы вскользь брошенныхъ, словахъ или намекахъ отдаваться острымъ и радостнымъ ощущеніямъ любовной игры въ атмосферѣ бала—нарядныхъ туалетовъ, музыки, танцевъ.

Чѣмъ больше вдумываешься въ архитектонику „Горя отъ ума“, чѣмъ глубже разглядываешь, съ какимъ изумительнымъ мастерствомъ развертываетъ поэтъ драматизмъ положенія Чацкаго, тѣмъ меньше понимаешь, какъ могла поддерживаться объ этой комедіи репутація пьесы, лишенной сценическаго движенія.

Если нервъ пьесы утрачивается — малѣйшія подробности въ сторону задерживаютъ ея сценическое движеніе. И наоборотъ, если исполнители искренно живутъ тѣми чувствами, которыя рождаютъ драму, — всякая деталь только служить къ ея усилению. Грубая ошибка въ постановкѣ „Горя отъ ума“ заключается именно въ томъ, что центръ пьесы перемѣщался изъ интимныхъ отношеній Софьи, Чацкаго, Фамусова и Молчалина въ сторону „галереи типовъ“, „общественнаго значенія“ и разныхъ комментаріевъ публицистическаго характера. Не худо, чтобъ все это актеръ *зналъ*, но *жить* этимъ въ непрерывномъ теченіи пьесы не можетъ художникъ сцены.

Развертывая свою галерею, Грибоѣдовъ не только не останавливаетъ теченія пьесы, но все глубже вскрываетъ его, глубже взрываетъ пропасть между Чацкимъ и тѣми, кого Софья считаетъ своими „домашними“ и „друзьями“.

Но и здѣсь, въ этой галереѣ, мы все время наталкиваемся на традиціонные художественные промахи.

Начиная съ Натальи Дмитріевны.

Спросите въ любомъ, даже большомъ и солидно поставленномъ, провинціальномъ театрѣ, кто тамъ играетъ Наталью Дмитріевну. Вамъ непременно назовутъ актрису на амплуа *grande dame*. Въ рѣдкихъ случаяхъ это амплуа занимаетъ актриса моложе сорока лѣтъ. А если спектакль почему-нибудь парадный, — справляется какой-нибудь юбилей, что-ли, — то этой роли оказываетъ честь героиня труппы.

Неблагодарную роль Софьи она, конечно, не играет. И это пошло, вѣроятно, отъ какой-нибудь традиціи.

А между тѣмъ въ текстѣ сказано совершенно опредѣленно: „молоденькая дама“. Даже не „молодая“, а именно „молоденькая“, не старше 22—23-хъ. Миловидная, свѣтская, пустая, живетъ по опредѣленной программѣ, установленной другими, полной фарисейства и лжи. Визиты, вечера, балы, магазины, гостиницы, модные туалеты, болтовня по-французски, множество родни, ищущей ей мужа и потомъ опекающей его.

Традиціонно и каррикатурное изображеніе князя Тугоуховскаго. А между тѣмъ о немъ, повидимому, установилась репутація чловѣка если не умнѣйшаго, какъ думаетъ княгиня, то всетаки умнаго. Вѣроятно, всегда былъ очень ограниченъ, но сумѣлъ внушить впечатлѣніе ума сдержанностью, молчаливостью, а можетъ быть и дѣловитостью.

Совершенно непонятно, почему князевъ играютъ всегда самыя молоденькія въ труппѣ, даже воспитанницы. Происходитъ даже странное явленіе: Тугоуховскаго играютъ лѣтъ 80-ти, княгиню за 60, а старшей дочери не больше 21. Въ Москвѣ всегда было много такихъ, нѣсколько захудалыхъ, княжескихъ семей, многочисленныхъ, но безъ большого состоянія. Дѣвушки засиживаются, старшія уже, можетъ быть, и свыклись съ безбрачной жизнью и все свои заботы устремили на младшихъ. Ихъ и до сорока лѣтъ будутъ звать: Зизи, Мими. Впрочемъ, въ одной изъ рукописей князевъ зовутъ: княжна Наталья, Настасья... Все онѣ единомышленницы и тараторки, съ интересами до жалости суженными. Одѣты одинаково и небогато, а судя по рукописи Гарусова—и перяшливо. Тамъ Хлестова говоритъ:

„Ахъ, Боже мой! Племянница, гляди,
Какъ у второй княжны измято позади!
Какъ выемка низка! Ну, право, омерзѣнье!
Ахъ, какъ растрепана она,
Какъ будто дома и одна.
У всѣхъ запачканы, измяты шемизетки“...

Графиня-внучка „зла, въ дѣвкахъ цѣлый вѣкъ“. Поэтому, вѣроятно, ее играютъ очень немолодой и некрасивой. Въ Художественномъ Театрѣ искали много освѣщенія. Въ то время выходили замужъ рано и старой дѣвой можно было слыть уже въ 25 лѣтъ. Графиня-внучка не богата, а кичится своимъ аристократическимъ происхожденіемъ, все и всѣхъ высмѣиваетъ, на все смотритъ свысока: поэтому отъ нея и бѣгутъ кавалеры и женихи.

Трудность исполненія всѣхъ женскихъ образовъ заключается въ отысканіи вѣшняго стиля. За все наше знакомство съ постановками

„Горя отъ ума“ мы не встрѣчали даже приблизительнаго достиженія этой цѣли. Исполнительницы надѣвали болѣе или менѣе подходящіе костюмы, но оставались съ тѣми же манерами, какъ и въ пьесахъ современнаго репертуара.

Жеманство, выдержка въ движеніяхъ—результатъ муштры танцмейстера; а онъ добивался условной граціи не только въ постановкѣ ногъ и спины, но и въ каждомъ движеніи головы, руки, каждаго пальца, въ томъ, какъ барышня должна встать, сѣсть, поклониться, положить въ танцѣ руку на плечо мужчинѣ, откинуть голову, какъ управлять вѣромъ, и пр., и пр. И все это считалось прекраснымъ лишь въ томъ случаѣ, если слѣды танцевальной муштры были совершенно наглядны. Она уже нужна была не какъ средство для развитія граціи, а сама по себѣ. Въ этой самодовлѣющей условности есть особенная наивность, которую надо уловить, чтобы избѣгнуть кривляній и гримасъ.

Если же присоединить къ этому стремленію индивидуализировать каждую фигуру, то работа для исполнителей становится громадной.

Не будемъ спорить о томъ, насколько такая работа нужна современному театру. Я докладываю, какъ это было въ Художественномъ Театрѣ. На это ушло много болѣе десятка предварительныхъ репетицій.

Самъ Грибоѣдовъ былъ, очевидно, склоненъ къ индивидуализаціи даже въ дикціи. Въ одной рукописи у него графиня-бабушка вся написана съ *и* вмѣсто *ж* и *т* вмѣсто *д*.

Въ большой, очень энергичной, работѣ съ исполнителями режиссеръ (Станиславскій) то просто давалъ мизансцену, то „показывалъ“, передавая исполнителю свой техническій опытъ, то искалъ образовъ въ своей фантазіи, то приглашалъ присутствующихъ артистовъ помочь въ исканіяхъ ихъ знаніемъ быта и ихъ фантазіей, то, наконецъ, „обращался въ зеркало“ и объяснялъ исполнителямъ, что въ нихъ заражало искренностью, что производило впечатлѣніе дѣланности. И если актеру удавалось создать что-нибудь мѣткое и оригинальное, то это вызывало всеобщій восторгъ.

Не могу удержаться, чтобъ не доставить удовольствія тѣмъ театральнымъ критикамъ, которые постоянно бранятъ Художественный Театръ за его слишкомъ кропотливую работу, яко бы убивающую истинное вдохновеніе артистовъ. П. Д. Боборыкинъ очень интересовался постановкой „Горя отъ ума“, присутствовалъ на многихъ репетиціяхъ и часто давалъ очень цѣнные совѣты. На одной изъ такихъ репетицій, да еще происходившей не на сценѣ, а въ фойе, онъ наклонился ко мнѣ и шепнулъ со свойственнымъ ему смѣшкомъ на верхнихъ нотахъ:

— А вѣдь еслибы сейчасъ вошелъ сюда человекъ, не слышавшій предварительныхъ бесѣдъ,—вѣдь онъ испугался бы, подумалъ бы, что попалъ въ домъ сумасшедшихъ!..

XIII.

Относительно мизансцены, третье дѣйствіе ставить режиссерамъ два главныхъ задания. Первое — жизненность въ постепенномъ приходѣ гостей, красивая и удобная для актеровъ группировка ихъ и достиженіе иллюзіи большого вечера, со всеми его атрибутами. Второе—естественное, хотя и быстрое распространеніе клеветы о Чацкомъ.

О томъ, какъ Художественный Театръ выполнилъ первую задачу, можно сказать много любопытнаго, но этому мѣсто—въ специальномъ журналѣ. Я остановлюсь только на одной особенноти мизансцены Художественнаго Театра. На генеральной ренетиціи она вызвала взрывъ одобренія артистовъ Московскаго Малаго театра, съ Ленскимъ, Ермоловой, Южинимъ, Ѳедотовымъ и друг. Въ театральпой же критикѣ она не разъ встрѣчала укоризну и нареканія. Я говорю о двухъ большихъ паузахъ, или точнѣе—общихъ сценахъ, во время которыхъ текстъ комедіи останавливается. Первая — передъ выходомъ Софьи (передъ явленіемъ IX), вторая—передъ выходомъ Хлестовой (передъ явленіемъ X). Кромѣ того, съ XII явленія уже начинаются танцы, чего по Грибоѣдову нѣтъ.

Собрать болѣе полусотни гостей безъ того, чтобъ они не обратились въ буквальномъ смыслѣ въ „статистовъ“—задача, требовавшая режиссерской выдумки. Вышеназванные артисты, съ большимъ вкусомъ, много разъ игравшіе „Горе отъ ума“, очевидно давно чувствовали необходимость такой выдумки и съумѣли оцѣнить ее. Трудно предположить, чтобъ они меньше дорожили текстомъ, чѣмъ придирчивые критики. Къ мнѣнію этихъ артистовъ я позволю себѣ присоединить еще отзывы такихъ знатоковъ русскаго театра, какъ А. Н. Веселовскій и Н. В. Давыдовъ, находившихъ, что эти паузы—настоящая сценическая „trouvaile“. Съ точки зрѣнія внутренняго движенія пьесы нѣтъ никакого повода оспаривать ихъ, какъ нельзя оспаривать интересную паузу въ игрѣ кого-либо изъ артистовъ.

Мы до такой степени убѣждены въ преимуществѣ этой мизансцены передъ прежней, что, безъ боязни упрека въ самохвальствѣ, предполагаемъ издать ее отдѣльно и рекомендовать всѣмъ театрамъ, которые хотѣли бы усовершенствовать свою постановку „Горя отъ ума“ и не имѣютъ времени придумать что-либо самостоятельное и лучшее.

Можетъ-быть, въ Художественномъ Театрѣ и встрѣчаются излишества, отъ которыхъ онъ еще не сумѣлъ отрѣшиться. Можно легко критиковать то, что Наталья Дмитриевна выходитъ подъ-руку съ г. N. Это вносить маленькое недоумѣніе. Весьма небезспорно сдѣланъ въ Художественномъ Театрѣ и весь выходъ Хлестовой. Это красиво, но такъ можно встрѣчать развѣ императрицу. Но это все частности, которыя каждый театръ можетъ принять или передѣлать по своему разумѣнію. Важно признаніе принципа, что даже въ такой замѣчательной пьесѣ, какъ „Горе отъ ума“, фантазія режиссера вовсе не должна быть охолощена, и его творчество, въ предѣлахъ пьесы и ея замысловъ, такъ же самостоятельно и свободно, какъ творчество актера.

Еще больше значенія придаю я тому, что сдѣлано Художественнымъ Театромъ въ дальнѣйшей мизансценѣ 3-го дѣйствія, начиная съ явленія XIV (сцена Софьи и г. N.).

Здѣсь мы подходимъ къ очень важнымъ событіямъ пьесы, которыя никогда не изображались на сценѣ съ настоящимъ рельефомъ, и именно потому, что эти сцены нуждаются прежде всего въ режиссерѣ, т.-е. въ томъ руководителѣ постановки, который непрерывно слѣдитъ за развитіемъ внутренней драмы, ея нервомъ, наростаніемъ, учащеніемъ темпа и пульса.

Именно начинаю съ этого явленія, особенно удивляешься сценическому мастерству Грибоѣдова; именно здѣсь проявляется его гений драматурга, его поразительное *чувство сцены*. Совершенно неожиданно и въ то же время чрезвычайно естественно, какъ бы совсѣмъ невзначай, но изъ самыхъ корней психологіи даннаго общества выступаетъ новая драматическая пружина и узелъ запутывается еще сильнѣе, еще рѣшительнѣе, еще трагичнѣе для Чацкаго. И пьеса вдругъ разрываетъ грани интимности и разливается въ широкій потокъ общественности. Если до сихъ поръ Чацкій стоялъ только передъ враждебно настроенными Софьей и Фамусовымъ, то теперь онъ стоитъ, какъ врагъ, передъ всѣмъ московскимъ обществомъ. И всѣ черты этой вражды, разбросанныя по пути въ предыдущихъ сценахъ и актахъ, собрались вдругъ въ одну гору, которая неминуемо раздавить Чацкаго.

Какъ началась эта клевета на Чацкаго? Почти съ обмолвки Софьи. И во что она выросла!

„О, праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!
 Не надо пищи,—сказку, бредъ
 Имъ лжець отпустить въ угожденье,
 Глупецъ повѣритъ, передастъ,
 Старухи кто во что гораздъ

Тревогу бьютъ,—и вотъ общественное мѣненіе!
 И вотъ Москва! Я билъ въ краяхъ,
 Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатить,
 Вдругъ—глиба—этотъ снѣгъ въ наденъ все охватить,
 Съ собой влечетъ, дробить, стираетъ камни въ прахъ,
 Гулъ, грохотъ, громъ, все въ ужасѣ окрестность.
 И что оно въ сравненіи съ быстротой,
 Съ которой, чуть возникъ, ужъ приобрѣлъ павѣстность
 Московской фабрики слухъ вредный и пустой!“

Это—монологъ Чацкаго въ 4-мъ дѣйствіи изъ музейной рукописи. Онъ начинается послѣ стиховъ: „И для иныхъ какъ словно торжество, другіе будто сострадаютъ“. Послѣ него слѣдуетъ: „А Софья?.. знаетъ ли?..“ и т. д.

Грибоѣдовъ, по видимому, вычеркнулъ его, боясь задержки въ темпѣ. Но монологъ самъ по себѣ—такой поэтической красоты, что у насъ не хватило мужества разстаться съ нимъ.

Вотъ это-то движеніе клеветы и не получало никогда на сценѣ настоящаго рельефа. Обыкновенно къ явленію XIV-му сцена совершенно пустѣетъ,—большая сцена въ 18 аршинъ по порталу и, по крайней мѣрѣ, 8 въ глубину. Въ такой огромной комнатѣ, во время бала, хозяйка остается одна, а всѣ гости толпятся въ дверяхъ и за кулисами. Подходить г. N, проводить свою сцену; Софья уходитъ. Приходитъ г. Д.; г. N проводить съ нимъ сцену и уходитъ. Появляется Загорѣцкій, и т. д., и т. д.

Конечно, театръ во вѣки вѣковъ будетъ условнымъ, какъ и всякое искусство. Но вѣдь въ томъ-то и смыслъ устарѣлости формъ, что извѣстная условность становится уже нестерпимой.

Но и помимо этого соображенія,—разъ вовлекается въ дѣйствіе не десять-пятнадцать персонажей, а „и многіе другіе“, то эти „многіе другіе“ должны такъ же жить на сценѣ, какъ и десять-пятнадцать персонажей. Клевета на глазахъ зрителя должна распространяться, какъ огонь по степи. Затлѣлась маленькая травка, а потомъ огонь пошелъ лизать все вокругъ, легкій трескъ перешелъ въ зловѣщій глухой шумъ и скоро все обращается въ удушливый пожаръ.

По мизансценѣ Художественнаго Театра дѣйствіе происходитъ въ гостиной. Танцевальный залъ находится сзади, на нѣсколько ступеней ниже. Танцы уже начались. Въ двухъ дверяхъ стоятъ нетанцующіе и смотрятъ на танцующихъ. Они, стало быть, стоятъ спиной къ публикѣ и не только не отвлекаютъ ея вниманія, но и прикрываютъ собою то, что дѣлается въ залѣ. Жизнь бала продолжаетъ чувствоваться, но не отвлекаетъ отъ текста пьесы. Въ то же время въ гостиной тамъ и сямъ разбросаны фигуры, или скупающія, или дре-

млющія, или умышленно скрывающіяся по угламъ. На первомъ планѣ графиня-бабушка. Она жуетъ какія-то сласти, которыя ей предупредительно подала Софья. Неподалеку примастился подремать г. Д. Графиня-внучка ушла танцовать съ единственнымъ вѣрнымъ ей кавалеромъ, Загорѣцкимъ, и потомъ вернется къ бабушкѣ. Въ перерывахъ между явленіями, гдѣ позволительны большія остановки, проходятъ разныя лица изъ залы въ гостиную или обратно. Чѣмъ большее число лицъ будетъ захватывать слухъ о сумасшествіи Чацкаго, тѣмъ замѣтнѣе будетъ движеніе на вторыхъ планахъ, тѣмъ больше будетъ расти шелестъ шопота, пока это не захватитъ всѣхъ гостей. Прекратятся танцы, спугнутые распространившеюся вѣстью, что въ домѣ—сумасшедшій, и гости постепенно двинутся сюда, потому что здѣсь—самые компетентныя слухи.

Для насъ совершенно не обязательна традиція, что гг. Н. и Д.—молодые люди изъ служащихъ по архиву. Юркіе молодые люди, разносящіе вѣсть по залѣ—намъ это кажется менѣе типичнымъ, чѣмъ солидные господа, хотя бы изъ трехъ бульварныхъ франтовъ, „которые съ полвѣка молодятся“...

Г. Н. началъ causerie съ Софьей въ темпѣ вечера, безъ театральной торопливости. Услыхавъ отъ нея интересную новость, онъ подсаживается къ г. Д. и сообщаетъ ему. Темпъ долженъ наростать чрезвычайно послѣдовательно, безъ театральной торопливости. Люди пугаются не сразу, а заражая страхомъ другъ друга. Въ наростаніи—самое правильное достиженіе сценическаго эффекта.

Какъ разъ, когда г. Н. отходитъ отъ г. Д.—„Пойду, освѣдомлюсь, чай, кто-нибудь да знаетъ“,—отъ двери залы идетъ Чацкій, уже начинающій скучать. Г. Н. осторожно пятится отъ него. Этотъ незначительный бликъ даетъ тонъ того, какъ будетъ принята вѣсть о сумасшествіи Чацкаго: со страхомъ.

Во всѣхъ дальнѣйшихъ сценахъ допускается на театрахъ еще одна рѣжущая слухъ фальшь: всѣ говорятъ такъ же громко, какъ и раньше. Это психологически невозможно. Намъ представляется, наоборотъ, что всѣ шутукаются, шепчутся и съ ужасомъ поглядываютъ на ту дверь, за которой предполагается Чацкій.

И еще: нѣтъ ничего несноснѣе, когда, въ явленіи XXI-мъ, всѣ, собравшись въ кучу, начинаютъ говорить о Чацкомъ въ такомъ спокойномъ тонѣ, какъ будто только для того, чтобъ почесать языки. Здѣсь мы сталкиваемся съ дурной привычкой лицедѣевъ ослаблять вниманіе и темпераментъ въ большихъ общихъ сценахъ. Актеры, въ особенности изъ первыхъ персонажей, легко играющіе „всѣми нервами“ въ большихъ роляхъ, точно находятъ лишнимъ давать полный

темпераментъ, когда у нихъ всего нѣсколько репликъ, въ общихъ сценахъ. Въ самомъ лучшемъ, наиболѣе художественно организованномъ театрѣ вы не избавлены отъ этого актерскаго порока. Два, три, пять представленій они еще играютъ съ полнымъ вниманіемъ, но потомъ, что называется, распускаются—и общая сцена, которая должна дышать горниломъ кибѣннїа, обращается въ холодную читку.

А въ такихъ сценахъ, какъ это XXI-ое явленіе, чуть только исполнители ослабили темпераментъ, получается шаржъ. Въ томъ-то и комизмъ всѣхъ этихъ ограниченныхъ и грубыхъ людей, что они отдаются вздору съ такой страстью, какъ бы это было самое важное въ ихъ жизни. Имъ не на что больше тратить свои огромные, здоровые, сытые темпераменты. Еслибы у нихъ не было такихъ сказокъ и бреда, отпускаемыхъ имъ въ угожденіе лжецами, они не знали бы, куда дѣвать свои силы, и начали бы грызть другъ друга. И только съ большимъ темпераментомъ можно убѣжденно произносить тѣ нелѣпости, какія говорится въ этой сценѣ.

Это чрезвычайно важно: иначе *комедія* теряетъ свой лучшій юморъ. Обыкновенно же у насъ произносятся только комическія слова.

У этихъ глупцовъ любовь къ чужимъ интересамъ и страхъ, что въ домѣ есть сумасшедшій, такъ взвиптили воображеніе, что они „пятятся отъ Чацкаго въ противоположную сторону“; Хлестова съ глубокой искренностью говоритъ: „Ну, какъ съ безумныхъ глазъ затѣетъ драться онъ!“ Фамусовъ блѣднѣетъ и молится: „О, Господи! помилуй грѣшныхъ насъ!..“ И въ отчаяннїи за Софью, что она не отходитъ отъ Чацкаго...

И въ отвѣтъ на это движеніе животнаго страха, охватившаго толпу представительныхъ, аристократически-красивыхъ, разряженныхъ по-бальному мужчинъ и женщинъ, въ отвѣтъ на эти вытаращенные въ тупомъ безумїи глаза—звучитъ скорбный и гнѣвный монологъ „милїонъ терзаний“: одинъ изъ самыхъ удивительныхъ эффектовъ русскаго театра!

Долженъ признаться, что послѣдній моментъ 3-го дѣйствїя не нашель еще и въ Художественномъ Театрѣ удовлетворительной мизансцены.

Чацкїй садится у самой авансцены, и хотя это удобно въ томъ смыслѣ, что не можетъ пропасть ни одно слово и ни одна интонація, по самая поза слишкомъ успокоиваетъ актера и даже какъ-то при-нижаетъ значительность монолога, суживаетъ его паюсъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не особенно удается театру и второй планъ: успокоеніе гостей и возвращеніе къ танцамъ.

Такимъ образомъ, эта частная сценическая задача относительно „Горя отъ ума“ остается неразрѣшенной.

Въ 4-мъ дѣйствіи постановка Художественнаго Театра отличается отъ обычной только въ подробностяхъ мизансцены, не имѣющихъ существеннаго значенія.

Вл. Немировичъ-Данченко.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Въ прежніе годы наѣзжалъ ко мнѣ изъ провинціи, приблизительно по разу въ годъ, одинъ учитель низшаго сельскохозяйственнаго училища. Приѣзжалъ онъ въ Петербургъ обыкновенно для какихъ-то мелкихъ хлопотъ и ходатайствъ. Всегда терпѣлъ неудачу, былъ унылъ, печаленъ, жаловался на бездушный формализмъ петербургскихъ канцелярій, клялъ свою судьбу, перечислялъ многія невзгоды своей вялой, бѣдной, захолустной жизни и вообще былъ раздраженъ и неутѣшенъ. Главной, почти единственной мечтой его было — попасть въ высшее агрономическое учебное заведеніе. Мечтая объ этомъ, онъ воодушевлялся, покрывался румянцемъ. „Тогда вѣдь мнѣ — восторженно говорилъ онъ — широкая дорога. Могу быть преподавателемъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, агрономомъ, мало ли чѣмъ!.. Жалованье — самое меньшее — сто рублей въ мѣсяцъ. По человѣчески можно будетъ пожить. Можно деньжонокъ скопить да за границу махнуть мѣсяца на два, на три. Эхъ, давно о заграничѣ мечтаю! Ъздать же люди!.. А теперь развѣ жизнь? Постыдное прозябанье. Ни себѣ, ни людямъ“. И, озлобленно тускнѣя въ лицѣ, онъ вновь начиналъ длинно, тягуче и уныло жаловаться на свою постылую жизнь. Ради хлопотъ о поступленіи въ высшее учебное заведеніе онъ главнымъ образомъ и наѣзжалъ въ Петербургъ. Нужно было не только подготовиться и сдать экзаменъ, но еще получить разрѣшеніе и, главное, исхлопотать стипендію или сохраненіе на время новаго ученья скуднаго учительскаго жалованья. Иначе существовать было не на что. И это все почему-то не удавалось. Учитель то воскрылялся надеждами, то впадалъ въ отчаяніе, то усиленно готовился къ экзаменамъ, то надолго забрасывалъ учебники. „Ненужные мы людишки, — съ озлобленіемъ говорилъ онъ въ рѣдкіе петербургскіе наѣзды, — никому не нужны: ни народу, ни себѣ, ни государству. И школы наши — пустая комедія. Крестьянству ни на грошъ пользы. Ученики никакихъ толко-

выхъ апаній не выносить, а отъ деревни отрываются: идутъ въ писари, въ конторщики, на разныя городскія должности или, лучший конецъ, на мелкія мѣста къ помѣщикамъ. И къ чему живешь — неизвѣстно. Трахнуть бы въ високъ, и дѣлу крышка "... Время между тѣмъ бѣжало. Появилась сѣдина въ вискахъ, обозначилась лысина; учитель былъ уже семейнымъ. Довольно долго не являлся онъ въ Петербургъ. И вотъ, шифъшей весной неожиданно зашелъ ко мнѣ, довольный, веселый, самоувѣренный, румяный, пополнѣвший. — „Ну, какъ ваше высшее учебное заведеніе?“ — спросилъ я. Онъ пренебрежительно махнулъ рукой. — „Нѣтъ смысла. Мы и безъ того парасхватъ. Агрономы, землемѣры теперь сотнями, тысячами требуются. Что мнѣ дастъ высшее учебное заведеніе? За нѣсколько лѣтъ ученія десять-двадцать рублей прибавки къ учительскому жалованью. Теперь можно и безъ этого больше заработать. Земства даже предпочитаютъ насъ, кончившихъ курсъ въ среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищахъ. У насъ больше практической подготовки. Какъ ни какъ, по шести лѣтъ трубили на практическихъ работахъ. А въ высшемъ агропомическомъ училищѣ — что? Поступить реалистъ или гимназистъ, послушаетъ лекціи — какой изъ него агропомъ выйдетъ? Да-съ, предпочитаютъ теперь насъ. А въ земствахъ и при всякихъ землеустроительныхъ комиссіяхъ работы теперь не оберешься. Всю Россію на ноги подняли. И безъ нашего брата ни шагу. Мы теперь въ модѣ. И на учительскихъ мѣстахъ цѣна наша повысилась“ ...

Однимъ словомъ, другой человекъ, бодрый, увѣренный, что онъ на свѣтѣ не только не лишній, но желанный, нужнѣй и цѣнный. И вотъ, этотъ маленькій живой человекъ въ тускломъ Петербургѣ явился яркимъ напоминаемъ, что въ Россіи, которую теперь въ столицахъ принято считать сплошь погруженной въ застою и апатію, идетъ въ одной области жизни особое оживленіе. А такъ какъ оживленіе наблюдается въ области земельныхъ отношеній, то для Россіи, страны главнымъ образомъ земледѣльческой, должно быть далеко не маловажнымъ вопросомъ, бьется ли здѣсь пульсъ жизни ускореннымъ темпомъ отъ прилива новыхъ, животворныхъ силъ, или отъ нездороваго, лихорадочнаго возбужденія, которое готовитъ странѣ тяжелыя потрясенія. Принявшись мнѣ, вѣстати, еще маленькій, характерный штрихъ жизни. Въ петербургскихъ трамвайныхъ вагонахъ часто читаю я машинально и разсѣянно коротенькое объявленіе: какіе-то агропомическіе или землемѣрные курсы приглашали къ себѣ учениковъ, гарантируя всѣмъ немедленно по окончаніи недолгаго курса превосходныя мѣста, съ высокимъ жалованьемъ, при землеустроительныхъ операціяхъ. Значить, оживленіе въ земельной области не только есть, но оно обѣщаетъ въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ и лѣтъ

сильно возрасти. Разумѣется, за агрономовъ и землемѣровъ можно только порадоваться. Ихъ роль въ худшемъ случаѣ только служебная, а въ лучшемъ—просвѣтительная и желанная. Газеты отовсюду приносятъ извѣстія, что всѣ земства, включая правыя и правѣйшія, горячо принялись за агрономію. Агрономы и всякаго рода инструкторы по сельскому хозяйству, дѣйствительно, приглашаются теперь на службу парасхватъ. Но это далеко не главная сторона земельного оживленія. Много людей другого сорта оживлены, и совѣмъ по другимъ мотивамъ. „Если кому теперь хорошо живется на Руси,—пишутъ, напримѣръ, изъ Острова, Псковской губерніи,—такъ это ликвидаторамъ. Ликвидаторы банковскихъ имѣній, помимо жалованья, получаютъ во время командировокъ еще суточные, въ размѣрѣ 5 рублей въ день. Ликвидаторъ, послѣ полученія бумаги о командировкѣ, можетъ еще долгое время находиться въ городѣ, а суточные ему уже идутъ. Прибывъ въ ликвидируемое имѣнье, онъ за все время своего нахождения въ немъ пользуется обычно даровою квартирою, даровымъ столомъ. Ликвидация имѣній растягивается на очень продолжительное время, и каждый ликвидаторъ на однѣхъ только суточныхъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ отъ пятисотъ до тысячи рублей при даровой квартирѣ и бесплатномъ столѣ. Если прибавить къ этому идущее жалованье по должности, нерѣдко доходящее до двухъ тысячъ рублей въ годъ (напримѣръ, если ликвидаторомъ назначается податной инспекторъ или какой-нибудь банковскій чиновникъ), то его годовой заработокъ достигаетъ весьма крупной суммы. Землеустроительное дѣло даетъ крупныя заработки и лицамъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ него, напримѣръ адвокатамъ, волостнымъ старшинамъ, писарямъ, нотаріусамъ. Заработки послѣднихъ, какъ утверждаютъ, увеличились втрое-вчетверо противъ обычнаго размѣра. Если въ нашемъ городѣ нотаріусъ прежде, „до землеустройства“, зарабатывалъ 3—4 тысячи рублей въ годъ, то теперь тотъ же самый нотаріусъ зарабатываетъ отъ 10 до 12 тысячъ рублей. Въ волостные писаря теперь есть охотники идти даже безъ жалованья, въ расчетѣ на заработки и доходы отъ землеустройства. Крестьянскіе земельные надѣлы шибко укрѣпляются и быстро продаются. Къ крестьянскому сословію начинаютъ приписываться мѣщане и разночинцы, съ цѣлью заняться скупкой крестьянскихъ надѣловъ“.

Далеко не безразлично, сколько лицъ матеріально заинтересовано въ той или другой внутренней реформѣ. Разные „посторонніе“ люди могутъ создать такую внушительную силу, которая будетъ властно толкать реформу въ сторону, желательную для матеріальныхъ интересовъ этихъ „постороннихъ“ лицъ. Въ приложеніи къ жизни земельной реформы 9-го ноября приняло и принимаетъ участіе чрезвычайно большое

число „постороннихъ“ лицъ. Кромѣ писарей, старшинъ, агрономовъ, землемѣровъ, потаріусовъ, кулаковъ-скупщиковъ, мелкихъ подпольныхъ адвокатовъ, дворянъ-землевладѣльцевъ, — т.-е. десятковъ тысячъ лицъ, разсыпанныхъ по всей странѣ,—въ судьбѣ крестьянства приняли ближайшее участіе, ради собственныхъ служебныхъ и карьерныхъ интересовъ, губернаторы, земскіе начальники, исправники, становые пристава, урядники, разные чиновники, стражники—словомъ, необъятная, многотысячная армія государственныхъ слугъ и прислужниковъ. И вся эта громада постороннихъ людей, послушная власти, или капиталу, или собственнымъ корыстнымъ инстинктамъ, бросилась со всѣхъ сторонъ подталкивать впередъ законъ 9-го ноября. И законъ „воплощается“ въ жизнь... Польза его для многихъ перечисленныхъ лицъ значительна и несомнѣнна. Немало людей на немъ разбогатѣютъ или хорошо покормятся, немало чиновниковъ успѣшно подвинуть свою служебную карьеру. Но какъ чувствуютъ себя „не-посторонніе“ люди? Какія матеріальныя выгоды получаетъ отъ закона 9-го ноября многомилліонное русское крестьянство? Здѣсь общій, суммирующій отвѣтъ по прежнему дать невозможно. Въ главной своей массѣ крестьянская громада хранить загадочное молчаніе. Но извѣстія, приносимыя газетами изъ отдѣльныхъ мѣстностей, не смотря на ихъ отрывочность, пестроту и случайность, сливаются въ невеселый и довольно зловѣщій хоръ.

Прежде всего бросается въ глаза насильственность, съ которой законъ 9-го ноября входитъ въ крестьянскую жизнь. „Со дня изданія закона 9-го ноября 1906-го года по 1-ое мая сего года,—сообщаютъ „Волгарю“ изъ Нижегородскаго уѣзда,—подано заявленій объ укрѣпленіи земли 3.802; изъ нихъ удовлетворено: сельскими обществами—97 и земскими начальниками—3.026; отказано земскими начальниками въ удовлетвореніи 32 ходатайства. Окончательно укрѣплено земли по постановленіямъ уѣзднаго съѣзда за 2.711 домохозяевами 13.708 десятинъ. Изъ укрѣпленной земли выдѣлено на отрубъ 10-ти домохозяевамъ 121 дес. и находится въ производствѣ землеустроительной комиссіи ходатайствъ объ отрубяхъ отъ 189 домохозяевъ“. Итакъ, въ общемъ результатъ довольно жалкій: десять отрубниковъ на уѣздъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ внушительная цифровая подробность: съ согласія сельскихъ обществъ укрѣплена земля по 97-ми заявленіямъ, а безъ согласія и, слѣдовательно, противъ желанія обществъ укрѣплена земля земскими начальниками по 3.026 заявленіямъ. Огромное, подавляющее большинство выдѣляющихся обострило, такимъ образомъ, свои отношенія съ односельчанами-общинниками. При такихъ условіяхъ неизбѣжны вражда и свары въ крестьянской средѣ. Чуть ли не главныя духовныя силы деревни должны теперъ уходить на вы-

нужденную, неосмысленную и безмѣрно вредную взаимную распрю. Корреспондентъ изъ Казанской губерніи сообщаетъ: „Изъ 40.026 подавшихъ заявленія о выдѣлѣ за четыре года получили согласіе общества только 6.347 домохозяевъ, или 15 процентовъ. Понятно, что къ выдѣлившимся противъ воли общины, по приказу земскаго начальника, община относится очень враждебно. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ столкновения на почвѣ выдѣла приводятъ къ кровавымъ послѣдствіямъ. Были, напримѣръ, подобные случаи въ Свіязскомъ уѣздѣ, но особенно участились они по Тетюшскому уѣзду. Здѣсь за четыре года подано было заявленій о выдѣлѣ 4.198, изъ нихъ съ согласія общества—315, или 7 процентовъ. Въ деревнѣ Починкахъ-Инеляхъ, Тетюшскаго уѣзда, столкновение между общинниками и выдѣленцами приняло настолько серьезный характеръ, что въ результатѣ оказался одинъ убитый. Въ томъ же уѣздѣ на почвѣ примѣненія закона 9-го ноября происходятъ частыя ссоры и драки между крестьянами въ Старомъ Яниковѣ, Полевомъ Сундырѣ, а также въ Бѣломъ Озерѣ и Нюрчегахъ. Частыя ссоры происходятъ и во многихъ другихъ селеніяхъ, особенно въ Новошимкусской волости. Наконецъ, недавно серьезное столкновение произошло въ селѣ Сюкеевѣ, куда выѣзжалъ даже губернаторъ. Здѣсь общинники утверждали, что хуторяне, загораживая свою выдѣленную усадебную землю, старались прихватить частичку и общественной. Общинники протестовали и рѣшили въ одинъ день идти всѣмъ обществомъ и сломать тѣ постройки у выдѣленцевъ, которыя стояли на общественной землѣ. Разказываютъ, что родители привлекали къ участию въ ломкѣ даже дѣтей шестилѣтняго возраста и ниже, желая тѣмъ показать, что въ беспорядкахъ-де повинно все общество, включая и дѣтей. Арестовано нѣсколько человѣкъ“...

Другой корреспондентъ отмѣчаетъ еще одну косвенную, но довольно любопытную подробность. Онъ пробуетъ подсчитать, какихъ казенныхъ денегъ стоитъ хуторская затѣя въ Казанской губерніи. „По всѣмъ 12-ти уѣздамъ губерніи фактически выдѣлено въ отрубъ или хутора за четыре года 1,4% изъ всѣхъ 40,026 заявителей, или приблизительно 560 человѣкъ. Въ среднемъ на годъ падаетъ, слѣдовательно, 140 выдѣловъ. Принявъ во вниманіе, что содержаніе одной уѣздной землеустроительной комиссіи стоитъ, въ общемъ, 6.000 руб. въ годъ, а по всѣмъ 12-ти уѣздамъ губерніи 72.000 рублей, плюсъ 8.000 рублей—содержаніе губернской землеустроительной комиссіи,—получимъ сумму въ 80.000 рублей, падающую на 140 выдѣловъ. Такимъ образомъ, каждый отрубъ или хуторъ, не считая расходовъ на центральныя учрежденія по землеустройству и разнаго рода субсидій, выдаваемыхъ новымъ хуторянамъ, стоитъ правительству въ Казанской губерніи, по самому минимальному подсчету, 571,4 руб.“.

Разумѣется, отдѣльно взятый фактъ подобной казенной щедрости могъ бы и не говорить противъ земельной реформы 9-го ноября. „Что же, и прекрасно,—могли бы сказать защитники этой реформы,—и отлично, что правительство перестало, наконецъ, скупиться для истинныхъ народныхъ нуждъ. Реформа 9-го ноября поставитъ на здоровыя ноги всю крестьянскую Россію, и надо апплодировать правительству, которое, не обращая вниманія на саркастическое шиканье справа и слева, рѣшительно и прямолинейно идетъ по намѣченной дорогѣ“.

Можно было бы до нѣкоторой степени оправдать и тѣ ссоры, драки и убійства, которыя породилъ въ деревнѣ законъ 9-го ноября. „Вы берете немногіе, отдѣльные и разрозненные факты,—могли бы возразить защитники казенной земельной реформы,—а крестьянская Русь многомилліонна, необъятна. Да и какое особенное значеніе имѣеть то, что нѣкоторые темные, невѣжественные мужики, не понимая собственной пользы, совершаютъ нелѣпыя поступки и проступки? Вотъ и во время всенародной переписи темный людъ бунтовалъ и живымъ въ землю закапывался. Нельзя же къ продуманнымъ государственнымъ реформамъ съ кривымъ мужицкимъ аршиномъ подходить“.

Но эти возраженія имѣли бы логическую силу только въ томъ случаѣ, еслибы, съ одной стороны, было доказано, что отрицательныя послѣдствія примѣненія закона 9-го ноября дѣйствительно случайны и немногочисленны, а съ другой стороны,—и это самое главное,—еслибы были собраны и опубликованы многочисленные и доказательныя факты въ пользу земельного закона. Между тѣмъ жизнь приноситъ иное. О положительныхъ послѣдствіяхъ примѣненія закона до сихъ поръ нѣтъ мало-мальски отрадныхъ извѣстій—и, наоборотъ, отрицательныя факты продолжаютъ расти въ угрожающей прогрессіи. Провинціальныя газеты начинаютъ все болѣе удѣлять вниманія земельной ломкѣ, сотрясающей крестьянскую Россію, и печальныя извѣстія текутъ почти изъ всѣхъ губерній. Такъ напримѣръ, объ Орловской губерніи, которая, кажется, особенно довърчиво отнеслась къ реформѣ 9-го ноября, нахедимъ въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“, тоже, въ общемъ, благожелательно отнесшемся къ реформѣ, слѣдующія строки: „Нельзя въ принципѣ отрицать преимущество отрубного и хуторского хозяйствъ сравнительно съ черезнолоснымъ общиннымъ владѣніемъ надѣльной землей. И однако малоземелье остается печальнымъ фактомъ по прежнему. Недаромъ новую форму землевладѣнія мужики сравниваютъ съ передѣлкой старой одѣжи. „Это все равно,—говорятъ они,—что взять старый полусвитокъ и переликовать его наизнанку. Такъ и отрубное хозяйство, при одной или двухъ десятинахъ всего надѣла, много похоже на перешитую старую одежду.“

Какъ ты ни вертись на клочкѣ земли въ полторы десятины, какъ ни удабривай ее на нѣмецкій стиль, а на дѣлѣ все выходитъ не кругло“. Если 15—20 лѣтъ тому назадъ,—продолжаетъ авторъ статьи,—„крестьянинъ средней руки имѣлъ душевой надѣлъ въ три десятины, то теперь на этихъ трехъ десятинахъ живутъ уже среднимъ числомъ три семейства: отецъ семьи и два женатыхъ сына. Но вотъ пріѣхалъ землеустроитель, вырѣзалъ имъ эти три десятины отдѣльнымъ участкомъ для удобства—и только! А прироста земли опять-таки нѣтъ ниоткуда. И выходитъ что-то похожее на „перелицованный свитокъ“, если не на Тришкинъ кафтанъ. А отсюда, само собой понятно, что въ скоромъ времени крестьянской семьѣ опять придется рѣшать тяжелую альтернативу: либо разогнать изъ дому весь приростъ семьи за 20 лѣтъ, либо умирать съ голоду, либо выходить „на выселку“—выбирай любое. Едва ли лучше живется и на крестьянскихъ хуторахъ, выросшихъ, при помощи банка, на сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Мы недавно видѣли бѣглецовъ изъ такихъ хуторовъ. Они уѣзжали въ Сибирь. На вопросъ, что ихъ заставляетъ бросать хутора и переселяться въ далекую Сибирь, они отвѣчали, что „отъ добра не поѣхали бѣ искать добра“. Они жаловались на слишкомъ обременительные платежи (весь прибытокъ идетъ на уплату), на долгосрочность этихъ выкуповъ до полной собственности—„пока вырастутъ камыши, гляди, не будетъ души“,—жаловались на недостатокъ пастбищъ („сердце изныло, на скотину гляючи“), на отдаленность отъ родного села, на отдаленность отъ общества („словомъ не съ кѣмъ перекинуться... а бабы воемъ воютъ“...), жаловались на невозможность пользоваться церковью, школою, рѣкою и проч. Но главное, что ихъ беспокоило и повергало въ уныніе—это боязнь, что въ случаѣ неурожая нечѣмъ будетъ вносить платежей, и землю отберутъ“.

Такимъ образомъ, благоденствіе новыхъ хуторянъ—болѣе чѣмъ сомнительно. Между тѣмъ насадители реформы усердствуютъ, и въ Тамбовской губерніи произошелъ недавно такой „единичный фактъ“, который тяжелымъ грѣхомъ ложится на законъ 9-го ноября. „Въ селѣ Болотовѣ, Лебединскаго уѣзда, —сообщаетъ корреспондентъ „Рѣчи“,—60 домохозяевамъ изъ общаго числа 480 всего села, т.е. меньшинству—восьмая часть,—предоставлено было непремѣннымъ членомъ уѣздной землеустроительной комиссіи, Р., право выдѣла ихъ надѣльной земли на отрубные участки, при чемъ нарѣзаться эти участки должны были такимъ образомъ, чтобы они непосредственно примыкали къ усадьбамъ этихъ крестьянъ, т.е. къ нимъ отъ другихъ хозяевъ должны были отойти лучшія, ближнія, навозныя земли. По совершенно понятнымъ причинамъ остальные домохозяева села добровольнаго согласія своего на такіе выдѣлы не дали. Въ первой поло-

винѣ мая прибыли въ село власти (непремѣнный членъ Р. и земскій начальникъ Е.) для принудительной наръзки этихъ участковъ. Крестьяне, у которыхъ отрѣзалась земля, воспротивились, при чемъ, такъ какъ отрѣзаемая земля находилась въ наибѣншемъ году подъ чудной рожью, сулившей огромный урожай, они обратились къ начальству только со смиренной просьбой отложить наръзку земли до уборки этой ржи — до осени. Усердные, неукоснительные проводники земельной политики Столыпина на эти болѣе чѣмъ скромныя и поплтныя мольбы отвѣтили категорическимъ отказомъ и приступили къ наръзкѣ, при чемъ чудная рожь тутъ же была потоптана. Это возмутило крестьянъ. Отъ моленій они перешли къ упорному сопротивленію и заявили, что добровольно не допустить наръзки земли. Послано было за исправникомъ со стражниками, которые и появились въ селѣ на другое утро. Крестьяне, продолжавшіе упорствовать, толпою преградили доступъ къ спорной землѣ, выставивъ, по обыкновенію, впередъ женщинъ и дѣтей. Исправникъ приказалъ стражникамъ наступать на крестьянъ и разогнать ихъ пагайками. За крестьянъ заступился мѣстный священникъ, вышедшій къ толпѣ съ крестомъ и евангеліемъ. Онъ ручался исправнику, что самое большее черезъ часъ онъ уговоритъ своихъ прихожанъ, и тѣ мирно разойдутся. Рѣшительный исправникъ школы губернатора Муратова не внялъ просьбамъ батюшки и вновь приказалъ стражникамъ разгонять крестьянъ пагайками. Началось побойще и топтаніе лошадьми бабъ и дѣтей. Изъ заднихъ рядовъ разозлившихся крестьянъ полетѣло нѣсколько камней. Исправникъ приказалъ своей командѣ спѣшиться и дать залпъ. Послѣ залпа оказалось 6 человекъ убитыхъ на мѣстѣ и 15 человекъ раненыхъ, изъ которыхъ трое также вскорѣ скончались. Большинство остальныхъ ранены тяжело“.

Вѣроятно, никакой, даже самый горячій сторонникъ закона 9-го ноября не рѣшится одобрить подобныя мѣры водворенія закона въ жизнь. Однако, здѣсь-то и сказывается подлинная логика жизни. Случаи, схожіе съ тамбовскимъ, далеко не случайны и не исключительны. Если повсемѣстно пренебрегаются интересы массоваго крестьянства, если не желаютъ считаться съ доброй и свободной волей деревни, а всю судьбу ея вручаютъ самоувѣренному мѣстному начальству, то неизбѣжно создается почва, на которой тѣ или другіе безпорядки, ссоры и взаимныя распри непремѣнно должны вспыхивать по селамъ и деревнямъ. „Русскому Слову“ пишутъ: „Въ селѣ Арнаутовкѣ, Елисаветградскаго уѣзда, на почвѣ выдѣленія изъ общины, произошли безпорядки, длившіеся три дня. Богатые арнаутовскіе крестьяне, выходящіе на отрубъ, скупили у переселяющихся въ Тургайскій край бѣдняковъ землю по 25 рублей за десятину и составили

мірской приговоръ, по которому къ нимъ отходила лучшая земля. Въ село прибылъ землемѣръ и, на основаніи имѣвшагося приговора, началъ дѣлить землю. Крестьяне обращались съ жалобой къ земскому начальнику, къ губернатору, ходатайствовали хотя бы объ отсрочкѣ работъ по выдѣленію мѣсяца на три, до уборки хлѣббовъ. Крестьянамъ всюду было отказано. Тогда большинство женщинъ села Арнаутовки, вооружившись кочергами, коромыслами и лопатами, напали на землемѣра и его рабочихъ, прогнали ихъ и уничтожили межевые знаки. На слѣдующій день женщины-крестьянки осадили сельское правленіе, гдѣ спрятались богатѣи-хуторяне, ворвались туда и многихъ жестоко избили. Между прочимъ случайно былъ избитъ сельскій писарь. Въ село прибылъ губернаторъ съ казаками. Было арестовано до 200 человекъ, въ томъ числѣ много женщинъ. Арестованныхъ отправили въ елисаветградскую тюрьму. Теперь выдѣленіе изъ общины въ Арнаутовкѣ производится безпрепятственно“.

Еще одна фатальная сторона реформы 9-го ноября: такъ какъ она задалась цѣлью создать „крѣпкаго, состоятельнаго хуторянина“, то во всѣхъ взаимныхъ крестьянскихъ столкновеніяхъ начальство, вооруженное и невооруженное, въ силу какъ бы неизбѣжной логики становится на сторону богатыхъ мужиковъ. При выдѣлахъ изъ общины, при покупкѣ хуторскихъ участковъ черезъ банкъ, при скупкѣ выдѣлившихся надѣловъ у малосильныхъ крестьянъ, впереди всѣхъ идутъ, конечно, зажиточные мужики, преимущественно хищнаго типа. Въ настоящее смутное время они сугубо наживаются и вызываютъ сугубую ненависть населенія сель и деревень. Но на ихъ сторонѣ „законъ“ и, главное, чиновно-административно-полицейско-военная сила государства. „Въ с. Варзарешты, Тузурской волости,—сообщаетъ корреспондентъ „Бессарабской Жизни“,—20 марта были вызваны телеграммой приставъ и урядникъ для предупрежденія столкновенія между крестьянами сель Пѣтушки и Варзарешты, представляющихъ нынѣ два враждебныхъ лагеря. Возникла эта вражда изъ-за отрубной земли, пріобрѣтенной зажиточными крестьянами с. Пѣтушки въ то время какъ безземельные крестьяне с. Варзарешты, за недостаточностью средствъ, не могли ее купить. Но у крестьянъ въ земельныхъ спорахъ своя особенная логика: „земля варзарештская—достояніе только варзарештскихъ крестьянъ, а если кто изъ постороннихъ посягнетъ на нее, тому не снести головы“. Здѣсь пока дѣло до этого еще не дошло, благодаря вмѣшательству варзарештскаго священника и предупредительнымъ мѣрамъ уѣздной полиціи, но быть увѣреннымъ за завтрашній день никакъ нельзя, потому что почва для этого совершенно готовая: часть земли, купленной пѣтушканцами, вплотную прилегаетъ къ хатамъ варзарештскихъ крестьянъ, которые, благодаря

этому, не только лишились того, что они считали по праву своимъ, но не смогутъ держать ни крупнаго, ни мелкаго скота, ни даже птицы, чтобы не имѣть ежедневныхъ споровъ изъ-за потрапы хлѣба“.

И вотъ, наготовѣ полицейская сила, оберегающая „законъ“, и наготовѣ же озлобленное настроеніе крестьянъ, а жить предстоитъ долгіе годы бокъ-о-бокъ... Повсемѣстно, судя по газетнымъ извѣстіямъ, законъ 9-го ноября вносить разложеніе въ деревенскую среду, гонить съ дѣдовскихъ надѣловъ ослабѣвшую бѣдноту и концентрируетъ крестьянскую землю въ рукахъ оживившихся скупщиковъ. Въ „Саратовскій Вѣстникъ“ пишутъ изъ Новоузенскаго уѣзда, Самарской губернии: „Въ Малоузенскомъ обществѣ насчитывается до 500 душъ обоюго пола, изъ нихъ мужскихъ около 200. Послѣдніе два года здѣсь начался усиленный выходъ изъ общины по закону 9-го ноября, и теперь значительное большинство укрѣпило землю въ собственность. Одновременно съ выдѣломъ изъ общины началась купли-продажа земельныхъ надѣловъ. Большинство надѣловъ скуплено зажиточными крестьянами. Особенно побудилъ продавать свои надѣлы бѣдныхъ крестьянъ неурожай“. Правая „Оренбургская Газета“, сочувствующая закону 9-го ноября, принуждена отмѣчать въ своей мѣстности такіе же факты: „Крестьяне за послѣднее время, — пишутъ газетѣ изъ Покровской волости, Оренбургскаго уѣзда, — все больше знакомятся съ закономъ 9-го ноября. Впрочемъ, со времени обнародованія закона на всю волость только изъ одного поселенія вышло нѣсколько дворовъ на отрубной участокъ. Общинное владѣніе землею крестьяне считаютъ удобнѣе главнымъ образомъ ради простора настищъ для скота, а послѣдній, какъ извѣстно, есть основа благосостоянія деревни. Урожайный 1909-ый годъ подалъ поводъ зажиточнымъ крестьянамъ подумать объ увеличеніи своихъ надѣловъ чрезъ пріобрѣтеніе душевыхъ надѣловъ у односельчанъ. Съ осени прошлаго года начались одиночные случаи продажи; за первымъ примѣромъ послѣдовали другіе; увеличился спросъ, увеличилось и предложеніе. Души продаютъ деревенскіе пролетаріи, бездомовники, батраки, а чаще пропойцы или люди, уже давно порвавшіе всякую связь съ родной деревней, съ ея полями и живущіе на сторонѣ. Обычно сдѣлка начинается съ жирныхъ могарычей; сельскій писарь пишетъ условіе, которое закрѣпляется волостнымъ правленіемъ, и, наконецъ, у нотаріуса пишется запродажная запись. Денежные мужики уже скупили по 10-ти и болѣе „душъ“. Цѣна имъ отъ 200 до 300 рублей, какъ срядятся. Душевой же надѣлъ равняется 12-ти десятинамъ. Чрезъ такую распродажу въ одномъ изъ сель волости къ началу 1910-го года насчитывается болѣе 20-ти „бездушныхъ“. Печально въ этомъ явленіи особенно то, что продаютъ безпрепятственно пьяницы отцы, деньгами

мотаютъ, а дѣти такихъ отцовъ обрекаются на тяжелую долю“. Газета явно не сочувствуетъ деревенскимъ „пролетаріямъ“, но не скрываетъ, что состоятельные мужики, прикрываясь закономъ 9-го ноября, устраиваютъ „жирные могоарычи“, т. е. спаиваютъ „пролетаріевъ“ и прибираютъ землю по дешевой цѣнѣ къ своимъ рукамъ. Сходныя извѣстія идутъ отовсюду. Деревня разслагается на деревенскихъ „пролетаріевъ“ и деревенскихъ „капиталистовъ“. Корреспондентъ „Орловскаго Вѣстника“ сообщаетъ: „Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Орловскаго уѣзда въ послѣднее время происходятъ тяжбы младшихъ членовъ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семей со старшими членами, на имя которыхъ укрѣплены надѣльные земли. Нѣкоторые изъ старшихъ членовъ почти промотали земельное имущество, и младшіе члены семей судебнымъ порядкомъ стараются оградить свои интересы“. Такимъ образомъ, новому закону удалось не только общинниковъ и отрубниковъ вооружить другъ противъ друга, но и въ отдѣльныя крестьянскія семьи внести ядъ разложения.

Изъ слободы Самойловки, Балашовскаго уѣзда, „Саратовскому Вѣстнику“ пишутъ: „Общество раздѣлилось на двѣ части: одна держится общиннаго землепользованія, другая требуетъ подворнаго. За подворное владѣніе стоятъ, во-первыхъ, всѣ, которые смотрятъ на землю, какъ на товаръ, который быстро можно ликвидировать. Земля, собственно, имъ не нужна. Есть уже лица, которыя скупили у выдѣлившихся крестьянъ сотни десятинъ. За подворное хозяйство ратуютъ и тѣ, у которыхъ мало или совсѣмъ нѣтъ скота. Они вполне справедливо претендуютъ на своихъ однообщественниковъ за то, что они совершенно бесплатно пользуются кормами на общественной землѣ. Мечтаютъ о подворномъ землепользованіи и общественники съ выморочными душами, которые при первомъ же передѣлѣ должны будутъ лишиться значительной части своихъ владѣній, теперь же имъ обѣщаютъ нарѣзать и на умершія души. Всѣ же многосемейные, коренные землеробы крѣпко отстаиваютъ общинное землепользованіе“. Изъ Каспійской волости, Порѣчскаго уѣзда, „Смоленскому Вѣстнику“ сообщаютъ: „Начинается распадъ общины и въ нашей волости. Въ одной деревнѣ — Шелудивцахъ — крестьяне согласились на отводъ участковъ своимъ хуторянамъ изъ земельныхъ старинокъ, находящихся въ отдаленности отъ селенія. Нужно замѣтить, что шелудивскіе хуторяне выдѣляютъ себѣ участки для того лишь, чтобы тутъ же продать ихъ, такъ какъ они переселяются въ Сибирь, гдѣ имъ уже отведена земля. Въ деревнѣ Касплѣ 2-й крестьяне сначала тоже было согласились на выдѣлъ участковъ своимъ хуторянамъ, но затѣмъ измѣнили свое рѣшеніе и категорически отказались дать гдѣ-либо участки выдѣленцамъ, мотивируя это тѣмъ, что послѣдніе имѣютъ

въ виду не веденіе хозяйства, а лишь выгодную спекулятивную сдѣлку, т. е. продажу земли, которая имъ достанется при данныхъ условіяхъ въ количествѣ излишнемъ противъ причитающагося на ихъ долю при разверсткѣ. Выдѣляются такіе члены общины, какъ одинокія женщины, пользующіяся за смертью мужскихъ членовъ семьи такимъ количествомъ земли, которое совершенно не соотвѣтствуетъ ни ихъ рабочимъ силамъ, ни средней для данной мѣстности потребительной нормѣ. Въ селѣ на 80 дворовъ всего 140 надѣловъ, такъ что съ уходомъ изъ общины такихъ „хуторянь“, какъ „бобылки“, положеніе многосемейныхъ станетъ безвыходнымъ. Земля же новыхъ „хуторянь“, песомѣнно, перейдетъ въ руки кулаковъ-скупщиковъ“. Изъ Кузубаевской волости, Николаевского уѣзда, Самарской губерніи, корреспондентъ „Сарат. Вѣстника“ пишетъ: „Нигдѣ въ уѣздѣ законъ 9-го ноября не привился такъ, какъ въ нашей волости, населенной башкирами. Какъ только узнали башкиры, что можно укрѣплять за собой земельные надѣлы по числу ревизскихъ душъ, а потомъ и продавать ихъ, такъ немедленно захотѣли воспользоваться своимъ правомъ. На душу у нихъ приходится по 54 десятины. Сначала земля продавалась по 6—8 рублей, а теперь по 12 рублей за десятину. Продано уже нѣсколько тысячъ десятинъ. При проѣздѣ черезъ одну изъ деревень Кузубаевской волости мнѣ пришлось услышать слѣдующія разсужденія о законѣ 9-го ноября одного изъ зажиточныхъ башкиръ, держателя земской почтовой станціи. Засталъ я хозяина въ обществѣ сельскаго писаря за составленіемъ приговоровъ объ укрѣпленіи земельныхъ надѣловъ. „Что у васъ за канцелярія?“ — спросилъ я. — „Землямъ укрѣпляемъ. Бульно хорошій законъ вышелъ. Покупатель на земля много. Нашъ башкиръ ужъ много земля дешево продалъ. Деньгамъ получалъ сичасъ. Тройкамъ, наборный сбруя, тарантасъ казанской работы на желѣзный ходъ... валяй-гулий по всѣмъ деревнямъ. Гулялъ, гулялъ, сбруя, лошадка, тарантасъ дешевкамъ пускалъ, опять гулялъ, а тапиръ ребятишкамъ по міру пускалъ. Что дальше будетъ—не знаемъ. Пожалуй, обществомъ вся безземельна башкиръ кормить будемъ!“—грустно кивая головой, закончилъ онъ. Въ Николаевкѣ теперь, по окончаніи посѣва яровыхъ хлѣбовъ, ежедневно у квартиръ потаріусовъ можно видѣть башкиръ Кузубаевской волости, пріѣхавшихъ для совершенія документовъ по продажѣ надѣльной земли. Часть полученныхъ денегъ тутъ же въ городѣ и пропивается. Башкиры, продавшіе землю, на вопросъ, что они теперь стануть дѣлать—обычно отвѣчаютъ: „Пока деньги есть, будемъ жить въ Кузубаево, а когда ихъ не будетъ, пойдемъ въ Бухара къ башкирамъ, они намъ земли дадутъ“...

Изъ многочисленныхъ фактовъ слѣдуетъ неизбѣжный выводъ, что

законъ 9-го ноября пробуждаетъ и въ сильныхъ, и въ слабыхъ крестьянахъ духъ корыстолюбія, съ тою только разницею, что слабые упускаютъ изъ рукъ послѣдніе клоки своей земли, а сильные прибираютъ ее къ своимъ рукамъ.

Нѣкоторыя большія провинціальныя газеты, кромѣ краткихъ корреспонденцій о ходѣ земельного закона въ сельской жизни, помѣщаютъ теперь большія изслѣдованія по этому вопросу и обычно приходятъ къ очень печальнымъ выводамъ. Такъ напримѣръ, „Кіевскія Вѣсти“ пишутъ въ большой статьѣ: „Въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ на пепелищахъ бывшихъ крѣпостныхъ хозяйствъ возникли хозяйства богатырей изъ козаковъ и крестьянъ, хорошо приспособленныя къ жизни. Богатыри Полтавщины—это особый классъ богатырей, весьма интересный въ бытовомъ отношеніи. Въ литературѣ нѣтъ его изображенія, а онъ заслуживаетъ кисти художника. Это „идеальные хуторяне“ — опора института личной собственности. Однако, такой хуторянинъ располагаетъ въ среднемъ 30—50 десятинами. Мечта нашихъ хуторомановъ создать хуторянъ на 5—8 десятинахъ — праздная затѣя. Владѣлецъ 5—7 десятинъ имѣетъ нѣсколько сыновей; надъ нимъ виситъ, какъ Дамокловъ мечъ, раздѣлъ и та же пролетаризація“. Авторъ другой солидной статьи въ той же газетѣ говоритъ: „Въ Черниговской губерніи, близкой мнѣ, всей удобной земли около четырехъ съ половиной милліоновъ десятинъ, а казачьяго и крестьянскаго населенія болѣе 2-хъ милліоновъ. Если отчислить на уцѣлѣвшія дворянскія земли, церковныя, монастырскія, казенныя и т. п. приблизительно 1 мил. десятинъ, то будетъ ясно, сколько изъ остальной земли придется на душу сельскаго земледѣльческаго населенія. Размѣръ хуторскихъ участковъ установленъ у насъ отъ 9-ти до 12-ти десятинъ. Если допустить, что въ близкомъ будущемъ 10 процентовъ нашихъ земледѣльцевъ получатъ хуторскіе участки, то для этихъ счастливыхъ будетъ взято 2 мил. десятинъ. Значитъ, для остальныхъ 2 мил. селянъ останется всего около полутора милліоновъ десятинъ. Черниговская губернія не составляетъ исключенія. Въ такихъ же приблизительно условіяхъ находится и значительное большинство губерній Европейской Россіи“.

И вотъ, изъ той земельной лихорадки, которая трясетъ теперь все крестьянское населеніе, намѣчается пока только одинъ вѣроятный результатъ: сквозь споры, свары, раздоры, беспорядки, поджоги, убійства, разстрѣлы и всяческій развалъ крестьянской жизни, причиненный закономъ 9-го ноября, деревня идетъ къ созданію многомилліоннаго пролетаріата. Въ законѣ 9-го ноября одни сторонники его видятъ экономическую мудрость, другіе—политическую. Съ экономической точки зрѣнія едва ли можно назвать здравой ту систему на-

роднаго хозяйства, которая въ короткое время вырываетъ почву изъ-подъ ногъ милліона людей и обрекаетъ ихъ на нищенство, голодную безработицу и вообще нерадостную долю безщочивнаго пролетарія. Съ политической точки зрѣнія... Неужели громада новаго озлобленнаго пролетаріата способна какимъ-либо образомъ укрѣпить покачнувшіеся устои государства? Конечно, сторонники закона 9-го ноября въ политическомъ мечтаніи своемъ возлагаютъ надежды не на пролетаріатъ, а на новосозданныхъ „крѣпкихъ собственниковъ-хуторянъ“. На худой конецъ, они, предполагается, могутъ послужить буферами, которые первые окажутся на пути новаго народнаго движенія... Печальная политика, одной рукой создающая опустошительное наводненіе, а другой—поспѣшно строящая непрочныя плотины...

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Усиленная охрана, вмѣсто чрезвычайной, въ Петербургѣ и петербургской губерніи.— Законопроектъ о старообрядцахъ въ Государственномъ Совѣтѣ; рѣчи представителей чернаго и бѣлаго духовенства. — Разсужденіе о границахъ свободы совѣсти. — Пренія о финляндскомъ вопросѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.

9-го іюля должно было окончиться *восьмое* полугодіе со времени объявленія С.-Петербурга и с.-петербургской губерніи въ состояніи чрезвычайной охраны. За мѣсяцъ до наступленія этого дня, 7-го іюня, состоялась замѣна чрезвычайной охраны усиленною, срокомъ по 4-ое сентября текущаго года. Если и признать, что лѣтомъ 1906-го года общественному порядку могла грозить серьезная смута, то основанія для опасеній исчезли очень скоро, еще раньше окончанія перваго полугодія; не случайно же предложеніе ходатайствовать о святіи чрезвычайной охраны съ петербургской губерніи, внесенное въ с.-петербургское губернское земское собраніе — крайне сдержанное и осторожное—было отклонено, въ декабрѣ 1906-го года, большинствомъ только семи голосовъ (18 противъ 11). Конечно, отдѣльныя преступленія, иногда весьма крупныя, не прекращались и тогда, когда миновало тяжелое волненіе, вызванное роспускомъ первой Думы; но вѣдь не противъ нихъ направлена чрезвычайная охрана, какъ она опредѣлена положеніемъ 1881-го года. Законнымъ ея мотивомъ могли служить только такія посягательства, которыми населеніе

данной мѣстности „приведено въ тревожное состояніе, вызывающее необходимость примѣненія исключительныхъ мѣръ для безотлагательнаго возстановленія нарушеннаго порядка“. Признаковъ такого состоянія въ Петербургѣ и петербургской губерніи давно уже не наблюдалось. Скажемъ болѣе: здѣсь давно уже нѣтъ достаточнаго повода и для усиленной охраны, установленной закономъ для тѣхъ случаевъ, когда „общественное спокойствіе въ какой-либо мѣстности нарушено преступнымъ посягательствомъ противъ существующаго государственнаго строя или безопасности частныхъ лицъ и ихъ имущества“. Общественное спокойствіе въ Петербургѣ — и, тѣмъ болѣе, въ петербургской губерніи — можетъ считаться полнымъ и прочнымъ по меньшей мѣрѣ съ конца 1906-го года; посягательства позднѣйшаго времени, какъ бы они ни были серьезны сами по себѣ, не нарушали порядка и тишины, не требовали никакихъ мѣръ, кромѣ обычныхъ полицейскихъ розысковъ и судебныхъ преслѣдованій. Въ Высочайшемъ указѣ 7-го іюня общественный порядокъ признается *укрѣпленнымъ*. Это значитъ, что для поддержанія его вполне достаточно тѣхъ обыкновенныхъ средствъ, которыми у насъ съ избыткомъ снабжена правительственная власть. Если изъ твердо установленной посылки дѣлается не тотъ выводъ, который она логически предполагаетъ, то это объясняется глубоко вкоренившейся привычкой къ крайностямъ произвола — привычкой, воспитанной непрерывнымъ, въ теченіе трехъ десятилѣтій, дѣйствіемъ всяческихъ исключительныхъ положеній. Нормальное представленіе о смыслѣ и цѣли усиленной охраны утрачено у насъ еще въ восьмидесятихъ годахъ, когда она изъ временной, краткосрочной мѣры обратилась въ обычный способъ управленія.

А между тѣмъ, именно теперь особенно важно возвращеніе къ правильному взгляду на экстраординарныя охраны. Настанетъ же, наконецъ, моментъ разсмотрѣнія давно внесенныхъ въ Думу законопроектовъ о неприкосновенности личности и объ исключительномъ положеніи. Чрезвычайно важно, чтобы къ этому времени повсемѣстно — и особенно въ столицахъ — прекратилось дѣйствіе правилъ 1881-го года, неожиданно и незамѣтно обратившихся изъ временныхъ — въ постоянныя, изъ оружія борьбы — въ орудіе административнаго обихода. Чрезвычайно важно, чтобы законодательныя собранія, приступая къ обсужденію коренной основы правового государственнаго строя, имѣли передъ собою картину общественной жизни, регулируемой только нормальнымъ закономъ. Только тогда можно будетъ дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, при какихъ условіяхъ охрана личныхъ правъ, личной неприкосновенности должна уступать мѣсто охранѣ общественной безопасности и государственнаго порядка. Если проектированная регламентация исключительнаго положенія пройдетъ черезъ палаты и

станеть закономъ при дѣйствии правилъ 1881-го года, то соблазнительно легкимъ можетъ оказаться переходъ отъ старой формы „охраны“ къ новой — и то, что имѣеть смыслъ лишь какъ рѣдкое уклоненіе отъ нормы, опять можетъ стать общимъ правиломъ... Не такъ велико, притомъ, различіе между охранами усиленной и чрезвычайной, чтобы замѣна послѣдней первой могла вызывать особую радость. Достаточно вспомнить, что и при усиленной охранѣ возможно свободное обращеніе къ военному суду — и, слѣдовательно, широкое примѣненіе смертной казни. Замѣтное облегченіе отъ замѣна чрезвычайной охраны можетъ принести только печати. Однимъ изъ послѣднихъ проявленій административнаго произвола въ этой области было запрещеніе „Финляндія“ — журнала, спокойно обсуждавшаго всѣ фазисы финляндскаго вопроса и отстаивавшаго права Финляндіи, нимало не упуская изъ вида интересовъ Россіи. Прекращеніе его въ данную минуту было тѣмъ болѣе несправедливо, чѣмъ чернѣе тучи, надвигающіяся на финскій народъ.

Говоря, въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, объ обсужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ законопроекта, регулирующаго положеніе старообрядцевъ, мы коснулись лишь тѣхъ его пунктовъ, по которымъ верхняя палата разошлась не только съ Государственной Думой, но и съ видами правительства, выразившимися въ указахъ 17-го апрѣля 1905-го и 17-го октября 1906-го года. Остановимся теперь на другихъ сторонахъ преній, почему-либо характерныхъ и интересныхъ.

Такихъ сторонъ особенно много въ рѣчахъ представителей духовенства. Не оспаривая прямо компетентность законодательныхъ учреждений въ рѣшеніи даннаго вопроса, не предлагая Государственному Совѣту отклонить законопроектъ, какъ неподлежащій его вѣдѣнію, іерархи православной церкви несомнѣнно находили неправильнымъ самый путь, на который вступила свѣтская власть въ знаменательный день 17-го апрѣля 1905-го года и съ котораго она послѣ того принципиально не сходила. „Самое разумное и справедливое“ — сказалъ архіепископъ псковской — „было бы не подвергать въ вѣроисповѣдномъ дѣлѣ церковь риску случайныхъ голосованій гражданскихъ учреждений внѣ-исповѣднаго характера. Слѣдовало бы отложить вѣроисповѣдное дѣло до установленія верховною властью совѣщанія съ соборомъ о нормахъ церковнаго и гражданскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла“. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и архіепископъ варшавскій, утверждая, что законопроектомъ о старообрядцахъ „государство вторгается въ область, чуждую ему по природѣ и не подлежащую его

компетенціи. Въ нашемъ русскомъ православномъ царствѣ всѣ опредѣленія церкви обязательны для государства, неизмѣнны и никѣмъ не отмѣняемы. Направлять явленія церковной жизни и опредѣлять къ нимъ отношенія можетъ только церковь, никто больше, черезъ соборъ, который является органомъ сознанія церкви. Церковь помогаетъ государству, исполняетъ законы государственные, а государство обязано прислушиваться къ тому, какъ учить церковь, и согласовать свои законы съ законами церковными“. Въ законопроектѣ о старообрядцахъ архіепископъ варшавскій усматриваетъ нарушение правъ православной церкви, заключающееся, между прочимъ, въ „отмѣнѣ опредѣлений собора 1667-го года, осудившаго раскольниковъ, признавшаго ихъ мятежниками, раздорниками и непослушниками святой церкви. Постановление собора, вынесенное сонмомъ духовенства, съ участіемъ вселенскихъ патріарховъ, должно существовать и впредь. Теперь государство отмѣняетъ это постановление, находя его оскорбительнымъ для раскола, и переименовываетъ послѣдній въ старообрядчество. Этимъ государство произноситъ судъ надъ великимъ соборомъ, признаетъ дѣянія его неправильными и незаконными, оправдываетъ признанныхъ мятежниками, революціонерами церкви. Государство беретъ подъ свое покровительство враговъ церкви, осуждаетъ самую церковь“.

На чемъ же зиждется основное положеніе, выдвигаемое архіепископами псковскимъ и варшавскимъ — положеніе, въ силу котораго вѣроисповѣдныя законопроекты являются вторженіемъ, вмѣшательствомъ государства въ область, доступную только для церкви? Прямой ссылки на законъ мы въ рѣчахъ обоихъ іерарховъ не находимъ. Весьма вѣроятно, что они имѣли въ виду главу седьмую законовъ основныхъ, озаглавленную: „о вѣрѣ“. Одна изъ статей этой главы (62-ая) провозглашаетъ православную церковь первенствующею и господствующею въ російской имперіи; другая (64-ая) признаетъ императора, „яко христіанскаго государя, верховнымъ защитникомъ и хранителемъ догматовъ господствующей вѣры, блюстителемъ правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія“; наконецъ, за силою ст. 65-ой, „самодержавная власть въ управленіи церковномъ дѣйствуетъ посредствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, ею учрежденнаго“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣми этими правилами устанавливается отношеніе верховной власти исключительно къ православной церкви, а не къ другимъ церквамъ и исповѣданіямъ, существующимъ въ Россіи. Послѣднихъ касаются ст. 66 и 67-ая той же главы—статьи, происхожденіе которыхъ восходитъ еще къ XVIII-му вѣку; въ управленіи ими синодъ никакого участія не принималъ и не принимаетъ. Законодательство, имѣющее предметомъ

юридическое положеніе инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій, личныя права ихъ послѣдователей, коллективныя права образуемыхъ ими соединеній, было и продолжаетъ быть дѣломъ одной свѣтской власти. Не отъ духовнаго вѣдомства исходили законодательные акты, опредѣлявшіе мѣру вѣротерпимости или религіозной свободы. И это не могло и не можетъ быть иначе. Истинное право не должно быть построено на чужомъ безправіи; изъ первенствующей, господствующей роли одного учрежденія не вытекаетъ, неизбежно и безусловно, рядъ правоограниченій для всѣхъ остальныхъ. Самое понятіе о господствующей церкви, разъ что оно перенесено на юридическую почву, можетъ быть установлено только государствомъ; отъ государства зависитъ и измѣненіе его. Предоставить церкви опредѣленіе границъ этого понятія и вытекающихъ изъ него заключеній—значило бы сдѣлать ее судьей въ собственномъ дѣлѣ. Рядомъ съ господствующею церковью у насъ издавна допускались другія вѣроисповѣдныя организаціи—допускались государствомъ, на условіяхъ, имъ выработываемыхъ и имъ же согласуемыхъ съ требованіями времени. Высочайшій указъ 17-го апрѣля ничѣмъ, съ этой точки зрѣнія, не отличается отъ законовъ 19-го апрѣля 1874-го и 3-го мая 1883-го года, открывшихъ новую эпоху въ исторіи раскола. Рѣшительный поворотъ къ свободѣ совѣсти столь же мало требовалъ и требуетъ согласія или одобренія православной церкви, какъ и первые, робкіе шаги въ этомъ направленіи. Руководствомъ для законодателя и тутъ, и тамъ одинаково служили и должны служить государственныя соображенія, чуждыя конфессіональнаго характера. Нѣтъ и не было, слѣдовательно, никакой причины откладывать разрѣшеніе болѣзненно назрѣвшаго вопроса до созыва церковнаго собора, въ кругъ дѣйствій котораго должны входить исключительно дѣла православной церкви и ея членовъ—членовъ не только по имени,—а не дѣла лицъ и союзовъ, стоящихъ внѣ церкви и не имѣющихъ съ нею ничего общаго.

Совершенно ошибочно утвержденіе, что государство, въ послѣднее время, произноситъ судъ надъ соборомъ 1667-го года, отмѣняетъ его опредѣленіе, признаетъ его дѣянія незаконными и неправильными. Судъ надъ соборомъ 1667-го года, въ смыслѣ всесторонней и объективной его оцѣнки, принадлежитъ исторіи: она одна можетъ взвѣсить обстоятельства, при которыхъ дѣйствовалъ соборъ, вліянія, которымъ онъ подвергался, зависимость его отъ времени и мѣста—и сообразно съ этимъ установить цѣну его дѣяній. Конечно, опредѣленіе собора можетъ быть *формально* отмѣнено только другимъ соборомъ, одинаковаго съ нимъ значенія и авторитета; но изъ того, что такая отмѣна еще не состоялась, нельзя выводить обязательность соборныхъ поста-

повленій для современнаго государства. Нисколько не касаясь вопроса о канонической правильности этих постановленій, свѣтская власть можетъ признать ихъ не отвѣчающими измѣнившимся условіямъ и, слѣдовательно, потерявшими значеніе указателя пути, которымъ подобааетъ идти свѣтскому законодательству. Если соборное опредѣленіе 1667-го года оставалось, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, руководящею нитью правительственной политики по отношенію къ расколу, то объясняется это именно длительнымъ согласіемъ между точкой зрѣнія, которую усвоила себѣ церковь, и настроеніемъ свѣтской власти. Когда это согласіе поколебалось—уменьшилась интенсивность стѣсненій и репрессій, которымъ подвергались сторонники раскола; когда оно уступило мѣсто прямому разномыслію—изъ свѣтскаго законодательства должно было исчезнуть самое понятіе о расколѣ. При Алексѣѣ Михайловичѣ мятежниками и раздорниками раскольники были одинаково въ глазахъ гражданской и церковной іерархіи; понятно, что общей почвой для той и другой были соборныя опредѣленія 1667-го года. Такому единодушію давно уже наступилъ конецъ,—и указъ 17-го апрѣля явился результатомъ медленно, но постоянно усиливавшагося движенія. Поворотъ назадъ, во имя начала, потерявшаго свою силу, представляется невозможнымъ. Опредѣленія церкви „неизмѣняемы“ для государства только въ той мѣрѣ, въ какой они прямо касаются церкви, одной лишь церкви. Еслибы основные законы и не провозглашали императора хранителемъ догматовъ и блюстителемъ правовѣрія, свѣтская власть не могла бы брать на себя ни пересмотра или толкованія догматовъ православной вѣры, ни разъясненія понятія о правовѣрії; но вѣдь ни о чемъ подобномъ и не идетъ рѣчь въ вѣроисповѣдныхъ указахъ и законопроектахъ. Они имѣютъ въ виду исключительно ту часть населенія, которая чужда православнымъ догматамъ и не считаетъ ихъ правовѣріемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблено ст. 64-ю основныхъ законовъ. „Прислушиваться къ тому, какъ учить церковь“, государство *обязано* лишь на столько, на сколько церковь остается въ естественныхъ своихъ границахъ. Поставить государственные законы въ зависимость отъ церковныхъ, значило бы обречь первые на неподвижность, несвойственную ихъ природѣ. Исторія доказываетъ съ полною ясностью, что помощь церкви государству, приобретаемая цѣною эквивалентной помощи государства, одинаково вредна для обѣихъ сторонъ. Широкое развитіе церковной дѣятельности предполагаетъ свободу церкви отъ государственной опеки; успѣшное исполненіе задачъ, лежащихъ на государствѣ, предполагаетъ свободу государства отъ теократическихъ вліяній.

„Представьте себѣ“—читаемъ мы въ рѣчи преосвященнаго варшавскаго,—„что св. синодъ въ одно прекрасное утро вдругъ распу-

бликовалъ пастырское посланіе о томъ, что наказывать гражданскихъ, государственныхъ, политическихъ революціонеровъ оскорбительно и жестоко, что они имѣютъ право высказывать свои убѣжденія и увлекать другихъ и потому ихъ не слѣдуетъ преслѣдовать? Что сказала бы товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Курловъ? Опъ сказалъ бы: святые отцы, въ здоровомъ ли вы умѣ?—Аналогія, здѣсь проводимой, на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Нѣчто подобное ей можно было бы уемотрѣть развѣ въ томъ случаѣ, еслибы свѣтская власть потребовала отъ церкви безпрекословнаго принятія въ ея среду иначе вѣрующихъ или вообще въ чемъ-либо съ нею несогласныхъ. Такихъ требованій никто къ церкви не предъявляетъ: въ вѣроисповѣдныхъ законопроектахъ рѣчь идетъ только объ устройствѣ иновѣрцевъ въ православной церкви, безъ какого бы то ни было нарушенія ея внутреннихъ правилъ и порядковъ. Едва ли, съ другой стороны, церковь вышла бы за начертанныя для нея границы, еслибы, не оспаривая юридической правомѣрности тѣхъ или иныхъ дѣйствій свѣтской власти, выразила сомнѣніе въ моральной ихъ цѣнности, съ точки зрѣнія евангельской доктрины. Конечно, это едва ли поправилось бы полицейскимъ чинамъ и учрежденіямъ; но нравственно правой могла бы оказаться церковь, какъ правъ былъ архіепископъ миланскій Амвросій въ своемъ извѣстномъ обращеніи къ Θεодосію Великому, вызванномъ событіями въ Θεссалоникахъ...

„Представьте себѣ“—продолжалъ архіепископъ варшавскій,—„что сказалъ бы министръ финансовъ, еслибы министры внутреннихъ дѣлъ, Дума и Государственный Совѣтъ порѣшили, пусть и фальшивыя бумаги и монеты ходятъ какъ настоящія... Что сказалъ бы военный министръ, еслибы ему доложили, что какіе-то мужики понадѣвали полковничьи и генеральскіе костюмы и въ нихъ ходятъ? Военные честь мундира считаютъ своего рода культомъ—но вѣдь здѣсь (т.-е. въ вопросѣ объ облаченіи старообрядческаго духовенства) не мундиръ, здѣсь побольше мундира: здѣсь сакраментальная вещь, освящаемое церковью облаченіе“.—И эти примѣры нельзя признать подходящими къ данному случаю. Еслибы и можно было уподобить старообрядческую іерархію фальшивой монетѣ или бумагѣ, то вѣдь думскій законопроектъ клонился не къ тому, чтобы признать эту іерархію во всемъ равноцѣнною православной, а только къ тому, чтобы дать ей возможность свободнаго дѣйствія въ средѣ, для которой „подлинность“ ея не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что касается до военного министра, то справедливый гнѣвъ его могъ бы обрушиться на мужиковъ, *самозванно* надѣвающихъ на себя неприсвоенную имъ форму—а старообрядческому духовенству право носить церковное облаченіе предоставляется закономъ. Къ какимъ печальнымъ результатамъ преуве-

личенныя представленія о чести мундира приводятъ въ военной средѣ—это слишкомъ хорошо извѣстно; неужели желательно переносить ихъ въ другой мѣръ, по самому своему существу отъ нихъ далекой и имъ чуждой?.. Позволимъ себѣ и съ своей стороны привести одно сравненіе. Когда во Франціи, въ эпоху реставраціи и іюльской монархіи, существовала національная гвардія, ея офицерамъ была дана форма, во многомъ напоминая общевоеенную; высшимъ чинамъ были, между прочимъ, присвоены эполеты. Это, конечно, было не совсѣмъ пріятно заправскимъ военнымъ; но неужели они меньше, вслѣдствіе этого, цѣнили свой мундиръ—и неужели онъ потерялъ прежнюю цѣну въ глазахъ населенія? Неужели истинному сыну православной церкви православный епископъ будетъ внушать меньше уваженія послѣ того, какъ можно будетъ видѣть сходное одѣяніе на „епископѣ по старообрядчеству“?

Обратимся теперь къ рѣчамъ одного изъ представителей бѣлаго духовенства, протоіерея Буткевича. Главный ихъ недостатокъ—фактическая неточность. По словамъ прот. Буткевича, „со времени Петра Великаго ни одинъ императоръ не всходилъ на престолъ, не давая самыхъ широкихъ правъ и льготъ старообрядчеству въ области свободы совѣсти; но спустя немного времени тотъ же императоръ издавалъ уже распоряженія, въ значительной мѣрѣ стѣснявшія свободу совѣсти старообрядцевъ. Это явленіе извѣстный апологетъ старообрядчества Мельниковъ объяснилъ нашимъ государственнымъ режимомъ—самодержавіемъ, по которому верховная власть, давая привилегіи, можетъ въ непродолжительномъ времени ихъ отнять. Современное намъ правительство всегда съ особенною гуманностью и предупредительностью относилось къ старообрядчеству“. Мы желали бы знать, какія *широкія* права и льготы предоставилъ старообрядцамъ, въ первые годы своего царствованія, императоръ Николай I-ый? Онъ началъ прямо съ стѣснительныхъ мѣръ—и неуклонно продолжалъ развивать ихъ, все болѣе и болѣе ихъ обостряя, до самой своей смерти. Императоръ Александръ II-ой, ослабивъ, фактически, преслѣдованіе раскола, даровалъ ему первую—и единственную—*законную* льготу лишь на двадцатомъ году правленія (19-го апрѣля 1874-го года), льготу, притомъ, далеко не широкую и очень мало измѣнившую къ лучшему положеніе старообрядцевъ; но то небольшое, что было имъ дано, не было взято имъ назадъ, и послѣдній періодъ его царствованія подготовилъ тотъ сравнительно-благопріятный для старообрядчества законъ (3-го мая 1883-го года), который былъ обнародованъ Александромъ III-мъ. Къ этому императору только и примѣнимы слова прот. Буткевича объ отмѣнѣ данныхъ сначала льготъ: дѣйствительно, въ рукахъ Побѣдоносцева зародыши терпимости, заключавшіеся въ законѣ 1883-го года,

глохли все больше и больше, пока, наконецъ, не началась и формально частичная ихъ отмѣна (правила 4-го іюля 1894-го года). Но вѣдь политика Побѣдоносцева продолжала господствовать и послѣ смерти Александра III-го, уступивъ мѣсто другому направленію лишь тогда, когда настала новая эпоха въ исторіи Россіи. Чему же приписать явное противорѣчіе между общей схемой, выставленной прот. Вуткевичемъ, и реальнымъ ходомъ событій? Быть можетъ, поддержкѣ, которую онъ надѣялся найти въ приводимомъ имъ мнѣніи Мельникова ¹⁾? Это мнѣніе имѣетъ чисто формальный характеръ: оно объясняетъ только, почему была юридически *возможна* отмѣна льготъ, однажды данныхъ, не касаясь побужденій, ее вызвавшихъ. Противникамъ старообрядчества пріятно напоминаніе о легкости, съ которою уничтожались принятыя въ его пользу мѣры; но вѣдь нельзя же забывать, что между прошлымъ и настоящимъ существуетъ, при всѣхъ чертахъ сходства, значительная разница. Возвращенію на прежнюю дорогу мѣшаетъ, помимо всего остального, самый размѣръ перемѣны, совершившейся 17-го апрѣля 1905-го года: одно дѣло—брать назадъ частичныя реформы, основанныя на снисхожденіи, совершенно другое—дать обратный ходъ преобразованію, предпринятому во имя справедливости.

Еще менѣе точной аргументація прот. Вуткевича становится по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. Онъ говоритъ, что семь лѣтъ тому назадъ старообрядцы остались недовольны тѣмъ, что тогда дало имъ правительство, и настойчиво требовали себѣ свободы. Что же именно было имъ дано въ 1903-мъ году? Рѣшительно ничего, кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній манифеста 26-го февраля. Вопросъ о свободѣ совѣсти оставался въ прежнемъ положеніи, пока непредвидѣнныя обстоятельства, измѣнившія всю политическую конъюнктуру, не привели къ изданію указа 12-го декабря 1904-го, а затѣмъ и указа 17-го апрѣля 1905-го года. 5-го августа 1905-го года—продолжаетъ прот. Вуткевичъ,—„въ Нижнемъ Новгородѣ былъ созванъ всероссійскій (старообрядческій) съѣздъ, на которомъ, по неосторожному впушенію губернатора, былъ поставленъ вопросъ, благодарить ли правительство за милости. Единогласно, въ числѣ 550 человекъ, съѣздъ постановилъ не благодарить, а порицать правительство за милости“. Старообрядцы выставяются, такимъ образомъ, людьми неблагодарными, всѣмъ недовольными, не знающими предѣла своимъ требованіямъ и не заслуживающими свободы. Что же оказывается на са-

¹⁾ Замѣтимъ, мимоходомъ, что Мельниковъ, долго состоявшій въ рядахъ преслѣдователей раскола, отнюдь не можетъ быть названъ *апологетомъ* старообрядчества. Даже въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ его только съ большею или меньшею объективностью *изображаетъ*, вовсе его не защищая.

момъ дѣлѣ? Одинъ изъ участниковъ нижегородскаго сѣзда, г. Бриллиантовъ, напечаталъ въ „Новомъ Времени“ (№ 12281) письмо, перечисляющее подлинныя резолюціи сѣзда. Рѣшено было благодарить, за труды „по проведенію въ жизнь вопроса о вѣротерпимости“, и С. Ю. Витте, и кн. П. Д. Святополкъ-Мирскаго, а Государю Императору представить адресъ, съ выраженіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ и благодарности за указъ 17-го апрѣля. Подписанъ былъ этотъ адресъ 76 тысячами старообрядцевъ разныхъ согласій. Въ своемъ отвѣтѣ г. Бриллиантову прот. Буткевичъ, не поддерживая своихъ прежнихъ утвержденій, говоритъ о политическомъ скандалѣ, которымъ закончились официальные засѣданія нижегородскаго сѣзда, продолжавшагося, затѣмъ, въ видѣ частнаго собранія. Все это г. Бриллиантовъ категорически отрицаетъ ¹⁾—и безспорнымъ остается только одинъ фактъ, снимающій съ старообрядцевъ всякое подозрѣніе въ неблагодарности и фрондерствѣ: фактъ принесенія старообрядцами, согласно съ рѣшеніемъ нижегородскаго сѣзда, благодарственнаго адреса Государю Императору. Нельзя не пожалѣть, что въ преніяхъ Государственнаго Совѣта нашли мѣсто явно неосновательныя увѣренія.

Какъ протоіерей Буткевичъ, такъ и другой представитель бѣлаго духовенства, прот. Бѣликовъ, старались доказать, что свобода проповѣдыванія, которую Государственная Дума нашла возможнымъ предоставить старообрядцамъ, опасна для государства не меньше или даже больше, чѣмъ для церкви. „Неужели нужно“ — вопрошалъ прот. Бѣликовъ, — „чтобы безпоповщинское, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и поповщинское ученіе объ антихристѣ, мрачное и пессимистическое, ширилось и множилось въ нашемъ народѣ“? Конечно, государству это не нужно; но для него не опасно ученіе, съ котораго снятъ покровъ тайны, снята прелесть запрета — ученіе, ставшее „пессимистическимъ и мрачнымъ“, быть можетъ, именно подъ вліяніемъ преградъ, которыя встрѣчало, и невзгодъ, которыя влекло за собою открытое его выраженіе. Свобода проповѣди, притомъ, имѣетъ свои границы; наравнѣ со всѣми другими формами рѣчи, она подлежитъ, при злоупотребленіи ею, дѣйствию уголовнаго закона... Къ тому же выводу, какъ и прот. Бѣликовъ, приходитъ и прот. Буткевичъ; но исходныя ихъ точки существенно различны. Первый говоритъ о тѣхъ разновидностяхъ старообрядчества, которыя особенно далеки отъ церковной доктрины; второй подчеркиваетъ, наоборотъ, незначительность различій между церковью и старообрядчествомъ. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, опасность, представляемая старообрядческой пропагандой для

¹⁾ См. „Новое Время“ № 12298.

государства? Если сама церковь признаетъ „уклоненія“ старообрядчества „не имѣющими существеннаго значенія и терпимыми“, то какимъ же образомъ государство можетъ быть заинтересовано въ наложеніи молчанія на „уклонившихся“?

Наиболѣе рѣшительно и прямолинейно вопросъ, обсуждавшійся въ Государственномъ Совѣтѣ, былъ поставленъ и разрѣшенъ однимъ изъ духовныхъ его членовъ—епископомъ вологодскимъ,—не во время преній, а въ особой брошюрѣ, напечатанной на правахъ рукописи и озаглавленной: „Свобода совѣсти имѣетъ свои границы“. Исходной ея точкой служить утвержденіе, что „совѣсть, потемненная грѣхопаденіемъ первоизданнаго человѣка, не одинакова у людей“. Да, велѣнія и внушенія совѣсти могутъ быть различны—но различны не въ силу принадлежности къ различнымъ исповѣданіямъ, а въ силу многочисленныхъ и разнообразныхъ условій происхожденія, воспитанія, среды, обстановки, житейскаго опыта. Не такъ смотритъ на дѣло авторъ брошюры: у него идетъ рѣчь о совѣсти талмудиста, повелѣвающей причинять зло „гоямъ“, о совѣсти магометанина, повелѣвающей истреблять гяуровъ, о совѣсти католика, не пренятствующей преслѣдованію лютеранъ и православныхъ, о совѣсти протестанта, допускающей такое же преслѣдованіе, только не такъ открыто. Какъ же опредѣляетъ авторъ совѣсть православнаго христіанина? Она требуетъ, по его словамъ, чтобы „насиліемъ и преслѣдованіемъ никто не былъ привлекаемъ даже къ святой, спасающей православной вѣрѣ, чтобы отношеніе ко всѣмъ людямъ было любовное и доброжелательное“. Кому же неизвѣстно, однако, что еще совсѣмъ недавно насиліе и преслѣдованіе служили обычными средствами привлеченія въ православіе—или удержанія въ немъ—и что починъ въ пользованіи этими средствами принадлежалъ, сплошь и рядомъ, іерархамъ православной церкви? Обращеніе къ „свѣтской рукѣ“ практиковалось священниками, епископами и синодомъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; измѣнялись только формы воздѣйствія „свѣтскаго меча“, всегда оставаясь одинаково далекими отъ любви и доброжелательства. Этого достаточно, чтобы доказать ошибочность аргументаціи, исходящей изъ предполагаемаго превосходства одной вѣроисповѣдной совѣсти надъ всѣми другими.

Другая особенность разбираемой нами брошюры заключается въ непомѣрномъ расширеніи понятія о требованіяхъ, въ основу которыхъ кладется свобода совѣсти. „Мало ли чего“—говорятъ намъ—„захотятъ раскольники во имя правды и свободы своей совѣсти? Они захотятъ требовать, чтобы имъ отдали всѣ святыни наши историческія, напр. кремлевскіе соборы; они захотятъ—и, конечно дайте имъ свободу хотѣть, уже и хотѣли бы,—чтобы нашъ Государь перешелъ въ ихъ согласіе; вѣдь этого требуетъ ихъ совѣсть, а она вѣдь свободна“. *Сво-*

бодѣ хотѣть никому не можетъ быть дарована, потому что ни у кого не можетъ быть отнята; но она {не имѣетъ} ничего общаго съ *правомъ требовать*, вытекающимъ изъ свободы совѣсти. Неразумныя желанія, едва ли основательно приписываемыя старообрядцамъ, при всякомъ законодательствѣ, даже самомъ благопріятномъ для старообрядчества, остались бы въ области неосуществимыхъ фантазій. Свобода совѣсти — это свобода вѣровать и безпрепятственно выражать свою вѣру, а не свобода отъ всѣхъ установленныхъ закономъ правилъ. Нельзя, слѣдовательно, связывать съ нею — какъ это дѣлаетъ авторъ брошюры — ниспроверженіе или нарушеніе всѣхъ государственныхъ и общественныхъ устоевъ. И когда авторъ ищетъ точекъ опоры для своего мнѣнія въ чемъ-либо иномъ, кромѣ произвольныхъ обобщеній, онъ не находитъ ничего другого, кромѣ ссылки на дѣйствующій законъ, т. е. именно на то, что составляетъ предметъ спора. „Ужели — восклицаетъ онъ — давать раскольникамъ свободу привлечь къ себѣ въ расколъ всю Русь православную?“ — и отвѣчаетъ: „слава Богу, основные законы предоставляютъ это право (т. е. право распространенія своего вѣроученія) исключительно только церкви православной“.

Глубокимъ нерасположеніемъ къ старообрядчеству проникнуты рѣчи и писанія православныхъ іерарховъ. Не угасли, очевидно, тѣ чувства, яркимъ выраженіемъ которыхъ служили еще недавно отчеты К. П. Побѣдоносцева, какъ синодальнаго оберъ-прокурора; не исчезла привычка видѣть въ иновѣріи опасную *заразу*. „Помнить надо“ — говоритъ епископъ вологодскій, — „что всякое лжеученіе, въ томъ числѣ и расколъ, *заражено* страшною гордынею: просимъ мы, служители церкви, повѣрить намъ въ этомъ на слово — вся религіозная жизнь (раскола) въ ея проявленіи, въ ея дѣлахъ зиждется на безсознательномъ лицемѣріи: нѣмы якоже прочіи человѣцы“. Не могутъ, въ особенности, высшіе представители духовенства примириться съ переименованіемъ раскола и раскольниковъ въ старообрядчество и старообрядцевъ — переименованіемъ, составляющимъ одно изъ великихъ достоинствъ указа 17-го апрѣля. Самая элементарная государственная мудрость подсказывала необходимость пожертвовать словомъ, чтобы подвинуть впередъ дѣло. Устранить терминъ, служившій символомъ ненависти, налагавшій какъ бы клеймо на преслѣдуемое ученіе — значило сдѣлать первый шагъ къ погашенію вѣковой вражды, въ значительной мѣрѣ основанной на недоразумѣніи. Но именно это, очевидно, и возмущаетъ сторонниковъ традиціи, недавно господствовавшей въ официальныхъ сферахъ. Архіепископъ исковской „считаетъ старообрядцевъ раскольниками, ибо такъ велитъ церковь. Самое названіе: старообрядцы — обидно для православной церкви, ибо выходитъ, что всѣ право-

славные—новообрядцы. Если называть доктриной учение раскола, то справедливо назвать его *старообрядотріемъ*, ибо они вѣрятъ въ букву⁴. „И почему это такаа милость къ раскольникамъ!“ — восклицаетъ епископъ вологодскій. — „Насъ хотять заставить величать ихъ лжеіерарховъ и поповъ священнослужителями, а вотъ намъ хотять запретить называть ихъ такъ, какъ велить намъ наша православная совѣсть. Въдъ ужъ если уваженіе къ совѣсти и убѣжденію, такъ и намъ дайте сію свободу! Позвольте и намъ именовать ихъ такъ, какъ велить намъ церковь своими канонами, а не мірская власть ея законами⁴. Таковую свободу едва ли кто-либо стапеть оснаривать у православныхъ іерарховъ; песь вопросъ въ томъ, какъ велика ея внутренняя цѣнность... Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту, особенно рельефно отразившуюся въ брошюрѣ епископа вологодскаго: отношеніе къ массѣ православныхъ какъ къ „простецамъ“, „младенцамъ вѣры“, „младенчествующимъ въ вѣрѣ“, беззащитнымъ противъ соблзана и нуждающимся, поэтому, въ охранѣ „гражданскаго закона“...

Финляндскому вопросу въ этой книжкѣ нашего журнала посвящена особая статья. Ограничимся, поэтому, указаніемъ нѣсколькихъ эпизодовъ, особенно ярко выступающихъ на фонѣ преній Государственнаго Совѣта.

Не было, кажется, еще ни одного важнаго вопроса, разсмотрѣніе котораго въ Государственномъ Совѣтѣ обходилось бы безъ явнаго и рѣзкаго нарушенія предсѣдателемъ предѣловъ его власти и его роли. Чаше чѣмъ когда-либо такія нарушенія повторялись во время обсуждения финляндскаго законопроекта. Уже въ самомъ началѣ послышался окрикъ по адресу Д. Д. Гримма: „говорите покороче!“ — окрикъ, совершенно не соответствующій характеру отношений между предсѣдателемъ и членами законодательнаго учрежденія. Внѣшняя постройка рѣчи зависитъ исключительно отъ самого оратора; никто не имѣетъ права предписывать ему тотъ или другой способъ развитія его мысли. Въ крайнемъ случаѣ предсѣдатель можетъ просить — именно *просить*, не прибѣгая къ повелительному наклоненію, — о неповтореніи сказаннаго однажды; но требовать краткости можетъ только сама палата, путемъ назначенія максимальнаго срока для каждой рѣчи, кѣмъ бы она ни была произносима. И въ какой моментъ прервалъ М. Г. Акимовъ рѣчь Д. Д. Гримма? Именно тогда, когда послѣдній доказывалъ необходимость предоставленія финляндскому сейму, въ опредѣленіи границъ общенперскаго законодательства, *рѣшающаго* голоса — т.-е. касался одной изъ важнѣйшихъ сторонъ финляндскаго вопроса.

Въ первомъ обращеніи къ Д. Д. Гриму не было, по крайней мѣрѣ, элемента наставительнаго, учительскаго, напоминающаго выговоръ начальника подчиненному. Нельзя сказать того же самаго о дальнѣйшихъ перерывахъ. И. О. Корвинъ-Милевскій, возражая противъ включенія Финляндіи въ кругъ дѣйствій Правительствующаго Сената, замѣтилъ, что при нынѣшнемъ настроеніи Сенатъ въ десяти строкахъ можетъ разъяснить Финляндію въ Туркестанскую область. Предсѣдатель остановилъ его словами: „вы не имѣете права такъ выражаться о Правительствующемъ Сенатѣ. Вы имѣете право критиковать, но злословить здѣсь нельзя“. Болѣе чѣмъ спорной представляется первая часть этого замѣчанія. Способъ разъясненій, принятый Сенатомъ съ осени 1906-го года, безчисленное множество разъ подвергался осужденію гораздо болѣе рѣзкому, чѣмъ выраженное въ словахъ И. О. Корвинъ-Милевскаго. Недопустима въ законодательномъ учрежденіи только грубая или неприличная форма критики, но совершенно законна иронія, совершенно позволителенъ сарказмъ, дальше котораго не шель, въ данномъ случаѣ, члени Государственнаго Совѣта... Вторая часть замѣчанія заключала въ себѣ прямое оскорбленіе оратора: обвинить своего сочлена въ *злословіи* предсѣдатель столь же мало имѣетъ право, какъ и обвинить его въ какомъ бы то ни было другомъ преступленіи или проступкѣ.

И. Г. Каменскій высказалъ въ своей рѣчи предположеніе, что народы западной Европы не отнесутся равнодушно къ судьбѣ Финляндіи. Предсѣдатель сдѣлалъ ему слѣдующее замѣчаніе: „вы вступаете въ общеполитическія сужденія. Прошу васъ оставить эти разсужденія. Ваша политическая дальновидность въ данномъ случаѣ идетъ въ ущербъ достоинству Россіи и такія рѣчи здѣсь нетерпимы“. Трудно понять, почему въ собраніи, призванномъ къ рѣшенію политическихъ вопросовъ, неумѣстны „общеполитическія сужденія“; еще труднѣе объяснить себѣ, какимъ образомъ рѣчь отдѣльнаго лица, говорящаго исключительно отъ своего собственнаго имени, можетъ „идти въ ущербъ достоинству Россіи“. Стѣсненіе свободы слова—плохое средство огражденія національной чести. Всего болѣе достоинство Россіи страдало именно тогда, когда оно охранялось искусственно водворяемымъ молчаніемъ. Едва ли, наконецъ, подобаетъ предсѣдателю насмѣшливый тонъ, звучащій въ словахъ: „политическая дальновидность“.

Когда, въ послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ финляндскому вопросу, совершенно ясной стала твердая рѣшимость большинства Государственнаго Совѣта провести законопроектъ безъ какихъ бы то ни было въ немъ измѣненій, Д. Д. Гримъ воскликнулъ, въ короткой рѣчи: „я вижу, что кромѣ забронированнаго бюджета бываютъ забронированные отъ поправокъ законопроекты“. На этомъ мѣстѣ его пре-

рвалъ председатель. „И бы васъ просить“—сказалъ М. Г. Акимовъ— „о забронированныхъ проектахъ не распространяться. Вы бросаете вызовъ большинству, на что можете получить надлежащій отвѣтъ. Прошу безъ замѣчаній“. Неудивительно, что послѣдствіемъ этого перерыва явился выходъ многихъ членовъ Совѣта изъ залы засѣданій. Болѣе обиднаго отношенія председателя къ оппозиціи, въ лицѣ одного изъ видныхъ ея ораторовъ, нельзя себѣ и представить. Что это за „надлежащій отвѣтъ“, который могъ быть данъ большинствомъ на слова Д. Д. Гримма? И какой „вызовъ“ заключали въ себѣ эти слова? Они были ничѣмъ инымъ, какъ картиннымъ выраженіемъ мысли, велѣдъ затѣмъ повторенной Д. Д. Гриммомъ въ болѣе простой формѣ и не вызвавшей протеста со стороны председателя. „Я заявляю—сказалъ Д. Д. Гриммъ, сходи съ кафедры,—что, въ виду безнадежности обсужденія дальнѣйшихъ поправокъ, я ихъ снимаю“. То же самое, въ другихъ словахъ, высказалъ и Н. С. Таганцевъ, чуждый всякихъ оппозиціонныхъ настроеній. Онъ внесъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими членами Совѣта, поправку къ одному изъ пунктовъ пресловутаго перечня, который совершенно основательно представлялся ему „въ высшей степени неопредѣленнымъ“. „Справедливость изложенныхъ мною соображеній“—заявилъ онъ велѣдъ за инцидентомъ съ Д. Д. Гриммомъ— „остается для меня безусловной и теперь, по, *въ виду тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходитъ обсужденіе законопроекта*, я не считаю нужнымъ поддерживать эту поправку“. Развѣ этимъ заявленіемъ не подтверждена, вполнѣ и безусловно, параллель, проведенная Д. Д. Гриммомъ между забронированнымъ бюджетомъ и забронированнымъ законопроектомъ? Если въ этой параллели есть недостатокъ, то развѣ тотъ, что она слишкомъ благоприятна для законопроекта. Въ самомъ дѣлѣ, бюджетъ забронированъ закономъ, который можно критиковать, но нельзя, пока онъ не отмѣненъ, не исполнять, — а финляндскій законопроектъ былъ забронированъ только предвзятымъ рѣшеніемъ большинства Государственнаго Совѣта.

Что такое рѣшеніе состоялось, что законопроектъ, въ видахъ скорѣйшаго его утвержденія, дѣйствительно былъ забронированъ отъ поправокъ, которыя потребовали бы созыва согласительной комиссіи и, слѣдовательно, отсрочки до осенней сессіи—это стало совершенно ясно еще до перехода къ постановочному обсужденію. Когда въ законопроектѣ, разсматриваемомъ законодательнымъ собраніемъ, обнаруживается пробѣлъ, требующій пополненія, естественнымъ или, лучше сказать, единственнымъ для того средствомъ представляется поправка. Такой пробѣлъ былъ усмотрѣвъ Государственнымъ Совѣтомъ въ статьѣ проекта, предоставляющей Государственной Думѣ передавать на заключеніе финляндскаго сейма тѣ дѣла, которыя не были сообщены ему

совѣтомъ министровъ. Сторонники проекта нашли — и это съ ихъ точки зрѣнія было логично, — что такимъ же правомъ долженъ быть облеченъ и Государственный Совѣтъ. Отсюда, очевидно, вытекала необходимость соотвѣтственной поправки. Большинство предпочло, однако, пойти другимъ путемъ, примѣнимымъ только при совершенно другихъ условіяхъ: путемъ пожеланія, понятнымъ лишь тогда, когда цѣль можетъ быть достигнута только изданіемъ особаго закона. На это было указано двумя членами Государственнаго Совѣта (кн. А. Д. Оболенскимъ и С. С. Манухинымъ). Возражая имъ отъ имени большинства комиссіи, П. Н. Дурново прямо сослался на спѣшность проекта, принятіе котораго могло бы быть замедлено поправкой. Съ этого момента для сомнѣній относительно намѣреній большинства не оставалось больше мѣста — и Д. Д. Grimmъ ограничился тѣмъ, что подчеркнул лишній разъ для всѣхъ ясный фактъ.

Въ печати, даже нерасположенной къ финляндскому законопроекту, неоднократно раздавалась хвала Государственному Совѣту за безупречную форму преній, за спокойствіе и достоинство, съ которымъ они были ведены и приведены къ заранѣе намѣченному концу. Не лишними основанія такіе отзывы могутъ казаться лишь до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о сравненіи Государственнаго Совѣта съ Государственной Думой. Большинство Думы, спѣша исполнить заданную ему задачу, забыло о парламентскихъ приличіяхъ, забыло о правахъ меньшинства и обратило глубоко важное дѣло въ какое-то плохо поставленное и еще хуже исполненное театральное „дѣйство“. Присматриваясь поближе къ обсужденію финляндскаго законопроекта въ Государственномъ Совѣтѣ, нельзя не замѣтить, однако, что и оно страдало тѣми же недостатками, только прикрытыми внѣшнею сдержанностью и привычкою къ самообладанію. Что въ практикѣ всѣхъ вообще законодательныхъ собраній конечный результатъ преній, на сколько онъ касается самой сути разсматриваемаго вопроса, часто бываетъ заранѣе предопредѣленъ — это бесспорно: но это еще не значитъ, что заранѣе же осуждены на неудачу всѣ попытки частичныхъ улучшеній, хотя бы онѣ исходили отъ сторонниковъ законопроекта, отъ членовъ большинства собранія. Совершенно несомнѣнной съ призваніемъ законодательнаго учрежденія является рѣшимость принять проектъ со всѣми его пробѣлами и недостатками, лишь бы только покончить съ нимъ къ данному сроку. Что финляндскій законопроектъ страдалъ серьезнѣйшими дефектами, что нѣкоторые изъ нихъ, для всѣхъ очевидные, могли быть устранены или смягчены безъ отступленія отъ его основной мысли — это не подлежитъ никакому сомнѣнію: и если онъ принять Госуд. Совѣтомъ en bloc, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ Госуд. Думы — т. е.

въ видѣ еще худшемъ, чѣмъ первоначальный, — то мы не видимъ причины ставить верхнюю палату, въ этомъ фазисѣ ея дѣятельности, выше нижней. И ради чего обѣ палаты такъ торопились съ проведеніемъ реформы? Что мѣшало имъ подождать до осени, когда онѣ имѣли бы передъ собою цѣлую сессию, а не нѣсколько недѣль или дней? Въ чемъ заключалась та опасность промедленія (*periculum in mora*), которая одна только можетъ оправдать или, по крайней мѣрѣ, извинить законодательствованіе съ быстротою курьерскаго поѣзда?

„Если существуютъ длинные періоды для обдумыванія, то существуютъ историческія минуты для рѣшенія“. Такъ закончилъ предсѣдатель совѣта министровъ рѣчь, сказанную имъ въ Государственномъ Совѣтѣ во время общихъ преній по финляндскому законопроекту. Да, бываютъ историческія минуты, когда необходимо рѣшеніе — рѣшеніе безотлагательное, немедленное. Наступаютъ онѣ тогда, когда на картѣ стоитъ будущность государства или народа, когда голосъ жизни не оставляетъ мѣста для сомнѣній и колебаній. Такую минуту, на примѣръ, пережила Россія 17-го октября 1905-го года или еще раньше, наканунѣ 19-го февраля. Но что же заставляло спѣшить съ установленіемъ общеперскаго законодательства? Развѣ были исчерпаны всѣ болѣе мирныя, болѣе нормальныя пути, ведущіе къ той же цѣли? Развѣ было испытано, безъ успѣха, соглашеніе съ финляндскимъ сеймомъ, на почвѣ несомнѣнно принадлежащаго ему права? И развѣ можетъ считаться *рѣшеніемъ* законъ декларативнаго характера, только готовящій, но не производящій перемѣну въ содержаніи финляндскаго законодательства? „Историческую минуту“ нельзя, притомъ, понимать буквально: она измѣряется не днями, а мѣсяцами, иногда годами. П. А. Столыпинъ убѣждалъ Государственный Совѣтъ доказать, что „дарованныя Государемъ Россіи новыя законодательныя учрежденія считаютъ своимъ долгомъ свято охранять *принадлежащее всему государству*“. Какъ бы велика ни была готовность Государственнаго Совѣта послѣдовать этому призыву, она не освобождала его отъ обязанности тщательно разобраться въ томъ, что же именно, въ области отношеній между имперіей и великимъ княжествомъ, „принадлежитъ всему государству“? Эту обязанность Государственный Совѣтъ не исполнилъ, отклонивъ, *de facto*, повѣрку демаркаціонной черты между мѣстными и общими дѣлами — черты, проведенной совершенно произвольно, ко вреду Финляндіи и безъ всякой пользы для имперіи.

Finis Finlandiae! — воскликнулъ, торжествуя и ликуя, одинъ изъ наиболѣе безцеремонныхъ глашатаевъ повоявленнаго русскаго націонализма, когда финляндскій законопроектъ получилъ одобреніе Государственной Думы. Предсѣдатель совѣта министровъ не сулитъ Финляндіи

такой участи: онъ говоритъ о „сохраненіи полнаго уваженія къ финляндской автономіи, къ финляндскимъ привилегіямъ“. Воскличанію г. Пуришкевича нельзя, однако, отказать въ одномъ достоинствѣ: оно вѣрно выражаетъ собою намѣреніе и цѣль законопроекта. Другое дѣло—если разсматривать его какъ пророчество. Прошедшее Финляндіи ручается за ея будущее. Народъ, въ короткое время создавшій высокую культуру, перенесетъ предстоящія ему испытанія, какъ бы они ни были тяжелы и продолжительны. Сохранить свои особенности и страна, которую онъ населяетъ. Если не оправдались слова Костюшки, если Польша, переставъ быть государствомъ, не перестала быть національнымъ цѣлымъ, если единству польской мысли и польскаго чувства не мѣшало и не мѣшаетъ включеніе поляковъ въ составъ трехъ имперій, то еще меньше основаній ожидать „конца Финляндіи“. Пускай о немъ мечтаютъ слѣпыя поклонники минутнаго успѣха; русскому народу, сила котораго не зависитъ отъ чужой слабости, „конецъ Финляндіи“ не нуженъ.

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА

— *Игорь Грабарь*, Исторія русскаго искусства. Москва. Выпускъ первый.

Такъ мало у насъ хорошихъ книгъ по искусству вообще, что всякое, даже небольшое изслѣдованіе въ этой области обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто глядитъ на искусство, какъ тюремный сидѣлецъ на далекое золотое солнце. Вполнѣ понятно, какой глубокой интересъ должно вызвать появленіе перваго выпуска восьмитомнаго труда, посвященнаго исторіи русскаго искусства. Вѣдь у насъ до сихъ поръ не было исторіи не только русскаго искусства, но и отдѣльных его моментовъ, представленныхъ въ связи другъ съ другомъ. То немногое, что большая публика знаетъ о русскомъ искусствѣ изъ рѣдкихъ у насъ монографій и отдѣльных журнальныхъ статей, по большей части случайныхъ и неполныхъ, ничтожно по сравненію съ коллективнымъ трудомъ, охватывающимъ все развитіе русскаго искусства, съ самаго зарожденія его самобытности до нашихъ временъ. Планъ этого изданія, задуманнаго художникомъ Игоремъ Грабаремъ, вполнѣ разработанъ въ основныхъ частяхъ: сорокъ выпусковъ образуютъ восемь томовъ, изъ которыхъ три первыхъ по-

свящаются исторіи архитектуры, три слѣдующихъ—исторіи живописи, седьмой—исторіи скульптуры, восьмой и послѣдній—исторіи декоративнаго и прикладнаго искусства.

Вышедшій въ свѣтъ первый выпускъ почти весь посвященъ „Введенію въ исторію русскаго искусства“, написанному Игоремъ Грабаремъ и указывающему на серьезность предпринятаго дѣла. Тѣ немногія данныя, на которыхъ основывался у насъ взглядъ на памятники русскаго искусства, подлежали тщательной повѣркѣ. И когда эта трудная и кропотливая работа была сдѣлана, то многое, въ особенности въ области стараго искусства, оказалось въ концѣ переобъединеннымъ. Традиціонныя, часто очень фантастическія взгляды на тотъ или другой памятникъ художественной старины должны были уступить мѣсто новымъ выводамъ, покоящимся не на вѣрѣ въ преданіе и основаннымъ не на павиныхъ измышленіяхъ досужныхъ любителей. Тщательныя архивныя изысканія и не любительскій, а серьезный научный методъ изслѣдованія памятниковъ русской старины привели Грабаря къ цѣннымъ открытіямъ и къ заключеніямъ, продиктованнымъ не только настойчивой пытливостью, но и талантливымъ пониманіемъ культурнаго и умнаго художника. „Вдохновеніе нужно въ геометріи какъ и въ поэзіи“—говоритъ Пушкинъ. Даже и въ такой, казалось бы, сухой области, какъ архивная работа или обмѣръ колоннъ стараго зданія, необходимо интуитивное прозрѣніе. А оно можетъ быть на лицо лишь тогда, когда у работника есть любовь къ своему дѣлу. Тогда и работа для него уже не работа, а счастье, и трудъ его приводитъ къ счастливому синтезу.

„Было ли когда-либо и есть ли теперь въ Россіи великое искусство?—спрашиваетъ Грабарь.—Были ли созданы здѣсь художественныя сокровища, если и не такого масштаба, какъ храмы и статуи античнаго міра, то все же цѣнности, могущія имѣть не мѣстный, русскій интересъ, не только провинціальныя отголоски великихъ европейскихъ мыслей и чувствъ, но и подлинно великія творенія, достойныя занять видное мѣсто во всемірной сокровищницѣ искусствъ? Было ли и есть ли въ Россіи такое искусство?.. На вопросъ, есть ли сейчасъ, на зарѣ XX-го вѣка, въ Россіи великое искусство, отвѣтить никто не можетъ и отвѣчать никто не въ правѣ, ибо судить объ этомъ не намъ, современникамъ. Опытъ недавняго прошлаго, рядъ грубыхъ ошибокъ и смѣшныхъ по своей нецѣлостности приговоровъ, еще такъ недавно сдѣланныхъ европейской художественной критикой по цѣлому ряду вопросовъ современности, заставляетъ относиться съ величайшей осторожностью къ сужденіямъ обо всемъ, что намъ слишкомъ близко и въ чемъ мы сами живемъ и участвуемъ. На вопросъ, было ли въ Россіи великое искусство, мы въ правѣ безъ малѣйшаго

колебанія отвѣтить: да, оно было. Россія въ своемъ прошломъ имѣетъ такихъ блестящихъ мастеровъ, такихъ по истинѣ великихъ зодчихъ, живописцевъ, скульпторовъ и декораторовъ, что имена ихъ она съ гордостью можетъ противопоставить именамъ многихъ мастеровъ запада“.

Къ числу наиболѣе оригинальныхъ выводовъ Грабаря принадлежитъ утвержденіе, что русскій народъ обладаетъ исключительной архитектурной одаренностью, проявляющейся на протяженіи всей русской исторіи и выражающейся въ чуткѣ пропорцій, въ пониманіи силуэта, въ декоративномъ инстинктѣ и въ изобрѣтательности формъ. „Еслибы — говоритъ Грабарь — у кого-нибудь могло возникнуть сомнѣніе насчетъ возможности приписывать эти свойства народу, среди котораго работало такъ много иностранцевъ, то достаточно указать на русскій сѣверъ, съ его деревяннымъ зодчествомъ, созданнымъ исключительно русскими мастерами. Самобытность его формъ не можетъ вызывать никакихъ сомнѣній“. Что касается, въ частности, иностранцевъ, то здѣсь такія крупныя въ исторіи русской архитектуры величины, какъ напримѣръ Растрелли-сынъ, Фельтенъ, Росси, Бове, Жиларди, не должны разсматриваться какъ иностранцы: вѣдь не считаются же иностранцами Фонвизинъ, Герценъ, Фетъ, Чайковскій, Кипренскій, Ге, Левиташъ. И это потому, что творчество ихъ подлинно русское. „Если французъ Жанъ Булонъ, переѣхавъ въ Италію, становится чистокровнымъ итальянцемъ Джованни да-Болонья и принадлежитъ безусловно Италіи, а не Франціи, какъ итальянецъ Росетти — Англии, или нѣмцы Буль и Ризенеръ — Франціи, то съ тѣмъ болѣе правомъ Россія можетъ и должна считать въ числѣ лучшихъ своихъ сыновъ тѣхъ византійскихъ и итальянскихъ мастеровъ, которые наѣзжали въ нее какъ на зарѣ русскаго искусства, такъ и въ эпоху его расцвѣта. Еще съ болѣе правомъ принадлежатъ Россіи тѣ художники, которые, нося нерусскія имена, не только родились уже въ Россіи отъ выписанныхъ изъ-за моря отцовъ, но и выросли въ ней, воспитались на произведеніяхъ русскаго искусства и ѣздили въ чужіе края только для довершенія своего образованія, какъ ѣздятъ пенсіонеры всякой академіи художеств“.

Со временъ знаменитаго французскаго архитектора и историка Виоле-ле-Дюка установилось мнѣніе, что церковь Рождества Богородицы на Путинкахъ, противъ Страстнаго монастыря въ Москвѣ (XVII в.), является однимъ изъ лучшихъ образцовъ самобытнаго русскаго стиля. Не соглашаясь съ этимъ взглядомъ, Грабарь очень краснорѣчиво и убѣдительно указываетъ съ одной стороны на самобытность величаваго и суроваго зодчества Новгорода и Пскова, на храмы Владиміро-Суздальской Руси и на деревянное зодчество, съ другой стороны—

на позднѣйшую, не менѣе самобытную архитектуру, хотя бы, напри- мѣръ, на Казакова или Дементія Жиларди въ Москвѣ и Воронихина или Захарова въ Петербургѣ (Александровскій классицизмъ). Якобы русскій стиль архитектора Тона (строители храма Христа Спасителя) и пресловутый „пѣтушковскій“ стиль Ропета-Стасова также получаютъ у Грабара должную оцѣнку. Вообще часть введенія, касающаяся рус- ской архитектуры, написана съ большою убѣдительною и заста- вляетъ съ интересомъ ждать выхода въ свѣтъ выпусковъ, подтвер- ждающихъ и подробно иллюстрирующихъ интересныя положенія, вы- сказанныя авторомъ въ его введеніи лишь вскользь.

Исторія русской живописи, скульптуры, декоративнаго и приклад- ного искусства даетъ автору гораздо меньше данныхъ для новыхъ словъ, чѣмъ исторія русской архитектуры. Но и здѣсь наталкиваешься на цѣпины замѣчанія и своеобразные выводы. Подходи къ нашимъ днямъ, авторъ дѣлается въ своихъ сужденіяхъ, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ и лаконичнымъ. Однако надо помнить, что передъ нами лишь введеніе, и требовать здѣсь отъ автора всесторонняго осиѣще- нія предмета было бы несправедливо.

Заканчивая главу о русской живописи упоминаемъ о многочи- сленныхъ и разнообразныхъ, борющихся другъ съ другомъ направле- нійхъ, Грабарь останавливается на вопросѣ: гдѣ же истина? кто правъ и кто неправъ? „Пли все искусство есть только безпорядочная бѣ- шеная скачка, гдѣ гибнуть отсталые, которыхъ неизбежно растоп- чутъ мчащіеся впереди. Но чѣмъ инымъ можетъ быть искусство, когда сама жизнь часто похожа на такую скачку? Однако не каждый разъ, когда топчутъ человѣка, онъ умираетъ, и не всегда, когда онъ умираетъ, умираетъ и все имъ содѣянное. Придутъ иныя времена—и то, что растоптано въ пылу страстей, оживетъ вновь, если въ немъ когда-либо теплилась искра. Въ искусствѣ нѣтъ ни правыхъ, ни ви- новныхъ, а есть лишь сильные и слабые, есть одаренные и недаро- витые, и неправый гений обладаетъ волшебной властью убѣждать насъ въ своей правотѣ, тогда какъ никто не вѣритъ въ правоту безталан- наго, хотя бы онъ тысячу разъ былъ правъ“.

Конечно, объективной правотѣ въ искусствѣ дѣлать нечего. Не- сомнѣнно, что къ искусству примѣнимы лишь категоріи силы и сла- бости. Но авторъ напрасно говоритъ здѣсь о недаровитыхъ и безта- ланныхъ. Вѣдь они внѣ искусства. Никакое, даже мимолетное про- явленіе художникомъ своей силы въ области искусства немыслимо безъ дара, безъ таланта. Что касается терминовъ силы и слабости, то ихъ хотѣлось бы понимать какъ большую силу и силу же, но меньшую. Слабость въ смыслѣ отсутствія силы—опять-таки терминъ, къ искусству непримѣнимый. Только сила, сила творца, творческая

энергія вводитъ въ кругъ искусства. Тамъ, гдѣ нѣтъ ея—нѣтъ искусства, ибо искусство есть прежде всего творчество. Измѣреніе степени напряженія этой энергіи есть дѣло историка искусства. И такъ бы хотѣлось видѣть этотъ методъ художественной критики примѣненнымъ къ раскрытію преемственной связи между отдѣльными произведеніями русскаго искусства.

Какъ бы то ни было, „Введение“ Грабаря обѣщаетъ многое, а по увѣренности автора въ значительности предпринятаго труда чувствуется, что и выполнено будетъ многое. Русское искусство ждетъ оцѣнки, достойной его величія.

Конст. Эрбергъ.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

Андрей Бѣлый задумалъ трилогію: „Востокъ и Западъ“. Хотя пока мы имѣемъ только первую часть ея—повѣсть „Серебряный Голубь“,—но и по этой части можно уже довольно ясно представить себѣ кругъ идей, на которомъ сосредоточилось вниманіе московскаго символиста. Въ сущности, это — давно знакомыя славянофильскія построенія, за послѣднее время воскрешенныя и слегка видоизмѣненныя нѣкоторыми изъ нашихъ модернистовъ.

Два взаимно противоположныхъ міра, два культурно-историческихъ типа, Востокъ и Западъ, столкнулись на почвѣ русской жизни и раскололи русскій національный организмъ на два враждебныхъ лагеря—интеллигенцію и массу. Этотъ расколъ обусловливаетъ глубокую болѣзнь и въ сознаніи отдѣльныхъ личностей, и въ жизни всего народа, болѣзнь настолько серьезную, что намъ грозитъ погибель, если мы не сумѣемъ найти синтеза обуревающихъ насъ противоположностей, если не воссоздадимъ всенароднаго культурнаго единства. У различныхъ нашихъ мыслителей эта общая идея прилагалась къ различнымъ сторонамъ дѣйствительности, облекалась въ различныя формы. У Андрея Бѣлаго она развѣртывается въ рядъ символическихъ образовъ.

Гдѣ-то въ центральной Россіи стоятъ село Цѣлебѣево и усадьба Гуголево. Село лежитъ къ *востоку* отъ усадьбы, усадьба—къ *западу* отъ села. Въ селѣ жизнь пьяная, грязная, безобразная. Усадьбою владѣютъ бароны Тоодрабе-Граабены, маниаки чистоплотности и по-

рядка. Зато въ селѣ, среди видимаго хаоса, кинуть въ глубинѣ великая творческая сила, которая мучительно ищетъ для себя воплощенія, а почти все связанное съ усадьбою люди, подъ покровомъ вишняго изищества, благообразія и устоявшихся формъ, несутъ непереносимую пустоту и смерть. Последний баронъ Тоодрабе-Граабенъ—острякъ, тонкій юристъ, холодный скептикъ до мозга костей, въ сущности совсѣмъ мертвый человѣкъ. Это, по терминологіи Андрея Вѣлаго—„западникъ“. А деревня выдвигаетъ столяра Кудеярова, носителя таинственной мистической силы, основателя изступленной секты „голубей“, сильно смахивающей на хлыстовщину. Итакъ — на западѣ безсодержательныя формы, на востокѣ — безформенное содержаніе; на западѣ голая логика, на востокѣ—безпорядочная мистика; на западѣ невозмутимый покой смерти, на востокѣ — ужасъ стихійныхъ бореній и проваловъ. И вотъ задача: дать хаотическимъ, но богатымъ и жизненнымъ силамъ „востока“ воплощеніе, законченность формъ „запада“, но такъ, чтобы форма не убила жизненности. Или наоборотъ: оплодотворить стройныя, но мертвыя формы „запада“ жизненной силой „востока“, но такъ, чтобы буйная стихія не разметала въ слѣпой мощи своей этихъ формъ.

Передъ нами типичный дуализмъ, стремящійся къ монизму. Явленіе не новое въ исторіи человѣчества и всегда находившее свое разрѣшеніе въ ученіи о нѣкоемъ посредникѣ, сопригающемъ и примиряющемъ въ себѣ оба враждующіе міра. Обыкновенно такой посредникъ кончаетъ свою земную миссію злой погибелю, но вмѣстѣ съ нимъ гибнетъ и старая вражда—и міръ, очищенный, просвѣтленный и замиренный, вступаетъ въ новую фазу своего развитія.

И у Андрея Вѣлаго намѣчается фигура такого посредника. Дарьяльскій взялся неизвѣстно откуда, во всякомъ случаѣ не изъ усадьбы и не изъ деревни. Онъ — красавецъ, поэтъ символическаго толка, съ юныхъ лѣтъ рвущійся къ какимъ-то явно символическимъ зорямъ. Онъ—носитель какой-то силы, одинаково нужной и усадьбѣ, и деревнѣ; въ немъ есть задатки, позволяющіе ему одинаково легко податься и въ сторону „востока“, и въ сторону „запада“. У него на устахъ постоянно стихи Теоокрита и Марціала, но онъ ходитъ въ красной рубахѣ и смазныхъ сапогахъ, „общается съ народомъ“ въ чайныхъ, пивныхъ и кабакахъ, способенъ напиваться сивухой до того, что ему на слѣдующій день уже не до Теоокритовъ и Марціаловъ. И въ то же время, стоитъ ему переодѣться въ шиджакъ да крахмаленное бѣлье, какъ у него сразу такой барственный видъ проявляется, что самый дерзкій мужиченко, только что видѣвшій его въ непристойнѣйшемъ видѣ, невольно ломаетъ передъ нимъ шапку и робѣетъ.

Таковъ если не Зигфридъ, то, по меньшей мѣрѣ, отецъ Зигфрида

въ повѣсти Андрея Бѣлаго. Стоя на самомъ гребнѣ перевала между двумя мірами, чувствуя сродство свое съ обоими, Дарьяльскій тянется и въ ту, и въ другую сторону, но чувствуетъ, что въ какую бы сторону ни спустился онъ, удовлетворенія все равно не найдетъ. Повидимому, ему, какъ герою, поставлена сверхчеловѣческая задача: не спускаться ни на востокъ, ни на западъ, а мощнымъ усиліемъ поднять оба міра на свою воздушную высоту, сочетать ихъ въ творческомъ объятіи и породить міръ новый.

Но пока этого не случается. Пока оба міра манятъ его каждый къ себѣ, внизъ. Въ усадьбѣ расцвѣла нѣжная, изящная красавица Катя; въ деревнѣ чудными глазами сверкаетъ рябая, безбровая Матрена съ отвисшимъ животомъ и грязными пятками. Два года добивается Дарьяльскій взаимности Кати, и наконецъ она вводитъ его въ баронскую усадьбу, какъ своего нареченнаго. Но черезъ два дня послѣ обрученія встрѣчаетъ онъ въ деревнѣ рябую, безбровую бабу, — и ужъ ему кажется, что въ своихъ мистическихъ зоряхъ онъ видѣлъ не Катино лицо, а Матренино. Онъ покидаетъ Катю, идетъ къ Матренѣ, постукаетъ въ подмастерья къ столяру-голубю Кудеярову, у котораго живетъ Матрена, подчиняется хлыстовской голубиной вѣрѣ Кудеяровской, неистовствуетъ въ голубиныхъ радѣніяхъ. Кудеярову нужна любовь Дарьяльскаго съ Матреной: отъ этой любви онъ чаеетъ рожденія „духовнаго младенца“, на которомъ утвердится новая голубиная вѣра, побѣдитъ всѣхъ враговъ своихъ и спасетъ весь народъ русскій. Неясно, что это за младенецъ долженъ быть: пастоящій ли младенецъ, или нѣкая спиритическая матеріализація, ибо, какъ кажется, Кудеяровъ пользуется Матреной и Дарьяльскимъ какъ медиумами. Во всякомъ случаѣ, довольно быстро выясняется, что Кудеяровъ обманулся: изъ связи Матрены и Дарьяльскаго выходитъ не то, на что онъ надѣялся. Самъ Кудеяровъ объясняетъ это тѣмъ, что у Дарьяльскаго „силы мало“; авторъ даетъ понять, что сила Дарьяльскаго иного тембра, не кудеяровскаго, и должна привести къ творчеству особаго порядка. Какъ бы тамъ ни было, а спускъ Дарьяльскаго на „востокъ“ кончается крушеніемъ: имъ „востокъ“ недоволенъ, да и самъ онъ начинаетъ понимать, что на „востокѣ“ имѣется смѣсь „иконописи со свинописью“. И вырастаетъ въ Дарьяльскомъ стремленіе порвать съ Матреной, т.-е. съ востокомъ, и вернуться къ Катѣ, т.-е. на западъ. Но востокъ слишкомъ передъ нимъ разоблачился, чтобы выпустить его невозбранно во вражій станъ. „Голуби“ убиваютъ Дарьяльскаго. На этомъ кончается первая часть трилогіи Андрея Бѣлаго.

Столяръ Кудеяровъ былъ, пожалуй, правъ, усумнившись, въ концѣ концовъ, въ „силѣ“ Дарьяльскаго. Герой Андрея Бѣлаго въ самомъ

дѣлѣ далека отъ той внутренней цѣльности натуры, которая одна только создаетъ героя. Подъ цѣлностью я въ данномъ случаѣ отнюдь не понимаю нѣкоторой односторонности, т. е. мощнаго развитія однихъ сторонъ человѣческой личности въ ущербъ другимъ. Пусть будетъ человекъ обуреваемъ самыми противоположными стремленіями, но пусть все они органически вырастаютъ изъ его индивидуальности, а не являются чѣмъ-то извнѣ пришедшимъ. Пусть въ трагическихъ противорѣчіяхъ проявляется его „я“, а не прячется подъ навѣянными со стороны метаніями. А относительно Дарьяльскаго авторъ не разъ проговаривается и придаетъ ему именно такіи черточки, которыя ближе именно къ растерянному метанію, чѣмъ къ истинному трагизму.

Въ душѣ у Дарьяльскаго была „вѣчная тяжесть“, и онъ то спасался отъ нея въ мечты о „солнечномъ бытѣ давно минувшихъ лѣтъ блаженной Греціи“, то „быть простонародный русскій вызывалъ *на поверхности его души* картины блаженной жизни райской“. Эти двѣ привычныя мечты причудливо переплелись въ душѣ Дарьяльскаго, и „въ понятяхъ православнаго мужичка видѣлъ онъ новый свѣточъ въ міръ грядущаго грека“. Это же сопряженіе античнаго грека съ російскимъ мужикомъ должно символизировать и поведеніе самого Дарьяльскаго—его смазные сапоги и Θεοκριτή, крѣпкія словечки изъ полпивной и мудрствованія о Вилламовицѣ-Меллендорфѣ. Однако, какъ ни гнетъ Андрей Вѣлый тутъ на нѣкоторое органическое сліяніе столь противоположныхъ элементовъ въ одной индивидуальности, а все же передъ читателемъ вырастаетъ образъ человека, который, въ сущности, „ломается“, хотя Дарьяльскій, по словамъ автора, „видитъ Богъ, не ломался; онъ *думалъ*, что работалъ надъ собой“. Но вѣдь думать, что дѣлаешь что-то, и дѣлать на самомъ дѣлѣ — двѣ вещи совсѣмъ различныя.

Много справедливаго говорятъ Петру Дарьяльскому тѣ трезвые люди, съ которыми онъ сталкивается. Примѣняетъ, наприимѣръ, Петръ, къ антитезѣ востока и запада тютчевскую идею: „мысль изреченная есть ложь“, и рассуждаетъ такъ: на западѣ „свои выплескиваютъ наружу слова, въ книги, во всякую премудрость и науку; оттого-то вотъ тамъ и сказуемыя слова, и сказанный складъ жизни: вотъ что такое западъ. И не то въ Россіи: полевые люди, лѣсные, въ слова не радятся, и складомъ жизни не радуютъ взора; слово ихъ что ни есть сквернословіе; жизни складъ пьяный, брагчливый; перяшество, голодь, нѣмота, тьма. А ты и смекай: духовное вино на столѣ-то передъ каждымъ, и каждый словъ несказанныхъ и чувствъ несказуемыхъ то виццо про себя выпиваетъ“...

По поводу этихъ дионисическихъ молчаній и внѣшнему неблагообразію, скептической баронъ Тоодрабе-Граабенъ замѣчаетъ Дарьяльскому:

— Вы, молодой человѣкъ, не только чудакъ, но вы вдобавокъ еще и косноязычный чудакъ... Говорять о чреватомъ молчаніи, потому что не умѣютъ членораздѣльно выразаться...

— Неправда! Неправда! — беспомощно восклицаетъ Дарьяльскій.

— Къ сожалѣнію правда, — возражаетъ безпощадный баронъ: — вотъ вы, молодой человѣкъ, повидимому, принадлежите къ интеллигенціи, а посмотришь на васъ — мужикъ мужикомъ: это потому, что подлинная культура вамъ не подъ силу; оттого вы и *чудаците*...

Столь же убійственныя вещи говоритъ хлыстовствующему символисту сельскій дьячокъ. Когда Дарьяльскій, въ порывѣ внушеннаго ему Кудеяровымъ экстаза, вѣщаетъ о славѣ Божіей, въ хмѣльномъ плясѣ являемой, дьячокъ ему замѣчаетъ не въ бровь, а прямо въ глазъ:

— Христосъ съ вами, Петръ Петровичъ! Какая тамъ слава Божія! Этакъ всякій пьяница, гласящій изъ кабака — глашатай: такъ вѣдь это бываетъ у хлыстовъ, ни у кого иного; срамное веселіе свое почитаютъ за духовное озаренье...

Какъ ни „чудачить“ Петръ, а слова дьячка и барона на него дѣйствуютъ: ловить онъ себя на томъ, что уличаетъ его въ безуміи внутренней голосъ и что голосъ этотъ — подлинный голосъ его души. Но тутъ же увертывается Петръ за соображеніе, „что тотъ, поймавшій его голосъ, есть голосъ искушающаго его бѣса“.

Черезъ минуту „бѣсъ“ снова принимаетъ обликъ барона и говоритъ ему разсудительно:

— Вы — человѣкъ запада; ну, чего это пялите на себя рубашку? Вернитесь обратно!

— Отыди отъ меня, Сатана, — бунтуетъ Дарьяльскій, — я иду на востокъ!

Впрочемъ всѣ эти отбрыкиванья Петра Петровича кончаются все-таки тѣмъ, что онъ начинаетъ понимать, въ какую трясину завели его мистическіе экстазы и братанье съ народомъ при помощи кабаковъ и Матрены. „То — ужасъ, петля и яма: не Русь, а какая-то темная бездна востока претъ на Русь изъ этихъ радѣніемъ истонченныхъ тѣлъ... Гуголево на мигъ мелькнуло передъ нимъ, и онъ подумалъ: „чисто тамъ все и непорочно; тамъ хотя нѣтъ тайнаго зова, издалека сладостнаго, а вблизи грязнаго“. „Послѣ радѣній съ тупою болью головы онъ вставалъ, съ тошнотою, съ пресыщеніемъ душевнымъ — и все, что случалось съ нимъ наканунѣ, теперь казалось ему мерзкимъ, стыднымъ и страшнымъ“. И уже „не лѣбой казалась ему Матрена: она ему казалась бабехой грязной, глупой и при томъ чрезчуръ жадной до грубыхъ ласкъ“. Понятно, что послѣ этого Дарьяльскому невозможно было оставаться на „востокѣ“. Непонятно только,

почему мудрый его другъ, астрологъ Шмидтъ, усмотрѣлъ въ походе-
ніяхъ Петра нечто грандіозное, такъ сказать—космическое.

— Вѣрьте мнѣ,—проповѣдуетъ Шмидтъ,—только великія и сильныя
души подвержены такому искусу; только гиганты обрываются такъ,
какъ Петръ...

Въ униссонъ со Шмидтомъ говоритъ и самъ авторъ отъ своего
уже имени: „И этотъ путь для него былъ Россія путемъ—Россія, въ
которой великое началось преображеніе міра, или міра погибель“.

Странно какъ-то слышать такія большія слова по поводу нелѣ-
пныхъ метаній запутавагося, неустойчиваго человѣка. Вопросъ о Во-
стокѣ и Западѣ—великій вопросъ, сложный и захватывающій основныя
проблемы человѣческой культуры. Вопросъ о грядущихъ путяхъ Россіи,
о преображеніи всего ея быта и облика—быть можетъ, самое важное,
что сейчасъ волнуетъ всѣхъ, кто еще не отупѣлъ и не махнулъ рукою
на все. Но нельзя же эти огромныя задачи сводить къ символизму и
хлыстовщицѣ. Пусть необходимо и желанно сближеніе различныхъ слоевъ
нашего народа, пусть въ самомъ дѣлѣ зависитъ отъ этого будущее
нашей страны и нарожденіе той активной силы, которая выведетъ
насъ изъ тьмы обстоящихъ насъ бѣдъ. Но немислимо ждаты осуще-
ствленія этого процесса на почвѣ неврастеническаго сектантства.
Понятно, что дребезжащіе нервы развинченнаго интеллигента могутъ
отозваться на истерическое безуміе „голубинныхъ“ радѣній, съ ихъ по-
ловымъ изступленіемъ и прочими эксцессами. Но надо же понимать,
что истерія, въ какія бы формы она ни отливалась, есть не сила, а
слабость, и мистика, плѣняющая Дарьяльскихъ, есть, конечно, не
„преображеніе“, а „погибель“.

Такимъ образомъ, трилогія Андрея Бѣлаго—по крайней мѣрѣ, въ
первой своей части—стоитъ не очень многого съ точки зрѣнія идейно-
психологическаго содержанія. Она типична, какъ характерный и обли-
чающій продуктъ народническихъ устремленій нашего символизма—
и только. Ни одного вопроса, дѣйствительно волнующаго широкіе
круги людей ищущихъ и жаждущихъ, она не поможетъ не только
разрѣшить, но даже освѣтить.

Но Андрей Бѣлый не желаетъ, чтобы къ искусству подходили съ
точки зрѣнія содержанія. Въ только что вышедшемъ, весьма объеми-
стомъ сборникѣ своихъ теоретическихъ статей („Символизмъ“, изд.
Мусагета), онъ, между прочимъ, весьма гнѣвно обрушивается на всю
нашу критику именно за то, что она, интересуясь содержаніемъ и
пренебрегая формой, систематически портила и портитъ художествен-
ный вкусъ нашей публики, рекламируетъ пошлыя бездарности и за-
малчиваетъ истинныя таланты. Я отнюдь не склоненъ отрицать, что
на душахъ нашихъ критиковъ есть немало серьезныхъ грѣховъ, но

никакъ не могу признать, что критика обязана заниматься исключительно формальнымъ анализомъ произведеній искусства, особенно такого, образчики котораго даетъ самъ Андрей Бѣлый въ той же книгѣ. Подумайте только, что для разбора превосходнаго стихотворенія Пушкина: „Не пой, красавица, при мнѣ“, состоящаго изъ 16 строкъ, Андрею Бѣлому понадобилось цѣлыхъ 32 страницы in-4°, и при томъ онъ исполнилъ только одну четверть поставленной себѣ задачи, а остальные три четверти отложилъ до другого случая. Для полнаго разбора потребовалось бы, слѣдовательно, чуть не по печатному листу на каждую строчку. Какой же читатель выдержалъ бы подобную критику? А между тѣмъ Андрей Бѣлый утверждаетъ, что иначе „о лирическомъ произведеніи нельзя судить никакъ“. Оговорюсь, впрочемъ, что человѣкъ, который интересуется техникой стиха, звуковыми элементами, создающими словесную музыку, такой человѣкъ найдетъ много поучительнаго въ этой статьѣ Андрея Бѣлаго, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ сборника „Символизмъ“. Авторъ обладаетъ несомнѣннымъ и очень тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ и ведетъ свой анализъ съ истинной любовью къ мельчайшимъ деталямъ поэтической работы. Жаль только, что онъ загромождаетъ свое изложеніе неудобоваримыми математическими формулами и излишними схоластическими тонкостями. Другая серія статей, вошедшая въ этотъ сборникъ, посвящена философскимъ, метафизическимъ и даже теософическимъ вопросамъ, связывающимся въ представленіи Андрея Бѣлаго съ поэзіей. Свое сужденіе объ этой части сборника я боюсь высказывать, ибо недостаточно свѣдующъ въ астрологіи, каббалистикѣ и прочихъ оккультныхъ наукахъ, играющихъ весьма существенную роль въ построеніяхъ Андрея Бѣлаго.

Возвращаясь къ „Серебряному Голубю“. Я заговорилъ о теоретическихъ статьяхъ нашего автора только потому, что, усмотрѣвъ изъ нихъ, сколь важное значеніе придаетъ онъ художественной формѣ, я почувствовалъ необходимость обратить серьезное вниманіе на стиль его повѣсти. Я не считаю себя вправѣ отводить моимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ этомъ направленіи, такое мѣсто, какое полагается по программѣ Андрея Бѣлаго, но по мѣрѣ силъ и возможности долженъ всетаки объяснить, почему чтеніе „Серебрянаго Голубя“ вызываетъ крайне непріятное, прямо досадливое чувство у читателя, нелишеннаго нѣкотораго чутья стиля.

Написана вся повѣсть отъ начала до конца манерно, и притомъ въ нѣсколькихъ, совершенно различныхъ манерахъ. То идетъ цѣлыми страницами поддѣлка подъ народный языкъ, то начинается естественная разстановка словъ, которою такъ любитъ щеголять Сологубъ, то авторъ впадаетъ въ юмористическую манеру гоголевскихъ

„Вечеровъ на хуторѣ близъ Дикавки“. Этотъ перебой стилей, ничѣмъ внутренне не мотивированный, дѣйствуетъ неприятно уже самъ по себѣ. Но неудовольствіе читателя еще болѣе увеличивается отъ того обстоятельства, что Андрей Вѣлый ни однимъ изъ этихъ стилей хорошенько не владѣетъ и на каждомъ шагѣ допускаетъ вопіющіе кляксы. Напримѣръ, на страницахъ, написанныхъ „народнымъ“ языкомъ, попадаются такіа пестрянныя ни въ устномъ, ни въ письменномъ творествѣ формы: „пѣсенью“ (вѣроятно, отъ именительнаго падежа „пѣсень“?), „пѣкїяго мужа“, „бабыно лицо“, „бабыны груди“ и т. д. Навязчиво пестритъ рѣчь такими формами, какъ „знамъ“, „дѣламъ“, вмѣсто „знаемъ“, „дѣлаемъ“, и даже „знать“, вмѣсто „знаютъ“. Было бы любопытно узнать, гдѣ услышалъ Андрей Вѣлый послѣднюю форму въ народныхъ устахъ. Какъ бы то ни было, но подобныя ошибки и злоупотребленія создаютъ безвкусицу, претящую своей претенціозностью. Вспоминается тургеневская Дарья Михайловна Ласунская, которая, щеголяя передъ Рудинымъ народными словечками, нещадно перевернула ихъ. Но Рудину, замѣчаетъ Тургеневъ, это вранье не коробило уха, „да и врядъ ли у него было на то ухо“. Беллетристу, столь цѣнящему стиль, какъ Андрей Вѣлый, немного конфузно попадать въ данномъ случаѣ въ одну категорію съ Ласунской и Рудинимъ.

А вотъ образчикъ „гоголевскаго юмора“: „два уже года—пѣтъ, позвольте: когда горѣла коноваловская свинарня? Поди—три уже года, какъ свинарня сгорѣла... Такъ вотъ: три уже года, какъ перешла Ѳекла Матвѣевна въ согласіе Голубя“. Не правда ли, какъ смѣшно и оригинально?

А вотъ фраза „подъ Сологуба“: „Завладѣвая душою Дарьяльскаго, борьба вызвала изъ души земляной глубины рать скрытыхъ силъ“. Что такое „земляная душа“?—спросить съ недоумѣніемъ читатель недогадливый, и не сразу, пожалуй, сообразить, что фразу надо перевернуть примѣрно такъ: „борьба вызвала изъ земляной глубины души рать скрытыхъ силъ“. Впрочемъ, не поручусь, вѣрно ли я понимаю эту фразу. Можно остановиться и передъ вопросомъ, какая собственно особенная красота заключается въ алыхъ глазахъ, о которыхъ повѣствуется въ слѣдующихъ строкахъ: „рябое ея лицо съ глазами темными и алыми, съ чуть дрожащими алыми губами, усмѣхаеся“. Еще затруднительнѣе проникнуть въ смыслъ нижеслѣдующей тирады: „Но ни старушка, ни гусары ея незабвенной памяти, ни любезныя сердцу дубровы съ барышней, болѣе еще ему любезной, не сегодня возбуждали сладкихъ воспоминаній“. Такихъ загадочныхъ мѣстъ въ книгѣ немало. Вотъ, на удачу, еще одно: „онъ видѣлъ небо, его барашки, цвѣтныя избы и точно вырѣзанныя на лугу далекаго попака

фигурку“. Или, быть-можетъ, книга кишить опечатками, и всѣ такія загадки лежать на совѣсти корректора? Но тогда невозможно возлагать на вью читателя двойное бремя—и сологубовскаго стиля, и типографской перяшливости.

И всетаки, всѣхъ стилистическихъ недоразумѣній, щедро разсыпанныхъ въ повѣсти о „Серебряномъ Голубѣ“, невозможно свалить на корректуру. За многіе перлы долженъ несомнѣнно отвѣчать самъ авторъ. Слыхали ли вы, напримѣръ, когда-нибудь, чтобы человекъ вонзался въ выпятившуюся диванную пружину, а не обратно? Между тѣмъ Андрей Бѣлый повѣствуетъ на 32-й страницѣ своей книги именно о такомъ удивительномъ случаѣ, угрожавшемъ „неопытному гостю“. Черезъ шесть страницъ онъ сообщаетъ о не менѣе удивительныхъ людяхъ, которые умудряются „лопать“ сосиски не ртомъ, какъ то свойственно всѣмъ земнороднымъ, а руками. Въ другомъ мѣстѣ узнаемъ, что „изъ-подъ лица глядѣли большіе глаза“—и, замѣтите, глядѣли „увѣренно и спокойно“, не подозрѣвая очевидно того невозможнаго положенія, въ которое ихъ поставилъ авторъ...

Подобными несообразностями книга кишить. Однако въ повѣсти встрѣчаются страницы, которыя показываютъ, что Андрей Бѣлый можетъ писать богатымъ и гибкимъ языкомъ. Тѣмъ менѣе простительно для него впадать въ вычурность и неряшество.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Политическія дѣла въ Пруссіи.—Консервативныя партіи и правительство.—Вопросъ о содержаніи прусской королевской фамиліи.—Дѣло Гелльфельда и его значеніе для Россіи.—Критская автономія и великія державы.—Мѣстный сеймъ въ Босніи и Герцеговинѣ.

Нѣмецкія либеральныя партіи крайне недовольны общимъ положеніемъ дѣлъ въ Пруссіи и не предвидяютъ поворота къ лучшему въ близкомъ будущемъ. Многіе признаки указываютъ на то, что самъ Вильгельмъ II все болѣе проникается чувствомъ солидарности съ реакціоннымъ „чернымъ блокомъ“ и утрачиваетъ съ годами сознаніе необходимаго единенія съ народными массами. Единственный прогрессивный дѣятель въ составѣ правительства, имперскій статсъ-секретарь по дѣламъ колоній, бывшій коммерсантъ и директоръ банка, Бернгардъ Дернабургъ, не могъ сохранить свой постъ при утвердившемся владычествѣ аграріевъ и клерикаловъ; онъ вынужденъ былъ

выйти въ отставку, и съ его уходомъ порвались послѣднія официальные связи съ либералами. Дернбургъ считался воплощеніемъ промышленной инициативы и дѣловитой энергіи среди обычныхъ представителей германской бюрократіи; за четыре года своего управленія онъ преобразовалъ колониальное вѣдомство на новыхъ началахъ и сдѣлалъ очень много для привлеченія капиталовъ и поселенцевъ въ африканскія владѣнія Германіи. Оставленіе Дернбурга на службѣ было въ высшей степени желательно для общихъ интересовъ имперіи, даже по признанію его противниковъ; но интересы имперіи не имѣютъ рѣшающаго значенія, когда дѣло идетъ о соображеніяхъ и интересахъ консервативно-партийныхъ и придворныхъ сферъ.

Мотивы удаленія Дернбурга были понятны для публики, такъ какъ его присутствіе слишкомъ рѣзко нарушало однородный характеръ министерства Бетманца-Гольвега; послѣдовавшія затѣмъ другія правительственныя перемѣны объясняются уже разными закулисными причинами. Статсъ-секретарь по иностранной политикѣ, фонъ-Шенъ, бывшій сотрудникъ князя Бюлова, уступаетъ мѣсто простому дипломатическому чиповнику, исполнительному и усердному Кидерлену-Вехтеру; прусскіе министры внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и финансовъ—фонъ-Мольтке, фонъ-Арнимъ и фонъ-Рейнбабенъ—уволены вѣроятно потому, что не оправдали возлагавшихся на нихъ ожиданій, и вмѣсто нихъ назначены бюрократы изъ аграріевъ—фонъ-Далльвицъ, баронъ Шорлемеръ и фонъ-Ленце. Говорятъ, что фонъ-Далльвицъ и Шорлемеръ пользуются особыми симпатіями Вильгельма II, и, быть можетъ, одному изъ нихъ суждено сдѣлаться преемникомъ Бетманна-Гольвега.

Консервативные и реакціонные элементы несомнѣнно господствуютъ теперь въ Пруссіи, но они вовсе не находятся въ подчиненіи у правительства и далеко не всегда солидарны съ идеями и стремленіями двора. Новый министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Далльвицъ, будучи консервативнымъ депутатомъ въ прусскомъ парламентѣ, въ 1899-мъ году, заодно съ другими аграріями, подавалъ голосъ противъ одного изъ любимыхъ личныхъ проектовъ короля—и это не помѣшало ему впоследствии сдѣлать блестящую политическую карьеру. Нѣмецкіе консерваторы и реакціонеры представляютъ самостоятельную общественную силу; они не ищутъ поддержки у министровъ, а сами предпринимаютъ имъ свои законы; они не доказываютъ своей преданности низкопоклонствомъ и угодничествомъ, а напротивъ, сохраняютъ свободу сужденій и критики относительно высшихъ носителей власти. Въ реакціонной палатѣ депутатовъ принимаются иногда рѣшенія, направленные не только противъ администраціи, но, косвенно, и противъ членовъ царствующей фамиліи. Между прочимъ, въ засѣданіи 8-го іюня группою консерваторовъ внесено и поддержано рѣзко моти-

винованное предложеніе по поводу автомобильной гонки, устраиваемой обыкновенно подъ покровительствомъ и при участіи принца Генриха.

„Непонятно—говорилъ консервативный депутатъ Штроссеръ,—какъ можетъ полиція допускать по улицамъ и шоссеинымъ дорогамъ такія опасныя для публики автомобильныя гонки, какъ гонка принца Генриха. Пусть господа автомобилисты строятъ для себя особыя дороги. Полиція должна исполнять существующія постановленія одинаково относительно всѣхъ и каждаго—а этого мы не видимъ. Народъ не желаетъ, чтобы право на общія дороги принадлежало однимъ автомобилямъ“. Депутатъ центра, фонъ-Эйнаттенъ, указывалъ на возрастающее въ сельскихъ округахъ раздраженіе противъ автомобильныхъ злоупотребленій. „Необходимо заявить здѣсь публично,—продолжалъ онъ— что правительство допускаетъ послабленія только потому, что извѣстныя высокопоставленныя особы состоятъ друзьями и приверженцами автомобильнаго спорта. Если правительство этого не знаетъ, то мы это знаемъ. Мы знаемъ, почему это такъ происходитъ, что всѣ наши рѣчи здѣсь бесполезны. Но мы еще имѣемъ здѣсь точку опоры, и мы будемъ охранять наше населеніе. Нашъ народъ не долженъ придти къ убѣжденію, что мы не живемъ въ правовомъ государствѣ“. Любопытно, что національ-либералы считали нужнымъ заступиться за автомобилистовъ. Они ссылались на то, что любители автомобильнаго спорта—большею частью порядочные люди, которые не стануть завѣдомо поступать несправедливо или жестоко; они напоминали также о частыхъ нападеніяхъ и покушеніяхъ мѣстныхъ жителей противъ автомобилистовъ. Лѣвые относились къ вопросу индифферентно, и предложеніе объ ограничительныхъ мѣрахъ противъ излишествъ автомобильнаго спорта принято большинствомъ голосовъ центра и консерваторовъ,—такъ что отнынѣ высокопоставленныя особы, въ родѣ принца Генриха Прусскаго, не могутъ уже пользоваться привилегіей быстроты въ ѣздѣ на автомобиляхъ.

Независимый духъ консервативнаго прусскаго парламента выразился особенно замѣтно при обсужденіи внесеннаго правительствомъ законопроекта объ увеличеніи средствъ на содержаніе королевскаго двора. Съ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія всѣ коронныя домены и лѣса уступлены гоударству, съ тѣмъ, что послѣднее уплачиваетъ на содержаніе королевской фамиліи и королевскаго двора, а также всѣхъ принцевъ, съ ихъ придворными штатами, опредѣленную ежегодную ренту, которая первоначально (съ 1820 до 1859 г.) составляла 2½ мил. талеровъ и, постепенно возвышаясь, дошла въ настоящее время (съ 1889 г.) до 15.719.296 марокъ. Такъ какъ доходы съ коронныхъ земель и лѣсовъ значительно превышаютъ эту цифру и сверхъ того имѣютъ естественную наклонность къ постоянному

возрастанію, то уплата указанной ренты не ложится бременемъ на государственное казначейство и не причиняетъ никакого уцѣрба плательщикамъ налоговъ. Правительственный законопроектъ предлагаетъ назначить дополнительную ежегодную ренту въ два милліона марокъ, въ виду общаго увеличенія расходовъ и цѣнъ, повышенія окладовъ жалованья придворнымъ чинамъ и назначенія нужныхъ суммъ на содержаніе женатыхъ и неженатыхъ принцевъ королевскаго дома, число которыхъ увеличилось съ 1889-го года болѣе чѣмъ вдвое. Въмѣстѣ съ тѣмъ законопроектъ требуетъ назначенія субсидій въ 1½ милліона марокъ изъ общихъ государственныхъ средствъ для покрытія ежегодныхъ затратъ коронаго фонда на содержаніе королевскихъ театровъ въ Берлинѣ, Ганноверѣ, Касселѣ и Висбаденѣ.

Нельзя отрицать, что приведенныя цифры прусскаго придворнаго бюджета отличаются своею скромностію и что вповъ предъявленныя требованія мотивированы вполнѣ добросовѣстно и обстоятельно. Семнадцать милліоновъ марокъ или восемь милліоновъ рублей на всю королевскую фамилію и на все придворное вѣдомство—это, конечно, немного при той роли, которую играютъ Гогенцоллерны въ политической и общественной жизни Пруссіи. Можно было думать, что консервативное большинство палаты депутатовъ воспользуется случаемъ для проявленія своихъ монархическихъ чувствъ и приметъ законопроектъ безъ передачи его въ бюджетную комиссію. Консерваторы и центръ дѣйствительно призывали излишнимъ передавать проектъ на разсмотрѣніе комиссіи и заранѣе высказались за припятіе его; но національ-либералы находили, что комиссіонное обсужденіе необходимо для устраненія всякихъ сомнѣній о томъ, возможно ли уменьшить предложенныя цифры или нѣтъ. Представители свободомыслящихъ заявляли, что часть партіи относится къ законопроекту отрицательно или, по крайпей мѣрѣ, скептически. Рѣшительно противъ него возстали одни соціаль-демократы, которые при своей малочисленности въ палатѣ депутатовъ (ихъ всего шесть человекъ) громко поднимаютъ свой голосъ и умѣютъ заставить себя слушать по всѣмъ щекотливымъ и важнымъ вопросамъ текущей политики. Одинъ социалистъ Гофманъ, своею рѣчью и вызванными ею преніями, занялъ почти все засѣданіе 7-го іюня; онъ пытался придать дѣлу политическое значеніе и наговорилъ много непріятнаго правительству. По словамъ этого депутата, требовать денегъ въ пользу коровы послѣ торжественнаго отреченія отъ общаго избирательной реформы въ пользу народа—было неслыханною смѣлостію со стороны министерства. По существу „не понадобилось бы никакого увеличенія придворнаго бюджета, еслибы корона сама примѣняла тѣ правила бережливости и простоты, которыя она часто рекомендуетъ офице-

рамъ“. Еще недавно министр-президентъ фонъ-Бетманнъ-Голлвегъ внушалъ нѣмецкимъ рабочимъ, что они должны быть довольны своимъ положеніемъ; то же самое и съ гораздо бѣльшимъ основаніемъ могъ бы онъ совѣтовать коронѣ. Президентъ палаты нѣсколько разъ прерывалъ оратора, когда тотъ задѣвалъ личность короля; однако Гофманъ довелъ свою рѣчь до конца. „Первый слуга государства—говорилъ онъ—долженъ несомнѣнно получать щедрое вознагражденіе, но всетаки въ общихъ рамкахъ жалованья. Между тѣмъ корона обладаетъ огромными доходами и имуществами, свободными отъ всякихъ налоговъ; среднимъ числомъ король получаетъ сорокъ три тысячи марокъ въ день, а рабочей не заработаетъ этой суммы въ сорокъ три года“. Притомъ король слишкомъ часто отсутствуетъ и, „быть-можетъ, со временемъ придется назначить суточные деньги вмѣсто постоянного содержанія“. Свободомыслящіе и національ-либералы напрасно присоединились къ „черному блоку“, который теперь становится „византійскимъ“; они „получаютъ отъ народа достойный отвѣтъ на будущихъ выборахъ въ имперскій сеймъ“.

Депутату Гофману подробно возражалъ министръ финансовъ, баронъ фонъ-Рейнбабенъ. Онъ оспаривалъ право социаль-демократовъ говорить отъ имени прусскаго народа или прусскихъ рабочихъ, потому что изъ 19 милліоновъ рабочихъ въ Пруссіи только 1.800 тысячъ участвуютъ въ социаль-демократическихъ организаціяхъ; тѣмъ не менѣе министръ всю свою рѣчь посвятилъ разбору доводовъ и замѣчаній представителя рабочаго класса. Выставляя великія историческія заслуги прусской королевской фамиліи, баронъ фонъ-Рейнбабенъ причисляетъ къ нимъ и германское рабочее законодательство. „Весь міръ—говоритъ онъ—завидуетъ намъ по этому поводу. Республики не сдѣлали еще перваго шага къ такому законодательству. На обезпеченіе рабочихъ затрачено до 1907-го года шесть милліардовъ триста милліоновъ марокъ; изъ нихъ внесено рабочими 3.598 милліоновъ“. Податное обложеніе въ Пруссіи обременяетъ главнымъ образомъ зажиточные и богатые классы; пять процентовъ населенія доставляютъ не менѣе 67% всего подоходнаго налога. Въ то же время положеніе трудящихся массъ непрерывно улучшается: въ 1895-мъ году 68% населенія имѣли менѣе 900 марокъ годового дохода, а 27% обладали доходомъ отъ 900 до трехъ тысячъ марокъ; въ 1909-мъ году только 45% населенія имѣли доходъ ниже 900 марокъ, а выше, до трехъ тысячъ марокъ—48%. Заработная плата, напр. на желѣзныхъ дорогахъ, повысилась на 56% за послѣдніе три года, и вообще народное благосостояніе вполне дозволяетъ увеличить средства короны на 13%. Министръ закончилъ свою рѣчь пожеланіемъ, чтобы буржуазныя партіи

и въ будущемъ образовали тѣсно сплоченную фалангу противъ соціалъ-демократіи.

При второмъ чтеніи законопроекта, 9-го іюня, это пожеланіе исполнилось: либеральныя прогрессисты присоединились къ національ-либераламъ и консерваторамъ, чтобы совмѣстными силами дать отпоръ маленькой группѣ соціалъ-демократовъ. Главными ораторами были опять соціалистъ Гофманъ и министръ финансовъ, но на этотъ разъ противъ соціалъ-демократовъ выступили также прогрессисты, въ лицѣ депутата Финбека. Послѣдній взглянулъ на законопроектъ съ точки зрѣнія конституціонно-монархической и отрекся отъ всякой солидарности съ соціалъ-демократами. Палата, конечно, приняла законъ, но долгое и упорное обещаніе его, при сравнительномъ равнодушіи консерваторовъ, не могло считаться большимъ успѣхомъ для правительства. Неловкая и въ сущности излишняя защита короны министромъ финансовъ ускорила, вѣроятно, его отставку, хотя самъ Рейнбабенъ, по видимому, думалъ подготовить почву для своей кандидатуры на постъ имперскаго канцлера. Но мысли и намѣренія Вильгельма II часто мѣняются или остаются скрытыми, и никто еще не знаетъ, когда уйдетъ фонъ-Бетманъ-Гольвегъ и кому предназначено быть его преемникомъ.

Въ Берлигѣ благополучно окончилось нашумѣвшее дѣло капитана фонъ-Гельфельда о наложеніи ареста на капиталы русскаго правительства, хранящіеся въ банкирскомъ домѣ Мендельсона, въ суммѣ 3½ миллионъ рублей. Это странное дѣло ярко обрисовало передъ всей Европою, съ одной стороны, особый характеръ нашего военнаго хозяйства въ тяжелую пору японской войны, съ другой — особое отношеніе нашихъ мѣстныхъ дипломатическихъ властей къ интересамъ Россіи и русскаго казначейства.

Въ концѣ сентября 1904-го года, когда судьба Портъ-Артура могла уже считаться окончательно рѣшенною, когда остатки нашего тихоокеанскаго флота безнадежно укрывались въ гавани осажденной крѣпости, агентъ русскаго военнаго вѣдомства въ Тзинъ-тау заключилъ сдѣлку съ уполномоченнымъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ фирмъ, оставшимъ капитаномъ Гельфельдомъ, о покупкѣ у него извѣстнаго количества орудій, митральезъ и боевыхъ снарядовъ, вмѣстѣ съ находившимся въ Гамбургѣ пароходомъ „Anhalt“, который долженъ былъ доставить весь этотъ грузъ, подъ нейтральнымъ флагомъ, въ Портъ-Артуръ. Пароходъ былъ переведенъ на чужое имя, грузовые документы выданы были отъ имени третьихъ лицъ и адресованы въ русско-китайскій банкъ въ Тьень-цинъ. Нуженъ ли былъ въ Портъ-Артурѣ или въ другомъ мѣстѣ этотъ никѣмъ не протрѣнннй военный грузъ и какую пред-

ставлялъ онъ реальную цѣнность, а также стоилъ ли пароходъ условленныхъ за него денегъ—остается неизвѣстнымъ; одно было несомнѣнно съ самаго начала—что этотъ пароходъ съ своимъ контрабанднымъ грузомъ не имѣлъ абсолютно никакихъ шансовъ дѣйствительно пробраться въ Портъ-Артуръ, мимо сторожевыхъ японскихъ судовъ. Тѣмъ не менѣе финансовая сторона сдѣлки была быстро приведена въ исполненіе, и наше военное вѣдомство успѣло уплатить Гелльфельду впередъ, хотя и по частямъ, всю условленную покупную сумму—4½ милліона марокъ. Въ концѣ декабря 1904-го года, послѣ паденія Портъ-Артура, пароходъ „Anhalt“ прибылъ къ острову Суматрѣ, въ Падангъ; онъ не успѣлъ сдѣлаться добычей японцевъ, на что рассчитывали, быть можетъ, продавцы,—и нашему военному вѣдомству предстояло по заключеніи мира получить въ свое распоряженіе купленный пароходъ съ грузомъ и удостовѣриться въ качествахъ того и другого.

Въ октябрѣ 1905-го года наши военно-морскія власти вспомнили о пароходѣ „Anhalt“ и распорядились доставить его съ грузомъ въ Владивостокъ; но тѣмъ временемъ фактической владѣлецъ парохода, фонъ-Гелльфельдъ, перевелъ его въ Тзингъ-тау, въ предѣлы германской колоніи Кіао-чао, и отказался выдать его русскому правительству на томъ основаніи, что нашъ мѣстный военный агентъ, будто бы, обязался купить у него, Гелльфельда, дальнѣйшую партію орудій стараго образца, и въ силу этой новой словесной сдѣлки русское военное вѣдомство должно ему уплатить три милліона марокъ. Переговоры объ этой новой покупкѣ, завѣдомо ненужной для русскаго военнаго вѣдомства, оправдывались, будто бы, предполагаемымъ желаніемъ Россіи скупать всѣ имѣющіяся на міровомъ рынкѣ артиллерійскія орудія и ихъ принадлежности, для того, чтобы ихъ не могла пріобрѣсть Японія. Сдѣлка вѣроятно и состоялась бы, еслибы своевременно не пришло распоряженіе прекратить нелѣпыя закупки подобнаго рода. Впослѣдствіи выяснилось,—какъ сообщаютъ изъ компетентныхъ источниковъ,— что старыя негодныя орудія, за которыя Гелльфельдъ думалъ получить отъ щедраго русскаго казначейства три милліона марокъ, были проданы предприимчивому капитану прусскимъ военнымъ управленіемъ за 350 тысячъ марокъ и хранятся до сихъ поръ въ одномъ изъ прусскихъ арсеналовъ.

Очевидно, Гелльфельдъ не имѣлъ законнаго права задерживать проданный пароходъ съ грузомъ, даже еслибы его денежная претензія по другому дѣлу была основательна; но онъ рассчитывалъ на успѣхъ въ виду твердо установившейся репутации русскихъ военнo-хозяйственныхъ порядковъ на Дальнемъ Востокѣ. Русское правительство, черезъ посредство своихъ мѣстныхъ консуловъ, обратилось въ

германскій судъ въ Тзинъ-тау съ требованіемъ о передачѣ ему парохода „Anhalt“, съ грузомъ; Гелльфельдъ предъявилъ встречный искъ въ три милліона марокъ, и судъ вошелъ въ разсмотрѣніе этого иска. Дальѣйшій ходъ дѣла покрывается какимъ-то туманомъ; извѣстія нѣмецкихъ и французскихъ офиціозныхъ газетъ—изъ которыхъ русская печать только и почерпаетъ свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ,—становятся совершенно непонятными и загадочными. Органы русской дипломатіи, начавъ въ германскомъ колоніальномъ судѣ судебное дѣло противъ Гелльфельда и признавъ этимъ компетенцію германскаго суда въ данномъ гражданскомъ процессѣ, перестали интересоваться ходомъ этого дѣла, предоставили противнику свободно доказывать его права, не оспаривали его заявленій и доказательствъ, фактически бросили дѣло на произволь судьбы и не удостоили даже обратить вниманіе на заключительное рѣшеніе суда въ пользу Гелльфельда. Мало того: наши мѣстные официальные представители допустили, чтобы состоявшееся противъ Россіи судебное рѣшеніе вошло въ окончательную законную силу, чтобы пропущены были всѣ законные сроки для обжалованія и перенесенія въ высшую инстанцію, и чтобы ничего не оставалось дѣлать, какъ удовлетворить претензію отставнаго нѣмецкаго капитана. И, по всей вѣроятности, присужденныя деньги были бы выданы Гелльфельду, еслибы онъ обнаружилъ надлежащее терпѣніе и дождался соотвѣтственной комбинаціи на мѣстахъ, довольствуясь пока достаточнымъ обезпеченіемъ въ видѣ парохода „Anhalt“ и его груза; но онъ поторопился приступить къ припудительному исполненію рѣшенія при помощи такого способа, который неминуемо долженъ былъ произвести скандалъ на всю Европу. Онъ обратился въ берлинскій судъ съ ходатайствомъ о паложеніи ареста на имѣющіяся у Мендельсона и К^о суммы русскаго правительства, на основаніи вошедшаго въ законную силу рѣшенія германскаго суда въ Тзинъ-тау, и берлинскій судъ, постановленіемъ отъ 15 (2) декабря 1909 г., удовлетворилъ это ходатайство.

Германская дипломатія была озадачена этою рѣшительною судебною мѣрою противъ дружественнаго сосѣдняго государства и тотчасъ же вмѣшалась въ дѣло, возбудивъ споръ о подсудности съ точки зрѣнія общепринятыхъ началъ международнаго права. Наше министерство иностранныхъ дѣлъ не предъявило никакого протеста и предоставило дѣйствовать берлинскому кабинету; только позднѣе принято было съ русской стороны собраніе фактическихъ матеріаловъ и авторитетныхъ научно-юридическихъ заключеній по данному вопросу. Гелльфельдъ требовалъ судебнымъ порядкомъ выдачи ему 3½ милліоновъ отъ фирмы Мендельсона, но окружный судъ отложилъ рѣшеніе до разсмотрѣнія возбужденнаго спора о подсудности специаль-

нымъ высшимъ судомъ. Палата по дѣламъ о подсудности собралась 25 іюня (нов. ст.), подъ предсѣдательствомъ директора въ министерствѣ юстиціи, д-ра Лукаса, при участіи двухъ судебскихъ сановниковъ-референтовъ. Докладчикъ, въ своемъ изложеніи обстоятельствъ дѣла по документамъ, отмѣтилъ, что „при разсмотрѣніи основного спора въ Тзинь-тау представители русскаго фиска, два консула, заявили о готовности русскаго правительства подчиниться всѣмъ постановленіямъ германскаго суда“. На этотъ фактъ настойчиво ссылались оба повѣренные Гелльфельда; они доказывали, что послѣ законно состоявшагося окончательнаго судебного рѣшенія не можетъ уже быть поднятъ вопросъ о подсудности и что для исполненія такого рѣшенія нѣтъ другихъ мѣръ, кромѣ судебныхъ. Посредничество министерства иностранныхъ дѣлъ является уже, съ этой точки зрѣнія, запоздалымъ и безцѣльнымъ; оно ни въ чемъ не измѣняетъ и не колеблетъ ни законной силы рѣшенія, ни обязательности его исполненія. Повѣренный банкирскаго дома Мендельсона утверждалъ, что принудительныя исполнительныя мѣры противъ иностраннаго правительства не допускаются международнымъ правомъ и что заявленія мѣстныхъ русскихъ консуловъ необязательны для русскаго правительства, такъ какъ консулы суть только второстепенные чиновники, а вовсе не уполномоченные представители государства. Наконецъ, представитель германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ высказалъ мнѣніе, что въ данномъ случаѣ должно быть примѣняемо не германское право, а международное, которое категорически воспрещаетъ принудительное исполненіе противъ иноземной державы. Если русское правительство выразило готовность подчиниться постановленіямъ суда въ Тзинь-тау, то это далеко еще не значитъ, что оно обязано подчиняться всѣмъ германскимъ судебнымъ учрежденіямъ. Вѣдомство иностранныхъ дѣлъ склоняется къ тому, чтобы послѣ рѣшенія суда представить приговоръ русскому правительству для уплаты. Когда русское правительство откажетъ въ уплатѣ, придется обсудить, что можетъ быть сдѣлано по международному праву для оказанія содѣйствія кредитору въ полученіи принадлежащихъ ему денегъ“. Выслушавъ всѣ эти объясненія и обсудивъ спорный вопросъ, судебная палата по дѣламъ о подсудности нашла, что „обычный законный путь въ настоящемъ дѣлѣ недопустимъ и что конфликтъ относительно компетенціи обоснованъ правильно, вслѣдствіе чего постановленіе 15 декабря 1909-го года о наложеніи ареста въ видахъ обезпеченія и взысканія подлежитъ отмѣнѣ“.

Такимъ образомъ капиталы русскаго государственнаго казначейства, находящіеся на храненіи въ Берлинѣ, избавились отъ скандальнаго ареста, наложеннаго на нихъ по требованію Гелльфельда, и въ

этомъ смыслѣ достигнутый результатъ можетъ быть названъ благопріятнымъ. По крайней мѣрѣ, элементъ прямой обиды и оскорбленія устраненъ изъ дѣла; но существу приговоръ германскаго суда въ Тзингъ-тау остается въ полной силѣ, и только принудительное исполненіе этого приговора отвергнуто, какъ противорѣчающее международному праву. За капитаномъ фонъ-Гелльфельдомъ признано безспорное право на полученіе какихъ-то милліоновъ изъ русскаго государственнаго казначейства, и германское министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ мы видѣли, охотно возьметъ на себя посредничество для побужденія должника къ добровольной уплатѣ должныхъ денегъ. Сколько желаетъ получить суровый кредиторъ—3¹/₂ милліона рублей, какъ значится въ ходатайствѣ о выдачѣ арестованныхъ денегъ, или 3 милліона марокъ, какъ сообщали отчеты о попыткахъ продажи старыхъ орудій изъ прусскихъ арсеналовъ—этого мы въ точности не знаемъ. Что собственно рѣшилъ германскій судъ въ Тзингъ-тау, по какой именно сдѣлкѣ онъ присудилъ деньги въ пользу Гелльфельда и за кѣмъ призналъ право собственности на пароходъ „Anhalt“ съ грузомъ—этого не видно изъ имѣющихся разнорѣчивыхъ свѣдѣній. Наша офиціозная печать давала до сихъ поръ только отрывочныя фактическія указанія, въ которыхъ трудно разобраться. Мы знаемъ только, что несправедливыя претензіи нѣмецкаго афериста къ русскому государственному казначейству признаны германскимъ судомъ законными и подлежащими удовлетворенію исключительно вслѣдствіе непростительной небрежности нашихъ дипломатическихъ властей и что самыя соглашенія и переговоры мѣстныхъ агентовъ нашего военнаго вѣдомства съ названнымъ аферистомъ даютъ матеріалъ для разныхъ недоумѣній и вопросовъ. Однако, до сихъ поръ не произведено никакого разслѣдованія для выясненія дѣйствительной роли нашихъ мѣстныхъ военно-дипломатическихъ агентовъ въ дѣлѣ фонъ-Гелльфельда, и никто еще пока не привлеченъ къ отвѣту за дѣйствія и упущенія, послѣдствія которыхъ такъ непріятно отзываются не только на интересахъ русской казны, но и на репутаціи русскаго государства.

Четыре великія державы, принимающія близкое участіе въ судьбѣ Кандін,—Англія, Франція, Россія и Италія—поставлены въ большое затрудненіе повѣйшимъ фазисомъ критскаго вопроса. Дипломатія всегда признаетъ своюю обязанностью охранять существующій порядокъ вещей; принципъ status quo издавна служилъ основою всякой дипломатической программы по отношенію къ ближнему Востоку. Соблюденіе того же status quo обязательно и относительно острова

Крита. Но какой порядокъ вещей можетъ считаться установленнымъ и подлежащимъ охранѣ на островѣ Критѣ?

До лѣтнихъ мѣсяцевъ 1906-го года критяне имѣли правителемъ королевича Георгія, сына греческаго короля; послѣ его отставки державы-покровительницы, въ началѣ августа того же года, сообщили королю, что, въ силу взаимнаго между ними соглашенія, онѣ предоставляютъ ему „всякій разъ, когда постъ высшаго комиссара Крита окажется вакантнымъ, назначать, съ ихъ вѣдома и одобренія, подходящаго кандидата“ на этотъ постъ, срокомъ на пять лѣтъ, и что затѣмъ о состоявшемся назначеніи державы будутъ доводить до свѣдѣнія турецкаго султана. По предложенію греческаго короля, это рѣшеніе великихъ державъ было опубликовано на островѣ Критѣ и съ восторгомъ принято населеніемъ, какъ залогъ желаннаго воссоединенія съ Греціею. На этихъ основаніяхъ былъ назначенъ правителемъ Крита бывшій глава греческаго министерства, Александръ Займисъ. Фактически верховная власть приписывалась греческому королю, и авторитетъ султана оставался лишь номинальнымъ. Судебные приговоры постановлялись на островѣ отъ имени короля; критскіе офицеры назначались отъ его же имени, и губернаторъ дѣйствовалъ по его уполномочію, подъ наблюденіемъ великихъ державъ. Въ сентябрѣ 1908-го года, въ отсутствіе правителя Займиса, критское народное собраніе провозгласило присоединеніе острова къ Греціи и избрало временную исполнительную комиссію для завѣдыванія дѣлами управленія. Въ октябрѣ кабинеты увѣдомляютъ критское правительство, что они готовы доброжелательно отнестись къ возвѣщенному проекту и вступить по этому вопросу въ переговоры съ Турціею, „если на островѣ будетъ сохраненъ порядокъ и если безопасность мусульманскаго населенія будетъ обезпечена“. Почти цѣлыхъ два года исполнительная комиссія управляетъ отъ имени короля Георга; она издавала отъ его имени декреты на глазахъ иностранныхъ консуловъ и въ присутствіи оккупационныхъ войскъ, которыя очистили островъ только въ іюль прошлаго года. Такимъ образомъ на практикѣ аннексія къ Греціи осуществилась, но номинальная связь съ Турціею не порывалась. Въ апрѣлѣ текущаго года открыто было критское собраніе, декретомъ отъ имени греческаго короля. Представители мусульманскаго населенія тотчасъ заявили протестъ противъ примѣненія греческихъ законовъ и распоряженій въ странѣ, номинально связанной съ Оттоманскою имперіею. По предложенію президента собранія, депутаты-христіане приносятъ присягу на вѣрность „королю и конституціи“, среди шумныхъ возгласовъ въ честь греческой націи и державъ-покровительницъ; тотъ же мусульманскій представитель опять поднимается съ протестомъ и передаетъ бумагу

президенту, но бумага перехватывается депутатомъ Канеи, Даскалописомъ, и разрывается имъ въ клочки. Этотъ актъ насилія противъ мусульманъ вызываетъ въ палатѣ сильнѣйшее волненіе; президентъ объявляетъ, что произвольный поступокъ Даскалописиса не выражаетъ воли собранія, что мусульманскіе депутаты имѣютъ безспорное право представлять свои заявленія и протесты, и что они могутъ замѣнить разорванный документъ другимъ и передать его президіуму. Глава исполнительной комиссіи, Скурудись, съ своей стороны выразилъ порицаніе поступку Даскалописиса и подтвердилъ объясненія, данныя президентомъ. Въ томъ же духѣ высказался и популярный представитель Канеи, Вешизелось, отъ имени своихъ политическихъ друзей. Въ собраніи не нашлось ни одного патріота, который отрицать бы право критскихъ мусульманъ свободно высказываться объ общихъ критскихъ дѣлахъ. Мусульманамъ предоставлено было внести свой протестъ, который они формулировали слѣдующимъ образомъ: „Принимая въ соображеніе верховныя права Оттоманской имперіи на островъ Критъ, и имѣя въ виду существованіе автономіи, дарованной оттоманскимъ правительствомъ, мы протестуемъ, отъ имени мусульманскаго населенія, противъ предложенія присягать греческому королю“. Другими словами, мусульмане протестуютъ противъ виѣшнихъ признаковъ и формъ аппексіи, но не противъ ея сущности; они хотятъ сохранить фикцію турецкаго верховенства, безъ ущерба для автономіи, которая на дѣлѣ открываетъ полный просторъ естественному тяготѣнію Крита къ Греціи. Самый автагонизмъ между христіанами и мусульманами является на островѣ далеко не столь глубокимъ и острымъ, какъ думаютъ обыкновенно; объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то горячее единодушіе, съ какимъ большинство критскаго собранія подтвердило полную равноправность мусульманъ съ христіанами въ политическомъ отношеніи. Греческому королю присягали по христіанскому обряду, и уже потому не могло быть и рѣчи о понужденіи мусульманъ къ участію въ этой присягѣ. Желаящіе изъ критинъ присягаютъ, а другіе отказываются; можно сказать, что эта свобода дѣйствию соответствуетъ особенностямъ критской автономіи. Дѣйствительное политическое положеніе Крита, конечно, не мѣняется отъ различныхъ манифестацій мѣстнаго собранія, а связь Крита съ Турціею перестала существовать даже фиктивно съ 1906-го года.

Изъ этого видно, что критскій status quo представляетъ собою нѣчто крайне сложное и запутанное. За послѣдніе четыре года сама дипломатія постепенно допускала и устраивала предварительные опыты воссоединенія Крита съ Греціей, официально ставила греческаго короля въ положеніе верховнаго правителя острова и приучала кри-

тянь къ устраненію и забвенію послѣднихъ остатковъ политической зависимости отъ Турціи. Этотъ переходъ отъ турецкаго владычества къ греческому и есть тотъ фактическій status, о сохраненіи котораго должны заботиться великія державы въ интересахъ дальнѣйшаго культурнаго развитія и процвѣтанія Крита. Между тѣмъ, политическое обновленіе Оттоманской имперіи внесло новыи элементъ въ европейскую политику на ближнемъ Востокѣ: иностранныя кабинеты вынуждены теперь считаться съ подъемомъ турецкаго національнаго патріотизма, который, между прочимъ, отозвался и на отношеніяхъ Порты къ критскому вопросу. Порта стала настойчиво ссылаться на свои формальныя права и поддерживать притязанія, казавшіяся уже почти забытыми; она грозила военною расправою съ непокорными и въ сущности безсильными противниками, хорошо понималъ, что Европа не можетъ допустить новую войну противъ Греціи. Кабинеты державъ-покровительницъ стали, поэтому, усиленно хлопотать объ успокоеніи критянь и о смягченіи патріотическаго пыла турокъ; но такъ какъ критяне не могли вдругъ отказаться отъ своихъ естественныхъ чувствъ и иногда выражали ихъ довольно громко, то въ видѣ успокоительной мѣры рѣшено было послать къ острову нѣсколько лишнихъ броненосцевъ для высадки десанта въ случаѣ надобности. Лондонскій кабинетъ предложилъ усилить составъ международной эскадры, находящейся около Крита; наша дипломатія успѣшила идти гораздо дальше по пути „успокоенія“, о чемъ напечатано въ газетахъ отъ 6-го іюня слѣдующее оффиціозное сообщеніе:

„Въ отвѣтъ на послѣднее англійское предложеніе по критскимъ дѣламъ русское правительство высказало полную готовность принять это предложеніе и немедленно послать въ критскія воды, дополнительно, еще одно военное судно; вмѣстѣ съ тѣмъ оно предложило на обсужденіе лондонскаго, парижскаго и римскаго кабинетовъ нѣсколько мыслей, не придавая, однако, изложенію послѣднихъ характера формальнаго конгръ-предложенія. По мнѣнію петербургскаго кабинета, въ виду возбужденія умовъ на Критѣ, мало надежды на то, чтобы критяне добровольно подчинились требованіямъ четырехъ державъ, и слѣдуетъ нынѣ же предвидѣть, что въ конечномъ результатѣ державамъ-покровительницамъ необходимо будетъ вновь оккупировать островъ и взять въ свои руки его управленіе, но лишь послѣ продолжительнаго періода волненій и смуть, весьма опасныхъ для сохраненія мира. При этихъ обстоятельствахъ и въ виду невозможности найти окончательное рѣшеніе вопроса въ скорости и безъ содѣйствія всѣхъ державъ, подписавшихъ берлинскій договоръ, русское правительство полагаетъ, что четыре державы-покровительницы могли бы немедленно послать на Критъ каждая по достаточно силь-

ному отряду пѣхоты и учредить тамъ временное управленіе подъ руководствомъ означенныхъ державъ. Разъ предметъ спора будетъ вновь въ рукахъ четырехъ державъ, можно будетъ рассчитывать на общее успокоеніе“.

Предложенный нашими дипломатами „успокоительный“ методъ не былъ, однако, одобренъ ни Англіею, ни Франціею. Эти державы предпочитаютъ благоразумно щадить не только чувства сильныхъ, но и чувства и интересы слабыхъ. „Ставка на сильныхъ“ — или кажущихся сильными въ данный моментъ — не всегда оправдывается и во внѣшней политикѣ.

Австро-Венгрія формально вступила во владѣніе новыми австрийскими провинціями, Босніей и Герцеговиною, при личномъ участіи престарѣлаго императора Франца-Иосифа, путешествіе котораго по краю имѣло значеніе событія для всего южнаго славянства. Посѣтивъ въ концѣ мая круцифѣйшіе центры обѣихъ провинцій, Сераево и Мостаръ, императоръ имѣлъ возможность обращаться къ мѣстнымъ дѣятелямъ, какъ къ гражданамъ конституціоннаго государства, обладающимъ избирательными правами въ силу дарованной краю конституціи; но онъ видѣлъ народъ только издали и въ ничтожныхъ, случайныхъ группахъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго охранительнаго усердія военной администраціи, которой онъ выразилъ потомъ свое неудовольствіе увольненіемъ одного изъ начальствующихъ лицъ.

Населеніе Босніи и Герцеговины получило свой выборный сеймъ, который и открылся торжественно въ началѣ іюня. По закону избиратели раздѣлены на три главныхъ вѣроисповѣдныя группы — православныхъ, католиковъ и мусульманъ; каждая группа въ свою очередь дѣлится на три куріи — крестьянъ, горожанъ и болѣе крупныхъ налогоплательщиковъ, къ которымъ приравнены лица съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ и представители либеральныхъ профессій. Православные сербы, которыхъ числится въ краѣ около восьмисотъ тысячъ, имѣютъ въ сеймѣ тридцать шесть депутатовъ; мусульмане, численностью свыше полумилліона — двадцать девять депутатовъ; у католиковъ-хорватовъ, въ количествѣ приблизительно четырехсотъ тысячъ — двадцать три представителя. Выборы производились при большомъ оживленіи національныхъ и религіозныхъ интересовъ, но безъ всякихъ излишествъ и безъ стѣснительнаго вмѣшательства администраціи. Клерикальная партія католиковъ-хорватовъ, руководимая изъ Загреба архіепископомъ Стадлеромъ и поддерживаемая сильными придворными вліяніями, потерпѣла пораженіе, и побѣдителями среди хорватскаго населенія являются сторонники самостоятельной мѣстной автономіи безъ различія вѣроисповѣданій. Православные сербы, стоящіе за обра-

зование особаго независимаго боснійскаго государства въ составѣ монархіи Габсбурговъ, дѣйствовали на выборахъ дружно, не смотря на существованіе у нихъ двухъ партій—національной и прогрессивно-радикальной. Между мусульманами одержали верхъ приверженцы примиренія съ новымъ порядкомъ вещей, на началахъ компромисса съ представителями другихъ національностей и религій; старая партія исламизма не имѣла никакого успѣха.

Сейму Босніи и Герцеговины предстоитъ сложная предварительная работа для приспособленія новыхъ политическихъ условій къ потребностямъ мѣстной жизни. Новая историческая эпоха открывается теперь для злополучнаго края, изъ-за котораго началось въ Россіи памятное славянское освободительное движеніе, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Невольно вспоминаются странные плоды кровавой и тяжелой русско-турецкой войны, оказавшейся столь побѣдоносною для посторонней державы—Австро-Венгріи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. Часть вторая: XIX вѣкъ (Опытъ изложенія). Казань, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Первая часть „Исторіи русскаго театра“ (XVII-й и XVIII-й вѣкъ), составленной профессоромъ казанскаго университета и лекторомъ драматическихъ курсовъ, Б. В. Варнеке, вышла въ свѣтъ въ 1908 г. Въ предисловіи къ ней указано, что за книгой сохраненъ характеръ лекцій, составленныхъ по программѣ драматическихъ курсовъ; это — „руководство для будущихъ актеровъ“, разбирающее пьесы „въ направленіи, важномъ именно для сценическихъ исполнителей“. Въ предисловіи ко второй части книги авторъ указываетъ, что въ отношеніи къ XIX-му вѣку у него не было ни одного предшественника: въ исторіи театра за этотъ вѣкъ есть и отдѣльныя личности, и цѣлыя полосы репертуара и театральнаго управленія, совершенно не освѣщенные. „Такъ, моя личная память театрала живо рисуетъ мнѣ значеніе хотя бы великолѣпнаго московскаго артиста М. А. Рѣшимова (Горожанцева), но по состоянію нашихъ матеріаловъ я ничего не могъ бы привести о немъ, кромѣ голыхъ цифръ. Пришлось его пропустить, и такихъ, очень болѣзненныхъ и совсѣмъ несправедливыхъ съ исторической точки зрѣнія пропусковъ найдется въ книгѣ не одна

сотня". Намъ кажется, что въ такихъ случаяхъ слѣдовало даже въ „опытѣ изложенія“ дѣлать указанія на существующіе пробѣлы. Авторъ проситъ „смотреть на предлагаемую книгу, какъ на подобіе того кафтана перваго портного, изъ-за котораго преширалась г-жа Простакова со своимъ Тришкой“. Въ книгѣ послѣдовательно идетъ рѣчь объ актерахъ и репертуарѣ Александровскаго времени, при чемъ отдѣльныя главы посвящены А. А. Шаховскому и трагедіи начала вѣка, водевилю и Грибоѣдову; объ актерахъ николаевскаго времени, о Кукольникѣ и Полевомъ, Щепкинѣ, Гоголѣ; объ Островскомъ и его эпохѣ. Въ приложеніи идетъ рѣчь о болѣе близкомъ къ намъ времени, кончая „Жизнью Человѣка“ и „Днями нашей жизни“ Л. Андреева. Эту работу давно слѣдовало сдѣлать, и потому почиѣ г. Варнеке можно только привѣтствовать. Существеннѣйшимъ недостаткомъ книги мы считаемъ не пропуски и пробѣлы, вполнѣ извинительныя, а общій характеръ ея изложенія, отрывочный, лишенный единства и руководящей мысли. Исторія театра стоитъ у г. Варнеке, если не считать мимоходомъ бросаемыхъ замѣчаній, какъ-то совершенно въ сторонѣ отъ общаго хода русской жизни и литературы, отъ смѣнявшихся у насъ умственныхъ теченій и настроеній; вся она сведена на рассказъ (по матеріаламъ весьма обильнымъ) объ актерахъ и репертуарныхъ пьесахъ даннаго времени. Авторъ сообщаетъ очень много свѣдѣній, но часто они весьма слабо между собою связаны и не даютъ общаго представленія о жизни театра въ тотъ или другой моментъ. Пробѣломъ по существу является и отсутствіе цѣльной главы или указаній въ соответствующихъ мѣстахъ о роли въ исторіи театра театральной критики: напр. Вѣличскій и Аполлопъ Григорьевъ заслуживали бы хотя нѣсколькихъ самостоятельныхъ страничекъ, какъ видные писатели о театрѣ. Очень случайны и отрывочны указанія на развитіе технической стороны театра, режиссерской, декорационной и прочихъ частей. Какъ небрежно и иногда безсвязно изложеніе, можно видѣть, напр., на стр. 347. Здѣсь глава XII-я книги: „Современные Островскому драматурги“ оканчивается, послѣ характеристики пьесъ гр. Алексѣя Толстого, сообщеніемъ свѣдѣній объ упоминаемыхъ успѣхахъ опереточной пѣвицы Лядовой. Такъ шить не полагается, кажется, и „первому“ портному. За полнымъ отсутствіемъ другихъ общихъ обзоровъ, съ интересомъ читаются заключительныя главы книги: „Провинціальныя театры“, „Актеры и репертуаръ послѣдней четверти XIX-го вѣка“ и на рубежѣ XX-го вѣка“,— хотя и здѣсь указанія часто совершенно случайны и не объединены общимъ взглядомъ на сущность эволюціи театра. Къ книгѣ приложены обширный указатель литературы предмета, съ пропускомъ того, что ему не удалось лично изучить или прочесть (что извинительно) и указатель именъ, упоминаемыхъ въ

книгѣ, по множеству пропусковъ мало годный къ употребленію (что неизвинительно). Какъ сборникъ данныхъ, разсѣянныхъ по забытымъ театральнымъ журналамъ и мемуарамъ, книга все же очень полезна.

— Эпоха Николая I-го. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Книгоиздательство „Образованіе“. М. 1910.

— Жизнь В. С. Печерина. М. Гершензона. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ „Эпоха Николая I-го“—носитъ эпиграфъ, заимствованный у Герцена: „Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія“. „Наружное рабство“ охарактеризовано въ книгѣ чрезвычайно мѣткимъ подборомъ выдержекъ изъ документовъ, записокъ и воспоминаній современниковъ и немногими выдержками изъ позднѣйшихъ историческихъ трудовъ. Предъ читателемъ послѣдовательно развертываются данныя для характеристики личности и взглядовъ Николая I-го, его сподвижниковъ, администраціи въ столицахъ и провинціи, суда и казней, крѣпостного права, войска, печати и школы, III-го Отдѣленія. Въ предисловіи составителя дана удачная характеристика личности Николая I-го, какъ непреклоннаго доктринера по натурѣ и взглядамъ; онъ фанатически стремился вогнать жизнь въ фантастическія рамки, но достигъ лишь глубокой деморализаціи въ управленіи и нисколько не обуздалъ свободной мысли въ обществѣ. Что касается „внутренняго освобожденія“, то редакторъ книги видитъ центральные его моменты въ идеализмѣ 30-хъ годовъ и въ социалистическихъ идеяхъ петрашевцевъ; поэтому для характеристики общественнаго движенія въ эпоху Николая I-го имъ приведены выдержки, касающіяся только этихъ двухъ моментовъ. Совершенно неосвѣщенною осталась вся середина сороковыхъ годовъ, съ борьбою славянофильства и западничества, съ заключительнымъ аккордомъ—письмомъ Вѣлинскаго къ Гоголю. Это—такой же пробѣлъ, какъ и отсутствіе хотя бы краткой характеристики литературнаго движенія въ эпоху Николая I-го.

Самостоятельный этюдъ г. Гершензона: „Жизнь В. С. Печерина“ даетъ читателю необыкновенно теплый, дышущій жизнью очеркъ челоѣка той же эпохи; это—высоко интересный эпизодъ борьбы за „внутреннее освобожденіе“. Собственно этотъ этюдъ есть расширенная обработка статьи того же автора о Печеринѣ, помѣщенной въ книгѣ: „Исторія молодой Россіи“. Расширеніе произведено главнымъ образомъ включеніемъ въ текстъ многихъ писемъ и стихотвореній Печерина, въ томъ числѣ его поэмы: „Торжество смерти“. Біографическій очеркъ—исторія души романтика 30-хъ годовъ,—превращенъ и въ собраніе его сочиненій, что едва ли удобно: произведенія Печерина

имѣютъ и нѣкоторую объективную цѣнность и интересъ, независимо отъ значенія ихъ для того или другого момента душевной жизни Печерина. Лучше было бы помѣстить все это приложеніемъ къ тексту біографіи. Неудобно и отсутствіе въ книгѣ указателя, который, при теперешнемъ ея видѣ, могъ бы помочь отысканію того или другого стихотворенія или письма. Помимо этихъ чисто внѣшнихъ неудобствъ, работа г. Гершензона принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ явленій въ исторіи литературы. Въ его книгѣ сведены воедино весь наличный матеріалъ о Печеринѣ. „Торжество смерти“ напечатано безъ прежнихъ цензурныхъ урѣзковъ. Книга вводитъ, увлекаетъ читателя въ сочувственное пониманіе мечты нашего романтика. „Это была мечта объ осуществленіи потенциальной красоты человека, о водвореніи на землѣ царства справедливости, разума и красоты, — та самая мечта о „гармоніи“, которая во все времена жила въ сердцахъ художниковъ и учителей человѣчества, то неутолимое „желаніе лучшаго міра“, о которомъ, вслѣдъ за Шиллеромъ, Печеринъ пѣлъ уже въ юношескіе годы“. За недостаткомъ матеріала, въ книгѣ лишь бѣгло освѣщено крушеніе гордой вѣры Печерина въ свою звѣзду и мечтаній его о близкомъ обновленіи человѣчества, что и увлекло Печерина на Западъ. Но самыя мечтанія и послѣдующая жизнь Печерина (католическимъ монахомъ) очерчены превосходно. Прочитавъ книгу г. Гершензона, живо чувствуешь, какое богатство душевныхъ силъ и красоты было потеряно для Россіи въ лицѣ Печерина.

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Посмертное изданіе. Книга двадцать вторая.

Настоящею двадцать второю книгою закончено монументальное предпріятіе Н. Барсукова, начатое лѣтъ двадцать назадъ и прерванное смертью автора. Братъ покойнаго заявляетъ въ предисловіи, что „не рискнулъ взяться за продолженіе его труда,—труда своеобразнаго, единственнаго въ своемъ родѣ“. Въ двадцать вторую книгу вошло всего шесть главъ, подготовленныхъ къ печати самимъ авторомъ, и затѣмъ—объемистый „ключъ“ ко всемъ двадцати двумъ книгамъ „Жизни и трудовъ М. П. Погодина“: въ алфавитномъ порядкѣ составленный указатель собственныхъ именъ, названій мѣстъ и важнѣйшихъ предметовъ, упоминаемыхъ въ біографіи. Всякій, обращающійся къ труду г. Барсукова, поблагодаритъ составителей за этотъ указатель. А обращаться къ біографіи Погодина будутъ многіе и еще долго. Едва ли кто прочиталъ ее отъ доски до доски — такъ суха, нестройна, лишена плана и осмысленнаго руководящаго взгляда эта странная біографія. Но на протяженіи ея, плывя по теченію жизни

своего героя, подбирая тщательно каждую мелочь, биографъ отыскивалъ иногда соприкосновеніе ея съ крупными общественными явленіями и говорилъ о нихъ, забывъ про своего героя. Такъ составилъ сборникъ матеріаловъ по исторіи русской общественности за 20-ые—60-е годы прошлаго вѣка, пригодный для многихъ справокъ. Какъ первоисточникъ многихъ данныхъ о лицахъ, бывшихъ въ перепискѣ съ Погодинымъ, книга Барсукова особенно важна: въ ней напечатано много выдержекъ изъ неопубликованныхъ писемъ обширнаго архива Погодина, хранящагося въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ.

Шесть главъ послѣдней книги Барсукова посвящены описанію путешествія за границу въ 1864 г. Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и его болѣзни, кончившейся смертью. Разсказъ ведется главнымъ образомъ на основаніи неизданныхъ воспоминаній Б. Н. Чичерина, приглашеннаго читать Наслѣднику лекціи по государственному праву. Кромѣ страницъ, посвященныхъ личности Наслѣдника, его занятіямъ и потомъ болѣзни, воспоминанія Чичерина касаются, между прочимъ, конституціонныхъ настроеній въ тогдшнемъ обществѣ; къ нимъ Чичеринъ относится съ нескрываемымъ раздраженіемъ, какъ къ „либеральничанью въ пустотѣ, которое должно было остаться безплоднымъ“. Имѣются также кое-какіе любопытные штрихи для характеристики отдѣльныхъ видныхъ дѣятелей. Такъ напр., кн. А. М. Горчаковъ, на вопросъ Чичерина въ 1863 г., будетъ ли данъ категорически-отрицательный отвѣтъ на требованіе державъ относительно Польши, отвѣтилъ: „Я еще не знаю, чтò я буду отвѣчать: это—дѣло импровизаціи. Я всегда такъ поступаю: когда я встаю въ Государственномъ Совѣтѣ, я никогда не знаю, чтò я буду говорить. Затѣмъ, если этотъ импровизаторъ вамъ не нравится, берите другого“.—„Меня крайне удивилъ этотъ способъ обсужденія государственныхъ вопросовъ“—замѣчаетъ Чичеринъ; впрочемъ, на этотъ разъ онъ остался доволенъ „импровизаціею“ Горчакова, отвергнувшей предъявленныя Россіи притязанія.

Разставаясь съ двадцати - двухъ - томнымъ трудомъ Н. Барсукова, нельзя не пожелать, чтобы нашелся изслѣдователь, который опубликовалъ бы переписку Погодина; необходима и биографія Погодина, но, конечно, не въ томъ видѣ, какъ писалъ ее покойный Н. Барсуковъ.

— А. П. Чеховъ. Сборникъ статей, Москва, 1910. Книгоиздательство „Образованіе“. „Русская Быль“, № 2.

— Чеховская бібліотека. О Чеховѣ. Воспоминанія и статьи. М. 1910. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ смерти Чехову повезло больше, чѣмъ кому бы то ни было другому изъ русскихъ писателей. Около его имени созданъ настоящій

культъ, выросла въ короткое время цѣлая литература о немъ и, такъ или иначе, положено начало для изученія его литературной дѣятельности и его жизни.

Въ сборникѣ, изданномъ книгоиздательствомъ „Образованіе“, наиболѣе мѣста отведено біографіи Чехова, составленной Ф. Мускатблитомъ. Біографія, однако, доведена почему-то только до 1890 г. Это—довольно подробный сводъ выдержекъ изъ разнообразныхъ матеріаловъ, воспоминаній и писемъ Чехова, составленный съ привлеченіемъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ данныхъ (архивъ московскаго университета), но не безъ существенныхъ пропусковъ. Такъ, мы не встрѣтили упоминанія въ обзорѣ критическихъ отзывовъ статьи Л. Е. Оболенскаго („Русское Богатство“). Оболенскій горячо привѣтствовалъ „Пестрые рассказы“ Чехова и противопоставлялъ его громадный талантъ дарованію—на его взглядъ, болѣе скромному—В. Г. Короленка. Не упомянута и любопытная статья Гл. Успенскаго по поводу „Иванова“. Какъ первый опытъ мало-мальски обстоятельной біографической работы, сводка, сдѣланная г. Мускатблитомъ, заслуживаетъ вниманія. Въ приложеніи къ статьѣ напечатанъ IV-ый актъ „Дѣшаго“, малоизвѣстной чеховской комедіи, переработанной впоследствии въ „Дядю Ваню“. — Интересна и статья г. Вл. Калаша: „Первый сборникъ А. П. Чехова“—пересказъ содержація нѣсколькихъ раннихъ произведеній его; этотъ первый сборникъ не увидѣлъ свѣта, такъ какъ у автора и у иллюстратора, Н. П. Чехова, не хватило денегъ на расплату съ типографіей.

Намъ пришлось уже („В. Е.“, 1910, мартъ) упомянуть о „чеховской бібліотекѣ“, какъ изданіи, посвященномъ преимущественно спекуляціи именемъ Чехова. Такого же характера и сборникъ воспоминаній, механически составленный г. Врензеромъ. Это — простая перепечатка уже всѣмъ извѣстныхъ статей, въ томъ числѣ воспоминаній Бунина, Горькаго, Елпатьевскаго, Короленка, Куприна, М. Чехова и другихъ. — Оба сборника иллюстрированы. Въ первомъ изъ нихъ курьезны иллюстраціи Н. Чехова къ юмористическимъ рассказамъ А. П. Во второмъ много снимковъ съ портретовъ Чехова.—Ч. В—скій.

— Р. П. Сементковскій. Современная Россія. Записки японца. Спб., 909. Стр. 182. Ц. 75 к.

Любознательный молодой японецъ, изображаемый г. Сементковскимъ, высказываетъ свои впечатлѣнія въ рядѣ живыхъ и иногда остроумныхъ замѣчаній о русскихъ дѣлахъ и порядкахъ. Прибывъ въ Петербургъ, онъ прежде всего пожелалъ ознакомиться съ нашей правительственной организаціей и съ этой цѣлью посѣтилъ „педаго-

гическое вѣдомство“; тамъ онъ наткнулся на группы веселыхъ барышень. Съ одною изъ этихъ интересныхъ дѣвицъ онъ ведетъ длинныя политическія бесѣды; отъ нея онъ узнаетъ, что начальникъ вѣдомства — „бывшій кавалергардъ, конногвардеецъ или что-то въ этомъ родѣ“ — очень интересуется и увлекается сельскимъ хозяйствомъ, и что каждый изъ нашихъ чиновниковъ занимается какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, не имѣющимъ ничего общаго съ его служебными обязанностями. Самъ начальникъ, при первомъ знакомствѣ съ японцемъ, настойчиво спрашиваетъ его о практикуемыхъ въ Японіи способахъ приготовленія рыбныхъ туковъ; его чиновникъ особыхъ порученій рассказываетъ о своихъ театралныхъ пьесахъ, другой — говоритъ только о музыкѣ и занимается въ канцеляріи писаніемъ нотъ, третій — просто жуируетъ, хотя пользуется репутаціею спеціалиста по школьному дѣлу. Японецъ съ удивленіемъ выслушиваетъ откровенныя признанія русскихъ собесѣдниковъ о томъ, что „въ Россіи химики, флотскіе офицеры, профессора баллистики бываютъ композиторами и воздухоплатателями, артиллеристы — художниками, археологи — директорами театровъ, а писателями — всѣ понемногу“, и что „разныя вѣдомства, въ родѣ морского, финансоваго, цензурнаго и др., спеціализируются — одно на музыкѣ, другое — на поэзіи и т. д.“ Одна изъ служащихъ въ канцеляріи приглашаетъ японца на секретное революціонное собраніе, которое происходитъ въ роскошной квартирѣ большого казеннаго дома, при участіи многихъ чиновныхъ и даже военныхъ лицъ; извѣстный подпольный дѣятель читаетъ рефератъ, и къ возникшимъ принципиальнымъ спорамъ вскорѣ примѣшиваются разоблаченія систематическаго казюкрадства въ одномъ техническомъ вѣдомствѣ, представитель котораго тутъ же присутствуетъ и подтверждаетъ сообщаемые факты. Японецъ все болѣе убѣждается, что правящій классъ въ Россіи никуда не годится и не можетъ оказать никакого сопротивленія въ случаѣ какой-либо вѣшней или внутренней катастрофы. Онъ кончаетъ свои записки словами: „государство, граждане котораго не интересуются своимъ прямымъ дѣломъ и не любятъ его, не можетъ быть сильнымъ, и врагамъ оно не страшно“.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе книжки г. Сементковскаго. Въ концѣ прибавлены двѣ отдѣльныя статьи — „Русскій Олимпъ“ и „Наши гимназіи“, гдѣ указываются различные недостатки русскаго общества и русской передовой интеллигенціи. Въ изложеніи автора „современная Россія“ исчерпывается бюрократіей и примыкающими къ ней высшими классами; о народѣ почти совсѣмъ не говорится, какъ не говорится ни о системѣ управленія, ни объ организаціи государственной власти, — хотя для „японскаго“ наблюдателя эти предметы должны были бы представлять нѣкоторый интересъ. Насмѣшки

надъ такими явленіями, какъ присутствіе служащихъ женщинъ въ нанихъ канцеляріяхъ, придають сатирѣ г. Сементковскаго отбѣнокъ, котораго онъ вѣроятно не имѣлъ въ виду. Впрочемъ, и исходная точка зрѣнія автора кажется намъ ошибочною. То дѣло, которому призвана была служить бюрократія до манифеста 17 октября и которому она отчасти служить понышѣ, не было дѣломъ русскаго народа и государства и не могло, поэтому, вызывать чувства любви и сознательной преданности среди массы исполнителей. Еслибы всѣ чиновники съ любовью и убѣжденіемъ проводили предписываемую имъ политику подавленія культурныхъ потребностей и интересовъ народа, заботясь серьезно о процвѣтаніи водочной монополіи и о возможно болѣе широкомъ господствѣ неограниченныхъ административныхъ полномочій надъ безправнымъ населеніемъ, то жизнь при данныхъ условіяхъ стала бы просто невыносимою, и общіе интересы Россіи страдали бы несравненно болѣе, чѣмъ теперь. Грандіозныя хищенія „въ одномъ техническомъ вѣдомствѣ“, упоминаемая въ книжкѣ г. Сементковскаго, также зависятъ, разумѣется, не отъ случайныхъ и личныхъ причинъ, а отъ коренныхъ органическихъ пороковъ всей правительственно-государственной организаціи — пороковъ, противъ которыхъ бессильны всѣ отдѣльные чиновники, вмѣстѣ взятые, какъ бы добросовѣстны они ни были.—Л. С.

— Пфлугъ-Гартунгъ. Всемирная Исторія. Отъ Вѣнскаго Конгресса до нашихъ дней (1815 — 1910). Переводъ съ дополненіями подъ ред. проф. Н. П. Карѣва и С. Г. Лозинскаго. Отдѣлъ русской исторіи написанъ А. А. Корниловымъ. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1910.

Въ рядѣ большихъ коллективныхъ историческихъ трудовъ, вышедшихъ за послѣднее время, особенное вниманіе обращаетъ на себя научное предпріятіе нѣмецкихъ историковъ, объединившихся подъ редакціей проф. Пфлугъ-Гартунга. Успѣху его, помимо богатства внутренняго содержанія, способствуетъ великолѣпно скомбинированный иллюстративный матеріаль. Шестой томъ „Всемирной Исторіи“, только что вышедшій въ русскомъ переводѣ, принадлежитъ—наряду съ томомъ, посвященнымъ средневѣковью,—къ числу сравнительно менѣе удавшихся частей изданія, и можно пожалѣть, что именно съ него начинается ознакомленіе русской публики съ капитальнымъ трудомъ нѣмецкихъ ученыхъ. Для начала болѣе подходилъ бы или ранѣе всѣхъ вышедшій третій томъ, трактующій объ эпохѣ открытій, Ренессанса и Реформаціи, или недавно появившійся первый томъ, посвященный античному міру.

Редакторы русскаго перевода VI-го тома измѣнили распланировку

матеріала, сдѣлали дополненія и сокращенія въ текстѣ и поручили за-ново написать отдѣлъ русской исторіи А. А. Корнилову. Всѣ эти начинанія можно привѣтствовать; отъ нихъ изданіе только выиграло. Но всѣ недочеты оригинала исправить не удалось. Нѣтъ правильного дѣленія матеріала ни по хронологическимъ признакамъ, ни по принципу важности трактуемыхъ событій. Еще болѣе усугубляетъ эту неравномѣрность крайній „германизмъ“ составителей „Всемирной Исторіи“. Не смотря на стремленіе русскихъ редакторовъ (какъ это и указано въ предисловіи) внести извѣстные коррективы, все же остается преобладаніе нѣмецкой исторіи и нѣмецкой точки зрѣнія. Въ то время какъ исторія другихъ государствъ излагается въ почти конспективной формѣ, исторія Германіи и Австріи полна деталей (большею частью анекдотическаго характера) и написана въ весьма повышенномъ тонѣ. Для примѣра укажемъ главу объ австро-прусской войнѣ, съ сентиментальнымъ заключеніемъ въ духѣ тройственнаго союза, главу о франко-прусской войнѣ, далеко не отличающуюся объективностью, и патетическій рассказъ о паденіи Бисмарка, растянутый на 22 страницы. Совершенно излишней слѣдуетъ признать настойчивость въ подчеркиваніи близости русскихъ и германскихъ интересовъ, съ намѣреннымъ сгущеніемъ красокъ въ изображеніи „традиціонной“ вражды Россіи и Англіи. Другимъ недостаткомъ разбираемаго сочиненія является отсутствіе общей, соціологической точки зрѣнія. Попытки объясненія тѣхъ или другихъ историческихъ явленій часто страдают расплывчатостью и неясностью исходныхъ точекъ зрѣнія. Внутренняя жизнь государствъ — особенно соціально-экономическія отношенія — остается сравнительно менѣ освѣщенной; главное вниманіе обращено на внѣшнюю исторію. Авторамъ нельзя отказать въ живости, нерѣдко увлекательности изложенія, въ умѣннѣ использовать драматическіе моменты и ярко изобразить сложныя дипломатическія и партійныя комбинаціи. Благодаря этому обширный томъ (около 800 страницъ) читается съ неослабвающимъ интересомъ и вполне доступенъ для широкой публики. Въ отдѣлѣ русской исторіи главное мѣсто отведено внутреннему развитію Россіи (особенно подробно изложено освобожденіе крестьянъ), но ему недостаетъ яркости и образности другихъ частей сочиненія.

Мы останавливались болѣе на недочетахъ труда, нежели на его достоинствахъ, потому что русская публика можетъ быть весьма требовательной по отношенію ко всякому новому изданію по исторіи XIX-го вѣка. У насъ имѣются въ переводѣ почти всѣ главнѣйшія западно-европейскія сочиненія, относящіяся къ этому періоду, и кромѣ того превосходящій многія изъ нихъ оригинальный трудъ проф. Карѣева. Тѣмъ не менѣ коллективный трудъ подѣ редакціей Пфлугъ-

Гартунга, какъ прекрасно написанный общій очеркъ исторіи повѣшнаго времени, можетъ считаться цѣннымъ приобрѣтеніемъ нашей исторической литературы. По вѣнности русское изданіе уступаетъ заграничному; приложенные къ нему многочисленные портреты историческихъ дѣятелей не замѣняютъ разнообразныхъ иллюстрацій, которыми такъ богато нѣмецкое изданіе. Интересная статья Лампрехта о распространеніи европейской цивилизаціи сильно теряетъ безъ поясняющаго атласа картъ.

— Труды О. О. Соколова. Сиб. 1910.

1 іюня истекшаго года не стало признаннаго главы школы русскихъ эпиграфистовъ О. О. Соколова. Къ годовщинѣ его смерти ученики его—проф. Никитскій, Жебелевъ, Латышевъ, Новосадскій и др.—выпустили обширный томъ трудовъ своего учителя. Мало доступные для широкой публики, эти труды представляютъ большую цѣнность для специалистовъ по древней исторіи и для классиковъ. На первый взглядъ сухія, трактующія почти исключительно вопросы вѣнней исторіи и хронологіи, статьи Соколова поражаютъ глубиной критическаго анализа и тонкимъ мастерствомъ интерпретаціи. Авторъ — исключительный эрудитъ — умѣло толкуетъ полуистертыя письмена и на основаніи сохранившихся обломковъ даетъ блестящія и остроумныя реконструкціи. Предметъ большей части спеціальныхъ этюдовъ—изслѣдованіе надписей. О значеніи этого источника О. О. Соколовъ выражается такъ: „Древнія надписи производятъ особое, глубокое впечатлѣніе, отличаются особымъ, захватывающимъ интересомъ: внимая имъ, какъ бы слышишь голоса, отрывки разговоровъ дня, которому минуло двѣ тысячи лѣтъ“. Особенное значеніе имѣютъ этюды, посвященные темнымъ и запутаннымъ вопросамъ исторіи III-го вѣка до Р. Хр.; они вошли въ циклъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Въ области древней исторіи“ (многія изъ нихъ напечатаны и по-нѣмецки, въ журналѣ „Klio“). Общую, замѣчательную характеристику III-го вѣка даетъ актовая рѣчь: „Третье столѣтіе до Р. Хр.“. Нѣсколько особнякомъ отъ другихъ трудовъ покойнаго ученаго стоятъ обширная, ранняя статья о Гомеровскомъ вопросѣ и публичная рѣчь объ Александрѣ I-мъ. Къ сборнику приложены три портрета О. О. Соколова. Нельзя не пожалѣть, что не перепечатавъ въ сборникѣ превосходный некрологъ, написанный проф. Жебелевымъ (онъ былъ помѣщенъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“).—П. Бороздинъ.

— М. И. Боголѣповъ.—Государственный долгъ. Спб., 1910 г.

Объемистая книга г. Боголѣпова является началомъ обширнаго изслѣдованія о развитіи публичнаго кредита. Авторъ находитъ, что изученію общихъ основъ публичнаго кредита должно предшествовать изслѣдованіе государственныхъ долговъ. Первый томъ такого изслѣдованія онъ посвятилъ государственнымъ долгамъ, обязаннымъ своимъ происхожденіемъ военнымъ расходамъ и бюджетнымъ дефицитамъ. Содержаніе книги, однако, шире ея заголовка; бѣльшая ея часть посвящена не кредиту, а различнымъ другимъ вопросамъ государственнаго хозяйства, прямо или косвенно связаннымъ съ кредитомъ. Такъ, много страницъ и даже цѣлыя главы отведены авторомъ исторіи путей, какими приобрѣтались средства для военныхъ расходовъ, интересному, но мало разработанному вопросу о финансовой боевой готовности государствъ, отношенію военныхъ расходовъ къ народному хозяйству, теоріи и исторіи чрезвычайнаго бюджета, порчѣ денегъ и бумажно-денежному обращенію. Все это излагается, подчасъ, съ большими подробностями. Мы говоримъ это не въ осужденіе автора, — потому что интересъ литературной работы опредѣляется не заголовкомъ, а содержаніемъ,—а для того, чтобы дать о книгѣ болѣе точное понятіе. Темы, трактуемыя авторомъ, очень интересны и злободневны.

Авторъ изучаетъ интересующіе его вопросы исторически, въ связи съ ученіями теоретиковъ — съ одной стороны, съ фактическими государственно-соціальными отношеніями — съ другой. Но у него вы не найдете хотя бы приблизительнаго учета роста задолженности главнѣйшихъ государствъ собственно для военныхъ цѣлей, условий заключенія такихъ займовъ и т. п. Въ частности г. Боголѣповъ отвелъ много мѣста вопросу объ отношеніи военныхъ расходовъ къ народному хозяйству, какъ источнику средствъ для войны и какъ организаци, такъ или иначе отъ нихъ страдающей; интересуется онъ здѣсь и тѣми силами и отношеніями, которыя поддерживаютъ милитаризмъ въ наше время господства мирныхъ сношеній между народами, всеобщей коммерческой взаимозависимости и всеобщей боязни военныхъ столкновений. Но изъ всѣхъ его разсужденій и фактовъ вытекаетъ лишь то, что чѣмъ болѣе развивается въ обществѣ отвращеніе къ войнѣ, тѣмъ болѣе къ ней готовятся государства. Авторъ разсматриваетъ различныя силы и интересы, положительно или отрицательно заинтересованные въ военныхъ расходахъ, но — можетъ-быть потому, что онъ слишкомъ много вниманія удѣляетъ этимъ факторамъ и недостаточно используетъ „экономическую точку зрѣнія“—отвѣта на вопросъ о причинахъ упорнаго сопротивленія милитаризма вра-

ждебнымъ ему тенденціямъ мы у него не находимъ. Заключенія автора вообще нѣсколько расплывчаты и не всегда легко могутъ быть формулированы. Отчасти это объясняется его системой развитія своихъ взглядовъ путемъ изложенія и критики чужихъ мнѣній въ исторической, по большей части, ихъ послѣдовательности. При этомъ авторъ злоупотребляетъ правомъ выписокъ изъ чужихъ произведеній.

Научные результаты изслѣдованія г. Боголѣнова заключаются въ установленіи нѣкоторыхъ зависимостей въ области финансовъ и въ критикѣ господствующихъ финансовыхъ теорій. Скажемъ нѣсколько словъ о послѣдней. По заключенію автора, теоріи, если онѣ не имѣли въ виду оправданіе существующихъ отношеній, какъ бы протекали въ жизни: теорія—сама по себѣ, а практика—сама по себѣ. Мало дали финансовыя теоріи и въ сферѣ объясненія существующаго. Эти неудачи теорій авторъ приписываетъ тому, что онѣ стремились не столько къ познанію, сколько къ поученію, къ рационализированію финансовой практики. Оставаясь на этой почвѣ, теорія „въ конечномъ результатѣ даетъ программу, быть-можетъ самую совершенную“ и способную „бросить яркій лучъ свѣта въ неизвѣстность будущаго“, но безцельную, если ее не приметъ къ руководству господствующій классъ, и не объясняющую научно ни прошлаго, ни настоящаго. „Современная финансовая политика осуществляется подъ вліяніемъ тѣхъ общественныхъ классовъ, интересы которыхъ опредѣляютъ весь ходъ государственной жизни“ — а эти классы мало склонны къ рационализациі финансовъ, грозящей перенесеніемъ на ихъ плечи податнаго бремени. Усиленіе вліянія демократіи и развитіе государственныхъ потребностей заставляютъ ихъ, правда, дѣлать хотя бы малые шаги по этому пути; но авторъ склоняется къ заключенію, что дальнѣйшее усиленіе демократіи помѣшаетъ рационализациі финансовъ. „Соціальная борьба, какъ основа современныхъ финансовыхъ отношеній, возрастетъ до невиданныхъ размѣровъ, а вслѣдствіе этого усилятся и умножатся преграды и препятствія на пути развитія финансовыхъ системъ“. Мало сдѣлано, по мнѣнію г. Боголѣнова, господствующими теоріями и въ отношеніи объясненія явленій существующаго. „Ставъ на почву этой теоріи, можно узнать только одно: какіе отдѣльные факты изъ исторіи государственнаго кредита нужно теоретически признать рациональными, и какіе — патологическими“. Современная финансовая наука, однако, „постепенно освобождается отъ гнета совершенно постороннихъ для нея политическихъ и практическихъ задачъ, и этимъ создаются необходимыя условія для построенія дѣйствительно научныхъ теорій финансовыхъ явленій“ (стр. 562). „Достаточно, если теорія обнаружитъ и раскроетъ органическую связь даннаго явленія съ эпохой, съ общими условіями вре-

мени, раскроетъ его природу и его дѣйствія“—такъ формулируетъ, на стр. 568, г. Боголѣповъ задачу научнаго изслѣдованія финансовъ, которою онъ руководствуется и въ своемъ собственномъ трудѣ. Нельзя возражать противъ положительной части этого утвержденія: изученіе и уясненіе явленія составляютъ дѣйствительно первую задачу науки. Но если авторъ разсматриваемаго нами весьма интереснаго изслѣдованія порицаетъ прежнихъ теоретиковъ за чрезмѣрное и немотивированное пристрастіе къ раціонализму, то не вправѣ ли мы упрекнуть его самого за столь же мало обоснованное уклоненіе въ другую крайность?

— А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. Москва, 1910.

— Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправления. Земская реформа на Кавказѣ. Балу, 1910.

Задачей названнаго выше труда А. А. Кизеветтера, извѣстнаго самостоятельными работами въ области исторіи самоуправления въ Россіи, было „прослѣдить въ сжатомъ и удобообозрѣваемомъ очеркѣ наиболѣе характерныя и основныя черты въ исторіи взаимныхъ отношеній коронныхъ и выборныхъ общественныхъ властей на поприщѣ мѣстнаго управленія въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ и до нашихъ дней“, въ надеждѣ, что эта историческая справка окажется небезполезной при разрѣшеніи очереднаго вопроса русскаго быта: преобразования дѣйствующаго положенія о мѣстномъ самоуправленіи.

Исторія самоуправления въ Россіи, по мнѣнію автора, отражаетъ моментъ общей исторіи провинціальной администраціи, проходящей въ своемъ развитіи слѣдующіе этапы: полнаго примѣненія общественной самодѣятельности въ мѣстномъ управленіи, безъ всякаго вмѣшательства государства — упраздненія этого самоуправления центральною властью — и введенія его вновь по инициативѣ правительства. Этапы эти въ нашемъ отечествѣ характеризуются, конечно, своеобразными особенностями. Въ удѣльно-вѣчевой періодъ представители правительства на мѣстахъ имѣли задачей не столько управленіе, сколько „смотрѣніе своего прибытка“, а управленіе „предоставлялось всецѣло самопомощи населенія — самопомощи не урегулированной и не санкціонированной никакимъ закономъ“. Въ XVI-мъ вѣкѣ мѣстныя выборныя власти получаютъ формальное признаніе закона и ставятся во главѣ управленія. На практикѣ это оказалось, однако, началомъ бюрократизаціи мѣстнаго управленія. Начатки самоуправления не могли развиваться въ прочныя организаціи при господствовавшей системѣ разьединенія сословій и подчиненія всѣхъ ихъ государеву тяглу. Въ мѣстномъ самоуправленіи разьединительный

характеръ сословной политики дополненъ былъ территоріальной раздробленностью самоуправляющихся единиц: „каждый уѣздъ дробился на сотни мелкихъ общинъ, и каждая изъ этихъ общинъ съ выборными властями непосредственно подчинялась центральнымъ учрежденіямъ“. А въ силу тяглаго характера предъивлявшихся правительствомъ требованій „функции земскихъ старостъ сводились не столько къ удовлетворенію мѣстныхъ общественныхъ потребностей, сколько къ исполненію казенныхъ порученій“, съ отчетомъ о нихъ передъ центральной властью. Въ XVII в. между органами самоуправления и правительствомъ поставлены были воеводы, которые превратились въ настоящихъ хозяевъ мѣстнаго управленія, а выбранные чины сдѣлались исполнителями ихъ распоряженій. Реформы Петра I направлены были „на подставленіе новыхъ подпорокъ подъ старыя основы государственности“. Число чиновниковъ на мѣстахъ увеличилось, функціи ихъ были расширены, но выполнялись неудовлетворительно; попытки же привлечь къ участию въ мѣстномъ управленіи общественныя силы терпѣли неудачу. „Только раскрытіе общества и взаимное сближеніе сословій могло бы оживить самостоятельность русской провинціи“. То и другое начало получили нѣкоторое осуществленіе при Екатеринѣ II, когда вмѣстѣ съ тѣмъ задачей мѣстнаго управленія — наряду съ удовлетвореніемъ государственныхъ потребностей — признана была и забота о благосостояніи населенія. Но и мѣстная реформа Екатерины II выродилась въ скоромъ времени въ „бюрократизацію общественного представительства“, вслѣдствіе подчиненія выборныхъ лицъ руководству администраціи и проникновенія всей общественной атмосферы „насквозь духомъ крѣпостническаго произвола“. Лишь съ упраздненіемъ крѣпостнаго права могъ серьезно быть поставленъ вопросъ о развитіи дѣйствительнаго мѣстнаго самоуправления. Краткимъ очеркомъ составленія земскаго Положенія 1864 г. и его послѣдующей судьбы заканчиваются талантливые очерки г. Кизеветтера.

Книжка Ореста Семина служитъ какъ бы дополненіемъ труда г. Кизеветтера; главное ея содержаніе заключается въ изложеніи подготовительныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ къ замѣнѣ бюрократическихъ порядковъ мѣстнаго управленія на Кавказѣ системою самоуправления. Это изложеніе, однако, дается не объективнымъ историкомъ, какъ въ книгѣ г. Кизеветтера, смотрящимъ на дѣло со стороны, а общественнымъ дѣятелемъ, принимающимъ личное участіе въ описываемомъ имъ процессѣ. Въ книгѣ г. Семина имѣется также характеристика дѣйствующей системы мѣстнаго хозяйства въ Закавказьѣ и обзоръ въ табличной формѣ коммунальныхъ положеній Западной Европы и Россіи. Къ книгамъ г.г. Кизеветтера и Семина приложена библиографія разсматриваемыхъ ими предметовъ.—В. В.

Въ теченіе іюня мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

- Адриановъ, Г. В.,* и *Малишевскій, М. А.* — Черноморско-кубанская ж. д. взамѣлъ Перевальной черезъ Кавказскій хребетъ. Спб., 1910 г.
- Араксскій, П. Ѳ.* — Въ Закавказьѣ. Очерки. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Баикинъ, В.* — Разказы. Томъ III. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.
- Вьлицкій, В. П.* — Сборникъ обвинительныхъ пунктовъ. Житомиръ, 1910 г.
- Вайнеръ, Германъ.* — Въ полѣ и на лугу. Спб., 1910 г. Цѣна 65 коп.
- Вандаль, Альбертъ.* — Наполеонъ и Александръ. Томъ I. Перев. съ франц. В. Шиловой. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.
- Велетокъ, Х.* — Стихотворенія. Ломжа, 1910 г. Цѣна 30 коп.
- Величкинъ, В.* — Другъ дѣтей. Спб., 1910 г. Цѣна 20 р.
- В. Л.* — Новое дѣло. Литературный сборникъ. Спб., 1909 г. Цѣна 70 коп.
- Гаринъ, Н.* — Разказы и пьесы. Томъ IX. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Гейерстамъ, афъ, Густавъ.* — Собраніе сочиненій. Т. V. Власть женщинъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.
- Левановъ, Г. И.* — Начальный курсъ географіи. Ч. I, II и III. Спб., 1910 г. Цѣна I ч. 60 коп., II и III по 75 коп.
- Казанцева, Н.* — Принципы, на которыхъ утверждалось русское просвѣщеніе. Александровскъ, 1910 г.
- Красевскій, Б.* — По поводу самоубійствъ среди учащихся. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 50 коп.
- Крарковскій, Д.* — Необыкновенный человекъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Ле-Дантекъ, Феликсъ.* — Основныя начала біологіи. Перев. З. Стиглицъ подъ ред. В. Базарова. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Малиновскій, I.,* проф. — Русскіе писатели-художники о смертной казни. Томскъ, 1910 г. Цѣна 75 коп.
- Малянтовичъ, П. Н.,* и *Муравьевъ, Н. К.* — Законъ о политическихъ и общественныхъ преступленіяхъ. Практическій комментарий. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р. 50 коп.
- Миклашевскій, Юс.* — Вѣнокъ на могилу Шопена. Кіевъ, 1910 г.
- Морозовъ, И.* — Объ искусствѣ вообще и поэзіи въ частности. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Морозовъ, Николай.* — Звѣздныя пѣсни. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.
- Неткачевъ, Г. Д.* — Къ психопатологін театральнѣи игры. О сценическомъ страхѣ. Спб., 1910 г.
- Ньинъ.* — Грядущій Фаустъ. Драма-поэма въ 2-хъ частяхъ. Рязань, 1910 г. Цѣна 70 коп.
- Павловъ, Анатолій.* — Въ океанѣ вдохновенія. Тифлисъ, 1909 г. Цѣна 50 к.
- Палиенко, Н. Н.* — Основные законы и форма правленія въ Россіи. Юридическое изслѣдованіе. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 75 коп.
- Переферковичъ, Н. А.* — Еврейскіе законы объ иновѣрцахъ. Изд. 2-е. Спб., 1910 г. Цѣна 35 коп.
- Пуанкаре, Л.* — Эволюція современной физики. Перев. съ франц. I. Гольденберга. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 20 коп.
- П., Ѳ. Г.* — Лѣсная семья дѣдушки Крылова. Сцены для школьнаго театра, № 1. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 40 коп.
- Слезкинъ, Юрій.* — Картонный король. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Слободжанскій, С.* — Италия. Часть I. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Солоубъ, Федоръ.—Собраніе сочиненій. Т. IV. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

— Собраніе сочиненій. Т. VIII. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Сутичичъ, Гуголь Семеновичъ.—Сланине и конституція. Одесса, 1910 г. Цѣна 10 коп.

Съасорова, Н. Б.—Интимныя страницы. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Тэффи.—Юмористическіе рассказы. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Усовъ, М. Л.—Преданіе и факты. (Къ еврейскому вопросу). Изд. 2-е. Сиб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Томъ VIII. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Чернышевъ, В.—Русское правоисловіе. Сиб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Шлихтъ, баронъ.—Подъ сѣнью побѣдныхъ знаменъ. Книга I. Перев. съ нѣм. В. I. фонъ-Толь и Л. А. Шмидтъ. Сиб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Шюрс, Эдуардъ.—Великіе посвященные. Перев. съ франц. Е. П. Сиб., 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Феоктистовъ, В. К.—Пятидесятилѣтіе Саратовской Маріинской женской гимназіи. Саратовъ, 1910 г.

— Альманахъ для всѣхъ. Книга первая. Изд. 2-е. Сиб., 1910 г. Ц. 60 коп.

— Альманахъ для всѣхъ. Издательство „Разумъ“. Книжка 4-я. На чужбинѣ. Сиб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

— Матеріалы для офѣнки неземельныхъ имуществъ Саратовской губернии. Выпускъ II. Саратовъ, 1910 г.

— Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. Подъ ред. Влад. Бончъ-Бруевича. Вып. II. Животная книга духоборцевъ. Записалъ и собр. В. Бончъ-Бруевичъ. Вып. III. Штудисты. Постники. Свободные христіане. Духовные скопцы. Старообрядцы. Цѣна каждого выпуска 2 рубля.

— Отчетъ мужского семикласснаго коммерческаго училища М. А. Паршина за 1909—1910 г. Москва, 1910 г.

— Памяти Николая Гавриловича Чернышевскаго. Доклады и рѣчи П. Ф. Анненскаго, М. А. Антоновича, А. А. Корнилова, А. С. Посникова и М. И. Туганъ-Барановскаго. Сиб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Сборникъ т-ва „Знаніе“. Книга 30-я. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— У источника. Сиб., 1910 г.

— Фіорды. Сборникъ 5-й. „На высотахъ“. Издательство А. Ф. Маркса. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Записки наукового товариства імені Шевченка. Під редакцією Михайла Грушевського. Рік XIX, т. XCIV. Львів, 1910 р.

— Українсько-руській архивъ. Т. V. Фізіологічні праці Івана Могильницького. Видав Михайло Возняк. У Львові, 1910 р.

— Етнографічний Збірникъ. Т. XXVI. Народні оповідання про опришківъ. Зібравъ Володимир Гватюк. У Львові, 1910 р.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Дума въ одинъ изъ дней засѣданія по финляндскому вопросу.—Думская „охрана“.—Музыка разговоровъ, чтенія и ходьбы.—Итогъ личныхъ впечатлѣній.—Изъ отзы-вовъ печати о финляндскомъ законопроектѣ.—Что ждетъ высшую, среднюю и низ-шую школу.—Выѣшній шпионажъ.—К. Э. Казиміръ, Юлія Безродная и А. Н. Ко-тельниковъ †.

Авторъ этихъ строкъ въ концѣ мая былъ въ первый разъ въ Та-врическомъ дворцѣ послѣ роспуска второй Думы. Какъ публицистъ, много писавшій о Думѣ 3-го іюня, онъ, конечно, заслуживаетъ упрека. Публицистъ обязанъ пользоваться всякой возможностью, чтобы про-вѣрять непосредственными наблюденіями и впечатлѣніями чужіе отзывы, печатные и устные, на основаніи которыхъ онъ пишетъ. Но для составителя „общественной хроники“ „Вѣстника Европы“ есть оправданіе личнаго свойства. На его долю выпала высокая честь быть членомъ, какъ первой Думы—„Думы народныхъ надеждъ“,—такъ и второй—„Думы народнаго гнѣва“. И онъ въ теченіе трехъ лѣтъ не находилъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы придти въ третью Думу, намѣренно и искусно созданную для ликвидаціи надеждъ и для инсценированія въ обратномъ направленіи гнѣва и желаній народа. Понятно, что ему было бы нелегко присутствовать въ качествѣ зрителя при все далѣе развертывающихся актахъ такого инсценированія и такой ликвидаціи. Время, однако, беретъ свое—всегда и во всемъ. Конечно, три года практики учрежденія, увѣнчавшаго, наконецъ, послѣ долгой борьбы, зданіе освободительныхъ реформъ, не примирили и не могли примирить съ „самобытно-русской“, „самодержавно-пред-ставительной“ конституціей и съ ея главнымъ выраженіемъ—съ третьей Думой—тѣхъ, кто были 27 апрѣля 1906 г. въ Зимнемъ дворцѣ, а затѣмъ, подъ восторженные клики съ улицъ, мостовъ, барокъ, изъ тюремныхъ оконъ, вошли въ Таврической дворецъ. Не въ этомъ смыслѣ время взяло свое: но оно отодвинуло 27-ое апрѣля, какъ и 17-ое октября, въ исторію. А третью Думу оно сдѣлало фактомъ русской дѣйствительности—тѣмъ фактомъ, который сталъ безспорно яснымъ и который только наименованіемъ своимъ говоритъ о не-сбывшихся былыхъ надеждахъ...

Какою представляется выѣшняя обрисовка этого факта?

Мы были въ вечернемъ засѣданіи. Жаркая лѣтняя погода и засѣданіе, созванное вечеромъ, послѣ короткаго, двухчасоваго обѣденнаго перерыва, живо напомнили болѣзненно напряженную энергію работы первой Думы. Тогда, въ маѣ 1906 г., тоже стояли душливо жаркіе дни. Но первые избранныки народа и мысли не допускали объ отдыхѣ. Пока С. А. Муромцевъ не сказалъ исторической фразы: „У Государственной Думы нѣтъ неразсмотрѣнныхъ дѣлъ“ — вскорѣ затѣмъ министерствомъ былъ внесенъ законопроектъ о пращеніи, — Дума засѣдала и днемъ, и вечеромъ до ранняго петербургскаго восхода солнца. Первая Дума, не отрываясь, работала надъ отиѣтнымъ адресомъ, горя желаніемъ скорѣе вылить въ конкретныя формы законодательныхъ актовъ утоленіе земельного голода, гражданскую свободу, равноправіе, отмѣну смертной казни, амнистію. Въ маѣ 1910 г. третья Дума тоже не помнила объ отдыхѣ: она экстренно исполняла срочный заказъ. Она торопилась прикопчить Финляндію...

Мы шли черезъ Таврической садъ. За рѣшеткой, въ закрытой для публики части сада, видны были вышедшіе на воздухъ депутаты и на каждомъ углу, у каждаго заворота рѣшетки — чины охраны дворца. Форма охранниковъ мелькала не рѣже, чѣмъ сюртуки и пиджаки депутатовъ. И было ясно, что охранники стоятъ и ходятъ по саду для охраны членовъ Думы... Въ первой Думѣ охраны и охранниковъ не было вовсе. Ко времени открытія второй Думы создава была сложная система изоляціи народныхъ представителей отъ уличныхъ овацій, отъ посѣщающей засѣданія публики, отъ сотрудниковъ газетъ и даже отъ министровъ, для которыхъ былъ выстроенъ особый павильонъ. И въ основу системы тогда же была положена „охрана“. Появились пачальникъ дворцовой охраны, его помощникъ изъ жандармскихъ офицеровъ и цѣлый штатъ охранныхъ чиновъ низшихъ ранговъ. Но та охрана была всего менѣе охраною депутатовъ. Охранять ихъ было не отъ кого, и ихъ неприкосновенность не составляла предмета охранныхъ заботъ. Охранники, ходившіе по саду въ маѣ 1907 г., предупреждали общеніе членовъ второй Думы съ стремившейся всегда подойти къ запретной рѣшеткѣ публикой. Предупреждали они не то общеніе, которое вынуждаетъ помнить о личной безопасности общающихся. Задачи думской „охраны“ въ 1910-мъ году стали совершенно иными... Въ первые мѣсяцы жизни третьей Думы такая охрана, можетъ быть, и была нужна. Но теперь, проходя черезъ Таврической садъ, мы не замѣтили абсолютно ни одной черточки, которая говорила бы, что у массы гуляющихъ, играющихъ въ лаунъ-теннисъ и сидящихъ на скамейкахъ есть хоть малѣйшій интересъ къ тому, что дѣлается за рѣшеткой, и къ тѣмъ, кого тамъ тщательно охраняютъ. Даже недовольство Думой въ уличныхъ

массахъ исчезло. Три года октябристы „пріучали“ къ конституціи — и пріучили къ обидно безразличному взгляду на Думу, какъ на присутственное мѣсто, гдѣ изготовляютъ законы.

Черезъ длинный рядъ охранной провѣрки билета и самоличности — у воротъ, у подъѣзда, въ швейцарской, на лѣстницѣ — мы прошли по стеклянной галлерей въ ложи для публики. Сквозь прозрачныя верхнія стекла видны были только потолокъ Екатерининской залы да горящія люстры. Нижнія матовыя стекла скрывали отъ глазъ, что дѣлалось въ кулуарахъ. Слышался неопредѣленный гулъ голосовъ. Часъ открытія засѣданія уже насталъ, предсѣдательствовавшій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, но депутатовъ еще почти никого не было. Сзывающій звонокъ трещалъ непрерывно. На министерскихъ мѣстахъ сидѣло человѣка четыре — но не министровъ и даже не товарищей министровъ, а чиновниковъ не выше департаментскихъ директоровъ. Въ верхнихъ ложахъ была такая же пустота, какъ внизу. Пришедшіе послушать заключительный аккордъ общихъ преній по финляндскому вопросу свободно размѣщались въ первомъ ряду стульевъ. Тутъ были преимущественно провинціалы, кое-кто изъ журналистовъ, не получившихъ доступа въ нижнюю ложу представителей печати, дамы и личные знакомые очередныхъ ораторовъ.

Постепенно депутатскія кресла стали заполняться. Потомъ, къ моменту голосованія, въ залъ собралось болѣе трехсотъ человѣкъ. Къ началу же преній едва ли былъ на-лицо законный кворумъ. Большинство третьей Думы не въ этотъ вечеръ предвосхитило слова П. А. Столыпина о минутахъ, когда надо рѣшать. Оно давно уже и твердо усвоило, что думскія засѣданія существуютъ отнюдь не для обсужденія дебатруемыхъ вопросовъ, а лишь для принятія рѣшеній, — или, вѣрнѣе, для санкціонированія счетомъ голосовъ тѣхъ рѣшеній, которыя уже приняты во фракціонныхъ собраніяхъ и въ междуфракціонныхъ соглашеніяхъ. Оно постоянно заявляетъ объ отсутствіи какой бы то ни было преемственности между нимъ и партіями, составлявшими большинство въ Думахъ перваго и втораго созывовъ. Но, въ сущности, оно восприняло отъ нихъ партійность и возвело ее въ культъ. Третья Дума — откровенная говорильня. Въ ней говорятъ для газетъ, для „сферъ“, но только не для тѣхъ, къ кому обращаютъ слово. Представителей правительства Дума слушаетъ. Рѣчи же депутатовъ — невужная добука. И большинство этого не скрываетъ. Были не разъ примѣры, что немедленно вслѣдъ за рѣчью докладчика вносилось предложеніе о прекращеніи еще не вачинавшихся преній. Зачѣмъ законодателямъ обдумывать, взвѣшивать сужденія за и противъ? Ихъ обязанность класть штемпель на то, что предрѣшено отъ

ихъ имени, во-первыхъ, законопроектѣмъ, а затѣмъ переговорами, приглашеніями и учетомъ вліяній.

Ложи для публики таѣ и остались до конца засѣданія пустыми. Исходъ голосованія никого не интересовалъ: онъ былъ извѣстенъ еще за недѣлю, если не за мѣсяць. Та единственная рѣчь, которая могла имѣть реальное значеніе и послѣ принятыхъ во фракціяхъ большинства рѣшеній—рѣчь П. А. Столыпина,—уже была произнесена. Крупнаго скандала не ожидалось: г. Пуришкевичъ уже говорилъ, а мелкими думскими скандалами обычные посѣтители засѣданій пресыщены выше всякой мѣры. Но для посѣтителей необычныхъ то засѣданіе, на которомъ мы были, представляло собою сплошной, тягостный скандалъ. Около насъ сидѣлъ старичокъ, не то мѣщанинъ изъ уѣзднаго города, не то торговецъ-крестьянинъ. Гляди впизъ, онъ вздыхалъ и про себя бормоталъ: „на сельскихъ сходахъ этого не бываетъ“.

Въ залѣ царилъ безпорядокъ. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что С. А. Муромцевъ, руководи засѣданіями первой Думы, почти никогда не употреблялъ колокольчика. Тутъ же колокольчикъ звенѣлъ поминутно. Князь Волконскій и затѣмъ смѣнившій его г. Шидловскій не выпускали думскаго колокола изъ рукъ. Говорилъ правый ораторъ—они, готовые примѣнить предсѣдательскую власть, сидѣли въ поль-оборота влѣво. Говорилъ лѣвый—они поворачивались вправо. Первымъ занялъ кафедру членъ партіи народной свободы, г. Бабянский. Раз-слушать его рѣчь, весьма сдержанную по формѣ, дѣловую и содержательную, представляло большой трудъ. Не смотря на громкій голосъ оратора, пужно было черезъ силу напрягать слухъ, чтобы схватывать порой выкрикиваемыя фразы. Наканунѣ была впервые примѣнена правыми и націоналистами новая форма обструкціи: заглушать рѣчи оппозиціи разговоромъ съ сосѣдомъ. Г. Бабянскаго почти-что не перебивали: всего разъ или два что-то прокричалъ г. Пуришкевичъ—но по правамъ третьей Думы это такая неизбѣжно-привычная мелочь, на которую и предсѣдатель, и ораторъ перестали обращать вниманіе. Вся правая половина залы безъ умолку говорила обычнымъ разговорнымъ голосомъ. Кое-кто вслухъ читалъ газету. Нисколько не умѣряя стука шаговъ, десятки людей входили въ залъ, выходили, собирались группами, передавали другъ другу должно-быть послѣднія новости дня, смѣялись. Словомъ, залъ думскаго засѣданія представлялъ собою не то базаръ, не то большой залъ ресторана, гдѣ даже оркестръ не всегда успѣшно борется съ звуками шаговъ и съ гуломъ одновременно говорящихъ полутораста голосовъ.

Октябристы, повидимому, въ обструкціи участія не принимали. Съ вишней стороны они держали себя прилично. Но и тѣни интереса къ преніямъ они не обнаруживали. На ихъ лицахъ была напи-

сана спокойная увѣренность, вмѣстѣ съ недоумѣніемъ — зачѣмъ тратить время, когда уже все рѣшено. Съ этой увѣренностью они бродили между залой и кулуарами. Войдетъ человѣкъ въ залу, справится, скоро ли нужно голосовать, полюбопытствуетъ минуту и снова уйдетъ пить чай или курить. Одинъ замѣститель А. И. Гучкова по лидерству, г. фонъ-Анрепъ, обнаруживалъ безпокойство. Его озабоченная фигура каждую минуту появлялась то въ одномъ, то въ другомъ концѣ залы. То онъ, наклоняясь, шепталъ „своимъ“, то подходилъ къ предсѣдательской трибунѣ, то летѣлъ за колонны, чтобы перекинуться парой словъ съ министерскими чиновниками. Онъ додѣлывалъ сдѣланное за думскими кулисами: провѣрялъ ариметику голосовъ, устранялъ послѣднія сомнѣнія въ предрѣшенномъ исходѣ баллотировки.

Послѣ г. Бабянскаго на кафедре вошелъ г. Марковъ 2-ой. Слѣдомъ за нимъ потянулись съ мѣста его партійные друзья и заняли боковой проходъ къ кафедрѣ. Образовалась толпа, среди которой особенно выдѣлялись „батюшки“, съ крестами на груди, крупные и тучные, типа соборныхъ протопоповъ. Потомъ, когда говорилъ г. Покровский, за нимъ встали и заняли лѣвый боковой проходъ социал-демократы. Только изъ нихъ образовалась не толпа, а кучка человѣкъ въ десять. На двухъ крайнихъ полюсахъ Думы очевидно стало обычаемъ высылать въ помощь „своимъ“ ораторамъ подкрѣпленія. Едва г. Марковъ раскрылъ ротъ, слѣва началась та самая музыка разговоровъ, громкаго чтенія и ходьбы, которая только-что раздавалась справа. Но лѣвые, включая кадетовъ, занимаютъ въ Думѣ только одинъ сегментъ кресель, а крайніе правые и націоналисты—если не сплошь половину залы, то всѣ передніе ряды правой половины. На глазъ ихъ было въ засѣданіи по крайней мѣрѣ вдвое больше, чѣмъ оппозиціи. Поэтому оратору мѣшали, но въ гораздо меньшей степени. Кромѣ того, надо отдать справедливость г. Маркову: по временамъ ему удавалось настолько привлечь вниманіе къ своимъ словамъ, что музыка сама собою стихала. Рѣчь г. Маркова носила чисто митинговый характеръ. Дѣловаго содержанія въ ней не было и тѣни. Но она была построена и сказана умѣло и, главное, съ полнымъ знаніемъ аудиторіи. Ораторъ и по формѣ изложенія, и по приѣмамъ полемическихъ выпадовъ напомнилъ намъ г. Аладьина въ первой Думѣ. Онъ имѣлъ несомнѣнный успѣхъ. Скучавшему въ ожиданіи голосованія центру его рѣчь доставила, во всякомъ случаѣ, развлеченіе. Сколько въ этой рѣчи было неправды, какой она звучала злобой, какимъ самодовольствомъ, какъ ораторъ пьянѣлъ въ потокахъ своего краснорѣчія, взывая къ силѣ, для которой не должно существовать ничего завѣтнаго и святого—объ этомъ лучше не вспоминать.

Далѣ слѣдовали три рѣчи изъ рядовъ оппозиціи. Говорили кадеть, мирнообновленецъ и г. Покровский. Рѣчи первыхъ двухъ для публики не существовали: въ залѣ былъ уже не безпорядокъ, а хаосъ. Долетали до слуха только отдѣльныя слова. Въ общемъ, можно было скорѣе догадаться, чѣмъ разслышать, что, возражая противъ законопроекта, ораторы пытались доказать возможность какого-то средняго разрѣшенія вопроса. Кадеть говорилъ такъ, что въ первой или во второй Думѣ его рѣчь приписали бы октябристу, а рѣчь мирнообновленца приписали бы безпартійному правому. Что касается рѣчи г. Покровскаго, то, по ея содержанію, ни въ первой, ни во второй Думѣ никто не догадался бы, что ораторъ принадлежитъ къ социаль-демократической фракціи. Всѣ сказали бы: говорилъ кадеть. А говорилъ г. Покровский, съ митинговой точки зрѣнія, хорошо и нѣсколько разъ сильно ударилъ по выпадамъ г. Маркова.

Мы не остались ждать голосованія. Довольно было „преній“. Мы вышли изъ дворца подъ такимъ впечатлѣніемъ, отъ котораго, какъ отъ кошмара, до сихъ поръ не можемъ освободиться. Вотъ она—Дума-декорация! Дума—предметъ долгой борьбы и вѣковыхъ мечтаній. Вотъ она—Дума, въ которую всего четыре года назадъ народъ съ молитвеннымъ благоговѣніемъ посылалъ своихъ первыхъ избранныхъ. Русское общественное сознаніе долгимъ болѣзненнымъ процессомъ выстрадало представительное учрежденіе во славу вождельнѣй Пуришкевичей, Марковыхъ, Круненскихъ! Оно его выстрадало, чтобы по волѣ „представителей народа“ (!?) въ Финляндіи воцарилась „истинно-русская“, все покрывающая и все подавляющая „охрана“...

Въ самый разгаръ полемики по финляндскому вопросу изъ рядовъ русской печати, въ порядкѣ чрезвычайной охраны—чуть не наканунѣ ея отмѣны,—выбылъ журналъ „Финляндія“. Журналъ два года издавался въ Петербургѣ и вѣрно служилъ своей задачѣ: знакомить русское общественное мнѣніе съ той бытовой дѣйствительностью по ту сторону рѣки Сестры, которая, въ сущности, у насъ оцѣнивается гораздо болѣе по рассказамъ дачныхъ винтеровъ и по анекдотамъ объ оплеванномъ священникѣ, пежели на основаніи серьезныхъ данныхъ. Хорошая половина петербуржцевъ бывала въ Финляндіи—если не въ Гельсингфорсѣ, то въ Выборгѣ или на Иматрѣ, въ Райволѣ или Теріокахъ. И поразительно слабо развито среди насъ пониманіе особенностей финляндской культуры, которая составляетъ пезыблемую основу мѣстной жизни.

Мы помнимъ рассказъ покойнаго графа П. А. Гейдена изъ дней выборгскаго сидѣнья. Въ послѣдній день занятій въ „Бельведерѣ“,

во время перерыва, многіе изъ депутатовъ вышли на бульваръ. Къ одному изъ столиковъ, за которымъ сидѣла группа русскихъ, подошелъ старикъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ гуляющихъ финновъ и не обращавшій на себя ничего особеннаго вниманія. Никто его не сопровождалъ. Старикъ просто и вѣжливо приподнялъ шляпу и спросилъ, гдѣ князь Долгоруковъ. Ему сказали, и онъ ушелъ. Оказалось, что это былъ губернаторъ и что онъ отыскивалъ князя Долгорукова, чтобы объявить ему требованіе къ определенному часу прекратить занятія и разойтись. Въ pendant къ этому гр. Гейденъ приводилъ комическій эпизодъ изъ русской жизни. „Иду—разсказывалъ онъ—я какъ-то по Пскову. Вижу, что впереди меня полицейскій, идущій навстрѣчу по той же панели, дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки. Я не сразу догадался, что онъ требуетъ, чтобы я сошелъ на мостовую. Когда я исполнилъ требованіе, со мною поровнялся губернаторъ. Мы поздоровались, и только тутъ я понялъ, зачѣмъ мнѣ пужно было очистить панель отъ своей персоны. Губернаторъ гулялъ, а полицейскій, слѣдуя сзади его, расчищалъ ему дорогу“. „Вотъ, — заканчивалъ свой разсказъ гр. Гейденъ, — когда мы дождемся такихъ губернаторовъ, какъ Выборгскій, тогда я скажу, что у насъ есть правовой порядокъ“.

Дѣйствительно, въ Финляндіи есть глубоко проникшій въ нравы населенія правовой порядокъ, а у насъ его не было при старомъ государственномъ строѣ, нѣтъ и сейчасъ. Тальманъ сейма, г. Свинхувудъ, говорилъ, во время теріокскихъ празднествъ, газетному корреспонденту, что законы, изданные въ порядкѣ общеимперскаго законодательства, законами въ Финляндіи не будутъ. Подобныя слова, въ устахъ нашего политическаго дѣятеля любого направленія, были бы безсодержательной фразой. А г. Свинхувудъ имѣлъ основаніе ихъ сказать. На непопулярный законъ у насъ возможенъ отвѣтъ терроромъ, погромомъ, даже вооруженнымъ возстаніемъ. Но терроръ будетъ подавленъ, погромъ—прекращенъ, вооруженное возстаніе—усмирено, и если власть не откажется отъ намѣренія провести законъ въ жизнь, онъ закономъ станетъ. А въ Финляндіи не будетъ ни террора, ни погрома, ни возстанія, законъ же останется на бумагѣ. Тамъ есть область недостижимая для государственнаго вмѣшательства. И что она тамъ совершенно ясно и въ то же время лояльно обозначается—именно это и вызываетъ негодованіе нашихъ націоналистовъ. Теріокскія празднества, прошедшія совершенно мирно, безъ всякой политической демонстраціи, ихъ больнѣе ударили, чѣмъ ударилъ бы политическій взрывъ. Ибо на взрывъ имъ хорошо извѣстенъ изъ русской практики столь же громкій отвѣтъ. А передъ ненарушеннымъ мирнымъ теченіемъ народной жизни приходится молчать.

Измѣненіе въ отношеніяхъ правительства къ Финляндіи ничѣмъ

со стороны финляндцевъ вызвано не было, а явилось какъ одинъ изъ моментовъ общей реакціи. Надъ правительствомъ восторжествовали темныя силы. Г. Меньшиковъ сталъ политическимъ руководителемъ. Естественно, что бѣльмо на глазу русской некультурности и русской „охраны“ выросло въ громадный миражъ. Что не реальныя потребности вызвали проектъ объ общенародномъ законодательствѣ—объ этомъ краснорѣчиво свидѣлствуютъ тѣ условія, въ которыхъ проектъ былъ проведенъ, и тѣ вопросы, вокругъ которыхъ все время велась и до сихъ поръ ведется полемика. Военная опасность, грозящая Петербургу отъ сосѣдства автономной Финляндіи, отмѣчалась печатью мимоходомъ. О томъ, что финляндская обособленность нарушаетъ интересы русскаго народа, писали-было, но скоро забыли. Главный предметъ спора составляли даже не юридическія и историческія разысканія, а два вопроса государственнo-этическаго свойства: во-первыхъ, обязательно ли для монарха данное съ высоты престола обѣщаніе и, во-вторыхъ, чѣмъ оправдывается и допустима ли та спѣшность, съ которою законодательный механизмъ, въ лицѣ Думы и Государственнаго Совѣта, пропустилъ черезъ себя финляндскій законопроектъ.

Въ отвѣтахъ на эти вопросы печать разбилась не по общеполитическому шаблону. На одной сторонѣ оказался, вмѣстѣ съ „Русскимъ Знаменемъ“, „Новымъ Временемъ“, „Земщиной“ и вообще съ черпосотенными газетами, „Голосъ Москвы“. На другой, вмѣстѣ съ прогрессивной прессой—„Гражданинъ“. И надо воздать должное: обѣ стороны договорились до конца, что вообще рѣдко бываетъ въ этическихъ вопросахъ. На этотъ разъ съ истинныхъ мотивовъ и съ самыхъ анти-этическихъ разсужденій былъ вовсе сдернуть всякій покровъ. Пальму первенства въ безстыдствѣ, конечно, сохранилъ за собой г. Меньшиковъ. Съ твердо усвоенной имъ авторитетностью во всѣхъ областяхъ человѣческихъ мыслей и чувствъ, и особенно въ области этики, онъ легко и просто разрѣшилъ первый вопросъ: разъ слово или обѣщаніе исходило отъ монарха, „отъ безответственнаго человѣка“, то оно для него необязательно. Такимъ образомъ, г. Меньшиковъ перенесъ правовой принципъ уголовной безответственности монарха въ область этики и подчинилъ авторитету власти то, что допускаетъ одно подчиненіе — голосу совѣсти. Мы не будемъ разбирать этого, столь же нелѣпаго, сколько циничнаго тезиса. Думаемъ, что ярче нашихъ словъ, въ данномъ случаѣ, будутъ слова кн. Мещерскаго, ибо онъ и г. Меньшиковъ, вообще говоря, мыслятъ въ одной плоскости. Для г. Меньшикова—по крайней мѣрѣ, онъ это постоянно силится подчеркивать,—какъ и для кн. Мещерскаго, всего выше традиціи благородной крови. И именно съ этой точки зрѣнія возмутили его слова издателя „Гражданина“.

„Вопросъ, за рѣшеніе котораго взялся, съ обычною безцеремонностью, г. Меньшиковъ,—писалъ въ своемъ дневникѣ кн. Мещерскій,—къ тѣмъ вопросамъ принадлежитъ, которые рѣшаются подѣ влияніемъ крови и преданій. Вотъ почему кровь и преданія подсказали барону Мейендорфу одно рѣшеніе, а меньшиковская кровь, при отсутствіи всякихъ преданій дворянства и рыцарства, подсказываетъ ему рѣшеніе, которое подпишетъ съ удовольствіемъ всякій ломовой извозчикъ: разъ человѣкъ безотвѣтственнѣе и независимѣе всѣхъ, то слово его для него не обязательно!“ Но самое курьезное и, прибавлю, гадкое въ этомъ циничномъ выступленіи г. Меньшикова съ поясненіемъ своему глупому читателю (чѣмъ глупѣе читатель, тѣмъ онъ восторженнѣе захлебывается Меньшиковымъ), очевидно, заключается въ томъ, что Меньшиковъ такое толкованіе правъ самодержца присваиваетъ тому единственному человѣку въ Россіи, коего кровь и преданія—во много разъ сильнѣе, чѣмъ кровь и преданія дворянскія—обязываютъ, какъ Богомъ помазаннаго самодержца, свое слово считать обязательнымъ не только въ своемъ пониманіи, но и въ пониманіи каждаго изъ своихъ вѣрноподанныхъ. И если издавна въ преданіяхъ о дворянской чести хранится на французскомъ языкѣ: „le gentilhomme n'a qu'une parole“, то вѣковыя преданія русскаго царя доселѣ хранятъ во всей его силѣ завѣтъ, гласящій: Царево слово, какъ Божье слово—несокруσιμο“.

Князь Мещерскій относитъ далѣе г. Меньшикова, кичащагося своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, „къ многочисленной шайкѣ холоповъ“. „А холопы—пишетъ онъ,—какъ извѣстно, отличаются отъ свободныхъ людей тѣмъ, что они, въ усердіи послужить своему господину или барину, всегда пересаливаютъ. Баринъ скажетъ, когда ему доложить холопъ, что пришелъ такой-то: „скажи, что я извиняюсь, очень занятъ, не могу принять“, а холопъ пойдетъ и скажетъ пришедшему: „пошелъ вонъ“. Приблизительно то же произошло съ финляндскимъ вопросомъ. Нигдѣ никто не слыхалъ, чтобы царь назвалъ свой финляндскій народъ мятежниками и измѣнниками; но холопы Думы и печати, въ угоду барину, на весь міръ кричатъ, что финляндскій народъ надо казнить, какъ мятежныхъ враговъ Россіи и ея царя. Никогда никто не слыхалъ, чтобы царь выразилъ мысль о не-обязательности для него царскаго слова... но холопы Думы и печати на весь міръ кричатъ: долой финляндская конституція—для царя не обязательно его слово и т. д.“ („Гражданинъ“, № 19).

Спѣшность проведенія проекта, по мысли „Голоса Москвы“, оправдывается опасеніемъ „закулисныхъ интригъ и подпольныхъ ходовъ“. Но что означаютъ такіа опасенія? Не означаютъ ли они, что, по призванію октябристской газеты, въ обновленномъ „самодержавно-

представительномъ“ русскомъ государственномъ стрѣхъ главная двигающая сила — „закулисныя интриги“ и „подпольныя ходы“? Не кроется ли здѣсь сознание, что авторы и сторонники проекта тоже пользовались закулисными и подпольными путями и для данного момента подготовили почву, а на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ утѣренности не имѣютъ? Не есть ли это едва прикрытое цензурнымъ туманомъ заявленіе: теперь „мы“ рассчитываемъ на санкцію законопроекта, а осенью „наши“ расчеты могутъ не оправдаться? Въ пылу усердія газета не видитъ, какое *testimonium paupertatis* она выдаетъ законодательному акту, считая его безсильнымъ выдержать искусь всесторонняго, спокойнаго обсужденія и тщательнаго редактированія. Впрочемъ, что ужъ говорить объ „усердствующихъ“, когда самъ П. А. Столыпинъ заявлялъ, что въ ближайшее время все въ Финляндіи останется по старому—и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ немедленнаго принятія проекта во что бы то ни стало!

Мы говорили о передовой статьѣ „Голоса Москвы“, напечатанной 15-го іюня. Авторъ ведетъ атаку сразу на два фронта. Одинъ фронтъ онъ настойчиво рекомендуетъ брать штурмомъ. Противъ другого—онъ выставляетъ тихую сапу доносовъ. Имъ приведенъ рядъ выдержекъ изъ финляндскихъ газетъ, заключенный слѣдующимъ выводомъ: „Все эти сообщенія говорятъ о томъ, что въ Финляндіи ведется энергичная, незакопомѣрная агитація, что населеніе взвнчивается и взвнчивается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что эта агитація тѣсно и непосредственно связана съ дѣятельностью нашей оппозиціи“...

Что ждетъ русскую школу?

Русскую школу всегда что-нибудь ждетъ. Одинаково, впрочемъ, можно сказать и наоборотъ: русская школа всегда чего-нибудь ждетъ. Школу ждутъ уже полстолѣтіе реформы, и школа то же полстолѣтіе ждетъ реформъ. Были за эти пять десятковъ лѣтъ мѣсяцы и даже годы, когда ожиданія не страшили, когда, напримѣръ, страстно хотѣлось, чтобы они скорѣе сбылись. Но то были короткіе свѣтлые промежутки, за которыми слѣдовали цѣлыя полосы, одна другой темнѣе, одна другой мрачнѣе. Сейчас наступила опять темная полоса для всѣхъ проявленій русской жизни, поскольку жизнь регламентируется законодательствомъ. Условія „обновленнаго“ строя засвидѣтельствовали, что сложный аппаратъ изъ объединеннаго правительства, Думы 3-го іюня и Государственнаго Совѣта прекрасно приспособленъ для всякаго рода искорененія, для приведенія всѣхъ и всего къ одному охранному знаменателю, для насажденія вѣшняго полицейскаго благополучія, словомъ, для всего того, что тоже именуется реформами, но носитъ

это названіе въ специфическомъ реакціонномъ смыслѣ. Но аппаратъ вялъ и малоподвиженъ. Только для законопроекта объ общеимперскомъ законодательствѣ, въ сущности чисто декларативнаго характера, онъ обнаружилъ энергію — на этотъ разъ подобную лихой кавалерійской атакѣ. И вялость аппарата умѣряетъ опасенія за судьбу, напримѣръ, земства и городского самоуправленія. Такъ было до послѣднихъ дней и въ отношеніи школы. Теперь же появились признаки, которые говорятъ, что средней и особенно низшей школѣ „реформа“ грозитъ въ ближайшее время. Насколько „реформа“ близка и въ чемъ ея суть, видно изъ сопоставленія слѣдующихъ фактовъ и газетныхъ сообщеній.

Въ Петербургѣ, подъ руководствомъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, пріѣзжала изъ Бахмута „рота“ школьниковъ, обученныхъ военному строю. Пріѣздъ школьниковъ былъ обставленъ какъ событіе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней они были такими же героями минуты, какъ мѣсяцемъ ранѣе—авіаторы. Едва ихъ торжественно проводили, „Голосъ Москвы“ (№ 126) получилъ извѣстіе, что „при министерствѣ народнаго просвѣщенія образована коммиссія для разсмотрѣнія проекта о подготовкѣ учителей начальныхъ школъ, составленнаго ген. Богдановичемъ“. Читатели „Вѣстника Европы“, быть можетъ, помнятъ, что это за проектъ. Мы упоминали о немъ въ октябрьской книгѣ 1908 г., какъ о совершенно безпримѣрной нелѣпости. По проекту ген. Богдановича всѣ народные учителя должны быть исключительно изъ запасныхъ унтеръ-офицеровъ. Для приготовленія къ учительской дѣятельности они должны пройти двухлѣтніе курсы, которые надлежитъ устроить „преимущественно въ городахъ, гдѣ расположены наши окружные и корпусные штабы, такъ какъ преподавателями на курсахъ должны быть наши офицеры генеральнаго штаба, законоучитель изъ академиковъ, и, наконецъ, ради (!) преподаванія педагогій, математики и русскаго языка, — мѣстные педагоги“. Органами руководства и надзора г. Богдановичъ проектировалъ волостные, уѣздные и губернскіе комитеты сложнаго состава, съ участіемъ мѣстныхъ воинскихъ начальниковъ и „не менѣе“ чѣмъ двухъ, трехъ и четырехъ „землевладѣльцевъ изъ отставныхъ или запасныхъ офицеровъ“. Главными предметами занятій въ школахъ должны быть военныя упражненія съ деревянными ружьями и знаменами и изученіе „отечествовѣдѣнія“; а на грамоту г. Богдановичъ отводилъ: въ первый годъ шесть часовъ въ недѣлю, во второй — три часа и въ третій—два.

Вслѣдъ за этимъ въ „лѣвыхъ листкахъ“ появились слухи объ уходѣ г. Шварца, при чемъ эти слухи ставились въ связь съ „потѣшной ротой“. „Россія“, конечно, поторопилась немедленно опровер-

гнуть и связи, и слухи. Но въ отношеніи слуховъ, въ сущности, ихъ оффиціозно подтвердила. „Если эти вымыслы — написали „казенный перья“ — можно оправдать хоть чѣмъ-либо, то развѣ тѣмъ, что за послѣдніе мѣсяцы министръ неоднократно высказывалъ какъ своимъ близкимъ, такъ и сотрудникамъ, что чувствуетъ себя замѣтно переутомленнымъ, а временами даже испытываетъ болѣзненный упадокъ силъ“. Кто не знаетъ, что у министровъ передъ уходомъ всегда разстраивается здоровье?... Еще немного спусти въ газетахъ появилось слѣдующее извѣстіе: „въ министерствѣ народнаго просвѣщенія снѣжно разрабатывается въ настоящее время проектъ обученія воспитанниковъ городскихъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній военному строю и военной гимнастикѣ. Предполагается въ большихъ городахъ соединять при обученіи военному строю нѣсколько учебныхъ заведеній вмѣстѣ. Особенное значеніе придается обученію учащихся на окраинахъ Россіи. Горячее участіе въ разработкѣ проекта принимаетъ попечитель петербургскаго округа, благодаря энергіи котораго въ Петербургѣ удалось уже (!) организовать первую роту военного строя и гимнастики изъ воспитанниковъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Осенью этого года законопроектъ будетъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственной Думы“.

Итакъ, то, что прежде всего предшествуетъ у насъ „реформамъ“, уже есть: подтвержденные опроверженіемъ слухи о смѣнѣ министра. Отъ высшей школы, значить, непосредственная опасность готова нѣсколько отдалиться. Г. Шварцъ велъ походъ, главнымъ образомъ, противъ университетовъ. Съ его уходомъ внесенный въ Думу проектъ университетскаго устава будетъ нацѣрное взять обратно и снова потонетъ на годъ, на два въ министерской канцеляріи. Если нетрудно поворачивать на подобіе дышла законъ, то повороты изъ стороны въ сторону „государственной необходимости“ — совсѣмъ легкое дѣло. За то для средней и низшей школы ясно обозначивается перспектива казармы... Кто будетъ преемникомъ г. Шварца? Въ газетахъ называли было профессора-психіатра Бехтерева. При казарменныхъ перспективахъ это имя могло упоминаться не иначе, какъ съ „провокаціонными“ цѣлями. Болѣе серьезный кандидатъ — ген. фопъ-Вендрихъ, авторъ извѣстнаго проекта о военномъ эксплуатаціонномъ корпусѣ для обслуживанія желѣзныхъ дорогъ...

Во всей Европѣ никогда не переводятся процессы о шпіонахъ. Еще недавно въ Вѣнѣ былъ обнаруженъ шпіонъ, „работавшій“ для Россіи. Теперь въ Петербургѣ задержанъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, занимавшійся шпіонствомъ въ интересахъ Австріи. Газеты

полны подробностей. Изъ нихъ узнаемъ, что баронъ Унгернъ-Штернбергъ—русскій подданный, бывший офицеръ, официально состоявшій корреспондентомъ нѣсколькихъ большихъ заграничныхъ изданій. Онъ былъ принятъ среди дипломатовъ, имѣлъ обширный кругъ знакомства, жилъ широко и открыто. Словомъ, это былъ шпионъ высшаго полета, и его дѣятельность состояла не въ случайной продажѣ случайно добытыхъ секретныхъ документовъ. Можно легко догадываться, что, въ качествѣ „сотрудника“ иностраннаго военнаго агента, онъ систематически велъ „внутреннее наблюденіе“ въ военныхъ и политическихъ кругахъ Петербурга.

Личныя данныя, касающіяся барона Унгернъ-Штернберга, конечно представляютъ интересъ на судѣ. Съ общественной точки зрѣнія ихъ значеніе безъ остатка растворяется въ значеніи шпионства, какъ явленія, широко развитого въ современныхъ международныхъ отношеніяхъ. Шпионажъ есть средство, которымъ государство не брезгуетъ ни внутри, ни во внѣ. Но внутренній шпионажъ каждое государство можетъ объявлять своей исключительной привилегіей и, пользуясь имъ, можетъ не допускать его во вредъ себѣ. Такъ, у насъ создана цѣлая теорія, оправдывающая государственной необходимостью азефовщину, въ огражденіе неприкосновенности которой—также во имя государственной необходимости—Лопухинъ расплачивается лишеніемъ правъ состоянія и ссылкой за выдачу служебной тайны. Столь просто разрѣшать вопросъ о внѣшнемъ шпионажѣ нельзя. Тутъ стороны равноправны. И если одна желаетъ пользоваться шпионажемъ, то она должна считаться съ такимъ же желаніемъ другой. Эти желанія повсюду настолько велики, что европейскія государства перевернули формулу: „если не хочешь, чтобы тебѣ причиняли зло, не причиняй его самъ“,—и мирятся съ причиненіемъ зла имъ самимъ, только бы имѣть возможность въ свою очередь его причинить другимъ. Создался особый институтъ официальныхъ агентовъ иностраннаго военнаго шпионажа. Государства посылаютъ другъ къ другу такъ называемыхъ военныхъ агентовъ, задача которыхъ цѣликомъ исчерпывается собраніемъ свѣдѣній—тѣмъ болѣе нужныхъ и важныхъ, чѣмъ болѣе они секретны. Для нихъ—это почетная миссія. А для тѣхъ, черезъ кого они дѣйствуютъ—иногда преступленіе. Государство открыто разрѣшаетъ покупателямъ шпионскихъ услугъ пребываніе на своей территоріи, а продавцовъ сурово наказываетъ. Развѣ ужъ очень громкій выйдетъ скандалъ! Только въ такомъ случаѣ военный агентъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, уѣзжаетъ въ отпускъ, чтобы болѣе не возвращаться.

Показать уродливость явленія и объяснить его—въ данномъ случаѣ, само собою разумѣется, еще не значитъ его оправдать. На рынкѣ

спроса-предложения не все можетъ быть предметомъ обмена. Продавецъ шпионскихъ услугъ отвратителенъ совершенно независимо отъ того, есть спросъ на его услуги, или нѣтъ. Но когда на такія услуги есть организованный спросъ, усиленная борьба съ предложеніемъ одними карами невычислима. Невозбранная скука заведомо краденаго всегда и неизбежно плодитъ воровство, какими бы наказаніями его законъ ни облагалъ.

Въ дѣлѣ бар. Унгернъ-Штернберга особенно обидно было узнать, что къ шпионажу была причастна газета „Вечерній Голосъ“. Такъ, по крайней мѣрѣ, оновѣстило „Новое Время“. „Вечерній Голосъ“ недолго издавался въ Петербургѣ и усѣха не имѣлъ. Но, конечно, ни неуспѣхъ его, ни короткій вѣкъ, не уменьшаютъ значенія того факта, что петербуржцы могли читать и читали русскую газету, издававшуюся на австрійскія деньги. Если честь войска — въ мужествѣ и храбрости, врачебной корпораціи — въ служеніи страждущимъ, корпораціи купеческой — въ вѣрности исполненія обязательствъ, то честь прессы — въ независимости. Ни въ чемъ продажность не гнусна въ той мѣрѣ, какъ въ торговлѣ мнѣніями и сужденіями, публикуемыми во всеобщее свѣдѣніе и распространяемыми подъ флагомъ свободнаго, независимаго отъ „закулисныхъ“ вліяній печатнаго слова. Противны, какъ глубоко анти-этическое явленіе, внутренній рептиліи. Рептиліи, продающія себя чужой странѣ — для нихъ нельзя подобрать достаточно сильнаго эпитета. Фактъ, оглашенный „Новымъ Временемъ“ — небывалый въ исторіи русской печати. Тѣмъ скорѣе нужно удостовѣриться въ его дѣйствительности и огласить имена его участниковъ.

Рѣдкаго во многихъ отношеніяхъ человѣка потеряло русское общество въ лицѣ Константина Федоровича Казиміра. Покойный былъ членомъ первой Думы. Въ Думѣ онъ занималъ виѣспартійное положеніе. Но тогда партійность еще не заходила такъ далеко, какъ теперь. К. Ф. имѣлъ возможность принимать участіе въ комиссіяхъ и былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ аграрной комиссіи, хотя и принадлежалъ въ ней къ меньшинству. Сторонникъ принципа частной собственности на землю, онъ передъ роспускомъ Думы примкнулъ къ группѣ, которая образовалась вокругъ графа П. А. Гейдена и потомъ стала ядромъ партіи мирнаго обновленія. Но, если не ошибаемся, формально онъ въ партію не вступалъ. Вообще послѣ роспуска первой Думы К. Ф. отошелъ въ сторону отъ политики и всецѣло отдалъ себя на служеніе дѣлу помощи учащейся молодежи. Этому дѣлу онъ служилъ и раньше, своимъ многолѣтнимъ участіемъ въ бессарабскомъ земствѣ и какъ благодотворитель въ самомъ

высокомъ и лучшемъ смыслѣ слова. Покойный К. Θ. имѣлъ буквально сотни стипендіатовъ, которые на его счетъ проходили низшую, среднюю и высшую школу. И онъ не былъ тѣмъ благотворителемъ, которые даютъ деньги и не интересуются своими питомцами. Напротивъ, онъ съ исключительнымъ вниманіемъ относился къ своимъ стипендіатамъ, зналъ каждого изъ нихъ, интересовался ихъ успѣхами, внимательно вникалъ въ ихъ нужды, въ ихъ домашнія обстоятельства, осведомлялся о здоровьѣ. К. Θ. широко помогаль до самой смерти и своимъ товарищамъ по первой Думѣ.

„Юлія Безродная“ — псевдонимъ скончавшейся послѣ тридцати слишкомъ лѣтъ литературной работы Юліи Ивановны Яковлевой. Покойная пользовалась заслуженной извѣстностью. Она начала литературную дѣятельность еще будучи слушательницей высшихъ женскихъ курсовъ. Ея первый рассказъ: „На чистый воздухъ“ былъ напечатанъ въ 1878 г. Ю. И. работала какъ въ толстыхъ журналахъ, такъ и въ цѣломъ рядѣ газетъ. Изъ ея произведеній въ „Вѣстникѣ Европы“ были помѣщены: рассказъ „Съ улицы“ (май 1894) и повѣсть „Золотое дно“ (февр., мартъ и апр. 1907).

Покойный А. Н. Котельниковъ былъ не столько писателемъ, сколько администраторомъ органовъ прогрессивной періодической прессы. Въ 1904 г. онъ организоваль, въ качествѣ ближайшаго сотрудника Л. В. Ходскаго, газету „Наша Жизнь“ и стоялъ во главѣ администраціи этой газеты въ ея лучшіе годы. Въ 1909 г. А. Н., вмѣстѣ съ Р. М. Бланкомъ, организоваль изданіе „Запросовъ Жизни“.

СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ТЕКУЩЕЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

за второе полугодіе 1909-го года ¹⁾.

Логика.

1. Гуссерль, Э. — Логическія изслѣдованія. Ч. I. Изд. „Образ“. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
2. Челпановъ, Г. — Учебникъ логики. 5 изд. М. 1909. 1 р.

Математика.

3. Веберъ и Вельштейнъ. — Энциклопедія элементарной математики. Т. II. Изд. „Матез“. Одесса. 1909. 3 р.

¹⁾ См. „Вѣстникъ Европы“ 1909, XI.

4. Власовъ, А. К.—Теорія вѣроятностей. М. 1909.
5. Кэджори, Ф.—Исторія элементарной математики. Изд. „Матез“. Од. 1910. 2 р. 50 к.

Механика. Физика.

6. Дрентельвиъ, Н. С.—Физика. Изд. Сытина. Сиб. 1909. 2 р. 85 к.
7. Лебединскій, В. К. Электричество и магнетизмъ. Сиб. 1909. 2 р.
8. Лоренцъ, Г. А.—Курсъ физики. Изд. „Матез“. Од. 1909. 2 р. 75 к.
9. Махъ, Э.—Механика. Перев. и. р. Гезехуса. Сиб. 1909. 3 р.
10. Томисонъ, С.—Добываніе свѣта. Изд. „Матез“. Од. 1909. 50 к.
11. Щукаревъ, А.—Введеніе въ курсъ физики. Ученіе объ энергіи и энтропії. М. 1909. 30 к.

Химія.

12. Лассаръ-Копъ.—Химія въ обыденной жизни. 2 изд. Девриена. Сиб. 1909. 1 р. 50 к.
13. Ми, Г.—Ионы и электроны. Изд. „Межд. Б-ки“. Сиб. 1909. 30 к.
14. Оствальдъ, В.—Школа химіи. 2 изд. Раснопова. Од. 1909.

Космографія. Астрономія.

15. Покровскій, К. Д.—Курсъ космографіи. 2 изд. Пирог. Т-ва. Кіевъ. 1909. 1 р.
16. Райтманъ, Д.—Общедоступные очерки изъ области астрономіи. В. II. Изд. Сытина. М. 1909. 1 р. 50 к.
17. Штерне, К.—Эволюція міра. В. V-VI. Изд. „Міръ“. М. 1909.

Геологія.

18. Богадановичъ, К.—Землетрясенія въ Мессинѣ и Санъ-Франциско. Изд. Поповой. Сиб. 1909. 2 р.

Біологія.

19. Бобрецкій, Н.—Учебникъ зоологіи. 3 изд. Просьяниченко. Кіевъ. 1910. 4 р.
20. Геккель, Э.—Міровоззрѣніе Дарвина и Ламарка. Изд. „Нв. Кз.“. Сиб. 1909. 25 к.
21. Гюнтеръ, К.—Происхожденіе и развитіе человѣка. 2 т. Изд. Девриена. Сиб. 1909. 20 р.
22. Елачичъ, Е.—Крайній сѣверъ, какъ родина человѣчества. Сиб. 1910. 50 к.
23. Кайгородовъ, Д.—Собиратель грибовъ. 5 изд. Суворина. Сиб. 1909.
24. Книповичъ, Н. М.—Курсъ общей зоологіи. Изд. Девриена. Сиб. 1909. 4 р. 50 к.
25. Комаровъ, В. А.—Практическій курсъ ботаники. Ч. I. 2 изд. Сиб. 1909.
26. Лебонъ, Г.—Эволюція матеріи. Изд. „Общ. Пиз“. Сиб. 1909. 1 р. 50 к.
27. Львовъ, В. Н.—Начальный учебникъ зоологіи. Ч. II. 4 изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р.
28. Омелянскій, В. Л.—Основы микробиологіи. Сиб. 1909. 3 р.
29. Половцевъ, В. В.—Учебникъ ботаники. Ч. I. Изд. Сытина. М. 1909. 90 к.
30. „ „ Практическія занятія по ботаникѣ. Изд. Сытина. М. 1910. 35 к.
31. Синегубъ, С.—Бабочки Россіи. 3 в. Изд. Сытина. М. 1908-9. По 35 к.
32. Страсбургеръ, Погло и др.—Учебникъ ботаники. 3 изд. Перев. Голецкина и Дейнеги. М. 1909. 4 р.

33. Федченко и Флеровъ. — Флора Евронейской Россіи. Ч. II. Изд. Девриена. Спб. 1909. 1 р. 40 к.
 34. Оомипъ и Вороновъ. — Определитель растений Кавказа и Крыма. В. V. Изд. Ботан. Сада. Тфл. 1909. 60 к.

Психологія.

35. Вундтъ, В. — Душа и мозгъ. 2 изд. Спб. 1909. 30 к.
 36. " " Гипнотизмъ и внушеніе. Изд. Губинскаго. Спб. 1909. 50 к.
 37. " " Основы физиологической психологіи. Перев. п. р. Крогіуса и др. В. III—IV. Спб. 1909. 2 р.
 38. Гауппъ, Р. — Психологія ребенка. Изд. Богдановой. Спб. 1909. 75 к.
 39. Нечаевъ, А. П. — Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія. 2 изд. Т. I. Спб. 1909. 1 р. 80 к.
 40. Цигенъ, Т. — Физиологическая психологія. 3 изд. Богдановой. Спб. 1909. 1 р. 50 к.

Соціологія.

41. Ковалевскій, М. — Соціологія. 2 т. Спб. 1910. 3 р.

Философія.

42. Авенаріусъ, Р. — Критика чистаго опыта. Т. II. Изд. Шестаковскаго и Федорова. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
 43. Геффдингъ, Г. Учебникъ исторіи новой философіи. Изд. „Шиповникъ“. Спб. 1910. 1 р. 75 к.
 44. Куно-Фишеръ. — Исторія новой философіи. Т. VI. Фихте. Изд. Жуковскаго. Спб. 1909. 4 р. 50 к.
 45. Махъ, Э. — Популярно-научные очерки. Изд. „Образъ“. Спб. 1909. 2 р.
 46. Ницше, Ф. — П. с. с. Т. II. Изд. „Моск. Кн.“. М. 1909. 2 р.
 47. Сборникъ рѣчей, посвящ. памяти кн. С. Н. Трубецкаго. М. 1909. 75 к.
 48. Трубецкой, кн. С. Н. — С. с. Т. III. Метафизика въ древней Греціи. М. 1909. 3 р.
 49. Фалькенбергъ, Р. — Исторія новой философіи. Изд. „Моск. Кн.“. М. 1910. 3 р. 75 к.
 50. Шельвинъ, Р. — М. Штирнеръ и Ф. Ницше. Изд. Клочкова. М. 1909. 50 к.

Религія.

51. Брикнеръ, М. — Страдающій Богъ въ религіяхъ древняго міра. Изд. „Цирамъ“. Спб. 1909. 30 к.
 52. Джемсъ, В. — Многообразіе религіознаго опыта. Изд. „Р. М.“. М. 1909. 2 р. 50 к.
 53. Коноваловъ, Д. Г. — Психологія сектантскаго экстаза. Ср. п. 1909. 20 к.
 54. Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и раскола. П. р. Бончъ-Бруевича. В. II. Спб. 1909. 2 р.
 55. Пругавинъ, А. С. — Расколъ вверху. Изд. „Общ. Пизъ“. Спб. 1909. 1 р.
 56. Пфлейдереръ, О. — О религіи и религіяхъ. Изд. „Промъ“. Спб. 1909. 1 р. 25 к.

Искусство.

57. Верманъ, К. — Исторія искусства. Т. II, в. 16—17. Изд. „Просвъ“. Спб. 1909.
 58. Мейманъ, Э. — Введеніе въ современную эстетику. Изд. „Космъ“. М. 1909. 60 к.

Литература.

59. Алхенвальдъ, Ю.—Силуэты русскихъ писателей. В. II. 2 изд. М. 1909. 1 р. 25 к.
60. Алферовъ, Грузинскій и др.—Десять чтеній по литературѣ. 3 изд. „Сотр. Шк.“. М. 1909. 1 р.
61. Брандесъ, Г.—С. с. Т. XVI. 2 изд. „Просв.“. Спб. 1909. 75 к.
62. Веселовскій, Александръ.—С. с. Т. IV, в. I (Италія и Возрожденіе). Изд. Акад. Наукъ. Спб. 1909. 3 р.
63. Веселовскій, Алексѣй.—Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. 4 изд. М. 1910. 1 р. 75 к.
64. Веселовскій, А. А.—Любовная лирика XVIII в. Спб. 1 р. 25 к.
65. Вопросы теоріи и прихологіи творчества. Изд. Суворина. Т. II. 2 в. Спб. 1909—10. 2 р. 25 к.
66. Горькій, М., и Мейеръ, В.—Землетрясеніе въ Калабрин и Сициліи. Изд. „Зн.“ Спб. 1909. 2 р.
67. Дюноа.—Рефлексы дѣйствительности. Изд. „Сотр.“. М. 1909. 1 р. 75 к.
68. Добролюбовъ, Н. А.—Избранныя произведенія. Спб. 1910. 1 р.
69. Елпатовскій, С.—За границей. Изд. „Общ. Пиз.“. Спб. 1910. 1 р.
70. Засудичъ, В. И.—Вольтеръ. Изд. „Шант.“. Спб. 1909. 80 к.
71. Измайловъ, А. А.—Помраченіе божковъ и новые кумиры. М. 1909. 1 р.
72. Коганъ, П.—Очерки по исторіи новой русской литературы. Т. I, в. 2. М. 1909. 80 к.
73. Коганъ, П.—Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. I. 4 изд. М. 1909. 1 р. 50 к. Т. II. 3 изд. М. 1910. 1 р. 50 к.
74. Коганъ, П.—Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Современники. Изд. „Зар.“. М. 1910. 1 р.
75. Корниловъ, А. А.—50-лѣтіе Литературнаго фонда. Спб. 1909. 50 к.
76. Котлиревскій, Н.—Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. 2 изд. Спб. 1910. 2 р.
77. Максимовъ, С. В.—С. с. Т. XIII, ч. 2 (на Востокѣ). Изд. „Просв.“. Спб. 1909. 1 р.
78. Мережковскій, Д. С.—Вѣчные спутники. 3 изд. „Общ. Пиз.“. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
79. Мережковскій, Д. С.—Л. Толстой и Достоевскій. Т. II. 2 ч. 3 изд. „Общ. Пиз.“. 3 р.
80. Миллеръ, О.—Русскіе писатели послѣ Гоголя. Т. II. Изд. Вольфа. Спб. 1909. 1 р. 75 к.
81. Овсяннико-Куликовскій, Д. Н.—С. с. Т. IV—VI, VIII. Изд. „Общ. Пиз.“ и „Пром.“. Спб. 1909. 1 р. + 1 р. 25 к. + 1 р. 25 к. + 1 р. 50 к.
82. Памяти Н. И. Стороженко. Изд. О. Л. Р. Сл. М. 1909. 1 р.
83. Плехановъ, Г. В.—Н. Г. Чернышевскій. Изд. „Шип.“. Спб. 1910. 3 р.
84. Радищевъ, А. Н.—П. с. с. Т. II. Изд. Акинфіева. Спб. 1909.
85. Соловьевъ, Вл.—Письма. Т. II. Изд. „Общ. Пиз.“. Спб. 1909. 2 р.
86. Стекловъ, Ю. М.—Н. Г. Чернышевскій. Изд. „Общ. Пиз.“. Спб. 1909. 2 р.
87. Шестовъ, Л.—Достоевскій и Нитше. 2 изд. Спб. 1909. 1 р. 25 к.

Политическая экономія.

88. Боголѣновъ, М. И.—Государственный долгъ. Изд. Поновой. Спб. 1910. 3 р.
89. Гензель, П.—Новыя теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ. М. 1909. 2 р.

90. Зотовъ, А. — Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англій. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
91. Кадомцевъ, Б. П. — Профессиональный и социальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 года. Спб. 1909. 80 к. (400 экз.).
92. Каминка, А. И. — Предпринимательскіе союзы. Спб. 1909.
93. Каратыгинъ, Е. С. — Въ странѣ крестьянскихъ товариществъ. (Данія). Спб. 1909. 1 р.
94. Кауфманъ, А. А. — Теорія статистики. Изд. Сытина. М. 1909. 2 р.
95. „ И. И. — Изъ исторіи бумажныхъ денегъ въ Россіи. Спб. 1909. 1 р. 75 к.
96. Озеровъ, И. X. — Основы фискальной науки. В. II. 3 изд. Сытина. М. 1910. 1 р. 50 к.
97. Первушинъ, С. А. — Вліяніе урожаевъ въ связи съ др. экономическими факторами на потребление спиртныхъ напитковъ въ Россіи. Съ пред. Каблукова. М. 1902. 2 р. (300 экз.).
98. Русовъ, А. — Краткій обзоръ развитія русской оцѣночной статистики. Кіевъ. 1909. (400 экз.).
99. Тайновъ, И. Г. — Золотое обращеніе и центральные банкн. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
100. Туганъ-Барановскій, М. И. — Основы политической экономіи. Спб. 1909. 3 р.
101. Фортунатовъ, А. Ѳ. — Нѣсколько страницъ изъ экономіи и статистики сел. хозяйства. 2 изд. М. 1909. 60 к.
102. Чупровъ, А. А. — Очерки по теоріи статистики. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
103. „ А. И. — Крестьянскій вопросъ. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р. 20 к.
104. Чупровъ, А. И. — Мелкій кредитъ и кооперація. Изд. Сабашниковыхъ. М. 1909. 1 р.
105. Шульце-Геверницъ, Г. — Марксъ или Кантъ. Изд. Жуковского. Спб. 1909. 50 коп.

Право. Политика.

106. Беккеръ, Р. Б. — Есть-ли право предметъ общаго образованія. Спб. 1909. 50 коп.
107. Богословскій, М. — Земское самоуправленіе на русскомъ съѣздѣ въ XVII в. Ч. I. М. 1909. 2 р.
108. Гамбаровъ, Ю. С. — Свобода и ея гарантія. Спб. 1910. 1 р. 50 к.
109. Гессенъ, В. М. — Подданство. Т. I. Спб. 1909. 3 р.
110. Гогель, С. К. — Курсъ уголовной политики въ связи съ уголовной соціологіей. Спб. 1910. 2 р. 50 к.
111. Гриммъ, Э. — Политическія воззрѣнія И. Тэна. Изд. Вольфъ. Спб. 1909. 60 коп.
112. Дѣло о погромѣ въ Вѣлостокѣ 1906 г. 2 изд. Спб. 1909. 75 к.
113. Дюги, Л. — Соціальное право, индивидуальное право и преобразование государства. Изд. Ключкова. М. 1909. 50 к.
114. Коркуновъ, Н. М. — Лекціи по общей теоріи права. 8 изд. Мартынова. Спб. 1909. 2 р.
115. Коркуновъ, Н. М. — Русское государственное право. Т. II. Спб. 1909. 3 р. 50 к.
116. Котляревскій, С. А. — Правовое государство и внѣшняя политика. М. 1909. 2 р. 50 к.

117. Леонтьевъ, А. А.—Крестыанское право. Изд. „Зак.“. Спб. 1909. 2 р. 50 к.
 118. Матвѣевъ, В. Ѳ.—Право публичныхъ собраній. Спб. 1909. 2 р.
 119. Мишель, А.—Идеи государства. („Б. д. С.“). М. 1909. 3 р.
 120. Петражицкій, Л. І.—Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. 2 изд. Спб. 1909. 2 р.
 121. Плевако, Ѳ. П.—Рѣчи. Т. I. М. 1909. 2 р. 50 к.
 122. Полянскій, Н. Н.—Коалиціи рабочихъ и предпринимателей съ точки зрѣнія уголовного права. М. 1909. 3 р. (250 экз.).
 123. Труды I всеросс. женскаго съѣзда. Спб. 1909. 3 р. 50 к.
 124. Устиновъ, Новицкій и Герпетъ.—Основныя понятія русскаго государственнаго, гражданскаго и уголовного права. 3 изд. Сытина. М. 1910. 1 р. 10 к.

Народное образованіе.

125. Обуховъ, А. М.—Клубы для учащихся. Блш. 1909. 20 к.
 126. Чарюлускій, В.—Основныя вопросы организаціи вѣшкольнаго образованія въ Россіи. Изд. „Зп.“. Спб. 1909. 60 к.
 127. Чарюлускій, В.—О самообразованіи. Изд. „Зп.“. Спб. 1909. 65 к.

Педагогика.

128. Демпоог, J.—Непормальные дѣти. Воспитаніе ихъ... Перев. п. р. Россолимо. М. 1909. 1 р.
 129. Жаринцова, Н.—Объясненіе полового вопроса дѣтямъ. 3 изд. Спб. 1909. 90 коп.
 130. Кантеревъ, П. Ѳ.—Исторія русской педагогій. Изд. Богдановой. Спб. 1910. 3 руб.
 131. Колодца, Д. А.—Дѣтскія игры, ихъ психологическое и педагогическое значеніе. Изд. „Моск. Кн.“. М. 1909. 1 р. 50 к.
 132. Мейманъ, Э.—Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Изд. „Мір““. М. 1909. 1 р. 60 к.
 133. Молль, А.—Половая жизнь ребенка. Изд. „Ив. Жз.“. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
 134. Острогорскій, В., и Семеновъ, Д.—Русскіе педагогическіе дѣятели. Изд. Сытина. М. 1909. 30 к.
 135. Песталоцци, Г.—Избранныя педагогическія соч. Т. III. 2 изд. М. 1909. 2 р. 50 к.
 136. Ушинскій, К. Д.—Собраніе педагогич. соч. Т. I, изд. 3, и т. II. Спб. 1909. 3 руб.
 137. Ушинскій, К. Д.—Собраніе пензданныхъ соч. 3 изд. Спб. 1909. 1 р. 50 к.
 138. Хоронко, В. К.—Самоубійство дѣтей. Съ пред. Россолимо. М. 1909. 75 к.

Исторія.

139. Быкова, А. Ѳ.—Вильг. Оранскій. Борьба Нидерландовъ за независимость... 3 изд. Спб. 1909. 25 к.
 140. Быкова, А. Ѳ.—Сѣв.-Америк. Соедин. Штаты. 3 изд. „Общ. Изд.“. Спб. 1909. 50 к.
 141. Велльгаузенъ, Ю.—Введеніе въ исторію Израиля. Изд. „Пирам.“. Спб. 1909. 3 руб.
 142. Виниеръ.—Лекціи по исторіи Греціи. 3 изд. М. 1909. 1 р.
 143. „ Учебникъ древней исторіи. 10 изд. Спб. 1909. 1 р. 75 к.

Медицина.

177. Бидертъ, Ф.—Болезни дѣтей дошкольнаго возраста. Изд. „Сотр.“. Кв. 1909. 1 р.
178. Бургерштейнъ и Неголицкій. — Руководство по школьной гигиенѣ. Изд. Риккера. 2 ч. Сиб. 1908—9. 7 р.
179. Веберъ, Г.—Пути къ продленію жизни. Сиб. 1909. 50 к.
180. Кауне, В.—Грудной ребенокъ. Вскармливаніе... Изд. „Косм.“. М. 1909. 75 коп.
181. Смоленскій, П. О.—Простые способы изслѣдованія и оцѣнки доброкачественности съѣстныхъ припасовъ... 4 изд. Сиб. 1909. 5 р.
182. Уваровъ, М. С.—Гигіена. 3 изд. Риккера. Сиб. 1910. 90 к.
183. Шустеръ, П.—Наша первая система. Изд. „Косм.“. М. 1909. 60 к.

Сельское хозяйство.

184. Богдановъ, С. М.—Учебникъ агрономіи. Изд. Девриена. Сиб. 1909. 2 р. 75 к.
185. Зубрилинъ, А. А.—Улучшеніе крестьянскаго хозяйства. В. I. М. 1909. 90 коп.
186. Шредеръ, Р. Н.—Русскій огородъ. 9 изд. Девриена. Сиб. 1909. 2 р. 50 к.

Метеорологія.

187. Клоссовскій, А. В.—Основы метеорологіи. Изд. „Матез.“. Од. 1909. 4 р.

К. ДЕРУПОВЪ.

 ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ

17-го августа исполняется годъ со дня смерти Анто́на Владиславовича Зарембы. Среди друзей и близкихъ товарищей покойнаго вмѣсто вѣнка на дорожную могилу собрано было 500 рублей. Такая же сумма собрана при Польской Библиотекѣ Польскаго Благотворительнаго Общества въ Москвѣ. Среди инициаторовъ сбора явилось предположеніе учредить фондъ имени А. В. Зарембы для выдачи преміи за лучшее сочиненіе о польско-русскихъ отношеніяхъ и ходатайствовать передъ Юридическимъ Обществомъ при Московскомъ университетѣ объ учрежденіи при названномъ Обществѣ этого фонда.

Такъ, думалось, лучше всего увѣковѣчить свѣтлую память чело-вѣка, отдававшего въ жизни столько времени и труда на благо и просвѣщеніе другихъ. Мы увѣрены, что среди лицъ, знакомыхъ съ безкорыстной общественной дѣятельностью А. В., найдется много сочувствующихъ осуществленію этой идеи. Высокіе и гуманные за-вѣты, которыми руководился въ своей общественной дѣятельности

А. В., завоевали ему широкія симпатіи и уваженіе въ общественныхъ кругахъ. Россія могла его считать своимъ лучшимъ гражданиномъ, жившимъ интересами народа и страдавшимъ всѣми его горестями.

Для Польши онъ былъ горячимъ поборникомъ ея свободы. Защитѣ правъ угнетенныхъ народностей служило по преимуществу его публицистическое перо.

Русская жизнь грубо разбивала идеалы А. В. Его искренняя и непосредственная натура слишкомъ интенсивно реагировала на господствующій произволъ. И силы ослабѣли...

Но память о благородной личности А. В. будетъ долго еще жива среди всѣхъ знавшихъ его. И мы обращаемся ко всѣмъ, кто любилъ А. В., кто помнить его всегдашнюю готовность горячо откликнуться на нужды ближняго, придти на помощь въ дѣлѣ осуществленія задуманнаго фонда (минимальная сумма для фонда опредѣлена въ 2.000—2.500 рублей при расчетѣ, что выдача премій будетъ производиться въ размѣрѣ около 500 рублей черезъ каждыя пять лѣтъ).

Пожертванія просимъ направлять на имя комитета по устройству фонда имени А. В. Зарембы по адресу: Москва, Контора „Русскихъ Вѣдомостей“, Чернышевскій, 7.

Издатель М. М. Ковалевскій.

Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Московскаго Общества Грамотности.

Конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее сочиненіе на нижеуказанная темы по случаю исполняющагося 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Объявляя настоящій конкурсъ, Московское Общество Грамотности имѣетъ въ виду вызвать появленіе такой работы по исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которая могла бы надлежащимъ образомъ заполнить какой-либо существенный пробѣлъ въ нашей популярно-исторической литературѣ, предназначенной для широкихъ массъ, включая и наименѣе подготовленныхъ читателей. Въ этой литературѣ уже имѣются хорошо исполненные общіе очерки по исторіи крѣпостного права и освобожденія крестьянъ въ Россіи, какъ, напр., извѣстная брошюра г. Князькова: „Какъ сложилось и пало крѣпостное право въ Россіи“. Во избѣжаніе поэтому повтореній для настоящаго конкурса предлагаются темы болѣе частнаго характера,

однако представляющія въ то же время первостепенный интересъ и значеніе въ общей связи крестьянскаго вопроса въ Россіи.

Въ виду потребностей предполагаемаго читателя условіемъ конкурса ставится соединеніе серьезности и точности содержанія очерка съ ясностью и доступностью изложенія самому широкому кругу читателей. Изъ обильнаго матеріала, относящагося къ предлагаемымъ темамъ, должно быть взято наиболѣе существенное и расположено наиболѣе нагляднымъ для читателя образомъ, такъ, чтобы подробности и частности отнюдь не заслоняли собою основныхъ линий соотвѣствующихъ процессовъ.

Представляемая на конкурсъ работы должны быть, слѣдовательно, написаны простымъ и яснымъ литературнымъ языкомъ, по возможности безъ иностранныхъ терминовъ и словъ, затрудняющихъ пониманіе текста: однако какія-либо поддѣлки подъ такъ называемую „пародію“ рѣчь не должны имѣть мѣста. При составленіи своей работы авторъ долженъ исходить, какъ сказано выше, изъ предположенія, что ему приходится имѣть дѣло съ читателемъ, совершенно лишеннымъ необходимой образовательной подготовки, но такимъ однако, которому трактуемые вопросы особенно близки въ ихъ современной практической постановкѣ. Поэтому желательно вмѣстѣ съ тѣмъ придать изложенію характеръ не отвлеченно-теоретическій, но освѣтить тему съ ея жизненной стороны, наиболѣе интересной для того читателя, для котораго и предназначается настоящее юбилейное изданіе, главнымъ образомъ, изъ сельскаго населенія.

Авторамъ рекомендуется также сопровождать изложеніе предмета ссылками и указаніями на популярную литературу.

Темы: 1. Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и поземельное устройство русской освобожденной деревни.

1) Поземельное устройство владѣльческихъ крестьянъ при крѣпостномъ правѣ. 2) Ходъ разработки реформы 1861 г. преимущественно по вопросу о поземельномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ. 3) Развѣтіе поземельныхъ отношеній въ русской деревнѣ въ пореформенное время.

Въ работѣ на означенную тему должно быть выяснено, какъ въ связи съ реформой 1861 г. былъ поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ освобождаемыхъ крестьянъ.

Вводная глава очерка должна быть посвящена выясненію того, какъ обезпечивалась землей русская владѣльческая деревня при крѣпостномъ правѣ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и въ зависимости отъ различныхъ системъ крѣпостного хозяйства. При этомъ должно быть отмѣчено, какія измѣненія обнаруживались въ поземельномъ устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ къ кануну преобразованія.

Затѣмъ долженъ быть изложенъ общій ходъ разработки реформы 1861 г., съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на то, какъ въ различныхъ стадіяхъ этой разработки ставился вопросъ о поземельномъ устройствѣ освобождаемой деревни, и какъ этотъ вопросъ окончательно былъ разрѣшенъ въ положеніи 19 февраля 1861 г.

Въ послѣдующемъ изложеніи долженъ быть показанъ ходъ практическаго примѣненія соотвѣствующихъ постановленій положенія: ходъ и результаты отвода земельныхъ надѣловъ освобожденнымъ крестья-

намъ и затѣмъ—ходъ и результаты выкупа этихъ надѣловъ крестьянами у помѣщиковъ, съ указаніемъ и на то, какъ вліяли условія выкупа на установленіе различныхъ формъ крестьянскаго землепользованія.

Наконецъ, въ очеркѣ должно быть обрисовано вліяніе результатовъ выкупной операціи на современное поземельное положеніе деревни въ связи съ наиболѣе характерными явленіями изъ исторіи поземельнаго устройства русской деревни въ пореформенную эпоху, какъ-то: развитіемъ внѣнадѣльныхъ арендъ, переселенческимъ движеніемъ, дѣятельностью крестьянскаго банка и т. д.

Въ общемъ весь очеркъ долженъ дать неподготовленному читателю ясное и точное представленіе о томъ, какую роль сыграла реформа 1861 года въ экономической исторіи русской деревни по настоящее время.

2. Положеніе 19 февраля 1861 г., и что оно дало русскому крестьянину.

1) Основныя причины, подготовившія реформу. Исторія составленія акта 19-го февраля 1861 г. 2) Анализъ „Положенія“ о крестьянахъ (земельное устройство, правовое положеніе, общественное устройство, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ), дворовыхъ и заводскихъ рабочихъ. 3) Выкупная операція и экономическое положеніе деревни въ пореформенное время въ связи съ исторіей крестьянскаго самоуправленія и правительственнаго надзора.

Главнымъ предметомъ вниманія при разработкѣ предложенной темы долженъ быть самый актъ 19 февраля 1861 г. положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Авторъ долженъ обстоятельно выяснить условія выхода крестьянъ на свободу, ихъ экономическое и юридическое положенія и сословную организацію, прослѣдивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ важнѣйшія измѣненія въ положеніи крестьянства въ пореформенную эпоху, которыя произошли отчасти подъ вліяніемъ дальнѣйшаго развитія началъ, положенныхъ въ основу самой освободительной реформы, отчасти же подъ вліяніемъ реакціонной политики правительства, въ значительной мѣрѣ исказившей эти начала.

Планъ сочиненія: 1. Краткое вступленіе, съ указаніемъ основныхъ причинъ, подготовившихъ реформу, а также краткой характеристикой тѣхъ условій, при которыхъ былъ составленъ и появился актъ 19 февраля 1861 г. Особенное вниманіе должно быть обращено на работы губернскихъ комитетовъ, редакціонныхъ комиссій и взаимныя отношенія правительства, бюрократіи и общественныхъ элементовъ въ процессъ выработки „положенія“.

Вступленіе это должно такимъ образомъ послужить историческимъ комментариемъ, вводящимъ читателя въ болѣе широкое пониманіе „положенія“ и облегчающимъ это пониманіе. Поэтому во вступленіи желательно остановиться лишь на такихъ явленіяхъ, которыя ближайшимъ образомъ связаны съ главной темой, такъ что отъ нихъ непосредственно можно было бы перейти къ „положенію“.

2. Расположеніе самаго матеріала „положенія“ желательно было бы разбить на главы или изложить въ такой послѣдовательности:

А. Положеніе о крестьянахъ. Общее и мѣстныя. 1) Земельное

устройство крестьянъ. Выкупная операція. Надѣльные нормы. Приведеніе въ дѣйствіе „положеніи“ о крестьянахъ. Временно-обязанное состояніе. 2) Личныя и имущественныя права крестьянъ. 3) Сельскія общественныя учрежденія (сельскія общества и волостная организація). 4) Повинности крестьянъ, полиція. Учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Б. Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ.

В. Правила о приписанныхъ къ горнымъ и инымъ заводамъ крестьянамъ и рабочихъ.

Общій анализъ „положенія“ долженъ быть сведенъ къ ряду положеній, охватывающихъ въ своемъ цѣломъ законченную характеристику закона 19 февраля 1861 г. и завершенъ исторической справкой о томъ, какъ отнеслось крестьянское населеніе къ возвыщенной свободѣ.

3. Последняя часть работы посвящается: 1) характеристикѣ выкупной операціи до ея отмены и эконопической эволюціи деревни въ пореформенное время въ связи съ вопросомъ о положеніи общины и современномъ землеустройствѣ; 2) исторіи крестьянскаго самоуправленія въ связи съ учрежденіями надзора (законъ 12 іюля 1879 г.) и земской реформой.

Въ видѣ общаго итога желательно было бы коснуться вопроса о роли правового момента въ современномъ положеніи крестьянства и ея культурномъ состояніи.

Условія конкурса: 1) Представляемая работа не должна превышать 5 листовъ на каждую тему, считая листъ въ 40.000 буквъ. 2) Авторъ премированной работы каждой темы получаетъ золотую медаль и по 100 рублей за печатный листъ. 3) Первое изданіе премированной работы издается Московскимъ Обществомъ Грамотности въ количествѣ 10—15 тысячъ экземпляровъ. 4) Работы, признанныя жюри хорошими, могутъ получить почетный отзывъ. 5) Работы представляются въ Правленіе М. О. Г. къ 1-му декабря 1910 г. безъ подписи, но съ какимъ-либо девизомъ. Одновременно съ работой должны присылаться запечатанный пакетъ съ написаннымъ на немъ девизомъ и содержащій подробный адресъ автора, его имя, отчество и фамилію. 6) Жюри даетъ отзывъ къ 1-му янв. 1911 г.

Желательно, чтобы представляемая работа была исполнена по возможности на пишущихъ машинахъ.

Предполагаемый составъ читателей — самая широкая народная масса, преимущественно сельское населеніе.

Составъ жюри: В. О. Ключевскій, А. А. Мацуиловъ, Н. А. Кабуковъ, А. В. Вормъ, А. А. Гизеветтеръ, М. М. Богословскій, Б. П. Сыромятниковъ, А. П. Яковлевъ, В. А. Розенбергъ, В. П. Анисимовъ и П. Л. Барсковъ.

Подробныя программы и условія конкурса можно выписывать изъ канцеляріи Правленія М. О. Г.: Москва, Плющиха, Большой Трубный переулокъ, Аукціонный залъ Комитета выставокъ Моск. Об-ва Сельскаго Хозяйства.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА СЕДЬМАЯ.—ІЮЛЬ.

СТРАН.

Англійская гелиогравиюра: П. Э. БЕРТЛО.

I. ИДЕЯ БОГОЧЕЛОВѢКА ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ САГѢ.— О. Ф. Зѣлинскаго	3
II. СТИХОТВОРЕНІЯ. — „Мысль каждая“ (Frédéric Amiel). — „Идеалъ“ (Sully Prudhomme).— Ел. Миличъ	41
III. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ. — Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой	43
IV. ВѢРЮЮ.—Стихотвореніе.— Ал. Лугового.	67
V. „НОВАЯ КРѢПЬ“. — Очерки изъ жизни современной деревни.— С. А. Холщевникова.	68
VI. ТИХІЯ ДОЛИНЫ.—Стихотвореніе.— Леонида Афанасьева	121
VII. ЛАМАРКЪ И ДАРВИНЪ КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ. — I-II. — Влад. Вагнера	122
VIII. ХАМЕЛЕОНЪ.—Стихотвореніе.— Л. М. Василевскаго	134
IX. ТѢНЬ ЛЮБВИ. — Романъ Марсель Тинэйръ. —V-VIII.—Перев. съ франц. З. Журавской.	135
X. ГОДЕНЬ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ!— Жоржа Экоута. —Перев. съ франц. М. Веселовской.	169
XI. ТОРЖЕСТВО ГИЛЬОТИНЫ.—Къ вопросу о смертной казни во Франціи.— К. Ф.	195
XII. СМЕРТНИКИ.—I-IV.— С.	206
XIII. БЛАГОВѢЩЕНСКАЯ „УТОШЯ“.— В.	231
XIV. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНІЕ РАБОЧИХЪ ВЪ РОССИИ. — Г. Гольдберга.	242
XV. ФИНЛЯНДСКІЙ ВОПРОСЪ.— Максима Ковалевскаго	253
XVI. ХРОНИКА.—ЕЩЕ О ПОСЛѢ-КОНСТИТУЦИОННОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ССЫЛКѢ.— М. И. Сафонова	278
XVII. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И КАПИТАЛИЗМЪ.— Л. З. Слонимскаго	286
XVIII. ТРИ КУЛЬТУРЫ.—Письмо изъ Танжера.— Діонео	296
XIX. НАРОДНЫЙ ТЕАТРЪ ВО ФРАНЦІИ. — Письмо изъ Парижа.— Бѣлоруссова.	310

XX.	ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. — Смерть Марка Твенна. — Рѣше- вельтъ.—Новыя болѣзни.—П. А. Тверского	323
XXI.	„ГОРЕ ОТЪ УМА“ въ Московскомъ Художественномъ Театрѣ.— X-XIII.—Окончаніе.—Вл. И. Немировича-Данченко.	332
XXII.	ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — И. В. Жилкина	349
XXIII.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Усиленная охрана, вмѣсто чрезвы- чайной, въ Петербургѣ и Петербургской губерніи.—Законопроектъ о старообрядцахъ въ Государственномъ Совѣтѣ; рѣчи представи- телей чернаго и бѣлаго духовенства.—Разсужденіе о границахъ свободы совѣсти.—Пренія о финляндскомъ вопросѣ въ Государ- ственномъ Совѣтѣ	362
XXIV.	НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА.—Игорь Граварь, „Исторія русскаго искусства“.—Конст. Эберга.	379
XXV.	КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—С. А. Адрианова.	383
XXVI.	ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія дѣла въ Пруссіи.— Консервативныя партіи и правительство.—Вопросъ о содержаніи прусскаго королевскаго семейства.—Дѣло Гелльфельда и его значеніе для Россіи.—Критская автономія и великія державы.—Мѣстный сеймъ въ Босніи и Герцеговинѣ	391
XXVII.	ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. — Эпоха Николая I, подъ ред. М. Гершензона. — Жизнь В. С. Печерина, М. Гершензона. — Жизнь и труды М. И. Пого- дина, Н. Барсукова. Кн. 22-я.—А. П. Чеховъ. Сборникъ статей.— Чеховская бібліотека.—Ч. В-скаго.—Р. И. Сементковскій. Современная Россія. Записки явонца.—Л. С.—Ифлугъ-Гартунгъ. Всемирная исторія. — Труды О. О. Соколова.—И. Бороз- дина.—М. П. Богольповъ. Государственный долгъ.—А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи.—Орестъ Се- минъ. Основныя вопросы мѣстнаго самоуправленія. — В. В.— Новыя книги и брошюры.	405
XXVIII.	ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Дума въ одинъ изъ дней засѣданія по финляндскому вопросу.—Думская „охрана“.—Музыка разговоровъ, чтенія и ходьбы. — Итогъ личныхъ впечатлѣній. — Изъ отзывовъ печати о финляндскомъ законопроектѣ.—Что ждетъ высшую, среднюю и низшую школу. — Виѣшній шпионажъ.—К. О. Казиміръ, Юлія Безродная и А. Н. Котельниковъ †	421
XXIX.	СВОДНЫЙ СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ текущей научно- популярной литературы.—К. Н. Дерунова	435
XXX.	ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ	442
XXXI.	ИЗВѢЩЕНІЕ	443
XXXII.	ОБЪЯВЛЕНІЯ	449
XXXIII.	БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ИНОСТР. КНИЖН. МАГАЗИНЪ
книги и журналы

Авг. Дейбнеръ

(съ 1859 года).

— Морская, д. 12, уг. Невскаго, къ аркѣ. —

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЯ:

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЬ и Н°.

Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное издание
подъ редакціей профессоръ:

В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА и Н. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изданіе составитъ приблизительно около 40 полутомовъ объемомъ въ 640 столбцовъ текста или около 20 томовъ объемомъ въ сложности въ 25,000 столбцовъ; оно будетъ выходить также и выпусками (по пяти выпусковъ въ каждомъ томѣ). Кромѣ пояснительныхъ рисунковъ въ текстѣ, Словарь будетъ заключать около 800 художественныхъ репродукцій въ цѣлую страницу; по отдѣлу анатоміи чловѣка будутъ даны **СКЛАДНЫЯ МОДЕЛИ**; географическія карты государствъ и русскихъ губерній составляютъ заново специально для этого изданія. Кромѣ основного иллюстрированнаго изданія, будетъ выходить удешевленное изданіе безъ иллюстрацій.

УСЛОВІЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДПИСКИ: при подпискѣ вносится 2 р. и каждыя 5—6 недѣль при полученіи полутома полнаго изданія (безъ переплета)—2 р., либо полутома удешевленнаго изданія—1 р. 40 к., или каждыя три мѣсяца при полученіи тома въ переплетѣ—4 р. 80 к. и за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости; при полученіи изданія выпусками при подпискѣ уплачивается 2 руб. и ежемѣсячно при полученіи cadaго выпуска по 1 руб. (включая пересылку) и за переводъ платежа по 10 коп.; задаточные 2 руб. засчитываются при высылкѣ послѣдняго тома, полутома или послѣднихъ двухъ выпусковъ. Цѣна выпуска въ розничной продажѣ—1 р. 25 к. По выходѣ 2-го тома цѣна будетъ повышена.

ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, за исключеніемъ іюня и іюля. Подписка принимается на годъ съ 15-го ноября 1909-го года и на полгода съ 15-го апрѣля 1910-го года. Подписная цѣна съ пересылкою во все мѣста Россійской имперіи 2 руб. въ годъ и 1 руб. 10 коп. на полгода.

Въ первомъ полугодіи въ журналѣ были помѣщены СТАТЬИ: проф. А. Э. Вормса — О правѣ женщинъ на выдѣлъ по указу 9-го ноября, Признаніе крестьянъ рачетчиками; В. П. Дроздова — О новыхъ порядкахъ владѣнія крестьянъ землею, Пьяный вопросъ, Кустари и ихъ нужды; Н. М. Джорданскаго — Мѣстный судъ и его реформа; И. В. Ильинскаго — Объ условномъ осужденіи; проф. А. А. Кауфмана — О переселеніи въ Сибирь, О ходачествѣ; А. Е. Кулыжнаго — Крестьяне и кооперация; А. П. Левицкаго — Земскіе налоги и оцѣнка; проф. А. А. Мануилова — Указъ 9-го ноября; Ал. Ал. Мануилова — Продажа хлѣба и хлѣбные элеваторы, Экономическая сторона крестьянской реформы; С. П. Мельгунова — Паденіе крѣпостного права; В. Ф. Тотоміанца — Сбытъ хлѣба кредитными и сельскохозяйственными товариществами; В. Я. Уланова — Народное образованіе въ Россіи; А. В. Чайнова — Народныя сбереженія; О. А. Шкапскаго — Переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ; Н. В. Якушкина — Государственный бюджетъ, и др. ФЕЛЬЕТОНЫ: П. Булыгина — Обида, Война; академ. Ив. Бунина — Стихотвореніе „Сиротка“; Г. В. Вернадскаго — Для души, Крѣпостное право на Руси; В. Вееволодова — Кометы; Игоря Ильинскаго — Двѣ старухи, П. С. Тургеневъ о крѣпостномъ правѣ; А. Мухина — А. П. Чеховъ; В. Г. Сахновскаго — А. В. Кольцовъ; Юл. Семенова — Какъ люди летаютъ; С. Т. Семенова — Именинникъ и др. ОТЧЕТЫ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ СОВѢТѢ и ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ и СООБЩЕНІЯ. ЖИЗНЬ РОССИИ. (Жизнь деревни. Письма изъ деревни). ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ. (Статьи: Н. П. Губскаго, А. Г. Юллова, А. Руданова, А. В. Чайнова и др.). СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. (Статьи: В. Э. Брунета, М. Н. Вонзблейна, Д. И. Деларова, М. Е. Шатерникова и др.). ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ. КНИГИ и О КНИГАХЪ. ТОРГОВЛЯ.

Пробный номеръ высылается БЕЗПЛАТНО.

Адресъ редакціи: Москва, Ново-Слободская, доль № 85, кв. 11.

Редакторъ-издатель В. П. Дроздовъ.

ВѢСТНИКЪ
Е В Р О П Ы

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

ОСНОВАННЫЙ М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

АВГУСТЪ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1910

ЛАМАРКЪ И ДАРВИНЪ

КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ

(Окоңчаніе.)

III *).

Инымъ является образъ другого ученаго—Ламарка.

Его интересовали всѣ тѣ вопросы, которые интересовали и Дарвина. На многіе изъ нихъ онъ далъ отвѣты болѣе или менѣе близкіе къ тѣмъ, которые на эти вопросы далъ Дарвинъ. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

И Ламаркъ, и Дарвинъ указывали, что понятіе о видѣ неопредѣленно и измѣняется по мѣрѣ нашего ознакомленія съ переходными формами, которыми сглаживаются границы, отдѣляющія виды другъ отъ друга.

Ламаркъ за полъ-вѣка до Дарвина установилъ эволюціонную теорію и безграничную трансформацію видовъ. Эта теорія была до такой степени новой, что когда Эт. Жоффрау Сентъ-Илеръ, двадцать лѣтъ спустя послѣ того, какъ она была высказана Ламаркомъ, взялся за ея защиту, то Жоржъ Кювье характеризовалъ его доводы, во Французской академіи наукъ, какъ грубое заблужденіе.

Прямому вліянію физическихъ условій на тотъ же процессъ Ламаркъ, какъ и Дарвинъ, отводилъ второстепенное значеніе и признавалъ за этимъ факторомъ лишь побочную роль: Дарвинъ—

*) См. іюль, стр. 122.

въ томъ смыслѣ, что физическія условія являются однимъ изъ условій для борьбы за существованіе и для дѣйствія естественнаго отбора, Ламаркъ — въ томъ смыслѣ, что физическія условія измѣняютъ потребности и привычки животныхъ, а съ этимъ вмѣстѣ и всю ихъ дѣятельность.

Ламаркъ, за полъ-вѣка до Дарвина, утверждалъ, что всякая классификація болѣе или менѣе искусственна, что таксономическія единицы (классы, отряды, семейства, роды) — лишь способы мышленія, безъ которыхъ трудно обойтись, но которыми слѣдуетъ пользоваться съ большою осторожностью, чтобы избѣжать произвола. Цѣль классификаціи — говорить Ламаркъ, а послѣ него Дарвинъ — выяснить средство между организмами. Разница между Ламаркомъ и Дарвиномъ по этому вопросу заключается въ томъ, главнымъ образомъ (и это, разумѣется, очень существенно), что Ламаркъ не замѣтилъ, и потому не принялъ въ расчетъ принципа расхожденія признаковъ, вслѣдствіе вымиранія промежуточныхъ формъ. Не забудемъ, однако, что по собственному сознанію Дарвина этотъ принципъ и ему представился лишь послѣ того, какъ онъ началъ выработывать основныя начала своей теоріи.

Въ своей философіи зоологіи Ламаркъ пришелъ къ взглядамъ на филогенію организмовъ въ общихъ чертахъ близкимъ къ воззрѣніямъ Дарвина: онъ сталъ разсматривать классификацію, какъ генеалогическое дерево, со многими крупными вѣтвями, имѣющими свои болѣе мелкія вѣтвленія. Ламаркъ даже отрицалъ существованіе одного общаго ствола у генеалогическаго дерева, утверждая, что необходимо допустить по крайней мѣрѣ два таковыхъ. Наконецъ, къ числу вопросовъ, которыми Ламаркъ занимался до Дарвина, въ свою очередь удѣлившаго имъ значительное вниманіе, принадлежатъ вопросы психологіи животныхъ.

Эта часть изслѣдованій Ламарка заключаетъ въ себѣ такъ много замѣчательнаго по глубинѣ мысли, по удивительной проницательности ученаго, что можно лишь пожалѣть о томъ уклоненіи въ сторону, которое они получили у позднѣйшихъ ученыхъ, въ томъ числѣ у самого Дарвина. Ученіе Ламарка по этимъ вопросамъ такъ интересно и такъ близко отвѣчаетъ на запросы современной науки, что я не рискую изложить его здѣсь въ немногихъ словахъ и отсылаю читателей къ подлиннымъ изслѣдованіямъ ученаго.

Кромѣ перечисленныхъ вопросовъ, мы находимъ у Ламарка спеціальныя главы, посвященныя цѣлому ряду другихъ, которыхъ Дарвинъ или не касается вовсе, или касается лишь постольку,

поскольку они имѣютъ отношеніе къ его теоріи естественнаго отбора. Таковы способность къ воспроизведенію; половое размноженіе; связь и соотношеніе между состояніемъ, размѣрами и совершенствомъ той или другой способности и системой органовъ, ее обуславливающихъ.

Ламаркъ задавался вопросами о томъ, что такое жизнь, чѣмъ отличаются живыя существа отъ тѣлъ органическаго міра и какъ явились первыя живыя тѣла природы. Вопросы эти въ его время рѣшались исключительно метафизиками, которые болтали туманный вздоръ на тему о *жизненной силѣ*, о *жизненномъ началѣ* (по ихъ терминологіи — *архея*). Ученые, вслѣдъ за Фихте и Шеллингомъ, утверждали, что познавать природу должно не наблюдая и не изучая ее, а исключительно размышляя о ней... Научныхъ данныхъ для опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы было мало, но Ламаркъ не счелъ себя въ правѣ уклониться отъ отвѣта на нихъ, такъ какъ эволюціонное ученіе, творцомъ котораго онъ явился, обязывало его признать, что живое должно было получить свое начало отъ неживого.

При этомъ онъ категорически заявлялъ, что метафизическая „архея“ есть слово, не имѣющее за собой никакого основанія. Въ основѣ жизни, по мнѣнію Ламарка, лежатъ обычныя физическія силы: теплота, электричество и магнетизмъ. То, что разумѣлъ подъ этими терминами ученый, было, конечно, не тѣмъ, что подъ ними разумѣютъ физики нашихъ дней — и его толкованія вполне соответствуютъ тогдашнему пониманію этихъ явленій.

„Жизнь въ тѣлѣ, гдѣ порядокъ и состояніе вещей не препятствуютъ ей проявленію, есть истинная сила, вызывающая многочисленныя и разнообразныя явленія, — писалъ Ламаркъ, — эта сила не имѣетъ, однако, ни цѣли, ни намѣренія, не можетъ дѣлать ничего другаго, кромѣ того, что она дѣлаетъ, и представляетъ собою только совокупность дѣйствующихъ причинъ, а не отдѣльное существо. Я первый установилъ эту истину еще въ то время, когда жизнь считалась за особый принципъ, за нѣкоторое начало или же существо“¹⁾.

На вопросъ о возникновеніи жизни на землѣ (о самозарожденіи) Ламаркъ отвѣчаетъ слѣдующими соображеніями. „Въ водахъ древняго міра, да и въ настоящее время накоплялись и накопляются массы слизистаго вещества. Подъ вліяніемъ свѣта, нѣкоторые элементы, тепловые и электрическіе, вступали въ эти

¹⁾ См. „Ламаркъ и его ученіе“, В. Половцева („Извѣстія С.-Петербургской биологической лабораторіи подъ редакціей П. Лесгафта“. Т. 1, вып. 4).

тѣльца. Тѣльца ставовились способными вдыхать и выдыхать газы. Начались жизненные движенія, и такимъ образомъ возникло элементарное животное или растеніе“. Небольшія студенистыя массы, путемъ взаимнаго притяженія, способны образовывать клѣточную ткань (*tissu cellulaire*). Въ этихъ клѣточкахъ еще не было того, что позднѣе открыли Шлейденъ и Шванъ; до этого еще было очень далеко. Попутно съ біологіей Ламаркъ работалъ и въ областяхъ физики, химіи, геологіи и минералогіи, то-есть въ областяхъ знанія, изъ которыхъ послѣднія двѣ едва зарождались въ его время.

Приверженцы старой школы Кювье ставятъ Ламарку въ особый упрекъ эти его интересы и его въ этой области соображенія: у него, говорятъ они, не было достаточнаго числа фактическихъ данныхъ для обобщенія; для обобщеній еще не пришло время, точная наука начинается съ фактовъ, и пр., и пр.

Они забываютъ, однако, что человѣческой умъ,—если онъ умъ, а не портфель съ опредѣленнымъ числомъ запирающихся отдѣлѣній, гдѣ собраны имъ факты располагаются въ томъ порядкѣ, въ какомъ опытные ходатаи по дѣламъ располагаютъ свои документы, — имѣеть свойственные ему запросы, на которые нельзя сказать: подожди до полученія надлежащихъ справокъ еще десятка три-четыре лѣтъ, а можетъ быть и столѣтій. Есть, разумѣется, ученые, которые ждутъ, но есть и другіе, для которыхъ запросы ума составляютъ настоящую жизненную потребность, требующую удовлетворенія при *наличности имѣющихся у нихъ научныхъ знаній*. Давая то, что они могутъ дать по такимъ вопросамъ, гдѣ знаній у нихъ недостаточно, они ни отъ кого не скрываютъ весьма относительной цѣнности предлагаемыхъ ими данныхъ, и предупреждаютъ читателя, что въ ихъ соображеніяхъ возможны многочисленныя ошибки. Такъ именно и поступалъ Ламаркъ.

Не слѣдуетъ забывать еще, что для людей съ такимъ огромнымъ умомъ, какимъ обладалъ Ламаркъ, и небольшого числа фактическихъ данныхъ бываетъ достаточно для того, чтобы опредѣлить ихъ внутренній смыслъ и научное значеніе. Даже въ той области знаній, которой во времена Ламарка, какъ научной дисциплины, вовсе еще не существовало (я говорю о геологіи), онъ оказалъ, по свидѣтельству Ляйеля, „*великую услугу, доказывая, что никакихъ катастрофъ въ геологіи не происходило* и что медленные измѣненія, тысячи разъ возобновляющіяся, вѣрнѣе достигаютъ цѣли, чѣмъ бурныя пертурбаціи, театромъ которыхъ была наша планета“. Объ изслѣдованіяхъ Ламаркомъ ископае-

мыхъ моллюсковъ („Mémoire sur les coquilles fossiles des environs de Paris“)—Лийель отзывается такъ: „Труды Кювье въ сравнительной остеологіи и Ламарка въ изученіи новѣйшихъ ископаемыхъ раковинъ подняли эти отрасли знанія на такой уровень, до котораго онѣ по прежнимъ понятіямъ никогда бы не могли достигнуть. Изслѣдованія этихъ ученыхъ много содѣйствовали разсѣянію долго господствовавшаго предубѣжденія относительно отсутствія аналогіи между древнимъ и нынѣшнимъ состояніемъ нашей планеты“.

Позднѣе, въ своей книгѣ: „Système analytique des connaissances positives de l'homme“, которая не менѣе, если еще не болѣе замѣчательна, чѣмъ „Философія зоологіи“, Ламаркъ является истиннымъ предтечей *позитивной философіи*. Наблюденіе показываетъ намъ — говоритъ онъ здѣсь, между прочимъ, — что „существуетъ опредѣленный, несомнѣнно созданный и неизмѣнный по волѣ Творца порядокъ вещей, исключительно дѣйствующій на матерію и обладающій силою созидать всѣ наблюдаемыя тѣла, производить въ нихъ всѣ перемѣны, видоизмѣненія, даже разрушенія и обновленія, которыя между ними замѣчаются. Этому порядку вещей мы дали названіе природы. Тщательно изслѣдуя изъ числа доступныхъ наблюденію предметовъ тѣ, которые, повидимому, были сотворены, мы полагаемъ, что ихъ количество ограничивается двумя — матеріей и природой. Высшее Существо при своемъ безграничномъ могуществѣ могло, безъ сомнѣнія, сотворить еще и много другихъ; но о нихъ мы не имѣемъ рѣшительно никакого реального понятія, и нашему знанію доступны только два вышеупомянутыхъ... Матерія, какова бы она ни была, ничего другаго въ себѣ не заключаетъ, кромѣ особыхъ качествъ, ей свойственныхъ... Всегда будетъ заблужденіемъ приписывать матеріи способность жить, чувствовать, мыслить или, наконецъ, дѣйствовать самостоятельно... Природа есть тотъ *порядокъ вещей*, который мы наблюдаемъ во вселенной, который и есть причина всего существующаго“. Это есть „общая сила, всегда дѣйствующая, производящая при благопріятныхъ условіяхъ величайшія измѣненія, которыя влекутъ за собой или образованіе, или разрушеніе тѣлъ... Высшая сила, о которой мы говоримъ, обнимаетъ весь физическій міръ и является въ немъ наиболѣе общей силой. Только матерія подлежитъ ей вѣдѣнію, и хотя эта сила не можетъ ни создать, ни разрушить ни одной частицы матеріи, но она ее постоянно измѣняетъ различными способами и во всѣхъ видахъ. Такимъ образомъ эта общая сила дѣйствуетъ безпрестанно на всѣ предметы,

какъ доступные, такъ и недоступные нашему наблюденію. Она непосредственно дала существованіе земнымъ растеніямъ и животнымъ и всѣмъ другимъ предметамъ, которые на землѣ находятся. Итакъ, эта сила, которую намъ такъ трудно постичь, хотя она повсюду проявляется, эта сила, которая ни въ какомъ случаѣ не есть разумное существо (въ этомъ мы не можемъ сомнѣваться, такъ какъ мы наблюдаемъ ея дѣйствіе, слѣдимъ за ея проявленіями, видимъ, что она совершаетъ все во времени, замѣчаемъ, что она повсюду подчинена законамъ, изъ которыхъ многіе уже намъ извѣстны), эта сила, которая дѣйствуетъ всегда одинаково при одинаковыхъ условіяхъ, а если они измѣняются, то измѣняется и ея дѣйствіе; однимъ словомъ, эта сила, которая дѣлаетъ такъ много удивительныхъ вещей, и есть именно то, что мы называемъ природой. И этой-то слѣпой силѣ, повсюду ограниченной и подчиненной, которая, какъ она ни велика, не можетъ дѣлать ничего кромѣ того, что она дѣлаетъ, которая и существуетъ только по волѣ Высшаго Творца, этой-то силѣ, говорю я, мы приписываемъ намѣренность, цѣль и опредѣленность въ дѣйствіяхъ... Что можетъ быть большимъ доказательствомъ нашего полифѣйшаго невѣжества въ томъ, что касается природы и ея законовъ,—законовъ, знаніе которыхъ является единственнымъ путемъ къ достиженію правильнаго сужденія о вещахъ и правильной постановки нашихъ идей!“

Создавъ удивительно стройную и глубокую философскую систему живой природы въ формѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, Ламаркъ заканчиваетъ свои изслѣдованія тѣмъ, что въ циклѣ наукъ является послѣднимъ звеномъ ихъ цѣпи: *человѣкомъ, какъ индивидомъ и членомъ коллективности*—то-есть, социологіей.

И здѣсь, какъ по многимъ другимъ вопросамъ, идеи Ламарка существенно отличаются отъ идей Дарвина по глубинѣ и ширинѣ міровоззрѣнія.

За пятьдесятъ лѣтъ до появленія книги Дарвина о происхожденіи человѣка Ламаркъ писалъ:

„Человѣкъ, наиболѣе совершенное и несомнѣнное произведеніе природы, есть живое существо, составляющее часть животнаго царства и принадлежащее къ классу млекопитающихъ; онъ близокъ къ четверорукимъ, отъ которыхъ, однако, отличается различными измѣненіями какъ въ ростѣ и формѣ, такъ и во внутренней организаціи; измѣненія эти обязаны своимъ происхожденіемъ его привычкамъ и его превосходству, обеспечившему преобладаніе его надъ всѣми существами земнаго шара. Человѣкъ обязанъ своимъ превосходствомъ частью своему уму, стоя-

щему на гораздо высшей ступени развитія, чѣмъ у какаго бы то ни было другаго существа, частью—своему строенію, формѣ и назначенію своихъ членовъ. Человѣкъ принадлежитъ къ классу млекопитающихъ, такъ какъ его организація сходна съ организаціей млекопитающихъ во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ и отличается только видовыми измѣненіями. Человѣческой видъ, какъ и другіе виды живыхъ тѣлъ, дѣлится на разновидности, которымъ дали названіе расъ, и изъ которыхъ каждая населяетъ отдѣльную область земнаго шара“.

Ламаркъ, однако, не ограничился только отвѣтомъ на вопросъ о происхожденіи человѣка, какъ это сдѣлалъ Дарвинъ. Онъ, въ связи съ этимъ, старался дать отвѣты, какъ натуралистъ, на цѣлый рядъ другихъ вопросовъ не только біопсихологіи, но и біосоціологіи.

Ламаркъ, какъ педагогъ, такъ глубоко понималъ основы правильного воспитанія, что если бы мы, слѣдуя его указаніямъ, представили соотвѣтствующую программу общеобразовательной школы нашему министерству народнаго просвѣщенія, то оно нашло бы ее недопустимымъ новшествомъ. Эта программа потребовала бы радикальной ломки всей нашей системы образованія, ломки, для которой „время еще не пришло“, и когда оно придетъ, еще неизвѣстно. Лишь немногіе педагоги нашего времени стремятся къ ней приблизиться. Вотъ что пишетъ Ламаркъ въ „Système analytique des connaissances de l'homme“: „Необходимо принять во вниманіе, что съ самаго ранняго возраста, то-есть съ того времени, когда у насъ вырабатываются первыя наши понятія, и мы судимъ самостоятельно только о вещахъ, непосредственно дѣйствующихъ на наши чувства, насъ уже пріучаютъ вполне полагаться на сужденія другихъ въ самыхъ важныхъ вопросахъ,—вопросахъ, которые должны рѣшительнымъ образомъ повліять на весь будущій строй нашего мышленія“. Ламаркъ настойчиво, много разъ указываетъ на необходимость „признать важность разсмотрѣнія законовъ природы относительно того, что называютъ нравственнымъ проявленіемъ человѣка, и того, что составляетъ источникъ его дѣятельности“.

Въ высокой степени поучительны его соображенія какъ психолога. „Человѣкъ—пишетъ Ламаркъ—получилъ отъ природы склонности, которыя обнаруживаются въ зависимости отъ обстоятельствъ его положенія. Я перечислилъ эти склонности во введеніи къ „Histoire naturelle des animaux sans vertèbres“ (vol. I, p. 259). У однихъ людей всѣ склонности остаются какъ бы подавленными, вслѣдствіе бѣдственнаго и зависимаго ихъ положенія;

у другихъ развивается только одна изъ нихъ и можетъ даже обратиться въ страсть; наконецъ, у третьихъ, пользующихся болѣе выгоднымъ социальнымъ положеніемъ, многія склонности достигаютъ замѣчательнаго развитія, хотя почти всегда одна какая-нибудь дѣлается преобладающею, и если обращается въ страсть, то ослабляетъ или кажется ослабляющей всѣ остальные. Особенно замѣтнымъ становится развитіе естественныхъ склонностей при невыгоднѣйшихъ положеніяхъ человѣка въ обществѣ. Именно въ этихъ развивающихся склонностяхъ и слѣдуетъ искать причинъ, имѣющихъ наибольшее вліяніе на направленіе дѣятельности людей. Кромѣ того это направленіе дѣятельности также находится въ зависимости и отъ сужденій даннаго индивида, — отъ того, насколько они правильны и поскольку являются результатомъ большаго или меньшаго запаса знаній, наблюденій и опыта. Причину многихъ моральныхъ бѣдъ, угнетающихъ людей въ различныхъ странахъ, слѣдуетъ искать именно въ невѣжествѣ и узкомъ кругѣ идей большинства“.

Не менѣе, если не болѣе интересенъ Ламаркъ какъ социологъ.

„Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, — говоритъ Ламаркъ, — что человѣкъ рождается безъ идей, безъ знаній, обладая только внутреннимъ чувствомъ и общими склонностями, которыя проявляются совершенно машинально. Только со временемъ, съ помощью образованія, опыта и разнообразія встрѣчающихся обстоятельствъ, онъ получаетъ идеи и познанія, такъ какъ съ самаго рожденія уже имѣетъ необходимыя для ихъ пріобрѣтенія органы.

„Благодаря своему положенію въ обществѣ и окружающимъ условіямъ, люди пріобрѣтаютъ эти знанія въ очень неравномѣрной степени. Тѣ, которые получаютъ ихъ въ большемъ числѣ, получаютъ такимъ образомъ и средства для господства надъ остальными и не упускаютъ случая воспользоваться этимъ.

„Дѣйствительно, между людьми съ большимъ запасомъ идей большинство бываетъ вынуждено, вслѣдствіе столкновеній интересовъ, постоянно бороться противъ своего собственнаго внутренняго чувства, обуздывать его, скрывать его побужденія. Путемъ упражненія они пріобрѣтаютъ надъ нимъ достаточную власть и привычку его сдерживать. Ясно, какое громадное преимущество оказывается у нихъ въ сравненіи съ людьми болѣе непосредственными. Для умѣющихъ изучать человѣка большой интересъ должно представлять различіе тѣхъ масокъ, подъ которыми скрываются истинные интересы индивидуумовъ, сообразно съ ихъ состоявіемъ, положеніемъ, властью и т. п. Вотъ краткій

перечень главныхъ причинъ настоящаго состоянія цивилизованнаго человѣка въ Европѣ—состоянія, при которомъ, не смотря на приобретенныя знанія или именно благодаря этимъ приобретеннымъ знаніямъ, люди, обладающіе меньшимъ количествомъ средствъ, всегда оказываются жертвами тѣхъ, которые обладаютъ ими въ болѣе степені. Отсюда неизбежное подчиненіе громаднаго большинства могущественному меньшинству.

„При такомъ ходѣ вещей я вижу только одинъ путь, который можетъ помочь намъ извлечь для себя наибольшую выгоду изъ нашего положенія, а именно: принявъ, разъ навсегда, извѣстное число правилъ, согласныхъ съ разумомъ, справедливостью и нравственностью, которыя не должны быть нарушаемы ни при какихъ условіяхъ, направить всѣ силы къ изученію природныхъ склонностей человѣка и ихъ различныхъ результатовъ у разныхъ индивидуумовъ, въ зависимости отъ окружающихъ обстоятельствъ. Это знаніе окажетъ намъ величайшую пользу въ нашихъ сношеніяхъ съ людьми. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ мы никогда не достигнемъ цѣли, если намъ останется неизвѣстнымъ то значительное вліяніе, которое оказываютъ на дѣйствія человѣка его природныя склонности. Мнѣ кажется, что мы слишкомъ пренебрегаемъ такимъ существеннымъ знаніемъ, и я попробую вкратцѣ набросать его основы. Къ тому же предметъ моихъ теперешнихъ разсужденій разсматривался всегда только какъ составляющій область моралистовъ, между тѣмъ какъ значительная его часть, входящая въ область знаній натуралиста, оставалась обыкновенно безъ вниманія. Эту-то послѣднюю мнѣ и хотѣлось бы возстановить; она и заставляетъ меня представить здѣсь слѣдующія основы анализа человѣческихъ склонностей и ихъ развитія при современномъ состояніи цивилизаціи.

„Какъ только чувствующій индивидуумъ, а значитъ и человѣкъ, начинаетъ пользоваться внутреннимъ чувствомъ, а слѣдовательно и чувствомъ собственнаго существованія, у него немедленно является внушенная природой любовь къ самому себѣ, которую онъ сохраняетъ въ продолженіе всей своей жизни. Эта любовь къ самому себѣ вызываетъ въ немъ шесть главныхъ склонностей, при чемъ развитіе каждой обусловливается благопріятствующими обстоятельствами.

„Склонности, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, могутъ быть названы *общими*, такъ какъ ихъ вліяніе замѣчается во всѣхъ дѣйствіяхъ человѣка; вотъ онѣ:

- 1) Склонность къ самосохраненію.

2) Склонность къ независимости, возбуждающая горячую любовь къ индивидуальной свободѣ.

3) Склонность оказывать себѣ предпочтеніе передъ другими, образующая личный интересъ.

4) Склонность господствовать въ какомъ бы то ни было отношеніи.

5) Склонность, вызывающая постоянное стремленіе къ благополучію, какъ физическому, такъ и нравственному.

6) Наконецъ, склонность, внушающая страхъ смерти^а.

Эти природныя склонности очевидно суть унаслѣдованныя человѣкомъ инстинкты самосохраненія, питанія и размноженія, видоизмѣненные въ своихъ проявленіяхъ культурными условіями соціальной жизни. Склонность къ независимости есть видоизмѣненіе инстинкта самосохраненія; то, что Ламаркъ называетъ личнымъ интересомъ, есть слѣдствіе (по его же объясненію) любви человѣка къ самому себѣ—къ своему физиологическому бытію, то-есть къ удовлетворенію его инстинктовъ питанія и размноженія. Склонность къ господству есть лишь шагъ по пути къ обезпеченію наиболѣе полного удовлетворенія тѣхъ же инстинктовъ питанія и размноженія въ условіяхъ общественной жизни. И что поразительно въ этихъ воззрѣніяхъ Ламарка, и чего не только его современники, но и многіе изъ нашихъ понять не могутъ—это его настойчивое требованіе изучать природныя склонности (то-есть унаслѣдованные человѣкомъ инстинкты) для правильнаго рѣшенія вопросовъ человѣческой жизни, какъ индивидуальной, такъ и общественной.

Исходя изъ этихъ соображеній, Ламаркъ пишетъ слѣдующія замѣчательныя строки: „Наблюденіе любого человѣческаго общества на той или другой ступени его развитія показываетъ, что сумма истинъ, знаніе которыхъ совершенно необходимо для счастья отдѣльныхъ индивидовъ, должна быть пропорціональна количеству образовавшихся потребностей. Въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ крайняя простота потребностей, для благополучія достаточно весьма малаго количества хорошо извѣстныхъ истинъ; но тамъ, гдѣ прогрессъ цивилизаціи значительно увеличилъ эти потребности, становится необходимымъ знаніе значительно бѣльшаго количества истинъ, для предотвращенія въ государствѣ всевозможныхъ злоупотребленій и обмановъ. А потому, если количество извѣстныхъ истинъ ниже потребности, или онѣ недостаточно распространены, и если то, что выдается общественнымъ мнѣніемъ за солидное знаніе, есть лишь заблужденіе или ложное знаніе, то все рѣже и труднѣе

будеть достигаться счастье отдѣльныхъ лицъ. Тогда-то возникаютъ толки, что свѣтъ знанія скорѣе вреденъ людямъ, чѣмъ полезенъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ вредятъ именно заблужденія и ложныя знанія. Первымъ и важнѣйшимъ источникомъ нашихъ золъ является невѣжественность, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ мы начали жить обществами“. Точно такъ же опасными могутъ казаться нѣкоторыя истины только условно: не истины сами по себѣ вредны—вредны онѣ лишь для тѣхъ, кто теряетъ отъ ихъ незнанія и отъ знанія ихъ другими. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: „Вмѣсто того, чтобы посвятить себя постоянному изученію природы и ея законовъ, относящихся къ человѣку, къ его повседневнымъ интересамъ, онъ предпочитаетъ полнѣйшее невѣжество въ этомъ отношеніи, сохраняетъ предрасудки, которые ему были внушены, предается неумѣреннымъ желаніямъ, склонностямъ и страстямъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ его важнѣйшими интересами, даже съ его самосохраненіемъ, и такимъ образомъ, постоянно увлекаемый, безъ руководителя, безъ воли,—всегда рабъ и даже жертва,—онъ, въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ, жалокъ“.

„О люди,—воскликаетъ Ламаркъ,—вы, имѣющіе такое преимущество надъ всѣми остальными живыми существами въ вашихъ способностяхъ и средствахъ, вы, которыхъ природа помѣстила вмѣстѣ съ остальными существами въ одинъ громадный потокъ, всѣхъ увлекающій,—всмотритесь въ теченіе этого потока, изучите и познайте многочисленные подводные камни, находящіеся въ его глубинѣ, если вы не хотите сдѣлаться жертвами ложныхъ направленій, которыя вы сами, благодаря вашему невниманію къ этимъ подводнымъ камнямъ, можете придать своимъ дѣйствіямъ, ставя ихъ въ противорѣчіе съ порядкомъ вещей, которому вы подчинены!“

И не одно физическое благосостояніе имѣлъ въ виду Ламаркъ, призывая человѣка изучать природу. Причину многихъ моральныхъ бѣдъ, угнетающихъ соціальнаго человѣка въ столькихъ странахъ, онъ видитъ именно въ невѣжествѣ и узкомъ кругѣ идей, въ которомъ вращается большинство.

Ислѣдованія общественной жизни привели Ламарка, въ концѣ концовъ, къ открытію явленій, которыя лишь много позднѣе сдѣлались предметомъ спеціальныхъ изслѣдованій—явленій, которыя онъ назвалъ общественнымъ разумомъ. По опредѣленію Ламарка, разумъ этотъ заключается въ общемъ признаніи тѣхъ или иныхъ мнѣній ложными или истинными. Этотъ общественный разумъ прогрессируетъ такъ же, какъ прогрессируетъ разумъ индивидуальный.

Ламаркъ не остановился и здѣсь въ своихъ размышленіяхъ о человѣкѣ и его судьбахъ. Точно выяснивъ до-историческое прошлое, установивъ нѣкоторые изъ основныхъ законовъ современной индивидуальной и общественной жизни людей, Ламаркъ устанавливаетъ правила поведенія, которыя, по его мнѣнію, необходимы для обезпеченія нормальной жизни человѣка, какъ члена общества. Вотъ эти правила.

Первый принципъ. Всякое знаніе, не являющееся непосредственнымъ продуктомъ наблюденія или прямымъ слѣдствіемъ, полученнымъ изъ наблюденія, не имѣетъ подъ собою прочнаго основанія и вполнѣ призрачно.

Второй принципъ. Во всѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ или между отдѣльными лицами, или между обществами, изъ этихъ лицъ составленными, или, наконецъ, между народами и ихъ правительствами, принципомъ добра является согласованіе взаимныхъ интересовъ; разладъ въ этихъ интересахъ вноситъ принципъ зла.

Третій принципъ. Каковы бы ни были привязанности человѣка соціальнаго (кромѣ вложенныхъ природой по отношенію къ семейству) къ различнымъ окружающимъ его предметамъ, эти привязанности никогда не должны становиться въ противорѣчіе съ общественными интересами, то-есть съ интересами націи, къ которой онъ принадлежитъ. „Я думаю,—прибавляетъ Ламаркъ,— что трудно было бы замѣнить эти три принципа другими, которые были бы болѣе полезны, лучше обоснованы и болѣе правдивы, чѣмъ только-что изложенные, имѣющіе цѣлью направлять мысль, сужденія, чувства и дѣйствія цивилизованнаго человѣка“.

Таковъ Ламаркъ, какъ типъ ученаго.

Подведемъ теперь итоги.

IV.

Изъ того, что было сказано о циклѣ вопросовъ, интересовавшихъ Ламарка и Дарвина, и о томъ, что они старались извлечь изъ фактовъ, огромная часть которыхъ была ими лично добыта тяжелымъ и непрерывнымъ трудомъ, наконецъ о томъ, что каждый изъ нихъ ставилъ себѣ задачей изслѣдованія,—не трудно видѣть, въ чемъ заключаются основныя черты различія этихъ двухъ типовъ ученыхъ.

И для Ламарка, и для Дарвина наука была не багажемъ,

который идетъ съ пассажиромъ по пути его жизненной карьеры, къ которому отъ времени до времени онъ обращается при соотвѣтствующей потребности и въ должной мѣрѣ, не предметъ, который при извѣстныхъ условіяхъ можно замѣнить новымъ, болѣе подходящимъ, а то и вовсе бросить за миновавшею надобностью. И для Ламарка, и для Дарвина наука была необходимымъ условіемъ ихъ личной жизни; оба они работали однимъ методомъ изслѣдованія, оба главнымъ образомъ интересовались вопросами живой природы, оба, наконецъ, пришли къ выводамъ во многихъ отношеніяхъ сходнымъ. Но рядомъ съ этими чертами сродства, между Ламаркомъ и Дарвиномъ, какъ типами ученыхъ, существуетъ такая огромная разница, которая дѣлаетъ ихъ въ извѣстномъ смыслѣ антагонистами.

Немногими словами разницу эту можно опредѣлить такимъ образомъ: Дарвинъ—ученый натуралистъ, поставившій себѣ опредѣленную задачу изслѣдованія въ области живой природы; Ламаркъ—ученый натуралистъ и мыслитель, которому, сверхъ того, ничто въ жизни человѣческой не было чуждо и который, по мѣрѣ своихъ силъ, хотеть способствовать своимъ знаніемъ, своими изслѣдованіями, выработкѣ общаго міровоззрѣнія. Дарвинъ, поэтому, дѣлаетъ каждый шагъ впередъ только тщательно опредѣливъ то мѣсто, на которое собирается ступить; онъ изучаетъ это мѣсто со всѣхъ сторонъ, опредѣляетъ всѣ его свойства, его характеръ, его значеніе. Ламаркъ идетъ впередъ и этимъ путемъ, но, сверхъ того, для той же цѣли пытается опредѣлить самыя отдаленныя точки его умственного горизонта. Дарвинъ отмежевалъ себѣ опредѣленный циклъ вопросовъ, поставивъ одну—правда, колоссальную—задачу, и рѣшилъ ее такъ, какъ можетъ рѣшить только огромный умъ, соединенный съ удивительной наблюдательностью, несокрушимой энергіей и поразительной работоспособностью. Ламаркъ задавалъ себѣ задачи несравненно болѣе широкія; онъ искалъ отвѣта на всѣ вопросы, которые ему ставили и живой міръ, и человѣкъ, какъ его высшій представитель. Само собою разумѣется, что ему часто недоставало фактическаго матеріала, такъ какъ уровень научныхъ знаній его времени былъ еще очень далекъ отъ того, что для этого было нужно. Такое различіе между типами ученыхъ, теоретически разсуждая, не представляетъ еще, повидимому, основанія для враждебнаго отношенія одного изъ нихъ къ другому; но если мы припомнимъ исторію развитія точныхъ наукъ, если припомнимъ тяжкія испытанія, которыя пришлось пережить ихъ сторонникамъ отъ представителей спекулятивнаго знанія, отъ умозрительныхъ теорій, отъ того,

что Роджеръ Бэконъ, семьсотъ лѣтъ назадъ, называлъ предрасудками и что приписывалъ недостойнымъ авторитетамъ, косности и невѣжеству; если припомнимъ, что эти представители умозрительныхъ теорій послали своихъ противниковъ въ тюрьмы, жгли ихъ на кострахъ и умерщвляли на эшафотахъ, то сдѣлается понятнымъ, почему сторонники точнаго знанія, въ концѣ концовъ, должны были, такъ сказать, органически усвоить недовѣрчивое, болѣе того — враждебное отношеніе къ умозрѣнію, даже тогда, когда умозрѣніе это вполне удовлетворяло требованію научныхъ гипотезъ, то-есть исходило изъ наблюденій и фактовъ, хотя и не непосредственно, а путемъ наведенія и заключенія по аналогіи. Въ этомъ исторически сложившемся чувствѣ опасенія за судьбу научнаго знанія, по моему мнѣнію, и лежитъ источникъ отрицательнаго отношенія натуралистовъ-современниковъ учителя Ламарка — Бюффона — къ его гипотезамъ; ученому „прощались“ его умозрѣнія за прекрасныя описанія жизни животныхъ. Въ этомъ историческомъ прошломъ лежитъ причина и отрицательнаго отношенія къ самому Ламарку со стороны его современниковъ; а такъ какъ онъ очень далеко опередилъ ихъ, то и со стороны ученыхъ поль-вѣка спустя послѣ его смерти, въ томъ числѣ и Дарвина.

Иной вопросъ: основательна ли эта причина?

Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что въ наше время къ прежнему антагонизму между двумя мировоззрѣніями присоединяется еще теоретическая борьба сторонъ по вопросу о теоріи познанія.

Выше я уже говорилъ о томъ, что вѣками установившійся путь изслѣдованія въ области точнаго знанія — путь *объясненія причинъ явленій* — или, какъ его называютъ нѣкоторые авторы, путь *причинностей* подвергается жестокой критикѣ со стороны представителей такъ называемаго *эмпириокритицизма*. Стремленіе *объяснять* одно явленіе *черезъ другія* эмпириокритики, какъ извѣстно, считаютъ ошибочнымъ въ самой его основѣ. Это, по ихъ мнѣнію, „*черта обыденнаго мышленія*“. Оно обыденно и не соответствуетъ научному методу, потому что для познанія явленій этимъ путемъ приходится прибѣгать къ *доказательствамъ, къ разсужденіямъ, къ убѣжденію* читателя. А этотъ приѣмъ, по новой теоріи познанія, безусловно не наученъ. Изъ сказаннаго само собою слѣдуетъ, что на вопросы: чей же путь изученія явленій — Ламарка или Дарвина — правильнѣе, чьи изслѣдованія нужнѣе человечеству, кто изъ нихъ двухъ долженъ служить руководителемъ для слѣдующихъ поколѣній, — эмпириокритики должны бу-

дуть отвѣтить: Дарвина, а не Ламарка, ибо Дарвинъ описываетъ явленія съ удивительною точностью, и какъ самъ приходитъ, такъ и читателей своихъ приводитъ къ выводамъ главнымъ образомъ, а иногда исключительно силою только описанныхъ имъ фактовъ; Ламаркъ же для рѣшенія многого множества вопросовъ, на которые давалъ отвѣты, вслѣдствіе ограниченнаго числа фактовъ очень часто дѣлалъ заключенія путемъ, который эмпириокритики признаютъ ненаучнымъ. И это обстоятельство, думается мнѣ, лучше всякихъ теоретическихъ разсужденій доказываетъ намъ односторонность и спѣшность оцѣнки процессовъ познанія самими эмпириокритиками. Идеи Маха и Кирхгофа грѣшатъ не тѣмъ, что предлагаемый ими въ *качество единственнаго* путь изслѣдованія „*иссушаетъ познаніе*“, ибо эмпириокритицизмъ „исключаетъ то живое, что въ пріобрѣтеніи познаній составляетъ иногда самую душу изслѣдованія“; и не тѣмъ, что онъ „*суживаетъ познавательное творчество человека*“, — какъ это не безъ нѣкотораго основанія утверждаютъ противники эмпириокритицизма, — а просто тѣмъ, что онъ расходится съ фактами. Судьба ученія Ламарка, его вліяніе на развитіе науки лучше всякихъ теоретическихъ выкладокъ свидѣтельствуютъ о томъ, что методъ „*причинныхъ объясненій*“ не только не сошелъ со сцены, какъ это утверждаютъ эмпириокритики, но и не сойдетъ съ нея. Дѣло вовсе не въ томъ, могутъ ли или не могутъ имѣть мѣсто „объясненія“, а въ томъ, чтобы эти объясненія держались почвы фактовъ и основывались на данныхъ опыта и наблюденій.

Вотъ почему я на вопросъ о томъ, кто изъ двухъ великихъ ученыхъ — Ламаркъ или Дарвинъ — нужнѣе человѣчеству, кто изъ нихъ двухъ имѣетъ большее основаніе служить примѣромъ для слѣдующихъ за ними поколѣній, съ увѣренностью говорю: *оба*.

Темною ночью въ глухомъ лѣсу каждому изъ насъ одинаково необходимо, одипаково важно имѣть въ рукахъ фонарь, факель, еще лучше — яркій и могучій источникъ свѣта, который освѣщаль бы намъ бѣльшую или меньшую часть предстоящей дороги, чтобы мы съ увѣренностью могли дѣлать свои дальнѣйшіе шаги, не боясь оступиться; но вмѣстѣ съ тѣмъ — и это не менѣе важно — намъ надо имѣть возможность хоть изрѣдка заглядывать въ даль, чтобы выяснитъ общее направленіе движенія. Свѣтъ молніи, слабое мерцаніе звѣздъ, могутъ служить тѣми путеводными точками, какими на морѣ ночнымъ путникамъ служитъ маякъ; человѣчеству въ его движеніи впередъ по пути невѣдомаго и къ невѣдомому нужны аналогичные свѣточы. Ученые типа Дарвина рѣшаютъ

для него первую, а учение тина Ламарка — вторую изъ этихъ задачъ. Какъ выиграло бы, поэтому, знаніе, какъ выиграло бы съ тѣмъ вмѣстѣ человѣческое просвѣщеніе, если бы недовѣрчивое и нѣсколько высокомѣрное отношеніе сторонниковъ того или другого изъ нашихъ великихъ учителей смѣнилось взаимнымъ довѣріемъ и добрымъ желаніемъ понять другъ друга, вмѣсто взаимнаго и огульнаго отрицанія.

Ламаркъ выстрадалъ слова, которыми заканчивается его удивительная книга „Философія зоологіи“:

„Люди, старающіеся своими трудами расширить предѣлы человѣческаго познанія, знаютъ, что для нихъ недостаточно открыть и указать полезную истину, до тѣхъ поръ неизвѣстную; необходимо также быть въ состояніи распространить ее и заставить принять ее. Но индивидуальный и общественный разумъ, вынужденный въ этихъ случаяхъ испытать нѣкоторое измѣненіе, вообще говоря, ставитъ такія препятствія подобному признанію, что часто трудноѣ заставить признать истину, чѣмъ ее открыть...“

Прошло сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были сказаны эти слова, полныя глубокаго, а въ смыслѣ автобіографическомъ — трагическаго смысла. Увы! они ничего не потеряли, ни въ своемъ значеніи, ни въ своей силѣ, ни въ своей... современности.

Влад. Вагнеръ.

КЛЮЧЪ БОГОРОДИЦЫ

Л Е Г Е Н Д А.

Больные и калѣчные
Приходятъ въ этотъ лѣсъ,
Подъ сосны вѣковѣчныя,
За благостью чудесъ.

Приходятъ богомольные
За ключевой водой.
А сосны красноствольныя
Шумятъ надъ головой.

* * *

Жива молва народная—
Стара она, стара...
Была пора голодная,
Тяжелая пора.

И злыя росы падали,
И моръ пошелъ на скоть.
Отъ зноя ли, отъ града ли
Погибъ зеленый всходъ.

Три раза ходы крестные
Свершали вокругъ села,
Велѣли въ поднебесные
Звонить колокола.

И стонеть въ ожиданіи
 На сходѣ все село...
 „За что намъ испытаніе
 „Отъ Господа пришло?..“

„Не мы ль живемъ по Божьему,
 „Пріемля тяжкій трудъ...
 „Святители! За что жъ Ему
 „Карать крещеный людъ?..“

Горять педобрымъ пламенемъ...
 И всталъ сѣдой Гавриль,
 Широкимъ крестнымъ знаменемъ
 Себя перекрестилъ.

И крикнулъ овъ неистово:
 — „Причина тутъ одна,—
 „Живеть въ когтяхъ Нечистаго
 „Солдатская жена!

„Родила отъ заклятія,
 „Растила не крестя...
 „Изгонимъ бѣса, братія,—
 „Убьемъ ея дитя!“

Пришла толпа суровая
 Къ убогому двору:
 — „Солдатка непутѣвая,
 „Мы здѣсь не по добру...

„Отдай свое отродіе—
 „Зане Антихристъ въ немъ...
 „Для Божьяго угодія
 „Убьемъ его, убьемъ!..“

Земля отъ крови красная.
 Дитя мертво, мертво...
 Смѣется мать несчастная,
 Баюкаетъ его...

Баюкаетъ и молится,
 Закутала, пошла...

И вотъ, уже околица
Вечерняго села.

И вотъ, ужъ темень темная
Повѣяла съ небесъ.
Безумная, бездомная
Пришла солдатка въ лѣсъ.

Отъ горькихъ слезъ измучена,
Истерзана въ пути, —
Все ищетъ, ищетъ ключь она,
Но гдѣ его найти?

Легла полуодѣтая
У стараго ствола...
„Заступница Всепѣтая,
„Спаси меня отъ зла!“

Въ глухомъ лѣсу рыданіе
И страхи тишины...
Но чье дрожитъ сіяніе
Подъ хвоями сосны?..

Шли поздніе прохожіе
Тропинкою лѣсной
И видятъ: Матерь Божія
Склонилась подъ сосной...

Глядитъ Она, Пречистая,
На человѣчій судъ,
А слезы серебристыя
Изъ глазъ ея текутъ.

И этимъ чудомъ явленнымъ
Свѣтло озарена
Съ ребенкомъ окровавленнымъ
Солдатская жена.

Прохожіе въ смущеніи
Повѣдали въ село:
— Молитесь о прощеніи,
Къ намъ чудо низошло!..

Спѣшать лѣсными чащами
 Явленіе увидать,
 Подъ соснами шумящими
 Найти Святую Мать.

И видятъ: надъ солдаткою
 Играетъ Божій лучъ,
 А около украдкою
 Вѣжить студеный ключъ.

И мостъ мать безумная
 Убитое дитя..
 А вѣтеръ въ сосны шумныя
 Врывается, свистя...

* * *

И говорить преданіе:
 Въ комъ вѣра горяча—
 Тому горитъ сіяніе
 У Божьяго ключа.

Идутъ, идутъ сторонкою
 Крестьяне по веснѣ
 Молиться предъ иковкою,
 Прилаженной къ соснѣ.

Свѣтла вода чудесная..
 — Помилуй, исцѣли,
 Владычица Небесная,
 Заступница земли!..

ДМИТРІЙ ЦЕНЗОРЪ.

ПРИЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

РАЗСКАЗЪ.

(Посвящается А. И. Куприну.)

I.

Супруги Недосвѣтовы ссорятся. Дѣлаютъ они это тихо, вполголоса, чтобы кто-нибудь изъ домашнихъ не услыхалъ.

Самъ Недосвѣтовъ — Владиміръ Федоровичъ, дородный мужчина лѣтъ сорока пяти, — нервно ходитъ по спальнѣ, мягкими толстыми пальцами теревитъ свѣжеподстриженную темную съ легкой просѣдью бородку и низкимъ густымъ басомъ бросаетъ въ отвѣтъ на оскорбленія жены тяжеловѣсныя злобныя слова, стараясь выговаривать ихъ какъ можно яснѣй и тише.

Моментами кажется, что Недосвѣтовъ воркуетъ, до того густъ и низокъ его голосъ.

Въ спальнѣ на туалетномъ столикѣ подъ розовымъ абажуромъ горитъ электрическая лампочка въ двадцать пять свѣчей. Яркіе потоки свѣта падаютъ на столикъ и золотятъ груды мертвыхъ волосъ въ видѣ валиковъ, фрона и накладокъ.

Клавдія Наумовна Недосвѣтова сидитъ передъ зеркаломъ въ нижней юбкѣ и безъ лифа и строитъ хитроумную прическу. Она небольшого роста, хрупкая и смуглая. Свои черные съ просѣдью волосы она въ прошломъ году выкрасила въ рыжій цвѣтъ и теперь объ этомъ крѣпко жалѣетъ.

— Все ты, ты и ты... — тоненькимъ торопливымъ говоркомъ сыплеть Недосвѣтова, точно щебечеть. — Ты затѣялъ эти во-

скресники, ты собираешь гостей, ты разоришь домъ, ты самъ падаешь и пасъ тащишь въ нищету... А мнѣ не пужны ни твои гости, ни твои воскресники...

— Ну, и дура. Ахъ, идиотка... — тихо воркуетъ Недосвѣтовъ, возмущенный словами жены.

Владиміръ Федоровичъ въ ту минуту искренно ненавидѣлъ свою жену, съ которой прожилъ двадцать лѣтъ. Обхватывая злыми глазами ея маленькую фигурку, онъ подыскивалъ слова, чтобы выразить свое отвращеніе къ этой внезапно опостылѣвшей ему женщицѣ, у которой такое некрасивое дряблое тѣло, костлявыя плечи и тонкія какъ пальки руки, покрытыя темными волосами и крупными пушпышками.

Стоя въ тѣни, онъ хорошо видѣлъ жену, ярко освѣщенную электрическимъ свѣтомъ. Видѣлъ ея узкую, сухую спину и отраженное въ зеркалѣ маленькое мышьяное лицо, съ близорукими сѣрыми глазами, подведенными бровями и суровымъ тонкогубымъ ртомъ.

И еще особенно злила Владиміра Федоровича грубая, чисто супружеская откровенность, съ которой Клавдія Наумовна разбросала гору подѣльныхъ волосъ, не считаясь съ его брезгливостью.

— Вся фальшивал, вся лживая... — тихо ворчалъ Владиміръ Федоровичъ, шагая по узкому проходу между двумя кроватями.

— Ты-то правдивъ и честенъ, — сейчасъ же откликнулась Клавдія Наумовна. — Правдивъ, когда занимаешь деньги безъ отдачи, честенъ, когда измѣняешь мнѣ съ моими кухарками и натураленъ, когда подхалимствуешь и лебезишь передъ...

Но тутъ Недосвѣтовъ не далъ договорить женѣ. Онъ подскочилъ къ ней съ сжатыми кулаками и, задыхаясь отъ злости, прошипѣлъ сквозь крѣпко стиснутые зубы: — Молчи, молчи, говорю тебѣ. Слышишь?.. Я, чертъ знаетъ, что сейчасъ сдѣлаю... Слышишь?..

Клавдія Наумовна пожала плечами, презрительно улыбнулась и замолчала, замолчала не потому, что испугалась угрозы мужа, а просто не хотѣла громкой неприличной ссоры.

И въ спальнѣ наступила тишина.

Этимъ моментомъ воспользовалась дочь Недосвѣтовыхъ, подслушивавшая за дверьми. Когда наступила пауза, она предварительно постучалась, а затѣмъ впорхнула въ спальню, притворяясь веселой, счастливой и ничего незнающей. Ничего.

Лялѣ шелъ четырнадцатый годъ, но благодаря крупнымъ чертамъ лица, почти сформировавшемуся бюсту, крутымъ бокамъ и

большому росту, она казалась старше своихъ лѣтъ. И только коротенькія до колѣнъ платьица да распущенныя темнорусые волосы, перехваченные сверху двумя косичками и розовымъ атласнымъ бантикомъ,—указывали на дѣтскіе годы Ляли.

— Мамочка!—воскликнула Ляля, подскочивъ къ матери.— Посмотри, вотъ такъ хорошо?

У Клавдіи Наумовны руки были заняты накладкой, которую она прилаживала къ собственнымъ волосамъ, а въ зубахъ чернѣли головныя шпильки, и она въ первый моментъ ничего не могла сказать, а только сверкнула глазами.

— Напрасно: ты къ гостямъ не выйдешь. Я уже говорила тебѣ,—сказала Недосвѣтова, освободивъ ротъ отъ шпилекъ.

— Ну, мамочка...—прикидываясь маленькой и глупенькой, протянула Ляля.

— Отстань. Я уже сказала и не приставай.

— Но почему, мамочка?

— Потому, что неприлично показываться гостямъ два раза въ одномъ и томъ же платьѣ, а новое еще не готово.

— Мамочка, — продолжала ныть Ляля, — но, можетъ, сегодня другіе гости будутъ, а не тѣ, что въ прошлое воскресенье...

Клавдія Наумовна молчала, едва сдерживая накипѣвшую злобу. Съ трудомъ налаженная прическа отъ неосторожнаго движенія вдругъ развалилась. Собственные волосы, жидкіе и короткіе, не выдержали тяжести наколокъ, фрона, наладокъ—и зданіе, построенное на плохомъ фундаментѣ, рухнуло. Недосвѣтову даже въ потъ ударило отъ этой неудачи.

— Убирайся! Не вертись здѣсь. И безъ тебя тошно! — закричала на дочь Клавдія Наумовна, и, торопясь и нервничая, приступила къ возведенію новой башни.

Ляля надула губы, повела мясистыми круглыми плечами, бросила укоризненный взглядъ на молчавшаго отца, повернулась на толстыхъ съ выпуклыми икрами ногахъ, обутыхъ въ бѣлыя туфли на французскихъ каблукахъ, и вышла изъ спальни.

II.

Черезъ часъ Клавдію Наумовну узнать нельзя было. Высокіе каблукы, двойныя пробки и грандіозная прическа значительно подняли ее и она казалась стройной, молодой, изящной. Умѣло сдѣланный румянецъ на впалыхъ щекахъ, пылающія губы, большіе

сѣрые глаза и тонкія, прекрасно парисованныя брови—спяли съ лица добрый десятокъ лѣтъ. Одѣта она была въ хорошо сшитое голубое платье съ узкимъ длиннымъ трѣпомъ. Тонкую и длинную шею она задрапировала въ высокій воротничокъ, отдѣланный ажурнымъ галуномъ и иѣжнымъ блѣдно-кремовымъ рюшикомъ.

Недосвѣтова вышла въ гостиную, открыла электричество и подошла къ трюмо. Передъ зеркаломъ она внимательно осмотрѣла себя, потомъ отошла на середину комнаты, приподняла платье, какъ во время дождя, и бросила любопытный взглядъ на нижнюю юбку, бѣлоспѣжную, зубчатую, отдѣланную легкими кружевами и узорчатыми прошивками. Эту юбку Клавдія Наумовна вчера только пріобрѣла въ Гостиномъ; до того она носила шелковыя юбки.

Недосвѣтова осталась очень довольна осмотромъ и была бы совершенно счастлива, если бы не ссора съ мужемъ. Отъ этой ссоры у Клавдіи Наумовны остался горькій осадокъ, портившій настроеніе.

И когда вслѣдъ за нею въ гостиную вошелъ Владиміръ Федоровичъ, она первая съ нимъ заговорила, стараясь придать голосу отѣнокъ доброжелательства и примиренности.

— Володи, а крюшонъ у насъ будетъ?—спросила она, хотя отлично знала, что крюшонъ будетъ.

Недосвѣтовъ обнялъ жену мужскимъ взглядомъ и подумалъ: „Женщина—хоть куда“.

— Конечно, будетъ,—отвѣтилъ Владиміръ Федоровичъ и вздохнулъ.

Этотъ вздохъ вытолкнулъ изъ его головы послѣднія горестныя думы о завтрашнемъ днѣ—и Недосвѣтовъ почувствовалъ себя облегченнымъ.

Въ житейской борьбѣ Недосвѣтовъ настолько закалилъ себя, что его перестали страшить и мучить повѣстки судебного пристава и угрозы старшаго дворника.

Весь жизненный путь Владиміра Федоровича былъ усѣянъ исполнительными листами, кредиторами, лавочными книжками, мировыми судьями, портными, векселями и ломбардами.

Обладая внушительной наружностью дипломата, увѣреннымъ жестомъ, спокойнымъ, важнымъ краснорѣчіемъ и солиднымъ баритономъ, Недосвѣтовъ въ то же время отличался крайнимъ легкомысліемъ. Всѣ его дѣла, думы, радости, печали, угрызения совѣсти, любовь, злоба, стыдъ—были чрезвычайно коротенькіе, измѣнчивые и торопливые.

Владиміръ Федоровичъ подошелъ къ двери, ведшей въ столовую, и открылъ еще два выключателя.

И вспыхнула люстра, и бѣлымъ ослѣпительнымъ блескомъ залила гостиную.

— Зачѣмъ такой свѣтъ? Равно еще,—сказала Клавдія Наумовна, думая о нижней юбкѣ.

— Пустяки. Рублемъ больше, рублемъ меньше—не все ли равно? Я люблю свѣтъ. Я всегда любилъ свѣтъ.

И тутъ же Недосвѣтовъ вспомнилъ про монтера, приходившаго вчера отъ электрическаго общества прекратить токъ за неплатежъ. Едва удалось уговорить подождать до понедѣльника.

А до понедѣльника еще осталась цѣлая ночь. Хорошая, веселая ночь, въ собственной квартирѣ, съ гостями, съ выпивкой и музыкой.

И Владиміръ Федоровичъ повеселѣлъ. У него вдругъ явилась надежда, далекая, туманная надежда; но для него и этого было достаточно, чтобы придти въ хорошее расположеніе духа.

— Не робѣй, моя маленькая, все идетъ къ лучшему,—неожиданно воскликнулъ Недосвѣтовъ и обнялъ жену за талію.

— А какъ ты завтра съ приставомъ сдѣлаешься?—спросила Клавдія Наумовна, и большими испуганными глазами взглянула на мужа.

— Какъ всегда: никакого судебного пристава ты не увидишь.

— А домовладѣлецъ?—продолжала допытываться Клавдія Наумовна, притворяясь слабой, наивной и довѣрчивой женщиной, далекой отъ житейскихъ дѣлъ и грубыхъ матеріальныхъ интересовъ.

— Не безпокойся, прошу тебя, все, все улажу. И домовладѣлецъ будетъ удовлетворенъ, и старшій дворникъ снова начнетъ передъ нами шапку ломать, и электричество не погаснетъ, и... И все будетъ по старому. Бывали времена похуже—и вичего, слава Богу, оставались живы... Не робѣй, говорю: завтра всѣхъ удовлетворю, всѣхъ до единого.

Недосвѣтовъ говорилъ увѣреннымъ, властнымъ тономъ, недопуская никакихъ сомнѣній.

— Но гдѣ ты деньги доставешь?

— Что за наивный вопросъ,—удивленно воскликнулъ Владиміръ Федоровичъ.—Деньги—пустяки. Была бы голова на плечахъ. И кромѣ того, не забывай, что въ Петербургѣ полтора милліона жителей...

И Недосвѣтовъ засмѣялся добрымъ, бархатнымъ смѣхомъ, запустилъ руки въ карманы брюкъ и зашагалъ по гостиной, какъ опытный резонеръ по образцовой сценѣ.

Въ это время въ гостиную вошла горничная, молодая дѣвушка съ веселыми голубыми глазами и задорной улыбкой на полнощекомъ лицѣ. На дѣвушкѣ бѣлый накрахмаленный передникъ съ нагрудникомъ; на взбитыхъ свѣтлыхъ волосахъ, обожженныхъ щипцами, красовалась пышная, старательно сплюснутая наколка.

— Барыня, у насъ бокаловъ не хватитъ для кришона, — сказала горничная.

— Какъ не хватитъ? — воскликнула Клавдія Наумовна, хотя отлично знала, что бокаловъ не хватитъ. — Вы съ Матреной только и знаете, что посуду бить. Недавно дюжину купила. Вотъ что, Дуня: зайдите къ Ставскимъ. Или ибѣть...

Недосвѣтова обернулась къ мужу.

— Миѣ бы не хотѣлось одолажаться у нихъ...

— Пустяки, — отозвался Владиміръ Федоровичъ, — берутъ же они у насъ по средамъ и ножи, и вилки, и даже стулья...

Недосвѣтовъ обернулся къ Душѣ:

— Зайдите къ Ставскимъ сейчасъ, попросите бокалы и скажите: „господа кланяются и просятъ пожаловать къ девяти“.

Говоря съ Дуней, Недосвѣтовъ осторожно, боясь жены, гладилъ карими глазами высокой нагрудникъ горничной и взглядомъ этимъ румянилъ щеки дѣвушки.

— Больше ничего? — спросила Дуня, и опустила глаза, не выдержавъ взгляда барина.

— Больше ничего.

Дуня ушла.

Клавдія Наумовна еще разъ посмотрѣла юбку, подошла къ зеркалу, пощупала руками круто завитой рыжій фронтъ, и затѣмъ обратилась къ мужу:

— Володя, кто же будетъ у насъ сегодня?

Владиміръ Федоровичъ повернулся на каблукахъ, сдѣлалъ размашистый жестъ рукой и, сверкая влажными темными глазами, игриво отвѣтилъ:

— Всѣ, всѣ будутъ, душа моя.

Недосвѣтовы совершенно забыли о недавней ссорѣ, близко подошли другъ къ другу, снова стали понимать одинъ другого съ полуслова и, какъ всегда, слились въ одно цѣлое.

III.

Ставскіе жили съ Недосвѣтовыми на одной площадкѣ. Занимали такую же точно квартиру, какъ и Недосвѣтовы, съ та-

кимъ же расположеніемъ комнатъ и съ такой же почти обстановкой.

Въ то самое время, когда Недосвѣтovy мирились, у Ставскихъ въ щедро освѣщенной гостиной сидѣлъ Туреневъ — провинціальный актеръ, пріѣхавшій въ Петербургъ дѣлать карьеру.

Это былъ типичный театральный любовникъ, молодой, красивый брюнетъ, высокаго роста, кудрявый и эксцентрично одѣтый. Онъ долженъ былъ нравиться женщинамъ, потому что обладалъ большими черными глазами, влажными, кроткими и слегка на выкатѣ, какъ у молодого барана, былъ всегда чисто выбритъ, говорилъ отчетливо, сладко, зубы имѣлъ бѣлые, крѣпкіе, держалъ себя съ достоинствомъ, со всѣми былъ вѣжливъ, красиво жестикулировалъ и зналъ наизусть массу стиховъ и монологовъ.

Къ Ставскимъ Туреневъ попалъ сегодня во второй разъ. Въ среду его сюда привелъ Пипченковъ; сегодня онъ явился какъ бы съ визитомъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы вмѣстѣ со Ставскими попасть къ Недосвѣтовымъ.

Ставская была очень рада приходу Туренева. Онъ такой славный, милый молодой человѣкъ. И такой талаптливыи.

На Ставской было черное платье съ открытымъ лифомъ. Темнокаштановые волосы съ золотистымъ отливомъ были причесаны, какъ для вечера. Она была темная шатенка, лѣтъ двадцати шести, съ очень красивымъ лицомъ и громадной фигурой, дѣлавшей ее похожей на каріатиду. Здоровый свѣжій румянецъ, веселый полнозубый смѣхъ и голубые глаза съ горячей искоркой въ глазахъ дѣлали ее очень интересной; но стоило ей только подняться на ноги, какъ становилось немного страшно передъ этимъ грузнымъ, раскидистымъ тѣломъ.

Все въ этой женщинѣ было велико и размахисто: большой животъ, непомерно высокая грудь, широкія мужскія плечи, тяжелыя толстыя руки, жирная бѣлая шея въ складочкахъ.

Ставская сидѣла въ качалкѣ, чтобы дать отдохнуть ногамъ, обутымъ въ тѣсные башмаки съ длинными англійскими носками.

Туреневъ сидѣлъ передъ нею на мягкомъ пуффѣ и по минутно мѣнялъ позы.

Самъ Ставскій, круглый, мягкій человѣкъ съ желтой лысиной и большими свѣтлыми усами, неслышно прохаживался тутъ же по гостиной и непрерывно потиралъ руки.

— Зночка, уже девять часовъ, — осторожно проговорилъ онъ, взглянувъ на часы.

— Ну и пусть. Не опоздаемъ, — откликнулась жена, а затѣмъ продолжала, обращаясь къ Туреневу:

— Я бы охотно осталась дома, но боюсь обидѣть сосѣдей. У насъ вѣдь на этотъ счетъ очень строго, Борисъ Моисеевичъ...

— Pardon, Борисъ Николаевичъ, — поправилъ Туреневъ.

— Ахъ, да, извините... Я все путаю, потому что у насъ есть знакомый одесситъ, очень похожій на васъ и его зовутъ Борисъ Моисеевичъ... Повѣрьте, Борисъ Николаевичъ, для меня идти къ Недосвѣтовымъ — одно мученіе. Право. Впрочемъ, я тамъ не засиживаюсь.

— Почему? — спросилъ Туреневъ и скрестилъ на груди руки: жестъ Наполеона въ „Санъ-Женъ“.

— Сама не знаю. Право. Люди они очень хорошіе, милые, я ихъ очень, очень люблю... Но у нихъ ужасно скучно. Всегда одно и то же, одно и то же.

— Ну, конечно, если часто... А мнѣ, признаться, интересно. Намъ, актерамъ, надо всюду бывать. Отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды. Мы, какъ писатели, отражаемъ жизнь точно въ зеркалѣ и всюду ищемъ матеріала для творчества.

— Еще бы, вамъ, артистамъ, это необходимо, — согласилась сейчасъ же Ставская, довольная своимъ собесѣдникомъ.

— А знаете, Зинаида Петровна, мнѣ Недосвѣтовъ очень нравится, — сказалъ Туреневъ. — Какое милое пригласительное письмо я отъ него получилъ вчера. Я былъ тронуть...

— Вотъ какъ! Это дѣйствительно очень мило, — сказала Ставская, и красивый ротъ слегка скривился отъ сдерживаемой улыбки. — У нихъ такой малый кругъ знакомыхъ. Удивляюсь, почему это? Вѣдь они живутъ въ Петербургѣ съ незапамятныхъ временъ. Мы, пріѣзжіе, живемъ здѣсь всего шестой годъ, а знакомыхъ — миллионъ. Мы никогда на свои среды никого не приглашаемъ. Да это, кажется, и не принято.

Пока Ставская говорила, Туреневъ успѣлъ встать, спрятать руки въ карманы брюкъ, выставить впередъ ногу въ лакированномъ ботинокѣ на пуговкахъ и слегка наклонить на бокъ голову — жестъ Кина во второмъ актѣ.

Ставская провела глазами по его высокой, стройной фигурѣ, запомнила его красный бархатный жилетъ съ перламутровыми пугорницами, смуглое горбоносое лицо съ синими пятнами на выбритыхъ щекахъ, подбородкѣ и верхней губѣ и встрѣтилась съ его чернымъ маслянистымъ взглядомъ.

— Простите, Борисъ Николаевичъ, я васъ перебила... Такъ вамъ Недосвѣтовъ очень нравится?

— Да, онъ, знаете ли, такой свѣтскій человѣкъ... Хорошо говорятъ такъ...

— Еще бы, вѣдь онъ адвокатъ. Но вотъ что удивительно: у него совсѣмъ нѣтъ практики... Кстати, а какъ вамъ понравилась Клавдія Наумовна?

— Pardon, это кто—Клавдія Наумовна?

— Ахъ, эти мужчины. Вѣдь вы съ нею у насъ весь вечеръ проговорили. Неужели забыли?

— Да, да, теперь я вспомнилъ. Боже мой, какая у меня память, — воскликнулъ Туреневъ и, отступивъ шагъ назадъ, описалъ руками плавный кругъ, соединилъ руки надъ головой своей и откинулъ назадъ лѣвую ногу: жести Гамлета въ сценѣ объясненія съ матерью.

— Мерси, что напомнили. Pardon, вы разрѣшите мнѣ записать? — проговорилъ Туреневъ, и досталъ изъ жилетнаго кармана крохотную записную книжечку.

— Пожалуйста.

— Какъ это странно. Я всѣхъ вашихъ гостей записалъ, а Недосвѣтову забылъ. Какая разсѣянность.

— Да, это непростительно, — сказала Ставская и добавила:—Я жду, Борисъ Николаевичъ, отвѣта на мой вопросъ: какъ вамъ понравилась Клавдія Наумовна?

— Очень понравилась. Мнѣ вообще всѣ ваши гости очень понравились. А m-me Недосвѣтова чрезвычайно милая женщина, умная, изящная и такая... легкая, ажурная, если можно такъ выразиться.

— Я понимаю васъ, вы хотѣли сказать—малокровная... Да, она дѣйствительно очень слабенькая. У нея и старшая дочь такая же худосочная. Вѣдь вы, конечно, знаете, что старшая дочь Недосвѣтовой давно уже замужемъ?

Туреневъ почувствовалъ, что ему необходимо изобразить изумленіе; но сидя онъ этого не умѣлъ дѣлать, и ему пришлось снова встать, поднять плечи, выкатить глаза и схватиться за голову—поза Чацкаго, узнавшаго о любви Софьи къ Молчалину.

— Неужели?..—воскликнулъ Туреневъ.—Что я слышу? Но Недосвѣтова такъ молода...

— А дочь давно замужемъ. Вотъ вамъ и чудо, — сказала Ставская и обволокла Туренева кокетливымъ взглядомъ и улыбкой.

— Зиночка!—послышался голосъ Ставскаго, —уже четверть десятаго.

— О, Господи! Хорошо, сейчасъ иду, —откликнулась Ставская и не безъ труда стала выкарабкиваться изъ тѣсной ка-

чалки.—Только предупреждаю, Викторъ,—обратилась она къ мужу,—я уйду до ужина, какъ...

Она не договорила: тѣсные башмаки, когда она встала, желѣзными кольцами сдавили ноги и сотни иглъ вонзились въ ступни и пальцы. Она прикусила нижнюю губу, слегка поклонилась Туреневу и направилась въ слѣдующую комнату, употребляя невѣроятныя усилія, чтобы не вскрикнуть и не хромать.

IV.

Въ гостиной развернуть столъ на двадцать четыре персоны. Столъ покрытъ бѣлой скатертью. Владиміръ Федоровичъ сосредоточенно готовить крющонъ. Передъ нимъ стоятъ двѣ четвертиня изъ-подъ бѣлаго вина, топенькій флакопчикъ мараскина, полбутылки Шустовскаго кошьяка, пятокъ апельсиновъ и картузь съ сахарной пудрой.

Зеленая крющонница уже полна до края; но Недосвѣтовъ этимъ не смущается и каждый разъ, прежде чѣмъ бросить нарѣзанный ломтиками апельсипъ, онъ большой разливательной ложкой пробуетъ вино.

И съ каждой выпитой ложкой мысли Владиміра Федоровича становятся быстрѣе, вертлявѣе и какъ искры вспыхиваютъ и кружатся въ разгоряченной головѣ.

Часто мысли переплетаются съ воспоминаніями. Передъ глазами Недосвѣтова встаютъ и проходятъ мимо образы и предметы, недавно окружавшіе его, и будятъ въ немъ разнообразныя чувства. То ему становится чего-то жаль, то онъ кому-то улыбается, кому-то грозитъ, съ кѣмъ-то спорить, а то вдругъ стыдъ кровью зальетъ все лицо и на рѣсницахъ повиснутъ горячія красныя слезы.

Владиміръ Федоровичъ подноситъ ко рту пятую ложку и передъ нимъ вдругъ раскрывается залъ предвыборнаго собранія. Это было третьяго дня. Какой онъ имѣлъ успѣхъ! Онъ говорилъ долго и вдохновенно. Многіе были убѣждены, что онъ—вождь кадетской партіи, хотя онъ стоитъ гораздо лѣвѣе; но зачѣмъ разочаровывать почитателей? И онъ будетъ объ этомъ молчать.

Какой крѣпкій крющонъ. Надо прибавить сахару.

А вотъ онъ на Невскомъ встрѣчаетъ своего коллегу—моднаго адвоката, рассказываетъ ему о своемъ успѣхѣ и, между прочимъ, проситъ займы небольшую сумму, „ну, хоть рублей

триста“; но коллега отказывается и грубо напоминает о какой-то неотданной пятеркѣ.

А вотъ, какъ бы въ туманѣ проплываютъ квадратная рожа старшаго дворника, черная борода судебного пристава, толстое брюхо мебельщика и сторублевый билетъ—тотъ самый билетъ, что вчера въ продолженіе получаса лежалъ неразмѣнянный въ бумажникѣ, туго набитомъ ломбардными квитанціями.

Какъ быстро растаяли деньги. И ничего отъ нихъ не осталось. Ничего. Только нижняя юбка да вотъ этотъ крошонъ.

— Володя, ты съ ума сошелъ,—кричитъ Клавдія Наумовна, входя въ столовую,—то-то, я слышу, притихъ ты ужъ очень. Какъ тебѣ не стыдно?

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ Владиміръ Федоровичъ, притворяясь непонимающимъ.

— Да развѣ можно такими ложками крошонъ пробовать? Ты хочешь повторить мои именины? Покорно благодарю...

— Ну, ну, душа моя, не буду. Кончилъ. Аминь.

Недосвѣтовъ позвонилъ и велѣлъ явившейся горничной вынести крошонъ на холодъ.

Супруги отправились въ гостиную, изъ гостиной въ кабинетъ, осмотрѣли, все ли въ порядкѣ и остались очень довольны внѣшнимъ видомъ комнатъ, высокихъ, просторныхъ и хорошо обставленныхъ.

Владиміръ Федоровичъ взглянулъ на часы и сердце у него зануло. Сейчасъ явится Кумушкинъ и весь вечеръ испортитъ. Зачѣмъ онъ его пригласилъ? И какъ сказать объ этомъ женѣ? Весь день Владиміръ Федоровичъ выбиралъ моментъ, чтобы предупредить жену, и каждый разъ откладывалъ это до болѣе удобной минуты, боясь скандала. И вотъ уже девять. Необходимо сказать.

— А знаешь, Клавдія, я забылъ тебѣ сказать: у насъ сегодня будутъ новые гости,—неожиданно для самого себя проговорилъ Недосвѣтовъ и сейчасъ же постарался принять равнодушный видъ.

— Новые? Кто же?—заинтересовалась Клавдія Наумовна.

— Будетъ, между прочимъ, Кумушкинъ...

У Клавдіи Наумовны лицо перекошилось.

— Какой Кумушкинъ?—спросила она, хотя отлично знала, о комъ рѣчь идетъ.

— Неужели ты не знаешь? Кумушкинъ Александръ Павловичъ, у котораго ты обувь берешь...

— Довольно!—воскликнула Клавдія Наумовна и трагически

всплеснула руками.—Ты пригласилъ этого сапожника?.. Нѣтъ, я съ ума сойду... Что подумаютъ люди? Что общаго между нами и сапожникомъ?..

— Погоди, Клавдія, ты напрасно... Во-первыхъ, онъ—не сапожникъ, а купецъ. У него три магазина, человекъ онъ со средствами и образованный... окончилъ коммерческое училище, въ обществѣ держитъ себя прекрасно, знаетъ языки, бываетъ за границей...

— Довольно, довольно,—закричала Недосвѣтова и руками закрыла уши.—Ты сейчасъ скажешь, что у этого хама въ жилахъ течетъ королевская кровь, что этотъ сапожникъ... Нѣтъ, и положительно съ ума сойду... Зачѣмъ, зачѣмъ, я спрашиваю тебя, понадобился тебѣ этотъ мужикъ?

— Позволь, Клавдія, у меня съ нимъ дѣла... Ты напрасно горячишься. Вотъ увидишь, онъ будетъ себя держать отлично и никто не замѣтитъ... А вотъ, что ты скажешь относительно второго гостя? Будетъ у насъ еще, знаешь, кто?..—Недосвѣтовъ выдержалъ маленькую паузу.—Будетъ Туреневъ.

Это былъ чрезвычайно хитрый и удачный маневръ со стороны Владиміра Федоровича. Онъ сразу замѣтилъ, что Туреневымъ жена была сбита съ позиціи.

— Этотъ еще ничего, — проговорила уившимъ тономъ Клавдія Наумовна и тутъ-же добавила:—Теперь Ставская будетъ говорить, что мы у нихъ гостей отбиваемъ. Она всѣ эти дни посылась съ этимъ актеромъ, какъ добрая няня съ ребенкомъ.

Съ плечъ Недосвѣтова гора свалилась. Слава Богу, гроза прошла благополучно. И въ туманной дали снова зарождалась надежда—надежда на Кумушкина, какъ на богатаго человека.

Вошла Ляля, заплаканная и надутая.

— Мама...

— Чего тебѣ?

— Мнѣ, значить, раздѣться и спать?

Тоненькія губы Ляли дрожали и она готова была расплакаться.

— Пойди сюда.

Ляля подошла. Клавдія Наумовна внимательно осмотрѣла бабешку, поправила на дочери кружевной воротничокъ и сказала:

— Хорошо, оставайся здѣсь; но помни—какъ гости за столъ, ты пойдешь спать. Слышишь?

— Хорошо, мамочка...

И Ляля вся просіяла.

V.

Еще десяти не было, когда въ гостиной за овальнымъ столомъ на диванѣ и на мягкихъ стульяхъ сидѣли обычные посѣтители Недосвѣтовскихъ журфиксовъ и молча разсматривали альбомы съ фотографіями, иллюстрированнаго Фауста и стихотворенія Апухтина въ сиреневомъ переплетѣ.

Всѣ эти фотографіи знаменитыхъ писателей, балеринъ, политическихъ дѣятелей, клоуновъ, актеровъ, наѣздницъ и композиторовъ, всѣ эти открытки, изображающія достопримѣчательности Парижа, Финляндіи, Египта и Москвы хорошо были знакомы гостямъ, и надъ ихъ наклоненными головами витала тяжелая, нѣмая скука...

Напрасно Клавдія Наумовна старалась завязать разговоръ, напрасно старался казаться веселымъ самъ Недосвѣтовъ—скука невидимыми волнами разливалась по ярко освѣщенной гостиной и дальше погоды разговоръ не шель.

Лишь съ появленіемъ Туренева общество оживилось. Клавдія Наумовна слегка пожурила Зинаиду Петровну за поздній приходъ, послѣ чего дамы сердечно и звучно расцѣловались.

Туреневъ вошелъ въ гостиную, какъ Вильгельмъ Телль, съ гордо поднятой головой, увѣренными неторопливыми шагами приблизился къ столу и представился:

— Артистъ Туреневъ,—отчетливо произнесъ онъ, съ легкимъ стукомъ соединилъ каблукъ и пластично склонилъ на бокъ свою курчавую изсиня-черную голову.

Муза Ивановна, дѣвица лѣтъ сорока, тощая, сухая и длинная, вся вспыхнула, когда ея костлявая рука очутилась въ теплой мягкой рукѣ Туренева; а Ляля была готова закричать отъ восторга, когда онъ назвалъ ее Елизаветой Владиміровной.

„Откуда онъ знаетъ? Вотъ замѣчательно!“—мысленно воскликнула Ляля и мгновенно въ него влюбилась.

Спустя немного, Туреневъ сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія. Гости, въ особенности дамы, съ него глазъ не спускали и ловили каждый звукъ его голоса, каждый жестъ.

Онъ это почувствовалъ и подтянулся: непрерывно мѣнялъ позы, старался быть какъ можно изящнѣе, остроумнѣе, черные глаза его, какъ маслины, купались въ маслѣ и на любой вопросъ онъ, не задумываясь, отвѣчалъ словами Гамлета, Чацкаго, Астрова изъ „Дяди Вани“, а иногда не брезговалъ репликами Хлестакова.

И всё удивлялись его остроумію, находчивости и умѣнію держать себя.

Слово „Туреневъ“ не сходило съ устъ и носилось въ воздухѣ.

„Туреневъ, какъ вы читаете „Сумасшедшаго“ Апухтина: сиди или стоя?“ „Спросимъ у Туренева.“ „Господи! Туреневъ навѣрно знаетъ“. Туреневъ, Туреневъ, Туреневъ — только и слышно было.

Пусторослева, молодая вдова полковника, жгучая брюнетка въ бархатномъ платьѣ цвѣта бордо, и сестры Евфратовы, зрѣлыя дѣвицы, дочери начальника дивизиона, обѣ — вѣчныя курсистки, обѣ — курносыя блондинки, и маленькая толстуха Лоранская — жена педагога, и Муза Ивановна, и даже старуха Лунегова, дальняя родственница Недосвѣтова, — всё были восхищены Туреневымъ.

Мужчины старались быть равнодушными, но нѣкоторые даже возненавидѣли его. Пуще всѣхъ были недовольны Туреневымъ студентъ Придикъ, золотушный юноша, тяжело влюбленный въ Лялю, мужъ Лоранской, ревливый неврастеникъ съ птичьей головой, очень похожій на молодого пѣтуха передъ дракой, и Подстаницкій, пожилой хохоль съ длинными усами, усердно ухаживающій за красивой Пусторослевой.

За то Клавдія Наумовна была счастлива отъ признанія, что все это происходитъ у нея въ домѣ. Ставская завидовала и злилась. Она уже успѣла сообщить дамамъ, что Туренева она насильно привела сюда изъ жалости къ Недосвѣтовымъ, у которыхъ всегда царить адская скука. Она одна называла Туренева по имени и отчеству и ежеминутно подзывала его къ себѣ.

Но хуже всѣхъ чувствовалъ себя хозяинъ дома. Мысль о Кумушкинѣ не покидала его, и онъ съ замираніемъ сердца прислушивался ко всякому движенію въ передней.

Ровно въ одиннадцатъ пріѣхалъ профессоръ Походня, самый почетный и желанный гость.

— Клавдія Наумовна, профессоръ Походня пріѣхалъ, — громко сообщилъ женѣ Владиміръ Федоровичъ и побѣжалъ въ переднюю.

Недосвѣтовы стояли въ передней и терпѣливо ждали, пока профессоръ при помощи Дуни вылѣзаетъ изъ медвѣжьей шубы, изъ глубокихъ ботинокъ, изъ котиковою шапки съ наушниками и изъ мѣховыхъ перчатокъ.

— Морозъ небольшой, а вѣтренно, — шамкалъ профессоръ, вытирая носовымъ платкомъ синіе очки съ большими выпуклыми стеклами.

— Ну, очень благодарны и тронуты, профессоръ, что не забываете насъ,—сказала Клавдія Наумовна.

— Да, я случалъ очень... Думаю, куда пойти? И вспомнилъ... Старикъ протянулъ хозяйкѣ руку.

— Спасибо, большое спасибо, — съ чувствомъ проговорилъ Владиміръ Федоровичъ и бережно пожалъ маленькую, холодную руку профессора. — Пожалуйте, милости просимъ, — добавилъ онъ, широко открывая дверь въ гостиную.

Старичокъ засеменилъ ножками и на ходу все ощупывалъ дрожащей рукой крохотную бородку, похожую на клокъ старой ваты.

— Профессоръ Ардаліонъ Ардаліоновичъ Походня, — провозгласилъ Недосвѣтовъ съ такой значительностью, что нѣкоторые изъ гостей невольно поднялись съ своихъ мѣстъ.

Клавдія Наумовна подватила кресло, сама усадила старика и дала ему альбомъ съ видами Египта.

Профессоръ осмотрѣлся, увидѣлъ красный жилетъ Туренева и заинтересовался.

— Кто это? — спросилъ онъ.

— Актеръ Туреневъ... драматическій артистъ, — торопливо пояснилъ Недосвѣтовъ. — Я его самого сюда попрошу.

Недосвѣтовъ подошелъ къ Туреневу и шепнулъ ему, что Походня, знаменитый ученый, второй Менделѣевъ, пострадавшій за убѣжденія, хочетъ съ нимъ поговорить.

Черезъ минуту Туреневъ стоялъ передъ профессоромъ и съ лицомъ провинившагося выслушивалъ старика.

— Мы, ученые, также не чужды искусству, — говорилъ профессоръ, растягивая слова, какъ резину. — Я хотя въ театрѣ не бываю, но по ночамъ, когда не спится, люблю почитать Шиллера. Да... Шиллера...

Не успѣлъ профессоръ кончить, какъ явился еще одинъ гость Пипченковъ — пожарный репортеръ, собиратель объявленій и переводчикъ Натъ Пинкертона.

Это былъ человекъ вездѣсущій, наглый, веселый, прожорливый. Онъ умѣлъ рассказывать неприличные анекдоты, зналъ всѣ новости, называлъ себя литераторомъ, со всѣми былъ на „ты“, игралъ на роялѣ, показывалъ фокусы, слылъ за хироманта и добраго малаго.

— Наконецъ-то явился нашъ режиссеръ, — радостно воскликнулъ Недосвѣтовъ, завидя Пипченкова. — Ты что же опоздалъ сегодня?

— Не могъ, голубчикъ, прости, едва вырвался отъ Бабкиныхъ.

И Пипченковъ обѣжалъ всѣхъ гостей, со всѣми дружески поздоровался и сѣлъ за рояль.

VI.

„Концертъ“ окончился въ полночь. Последнимъ и самымъ интереснымъ померомъ былъ Туреневъ, прочитавшій „Сумасшедшаго“ Апухтина. Закончилъ онъ съ такой силой, съ такимъ ужаснымъ выкрикомъ, что съ Лялей чуть истерика не случилась, хотя она сама упрашивала Туренева прочитать именно это стихотвореніе, находя его „замѣчательно страшнымъ“.

Туреневу долго и дружно апплодировали, а потомъ хозяева стали просить гостей къ столу.

Клавдія Наумовна бережно повела профессора, а за ними потянулись и всѣ остальные. И въ квадратной передней, чрезъ которую надо было пройти, чтобы попасть въ столовую, безпорядочной толпой сгрудились гости, дѣлая видъ, что совсѣмъ не спѣшатъ.

Владиміръ Федоровичъ былъ теперь увѣренъ, что Кумушкинъ уже не явится и бодрое настроеніе духа снова вернулось къ нему. Что же касается единственной и затаенной надежды его, такъ онъ уже рѣшилъ завтра утромъ лично отправиться къ Кумушкину и переговорить съ нимъ.

Пипченковъ помогъ Клавдіи Наумовнѣ усадить гостей, самъ сѣлъ рядомъ съ Туреневымъ и подвинулъ къ себѣ лучшія закуски. Онъ чувствовалъ себя какъ дома и первый взялся за рюмку.

— Господа, — провозгласилъ онъ, — не будемъ терять золотого времени и приступимъ къ дѣлу.

И Пипченковъ запрокинулъ свою бѣловолосую голову и выпилъ залпомъ. За нимъ последовалъ Ставскій, давно жаждавшій выпить. Начался ужинъ.

Гости умолкли и принялись за ѣду. Среди тишины явственно раздавался стукъ ножей и вилокъ и коротенькія фразы въ родъ: „будьте любезны, сижка сюда“ или „нельзя ли хлѣбца“... и снова становилось тихо, и снова стучали тарелки.

Пипченковъ почувствовалъ, что становится скучно, что имъ хозяева будутъ недовольны, если онъ не выполнитъ своей обязанности шутника—и заговорилъ громко, на весь столъ:

— Господа, будемъ экономны, будемъ ѣсть, пить и разговаривать въ тоже время. Пора и за рѣчи взяться. Господа, я буду предсѣдателемъ...

— Просимъ, просимъ!.. — раздалось нѣсколько веселыхъ голосовъ.

— Благодарю, я тронуть... Итакъ, приступаю къ своимъ обязанностямъ. Владиміръ Федоровичъ, слово за тобой. Господа! Сейчасъ произнесетъ рѣчь нашъ многоуважаемый и гостепріимный хозяинъ Недосвѣтовъ, Владиміръ Федоровичъ.

— Просимъ, просимъ!—подхватили гости. §

Принесли крющонъ. Недосвѣтовъ сталъ готовиться къ рѣчи. Онъ всталъ, обычнымъ движеніемъ головы откинулъ непокорный клокъ волосъ, высоко поднялъ бокаль и началъ.

Говорилъ онъ красиво, плавно, пересыпалъ рѣчь мѣткими сравненіями и захватилъ вниманіе слушателей. Темные глаза его загорѣлись и вся его мощная фигура трепетала отъ наплыва чувствъ и мыслей. Онъ говорилъ о современномъ положеніи Россіи, о тяжелой безысходной реакціи, о беззаконіи, о мученикахъ свободы, о парламентѣ, о литературѣ, о рабочихъ и о великомъ страдалцѣ народѣ.

Къ концу рѣчи онъ перешелъ въ паюсъ и голосъ его, чистый и сильный, какъ призывный кличъ проносился надъ головами слушателей.

— Но, господа,—говорилъ онъ,—не будемъ падать духомъ, ибо заря свободы уже занялась надъ Русью. Мы, мыслящіе и борющіеся интеллигенты, должны во всеоружіи встрѣтить эту святыню земли—свободу. Стомилліонный русскій народъ, темный, измученный народъ съ упованіемъ и мольбой смотритъ на насъ и ждетъ...

Но тутъ ораторъ умолкъ. Изъ передней раздался рѣзкій звонокъ, не электрической, а проволочной. Гости вздрогнули. Недосвѣтовъ поблѣднѣлъ, поставилъ бокаль на столъ, поймалъ испуганный взглядъ жены и выбѣжалъ изъ столовой.

„Это онъ“,—промелькнуло въ головѣ Владиміра Федоровича. И не ошибся: это былъ Кумушкинъ.

Ничего ужаснаго въ наружности Кумушкина не было. Это былъ человѣкъ очень высокаго роста, лѣтъ тридцати, съ подстриженной въ видѣ дѣтскаго сопочка красной бородкой и мелко завитыми огненнаго цвѣта волосами съ тонкимъ проборомъ по серединѣ.

Кумушкинъ раздѣлся внизу у швейцара и предсталъ предъ Недосвѣтовымъ во фракѣ и при бѣломъ галстукѣ.

„Шаферъ изъ Галерной гавани“,—съ тоской подумалъ Владиміръ Федоровичъ и сказалъ:

— Что такъ поздно?

— А я забылъ, сегодня мой кумъ именинникъ,—шопотомъ отвѣтили Кумушкинъ, — вотъ я и того... запоздалъ. Ужъ вы извините.

— Ничего, ничего... пожалуйста сюда,—упавшимъ голосомъ сказала Недосвѣтовъ. Ему почему-то показалось, что Кумушкинъ не совсѣмъ трезвъ.

— Господа,—произнесъ Недосвѣтовъ, вводя Кумушкина въ столовую,—вотъ явился представитель того великаго народа, о которомъ я только-что говорилъ. Александръ Павловичъ Кумушкинъ. Пожалуйста сюда, садитесь...

Владиміръ Федоровичъ говорилъ машинально, не понимая собственныхъ словъ. Предъ его глазами разстился туманъ и онъ плохо видѣлъ гостей. Ему казалось, что всѣ лица слились въ одно лицо, смѣющееся и многоглазое.

Клавдія Наумовна сгорала со стыда и подозрительно поглядывала на дамъ. Отъ ея глазъ не скрылось движеніе Ставской, наклонившейся къ Пусторослевой и что-то шепнувшей сосѣдкѣ. И послѣдняя ехидно улыбнулась.

Кумушкинъ сѣлъ за столъ и охотно чокнулся съ Пипченковымъ, который и тутъ пришелъ на помощь хозяйкамъ.

— Господа,— снова заговорилъ Недосвѣтовъ, немного успокоившись,—я буду продолжать свою рѣчь. Кстати, посвящу нѣсколько словъ представителю народа, сидящему сейчасъ среди насъ.

Недосвѣтову пришла мысль возвеличить Кумушкина и этимъ сгладить неловкость, впесенную его появленіемъ, столь неожиданнымъ, для всѣхъ и онъ продолжалъ:

— Передъ вами, господа, настоящій русскій самородокъ, собственными силами выбившійся на дорогу. Я бы сравнилъ его съ Ломоносовымъ. Представьте себѣ, господа, неграмотнаго ребенка, родившагося въ нищетѣ...

— Позвольте, Владиміръ Федоровичъ,—перебилъ вдругъ Недосвѣтова Кумушкинъ,—насчетъ нищеты вы напрасно... Мой родитель никогда нищимъ не былъ-съ. У моего родителя мастерская была огромная, что твои бани. Да-съ. И заказы валились какъ снѣгъ зимой-съ. Да-съ...

Недосвѣтовъ покраснѣлъ до корней волосъ, а Клавдія Наумовна омертвѣла и предъ ея глазами завертѣлись огненные обручи. И наступило тяжелое придавленное молчаніе.

Попытка Пипченкова расшевелить общество не удалась и его анекдотъ про еврея, армянина и грека ни въ комъ не вызвалъ даже улыбки.

VII.

Пятый часъ утра. Гости давно разошлись и въ столовой остались допивать остатки Ставскіе, Туреневъ, Пипченковъ и Кумушкинъ.

Послѣдній совсѣмъ развеселился и даже затянулъ тонкимъ теноромъ „Послѣдній нонѣшній денечекъ“.

Всѣ были въ градусѣ; даже Клавдія Наумовна и Ставская слегка подвыпили и смѣялись безъ конца.

Въ столовой царилъ безпорядокъ. На столѣ валялись окурки, коробки отъ консервовъ, огрызки хлѣба, скатерть была залита виномъ и подъ ноги попадались апельсинныя корки изъ крющона.

Недосвѣтовы растратили весь запасъ стыда, сердце у нихъ давно уже переболѣло—и они рѣшили махнуть рукой на все.

Владиміръ Федоровичъ жилъ теперь одной только мыслью: использовать какъ можно лучше Кумушкина и этимъ вознаграждать себя за всѣ непріятности.

И Недосвѣтовъ всю доброту свою и ласку толкнулъ къ Кумушкину, забывъ о другихъ. Онъ ухаживалъ за нимъ, какъ за тяжело больнымъ, непрерывно чокался съ нимъ и пилъ за его здоровье. Ни пѣсни Туренева, ни анекдоты Пипченкова, ни приставанія пьянаго Ставскаго выпить съ нимъ на брудершафтъ, за что онъ обѣщался, какъ инспекторъ страхового общества, безвозмездно застраховать его жизнь, не могли Недосвѣтова оторвать отъ Кумушкина. Онъ никого не слышалъ, никого не видѣлъ. Все его существо было переполнено одной только мыслью, однимъ желаніемъ: взять у Кумушкина займы— „ну, хоть рублей триста“.

И Владиміръ Федоровичъ выбиралъ моментъ; но каждый разъ ему кто-нибудь мѣшалъ и онъ злился, страдалъ и былъ въ отчаяніи.

Наконецъ Кумушкинъ вспомнилъ, что завтра надо въ лавку и рѣшилъ проститься.

Недосвѣтовъ не сталъ задерживать, но просилъ выпить на дорожку.

Владиміръ Федоровичъ вмѣстѣ съ Кумушкинымъ вышелъ на лѣстницу и затворилъ за собою дверь.

— Ну, что, довольны вы, Александръ Павловичъ?—спросилъ Недосвѣтовъ.

— То-есть, очень даже. Хорошіе вы люди. Милости просимъ и къ намъ. Очень рады будемъ.

— Спасибо, спасибо. Непремѣнно будемъ. Съ женой пріѣду. Да, кстати, Александръ Павловичъ,—притворившись равнодушнымъ, продолжалъ Недосвѣтовъ,—у меня къ вамъ маленькая просьба... Это собственно не мнѣ лично нужно, а я хочу выручить одного моего пріятели...

— Позвольте, Владиміръ Федоровичъ,—перебилъ вдругъ Кумушкинъ Недосвѣтова,—вы никакъ денегъ хотите попросить?

— Да, небольшую сумму... Не для меня...

— Бросьте, Владиміръ Федоровичъ, ей-Богу бросьте... Славный вы человѣкъ... Не надо... Не будемъ портить отношеній.

— Да, да, не будемъ,—глухимъ упавшимъ голосомъ повторилъ Недосвѣтовъ и почувствовалъ, что летитъ въ бездну.

У него еще хватило силъ дать звонокъ швейцару и въ послѣдній разъ улыбнуться уходившему Кумушкину.

А потомъ, когда швейцаръ и Кумушкинъ скрылись, онъ обхватилъ чугунныя перила и прошепталъ: „Подлецъ я, подлецъ“...

А изъ квартиры доносились пьяные голоса Туренева и Ставскаго, пѣвшіе „Тихо качайтесь качели“.

А. Свирскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ВЪ ТУМАНѢ.

Надъ болотомъ туманъ... Безмятежность молчанья,
Сновидѣнье въ странѣ голубой пустоты.
Лунный свѣтъ—одинокой печали созданье,
Свѣто-тканый покой одинокой мечты.

Далеки отъ меня—грохотъ улицъ, трамваи,
Многошумное море людской суеты...
Одинокое въ сѣнѣ тумана вдыхаю
Грезы луннаго свѣта, молчанья цвѣты.

Какъ мечты сновидѣній крылатыхъ мерцаютъ
Облаковъ отраженья въ недвижной водѣ.
Грезы—дѣвы тумана меня обнимаютъ...
Такъ мечтательно-счастливъ я не былъ нигдѣ.

Умираютъ свѣтло и безболбно желанья.
Я тону въ голубомъ безмятежномъ винѣ.
И молюсь я великой святынѣ молчанья,
Свѣто-тканной святынѣ моей—тишинѣ.

Сновидѣнья печали мерцаютъ и таютъ,
Отраженья моей одинокой мечты.
Хорошо!.. покрываютъ меня, засыпаютъ
Грезы луннаго свѣта, молчанья цвѣты.

Обнимають, ласкають меня сповидѣнья—
Грезы—дѣвы тумана... печали обманъ.
И баюкаетъ свѣтлое море забвенья,
Опьяняетъ виномъ безмятежья туманъ.

Засыпаю... Такъ сладко меня усыпила
Безмятежная власть голубого вина
И глаза поцѣлуями нѣги закрыла
Голубая святыня моя—тишина.

* * *

Въ моей одинокой печали
Красивые, свѣтлые сны:
Весеннія сипія дали,
Зеленія сказки весны.

Кто это такъ звонко смѣется?
Чей голосъ поетъ, какъ ручей,
И музыкой радости льется
Въ молчанье печали моей?

Кто это зоветъ меня: „Милый,
Мой милый, ты спова со мной.
Я долго ждала и грустила,
Любила зеленой весной.

„Да, долго, давно тебя жду я.
Я—сказка твоя. Я—любовь“...
И въ нѣжномъ огнѣ поцѣлуя
Либуетъ, поетъ моя кровь.

Я больше не слабъ и не боленъ,
Не скованъ печалью моей:
Я радостно-молодъ и воленъ,
Какъ вѣтеръ лѣсовъ и полей.

Мечты мои—синія дали,
Любовь моя—сказка весны:
Моей одинокой печали
Красивые, свѣтлые сны.

Л. Андрусонъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ

Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой *).

Рано утромъ въ субботу 29 марта мы съ матерью поѣхали къ обѣднѣ. Во время служенія я часто оглядывалась: мнѣ казалось, что Н. И. явится къ обѣднѣ, чтобы первымъ поздравить меня съ принятіемъ Св. Тайнъ. Его не было. Мама моя шепнула мнѣ:

„Зачѣмъ оглядываешь всѣхъ по сторонамъ, забывая великое таинство, къ которому приступаешь! Ищешь Николая Ивановича! Наглядишься на него вдоволь во всю жизнь, начиная съ завтрашняго дня“.

Предсказанію этому не суждено было осуществиться.

Отъ обѣдни мы поѣхали къ Костомаровымъ. Меня занималъ вопросъ: почему Н. И. не явился хотя къ концу обѣдни. Подѣхали къ его квартирѣ. Никто не встрѣтилъ насъ у подъѣзда; парадный входъ оказался открытымъ; въ прихожей никого.

— Вотъ какъ славно встрѣчаетъ гостей, кто позвалъ на чай и кофе!—проговорила я мамѣ, не то смѣясь, не то съ укоризной по адресу моего жениха. — Пусть же и посуетится за такую провинность! Я спрячусь, а вы, мама, идите въ залъ однѣ и скажите, что свадьба откладывается по особымъ, неожиданнымъ причинамъ.

Мое печальное предсказаніе сбылось...

*) См. іюль, стр. 43.

Мать моя подернула плечами, какъ бы выражая этимъ удивленіе ребяческой выходкѣ дѣвушки-невѣсты, а я поспѣшно спряталась за широкую поду двери.

Молодое сердце мое быстро стучало въ ожиданіи, что вотъ-вотъ Н. Н. бѣжитъ мени отыскивать... вотъ-вотъ стремительно откроетъ дверь... Но вмѣсто того царила небывалая тишина, и отъ какого-то безсознательнаго смущенія и нетерпѣнія я такъ взволновалась, что сердце застучало еще сильнѣе.

Наконецъ послышались шаги моей матери. Она сказала мнѣ весьма внушительно:

„Полно дурачиться! Иди въ залъ! Здѣсь не до шутокъ!“

Какъ пристыженная школьница, все еще не предчувствуя страшнаго горя, я вышла изъ своей засады и послѣдовала за матерью.

На встрѣчу мнѣ показалась изъ гостиной матушка Николая Ивановича, болѣе обыкновеннаго блѣдная, и какимъ-то упавшимъ голосомъ произнесла:

„Николая нѣту! Ночью взяли!“

— Кто взяли? Куда взяли? Зачѣмъ? — спрашивала я въ испугѣ и недоумѣніи.

„Взяли жандармы, полицеймейстеръ, губернаторъ; за что — не знаю; увезли, а кабинетъ запечатали“.

Татьяна Петровна сѣла у закрытыхъ дверей кабинета. На ея блѣдномъ лицѣ сказывалось страданіе; ни слезъ, ни воздыханій не было.

Я взглянула на нее испуганно, взглянула на большія печати на дверяхъ кабинета; помутилось у меня въ глазахъ, въ головѣ... Я не могла понять, что случилось, но только видѣла уже теперь, что случилось что-то роковое, что-то ужасное. Вошелъ Оома, тоже блѣдный, истерзаный тревожною ночью, и, увидѣвъ меня, зарыдалъ. Мать моя, съ трудомъ перемогаясь отъ волненія, сказала Татьянѣ Петровнѣ:

„Мы съ Алиной поѣдемъ домой. Чтобы поскорѣе узнать о Николаѣ Ивановичѣ, я попрошу мужа поѣхать къ губернатору — и сейчасъ же сообщу вамъ обо всемъ“.

Татьяна Петровна не возражала, ни о чемъ не просила, сидѣла неподвижная, какъ истуканъ. Она была слишкомъ поражена неожиданныю напастью.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить, какъ потрясенъ былъ мой добрый вотчимъ нашею ужасною новостью. Ему сдѣлалось дурно, но онъ скоро осилилъ упадокъ духа, оправился, обнялъ меня и со слезами проговорилъ:

„Бѣдное дитя! Не горюй, Богъ милостивъ!“

Вслѣдъ за тѣмъ онъ уѣхалъ узнавать о судьбѣ Ник. Ив., но, протомившись нѣсколько часовъ въ разныхъ канцеляріяхъ, только и узналъ, что на другой день, въ воскресенье, въ день и часъ, назначенные для нашего вѣнчанія, Николая Ивановича „привезутъ“ въ его квартиру проститься съ матерью и съ невестой, затѣмъ увезутъ въ Петербургъ.

Мой вотчимъ, послѣ своего мытарства по канцеляріямъ, проѣхалъ къ Татьянѣ Петровнѣ, чтобы выразить ей свое глубокое участіе въ ея и нашей общей скорбной долѣ и передать о предстоящемъ свиданіи ея съ сыномъ на слѣдующій день. Татьяна Петровна спросила обо мнѣ. Добрый мой папа отвѣтилъ, что я рвусь къ ней и что вѣроятно явлюсь къ ней поутру, чтобы провести съ нею весь день въ ожиданіи свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ.

Я все еще не сознавала и не предчувствовала, что наступаетъ моментъ окончательной разлуки моей съ женихомъ.

Нелегко было мнѣ глядѣть на лежавшее въ моей комнатѣ, на диванѣ, прикрытое кисеей, подвѣчное платье, убранный цвѣтами.

Я заливалась горячими слезами. Мать моя велѣла унести это платье въ гардеробную и спрятать... Папа былъ блѣденъ и молчаливъ; сестра не переставала плакать и занемогла отъ огорченія. Никто изъ насъ не прикоснулся къ пищѣ во весь день той ужасной субботы 29-го марта — и подъ гнетомъ невыносимаго тяжелаго состоянія мы всѣ ранѣе обыкновеннаго времени разошлись по своимъ комнатамъ на почной отдыхъ.

Можно себѣ представить, подъ какимъ впечатлѣніемъ проведена эта ночь всѣми членами нашей семьи!

Въ воскресенье утромъ, 30-го марта, я стала собираться къ Татьянѣ Петровнѣ на цѣлый день. Въ силу привычки пользоваться на правахъ невесты нѣкоторой свободой времяпровожденія, я попросила маму велѣть заложить въ „мою“ колясочку лошадей. „Поѣду къ несчастной матери моего жениха!“

Мама быстро одѣлась, поѣхала со мной и оставалась весь день у Татьяны Петровны. Только впоследствии, когда мнѣ приходилось задумываться надъ пережитымъ, я стала догадываться, что у моей матери, тотчасъ по арестованіи Николая Ивановича, сложилось убѣжденіе въ его виновности и неотвратимой гибели, а также непреклонное рѣшеніе не допустить меня до брака съ Николаемъ Ивановичемъ, который, какъ „политическій преступникъ“ того времени, не могъ ожидать для себя пощады и воз-

вращенія въ общество, въ которомъ вращался до ареста, къ дѣятельности, имъ избранной и поглощавшей все его помыслы.

Убитыя горемъ и утомленныя бессонною, тревожною ночью, мы съ Татьяной Петровной протомились весь день въ ожиданіи вечера, когда „привезутъ“ нашего страдальца. Въ шесть часовъ пополудни онъ пріѣхалъ, въ сопровожденіи полицеймейстера и жандармскаго штабъ-офицера. Наше свиданіе было потрясающее. Николай Ивановичъ плакалъ, обнималъ меня и, прижимая мое исплаканное лицо къ своей груди, твердилъ: „Я не преступникъ, вѣрь мнѣ, я не преступникъ! Чтѣ бы ни постигло меня, знай одно, что я люблю тебя, моя Алина, и съ этой любовью въ гробъ пойду“. Ни о чемъ онъ не просилъ ни свою мать, ни мою. Видъ его былъ измученный, убитый.

Жандармскій полковникъ былъ немного знакомъ съ моей матерью. Онъ утѣшалъ насъ всехъ, какъ умѣлъ; полицеймейстеръ торопилъ прощаться...

Простились. Намъ было сказано, что Николая Ивановича повезутъ сейчасъ къ губернатору (которымъ былъ въ то время добрѣйшій Фундуклей, лично знавшій Николая Ивановича), а оттуда немедленно отправятъ въ Петербургъ.

Моя мама предложила Татьянѣ Петровнѣ переѣхать къ намъ во флигель на жительство, но она не приняла этого предложенія, отговариваясь тѣмъ, что ей никакъ нельзя покинуть квартиру съ опечатаннымъ кабинетомъ: что-нибудь неожиданное съ нимъ или съ печатами случится, и ее сдѣлаютъ виноватой, привлекутъ къ отвѣтственности, а это помѣшаетъ ей поѣхать въ Петербургъ, чтобы узнать о сынѣ, и переселиться туда, куда заточатъ или сошлютъ его. Какъ и когда состоится ея поѣздка—объ этомъ не было рѣчи.

Мы уѣхали домой. На другое утро мать моя, увидѣвъ мои глаза и лицо распухшими отъ слезъ, подозвала меня къ себѣ, приласкала и объявила, что по совѣту добрѣйшаго папеньки мы поѣдемъ въ Петербургъ съ Татьяной Петровной, такъ какъ было бы непрослительно бросить ее въ такомъ тяжкомъ горѣ и отпустить одинокою въ такой дальній путь; притомъ же мы не только поможемъ ей поскорѣе узнать о судьбѣ ея сына, но и сами не будемъ томиться неизвѣстностью.

Мы отправились къ Татьянѣ Петровнѣ съ такимъ предложеніемъ. Она приняла его охотно, тѣмъ болѣе, что жандармы и полиція пріѣзжали къ ней, сняли печати съ дверей кабинета и увезли *все* бумаги и бібліотеку Н. И.

Стали готовиться къ путешествію.

Въ то время желѣзныхъ дорогъ не было. Приходилось ѣхать 1.230 верстъ на почтовыхъ. Такъ какъ было начало апрѣля, то, въ виду распутицы, представлялось затрудненіе въ выборѣ экипажа, въ которомъ бы можно было совершить путешествіе, не рискуя засѣсть гдѣ-либо на дорогѣ съ поломанными колесами, осями или рессорами. Совѣтовали намъ обождать двѣ-три недѣли, пока дороги нѣсколько просохнутъ и станутъ удобнопроѣздными, но Татьяна Петровна и я на это не согласились и торопили отъѣздомъ.

Добрая Л. О. Де-Мельянъ (начальница образцоваго пансіона, гдѣ я воспитывалась), незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая, собиралась и сама покинуть Кіевъ, гдѣ она проживала единственно для поддержанія силъ своего престарѣлаго мужа; но такъ какъ она считала своимъ долгомъ довести свою педагогическую дѣятельность въ пансіонѣ до конца учебнаго 1846—47-го года, то и намѣтила на іюль 1847-го года свой переѣздъ въ Курляндію, гдѣ намѣрена была посвятить себя уходу за престарѣлой матерью, баронессою Бринкенъ. Г-жа Де-Мельянъ спросила мою мать, обезпечены ли мы надежнымъ экипажемъ, и, услыжавъ, что у насъ нѣтъ дорожнаго, а имѣются только городскіе экипажи, предложила намъ свой, вѣнскій, легкій и очень прочный, въ которомъ она ѣздила на почтовыхъ со своимъ покойнымъ мужемъ въ Одессу и другія мѣста. Зная, что г-жа Де-Мельянъ предполагаетъ въ іюлѣ переѣхать въ Митаву, мать моя успѣшила увѣрить Лауру Осиповну, что не только въ іюлѣ, но гораздо ранѣе экипажъ будетъ ей въ цѣлости и съ признательностью возвращенъ, такъ какъ болѣзненное состояніе моего вотчима таково, что мать не можетъ слишкомъ долго оставаться въ Петербургѣ и оставлять бѣднаго больного на попеченіи семнадцатилѣтней своей дочери (моей старшей сестры), не обладающей ни особенно хорошимъ здоровьемъ, ни опытомъ.

Дорогая, глубокочтимая Николаемъ Ивановичемъ и мною г-жа Де-Мельянъ проявляла трогательное участіе къ его печальной судьбинѣ и къ тяжкому горю, постигнутому его мать и меня на расцвѣтѣ жизни.

Мой вотчимъ хлопоталъ о снабженіи насъ паспортами и дорожной; наши чемоданы скоро были готовы, и мы—двѣ матери и я, да Тома на козлахъ въ роли лакея,—двинулись въ путь 6-го апрѣля. Прощаніе наше съ вотчимомъ и сестрой было болѣе чѣмъ грустнымъ. Никто не могъ тѣшить себя надеждами на хорошей исходъ дѣла Николая Ивановича. Всѣ (кромѣ меня, конечно) тогда знали, что администрація края старалась выста-

вить передъ высшею правительственною властью свое усердіе, свое недремлющее око и потому находила нужнымъ во всѣхъ дѣлахъ политическаго характера дѣлать изъ мухи слона; всѣ знали, что попавшемуся въ передѣлку по политическому дѣлу врядъ ли возможно ожидать освобожденія, и насъ, близкихъ къ Николаю Ивановичу, еще болѣе удручала неизвѣстность, въ чемъ именно его обвиняли.

Весенній разливъ Днѣпра и переправа черезъ него на „дубъ“ (большое судно), съ экипажемъ и четверикомъ почтовыхъ лошадей, беспокойно переносившихъ качку „дуба“ волной, наводили ужасъ на мою мать: ея нервное состояніе передавалось другимъ, переправлявшимся съ нами на другой берегъ широкой рѣки. Достигли мы, наконецъ, этого берега; ящики съ Ѳомой привели въ порядокъ упряжку, и мы довольно скоро достигли первой почтовой станціи—Бровары, такъ какъ путь къ ней съ недавняго времени былъ шоссированъ, во избѣжаніе странствованія по сыпучимъ пескамъ, представлявшимъ истинное мученіе для ѣхавшихъ по лѣвому берегу Днѣпра.

У самаго подъѣзда станціи мы застали перекладную телѣжку, въ которую торопливо впрягли тройку лошадей. Возлѣ телѣги бродилъ, перекачиваясь, путникъ, сопровождаемый двумя жандармами. Невольно мы въ одинъ голосъ воскликнули: „Еще одинъ арестованный!“ Татьяна Петровна прибавила: „Тарасъ Григорьевичъ Шевченко“. По его „Кобзарю“ я была уже съ нимъ знакома. Николай Ивановичъ не разъ читалъ мнѣ наизусть поэтическія произведенія „Тараса“, но въ лицо я его не знала и здѣсь увидѣла въ первый и послѣдній разъ въ жизни. Услыхалъ ли онъ отъликъ Татьяны Петровны или узналъ ее и Ѳому, но не прошло и минуты, какъ „Тарасъ“ подошелъ къ нашему экипажу и со слезой, блеснувшей въ его сѣрыхъ глазахъ, надломленнымъ голосомъ проговорилъ:

„Отце жъ бідна Миколива мати, а це, мабуть, ёго молодецька дружинонька. Ой, лихо, лихо тяжке, горенько матерямъ и дівчині“.

Произнеся такое выраженіе скорби, Тарасъ Григорьевичъ перецѣловался съ нами. Жандармскій офицеръ подошелъ и ласково попросилъ его проститься съ нами и садиться въ повозку. „Тарасъ“ успѣлъ только сказать намъ, что лично о себѣ онъ не горюетъ, потому что онъ одинокъ, „бобыль“, а „Миколи меві жаль, бо в його е мати й дружинонька і вин пічимъ не винен, хіба тим, що зо мною побратався. Прости жъ мене, матінько, і не кляни!“ Онъ снова перецѣловался съ нами,

сѣлъ съ жандармами въ телѣгу, тройка курьерскихъ лошадей подхватила съ мѣста вскачь, ямщикъ лихо засвисталъ — и не долго намъ пришлось видѣть повозку съ неуклюжей фигурой „Тараса“, поднявшаго высоко надъ своей головой шапку и махавшаго ею въ знакъ прощанія съ нами.

Пока намъ запрягали лошадей, мы молчали, потрясенныя этимъ неожиданнымъ свиданіемъ съ Тарасомъ, а когда лошади наши тронулись и звонъ колокольчика, покрикиванія нашего ямщика и его носвистыванія могли свидѣтельствовать, что ямщикъ не услышитъ нашей бесѣды, мы стали на всѣ лады разсуждать и дѣлать догадки — почему дружеское отношеніе къ Тарасу могло повести къ аресту Николая Ивановича, что такое могъ совершить преступное этотъ добродушный народный поэтъ, чтобы вовлечь въ бѣду нашего Николая Ивановича. Разумѣется, ни до чего мы не додумались и не договорились.

У меня нѣтъ достаточно яркихъ словъ для описанія этого во всѣхъ отношеніяхъ тяжкаго путешествія нашего. Не говоря уже о причинѣ, заставившей его предпринять, скажу только, что тысячу верстъ мы проѣхали по глинистой почвѣ, едва оттаявшей послѣ зимняго замерзанія, представлявшей красноватую жидкость, сквозь которую колеса экипажа вязли въ толстомъ слоѣ густой глины, лежавшемъ на помостѣ изъ толстыхъ бревенъ, положенныхъ поперекъ пути. Мы прорѣзали этотъ слой и прыгали по этимъ бревнамъ. Тряска была невообразимая: насъ подбрасывало, въ особенности когда мы тащились въ гору или спускались подъ гору: тогда казалось, что мы ѣдемъ по ступенямъ лѣстницы. Безъ этихъ бревенъ глубокая и вязкая глинистая пучина засосала бы и лошадей, и экипажъ, и путниковъ. Измученныя лошади на такихъ мѣстахъ шли шагомъ, то подбодряемы ласковыми прибаутками ямщика, то подхлестываемыя кнутомъ. На каждой станціи мы принуждены были выходить изъ экипажа, чтобы хоть немного расправить свои утомленные члены, а иногда и подкрѣпиться чаемъ и крутыми яйцами, такъ какъ ничего иного на почтовыхъ станціяхъ достать было невозможно. На ночлегъ мы тоже останавливались, но только на такое время, когда темнота мѣшала видѣть дорогу: мы боялись опрокинуться и переломать не только экипажъ, но и свои кости.

Послѣ одного ночлега на станціи, верстъ за триста до Петербурга, поутру, когда экипажъ былъ уже запряженъ и Тома, доложивъ намъ объ этомъ, забралъ и унесъ чемоданы, чтобы привязать ихъ какъ слѣдуетъ, вошелъ къ намъ въ комнату станціонный смотритель и, извиняясь за свою нескромность, спро-

силъ: не ѣдемъ ли мы въ Петербургъ вслѣдъ за дорогимъ путникомъ въ золотыхъ очкахъ, провезеннымъ жандармами на курьерскихъ, по подорожной, въ которой была прописана фамилія жандармовъ, ѣдущихъ не съ *будущимъ*, какъ всегда это пишется, а съ *арестованнымъ лицомъ*. Мы отвѣтили, что именно за тѣмъ и ѣдемъ по такой ужасной дорогѣ, чтобы поскорѣе видѣться съ этимъ арестованнымъ. При видѣ нашихъ слезъ станціонный смотритель вынулъ изъ своего кармана маленькое письмо, написанное торопливой рукой, и почему-то подаль его мнѣ, взявши съ меня слово уничтожить его, не доѣзжая до Петербурга. Обѣ матери и я поблагодарили смотрителя, усѣлись немедля въ экипажъ и уже въ дорогѣ я прочла вслухъ письмо Николая Ивановича, обращенное ко мнѣ. То былъ вопль наболѣвшей души, разбитыхъ надеждъ и тяжелыхъ ожиданій—воплъ, заканчивавшійся буквально такъ: „Что бы ни постигло меня, знай и вѣрь, что я не преступникъ, что люблю тебя, моя Алина, всѣми силами души и съ этою любовью въ гробъ сойду“. Чтеніе мое прерывалось горячими слезами. Мать моя была видимо взволнована; Татьяна Петровна, блѣдная и бездвижная, не выронила ни слезы, ни вздоха и походила на истукана. Въ продолженіе пути я нѣсколько разъ принималась перечитывать горькія строки Николая Ивановича, пока, наконецъ, мать моя не взяла у меня изъ рукъ этого письма и, разорвавъ на мелкіе кусочки, не разметала ихъ по дорогѣ, напомнивъ мнѣ данное смотрителю слово не ввозить письма въ столицу: пеждаппый визитъ къ намъ жандармовъ могъ подвергнуть добраго чловѣка строгой отвѣтственности за передачу письма отъ „арестованнаго лица“. Такъ мы ѣхали цѣлую недѣлю, пока, наконецъ, добрались до станціи, черезъ которую пролегало шоссе отъ Варшавы до Петербурга.

Отъ этой станціи путь нашъ представлялся намъ настолько же удобнымъ и безопаснымъ, насколько предыдущій былъ утомителенъ и держалъ насъ въ постоянномъ страхѣ, въ постоянномъ опасеніи, что вотъ-вотъ опрокинемся, поломаются колеса или оси, или лопнутъ рессоры и мы засядемъ гдѣ-либо на дорогѣ, пока насъ не извлекутъ изъ болотной пучины и доставятъ на ближайшую станцію, чтобы хлопотать о починкѣ и терять дороже время.

У подъѣзда къ станціи насъ обогналъ запряженный шестеркой почтовыхъ лошадей дилижансъ и бойко подкатилъ къ крыльцу. Изъ дилижанса вышли одинъ за другимъ пять пассажировъ различнаго возраста и одна очень молодая, стройная

дама, съ карими глазами, яркимъ румянцемъ и чертами лица, по которымъ легко было узнать красивую малороссіянку. Едва мы вошли въ отдѣльную комнату, какъ эта эlegantная путешественница вбѣжала къ намъ и произнесла:

„Позвольте и мнѣ пообѣдать съ вами въ этой комнатѣ. Я такъ устала, ѣдучи изъ Варшавы во всѣ эти дни въ обществѣ пидерыхъ незнакомыхъ мужчинъ...“

— Вы ѣдете въ Петербургъ, какъ и мы? — спросила моя мать.

„Да, ѣду къ мужу“, — отвѣчала наша незнакомка, какъ бы опасаясь, чтобы мы не приняли ее за искательницу приключеній.

— Мы ѣдемъ также въ Петербургъ, — сказала я, — и мнѣ бы очень хотѣлось узнать вашу фамилію.

Мать моя вздвинула плечами въ знакъ неодобренія моей назойливости. Я пристально глядѣла на молодую женщину. Она покраснѣла и отвѣтила: „Бѣлозерская“.

— М-ше Кулишъ! — перебила я и взяла ее за руки.

„Господи! откуда же вы это знаете!“ — воскликнула она, оглядываясь по сторонамъ и понижая голосъ, словно она стала подозрѣвать въ числѣ пяти своихъ спутниковъ негласнаго стражника, сопровождающаго ее изъ Варшавы и прикидывающагося, будто никто ее не знаетъ.

— Я узнала васъ по описанію мнѣ вашей внѣшности и въ особенности по родинкѣ, украшающей ваше лицо. Мнѣ много говорили о васъ вообще.

„Да кто же говорилъ вамъ обо мнѣ?“

— Бѣдный нашъ Николай Ивановичъ, арестованный наканунѣ своей свадьбы и увезенный жандармами въ Петербургъ, — отвѣчала я съ неудержимымъ волненіемъ и горестью.

„Такъ вы Алина, его невѣста! Неужели? А это — двѣ матери!..“

Мы обмѣнялись поцѣлуями, поплакали.

Она сообщила, что также ѣдетъ узнать о судьбѣ своего мужа, котораго арестовали въ Варшавѣ, захвативши на пути за границу. Насъ сразу сблизила общая наша печаль: ея — о мужѣ, моя — о женихѣ. Но я почувствовала и нѣкоторую зависть къ ея судьбѣ: ея ужъ никто не разлучитъ съ мужемъ, какая бы участь его ни постигла, а меня, шестнадцати-лѣтнюю, неопытную дѣвчонку, кто же пуститъ не только на какую-либо далекую окраину, куда зашлютъ Николая Ивановича, но и на свиданіе, въ крѣпость, гдѣ онъ заключенъ! Невѣста — не то, что мать или

жена: у тѣхъ есть священныя права, которыя онѣ могутъ предъявить, а у невѣсты что? Одиѣ слезы...

Обѣдъ на станціи былъ непродолжителенъ. Кондукторъ дилижанса протрубилъ въ рожокъ призывъ къ отъѣзду. Александра Михайловна Кулишъ (рожденная Вѣлозерская) сердечно простилась съ нами, впорхнула въ дилижансъ и любезно проговорила, что надѣется видѣться и бесѣдовать съ нами на каждой станціи во время перепряжки лошадей въ дилижансъ и въ нашъ экипажъ.

На другой день мы доѣхали до Петербурга. Александра Михайловна Кулишъ была встрѣчена своимъ роднымъ братомъ ¹⁾ и помѣстилась у него на квартирѣ, а мы направились въ гостиницу. Черезъ нѣсколько дней мы переѣхали на Моховую улицу, въ домъ Покіева, гдѣ проживали молодые люди—братья Тепловы (Михаилъ и Василій Николаевичи), сыновья старинной пріятельницы моей матери, и гдѣ нашли для насъ удобную квартиру. Тамъ мы и пребывали два съ половиною мѣсяца, т. е. вплоть до того времени, когда мы узнали, что Николай Ивановичъ безповоротно приговоренъ къ заключенію на годъ въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ къ ссылкѣ въ Вятку безсрочно.

Первый мѣсяцъ нашего пребыванія въ Петербургѣ мы провели въ безплодныхъ развѣдкахъ о мѣстонахожденіи нашего арестованнаго. Татьяна Петровна никуда не обращалась: она ждала свѣдѣній о своемъ несчастномъ сынѣ лишь отъ моей матери и ея знакомыхъ. Прежде всего мать моя отправилась со мной къ незнакомой особѣ, отъ которой, по ея положенію общественному и связямъ, по ея личнымъ качествамъ и теплымъ дружескимъ отношеніямъ къ нашей дорогой Лаурѣ Осиповнѣ Де-Мельявъ, мы могли ожидать помощи въ нашемъ скорбномъ дѣлѣ. То была статсъ-дама Прасковья Ивановна Мятлева. Мы явились къ ней съ письмомъ отъ Лауры Осиповны и были приняты почтенной старушкой радушно, родственно. Прочитавъ письмо, она передала его для прочтенія находившейся въ то время у нея дочери своей—Варварѣ Петровнѣ Вибиковой (супругѣ Ильи Гавриловича) и, глядя на меня съ видимымъ участіемъ и жалостью, замѣтила матери моей, что, помимо нежданнаго нашего горя, болѣе чѣмъ рискованно рѣшаться отдавать замужъ 16-лѣтнюю дѣвочку.

Наша просьба помочь намъ разыскать Николая Ивановича

¹⁾ Василіемъ Михайловичемъ Вѣлозерскимъ.

принята было Прасковьей Ивановной близко къ сердцу; она обѣщала поручить своимъ зятьямъ (Галахову, тогдашнему с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру, и Бибикову) и близкимъ людямъ добыть необходимыя для насъ свѣдѣнія. Я расплакалась. У старушки навернулись слезы, и она сказала:

„Не плачь, дитя мое: отъ нашей дорогой Лауры знаю о тебѣ и раздѣляю ея привязанность къ тебѣ. Погости у меня, познакомься съ моими внучками: онѣ, кажется, тебѣ по возрасту“.

По желанію старушки, компаньонка ея тотчасъ позвала въ гостиную двухъ юныхъ Бибиковыхъ. Когда я увидѣла этихъ моихъ ровесницъ въ коротенькихъ полудѣтскихъ платьицахъ, мнѣ стало какъ-то неловко входить съ ними въ сообщество: онѣ—дѣти—прибѣжали на зовъ бабушки, скользя по паркету, словно на конькахъ по льду, а я—исплакавшаяся, пришибленная горемъ невѣста! Разговоръ между нами не вязался, и я рада была движенію моей матери, показывавшему, что визитъ нашъ оконченъ.

П. И. Мятлева черезъ своихъ близкихъ людей, съ одной стороны, мать моя—черезъ своихъ знакомыхъ, съ другой, узнали, что Николай Ивановичъ содержится въ III-мъ отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи. Шефомъ жандармовъ былъ въ то время графъ (впослѣдствіи князь) Орловъ, а его ближайшимъ помощникомъ—генераль Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ. Послѣдній, какъ оказалось, бывалъ, въ качествѣ знакомаго, въ домѣ моихъ родителей въ Вильнѣ во времена польской революціи 1831 г., когда полкъ моего отца стоялъ тамъ. Одновременно съ полученіемъ этихъ свѣдѣній, намъ дали такія же и въ канцеляріи коменданта С.-Петербургской Петропавловской крѣпости, куда мы съ матерью ѣздили узнавать—не содержится ли тамъ въ заключеніи Николай Ивановичъ; намъ отвѣтили, что Костомаровъ не состоитъ въ числѣ узниковъ крѣпости, и такъ какъ дѣло его, повидимому, политическое, то, вѣроятно, производится оно въ III-мъ Отдѣленіи, гдѣ и содержится подсудимый.

О фамиліи того, кто былъ въ то время комендантомъ, мать моя не спросила.

Двѣ матери и я отправились къ Дуббельту. Онъ принялъ насъ очень любезно, припоминалъ давнишнее знакомство съ моими родителями, но когда рѣчь коснулась о дозволеніи намъ повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ сказалъ, что это рѣшительно невозможно ранѣе того времени, когда дѣло окончится и опредѣлится участь подсудимаго. Слезы брызнули изъ моихъ глазъ. Леонтій Васильевичъ сказалъ:

„Видно вы ужъ очень любите жениха, что такъ о немъ печалитесь. Полюбите давняго знакомаго старичка, посившаго васъ на рукахъ, и вашему жениху станетъ полегче“.

При этихъ словахъ Дуббельтъ пытался привлечь меня къ себѣ.

— Пусть же станетъ, тогда и полюблю васъ всей душой; а пока Николай Ивановичъ у васъ въ неволѣ — возможно ли васъ любить? — отвѣтила я, освобождаясь отъ объятій „старичка“.

Дуббельтъ мгновенно преобразился, любезный тонъ его перешелъ въ официально-холодный, и онъ сказалъ, обращаясь къ Татьянѣ Петровнѣ:

„Вамъ, г-жа Костомарова, дозволено будетъ повидаться съ сыномъ здѣсь завтра же, и никому болѣе“.

Я отворотилась отъ Дуббельта, утирая слезы; мать моя стала прощаться съ нимъ. Онъ какъ будто смягчился и проговорилъ:

„Для васъ и вашей юной невѣсты остается одно — подождать, пока не перевезутъ преступника въ Петропавловскую крѣпость, куда онъ, по великому милосердію Государя, будетъ заключенъ вмѣсто висѣлицы, которую заслужилъ. Въ должности коменданта крѣпости состоитъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, такой же вашъ старый знакомый по Вильно, какъ и я, и тамъ свиданіе съ преступникомъ, вѣроятно, будетъ вамъ разрѣшено. Г-жа Костомарова, навѣдываясь сюда, освѣдомится о времени перемѣщенія ея сына въ Петропавловскую крѣпость и о дальнѣйшей его судьбѣ“.

Дни шли за днями въ ожиданіи печальной развязки. Мать моя многозначительно и часто заводила разговоръ о бесѣдѣ съ Дуббельтомъ, всегда подчеркивая выраженія: „преступникъ, висѣлица, милосердіе Государя“. Только впоследствии, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, я поняла, что дѣлалось это съ цѣлью внушить мнѣ страхъ къ какимъ-то „темнымъ преступленіямъ“ Николая Ивановича и заставить додуматься, что лучше быть отъ него подальше. Въ то тяжкое время мать моя слѣпо вѣрила, что Николай Ивановичъ былъ однимъ изъ руководителей какого-то преступнаго политическаго заговора и, повягну, старалась отдалить отъ своей юной дочери всякую мысль о возможности раздѣлять участь „преступника“. Однако, моя мать страдала все-таки моимъ горемъ и не рѣшалась поступать со мною слишкомъ круто. Она оставалась со мною въ Петербургѣ ждать не только конфирмаціи по дѣлу Николая Ивановича, но и того времени, когда намъ позволено будетъ свиданіе въ крѣпости.

Весна въ тотъ годъ была ранняя и теплая. Въ первыхъ числахъ мая было такъ жарко, что даже мы, южанки, выходили на улицу въ лѣтней одеждѣ. Прасковья Ивановна Мятлева, катаясь въ открытой коляскѣ, не разъ въѣзжала во дворъ дома Поккіева на Моховой улицѣ, гдѣ мы квартировали, и поручала сопровождавшей ее компаньонкѣ зайти къ намъ и пригласить меня прокатиться съ ними. Въ одну изъ такихъ прогулокъ, Прасковья Ивановна сказала мнѣ, чтобы я пріѣхала къ ней 7-го мая рано утромъ и съ нею побывала у обѣдни въ домово́й церкви, а затѣмъ пріѣхала бы къ ней на дачу въ Знаменское (по петергофской дорогѣ) и тамъ погостила бы недѣлку-другую или сколько мнѣ покажется нескучнымъ.

Мы съ мамой узнали, что 7-ое мая — день рожденія г-жи Мятлевой и что всегда въ этотъ день у нея бываетъ большой съѣздъ родныхъ и знакомыхъ. Мать заказала для меня бѣлое тарлатановое платье съ блѣдно-розовымъ кушакомъ изъ муаровой ленты и бѣлую тюлевую шляпку съ пучками блѣдно-розовыхъ розъ, заказала также букетъ свѣжихъ цвѣтовъ и въ такомъ видѣ доставила на домъ г-жи Мятлевой, гдѣ и поручила меня попеченію Наталіи Филипповны Минюшской ¹⁾ (падчерицы г-жи Де-Мельянтъ). Прасковья Ивановна приняла очень тепло мое поздравленіе и букетъ, представила меня всѣмъ своимъ гостямъ, и всѣ единогласно выражали свое соболѣзнованіе и изумленіе по поводу такой ранней помолвки и трагической катастрофы, постигшей меня наканунѣ вѣнчанія. Продолжительное сидѣнье за параднымъ обѣдомъ, новизна невиданной мною прежде роскошной обстановки, блестящей знатной публики — и неотвязная мысль о мрачномъ казематѣ, гдѣ томился и, быть можетъ, голодалъ Николай Ивановичъ, въ то время, какъ я, разряженная куколкой, отвѣдывала дорогія яства среди великосвѣтской толпы, возсѣдавшей за столомъ, убраннымъ массою дорогихъ серебряныхъ вазъ и канделябръ, яркими букетами благоухающихъ розъ и иныхъ цвѣтовъ—все это такъ взволновало меня, что въ глазахъ у меня помутилось и мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что сосѣдки мои по куверту, внучки Прасковьи Ивановны, вывели меня изъ-за стола въ сосѣдній залъ, откуда, уже въ глубокомъ обморокѣ, я была перенесена въ помѣщеніе Н. Ф. Минюшской, въ томъ же домѣ. Все это сдѣлано было безъ шума и суеты; никто, кромѣ ближайшихъ по мѣстамъ лицъ, не замѣтилъ, какъ

¹⁾ Здѣсь кстати оговорить опечатку, вкравшуюся въ началѣ записокъ („Вѣстн. Европы“, июнь 1910 г.): на стр. 198, вторая строка сверху напечатано Минготскій, слѣдуетъ читать: Минюшскій. — В. К.

меня ловко вывели, пробираясь за колоннами, къ которымъ примыкалъ обѣденный столъ. Мнѣ передавала Н. Ф. Милюшская, что когда въ концѣ обѣда всѣ гости подходили къ Прасковьѣ Ивановнѣ съ бокалами шампанскаго, чтобы еще разъ выразить ей всякія пожеланія, старушка замѣтила, что я не подходила, и окликнула меня. Ей сказали, что мнѣ сдѣлалось дурно, и что я лежу у Наталіи Филипповны. „Доктора! М-г Адамсъ, взгляните на малютку! Вотъ до чего она уже разстроена нервами въ шестнадцать лѣтъ!“ — заволновалась добрая старушка. Ее успокоили, что обморокъ уже прошелъ, и я собираюсь вновь явиться. Прасковья Ивановна потребовала къ себѣ подносъ съ полнымъ бокаломъ шампанскаго, чокнулась съ нимъ своимъ бокаломъ и, проговоривши, что пьетъ за здоровье своей юной гостьи „кіевляночки“, поручила отнести полный бокалъ ко мнѣ, обложивши его всякаго рода сладостями и рѣдкими по времени плодами.

Вспоминаю съ такими подробностями о тепломъ отношеніи ко мнѣ Прасковьи Ивановны съ тѣмъ бѣльшей признательностью, что она ни разу не выразила мнѣ совѣта разойтись навсегда съ Николаемъ Ивановичемъ. Напротивъ, дождавшись конфирмаціи, о которой, по порученію Прасковьи Ивановны, узналъ зять ея, оберъ-полицеймейстеръ Галаховъ, и передалъ ея содержаніе, старушка при появленіи нашемъ на дачѣ въ Знамenskомъ, куда мы ѣздили, чтобы проститься передъ отъѣздомъ въ Кіевъ, обратилась къ моей матери съ просьбой оставить меня въ Петербургѣ въ ея семьѣ и на ея личномъ попеченіи, а ко мнѣ проговорила:

„Проси, крошка, свою маму довѣрить тебя моему сердцу — и оставайся у меня. Богъ милостивъ, годъ пройдетъ безъ особыхъ случайностей для твоего жениха, а за это время ты у меня начнешь расцѣтать; черезъ годъ я повѣнчаю тебя съ нимъ да и снаряжу въ далекій путь — въ Вятку; здѣсь же предоставляю тебѣ первокласснаго учителя музыки, чтобы ты не скучала и имѣла любимое занятіе“.

Такое предложеніе покорило мою мать. Поблагодаривши Прасковью Ивановну, мать проговорила:

— Отецъ и я загрустимъ безъ нашей Аллы, а относительно уроковъ музыки позволяю себѣ повторить слова величайшаго изъ артистовъ — Листа, что ей нужна вѣнская консерваторія ¹⁾, и не ради техники, которую не только онъ, но и вы, добрѣйшая Прасковья Ивановна, нашли превосходною, а для изученія теоріи

¹⁾ Въ Россіи еще не было ни одной консерваторіи въ то время.

въ такой полнотѣ, которая необходима для композиціи. Петербургъ не можетъ ей этого предоставить, а въ Вѣну мы не рѣшаемся отпустить нашу молоденькую дочку. Пусть она поупражняется дома: Кіевъ посѣщается знаменитыми артистами—они будутъ руководить ея занятіями.

Старушка не ожидала отказа и, видимо, была недовольна. Мнѣ казалось, что, помимо желанія сдѣлать доброе дѣло, ее главнымъ образомъ увлекала мысль оказать возможную поддержку одной изъ любимѣйшихъ г-жею Де-Мельянъ воспитанницъ ея образцоваго пансіона. О будущей судьбѣ моей Пр. Ив. больше уже не упоминала, сознавая, вѣроятно, что у моей матери твердо сложились новые виды и новыя надежды. Я очень плакала, прощаясь съ доброй старушкой.

Между тѣмъ мать моя исхлопотала у Ивана Никитича Скобелева дозволеніе всѣмъ намъ повидаться съ Николаемъ Ивановичемъ. Былъ день 14-го іюня. Мы явились къ доброму коменданту, выразившему удовольствіе отъ нежданной встрѣчи съ такими старинными знакомыми, какъ моя мать и я. Обращаясь ко мнѣ, онъ произнесъ:

„Такъ вотъ эта чернавка, которую въ Вильнѣ подносила кормилица къ моимъ эполетамъ, а чернавка ухищрялась зацѣпить и тянуть мишурную нитку! Какъ же это твой желанный угодилъ въ крѣпость? Но ты не плачь: я его, варвара, изюмомъ кормлю“.

Пока велись эти переговоры, въ кабинетъ ввели Николая Ивановича. Очи были у него отобраны, и онъ, по своей близорукости, узналъ насъ только тогда, когда мы окликнули его. Свиданье наше было краткое и удручающее. Моя мать общала Николаю Ивановичу привезти меня въ Вятку.

Въ послѣднихъ числахъ іюня мы съ мамой возвратились въ Кіевъ. Татьяна Петровна осталась въ Петербургѣ, чтобы навѣщать своего сына-узника въ крѣпости по пятницамъ, и затѣмъ сопровождать его въ Вятку.

Въ Кіевѣ потекла жизнь очень тяжелая для меня. Я и сестра моя подверглись строжайшему надзору моей матери. Насъ устранили отъ бесѣдъ съ двумя Гальками (Аннами), перевезенными со всѣмъ домашнимъ скарбомъ Костомаровыхъ на попеченіе моихъ родителей, во флигель того дома, гдѣ была наша квартира.

Эти Гальки, двѣ родныя сестры, были крѣпостныя Татьяны Петровны. Отецъ ихъ былъ сосланъ въ Сибирь за кражу, учиненную въ домѣ Татьяны Петровны, а дочерей его она взяла себѣ въ услуженіе подъ тѣмъ предлогомъ, что у нихъ не было

матери. Когда имѣніе было продано, Оомѣ, по просьбѣ Ник. Ив., дана была „вольная“, а бѣднѣхъ Галекъ привезли въ Кіевъ крѣпостными. Онѣ говорили, что Никол. Ив. постоянно просилъ свою матушку отнестись и ихъ на волю; она сердилась, иногда обѣщала, иногда отказывала наотрѣзъ и тѣмъ раздражала Ник. Ив. до безконечности. Гальки объяснили ея упорство властолюбіемъ, свойственнымъ грубымъ и „низкаго“ происхожденія людямъ, попавшимъ въ дворянство. По ихъ словамъ, Татьяна Петровна была крѣпостная „дѣвка“, такая же, какъ и онѣ, покойнаго Ивана Петровича Костомарова; онѣ прижилъ съ нею сына за четыре года до брака — и этотъ сынъ именно и есть Николай Ивановичъ. Гальки рассказали, что мать и сынъ живутъ не мирно: у Татьяны Петровны нравъ крутой и она „спущается“ надъ сыномъ, не допуская его до женитьбы, чтобы не было другой хозяйки въ домѣ помимо ея самой. Такъ было въ Харьковѣ, когда Ник. Ив. посватался тамъ къ какой-то гувернанткѣ; такъ было и теперь въ Кіевѣ.

О Николаѣ Ивановичѣ Гальки рассказывали, что онѣ очень горячаго „нрава“ — вдругъ взволнуется, закричитъ на весь дворъ, и послѣ каждой домашней сцены такъ страдаетъ головою болью, что его „отливаютъ“ холодной водой, а мать уходитъ тогда въ свою комнату и до тѣхъ поръ не является на глаза сыну, пока тотъ не придетъ къ ней въ комнату и на колѣняхъ не испроситъ прощенья за свою вспыльчивость.

Всѣ эти свѣдѣнія о происхожденіи и образѣ жизни Костомаровыхъ были, разумѣется, передапы моей матери другими нашими слугами съ подробностями, когда мы возвратились изъ Петербурга — и тутъ ужъ мать моя считала своимъ материнскимъ долгомъ неустанно объяснять мнѣ всю „мерзость“ брачной и родственной связи съ этими „мужиками“, изъ которыхъ „незаконнорожденный“, скрывая свое „позорное“ происхожденіе, осмѣлился посвататься къ дочери честныхъ и „благородныхъ“ родителей, скрывалъ и свои „преступныя“ политическія затѣи, не побоялся Бога, которому онѣ молится по церквамъ, ввелъ въ скорбь и гибель свою будущую жену, ея родителей и прочее. Мать моя твердила мнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ, что арестъ Николая Ивановича наканунѣ свадьбы слѣдуетъ считать проявленіемъ особой милости Божьей къ нашей семьѣ и что мы, всѣ члены семьи, должны молиться за генералъ-губернатора, который посмѣшился арестовать „преступника“, не допустивъ его, такимъ образомъ, обвѣчаться съ невиннымъ, юнымъ существомъ, готовившимся связать свою судьбу съ его судьбой. Я въ ту пору

признавала, да и теперь признаю, что мать моя говорила то, во что свято вѣрила. Въ душѣ моей происходила борьба чувствъ то за Николая Ивановича, то противъ него, и послѣднее возникало отъ неотвязчиваго вопроса: почему не былъ онъ откровененъ со мною?

Онъ говорилъ мнѣ о своей завѣтной идеѣ—необходимости единенія славянъ, объяснялъ, что кольцо, находившееся у него на рукѣ, съ вырѣзанною внутри надписью: „Св. Кирилль и Меѳодій“, носить какъ символъ единенія славянъ, но о составленіи устава „Кир.-Меѳ. общества“ не упоминалъ. Быть-можетъ, соображаясь съ моимъ юнымъ возрастомъ, онъ мало надѣялся на мое сочувствіе къ его мечтамъ, а быть-можетъ и на самое разумѣніе его стремленій. Во всякомъ случаѣ это не была тайна предо мною, такъ какъ Николай Ивановичъ, какъ и узнала впоследствии, не скрывался со своими мечтами и отъ такихъ лицъ, которыя стояли въ администраціи и въ обществѣ на высокихъ степеняхъ. Послѣ многолѣтней съ нимъ разлуки я узнала, что онъ не считалъ своихъ „затѣй“ не только преступными, но и секретными, почему и носился со своей мечтой о Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ единенія славянъ: онъ говорилъ о немъ при губернаторѣ Фундуклеѣ, при попечителѣ и помощникѣ попечителя учебнаго округа, при товарищахъ и при студентахъ.

Изъ числа этихъ лицъ двое добрыхъ людей, прослышавъ о предполагавшемся у Николая Ивановича обыскѣ, хотѣли спасти его и, чтобы предупредить о грозящей ему опасности, звали его къ себѣ по „дѣлу“; но счастливый женихъ былъ занятъ приготовлениями къ свадьбѣ, леталъ къ невѣстѣ и отложилъ на дальнѣйшее время необходимость побывать у лицъ, звавшихъ его къ себѣ „по дѣламъ“.

Тѣ добрые люди были кievскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Фундуклей и содержательница частнаго женскаго пансіона, г-жа Залѣсская. Николай Ивановичъ по порученію Фундуклея занимался редакціей „Актовъ Кіевскихъ“. Приготовленія къ свадьбѣ замедлили работу—и присылку чиновника съ просьбой отъ губернатора пожаловать къ нему „по важному дѣлу“ Николай Ивановичъ объяснилъ себѣ желаніемъ губернатора напомнить о необходимости окончить трудъ. „Пойду послѣ свадьбы“—рѣшилъ Николай Ивановичъ, не предчувствуя и не предугадывая истинной причины приглашенія губернатора. Г-жа Залѣсская постоянно просила Николая Ивановича прибавить хотя одинъ лишній часъ преподаванія исторіи въ ея пансіонѣ: этимъ и объяснилъ себѣ Николай Ивановичъ ея

просьбу „пожаловать по неотложному и важному дѣлу“ — и также отложилъ свой визитъ на послѣ-свадебное время. Все это я услышала отъ Николая Ивановича лишь въ 1873-мъ году.

Вообще времяпровожденіе мое по возвращеніи изъ Петербурга было такое тягостное, что не поддается описанію. Мать моя получила отъ Татьяны Петровны письмо, но о содержаніи его не считала нужнымъ сообщить мнѣ. Отъ меня и отъ Галеки тщательно скрывалось, что мѣсто ссылки для Николая Ивановича было измѣнено и, вмѣсто Вятки, назначено въ Саратовѣ. По наступленіи срока годового пребыванія Николая Ивановича въ крѣпости объявили Галькамъ приказаніе собираться въ далекій путь. Для нихъ были одинаково неизвѣстны оба дальнихъ города: имъ было безразлично, куда бы ихъ ни послали. Я не успѣла проститься съ ними: ихъ отправили на разсвѣтъ, и когда я встала отъ сна, мнѣ сказали, что Гальки кланялись мнѣ — и уѣхали.

Начались у меня заботы о томъ, какимъ образомъ адресовать Николаю Ивановичу письмо въ Вятку, чтобы моя мать не знала объ этомъ — и черезъ кого получать отвѣты.

Между нашими многочисленными знакомыми едва нашлось одно лицо, которому я могла открыть свое намѣреніе писать и получать черезъ его посредничество отвѣты; но лицо это, не возражая противъ отправки писемъ черезъ него, наотрѣзъ отказалось отъ согласія получать на его имя отвѣты отъ Николая Ивановича. Это былъ плацъ-адъютантъ при кievскомъ комендантѣ, Александръ Антоновичъ Ярошевичъ. Мнѣ было объяснено, что гдѣ бы ни былъ политическій ссыльный, за нимъ тайно наблюдаютъ, и непременно станутъ слѣдить за тѣмъ, на чье имя шлетъ ссыльный письма: адресать-посредникъ непременно навлечетъ подозрѣніе властей въ неблагонамѣренности — а, при всемъ расположеніи ко мнѣ, врядъ ли найдется лицо, готовое пожертвовать судьбою собственной семьи. Чтò было дѣлать! Я послала нѣсколько писемъ въ Вятку, прося Николая Ивановича повскать между кievскими бывшими товарищами по службѣ такого, который бы взялся доставлять его письма ко мнѣ.

Отвѣтовъ, разумѣется, я не дождалась, такъ какъ Николай Ивановича въ Вяткѣ не было. Между тѣмъ мать моя стала постепенно принимать всѣ мѣры для уничтоженія у насъ въ домѣ и у меня въ особенности всего того, что могло напоминать мнѣ о Николаѣ Ивановичѣ. Еще въ первые дни послѣ ареста Николая Ивановича она взяла у меня двѣ подаренныя имъ мнѣ книги („Унія“ и „Вѣтка“) и уничтожила ихъ, боясь обыска

у насъ въ домѣ. Французскую книгу: „L'imitation de Jésus Christ“ не считала опасною и оставила ее у меня. Однако, видя, что мать моя все болѣе и болѣе враждебно относится къ Николаю Ивановичу, я нашла нужнымъ спрятать эту книгу съ дорогою для меня надписью. Но куда спрятать? Потребуется мать ключи отъ моего стола или комода—я не посмѣю не дать ихъ, и она возьметъ книгу! Я положила ее на одну изъ дощатыхъ перекладныхъ, имѣвшихся подъ роялю. Ея вовсе не было видно. Когда мать спросила у меня книгу, я сказала, что запрятала ее сгоряча такъ, что и сама не могу найти. Мать искала книгу по всеѣмъ моимъ дѣвичьимъ хранилищамъ, искала внутри рояля... и не нашла. Дождавшись пріѣзда къ намъ нѣкоей Софьи Карловны Каленіусъ, очень любившей меня, я быстро достала книгу изъ моего тайника и сунула въ карманъ почтенной дамы, для храненія книги у нея на дому и въ секретѣ. Она исполнила мою просьбу.

Наконецъ, случайно я узнала, что Николай Ивановичъ въ Саратовѣ.

Послѣ долгихъ соображеній я додумалась написать Николаю Ивановичу черезъ посредничество жившей тогда въ Петербургѣ г-жи Де-Мельянъ, моей дорогой „тама“ по пансіонному воспитанію, и обратилась къ ней съ просьбой переслать мое письмо въ Саратовъ, а полученный оттуда отвѣтъ послать въ Кіевъ, на имя Маріи Ивановны Стемповской, занимавшей должность лазаретной надзирательницы и кастелянши въ кіевскомъ Левашовскомъ училищѣ во время управленія этимъ училищемъ госпожей Де-Мельянъ. Марья Ивановна оставалась тамъ въ прежней должности и посѣщала нашъ домъ въ праздничные дни, такъ какъ г-жа Де-Мельянъ, покидая Кіевъ навсегда, просила меня и мою сестру не прерывать знакомства съ лицами, которыхъ она любила.

Итакъ, два первыхъ письма отъ Николая Ивановича я получила черезъ г-жу Де-Мельянъ ¹⁾ и М. И. Стемповскую, а затѣмъ уже я упросила Стемповскую позволить Николаю Ивановичу адресовать письма ко мнѣ прямо на ея имя. Сама же я находила достаточно времени, чтобы написать въ Саратовъ: мать

---

¹⁾ Внуку г-жи де-Мельянъ, Алексѣю Н. Минюшскій, разбирая бумаги своей бабушки послѣ ея кончины въ 1862-мъ году, нашелъ и сберегъ два письма Николая Ивановича къ г-жѣ Де-Мельянъ изъ Саратова, съ просьбой переслать его письмо ко мнѣ въ Кіевъ. Оба эти письма Николая Ивановича переданы мнѣ внукомъ г-жи Де-Мельянъ.

моя любила выѣзды на карточные вечера и, часто оставаясь дома, и бесѣдовала письменно съ Николаемъ Ивановичемъ.

Понятно, съ какимъ волненіемъ и поджидала изъ Саратова отвѣта на мое первое письмо. Цѣлая куча горькихъ предположеній наполняла мою молодую голову, терзала сердце: и умерь, и позабыль, и женился, и страдать въ неволѣ, и тоскуеть по миѣ, и обвиняеть меня въ измѣнѣ. Но какъ выразить то, что происходило во всемъ моемъ существѣ по прочтеніи этого перваго отвѣта? Послѣ двухъ-трехъ нѣжныхъ именованій Николай Ивановичъ въ твердыхъ и отчаянныхъ выраженіяхъ извѣщалъ, что онъ боленъ неизлечимо, что письмо мое оживило его душу, но ни оно, ни мое присутствіе, если бы оно стало возможностью, и ничто, ничто не оживитъ его тѣла, пораженнаго такою болѣзнию, при которой не только совѣсть, но и законъ воспрещаетъ вступать въ бракъ,—и онъ умоляетъ меня забыть о его существованіи, избрать себѣ другого друга и тѣмъ доставить ему успокоеніе, что я не страдаю вмѣстѣ съ нимъ, не загубилъ онъ моей молодости и проч.

Переписка между нами продолжалась около 2¹/₂ лѣтъ.

Всѣ мои письма Николай Ивановичъ сберегъ до конца своихъ дней; только перваго и послѣдняго изъ моихъ писемъ я не нашла у него, ставши его женой послѣ многолѣтней разлуки. На мой вопросъ о томъ, куда же они дѣвались, Николай Ивановичъ отвѣтилъ миѣ въ 1875-мъ году, что они были такъ залиты его слезами и истрепаны отъ пошевія съ собой и постоянного перечитыванія, что стало невозможнымъ сложить всѣ клочки въ одно цѣлое.

Писемъ Николая Ивановича сберегать миѣ было невозможно. Въ каждое изъ посѣщеній М. Ив. Стемпковской мы обѣ слѣдили за моей мамой, чтобы воспользоваться временемъ, когда она выходила въ другія комнаты: тотчасъ Мар. Ив. вынимала изъ своего кармана полученное изъ Саратова письмо, передавала миѣ, а я поспѣшно прятала въ свой карманъ и удалялась куда-либо подальше для прочтенія и немедленнаго уничтоженія письма съ такою тщательностью, чтобы мама не нашла ни единого лоскутка отъ него.

Такое положеніе вещей научило меня скрытности: прежняя откровенность исчезла, и въ душѣ моей все больше и больше поднимался ропотъ на деспотизмъ матери. Я не могла сомнѣваться въ томъ, что мать любить меня и желаетъ миѣ добра. Она баловала меня по-своему, стараясь развлечь меня по-своему— балами, парядами и проч.

Убѣдившись, что споры и пререканія съ матерью изъ-за Ник. Ив. ни къ чему не ведутъ, кромѣ усиленія настойчивости съ обѣихъ сторонъ, я заботилась уже только о томъ, чтобы мать порѣже возила меня съ собой на карточные вечера. Мать очень любила игру и просиживала за картами до 2—3 часовъ ночи, а я въ это время писала къ Николаю Ивановичу, если у насъ не было въ гостяхъ ни одной изъ подругъ.

Отправляясь постоянно, я могла бы возбудить подозрительность относительно упорнаго пребыванія въ одиночествѣ; и вотъ, чтобы усыпить бдительность матери, я не отказывалась отъ выѣздовъ на балы, концерты и музыкальные вечера. Любезность ко мнѣ и комплименты молодежи приводили мою мать въ восхищеніе. Это служило поводомъ для бурныхъ сценъ между нами. Я чувствовала тяжелый гнетъ ея родительской власти и томилась.

Незабвенный вотчимъ мой смягчалъ своей добротой наши обоюдныя съ матерью ненормальныя отношенія, уговаривалъ мать не стѣснять меня выборомъ мужа, а мать, возражая ему, заключала всѣ свои доводы указаніемъ на свои родительскія права, которыхъ вотчимъ по отношенію къ падчерицамъ не имѣетъ. Я видѣла, что мой больной вотчимъ до глубины души огорчался, когда случалось ему, при возвращеніи домой отъ служебныхъ занятій, заставать меня съ распухшими отъ слезъ глазами и лицомъ: бѣдняга поглядывалъ во время обѣда то на мать, то на меня, вздыхалъ и плохо кушалъ. Это побуждало меня сдерживаться и скрывать отъ вотчима все, что происходило между мною и матерью въ его отсутствіе.

Такъ жизнь длилась до 22-го февраля 1851-го года, когда внезапно скончался мой добрый покровитель-вотчимъ. Не стало его—и не было уже возможности избѣгать жаркихъ споровъ съ матерью, споровъ, разгоравшихся съ каждымъ днемъ до такихъ размѣровъ, что мать заботилась уже только о томъ, чтобы случайные посѣтители не застали насъ обѣихъ съ пылающими лицами, въ слезахъ и вѣ себя отъ волненія. Приказано было прислугѣ никого не принимать и заявлять, что „дома нѣтъ“. Больше всего мать налегала на срамное происхожденіе Николая Ивановича, на его какіе-то, скрываемыя, недуги, при которыхъ онъ всегда отказывался отъ пищи и которые, „конечно“, развивали у него припадки „бѣшенства“, доводившіе его до криковъ, до неистовства, до необходимости окачиваться холодной водой. Я защищала Николая Ивановича, какъ могла, и стояла на своемъ. Мать рыдала, рвала на себѣ волосы и въ изступленіи кричала: „Пиши этому висѣльнику, этому безродному мужику,

выбившемуся въ бакалавры, чтобы прїѣзжалъ за тобой, но не иначе, какъ съ дозволенія правительства и въ приличномъ твоему званію экипажѣ; ниши, вѣчайтесь на другой день по его прїѣздѣ—и вонъ съ глазъ моихъ!”

Что было дѣлать мнѣ, неопытной! Я знала, что Николай Ивановича не пустятъ изъ Саратова—и рѣшилась написать тайкомъ отъ матери прошеніе Государю о томъ, чтобы Николая Ивановича отпустили въ Кіевъ обвѣнчаться со мной, такъ какъ мать не желаетъ везти меня къ нему. вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщила обо всемъ Николаю Ивановичу, предупредивъ его также, что пришлю ему холодное, такъ сказать официальное письмо, которымъ мать моя разрѣшаетъ мнѣ увѣдомить его о дозволеніи мнѣ вступить съ нимъ въ бракъ, лишь бы онъ самъ прїѣхалъ въ Кіевъ, а въ своемъ секретномъ письмѣ я умоляла его оставить разговоръ о болѣзни, не писать о ней матери и какъ только Государь разрѣшитъ—прїѣхать. Сестра моя, видя мое отчаянное состояніе при полученіи отвѣтовъ отъ Николая Ивановича, ничего иного не заключающихъ, какъ только отказъ прїѣхать, отказъ грустный, мотивированный все тою же неизлечимою болѣзнию,—писала сама Николаю Ивановичу, пытаюсь разсѣять его безнадежность и побудить прїѣхать. Ничто не помогло. Николай Ивановичъ стоялъ на своемъ: не честно такому больному, неспособному къ супружеской жизни человѣку вступать въ бракъ съ молодой дѣвушкой, не имѣющей понятія о томъ, какую петлю готова она надѣть на себя по своему невѣдпію и великодушію. Какъ послѣднее для себя усиліе, онъ желаетъ воспользоваться отпускомъ, но не для прїѣзда въ Кіевъ, а для поѣздки въ Умань для леченія по методѣ Присница, и лишь для того, чтобы испробовать послѣднее средство—правильное водолеченіе.

Наконецъ, получивъ мое официальное письмо, писанное подъ диктовку моей матери, Николай Ивановичъ, не взирая на мои мольбы, счелъ своимъ долгомъ сообщить моей матери письменно и помимо моего вѣдома, что онъ боленъ и прежде, нежели прїѣхать въ Кіевъ, попытается полечиться въ Умань. Отъ исхода леченія будетъ зависѣть и его судьба.

Взвѣсивая тогдашнее положеніе вещей теперешнимъ ихъ пониманіемъ, для меня ясно, что полученіе такого письма могло вызвать у каждой матери сознаніе долга употребить все усилія, чтобы разлучить свою дочь съ больнымъ женихомъ навсегда. Понятнымъ становится и то, что для достиженія этого *всѣ* мѣры казались моей матери дозволенными—и ей удалось устроить такое разлеченіе, воспользовавшись моимъ къ ней довѣріемъ

и тою благоговѣйною почтительностью, которая внушена была мнѣ воспитаніемъ къ сану матери. Случилось это такъ.

Мать моя строго приказала мнѣ и сестрѣ моей не говорить никому изъ знакомыхъ о ея дозволеніи мнѣ сочетаться бракомъ съ Николаемъ Ивановичемъ и объ ожидаемомъ скоромъ его приѣздѣ. „Пусть—говорила мать—общество, въ которомъ я живу и остаюсь жить, не вѣдаетъ о моей скорби и о моемъ униженіи до послѣдняго дня: приѣдетъ этотъ, обожаемый тобою, „получеловѣкъ“—сейчасъ потихоньку вѣнчайтесь и убирайтесь въ ссылочный городъ, за 2.000 верстъ отъ твоей старухи-матери, а то и забирайте съ собою сестрицу (мою), такъ горячо потакающую твоему безумію, что послѣ твоего отъѣзда мнѣ глядѣтъ на устроительницу печальной судьбы твоей будетъ невыносимо тяжело“.

Такъ мы и жили съ матерью, скрывая другъ отъ друга (какъ то оказалось впоследствии) все, что для каждой изъ насъ представлялось необходимымъ: я—чтобы достигнуть соединенія съ Николаемъ Ивановичемъ, мать моя—чтобы разлучить насъ. Съ трепетомъ поджидала я появленія М. И. Стемковской: какую вѣсть принесетъ мнѣ новое, полученное черезъ нее письмо Николая Ивановича. Письма все нѣтъ. Думала—напишетъ изъ Умани. Какъ вдругъ однажды, при происходившемъ у насъ утреннемъ приѣмѣ визитовъ, вошелъ жандармскій офицеръ... Мать моя успѣшила пригласить его въ кабинетъ; сердце у меня забилося такъ сильно, что я принуждена была выйти изъ гостиной въ свою комнату, чтобы скрыть свое невольное смущеніе. Я поняла, что появленіе жандарма имѣетъ соотношеніе съ моимъ дѣломъ, догадывалась, что генералъ Дуббельтъ извѣщаетъ мою мать объ испрашиваемомъ мною отпускѣ для Николая Ивановича. Въ головѣ моей помутилось, въ глазахъ пошли круги; обморокъ былъ близокъ. Въ это время вошла ко мнѣ мать и упавшимъ отъ волненія голосомъ проговорила: „Костомаровъ ходатайствуетъ объ отпускѣ въ Кіевъ для бракосочетанія съ тобою. Правительство, прежде нежели отпустить его, желаетъ имѣть свѣдѣнія, согласны ли на это мы съ тобою, и требуются отъ насъ подписки. Я подписала, подпиши и ты вотъ здѣсь“. Мать очень нервно сунула мнѣ перо въ руку и указала мѣсто для подписи. Ничего не видя передъ собой, кромѣ указательнаго пальца матери, я машинально исполнила приказаніе и подписала, а волненіе мое все усиливалось въ ожиданіи бури, которую предстояло вынести послѣ отъѣзда жандарма и всѣхъ нашихъ гостей. Я догадывалась, что правительство объявило моей матери о моемъ

тайшомъ ходатайствѣ отпуска для Николая Ивановича и запрашивало о ея согласіи на мой бракъ.

Мысль, что теперь уже не можетъ быть сомнѣнія въ близости времени свиданія съ Николаемъ Ивановичемъ и нашего бракосочетанія, подбадривала меня, и я твердо рѣшилась не входить болѣе съ матерью ни въ какія пререканія, молчать и стараться успокоить ее всевозможными проявленіями моихъ ласкъ и почтенія къ ней. Теперь, думалось мнѣ, уже не можетъ быть со стороны моей матери ни запрета, ни колебаній: послана въ Петербургъ подписка моей матери и моя о согласіи на бракъ мой съ Николаемъ Ивановичемъ.

Къ изумленію моему, мать ни единымъ словомъ не отозвалась ко мнѣ послѣ отъѣзда нашихъ гостей, но была серьезна и казалась нездоровой, вслѣдствіе чего не выходила и не выѣзжала изъ дому. Для меня не было никакой возможности ни писать Николаю Ивановичу, ни передать надежному лицу мое письмо для сдачи на почту. Такъ проходили томительные дни, пока, наконецъ, одна близкая знакомая наша, пожилая особа, явилась къ намъ и упростила мою мать отпустить меня погостить у нея въ деревнѣ, въ 30-ти верстахъ отъ Кіева. Это была та самая Софья Карловна Каленіусъ, у которой хранилась книга Оомы Кемпійскаго, подаренная мнѣ Николаемъ Ивановичемъ. Милая и добрая Софья Карловна питала ко мнѣ какое-то обожаніе, раздѣляла мое желаніе сохранить эту книгу, какъ дорогую память, но самымъ дружескимъ образомъ непрестанно внушала мнѣ, что если я выйду за Николая Ивановича, неизлечимо больного и лишеннаго своей ученой дѣятельности, то погибну прежде него и даже очень скоро, такъ какъ здоровье мое упало, и докторъ профес. Цыгуринъ сравниваетъ меня съ весьма тонкимъ хрустальнымъ сосудомъ, требующимъ бережливаго обращенія; притомъ характеры Николая Ивановича и его матери не таковы, чтобы они могли понять хрупкость моего организма и стумѣть сберечь меня. Она снисходительно выслушивала меня, но не соглашалась быть посредницей для корреспонденціи моей съ Николаемъ Ивановичемъ. Слезы выступали у нея на глазахъ, и она говорила: „Алина, другъ мой! прости меня, но я не могу способствовать твоему самоубійству. Вернешься въ Кіевъ — напишешь, да и Богъ знаетъ напишешь ли, если поймешь, въ чемъ дѣло: нельзя же навязываться больному человѣку, осуждающему себя на безбрачіе. Понимаю, что дальнѣйшая жизнь твоя у матери невыносима для тебя, и въ особенности потому, что мать безъ ненависти не можетъ вспомнить о Николаѣ Ивановичѣ, а

изъ-за тебя преслѣдуетъ и сестру твою. Но тебя ищутъ другіе, достойные люди, и мать страдаетъ, когда ты отказываешь каждому изъ нихъ: она сердечно желаетъ видѣть своихъ дочерей „пристроенными“. Обдумай, не лучше ли тебѣ разстаться съ матерью безъ проклятій съ ея стороны, не лучше ли тебѣ выйти замужъ, напримѣръ, за моего Мишеля? Онъ служитъ на Кавказѣ, но онъ побывалъ въ отпуску въ Кіевѣ, плѣненъ тобою — и если бы ты стала моей дочерью, какъ бы мы всѣ были счастливы!“ На мой протестъ и на мое заявленіе, что Michel слишкомъ молодъ и слишкомъ красивъ собой, чтобы за него шли „не влюбившись“ въ него, а я неспособна „влюбиться“, притомъ нервна и болѣзненна и потому не принесу счастья молодому мужу, моя добрая Софья Карловна возражала. Кончилось тѣмъ, что она предлагала мнѣ выйти, безъ всякой идеализаціи, за пожилого чело-вѣка — Петра Ѳедоровича Пинкарнелли, который уже два года какъ ищетъ моей руки: „безусловно честенъ, всѣми уважаемъ, симпатиченъ, хорошо обезпеченъ родовымъ имѣніемъ, хорошо служить, полковникъ, ожидаетъ производства въ генералы, хотя далеко не достигъ еще пятидесяти лѣтъ, скромнень и очень религиозенъ. Такой „партіей“ твоей и мать будетъ довольна, и ты будешь успокоена. Онъ не разъ просилъ меня узнать отъ тебя, не оскорбишься ли ты его предложеніемъ, такъ какъ ему извѣстны твои надежды на пріѣздъ Николая Ивановича“.

Я отвѣтила: „Душевно уважаю Петра Ѳедоровича, почему и прошу васъ, вмѣсто моего отвѣта, дать ему прочесть то, что написано моимъ женихомъ на принесенной мнѣ имъ въ подарокъ книгѣ; я увѣрена, что по этой одной надписи Петръ Ѳедоровичъ оцѣнитъ моего жениха и пойметъ, что замѣнить его другимъ я не могу“. — Надпись была прочтена, и добрый Пинкарнелли, вздохнувши, сказалъ моей старой подругѣ, что ему не равняться съ Николаемъ Ивановичемъ и онъ только позволяетъ себѣ остаться съ одинаковыми ко мнѣ чувствами безпре-дѣльной любви и уваженія.

Послѣ возвращенія моего въ Кіевъ изъ деревни, чуть ли не съ перваго дня мать моя прямо объявила мнѣ, что „Костомаровъ, какъ видно, не пріѣдетъ въ Кіевъ“, и безъ обиняковъ заявила мнѣ требованіе выйти замужъ за другого. Меня возмутило такое насиліе. Протесты не помогли. Я сказала матери, что я и сестра моя уже пріискиваемъ себѣ службы въ институтѣ и потому просимъ ее отпустить насъ и тѣмъ успокоиться самой и намъ дать покой.

„А въ монастырь не желаете ли? Я не пущу васъ въ услу-

женіе ни за что: это для меня унижительно. Какъ непослушныхъ и непочтительныхъ дочерей, я уприму васъ скорѣе въ монастырь, откуда ужъ не выйдете; лучше выходите замужъ — будете свободны, покойны и меня успокоите“.

Не смотря на то, что моею сестрѣ было 21 годъ, а мнѣ 20, мы были по своему воспитанію такъ наивны, что и понятія не имѣли о человѣческихъ правахъ по достиженіи совершеннолѣтія по закону. Идти жаловаться на мать и кому? — такіе вопросы для насъ оставались неразрѣшимыми, да и самая мысль о нихъ казалась преступной...

Тутъ черезъ М. Ив. Стемпковскую я получила отъ Николая Ивановича письмо такого содержанія, которое мало что повергло меня въ отчаяніе, разбило всѣ надежды, но и глубоко оскорбило меня. Въ нѣсколькихъ сильныхъ строкахъ Николай Ивановичъ выразилъ, что я, ни на что не глядя, слишкомъ настойчиво тороплю его пріѣхать въ Кіевъ: ужъ не покинута ли я какимъ-либо другимъ женихомъ?!.. Убитая и оскорбленная такой выходкой, я невольно простилась съ Николаемъ Ивановичемъ навсегда — и хотя поняла, что такое подозрѣніе не могло возникнуть у Николая Ивановича, а внушено близкой особой, но я не могла помириться съ безхарактерностью, допустившею жениха бросить незаслуженное оскорбленіе въ лицо своей невѣстѣ. Подъ гнетомъ душевной боли я додумалась, что заявить такое подозрѣніе можно только дѣвушкѣ, которую не уважаешь, а стало быть не любишь, но съ которою послѣ двухъ-трехъ лѣтъ разлуки соглашались вступить въ бракъ только въ силу сдѣланнаго въ оное время предложенія. Но тутъ надвигалась мысль, почему же Николай Ивановичъ такъ обрадовался въ Саратовѣ первому полученному отъ меня письму, послѣ двухъ лѣтъ разлуки? Если бы не любилъ, не обрадовался бы и не велъ бы со мной переписки въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ! Ясно: онъ написалъ мнѣ такую гадость подъ внушеніемъ... его вооружаютъ противъ меня заранѣе... готовится семейный адъ въ будущемъ! Я не рѣшилась написать Николаю Ивановичу о моей догадкѣ, чтобы не воздавать подозрѣніемъ за подозрѣніе, и отвѣтила только, что ищущіе моей руки не отвернулись отъ меня, и хотя въ ихъ числѣ есть достойнѣйшіе люди, но я замужъ не выйду. Такъ чувствовала и думала я въ то время. Судилось мнѣ иное!..

Писемъ отъ Николая Ивановича я болѣе не получала. Мать моя не упоминала о немъ, была здорова и покойна, а я расхворалась. Тяжело было переживать все здѣсь описанное.

М. И. Стемповская, являясь къ намъ, выражала мнѣ (по секрету) соболѣзнованіе, что нѣтъ писемъ изъ Саратова и что вѣроятно ихъ гдѣ-нибудь перехватываютъ. Вскорѣ она и совсѣмъ перестала бывать у насъ.

Описывать дальнѣйшее теченіе моей жизни въ материнскомъ домѣ нѣтъ силъ. У кого будетъ желаніе и терпѣніе прочесть 33 моихъ письма, посланныхъ въ Саратовъ и сбереженныхъ Николаемъ Ивановичемъ до конца его дней, тому станетъ понятною нравственная пытка, поведшая меня, по указанію моей матери, подъ вѣнецъ съ прекраснымъ, но почти неизвѣстнымъ мнѣ человекомъ.

Изъ числа лицъ, искавшихъ въ то время моей руки, Петръ Ѳедоровичъ Пинкарнелли былъ устраненъ моею матерью по ея личнымъ видамъ, а въ избранномъ ею для меня Маркѣ Дмитриевичѣ Кисель она обрѣла неуклоннаго исполнителя ея главнаго желанія—найти въ мужѣ моемъ покровителя остающейся въ дѣвицахъ сестрѣ моей Стефаніи. П. Ѳ. Пинкарнелли находилъ ее несимпатичной и имѣлъ неосторожность выразиться, что третье лицо никогда не желательно въ домѣ новобрачныхъ. За то онъ и потерялъ меня по волѣ моей матери.

Я не удержалась, чтобы не проститься съ Николаемъ Ивановичемъ письменно. Кратко и безъ упрековъ я написала ему, что послѣ всего происшедшаго и въ силу обстоятельствъ я нашлась вынужденною отдать свою судьбу на волю моей матери. По этой волѣ я на-дняхъ буду обвѣнчана съ человекомъ, ею избраннымъ мнѣ въ мужа. Николаю Ивановичу я пожелала здоровья и возможнаго счастья. Отвѣтное письмо его, переданное мнѣ уже послѣ моего вѣнчанья Стемповскою, было проникнуто глубокою скорбью. Оно жгло мнѣ душу... Приложивши его къ наболѣвшей груди, я опустила на колѣни передъ кивотомъ съ иконами, безмолвно молилась, съ закрытыми глазами, а когда опомнилась, то встала и поднесла письмо Николая Ивановича къ лампадкѣ, горѣвшей у моихъ иконъ... „Все кончено!“ —твердила я— „все кончено!“

О моемъ вѣнчаніи могу сказать только то, что мать моя приняла всѣ мѣры, чтобы не произошло какого-либо замѣшательства, могущаго открыть нравственное надо мной насиліе. Такъ, священникъ меня не спросилъ: не общалась ли я кому-либо другому и по доброй ли волѣ вѣнчаюсь. Везла меня къ вѣнцу моя добрая Софья Карловна Каленіусъ, и во время этой поѣздки почему-то спросила меня: „Скажи, чтѣ должна я сдѣлать съ твоей книгой, отданной мнѣ тобою на храненіе?“ Я

отвѣтила: „Отдадите мнѣ ее тогда, когда будете убѣждены, что я могу спокойно глядѣть на нее“.—Это было 11 ноября 1851 г.

Итакъ, главными дѣятелями для достиженія разлуки моей съ Николаемъ Ивановичемъ были: самъ Николай Ивановичъ, считавшій въ оное время долгомъ чести извѣстить мою мать о своей мнимонепызлечимой болѣзни, при которой не слѣдуетъ вступать въ бракъ,—и двѣ наши матери, обѣ горячо любившія своихъ дѣтей и считавшія своимъ материнскимъ правомъ устраивать ихъ счастье и разстраивать ихъ браки сообразно своимъ воззрѣніямъ.

Черезъ педѣлю послѣ моей свадьбы мать моя привезла ко мнѣ сестру мою для постоянного при мнѣ жительства. Сестра сопровождала насъ повсюду, куда приходилось переѣзжать по дѣламъ военной службы моего мужа. Меня утѣшало сознаніе, что страданія моей сестры изъ-за меня прекратились. Маркъ Дмитриевичъ относился къ пей какъ добрый старшій братъ. Отъ насъ она вышла замужъ въ 1856-мъ году.

Я прожила съ М. Д. Кисель 19-ть лѣтъ. Онъ уважалъ мои чувства по отношенію къ Николаю Ивановичу и никогда не трогалъ больнаго мѣста души моей, т.-е. не упоминалъ о моемъ прошломъ. Въ 1860-мъ году я лечилась въ Кіевѣ, въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, отъ тяжелой болѣзни. Когда выздоровленіе шло замѣтнымъ образомъ, врачи предписали мнѣ прогулки, сначала въ экипажѣ, затѣмъ пѣшкомъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ я зашла въ магазинъ, гдѣ были выставлены портреты Николая Ивановича и купила одинъ изъ нихъ. Зиму съ 1862 по 63 годъ мы проводили въ Кіевѣ, гдѣ я вновь была подъ наблюденіемъ врачей. Одна изъ посѣщавшихъ меня знакомыхъ спросила меня, извѣстно ли мнѣ, что въ кіевскихъ книжныхъ магазинахъ выставлена книжечка—новое сочиненіе Николая Ивановича, посвященное мнѣ. Когда я отвѣтила, что поспѣшу приобрѣсти эту книжку, мужъ мой тотчасъ поѣхалъ въ магазинъ и привезъ мнѣ ее. Это была драма „Кремуцій Кордъ“. На второмъ заглавномъ листкѣ я прочла дорогое для меня свидѣтельство, что, не смотря на 15 лѣтъ, протекшихъ со времени нашей разлуки, Николай Ивановичъ сохранилъ обо мнѣ добрую память. Вотъ то посвященіе: „Посвящается незабвенной А. Л. К. на память 14-го іюня 1847-го года“.

Это день послѣдняго нашего свиданія. Оно произошло въ Петропавловской крѣпости, въ пріемной коменданта Н. Н. Скобелева. Впереди текста драмы „Кремуцій Кордъ“ имѣется эпитафій изъ поэмы Мицкевича „Konrad Walenrod“:

Lecz dotąd w mojem zachowalaś lonie
Tęz same oczy, twarz, postawę, szaty:

Tak motyl piękny, gdy w bursztyn utonie,
Na wieki całą zachowuje postać... ¹⁾.

Зиму съ 1864 на 1865 годъ мы съ мужемъ провели въ Петербургѣ. Мнѣ случилось встрѣтиться съ Николаемъ Ивановичемъ на тротуарѣ Невскаго проспекта. Съ трудомъ я узнала его, да и то больше по походкѣ и по крайней оригинальности зимней шапки, изъ-подъ мѣховой опушки которой блестяли золотые очки. Онъ, конечно, не только не узналъ меня, по причинѣ своей близорукости, но и не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на то, что я остановилась, поровнявшись съ нимъ. Я стояла и глядѣла ему вслѣдъ, пока другіе пѣшеходы не заслонили его отъ моихъ глазъ. Прийдя въ свое помѣщеніе, я рассказала мужу о своей встрѣчѣ. Онъ отвѣтилъ, что Николаю Ивановичу было бы отрадно, если бы я его окликнула, и онъ не отказался бы посѣтить меня. Я возразила: „Зачѣмъ бередить старыя раны! Если бы я узнала, что онъ не имѣетъ своей семьи или женатъ, но не вполнѣ счастливъ, то и ему и мнѣ было бы очень тяжело. Нѣтъ! я не хочу и не могу говорить съ нимъ. Я поглядѣла на него, какъ на дорогой моей душѣ памятникъ прошлаго, и... конецъ!“

Въ 1870-мъ году добрый и до послѣдняго своего вздоха обожавшій меня мужъ мой скончался. Изъ троихъ, бывшихъ тогда въ живыхъ, дѣтей нашихъ старшему было всего 15 лѣтъ, младшей дѣвочкѣ—8 лѣтъ. Похоронивъ мужа въ Кіевѣ, рядомъ съ незабвеннымъ вотчимомъ моимъ, я возвратилась въ село Дѣдовцы, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, въ родовое имѣніе мужа, гдѣ мы проживали съ весны 1865 г., по причинѣ неизлечимой болѣзни его. Много непосильныхъ заботъ лежало на моихъ плечахъ; особенно тяготила меня тяжба съ сонаслѣдниками мужа за имущество, оставшееся послѣ его дяди. Право на отысканіе имущества было передано мнѣ мужемъ при его жизни по „улиточной“ записи ²⁾, и я обязана была довести до конца дѣло, начатое въ 1857-мъ году. Если хватить у меня времени, я опишу эту, чуть не двадцатилѣтнюю процедуру отысканія наслѣдства и тотъ дневной и безпрепятственный грабежъ,

¹⁾ До сей поры въ груди ты сохранилъ мой
Все тѣ-жь: глаза, лицо, осанку, одѣянье.
Такъ чудный мотылекъ, застывшій въ янтарѣ,
Наружность вѣкъ хранить роскошнаго созданья.

По переводу В. Г. Бенедиктова.—В. К.

²⁾ Особый, допускаемый закономъ только въ губерніяхъ малороссійскихъ (Полтавской и Черниговской) актъ, которымъ соучастникъ общаго владѣнія или наслѣдства можетъ передать свое право другому лицу.—В. К.

которому подвергалось отысканное судебнымъ порядкомъ, но еще не выдѣленное мнѣ родовое имѣніе. Николай Ивановичъ впоследствии просилъ меня описать этотъ разгромъ, какъ весьма характерное свидѣтельство правовъ того времени и беззащитности имуществъ, не смотря на „судъ правый, скорый и милостивый“¹⁾.

Годы моего вдовства, 1870—1874, я посвятила исключительно веденію хозяйства въ деревнѣ и заботамъ о судебномъ выдѣлѣ слѣдуемой мнѣ части отыскиваемого имущества. Дѣти мои воспитывались въ Кіевѣ и пріѣзжали ко мнѣ, вмѣстѣ съ моей матерью, на лѣто въ Дѣдовцы. Въ 1872-мъ году ближайшій мой сосѣдъ и мужъ моей дорогой сосѣдки въ Дѣдовцахъ М. П. Совченко, навѣщая меня вмѣстѣ съ женой ежедневно, какъ-то полупути, изъ желанія развлечь меня и посмѣшнить, сказалъ мнѣ, что его „просили“ двое изъ землевладѣльцевъ Прилукскаго уѣзда помочь имъ чаще видѣться со мною, въ виду того, что я живу затворницей, нигдѣ не бываю и никого, кромѣ своего сельскаго „батюшки“ и добрыхъ сосѣдей Совченковыхъ, не принимаю. На такое сообщеніе я отвѣтила, что подобныя шутки не вызываютъ смѣха у меня, а несдержанный языкъ хорошаго знакомаго мужа моей дорогой „Маріули“ болталъ: „хорошіе, прекрасные женихи у нашей „Худобки“²⁾—вдовцы, оба съ хорошимъ состояніемъ и по всему достойные“. „Да пусть и достойнѣйшіе, но я, кажется, не заслуживаю отъ васъ такого обо мнѣ сужденія, что въ 42 года жизни, при тронхъ дѣтияхъ и при всемъ моемъ прошломъ, я способна думать о новомъ бракѣ“.

„Голубочко! не обижайтесь на Александра, — сказала жена его, моя Маріуля:—онъ не хотѣлъ сказать вамъ непріятность,— ну, а относительно брака, развѣ бы вы не приняли его, если бы явился съ такимъ предложеніемъ къ вамъ Н. И. Костомаровъ?“

¹⁾ Сколько мнѣ извѣстно, А. Л. не удалось осуществить это ея намѣреніе и исполнить желаніе Николая Ивановича. Сожительство съ Николаемъ Ивановичемъ поглощало все время и силы А. Л. на заботы о здоровьѣ надломленнаго организма Николая Ивановича и на весьма дѣятельное сотрудничество въ его литературныхъ трудахъ. Послѣ смерти Николая Ивановича и затѣмъ послѣ потери весьма любимой ею дочери здоровье А. Л., въ особенности состояніе зрѣнія, настолько стало ухудшаться, что ей приходилось особенно экономить силы и время, чтобы исполнить безусловно необходимое, которымъ она считала личное корректированіе новторныхъ изданій сочиненій Николая Ивановича и составленіе публикуемыхъ здѣсь записокъ ея. Въ послѣдніе годы А. Л. работала только однимъ глазомъ и для сохраненія его должна была очень остерегаться его напряженія. Диктовать же работу кому-либо она не могла.—В. К.

²⁾ Худоба по-малороссійски означаетъ имущество, но какъ я по худобѣ своего тѣла казалась очень изнуренной, то сосѣдъ въ одномъ выраженіи „худобка“ совмѣщала и кличку для меня.

— Это иной вопрос!—возразила я:—не знаю, не знаю, да зачѣмъ и думать о томъ, что невозможно!

Прошло мѣсяца два послѣ этого разговора съ сосѣдами. Я бывала у нихъ по воскресеньямъ. Наши сады были смежны, и калитка вела изъ одного въ другой. Я застала у сосѣдей одного изъ болѣе дальнихъ сосѣдей, недавно окончившаго курсъ Кіевскаго университета и только-что пріѣхавшаго изъ Кіева. Между прочимъ, онъ разсказалъ о самой крупной кіевской новости: „былъ въ Кіевѣ нѣсколько дней Костомаровъ проѣздомъ въ Екатеринославъ, но какъ теперь въ Кіевѣ холера, то Николай Ивановичъ, прихворнувшій нѣсколько желудкомъ, поспѣшилъ покинуть Кіевъ“.

— Счастливъ я, — сказалъ молодой человекъ, — что видѣлъ Костомарова и бесѣдовалъ съ нимъ. Старикъ онъ, сѣдой, беззубый, а энергичн масса. Изъ Кіева мы всѣ, его почитатели, проводили на вокзалъ: онъ уѣхалъ въ Екатеринославъ и оттуда въ Крымъ для морского купанья. Въ июль 1874-го года, т.-е. черезъ два года, онъ проведетъ въ Кіевѣ больше мѣсяца, т.-е. все время занятій археологическаго съѣзда.

Для меня это была дѣйствительно самая свѣжая вѣсть о Николаѣ Ивановичѣ. О его жизни въ Петербургѣ я ничего не знала, да и спрашивать было не у кого.

Въ зиму съ 1872 на 73-й годъ я была удручена разгромомъ той части моего имущества, о видѣлѣ которой судебнымъ порядкомъ сталъ ходатайствовать въ Полтавѣ опытный и очень свѣдущій присяжный повѣренный Квачевскій. Тутъ же подкралась ко мнѣ и болѣзнь. Я ѣздила въ Кіевъ на Рождественскіе праздники, чтобы провести ихъ съ дѣтьми и вмѣстѣ съ тѣмъ полечиться. Лучшіе кіевскіе врачи нашли мои недуги настолько серьезными, что запретили мнѣ заниматься хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что и двигаться я рѣшительно не могла, а только лежала или сидѣла въ креслѣ. Поэтому мнѣ пришлось сдать свои маленькіе Дѣдовцы въ аренду. Почти все лѣто 1873-го года я плохо владела ногами, больше лежала и ожидала окончанія каникулъ, чтобы везти дѣтей въ учебныя заведенія въ Кіевъ и тамъ остаться въ квартирѣ моей матери для болѣе продолжительнаго леченія у кіевскихъ врачей. Нервы мои были въ такомъ крайне разстроенномъ состояніи, что я стала уже бояться за свою жизнь, а она была тогда нужна моимъ дѣтямъ.

Алина Костомарова.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

Въ вершинахъ деревьевъ, въ дали необъятной
О чемъ вѣтеръ шепчетъ и что говорить?
Ласкаетъ, баюкаетъ шопотъ невнятный
И смутною риемой какой-то звенить.

* * *

Измучено сердце мое, мать-природа,
И, чувствую, близится жизни предѣлъ.
А все же мнѣ сердце—будь горе, невзгода—
Растрогать всегда шопотъ вѣтра умѣлъ.

М. Ватсонъ.

ЗАТРАВИЛИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Маленькая Оля сидѣла въ своей комнаткѣ и учила урокъ по закону Божьему. Изъ столовой къ ней доносились громкіе голоса. Ея отецъ, Петръ Сергѣевичъ Мусинъ, по обыкновенію горячо спорилъ о чемъ-то со своимъ пріятелемъ и сослуживцемъ Васильевымъ. На улицѣ шелъ дождь; слышно было, какъ въ оконныя стекла ударили дождевыя капли.

Оля, заткнувъ уши, старательно выводила вполголоса слова Нагорной проповѣди. Шумъ дождя и громкій споръ взрослых отвлекали ея вниманіе.

— Нѣтъ-съ, милѣйшій Иванъ Ивановичъ, — доносился изъ столовой отцовскій голосъ, — такъ нельзя. Мы все время витаемъ въ облакахъ, думаемъ объ общественной пользѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно не умѣемъ бороться съ жизнью...

... „блаженни милостивіи, яко тии помилованы будутъ... блаженни милостивіи, яко...“ — стараясь не слушать, зубрила Оля.

— Барышня, чтой-то я у тебя спрошу, — дверь въ комнату отворилась, и въ ней показалась толстая фигура кухарки Василисы: — самоваръ-отъ пора подавать?

... „яко тии утѣшатся“ ... Ахъ, Василиса! Спроси у папы...

Кухарка ушла, но настроеніе у Оли уже было испорчено. Она машинально прочла еще нѣсколько разъ трудныя слова урока, вздохнула и задумалась.

Оля шелъ двѣнадцатый годъ; она училась во второмъ классѣ гимназiи. Дѣвочка она была худенькая, хрупкая, съ большими черными глазами, вѣчно какъ будто испуганными. Застѣчивая и робкая, она боялась учителей, классныхъ дамъ, начальницы. Училась, несмотря на всѣ свои старанiя, плохо, при малѣйшемъ окрикѣ со стороны взрослыхъ сразу терялась и, отъ страха и волненiя, совсѣмъ не могла говорить. Вотъ и сегодня, Оля шла по коридору, а навстрѣчу ей начальница. Оля поторопилась, хотѣла сдѣлать реверансъ, поскользнулась и упала. Ученицы засмѣялись. А начальница разсердилась и закричала: „Что за неловкая дѣвочка!“ Тутъ пробилъ звонокъ, Оля побѣжала въ классъ и только успѣла сѣсть за парту и выпнуть книги, какъ пришла учительница географiи и вызвала ее къ доскѣ. Оля не могла сказать ни одного слова. А урокъ вѣдь она приготовила хорошо. Вотъ и сейчасъ помнитъ, что Китайская имперiя имѣетъ восемнадцать провинцiй, а вѣшнiй Китай состоитъ изъ семи; и города тоже помнитъ: Пекинъ, Нанкинъ, Кантонъ, Шанхай... А учительница поставила ей двойку... Вотъ папа говоритъ: „надо бороться съ жизнью“. Развѣ она не борется? у нея уже заведено: десять разъ каждый урокъ...

— Оля! Иди, налей намъ чаю.

Дѣвочка очнулась при голосѣ отца, мелькомъ заглянула въ книгу и пошла въ столовую.

— Вотъ я и говорю: мы ужасно пассивны, ничего не знаемъ, ничего не умѣемъ. Какой тутъ социализмъ, когда мы даже не научились быть приличными буржуа, сознающими свое достоинство и силу. А какъ мы воспитывались? Стыдно сказать. Нѣтъ, своей дочери я дамъ другое воспитанiе, чѣмъ получилъ самъ. Пусть съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнетъ бороться съ жизнью и заботиться о себѣ... Кстати, Оля, ты уроки приготовила?

— Не всѣ, папочка, по закону очень трудно...

— У васъ кто законоучителемъ? Отецъ Вознесенскiй? — Гость, толстенькiй господинъ съ большой лысиной, ласково смотрѣлъ на Олю. — Знаю я его, строгiй попъ, трудно на него угодить...

— Онъ несправедливый, — сказала дѣвочка, наливая гостю чаю. — Онъ меня недавно спрашивалъ о молитвѣ Господней. Я ему все вѣрно отвѣчала. А Маня Иваницкая его спрашиваетъ: „Зачѣмъ учить другiя молитвы, если Иисусъ Христосъ велѣлъ читать одну?“ Батюшка разсердился, ей единицу поставилъ, а мнѣ двойку. А я не виновата...

— Не понимаю, — перебилъ Олю отецъ, — зачѣмъ въ школахъ преподають законъ Божій? Палкой вѣрить не заставишь. Религія — это дѣло совѣсти каждаго человѣка. Преподаваніе морали, это, пожалуй, — да, если хотите, необходимо. Но не ветхій, не новыи завѣтъ, извращенныя біблія и евангеліе... А это нехорошо, что ты двойку-то получила. Набей мнѣ папиросъ да иди заниматься, постарайся не получать двоекъ.

Оля наскоро допила свою чашку, набила отцу папиросъ и опять ушла въ свою маленькую комнату доучивать уроки.

II.

Классная дама, Зинаида Исидоровна, дѣвица лѣтъ сорока, худая и длинная, безцвѣтными выпуклыми глазами строго оглянула ученицъ, тихо сидѣвшихъ за партами, и, поднявъ на лобъ свои очки, громко сказала:

— Скажите мнѣ: кто вы такія? Уличныя дѣвчонки или мои воспитанницы? Сколько разъ я вамъ говорила: на молитвѣ нужно стоять молча, благоговѣнно, а вы стрекочете, какъ сороки.

Былъ первый урокъ. Учитель французскаго языка, по-обыкновенію заигравшись въ клубѣ до ранняго утра, опоздалъ къ началу занятій, и классная дама, воспользовавшись свободнымъ временемъ, читала дѣтямъ нотацію. Дѣвочки сидѣли смирно и во всѣ глаза смотрѣли на сердитую воспитательницу.

— Безстыдницы! Скверно учитесь, шалите, ничего не дѣлаете, старшихъ не уважаете, на молитвѣ ведете себя неприлично, шепчетесь, совершенно не похожи на воспитанныхъ дѣвицъ...

Долго еще томила своими причитаніями классъ Зинаида Исидоровна. Наконецъ, выдохлась, сѣла на стулъ и вызвала дежурную.

— Ну, кого сегодня нѣтъ?

Дежурная дѣвочка съ бойкими карими глазенками торопливо стала перечислять:

— Высоцкой, Глаголевой, Мусиной, Пандоцуло...

Въ это время дверь класса робко отворилась, и въ ней показалась маленькая фигурка Оли.

— А-а, — протянула классная дама, — изволили прибыть?.. Ты что же это опаздываешь къ урокамъ, не исполняешь обязанностей? Всѣ работаютъ, занимаются, а ты валандаешься, на

постели валяешься, а потомъ чай распиваешь, въ гимназію опаздываешь, негодяйка этакая! Вотъ останься послѣ уроковъ, посиди. Позже пришла, позже и уйдешь!

Оля пыталась что-то сказать въ свое оправданіе, но отдѣльные слова: папа... кухарка... самоваръ... были заглушены громкимъ голосомъ надзирательницы, дребезжащимъ, какъ извозчичьи дрожки по мостовой...

Оля тихонько сѣла на мѣсто, украдкой стараясь стереть платкомъ набѣгавшія на глаза слезы. Въ классѣ была томительная тишина. Понагавныя дѣвочки боялись шевельнуться, и только слышенъ былъ шелестъ перелистываемаго журнала въ рукахъ классной дамы.

— А вотъ и я!— Въ классъ шумно вбѣжалъ толстый розовый человѣкъ, французъ Дебре. Господинъ очень жизнерадостный, легкомысленный, но не злой. Онъ любилъ острить, шутить съ гимназистками, и хотя довольно сносно говорилъ по-русски, но, чтобы посмѣшить публику, часто коверкалъ русскія слова. Реалисты и гимназистки старшихъ классовъ характеризовали этого педагога куплетами изъ Беранже:

„Какъ яблочко румянь,
Одѣтъ весьма безопасно,
Не то, чтобъ очень пьянь,
Но весель безконечно“...

Дебре галантно подошелъ къ классной дамѣ и, памятуя, что къ ней очень благоволила начальница, расшаркался и попросилъ извиненія, что заставилъ себя ждать. Зиваида Исидоровна, жеманно улыбаясь и подбирая свои юбки, уступила мѣсто педагогу, а сама пересѣла къ окну. Дебре смѣшливыми глазами оглядѣлъ классъ.

— А та-та-та! Почему mademoiselle Мусина такая печальная? Venez-ici, я васъ развеселю. Какъ будетъ futur simple отъ глагола s'amuser?— Дебре въ эту ночь выигралъ въ клубѣ двадцать рублей, и потому былъ очень веселъ.

Оля молчала. Ее пугали грозные взгляды, бросаемые на нее классной дамой.

— Не знаете? Некаррошо! Eh bien, passé défini? Тоже не знаете? Ну, со временемъ узнаете! Садитесь...

Пробилъ звонокъ. Дебре, поспѣшно задавъ урокъ, выкатился изъ класса. Ушла и Зиваида Исидоровна. Ученицы вздохнули свободно.

Дѣвочки окружили Олю, стараясь утѣшить плачущую подругу.

— Оля, не плачь! Французъ ничего не поставилъ, я видѣла...

— Ты почему опоздала?..

— Папа вчера всѣ папиросы выкурилъ, а Василиса не разбудила меня пораньше, — съвозъ слезы объясняла подругамъ Оля, — и самоваръ опоздалъ...

— Скверно! Самовара-то не накажутъ, а тебя наказали!..

— Ой, дѣвочки, какая злюка Сидориха! Чистая вѣкимора. Я думаю, что она когда-нибудь отъ злости лопнетъ!..

— А и взаправду лопнетъ!..

— Худая больно!..

Ученицы говорили всѣ сразу, щебеча, какъ стая птичекъ на крышѣ дома.

III.

Начальница гимназіи, Каролина Федоровна фонъ-Бокъ, сидѣла въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. А передъ ней, въ почтительной позѣ, стояла надзирательница седьмого класса Рѣдникова, рыжеватая, вертлявая барышня, и что-то шипящимъ голосомъ докладывала. Начальница фонъ-Бокъ или, какъ ее обыкновенно звали, баронесса была дама очень толстая. Сѣдые локоны обрамляли пухлое лицо со вздернутымъ носикомъ, на которомъ еле-еле держалось пенснэ. Глазки у нея были маленькіе, заплывшіе. И вся она была похожа на жирную кошку, особенно когда она бывала чѣмъ-либо разсержена и глазки ея сверкали зеленоватымъ свѣтомъ.

Рѣдникова рассказывала, какъ на-дняхъ въ квартирѣ земскаго врача Перова была вечеринка по случаю именинъ его дочери-гимназистки. На этой вечеринкѣ, кромѣ учащихся, были и взрослые, а также высланный въ ихъ городъ подъ надзоръ полиціи бывшій студентъ Переверзевъ.

Понижая голосъ до едва слышнаго шопота, классная дама говорила:

— Представьте, баронесса, они даже не танцовали. А сидѣли и слушали этого лохматого недоучку, а что говорилъ имъ Переверзевъ, это прямо ужасно! Онъ говорилъ, что въ Россіи можетъ быть республика...

Грузная фигура начальницы при послѣднихъ словахъ даже какъ-то осѣла на креслѣ, и она взволнованно прервала на-персницу:

— Не можетъ быть! Это ужасно...

— Какъ не можетъ быть, баронесса, это правда... Во время ужина всѣ пѣли „Отрѣшимся отъ стараго міра“, а потомъ докторъ запѣвалъ „Дубинушку“.

— Откуда такія подробности? Вы, что-ли, сами тамъ были?

— Ахъ, баронесса, какъ можете вы такъ думать! Мнѣ все это рассказала Сойкина, а она была тамъ. Хотя Сойкина не дружна съ Перовой, но она нарочно еще днемъ была у нея и подарила альбомъ. Перова и пригласила Сойкину на вечеръ. Я не скрою, баронесса, подобный планъ Сойкиной посовѣтовала я и даже денегъ дала на подарокъ. Но Сойкина такая милая дѣвочка, такая правдивая и правдивая, что я невольно отмѣчаю ее среди другихъ. Ей бы слѣдовало, баронесса, найти хорошій урокъ; она меня объ этомъ просила...

Въ дверь постучались. Вошла Зинаида Исидоровна.

— Что, баронесса, прикажете сдѣлать съ ученицей Лебедевой? Она опять самовольно ушла съ уроковъ.

— Ахъ, я такъ взволнована, дорогая моя, такъ взволнована!.. Скажите при случаѣ ей отцу. Но только, пожалуйста, въ легкой формѣ. Вѣдь онъ, какъ городской голова, имѣетъ для нашей гимназіи большое значеніе... А вамъ, mademoiselle Рѣдникова, я поручаю разслѣдовать все о вечеринкѣ. На ближайшемъ педагогическомъ совѣтѣ мы рѣшимъ, какъ оградить гимназію отъ заразы.

— Только я васъ попрошу, баронесса, никому не говорить отъ кого я получаю свѣдѣнія.

— Ну, конечно, милая. Это наша педагогическая тайна, и безъ такихъ средствъ нельзя обойтись въ школѣ.

Кабинетъ началъ наполняться другими классными дамами, преподавателями и учительницами. Было 20-ое число, и всѣ спѣшили послѣ уроковъ получить свое жалованье. Слухъ о неразрѣшенной вечеринкѣ извѣстенъ былъ почти всѣмъ, и теперь служилъ общей темой для разговоровъ. Рѣдникова съ таинственнымъ видомъ передала нѣсколько пикавтиныхъ подробностей. Докторъ Перовъ со своей дочерью послѣ ужина проплясалъ кежъ-уокъ, а бывший студентъ Переверзевъ, подъ аккомпаниментъ одной гимназистки, пропѣлъ сочиненные имъ на гимназическое начальство куплеты.

— Это любопытно! — заинтересовался Денре, небрежно засовывая полученное жалованье въ карманъ жилета и перевертываясь на одной ножкѣ. — Oh-la la! Это любопытно! Вы не знаете что именно?

— Неизвѣдительно и преступно! — отозвался законоучи-

тель.—Врачъ Перовъ человѣкъ превратныхъ мыслей и предосудительнаго образа жизни. Необходимо давно обратить вниманіе не только наше, но и другихъ властей на то обстоятельство, что домъ господина Перова является очагомъ крамолы и большого соблазна для мирныхъ обывателей нашего города.

— Ахъ, отецъ Иванъ, отецъ Иванъ, вы совершенно правы,— поддержала законоучителя начальница.—Но что же дѣлать? Такъ много работы, за всѣмъ не услѣдишь... Къ тому же и нашъ предсѣдатель, почтенный Иванъ Адамычъ, такъ некстати заболѣлъ... Придется подождать до слѣдующей недѣли, когда будетъ педагогическій совѣтъ... Кому я еще не дала жалованья? Всѣ получили? До свиданія!

Преподаватели, почтительно откланявшись начальницѣ, съ веселыми лицами, переговариваясь и смѣясь, уходили домой. Зиваида Исидоровна, старательно засунувъ свое жалованье во внутреннее отдѣленіе кошелька, незамѣтно подняла верхнюю юбку, и спрятала кошелекъ въ карманъ нижней. Ее торопила учительница географіи итти вмѣстѣ съ ней въ магазинъ, въ которомъ была назначена распродажа дамскихъ вещей.

— Кстати, фуфайку себѣ выберу,—подумала Зиваида Исидоровна.

— А я васъ за это угощу шоколадомъ,—и учительница географіи, подхвативъ подъ руку классную даму, потащила ее одѣваться.

IV.

Кончились занятія. Усталая молодежь, наскоро сложивъ свои учебники и тетради, несмотря на грозные окрики надзирательницъ, толкаясь и перегоня другъ друга, спѣшила уйти отъ давящихъ стѣнъ и духоты на вольный воздухъ, гдѣ нѣтъ назойливаго контроля, томительныхъ уроковъ и того нервнаго напряженнаго состоянія, какое переживаетъ большинство учащихся, сидя на партахъ и ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ вызовутъ къ доскѣ и спросятъ. Въ раздѣвальной постепенно смолкаетъ гулъ молодыхъ голосовъ, въ послѣдній разъ громко хлопаетъ выходная дверь; въ длинныхъ коридорахъ и пустыхъ классахъ дѣлается непривычно тихо и мрачно. Сѣрыя стѣны кажутся какъ будто еще сѣрѣе, грязный, давно некрашенный полъ—еще грязнѣе. Классная доска съ забытой на ней географической картой выдѣляется страннымъ пятномъ среди тоскливой пустоты класса.

Въ нижнемъ коридорѣ слышался смѣхъ и отдаленный разговоръ уходящихъ домой преподавателей. И опять все тихо...

Въ глубинѣ классной комнаты на одной изъ заднихъ партъ сидитъ маленькая дѣвочка и, закрывъ лицо руками, горько, беззвучно плачетъ. Это Оля Мусипа... Давно ушли ея подруги. Онѣ уже дома. А она сидитъ одна, безъ обѣда, за то, что опоздала на уроки. У Оли болитъ голова. Она не высалась. Вчера легла поздно, а ночью ее разбудилъ звонокъ отца, вернушагося изъ клуба, куда онъ ушелъ со своимъ гостемъ. Нѣсколько разъ пыталась Оля попросить прощенія у Зинаиды Исидоровны и объяснить ей причину своего опозданія, но то мѣшала ей ея обычная робость, то классная дама была чѣмъ-либо занята. И вотъ Оля сидитъ одна въ уже полутемномъ классѣ, такая маленькая, несчастная, заброшенная. Всѣ на нее сердятся, всѣ ею недовольны. Даже папа, и тотъ... Развѣ она не старается дѣлать все, что слѣдуетъ. Охъ, какъ тяжело бороться съ жизнью! Особенно, когда нужно выучить уроки. Батюшка требуетъ отвѣта слово въ слово и кричитъ и бранится, если что-нибудь забудешь. Французъ насмѣхается... Скоро четверть. У Оли будутъ двѣ двойки... Слезы сильнѣе закапали у бѣдной дѣвочки. Маленькій платокъ былъ совершенно мокръ, и Оля вытирала глаза передникомъ... Около печки что-то заскребло и зашуршало. Она испуганно посмотрѣла туда. Небольшой мышенокъ, забавный и веселый, выбѣжалъ изъ какой-то щелки и старательно возился въ углу съ обѣдкомъ колбасы. Дѣвочка съ удивленіемъ смотрѣла на хорошенькаго звѣрька, который, не замѣчая ея присутствія, съ аппетитомъ утолялъ свой голодь. Олѣ тоже захотѣлось ѣсть. И она стала думать о томъ, какъ придетъ папа, Василиса накроетъ на столъ, и въ четыре часа они сядутъ обѣдать. И Оля съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда придетъ дежурная классная дама и отпуститъ ее домой. Вѣдь она давно уже ея дожидается, давнымъ-давно, даже устала сидѣть, болитъ голова и все тѣло. Оля потянулась и громко вздохнула. Мышенокъ стремглавъ полетѣлъ къ печкѣ и гдѣ-то незамѣтно исчезъ. Олѣ сдѣлалось неприятно, что она его испугала, и стало еще тоскливѣе, а голова заболѣла сильнѣе. „Наказываютъ ли мышенка?—подумала Оля:—онъ тоже, бѣдняжка, голодень“. Оля встала, осторожно пошла между партъ, замѣтила въ одной изъ нихъ пыльный кусокъ сухой булки, внимательно посмотрѣла на него, повертѣла въ рукахъ и, подойдя къ печкѣ, положила его въ уголокъ въ то мѣсто, гдѣ, ей казалось, жилъ мышенокъ.

Въ нижнемъ коридорѣ пробили стѣнные круглые часы. Оля

считала: „разъ, два... четыре... Какъ же такъ? Папа уже пришелъ домой, а меня не отпускаютъ!“ Дѣвочка заволновалась. Сильно-сильно забилося ея сердце, въ вискахъ застучало, руки сдѣлались холодныя и быстро теребили передникъ. Оля безпомощно оглянулась и, прижавшись въ уголь къ печкѣ, снова горько-прегорько заплакала...

По лѣстницѣ послышались шаги. Кто-то тяжелый шелъ наверхъ, громко топоча ногами, и напѣвая какую-то пѣсенку. Странно было слышать эти громкіе шаги и звуки хриплага голоса въ пустой тишинѣ громаднаго зданія, обвѣяннаго сумракомъ гаснущаго осенняго дня. Шаги приближались, и кто-то остановился въ дверяхъ класса.

— Ахъ, Ваньга!—бормоталъ старческій голосъ,—классы-то не прибралъ, чтобъ тебѣ пусто было!

Старикъ Петровичъ, швейцаръ гимназіи, начальническимъ взоромъ заглянулъ въ классъ и вдругъ увидѣлъ притаившуюся у печки маленькую фигурку.

— Это кто? Барышня, чего вы тутъ дѣлаете? Да никакъ Оленька Мусина! Экое дѣло! Никакъ плачете?

— Не знаете, Петровичъ,—робко спросила очнувшаяся дѣвочка:—скоро придетъ Зинаида Исидоровна меня отпустить?

— Фью,—свистнулъ Петровичъ и махнулъ рукой,—никого ужъ нѣту-ти. Дождаться ихъ, такъ до завтра. А ты вотъ-что, грѣховодница, ступай-косъ домой. Видно про тебя-то забыли. Сегодня 20-е, не до насъ съ тобой! Да пойди въ учительскую, обмойся, а то, вишь, все личико вымазала...

Петровичъ гладилъ шершавой рукой головку дѣвочки и сокрушенно вздыхалъ. Отъ него пахло дешевымъ табакомъ и выпитой водкой, но Олѣ онъ казался добрымъ волшебникомъ, чудесно ее освободившимъ изъ тяжелаго плѣна.

— Спасибо, милый, добрый Петровичъ, я дома умоюсь,—и, благодарно вскинувъ на старика влажные глаза, торопливо побѣжала одѣваться.

V.

— Наконецъ-то!—ироническимъ возгласомъ встрѣтилъ Мусинъ свою маленькую дочку. Онъ хотѣлъ прочитать ей суровое наставленіе, но, замѣтивъ заплаканное личико Оли, ея усталый, страдальческій видъ, промолчалъ и только сердито крикнулъ:

— Василиса, подавай обѣдъ.

Мусинъ былъ не одинъ. У него сидѣлъ какой-то господинъ, съ большими кудрявыми волосами, еще молодой и очень высокій. Оля посмотрѣла на него съ удивленіемъ и робко подошла по-здороваться.

— Здравствуйте, милая дѣвица, — незнакомецъ отложилъ въ сторону газету, которую читалъ, ласково взялъ своими обѣими ручищами крохотную ручку Оли и внимательно посмотрѣлъ на нее. — Да какая вы худенькая! Ну, познакомимтесь, меня зовутъ Степанъ Переверзевъ, бывший студентъ, званіе такое имѣется особое, пріятель всѣхъ гимназистокъ, малыхъ и большихъ, и пугало вашего начальства, — говорилъ весело гость, не выпуская Олиной руки.

— На-дняхъ со мной такой случай былъ. Послушайте, Петръ Сергѣичъ. Шелъ это я по Дворянской улицѣ, вижу — стоятъ двѣ знакомыя гимназистки, носы повѣсили, сами красныя-прекрасныя, а передъ ними какая-то жердь, въ родѣ меня, въ дамскомъ одѣяніи строго-престрого имъ нотацию читаетъ. А голосъ у нея скрипитъ, какъ немзапная телѣга. Мимо публика идетъ, прислушивается; приказчики смотрятъ изъ магазиновъ, смѣются. Гляжу, одна изъ дѣвиць уже заплакать готова, а другая, того и гляди, драться полѣзеть... Выручать надо, думаю, пріятельницъ. Подхожу, жердь эту плечомъ эдакъ — виноватъ, моль, не замѣтилъ, а дѣвицамъ говорю: „Здравствуйте, господа; какъ поживаете?“ А жердь-то какъ взглянетъ на меня, повернулась, да скорѣе маршъ-маршъ... Освободилъ барышень! Это, оказывается, классная дама имъ на улицѣ рацеи читать стала.

— А вѣдь это Сидориха была, — улыбаясь сказала Оля.

— Жердь-то самая? Ага! ну, Сидориха, такъ Сидориха, шутъ съ пей! А вѣдь я, Оленька, ѣсть хочу, да и вы, поди, тоже...

Веселый гость поправился Олѣ, и она очень обрадовалась, когда узнала, что ея отецъ пригласилъ Переверзева заниматься съ пей по нѣкоторымъ предметамъ.

— Вотъ только съѣзду въ одно мѣсто по дѣлу на недѣлку, — сказалъ студентъ, — вернусь обратно, и такъ мы съ вами эту гимназическую науку двинемъ, что сразу всѣмъ класснымъ дамамъ тошно будетъ...

— Но почему ты, Оля, такъ сегодня опоздала? — закуривая въ концѣ обѣда сигару, спросилъ Мусинъ. — Безъ обѣда оставалась?! Чортъ знаетъ, какія глупости!.. И ты говоришь, тебя отпустилъ швейцаръ Петровичъ? Вы подумайте, Переверзевъ, какое безобразіе! Надо будетъ съѣздить въ гимназію. Я съ ними

тамъ побесѣдую. Чортъ знаетъ, что! Оставили дѣвочку безъ обѣда и забыли...

— Не надо, папочка, не ходи. Мнѣ хуже будетъ. Вонъ Манина мама тоже была въ гимназiи, а теперь Мавѣ проходу нѣтъ. Онѣ всѣ несправедливыя.—И Оля, вспомнивъ обиду, опять закручинилась и притихла.

— А, пожалуй, маленькая-то дѣвица права. Коли идти въ гимназію ругаться, такъ окончательно, чтобы взять дѣвочку оттуда.

— Нѣтъ, это уже крайность. Зачѣмъ? Вы, какъ молодой человѣкъ, простите меня, увлекаетесь. Нѣтъ, я и такъ сумѣю, не возбуждая страстей, поставить на видъ и объяснить господамъ педагогамъ всю нелѣпость ихъ поведенія. И повѣрьте, сдѣлаю это въ такой формѣ, что на отношеніяхъ ихъ къ Олѣ совершенно не отразится. Кто же, если не мы, родители, будетъ защищать интересы нашихъ дѣтей. Это я считаю нашимъ правомъ и долгомъ. Мало еще какія они тамъ глупости выдумаютъ, такъ все и спускать...

Студентъ не возражалъ. А Оля тоскливо думала, сколько непріятныхъ вещей наговорятъ про нее отцу и классная дама, и начальница, и всѣ...

VI.

Прошло нѣсколько дней. Мусинъ все еще не собрался поѣхать въ гимназію. Можетъ быть онъ не побывалъ бы тамъ совсѣмъ, отвлеченный различными служебными дѣлами, если бы само гимназическое начальство не прислало ему приглашеніе явиться въ гимназію для объясненій съ начальницей по вопросу о поведеніи и успѣхахъ Ольги Мусиной, ученицы 2-го класса. Такъ гласила офиціальная бумага.

— Что такое ты тамъ еще натворила?—раздражительно спросилъ онъ Олю.—И такъ у меня много всякихъ непріятностей, а тутъ еще изволь изъ-за тебя съ этими рептиліями объясняйся.

Оля была очень смущена. Не желая огорчать отца, она не рассказала ему, что какъ-то на-дняхъ, совершенно случайно, вода уязкой по географической картѣ, проткнула ее. Купить же новую карту, какъ того потребовала Зинаида Исидоровна, она хотѣла на тѣ деньги, которые давалъ ей изрѣдка на лакомства отецъ.

— Папочка, я печально карту разорвала. Ты возьми мои сорокъ копеекъ, отдай имъ, у меня больше сейчасъ нѣтъ...

— Какая карта? Какія сорокъ копеекъ? Вѣчно ты съ глупостями!—и отецъ сердито ушелъ въ кабинетъ...

Явившись на другой день въ назначенное время въ гимназію, Мусинъ чувствовалъ себя ужасно глупо. Приемная, гдѣ ему пришлось дожидаться, была строго-официальнаго вида и навела какое-то особое официальное уныніе и сонную тоску на сидящихъ въ ожиданіи родителей. Они почему-то нервничали, говорили шопотомъ. Какая-то старенькая женщина, бѣдно одѣтая, поминутно вздыхала и своими вздохами и жалкой фигурой навела на присутствующихъ еще большее уныніе.

Мусинъ съ дѣланной развязностью, громко шаркая ногами, ходилъ по приемной.

„Фу, какая адская скучища, — думалъ объ, — образцовая казенщина, словно въ приемной у какого-нибудь директора департамента“. Остановившись передъ портретомъ пузатаго господина въ форменномъ мундирѣ, Мусинъ вынулъ портсигаръ, звонко хлопнулъ его и закурилъ папиросу. Мимо него шмыгнула одна изъ классныхъ дамъ.

— Милостивый государь, здѣсь курить не разрѣшено, — бросила она на ходу озадаченному Мусину.

— Виноватъ—и Мусинъ смущенно сталъ оглядываться по сторонамъ, ища мѣсто, куда бы онъ могъ положить папиросу.

— Господинъ Мусинъ, пожалуйста къ ея сіятельству, — сказалъ сторожъ, заглянувъ въ приемную.

Торопливо погасивъ папиросу пальцами и сунувъ ее въ карманъ, Мусинъ вышелъ въ коридоръ, и тотъ же сторожъ провелъ его въ кабинетъ начальницы.

Баронесса встрѣтила его очень сухо. Холодно поздоровавшись, она сквозь зубы, падменно цѣдя слова, сообщила ему, что педагогическій совѣтъ, принимая во вниманіе малоуспѣшность его дочери, частыя опаздыванія въ гимназію и крайне разсѣянное поведеніе на урокахъ, постановилъ предупредить объ увольненіи его дочери, въ случаѣ дальнѣйшаго проявленія этихъ дефектовъ.

— Я не скрою, — прибавила начальница, — что, быть можетъ, это постановленіе носитъ нѣсколько суровый характеръ; но педагогическому совѣту приходится также считаться и съ семейной обстановкой воспитанницъ, и съ политическими убѣжденіями и общественной дѣятельностью ихъ родителей... Вы меня, надѣюсь, понимаете, monsieur Мусинъ?

Мусинъ нервно передернулъ плечами:

— Но при чемъ тутъ дѣти, баронесса?

— Простите, мнѣ некогда... Я только совѣтую вамъ серьезнѣе подумать объ участи вашей дочери и постараться улучшить ея положеніе въ гимназіи, для чего со своей стороны рекомендую вамъ пригласить для занятій на дому съ вашей дочерью ученицу 7-го класса, mademoiselle Сойкину. Подъ вліяніемъ этой достойной дѣвушки, я вполне надѣюсь, что ваша дочь скоро поправится...

— Благодарю васъ. Мнѣ, право, жаль, но я уже пригласилъ репетитора, студента Переверзева.

— Переверзева?—возмущенно протянула баронесса.—Этого только не доставало! Ну, какіе вы, родители, странные люди! Нѣтъ, чтобы придти къ намъ, попросить совѣта... Извините, я не могу позволить, чтобы ваша дочь, пока она состоитъ ученицей ввѣренной мнѣ гимназіи, входила въ какія-либо сношенія съ политическимъ преступникомъ...

— Ну, какой онъ преступникъ! — пытался возразить Мусинъ.—Добрѣйшій юноша...

— Извините, мнѣ некогда. Я вамъ рекомендую Сойкину, а вы поступайте, какъ хотите... Я умываю руки... Пожалуйста, зайдите въ канцелярію, тамъ числятся за вами какія-то недоимки, — брезгливо прибавила начальница и величественнымъ жестомъ отпустила совершенно растерявагося Мусина.

„Чортъ знаетъ, что такое! Словно мальчишка какой!—бранилъ себя Мусинъ, выходя изъ кабинета. — А Переверзеву придется отказать... Ничего. Онъ неглупый человѣкъ, пойметъ, что иначе поступить нельзя. Надо будетъ только его чѣмъ-либо вознаградить, найти какую-нибудь работу“...

Заплативъ въ канцеляріи за изорванную Олей карту и сунувъ полтинникъ въ руку швейцара, онъ сердито вышелъ на улицу.

— Извозчикъ, — крикнулъ Мусинъ непривычно громко, — сюда подавай, болванъ, не видишь, что ли?! Да поѣзжай живѣе, с-скотина!..

VII.

Опять тѣ же самыя сѣрыя стѣны, тоскливая непривѣтливая классная комната; опять французъ Депре опоздалъ на свой урокъ, и Зинаида Исидоровна читаетъ второклассницамъ правоученія. Ученицы со скучающими личиками тихо сидятъ и въ десятый разъ слышатъ нудныя слова, надоедливыя, какъ скрипъ старой ставни во время долгой осенней ночи...

Маленькой Оль кажется, что она всю свою жизнь сидитъ на этой партѣ, въ этой сырой и сѣрой комнатѣ и все слышитъ никому ненужныя слова, безцѣльное ворчаніе старой и всѣмъ надоѣвшей классной дамы. И опять Оль хочется спать. Съ трудомъ она таращитъ свои большіе черные глаза, дѣлая видъ, что внимательно слушаетъ Сидориху. Но глаза плохо слушаются, тяжелыя вѣки такъ и слипаются. За послѣдніе дни дѣвочка еще больше похудѣла и поблѣднѣла. Разочарованіе, усталость и тоска въ конецъ измучили и безъ того слабый дѣтскій организмъ...

Ни въ чемъ не везетъ Оль въ послѣднее время. Ей такъ хотѣлось заниматься съ тѣмъ добрымъ, веселымъ студентомъ. Раза три видѣла она его и совсѣмъ мало съ нимъ говорила, но опъ чѣмъ-то сумѣлъ побѣдить ея робость и всецѣло овладѣлъ ея маленькимъ сердечкомъ. Оля чувствовала себя съ нимъ свободно и легко, какъ съ подругой, — будто опъ не взрослый бородатый человекъ, а такой же маленькій, какъ и она. И вдругъ почему-то явилась эта злюка Сойкина, съ которой, какъ Оля слышала, и подруги семиклассницы не хотятъ дружить...

Дни сдѣлались какіе-то длинныя-длинные, а времени какъ-то не хватаетъ совсѣмъ, даже для того, чтобы окончить давно уже начатое Олей платьѣ для любимой куклы... Придетъ Оля изъ гимназій, пѣскоро пообѣдаетъ и сейчасъ же садится за уроки, слѣшитъ приготовить ихъ къ приходу Сойкиной. Потомъ приходитъ Сойкина, всегда почему-то сердитая и недовольная, занимается съ ней, а послѣ нея Оля опять повторяетъ уроки... И каждый день теперь у Оли болитъ голова, а Сойкина ей не вѣрится и называетъ лѣптяжкой. А она вовсе не лѣптяжка, она старается изо всѣхъ силъ. Она, право, не виновата, что не понимаетъ объясненій Сойкиной. И ничего она не можетъ подѣлать съ собой. Днемъ ей всегда очень-очень хочется спать, а вотъ ночью не можетъ, да и только. Ворочается, ворочается въ постели, то на правый бокъ ляжетъ, то на лѣвый, только голова болитъ и кружится. Жаловалась папѣ, опъ говоритъ: малокровіе, лѣтомъ въ деревню повезетъ. А до лѣта далеко, далеко, только вторая четверть началась, а ихъ всѣхъ четыре и потомъ экзамены. Пока же надо терпѣливо ждать, или, какъ говоритъ папа, бороться съ жизнью. И зачѣмъ съ ней нужно бороться? Никакъ не поймешь...

Охъ, какъ спать хочется! Вотъ положить бы голову на парту и заснуть бы крѣпко-крѣпко.. Какъ бы хорошо!.. И Оля неожиданно для самой себя вдругъ зѣвнула сладко-сладко на весь классъ и даже не успѣла прикрыть рукой свой маленькій ротъ.

— Это что за невоспитанная дѣвчонка! — закричала Зинаида Исидоровна. — Я учу васъ приличнымъ манерамъ, забочусь о вашемъ будущемъ и вдругъ, нѣ тебе, эта грубиянка вытаращила глаза и зѣваетъ мнѣ прямо въ лицо! Нечего сказать, хорошее домашнее воспитаніе получаешь... Да встань ты, когда съ тобой говорятъ, невѣжа!.. Впрочемъ, что же и требовать! Вы знаете, дѣвочки, кого хотѣли пригласить ей въ репетитори? Этого лохматого студента, который бѣгаетъ съ нашими семиклассницами — тоже хороши — по Дворянской... Подумайте, какое можетъ быть воспитаніе подъ руководствомъ такого чучела! Хорошъ репетиторъ! Чучело гороховое! Ха-ха-ха! — и Зинаида Исидоровна стала смѣяться какимъ-то особеннымъ злымъ, обиднымъ смѣхомъ...

Нѣсколько гимназистокъ угодливо вторило ей, другія обернулись и смотрѣли на Олю. А Оля стояла съ зардѣвшимся личикомъ, и на глазахъ у нея блестѣли слезы. Что-то давило ей горло, дрожали колѣни, а руки мяли и теребили носовой платокъ. Кружилась голова... Что-то новое, совсѣмъ незнакомое, чувствовала она въ эту минуту. Негодованіе къ смѣющимся подругамъ и страшная ненависть къ классной дамѣ вдругъ съ неудержимой силой охватили Олю. Она не видѣла больше ни ученицъ, ни классной доски, какой-то туманъ покрылъ всѣ предметы, и только худая высокая фигура ненавистной Сидорихи стояла передъ ней олицетвореніемъ жестокой насмѣшки и тяжелой обиды...

И вдругъ эта смиренная, кроткая дѣвчонка, запуганная и затравленная, крикнула звонкимъ и рвущимся голосомъ:

— Сами вы... чучело гороховое!.. Жердь проклятая!..

Классъ оцѣпенѣлъ. Зинаида Исидоровна отъ неожиданности взмахнула руками и замерла въ трагической позѣ... А Оля уже билась въ истерическихъ рыданьяхъ и что-то кричала сдавленнымъ голосомъ. Заплакали и закричали другія гимназистки, повскакивали съ мѣстъ. Неистово визжала Зинаида Исидоровна:

— Выгону, дрянь! Выгону!..

Шумъ былъ невообразимый. Вбѣжавшій Депре растерянно топтался на мѣстѣ и тщетно взывалъ то къ классной дамѣ, то къ дѣтямъ — его никто не слушалъ... И только, когда вплыла величественно въ классъ сама баронесса, безпорядокъ утихъ, слышались одни лишь рыданія Оли...

Судъ и расправа начались.

Ослабѣвшую Олю увели въ бібліотеку и заперли тамъ одну въ большой и холодной комнатѣ. Зинаиду Исидоровну заботливо

уложили на кушеткѣ въ приемной врача и отнявали валерьяновыми каплями. Въ классѣ начальница съ прибѣжавшей къ ней на помощь Рѣдниковой производила дознаніе...

На большой перемѣнѣ въ кабинетѣ баронессы собрались педагоги и спѣшно обсуждали происшедшій инцидентъ. Старшіе классы глухо волновались. Тревожно бѣгали классныя дамы по коридору, едва сдерживая волнующуюся юность.

Учителя рѣшили собраться экстренно вечеромъ на педагогическій совѣтъ, чтобы официально санкціонировать уже состоявшееся предварительное рѣшеніе — исключить Ольгу Мусину за оскорбленіе классной надзирательницы при исполненіи служебныхъ обязанностей. Зинаидѣ Псидоровиѣ педагоги единогласно постановили выразить горячее соболѣзнованіе по поводу нанесенной ей незаслуженной обиды... Оля была приведена въ кабинетъ и здѣсь ей было объявлено, что она исключается изъ гимназій.

VIII.

Темно въ маленькой комнаткѣ. Если бы не уличный фонарь, бросающій черезъ окно тусклый лучъ жалкаго свѣта, не видно было бы дѣтской фигуры, лежащей неподвижно на постели. Въ домѣ пусто и глухо. Отецъ съ утра куда-то уѣхалъ по дѣламъ за городъ и еще не вернулся. Давно спитъ у себя на кухнѣ Василиса...

Оля лежитъ навзничъ съ открытыми глазами и думаетъ, думаетъ... Какъ тяжелый болѣзненный сонъ встаютъ передъ нею неясныя обрывки сегодняшняго дня. Ярче всего ей вспоминается минута тяжелаго униженія, когда ее, какъ бѣшеную собаку, заперли одну въ библиотекѣ... Это Рѣдникова назвала ее бѣшеной собакой, когда пришла за ней, чтобы отвести въ кабинетъ начальницы... Начальница сидѣла за столомъ, а вокругъ нея классныя дамы и учителя. О чемъ-то спрашивали ее, обидно и зло, а потомъ сказали, что она исключена...

Олѣ казалось, что она маленькій затравленный мышенокъ въ углу большой комнаты, а на другомъ концѣ этой комнаты сидятъ и стоятъ злые кошки-люди. И вотъ они сейчасъ на нее нападутъ. Что-то случится ужасное... Плохо помнитъ она, какъ ей велѣли уйти, какъ пришла домой...

Сойкиной сегодня не было. Цѣлый день она была одна, и только Василиса приставала и спрашивала, почему она не ѣла ничего за обѣдомъ...

И вотъ лежить Оля много часовъ и все думаетъ, думаетъ. Думы ея неясныя, обрывчатыя и все объ одномъ: какъ бы сдѣлать такъ, чтобы заснуть крѣпко-крѣпко, и все забыть, и ни о чемъ не помнитъ. Иногда мелькнетъ въ сознаниі, что хорошо бы заснуть совсѣмъ, умереть. Теперь ее никто не жалѣетъ, всѣ на нее сердятся, мучаютъ, бранятъ ее. Она лишняя и всѣмъ надоѣла... А умереть, ее пожалѣютъ, и папа, и начальница, и даже Сидориха. А Сидорихѣ будетъ еще стыдно и совѣстно. Всѣ ее пожалѣютъ и скажутъ, какъ Василиса:

— Кабы мать родная была, не обиждали бы дѣвочку...

...Мать, мама... Милое и ласковое что-то въ этомъ словѣ, такое ласковое и милое, что въ горлѣ щекочетъ, плакать хочется... „Какая была у меня мама?—думаетъ Оля.—У папы почему-то и портрета маминаго нѣтъ“. И не помнитъ, не знаетъ ея совсѣмъ дѣвочка. „Должно быть такая свѣтлая, свѣтлая... и добрая... Гдѣ она? Должно быть въ царствіи небесномъ, какъ говорить Василиса... А, можетъ, тамъ ея и нѣтъ... И царствія небеснаго нѣтъ... Вѣдь папа умнѣе и Василисы, и батюшки, а онъ въ рай не вѣритъ; это Оля знаетъ. Папа ни во что не вѣритъ и все осуждаетъ... Надъ начальницей смѣется, надъ учителями тоже. А самъ велитъ учиться... Странно какъ-то...“

Опять всплываетъ въ мозгу сцена въ кабинетѣ начальницы. Всѣ злые-злые. Ни одного ласковаго взгляда... Всѣ кошки, а она, Оля—мышенокъ въ углу около дверей. „Мышать травятъ,—почему-то думается Олѣ,—или кошки ихъ ѣдятъ...“ И кажется Олѣ, что начальница щуритъ зеленые глазки, открываетъ ротъ съ мелкими острыми зубами и вотъ-вотъ сейчасъ бросится на нее и, придавивъ тяжелымъ тѣломъ, начнетъ ее грызть... А Сидориха тянетъ къ ней худыя руки, и вытаращенные глаза ея блестятъ и сверкаютъ, какъ у сосѣдской кошки, когда та ловитъ воробьевъ. Ухъ, какія!.. Оля испуганно вздрагиваетъ, приподнимается на постели, но въ комнатѣ пусто, никого нѣтъ, только большое блѣдное пятно на стѣнѣ отъ уличнаго фонаря.

„Заснуть бы... крѣпко-крѣпко... Кажется, у папы есть лѣкарство. Синенькая коробочка, такая хорошенькая, а въ ней лепешки... Когда у папы неприятности, и онъ не можетъ спать, онъ ихъ глотаетъ, одну или двѣ. А если сразу, то можно заснуть совсѣмъ и не проснуться, такъ папа говорилъ... Придетъ Василиса, начнетъ будить и не разбудитъ... И Сидориха не разбудитъ... И не надо больше бороться съ жизнью, а только лежать и спать...“

Встаетъ дѣвочка съ постели, ищетъ на столикѣ спички, за-

жигаетъ свѣчку, беретъ ее и идетъ. Дрожитъ тяжелый подсвѣчникъ въ слабенькой рукѣ, колеблется пламя свѣчи... Прыгаютъ тѣни по стѣнамъ... Комнаты какія-то чужія, незнакомыя... Папина спальня.. На комодѣ въ ящикѣ должно быть и лежать лепешки... Какая хорошепкая коробочка!.. А это кто?.. Это она, Оля, въ зеркалѣ. Какіе у нея большущіе глаза, черные, пречерные. Никогда такихъ не видала. Даже страшно смотрѣть..

Оля опять идетъ въ свою комнатку и садится на постели... „Сколько же ихъ съѣсть? Вѣдь и папѣ надо оставить... Оставлю ему двѣ, остальные съѣмъ, съѣмъ и засну, а потомъ умру... А вдругъ они подумаютъ, что я нарочно? И папа подумаетъ и будетъ сердиться... Сказать папѣ надо, написать!“

Дѣвочка идетъ къ своему столику, ищетъ листикъ бумаги... Нѣтъ листика. Беретъ тетрадь—все равно больше не надо,—вырываетъ чистую страницу, садится, пишетъ:

„Милый папа! не сердись на меня. Очень хочу спать и умереть. Не могу больше бороться съ жизнью“.

Вотъ и написала. А теперь скорѣй въ постельку, спать, спать... Раздѣться? Не стоитъ—все равно.

Оля беретъ коробочку, высыпаетъ на ладонь облатки. Беретъ одну въ ротъ, глотаетъ. Поперхнулась, закашлялась... „Глупая какая, съ водой надо!“ Наливаетъ изъ графина въ стаканъ воду. Пьетъ. Проскочила. „Теперь другая, третья... еще. Папѣ двѣ... А сейчасъ спать, спать... Завтра въ гимназію не идти... Завтра не разбудятъ“.

Лежитъ маленькая дѣвочка въ маленькой постелькѣ. Закрыты ея черные глаза. Она спитъ крѣпко-крѣпко...

Звенитъ громко входной звонокъ. Сонная Василиса, тяжело ступая босыми ногами, отворяетъ возвратившемуся Мусину двери. Тихо о чемъ-то шепчутся они. На ципочкахъ, чтобы не разбудить дочь, проходитъ отецъ въ свою спальню. Уходитъ доспать въ кухню и Василиса. Глухо и тихо въ темномъ домѣ...

IX.

Странная компанія. Никогда не было такихъ гостей въ домѣ Мусина. У окна сидѣлъ молодцоватый полицеймейстеръ съ бойкими глазами, теперь, прилично случаю, опущенными делу. Онъ первно теребитъ лихо закрученный усъ и то вынимаетъ, то прячетъ въ боковой карманъ какую-то бумагу.

На диванѣ помѣщалась толстая рыхлая баронесса, багровая отъ волненія. У нея слезятся глаза, и она ихъ вытираетъ кружевнымъ надушеннымъ платкомъ. Тутъ же и законоучитель гимназиі отецъ Иванъ, угловатый, холодный.

Всѣ они сидятъ въ кабинетѣ Мусина и старательно въ чемъ-то его убѣждаютъ. Мусинъ, блѣдный, съ воспаленными глазами, быстро ходитъ отъ шкафа съ книгами къ письменному столу, молчить...

Говорить полицеймейстеръ вкрадчиво, осторожно, подбирая выраженія:

— Повѣрьте, почтеннѣйшій Петръ Сергѣичъ, такъ лучше будетъ... Мы искренно сочувствуемъ вашему горю. Скорбимъ, можно сказать, всѣмъ сердцемъ. Но, простите, зачѣмъ поднимать шумъ? Оглаской горю не поможете, не воскресите вашу дочку. Право-съ, ничего хорошаго не выйдетъ. Всѣ мы люди, всѣ мы человѣки—иной разъ и ошибаемся. По-христіански бы надо, простить... Однѣ только лишнія для васъ непріятности. Еще разъ убѣдительно просимъ, откажитесь отъ намѣренія...

Мусинъ, ходя по кабинету, только нервно дернулъ плечомъ въ отвѣтъ на слова полицеймейстера... Наступила неловкая, томительная пауза. Неприятное молчаніе прервалъ законоучитель:

— И я вамъ скажу, лучше закончить по хорошему. Вопреки церковному правилу, похоронимъ мы юную самоубійцу по православному обряду, какъ надлежитъ. И вамъ будетъ пріятственно, и намъ. И закончится печальное происшествіе по Божьему соизволенію. Не испытывайте, господинъ Мусинъ, Господа Бога. Вы, можетъ быть, невѣрующій—вонъ у васъ въ кабинетѣ и иконы-то нѣтъ,—а я, какъ священникъ и духовникъ вашей дочери, обязанъ озаботиться участію заблудшей души и примирить ее съ Господомъ Богомъ... А иначе, какое успокоеніе для насъ всѣхъ, когда будетъ лежать она въ землѣ даже безъ креста надъ могилой. Совѣтую, подумайте...

Священникъ умолкъ, многозначительно поднявъ брови. Жалобно всхлипывая, застонала и баронесса:

— Успокойте насъ, дорогой monsieur Мусинъ! Я такъ волнуюсь, такъ волнуюсь... Мы всѣ просто въ отчаяніи. А Зинаида Исидоровна больна, доктора боятся за ея разумъ... Пощадите!

Мусинъ не слушалъ причитаній баронессы. Имъ все больше и больше овладѣвало чувство безразличности. Хотѣлось уйти отъ этихъ людей, не видѣть ихъ и не слушать. Въ груди было пусто. „Все равно,—думалъ Мусинъ,—Олю не воротить, а эти будутъ мучить и надоѣдать“.

— Такъ, какъ же рѣшасте?—началъ снова священникъ:— успокойте насъ, пожалѣйте душу дорогой покойницы.

— Да-съ, надо кончить,—посмотрѣвъ на золотые часы, сказалъ и полицеймейстеръ.

— Ахъ, все равно, все равно!.. Дѣлайте, что хотите, только... уйдите, пожалуйста, уйдите скорѣе, я хочу быть одинъ...

— Вотъ и прекрасно! — радостно вздохнулъ полицеймейстеръ.—Значить, заявленьице ваше позволите разорвать?.. Ну, а эту бумажку потрудитесь, пожалуйста, подписать. Вотъ вамъ и перышко. Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ... Да не горюйте, родной мой.—Полицеймейстеръ спряталъ въ боковой карманъ подписанную Мусинимъ бумагу, сдѣлалъ общій поклонъ, щелкнулъ шпорами и удалился.

Поднялась съ дивана и баронесса и вмѣстѣ съ отцомъ Ивановъ тихо вышла изъ кабинета. Задержались на минуту въ залѣ. Тамъ посрединѣ стоялъ маленькій глазетовый гробикъ, а въ немъ маленькая худенькая дѣвочка спала желаннымъ крѣпкимъ, вѣчнымъ сномъ. Постояли... Покрестились... Ушли.

„И иконъ-то въ домѣ нѣтъ,—думалъ священникъ, надѣвая шубу.—Безбожники!..“

На крыльцѣ ихъ дожидался полицеймейстеръ.

— Ну-съ, баронесса, можно васъ поздравить,—радостно говорилъ онъ, галантно усаживая начальницу въ экипажъ.—Весьма крупной неприятности изволили избѣжать. Теперь можете быть покойны—скандала не будетъ... До пріятнаго свиданія!..

Баронесса уѣхала. А полицеймейстеръ съ отцомъ Ивановъ пошли не спѣша по домамъ, оживленно бесѣдуя.

X.

Ночью приморозило. А къ утру выпалъ первый пушистый снѣгъ. День былъ яркій, солнечный, и Переверзеву, послѣ безсонной ночи, проведенной въ дорогѣ, совсѣмъ не хотѣлось спать. Жилъ онъ на окраинѣ города, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, принадлежавшемъ сапожныхъ дѣлъ мастеру Ивану Филатову, какъ значилось на прибитой къ покосившимся воротамъ вывѣскѣ.

Возвратившись домой, Переверзевъ попросилъ поставить самоварикъ, а самъ усѣлся къ окну съ видомъ на большую проѣзжую дорогу и сталъ просматривать накопившіяся за его отсутствіемъ газеты. Однако Переверзеву не читалось. Очень ужъ

весело смотрѣло солнышко, блестяль снѣгъ, и даже въ тепло натопленной комнатѣ чувствовался бодрящій запахъ морознаго воздуха.

„Славно съзидиль!“ — думаль студентъ, потягиваясь у окна на плетеномъ креслѣ. Припоминая нѣкоторые эпизоды изъ своей поѣздки, онъ широко улыбался и энергично потираль руки. Въ деревнѣ Кунгуровой его едва не захватилъ стражникъ, какъ бы невзначай зашедшій къ мужику, у котораго остановился Переверзевъ. Къ счастью, студентъ былъ въ снѣгахъ, и за темнотою стражникъ его не замѣтилъ. Пришлось задворками пробраться въ другое мѣсто, на противоположный конецъ деревни. Теперь Переверзеву было смѣшно вспоминать, какъ онъ, шагая длинными ногами черезъ огородныя гряды, потеряль гдѣ-то калоши, и, весь грязный и мокрый, до смерти перепугаль семью крестьянина, ввалившись неожиданно въ избу.

— Да это ты, лохматый!? А мы думали ужъ Богъ знаетъ что, — разглядѣвъ гостя, привѣтствовала хозяйка.

При этомъ воспоминаніи Переверзеву сдѣлалось весело и онъ захохоталь.

— Чему это вы такъ радуетесь, Степанъ Тимоѣевичъ? — спросилъ его сапожникъ Филатовъ, внося кипящій и брызжущій во всѣ стороны, ярко вычищенный самоваръ. — А тутъ о васъ справлялись. Квартальный приходилъ, такъ мы ему сказали, что вы въ городѣ на урокъ, а у кого — не знаемъ. А вчера, такъ раза три какія-то молоденькія барышни прибѣгали; должно гимназистки...

— Ну, и ладно. Давайте, Иванъ Филатовичъ, чай гонять. Погода-то какая! Благодать!

— Дѣйствительно, денекъ чудесный. — И хозяинъ, уже въ качествѣ гостя, съ достоинствомъ присѣлъ къ чайному столу.

Студентъ хлопоталь за самоваромъ. Едва они успѣли выпить по стакану, какъ съ улицы послышалось похоронное пѣніе.

— Кого это? — сказалъ хозяинъ и потянулся къ окну. Подошелъ и Переверзевъ.

— Да это никакъ барышню Мусину... Я и забыль вамъ, Степанъ Тимоѣевичъ, сказать...

— Мусину? Какую Мусину? — перебилъ студентъ.

— Дочку Мусина, который въ земской управѣ служить... Гимназистку. Сказываютъ, не своей смертью померла, отравилась, что ли...

Показалась похоронная процессія. Молодые дѣвушки несли на рукахъ маленькій гробикъ. Пѣль хоръ учащихся. За гробомъ шло очень много молодежи. Отдѣльной кучкой солидно шагали

педагоги. Переверзевъ узналъ среди нихъ и ту классную даму, которую онъ какъ-то испугнулъ на Дворцовой улицѣ...

Онъ быстро повернулся къ хозяину.

— Вы говорите—она отравилась?—рѣзко спросилъ онъ.

— Говорятъ,—отвѣтилъ озадаченный сапожникъ.—Кухарка Василиса, что у нихъ живетъ, видите, которая у гроба-то идетъ рядомъ съ баринѣмъ Мусинымъ, моей кумъ сродственницей приходится, такъ она ей и сказывала, что барышню ихнюю изъ гимназiи исключили, а она у папеньки сонные порошки взяла, да и отравилась, сердечная.

— Какое безобразіе! Какая подлость!

— Вы это про что?

Но Переверзевъ, не обращая вниманія на хозяина, поспѣшно накинулъ пальто, схватилъ шапку и быстро выбѣжалъ изъ комнаты... Удивленный хозяинъ видѣлъ въ окно, какъ его постоялецъ энергично зашагалъ вслѣдъ за удаляющейся процессіей...

Переверзевъ шелъ въ концѣ печальнаго шествія. Глубокое чувство возмущенія передъ гибелью маленькой славной дѣвочки цѣлкомъ захватило его.

„Что бы мнѣ раньше пріѣхать! — думалъ онъ. — Стали бы заниматься... Можетъ-быть этого и не случилось бы... Отецъ-то у ней слюнявая тряпка какая-то, не усмотрѣлъ за дѣвочкой... А эти подлые... Ухъ, я имъ ужю!..“ — и студентъ даже скрипнулъ зубами отъ страшной ненависти.

— Хорошо, что вы пришли, Переверзевъ. А мы васъ, товарищъ, искали, искали. Три раза на квартирѣ были.—Знакомая студенту молодая дѣвушка нетерпѣливо дергала его за рукавъ.—Гдѣ это вы пропадали?.. Вѣдь Олю Мусину изъ-за васъ исключили.—И гимназистка подробно передала все случившееся съ Олей въ гимназiи.

Переверзевъ еще болѣе нахмурился и поблѣднѣлъ.

— Иконниковъ, знаете — реалистъ, приготовился рѣчь на могилѣ говорить, да начальство пронюхало, должно быть черезъ Сойкину—она вѣдь форменной шпионкой оказалась, мы узнали—и пригрозило его исключить... Не знаемъ, что и дѣлать... Сами убили, а теперь комедію устраиваютъ. Посмотрите, преподы наши всѣ тутъ, благо воскресенье...

XI.

Переверзевъ, невидимый для другихъ, стоя за какимъ-то неуклюжимъ купеческимъ памятникомъ, внимательно наблюдалъ

происходившую передъ его глазами картину. Около свѣже вырытой могилки помѣстились педагоги съ постными лицами, отбѣсная назадъ учащихся. Возлѣ гроба стоялъ совершенно обезсиленный Мусинъ, а рядомъ, держа его подъ руку, виднѣлся бравый полицеймейстеръ. Молодежь и пришедшіе горожане толпились позади. Мальчики и дѣвочки взлѣзли на памятники, на деревья и красными отъ мороза ручонками держались за кресты и вѣтки. Въ сторонѣ, ближе къ церковнымъ воротамъ стоялъ нарядъ городскихъ, подъ командой молоденькаго окологороднаго...

Кругомъ было бѣло. Свѣжій снѣгъ лежалъ на деревьяхъ, на могилахъ и крестахъ. Солнце, все обливая свѣтомъ, отражалось на металлическихъ пуговицахъ форменныхъ пальто, серебрило снѣгъ и равнодушно освѣщало человѣческія лица...

Кончался печальный обрядъ. Смолкали послѣдніе звуки похоронной пѣсни. Сейчасъ приколотятъ крышку и опустятъ уснувшую навѣки маленькую дѣвочку въ холодную могилу.

— Дайте мнѣ еще взглянуть на барышню, въ послѣдній разочекъ! — съ громкими причитаніями стала протискиваться черезъ толпу къ могилѣ старая Василиса.

Этимъ моментомъ воспользовался Переверзевъ и вслѣдъ за старухой проникъ въ кругъ и быстро взобрался на набросанную около могилы кучу земли.

Его увидали.

— Слово! Слово! Надгробное слово! — раздались въ толпѣ юношескіе голоса.

Смущенно смотрѣли другъ на друга педагоги. Они совершенно растерялись и отъ неожиданности не знали, что дѣлать.

Полицеймейстеръ безпокойно оглядывался и бѣгающими тревожно глазами искалъ полицейскаго пристава. Но тотъ мирно бесѣдовалъ вдали съ какой-то купчихой и совсѣмъ не замѣчалъ таинственныхъ знаковъ начальства.

— Да, я скажу слово, — громко крикнулъ Переверзевъ, — прежде чѣмъ глухая земля скроетъ въ себѣ эту маленькую невинную жертву человѣческаго лицемѣрія, насилія и злобы!

Полицеймейстеръ, не видя своего помощника, пошелъ его разыскивать. Педагоги стали отступать отъ могилы. Впередъ выдвинулись учащіеся. Законоучитель гимназіи, стоявшій рядомъ съ кладбищенскимъ священникомъ, громко шепталъ ему на ухо:

— Пойдемте, отецъ Геннадій! — Но тотъ, какъ бы не замѣчая его, молитвенно сложилъ руки, внимательно слушалъ студента, и тихія слезы текли по старому морщинистому лицу...

— ...Не гимназистку Олю Мусину хоронятъ здѣсь, затра-

влепную мертвыми людьми, по всю молодую Россію, свѣтлую юность... Травить насъ, мучаютъ и, когда, обезсиленные и замученные, какъ эта маленькая дѣвочка, падаемъ мы въ изнеможеніи и погибаемъ, жестокіе убійцы торжественно хоронятъ насъ, да еще лицемѣрно поютъ „вѣчную память“... Спи спокойно, маленькая кроткая дѣвочка! Твоя добровольная смерть еще шире открываетъ глаза всѣмъ, кто хочетъ видѣть правду, и громкимъ призывомъ свободы вольется въ отверстия уши желающихъ слышать!..

Молодежь плотнымъ кольцомъ охватила оратора и жадно слушала его, совершенно не обращая вниманія на свое начальство...

— Пропустите, пропустите! — напрасно взывалъ къ учащимся молоденькій околочный, не рѣшаясь прибѣгнуть къ насилію. Передъ нимъ, тѣсно сжавшись, стояли гимназистки, и онъ смущенно топтался на мѣстѣ.

Баронесса вмѣстѣ съ Зинаидой Исидоровной, затертая толпой учащихся, не могли изъ нея выбраться и должны были противъ воли и желанія слушать страшныя для нихъ слова студента и ощущать на себѣ острые, полныя ненависти взгляды молодежи.

А Переверзевъ продолжалъ:

— Смотрите, сюда пришли палачи, убившіе маленькую дѣвочку. Зачѣмъ они пришли? Для чего? Вѣдь даже нѣкоторые прокуроры, содѣйствующіе присужденію обвиняемыхъ къ смертной казни, уклоняются отъ присутствованія при послѣднихъ минутахъ... А эти пришли... Хотя теперь и бѣжали, услышавъ о себѣ правду... И будетъ время, когда они исчезнутъ совсѣмъ и не вернутся для новыхъ насилій и убійствъ!..

Въ толпѣ произошло замѣшательство. Нѣсколько дюжихъ городовыхъ, предводительствуемые полицеймейстеромъ, грубо расталкивая учащихся, пробивались къ могилѣ.

— Уходите, Переверзевъ, уходите! — взволнованно шептала стоявшая съ нимъ рядомъ гимназистка. — Васъ арестуютъ...

— Не беспокойтесь, это ничего, — быстро шепнулъ ей студентъ, и продолжалъ свою рѣчь.

Городовые уже были возлѣ него, внизу. Чьи-то руки пытались стащить его...

— Моя юные друзья! Не бойтесь жертвъ и помните, что все же побѣда за нами! — успѣлъ громко прокричать ораторъ и вдругъ исчезъ въ кучкѣ схватившихъ его городовыхъ...

Молодежь рванулась къ могилѣ, но было уже поздно...

— Расходитесь! Расходитесь!—злобно кричалъ полицеймейстеръ,—а то арестую всѣхъ! И куда вы лѣзете? — Онъ грубо оттолкнулъ плечомъ какую-то гимназистку...

Въ это время могильщики, поспѣшно спустивъ гробикъ, быстро работая лопатами, забрасывали могилу землей...

Учащіеся запѣли похоронный маршъ и группами стали расходиться съ кладбища...

Около могилы остались городовые, да старенькій кладбищенскій священникъ, утѣшавшій тихо рыдающаго Мусина.

АРКАДІЙ ВЕЛСКІЙ.

ВЪ АВГУСТЪ

Быль тихій день. Жужжали пчелы,
И аромать отъ лѣса шелъ
Такой медовой и тяжелый,
Что залушала гудѣнье пчель...

Сверкала предательскимъ багрянцемъ
Кой-гдѣ на тополѣ листокъ,
Но межъ осинъ съ красивымъ танцемъ
Паукъ разматывалъ мотокъ.

И, прикрѣпивъ къ сукамъ основу,
Крестообразно плелъ онъ сѣть,
Какъ будто съ пыльцею сосновой
Сбирался на-поле летѣть.

И краснымъ стройнымъ корридоромъ,
Какъ свѣчи, уходили въ глубь
Колонны сосень. Косогора
Лежалъ за ними грузный крупъ.

Хрустѣлъ коверъ изъ палыхъ иголъ,
Чешуйно-палевый коверъ,
И колесо свое все двигалъ
Паукъ, сметая съ нитей соръ.

И желто сосны отцвѣтали,
Но верескъ безъ огня горѣлъ...
Шмели и пчелы хлопотали,
А день тепломъ осеннимъ грѣлъ.

Вл. Нарбутъ.

ЗАБАСТОВКА

(Изъ жизни на «золотыхъ» прискахъ.)

Въ воздухѣ что-то носилось.

Расплывчатое, недоговоренное, но злобѣщее.

Немного дней осталось до праздника Рождества, а никто почти не готовился къ этому празднику.

Чего-то ждали и боялись.

Ждали чего-то большого, чего-то новаго, страшнаго и интереснаго.

Что-то темное нависло надъ тайгою.

Въ воздухѣ пахло бурей.

Говорили о разномъ.

Гдѣ-то „бастовали“. На какихъ-то заводахъ убили управляющаго. Гдѣ-то собрался стотысячный „митингъ“. Кто-то добился „экономическихъ“ преимуществъ. Погромы. Избѣненіе и разгонъ казаками массовокъ. Побѣда рабочихъ надъ капиталомъ.

Но все это было гдѣ-то далеко, на Уралѣ.

Газеты читали нарасхватъ.

Читали служащіе. Читали мастерские и рабочіе.

Долгое время говорили о прочитанномъ.

Въ казармахъ рабочихъ не слышно было обычныхъ возгласовъ игроковъ-картежниковъ:

— Мирю, да подъ тебя полтину!

— Замириль!

— Съ нашей, куда не шло!

— Ходи, язви тебя!..

Не слышалось драки, не слышалось еще болѣе обыкновеннаго:

— Эй, Кузяхъ, схлеснемся на бутылку, что-ли?

— А пошто не такъ!

— Валяй! У „Зубчихи“ крестьяне ¹⁾ поиѣ свѣженькаго навезли.

Теперь въ казармахъ слышалось иное:

— Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, весь день, съ четырехъ утра до десяти вечера, робить!

— Воиѣ, говорятъ, на Уралѣ только восемь часовъ въ сутки работаютъ, посмѣнно значить!

— Добились!

— Молодцы, значить; не то что мы! Э-эхъ-ма!

— Самое главное—настойчивость.

— Конечно!

— И держаться твердо всѣмъ за одно.

— Правильно!

Рабочій Шляповъ, маленькій, живой и черный какъ уголь, кричалъ съ нарѣ:

— Главное, ребята, пить не надо. Опять же пальцемъ никого не тропуть, чтобъ тихо было!..

— Это опять же правильно... Ужъ при водкѣ какое дѣло!— поддакивали ему.

— Тихо, смирно чтобъ. Вотъ молъ, такъ и такъ, не желаемъ, молъ, работать восемнадцать часовъ въ сутки. Если желаете, такъ за ту же цѣну—восемь часовъ смѣна—робить будемъ, а не желаете—давайте всѣмъ разсчитать!..

— Правильно!

— Извѣстно—восемь часовъ—смѣна!

— Опять же тутъ всѣмъ надо, и дворникамъ, и конюхамъ... однимъ словомъ—всѣ вообще.

Въ главной слесарной мастерской собрались слесаря.

Читали газеты. Спорили. Горячо обсуждали.

— Другіе добиваются, а мы что же?

— Въ другихъ-то мѣстахъ теперь не такъ тѣснять нашего брата.

— Да, а мы все по старому мантулимъ! Мы, видно, у Бога теленка сѣбли, что ли! Э-эхъ-ма!

¹⁾ На „золотыхъ“ приискахъ, въ послѣднее время, роль спиртоносовъ стали играть крестьяне, доставляющіе сѣно, овесъ, муку и т. п.

— А управляющій-то, братцы, заюлил. Чуетъ. „Вы—говорить—погодите малость, я въ главную контору письмо пошлю о разрѣшеніи укоротить рабочій день“.

— Знаемъ мы, куда онъ гнетъ!

— Знаемъ мы, кому онъ письмо-то пошлетъ. Не даромъ ѣздилъ вчерась къ исправнику.

— Такъ въ чемъ же дѣло, господа, — говорилъ высокій и худощавый слесарь-машинистъ Герлихъ, — въ чемъ же дѣло? Надо митингъ собрать да и объявить всеобщую экономическую забастовку!..

Нестройнымъ хоромъ отвѣтили голоса:

— Такъ за чѣмъ же дѣло! Давайте!

— Оповѣстить, кого нѣтъ!

— Конечно, дѣйствовать надо!

— Подъ лежащій камень вода не подбѣжитъ!

— Сдѣлаемъ предварительное собраніе, какъ полагается, — продолжалъ Герлихъ, — выработаемъ планъ дѣйствій... изберемъ депутатовъ для переговоровъ съ управленіемъ... ну, да тамъ видно будетъ... начать-то надо! Давайте собраніе сначала...

— Собраніе, такъ собраніе!

— Выбирайте предсѣдателя, какъ полагается!

— Такъ и пусть Герлихъ будетъ предсѣдателемъ, чего еще? Герлиха, ребята! Эй, Герлихъ, ты и говори, дѣйствуй, значить! Чего тутъ волынку-то разводить!

— Валий, Герлихъ, ты можешь!

— Ура!

— Всеобщая, таежная, экономическая забастовка!

Герлихъ взлѣзъ на ящикъ съ инструментами.

— Товарищи!..

Въ квартирѣ управляющаго собрались всѣ служащіе съ семьями.

Винтили. Танцовали. Выпивали и закусывали.

Но веселье не направлялось.

Между служащими шли разговоры совсѣмъ не обыденные: новые, непривычные для тайги.

— Вы слышали, — говоритъ управляющій сосѣдняго пріиска другому, — вы слышали, чтó поговариваютъ рабочіе?

— Что такое?

— Да на Лѣсномъ пріискѣ управляющій, Вихревъ-то, прогнать хотѣлъ одного рабочаго. У него, у рабочаго-то, семья, видите, большая, чуть не поль-казармы занимаетъ, а на Лѣсномъ,

знаете, помещеній мало. Ну вотъ, Вихревъ-то и хотѣлъ его расчитать. Онъ, знаете, сначала просилъ, чтобъ его оставили, а потомъ видитъ, что ничего не выходитъ, и говоритъ: „какую вы, говоритъ, полную праву имѣете меня съ семьей безъ предупрежденія гнать!“ Понимаете, „праву“, п-падлецы, какую-то искать захотѣли, понимаете!

— Ну, знаете, Вихревъ ужъ дѣйствительно безсовѣстно дѣлаетъ. Онъ, да еще Орловъ на Елизаветинскомъ, который былъ раньше кварталнымъ въ городѣ, очень возбуждаютъ противъ насъ пародъ. Знаете, ужъ не тѣшишь времена, на забой ¹⁾ не притащишь розогъ, да не прикажешь всыпать штукъ двадцать пять для острастки. Нѣтъ, братъ, не тѣ времена!

Управляющій Вѣрнопскимъ прискомъ, краснолицый, приземистый, среднихъ лѣтъ человекъ, съ ярко-рыжими бородой и волосами, тихо разговаривалъ въ кабинетѣ съ главнымъ монтеромъ мастерскихъ.

Высокій, худой англичанинъ-монтеръ утвердительно кивалъ лысой головой съ оттопыренными ушами.

— Эсть, эсть,—говорилъ онъ.

— Я былъ вчера у исправника и говорилъ ему, что нужно быть готовымъ ко всему. Слесаря и рабочіе волнуются. Начитались, мерзавцы, всякой глупости, того и гляди сами взбунтуются. Бѣда!

— Это ваша сдѣлать.

— Вотъ, вотъ, я и говорю Эразму Эдуардовичу, что не мѣшало бы казаковъ изъ города выписать.

— Казакъ?.. ну да, это... которые съ нагайки?

— Вотъ, вотъ, съ шашками, нагайками и пиками... такія, знаете, длинныя палки, а на концѣ не то ножъ, не то багоръ, въ родѣ этого, что-то такое придѣлано.

— Бугоръ?.. это... какъ рыбу?

— Нѣтъ, это, я говорю, пика... пика, понимаете?

— Не понимайтъ!

— Ну, да это не важно. Эразмъ Эдуардовичъ мнѣ сказалъ, что онъ приметъ всѣ мѣры и пошлетъ ко мнѣ на приискъ еще двухъ стражниковъ.

— Это хорошо, хорошо, меньше спиртоносы, меньше водки пить будутъ.

— Нѣтъ, я не насчетъ водки. Если-бъ только водка, —

¹⁾ Въ недавнемъ прошломъ на забой (край разрѣза, гдѣ добывается золотосодержащій песокъ) наказывали рабочихъ за лѣность, а также за разныя проступки, розгамя.

такъ чортъ съ ними, пусть бы лакали, я насчетъ забастовки... Вы знаете, — зашепталъ управляющій, — вѣдь меня и васъ убить могутъ.

— Меня? Зачѣмъ меня убить? Въ Англии забастовъь многа эсть и никого не убить, совсѣмъ никого не убить!

— Такъ то въ Англии, то въ Россіи, экій вы, мистеръ, непонятливый!

— Я не понимаютъ? Зачѣмъ убить?

Быстро вошелъ помощникъ управляющаго.

— Что вамъ? — съ неудовольствіемъ спросилъ управляющій.

— Бѣда! Въ мастерской забастовка! Герлихъ предсѣдательмъ избранъ. Не работаютъ! Кричатъ!

Управляющій поблѣднѣлъ.

— Вотъ оно! Господи! А что же, стражники пріѣхали отъ исправника?

— А казакъ съ нагайка и... какъ это... съ бугоръ, эсть? — спрашивалъ англичанинъ.

Съ крикомъ вбѣжала жена управляющаго:

— Миша, что такое? Говорятъ, забастовка?!

Въ залѣ царило смятеніе.

Управляющіе тотчасъ разбѣжались по своимъ пріискамъ.

Часть служащихъ быстро разошлась по домамъ.

Молодой конторщикъ Лушновъ взволнованно утѣшалъ свою выдающую жену.

Красивое интеллигентное лицо его было оживлено. Обнявъ припавшую къ его плечу молодую женщину, онъ быстро шепталъ:

— Ну, что ты, глупая, что ты плачешь? Ну, забастовка, такъ что-жъ изъ этого? Не плачь же, не плачь, Катя!

— А... если... убьютъ!..

— Почему ты думаешь, что убьютъ?

— Въ Томскѣ... читала... въ Одессѣ...

— Такъ, вѣдь, тамъ же хулиганы, союзники, грабители, а здѣсь люди, желающіе только укоротить свой тяжелый рабочій день. Я вотъ сейчасъ пойду къ нимъ и скажу имъ, что я ихній товарищъ, что я имъ сочувствую...

— Не ходи... ради Бога не ходи... они убьютъ тебя!..

Жена бухгалтера, растерянная, красная, толстая, суетилась.

— Надо ѣхать! Сейчасъ же ѣхать въ резиденцію исправника! Ахъ, Господи! Тамъ казаки и стражники! Не дадутъ насъ этимъ... въ обиду! Степанъ Петровичъ, — обратилась она къ мужу, стоявшему на серединѣ комнаты и растерянно разводившему руками, — Степанъ Петровичъ, пошли сказать, чтобъ запрягали, что ты кисляемъ-то стоишь?!

— Я... и ничего, что-жь, ѣхать, такъ ѣхать...

Вбѣжала запыхавшаяся горничная.

— Господинъ управляющій, Михаилъ Семеновичъ, васъ спрашиваютъ!

— Кто?.. Гдѣ?..—засуетился блѣдный управляющій.

— Тамъ, на кухнѣ, рабочіе требуютъ!

— А... рабочіе, — залепеталъ трисушимися губами управляющій, — что имъ нужно?.. я... спроси, что имъ нужно?..

— Да, говорятъ, васъ лично хотятъ видѣть.

— Меня?.. что-жь, я пойду, но зачѣмъ же именно сразу меня?.. вотъ пусть Федоръ Трофимовичъ...—указалъ онъ на помощника.

Федоръ Трофимовичъ вышелъ. Черезъ минуту онъ воротился.

— Лошадей просятъ, хотятъ ѣхать на Вознесенскій пріискъ.

— А... лошадей... а они безъ всего пришли? понимаете, безъ всего? Безъ ружей и палокъ?

— Безо всего, безо всего, — со злой и насмѣшливой улыбкой сказалъ помощникъ.

— А... понимаете... они кричатъ, ругаются?

— Нѣтъ, нѣтъ, очень даже вѣжливы.

Управляющій замѣтно успокоился.

— Такъ пусть войдутъ сюда, — сказалъ онъ.

Вошли трое слесарей и Шляповъ и спокойно остановились.

— Что вамъ нужно? Что вамъ нужно?—крикливо обратился къ нимъ управляющій.

— Мы присланы къ вамъ, господинъ управляющій, делегатами отъ всѣхъ рабочихъ и слесарей пріиска съ просьбой разрѣшить намъ взять лошадей, чтобъ снятъ по всей тайгѣ съ работъ товарищей.

— Вы что же это?.. бунтовать!..

— Мы просимъ у васъ лошадей, господинъ управляющій, — настойчиво, но сдержанно и спокойно повторили депутаты.

Всѣ находящіеся въ залѣ смотрѣли на эту сцену.

Одни съ любопытствомъ, другіе со страхомъ.

Удивлялись. Разводили руками. Шептались, качая головами.

А у дверей стояли четверо и спокойно смотрѣли на вдругъ покраснѣвшаго управляющаго.

— Вы... бунтовать!—безсмысленно повторялъ управляющій, тараща глаза.

Къ нему вплотную подошелъ Герлихъ, въ упоръ взглянулъ на него и тихо, но внятно и твердо, какъ сталь, прозвучали слова:

— Мы требуемъ у васъ лошадей!

Управляющій вдругъ какъ-то съежился, отступилъ назадъ и залепеталъ:

— Лошадей?.. хорошо... Федоръ Трофимовичъ, распорядитесь, чтобъ дали господамъ делегатамъ лошадей... сколько понадобится.

Чуть замѣтная улыбка дернула губы делегатовъ.

Вознесенскій пріискъ спаль.

Было раннее утро.

Восходящее солнце золотило вершины горъ и окрашивало пурпуромъ тонкіе столбы дыма изъ печныхъ трубъ пріисковыхъ домовъ.

Бодрая, морозная, тихая и ясная погода.

Съ колокольцами подъ дугами, съ бубенчиками на „гусевыхъ“ лошадяхъ, въ просторныхъ кошевахъ нагрянули делегаты съ Вървинскаго.

Рабочіе вскочили. Собрались въ кучки по нѣсколько человѣкъ. Большинство уже знали въ чемъ дѣло.

— Сходку надо, сходку устроить!

— Въ слесарную, въ слесарную пойдете.

Въ просторной слесарной уже собрались слесаря.

Ввалились гости, шумные, веселые, окутанные облакомъ морознаго воздуха, съ возбужденными лицами, горящими глазами.

— Товарищи,—завенѣлъ голосъ,—довольно намъ работать, какъ скотамъ въ ярмѣ. Не выходите на работу. Объявляемъ всеобщую экономическую забастовку! Пусть сократятъ рабочій день до восьми часовъ въ сутки и еще пусть исполняютъ вотъ эти требованія!

Въ рукахъ оратора появился листъ бумаги.

— Не выходите на работу до тѣхъ поръ,—продолжалъ ораторъ,—пока не будутъ удовлетворены эти ваши справедливыя требованія!

— Урра!

— Стой крѣпко, ребята!

Прибѣжалъ растерянный помощникъ управляющаго.

— Чтò вамъ надо, господа? Чего вы требуете? Зачѣмъ собрались въ слесарную?

— Попросите сюда управляющаго, намъ нужно лошадей.

— По какому праву! Зачѣмъ лошадей? Кто вы такіе?!

— Намъ нужно лошадей!

Грозная стѣна сдвинулась. Окружила кольцомъ.

Задніе ряды кричали:

— Что съ нимъ тутъ разсусуливать. Управляющаго сюда!

Оторопѣлый служащій что-то забормоталъ прерывающимся голосомъ.

— Господинъ служащій, передайте господину управляющему, что мы, делегаты съ прінсковъ, просимъ у него лошадей, такъ какъ наши уже сдѣлали сорокъ пять верстъ, а намъ нужно ѣхать дальше. Въ противномъ случаѣ намъ придется самимъ лично просить объ этомъ управляющаго.

Сила послышалась въ голосѣ. Новое что-то, непривычное.

И служащій понялъ, почувствовалъ эту силу.

— Хорошо, передамъ управляющему.

Ушелъ.

Управляющій не пожелалъ, чтобы къ нему явились „делегатишки, какіе-то м-мерзавцы“ — и приказалъ дать лошадей.

Черезъ полчаса делегаты уѣхали.

Но на прінскѣ уже не было тихо.

Кучки рабочихъ и слесарей ходили изъ казармы въ казарму, изъ помѣщенія въ помѣщеніе и говорили между собою, размахивая руками.

— Самое главное, ребята, они сказываютъ, штобъ не пить, значитъ, потому, штобъ тихо, значитъ, было.

— Извѣстно, водка самое послѣднее дѣло.

— Съ ей толковъ не будетъ.

— И штобъ не трогать служакъ, алиба дома — строенія, однимъ словомъ ни-ни то-есть. Штобъ смирно значить.

— Конешно! Надо тонко политику свою вести. Чтобъ комаръ посу...

А въ кабинетѣ управляющаго тихо разговаривали управляющій, помощникъ управляющаго и сѣденькій матеріальный.

— Что, уѣхали тѣ, дьяволы-то? — спросилъ управляющій.

— Уѣхали.

— Ну, а ваши какъ?

— Да ничего. Давеча встрѣтилъ, — поклонились вѣжливо, какъ всегда.

— А вы спрашивали ихъ, на работу пойдутъ?

— Спрашивалъ. Нельзя, говорятъ, не имѣемъ права. Товарищи, говорятъ, заказали. Съ нашимъ бы, говорятъ, удовольствіемъ.

— Такъ вотъ что, — сказалъ управляющій, обращаясь къ матеріальному, — по всѣмъ видимостямъ наши не сильно зара-

зились. Если съ ними покруче поступить, такъ они пойдутъ на работу. Вы вотъ что, не давайте имъ ни фунта припасовъ. Ни мяса, ни муки, понимаете? Ни фунта! Тѣмъ, кто имѣетъ за конторой заслугу, я прикажу выдать расчетъ съ квитанціей на полученіе денегъ черезъ двѣ недѣли, а припасами ни фунта. Голодъ—лучшій нашъ союзникъ. Врутъ, пойдутъ!

— Какъ бы хуже не сдѣлать, — нерѣшительно замѣтилъ матеріальный.

— Чѣмъ хуже! Мы всегда успѣемъ поправить дѣло. Если они попробуютъ взять силой, или если они взломаютъ амбары— пусть, намъ же лучше. Тогда, значить, есть грабежъ и насиліе—преступленіе, караемое строго.

— Что-жъ, хорошо! — вздохнулъ матеріальный, глядя почему-то въ сторону.

Они разошлись, сухо раскланявшись и не глядя въ глаза другъ другу.

Нѣсколькимъ бабамъ понадобилось мясо.

Имъ не выдали.

Рабочіе заволновались.

Послали къ управляющему депутатовъ.

Принялъ. Строго сказалъ:

— Выходите на работы—или расчетъ по квитанціи съ полученіемъ денегъ черезъ двѣ недѣли.

— Хорошо, выдайте расчетъ, но частью припасами,—сказали послы.

— Ни фунта. Я кормлю только тѣхъ, кто работаетъ.

— Но вѣдь мы просимъ за деньги, которыя намъ слѣдуетъ получить.

— Это все равно. Если я буду кормить бездѣльниковъ, у меня не хватитъ припасовъ.

Выдвинулся одинъ изъ делегатовъ, молодой, смѣлый и интеллигентный слесарь.

— Вы вынуждаете къ насилію,—тихо сказалъ онъ.

— Я требую только, чтобъ вы вышли на работы.

— Такъ и не выдадите припасовъ?

— Не выдамъ.

Депутаты ушли.

Черезъ нѣсколько минутъ крыльцо дома окружили рабочіе.

Угрюмый ропотъ неся изъ толпы.

Сумрачныя лица. Стиснутые зубы.

Вышелъ управляющій.

— Что вамъ?

— Хлѣба, мяса, муки,—загадѣли кругомъ.

— Говорите одинъ кто-нибудь.

Вышелъ тотъ же молодой слесарь.

— Товарищи просятъ припасовъ.

— Я же сказалъ, что кто выйдетъ на работу—тому дамъ, а бездѣльникамъ не выдамъ ни фунта, ни крошки!

— А если они сами возьмутъ?

— Берите!

— Не хуже ли будетъ вамъ тогда,—зловѣще понизилъ голосъ слесарь.

— Нѣтъ, вамъ тогда хуже будетъ! — воскликнулъ управляющій.

Толпа придвинулась къ крыльцу. Мрачная, рѣшительная, но безмолвная.

— Такъ не дадите?—еще разъ спросилъ слесарь.

Конвульси пробѣгали по его лицу. Плотище сѣрый, угрюмый полукругъ у крыльца.

— Идите на работу—дамъ.

Изъ толпы быстро вышелъ рослый кузнецъ.

— Ты... с-сволочь, — задыхаясь отъ ярости, прохрипѣлъ онъ,—ты, с-сволочь, долго народъ мутить будешь?

И неожиданно раздался звукъ сильной пощечины.

— Н-на! Вотъ тебѣ!

Кузнеца оттащили.

— У-убью с-собаку,—хрипѣлъ онъ, вырываясь.

Управляющій, зажавъ щеку, быстро скрылся въ домѣ.

Черезъ полчаса матеріальный выдавалъ припасы.

Но рабочіе не успокоились.

Ходили кучами. Громко говорили.

— Такъ вотъ какъ съ ними только можно?!

— Они, значитъ, не понимаютъ, когда по совѣсти просятъ?!

— Значитъ, только плюхъ вѣрь!

Глаза горѣли. Размахивали руками. Ругались. Грозили кому-то.

Страсти разгорались.

Всколыхнулось пріисковое море.

Всколыхнулось и забушевало, плеская волнами людскихъ страстей въ отдаленные свои закоулки.

Жизнь на пріискахъ приняла какую-то новую фізіономію.

Царствовала рабочій.

Служащіе, за исключеніемъ немногихъ, почти не участвовали въ забастовкѣ и сидѣли смиренно по квартирамъ.

Управляющіе ступевались.

„Забастовщики“ брали лошадей, не спрашивая пріисковую администрацію, и ѣздили съ пріиска на пріискъ, „снимая“ съ работъ еще не забастовавшихъ и устраивая митинги.

Вскорѣ работы прекратились повсемѣстно.

Делегаты отъ каждаго пріиска требовали на митинги то одного, то другого управляющаго и ему говорили:

— Вы не угодны намъ. Вы несправедливы. Выѣзжайте изъ тайги. Мы не хотимъ, чтобъ вы управляли пріискомъ.

И управляющій спѣшно собирался и выѣзжалъ съ золотыхъ пріисковъ.

Выѣхали Вихревъ съ Лѣсного и другіе.

Орловъ съ Елизаветинскаго униженно извинялся передъ митингомъ и общалъ „исправиться“.

Рабочіе торжествовали.

Съ трудомъ „коноводы“ удерживали еще „забастовку“ въ границахъ самосознанія.

Почти диктаторская власть кружила головы.

Исправникъ тоже лебезилъ передъ „забастовщиками“.

На одинъ изъ митинговъ потребовался и исправникъ.

Онъ немедленно явился, смущенный, растерянный.

Ему сказали, чтобъ онъ не беспокоился, такъ какъ рабочіе требуютъ только экономическихъ реформъ.

— Политической „закваски“ нѣтъ въ нашей забастовкѣ.

Исправникъ благодарилъ и кланялся, здороваясь и прощаясь съ делегатами „за руку“.

Однажды исправникъ встрѣтилъ одного изъ делегатовъ. Тотъ, не поклонившись, прошелъ мимо.

Исправникъ, любезно улыбаясь, сказалъ ему:

— Что, богаты стали, и не здороваются?

И протянулъ руку.

Успѣхъ оьяняли „забастовщиковъ“. Головы закружились. Не выдержали. Появилась водка. И загуляла, расходилась темная разнузданная толпа.

Прорвалась плотина сознанія.

Завертѣлась въ дикой стихійной пляскѣ, въ вихрѣ темной силы, въ водоворотѣ бессознательной воли рѣка людскихъ пороковъ.

Тщетно Герлихъ и другіе уговаривали не пить.

— Братцы, товарищи, все дѣло провалите! Не пейте!

Ничего не дѣйствовало на толпу.

Озвѣрѣли. Почувствовали силу. И пили, пили безъ конца.

Появились громы. Въ конторѣ и у управляющаго Вѣрнинскимъ пріискомъ разбили окна.

Жена конторщика Лушнова страшно перепугалась и, одѣвшись въ шубу, одѣвъ и своихъ малевькихъ дѣтей, приготовилась бѣжать.

Она думала, что начинается погромъ всѣхъ служащихъ.

А она такъ много читала о погромахъ въ Томскѣ, въ Одессѣ и въ другихъ городахъ.

Лушнова дома не было. Опъ былъ на сосѣднемъ пріискѣ на митингѣ.

Несчастливая женщина, полумертвая отъ испуга, обнявъ дѣтей, рыдая, стояла у окна и смотрѣла, какъ бьютъ окна въ конторѣ.

Въ двери сильно постучали.

Перепуганная прислуга отворила.

Ввалился незнакомый рабочій.

Пьяный, паглый, огромный, злой.

— Водки!

Лушнова подала ему стаканъ.

Выпилъ. Улыбнулся.

— Что, боитесь, видно? Не бойтесь! Дайте еще.

Еще стаканъ.

Лушнова близка къ обмороку.

Дѣти и прислуга плачутъ.

— Не бойтесь. Вс-се-е по бревнышу раскатаемъ! Потому — наша взяла! Дайте еще стакашекъ.

— Вотъ вся водка, больше, ей Богу, нѣтъ.

— Ничего. Выпьемъ и эту.

Выпилъ.

— Вы куда же собрались?

— На митингъ хотимъ ѣхать, мужъ сейчасъ придетъ, — съ храбростью отчаянія пролепетала помертвѣвшая женщина.

— А, значитъ, съ нами заодно. Это хорошо.

— Да, мужъ всегда говорилъ...

— Ну, дайте еще водки.

— Нѣтъ больше.

— Какъ нѣтъ!? Какъ это нѣтъ? Кр-ро-вопивцы! П-по бревнышу раскатаемъ!

Выпучилъ красные глаза.

Хотѣлъ еще что-то сказать, подвѣлъ кулакъ.

Но вдругъ стихъ и улыбнулся пьяной улыбкой.

— Не бойся, барынька, не реви, ты, говоришь, съ нами заодно?

— Да, да, конечно, я знаю... вамъ такъ тяжело...

— Ну, дай я тебя поцѣлую.

И полѣзъ къ ней.

Собралась съ силами и не то съ визгомъ, не то съ рыданіемъ оттолкнула.

Пьяный взмахнулъ руками и грянулся на полъ.

Всталъ на четвереньки, шарашился и бормоталъ:

— А... ты такъ... п-пагада!

Лушнова уже была на улицѣ, и, держа обоихъ ребятъ на рукахъ, быстро бѣжала къ квартирѣ бухгалтера.

А ей вслѣдъ неслоь отъ громилъ конторы:

— У-лю-лю! Тю, лѣшій!..

Къ громиламъ подбѣжалъ делегатъ Шляповъ.

— Братцы, товарищи, что вы дѣлаете! Не нужно ничего трогать, а то стражники приѣдутъ! Говорятъ, казаковъ выписали и мы виноваты будемъ!

Раздались возбужденные голоса:

— А ты что, проданся, что-ли?

— Сколько получилъ отступного?

— Самъ „сбилъ“ насъ на забастовку, а теперь на попятный?!

— Н-нѣтъ, ш-шалишь, братъ!

— Ишь ты, что выдумалъ!

— Бей его!

— Ишь, заступникъ явился, служакъ жалѣеть!

— Извѣстно—служака-собака за хозяина стоитъ. Хозяйскій прихвостень. Кр-роровивцы!

— Бей его, ребята, што съ имъ разсуждать!

— Учитель нашелся!

Толпа угрожающе окружила Шляпова, но не трогала.

Шляповъ говорилъ:

— А уговоръ-то забыли? Наклюкались гдѣ-то? Э-эхъ вы! Кто говорилъ, что съ водкой толковъ не будетъ? Вѣдь сами же потомъ виноваты окажетесь! Вотъ приѣдутъ казаки...

Онъ не договорилъ.

Изъ толпы высочилъ бородатый пьяный и его тяжелый кулакъ сшибъ съ ногъ Шляпова.

— Р-разъ!

— Бей!

Долго съ остервенѣніемъ били.

Топтали ногами. Озвѣрѣли.

Прибѣжали слесари съ Герлихомъ. Шляпова подняли. Двое слесарей повели его подъ руки въ помѣщеніе.

Шляповъ едва шелъ между ними, отираль рукавомъ кровь съ лица и плакалъ навзрыдъ.

— За нихъ вѣдь... за нихъ же хотѣли! — прерывающимся голосомъ говорилъ онъ.

А громилы уже садились въ розвальни и пѣсколько паръ, греми колокольцами и бубенчиками, понесли ихъ на другой пріискъ, къ новымъ подвигамъ. Со свистомъ, пѣніемъ и гармоникой неслась ватага по таежной дорогѣ.

По бокамъ стоялъ угрюмый таежный лѣсъ и, казалось, съ удивленіемъ смотрѣлъ на непривычную картину.

Качали головами мохнатая пихты.

Пять паръ быстрыхъ лошадей, запряженныхъ въ просторныя розвальни, лихо неслись по мягкой дорогѣ, взрывая отводами облака пушистаго снѣга.

Въ каждахъ саняхъ, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, сидятъ по пѣсколько человѣкъ.

Далеко по тайгѣ, въ тишину вѣкового лѣса, врѣзается и несется нестройное, пьяное пѣніе-ревъ, свистъ, звуки гармопки, звонъ колокольцовъ, шелканье бичей и бессмысленное улюлюканіе.

Это катитъ „митинга“.

„Забастовщики“ дошли до скотскаго состоянія.

— У-у-у! — несется по тайгѣ, повторяясь горнымъ эхомъ.

— А-а-ахъ ты, Ваня!..

— Во-отъ какъ мы! Ва-аляй!..

Встрѣчные съ испугомъ шарахались въ сторону.

Сидѣвшіе въ саняхъ кричали:

— „Митинга“ ѣдетъ!

— Да-авай дороги!

— Ррасшибемъ!

И довольно гоготали.

По захолустнымъ пріискамъ понеслись тревожныя слухи:

— „Митинга“ на Вознесенскомъ избилъ до смерти стражника.

— На Владимірскомъ „митинга“ разбилъ амбары.

— Тамъ зарѣзалъ бабу. Задавилъ лошадьми ребенка...

Подъ именемъ „митинга“ стали подразумѣвать какое-то буй-

ное цѣлое, что-то чудовищно-сверхъестественное, не разбиравшее ни своихъ, ни чужихъ.

Боялись какъ лѣшаго.

Боялись, чтобъ къ нимъ „митинга“ не нагрянулъ.

Слагались фантастическіе рассказы.

— Иду я, мать ты моя, по Александровскому, — говорила баба, —ничегошеньки не знаю. Вдругъ, отколь ни возьмись „митинга“ этоть самый! Паль на коня да ка-акъ ухнетъ! Я такъ, мать моя, и присѣла — ноженъки мои не идутъ. А онъ, „митинга“—то, какъ шуганеть мимо меня да и сгинулъ-пропаль.

— Господи, съ нами крестная сила!..

У исправника собрались почти всѣ управляющіе.

Думали. Обсуждали, какъ подавить „бунтъ“.

Вчера прискакали изъ города казаки, которыхъ уже давно ждали.

Исправникъ говорилъ:

— Нужно прежде всего изловить этихъ главарей: Шляпова, Герлиха, Бородина, Коровина, Пашкова и другихъ. Потомъ, посмотрите, забастовка сама прекратится, и не будетъ никакихъ погромовъ.

— Нѣтъ, Эразмъ Эдуардовичъ,—сказаль одинъ изъ присутствующихъ, — они, эти главари, не виноваты въ погромахъ. Я самъ...

— Чтò вы говорите! — съ досадой перебилъ исправникъ, — чтò вы говорите? Это самые скверные люди. Все это, чтò произошло на пріискахъ, устроили эти „делегатішки“. Этоть Шляповъ — отчаяннѣйшій мерзавецъ! Повѣрьте моей опытности! Да вотъ, погодите, узнають они меня!

— Нѣтъ, я не могу согласиться съ вами. Я самъ видѣль, какъ громилы били Шляпова за то, что онъ не позволяль имъ громить...

— Э-э, батенька, они хитрѣе чорта, эти Шляповы и тому подобные. Они какъ лисицы... или... кто это тамъ путаеть-то слѣды?.. да, заяць, такъ они какъ зайцы путають слѣды къ своимъ норамъ, вотъ что! — опять перебилъ кто-то говорившаго.

Исправникъ продолжалъ:

— Я пошлю сейчасъ казаковъ на Алясковскій пріискъ. Они тамъ, эти „делегаты“. Мнѣ ужъ донесли объ этомъ. У нихъ „митинга“ тамъ долженъ быть сегодня. Пусть имъ мои молодцы покажутъ митингъ. К-каналы!

— Хорошо, хорошо, это ваша сдѣлать! — говорилъ англичанинъ. — Ихъ нада... эта... какъ рыбу... бугоръ, а потомъ нагайки! Всѣ весело разсмѣялись.

Пошли къ закусочному столу успокоившіеся, веселые, почувствовавшіе подъ ногами почву.

Герлихъ, Шляповъ, Бородинъ и другіе делегаты отъ пріисковъ, а также болѣе сознательные рабочіе и мастеровые собрались на Алясковскомъ пріискѣ.

Собралось человѣкъ сорокъ.

Межъ ними былъ и Лушповъ.

Горячо обсуждалось направленіе, принятое забастовкой. Говорили, какъ образумить пьяныхъ громилъ.

Шляповъ съ завязанной головой говорилъ:

— Надо собрать всѣхъ трезвыхъ и правильныхъ товарищей и составить вооруженную охрану.

— А оружіе гдѣ? — говорили ему другіе.

— Собрать со всѣхъ пріисковъ... отобрать у пьяницъ... у служащихъ попросить ружья...

— Нѣтъ, не то, не то... надо имъ выяснить, вразумить ихъ, этихъ дураковъ. Сказать имъ... доказать! — растерянно говорилъ Герлихъ.

— Говорятъ, казаки выписаны и ѣдутъ изъ города, — ровно и отчетливо сказалъ угрюмый Бородинъ.

— Пропало! Все дѣло пропало! — взывшисъ за голову руками, простоналъ Шляповъ.

И поникъ завязанной головой.

Тихо стало въ большой комнатѣ.

Казалось, что-то злобѣщее крадется изъ темноты.

— Темная, жалкая, безсознательная она, эта рабочая сила, — задумчиво и тихо заговорилъ Лушповъ, — не вижу я просвѣта впереди. Зря пропадутъ ваши труды, друзья мои, и на васъ самихъ, повѣрьте, всѣхъ горше отзовется все это! Взгляните на Шляпова! Вѣдь его убили бы, не подоспѣй слесаря съ Герлихомъ! А мою жену напугали до болѣзни и, быть можетъ, еще хуже было бы, не спасись она въ-время бѣгствомъ. И это та самая темная толпа, за которую вы стараетесь. Нѣтъ, не доросла еще она, эта толпа. Это еще безпросвѣтно темное стадо!

Тяжелое, гнетущее молчаніе царило въ отвѣтъ.

Слова Лушнова прозвучали, какъ отходная молитва.

— Нѣтъ, надо бороться! — воскликнулъ вдругъ Шляповъ, поднявъ голову, — надо доказать всѣмъ, что мы...

Но договорить ему не пришлось.

Быстро въ домъ вбѣжалъ слесарь и вскричалъ:

— Казаки! Человѣкъ двадцать казаковъ!

У входа въ домъ послышалась команда и бряцаніе оружія.

„Митинга“, объѣхавъ весь округъ, попьянствовавъ на каждомъ пріискѣ и надебоширивъ вездѣ, возвращался на Вѣрнинскій.

Пьяные, довольные, сытые.

Но на пріискѣ ихъ ждалъ неожиданный сюрпризъ.

Вездѣ по пріиску видѣлись кучками казаки.

У казармъ стояли стражники.

Смолкли разгульные пѣсни. Стихли разнузданные слова. Замерли въ страхѣ. Глядятъ.

Остановился „митинга“.

Казаки окружили.

— Выдавайте вашихъ зачинщиковъ, главарей вашихъ! — командовали казаки.

И противно свистнули въ воздухѣ нагайки.

— Шляповъ, Герлихъ, Пашковъ, — забормотали растерянно „забастовщики“.

— Ну, эти уже у исправника на исправленіи, — балагурили насмѣшливые казаки, — а вы давайте новыхъ! Кто васъ сбиль съ панталыку-то?

Растерянно переглядывались. Недоумѣвали. Почесывались. Переругивались между собой.

— Да все тѣ же, которые... Бородинъ, Герлихъ больше... Шляповъ тоже... опять Пашковъ... они все... мы бы ни въ жисть.

Даже казакамъ стало противно.

— Ну, маршъ по казармамъ, да завтра на работу, сволочь!

— Выйдемъ. Спасибо вамъ, братцы. Мы бы ни въ жисть. Ну, ее, эту самую забастовку!

Угрюмо разошлись по казармамъ, обезкураженные. Вдыхали.

— Погуляли видно, будетъ!

— Вотъ тебѣ, баушка, и Юрьевъ день!

— А что-жъ тѣмъ, робя, будетъ?

— Извѣстно что, не посмотрять...

— Цыцъ ты, окаянный, чего каркаешь!

Не смотрѣли другъ на друга.

Чего-то стыдно было.

Жены и дѣти арестованныхъ Лушнова, Герлиха, Шляпова и другихъ провожали своихъ мужей и отцовъ.

Горько плакали. Жаловались. Упрекали кого-то. Процались.

Кругомъ стояли казаки. Острили. Перемигивались.

Арестованные сидѣли на розвальняхъ и уныло глядѣли въ даль и въ сторону.

— Витя, милый Витя!—рыдала Лушнова.

— О-охъ, Господи!—рыдала и жена Герлиха.

Шляпова окружили его дѣти, и онъ, плача, цѣловалъ ихъ.

Только одинокій Бородинъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону Вѣрпинскаго пріиска и грозилъ кому-то своимъ огромнымъ кулакомъ, а изъ глазъ его выкатились, повисли на усахъ и замерзли двѣ крупныя слезы.

Раздалась команда. Поѣздъ тронулся. Заскрипѣли полозья по гладкой таежной дорогѣ.

Рыданія раздались сильнѣе. Причитаніе. Стоны.

Солнце на дивно-голубомъ небѣ безопасно дарило все и всѣхъ снопами лучей.

А. Семеновъ.

СМЕРТНИКИ

(Окончаніе.)

V*).

Въ тюрьмѣ было четыре секретки. Всѣ четыре помѣщались ниже уровня земли. Узкія, сырыя, вѣчно полутемныя, онѣ невольно заставляли думать о могилѣ. Каждая секретка освѣщалась узкимъ окномъ, задѣланнымъ толстой рѣшеткой и поднимавшимся на аршинъ надъ землею. Особымъ коридорчикомъ двери секретокъ изолировались отъ остальныхъ помѣщеній тюрьмы, но окна секретокъ выходили въ тюремный дворъ и черезъ эти окна заключенные, сидѣвшіе въ противоположномъ корпусѣ тюрьмы, могли видѣть смертниковъ и сообщаться съ ними.

Во время сессій военно-окружного суда относительно смертниковъ соблюдался въ тюрьмѣ такой порядокъ. Утромъ въ день суда заключенные, обвиняемые по „смертной“ статьѣ, выходили на коридоръ со всѣми своими вещами и съ казеннымъ матрасомъ. Дѣлалось это для того, чтобы приговоренный къ смерти не заходилъ послѣ суда въ свою камеру, гдѣ у него могло быть припрятано что-нибудь въ родѣ ножа, яда и т. п. Оправданный или приговоренный къ каторгѣ по возвращеніи изъ суда получалъ обратно матрасъ и вещи и помѣщался въ прежнюю камеру. Матрасы, оставшіеся на коридорѣ, показывали число приговоренныхъ въ этотъ день къ смертной казни. Осужденные на смерть не возвращались въ камеры: ихъ подъ воротами пере-

---

*) См. июль, стр. 206.

одѣвали въ другое казенное бѣлье и платье, заковывали по рукамъ и по ногамъ и отводили въ одну изъ секретокъ. Въ теченіе сессіи военнаго суда съ каждымъ днемъ расло число заключенныхъ въ секреткахъ. Къ концу сессіи это число поднялось до пятидесяти и выше. Затѣмъ, послѣ закрытія сессіи, секретки начинали мало-по-малу освобождаться: нѣкоторымъ заключеннымъ объявляли замѣну казни каторжными работами, другихъ то по-одиночкѣ, то по-двое, по-трое, то большими группами переводили въ N-ную часть и тамъ вѣшали.

Трудно, не видѣвъ, представить себѣ, чтѣ представляла собой жизнь смертниковъ въ этихъ секреткахъ. Если и въ другихъ камерахъ тюрьмы жизнь была не сладкая, то здѣсь былъ подлинный адъ.

Въ тѣспой, сырой камерѣ, безъ коекъ, безъ наръ, безъ всякаго подобія мебели, сидѣло по десяти-двѣнадцати человекъ. Скованные по рукамъ и по ногамъ, они не могли ни лечь, ни сѣсть на землю безъ того, чтобы желѣзо не впивалось имъ въ тѣло. Нельзя было ни расправить онѣмѣвшіе члены, ни переменить бѣлье, ни согрѣться усиленнымъ движеніемъ. Секретки почти не отапливались; воздухъ былъ въ нихъ затхлый, сырой. Зимой вода струйками стекала со стѣнъ, стояла лужами на полу, а паръ отъ дыханія клубами держался въ воздухѣ. Разбитыя стекла въ окнахъ не вставлялись. Арестанты валялись на земляномъ полу безъ матрасовъ, не имѣя чѣмъ прикрыться. Нѣкоторые, чтобы согрѣться, ходили изъ угла въ уголъ. И днемъ, и ночью неслись изъ секретокъ рѣзкіе звуки бряцанія ручныхъ и ножныхъ цѣпей. Чтобы повясть эту пытку, нужно знать, чтѣ такое ручныя и ножныя цѣпи, въ которыя заковывались смертники. Ножныя цѣпи, налагаемыя по закону на всѣхъ каторжанъ, сами по себѣ не очень сильно стѣсняють движеніе. Онѣ мѣшаютъ только быстрой ходьбѣ, сильно утомляютъ ноги, вызываютъ въ ногахъ ревматическія боли. Мучительными становятся онѣ лишь зимою, при морозахъ и при отсутствіи теплой одежды и подкандальниковъ. Ручныя цѣпи, по закону, налагаются лишь на короткое время: при перевозкѣ арестантовъ, на буйствующихъ арестантовъ въ видѣ наказанія и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на каторжанъ высшихъ разрядовъ. Эти цѣпи почти не обременяють рукъ (такъ какъ вѣсъ ихъ—отъ 1½ до 2 фунтовъ—для рукъ мало ощутителенъ); ихъ кольца, довольно широкія и обшитыя кожей, не рѣжутъ тѣло. Въ этомъ отношеніи ручныя цѣпи представляютъ для арестанта менѣе тяжелую обузу, чѣмъ ножныя кандалы. Но ручныя цѣпи настолько коротки, что

совершенно парализуютъ движенія арестанта. Совершенно невыносимо одновременное наложеніе ручныхъ и ножныхъ кандаловъ, особенно при той обстановкѣ, въ которой сидѣли смертники. Если смертники подходили къ окнамъ, шумѣли, если вообще они навлекали на себя чѣмъ-нибудь гнѣвъ администраціи, имъ заворачивали руки за спину и сзади за спиной сковывали ихъ. Въ такомъ положеніи не только нельзя было лечь на землю, не испытывая боли, но нельзя было ни ѣсть, ни пить иначе, какъ опустивъ голову въ кадучку съ водой или въ бакъ съ казеннымъ обѣдомъ. Въ такомъ положеніи смертниковъ оставляли иногда по нѣсколько дней. Въ это время натянутыя сзади оковы почти не бряцали. Изъ секретокъ слышался лишь звонъ тяжелыхъ ножныхъ кандаловъ.

Смертники были лишены книгъ и письменныхъ принадлежностей. Большую часть времени они были лишены также чая и сахара. Но, пожалуй, всего мучительнѣе было для нихъ лишеніе табаку. При страшномъ напряженіи нервовъ, при удручающей вѣшной обстановкѣ, въ ожиданіи дня и часа казни, человѣкъ до болѣзненности остро ощущаетъ потребность хоть чѣмъ-нибудь, хоть папироской одурманить себя... Въ литературѣ, при описаніи смертныхъ казней, часто рисуютъ осужденнаго, послѣднее желаніе котораго передъ казнью заключается въ томъ, чтобы ему дали выкурить папироску, сигару или трубку. Я допускаю, что въ этомъ нѣтъ натяжки: по крайней мѣрѣ смертники въ секреткахъ ни на что не жаловались такъ, какъ на отсутствіе табаку... Другіе заключенные старались помочь смертникамъ, старались облегчить ихъ положеніе, употребляли всевозможныя ухищренія, чтобы передать имъ хоть немного махорки и нѣсколько спичекъ. Иногда удавалось забросить пакетикъ съ табакомъ въ окно. Иногда пакетикъ отскакивалъ отъ прутьевъ рѣшетки, падалъ на землю подлѣ самаго окна—и смертники со скованными руками по полчаса, по часу бились, чтобы втащить въ камеру этотъ крошечный пакетикъ съ $\frac{1}{2}$ восьмушки махорки. Иногда подъ окнами секретокъ оказывался часовой съ жалостливымъ сердцемъ, и заключеннымъ удавалось склонить его передать смертникамъ немного табаку. Порой изъ секретокъ слышались взрывы смѣха, звуки пѣсни. Да! и въ этихъ ужасныхъ условіяхъ бодрость и веселость не всегда покидали людей. Тягостны были эти звуки неестественнаго веселья, вылетавшіе изъ секретокъ.

У смертниковъ часто выходили столкновенія съ часовыми изъ-за окна. Запертые въ душной и темной ямѣ, смертники не-

вольно тянулись къ окну. Слишкомъ тяжело было дышать въ глубинѣ секретки. Слишкомъ темно было тамъ, слишкомъ мрачно. А въ окно виденъ былъ клочекъ неба, видны были окна противоположнаго корпуса тюрьмы, видны были сочувствующіи лица другихъ заключенныхъ. Въ окно иногда можно было перебраться парой словъ съ товарищемъ или знакомымъ, можно было уловить его участливый взглядъ, послать ему прощальную улыбку. Часовые не подпускали смертниковъ къ окну, штыкомъ отгоняли ихъ отъ рѣшетки, поминутно съ угрозами закрывали окна секретокъ. Часто смертники безропотно подчинялись требованію часового: отходили послѣ его окрика отъ рѣшетки, не пытались открыть закрытаго имъ окна. Но иногда приходилось наблюдать такія сцены.

За рѣшеткой секретки блѣдныя лица смертниковъ. Часовой остановился прямо противъ окна, но смертники какъ будто не замѣчаютъ его.

— Отойди отъ окна!..

Смертники стоятъ за рѣшеткой не двигаясь.

— Тебѣ говорятъ, отойди!

Изъ секретки раздается петвердый просительный голосъ:

— Господинъ часовой! Дышать вѣдь печѣмъ! Смотрите, сколько народу набито... Больные есть.

— Не разговаривай! Отходи, когда сказано!

Смертники что-то возражаютъ, но часовой съ шумомъ захлопываетъ окно и отходить съ видомъ побѣдителя, въ сознаніи своей силы. Но черезъ минуту окно снова открывается. Часовой опять бросается къ секреткѣ.

— Кто окно открылъ?... Собаки!

— Господинъ часовой, дышать вѣдь нечѣмъ...

— Не разговаривать! Арестантская морда! Какъ собаку застрѣлю!.. Закрой окно!..

— Ну, стрѣлай, бей! Не боимся тебя.

Часовой цѣлится, наводя ружье то на одного изъ заключенныхъ, то на другого.

Арестанты, громко перебивая другъ друга, бранятъ часового, стараясь раздражить его, стараясь заставить его выстрѣлить, чтобы пуля его ружья хоть одного изъ нихъ избавила отъ этихъ мукъ. Но часовой сбить съ толку и не знаетъ, что дѣлать. Онъ продолжаетъ грозиться, продолжаетъ кричать, но не рѣшается стрѣлять и отходить отъ секретки. А смертники остаются за рѣшеткой у открытаго окна, съ блѣдными, унылыми лицами. Смерть, легкая, хорошая смерть отъ ружейной пули

только-что улыбнулась имъ, но они напрасно понадѣялись на нее.

Убить смертника для тюремной администраціи не представляло никакого смысла. И смертниковъ не убивали. Но били смертниковъ беспощадно. Били ихъ по жалобѣ часовыхъ и надзирателей за всевозможныя мелкія нарушенія дисциплины, били и безо всякаго повода. Въ секретку входило сразу отъ 10 до 12 вооруженныхъ надзирателей, и пока двое-трое изъ нихъ били, остальные держали толпу смертниковъ подъ дулами наведенныхъ револьверовъ. Слышны были звуки ударовъ, стоны избиваемыхъ, крики, бряданіе цѣпей.

Въ окна видно было, какъ брали смертниковъ на казнь. Брали ихъ изъ секретокъ при вечерней повѣркѣ.

Вотъ въ секретку вошло сразу человекъ 15 надзирателей. Револьверы у большинства въ рукахъ, у нѣкоторыхъ въ рукахъ берданки. Смертники, выстроившіеся у стѣны въ ожиданіи повѣрки, знаютъ, что это значитъ. Знаютъ они и то, чья сегодня очередь. Двое изъ надзирателей подходятъ къ намѣченному смертнику и берутъ его за плечи. Выведя его на середину секретки, его пригибаютъ къ землѣ, такъ что цѣпь, которую скованы его руки, оказывается на землѣ.

— Подыми ногу!..

Осужденнаго берутъ за ногу и заставляютъ его переступить черезъ лежащую на землѣ цѣпь, сковывающую его руки. Затѣмъ его тянутъ за плечи вверхъ и заставляютъ наполовину выпрямиться. Скрещенныя ручныя и ножныя цѣпи натягиваются, и несчастный окончательно лишается способности двигать руками и ногами. Два надзирателя подхватываютъ смертника сзади, третій, съ ружьемъ наготовѣ, становится прямо передъ нимъ.

— Пошелъ!..

И группа изъ четырехъ человекъ двигается въ путь. Два надзирателя несутъ смертника, третій замыкаетъ шествіе. И не звенятъ крѣпко натянутыя скрещенныя цѣпи. И замираютъ на устахъ послѣднія слова:

— Прощайте, товарищи!

VI.

То, что я написалъ о жизни переполненныхъ смертниками секретокъ, можетъ дать лишь самое слабое представленіе объ этой жизни. Нужно быть художникомъ, чтобы изобразить этотъ

адъ, а я не могу быть художникомъ. Я хочу только, какъ невольный наблюдатель, возможно точно передать хоть часть того, что видѣли мои глаза, что слышали мои уши за послѣдніе полтора года. Но слишкомъ бѣдно мое слово сравнительно съ ужасомъ пережитыхъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Казни какъ-то вошли въ обиходъ жизни, казались чѣмъ-то естественнымъ и обычнымъ. Всѣ сознавали, что происходитъ передъ нами, но не чувствовали ужаса того, что происходитъ. Или нѣтъ! Всѣ чувствовали этотъ ужасъ, задыхались отъ этого ужаса, но совершенно не воспринимали, не одѣивали отдѣльныхъ явленій, изъ которыхъ онъ слагался.

Однажды изъ переполненной секретки послышался страшный, отчаянный вопль. Этотъ вопль несся по всей тюрьмѣ, заглушая всѣ звуки. Заключенные бросились къ окнамъ. Въ окнѣ одной изъ секретокъ видѣлся голый человѣкъ. На немъ не было никакой одежды, ни рубахи, ни штановъ. Только на рукахъ и на ногахъ его были цѣпи. Руки и ноги его были далеко просунуты между прутьевъ рѣшетки. Впившись въ рѣшетку, онъ кричалъ дикимъ, нечеловѣческимъ голосомъ. Ни словъ, ни мысли, ни выраженія не было въ этомъ крикѣ. Какъ будто это былъ не голосъ человѣка, а вой животного. Сзади видѣлись встревоженныя лица товарищей несчастнаго. Они пытались оторвать его отъ рѣшетки, успокаивали его, хватали его за плечи.

Къ окну подбѣжалъ часовой съ ружьемъ наперевѣсь, съ наставленнымъ штыкомъ. Увидѣвъ сумасшедшаго, онъ остановился передъ нимъ въ недоумѣніи. Сбѣжались надзиратели, пришелъ помощникъ начальника тюрьмы. Но смертникъ никого не видѣлъ передъ собой, ничего не слышалъ и продолжалъ кричать. Его безсвязный крикъ сталъ только болѣе осмысленнымъ, и среди звуковъ звѣринаго воя можно было разобрать отдѣльныя слова:

— Оставьте... Пустите... Бою-юю-юю-сь... Стра-а-а-а-шно... Аа-а!

Нѣсколько надзирателей вошли въ секретку и силой оторвали сумасшедшаго отъ рѣшетки. Но изъ глубины секретки по-прежнему несся его крикъ. Наконецъ звуки смолкли: несчастнаго куда-то увезли.

Другіе случаи умопомѣшательства носили болѣе тихій характеръ; но основная бредовая идея, пунктъ помѣшательства во всѣхъ случаяхъ были одинаковы.

Всегда ли такъ дѣйствуетъ крикъ сумасшедшаго, или этотъ крикъ казался ужаснымъ именно здѣсь — я не знаю. Но только...

Я считалъ всегда, что у меня нервы крѣпкіе... И все же, когда я слышалъ крикъ сумасшедшаго, мнѣ казалось, что вотъ-вотъ, сейчасъ и я начну кричать, какъ онъ.

Другой сумасшедшій все время видѣлъ передъ собой какое-то ужасное и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно забавное зрѣлище. Онъ громко смѣялся, билъ въ ладоши, кричалъ, какъ бы охваченный какимъ-то бѣшенымъ восторгомъ. И по нѣкоторымъ словамъ, прорывавшимся въ его крикѣ, можно было опредѣлить, что забавное зрѣлище, рисовавшееся его воображенію, было зрѣлище... висѣлицы и смертной казни.

Этого человѣка администрація сперва сочла за симулянта, и его очень долго не брали изъ секретки.

Сумасшествіе являлось такимъ естественнымъ выходомъ изъ положенія смертника, что много разъ приходила мнѣ въ голову мысль: почему столь малый процентъ смертниковъ сходитъ съ ума? Почему сумасшествіе среди осужденныхъ на казнь не принимаетъ болѣе массоваго характера? По моимъ наблюденіямъ изъ ста приговоренныхъ къ висѣлицѣ съ ума сходятъ лишь три-четыре человѣка, не больше. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что у большинства смертниковъ уже до суда почти исчезаетъ страхъ смерти.

Другой естественный выходъ изъ положенія смертника—самоубійство. Нѣкоторыя самоубійства смертниковъ попадаютъ въ газеты; но еще больше такихъ случаевъ остаются неизвѣстными обществу. Въ тюрьмѣ самоубійства у всѣхъ на виду, и администраціи никогда не удастся скрыть ихъ отъ заключенныхъ. При мнѣ девять человѣкъ изъ числа смертниковъ покончили съ собой. А пытавшіеся покончить съ собой, изыскивавшіе средства къ самоубійству составляютъ очень значительную часть всего числа смертниковъ.

Людамъ, у которыхъ есть завтрашній день, людамъ, которые не приговорены къ смертной казни, трудно представить себѣ, какое мѣсто въ жизни смертниковъ занимаетъ вопросъ о самоубійствѣ. У приговореннаго къ казни имѣются только два пути, избавляющіе его отъ висѣлицы: первый путь—замѣна смертной казни каторгой, второй путь—самоубійство. И кто не надѣется на замѣну, надѣется на то, что ему удастся избѣгнуть висѣлицы посредствомъ самоубійства. Чуть ли не каждый смертникъ думаетъ о самоубійствѣ. Но тѣ, въ комъ всего сильнѣе говорить голосъ страха смерти, только *думаютъ* о самоубійствѣ, не предпринимаая никакихъ шаговъ для осуществленія этой мысли: на первомъ планѣ для нихъ остается надежда на замѣну висѣлицы

каторгой. Остальные всё заняты изысканіемъ средствъ, какъ покончить съ собой. Различные способы самоубійства, преимущество различныхъ видовъ смерти—одна изъ обыкновенныхъ темъ разговора между смертниками. Какую жилу легче всего вскрыть себѣ при помощи осколка стекла, чѣмъ можно вѣрить всего отравиться, какой ядъ легче всего достать—вотъ кругъ вопросовъ, въ которомъ естественно вращается мысль смертника.

Призракъ висѣлицы дѣлаетъ для смертника отвратительной мыслью о томъ, чтобы покончить съ собой при помощи самоудушения; мнѣ пришлось за полтора года наблюдать лишь одну такую попытку. Еще рѣже смертники, задумавъ самоубійство, обращаются къ ножу. Происходитъ это по всей вѣроятности потому, что никто не вѣритъ въ возможность покончить съ собой сразу при помощи самодѣльнаго жестяного ножичка или осколка стекла. А слегка ранить себя, мучиться, чтобы потомъ все же умереть отъ руки палача? Нѣтъ! Лучше спокойно ждать, когда возьмутъ тебя на казнь... Отъ такихъ отчаянныхъ способовъ самоубійства, какъ самосожженіе, попытка разбить себѣ голову объ камни, попытка уморить себя голодомъ, большинство удерживалось потому, что всё эти виды смерти сопряжены съ жестокими физическими мученіями. Вообще, какъ мнѣ кажется, такія отчаянныя попытки самоубійства не могутъ быть продиктованы простымъ желаніемъ избавиться отъ петли: за ними должны стоять другія, болѣе могущественныя, болѣе настоятельныя побужденія.

Многіе пытаются покончить съ собой при помощи имѣющихся подъ рукой средствъ—папр., выпивъ густой настой изъ восьмушки махорки на одинъ стаканъ воды, съѣвши цѣлый фунтъ или полфунта чаю. Но эти средства оказываются недостаточными. Настой махорки вызываетъ сильный жаръ, иногда соединенный съ бредомъ, рвоту, кровохарканье; по эти страданія не приносятъ съ собой избавительницы—смерти. Большое количество сухого или размоченнаго въ водѣ чая сильно дѣйствуетъ лишь на людей съ большимъ сердцемъ. Но и у нихъ дѣло ограничивается сильнымъ сердечнымъ припадкомъ, обморокомъ, продолжительной слабостью—а смерть не приходитъ. Остается, значить, одна единственная надежда: на „постоящій“ ядъ. И люди, которымъ предстоитъ смертная казнь, усердно ищутъ яда. Съ меньшимъ усердіемъ ищутъ его и тѣ, которые имѣютъ близкихъ и друзей, ждущихъ смерти въ секреткахъ. Какъ пропихиваетъ ядъ въ тюрьму? Какъ попадаетъ онъ въ руки смертниковъ? Да тѣмъ же путемъ, каковымъ проходитъ въ тюрьмы

оружіе, динамитъ: благодаря продажности тюремной стражи... Мечтой каждаго смертника былъ ціанистый кали. Но это средство и на волѣ достать очень трудно: оно оказывалось въ рукахъ лишь у тѣхъ, кто заранѣе, еще до тюрьмы, приготовился къ смерти и ухитрился пронести ядъ съ собою въ тюрьму... Гораздо чаще употребляли морфій и стрихнинъ. Но при попыткахъ отравленія морфіемъ—а такихъ попытокъ при мнѣ было не менѣе двадцати—обнаруживалось странное явленіе: морфій не дѣйствовалъ на смертниковъ. Не знаю, отъ чего это зависѣло. Можетъ-быть, имѣвшійся въ распоряженіи смертниковъ морфій былъ ненадлежащаго качества. Можетъ-быть, смертники слишкомъ дробили имѣвшійся у нихъ драгоценный ядъ и принимали недостаточныя дозы его. Можетъ-быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ, дозы, напротивъ, были слишкомъ велики. Можетъ-быть, наконецъ, морфій, который, кажется, поражаетъ центральную нервную систему, не дѣйствуетъ на людей, нервы которыхъ находятся въ чрезвычайъ напряженномъ состояніи. И тяжело было пробужденіе смертниковъ, безуспѣшно пытавшихся покончить съ собой при помощи морфія.

Гораздо вѣрнѣе дѣйствовалъ стрихнинъ. Въ тюрьмѣ былъ праздникъ, когда по камерамъ разносилась вѣсть, что одному-двумъ смертикамъ удалось покончить съ собой: вѣдь это была побѣда надъ висѣлицей.

VII.

У смертниковъ бросалось въ глаза отсутствіе какихъ бы то ни было духовныхъ интересовъ, въ частности—поразительное отсутствіе интереса къ политикѣ. Говорили о казни, о самоубійствѣ, о различныхъ нападеніяхъ, экспроприацияхъ, террористическихъ актахъ, и во всѣхъ разговорахъ была кровь, кровь и кровь. Другихъ, болѣе „мирныхъ“ разговоровъ среди смертниковъ почти не было.

Въ большомъ ходу были въ тюрьмѣ самосуды надъ предателями и надъ лицами, заподозрѣнными въ предательствѣ. Предателей среди заключенныхъ дѣйствительно было немало, такъ какъ на допросахъ, изъ страха смерти, многіе выдавали товарищей. Часто, однако, нельзя было установить съ достаточной точностью, кто кого оговорилъ, кто кого выдалъ. И тогда дѣло рѣшалось сплеча, безъ провѣрки обвиненія, даже безъ попытки разобраться въ немъ, и рѣшалось по большей части убійствомъ.

Кровавый самосудъ и раньше практиковался въ тюрьмахъ уголовными. Но среди уголовно-политическихъ это было новое явленіе, развивавшееся параллельно тому, какъ расло число смертниковъ. И самосуды, которые происходили при миѣ, поражали своей жестокостью, отсутствіемъ необходимой осторожности. Казалось, что люди, осужденные на смерть, считали совершенно естественнымъ осудить на смерть другого; ихъ совѣсть, по-видимому, не пугала мысль, что убиваемый ими человѣкъ можетъ оказаться невиннымъ.

Я встрѣтился въ тюрьмѣ съ однимъ человѣкомъ, который судился и военно-окружнымъ, и военно-полевымъ судомъ, привлекаясь по нѣсколькимъ смертнымъ дѣламъ и болѣе двухъ лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ между жизнью и смертью. На волѣ это былъ довольно грубый экспроприаторъ, обыкновеннаго, вульгарнаго типа. Можетъ-быть, онъ обиралъ лавочки, можетъ-быть и стрѣлялъ въ полицейскихъ. Но звѣрскихъ убійствъ за нимъ не было. Это былъ именно обыкновенный преступникъ. Въ то время, когда я встрѣтился съ нимъ, онъ готовъ былъ убить любого мало-мальски несимпатичнаго ему человѣка, если только это возможно было сдѣлать, не боясь отвѣтственности, если только кто-нибудь третій соглашался „взять дѣло на себя“. Казалось страннымъ, какъ могъ человѣкъ дойти до такого забвенія всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Такимъ сдѣлала его жизнь съ веревкой на шеѣ.

Большинство смертниковъ только и бредили, что убійствомъ и мстью. Для революціонера, даже прибѣгающаго къ террору, всякое убійство, всякое кровопролитіе всегда отвратительно, и если онъ идетъ на подобный актъ, то только потому, что считаетъ его необходимымъ. Мысль о мести, какъ таковой, безъ представленія о цѣляхъ движенія—это не мечта революціонера, а бредъ больного человѣка. И этимъ бредомъ отравлены были мысли каждаго смертника. За весьма немногими исключеніями, даже въ тѣхъ смертникахъ, которые продолжали считаться революціонерами, революція рисовалась въ томъ безобразномъ, уродливо-извращенномъ, безумномъ видѣ, въ какомъ она когда-то была изображена въ извѣстномъ стихотвореніи:

...Убійству я придамъ манящую красотость...

...И духъ возлюбитъ кровь, возлюбитъ крови алость.

Меня поразила одинъ особый пріемъ, которымъ довольно часто пользовались смертники, чтобы расплатиться со „шпиками“ и провокаторами, которыхъ они знали по волѣ. „Экзъ-

исты“ всегда знали многихъ агентовъ охраннаго отдѣленія, такъ какъ порой вмѣстѣ съ агентами ходили на „дѣла“, и во всякомъ случаѣ частенько вмѣстѣ съ ними пьянствовали. И види, что съ висѣлицы ужъ „не сорваться“, люди начинали сговариваться между собой, какъ передъ смертью сдѣлать „хоть одно доброе дѣло“. Такимъ добрымъ дѣломъ было „взять съ собой на висѣлицу“—т.-е. оговорить—какого-нибудь агента охраннаго отдѣленія или „шпика“. Иногда брали шпиговъ, которые дѣйствительно участвовали въ совершеніи преступленія, иногда другихъ, которыхъ знали по случайной встрѣчѣ или по общей выпивкѣ. Въ тюрьмѣ среди смертниковъ это встрѣчалось почти общее сочувствіе и казалось дѣйствительно хорошимъ дѣломъ.

Иногда арестанты и другъ друга „брали съ собой по дѣлу“ изъ мести. При оцѣнкѣ такого поступка арестанты обыкновенно спорили между собой о томъ, кто подалъ поводъ къ ссорѣ и т. п. Вопросы о принципиальной недопустимости извѣстнаго рода извѣтовъ не существовало въ насыщенной кровью атмосферѣ, среди людей, надъ которыми должна была совершиться казнь черезъ повѣшеніе...

Вообще масса смертниковъ производила впечатлѣніе глубокаго нравственнаго одичанія. Но ясно было одно: не это одичаніе толкнуло ихъ на путь преступленія, а напротивъ—самое одичаніе явилось результатомъ ихъ уродливаго положенія, какъ смертниковъ.

Поразительно легкимъ отношеніемъ къ человѣческой жизни, естественно развивающимся среди смертниковъ, объясняются многія трагическія исторіи, разыгравшіяся за послѣдніе годы въ русскихъ тюрьмахъ. Я имѣю въ виду попытки массоваго побѣга, которыя часто предпринимались безъ надежды на успѣхъ, даже безъ достаточныхъ стараній обезпечить удачу,—предпринимались смертниками „такъ себѣ“, „на авось“, „съ отчаянія“ и давали тюремной администраціи поводъ для кровавой расправы съ арестантами.

Но попытки отдѣльныхъ смертниковъ бороться передъ смертью со своими палачами случались при мнѣ сравнительно рѣдко. Я помню всего лишь двѣ такихъ попытки. Кажется, и въ другихъ тюрьмахъ такія попытки случались немногимъ чаще. Много разъ мнѣ приходилось слышать отъ смертниковъ такія рѣчи: „Не понимаю, какъ можетъ человѣкъ спокойно ждать казни, когда ужъ, все равно, ему конецъ. Я послѣ суда ждать не стану... Или тамъ же въ судѣ брошусь на конвой... Или здѣсь, въ тюрьмѣ, что-нибудь сдѣлаю.... Пусть убиваютъ! Все же лучше, чѣмъ

ждать". И люди, говорившіе такъ, все же безъ протеста и безъ попытки бороться шли послѣ суда въ секретку, и такъ же покорно, безъ борьбы, отдавались въ руки палача, когда доходила до нихъ очередь. Болѣе смѣлые и болѣе твердые передъ самой казью бранили палача, прокурора, священника, пытались сами накинуть петлю себѣ на голову... Но бороться, сопротивляться и они не пытались. Болѣе робкіе принимали священника и выслушивали отъ него напутственное слово. Самые слабые, не ожидавшіе казни, плакали, бились о землю...

Отъ чего происходила эта удивительная покорность казнимыхъ? Миѣ кажется, что она вполнѣ объясняется упадкомъ энергіи, особой пассивностью, которая овладѣваетъ человѣкомъ, потерявшимъ надежду на жизнь, человѣкомъ, у котораго нѣтъ завтрашняго дня. Не надѣясь ни на что, ни во что не вѣря, живя изо дня въ день въ кошмарномъ бреду, въ хаосѣ физическихъ и нравственныхъ мукъ и мыслей о мести, онъ уже не можетъ дѣйствовать. Ему трудно и самому покончить съ собою, и бороться за сохраненіе жизни. Остается лишь ждать дня казни.

VIII.

Съ вопросомъ о томъ, какъ вліяетъ атмосфера висѣлицъ на людей, тѣсно связанъ вопросъ о палачахъ. Это отвратительный вопросъ, какъ отвратительно и все остальное, о чемъ миѣ приходится писать. Пройти молча мимо этого вопроса я не могу и хочу подѣлиться нѣкоторыми своими наблюденіями.

Въ той тюрьмѣ, гдѣ я сидѣлъ, въ 1906-мъ году не было палача. Нѣсколько разъ выполненіе смертнаго приговора откладывалось на многіе мѣсяцы, такъ какъ властямъ не удавалось подыскать человѣка, который привелъ бы въ исполненіе приговоръ. Въ 1907-мъ году палачъ нашелся. Въ одной большой камерѣ арестанты-уголовные избili одного изъ своей среды. Неизвѣстно, на какой почвѣ произошла свалка. Избитый просилъ администрацію, чтобы его перевели въ отдѣльную камеру. Его перевели. Въ отдѣльной камерѣ онъ сталъ обдумывать планъ мести своимъ обидчикамъ, и, надумавъ, предложилъ начальству свои услуги въ качествѣ вѣшателя. Это былъ здоровый, сильный человѣкъ, съ очень обыкновеннымъ и очень тупымъ лицомъ. Сидѣлъ онъ за какой-то мелкій разбой съ убійствомъ. Начальство признало его годнымъ для роли палача.

Я видѣлъ этого палача въ N-ой части. На какихъ условіяхъ

онъ работаль, я не знаю. Надзиратели передавали, что за каждаго повѣшеннаго онъ получаетъ 25 рублей и три мѣсяца скидки со своего срока. Кромѣ того каждый разъ послѣ приведенія въ исполненіе приговоровъ, вынесенныхъ послѣдней сессіей военнаго суда, онъ получаль въ подарокъ новое платье. Передъ каждой казнью его поили водкой.

Благодаря тому, что работы было много, этотъ палачъ весьма быстро „отработаль“ свой срокъ, и уже въ 1908-мъ году вышелъ на волю. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его снова привели въ тюрьму—на этотъ разъ въ качествѣ смертника. Оказалось, что за короткое время, проведенное на свободѣ, онъ успѣлъ совершить цѣлый рядъ грабежей, изъ которыхъ нѣкоторые сопровождались убійствами. Не дожидаясь суда, онъ подалъ прошеніе о томъ, чтобы ему разрѣшили приняться за отправленіе своего прежняго ремесла, чтобы загладить этимъ путемъ свои преступленія. Его прошеніе было принято благосклонно. Но въ это время въ тюрьму былъ уже переведенъ изъ западнаго края другой палачъ—и товарищамъ пришлось дѣлить между собой работу.

Палачъ, переведенный изъ западнаго края, былъ невысокаго роста, очень широкоплечій, приземистый. Ходилъ онъ согнувшись, озираясь по сторонамъ, и всегда пряталь въ рукавъ палку или камень, какъ будто вѣчно опасаясь нападенія изъ-за угла. Онъ никогда не смѣялся, не улыбался. Я даже не слышалъ, чтобы онъ говорилъ съ кѣмъ-нибудь. Встрѣтивъ его въ толпѣ, всякій невольно обратилъ бы на него вниманіе и невольно вздрогнулъ бы отъ отвращенія. Глубоко ушедшая въ плечи голова; узкій, косой лобъ; густыя черныя брови, почти сросшіяся на переносицѣ; маленькіе, безконечно злые глаза, безпокойно бѣгающіе изъ стороны въ сторону, почти закрытые падающими въ беспорядкѣ длинными черными волосами; маленькое безбородое лицо съ выраженіемъ хищника; большой неулыбающійся ротъ съ узкими неподвижными губами и крупными хищными зубами. Невѣроятно отвратительно было это лицо, и при видѣ его почему-то сразу являлась мысль, что такимъ, вотъ именно такимъ и долженъ быть палачъ.

Этотъ палачъ тоже былъ смертникомъ. Рассказывали, что онъ служилъ гдѣ-то въ охранномъ отдѣленіи, совершалъ экспроприаціи... Затѣмъ попался, угодила подъ военный судъ. Сейчасъ „отработываетъ“ свой срокъ послѣ замѣны смертной казни. Оба палача сидѣли вмѣстѣ въ одной камерѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединился третій товарищъ. Этотъ палачъ не имѣлъ въ своей

наружности ничего отталкивающего, и сперва заключенные не подозревали, какую службу онъ несетъ въ тюрьмѣ. Онъ стоялъ одно время дневальнымъ на томъ коридорѣ, гдѣ я сидѣлъ. Каждый день онъ приносилъ къ дверямъ нашей камеры хлѣбъ, воду, обѣдъ, кашитокъ. Мы брали изъ его рукъ воду и пищу, разговаривали съ нимъ и ни минуты не думали, что имѣемъ дѣло съ палачемъ. Это былъ еще совершенно молодой парень, безъ всякихъ признаковъ растительности на лицѣ, высокій и стройный, съ довольно безцвѣтнымъ и полнымъ лицомъ, съ длинными волосами, съ узкими прищуренными въ видѣ двухъ щелокъ глазами, съ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ. Всегда чрезвычайно вѣжливый, расторопный и услужливый, онъ больше всего походилъ на полового изъ трактира или на приказчика изъ сквернаго магазина... И вдругъ разнесся слухъ, что этотъ молодой парень вѣшаетъ осужденныхъ, что онъ уже повѣсилъ шесть человѣкъ. Кто-то изъ заключенныхъ спросилъ его: правда ли это? Парень отвѣчалъ, что это злая клевета, и на другой день передалъ намъ записку, содержаніе которой я могу возстановить почти дословно. Вотъ чтò въ ней говорилось: „Товарищи! Это неправда, чтò рассказали вамъ про меня. Я этого себѣ никогда не позволю, такъ какъ я тоже сознательный. А то, что я будто служилъ въ охранномъ, это правда. Но только это было раньше, а не теперь. Это вотъ какъ было. Я раньше былъ воромъ, и также помогалъ сысному отдѣленію, но совѣмъ мало получалъ за это. А потомъ меня арестовали, потому что нашли краденныя вещи. И я сидѣлъ въ тюрьмѣ. Здѣсь я узналъ настоящихъ людей, и они мнѣ все рассказали и про полицію, и про правительство, и все остальное. И я понялъ, что все это афера особаго рода. Такъ что послѣ тюрьмы я поступилъ въ охранное отдѣленіе, но не для своей пользы, а я старался за народъ. Я старался такъ дѣлать, чтобы меня считали за вѣрнаго человѣка. А когда я добился, приставъ далъ мнѣ четырехъ городовыхъ и послалъ, чтобы дѣлать обыскъ. Но я, какъ сознательный, туда не пошелъ, а пошелъ къ одному помѣщику-буржую и скомандовалъ ему: „Руки вверхъ!“ И я взялъ у него 540 р. настоящихъ денегъ, какъ будто за фальшивыя. А потомъ меня хотѣли предать военному суду. Но какъ я опытный и надежный агентъ для пользы службы, то раздумали. И вотъ какъ я попалъ въ тюрьму. Но я знаю, чтò такое сознательный, и никогда не позволю, чтобы дѣлать зло другому арестанту, который также носить сѣрую шапку, какъ и я. Такъ что, товарищи, прошу васъ не вѣрить тому, чтò вамъ сказали про меня“.

Черезъ нѣсколько дней оказалось, что нашъ дневальный дѣйствительно работалъ за палача. Съ коридора его тотчасъ же убрали. Но все остальное, что рассказывалъ онъ про свою прежнюю карьеру, подтвердилось вполне: очевидно палачъ хотѣлъ полной откровенностью усыпить наши подозрѣнія. Именно эта своеобразная откровенность и дѣлаетъ автобіографію палача настолько интереснымъ документомъ, что я считалъ умѣстнымъ привести ее полностью и, насколько могъ, дословно.

Между тремя палачами часто происходили ссоры и даже драки на почвѣ профессиональнаго соперничества. Каждому хотѣлось залучить всю работу въ свои руки, а между тѣмъ приходилось дѣлить ее между тремя. И на трехъ работы было маловато: не выходило на кругъ и двухъ смертниковъ въ мѣсяцъ на брата. Сперва два палача—нашъ дневальный изъ охраннаго отдѣленія и старый палачъ, отработавшій уже раньше свой срокъ—пытались уговорить третьяго, пріѣхавшаго изъ западнаго края, чтобы онъ просилъ перевода въ другую губернію. Но тотъ не согласился. Тогда нашъ дневальный заключилъ союзъ съ палачомъ изъ западнаго края, и они вмѣстѣ напустились на третьяго конкурента. Имъ удалось оттѣснить его и забрать всю работу себѣ. Палачъ, оставшійся безъ работы, не выдержалъ и... повѣсился. Его сокамерники-палачи еле живого сняли его съ петли.

Эта „исторія трехъ палачей“ можетъ показаться выдумкой. Но въ ней нѣтъ преувеличеній. И передалъ я ее потому, что она характеризуетъ атмосферу, которой дышитъ переполненная смертниками тюрьма. Развѣ люди, ждущіе казни, могутъ не интересоваться спорами и ссорами между палачами, которые другъ у друга оспариваютъ ихъ головы и шеи?..

Чѣмъ чаще становились смертныя казни, тѣмъ больше оказывалось людей, предлагающихъ свои услуги для приведенія въ исполненіе смертныхъ приговоровъ. Нѣкоторые изъ смертниковъ, въ порывѣ отчаянія, подавали прошенія о предоставленіи имъ должности палача. Сколько было такихъ прошеній за каждую сессію—не знаю. Называли въ тюрьмѣ огромную цифру. Не привожу этой цифры, такъ какъ самъ считаю ее преувеличенной. Относительно принятыхъ, уваженныхъ прошеній въ тюрьмѣ были болѣе точныя свѣдѣнія: въ одной изолированной камерѣ тюрьмы содержалось пять бывшихъ смертниковъ, которымъ смертная казнь была замѣнена каторгой и которымъ была обѣщана работа палачей. Здѣсь сидѣли они, пять кандидатовъ въ палачи. А сколько еще смертниковъ въ секреткахъ смотрѣло на нихъ съ тайной завистью?..

IX.

Живя среди смертниковъ, я научился отдѣлять вопросъ о смертной казни отъ тѣхъ второстепенныхъ, совершенно постороннихъ вопросовъ, съ которыми его обыкновенно смѣшиваютъ.

Не существенно для вопроса о смертной казни то, мучительна ли или безболѣзненна эта казнь. Вѣшаютъ ли приговоренныхъ или сажаютъ на колъ, спосылаютъ ли имъ голову гильотиной или ихъ сжигаютъ на кострѣ, удавливаютъ ли ихъ ошейникомъ по-испански или четвертуютъ по-китайски—все это не относится къ существу вопроса. Все это относится къ техникѣ смертной казни. И только съ технической (а не съ принципиальной) точки зрѣнія можно обсуждать эти подробности.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, какъ относится къ смертной казни осужденный—встрѣчаетъ ли онъ ее съ полнымъ спокойствіемъ или сходить съ ума отъ страха. Вѣдь то, что человѣкъ боится смерти, не увеличиваетъ его права на жизнь. А то, что человѣкъ прямо смотритъ смерти въ глаза, не даетъ другому человѣку права убить его.

Не существенно для вопроса о смертной казни и то, насколько нравственны, чисты и непорочны люди, которыхъ вѣшаютъ. Убийство всегда остается убійствомъ, смертная казнь всегда остается смертной казнью—а казнь всегда есть убійство. Личныя качества казнимыхъ могутъ опредѣлять степень нашего сочувствія къ нимъ, могутъ опредѣлять и социальную убыточность казни. Но вопросъ о смертной казни не долженъ имѣть ничего общаго ни съ соображеніями социальной убыточности, ни съ сочувствіемъ, ни съ жалостью. При чемъ здѣсь сочувствіе, когда сегодня Ивановъ—палачъ, Сидоровъ—жертва, а вчера еще Сидоровъ могъ оказаться палачемъ, Ивановъ—жертвой? При чемъ здѣсь жалость, когда на висѣлицу идетъ Х, не нуждающийся въ жалости, а рядомъ съ нимъ—какой-нибудь убійца, не стоящій жалости? Долженъ быть такой взглядъ на казнь, при которомъ исчезаетъ личность казнимаго и остается лишь одно: казнить человѣка! Лишь эти два слова: *казнить человѣка*.

Кромѣ принципиальной оцѣнки смертной казни, какъ таковой, можно изучать ее и съ различныхъ специальныхъ точекъ зрѣнія. Меня въ тюрьмѣ занимала юридическая точка зрѣнія на вопросъ: можно ли прослѣдить непосредственную связь между практикой смертныхъ казней и ростомъ преступности? Для

того, чтобы отвѣтить съ полнотою на этотъ вопросъ, нужны болѣе широкія и, во всякомъ случаѣ, болѣе спокойныя наблюденія. Но вотъ нѣсколько подмѣченныхъ мною черточекъ, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣкоторый интересъ въ качествѣ матеріала.

Въ тюрьмѣ мнѣ пришлось узнать подробности многихъ нападеній, покушеній и отстрѣливаній, которыми въ свое время наполнялись столбцы газетной хроники. Пришлось познакомиться и съ героями этихъ преступленій. У нихъ бросался въ глаза какой-то странный избытокъ молодечества, бравированіе опасностью, то, что на языкѣ полицейскихъ протоколовъ и газетныхъ отчетовъ обозначается словами: „необыкновенная дерзость“. Эта „дерзость“ въ глазахъ властей часто является *признакомъ* при рѣшеніи вопроса о томъ, отнести ли данное преступленіе къ разряду обыкновенныхъ „уголовныхъ“ дѣлъ—или „уголовно-политическихъ“, направить ли его въ общій уголовный судъ—или передать его въ военный судъ, „для сужденія по законамъ военного времени“. Если преступленіе совершено со всѣми предосторожностями, съ явнымъ желаніемъ выполнить дѣло „въ тихую“—это уголовный *грабежъ*. Если нападеніе совершено съ трескомъ и блескомъ, на-удалую, съ вызывающей прямою, съ выраженіемъ полной готовности лицомъ къ лицу встрѣтить опасность,—это уголовно-политическая *экспроприация*. Или, говоря иначе, если за угрозой ножомъ, ломомъ или топоромъ слѣдовала команда: „лежи и ни съ мѣста“—это *уголовное дѣло*; если же вслѣдъ за появленіемъ съ револьверомъ раздались сакраментальныя слова: „руки вверхъ“—это дѣло *уголовно-политическое*...

Такое дѣленіе настолько вошло въ практику нашихъ судовъ, что всѣ считаютъ его вполне естественнымъ. И нельзя не признать, что здѣсь дѣйствительно имѣются налицо двѣ существенно различныя группы явленій. При сравненіи подробностей въ двухъ сходныхъ между собой нападеніяхъ, изъ которыхъ одно—уголовное, а другое—уголовно-политическое, я всегда поражался глубокимъ ихъ различіемъ. Тамъ—холодный расчетъ, стремленіе получить извѣстную добычу, не подвергаясь ни риску, ни опасности. Здѣсь—стремительный натискъ, желаніе захватить добычу и вмѣстѣ съ тѣмъ показать себя, испытать острое чувство опасности. Тамъ—будничное дѣло, черная работа. Здѣсь—искусство, спортъ, жестъ, игра со смертью.

Рѣзко различаются между собой и участники тѣхъ и другихъ нападеній. Тамъ—по большей части рецидивисты, начавшіе съ мелочи, закончившіе свое образованіе въ тюрьмѣ, постепенно

усовершенствовавшіеся въ своемъ ремеслѣ, постепенно расширявшіе районъ и размахъ своей дѣятельности, постепенно поднимавшіеся вверхъ по лѣстницѣ уголовныхъ статей. Здѣсь—на первомъ планѣ заводская молодежь, рабочіе и безработные, затѣмъ мелкіе служащіе, учащіеся. Тамъ—мрачные, отталкивающія лица, часто съ ясной печатью вырожденія, лица тупыя, равнодушныя, забытыя. Здѣсь—молодые свѣжія лица, въ которыхъ даже предубѣжденный глазъ не найдетъ никакихъ виѣшнихъ признаковъ преступности или порочности.

А мотивы преступленія? Въ обыкновенныхъ „уголовныхъ“ дѣлахъ эти мотивы такъ просты, такъ понятны. Въ такъ называемыхъ „уголовно-политическихъ“ дѣлахъ не то. Вотъ молодой рабочій, зарабатывавшій на волѣ около 80-ти рублей въ мѣсяцъ, жившій вполнѣ безбѣдно съ родителями, не пьянствовавшій, не предававшійся никакимъ излишествамъ. Вместе съ тремя товарищами онъ идетъ экспроприровать артельщика, въ сумкѣ котораго, по ихъ расчетамъ, должно находиться около тысячи рублей. Нужны ли были ему эти деньги? Нѣтъ. Идя на экспроприацію, стрѣляя въ людей и самъ подставляя свою грудь подъ выстрѣлы, онъ самъ не отдавалъ себѣ точнаго отчета въ томъ, на чтѣ употребить онъ эти деньги, на чтѣ онѣ нужны ему, да и нужны ли ему вообще эти деньги. Можетъ-быть, онъ не зналъ, что за нападеніе его ждетъ висѣлица? Нѣтъ! Это онъ зналъ превосходно, такъ какъ каждый день читалъ о нападеніяхъ и о смертныхъ казняхъ; въ послѣдніе годы ни о чемъ не говорили вокругъ него такъ много, какъ о висѣлицахъ. Можетъ-быть, это развращенный злодѣй, которому нужно насиліе ради насилія, которому невыносимъ честный трудъ? Нѣтъ! Это простой, трудолюбивый парень, про котораго десятки свидѣтелей могутъ показать, что онъ всегда былъ честенъ и добросовѣстенъ, никогда не кралъ, никогда не дрался... Чтѣ же толкнуло его на поступокъ, за который его ждетъ висѣлица?

Это не праздные вопросы. Это вопросы, которые съ чудовищной яркостью становятся передъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ среди смертниковъ. Когда передо мной приводился край завѣсы, скрывающей отъ постороннихъ глазъ душевную жизнь этихъ людей, мнѣ было страшно видѣть, что многіе изъ нихъ пришли къ своему нынѣшнему положенію, пришли къ висѣлицѣ безъ всякаго къ тому повода, „такъ себѣ“, зря. Жилъ-жилъ человѣкъ, никого не трогалъ. И вдругъ совершилъ дѣло, котораго никто не могъ ожидать отъ него. Чтѣ же толкнуло его на роковой путь, приведшій его къ висѣлицѣ?

Много разъ обращался я съ этимъ вопросомъ къ отдѣльнымъ смертникамъ. И послѣ краткаго раздумья, они отвѣчали какъ-то странно, неопредѣленно.

— Вы ради денегъ шли на первую экспроприацію?

— Отчасти изъ-за денегъ... А больше, такъ себѣ, зря, сдуру...

Такой отвѣтъ мнѣ пришлось слышать не одинъ десятокъ разъ. Нерѣдко приходилось слышать и вотъ что:

— Я и не думалъ идти. Да парни знакомые затащили. У нихъ, видите, было дѣло одно задумано. Нужно было всего пятерыхъ, а у нихъ пятого не хватало. А какъ они знали меня за такого, который не выдастъ, то и предложили мнѣ участвовать. Я и пошелъ!..

Оказывалось, такимъ образомъ, что человекъ пошелъ на висѣлицу, чтобы не отказать товарищамъ въ маленькой услугѣ. Такихъ „случайныхъ“ смертниковъ въ тюрьмѣ было довольно много. Но еще чаще смертники иначе описывали причины, толкнувшія ихъ на роковой путь.

— Развѣ я изъ-за денегъ шелъ?—говорилъ мнѣ одинъ молодой и очень типичный эксъ-истъ. Безъ денегъ, конечно, не обойдешься, да и денегъ у меня и изъ заработка хватало: могъ еще и подѣлиться съ кѣмъ нужно... А просто испытать хотѣлось... Думалъ попробовать... Вижу, другіе дѣлаютъ. И смѣло дѣлаютъ, и не боятся же петли! Ну, я и думаю: дай-ко попробую, какъ оно выходитъ, чтò чувствуешь?..

Я задумывался надъ этими словами, и передо мною открылся весь ужасный смыслъ этихъ „глупыхъ“, „безтолковыхъ“ словъ. Человекъ шелъ на преступленіе, чтобы испытать острое чувство, жгучее возненіе. Человекъ шелъ на висѣлицу, чтобы попробовать, „какъ оно выходитъ, чтò чувствуешь“. Значить, висѣлица съ какой-то чудовищной силой притягивала его къ себѣ, подобно тому, какъ пропасть притягиваетъ къ себѣ слабыхъ людей, заставляетъ ихъ свѣшиваться надъ бездной, пробуждаетъ желаніе сдѣлать еще одинъ шагъ, одинъ маленькій шагъ впередъ. Значить, человекъ стрѣлялъ въ людей для того, чтобы испытать то острое чувство, которое на всемірной выставкѣ въ Чикаго можно было испытать за деньги въ кабинетѣ предприимчиваго устроителя висѣлицы! Значить, висѣлица, это безобразное чудовище, поставленное людьми на стражѣ закона, поставленное для устрашенія, для того, чтобы отпугнуть другихъ людей отъ пути преступленія,—эта висѣлица стала маякомъ, она сама притягиваетъ къ себѣ все новыя и новыя жертвы.

Да! Висѣлица сама создаетъ преступниковъ. Висѣлица, мать-

кормилица палача, сама принимаетъ на себя заботу о томъ, чтобы палачъ не оставался безъ дѣла и не накладывалъ на себя руки съ отчаяніемъ. Висѣлица сама создаетъ и палачей, и висѣльниковъ. И пока твердо стоитъ висѣлица — ни въ палачахъ, ни въ висѣльникахъ никогда не будетъ недостатка!

Мнѣ кажется, что притягательное дѣйствіе висѣлицы вполне понятно. Она гипнотизируетъ и влечетъ къ себѣ человѣка такъ, какъ гипнотизируетъ и привлекаетъ къ себѣ свою жертву змѣя, какъ гипнотизируетъ и притягиваетъ бездна. И я самъ испыталъ это дѣйствіе висѣлицы... Тамъ, въ тюрьмѣ, среди висѣлицъ, въ атмосферѣ казней являлись дикія мысли, складывались дикіе планы, какихъ раньше я никогда не замѣчалъ въ своей головѣ. Вдругъ являлось желаніе сдѣлать что-нибудь такое, за чтò слѣдуетъ висѣлица. Не являлось, правда, мысли о томъ, чтобы ограбить кого-нибудь... Но — выхватить револьверъ изъ кобуры надзирателя, выстрѣлить... Не для того, чтобы убить, не для того, чтобы пробиться къ выходу, не для того, чтобы покончить съ собой, не для того, чтобы напугать палачей, а просто „такъ себѣ“, попробовать. И когда я замѣчалъ такія мысли въ себѣ, человѣкъ хладнокровномъ, и скорѣе сильномъ, чѣмъ слабымъ, — могъ ли я сомнѣваться въ томъ, чтò рассказывали мнѣ другіе люди, описывавшіе, какъ встали они на ведущій къ висѣлицѣ путь „такъ себѣ“, чтобы попробовать?..

И не разъ, въ дни казней, кто-нибудь изъ сидѣвшихъ вмѣстѣ со мной товарищей говорилъ какъ бы про себя:

— Вотъ теперь, когда выйдемъ на коридоръ, схватить бы надзирателя, вытянуть его револьверъ — и пошелъ бы смолить!..

Я смѣялся:

— Вотъ выдумалъ! У тебя вѣрно не все въ порядкѣ! Что ты съ револьверомъ сдѣлаешь?

И другіе тоже смѣялись. Каждый чувствовалъ, что и въ его душѣ шевелятся тѣ же странныя мысли.

Да! Висѣлица влекла къ себѣ свои жертвы. Но болѣе сильные люди удерживались, болѣе слабые шли — и умирали въ петлѣ.

Это я говорю не объ единичныхъ идейныхъ террористахъ, которыхъ вела на висѣлицу другая сила. Я говорю о той сѣрой массѣ смертниковъ, которыхъ только въ насмѣшку можно назвать „борцами за народъ“, которыхъ только по ошибкѣ можно считать „революціонерами“, о той массѣ, которая составляетъ большую часть казнимыхъ. Я не могъ не отмѣтить нравственнаго одичанія этихъ людей, но не могу не отмѣтить и того, чтò сдѣлало ихъ такими.

Взять хотя бы фантастическія сопротивленія и отстрѣливанья, которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ наблюдались во всѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ только примѣнялись смертныя казни: въ царствѣ польскомъ, на югѣ Россіи, на Кавказѣ, въ Петербургѣ. Какой смѣшной и жалкой комедіей кажется рядомъ съ этими сопротивленіями пресловутый „фортъ Шаброль“ въ Парижѣ! Нигдѣ въ мірѣ не могли бы имѣть мѣсто такія перестрѣлки, такія сопротивленія одного человѣка цѣлымъ ротамъ солдатъ, которыя въ Россіи одно время вошли въ повседневный обиходъ и никого уже не удивляли. Но почему это такъ? Или власть у насъ недостаточно сильна? Или люди у насъ смѣлѣе, предприимчивѣе и преступнѣе, чѣмъ, напр., въ Англии? Или все это продолженіе революціи? Не буду искать отвѣта на эти вопросы, не буду входить въ разборъ происхожденія русскаго бандитизма. Отмѣчу лишь одно наблюденіе. Отчаянная смѣлость, безусловное презрѣніе къ смерти, безконечное молодечество—всѣ эти черты воспитаны въ значительной степени практикой смертныхъ казней. Много ли нужно, чтобы развились эти черты въ человѣкѣ? Для этого достаточно имѣть крѣпкіе, напряженные нервы и искренно исповѣдывать, что жизнь — копѣйка. Остальное приложится. А что можетъ такъ хорошо подготовить первы людей къ отчаяннымъ кровавымъ подвигамъ, какъ висѣлица? Можетъ ли быть придумано лучшее средство для постепеннаго вытравленія всѣхъ нравственныхъ цѣнностей изъ души человѣка?

Въ соціальной педагогикѣ смертная казнь—одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ. Теоретически я, конечно, зналъ это и до тюрьмы. Но нужно было пожить среди висѣлицъ, чтобы оцѣнить все значеніе этого средства.

Извѣстно, что тюрьма является школой преступленій, академіей, хранящей и разрабатывающей традиціи преступнаго міра; тюрьма сама воспитываетъ своихъ будущихъ кліентовъ, такъ что тотъ, кто попалъ въ тюрьму на короткій срокъ, почти неизбѣжно снова попадаетъ въ нее уже на болѣе продолжительное время. Но достаточно ли сознаютъ, что и висѣлица сама готовитъ преступниковъ? Какъ тюрьма дѣйствуетъ автоматически, напередъ обезпечивая себя жильцами, чтобы никогда не пустовали ея камеры, такъ же и висѣлица обезпечиваетъ себя жертвами, чтобы не болталась напрасно въ воздухѣ ея веревка...

Въ тюрьмѣ у меня являлся иногда вопросъ: что случилось бы, если бы у насъ были обложены смертной казнью не нападенія съ цѣлью грабежа, а какія-нибудь другія преступленія? Если бы, напр., вздумалось бы кому-нибудь передавать

военному суду и судить по 279-ой статьѣ все дѣла о дуэляхъ или объ изнасилованіяхъ? И мнѣ казалось почти несомнѣннымъ, что такая мѣра вызвала бы, при „неукоснительномъ“ ея примѣненіи, эпидемическое усиленіе соответствующихъ преступленій... Полной увѣренности въ такомъ вопросѣ, конечно, не можетъ быть, пока не произведено опыта. Но судя по тому, что наблюдалъ и среди смертниковъ, социальное-педагогическое дѣйствіе смертной казни именно такое.

Х.

Еще нѣсколько словъ о дѣйствіи казни на окружающихъ.

Мнѣ много разъ приходилось имѣть свиданіе одновременно со смертниками. Передъ одной сѣткой стояли мы, заключенные, за другой сѣткой, въ разстояніи 1—2 аршинъ отъ насъ, стояли люди, пришедшіе къ намъ на свиданіе. Рядомъ со мной стояли смертники, скованные по рукамъ и по ногамъ. И я не могъ разговаривать со своими, а все смотрѣлъ на этихъ людей, для которыхъ настоящее свиданіе, быть можетъ, было послѣднимъ...

Помню, разъ рядомъ со мной стоялъ молодой рабочій. Онъ держалъ руки опущенными внизъ, чтобы мать и сестра, пришедшія къ нему на свиданіе, не замѣтили его ручныхъ кандаловъ. Лицо его было спокойно и даже улыбалось слабой, болѣзненной улыбкой, но голосъ вздрагивалъ и прерывался. А за 1—2 аршина отъ него, прижавшись къ желѣзной сѣткѣ, рыдали двѣ женщины — сѣдая, бѣдно одѣтая старушка и молодая дѣвушка. Онѣ не могли говорить и только повторяли одно дорогое имъ имя:

— Андрюша... Андрюша...

А смертникъ, блѣдный, но спокойный, болѣзненно улыбаясь и скрывая отъ ихъ взглядовъ скованныя руки, говорилъ:

— Ну, прощайте, дорогія! Живите, счастливо живите... Я не боюсь. Разъ вышло такъ, ничего ужъ не подѣлаешь... Ну, не плачьте. Будетъ! Живите... Живи, сестра!.. Спасибо, что пришли навѣстить въ послѣдній разъ... Будьте счастливы. Хорошо живите...

И вдругъ мать его закричала:

— Андрюша... Вѣдь не послѣдній разъ... Свидимся еще.

И сестра тоже говорила:

— Вѣдь не скоро еще... можетъ-быть замѣнять... Андрюша!

Подумай.

Смертникъ вздрогнулъ и нахмурился, но снова овладѣлъ собой:

— Не замѣнять! Я знаю. О томъ и говорить не стоитъ. А предпоследній разъ я такъ себѣ сказалъ. Можетъ-быть и не скоро. А лучше всегда быть готовымъ. Ну, не плачьте... Я вѣдь спокоенъ. Кончится все такъ скоро, такъ просто... Это только со стороны страшно.

— Андрюша... Андрюша...

Рыдали обѣ женщины. Надзиратель пріоткрылъ дверь въ камеру свиданій:

— Кончай свиданіе!..

Смертникъ заторопился.

— Ну, прощайте, милыя... Спасибо, что пришли... живите...

И онъ твердымъ шагомъ двинулся къ выходу. Но снова остановился и почти не глядя на мать и сестру, глухо сказалъ:

— Вѣдь въ послѣдній разъ сегодня...

Я не видѣлъ лицъ пришедшихъ къ нему на свиданіе женщинъ, не слышалъ, что отвѣчали онѣ ему...

Когда мы шли черезъ дворъ, я замѣтилъ слезы на глазахъ у смертника. Болѣзненно улыбаясь, онъ сказалъ мнѣ:

— Меня этимъ вечеромъ возьмутъ... Сегодня моя очередь и Кирилла... У насъ знаютъ. А имъ я не могъ сказать... Хотѣлъ подготовить, да не могъ... Не поймутъ онѣ.

Сколько разъ приходилось слышать это „не поймутъ“ изъ устъ приговоренныхъ, ждущихъ казни. Сколько разъ приходилось наблюдать, какъ встрѣчаютъ казнь преступники и какъ относятся къ этому событію близкіе имъ люди, остающіеся въ живыхъ. И мнѣ бросалась въ глаза одна черта смертной казни, одна особенность, неизбѣжно присущая этому виду „наказанія“: вѣдь смертная казнь почти всегда самого преступника затрагиваетъ менѣе сильно, чѣмъ его близкихъ. Это можетъ считаться аксіомой. Для смертника мученье кончается въ моментъ совершения казни, въ моментъ приведенія приговора въ исполненіе. Для его близкихъ только въ этотъ моментъ начинается самое ужасное, начинается кошмаръ того, что уже совершилось. И потому смертная казнь является мщеніемъ, направленнымъ не столько противъ самого преступника, сколько противъ всѣхъ его близкихъ, противъ его семьи. Въ этомъ отношеніи куда логичнѣе было старинное установленіе родовой мести.

При видѣ слезъ отчаянія матерей и сестеръ смертниковъ я не раздумывалъ, конечно, о родовой мести и о другихъ юридическихъ древностяхъ. Но мучительно-назойливо лѣзла въ глаза

чудовищная несправедливость того, что совершалось изо дня в день. Пусть виновенъ преступникъ. Но вѣдь не его одного казнить палачъ. Развѣ этой, такой простой и вмѣстѣ съ тѣмъ такой чудовищной истины можно не видѣть...

Я сидѣлъ одно время во второмъ этажѣ тюрьмы; окна моей камеры выходили на дорогу, по которой утромъ отправляли преступниковъ въ военный судъ и по которой вечеромъ приводили ихъ обратно въ тюрьму, уже приговоренныхъ къ смертной казни. Изъ окна видна была часть дороги противъ тюрьмы. Во время сессіи военного суда не проходило ни одного дня безъ смертнаго приговора. Иные дни судъ выносилъ сразу по три-четыре смертныхъ приговора, и больше... Впереди окруженной конвоемъ партіи арестантовъ гарцовалъ на конѣ стражникъ. Арестантовъ и конвойныхъ не было видно: ихъ скрывала отъ глазъ высокая тюремная стѣна. Но ясно допосилось съ дороги бряцаніе цѣпей. Не было видно за стѣной и людей, провожавшихъ отъ суда до тюрьмы осужденныхъ. Но когда процессія подходила къ самымъ воротамъ тюрьмы, вдругъ начинался крикъ, плачь. И, бывало, ворота уже захлопнулись за смертниками и другими осужденными, приговоренные къ каторгѣ уже заперты въ своихъ камерахъ, приговоренные къ висѣлицѣ уже помѣщены въ секреткѣ—а передъ тюрьмой все еще продолжаютъ вопли отчаянія, плачь, крики. Каждый звукъ отчетливо ясно доносился въ камеры черезъ открытое окно, и каждый звукъ мучительнымъ ударомъ падалъ на напряженные нервы. Плачь и вопли передъ тюрьмой продолжались иногда по полчаса, иногда дольше. Затѣмъ на площадку передъ тюремными воротами выѣзжали стражники:

— Расходись!..

Стучали по камнямъ подковы лошадей, пронзительно звонко кричали женщины. Потомъ все смолкало. Толпа разошлась. Не слышно было и криковъ отчаянія, но чувствовалось, какъ-то болѣзненно ясно чувствовалось, что эти вопли и крики продолжаютъ, что они только перемѣстились туда, дальше за стѣну тюрьмы.

Насъ сидѣло въ камерѣ больше десяти человекъ. Большинство составляли рабочіе. Среди насъ были различныя люди. Нѣкоторымъ предстояло въ недалекомъ времени познакомиться съ намыленной веревкой. Большинство составляли люди суровые и меньше всего склонные къ какимъ бы то ни было сантиментальностямъ. И все же на насъ потрясающимъ образомъ дѣйствовали эти крики передъ воротами тюрьмы.

Но самыя смертныя казни производили на насъ слабое впечатлѣніе. Къ казнямъ мы привыкли и старались не обращать на нихъ вниманія. Мы только считали, сколько человѣкъ казнено съ начала сессіи, сколько человѣкъ получило замѣну висѣлицы каторгой, сколько остается еще въ секреткахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Живые люди исчезали для насъ за этими цифрами, такъ же какъ для постоянныхъ читателей газетъ живые люди исчезали за безстрастными статистическими данными.

Такое отношеніе къ смертнымъ казнямъ сложилось, конечно, не сразу и не могло оставаться вполне неизмѣннымъ, вполне устойчивымъ. Помню, въ первое время моего пребыванія въ тюрьмѣ казни дѣйствовали на меня удручающе. Когда начались казни, я не находилъ себѣ мѣста, ни о чемъ другомъ, кромѣ висѣлицъ, не могъ думать, ничѣмъ не могъ заняться. Я старался узнать имя каждаго казнямаго и всѣ подробности его дѣла. Мнѣ казалось, что я долженъ запечатлѣть въ душѣ весь ужасъ того, что дѣлалось на моихъ глазахъ. И картины казни огненными чертами врѣзывались въ душу.

Это было для меня самое мучительное время. Мнѣ казалось, что голова не выдержитъ. Но затѣмъ впечатлѣніе отъ новыхъ смертныхъ казней стало постепенно ослабѣвать. Я ужъ не справлялся объ именахъ, справлялся только о числѣ казненныхъ и о томъ, повѣшены ли или нѣтъ такіе-то и такіе-то болѣе близко знакомые мнѣ смертники. Затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ расло число казней, цифры тоже начали утрачивать свою яркость, свою выразительность. Я началъ сбиваться со счета...

То же самое происходило и со всѣми другими заключенными. Всѣ привыкали мало-по-малу къ смертнымъ казнямъ, пріучались смотрѣть на нихъ и не замѣчать ихъ. Воздухъ кругомъ весь былъ наполненъ убійствомъ и смертью, отвратительными призраками казней и казненныхъ, предсмертной тоской и отчаяніемъ. И на этомъ фонѣ терялись отдѣльныя казни. Ибо что такое въ концѣ-концовъ отдѣльная казнь? Убійство одного человѣка, одна смерть — не больше. А въ окружавшей насъ обстановкѣ мы пріучались жить, приоровившись къ ней и не замѣчая ея чудовищной уродливости.

Помню, какъ удивило насъ открытіе, что мы привыкли къ смертнымъ казнямъ. Какъ-то вечеромъ мы сидѣли въ своей камерѣ вокругъ стола и играли въ шашки. Повѣрка уже отошла. Въ тюрьмѣ было тихо. Вдругъ со двора донесся стукъ и шумъ. Взглянули въ окно: калитка въ тюремныхъ воротахъ была

открыта, во дворъ входили надзиратели и стражники. Кто-то замѣтилъ:

— За смертниками пошли... Будутъ брать на казнь.

Но другіе не прерывали игры и продолжали сидѣть за столомъ, не поднимая головъ.

Надзиратели вошли въ корпусъ тюрьмы. Изъ нижняго этажа слышались звуки тяжелыхъ шаговъ, сдержаннаго говора многихъ голосовъ, затѣмъ лязгъ отпираемаго замка... Черезъ нѣсколько минутъ во дворѣ снова показались темныя мужскія фигуры, поспѣшно направлявшіяся къ воротамъ.

Стоя у окна, товарищъ считалъ проходившихъ въ двери.

— Тройхъ взяли... Лицъ не разобрать. Нужно будетъ завтра спросить имена.

Остальные молчали, не отрываясь отъ игры.

— Твой ходъ.

— Я дамкой хожу...

И снова молчаніе. И вдругъ одинъ съ удивленіемъ проговорилъ:

— Странно, товарищи! Какъ это мы приспособились! Не замѣчаемъ даже казней. А раньше-то, еще два мѣсяца тому назадъ, чтò было?

И игра какъ-то сразу прекратилась. Всѣмъ стало тяжело на душѣ.

И не то, чтобы совѣстно было за недостатокъ сочувствія къ казнямымъ. Никто въ тюрьмѣ не считалъ своимъ долгомъ „сочувствовать“ всѣмъ, кого вели на казнь, и никто не старался притворяться сочувствующимъ. Безстрастное отношеніе къ смерти было необходимо намъ, и мы уважали и цѣнили это душевное качество. И все же каждому стало жутко и неловко, когда мы замѣтили, что казни перестали волновать насъ, что мы можемъ спокойно продолжать играть въ шашки въ то время, какъ мимо нашего окна ведутъ трехъ человекъ на казнь... Каждый невольно подумалъ о томъ, сколь многое должно было перегорѣть и отмереть у него въ душѣ для того, чтобы смертная казнь перестала волновать его.

Да, въ этой атмосферѣ, пропитанной кровью, медленно, но неизбежно стирались, выцвѣтали всѣ чувства, тускнѣли всѣ цѣнности. Это было то же одичаніе, которое въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ я замѣчалъ у смертниковъ.

Но неизмѣнно твердымъ оставалось чувство общаго ужаса. Чувствовалось, что этотъ ужасъ не ограничивается тюремными стѣнами, что, перешагнувъ черезъ тюремный порогъ, все же не

уйдешь отъ этого кроваваго кошмара. Вѣдь ужасъ положенія не въ томъ, что здѣсь вблизи отъ меня совершаются убійства людей черезъ посредство палача, и я не могу помѣшать этимъ убійствамъ. Ужасъ былъ въ томъ, что эти убійства вообще совершаются. То обстоятельство, что я запертъ въ тюрьмѣ, заставляло меня видѣть вблизи этотъ ужасъ. Но я могъ бы быть далеко, могъ бы быть по ту сторону тюремной стѣны, могъ бы не видѣть, не слышать ничего. Было ли бы это лучше для меня? Нѣтъ! Ибо ничего нѣтъ отвратительнѣе спокойствія и благодушія человѣка, когда это спокойствіе основывается на томъ, что человѣкъ не видитъ и не слышитъ, что происходитъ вдали отъ него. Пусть въ куски рвется сердце, но человѣкъ долженъ все видѣть, долженъ все слышать! Пусть въ куски рвется сердце, но это лучше, чѣмъ благополучное существованіе съ закрытыми глазами и заткнутыми ушами.

И являлась мысль: повсюду вѣдь то же самое! Выхода нѣтъ. Я безсиленъ и беспомощенъ. Быть-можетъ мое положеніе скоро измѣнится: я выйду на волю, вернусь къ любимой наукѣ, вернусь къ общественной дѣятельности. Но вѣдь это останется. Я не буду видѣть секретокъ, трагическихъ лицъ, не буду слышать стоновъ, криковъ, вѣчнаго звона кандаловъ. Я забуду эти картины и эти звуки. Но вѣдь это значить просто закрыть глаза и заткнуть уши! Этого я не хочу, этого я не могу принять. А другого выхода нѣтъ! Или на подобіе перепуганнаго страуса зарыть свою голову въ песокъ, или жить съ открытыми глазами, съ открытыми ушами. А въ послѣднемъ случаѣ—вѣчно остаться въ кровавомъ туманѣ. Куда ни пойдешь—эготъ туманъ не покинетъ меня. Повсюду будутъ преслѣдовать тебя оставленные далеко позади картины и звуки. Ты останешься среди висѣлицъ, гдѣ бы ты ни былъ и тамъ, виѣ тюремныхъ стѣнъ.

Не было выхода!

Это сознаніе было безконечно тягостно. Съ этимъ сознаніемъ все умирало въ душѣ. Не оставалось мѣста ни жаждѣ свободы, ни желанію сохранить жизнь. Не оставалось ничего, кромѣ чудовищнаго кошмара, и не чувствовалось ему конца.

. С.

П Р А В О

ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ

Вопросу о принудительномъ отчужденіи земельной собственности суждено стать центральнымъ и основнымъ вопросомъ русской экономической жизни и государственной политики. Правда, въ наши дни члены землевладѣльческой Государственной Думы утверждаютъ, что вѣра русскаго мужичка „въ пространство“ ненадежна. Но экономическая жизнь народа, особенно трудовыхъ массъ, имѣетъ свои собственные законы внутренняго развитія, а массовая психологія, выросшая на почвѣ историческихъ условій и бытовой обстановки, обладаетъ большою способностью сопротивленія. Пройдутъ года. Экономическая эволюція совершитъ дальнѣйшій кругъ развитія, и вновь передъ русскимъ обществомъ, передъ русскимъ народомъ встанетъ все тотъ же старый, наболѣвшій вопросъ о принудительномъ отчужденіи. Не смотря на кажущійся упадокъ интереса къ нему, онъ сохраняетъ значеніе современной проблемы.

Въ настоящей работѣ я намѣренъ остановиться исключительно на вопросѣ о *юридическихъ основаніяхъ* права принудительнаго отчужденія. Въ современной юридической, экономической и соціологической литературѣ накопилось не мало доводовъ и аргументовъ въ пользу института принудительнаго отчужденія, съ точки зрѣнія *дѣйствующаго права, положительнаго законодательства*. Доказать, что идея принудительнаго отчужденія дѣликомъ вкладывается въ рамки современнаго дѣйствующаго права — такова задача настоящаго труда.

I.

По справедливому замѣчанію одного изъ изслѣдователей вопроса о правѣ принудительнаго отчужденія, проф. Grünhut'a, „исторія права принудительнаго отчужденія отражаетъ въ себѣ отчасти социальныя перевороты, которымъ подверглось въ теченіе міровой исторіи индивидуальное право собственности“¹⁾. Въ этихъ словахъ отмѣчена тѣсная связь, существующая между понятіемъ права на принудительное отчужденіе и болѣе общимъ понятіемъ самаго права собственности. Изъ взгляда на объемъ дѣйствія и предѣлы вліянія права собственности вытекаетъ соотвѣтствующій взглядъ на поводы и границы допустимаго принудительнаго отчужденія. Необходимо, поэтому, предварительный анализъ идеи собственности въ ея современномъ пониманіи.

Идея собственности является однимъ изъ основныхъ, первичныхъ понятій, лежащихъ въ основѣ всякаго общественнаго уклада. По словамъ проф. Петражицкаго, „основной типъ и главный базисъ распредѣленія хозяйственныхъ благъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основной базисъ экономической и социальной жизни вообще представляетъ явленіе собственности индивидуальной—основной базисъ такъ называемаго частнохозяйственнаго или капиталистическаго социальнаго строя, или коллективной—основа первобытнаго или иного коллективистическаго социальнаго строя... Люди такъ привыкли къ явленію собственности, что для нихъ обыкновенно здѣсь не возникаетъ никакихъ проблемъ; то явленіе, что имѣнія и разные другіе предметы словно какими-то невидимыми связями закрѣплены за опредѣленными лицами, наивному мышленію вовсе не представляется загадкой и не возбуждаетъ любознательности и потребности причиннаго объясненія... Научнаго, реально-психологическаго изученія и причиннаго объясненія подлежащихъ явленій здѣсь не имѣется, и соотвѣтственныхъ вопросовъ не возникаетъ... Дѣлаются попытки опредѣлить природу собственности. Эти попытки до сихъ поръ не увѣнчались успѣхомъ, и вопросъ о природѣ собственности, такъ же, какъ и другія важнѣйшія и основныя проблемы правовѣдѣнія, представляетъ спорный вопросъ“²⁾.

¹⁾ С. J. Grünhut, „Das Enteignungsrecht“ (Вѣна, 1873); его же статья „Enteignung“ въ „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, т. III.

²⁾ Проф. Л. I. Петражицкій, „Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности“ т. I, Сиб., 1907. Leo v. Petrazycki, „Die Lehre vom Einkommen“, т. II, Берлинъ, 1895.

Преобладающее теченіе въ наукѣ права разсматриваетъ собственность какъ непосредственную связь лица съ вещью, какъ господство, власть лица надъ вещью. По словамъ проф. Шершеневича, „опредѣленіе права собственности представляетъ значительныя затрудненія, не смотря на видимую его простоту и ясность. До сихъ поръ въ наукѣ не установлено точнаго понятія о немъ. По наибольше распространенному опредѣленію, совпадающему съ житейскимъ представленіемъ о правѣ собственности, послѣднее представляетъ неограниченное и исключительное господство лица надъ вещью“¹⁾. Дальше проф. Шершеневичъ, однако, замѣчаетъ, что признакъ неограниченности встрѣчаетъ возраженія: право собственности, какъ и всякое другое право, ограничено, и въ дѣйствительности всѣ законодательства ставятъ предѣлы волѣ собственника. Чтобы обойтись безъ этого признака, устанавливаютъ понятіе о правѣ собственности, какъ о правѣ наибольше полнаго господства лица надъ вещью. Правильно ли такое опредѣленіе? Возражая противъ него, проф. Петражицкій замѣчаетъ, что и въ томъ случаѣ, если не вещь находится во власти собственника, а собственникъ—во власти вещи (напр., собственникъ звѣрища—въ лапахъ своего же медвѣдя или тигра), право собственности этимъ нисколько не затрогивается, не нарушается. Изъ чрезвычайной искусственности этого примѣра еще не слѣдуетъ ошибочность иллюстрируемой имъ мысли. Кантъ считаетъ собственность метафизической связью, умопостигаемымъ, сверхчувственнымъ владѣніемъ. И это опредѣленіе, облеченное въ явно-метафизическую оболочку, мало кого способно удовлетворить. Наконецъ, по новѣйшему ученію юристовъ, собственность представляется отношеніемъ не къ вещи, а къ другимъ людямъ и, притомъ, отношеніемъ, существующимъ между собственникомъ и всѣми другими. Проф. Петражицкій возражаетъ и противъ этого мнѣнія, во всеоружіи своего самостоятельнаго взгляда на психологическую природу права. Я считаю эти возраженія не рѣшающими вопроса по существу. Несомнѣннымъ остается то, что во взглядѣ на институтъ собственности, какъ на проявленіе власти человѣка надъ всѣми другими людьми, сквозить правильная точка зрѣнія, вскрывающая настоящую социологическую природу даннаго явленія. И вмѣстѣ съ тѣмъ, это опредѣленіе не находится въ принципиальномъ противорѣчій съ обычнымъ опредѣленіемъ права собственности, видящимъ сущ-

¹⁾ Проф. Г. Ф. Шершеневичъ, „Учебникъ русскаго гражданскаго права“, 7-ое изд., Спб. 1909.

ность его во власти человека надъ вещью. Непосредственная власть человека надъ вещью приводитъ къ власти человека надъ всѣми другими людьми, и только эта власть второго порядка способна интересовать науку гражданскаго права, какъ науку социологическую, какъ науку, изучающую общественныя отношенія, въ которыя вступаютъ между собою отдѣльныя лица или цѣлыя группы лицъ по поводу своихъ вещей, своихъ имуществъ. Если это такъ, если право собственности выражается во власти человека надъ другими людьми, то на долю государства выпадаетъ серьезная социальная обязанность: наблюдать, какъ бы неограниченное проявленіе правъ собственности отдѣльныхъ лицъ не привело къ ограниченію правъ и свободы всѣхъ другихъ лицъ. Ограниченіе права собственности вытекаетъ, такимъ образомъ, изъ самаго понятія права собственности. И мы видимъ, что работа по ограниченію права собственности наполняетъ собою юриспруденцію въ теченіе долгаго періода ея историческаго развитія.

По словамъ извѣстнаго новатора въ области юриспруденціи, австрійскаго юриста Антона Менгера, всякій существовавшій до сихъ поръ правовой порядокъ происходилъ, въ послѣднемъ счетѣ, изъ того или иного соотношенія силъ, и, какъ таковой, всегда имѣлъ своей цѣлью защиту интересовъ могущественнаго меньшинства на счетъ широкихъ народныхъ массъ. И вопреки безчисленнымъ попыткамъ низшихъ классовъ народа преобразовать въ свою пользу государственный и общественный строй, правовая система, охраняющая интересы широкихъ народныхъ массъ, а не могущественнаго меньшинства, должна быть еще создана и въ теоріи, и на практикѣ. При этомъ, въ основѣ спора между приверженцами стараго и новаго порядка лежитъ вопросъ о формахъ владѣнія и собственности. И это вполне естественно, такъ какъ главнымъ источникомъ противоположностей, дробящихъ человѣчество, является собственность ¹⁾.

Старому римскому праву свойственъ былъ индивидуалистическій взглядъ на природу собственности. Юристы, поэтому, говорятъ объ „индивидуалистическомъ римскомъ правѣ“, какъ о правѣ, проникнутомъ началами неограниченности и неприкосновенности правъ отдѣльнаго лица надъ вещью. Но уже трудами выдающихся романистовъ — Виндшейда, Дернбурга, Захарія, Rand'a и многихъ другихъ — разъяснено, что римское право знало всевозможныя ограниченія собственности, устанавливаемые

¹⁾ Anton Menger, „Neue Staatslehre“ (Лена, 1903; есть русскій переводъ).

частью въ видахъ охраны публичныхъ интересовъ, частью въ интересахъ сосѣдей или другихъ лицъ. Современная частная собственность ведетъ свое происхожденіе изъ римскаго права, но за послѣдніи столѣтія это понятіе подверглось значительнымъ измѣненіямъ. По словамъ Менгера, процессъ развитія формъ частной собственности привелъ къ тому, что современные формы ея являются только тѣнью римскихъ формъ собственности. Правамъ собственника должны быть поставлены опредѣленные предѣлы, такъ какъ ничѣмъ неограниченное господство надъ имуществомъ, въ особенности недвижимымъ, могло бы создать непреодолимая препятствія для осуществленія самаго права собственности въ дѣйствительной жизни. Если бы, на примѣръ, собственники недвижимыхъ имуществъ могли безъ всякихъ ограниченій осуществлять всѣ права, вытекающія изъ абсолютнаго права собственности, то сосѣдскія между ними отношенія были бы совершенно невозможны: болѣе сильный и болѣе смѣлый собственникъ имѣлъ бы возможность выжить своихъ сосѣдей или прицудить ихъ къ уступкѣ принадлежащихъ имъ земель за самую ничтожную цѣну. Воздворилось бы безправное состояніе, возгорѣлась бы война каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго. Это было бы несомнѣнно какъ съ основами государства, которому собственники обязаны признаніемъ и защитой своего права, такъ и съ экономическими и соціальными требованіями, защита которыхъ является призваніемъ государства, какъ верховнаго хранителя общаго блага. Въ дѣйствительности, поэтому, право собственности является ограниченнымъ въ силу общихъ постановленій закона, по которымъ собственникъ или лишается права совершать надъ своимъ имуществомъ тѣ или другія дѣйствія, на которыя вообще онъ имѣетъ право, или же обязывается терпѣть то или другое воздѣйствіе, которое, по общему правилу, могло бы быть имъ устранено ¹⁾.

Весьма интересные взгляды по вопросу объ ограниченіи права собственности были высказаны знаменитымъ юристомъ Рудольфомъ Іерингомъ. Его аргументація вкратцѣ сводится къ слѣдующему. Говорятъ о неприкосновенности частной собственности. Взглядъ юристовъ и обывателей сходится въ томъ, что сущность собственности заключается въ неограниченномъ господствѣ собственника и что всякое ограниченіе его содержитъ въ себѣ покушеніе на собственность, несомнѣстимое съ идеей

¹⁾ См. объяснительную записку къ Проекту гражданскаго уложенія, кн. III, томъ I (Спб., 1902, стр. 141—2).

этого института. „На мой взгляд, это представлѣніе въ корнѣ ошибочно^а,—рѣшительно заявляетъ Іерингъ. Собственность находится въ такомъ же отношеніи къ обществу, какъ и семья. Уже въ Римѣ, въ императорскія времена, когда вслѣдствіе непомѣрно тяжелыхъ земельныхъ налоговъ 520 землевладѣльцевъ запустили свои помѣстья, ихъ земля была предложена желающимъ ее обрабатывать. Аналогичные случаи имѣли мѣсто въ горномъ правѣ. Вообще ошибочно смотрѣть на собственность съ точки зрѣнія индивидуальной, а не общественной. И римляне уже понимали опасность такой точки зрѣнія. Невѣрно, поэтому, что собственность по идеѣ своей заключаетъ въ себѣ абсолютное право распоряженія. Собственности въ такомъ видѣ общество не можетъ терпѣть, да никогда и не терпѣло. Идея собственности не можетъ содержать въ себѣ чего-либо противорѣчащаго идеѣ общества. Основная мысль Іеринга, по его собственнымъ словамъ, заключается въ томъ, что и частное право имѣетъ несомнѣнный общественный характеръ. „Не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что такое общественное пониманіе частнаго права въ будущемъ отвоюетъ все больше и больше позицій у индивидуалистическаго“¹⁾.

Мысль объ общественномъ пониманіи частнаго права становится все болѣе распространенною среди нѣмецкихъ, въ особенности австрійскихъ юристовъ, сторонниковъ такъ называемаго социальнаго законодательства. По словамъ Офнера, обычное дѣленіе права на публичное и частное страдаетъ искусственностью, такъ какъ въ дѣйствительности „оба эти отдѣла перекрещиваются другъ съ другомъ. Въ области частнаго права приходится примѣнять публично-правовыя положенія, а въ области публичнаго права—положенія частно-правовыя“²⁾. Такъ же смотритъ на дѣло и Гирке. Дѣленіе всей области права на право публичное и частное, по его мнѣнію, „не можетъ служить послѣднимъ словомъ... Частное право и публичное право суть дѣти одной матери, и хотя каждое изъ нихъ слѣдуетъ своему собственному призванію, но они не расходятся другъ съ другомъ, какъ враждебные братья, а всегда въ концѣ-концовъ снова сходятся вмѣстѣ въ работѣ надъ однимъ дѣломъ“³⁾.

Оба автора проникнуты мыслью о социальномъ значеніи гражданскаго права. Конечно,—разсуждаетъ Гирке,—„гражданское право имѣетъ своей задачей прежде всего охрану имуще-

¹⁾ Rudolph von Ihering, „Der Zweck im Recht“, т. I (Лпц., 1904).

²⁾ Dr Julius Ofner, „Studien sozialer Jurisprudenz“. (Вѣна, 1894).

³⁾ Dr Otto Gierke, „Die soziale Aufgabe des Privatrechts“ (Берлинъ, 1889).

ственной силы отдѣльныхъ индивидуумовъ. Однако, всякое право является не одностороннимъ, а двустороннимъ отношеніемъ. Нѣтъ права безъ соотвѣтствующей обязанности“. Въ основѣ права, — говоритъ Офнеръ, — „лежатъ интересы отдѣльныхъ лицъ. Каждый стремится осуществить свой интересъ, содержаніе своихъ желаній. Отдѣльныя лица ведутъ борьбу между собой, и побѣдитель повелѣваетъ. Однако, въ полномъ видѣ такой порядокъ характеризуетъ лишь раннія ступени историческаго развитія. Въ общественной организаціи борьба не исчезаетъ, но получаетъ иное направленіе. Личность преклоняется предъ общественной властью, но ищетъ вліянія на нее и способовъ существованія при ея помощи. Все это должно отражаться и на построеніи нормъ гражданскаго права. Мы видимъ въ гражданскомъ правѣ каждаго народа въ данное время кристаллизованными социальныя отношенія власти. Гражданское право является отраженіемъ распредѣленія власти внутри народа“. Въ этомъ и заключается „соціальный характеръ гражданскаго права“.

Всѣ указаннныя выше авторы, исходя изъ сознанія социологической природы гражданскаго права, считаютъ возможнымъ и необходимымъ вмѣшательство государства и общества въ сферу частныхъ имущественныхъ отношеній. Они не только подчеркиваютъ существованіе цѣлаго ряда специальныхъ „соціально-политическихъ“ законовъ въ новѣйшихъ кодексахъ, но идутъ дальше и требуютъ преобразованія гражданскаго права на началахъ социальныхъ, публично-правовыхъ.

Таковы взгляды, господствующіе въ современной юриспруденціи. Согласно этимъ взглядамъ, не существуетъ рѣзкой, принципиальной границы, отдѣляющей частное право отъ публичнаго. Съ точки зрѣнія именно этихъ публично-правовыхъ элементовъ гражданскаго права не существуетъ, далѣе, неограниченнаго, неприкосновеннаго права частной собственности. Наоборотъ, по соображеніямъ именно публичнаго права собственность подлежитъ и на дѣлѣ всегда подвергается всевозможнымъ ограниченіямъ. И въ числѣ этихъ неминуемыхъ ограниченій права собственности одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ право принудительнаго отчужденія, — право, которое въ приведенныхъ общихъ теоретическихъ соображеніяхъ находитъ свое юридическое и социологическое обоснованіе.

II.

Институтъ принудительнаго отчужденія имѣеть свою длинную, вѣковую исторію. Онъ вырабатывался постепенно; процессъ его зарожденія восходитъ къ древнимъ вѣкамъ челоуѣчества. Греція не знала самостоятельнаго права принудительнаго отчужденія. Идея государства тамъ возобладала надъ правами отдѣльныхъ лицъ. Государство стояло въ центрѣ греческой жизни; оно всѣмъ управляло, всему давало тонъ. При такихъ условіяхъ частное гражданское право не получило особаго развитія: для этого недоставало такого атрибута гражданского общества, какъ цѣнность индивидуальной челоуѣческой личности. Правда, и въ Греціи существовали мѣры охраны частной собственности, но эти мѣры предпринимались по отношенію къ гражданамъ, а не къ государству, которое непрерываемо вторгалось въ сферу частныхъ имущественныхъ отношеній гражданъ, не зная опредѣленныхъ границъ и предѣловъ. Достаточно упомянуть о такомъ учрежденіи древне-греческой жизни, какъ сиссахтія. Земельные раздѣлы составляли заурядное явленіе въ Греціи. Многочисленны были также и мѣры государства по регулированію владѣнія рабами. Во всѣхъ этихъ случаяхъ греческое государство дѣйствовало во всеоружіи своей власти и господства, не считаясь съ институтомъ частной собственности, какъ съ противоположною, равноправною силою. При такихъ условіяхъ не могъ развиваться принципъ принудительнаго отчужденія, какъ регулярный институтъ права. Этого принципа, этого института не знало греческое законодательство.

Нѣсколько инымъ сочетаніемъ исходныхъ пунктовъ, основныхъ элементовъ отличалось римское право. Здѣсь мы находимъ гражданское право, въ которомъ, по справедливому выраженію Мейера, господство личности въ отношеніи къ частной собственности получило наиболѣе рѣзкое выраженіе. По опредѣленію Грюнхута, римской системѣ права было свойственно признаніе *я*, какъ основы права. Но и Мейеръ, и Грюнхутъ, и многіе другіе юристы единогласно подтверждаютъ, что это признаніе индивидуальныхъ правъ гражданъ отнюдь не можетъ считаться основаніемъ публичнаго римскаго права. Напротивъ, въ области публичнаго права здѣсь нераздѣльно господствовалъ верховный принципъ: „*Salus rei publicae prima lex esto*“. При всей неизблѣмости и неприкосновенности, по римскому праву, частной

собственности, все же, въ случаѣ конфликта между общественнымъ, государственнымъ интересомъ и интересомъ частныхъ собственниковъ, съ точки зрѣнія того же римскаго права, жертва должна была быть принесена частнымъ лицомъ въ пользу общаго блага. Личность должна уступить цѣлому ¹⁾. Отсюда возникаетъ предположеніе, что въ Римѣ довольно рано должно было сложиться и развиться право принудительнаго отчужденія. Бринцъ, Блюнчли, Гилебрандъ, Тиль, Кохъ и Герингъ держатся различныхъ взглядовъ по этому вопросу. Общераспространеннымъ является мнѣніе, что лишь въ императорскую эпоху римской исторіи право принудительнаго отчужденія получило значеніе вполне развитой и разработанной системы; но постепенно оно вырабатывалось въ теченіе предъидущихъ вѣковъ.

Римское общество организовалось на основѣ собственности на землю. Уже съ колыбели римскаго народа собственность на землю принадлежала отчасти государству (*ager publicus*), отчасти частнымъ лицамъ (*ager privatus*). Существовало предположеніе, что Ромуль создалъ только общественную собственность на землю, а частная собственность была создана впоследствии, Нумою. Частная собственность у римлянъ возникла изъ общественной. При такомъ способѣ возникновенія частной собственности, отмѣченной съ самаго начала печатью общественнаго происхожденія, право принудительнаго отчужденія обладало естественной тенденціей къ развитію и росту. Въ древнія времена въ частную собственность отходили лишь незначительные участки земли, въ два югера. Крупные участки земли находились въ рукахъ государства. При такомъ соотношеніи размѣровъ государственной и частной собственности, не было сильныхъ побудительныхъ мотивовъ къ отчужденію частной собственности, не было и внушительныхъ поводовъ для выработки идеи права принудительнаго отчужденія. Съ выступленіемъ на арену римской исторической жизни новаго класса — плебеевъ, значительно измѣняется положеніе дѣла. Институтъ частной собственности на земли, находящіяся въ частномъ обладаніи, остается неприкосновеннымъ, но въ иномъ положеніи оказывается вопросъ объ *ager publicus*. Собственникомъ его оставалось государство, но къ владѣнію имъ допускались только патриціи. И вотъ, въ начавшейся борьбѣ плебеевъ за право обладанія *ager publicus* замѣчаются первые признаки права экспроприаціи, права принудительнаго отчужденія. Идутъ законы Сервія Туллія, Кассія, Лицинія Столона, пытаю-

¹⁾ G. Meyer. „Das Recht der Expropriation“ (Лпц., 1865).

щіеся дать плебеямъ доступъ къ *ager publicus*. Въ этихъ мѣрахъ, которыя были предпринимаемы противъ владѣльцевъ *ager publicus*, приходится искать первыхъ основъ для позднѣйшаго права принудительнаго отчужденія. Въ теченіе весьма долгаго періода не могло, однако, быть рѣчи о принудительномъ отчужденіи, такъ какъ урегулированіе земельныхъ отношеній достигалось путемъ добровольныхъ продажъ земельныхъ участковъ. Но дальнѣйшее движеніе аграрнаго законодательства, въ связи съ трагическимъ концомъ братьевъ Гракховъ, привело мало-по-малу къ сознанію необходимости жертвовать частными интересами въ пользу общаго блага—и это положеніе стало краеугольнымъ камнемъ позднѣйшаго права принудительнаго отчужденія.

Довольно рано выработалось право вмѣшательства государства въ право собственности римскихъ гражданъ надъ рабами. Въ этой области принципы общественности гораздо скорѣе могли получить развитіе, чѣмъ по отношенію къ институту земельной собственности. Правда, нѣкоторые авторы находятъ, что освобожденіе рабовъ производилось римскимъ государствомъ по нѣсколько инымъ основаніямъ, чѣмъ отчужденіе частной собственности ¹⁾. Но въ этомъ случаѣ болѣе правы Мейеръ и Грюнхуть, рассматривающіе случаи производившагося римскимъ государствомъ частичнаго принудительнаго изъятія рабовъ изъ частной собственности римскихъ гражданъ, какъ типичное проявленіе права принудительнаго отчужденія. Аналогія эта покоится на томъ неизбѣжномъ основаніи, что рабы составляли такой же объектъ неприкосновенной частной собственности, какъ и всѣ другіе предметы частнаго оборота. И на производившееся государствомъ, по соображеніямъ общественной пользы и государственной необходимости, изъятіе рабовъ изъ состава частной собственности отдѣльныхъ гражданъ нельзя, рассуждая принципиально, смотрѣть иначе, какъ на случаи принудительнаго отчужденія частной собственности. Таинственныя „иная основанія“, выдвигаемыя Дальке, но не описанныя имъ въ ихъ конкретныхъ признакахъ, не разрушаютъ силы высказаннаго общаго положенія о полной аналогіи случаевъ этого рода съ другими случаями принудительнаго отчужденія.

Съ распространеніемъ господства Рима за предѣлы Италіи возникаетъ, какъ извѣстно, особая, такъ называемая бовитарная собственность для жителей провинцій — *peregrinorum*, сущность

¹⁾ См., напр., *A. Dalcke*, „Das Gesetz über die Enteignung von Grundeigentum vom 11-ten Juni 1874“ (Берлинъ, 1874).

которой сводится къ тому, что право собственности на землю остается за римскимъ народомъ, а право владѣнія и пользованія переходитъ къ провинціаламъ. И здѣсь, въ сферѣ бонитарной собственности, также получаютъ распространеніе случаи экспроприаціи. Такимъ образомъ, право экспроприаціи государствомъ владѣній въ *ager publicus*, провинціальныхъ участковъ земли, а также рабовъ—все это уже существовало въ Римѣ къ тому моменту, когда на арену исторической жизни выступилъ Тиберій Гракхъ, съ своимъ широкимъ аграрнымъ законодательствомъ. Исторія этого законодательства общеизвѣстна. Ростъ латифундій и вытѣсненіе мелкихъ крестьянъ изъ ихъ помѣстій—таковы основныя черты аграрныхъ отношеній, побудившихъ Гракха выступить со своими аграрными реформами. Онъ внесъ предложеніе, чтобы во владѣніи каждаго римскаго гражданина могло оставаться не больше 500 югеровъ земли для собственнаго потребленія и по 250 югеровъ для каждаго взрослого сына; вся же остальная земля подлежала изытію изъ собственности владѣльцевъ и распредѣленію между бѣдными гражданами. Въ этихъ предложеніяхъ замѣтны уже явные признаки принудительнаго отчужденія. Дальнѣйшее законодательство послѣ Гракховъ до самаго возникновенія имперіи служить только къ утвержденію принципа принудительнаго отчужденія. Во времена римской имперіи принципъ принудительнаго отчужденія торжествуетъ полную побѣду. Всемогущій императоръ не зналъ границъ своей власти. Свободно было его отношеніе къ частной собственности. И на этой почвѣ легко возникало право принудительнаго отчужденія. Необходимость экспроприаціи вызывалась возникшей потребностью въ проведеніи дорогъ, мостовъ и т. п. Такимъ образомъ уже при Августѣ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что цезарь можетъ практиковать принудительное отчужденіе. Въ позднѣйшія императорскія времена вырастаетъ болѣе или менѣе сложившееся право принудительнаго отчужденія. Къ числу случаевъ принудительнаго отчужденія въ этомъ періодѣ относится, напримѣръ, законъ о томъ, чтобы въ случаѣ разстройства улицы вслѣдствіе наводненія или обвала сосѣдній земельный собственникъ предоставлялъ свой участокъ земли для проведенія новой улицы. Другой законъ предусматриваетъ слѣдующій случай: по утвержденіи плана постройки императоромъ, частныя зданія, мѣшающія исполненію этого плана, могутъ быть отчуждаемы за соотвѣтствующее вознагражденіе. При общественныхъ постройкахъ допускалось принудительное отчужденіе участковъ земли, находящихся въ частной собственности. Въ юстиніановомъ правѣ были преду-

смотрѣны многочисленные случаи, когда собственники бывали принуждаемы къ уступкѣ своихъ рабовъ. Наконецъ, особымъ закономъ собственники хлѣбныхъ запасовъ принуждались, въ случаѣ голода, уступать часть своего хлѣба за обыкновенное вознагражденіе. Такимъ образомъ, по мнѣнію Мейера, если въ юстиниановомъ правѣ и не существовало закона о принудительномъ отчужденіи въ строгомъ, новѣйшемъ смыслѣ этого слова, то все же дѣйствовало уже то основное положеніе, что частная собственность, по соображеніямъ общественнаго блага, можетъ подлежать принудительному отчужденію.

Таково наслѣдіе римскаго права въ вопросѣ о принудительномъ отчужденіи. Ясно, что это право, индивидуалистическое *par excellence*, проникнутое, по общераспространенному мнѣнію, основной идеей „неприкосновенности“ священной, ненарушимой частной собственности, въ дѣйствительности допустило рядъ отступленій отъ этого основного принципа и уже на раннихъ стадіяхъ развитія идеи общности включило, по соображеніямъ именно общественной необходимости, въ составъ своего юридическаго міровоззрѣнія и юридическаго обихода право принудительнаго отчужденія. Въ этомъ — лучшее доказательство того, что существуетъ тѣсная логическая связь между самымъ яркимъ выраженіемъ „индивидуалистическаго“ права собственности и правомъ принудительнаго отчужденія, и что нѣтъ — или, по крайней мѣрѣ, не было въ исторіи — такого „индивидуалистическаго“ права, которое бы исключало право принудительнаго отчужденія.

Воззрѣнія римлянъ въ области гражданскаго права сыграли мировую роль въ исторіи, сохраняя и до сихъ поръ во многихъ случаяхъ существенно важное значеніе. Въ извѣстной преемственной связи съ дѣйствующими правовыми институтами оказалась и жившая въ римскомъ правѣ идея принудительнаго отчужденія. Но развитіе этой идеи обнаружилось не безъ скачковъ, не безъ перерывовъ. Въ древнемъ германскомъ правѣ нѣтъ слѣдовъ права экспроприаціи. Случаи коллизій между общественными интересами и частной собственностью были въ то время весьма рѣдки, а поскольку они возникали, государство не обращало на нихъ должнаго вниманія. Задачей государства считалось охраненіе интересовъ частной собственности; о народномъ хозяйствѣ и народной культурѣ государство не несло никакихъ заботъ. Къ тому же у древне-германцевъ получилъ большое распространеніе феодализмъ, съ его крупными латифундіями. Предъ лицомъ феодальнаго могущества государственной власти неоставало силы,

которая способна была бы вызвать къ жизни право принудительнаго отчужденія по соображеніямъ общественной необходимости.

Уже въ средѣ средневѣковыхъ юристовъ возникли, однако, споры по вопросу о правѣ принудительнаго отчужденія. Правда, Грюнхуть полагаетъ, что то не были на самомъ дѣлѣ споры о самомъ правѣ, о самомъ принципѣ принудительнаго отчужденія; онъ думаетъ, что предметомъ разногласія было существованіе или несуществованіе права на вознагражденіе въ случаѣ отчужденія. Но въ этомъ нельзя не усмотрѣть чрезвычайнаго суженія рамокъ вопроса о принудительномъ отчужденіи, вознагражденіе при которомъ выставляется столь необходимымъ элементомъ данной сдѣлки, что отсутствіе его какъ бы снимаетъ съ очереди самый вопросъ о принудительномъ отчужденіи. Правъ Мейеръ, указывающій на то, что, въ противоположность древнегерманскому праву, право экспроприаціи, право принудительнаго отчужденія подробно разрабатывается въ итальянской юридической литературѣ XII—XVI вѣковъ, вслѣдствіе чего мало-по-малу „экспроприація становится институтомъ публичнаго права“. Дальнѣйшее развитіе идеи экспроприаціи мы находимъ у глоссаторовъ. Большой вкладъ въ литературу вопроса вносятъ юристы XVI и XVII вѣковъ. Боденъ и Гуго Гроцій сплетаютъ свои славныя имена съ вопросомъ о принудительномъ отчужденіи. Особое мѣсто развитію идеи принудительнаго отчужденія посвящаетъ Монтескье въ своемъ „Духѣ законовъ“. На этихъ интересныхъ страницахъ міровой литературы, гдѣ впервые было раскрыто естественно-правовое, общественное и государственное значеніе принципа принудительнаго отчужденія, я, къ сожалѣнію, не могу остановиться подробно. Отмѣчу только, что новѣйшая государственная идея, легшая въ основу принципа принудительнаго отчужденія, была принесена великой французской революціей. Съ этого момента пришли къ убѣжденію, что интересы общества, живого государственнаго организма требуютъ со стороны граждавъ „жертвъ и крови“ (Грюнхуть). Съ точки зрѣнія этой новѣйшей государственной идеи, для предохраненія общества отъ переворота зачастую нужны мѣры, связанныя съ тяжелыми жертвами для собственниковъ. Въ особенности Грюнхуть подчеркиваетъ тотъ фактъ, что удручающее состояніе крестьянскаго землевладѣнія, которое не разъ приводило къ кровавымъ возстаніямъ (Уатъ-Тайлеръ въ Англіи, Жаверія во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи), служило особымъ побудительнымъ мотивомъ для разработки вопроса о правѣ принудительнаго отчужденія. Для новѣйшаго законодательства именно инте-

ресы крестьянства служили тѣмъ объективнымъ моментомъ, тѣмъ фактическимъ фундаментомъ, на которомъ постепенно воздвигалось стройное зданіе теоріи принудительнаго отчужденія.

Новыя идеи права, принесенныя французской революціей, пали на почву, значительно удобренную прецедентами. Такъ, въ самой Франціи случай экспроприаціи отмѣченъ въ 1303-мъ году, когда она была произведена съ цѣлью постройки церквей и соборовъ. Дальнѣйшіе случаи отмѣчены въ 1358-мъ, 1470-мъ годахъ; немало ихъ было и въ XVII-мъ столѣтіи. Въ Германіи до конца среднихъ вѣковъ ничего не слышно объ экспроприаціяхъ; затѣмъ онѣ начинаютъ практиковаться въ горномъ дѣлѣ. Въ Англіи довольно рано развилась экспроприаціонная система, осуществлявшаяся путемъ судебного процесса. И все же, еще въ самомъ концѣ XVIII-го вѣка ощущается весьма слабое развитіе законодательства объ экспроприаціи. Сильный толчокъ этому развитію данъ въ XIX-мъ вѣкѣ. Въ настоящее время всѣ европейскія законодательства обладаютъ болѣе или менѣе опредѣленнымъ закономъ объ экспроприаціи. Законы о принудительномъ отчужденіи существуютъ въ Германіи и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ, во Франціи, Бельгіи и Италіи, въ Австріи и Венгріи, въ Швеціи, въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ ¹⁾. Вездѣ принципиально признано за государствомъ право принудительнаго отчужденія, на условіяхъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

Въ русскомъ законодательствѣ экспроприація или принудительное отчужденіе составляетъ довольно распространенное явленіе. По мнѣнію Побѣдоносцева, обыкновенный видъ такого отчужденія состоитъ въ продажѣ имущества съ публичнаго торга для удовлетворенія долговъ владѣльца, особенно долговъ по закладнымъ. Сюда же могутъ быть отнесены случаи взятія имущества въ казну въ видѣ взыскація. Особенный видъ принудительнаго отчужденія составляетъ отчужденіе частнаго имущества по распоряженію правительства, когда это требуется для какой-нибудь государственной или общественной пользы или необходимости. Это понятіе само по себѣ весьма обширно. Сюда вообще можно отнести мѣры, принимаемыя правительствомъ къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ надѣленіемъ или безъ надѣленія ихъ землей, принудительные займы, мѣры, принимаемыя по случаю голода и т. д. ²⁾ Побѣдоносцевъ напоминаетъ и дру-

¹⁾ См. *Thiel*, „Das Expropriationsrecht und das Expropriationsverfahren“ (Берлинъ, 1866).

²⁾ К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, ч. I. (Спб. 1896, стр. 439).

гіе случаи экспропріаціи. Такъ, 10-го декабря 1865-го года изданъ указъ объ обязательной продажѣ польскими помѣщиками своихъ имѣній въ Западномъ краѣ. Въ 1892-мъ году признано необходимымъ прибѣгнуть къ принудительному отчужденію поселенческихъ участковъ изъ владѣній башкиръ. Въ положеніи о крестьянахъ Лифляндской губерніи 13-го ноября 1860-го года и Эстляндской — 5-го іюля 1856-го года есть правило, коимъ устанавливается въ пользу имѣнія или, что то же, въ пользу помѣщика право принудительнаго отчужденія участковъ помѣстья, перешедшихъ (арендой или куплею) во временное или постоянное пользованіе стороннихъ лицъ. Въ губерніяхъ Царства Польскаго допускается, безъ согласія и вопреки волѣ частнаго владѣльца, отводъ на земляхъ его частнымъ промышленникамъ площадей для разработки каменнаго угля, камня и свинцовой руды.

Независимо отъ этихъ отдѣльныхъ случаевъ болѣе или менѣе крупной экспропріаціи, въ русскомъ законодательствѣ имѣются общія постановленія объ ограниченіяхъ владѣльцевъ при производствѣ построекъ, раскопокъ, разсадокъ и при устройствѣ складовъ вблизи линіи желѣзныхъ дорогъ; объ отчужденіи земель подъ подъѣздные пути къ желѣзнымъ дорогамъ; о ежегодномъ краткосрочномъ пользованіи прилегающими къ линіи желѣзной дороги владѣльческими землями для устройства снѣговыхъ защитъ. Особый порядокъ установленъ также для отчужденія участковъ изъ поіезитскихъ имѣній, для отчужденія земель церковныхъ, башкирскихъ, земель въ Закавказьѣ подъ каналы и сооруженія, необходимыя для устройства орошенія, и т. д.

Въ т. X ч. I Свода гражданскихъ законовъ имѣются слѣдующія статьи, предусматривающія принудительное отчужденіе:

Ст. 575. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, равно какъ и временное занятіе ихъ, или же установленіе права участія въ пользованіи ими, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе.

Ст. 576. Всѣ случаи, въ коихъ представится нужнымъ отчужденіе или временное занятіе недвижимаго имущества, или же установленіе права участія въ пользованіи имъ, опредѣляются Именными Высочайшими указами. Проекты сихъ указовъ представляются на Высочайшее воззрѣніе подлежащими министрами и главноуправляющими отдѣльными частями черезъ Государственный Совѣтъ. Въ представленіи излагаются данныя, указывающія на общепольное значеніе предпріятія и на необходимость принудительнаго отчужденія или ограниченія права на недвижимое имущество, а если испрашивается отчужденіе съ отступленіемъ отъ общаго порядка, то объясняется и необходимость подобнаго отступленія.

Въ Основныхъ Государственныхъ Законахъ, изданныхъ 23-го апрѣля 1906-го года, имѣется статья 35-я, которая гласить:

„Собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, когда сіе необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, какъ за справедливое и приличное вознагражденіе“.

Замѣчательно, что эта статья нашихъ основныхъ законовъ представляетъ собою почти буквальный сколокъ со статьи 17-й Декларациі правъ человѣка и гражданина 1789-го года:

„Такъ какъ право собственности ненарушимо и священно, то никто не можетъ быть лишень своей собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого очевидно требуетъ общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія“.

Въ этой статьѣ Декларациі правъ человѣка и гражданина содержится явное ограниченіе права собственности, перешедшее отсюда во всѣ современныя европейскія законодательства. Въ Декларациі устанавливается, что никто не можетъ быть лишень своей собственности иначе, какъ за справедливое вознагражденіе.

„Конечно,—замѣчаетъ по этому поводу Жоресь,—это гарантія для собственности. Тѣмъ не менѣе важно, что буржуазному обществу приходится уже въ самой своей хартіи правъ предвидѣть законное принудительное отчужденіе, экспроприацію для цѣлей общественной пользы. Основы собственности этимъ не поколеблены, такъ какъ лицо, отъ котораго принудительно отчуждено имущество, получаетъ равноцѣнность того, что беретъ у него общество. Но послѣднее признаетъ за собою право мѣнять форму собственности въ рукахъ лица. Напрасно собственникъ будетъ возражать, что данная форма собственности для него дороже ея цѣнности: законъ, въ интересахъ общества, лишаетъ его того, что вошло въ его привычки, насилуетъ его волю. И здѣсь, по буржуазному кодексу, въ интересахъ буржуазнаго общества, социальное право ограничиваетъ и попираетъ неограниченное право частной собственности“ 1).

Таковъ смыслъ правила о принудительномъ отчужденіи, нашедшаго себѣ мѣсто въ Декларациі правъ и ставшаго съ тѣхъ поръ образцомъ для законодательствъ всего міра. Здѣсь принудительное отчужденіе приведено въ связь и соотвѣтствіе съ сохраненіемъ самаго института частной собственности.

М. Ратнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

1) Ж. Жоресь, „Очерки социализма“ (Спб., 1906).

ВОСПОМИНАНІЯ

О

В. С. СОЛОВЬЕВЪ

Это было для меня время нравственныхъ исканій, жажды вѣры и идеала. Изъ выдающихся людей около меня былъ одинъ яркій, глубоко даровитый писатель и вѣчно мятущійся человѣкъ (Н. С. Лѣсковъ). Онъ только волновалъ, но не умиротворялъ мою душу— до того это была бурная, при своихъ слишкомъ пятидесяти годахъ неуравновѣшенная натура. Мнѣ нуженъ былъ кто-то, могущій вывести меня изъ лѣса сомнѣній на прямой путь.

И вотъ, мнѣ попадается въ „Вѣстникѣ Европы“ одна изъ статей Вл. Соловьева, вошедшихъ потомъ въ его „Оправданіе Добра“. Идея о неприкосновенности человѣческой личности обдала меня струей живительно свѣжаго воздуха. Личность автора заинтересовала меня. Мнѣ и раньше приходилось читать нѣкоторыя изъ его статей, но яснаго представленія о немъ, какъ о писателѣ, у меня еще не было, и мнѣ захотѣлось узнать, каковъ же этотъ человѣкъ, проникнутый евангельскимъ духомъ и горячей жаждой истины.

Я разспрашивала о немъ Лѣскова: тотъ опредѣлилъ его, какъ дѣвственника и вегетаріанца. Когда я восторгалась статьей Соловьева, Н. С. спросилъ меня: „Чѣмъ собственно она вамъ нравится?“

— „Своимъ христіанскимъ характеромъ“, — отвѣтила я. — „Это неопредѣленно, — сказалъ Лѣсковъ: — ея значеніе въ томъ, что въ ней вѣра отдѣляется отъ нравственности“.

На выставѣ въ Академіи Художествъ я увидала бюстъ Соловьева въ молодые годы, его задумчивое чело и мужественную голову—и образъ этого мыслителя становился для меня все болѣе и болѣе привлекательнымъ. Однажды, возвратившись съ лекціи П. И. Вейнберга о Фаустѣ, я написала В. С. горячее письмо: я говорила ему о нравственномъ холодѣ и тоскѣ человѣка нашего времени, проникнутаго матеріалистическими взглядами въ области мысли, удрученнаго милитаризмомъ и гнетомъ въ сферѣ общественно-государственной. „Ваши слова являются лучомъ солнца, упавшимъ въ темный подвалъ. Спасибо за нихъ, большое спасибо“.

Я отправила письмо въ редакцію „Вѣстника Европы“ и долго не получала никакого отклика, что меня и не удивляло: могла ли я надѣяться привлечь вниманіе такого извѣстнаго, погруженнаго въ труды писателя?

21-го февраля 1896-го года умеръ Н. С. Лѣсковъ. Я чувствовала, что порвалась моя единственная связь съ заманчивымъ литературнымъ міромъ. Случилось не такъ: на свѣжей могилѣ Лѣскова для меня выросли цвѣты. Я была убѣждена, что Соловьевъ будетъ на похоронахъ извѣстнаго писателя, своего хорошаго знакомаго. Въ небольшой сумрачной церкви на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ отпѣвали Н. С., я увидѣла высокаго, худощаваго человѣка, съ головой, обрамленной вьющимися сѣдыми волосами, съ узкой темной бородой, съ глазами, словно проникающими въ какую-то невѣдомую даль, за предѣлы земного. Онъ стоялъ погруженный въ молитвенное созерцаніе. Я замѣтила, что онъ часто хмурился, какъ будто подъ натискомъ глубокихъ думъ. Когда зарывали могилу, я подошла къ своему знакомому, В. П. П—му, и попросила его познакомить меня съ Соловьевымъ, съ которымъ, я видѣла, онъ разговаривалъ на кладбищѣ. „А позвольте узнать—вы вѣрующая?“—озадачилъ онъ меня вопросомъ.—„Я ищущая“,—отвѣтила я ему. Онъ исполнилъ мое желаніе. „В. С., я взяла на себя смѣлость писать вамъ,—сказала я Соловьеву.—Я знаю, вы такъ заняты, что я не могла рассчитывать на отвѣтъ“.—„Куда вы писали, въ Финляндію?“—„Нѣтъ, въ „Вѣстникъ Европы“. Онъ спрашиваетъ фамилію, я называю. Тогда онъ вынимаетъ изъ кармана письмо и подаетъ его мнѣ. „Такъ я вамъ написалъ отвѣтъ и сегодня какъ разъ хотѣлъ его отправить“. Я радостно взяла это письмо, ниспосланное мнѣ самой судьбой. „В. С., нельзя ли къ вамъ прійти когда-нибудь побесѣдовать“,—обратилась я къ нему.—„Отчего же, только вѣдь я здѣсь не живу. Лучше я къ вамъ приду“,—любезно отвѣтилъ онъ и запи-

салъ мой адресъ. „Обидно будетъ, если вы меня не заставете“.— „Тогда я приду въ другой разъ, на Сергіевской я часто бываю“. Условились, что онъ мнѣ напишетъ. Нечего и говорить о моемъ восторгѣ. Затѣмъ мы заговорили о покойномъ Н. С.; я выразила скорбь по поводу его кончины. „Жаль старика...“—вырвалось у меня.— „Что дѣлать!“—промолвилъ П., замѣтивъ, что все въ этой болѣзни какъ бы подготовляло конецъ. И Соловьевъ согласился, что, значитъ, пришелъ часъ. Я передала В. С. свой набросокъ о Лѣсковѣ, вылившійся у меня подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти. Затѣмъ мы разошлись. Я тутъ же на кладбищѣ прочла завѣтное письмо.

„Многоуважаемая Наталья Алексѣевна. Вотъ запоздалое спасибо за ваше доброе и умное письмо. Прошу васъ вѣрить, что размѣры моей душевной признательности за вашу симпатію значительно превышаютъ размѣры этой записки. На большую часть получаемыхъ мною писемъ я вовсе не отвѣчаю, и чтобы вы меня не осудили, вотъ списокъ работъ, лежащихъ на мнѣ въ настоящее время:

1) печатаю Нравственную философію; 2) готовлю въ печати метафизику; 3) idem эстетику; 4) idem объ антихриствѣ; 5) пишу статьи о русской политикѣ; 6) редактирую философскій отдѣлъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона и большую часть въ этомъ отдѣлѣ пишу самъ; 7) общаюсь участвовать въ разныхъ благотворительныхъ сборникахъ и чтеніяхъ, редактировать чужіе переводы и т. д.

Все это я долженъ дѣлать своими руками, не имѣя никакого вспомогательнаго инструмента въ родѣ жены, секретаря и т. п. Къ тому же, пріѣзжая въ Петербургъ, могу работать только ночью, такъ какъ днемъ или ѣзжу по своимъ и чужимъ дѣламъ, или принимаю у себя въ гостиницѣ разныхъ народъ. Вотъ и сейчасъ ужъ кто-то стучится.

Еще разъ спасибо за Ваше милое письмо.

Душевно преданный Влад. Соловьевъ“.

Недѣли черезъ двѣ послѣ моей встрѣчи съ В. С. мнѣ пришлось слышать его чтеніе у С—хъ. Приглашительнаго билета у меня не было, къ тому же я опоздала, и мнѣ пришлось стоять въ дверяхъ, такъ что я слышала лишь часть рѣчи С—ва. (Этотъ рефератъ его — о средневѣковомъ міросозерцаніи — напечатанъ въ январьской книжкѣ журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“ за 1901-ый годъ).

Но все же скажу, что замѣчательное получалось впечатлѣніе. Залъ былъ переполненъ свѣтскою толпой; нарядныя дамы, ка-

валергарды внимали проповѣди изможденнаго аскета, повѣствовавшего объ отступничествѣ средневѣковой церкви отъ своего главы—Христа. „Вы пошли не по пути Андрея Первозваннаго, но Іуды Искаріота“, — говорилъ онъ, рисуя историческую картину, какъ отрекшіеся отъ Христа революціонеры, атеисты стали ближе ему по духу, нежели его мнимые послѣдователи.

— Но придетъ время, когда Тота воскликнетъ: „Господи мой и Богъ мой!“ — время, когда и сомнѣвающийся воззоветъ: „Вѣрю, Господи, помоги моему невѣрію!..“

Въ толпѣ царило благоговѣйное молчаніе. Когда я увидала согбеннаго философа, шедшаго подъ руку съ хозяйкой дома, онъ имѣлъ изнеможенный видъ.

Наконецъ мнѣ выпало великое удовольствіе принять В. С. у себя. Это было 8-го марта. Онъ пришелъ довольно поздно, часу въ 11-мъ. Наша семья сидѣла за чайнымъ столомъ. Разговоръ коснулся современнаго властителя думъ, Л. Н. Толстого. (Тогда только-что вышелъ его „Хозяинъ и Работникъ“).

— Онъ имѣетъ громадный обличительный талантъ, — замѣтилъ В. С., — его глазъ видитъ мельчайшія пятна. Но у Толстого никогда не было исторической перспективы, пониманія исторіи.

Коснулись статьи Толстого объ эмпирической нравственности. Я сказала, что меня не удовлетворяетъ отношеніе Толстого къ наукѣ, которую онъ подраздѣляетъ на еврейскую, средневѣковую и т. п., между тѣмъ какъ наука, въ смыслѣ стремленія къ истинѣ, несмотря на всѣ свои уклоненія, одна. „Ну да, Толстой понимаетъ науку въ смыслѣ нравственнаго отношенія къ жизни, а не какъ мы понимаемъ ее“, — пояснилъ В. С. „Вѣдь Толстой считаетъ бесполезной дѣятельность астронома, отрывающаго звѣздочку“, — замѣтилъ П—ій, на что С—въ возразилъ: „Все дѣло въ силѣ и способности ученаго: одинъ открываетъ звѣздочку, а другой — міровые законы, какъ какой-нибудь Коперникъ“.

Я попросила В. С. объяснить мнѣ затронутые имъ въ слышанномъ мною чтеніи вопросы о Троичности и двухъ естествахъ Христа. Онъ отвѣтилъ, что въ нѣсколькихъ словахъ этого не передать, что вообще напрасно онъ касался этихъ вопросовъ. Я наивно спросила: „Надо много прочесть, чтобы усвоить себѣ это?“ — „Прочесть или передумать“, — отвѣтилъ онъ. По его мнѣнію, нѣтъ надобности въ знаніи догматическихъ тонкостей. Онъ краткѣ развилъ взглядъ на Бога въ индійскомъ міросозерцаніи, въ мусульманскомъ, въ христіанскомъ. Въ индійскомъ—Богъ все

собой поглощаетъ; все сводится къ ничему, послѣдняя степень котораго есть Nirvana. Въ мусульманскомъ міровоззрѣніи Богъ не представляется благимъ; наоборотъ, добро хорошо потому только, что оно отъ Бога. Является такимъ образомъ признаніе деспотизма. Въ христіанствѣ Богъ абсолютно благъ.

В. С. перешелъ къ вопросу о Тріединствѣ, но, заговоривъ о бытіи, дѣйствіи и сознаніи, вдругъ пріостановился и, мило улыбувшись, сказалъ, что такихъ предметовъ легко касаться пальца: они слишкомъ высоки. Со временемъ, когда мы поближе познакомимся, можно будетъ о многомъ побесѣдовать. Я замѣтила, что съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, не хочется говорить объ итальянской оперѣ, а хочется у него чему-нибудь научиться. Онъ опять мило улыбулся, но своихъ взглядовъ болѣе не развивалъ, а общалъ еще зайти и дать мнѣ свою книгу о Богочеловѣчествѣ. Мы какъ-то перешли къ Ренану, котораго В. С. знавалъ лично и опредѣлилъ какъ поверхностнаго мыслителя и чисто французскаго фантазера. Онъ привелъ въ примѣръ характеристику Маріи Магдалины: въ ея поклоненіи Учителю Ренанъ видитъ романтическую любовь. „Это даже невѣрно исторически, — замѣтилъ В. С., — потому что въ то время любовь понималась иначе: романтизмъ есть продуктъ христіанства и среднихъ вѣковъ. Въмѣсто того, чтобы пересоздать вѣру, Ренанъ отринулъ ее совсѣмъ и не пришелъ ни къ какому выводу.“ „Vie de Jésus“ недостойна трактуемаго ею предмета“. Опять мы перешли къ Толстому. „Да, это отрицательный умъ, — повторилъ В. С.: — онъ показываетъ въ художественно яркихъ картинахъ, что современные церковь, государство, семья нехороши, и отсюда заключаетъ, что они совсѣмъ ненужны. Между тѣмъ это крайняя односторонность. Отъ того, что невѣрующій священникъ совершаетъ литургію, таинство не менѣе дѣйствительно“. Когда В. С. заговорилъ о таинствѣ, о его реальности, я была поражена: въ то время какой бы то ни было мистицизмъ мнѣ казался несомнѣемымъ съ философіей. Цѣня въ С — вѣ исключительно философа, я не знала его съ религіозной стороны; между тѣмъ она-то и составляетъ ядро его міровоззрѣнія. И когда я сказала: „Ну да, понимая таинство символически?“ — онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, въ настоящемъ его смыслѣ“. „Въ чемъ я согласенъ съ Толстымъ, — продолжалъ В. С., — это въ томъ, что когда человѣкъ умираетъ, значить, пришла пора ему перейти въ высшее состояніе“. Я еще болѣе изумилась. „А какъ же души умершихъ младенцевъ?“ — спросилъ его П — й. „Я допускаю, что душа грѣшника переходитъ въ рождающагося мла-

денца, чтобы, пострадавши, очиститься отъ грѣховъ. Впрочемъ, это уже метафизика“, — заключилъ онъ, какъ обыкновенно, когда заходилъ въ слишкомъ дремучіе лѣса мысли.

В. С. оставался у насъ недолго; онъ пошелъ къ своему пріятелю, художнику Ярошенко, жившему въ томъ же домѣ, и обѣщаль зайти въ другой разъ. Его бесѣда произвела на меня сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ странное впечатлѣніе: какъ будто меня коснулась таинственная рука. Въ мистическомъ освѣщеніи представлялся мнѣ этотъ отшельникъ, живущій среди скалъ Финляндіи, у шумящаго водопада (онъ жилъ въ то время близъ Иматры). Я чувствовала себя бредущей въ сѣверную лунную ночь, и мнѣ было какъ-то не по-себѣ: мнѣ хотѣлось видѣть весь міръ въ солнечномъ освѣщеніи мысли, чтобы лучи ея проникали во всѣ закоулки бытія. А эта область таинственнаго, затрогиваемая философомъ, казалась мнѣ чуждой и мрачной. Въ моей душѣ происходилъ внутренній разладъ, но я живо чувствовала, что видѣла нѣчто необыкновенное...

23-го марта мнѣ пришлось слышать чтеніе В. С. объ А. Толстомъ въ домѣ одного изъ министровъ. Это былъ литературно-музыкальный вечеръ, еще болѣе оригинальный, чѣмъ у С—вахъ: тамъ происходила проповѣдь христіанства въ свѣтскомъ собраніи, здѣсь — выясненіе идеала свободы въ домѣ русскаго министра. Съ покойнымъ А. Толстымъ С—ва соединяло чувство личной дружбы; онъ отмѣтилъ высокій нравственный обликъ, христіанское чувство его поэзіи. Идеалистъ въ политикѣ, какъ и въ жизни, Толстой былъ поклонникомъ кіевской Руси и ненавистникомъ московской, приверженцемъ истинной свободы во всѣхъ областяхъ мысли и человѣческой дѣятельности. Но такое глубокое ея пониманіе, внѣ партій и лагерей, сдѣлало его одинокимъ, поставило его „противъ теченія“, т. е. противъ толпы, какая бы она ни была: уличная или свѣтская. Соловьевъ закончилъ свою бесѣду гимномъ свободѣ и выраженіемъ вѣры въ отечество, которое, надо надѣяться, избересть себѣ ея путь.

Громъ аплодисментовъ покрылъ его слова. Во время его чтенія электричество потухло, потомъ опять вспыхнуло, и именно въ подходящий моментъ, когда говорилось о мракѣ и свѣтѣ на Руси. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось слышать изъ устъ С—ва слова какъ бы въ сторону, относившіяся не къ самому предмету его чтенія, а къ современному положенію родины. Это было нѣчто въ родѣ воззванія къ исправленію, вставленнаго въ изображеніе воспоминаемаго событія или лица.

Въ этотъ вечеръ В. С. имѣлъ большой успѣхъ: онъ былъ

окружень, какъ свѣтская красавица. Мой сосѣдъ сказалъ его сестрѣ (Allegro): „Вашъ братъ входитъ въ моду“. Пожалуй, что это мало подходящее къ знаменитому философу выраженіе было вѣрно: его приглашали нарасхватъ и въ литературныя, и въ аристократическія дома. Я слышала отъ одной свѣтской дамы, отличавшейся эксцентричнымъ характеромъ и артистическими вкусами, о ея желаніи пригласить къ себѣ С—ва. „Я такъ хотѣла бы познакомиться съ какимъ-нибудь знаменитымъ философомъ“,—говорила она, рассказывая о своемъ влеченіи къ философіи, интересѣ къ Платону и т. д. И я думаю, что тутъ было не одно любопытство: среди своей суетной жизни она чувствовала потребность въ философѣ, какъ больной — въ священникѣ.

Въ описанный мною вечеръ, выходи изъ обширныхъ залъ министра, я уловила моментъ, чтобы пригласить къ себѣ В. С. Оля назначилъ слѣдующій день.

По возвращеніи домой я провела полъ-ночи за письменнымъ столомъ; подъ впечатлѣніемъ вечера у меня вылилось слѣдующее стихотвореніе:

* * *

Освѣтила заря эту темную ночь...
Ужъ казалось, не будетъ разсвѣта,
И придется душѣ отъ тоски изнеможъ,
Не услышавъ ни слова привѣта.

Но живительный голосъ раздастся въ ночи,
Возвѣщая слова упования,
И мы жадно внимали свободной рѣчи,
Послѣ мукъ затаенныхъ молчанья.

Этотъ голосъ вѣщаль, что на свѣтѣ есть Богъ,
Что любовь есть всей жизни основа,
Что изъ всѣхъ пролетающихъ въ мірѣ дорогъ
Лишь свобода есть путь для благого.

На слѣдующій день В. С. пришелъ часа въ четыре и согласился на мою просьбу отобѣдать у насъ. Я знала о его вегетаріанствѣ; обѣдъ былъ постный, къ тому же это было великимъ постомъ. Садясь за столъ, В. С. осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ.—Никогда онъ не казался мнѣ болѣе милымъ, простымъ и доступнымъ. Среди оживленнаго разговора онъ приводилъ цитаты изъ своего любимца, Кузьмы Пруткова. Заговорили о вчерашнемъ вечерѣ. С—въ передавалъ, что министръ остался имъ недоволенъ, попенялъ ему, зачѣмъ онъ читалъ неподходящія

вещи. „Удивляюсь, — замѣтилъ С—въ: — зачѣмъ же онъ тогда согласился на выборъ А. Толстого?“ Вспоминая о вечерѣ у С—выхъ, В. С. спросилъ, не показалась ли странной его проповѣдь среди салона. Я съ затаеннымъ волненіемъ предложила В. С. прочесть мое стихотвореніе, написанное ночью. „А это не слишкомъ лестно для меня?“ — шутливо спросилъ онъ и сталъ читать. — „Вообще очень правильный у васъ стихъ и такой гладкій, хорошій“, — замѣтилъ онъ и взялъ стихи себѣ на память. Я предложила ему выслушать еще одно стихотвореніе, посвященное памяти Герцена (напечатанное десять лѣтъ спустя во „Всемирномъ Вѣстникѣ“ за 1905 г.). Завязалась бесѣда о Герценѣ. В. С. отозвался о немъ съ симпатіей, какъ о большомъ талантѣ. — „Еще недавно мнѣ попались его „Письма объ изученіи природы“, — сказалъ онъ: — мнѣ понравилось его изложеніе исторіи философіи. Но странно, что Герценъ, будучи въ душѣ идеалистомъ, поборникомъ свободы и гуманности, не пришелъ ни къ какой религіи, остался при матеріалистическихъ взглядахъ“.

Я чувствовала все большее желаніе высказаться передъ В. С. относительно своихъ религіозныхъ взглядовъ. Я сказала ему, что испытываю порою религіозную жажду, признаю что-то Высшее, но не могу принять разумомъ чуда. „Что вы называете чудомъ?“ — спросилъ онъ меня. Я привела примѣръ насыщенія пятью хлѣбами пяти тысячъ человекъ. С—въ замѣтилъ, что не берется объяснить всякое евангельское чудо, потому что, по его мнѣнію, не всѣ рассказы о чудесахъ проверены критикой. Онъ понимаетъ чудо, какъ явленіе до сихъ поръ необычайное, но которое будетъ естественнымъ въ будущемъ. Зарожденіе клѣточки въ неорганическомъ мірѣ было тоже своего рода чудомъ. Весь міръ подлежитъ законамъ, но одни изъ нихъ доступны нашему пониманію, другіе же еще не изслѣдованы. Воскресеніе Христа намъ кажется чудомъ, потому что это первое изъ явленій новаго порядка вещей, ожидающаго людей при второмъ пришествіи. Это полное торжество духа надъ матеріей, а Преображеніе — подготовительная къ нему ступень. „Но къ чему тутъ такое чисто физическое явленіе, какъ сіяніе лица?“ — спросила я. „Развѣ ваше лицо не оживится, не просіяетъ при какой-нибудь радостной вѣсти? А у Христа это духовное сіяніе произошло подъ видомъ Преображенія“, — былъ отвѣтъ В. С.

Хотя В. С. и говорилъ, какъ часто досужіе посѣтители нарушаютъ его одиночество, но мы съ П—мъ выразили желаніе навѣстить его въ Раухѣ (близъ Иматы) и получили милое при-

глашеніе. А я его просила лѣтомъ собраться въ нашу деревенскую глушь (въ Новгородской губерніи). Меня сильно влекло посѣтить поэтическое убѣжище В. С., побесѣдовать съ нимъ о вѣчныхъ вопросахъ посреди суровой финляндской природы. Но моя мечта не осуществилась, потому что какъ разъ въ это время В. С. неожиданно переѣхалъ въ Петербургъ. Это было въ началѣ мая; мы съ нимъ опять увидались. Въ ожиданіи его я набросала длинное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Отшельникъ“, и еще слѣдующее короткое:

* * *

Какъ путника въ палаткѣ зной
 Мапить источникъ среди пустыни,
 Искала я душѣ святыни.
 Когда же ключъ воды живой

Передо мною заструился,
 Я въ Бога вѣру обрѣла,
 И средь страданія и зла
 Мой духъ Всевышнему молился.

С—въ на этотъ разъ оставался съ нами недолго.

Долго послѣ этого намъ не пришлось видѣться. Напрасно я ждала его лѣтомъ: усиленные занятія помѣшали В. С. заглянуть въ нашъ уголокъ.

Затѣмъ, поглощенный своимъ „Опредѣленіемъ Добра“, онъ поселился въ Царскомъ Селѣ, замкнулся въ своемъ убѣжищѣ, и мы съ нимъ всю осень и зиму не видались. Онъ мнѣ передалъ черезъ П—го, что не чувствуетъ въ себѣ таланта педагога, чтобы руководить чѣмъ-нибудь философскимъ развитіемъ. А я такъ надѣялась прослушать изъ его устъ развитіе новой философіи... Тоска во мнѣ все усиливалась, обострялась.

Вотъ образчикъ ея выраженія въ стихахъ:

* * *

На груди скрещены мои руки,
 На душѣ—неотвязный вопросъ,
 Голова тяжелеетъ отъ муки,
 Затуманились очи отъ слезъ.

Я пуждалась въ живительномъ словѣ,
 Одинока я въ жизни, повѣрь..
 И какъ путникъ, просящій о кровѣ,
 Я несмѣло стучусь въ твою дверь...

Въ своихъ безпокойныхъ исканіяхъ я направлялась въ сторону Л. Н. Толстого. На Новый годъ у меня сложилось стихо-

твореніе, посвященное „Пророкамъ“, т.-е. обоимъ нашимъ избранникамъ.

Почти одновременно съ В. С., весною 1895-го года, я познакомилась съ однимъ изъ учениковъ Толстого, П. И. Бирюковымъ. Я увидала его въ первый разъ въ маленькомъ кружкѣ, читающимъ изложеніе своей вѣры. Идеаломъ выставлялся подвижническій аскетизмъ, условіями счастья—жизнь въ деревнѣ, среди здороваго труда, безъ денегъ и собственности. Не соглашаясь съ идеями Бирюкова, я тѣмъ не менѣе почувствовала нравственное обаяніе его личности и сразу съ нимъ по душѣ разговорила. Онъ радушно пригласилъ меня въ свою костромскую усадьбу, если я интересуюсь образомъ жизни людей его взглядовъ. Я позвала его къ себѣ; онъ пришелъ на слѣдующій день. Для меня Бирюковъ представлялъ живѣйшій интересъ, какъ наглядный выразитель толстовскаго вѣроученія и какъ близкій Л. Н. человекъ. Не будучи согласна съ нравственно-соціальнымъ устройствомъ жизни по этому вѣроученію, я не могла не чувствовать духовной высоты самого Бирюкова: меня трогала его искренность, убѣжденность и душевная чистота. И вотъ, когда зимою я почувствовала внутренній разладъ и жажду куда-нибудь приложить свои силы, я написала въ Москву, въ редакцію „Посредника“, предлагая Бирюкову свое сотрудничество и намѣчая при этомъ подходящія для разработки темы. Бирюковъ отвѣтилъ мнѣ очень сочувственно, излагая вкратцѣ программу своей издательской дѣятельности. Онъ одобрялъ мои темы и предлагалъ разработать эпоху въ родѣ Крестовыхъ походовъ или Возрожденія. Я предполагала заняться этимъ вопросомъ за границей, куда собиралась поѣхать. До отъѣзда мнѣ удалось свидѣться съ В. С. Встрѣча наша была случайная—на вокзалѣ въ Царскомъ. Я робко подошла къ нему: у меня было затаенное чувство, что онъ за что-то мною недоволенъ. Но это было только воображеніемъ. Онъ заговорилъ со мной, по обыкновенію, привѣтливо. Дорогой я рассказала В. С. о своемъ проектѣ и просила у него указанія на источники. Онъ обѣщаль прислать мнѣ въ подарокъ диссертацию Корелипа объ итальянскомъ гуманизмѣ, что и исполнилъ. Разговоръ у насъ не лился потокомъ; наоборотъ, мы долго молчали и смотрѣли въ окно, на очертанія облаковъ, озаренныхъ золотистымъ багрянцемъ. Вечеромъ я пошла на двѣнадцатъ Евангелій; это былъ великій четвергъ. В. С. однимъ своимъ присутствіемъ настраивалъ меня религіозно. Послѣ долгаго ряда сомнѣній я почувствовала смут-

ный порывъ вѣры и выразила его въ стихотвореніи, которое и послала С—ву.

Чувство вѣры и покой
Въ душу просится мою.
Въ этомъ мірѣ есть снѣтое,
И всѣмъ сердцемъ принимаю.

И опять на жизнь готова,
И пускалась въ дальній путь,
Постоять за правды слово,
Закаливъ броней грудь.

Пусть же въ праздникъ воскресенья
Мнѣ звучитъ надежды гласъ,
Что для міра есть спасенье,
Въ немъ свѣтлѣйшій не угасъ.

19-го апрѣля я опять поѣхала въ Царское. У меня явилось сильное желаніе навѣстить В. С. въ его одинокой кельѣ, и я направилась къ розовому домику на Церковной улицѣ. Я застала его въ небольшой, заваленной рукописями комнатѣ, одѣтаго въ пальто, повидимому за работой. Это былъ удачный визитъ: В. С. далъ мнѣ на память свой портретъ, съ собственноручной надписью.

Черезъ нѣкоторое время В. С. заѣхалъ ко мнѣ проститься: въ маѣ я уѣзжала за границу. Гуляя по залу, онъ замѣтилъ цвѣты у окна и, подошедши, сталъ нюхать гіацинты. Я предложила ему сорвать цвѣтокъ. — „Зачѣмъ, оставьте, вѣдь онъ живетъ“ — остановилъ онъ меня, и я почувствовала въ немъ религіознаго созерцателя живой природы. Вошла моя мать. В. С., здороваясь, поцѣловалъ у нея руку. Это меня удивило и тронуло: очевидно онъ, аскетъ, хотѣлъ почитать въ ней материнство. Заговорили о предстоявшей коронаціи; мама ужасалась, чего это будетъ стоить народу и зачѣмъ? „Это необходимо по понятіямъ того же народа“ — замѣтилъ Соловьевъ. Прощаясь, онъ спросилъ меня, куда именно я ѣду. Я отвѣтила, что въ сѣверную Италію, въ окрестности Генуи. „Теперь еще ничего, а ужъ въ маѣ тамъ невыносимо будетъ изъ-за цвѣтовъ, такъ они ароматичны, — сказалъ В. С., — я положительно не могъ спать, когда мнѣ пришлось быть въ это время года въ Италіи“. — Помню, въ другой разъ онъ презабавно рассказывалъ, какъ гдѣ-то, чуть ли не въ Ниццѣ, за табль д’отомъ, разбирали его наружность, не зная къ какой его отнести національности: кто принималъ его за итальянца, кто за испанца, еще кто-то за еврея, а по профессіи — за художника.

Я уѣхала за границу. Съ разными людьми пришлось мнѣ тамъ столкнуться, но я чувствовала, что второго, какъ С—въ, нѣтъ на искушенномъ сомнѣніями Западѣ.

Осенью я вернулась въ Петербургъ и скоро увидѣлась съ В. С. въ Царскомъ Селѣ, у одного изъ нашихъ общихъ знакомыхъ. Мы совершили втроемъ прогулку по чудному царскосельскому парку. Разговоръ какъ-то коснулся мистицизма и проф. Вагнера. В. С. отозвался о Вагнерѣ, какъ о человѣкѣ, глубоко посвященномъ въ сущность вопроса о потустороннемъ мірѣ.

За чаемъ въ тотъ же вечеръ В. С. рассказывалъ про явленіе ему діавола, о чемъ онъ упоминаетъ и въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. „Ѣхалъ я на пароходѣ; вдругъ почувствовалъ, какъ что-то сдавило мнѣ плечи; я увидалъ бѣлое туманное пятно и услышалъ голосъ:—„А, попался, длинный, попался“.—Я произнесъ самое сильное заклинаніе, какое существуетъ:—„Именемъ Іисуса Христа Распятаго...“ Діаволь исчезъ, но весь день я чувствовалъ себя разбитымъ“. Признаюсь, мнѣ было тяжело это слышать. „Зачѣмъ онъ, философъ, распространяетъ предразсудки?“—думала я, объясняя себѣ его повѣствованіе чистой галлюцинаціей, чтó было возможно при его повышенной нервности. В. С. продолжалъ рассказывать о сверхъестественныхъ ему явленіяхъ: какъ однажды ночью онъ увидалъ трехъ женщинъ, въ платкахъ, одѣтыхъ богомолками, которыя стали передъ нимъ на колѣни и поклонились ему. „Это были души умершихъ, просившія поминовенія, — сказалъ онъ:—три ночи подъ-рядъ онѣ мнѣ являлись“.

Послѣ этого я больше года не видала В. С. Не видя его, я тѣмъ не менѣе слѣдила, гдѣ онъ находится, и получала отъ него оттиски его статей.

Мнѣ пришлось увидать его на торжествѣ русской мысли и его собственномъ, именно на открытіи Философскаго Общества въ Петербургѣ. Залъ университета кишѣлъ народомъ; и публика, и масса молодежи сошлись привѣтствовать новорожденное общество и знаменитаго представителя русской философіи. Раздались громкіе аплодисменты, когда на каедрѣ показалась высокая, худощавая фигура этого выходца изъ эпохи первыхъ вѣковъ христіанства. Онъ началъ съ выраженія радости, что находится опять въ дорогихъ ему стѣнахъ университета, бывшихъ для него закрытыми вотъ уже шестнадцать лѣтъ (съ 1881 г., послѣ его знаменитой рѣчи о смертной казни). Темой его была жизненная драма Платона. В. С. заговорилъ о трагическомъ моментѣ въ жизни великаго философа, когда „погибъ отецъ, погибъ правед-

никъ“, и вѣра Платона въ добро и правду должна была пошатнуться. Какая же сила спасла его отъ унадка духа, отъ измѣны завѣтнымъ идеаламъ?.. Недолго говорилъ нашъ философъ, почувствовавъ трудность держать рѣчь въ большомъ залѣ, въ многолюдномъ собраніи. Онъ отвыкъ отъ кафедръ въ своемъ уединеніи. Извинившись передъ заинтересованной аудиторіей, онъ сошелъ съ кафедры и удалился. Почитатели ждали его въ коридорѣ и сочувственно пожимали ему руки.

Онъ продолжалъ свою бесѣду о Платонѣ въ Кредитномъ обществѣ. Основная идея его была та, что послѣ смерти учителя Платона подкрѣпляла идея *любви*, покамѣсть—только подъ видомъ *эроса*, въ античномъ пониманіи ограниченного, но содержавшаго задатки дальнѣйшаго развитія. Если бы Платонъ былъ послѣдователемъ и пошелъ дальше, онъ приблизился бы къ самой сущности Христова ученія. Но онъ остановился на полпути, измѣнивъ, по духу, своему учителю—Сократу. Бесѣда объ *эросѣ* носила мистическій характеръ, мало понятный для непосвященнаго ума. И сама я это чувствовала, и слышала подобныя же сужденія въ публикѣ.

Осенью 1898-го года я опять слушала В. С. въ Философскомъ Обществѣ: онъ читалъ о Бѣлинскомъ, память котораго чувствовалась весною того года. Обрисовавъ вкратцѣ гуманитарную роль этого *праведника*, В. С. поставилъ ему въ уворъ пѣкоторую непослѣдовательность. Этотъ „мужъ желаній“, проповѣдникъ гуманности и жизненнаго христіанства, не развилъ своихъ философскихъ воззрѣній до настоящей вѣры. А себя В. С. упрекнулъ за то, что въ прежніе годы, увлекаясь неразрѣшимымъ пока вопросомъ о соединеніи церкви, онъ упускалъ изъ виду болѣе насущные интересы современности, которымъ служилъ Бѣлинскій. Это было какъ бы публичное покаяніе общественнаго дѣятеля, вернушагося къ жизненной дѣятельности. „*Mea culpa, mea maxima culpa!*“—воскликнулъ онъ. Еще и теперь многое изъ чаяній Бѣлинскаго осталось неисполненнымъ, и завѣты его для насъ должны быть святы. Осуществленіе ихъ не обходится безъ жертвъ, но надо стремиться къ тому, чтобы благо родины достигалось съ наименьшимъ ихъ количествомъ и съ наибольшей полнотой.

Свою бесѣду В. С. закончилъ обращеніемъ къ русскому обществу съ пожеланіемъ, чтобы оно не остановилось на своемъ равнодушіи къ религіи. „Богъ дастъ, — говорилъ онъ, — наставеть время, когда истинная вѣра въ Бога живого осѣнитъ, одухотворитъ и нашу родную землю“. Вспоминая людей 40-хъ годовъ, В. С.

коснулся Герцена, упрекнувъ его за эмиграцію, за жизнь внѣ родины.

Сопоставивъ жизненную драму Платона съ художественной—Шекспира, философъ отдалъ предпочтеніе, по внутренней правдѣ и полнотѣ, первой, приведя слова покойнаго Фета: „другъ мой, повѣрьте, самый великій поэтъ и драматургъ есть Господь Богъ“.

Больше намъ не пришлось уже свидѣться. Вернувшись изъ Парижа весной 1899 г., я звала и ждала В. С., но онъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву и затѣмъ за границу. А черезъ годъ съ небольшимъ его уже не стало.

Въ Парижѣ мнѣ случилось присутствовать на эпизодахъ дрейфусовской драмы: на митингахъ и университетскихъ лекціяхъ, взывающихъ къ перестройкѣ общественнаго зданія. Слышала я блестящихъ ораторовъ, видѣла и горячихъ народолюбцевъ, и глубокихъ ученыхъ, и политиковъ, и педагоговъ, но такого мыслителя и человѣка, какъ В. С. Соловьевъ, мнѣ не пришлось, да и не придется никогда увидеть. Онъ и жилъ и умиралъ со словами: „Тяжела работа Господня...“

Н. МАКШЕЕВА.

КУЛЬТУРА

И

ВОЕННОЕ ДѢЛО

Замѣтки «штатскаго» человѣка.

Благородной памяти Ивана Емельяновича Кажданскаго.

Предлагаемая „замѣтки“ составились, дѣйствительно, изъ замѣтокъ, написанныхъ подъ вліяніемъ „безумія и ужаса“ нашей войны съ Япоіей и частью появившихся въ различныхъ газетахъ, частью оставшихся въ записной книжкѣ автора. Первоначальный планъ—связать эти отрывки въ одно цѣлое и выпустить ихъ въ свѣтъ въ видѣ отдѣльной брошюры или журнальной статьи немедленно послѣ окончанія войны—остался безъ исполненія, вслѣдствіе возникшей-было увѣренности, что „обновленіе“ нашего государственнаго строя прежде всего начнется съ признанія тѣхъ обще-культурныхъ требованій, которымъ должна соответствовать организація военныхъ силъ всякаго современнаго государства. Увы! эта увѣренность не оправдалась, и „замѣтки“ вновь пріобрѣли въ глазахъ автора свое прежнее значеніе.

I.

Среди вопросовъ военнаго дѣла необходимо отличать тѣ, въ разрѣшеніи которыхъ компетентны лишь достаточно подготовлен-

ные спеціалисты, отъ тѣхъ, которые могутъ и должны интересоваться вообще интеллигентныхъ людей. Въ рѣшеніи послѣднихъ должны быть съ возможно большей послѣдовательностью проведены принципы всякаго общественнаго дѣла, всякой общественной организаціи—принципы, относительно которыхъ всякій общественной жизнью живущій человѣкъ можетъ высказываться съ извѣстной долей авторитетности. И не слѣдуетъ думать, что первые вопросы безусловно господствуютъ надъ вторыми, что армія можетъ рѣшительно не удовлетворять требованіямъ, важнымъ, такъ сказать, съ „штатской“ точки зрѣнія—и въ то же время отличаться превосходными боевыми качествами. Нѣтъ: „штатскія“ требованія, какъ болѣе общія, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе настоятельными, наиболѣе существенными. Мы могли бы привести немало примѣровъ, когда военные спеціалисты приходили къ ошибочнымъ заключеніямъ именно потому, что не могли или не умѣли выйти за предѣлы своей спеціальности. Ограничимся лишь однимъ, наиболѣе поразительнымъ. Передъ нами лежитъ „Изборникъ Развѣдчика“ за 1903-й годъ, представляющій собою бесплатное приложение къ спеціально-военному журналу „Развѣдчикъ“. Въ этомъ „Изборникѣ“ помѣщена, между прочимъ, статья шт.-капит. Бурцева, посвященная японской арміи и написанная въ 1902-мъ году—меньше, чѣмъ за два года до возникновенія войны, — во время пребыванія автора въ Токио, куда онъ, въ качествѣ слушателя восточнаго института, былъ командированъ „для изученія практически разговорнаго языка и ознакомленія съ бытомъ туземцевъ“. Съ состояніемъ вооруженныхъ силъ Японіи г. Бурцевъ „главнымъ образомъ ознакомился черезъ военнаго агента въ Японіи, полковника генеральнаго штаба Г. М. Ванновскаго, благодаря радушію, вниманію и любезности котораго имѣлъ возможность широко воспользоваться его работою о японской арміи“. Къ какимъ же заключеніямъ пришелъ штабсъ-капитанъ Бурцевъ, находившійся въ условіяхъ столь благопріятныхъ для правильной оцѣнки японскихъ вооруженныхъ силъ? Онъ самъ формулируетъ эти заключенія съ большою опредѣленностью и рѣшительностью. На стр. 65-й мы находимъ слѣдующую характеристику всѣхъ трехъ родовъ оружія японской арміи:

„Что касается дисциплины и тактической подготовки войскъ, то въ Японіи эти два важнѣйшихъ элемента въ созданіи серьезной арміи *еще не поняты* ¹⁾, ибо не вяжутся съ бытомъ, тра-

¹⁾ Курсивъ вездѣ нашъ.

диціями и своеобразной культурой народа. Лишь у немногихъ, сравнительно, офицеровъ, побывшихъ за границей болѣе или менѣе продолжительное время, замѣтно европейское вліяніе въ нѣсколько болѣе созвательномъ отношеніи къ дисциплинѣ и тактикѣ, которыя въ японской арміи усвоены исключительно лишь съ виѣшной стороны и *мало-мальски серьезное испытаніе едва ли выдержатъ*. Сравнительно лучше другихъ обучена пѣхота. Кавалерія какъ по конскому составу, такъ и по обученію, можно сказать, *не существуетъ* въ качествѣ этого рода оружія, и усилія создать ее въ Японіи, надо думать, тщетны. Артиллерія *мало искусна* въ маневрированіи и *производство огня* и слаба по конскому составу; матеріальная часть ея содержится сравнительно удовлетворительно, но амуниція и пригонка ея въ большинствѣ случаевъ плохи“. Затѣмъ слѣдуетъ общій и окончательный приговоръ. „Пройдетъ *еще много лѣтъ*, пока японская армія усвоитъ себѣ *нравственныя основанія*, на которыхъ зиждется устройство всякаго европейскаго войска, и ей станетъ по плечу тягаться хотя бы съ *одной изъ самыхъ слабыхъ* европейскихъ державъ, и это, конечно, въ томъ случаѣ, если страна выдержитъ тотъ внутренний разладъ, который происходитъ отъ слишкомъ быстрого наплыва чуждыхъ ея культурѣ и исторической жизни идей“.

Такъ судилъ и писалъ о японской арміи русскій офицеръ, чуть не наканунѣ момента, когда Японія бросила воинскій вызовъ одной изъ самыхъ сильныхъ европейскихъ державъ. И мы видимъ, что спеціалистъ военнаго дѣла дѣлаетъ попытку выбраться изъ тѣснаго круга своей спеціальности: онъ говоритъ о „нравственныхъ основаніяхъ“, на которыхъ зиждутся европейскія военныя организациі, о „культурѣ“, о „внутреннемъ разладѣ“. Очевидно, однако, недостаточная подготовка препятствуетъ ему оцѣнить истинное значеніе этихъ моментовъ; иначе онъ пришелъ бы къ заключеніямъ совершенно иного характера. Что касается „слишкомъ быстрого наплыва“ въ Японію „чуждыхъ“ ея культурѣ идей, то, дѣйствительно, стоитъ лишь сравнить внутреннюю жизнь Россіи и Японіи за послѣдніе, предшествовавшіе войнѣ годы, чтобы признать быстроту японскаго прогресса прямо-таки головокружительной для капитана русской службы. Японскій народъ въ 1868-мъ году вступилъ на путь обновленія всей жизни и съ тѣхъ поръ идетъ все болѣе и болѣе скорымъ темпомъ по пути прогресса. Въ 1868-мъ году управленіе страной перешло непосредственно къ микадо, до тѣхъ поръ игравшему неопредѣленную роль. Въ 1869-мъ году былъ изданъ указъ о всеобщей воинской повинности. Въ 1871-мъ году японскіе

крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости. Съ паденіемъ послѣдней разрушился вѣковой феодальный строй. Въ 1872-мъ году построены первая фабрика и первая желѣзная дорога. 1875-й годъ ознаменовался указомъ объ обязательномъ обученіи, подъ угрозой штрафа. Въ 1876-мъ году проведена судебная реформа. Въ 1877 г. открытъ первый мужской университетъ. Въ 1879 г. изданъ законъ о земскихъ учрежденіяхъ. Въ 1884 г. объявлена конституція. Въ 1898 г. открытъ второй университетъ. Въ 1900 г. изданъ указъ о расширеніи избирательныхъ правъ народа. Въ 1901 г. открытъ первый женскій университетъ. Въ 1902 г. заключенъ союзъ съ Англійей. За время съ 1868 по 1904 г. торговые обороты Японіи увеличились въ 20 разъ; вся страна покрылась сѣтью дорогъ; нѣкоторыя отрасли фабричной промышленности соперничаютъ теперь съ Англійей и Америкой. Грамотность возросла до 70%. Число учащихся въ Японіи на 100.000 болѣе, чѣмъ въ Россіи, тогда какъ въ Россіи населенія на 85 милліоновъ больше, чѣмъ въ Японіи. Книгъ выходитъ въ Японіи по одной на 1.600 человекъ, въ Россіи—по одной на 11.000 чел. Грамотность въ Россіи достигаетъ 22%.

Россія на 10 лѣтъ раньше Японіи вступила на путь великихъ преобразованій. Въ 1861 г. русскіе крестьяне освобождены отъ крѣпостной зависимости. 17-го апрѣля 1863 г. изданъ указъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. 18-го іюля 1863-го года утвержденъ университетскій уставъ. Въ 1864 г. обнародована судебная реформа. 7-го февраля 1865 г. открыты первыя земскія учрежденія. 6-го апрѣля 1865 г. состоялся новый законъ о печати. Въ 1870 г. утверждено городовое положеніе. Въ 1874 г.—уставъ о воинской повинности. Но параллельно съ реформами, открывавшими пути къ прогрессу, стали появляться узаконенія противоположнаго характера, и послѣднія скоро получили верхъ надъ первыми. Положеніе 14-го августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія значительно расширило власть министра внутреннихъ дѣлъ и губернаторовъ во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Университетскій уставъ 1884 г. лишилъ высшія учебныя заведенія прежней самостоятельности. 12-го февраля 1887 г. ограничена публичность судопроизводства. Въ 1889-мъ году ограничена компетенція присяжныхъ засѣдателей, уничтожены почти вездѣ мировые судьи, созданъ институтъ земскихъ начальниковъ, съ соотвѣтственнымъ ограниченіемъ правъ крестьянъ и крестьянскаго самоуправленія. Земское положеніе 1890 г.

разрушило идею всеословности земскихъ учреждений, положенную въ основу реформы 1864 г. Законъ 1892 г. ограничилъ избирательное право городского населенія. Въ томъ же духѣ продолжалось усиленіе реакціонныхъ тенденцій вплоть до 1904-го года. И къ началу XX-го столѣтія вся внутренняя политика русскаго правительства, вся дѣятельность министерства внутреннихъ дѣлъ свелась къ „борьбѣ съ крамолой“. Наибольше дѣятельнымъ и усерднымъ союзникомъ „полицейскаго“ министерства являлось въ этой борьбѣ министерство народнаго просвѣщенія.... Въ 1904 г. была объявлена война.

II.

Испано-американская и англо-бурская войны даютъ болѣе чѣмъ достаточныя основанія для критическаго отношенія къ мнѣніямъ военныхъ специалистовъ въ наиболѣе общихъ, наименѣе специальныхъ вопросахъ военнаго дѣла. И тутъ и тамъ арміи, сформированныя изъ „настоящихъ“ солдатъ, оказались малосостоятельными въ борьбѣ со „штатскими“ людьми, достаточно хорошо вооруженными и воодушевленными сознаніемъ патріотическаго долга. Но подобныя обобщенія чисто эмпирическаго характера всегда являются весьма спорными. Для объясненія успѣховъ, достигнутыхъ сѣверо-американскими, вѣскою изъ волонтеровъ сформированными полками въ борьбѣ съ закаленными испанскими солдатами, прошедшими „вейлеровскую школу“, могутъ указать на отсталость испанской военной техники, на неспособность вождей испанской арміи, на громадность матеріальныхъ ресурсовъ, которыми располагаетъ великая заатлантическая республика. Точно также пораженія, понесенныя англійскими регулярными и столь блестящими по вѣшности войсками въ южно-африканской кампаніи, объяснялись и объясняются удаленіемъ театра войны отъ основной питательной базы англійскихъ военныхъ силъ, боевою неподготовленностью англійскаго офицерскаго корпуса, наемническимъ составомъ англійской арміи и т. п. Для выясненія истиннаго характера и значенія всѣхъ этихъ „причинъ“ намъ пришлось бы говорить очень много и все-таки едва ли удалось бы убѣдить военныхъ „специалистовъ“, что въ настоящее время военное дѣло въ культурныхъ странахъ достигло такого фазиса развитія, когда судьбы кампаній рѣшаются въ гораздо большей зависимости отъ моментовъ общаго соціальнаго характера, чѣмъ отъ спеціально-военныхъ; что нельзя себѣ представить сколько-

нибудь крупной націи, передовой во всѣхъ отношеніяхъ и совершенно безсильной въ военномъ; что, наоборотъ, нельзя себѣ представить націи, въ которой гражданская самостоятельность отсутствовала бы, наука презиралась бы, техника не культивировалась бы, и которая, тѣмъ не менѣе, обладала бы перво-классной арміей. Иначе говоря, наша мысль заключается въ томъ, что культура и цивилизація, наука и искусство, общественная инициатива и гражданская свобода — суть не только блага „вообще“, но также и *необходимыя* военныя блага. Военные спеціалисты признаютъ, что стратегическіе моменты въ военномъ дѣлѣ играютъ все болѣшую роль сравнительно съ тактическими, что Мольтке являются болѣе цѣнными военными величинами, чѣмъ Скобелевы ¹⁾, и что самая тактика, вслѣдствіе обширности фронта современныхъ битвъ, переходитъ, такъ сказать, въ „малую стратегію“. Но въ то же время они не хотятъ или не умѣютъ дать достаточно распространительнаго и—главное — достаточно глубокаго толкованія термину „стратегическій моментъ“.

— „Позвольте“, — можетъ замѣтить кто-либо изъ военныхъ спеціалистовъ: „еще Монтекукули—ужъ кажется военный человѣкъ — говаривалъ, что „для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги“. Это ли не распространительное толкованіе стратегическихъ моментовъ? Кто же изъ современныхъ, сколько-нибудь образованныхъ людей не понимаетъ значенія обще-культурныхъ факторовъ для военнаго развитія страны? Кто не сознаетъ пользы и въ военномъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и телефоновъ, грамотности населенія, развитія строительной, металлургической и всякой другой техники?“ — Несомнѣнно, все это сознается и признается теоріей военнаго дѣла; но несомнѣнно и то, что даже теоретическое уваженіе военныхъ спеціалистовъ къ „культурнымъ благамъ“ носитъ слишкомъ формальный характеръ. Культурныя блага цѣнятся и уважаются, но какъ нѣчто *извне приходящее*, готовое и затѣмъ примѣняемое сообразно военнымъ потребностямъ. Что же касается военной практики, то въ ея сферѣ „культурнымъ благамъ“ приписывается почти исключительно „академическое“ значеніе. И на вопросы нашего военнаго спеціалиста мы могли бы отвѣтить рядомъ контръ-вопросовъ:

— А въ самый „внутренній строй“ арміи проникаетъ ра-

¹⁾ Мы отнюдь не желаемъ умалять военныя дарованія „блага генерала“; мы хотимъ лишь сказать, что онъ не успѣлъ обнаружить и развить свой стратегическій талантъ, которымъ онъ, по всей видимости, обладалъ, тогда какъ его тактическій геній проявился съ удивительной яркостью.

сиространительное толкованіе стратегическихъ моментовъ? Понимають ли военные люди, что армія Россіи ХХ-го вѣка не можетъ въ своей внутренней организаціи строиться на тѣхъ же принципахъ, на которыхъ образовалась армія Фридриха Великаго? Если бы сѣверо-американскіе военные организаторы формировали полки волонтеровъ, руководствуясь тѣми же началами и приемами, которые приняты какимъ-нибудь афганскимъ или персидскимъ военнымъ начальствомъ, то развѣ эти полки были бы побѣдоносными? Однимъ словомъ: должна ли сама армія впитать въ себя, усвоить себѣ тѣ „культурныя блага“, благодаря которымъ народы становятся великими?... Военные писатели нерѣдко касались области, такъ сказать, штатско-военныхъ отношеній. М. П. Драгомировъ, напримѣръ, много и охотно говорилъ о вопросахъ „гражданской“ и „военной“ чести. Позволительно, слѣдовательно, и штатскимъ людямъ съ чисто-штатскимъ мѣриломъ подойти къ нѣкоторымъ сторонамъ военного быта и военной дѣятельности. Это тѣмъ болѣе позволено въ странѣ, гдѣ военнымъ людямъ часто поручалось завѣдываніе такою „штатскою“ областью общественной жизни, какъ народное просвѣщеніе. И еще болѣе позволено послѣ такихъ событій, какъ сдача Портъ-Артура, Мукденское пораженіе и Цусимскій разгромъ, послѣ многихъ мѣсяцевъ „слѣпой“ войны, какъ ее называлъ Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

III.

Военная дисциплина является лишь однимъ изъ условій, содѣйствующихъ развитію воинственности, воинскаго „духа“, и притомъ не необходимымъ. Полчища Аттилы и Чингизъ-хана несомнѣнно отличались большою воинственностью, но были крайне слабо дисциплинированы. На слабую дисциплинированность буровъ жаловался знаменитый Деветъ въ своей книгѣ, посвященной войнѣ южно-африканскихъ республикъ съ англичанами—и, тѣмъ не менѣе, едва ли какая-либо армія въ мірѣ отличалась столь серьезнымъ, столь возвышеннымъ воинскимъ духомъ, какой въ теченіе трехлѣтней борьбы съ неизмѣримо сильнѣйшимъ по численности непріателемъ не переставали обнаруживать миниатюрные отряды бурскихъ генераловъ. Носителемъ воинскаго духа является каждый воинъ въ отдѣльности. Человѣкъ, ни къ какой, хотя бы самой примитивной военной организаціи не принадлежащій, никакой военной дисциплинѣ не подчиненный, можетъ

отличаться большою воинственностью. Какъ и всякая общественная организація, армія, конечно, немислима безъ совокупности извѣстныхъ нормъ, опредѣляющихъ функціи, права и обязанности членовъ организаціи. Но никакая въ мірѣ военная дисциплина не можетъ явиться источникомъ воинскаго духа, не можетъ людей невоинственныхъ сдѣлать воинственными. Мало того: представляя собою одно изъ условій развитія воинскаго духа, военная дисциплина не всегда — или, точнѣе, не всякая военная дисциплина, — содѣйствуетъ этому развитію. Легко можно себѣ представить военную дисциплину, убивающую воинскій духъ.

Насъ могутъ упрекнуть въ чрезмѣрной общности и очевидности нашихъ замѣчаній. Но мы и не имѣемъ намѣренія дѣлать какія-либо открытія, возвѣщать какія-либо „новыя слова“ въ области военнаго дѣла. Памятуя, что „правильно поставить вопросъ—значитъ наполовину рѣшить его“, мы хотѣли бы лишь указать тѣ дѣйствительно самыя общіе и теоретически почти общепризнанныя принципы, на необходимость проведенія которыхъ въ практику военнаго дѣла съ такою яркостью указала наша война съ Японіей. Развитіе частныхъ—дѣло специалистовъ. И, съ другой стороны, развѣ эти принципы такъ ужъ общепризнаны въ теоріи? Развѣ въ правительственныхъ сферахъ различныхъ странъ не существовало и не существуетъ, въ скрытомъ или явномъ видѣ, убѣжденіе, что государственная власть, въ видахъ собственной безопасности, обязана искоренять въ народныхъ массахъ всякія проявленія воинственности и что, несмотря на это, она при помощи надлежащей дисциплины можетъ сформировать „воинственныя дружины“ изъ гражданъ, которымъ иногда запрещается пользоваться оружіемъ даже въ видахъ личной самозащиты? Уже Адамъ Смитъ высказывалъ опасенія, что мануфактурное раздѣленіе труда уничтожитъ въ рабочемъ классѣ всякую воинственность и возлагалъ надежды на правительство, съ его „противодѣйствующими мѣропріятіями“. Успѣхи культуры, увеличеніе личной безопасности гражданъ, болѣе совершенное правосудіе, болѣе тѣсная зависимость частнохозяйственной дѣятельности отъ общественной экономической жизни, въ весьма значительной степени уменьшили вліяніе факторовъ, воспитывающихъ въ народныхъ массахъ воинственныя склонности. И нельзя сказать, чтобы правящіе классы были особенно обезпечены уменьшеніемъ этого вліянія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ существуютъ многочисленныя постоянныя арміи. Скорѣе напротивъ.

Здѣсь намъ надо оговориться. Читателю можетъ показаться,

что мы считаемъ безусловно вреднымъ развитіе мирныхъ склонностей въ современныхъ обществахъ, что мы забываемъ о надеждахъ „свѣточей человѣчества“ на установленіе вѣчнаго „мира“, забываемъ, наконецъ, о евангельской морали, отрицающей всякую воинственность. Во всемъ этомъ мы не можемъ признать себя виновными. Мы полагаемъ, что воинственныя склонности могутъ уживаться съ миролюбіемъ, подчиняясь одному и тому же регулирующему началу—чувству справедливости. Мы не только надѣемся, но увѣрены, что установленіе „вѣчнаго мира“ есть лишь вопросъ времени, что оно неминуемо осуществится, когда политическая власть будетъ находиться въ рукахъ общественныхъ классовъ, никого не эксплуатирующихъ и, слѣдовательно, не имѣющихъ никакого интереса вести войны. Наконецъ, что касается евангельской морали, то, во-первыхъ, она не получила еще всеобщаго признанія, а во-вторыхъ, не обнимаетъ всей сферы нашей частной и общественной жизни. Если получившій ударъ по щекѣ можетъ считать себя обязаннымъ подставить ударившему другую свою щеку, то остается все-таки открытымъ вопросъ о поведеніи третьяго лица, присутствующаго при нанесеніи кому-либо ударовъ... Воинственностью мы, конечно, пазываемъ не жажду войнъ и кровопролитій, не стремленіе къ военнымъ приключеніямъ, а постоянную готовность хотя бы и силой, хотя бы и при помощи оружія отстаивать права—свои личныя, своего ближняго, своего общества, своего государства. Воинственность аттиловыхъ и чингизъ-хановыхъ полчищъ была, конечно, совершенно иною; по развитія лишь такой воинственности, какую мы имѣемъ въ виду, въ правѣ желать современный культурный человѣкъ.

Практики военнаго дѣла — именно тѣ изъ нихъ, которые больше всего вѣрятъ въ чудесное порожденіе воинственности военною дисциплиной, — обыкновенно сводятъ послѣднюю къ одной лишь ея части: къ субординаціи. Военное законодательство также считаетъ эту часть важнѣйшею и за нарушение субординаціи налагаетъ несравненно болѣе суровыя кары, чѣмъ за неисполненіе другихъ требованій военной дисциплины. Изъ совокупности нормъ, опредѣляющихъ отношенія членовъ военной іерархіи ко всему міру, къ ихъ профессиональному дѣлу и другъ къ другу, особенно выдвигается и культивируется одна часть: отношеніе младшихъ членовъ іерархіи къ старшимъ. Исторически это вполне понятно и легко объяснимо. Военная дисциплина устанавливалась сверху, а не снизу. И хотя въ „словесности“, проповѣдуемой нашимъ новобранцамъ, терминъ „солдатъ“ опредѣляется какъ „имя

славное, знаменитое“ или что-то въ этомъ родѣ, — тѣмъ не менѣе мы, „штатскіе“ люди, помнимъ, что происхожденіе этого термина совсѣмъ не почетное. Въ первоначальномъ своемъ значеніи онъ совершенно точно переводится на русскій языкъ словами: „состоящій на жалованіи“ или „наемникъ“. Когда постоянныя арміи составлялись изъ всякой „сволочи“, которою такъ были богаты города и деревни средневѣковья, тогда, конечно, не было надобности много толковать съ этими „солдатами“ объ обязанностяхъ ихъ передъ обществомъ и отечествомъ, о правахъ ихъ по отношенію къ военной власти. „Нанялся—продался“, „дѣлай, что тебѣ велятъ“ — такова несложная сущность военной дисциплины „доброго“ стараго времени. Солдаты этой эпохи были въ буквальномъ смыслѣ слова „наемными шкурами“, съ которыми можно было дѣлать что угодно, лишь бы не изорвать ихъ; ибо онѣ „денегъ стоили“. О какой-либо спеціальной воинской чести не могло быть при этихъ условіяхъ и рѣчи не только для солдатъ, но и для офицеровъ. Въмѣсто солдатской чести существовала лишь „солдатская честность“ — честность наемника, получившаго по договору деньги и обязаннаго предоставить „полностью“ свой „товаръ“: жизнь и мускульную силу. Что же касается офицерской чести, то это была „дворянская“, „жантильомская“ честь, которой приносило, впрочемъ, не малый ущербъ то обстоятельство, что многіе офицеры были также наемниками, служившими тому господину, который больше платилъ. Лишь благодаря проникновенію въ общественное сознаніе болѣе возвышенныхъ соціально-этическихъ началъ возвысились понятія о чести среди военнаго сословія. Объ этомъ слѣдуетъ помнить военнымъ „мыслителямъ“ школы покойнаго М. И. Драгомирова, защищающимъ офицерскій самосудъ надъ обидчиками-штатскими и въ то же время пресерьезно разсуждающимъ на тему, слѣдуетъ ли ввести въ войскахъ обращеніе на „вы“ съ нижними чинами.

Если воинственностью называть готовность отстаивать хотя бы и силой, хотя бы и при помощи оружія, права своей личности, своихъ ближнихъ, своего отечества, то, очевидно, что болѣе воинственностью будутъ отличаться люди, съ одной стороны, болѣе привычныя къ употребленію оружія, къ пользованію своими физическими силами, а съ другой — обладающіе болѣе правильнымъ пониманіемъ своихъ человѣческихъ правъ, своего человѣческаго достоинства. Съ этой точки зрѣнія, на примѣръ, граждане Сѣверо-американской республики болѣе воинственны, чѣмъ бедуины Аравіи, чѣмъ горцы Кавказа. Несмотря на свою кровожадность, несмотря на „любовь“ къ „военнымъ приключеніямъ“ — или

къ военной добычѣ, — первобытный дикарь менѣе воинствененъ, чѣмъ гражданинъ современнаго культурнаго государства: онъ легче поддается паникѣ, онъ спокойнѣе выноситъ тиранию и гнетъ всякаго рода. Для того, чтобы содѣйствовать развитію воинственности, воинская дисциплина, не должна, слѣдовательно сводиться къ субординаціи. Она не должна быть ни односторонней, ни криво-бокой. Честь каждаго солдата должна оберегаться дисциплиною съ такою же строгостью, какъ и честь каждаго офицера. Съ точки зрѣнія современнаго правосознанія не можетъ быть „большей“ и „меньшей“ чести у человѣческой личности, въ зависимости отъ занимаемаго ею общественнаго положенія. Не можетъ быть и утилитарныхъ различій въ дѣлахъ чести: офицеръ, молъ, важнѣе для арміи, а потому его честь должна быть болѣе тщательно охраняема. Въ военное время эти утилитарныя различія имѣютъ право на существованіе, но лишь по отношенію къ физическимъ личностямъ: физическая неприкосновенность главнокомандующаго важнѣе неприкосновенности рядового, поэтому первая и охраняется несравненно болѣе тщательно. Но въ мирное время какъ физическая личность, такъ и честь каждаго гражданина, каждаго воина, отъ солдата до генерала, должна быть одинаково ограждена законодательствомъ со всею возможною тщательностью, со всею доступною ему строгостью.

Смѣшивая дисциплину съ субординаціей, военная практика смѣшиваетъ также строгость дисциплины съ ея оскорбительностью. Когда военнымъ практикамъ указываютъ на оскорбительность тѣхъ или иныхъ требованій военной дисциплины, то они обыкновенно отвѣчаютъ замѣчаніемъ, что въ такомъ серьезномъ, отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ военное, „безъ строгости нельзя обойтись“. Военные теоретики драгомировскаго склада были бы очень удивлены, услышавъ, что всякій оскорбительный моментъ въ требованіяхъ военной дисциплины неминуемо ведетъ къ пониженію воинственности въ войскахъ, ибо понижаетъ уровень ихъ понятія о чести, достоинствѣ и правахъ человѣческой личности. Собственно говоря, если принять тѣ принципы, которыми до сихъ поръ, сознательно или безсознательно, руководствуется военная практика въ нѣкоторыхъ, сравнительно даже культурныхъ государствахъ, то придется признать, что лишь неспособность барановъ къ стрѣльбѣ и „штыковой работѣ“ препятствуетъ сформированію изъ нихъ какихъ-либо войсковыхъ частей. Увѣряютъ же иные военные специалисты, что всякая „идеологія“ вредитъ развитію воинственности, что путемъ гипнотизирующаго вліянія требованій субординаціи и военно-учебной

дрессировки изъ самыхъ невѣжественныхъ, самыхъ неразвитыхъ людей можно выработать „прекрасныхъ“ солдатъ!..

Еще болѣе были бы удивлены подобныя „мыслители“, еслибъ имъ указали, что строгость военной дисциплины можетъ быть сколько угодно интенсивной, сколько угодно мелочной, но что во всякомъ случаѣ она должна быть ограничена требованіемъ возможно болѣе полной и широкой свободы для военно-служащихъ. Военная профессія—и свобода! Это ли не ересь, это ли не потрясеніе всяческихъ основъ для тѣхъ людей, которые подъ свободой понимаютъ возможность вести себя подобно умалишеннымъ, а путемъ дрессировки надѣются выработать бойцовъ, мужественно и охотно защищающихъ свое отечество. Между тѣмъ, изъ сущности нашего опредѣленія воинственности съ очевидностью слѣдуетъ, что всякія ненужныя для дѣла, для настоящаго военнаго дѣла требованія, ограничивающія свободу военно-служащихъ и, слѣдовательно, умаляющія ихъ права, неминуемо должны вести къ пониженію воинственнаго духа. Изъ требованій военной дисциплины должно быть исключено все для воинскаго дѣла ненужное, показное, мишурное,—все, льстящее самолюбію высшихъ и унижающее низшихъ, все нелѣпо-строгое и оскорбительное.

Н. Новиковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ
ВЪ РОССІИ
ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ ПРОШЛАГО ВѢКА

Шестидесятые годы въ освѣщеніи нашего
времени.

I.

Когда во дни близкаго прошлаго, въ дни нудные, полные унынія и раздраженія, русскій прогрессистъ желалъ себя подбодрить, то не въ мечтѣ о будущемъ искалъ онъ этой бодрости. Тягота настоящаго и ощущеніе чего-то страшнаго, что надвигалось, отнимали у него охоту вѣжиться въ мечтахъ, столь несогласныхъ съ наличностью переживаемыхъ явленій, хотя онъ и вѣрилъ, что добрая доля того, о чемъ онъ не прочь былъ бы пометать, когда-нибудь да сбудется. Отрекаясь отъ мечты, онъ подбадривалъ себя воспоминаніемъ, и воспоминаніемъ именно о шестидесятыхъ годахъ. Память о нихъ была дорога русскому прогрессисту почти какъ греза о какой-то героической эпохѣ.

Геронизма было, дѣйствительно, немало въ этотъ знаменательный періодъ нашей исторіи, и на извѣстномъ разстояніи онъ сильно влигрывалъ. Все повседневное, прозанческое, сѣрое и мрачное отступало на задній планъ и на фонѣ нашей дореформенной жизни необычайно ярко обрисовывался обликъ молодой,

обновленной Россіи, съ новыми скрижалями законовъ въ рукахъ, съ обломками разбитыхъ цѣпей у ея ногъ, со взоромъ, устремленнымъ увѣренно на встрѣчу восходящему солнцу новой жизни. Вокругъ этого символическаго облика мощи и здоровья размѣщалась цѣлая толпа лицъ, съ которыми молодая Россія, поборница правды и справедливости, вступала на новый, широкій путь жизни. Здѣсь были и государственные дѣятели, и люди всѣхъ вольныхъ профессій, ученые, писатели и публицисты, и старики, и молодые; особую группу составляла либеральная и радикальная молодежь обоого пола, страстная, увѣжденная, готовая на самопожертвованіе и дѣйствительно приносившая себя въ жертву. Красивая получалась картина, и такъ какъ она была не мечта, а воспоминаніе о несомнѣнно пережитомъ, то созерцаніе этой картины и могло въ трудную минуту жизни служить утѣшеніемъ. И мы любили вспоминать объ этихъ славныхъ годахъ исхода изъ стараго плѣна.

Положимъ, любой переживаемый нами день могъ убѣдить насъ въ томъ, что этотъ плѣнъ продолжался, но—въ силу многихъ странностей человѣческой психики — мы часто позволяли себѣ мирить недовольство современностью съ благодарной и поэтичной памятью о тѣхъ годахъ, прямымъ продолженіемъ которыхъ эта современность являлась. Годы владычества либеральной власти и годы кипѣнія юныхъ общественныхъ силъ мы причисляли къ самымъ знаменательнымъ эпохамъ нашей исторической жизни, съ которыхъ, какъ съ эпохи Петра или съ первыхъ годовъ царствованія Александра I, можно начинать новое лѣтосчисленіе. Съ шестидесятыхъ годовъ XIX-го вѣка мы обыкновенно и начинали такое новое лѣтосчисленіе, полагая, что дореформенная Россія отошла съ этими годами въ прошлое, и началась Россія новая.

За шестидесятью годами навсегда останется, конечно, ихъ слава; но обозрѣвая въ настоящую минуту движеніе дарованныхъ тогда реформъ, на протяженіи пятидесяти лѣтъ (1855—1905) ихъ развитія, едва ли можно сказать, что именно съ тѣхъ лѣтъ началась исторія новой Россіи. Шестидесятые годы были скорѣе эпилогомъ дореформенной Россіи, чѣмъ первыми годами новой, реформированной. Много измѣненій въ укладѣ общественной и государственной жизни принесли они съ собой, но эта новизна и эти реформы въ своемъ ростѣ и развитіи оставались въ зависимости отъ началъ и традицій стараго порядка, несмотря на то, что реформы были даны именно въ цѣляхъ упраздненія традицій и принциповъ стараго режима.

Не новая жизнь стала бить ключомъ въ эти годы, а лишь старая давала чувствовать свою ветхость.

II.

Первое, что оправдываетъ такой взглядъ на эпоху реформъ — это и до сей поры косное, темное и экономически нищенское состояніе огромной народной массы. Ей реформы дали лишь ничтожную часть того, что обѣщали. По своему міросозерцанію, по общему складу жизни, личной, семейной и общественной, эта масса въ общемъ осталась почти неизмѣнной въ своемъ духовномъ составѣ. До самаго послѣдняго времени, когда она такъ стихійно разбушевалась, она жила столь же косо и инертно, какъ и раньше. О новыхъ горизонтахъ мысли, о живомъ подъемѣ энергіи, предприимчивости, о нравственномъ оздоровленіи — въ той мѣрѣ, въ какой все это могло совершиться на протяженіи цѣлаго столѣтія — въ ея средѣ говорить не приходится. Крестьянская масса, численностью столь великая, никакой „исторіи не дѣлала“. Сколь велики богатства ума и характера, таящіяся въ нѣдрахъ народа, этого опредѣлить не могъ ни онъ самъ, ни тѣ, кто жилъ съ нимъ одной жизнью. Главный и обильный родникъ силъ, которымъ должна была питаться жизнь всего государства, продолжалъ и послѣ реформъ течь какъ-то незримо и глухо подъ землей, не имѣя возможности обнаружить наглядно всей своей глубины и своего обилія.

А что дали реформы для тѣхъ классовъ общества, которые были болѣе или менѣе свободны въ обнаруженіи и развитіи своихъ силъ? Уже въ самые годы дарованія реформъ, и тѣмъ болѣе въ годы за ними слѣдовавшіе, стало ясно, что реформы отчислены въ разрядъ явленій очень опасныхъ, дѣйствіе которыхъ подлежитъ строжайшему контролю и послѣдовательному ограниченію.

Кто помнитъ исторію земскихъ и судебныхъ учреждений, кто помнитъ цензурные уставы и политику министерства народнаго просвѣщенія, тотъ долженъ признать, что при проведеніи въ жизнь всевозможныхъ реформъ власть руководствовалась не тѣмъ идеаломъ будущаго, какой эти реформы обѣщали, а скорѣе сожалѣніемъ о томъ прошломъ, которое онѣ упраздняли. Желаніе повернуть назадъ сказывалось ясно, изъ недостатка ли смѣлости государственнаго взгляда, изъ непониманія ли задачъ жизни, изъ неправильнаго ли пониманія „народныхъ идеаловъ“, или

по мотивамъ гораздо менѣ чистымъ — все равно. Полстолѣтіе, прошедшее со времени дарованія реформъ, было занято истребительной войной прогрессивныхъ общественныхъ силъ съ силами, какъ принято говорить, охранительными. Масса ума, таланта, труда и энергии ушла на междоусобную гражданскую войну вмѣсто того, чтобы уйти на согласное и дружное строительство. Борющіяся силы были настолько несходны между собой, оружіе, которымъ онѣ боролись, было у нихъ столь разное, что естественное разрѣшеніе всякой борьбы—т.-е. побѣда одной стороны надъ другой или ихъ соглашеніе — было невозможно, и борьба затянулась на долгіе, долгіе годы. Такой порядокъ парализовалъ нормальное развитіе реформъ и въ корнѣ подрывалъ общественную самодѣятельность—самое цѣнное, что могли дать дарованныя реформы. И такое отсутствіе общественной самодѣятельности или уродливое, чахоточное ея развитіе и было тѣмъ вторымъ важнѣйшимъ недочетомъ, который, вмѣстѣ съ косностью и раззореніемъ народной массы, лишалъ эпоху великихъ реформъ самаго существеннаго результата всѣхъ ея бореній, идейныхъ и иныхъ. Какъ бы великъ ни былъ трудъ, затраченный интеллигентнымъ обществомъ на борьбу за свободу мысли, чувства и поступковъ, какъ бы велики ни были тѣ шаги впередъ, которые общество, въ его цѣломъ, сдѣлало за полстолѣтіе своихъ счетовъ съ ревнивой властью, эти побѣды прогрессивныхъ элементовъ не составляли отличительнаго, характернаго признака времени, и вся эпоха, считая съ момента дарованія реформъ вплоть до самаго близкаго къ намъ времени, оставалась, по господствующимъ своимъ тенденціямъ и по осязаемымъ плодамъ такихъ тенденцій, эпохой обузданія всякихъ попытокъ общественной инициативы, самодѣятельности и самоопредѣленія — однимъ словомъ, всего того, чѣмъ только и можетъ жить великая народность, которая имѣетъ что сказать міру.

III.

Безъ такой самодѣятельности и самоопредѣленія нѣтъ здоровой и плодотворной національной жизни. Жизнь, которою живетъ цѣлая нація, должна быть построена на такихъ основаніяхъ, при которыхъ всѣмъ самобытнымъ силамъ и способностямъ гарантировано свободное развитіе и свободное примѣненіе къ дѣлу. Найти такія основанія и придать имъ опредѣленную юридическую форму — въ этомъ вся тайна той научной практики или

практической науки, которая называется государственнымъ строительствомъ. Трудъ такого строительства растягивается на цѣлые вѣка, онъ есть трудъ постоянный, никогда не заканчиваемый, всегда учитывающій приростъ историческаго опыта и сообразно съ нимъ мѣняющій характеръ и направленіе работы. Поэтому-то споръ о томъ, какал изъ формъ политическаго устройства наиболѣе совершенная—споръ едва-ли разрѣшимый. Лучшая форма—та, которая даетъ наибольшій просторъ и свободу примѣненія всѣмъ разнообразнымъ дарованіямъ тѣхъ лицъ, совмѣстная жизнь которыхъ объединена этой формой.

Но одно можно сказать съ увѣренностью: эта лучшая форма государственнаго устройства ни въ какомъ случаѣ не можетъ основываться на отрицаніи за обществомъ самаго права на самодѣятельность и на систематической правительственной опеке надъ всѣми областями и сферами народной жизни—опеке, которая сознаетъ себя не временной необходимостью, а неизмѣнной правительственной мудростью. А именно такую создавала себя та опека, которая, сдѣлавъ въ шестидесятыхъ годахъ уступку назрѣвшимъ потребностямъ, сочла нужнымъ усиливать свою бдительность и расширять свою компетенцію какъ разъ въ то время, когда нужно было оказывать наименьшее давленіе и постепенно пріучать людей обходиться безъ указки. Въ свое оправданіе опека указывала на крайне возбужденное состояніе отдѣльныхъ общественныхъ или частныхъ группъ, дѣятельность которыхъ могла угрожать всему государственному строю. Такое возбужденіе несомнѣнно было, и оно дѣйствительно угрожало разными беспорядками. Но количественно эти группы „опасныхъ“ лицъ были столь малы, средства для ихъ обузданія были столь велики, что налагать опеку на всю общественную жизнь въ виду лихорадочнаго пароксизма нѣсколькихъ сотенъ—было большой ошибкой. А именно такое примѣненіе правила о круговой поруке было уставовлено одновременно съ дарованіемъ реформъ. Результатомъ примѣненія этого правила оказался страшный застой во всѣхъ областяхъ государственной жизни, экономической, политической, умственной и религіозной. Реформы не дали того, что онѣ должны и могли бы дать, и всѣ столь намъ извѣстныя жалобы на народную нищету и невѣжество, на вялость земской жизни, на халатность въ веденіи городскихъ дѣлъ, на произволъ въ сферѣ судебной, на рутину въ сферѣ военной, на скудость научной мысли, на полную несостоятельность системы народнаго воспитанія и образованія, наконецъ на страшное паденіе гражданскаго чувства—всѣ эти жалобы могутъ быть подтверждены

огромнымъ количествомъ оправдательныхъ документовъ. Отъ общей эпидеміи маразма спаслось лишь русское искусство, великое всемірное искусство—конечно, потому, что эта область духовной жизни по существу своему менѣ другихъ поддается воздѣйствію извнѣ—или по-своему, даже иногда съ выгодой для себя, съ этимъ воздѣйствіемъ справляется.

17-го октября 1905-го года было даровано то, на что былъ данъ намекъ 19-го февраля 1861-го года.

Наивенъ будетъ тотъ, кто за этой послѣдней реформой признаетъ силу чудотворенія и повѣритъ, что она быстро вернетъ здоровье всѣмъ зачавшимъ реформамъ, ее возвѣщавшимъ. Много лѣтъ пройдетъ, и лѣтъ, вѣроятно, очень тревожныхъ, прежде чѣмъ народное представительство дастъ тѣ плоды, о которыхъ мечтаютъ его сторонники. И эту реформу ждутъ, конечно, годы испытанія. Но какъ бы то ни было, историческій фактъ совершился и, не гадая о будущемъ, можно вполне увѣренно говорить объ его колоссальномъ значеніи для нашей жизни.

IV.

Народное представительство, какъ извѣстная форма государственнаго устройства, имѣетъ, конечно, своихъ защитниковъ и своихъ враговъ. Что эта форма можетъ подать поводъ къ весьма острымъ спорамъ именно среди насъ—людей столь мало политически развитыхъ—въ этомъ мы убѣждаемся ежедневно и вѣроятно будемъ убѣждаться еще долго. Но всякій не ослѣпленный страстью человекъ долженъ признать, что установленіе этого новаго порядка, даже въ самыхъ скромныхъ его очертаніяхъ, было единственнымъ средствомъ призвать націю къ самостоятельному труду и дать ей возможность расправить зачерствѣлые члены. Это поняла власть, которая сразу совершила рѣшительный шагъ въ одинъ изъ самыхъ страшныхъ моментовъ народной смуты.

Какъ бы ни былъ туманенъ горизонтъ, открывающійся передъ нами со дня новаго уложенія, одно великое культурное приобрѣтеніе останется несомнѣнно за нами. Въ принципѣ съ насъ снята опека, и сколько бы времени на дѣлѣ она еще ни продержалась, она можетъ быть поддержана лишь искусственно, мѣрами „исключительными“. То, что называется „голосомъ народа“, „голосомъ страны“, приобрѣло свой законный органъ—и этотъ голосъ, выражающій самыя разнообразныя мнѣнія, заявля-

юцій о самыхъ разнообразныхъ потребностяхъ всѣхъ слоевъ и классовъ общества, голосъ, говорящій языкомъ всѣхъ національностей, входящихъ въ составъ великой имперіи — раздается теперь на всю Россію, и всякія попытки заглушить его перестали быть „законными“ актами. Такой оптимистическій взглядъ на совершившуюся перемѣну — взглядъ, пока мало оправдываемый наличной дѣйствительностью — все-таки единственно правильная оцѣнка новой реформы. Вся она, со всѣми ея благотворными послѣдствіями — въ будущемъ, а не въ томъ настоящемъ, которое платитъ по счетамъ вчерашней виѣшней и внутренней катастрофы. Когда эти счета будутъ полностью покрыты, тогда скажется значеніе новой силы, призванной теперь къ участию въ рѣшеніи судебъ всего государства. Какъ и въ какую сторону эта сила повернетъ нашу жизнь — объ этомъ гадать пока бесполезно; но то, чего мы не имѣли никогда, а именно право на самоопредѣленіе, на естественный, самобытный ростъ, какой бы онъ ни былъ, — теперь закрѣплено за нами закономъ.

V.

Всякое великое событіе, существенно видоизмѣняющее народную жизнь, не только освѣщаетъ путь, уходящій въ туманную даль будущаго, но бросаетъ немало свѣта и на путь пройденный.

И намъ, вступающимъ въ новую жизнь, облегчепь теперь болѣе систематичный взглядъ на недавно прожитое прошлое. Этимъ прошлымъ приходится не открывать новую эру, а замыкать старый періодъ нашей дореформенной исторіи.

Оглядываясь на истекшее пятидесятилѣтіе (1855—1905), начинаешь теперь только видѣть всю законченную цѣльность очертаній этой характерной эпохи. До послѣдняго времени, до нашего вступленія въ новый фазисъ общественнаго и государственнаго развитія, эти очертанія какъ-то сливались и характеръ эпохи былъ намъ неясенъ. Во всемъ теченіи развертывавшихся со времени шестидесятыхъ годовъ событій, дѣйствительно негдѣ было поставить точки, и вся эпоха представлялась какой-то незаконченной, растянутой, исторической симфоніей въ миворномъ тонѣ и тревожномъ темпѣ, безъ заключительнаго аккорда.

Въ самомъ дѣлѣ, если перенестись мечтой въ недавнее прошлое, то каждый изъ насъ помнитъ, насколько онъ былъ безо-

ружень передь вопросомъ—куда мы идемъ и чѣмъ все это кончится?

Для весьма многихъ людей этотъ вопросъ былъ однимъ изъ тѣхъ „проклятыхъ“, надъ которыми ломаешь голову и о которыхъ, уставъ отъ такой ломки, перестаешь думать; и многіе, очень многіе жили такъ изо дня въ день, въ тревожномъ или спокойномъ созерцаніи того, что творилось. Къ числу такъ или иначе успокоившихся относилось и огромное большинство у власти стоявшихъ людей, которые продолжали по инерціи дѣлать свое казенное дѣло и надѣялись, что все какъ-нибудь обойдется. Изъ тѣхъ немногихъ, которые никакъ не могли успокоиться, одна часть оставалась при своей мелкой, муравьиной работѣ прогрессиста на разныхъ постахъ, натываясь на каждомъ шагу на препятствія и превозмогая ихъ по мѣрѣ силъ, а то и ломаясь о нихъ, но все же уповая на мирную развязку затянувагося узла. Наконецъ, были люди, которые жили въ ожиданіи несомнѣнно надвигавшейся катастрофы и такъ или иначе ее топили.

Но какими бы программами ни руководились въ своихъ дѣйствіяхъ отдѣльныя группы общества, переживавшаго эти сумрачные годы, едва-ли какая-либо изъ нихъ могла твердо отвѣтить на вопросъ: куда мы причалимъ? Вопросъ былъ до того запутанъ, жизнь, которой жила страна, была столь непохожа на все, что мы знали изъ исторіи, что многіе вопрошатели стали утѣшать себя старымъ афоризмомъ, сказаннымъ нѣкогда остроумнымъ дипломатомъ, который, вѣроятно самъ запутавшись въ этомъ же вопросѣ, утверждалъ, что умомъ Россію измѣрить нельзя, а въ нее можно только вѣрить.

Можно было предположить, что власть съ конечной реформой медлитъ, желая подготовить къ ней страну и не рѣшаясь давать ей сразу въ руки столь опасное оружіе, какъ свободный и рѣшающій голосъ въ вопросахъ государственнаго законодательства. Но нѣтъ никакихъ указаній на то, что власть имѣла въ виду такую подготовку. Если не считать довольно слабыхъ попытокъ прислушаться къ мнѣніямъ нѣкоторыхъ „свѣдущихъ“ людей,—попытокъ, сдѣланныхъ въ концѣ царствованія Александра II и началѣ царствованія Александра III-го,—то вся политика со середины шестидесятыхъ годовъ говоритъ совершенно ясно не о политическомъ воспитаніи страны, а наоборотъ—о воспитаніи, которое бы ограждало страну отъ всякаго соблазна политической мысли. А между тѣмъ всѣ институты, вызванные къ жизни реформами, продолжали жить, и въ жизни своей должны

были руководствоваться узаконеніями, которыя вызывали у власти лишь подозрѣніе и недоброжелательство.

Положеніе получалось до-нельзя запутанное. Въ виду кричащихъ противорѣчій, возникавшихъ на каждомъ шагу, въ виду все нараставшихъ „исключительныхъ“ случаевъ, власти оставалось только одно— прибѣгать для сведенія концовъ съ концами къ „исключительнымъ“ мѣрамъ, т.-е. къ установленію диктатуры въ расширенномъ или сокращенномъ видѣ. При такомъ режимѣ страна жила нѣсколько десятилѣтій, рѣшительно не угадывая, куда онъ ее приведетъ. Думать, что онъ приведетъ къ тому, что реформы получатъ, наконецъ, свое естественное и логическое завершеніе, было невозможно, такъ какъ ничто не предвѣщало такого поворота, а наоборотъ, все говорило объ его удаленіи вглубь грядущаго. Съ другой стороны, думать, что мы идемъ къ полному отрицанію реформъ, къ ихъ формальному уничтоженію, что мы юридически и фактически вернемся къ старому, дореформенному строю — была нелѣпица мысли, которую не разрѣшалъ себѣ никто, даже въ минуту крайняго раздраженія.

VI.

Эпоха реформъ открылась годами общественнаго благодушія и довѣрчивости съ одной стороны и, пожалуй, такой же довѣрчивости, хоть и не благодушной, а основанной на сознаніи оказаннаго благодѣянія— съ другой. Власть была убѣждена, что все, что она намѣрена дать, будетъ не только принято съ благодарностью, но и признаво за максимумъ того, что можетъ быть дано вообще. Общество, ожидая съ несомнѣнной благодарностью обѣщаннаго, было увѣрено, что это вовсе не максимумъ, а скорѣе минимумъ того, что необходимо. Это необходимое рисовалось, однако, столь легко достижимымъ, и притомъ достижимымъ съ помощью благомыслящей власти, что никакихъ пока причинъ для общественнаго возбужденія и недовольства быть не могло. Этотъ блаженный, аркадскій періодъ эпохи первыхъ реформъ, періодъ обѣщаній, увѣреній и ожиданій продолжался очень недолго.

Наступили „шестидесятые“ годы; началось исполненіе обѣщаннаго. Власть продолжала послѣдовательно давать одну реформу за другой, но довѣріе къ благодарному обществу было утрачено. Съ момента первой же реформы правительство могло убѣдиться, что оно рѣзко разошлось со всѣми прогрессивными

общественными элементами въ пониманіи самаго существеннаго вопроса, а именно вопроса о томъ, какимъ способомъ, при участіи какихъ силъ должно совершаться дальнѣйшее развитіе реформъ и ихъ проведеніе въ жизнь. Съ опекой, хотя бы въ либеральныхъ цѣляхъ, прогрессивныя группы общества не мирились; для нихъ всѣ даруемыя реформы были только предвѣстниками конечной реформы, долженствующей измѣнить самыя основы государственнаго строя. Мысль о такомъ коренномъ измѣненіи стала въ интеллигентныхъ слояхъ того времени мыслью очень ходкой. Въ особенности занимала она умы всего лѣваго фланга, въ его безчисленныхъ развѣтвленіяхъ. Этотъ лѣвый флангъ, вербовавшійся почти исключительно изъ молодежи, по численности своей незначительный, былъ одной изъ самыхъ живыхъ и рѣшающихъ силъ общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ.

Съ необычайной быстротой сформировалась эта сила и поразительно смѣло расли тѣ требованія, которыя предъявляли къ жизни и къ власти эти группы либераловъ и радикаловъ разной окраски. Самодѣятельность общества, его свободная инициатива должна была, по ихъ мнѣнію, въ самомъ ближайшемъ времени создать совсѣмъ „новую“ жизнь, на совсѣмъ новыхъ умственныхъ, нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ началахъ.

Броженіе радикальной мысли, въ связи съ нѣкоторыми явленіями несомнѣнно революціоннаго характера, подали власти поводъ усиливать правительственную опеку въ той мѣрѣ, въ какой усиливалось ея отрицаніе. Радикальную мысль такая политика только обострила, а за грѣхи этой политики расплачивалось все общество, своимъ здоровьемъ и своимъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Внѣшній покой покушался цѣною непомерно высокой.

Власть, учтя количественную слабость противника, укрѣпилась въ мысли о возможности справиться съ нимъ при помощи чисто административныхъ и полицейскихъ мѣръ. Сторонники новой жизни, несмотря на успѣхъ своихъ теорій въ нѣкоторыхъ общественныхъ слояхъ, увидали ясно, что съ наличными силами никакая успѣшная борьба невозможна, и стали искать союзника, сильнаго хотя бы только физической силой. Къ концу шестидесятыхъ годовъ въ такіе союзники былъ опредѣленно намѣченъ простой русскій народъ—народъ крестьянскій и начинавшая формироваться рабочая масса. Вся сила ума и темперамента большинства прогрессистовъ, невзирая на отличие въ теоріяхъ, перемѣстилась изъ области радикальной логики въ область радикальной пропаганды въ народной средѣ.

Наступила эпоха семидесятихъ годовъ. Характерной чертой ея была все болѣе и болѣе разгоравшаяся борьба политической агитаціи, во всѣхъ ея видахъ, съ правительствомъ. Работа „народниковъ“ была направлена къ тому, чтобы подвести итогъ всѣмъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народной массы, всѣхъ ея слоевъ и профессій, съ косвенной цѣлью убѣдиться, насколько эта масса готова къ борьбѣ за новую жизнь, или съ цѣлью отыскать и упрочить приемы для ея подготовки къ бою. Рядомъ съ этимъ шла и теоретическая разработка экономическихъ и политическихъ вопросовъ, преимущественно въ духѣ западнаго социализма. Наконецъ, въ это же время организовались и отдѣльные революціонныя кружки, которые вели одновременно агитацію въ массахъ и боевую политику терроризма.

Всѣ эти группы передовыхъ людей съ рѣзкой окраской были окружены густой, нараставшей, хотя и медленно, толпой обще-либеральнаго цвѣта, толпой, довольно энергично дѣйствовавшей въ сферѣ разныхъ профессій, но въ общемъ, конечно, съ раздробленными силами. Власть за это время не измѣнила той тактики, которой она придерживалась въ предыдущее десятилѣтіе и только усиляла административное воздѣйствіе. Дарованныя реформы стали казаться наиболѣе опасными очагами, гдѣ могли тлѣть всевозможныя затаенныя искры пожара. Основныя положенія объ этихъ реформахъ стали обставляться дополнительными параграфами и, дополненныя, реформы съеживались и чахли. Къ концу семидесятихъ годовъ, однако, и сама власть задумалась надъ этой политикой огражденія и устрашенія, и стала помышлять о завершеніи реформъ тою, которая одна могла поправить дѣло, измѣнивъ не букву закона только, а самый духъ, какимъ долженъ былъ жить обновленный законъ. Произвести эту реформу предполагалось, однако, какъ-нибудь такъ, чтобы она осталась въ согласіи съ системой опеки, т.-е. власть занялась рѣшеніемъ неразрѣшимой задачи—я за этой работой она была застигнута несчастіемъ 1-го марта 1881-го года.

Долголѣтняя бесплодная борьба общества съ властью и въ особенности кровавая катастрофа во многомъ измѣнили психику борющихся сторонъ. Въ обществѣ наступили обычная послѣ всякой изурительной борьбы усталость и распряженіе нервовъ. Отсюда апатическое отношеніе къ тому, чтѣ раньше составляло предметъ страсти. Катастрофа ошеломила своей неожиданностью, весьма многихъ напугала, а иныхъ отбросила изъ лагеря прогрессивнаго въ консервативный. Власть напрягла всѣ свои силы

для предупрежденія, обороны и воздѣйствія, и, не считаясь съ проектами новой реформы, какъ она была задумана въ концѣ царствованія Александра II, вступила твердо на дорогу систематической реакціи. Этотъ послѣдній періодъ въ исторіи реформъ, до дарованія закона о новомъ способѣ ихъ выработки и проведенія въ жизнь, довелъ принципъ опеки до его апогея. Реформы прошлыхъ лѣтъ вступили въ фазисъ мнимаго существованія.

Всѣ только-что перечисленные акты одного общаго историческаго дѣйствія полны самаго глубокаго драматизма и могутъ дать богатѣйшій матеріалъ для исторіи человѣческаго ума и сердца, которые при всѣхъ своихъ дарованіяхъ ипогда такъ плохо понимаютъ свою прямую выгоду, такъ теряются въ выборѣ прямой дороги, такъ часто позволяютъ страстямъ овладѣвать собой, бываютъ такъ самоувѣренны, такъ недовѣрчивы къ ближнему, такъ склонны къ скачкамъ въ крайности и къ деспотизму, такъ легко принимаютъ желаемое за настоящее, а настоящее за призракъ, такъ легко вскипаютъ и утихаютъ, такъ любятъ свободу и такъ покорно носятъ цѣпи.

VII.

Назрѣваетъ время, когда это пятидесятилѣтіе, непосредственно къ нашей жизни примыкающее, можетъ стать предметомъ историческаго научнаго обслѣдованія. Вся эпоха теперь закончена и закруглена. Она несомнѣнно очень близка къ намъ и трудно взглянуть на нее вполне трезвыми очами, но она для насъ все-таки прошлое и если, говоря объ этомъ прошломъ, мы волнуемся, то это еще не причина для того, чтобы отсрочить всякую попытку хладнокровнаго разсужденія о немъ. Близость къ извѣстнымъ историческимъ событіямъ, неудобная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можетъ оказаться весьма полезной и удобной въ другихъ. Вѣдь все-таки, чтобы понять людей, надо имѣть съ ними извѣстное родство духа—а такое родство въ мысляхъ, чувствахъ, характерѣ, темпераментѣ, настроеніяхъ быстро сглаживается и стирается временемъ. Убѣжденные въ томъ, что издали видяще, мы ждемъ, пока между изслѣдователемъ и людьми, о которыхъ онъ говоритъ, ляжетъ такой промежутокъ времени, который всякое сужденіе поневолѣ обращаетъ въ догадку.

Намъ, конечно, не грозитъ эта опасность, когда мы говоримъ о шестидесятихъ годахъ. Пусть во многихъ вопросахъ жизни и

духа мы отошли отъ нашихъ отцовъ, но наше положеніе, какъ общественныхъ единицъ, пока еще мало измѣнилось, а потому мысли и чувства, вытекающія изъ этого положенія, у насъ тѣ же, что и у старшихъ нашихъ родственниковъ. Выгода нашего положенія—въ томъ, что намъ открыты тайники многихъ душъ, которыя отдаленному наблюдателю несомнѣнно покажутся загадочными.

Остановить успѣшную разработку недавняго прошлаго можетъ, однако, недостаточное количество достовѣрнаго матеріала. Есть области государственной и общественной жизни, исторія которыхъ не можетъ быть написана въ настоящее время въ виду недоступности или отсутствія документовъ, какъ официальныхъ, такъ и частныхъ. Само собою разумѣется, что чѣмъ ближе къ намъ извѣстные годы, тѣмъ трудность подбора этого матеріала увеличивается. Но въ отношеніи къ шестидесятымъ годамъ мы поставлены уже и теперь въ довольно выгодныя условія, которыя позволяютъ начать разработку этой эпохи болѣе систематично, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

VIII.

Къ шестидесятымъ годамъ мы, въ общемъ, относились пока довольно внимательно. Помимо публицистики и работъ, не претендующихъ на ученость и полноту свѣдѣній, мы располагаемъ немалымъ количествомъ трудовъ, посвященныхъ разработкѣ того или другого отдѣльнаго вопроса, связаннаго съ исторіей означеннаго времени. Есть изслѣдованія въ области внѣшней политики царствованія Александра II, есть біографіи нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей его времени, есть много цѣнныхъ работъ по исторіи отдѣльныхъ реформъ и институтовъ, ими созданныхъ, по исторіи крестьянской реформы, судебной, земской; есть очерки жизни и дѣятельности выдающихся писателей, публицистовъ, критиковъ, ученыхъ и художниковъ; существуютъ, наконецъ, цѣлые обзоры литературныхъ теченій тѣхъ годовъ.

Но нѣкоторыя очень существенныя вопросы остались въ тѣни и они должны быть разработаны, прежде чѣмъ общая картина эпохи станетъ возможна. Нѣтъ, напримѣръ, работъ, которыя освѣтили бы намъ интимную жизнь отдѣльныхъ слоевъ общества. Для насъ почти полная тайна—жизнь крестьянской массы со времени освобожденія, несмотря на то, что писатель художникъ и публицистъ потратилъ на эту работу немало

труда и времени. Исторія рабочей массы, мѣщанства, купечества, духовенства, чиновничества и дворянства съ шестидесятыхъ годовъ, — какія имѣемъ мы о ней свѣдѣнія, кромѣ самыхъ общихъ, взятыхъ въ большинствѣ случаевъ изъ повѣстей и романовъ? А несомнѣнно, что весьма богатые матеріалы для исторіи этихъ русскихъ душъ, единичныхъ и соборныхъ, сохранены въ архивахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ и учреждений, возникшихъ одновременно съ этими новыми душами. Съ группировкой и разработкой этого матеріала слѣдуетъ поторопиться, хотя бы въ чисто-практическихъ цѣляхъ, именно теперь, когда всѣ общественныя группы получили возможность заявлять громко о своихъ нуждахъ и вліять на ходъ законодательства, регулирующаго ихъ жизнь.

Не менѣе поучительна могла бы быть и исторія общественнаго *настроенія* тѣхъ годовъ, которая также не написана. Такую исторію настроенія нужно отличать отъ исторіи идей. Хотя связь между идеями, которыя обращаются въ обществѣ и между тѣмъ настроеніемъ, какимъ бываетъ оно охвачено, очень тѣсна и почти неразрывна, но все-таки этимъ двумъ сторонамъ челоувѣческой психики отведены разныя сферы дѣятельности. Только возбуждая извѣстное эмоціональное отношеніе къ жизни, напрягая нашу волю, понижая или повышая чувство въ насъ — вліяетъ идея на ходъ нашей жизни, и всегда успѣшное ея проведеніе въ жизнь зависитъ отъ особенностей темперамента и характера тѣхъ лицъ, которыя становятся ея сторонниками или врагами.

Исторію идей, какія вращались въ нашемъ обществѣ шестидесятыхъ годовъ, написать нетрудно. Матеріалы даны въ достаточномъ количествѣ въ журналистикѣ и въ переводныхъ и оригинальныхъ книгахъ. Цензурная рогатка на первыхъ порахъ можетъ, конечно, обезкуражить историка. Но тотъ, кто знакомъ съ исторіей соотвѣтствующихъ идей на Западѣ, легко, по одному намеку, ускользнувшему отъ цевзорскаго ока, возстановитъ весь умолчанный ходъ мысли писателя. Наконецъ, далеко не во всѣхъ теченіяхъ тогдашней мысли приходится бороться съ такими трудностями.

Мысль строго научная была свободна, за исключеніемъ нѣкоторыхъ конечныхъ выводовъ, о которыхъ догадаться не трудно. Обмѣнъ мыслей по вопросу о задуманныхъ реформахъ сохраненъ въ запискахъ, которыя были представляемы на обсужденіе соотвѣтствующихъ инстанцій. Кромѣ того реформы обсуждались въ печати, съ извѣстной осторожностью, но все-таки достаточно опредѣленно и ясно. Идеи морали личной и семейной тракто-

вались также достаточно открыто, частью въ публицистическихъ статьяхъ, а всего больше въ беллетристикѣ.

Исключеніе составляли только два порядка идей, наиболѣе, конечно, опасныхъ для стараго режима. Это были идеи религіозныя и политическія. На этихъ мысляхъ лежалъ несомнѣнный запретъ, и возстановить ихъ ростъ въ шестидесятыхъ годахъ дѣйствительно не легко. Но и это препятствіе едва-ли остановить историка.

Что касается религіозной мысли, то за эти годы ея общественная роль была очень незначительна. Люди того поколѣнія о религіи думали мало и неохотно. Религіозная мысль жила жизнью патріархально косной—внизу, и индифферентно косной—въ интеллигентныхъ кругахъ. Въ инертномъ состояніи находилась она и въ тѣхъ духовныхъ кругахъ, которые должны были заботиться объ ея движеніи, за исключеніемъ, конечно, ученой академической работы, которая въ широкую публику не проходила. Характеренъ былъ только приростъ безвѣрія въ молодомъ поколѣніи духовнаго сословія. Дебаты о религіозныхъ вопросахъ шли собственно въ интеллигентныхъ кругахъ болѣе или менѣе лѣвой окраски. Но въ этихъ кругахъ съ религіозными проблемами расправлялись очень рѣшительно и быстро. Люди были убѣждены, что чѣмъ скорѣе они съ этими проблемами покончатъ, тѣмъ это будетъ выгоднѣе для того земного дѣла, которымъ они были заняты. Времено покончить съ этими трудными вопросами было легко: стоило только примкнуть къ крайнимъ выводамъ антирелигіозной мысли на Западѣ. А посему тотъ, кто желалъ бы опредѣлить ходъ религіозной мысли въ умахъ и сердцахъ людей, дѣйствительно ею интересовавшихся, можетъ въ своихъ сужденіяхъ спокойно руководствоваться источниками, откуда наши прогрессисты брали и конечные выводы, и, по мѣрѣ надобности, аргументацію.

Иначе обстоитъ дѣло со взглядами политическими. Они очень сильно волновали всю интеллигентную среду того времени. Для Россіи, которая за царствованіе императора Николая Павловича совершенно отвыкла отъ этихъ проблемъ, онѣ составляли несомнѣнно совершенно новую культурную задачу, которую приходилось рѣшать во что бы то ни стало, такъ какъ именно къ этой проблемѣ сводился, въ концѣ-концовъ, философскій смыслъ дарованныхъ и даруемыхъ реформъ. Какъ всегда бываетъ съ новыми вопросами, на которые общество сгоряча набрасывается,—общество, голодное и разсерженное долгимъ невольнымъ молчаніемъ—отвѣты на нихъ получались крайне спѣшныя, страстные, категорическіе и весьма пестрые. Та часть общества, которая считала

себя официальнымъ или неофициальнымъ охранителемъ порядка, въ политическіе споры не вступала и довольствовалась установившейся практикой господствующаго государственнаго режима; противъ новыхъ политическихъ взглядовъ, вызванныхъ потребностями текущей минуты и развивавшихся крайне нервно и быстро, она не выдвигала никакихъ теорій, не вела никакой борьбы теоретической, такъ какъ считала всѣ новыя взгляды нелегальными, съ которыми надо бороться не словомъ, а прямымъ воздействиемъ власти.

Такой пріемъ со стороны господствующей политической мысли оправдывался отчасти тѣмъ, что враждующая съ нею политическая мысль была въ сущности,—несмотря на свой быстрый ростъ и распространеніе—неуловима и неуязвима. За исключеніемъ мысли славянофильской, которая въ очень оригинальной, хотя и туманной формѣ стремилась помирить новизну со старинной, за исключеніемъ корректно либеральной мысли на англійскій манеръ, всѣ иные оттѣнки политическихъ взглядовъ, удалявшихся въ лѣвую сторону, не имѣли права открытой пропаганды. Передовые журналы были насквозь пропитаны самой радикальной политической мыслью. Власть это отлично чувствовала и знала, но вольный духъ былъ такъ хитро разсѣянъ и размѣщенъ во всѣхъ книжкахъ, что былъ неосязаемъ, хотя и вездѣсущъ.

Но по легальной печати нельзя, конечно, судить о тѣхъ крайнихъ граняхъ, до которыхъ доходила политическая мысль въ лѣвомъ лагерѣ. Она развѣтывалась полностью лишь въ частныхъ кружкахъ, въ интимныхъ бесѣдахъ и частью въ нелегальной литературѣ, которая печаталась въ Россіи и за границей.

При такихъ условіяхъ составить себѣ ясное представленіе о ростѣ политической мысли въ Россіи шестидесятыхъ годовъ повидимому трудно, и трудность эта несомнѣнна уже въ виду того, что сама эта новая для Россіи мысль находилась въ страшномъ броженіи, дѣлала очень неожиданныя и быстрые скачки, и ясностью, конечно, не отличалась; ясность въ такихъ вопросахъ всегда получается какъ плодъ долгой, открытой, все-сторонней и выдержанной работы. Но если учесть всѣ эти обстоятельства, то, при современномъ состояніи науки, все-таки возможно и въ эту область идейной жизни нашего недавняго прошлаго внести и достаточный порядокъ, и достаточный свѣтъ.

Политическія и экономическія ученія тѣхъ годовъ были, прежде всего, малооригинальны. Работая въ этой области, наша мысль шла на помочахъ европейской политической науки, а посему и не трудно подобрать ключъ къ потаеннымъ русскимъ мыслямъ въ кни-

гахъ, шумѣвшихъ на Западѣ. Кромѣ этого, въ нашемъ распоряженіи находится обширная нелегальная литература, напечатанная на Западѣ. Добавленіемъ къ ней можетъ служить обнародованная въ самое послѣднее время нелегальная же литература, вышедшая изъ-подъ вольныхъ станковъ въ самой Россіи. Наконецъ, мы располагаемъ большимъ количествомъ изданныхъ судебныхъ документовъ по самымъ выдающимся политическимъ процессамъ того времени. Этихъ матеріаловъ на первый разъ вполне достаточно.

Итакъ, исторія мысли тѣхъ годовъ, мысли научной, религіозной, общественно-политической и экономической, особенныхъ трудностей для историка не представляетъ.

Но если и выполнить такую работу—она освѣтитъ намъ лишь одну сторону дѣла. Особое значеніе и совѣтъ особый колоритъ придавали эпохѣ шестидесятыхъ годовъ не столько тѣ мысли, которыя были пущены въ оборотъ, сколько то настроеніе, съ какимъ онѣ усвоились и пропагандировались. Историческія условія были столь новы для Россіи, и застали они общество настолько врасплохъ, что въ самомъ отношеніи людей къ переживаемымъ событіямъ было очень много характернаго, помимо самаго смысла этихъ событій. Это настроеніе, конечно, съ тѣхъ поръ улетучилось, и возстановить его значительно труднѣе, чѣмъ воспроизвести ходъ мысли, которая почти цѣликомъ закрѣпляется на бумагѣ. Но попытка такого воскресенія старыхъ чувствъ, старыхъ темпераментовъ, всевозможныхъ оттѣнковъ эмоціональнаго отношенія людей къ событіямъ и къ тѣмъ же идеямъ—все-таки не грозитъ быть безплодной и неосуществимой попыткой.

Въ этой работѣ большую помощь можетъ оказать намъ наше собственное настроеніе—настроеніе людей, находившихся долгіе годы въ томъ же положеніи, въ какомъ были наши отцы, когда имъ приходилось такъ или иначе мирить проснувшееся чувство личной инициативы и самоопредѣленія съ ощущеніемъ опекаемаго со всѣхъ сторонъ человѣка. Эта работа возстановленія исчезнувшихъ настроеній по аналогіи можетъ быть успѣшно дополнена тѣми типами, которые списаны были художниками того времени съ живыхъ людей. Такихъ портретовъ сохранилось очень много, и нѣжды нѣтъ, что большинство изъ нихъ писано кистью не первоклассныхъ художниковъ. Можно сказать даже, что художники средней руки въ данномъ случаѣ—болѣе цѣнные и надежные свидѣтели, такъ какъ они ближе придерживались оригинала и часто портретъ замѣняли простой фотографіей. Кромѣ этого

обильнаго матеріала, который даетъ литература во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, мы располагаемъ также въ достаточномъ количествѣ воспоминаніями и другими интимными документами.

IX.

Каждая изъ общественныхъ группъ и силъ того времени имѣла свои традиціи и, попавъ въ необычную для нея новую струю жизни, по-своему съ ней считалась.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ силъ, которыми приводилась въ движеніе тогдашняя жизнь—и мы увидимъ сколь различны должны были быть настроенія, какими онѣ были охвачены.

Во главѣ ихъ всѣхъ надо поставить личность самого императора Александра Николаевича. Выросшій въ традиціяхъ своего отца, несомнѣнный сторонникъ его системы, противъ которой онъ не возвышалъ голоса за все царствованіе своего родителя, онъ почти на сороковомъ году жизни долженъ былъ отступить отъ этой системы и взять на себя инициативу ея упраздненія. Черезъ полосы какихъ настроеній долженъ былъ проходить этотъ человѣкъ, когда дѣло, которое могло ему казаться спокойно осуществимымъ, такъ невѣроятно запуталось? Когда по мѣрѣ уступокъ съ его стороны стали въ невѣроятной прогрессіи возрастать требованія недовольныхъ? Когда ему пришлось правой рукой давать реформы, а лѣвой — ихъ тормозить? Когда онъ увидалъ, что даже жизни его грозитъ опасность? Когда онъ вынужденъ былъ сознаться, что онъ принесъ съ собой не миръ, а войну? Когда наконецъ, уже старикомъ, онъ увидалъ, что его система отнюдь не крѣпче той, которую онъ отмѣнилъ въ законодательномъ порядкѣ, но духъ которой остался фактически неупраздненнымъ? Исторію этого настроенія, эту шекспировскую тему, когда-нибудь разработаетъ историкъ, который пожелаетъ написать не житіе, а жизнь Царя-Освободителя.

Непосредственно около государя стояла группа его ближайшихъ совѣтниковъ, сотрудниковъ и лицъ, которымъ было поручено руководство важнѣйшими частями государственной машины. Эти люди также воспитались на традиціяхъ прошлаго царствованія, и они должны были со старой душой дѣлать новое дѣло. Отвѣтственность на нихъ лежала меньшая, чѣмъ на государѣ, и имъ, конечно, жилось легче. Настоящихъ убѣжденныхъ сторонниковъ новаго порядка среди нихъ было мало, и эти немногіе должны были скоро отойти, если смерть не спасала ихъ отъ

той трагедіи, которую переживали ихъ друзья, оставшіеся не у дѣла или державшіеся у дѣла съ яснымъ сознаниемъ того, что государственнйй корабль терпитъ аварію. Многие, вѣроятно, даже радовались возникавшимъ затрудненіямъ и противорѣчіямъ въ самой системѣ управленія, радовались потому, что въ душѣ ко всему новому относились враждебно, но не имѣли смѣлости открыто высказать свою вражду, боясь навлечь на себя недовольство власти.

Состояніе духа чиновнаго міра, въ большей или меньшей степени зависимаго, было очень тревожно и смутно. Приходилось идти одновременно и впередъ, и назадъ, повиноваться, когда хотѣлось возражать, танть свои мысли, дѣлая видъ, что служишь извѣстной идеѣ, и заботиться о томъ, какъ-бы не потерять равновѣсія, подавшись то слишкомъ влѣво, то слишкомъ вправо. Выходовъ изъ такого положенія было много. Можно было приноровиться и вести двойную игру: либеральничать на словахъ и придерживаться на дѣлѣ системы строжайшаго обузданія; можно было на все махвуть рукой и превратиться въ валекъ, принимающій и выбрасывающій извѣстное количество бумагъ въ сутки; можно было жать всѣхъ, кто отъ тебя зависѣлъ, вымещая на нихъ пеловкость своего положенія; можно было вообще начать мстить людямъ за то, что наступили времена, когда съ людьми приходится такъ или иначе церемониться; можно было страдать, терпѣливо сносить всѣ удары и всѣ уколы самолюбію въ надеждѣ все-таки сдѣлать кое-какое доброе дѣло; наконецъ, можно было покинуть свой постъ, унося съ собой въ отставку всевозможныя воспоминанія, кромѣ приятныхъ.

Еще болѣе характерна и несомнѣнно болѣе страстна была та драма, которую пришлось пережить помѣщикамъ. Много среди нихъ было такихъ, которые сознательно, движимые гражданскими чувствами, сами торопили ликвидацію стараго порядка. Въ первые годы обѣщаній они могли быть счастливы, въ надеждѣ, что жизнь эти обѣщанія покроетъ; но какъ велика должна была быть ихъ печаль, когда они увидали, сколь скудна была жатва. Не унывая, они все-таки продолжали свою тихую работу на пользу безпомощнаго, хоть и свободнаго сосѣда. Въ ихъ душѣ былъ миръ, хотя бы грустный. Этого мира не было въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто въ главнѣйшей реформѣ той эпохи видѣлъ прямое посягательство на свое личное благополучіе или на благополучіе всего сословія. Большую душевную смуту переживали эти крѣпостники всевозможныхъ оттѣнковъ, люди, ко-

торые принуждены были идти на уступки и должны были передѣлывать и свою жизнь, и свою психику на новый ладъ. Переустройство это происходило на почвѣ сильнѣйшаго раздраженія и противъ власти, и противъ освобожденнаго раба. Всѣ силы человѣка уходили на чувства безсильнаго гнѣва, всѣ помыслы— на попытки сорвать свою злобу на комъ-нибудь, а вся энергія— на измышленіе новыхъ способовъ огражденія своихъ матеріальныхъ интересовъ. Было среди помѣщиковъ немало и такихъ, которые отнеслись къ новому порядку не то что спокойно, а какъ-то безалаберно примиренно и легкомысленно. Старый строй, какъ они думали, налагалъ на нихъ извѣстныя нравственныя обязательства; теперь обязательства были съ нихъ сняты, и эти люди, которымъ деревня въ достаточной мѣрѣ надоѣла, занялись ликвидаціей своихъ дѣлъ. Если они не успѣвали поступить на службу, то быстро разорялись.

Само собою разумѣется, что и для среднихъ сословій, и для духовенства, новый порядокъ могъ стать источникомъ своеобразныхъ думъ и ощущеній. Но эти классы на первыхъ порахъ были ограждены отъ сильнаго душевнаго волненія патріархальностью строя ихъ жизни. Они были задѣты новизной постольку, поскольку они видѣли и чувствовали, что нѣчто очень серьезное и новое вокругъ нихъ происходитъ. Уровень ихъ интеллектуальнаго развитія въ громадномъ большинствѣ случаевъ былъ такъ невысокъ, что они къ новому положенію примѣнялись безъ какой-либо инициативы съ ихъ стороны, примѣнялись пассивно, при случаѣ, когда въ ихъ патріархальную среду окружающая жизнь забрасывала одинъ изъ своихъ новыхъ лучей. И это примѣненіе было также богато глубокими психическими движеніями и часто также влекло за собой душевную драму.

А какъ глубока должна была быть эта драма въ душѣ крестьянской! Послѣ многихъ столѣтій рабства сознать себя свободнымъ—это была, конечно, великая радость. Но если мы вспомнимъ, какъ безоруженъ въ умственномъ отношеніи былъ народъ въ тотъ день, когда ему сказали, что онъ свободенъ; если мы припомнимъ, какъ онъ былъ развращенъ долгимъ рабствомъ, какъ въ немъ были сильны отнюдь не благодущныя чувства, на которыя реформаторы возлагали такія надежды; если подумаемъ о томъ, какой враждой былъ окруженъ этотъ народъ въ непосредственномъ своемъ сосѣдствѣ съ самаго момента, когда онъ былъ объявленъ независимымъ, какъ на другой же день снятія опеки онъ увидалъ, что промѣнялъ стараго опекуна на нѣсколькихъ новыхъ; наконецъ, если вспомнимъ, что онъ почти ни-

щимъ вступалъ въ новую жизнь—то едва-ли въ обрисовкѣ его психики тѣхъ годовъ можно руководствоваться сентиментальными представленіями объ облагодѣтельствованномъ рабѣ, вступающемъ на дорогу свободнаго труда и свободнаго развитія своихъ способностей. Исторія внутренней и виѣшней жизни народа тѣхъ годовъ когда-нибудь будетъ написана и тогда мы прочтемъ очень скорбную эпопею.

Х.

Намъ въ настоящую минуту совершенно ясно видна ко-репная ошибка всего тогдашняго порядка, который юридически освободилъ многомилліонную массу, оставивъ ее въ безпомощномъ состояніи передъ лицомъ новыхъ и труднѣйшихъ задачъ жизни, который далъ цѣлый рядъ очень гуманыхъ реформъ — и не хотѣлъ учить людей самостоятельному творчеству въ области строительства общественнаго и государственнаго. Намъ, которымъ жизнь предъявила за всѣ эти годы длинный и грозный счетъ, видны теперь всѣ просчеты.

Они, конечно, были видны въ тѣ годы лишь немногимъ.

Если скинуть со счетовъ людей темныхъ или полутемныхъ, которые не могутъ гадать о завтрашнемъ днѣ; если отбросить тѣхъ, которые по вялости ума или характера привыкли принимать явленія жизни къ свѣдѣнію и къ спокойному руководству, не заглядывая въ даль и довольствуясь ближайшей минутой; если не считаться съ людьми, которые принципиально враждовали со всякой новизной; если пройти мимо людей, по природѣ своей благодушныхъ, которые были всѣмъ довольны,—то въ шестидесятыхъ годахъ люди чутко относившіеся къ переживаемому моменту дѣлились рѣзко на двѣ группы.

Одни говорили: реформы даны, идейная стоимость этихъ реформъ самая гуманная; онѣ дадутъ то, что обѣщаютъ; онѣ ветхую Россію преобразятъ въ новую, но только постепенно, при условіи осторожнаго воспитанія, которое необходимо для народа, политически и общественно невоспитаннаго. Надо вѣрить и ждать; надо прежде всего умѣть быть спокойнымъ; сведенная со стараго пути страна нуждается въ постоянномъ руководствѣ, и спокойствіе, купленное хотя бы дорогой цѣною—единственный залогъ успѣшнаго движенія впередъ, отъ старыхъ формъ общественно-политической жизни къ новымъ. Какимъ—покажетъ будущее.

Другіе смотрѣли на положеніе дѣлъ съ совершенно противоположной точки зрѣнія. Дарованныя реформы въ ихъ глазахъ были лишь обѣщаніемъ, и даже не первымъ камнемъ зданія. Ограничиться этими реформами—значило не двинуться съ мѣста: это значило лишь осудить сами реформы на бесплодное прозябаніе. Самое необходимое въ настоящее время — вовсе не терпѣливое ожиданіе и спокойствіе, а наоборотъ, возможно большее развитіе общественной смѣлости и даже задора, пробужденіе въ людяхъ мыслей и чувствъ безгранично свободныхъ. Именно на этотъ подъемъ ума и темперамента надлежитъ обратить прежде всего вниманіе и его должно купить какой угодно цѣною. Каждый здравомыслящій человѣкъ имѣетъ право, даже нравственно обязанъ пропагандировать ту форму общественной и политической жизни, которую онъ считаетъ разумной и справедливой. Надо допустить эту свободу предложенія и обсужденія — и сама жизнь осуществить ту программу, которая всего лучше отвѣчаетъ ея назрѣвшимъ потребностямъ. Признать законность опеки теперь, когда сами реформы признали страну совершеннолѣтней, значило бы въ концѣ подрѣзывать всякую надежду на общественное оздоровленіе и приравнять самыя реформы къ мертвой буквѣ.

Жизнь, осудивъ крайности послѣдняго взгляда, показала, что онъ былъ болѣе дальнорочекъ и глубокъ, чѣмъ первый — безстрастный, осторожный и съ виду столь разумный. Если не оправдались надежды поборниковъ свободной инициативы и подъема, то сблизись всѣ ихъ опасенія. Эпоха реформъ и ея многолѣтнее продолженіе знаменовали собой отнюдь не вступленіе въ новую жизнь, а попытку старой жизни продлить свое существованіе.

XI.

Оба взгляда, о которыхъ только-что шла рѣчь, могутъ быть приняты за общіе итоги тѣхъ весьма разнообразныхъ убѣжденій и мнѣній, которыя дѣлили въ шестидесятыхъ годахъ нашу интеллигенцію на отдѣльныя партіи, группы и кружки.

Эта интеллигенція, въ шестидесятыхъ годахъ уже внѣсословная, была большой общественной силой, несмотря на свою количественную слабость. Можно сказать даже, что именно она, эта внѣклассовая группа лицъ самыхъ пестрыхъ профессій, а иногда и совсѣмъ безъ оныхъ, придала всей эпохѣ шестидесятыхъ годовъ ея темпераментъ.

Оставимъ въ сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя принципиально отрицали новый порядокъ. Эти лица могли своимъ вліяніемъ тормозить ходъ реформъ, могли вести противъ нихъ публицистическую войну—довольно, впрочемъ, безталанную и слабую,—могли, наконецъ, довольствоваться угрюмымъ молчаніемъ, но постоянной общественной силы они собой не представляли. Съ того момента, какъ реформы были даны, эти ярые консерваторы были отставлены отъ жизни; имъ оставалось только изыскивать способы какъ-нибудь помириться съ новымъ положеніемъ или, не мирясь съ нимъ, продолжать на него злобствовать.

Идейное направленіе и темпераментъ придавали эпохѣ именно тѣ двѣ группы людей, которыя, признавъ переменъ положеніи неизбежной и необходимой, расходились въ опредѣленіи и въ оцѣнкѣ средствъ и способовъ, какими такая переменъ должна производиться. Одни ждали обновленія сверху и думали, что право выбора момента для словъ и рѣшеній должно исключительно принадлежать верхамъ; другіе вѣрили, что это обновленіе можетъ выйти только изъ среды самого общества и требовали для этого общества права свободной рѣчи и свободного поведенія. Между этими общими оцѣнками положенія существовало много переливовъ и оттѣнковъ. По мѣрѣ того, какъ общественная атмосфера насыщалась страстями, оба взгляда, вмѣсто того, чтобы приближаться другъ къ другу, стали расходиться и становиться на крайнія позиціи, на которыхъ они и остались стоять во все время очень скоро разгорѣвагося боя.

Несторъ Котляревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ТѢНЬ ЛЮБВИ

РОМАНЪ МАРСЕЛЬ ТИНЭЙРЪ.

IX *).

Дениза представляла себѣ госпожу Фавьеръ холодной, замкнутой и немного суровой. Женщина—молодая женщина—которую она встрѣтила на вокзалѣ въ Монадузѣ, сразу поставила ее въ тушкѣ своею виѣшностью, своимъ туалетомъ, своей манерой говорить.

Природа и раса создали ее красавицей, эту арлезианку съ правильнымъ профилемъ, красиво очерченнымъ ртомъ и большими мечтательными глазами, которые казались глубокими, а на самомъ дѣлѣ были пусты. Но госпожа Фабръ предпочитала быть хорошенькой и, какъ истая женщина, при помощи разныхъ граціозныхъ деталей, вносила поправки къ величавости типа. Она укладывала въ затѣйливую прическу свои отъ природы слегка вьющіеся волосы; но видно было, что если ихъ распустить, они упадутъ темной волной до колѣнъ. Легкая примѣсь косметиковъ оживляла румянцемъ лицо, удивительно молодое, несмотря на то, что ей было ужъ за сорокъ, съ кожей, сохранившей гладкость мрамора и его ослѣпительную бѣлизну. А когда она сняла свой длинный жакетъ, Дениза была поражена гибкостью ея стана, почти не стянутого корсетомъ, и красотой этого дивнаго тѣла, не утратившаго юности, благодаря гимнастикѣ, массажу и строго соблюдаемой гигиенѣ.

*) См. іюль, стр. 135.

Всю жизнь она жила въ атмосферѣ мужской страсти и мужскихъ желаній, ступала по нимъ, какъ по алому мягкому ковру, который даже перестала замѣчать. Дорожившая только своей красотой, не особенно чувственная, не „фантазерка“, она осталась добродѣтельной — изъ равнодушія. Она, по-своему, любила своего перваго мужа и сына, потому что они были возлѣ нея... А теперь тоже любила своего мужа и сына, жившихъ съ нею; но это уже были другіе мужъ и сынъ...

Она очень мило освѣдомлялась о здоровьѣ Жава и увѣряла, что вполне надѣется на его выздоровленіе. Дениза и Кайроль оставили сына и мать вдвоемъ. Когда Дениза пришла звать госпожу Фабръ завтракать, она и Жанъ, держась за руки, болтали уже почти весело. Волненіе давно жданной встрѣчи уже успѣло разсѣяться.

Два дня она жила въ комнатѣ Денизы, разложивъ на ея туалетѣ множество флаконовъ, щеточекъ, тонкаго надушеннаго бѣлья. Съ милой простотой она все осматривала: садъ, деревню, спустилась даже къ каскадамъ, и на каждомъ шагѣ повторяла:

— Это очаровательно!

А послѣ обѣда усаживалась въ бѣлой комнатѣ и съ большимъ вниманіемъ и любовью подчищала свои холеные погги. Жанъ смотрѣлъ и восхищался всѣмъ: изящными пилочками изъ слоновой кости, изящными жестами, игрою свѣта на поггахъ, которые становились розовыми и красивыми, какъ живыя раковинки.

Однажды онъ пожаловался:

— Ахъ, мамочка... Ты слишкомъ красива... Зачѣмъ ты такая красавица... Я бы предпочелъ...

Онъ не докончилъ. Госпожа Фабръ перебила его.

— Я не крашусь, не стягиваюсь, не употребляю никакихъ притиралій... Если я не безобразна, чѣмъ же я виновата — это ужъ отъ природы...

Она положила чуточку коралловаго порошка на лѣвый мизинецъ и продолжала своимъ невозмутимымъ голосомъ:

— Мужъ мой говоритъ то же самое... Онъ женился на мнѣ потому, что я была хорошенькая, а теперь огорчается, что я не очень быстро старѣюсь...

— Ты не старисься, да онъ-то старится, — сказалъ Жанъ.

Она не поняла.

Но Дениза, приготовлявшая чай, слышала — и поняла, что Жанъ много выстрадалъ изъ-за красоты своей матери, какъ

только можетъ страдать мужчина изъ-за женщины... Не будь она красивой, она бы не вышла замужъ за г. Фабра; не будь она красивой, она, быть-можетъ, обожала бы своего сына.

И если теперь она съ застѣнчивой гордостью говорила о своемъ второмъ ребенкѣ, это оттого, что материнскій инстинктъ проснулся въ ней поздно, уже на закатѣ ея роскошной молодости.

Госпожа Фабръ обѣщала провести цѣлую недѣлю въ Монадузѣ. Но уже черезъ три дня объявила, что ей надо ѣхать; и Жанъ не удерживалъ ея.

— Теперь мы уже скоро свидимся,—сказала она. — Приѣзжай къ намъ, когда захочешь: мы всегда будемъ рады тебѣ..

Онъ обѣщаль приѣхать къ ней осенью.

И она уѣхала, какъ приѣхала, красивая, спокойная, улыбающаяся, подаривъ мадемуазель Кайроль бездѣлку — старинную брошку изъ марказита.

Совѣсть ни въ чемъ не упрекала ее: она исполнила свой материнскій долгъ.

Дениза на весь вечеръ оставила открытымъ окно въ своей комнатѣ, чтобы выѣтрился запахъ духовъ — „царской вервены“. Она вздохнула свободнѣе, почти обрадовалась этому отъѣзду...

Но Жанъ загрустилъ.

Первыя фіалки принесла Фортунада.

— Я не сама рвала,—сказала она, когда Жанъ сталъ благодарить ее.—Мнѣ ихъ дали... Онѣ изъ Шастана.

Она запнулась, сконфузившись, что слишкомъ много сказала, но потомъ храбро выпалила:

— Мнѣ ихъ далъ Вейдреннъ-сынъ.

— Ты, значитъ, видишься съ нимъ?—удивилась Дениза.

— Да, онъ иногда по пути заходитъ къ намъ.

— Выпить?

— Да, конечно, но только онъ платить...

— Какими же это деньгами?

— Своими собственными... Развѣ вы не знаете, что теперь онъ взялся за работу?

Краска гордости залила ея щеки.

— Да, работаетъ... въ угольныхъ ямахъ въ Шаданѣ... Я и думала: не переговорите ли вы съ баронессой — можетъ, она взяла бы его къ себѣ, на поденную работу... вамъ она не

откажетъ... Онъ вѣдь здоровый, сильный парень, этотъ Вейдренъ.

— Но у него плохая репутація.

— А если онъ теперь хочетъ стать честнымъ человѣкомъ?

— Ну, это неправдоподобно, — вставилъ Жанъ.

Дениза покачала головой:

— Я боюсь, моя бѣдная Фортунада...

Дѣвушка подняла на нихъ свои великолѣпные глаза, въ которыхъ горѣлъ мрачный огонь.

— Вы дадите лѣкарства больнымъ, и, когда они начинаютъ выздоравливать, вы довѣряете имъ... Ну, и я ему довѣряю: я вѣрю, что онъ еще можетъ исправиться... Во всякомъ случаѣ, онъ старается. Не надо разбивать въ немъ этого настроенія.

— Хорошо, я поговорю съ баронессой... Но, все-таки, ты, моя бѣдняжка, остерегайся!

— Чего?.. Да неужто же вы меня такъ мало знаете?.. Вы думаете, что онъ ухаживаетъ за мной. Не можетъ быть, чтобы вы это думали — вы, мадемуазель Дениза!

— Остерегайся его, если не себя.

— Онъ мнѣ ни разу не сказалъ дурного слова... Если онъ только посмѣетъ, не видать ему меня, какъ своихъ ушей... Полно-те, онъ не такъ глупъ...

И она расплакалась. Дениза, чтобъ утѣшить ее, обѣщала, не откладывая, побывать въ Сенъ-Дюминѣ...

И на другой же день сдержала свое обѣщаніе.

Чтобы попасть въ замокъ, надо пройти черезъ Монадузъ и, за церковью, свернуть направо, по набивной, кремвистой дорогѣ. Совсѣмъ близко, подъ деревяннымъ мостомъ катитъ свои бурливыя воды потокъ. На дворѣ мельницы мельникъ Шозаъ, двоюродный братъ Вейдренна, о которомъ на деревнѣ тоже говорили, что у него „дурной глазъ“, нагружалъ на телѣжку мѣшки съ мукой.

Перейдя черезъ мостикъ, Дениза пошла по тропинкѣ, огибавшей холмъ, между верескомъ. На кривыхъ каштанахъ, нагнувшихся надъ тропинкой, еще не было листьевъ. Внизу, въ глубокомъ и узкомъ ущельѣ, бурлила бѣлая вода, поминутно разбиваемая осыпавшейся землей, летѣвшей внизъ, и ущелье гранитной стѣной поднималось вверхъ, рисуя на облачномъ небѣ другую призрачную неровную стѣну.

Наконецъ, показался и замокъ, съ огромной крышей, раздѣленной на мансарды, но одноэтажный, съ полукруглыми окнами до земли, въ стилѣ Регентства. Терраса съ балюстрадой укра-

пала западный фасадъ; другой фасадъ, попроще, выходилъ на дворъ съ хозяйственными постройками и конюшнями.

Вокругъ лиловѣли деревья парка, разбитаго на правильныя аллеи. Поодаль, прудъ отражалъ въ себѣ свинцовое небо. Подъ деревьями зеленѣлъ ползучій плющъ, и межъ остроконечными листочками барвинка, пережившими зиму, уже кое-гдѣ показывались желтенькіе и голубенькіе цвѣточки.

Давно уже Дениза не совершала такой долгой, утомительной прогулки. Она немного устала; у нея слегка кружилась голова; близость весны заставляла кровь быстрѣе бѣжать по жиламъ. Ея платью изъ сѣраго кашмира, которое ей надоѣло подбирать, съ мягкимъ шелестомъ волочилось по гравію аллеи. Свѣтлый вуаль, откинутый назадъ, развѣвался по вѣтру.

Какъ все пустынно!.. Какъ будто все спитъ... Ни одного лакея не видно... Ставни изнутри полуоткрыты...

Залаяла собака, и горничная отворила стеклянную дверь вестибюля, увѣшаннаго оленьими рогами и кабаньими головами, въ перемежку съ темными портретами.

— Баронесса въ гостиной съ графиней де-Салисъ... Я сейчасъ доложу... Баронесса будутъ такъ рады.

Графиня де-Салисъ! Дениза видала эту родственницу баронессы, каждая пять-шесть лѣтъ пріѣзжавшую погостить въ Лимузенъ и скандализировавшую крестьянъ своими крашеными волосами, острымъ язычкомъ и яркими румянами на морщинистыхъ щекахъ. Нѣкогда она была статсъ-дамой императрицы, участвовала въ живыхъ картинахъ въ Компьенѣ... была смѣла, красива, любима... И о ней ходили цѣлыя легенды, лишь поверхностно извѣстныя Денизѣ.

Госпожа де-Сенъ-Дюминъ, семидесятилѣтняя старуха, болѣзненная и подъ старость сдѣлавшаяся благочестивой, теперь, какъ и всю жизнь, подчинялась обаянію своей кузины, ея ровесницы, но какъ прежде жадной до перемѣнъ и новизны, безумно любившей развлечения и заднимъ числомъ влюбленной въ любовь. Старая грѣшница успокоивала старую ханжу своими капризными выходками и возвращала ей своей веселостью иллюзію молодости, какъ бы отдалявшую близость конца.

Мадемуазель Кайроль вошла и удивилась: въ гостиной царилъ необычная темнота. Госпожа де-Сенъ-Дюминъ была одна закутанная въ теплый платокъ, она полу-лежала на канапѣ чернаго дерева, обитомъ алой парчей. Какія-то странныя занавѣски, съ ламбрекенами и бахромой и съ переплетомъ изъ золоченыхъ деревянныхъ палочекъ, наполовину затемняли всѣ

три окна, и въ этомъ полумракѣ свѣтились только два предмета: большая люстра съ бронзовыми цѣпочками и хрустальными подвѣсками и, на каминѣ, бюстъ госпожи де-Сенъ-Дюминъ, со вѣкъ молодой, съ шиньономъ изъ локоповъ, съ полнымъ оваломъ лица, надменнымъ ртомъ и царственными покатыми плечами.

Дениза едва не опрокинула лакированный столикъ, на которомъ стояла плетеная корзиночка съ сухими колосьями и верескомъ. Старческий голосъ, усталый и шамкающій, видимо пеходящій изъ беззубаго рта, простоналъ:

— Здѣсь ничего не видно, милое дитя, — не правда ли?.. Мои бѣдные глаза пужаются въ темнотѣ... Осторожьте, не паткнитесь на кресло... Подойдите поближе. Я ужъ потеряла надежду видѣть васъ...

— У меня такъ мало свободнаго времени. Простите меня, баронесса.

— Да, у васъ теперь на рукахъ больной... Какая скука! Больные—такой же несносный народъ, какъ и старики.

Маленькая ручка, увидшая и холодная, маленькое личико, безцвѣтное и какъ будто даже безплотное, выдвинулись изъ шалей и платковъ, въ которые они были укутаны. Баронесса была блѣдна, неприятной зеленоватой блѣдностью личинокъ, которыхъ находятъ подъ листьями, въ трещинахъ коры. Черная кружевная косынка прикрывала накладку изъ фальшивыхъ сѣдыхъ волосъ. Перепончатые вѣки то и дѣло опускались на тусклые зрачки. Зрѣніе и слухъ отказывались ей служить, она стала худѣющая, какъ дѣвочка, питалась только молокомъ—но, тѣмъ не менѣе, жила и хилые члены ея какъ-будто съживались, чтобъ дольше сохраниться и отстоять еще удѣльшую въ нихъ частицу жизни.

— Больные отвратительны — я съ этимъ согласна, — подхватила госпожа де-Салисъ, незамѣтно вошедшая въ гостиную и съ трудомъ пробиравшаяся между наставленной мебелью, какъ лодманъ между рифами. — Что же касается до стариковъ, они должны забыть о своихъ годахъ и заставить другихъ забыть о нихъ... Не выношу я этихъ престарѣлыхъ дѣдушекъ и бабушекъ, которыхъ противно видѣть и невыносимо слушать. Они отравляютъ жизнь молодымъ, на томъ лишь основаніи, что ямъ семьдесятъ пять лѣтъ... Подумаешь, какая заслуга... Миѣ тоже семьдесятъ пять лѣтъ, но я вислолько этимъ не горжусь...

— Вы такъ молоды умомъ, душой, — любезно сказала Дениза. Госпожа де-Салисъ засмѣялась.

— Мой желудокъ молодъ, и нервы тоже... Въ этомъ—весь секретъ. Я ненавижу врачей и лѣкарства, не имѣю повятія о времени и такъ люблю жизнь, что даже не увѣрена, что я когда-нибудь умру... Оттого я и не боюсь смерти. Если и вспоминаю о ней, то лишь для того, чтобъ лучше наслаждаться жизнью... Это васъ удивляетъ, прекрасная молодая дѣвица?.. Вы думаете, что я—старая дура... Нѣтъ, дитя мое, я, наоборотъ, представляю собой рѣдкій примѣръ истинной мудрости. Подражайте мнѣ, если сможете, когда начнете стариться; а пока молоды, пользуйтесь своею молодостью...

— Мадемуазель Кайроль—дѣвушка простая и серьезная,—возразила госпожа де-Сень-Дюминъ.

— Но вѣдь ей нѣтъ и тридцати, и она хорошенькая... А въ самомъ дѣлѣ, милое дитя, вы хорошенькая, или нѣтъ?.. Вы прежде подавали надежды стать хорошенькой... Подите-ка сюда, поближе къ окну, дайте посмотрѣть на васъ... Вотъ такъ... Нѣтъ, вы не хорошенькая, но могли бы быть... Вы не умѣете... Вы не бережете вашего цвѣта лица... Вы плохо причесаны... Слѣдите за собой... Не слѣдуетъ выходить безъ вуали—это портитъ кожу... а бѣлокурные волосы съ годами становятся каштановыми... Непремѣнно мойте ваши волосы нѣмецкой ромашкой... И викагда не мойте лицо мыломъ...

— Спасибо за совѣтъ и за любезность,—сказала Дениза.— Я никогда и не мою лицо мыломъ; но мѣнять цвѣтъ волосъ у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія... Пусть будутъ, какіе есть—въ Монадузѣ, все равно, некому смотрѣть на нихъ.

Она находила красно-рыжіе волосы графини ужасными.

Госпожа де-Салисъ, огромная, съ одутловатымъ лицомъ и мѣшками подъ глазами, не имѣла другихъ морщинъ, кромѣ тѣхъ, которыя оставляетъ послѣ себя смѣхъ и сладострастіе. Слезы не проложили на ея вялыхъ щекахъ столь трогательной двойной борозды, которою отмѣчены лица женщинъ на картинахъ, изображающихъ снятіе со креста. Графиня никогда не стремилась внушать уваженіе, и руина съ расписанными веселыми тонами, которую представляло собой ея лицо, вызывала совсѣмъ инныя чувства.

— „Она похожа — сказалъ о ней однажды докторъ Кайроль — на стараго индійскаго вождя, который уже не участвуетъ въ бояхъ, но разрисовываетъ свое лицо, какъ подобаешь воину“.

Но эта раскрашенная старуха, съ маской влюбленной Иезавели, казалась скорѣе страшной, чѣмъ смѣшной... Дениза смотрѣла на нее, какъ молодая дѣвушка 1825-го года смотрѣли

на шестидесятилѣтнихъ дамъ, верпувнихся послѣ эмиграціи, нарумленннхъ, напудренннхъ, въ длиннхъ корсетахъ, въ пышнхъ юбкахъ и съ вольной рѣчью, модной въ дни ихъ молодости.

Госпожа де-Салисъ одѣвалась въ Парижѣ и по модѣ; но всѣ ея платья казались на ней старомодными, такъ какъ всѣ ея жесты, осанка, походка были приспособлены въ былое время къ иному типу одежды. Старинный корсетъ, съ выпуклой грудью, короткою таліей, широкій въ бокахъ, такъ долго стягивалъ это пышное тѣло, что навсегда наложилъ на него свой отпечатокъ. Госпожа де-Салисъ носила массивныя брошки, браслеты, тяжело-вѣсный шпильоцъ. Ея юбка, широкая, съ воланами, занимала очень много мѣста.

Въ своихъ взглядахъ на жизнь графиня придерживалась удобной и несложной философіи второй имперіи. Въ новомъ мірѣ, болѣе утонченномъ чѣмъ прежній, она по прежнему умѣла развлекаться, высмѣивая „умственниковъ“ и неврастениковъ, изъ которыхъ, по ея мнѣнію, сплошь состояло молодое поколѣніе. Католичка изъ приличія, эпикурейка по натурѣ, она противопоставляла старости свой безпечный оптимизмъ, свое великолѣпное здоровье и легкомысліе, не позволявшее уму отяжелѣть въ сосредоточенности. И увѣряла, что она очень счастлива.

Молодыя женщины искали ея общества. И она сама предпочитала быть въ обществѣ молодыхъ женщинъ, любовалась ими, когда онѣ были красивы, и охотно становилась ихъ повѣренной. Но матроны среднихъ лѣтъ шпильли на нее...

— Предположимъ, что вы уѣдете изъ Монадуза, мое дитя мое, и переселитесь въ большой городъ—ну, скажемъ, въ Парижъ... Предположимъ, что на васъ станутъ заглядываться молодые люди... Вѣдь это же вполне возможно... Что же, не будете вы жалѣть, что не сберегли своихъ волосъ и цвѣта лица? Вѣрите моей опытности: добродѣтель безъ красоты рискуетъ остаться незамѣченной... Будьте прежде всего хорошенькой—тогда оцѣнятъ и другія ваши достоинства...

— Но я вовсе не собираюсь уѣзжать изъ Монадуза, и замужъ выходить не собираюсь.

— И, все-таки, старайтесь быть хорошенькой... Но неужели вы останетесь всю жизнь въ этой дырѣ? Это было бы преступленіемъ. Здѣсь слишкомъ обидно состариться... Состариться, не живши... Какая ужасная перспектива!.. Не миритесь съ этимъ, мадемуазель Кайроль... Жанна, милая, надо спасти эту малютку... Надо пайти ей хорошаго жениха... Или у васъ здѣсь, въ Лимузенѣ, одни только дураки и мужлань?

— Дѣло въ томъ, что... у меня нѣтъ приданого, — мягко возразила молодая дѣвушка. — И потомъ — у насъ никто не бываетъ...

— И за васъ никогда никто не сватался?

— Никто.

— Это невѣроятно!.. И, все-таки, вы счастливы?

— Очень счастлива.

Госпожа де-Сень-Дюминъ своимъ стонущимъ голосомъ попросила чаю; графиня позвонила... Дениза, которую нѣсколько раздражалъ этотъ разговоръ, поспѣшила переменить тему и стала ходатайствовать за Вейдренна.

— Вамъ я, разумѣется, не могу отказать, — сказала баронесса. — Завтра придетъ управляющій — я скажу ему... Пусть Вейдренну передадутъ, что мы возьмемъ его на пробу...

Дениза поблагодарила. Подали чай; зашелъ разговоръ о докторѣ, о Жанѣ, о лѣченіи баронессы... Затѣмъ мадемузель Кайроль ушла.

Она спустилась обратно по каменистой тропинкѣ, подъ каштанами. Было около четырехъ часовъ; тучи порѣдѣли и казались теперь голубоватыми, пронизанныя солнцемъ. Вѣялъ теплый вѣтерокъ.

Въ лѣсу куковала кукушка, вопросительно и печально, и впервые въ этомъ году Дениза услышала хриплые вздохи дикаго голубя. Мягкость воздуха, благоуханія земли, поглощенной своей весенней работой, птичьи зовы, смыслъ которыхъ не былъ для нея тайной, волновали молодую дѣвушку, навѣвая на нее грусть. Послѣ визита въ замокъ ей было какъ-то странно не по себѣ; какое-то уныніе овладѣло ею... Госпожа де-Салисъ говорила съ ней совсѣмъ какъ Лапейри, въ послѣдній свой прїѣздъ, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ.

Это состраданіе, смѣшанное съ любопытствомъ, раздражало и обижало ее.

— Пусть бы они оставили меня въ покоѣ. Вовсе мнѣ не надобно мужа, чтобы быть счастливой... въ особенности такого мужа, какого можно найти здѣсь...

Она перебирала въ памяти мужчинъ, съ которыми она здѣсь встрѣчалась: буржуа изъ сосѣдняго маленькаго городка и деревенскихъ франтиковъ, честныхъ людей, любившихъ хорошій столъ, тихую жизнь безъ тревогъ и волненій. Наиболѣе интеллигентные изъ нихъ находили исходъ своей энергіи въ мелкихъ распряхъ мѣстной политической борьбы, старались округлить свои небольшія владѣнія, порой увлекались невинною страстью къ архео-

логи и статистиѣ. Неспособные ни на какую оригинальную мысль, они прежде всего были осмотрительны, сообразовали свои взгляды со своими интересами и высказывали ихъ заученными формулами, не всегда которыя понимали.

Эти господа очень уважали доктора Кайроли и его дочь, по относительно женской молодости и красоты держались старыхъ провинціальныхъ предразсудковъ. Дениза, двадцати-семилѣтняя и безъ приданого, вовсе не казалась имъ „дѣвушкой на выданьѣ“. Ни одинъ изъ нихъ не пытался ухаживать за ней, такъ какъ она внушала почтеніе и наиболѣе самоувѣреннымъ — и сама она никѣмъ изъ нихъ не была сколько-нибудь заинтересована.

Въ шестнадцать лѣтъ она мечтала о женихѣ и мужѣ, не то чтобы непременно красивомъ и богатомъ, но съ интеллигентной вѣшностью и благороднымъ сердцемъ — совсѣмъ не такомъ, какъ всѣ эти господа. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она ждала его и, не встрѣтивъ, думала теперь о немъ, какъ объ умершемъ, съ грустью, но безъ горечи.

Никогда она не чувствовала вокругъ себя атмосферы мужскихъ желаній; никогда не выслушивала признаній и даже не подозрѣвала въ себѣ какого бы то ни было обаянія и соблазнительности. Вдали отъ развлеченій свѣтской жизни, вдали отъ вліяній музыки и литературы, она жила спокойно, и чувства ея еще дремали.

А въ паркѣ, въ вершинахъ высокихъ деревьевъ, перекликались голуби и голубки, волнуемые желаніемъ свить себѣ гнѣздо. И этотъ призывъ будилъ въ груди взрослой дѣвушки, вполне созрѣвшей какъ женщина, великій материнскій инстинктъ, болѣе глубокий, чѣмъ любовныя вожеланія. Дениза сознавала въ себѣ эту расцвѣтшую мощь, эту не нашедшую себѣ выхода силу, которая дѣлала ее не хорошенькой куклой, не орудіемъ любви, но типомъ женщины по преимуществу — женщины и матери. Здоровая, сильная, съ чистой кровью, она могла бы стать родоначальницей могучей расы, которая шла бы жизнь изъ ея прекрасной груди... А между тѣмъ этому сильному тѣлу, съ его роскошными формами и богатствомъ жизненныхъ соковъ, предстояло изсохнуть въ безплодіи, какъ тѣлу монахини.

„Я послѣдняя въ родѣ, и умру цѣликомъ, вся безъ остатка, никому не передавъ того свѣточа жизни, который былъ врученъ мнѣ. Я никогда не узнаю святого страданія матерей и ихъ радостей — радостей, которыя мужчина не умѣетъ себѣ представить и которыя я такъ хорошо понимала еще въ раннемъ дѣт-

ствѣ... О, это сладостное прикосновеніе къ нѣжному, тепленькому дѣтскому тѣльцу... Этотъ устремленный кверху пристальный взглядъ младенца, сосущаго грудь, который смотритъ, какъ въ небо, въ лицо матери, склонившееся надъ нимъ. Всѣ эти дивныя ощущенія—не для меня. Мнѣ не суждено испытать ихъ, осуществить свое женское предназначеніе“.

По щекамъ ея текли слезы. Она такъ рѣдко плакала, что устыдилась своей слабости.

— Съ чего это я вдругъ?.. Что за безуміе!.. Вѣдь я отказалась отъ этого счастья... Что я говорю? Мнѣ не пришлось и отказываться, такъ какъ никто его не предлагалъ мнѣ. Привязанность моего отца, дружба бѣдняковъ, надежда, что мнѣ втайнѣ удастся сдѣлать немного добра—вотъ мой удѣлъ въ этомъ мірѣ... Потомъ, когда я останусь одна, когда я состарѣюсь, я, быть-можетъ, возьму на воспитаніе маленькаго ребеночка...

Эта мечта, которую она все время лелѣла въ душѣ, не сознаваясь въ томъ, немного успокоила ее. Она вытерла слезы и продолжала свой путь.

X.

Такъ тянулись, одинъ за другимъ, тоскливые дни; но здорье Жана видимо шло на поправку. Улучшеніе продолжалось, безостановочное и такое быстрое, что молодой человѣкъ могъ уже вставать, спускаться въ садъ и даже ѣздить кататься. Баронесса де-Сенъ-Дюминъ специально для этого одолжила Кайролямъ „дюкъ“ — кабриолетъ стариннаго фасона, удивительно легкой на ходу, съ фартукомъ и верхомъ. Жана укутывали козьими шкурами, и то Дениза, то Кайроль возили его подышать воздухомъ въ окрестностяхъ Монадуза.

Дни прибывали; мѣнялись цвѣта и оттѣнки далей — не красновато-фіолетовыхъ, какъ зимою, и не темно-ультрамариновыхъ, какъ лѣтомъ, а нѣжно окрашенныхъ въ свѣтлые, рыжеватые и голубоватые тона, съ большими просвѣтами цвѣта зеленой яри. Сквозь тонкія вѣтки безлистныхъ тополей и березъ отчетливо видны были малѣйшія детали пейзажа, который смѣялся новому солнцу, плакалъ подъ мимолетными ливнями и разстилался, безъ тѣней и дымки, безъ тайны, невинный и нагой, какъ новорожденный младенецъ.

Когда докторъ запаздывалъ къ завтраку, удерживаемый своими профессиональными обязанностями, Дениза и Жанъ уѣз-

жали сейчасъ же послѣ завтрака и возвращались только на закатѣ дня. Въ легкой плетеной колясочкѣ, и формой напоминавшей корзинку, было какъ разъ довольно мѣста для двоихъ. Дениза правила твердой рукой, натягивая вожжи на крутыхъ спускахъ, все время слѣди за изгибами дороги и за ушами лошадки. Въ своемъ пледѣ цвѣта мшистой коры, въ шапочкѣ-токѣ съ фазаньими перьями, съ толстой косой, скрученной на затылкѣ и на солнцѣ отливавшей золотомъ осеннихъ листьевъ, она походила на дриаду, соскользнувшую съ дуба и украсившую свою голову живыми листьями и живою птицей.

Она говорила о своемъ родномъ краѣ, о полевыхъ работахъ, о животныхъ, о растеніяхъ; каждую травку она знала по имени. Жанъ Фавьеръ, горожанинъ, провелъ дѣтство и юность въ лицейской казармѣ и путешествовалъ только по страдамъ, специально фальсифицируемыхъ для туристовъ и изуродованныхъ отелями. Онъ интересовался больше картинами въ музеѣ, чѣмъ пейзажами. Его полное пезнакомство съ природой сказывалось на каждомъ шагѣ.

Дениза, мало знакомая съ книжной премудростью, здѣсь была наставницей Жана. Онъ научился смотрѣть ея глазами и чувствовать жизнь природы. Купался въ воздухѣ и свѣтѣ, передъ широкими далями, которыя влекутъ и будятъ мечту, среди разлитой вокругъ упорной работы растеній, пробивающихся наружу, цвѣтущихъ и увядающихъ, онъ, казалось ему, постигалъ во всей ихъ разумной и творческой силѣ законы природы, о которыхъ пишутъ въ книгахъ и которые до тѣхъ поръ оставались для него только абстракціями. И, не возмущаясь, онъ отдавался во власть ихъ, предчувствуя ясность пантенистическаго міровозрѣнія, душевный миръ, вызываемый сліяніемъ съ вѣчнымъ порядкомъ вселенной. Во всей полнотѣ этотъ покой нисходитъ лишь на немногихъ. Жанъ Фавьеръ былъ еще слишкомъ молодъ; слишкомъ много было въ его душѣ неутоленныхъ желаній, неудовлетвореннаго любопытства. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому страшны страданія и смерть, кто хотѣлъ бы расти и развиваться во времени и пространствѣ и чувствовать себя центромъ міра.

Но мысль о страданіи и смерти была далека отъ него въ эти золотые солнечные дни, когда и его цѣликомъ захватывала радость возрожденія.

Дениза возила его къ прудамъ Сень-Дюмина, на высокія плато Брахъ, въ Шаданъ, въ Абитарелль. Долины, подъ матовымъ, нѣжнымъ небомъ, въ прозрачномъ воздухѣ, голубя, со-

всѣмъ голубья, разстилались среди розовато-лиловыхъ холмовъ, и все это купалось въ какомъ-то блаженномъ перламутровомъ свѣтѣ, отливающимъ жемчугомъ. Въ ущельяхъ мелкіе дубки сохранили свои бронзово-золотые листья; луга пестрѣли ивами, оранжевыми и цвѣта охры; одна только трава была зеленая, усѣянная прошлогодними увядшими нарциссами; въ еще оголенныхъ вѣтвяхъ прыгала и рѣзвилась весна, рыжая, какъ лѣсная бѣлка, и дикая, какъ она.

Жанъ скоро страстно влюбился въ эту лимузенскую землю. Нѣтъ древнѣе этого края, кромѣ древней Бретани; на гребняхъ его утесовъ—сѣдое бремя вѣковъ. Здѣсь уцѣлѣли еще священные фонтаны, языческіе обряды, процессіи. Пастухи, умѣющіе „заговаривать“ волковъ, говорятъ и понынѣ на языкѣ Бертрана де-Борнъ и Бернарда де-Вантадуръ. Пахари, бороздя плугомъ „поля Цезаря“, натываются порою на древнее латинское оружіе, шлемъ легионера, или орла изъ оксидированной бронзы. А въ пещерахъ находятъ камни съ вырѣзаннымъ на нихъ изображеніемъ мамонта, и кости людей, которые жили и умирали тутъ на зарѣ міра.

Иностранецъ, проѣзжая мимо, не замѣтитъ или не сочтетъ достойной вниманія эту страну—древнюю старуху, усѣвшуюся у подножія вулкановъ. Она такъ нищенски убога, она кажется такою грубой. Но кто приблизится къ ней почтительно и благоговѣнно, для того заблестятъ ея глаза, тотъ услышитъ ея вѣковую жалобу въ дрожащемъ звукѣ волюнки, и послѣ того ужъ не сможетъ забыть ея: нищая старуха околдовала его.

Лимузенская земля, поросшая верескомъ, привѣтливо встрѣчала Денизу и Жана. Иной разъ молодая дѣвушка, чтобы дать передохнуть лошади, останавливала ее въ какой-нибудь деревушкѣ. Въ каждой изъ маленькихъ церквей въ романскомъ стилѣ было на что посмотреть: тамъ — интересная лѣпка на капители колонны; здѣсь — запрестольный образъ, почернѣвшій отъ дыма свѣчъ и кадиль; почти вездѣ какой-нибудь шедевръ стариннаго ювелирнаго мастерства—серебряный ковчежець для мощей, голубь, съ переливающимися оттѣнками синей и зеленой эмали... Случалось, Дениза заходила въ какую-нибудь лачугу, и Жанъ усаживался рядомъ съ нею на плохо отесанной скамьѣ *канту*, возлѣ печки. Ребятишки, тонконогіе, какъ козлята, поднимали плачь при видѣ „барина“. Мать унимала ихъ, хвастаясь передъ мадемуазель Кайроль своимъ младшимъ, груднымъ... Обѣ оживленно болтали между собою на мѣстномъ нарѣчій, которое такъ красиво звучало въ устахъ Денизы. Жану здѣсь все было

интересно: онъ восхищался и чугунинымъ треножникомъ на очагѣ, и шкафомъ съ деревянной рѣзьбой, и рѣзной оловянной кружкой, атласисто-сѣрою, замѣшавшеюся среди обыкновенной посуды, и, въ особенности, освѣщеніемъ—смолистыми тѣнями, красноватой свѣтотѣнью, яркими пятнами свѣта, льющагося въ единственное маленькое оконце деревенской избы.

Онъ видѣлъ такое освѣщеніе только на картинахъ фламандскихъ художниковъ, и восторженно говорилъ Денизѣ:

— Это Питеръ де-Гоогъ... Это Брейгель...

Дениза не понимала и дивилась, что ему нравятся эти деревенскія избы съ огромной печью, темныя и загроможденныя. А онъ говорилъ себѣ, что она не чувствуетъ ихъ красоты потому, что не видитъ самой себя—лучезарнаго центра всѣхъ этихъ темныхъ картинъ, бѣлой и золотой, прекрасной, какъ день. Когда она неловкимъ жестомъ брала изъ люльки ребенка и склонялась надъ нимъ златокудрой головкой, словно свѣтъ струился отъ ея лица и волосъ. И Жану она казалась идеальнымъ воплощеніемъ Матери-Дѣвы.

На память объ этихъ прогулкахъ онъ обыкновенно покупалъ какую-нибудь бездѣлушку—фарфоровую чашку, оловянное блюдо, и вечеромъ преподносилъ ихъ доктору, восторгаясь ихъ дешевизной. Кайроль восхищался вслѣдъ за нимъ, но тутъ же признавался, что въ этомъ „ничего не смыслить“.

Однажды въ Абитареллѣ, въ одной избѣ, Жанъ нашелъ старинныя серьги съ подвѣсками, серебряныя, филиграновой работы, и колечко, тоненькое, истертое, съ гнѣздомъ изъ двухъ сплетенныхъ рукъ.

Онъ отдалъ за нихъ золотую монету, потому что Дениза нашла ихъ красивыми. И мечталъ подарить ихъ ей, но она пояснила:

— Это кольцо—обручальное. У моей бабушки было кольцо въ этомъ же родѣ; его положили съ ней въ гробъ.

И прибавила задумчиво:

— Мою маму тоже похоронили съ кольцомъ. Въ нашемъ роду, сколько мы съ отцомъ помнимъ, никто, овдовѣвъ, не женился и не выходилъ замужъ вторично. И каждый уносилъ съ собой въ вѣчность кольцо, которымъ онъ обручился или вѣнчался.

Жанъ повторилъ: „обручальное кольцо!“

Лошадь бѣжала быстро, но Дениза, собравъ вожжи въ правую руку, разглядывала золотое колечко, лежавшее на ладони лѣвой.

— Примѣрьте его, прошу васъ!—пролепеталъ Жанъ.

И, прежде чѣмъ молодая дѣвушка успѣла отвѣтить, онъ надѣлъ ей на палецъ символическое кольцо. Но оно было слишкомъ велико для нея, это кольцо крестьянки: оно соскользнуло и скатилось въ складки платья, а оттуда въ траву...

Остановили лошадь. Дениза и Жанъ вышли оба, искали долго, но кольца не нашли.

Не закатилось ли оно въ канаву съ водой? Или, можетъ быть, зарылось подъ прошлогодними листьями?

Молодая дѣвушка огорчилась.

— Это моя вина,—сказалъ Жанъ,—не огорчайтесь, мадемуазель Дениза.

Она не замѣтила, что на глазахъ его были слезы.

XI.

Необходимо было нанести благодарственный визитъ г-жѣ де-Сенъ-Дюминъ, которая такъ любезно дала свой экипажъ и при каждомъ удобномъ случаѣ освѣдомлялась о здоровьѣ Жана. Дениза предложила побывать въ замкѣ до отъѣзда г-жи де-Сались. Докторъ одобрилъ это, но настаивалъ на томъ, чтобы визитъ былъ кратокъ.

— Жану не годится долго быть въ атмосферѣ этой темной гостиной, заставленной мебелью. Это для него нездорово... Посидите полчаса, потомъ погуляйте въ паркѣ, провѣтритесь хорошенько и возвращайтесь до заката солнца.

И еще прибавилъ:

— Я настаиваю на этомъ—понимаешь, Дениза? Вотъ уже нѣсколько дней, какъ вы оба ведете себя неблагоразумно. Возвращаетесь въ сумерки... Это мнѣ не нравится по многимъ причинамъ.

Всю дорогу Жанъ Фавьеръ не переставалъ жаловаться: онъ не любитъ старухъ, боится столнуться съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ...

— Но увѣряю же васъ, что эти барыни ни съ кѣмъ здѣсь не водятъ знакомства. Лѣтомъ еще пріѣзжаютъ иной разъ на автомобилѣ сосѣди помѣщики. А въ это время года мы рискуемъ встрѣтить въ замкѣ только управляющаго, г. Изальяка, да монахъ-дюзскаго кюрэ... А всего вѣроятнѣе, что никого не встрѣтимъ.

Такъ оно и было сначала. Обѣ дамы, растроганныя, наперерывъ одна передъ другой старались приручить Жана. Его

эти ископаемыя старухи сперва испугали, потомъ стали казаться ему забавными; къ нему вернулась самоувѣренность свѣтскаго человѣка, онъ разговорился и болталъ безъ умолку, весело, остроумно. Дениза не узнавала его. Госпожа де-Салисъ была совершенно очарована имъ.

Когда мадемуазель Кайроль сказала, что пора ѣхать, баронесса возмущилась: такіе гости въ замкѣ слишкомъ рѣдки; онѣ не отпущать г. Фавьера безъ чаю... Жанъ согласился остаться.

Дениза думала: „Его дурное настроеніе разсѣялось... Онъ ухаживаетъ за г-жею де-Салисъ, какъ будто ей двадцать лѣтъ, стараясь покорить ея сердце. Онъ любитъ, чтобъ его любили. Онъ не выносить равнодушія даже тѣхъ, кто для него самого безразличенъ. Онъ вскружилъ голову Франсуеттѣ; добился того, что покорилъ сердце Фортунады и Жанту. Теперь и эти двѣ старухи будутъ обожать его“.

Ей вспоминались слова г. Лапейри, объяснявшаго ей характеръ Жана, и она говорила себѣ: „увѣряютъ, будто женщины всегда стремятся нравиться; но я гораздо менѣ кокетка, чѣмъ Жанъ, и меньше дорожу мнѣніемъ другихъ... Какъ онъ долженъ былъ страдать, когда болѣзнь оттолкнула отъ него неискреннихъ друзей—и всѣхъ остальныхъ!“

Это желаніе нравиться, такъ наивно сквозившее во всемъ у Жана, въ другомъ мужчинѣ шокировало бы Денизу; но къ этому мальчику, совершенно не подходившему подъ ея идеаль жениха или мужа, она была снисходительна до слѣпоты. Чтò бы онъ ни говорилъ, чтò бы ни дѣлалъ, она ни съ кѣмъ его не сравнивала и не пыталась критиковать: вѣдь его недугъ ставилъ его внѣ всякихъ правилъ и нормъ.

Чай былъ поданъ на террасѣ; г-жа де-Сенъ-Дюминъ, закутанная въ безчисленныя шали, исчезла въ глубинѣ плетенаго кресла; г-жа де-Салисъ усѣлась на самомъ свѣту, какъ бы представляя на показъ свое заново раскрашенное лицо, огненно-рыжей шиньонъ и широчайшее платье.

— Садитесь сюда, поближе ко мнѣ,—сказала она Жану.

Онъ понравился ей. Она принадлежала къ тому поколѣнію, которое не боялось микробовъ. Ея покладистый оптимизмъ не позволялъ ей, притомъ, долго огорчать себя чужими бѣдами.

— Чтò это мнѣ о васъ говорили?.. Что вы выздоравливаете? Да вы совсѣмъ здоровы. На будущій годъ вы вернетесь въ Парижъ здоровякомъ.

— Я надѣюсь!

Но г-жа де-Сенъ-Дюминъ боялась, какъ бы молодой чело-

вѣкъ не простудился, и все убѣждала его пересѣсть въ „геритку“—одну изъ плетеныхъ будочекъ, которая она очень любила и которыхъ около террасы было множество. Жанъ отказывался, и Дениза поддержала его, говоря, что свѣжій воздухъ не можетъ быть ему вреденъ.

Всѣ четверо только-что принялись за свои чашки, любуясь дивной панорамой ущелій и холмовъ, какъ затрубилъ рожокъ автомобиля, сперва вдали, потомъ совсѣмъ близко, подъ каштанами. Автомобиль остановился передъ замкомъ; изъ него вышли четверо сѣдоковъ неопредѣленнаго возраста и пола, закутанные въ кожу, мѣха, каучукъ и вуали разныхъ цвѣтовъ. Когда пальто и вуали были сброшены, подъ ними оказались молодой человекъ и три молоденькихъ дамы,—племянникъ, племянница и двѣ пріятельницы баронессы, возвращавшіеся изъ Пиринеевъ въ Парижъ длиннѣйшимъ путемъ. Они охотно согласились остаться въ замкѣ на нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть. Хозяйка представила ихъ остальнымъ и попросила Денизу напоить чаемъ новоприбывшихъ.

Пока молоденькія женщины — брюнетка, блондинка и шатенка — рассказывали разные эпизоды изъ своей экскурсіи, молодой человекъ, братъ блондинки и почти ровесникъ Жана, помогалъ мадемуазель Кайроль разливать чай и угощать пирожнымъ. Это былъ премилый юноша, румяный и подъ налетомъ загара, прекрасно сложенный; какъ у мольеровскаго маркиза, у него были красивые зубы, красивыя ноги и двѣ бѣлокурыхъ кисточки вмѣсто усовъ: Клитандръ въ обличьѣ шоффера... Онъ усердно ухаживалъ за подругами своей сестры, въ особенности за шатенкой, но и брюнетка не оставалась въ накладѣ. Они обмѣнивались такими рискованными фразами, что блондинка говорила:

— Послушайте, кончите вы когда-нибудь флиртовать?.. Это становится прямо-таки неприличнымъ!

Но всѣ четверо были такъ молоды, такъ похожи на школьниковъ во время вакацій, что веселое легкомысліе ихъ никого не шокировало, а напротивъ, вызывало улыбку и сочувствіе, какъ бы сообщничество... Г-жа де-Салисъ подстрекала ихъ и смѣшила. Даже баронесса была захвачена этой игрой.

Молчали только Жанъ и Дениза. Молоденькія гости скоро угадали то, что имъ не было сказано, и, не нарушая учтивости, поспѣшили отодвинуться отъ этого юноши, блѣднаго и худого, съ лихорадочнымъ взглядомъ.

И онъ, который въ былое время состязался бы въ остроуміи и любезности съ Клитандромъ-шофферомъ изъ-за ласковаго взгляда

и улыбки этихъ юныхъ красавицъ, кокетливыхъ, насмѣшливыхъ, немного соперничающихъ между собой, онъ, который хотѣлъ бы взять ихъ себѣ всѣхъ трехъ,—съ мучительной застѣчивостью забился иглубь плетеной будки и жаждалъ только одного: чтобы на него не обращали вниманія.

Дениза, почувствовавшая, что онъ загрустилъ, подошла къ нему и шепнула:

— Пора ѣхать... Уже не рано: и такъ придется сократить прогулку...

— Да, да, ѣдемъ... Я тоже хочу домой...

Они простились и уѣхали. Г-жа де-Сень-Дюминъ смотрѣла имъ вслѣдъ и сокрушалась о Жанѣ. Ея пріятельница уже цѣлкомъ посвятила себя новымъ гостямъ. Молодые женщины вздохнули свободнѣе, избавившись отъ тягостнаго зрѣлища...

Тонкая деликатность Денизы не позволила ей попытаться утѣшить Жана, или хотя бы намекомъ показать ему, что она понимаетъ его настроеніе; она только сказала, что рада снова быть съ нимъ вдвоемъ въ лѣсной тиши. Въ душѣ ей было больно, какъ матери, когда ея увѣчнаго ребенка избиваютъ злые люди... Она, всегда такая сдержанная, такая ко всѣмъ благожелательная, объявила, что племянница г-жи де-Сень-Дюминъ и ея подруги очень невоспитаны, а племянникъ—фатишка и снобъ.

— Мнѣ гораздо больше нравятся старухи.

Жану онѣ тоже больше нравились.

— Но все-таки на нихъ жутко смотрѣть. Точно муміи, одна хорошо сохранившаяся, другая—плохо; на одной цѣлы всѣ бияты и краски, у другой изъ-подъ пергамента видны кости; но отъ обѣихъ пахнетъ смертью... О, какой ужасъ эта старость!

— Всѣ мы, рано или поздно, состаримся.

— Только не я... къ счастью!

— Почему вы знаете?

Онъ не отвѣтилъ и вздрогнулъ, хоть и былъ тепло укутанъ.

— Вамъ холодно?

— Нѣтъ.

Дениза нагнулась, чтобы поправить пледъ, все время соскальзывавшей съ колѣней Жана, потомъ выпрямилась—и испугалась, заглянувъ ему въ лицо, такое оно было блѣдное, увядшее, старческое; глаза сразу ввалились и избѣгали встрѣчаться съ ея глазами.

— Нѣтъ, вамъ положительно нехорошо. Вернемся кратчайшимъ путемъ.

— Почему?.. Мнѣ вовсе не хочется домой... Вѣдь я же не жалуюсь...

Въ голосѣ его звучало обиженное нетерпѣніе. Дениза смолкла, боясь задѣть его неосторожнымъ словомъ. Онъ пролепеталъ:

— Простите! Я смѣшонъ. Мнѣ стыдно, но... еслибъ вы знали! Мелочи причиняютъ иногда такую боль!..

— Вы нервны, какъ женщина, и ваше воображеніе раздуваетъ эти мелочи, усиливаетъ ихъ жестокость... О! я хорошо васъ изучила за то время, что мы живемъ вмѣстѣ. Я все время наблюдала васъ. Я васъ понимаю...

— Вы понимаете меня, Дениза?..

Въ первый разъ онъ назвалъ ее просто по имени, и эта вольность показалась имъ обоимъ вполне естественной.

— Да, Жанъ. Я понимаю, что ваша гордость уязвлена. Ни съ того, ни съ сего вы вообразили себя ниже всѣхъ другихъ людей... и вы обижаетесь, когда вамъ выказываютъ сочувствіе, потому что въ этомъ сочувствіи вы видите только жалость.

Она дотронулась до больного мѣста его души.

— Я не хочу, чтобы меня жалѣли! — вскричалъ Жанъ. — Жалость накладываетъ особую печать на человѣка, обособляетъ его отъ всѣхъ другихъ, вноситъ фальшь въ каждое чувство, внушенное имъ. Онъ взываетъ къ дружбѣ, къ любви—ему откликается жалость, многоликая, многообразная; она—тѣнь дружбы; она—тѣнь любви... Ахъ, сколько я выстрадалъ изъ-за нея!.. Вотъ и сегодня я видѣлъ жалость, смѣшанную съ отвращеніемъ и страхомъ, въ глазахъ этихъ женщинъ. А теперь... я не смотрю на васъ, чтобъ не прочесть ея въ вашихъ глазахъ!

— Напрасно. Взгляните на меня, и вы успокоитесь. Я жалѣю васъ, мой бѣдный Жанъ, но не такъ, какъ вы думаете... Мнѣ жалко, что вы такъ упорно стараетесь отравить себѣ каждую радость... Вы больны тѣломъ, но это пройдетъ. Меня не трогаютъ недуги, которые постепенно уменьшаются и проходятъ... Но я другъ вашъ, и меня огорчаетъ вашъ душевный недугъ, который можете побороть только вы сами.

Жанъ Фавьеръ успокоился.

— Такъ вы увѣрены, что я поправляюсь?

— Безусловно увѣрена.

— Можетъ быть, и не безусловно... все равно, вы не сказали бы мнѣ правды!

— Не знаю... можетъ быть... Но тогда я не стала бы и бранить васъ, какъ браню теперь... Не посмѣла бы... я была бы снисходительнѣе...

— О, нѣтъ! Не надо! Не будьте снисходительны!.. Ваша доброта иной разъ пугаетъ меня... Я говорю себѣ: „Она все терпитъ отъ меня, потому что мнѣ уже недолго осталось мучить ее... Она балуетъ меня, какъ старшая сестра, но это... не сердитесь!.. это баловство — все равно что папироска, которую даютъ осужденному передъ казнью...

Дениза пожала плечами.

— Другъ мой, это нелѣпость... Но все-таки говорите, облегчите ваше сердце; все, что хотите, только не замыкайтесь въ молчаніи...

Подъ косыми лучами солнца алѣли вѣтки деревьевъ; лошадь, почуявъ, что поводья опущены, замедлила ходъ.

— Что это тамъ блеститъ между елями?—спросилъ Жанъ.

— Сень-Дюминскій прудъ.

— Хотите, пойдёмъ туда?—Мнѣ надо какъ-нибудь встряхнуться, отвлечься отъ этихъ мыслей...

Она согласилась.

— А не поздно будетъ возвращаться?

— Нѣтъ, нѣтъ... Идемте, другъ мой.

Онъ соскочилъ на песокъ и предложилъ руку Денизѣ, чтобы помочь ей сойти. Лошадка шагкомъ пошла за ними, время отъ времени останавливаясь и щипля траву.

Дениза спрашивала себя:

„Удалось ли мнѣ убѣдить его? И надолго ли?.. Онъ не хочетъ, чтобы я жалѣла его, а я именно изъ жалости всячески изощряюсь, стараясь поддержать въ немъ надежду. Какъ это трудно! Приходится слѣдить за каждымъ словомъ, за выраженіемъ своего лица, напускать на себя спокойствіе, котораго нѣтъ въ душѣ, говорить о будущемъ...“

Жанъ все время наблюдалъ за нею.

— О чемъ вы думаете?.. У васъ такой серьезный видъ.

— Я думаю о томъ, что напрасно я исполняю всѣ ваши капризы.

— Да вы посмотрите, какъ здѣсь хорошо!

Передъ ними былъ широкій въѣздъ въ каштановую рощу и круглые холмы, мутно-зеленые, обступившіе прудъ Сень-Дюмина. Отблескъ заката ложился радужными огнями на сумрачное уже небо. Возлѣ самаго берега вода горѣла какъ раскаленные уголья. И на фонѣ этой яркой алости бархатисто-черными вырисовывались линіи берега и силуэты дерева, склонившагося къ водѣ. А дальше небо, кажущееся еще болѣе далекимъ по контрасту съ рѣзкими цвѣтами передняго плана, небо, съ прозрачной радуж-

ностью опала, прорѣзанной огненными струйками. Между небомъ и его отраженіемъ повисъ, какъ облачко, удлиненный золотой вырѣзъ узкой косы. Коса эта была окаймлена стройными темными елями, которыя легкими, нѣжными силуэтами вырисовывались въ свѣтломъ воздухѣ, повторяясь опрокинутыми въ жидкомъ свѣтѣ воды...

Дениза и Жанъ стояли рядомъ, не смѣя заговорить. Эта вода, это небо, эти деревья, этотъ узенькій полуостровъ казались пейзажемъ-призракомъ, капризомъ волшебницы, болѣе хрупкимъ, чѣмъ мыльный пузырь на концѣ соломинки. Дунетъ вѣтерокъ, зазвучитъ человѣческій голосъ — и онъ исчезнетъ, разсѣется... Но нѣтъ, миражъ не исчезалъ, только съ минуты на минуту блѣднѣлъ въ очарованномъ безмолвіи вечера.

Дениза смотрѣла на своего спутника и видѣла, что онъ взволнованъ, растроганъ, что зависть и злоба — грязь души, на минуту всколыхнувшаяся и всплывшая на поверхность, снова осѣла. Подвижное лицо съ большими глазами, обведенными темными кругами, было грустно, но иной, облагораживающей грустью—грустью человѣка, сознающаго свою эфемерность рядомъ съ природой, которая, какъ онъ, мѣняется и умираетъ, но безпрестанно возрождается.

Жанъ шепталъ:

— О, Дениза! еслибъ вы знали, какъ мнѣ хочется жить!.. Никогда мнѣ не хотѣлось этого такъ безумно... Никогда мнѣ не было такъ трудно смириться. Въ такія минуты, какъ сейчасъ, мнѣ безумно жаль жизни... Я слишкомъ молодъ! слишкомъ мало жилъ!.. Слишкомъ люблю жизнь!.. Я долженъ жить!.. Подумайте, мнѣ двадцать пятый годъ! Я ничего не сдѣлалъ, ничего не оставляю послѣ себя, ни даже нѣжной грусти въ чьей-нибудь душѣ... Я умру весь, и меня забудутъ, сейчасъ же забудутъ... У моей матери есть другой сынъ; у моихъ друзей—другіе друзья; у моей любовницы—другой любовникъ... Всѣ они уже похоронили меня въ своей памяти... Я живу одинъ и умру одинъ... Это ужасно!

Изъ глазъ его текли слезы.

— Это малодушіе... я знаю... Мнѣ стыдно... Мнѣ не слѣдовало признаваться вамъ, какъ мнѣ страшно... Но тѣ, кто говорятъ: „Не страшно“—лгутъ... Не вѣрьте имъ... Они лгутъ...

— Не дѣлайте усилія надъ собою, Жанъ, плачьте, не стыдитесь меня... Меня это не удивляетъ и не возмущаетъ... Но послушайте, бѣдный ребенокъ: вѣдь ваши страхи призрачны. Вы будете жить, будете счастливы, будете долго-долго наслаж-

даться красотой этого міра; у васъ будутъ друзья лучше прежнихъ; вы встрѣтите женщину, которая васъ полюбитъ... И тогда вспомните этотъ вечеръ и свое безуміе — и улыбнетесь. Жанъ, довольно быть нервнымъ ребенкомъ: будьте мужчиной, который храбро смотритъ въ лицо будущему. Вы будете жить, клянусь вамъ!..

— О, Дениза!.. Еслибъ это была правда! — Я бы не былъ недостойнъ любви... Я ждалъ бы мужественно, терпѣливо, той.. той, которая мнѣ нужна, которая, можетъ быть, когда-нибудь полюбитъ меня... Я едва смѣю мечтать о ней... Но я такъ хочу, чтобъ она вложила свою руку въ мою... Я знаю, что это еще невозможно... Такъ! не говорите ничего. — Погодите. — Я не хочу, чтобъ она подарила мнѣ свое сердце, какъ милостыню, эта женщина, которая должна прійти... Но я хотѣлъ бы быть увѣреннымъ, что она придетъ... Скажите мнѣ: вы думаете, она придетъ?

— Да, Жанъ, она придетъ... Но это вы должны заслужить...

— Я заслужу.

— Побѣдите въ себѣ страхъ. Будьте мужественны.

— Буду...

Она властно увлекала его за собой.

— Теперь идемъ. Пора ѣхать. Успокойтесь... Кризисъ прошелъ... Пусть онъ будетъ послѣднимъ.

Она усадила его и сама сѣла рядомъ, но руки ея такъ дрожали, что она едва въ силахъ была держать вожжи. Наконецъ, ея женскіе нервы не выдержали. Она вся задрожала и заплакала.

— О, Дениза! простите! — лепеталъ Жанъ. — Я готовъ цѣловать ваши ноги... О, моя утѣшительница, жизнь моя, мой единственный свѣтъ.

Небесныя розы блѣднѣли; опаловый блескъ въ водѣ погасъ, и звонкій призывъ жабы разбудилъ на небѣ первую звѣздочку.

ХII.

Этьеннъ Кайроль не могъ преодолѣть своей тревоги.

Шесть часовъ! А ихъ все нѣтъ и нѣтъ. Что бы это могло значить? Несчастный случай? — Но лошадь надежная и Дениза правитъ чудесно... Жану вдругъ стало худо? Но графиня первымъ дѣломъ послала бы за врачомъ.

Не зная, что думать, онъ взялъ свою шляпу, суковатую палку и пошелъ по направленію къ Монадузу, навстрѣчу дочери и Жану.

Солнечный дискъ, весь огненный, безъ единого пятнышка, спускался, яркій и четкій, надъ долиной, уже окутанной дымкою паровъ. Погрузившись въ низкіе слои атмосферы, онъ утратилъ чрезмѣрную яркость, слѣпившую глазъ, но косые лучи его еще грѣли деревню, и всѣ предметы какъ-то сразу приняли свой вечерній видъ—выраженіе серьезной, важной сосредоточенности и ожиданія.

Съ перекрестка доносился визгъ пилы, обличавшій присутствіе Шастра, пильщика и обтесывателя досокъ, въ хорошую погоду устраивавшагося со своимъ „инструментомъ“ прямо на улицѣ, напротивъ часовни, куда выносили мертвыхъ. На выступѣ кладбищенской ограды сидѣли слѣпой Фоть, Бюнепель и старики Бранду, прислонившись къ шаткой рѣшеткѣ.

Кайроль едва не спросилъ ихъ, не видали ли они экипажа? Но Бранду и Бюнепель первые окликнули его, требуя, чтобы онъ, которому все извѣстно, сказалъ бы имъ—правду ли говорятъ, будто кто-то покупаетъ каскады, строить отель, и скоро со всей Франціи туристы начнутъ стекаться въ Монадузъ.

Эта новость взволновала доктора. Онъ, въ свою очередь, сталъ спрашивать, кто же покупаетъ—частный предприниматель или же цѣлая компанія. Вѣдь главныхъ три водопада: Большой Каскадъ, „Капельный“ или Лошадиный Хвостъ, и „Редоль“, вмѣстѣ съ прибрежною землей, принадлежатъ тремъ различнымъ владѣльцамъ. Пейру-сынъ—тотъ охотно продастъ свой участокъ, и стараго Арсейкса, пожалуй, не трудно будетъ убѣдить; но Барбазанъ, племянникъ г. кюрэ, заклятый врагъ всякихъ новшествъ и прогресса, ни за что не продастъ „Редоля“.

— Ну, г-нъ докторъ, это еще вопросъ, — возразилъ Бюнепель.—Деньги—вѣрное дѣло. И потомъ, „Редоль“, при всей его красотѣ, все же третій по счету. Не очень-то онъ доступенъ, полюбоваться имъ вблизи сопряжено почти съ такою же опасностью, какъ и осмотръ четвертаго каскада, того, что плохо виденъ и зимою, когда вода прибываетъ и деревья стоятъ безъ листьевъ. Что же касается „Инферно“, чернаго ледяного провала тамъ, въ самомъ низу, то въ этомъ скверномъ мѣстѣ бывають только форели... и утопленники... потому что, вы знаете, мосье Кайроль, силой теченія туда сноситъ сверху все: и падаль, и христіанское тѣло.

— Разъ крестьянинъ изъ Тюлля упалъ съ моста,—добро-

душно вставилъ старикъ Бранду:—онъ всплылъ на поверхность недѣлю спустя, въ черномъ провалѣ. Голова у него была какъ разбитый орѣхъ, а самъ онъ былъ голый, такъ какъ зубья утесовъ изорвали на немъ въ клочья одежду... Мы его вытащили—полевой сторожъ, мэръ и я, принесли сюда, къ часовнѣ... Его похоронили на тюльскомъ кладбищѣ; родные его дали пятьдесятъ франковъ тѣмъ, кто несъ его тѣло. На мою долю досталось десять франковъ...

— Что же ты съ ними сдѣлалъ?

— Купилъ себѣ шапку на заячьемъ мѣху на Коррезской ярмаркѣ...

Докторъ уже не слушалъ.

Очевидно, толки о его санаторіи обратили на Монадузъ вниманіе невѣдомыхъ капиталистовъ, которые хотятъ эксплуатировать каскады... Почему бы имъ не заинтересоваться его замысломъ, не взять дѣла въ свои руки? Начатыя имъ постройки не совсѣмъ еще утратили цѣну, а тяжбы въ судѣ можно было бы покончить полюбовнымъ соглашеніемъ.

Тѣмъ временемъ пильщикъ Шастръ кончилъ работу. Бюнеплъ и Бранду, обѣдавшіе спозаранку, пошли домой ужипать; ушелъ и слѣпой, ощупывая землю своимъ посохомъ и затянувъ протяжное заунывное „Adusias“.

Кайроль посмотрѣлъ на часы: половина седьмого!..

Въ воздухѣ уже вѣяло вечерней прохладой и сыростью отъ горячаго потока, когда, наконецъ, изъ-за большого вала на перекресткѣ показался кабріолетъ. Дениза и Жанъ смутились при видѣ доктора и принялись извиняться, но Кайроль только сказалъ:

— Прибавьте ходу. Я иду вслѣдъ за вами.

Они снова сошлись всѣ трое за столомъ, уже накрытымъ къ обѣду. Жанъ, путаясь и сбиваясь, принялся объяснять, почему они такъ запоздали... Молодая дѣвушка боялась выговора, даже вспышки гнѣва, такъ какъ докторъ былъ вспыльчивъ и сдержанностью не отличался. Но Кайроль только сказалъ:

— Я посылаю васъ кататься не для того, чтобы вы любовались солнечными закатами—Денизѣ это извѣстно. Я довѣрилъ ей больное — она за него и отвѣтитъ. Если завтра у Жана будетъ лихорадка, если у него поднимется температура, вина падетъ на Денизу... А если вы еще разъ позволите себѣ подобную неосторожность, я верну экипажъ г-жѣ де-Сенъ-Дюминъ...

Онъ пожалъ плечами.

— Вы оба дѣти, и я напрасно такъ довѣрялъ вамъ. Я это

замѣчаю уже не съ сегодняшняго дня... Нѣтъ, нѣтъ, Фавьеръ, не протестуйте... я сказалъ свое; оставимъ этотъ разговоръ.

Послѣ обѣда молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ. Дениза хотѣла-было взяться за питье, но отецъ остановилъ ее.

— Оставь работу на сегодня. Вечеръ такой теплый. Выйдемъ на террасу. Мнѣ надо потолковать съ тобой.

Она накинула платокъ и вышла вслѣдъ за отцомъ.

Она боялась этого разговора. Но Кайроль, повидимому, вовсе не сердился. Онъ взялъ ее подъ-руку, прошелся съ нею. Въ безмолвіи сердца ихъ успокоились и поняли другъ друга.

— Отецъ, ты уже больше не сердисься?—спросила наконецъ Дениза.—Я знаю, что это было нехорошо съ моей стороны; я это признаю, и мнѣ жаль, что такъ вышло... Въ другой разъ я въ точности исполню твой приказъ; только скажи, что ты ужъ больше на меня не сердисься.

— Сержусь—нѣтъ; беспокоюсь—да.

— За Жана?

— За Жана... и за тебя...

— Отецъ!

— Я уже нѣсколько дней, какъ хочу съ тобой потолковать, моя дѣвочка; но мы теперь никогда не бываемъ одни.

— Ты думаешь, что я тебя забросила, что Жанъ Фавьеръ беретъ у меня много времени, что онъ всегда съ нами...

— Не только съ нами, Дениза—между нами...

Она возмущилась.

— О, папа! неужели же ты ревнуешь къ этому ребенку за то, что я въ дружбѣ съ нимъ? Вѣдь это же ребенокъ... Неужели ты предполагаешь...

— Я не ревную, дочка... и ничего не предполагаю... Полно! успокойся... Что это ты такъ взволновалась? присядемъ вотъ здѣсь, на скамейку... Я знаю твое сердце, малютка, знаю, какъ ты любишь меня, и поэтому совсѣмъ не ревную... Но, повторяю—беспокоюсь, очень беспокоюсь...

Она присѣла возлѣ него на мшистой скамьѣ. Холмы уже потонули во мракѣ. Докторъ чиркнулъ спичкой; зеленоватый зигзагъ прорѣзалъ тьму, и докторская трубка выдѣлилась на ней огненной точкой.

— Дениза, тебѣ никогда не приходило въ голову, что Жанъ Фавьеръ можетъ влюбиться въ тебя?

— О!..

— Не ужасайся!.. Онъ живетъ съ тобой подъ однимъ кровомъ, съ утра до вечера видитъ тебя, восхищается тобой.

— Онъ уважаетъ меня.

— Уваженіе—не помѣха любви. Ты держись съ нимъ свободно,—можетъ быть даже слинкомъ свободно. Ты забываешь, что ты молода и что онъ не слѣпой.

Дениза сдѣлала надъ собою усиліе и заставила себя отвѣтить спокойно.

— Послушай, отецъ, надѣюсь, это шутка? Вѣдь не думаешь же ты, чтобъ я могла... что я... Я на четыре года старше Жана. И притомъ, онъ боленъ.

— Относительно тебя я ничего не предполагаю. И если говорю тебѣ: „Будь осторожна!“—то только въ интересахъ Жана... Ты—чортъ возьми! ты слишкомъ разсудительна для того, чтобы влюбиться въ сантиментальнаго мальчишку, хотя бы онъ былъ и здоровъ. А ужъ въ больного и подавно—вѣдь я тебя знаю... Но онъ-то, онъ! вѣдь онъ думаетъ, что онъ еще можетъ выздороветь, и мы оба поддерживаемъ въ немъ эту иллюзію... Ахъ! этого я не предвидѣлъ, когда оставилъ тебя возлѣ него въ качествѣ сидѣлки, товарища, друга, въ роли старшей сестры...

Дениза вспыхнула. Сердце ея такъ колотилось, что ей было трудно дышать. Кайроль начиналъ раздражаться.

— Что же ты молчишь? Говори, отвѣчай!.. Или въ самомъ дѣлѣ что-нибудь есть?.. Вѣдь ты не станешь мнѣ лгать!

— Я ничего не замѣтила... Жанъ любить быть со мной, потому что онъ боится одиночества... Но еслибъ онъ выздоровѣлъ, еслибъ уѣхалъ отсюда, онъ бы скоро забылъ меня.

— Я не увѣренъ въ этомъ.

— А я увѣрена.

— Ты не думаешь, что въ его воображеніи уже созданъ маленькій романъ?

— Маленькій романъ?—Увы! скажи лучше: большая драма... Временами онъ чутьемъ угадываетъ истину и тогда его одолеваетъ страхъ. Если онъ ищетъ моего общества, бесѣды со мной, то лишь затѣмъ, чтобы не оставаться одному съ своими мыслями... Ни больше, ни меньше!

— Ты, быть можетъ, и права. Ахъ, дѣвочка моя, какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты не ошиблась!.. Потому что это было бы большимъ несчастьемъ и для насъ, и для Жана, если бы онъ влюбился въ тебя... Но, случись это, я не задумался бы...

— Чтò бы ты сдѣлалъ?

— Удалилъ бы его отсюда... помѣстилъ бы въ санаторію... Вѣдь, все равно, не можетъ же онъ жить у насъ вѣчно...

— А если бъ онъ не захотѣлъ переѣхать въ санаторію?

— Я сказалъ бы ему: „Другъ мой, я сдѣлалъ для васъ, что могъ. Теперь вы вольны дѣлать съ собой что хотите“.

— Это жестоко.

— Я не сталъ бы поощрять, хотя бы молчаніемъ, фантазію, мечту... самая мысль о которой возмущаетъ меня. Держать у себя въ домѣ чахоточнаго, умирающаго, который докучалъ бы тебѣ своей любовью... еще, чего добраго, смутилъ бы твою душу: слуга покорный! И если бы Фавьеръ не захотѣлъ понять, если бы я замѣтилъ, что тебя трогаетъ его любовь, я объяснился бы на-чистоту.

— То-есть? Сказалъ бы ему, что онъ безнадеженъ?

— Сказалъ бы.

Денизъ представилось блѣдное лицо Жана, измученное, постарѣвшее, залитое слезами. Въ ушахъ ея прозвучалъ его крикъ: „мнѣ жутко!“—и въ душѣ ея родилась странная потребность защитить его, хотя бы для этого пришлось пойти наперекоръ отцу.

— Тебѣ не придется проявить такую жестокость. Оставь свои тревоги. Если Жанъ и любитъ какую-нибудь женщину, то прежнюю свою подругу... ты помнишь, дядя рассказывалъ о ней. Эту... Жюльетту...

— Откуда ты знаешь? Онъ тебѣ признался?

— Иногда онъ зоветъ ее... во снѣ...

Она лгала только наполовину, но все же лгала, съ истинно женской находчивостью. И ей больно было произнести имя этой Жюльетты, которая сыграла такую грустную роль въ жизни Жана и до сихъ поръ еще являлась ему иногда въ сновидѣніяхъ.

— Да, въ такомъ случаѣ, другое дѣло,—сказалъ докторъ.— Лучше ужъ это.

Онъ снова раскурилъ погасавшую трубку. Дочь прижалась къ нему, и порой онъ чувствовалъ на своей щекѣ живой и ароматный шелкъ ея невидимыхъ кудрей.

Дениза вдругъ спросила:

— Отецъ, такъ ты дѣйствительно увѣренъ, что Жанъ Фавьеръ не можетъ выздороветь?

— Увѣренъ! Увѣренъ!.. Развѣ можно быть въ чемъ-нибудь увѣреннымъ?.. Я могу только сказать: одинъ шансъ на сто за выздоровленіе...

— Однако, онъ поправляется!

— Съ виду...

— Тссъ! не забудь, что мы сидимъ какъ разъ подъ его окномъ.

Докторъ понизилъ голосъ.

— Съ виду — да, онъ поправляется, но, повторяю тебѣ, у такихъ нервныхъ субъектовъ часто бываютъ такія кажущіяся поправки. У нихъ надо всегдѣ господствуетъ воображеніе. Какъ только онъ перестаетъ страдать, Жанъ уже воображаетъ, что онъ выздоровѣлъ — и сейчасъ же, подъ вліяніемъ улучшеннаго настроенія, ему становится на самомъ дѣлѣ лучше.

— Но вѣдь не все же здѣсь воображеніе, — возразила молодая дѣвушка, видимо плохо убѣжденная. — Вѣдь онъ же прибавляется въ вѣсѣ и кривая температуры...

— Ты посмотри на нее завтра, Низя, ты увидишь, что значитъ въ такихъ случаяхъ маленькая неосторожность... Ну да! за эти четыре мѣсяца строгій режимъ и наше моральное воздѣйствіе, самое благотворное, до извѣстной степени вернули силы Жану Фавьеру... Мы ему таки прибавили жизни. Быть можетъ, если бы онъ поучился слѣдить за собою, дисциплинировать себя, — быть можетъ, намъ бы и удалось спасти его, если бы онъ не опоздалъ пріѣхать въ Монадузъ... по крайней мѣрѣ на два года. — Припомни: какихъ только способовъ леченія онъ ни испробовалъ — пилюли, сыворотки, всякое шарлатанство! — Вѣдь это же страшно разрушаетъ организмъ. Я въ ужасѣ пришелъ, когда изслѣдовалъ его... Увы! всѣ наши заботы, всѣ ресурсы, которыми располагаетъ медицина, не могутъ возстановить легкихъ, когда они на три четверти сгнили... Не создавай себѣ иллюзій, Низя. Жизнь Жана — это факелъ, который горитъ подъ открытымъ небомъ... Пока нѣтъ вѣтра, пламя колеблется, но горитъ. Но стоитъ подуть вѣтру...

Дениза не отвѣтила. Отцу и дочери представилась одна и та же мрачная картина.

— Но если ты не ошибаешься, — наконецъ выговорила она, — если онъ долженъ умереть (голосъ ея дрогнулъ на этомъ словѣ), что же мы можемъ сдѣлать для него?

— Ничего, дитя мое, или почти ничего — то, что мы и дѣлаемъ: успокаивать физическую боль, отгонять страхи воображенія, поддерживать надежду до послѣдняго вздоха.

— Это немного.

— Что же можетъ сдѣлать большаго человѣческое провидѣніе?

— Лжетъ оно, твое „человѣческое провидѣніе“!

— Божественное провидѣніе также ошибалось.

— Тогда не стоило и мѣнять одно на другое!

Докторъ возмущился.

— Дениза! ты ли говоришь это—ты, интеллигентная женщина, ты, любящая истину! Человѣческое провидѣніе жеть лишь поневолѣ, и это временная ложь: настанетъ пора, когда люди будутъ видѣть въ смерти такую же роковую неизбежность, какъ и все прочее въ ихъ существованіи—и *только*. Идея смерти освободится отъ всѣхъ дополнительныхъ аксессуаровъ, дѣлающихъ ее омерзительною... Когда призракъ загробной жизни будетъ сданъ въ архивъ, человѣкъ смирится и охотнѣе будетъ погружаться въ ничто...

— Ты думаешь, отецъ?.. Ты думаешь, что это утѣшеніе говорить себѣ: моя смерть входитъ въ планы бытія вселенной; она—результатъ мнѣ непонятныхъ законовъ?

— Ну да, это утѣшеніе...

— По-твоему, это могло бы утѣшить Жана Фавьера?

— Его — нѣтъ... Потому мы и принуждены ггать Жану Фавьеру. Но впослѣдствіи люди научатся спокойно выслушивать правду.

— Черезъ сколько вѣковъ?

— Нѣкоторые уже научились. Ну, взять хотя бы меня, Дениза—ты думаешь, я боюсь смерти? Вся моя жизнь уходитъ на борьбу съ нею. Я сталкиваюсь съ нею ежедневно, во всѣхъ ея видахъ, и нерѣдко заставляю ее отступить... И, отстраняя ее, я въ то же время приучаюсь смотрѣть ей въ лицо безъ напраснаго страха. Когда она позоветъ меня, я не стану бунтовать... Я внесъ свою лепту въ чудесное дѣло міра. Мои дѣянія, мои мысли будутъ жить; мои усилія не пропали даромъ. Ты, дорогая моя, будешь моимъ продолженіемъ среди людей. Частицы моего „я“ будутъ жить въ орѣшникахъ на кладбищѣ, и въ землѣ, въ водѣ, въ самомъ воздухѣ этой страны, которую я такъ любилъ!..

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, и чиркнулъ спичкой. На мигъ освѣтилось мужественное лицо, съ галльскими усами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ — и снова въ темнотѣ блескъ лишь красноватый огонекъ сигары.

Кайроль продолжалъ говорить. Въ эту тихую ночь, подъ темнымъ и сверкающимъ звѣздами небомъ, ему мнилось, что онъ слышитъ трепетъ жизни вселенной, приливъ могучаго океана, въ которомъ каждая отдѣльная волна на мигъ всплываетъ на поверхность и снова падаетъ, смѣшиваясь съ другими. Онъ говорилъ о человѣчествѣ, состоящемъ изъ несчетныхъ мертвецовъ, и о живыхъ, которыми управляютъ мертвые. И дочь чувствовала, что въ душѣ у него больше, чѣмъ примиреніе: что онъ спокоенъ.

Ей вспоминались прежнія ихъ бесѣды, когда она только-что вышла изъ монастыря. И она подъ его вліяніемъ прониклась ясностью духа тѣхъ, кто уже не ищетъ и не вздыхаетъ. У нея прошла охота устремлять взоры къ непознаваемому, за предѣлы знакомаго будничнаго горизонта. Но въ этотъ вечеръ, передъ перспективой неотвратимой гибели существа, уже слишкомъ ей дорогого, ея женское сердце возмущалось и умомъ снова овладѣвала метафизическая тревога.

Ее волновали воспоминанія: въ обители урсулинокъ умерла одна монахиня, отъ рака; она мучилась жестоко, ея агонія длилась цѣлый день, но эта агонія была поэмой любви и надежды, и когда смерть наконецъ прекратила ея муки, по лицу ея разлилось выраженіе необычайнаго, блаженнаго спокойствія. Липь только смерклось, ангель смерти сорвалъ ее, какъ лилію. И сестры-монахини не плакали, а завидовали этой мучительной и блаженной кончивѣ.

— *Этой* никто не лгалъ, никто не скрывалъ отъ нея, что она должна умереть.

Правда, бываетъ, что и атеисты умираютъ необычайно мужественно, а христіане низко трусятъ, идя къ своему Богу. Но сколько умирающихъ были утѣшены остаткомъ надежды, неожиданнымъ возвратомъ вѣры въ загробную жизнь!

Денизъ вспомнилась рождественская проповѣдь. Тогда она улыбалась ея наивности. Аббатъ Барбазэнъ одной фразой резюмировалъ сложную проблему, которую напрасно силятся разрѣшить ученые и руководители народовъ:

„Человѣкъ не легко мирится съ несправедливостью и зломъ, съ тѣмъ, что у него умираютъ близкіе и что самъ онъ умираетъ, не зная, зачѣмъ... Братья мои, кто замѣнитъ вамъ Христа?“

Кайроль вдругъ спросилъ:

— Тебѣ не холодно?

— Нѣтъ... Миѣ хорошо.

Она раскрыла глаза. Надъ головой ея, на лицевомъ фасадѣ, сквозь притворенныя ставни пробивалась узенькая полоска свѣта. Въ комнатѣ Жапа, за свѣтлой полотняной шторой, горѣлъ ночникъ, не яркій, не блестящій, какъ затаенная нѣжность, неизмѣнно ровная...

Выше надвигался темный выступъ горы, а еще выше было небо, головокружительно высокое, темно-синяя бездна, усѣянная перламутровой пылью млечнаго пути и геометрически правильными фигурами созвѣздій. Среди этихъ созвѣздій были просвѣты, которые казались пустыми; но взоръ Денизы, вперяясь въ нихъ,

замѣчалъ, что и тамъ какъ бы копошились атомы созвѣздій, разсыпанныя сѣмена будущихъ солнць.

Сколько звѣздъ выпало на небѣ! И какъ близки онѣ кажутся въ такія ночи, эти огромныя планеты въ ослѣпительныхъ одеждахъ съ огненными поясами, вѣчно кружащіяся въ хороводѣ съ неизмѣннымъ ритмомъ — какъ близки онѣ кажутся жителямъ крохотной земли, вотъ такъ, сжатая на небольшомъ пространствѣ, какъ цвѣты въ саду или какъ дѣти одного народа!.. Развѣ онѣ не сестры намъ, развѣ онѣ не воодушевлены одними съ нами чувствами? И то, что зовется притяженіемъ свѣтилъ — не есть ли устремленіе и согласованіе непостижимыхъ взаимныхъ симпатій?.. Нѣкогда люди, охотившіеся на медвѣдя и зубра въ первобытныхъ лѣсахъ, на склонахъ не вполне еще погасшихъ вулкановъ, а позже — пастухи-колдуны, не даромъ вѣрили, что существуетъ таинственная связь между звѣздами и человѣческими душами. Первый астрологъ родился раньше перваго жреца: въ былое время жизнью каждаго человѣка управляла особая звѣзда... Когда же на небѣ явился Богъ, небосводъ заблесталъ любовью, какъ искрящееся море, вѣщая о славѣ Творца. Бѣлые рои освобожденныхъ душъ поднялись въ безконечность, гдѣ молитва смиреннѣйшаго изъ людей сливалась съ хоромъ планеть. Человѣкъ, мыслящее и чувствующее существо, уже не былъ одинъ во вселенной.

Но пришло иное время, когда человѣкъ измѣрилъ часть безконечности, доступную его взору, далъ названія звѣздамъ, вычислилъ съ математическою точностью колоссальныя разстоянія между ними. И нынѣ онѣ уже не сестры нашихъ душъ, а рабыни, подвластныя закону, обреченныя на разрушеніе, безчисленныя и въ то же время одинокія. Въ небѣ ужъ не чувствуется Богъ; онъ разсѣялся, какъ призракъ, и мучительный вопль человѣка падаетъ безъ отклика, безъ отвѣта въ бездну безмолвія.

Дениза чувствуетъ равнодушіе природы тамъ, гдѣ отецъ ея чуялъ умиленный трепетъ жизни. Холодъ смерти леденить ее до мозга костей. Ея глаза, отвращая взоръ отъ неба, приковываются къ узкой полоскѣ свѣта между ставнями — скромному символу человѣческой вѣжности.

XIII.

На другое утро, за завтракомъ, снова соединившимъ всѣхъ троихъ, Кайроль зорко слѣдилъ за Денизой и Жаномъ. У Жана были блѣдныя щеки, блестящіе глаза, слишкомъ порывистые

жесты, лихорадочная веселость, прерываемая долгими паузами; но это былъ его обычный видъ и настроеніе. Въ разговорѣ онъ чаще обращался къ отцу, чѣмъ къ дочери; но онъ и всегда былъ съ докторомъ особенно деликатенъ и почтителенъ. Кайроль пришелъ къ выводу, что любовь Жана, если она и существовала, была скорѣй сердечной склонностью, мимолетнымъ увлеченіемъ, чѣмъ сознательной страстью, у которой есть и надежды, и желанія, и планы.

— Сударь, — сказала Фортунада, подавая кофе, — тамъ къ вамъ пришли больные; ждутъ.

День былъ базарный; съ утра пріемная Кайроля была подна крестьянами изъ окрестныхъ деревень, пріѣхавшими на базаръ, а заодно и посовѣтоваться къ доктору.

— Иду — сказалъ Кайроль. — Вотъ ремесло! Никогда не имѣешь покоя. Давеча ночью мнѣ пришлось вправить сломалпую руку, перевязать бабу, обварившуюся кипяткомъ, и присутствовать при родахъ. И все это между двѣнадцатю ночи и пятью утра, въ трехъ деревняхъ... Хоть бы конкурентъ у меня тутъ завелся, что ли!..

Жанъ Фавьеръ улыбнулся.

— Я не прочь изучить медицину. А потомъ вы меня возьмите—не въ конкуренты, а въ помощники. Хотите?

— Эта работа не по васъ, милѣйшій другъ.

— Въ настоящее время—да. Я самъ еще слишкомъ слабъ, чтобы лечить другихъ. Но потомъ, когда я буду совѣмъ здоровъ...

— У васъ нѣтъ призванія.

— Почему вы знаете, докторъ? Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и вотъ примѣръ.

— Ба! у васъ слишкомъ много воображенія. Въ моей жизни и въ моемъ ремеслѣ вы видите только живописную, романическую сторону; но есть вѣдь и другая сторона, грубая и грязная, которая скоро оттолкнула бы васъ... Вотъ ужъ не могу себѣ представить васъ деревенскимъ докторомъ, въ толстыхъ сапогахъ и кожаной курткѣ, ночью, зимой, разъѣзжающаго по размытымъ, невозможнымъ дорогамъ, выслушивающаго заскорузныхъ отъ грязи больныхъ въ ихъ грязныхъ и смрадныхъ постеляхъ.

Голосъ доктора звучалъ сердито, ворчливо. Жанъ прикусилъ губы и не сразу отвѣтилъ. Наконецъ, сказалъ:

— Вы не принимаете меня въ-серьезъ, докторъ. Вы думаете, что я такъ-таки ужъ ни на что не гожусь. Вотъ въ чемъ дѣло.

— Какъ вы все преувеличиваете!

— Нѣтъ, нѣтъ... Дядя изобразилъ меня вамъ балованнымъ ребенкомъ... или неудачникомъ. Я самъ хорошо знаю, чего мнѣ не хватаетъ; но дайте мнѣ сначала выздоровѣть, а затѣмъ подождите нѣсколько лѣтъ—и вы увидите. Балованный ребенокъ скоро превратится въ мужчину... Я не имѣлъ въ виду обидѣть васъ, говоря, что вашъ примѣръ заставилъ меня задуматься надъ тѣмъ, чѣмъ могла бы быть моя жизнь... Позвольте сказать прямо: я восхищаюсь вами и вижу васъ счастливымъ. И мнѣ пришло въ голову, что я могъ бы, со временемъ, пойти вашимъ путемъ...

— Съ чего вы взяли, что я обидѣлся, — сказалъ Кайроль, уже раскаявшійся въ своей рѣзкости.—Я, конечно, очень тронуть... но я сомнѣваюсь, чтобы на практикѣ... Иду, иду, Фортунада. Скажи, что я сейчасъ иду.

Онъ отворилъ дверь въ сосѣдную комнату.

— Здорово, братцы!.. Ну, что? какъ дѣла? Надѣюсь, ничего серьезнаго?.. Сейчасъ увидимъ.

Нѣсколько тягучихъ, гнусавыхъ голосовъ хоромъ привѣтствовали Кайроля.

— Будьте здоровы, господинъ докторъ.

На скамьѣ въ передней сидѣло человѣкъ шесть крестьянъ, съ корзинами между ногъ и съ палками въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ, съ грязными окровавленными перевязками на головѣ и въ мѣховой шапкѣ, всталъ первый и пошелъ за докторомъ. Остальные немного раздвинулись; одинъ старичокъ пересѣлъ на конецъ скамьи. Лицо у него было какъ-будто деревянное, раскрашенное, какъ у деревенскихъ святыхъ; борода, больше похожая на мохъ, начиналась подъ бритымъ подбородкомъ и доходила до золотыхъ колецъ въ ушахъ.

Фортунада, убиравшая со стола, проходя мимо, сказала ему:

— Однако, вы не стѣсняйтесь, дядюшка Гаргалу. Вы что думаете—дерево на скамейкѣ отрастетъ заново, что ли?

Старикъ какъ будто не разслышалъ. Онъ держалъ въ опущенной рукѣ полуоткрытый ножъ и что-то такое украдкой строгалъ, стараясь дѣлать это незамѣтно.

Дверь затворилась.

— Курьезная вещь, — сказала Дениза. — Гаргалу всякій разъ, какъ онъ придетъ къ моему отцу, непременно отстругнетъ уголокъ отъ скамейки, или отвинтитъ шишечку отъ кресла, или отрѣжетъ кусочекъ бахромы отъ занавѣски. Онъ увѣренъ, что вся наша мебель „заговоренная“ и что въ ней тоже есть цѣлебная сила.

Жанъ не отѣвиль. Онъ сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ садъ, гдѣ старуха Франсуетта наливала воду въ лохани, приготовляясь къ стиркѣ.

Дениза поняла, что слова доктора задѣли его за живое.

„Отець ревнуетъ“ — подумала она, и сердце ея сжалось...

Она, всегда преклонявшаяся передъ отцомъ и всецѣло довѣрявшая ему, осмѣливалась теперь, хотя и робко, порицать его. Она находила, что докторъ слишкомъ подозрителенъ, немного несправедливъ и очень жестокъ. Медленно она подошла къ Жану Фавьеру, стала за спинкой его кресла и шепнула:

— Ну, полно!.. Не сердитесь... Отець не хотѣлъ васъ огорчить. Онъ раздражителенъ, и это для меня въ немъ ново... Но онъ такъ любить васъ.

Въ передней застучали деревянные сабо; дважды хлопнула, отворяясь и затворяясь, входная дверь, и голосъ Кайроля крикнулъ:

— Теперь вы пожалуйте, Леовассу.

Жанъ приподнял уголокъ занавѣски. Открылся садъ, весь залитый солнцемъ, съ розовыми кустами, у которыхъ вѣтки были совсѣмъ красныя, съ сиренью, уже выпустившей тысячи мелкихъ коготковъ-листочковъ, съ капустными грядками, на которыхъ уже зеленѣла разсада, съ бесѣдкой, обвитой виноградомъ, скрученнымъ, чернымъ и какъ будто мертвымъ. Фортуада и Франсуетта, подобравъ юбки, такъ что видны были грубые синіе чулки, таскали ведрами воду. Голубь камнемъ палъ на землю возлѣ самаго дома. Лапки у него были пурпуровыя, какъ бутонъ розъ, а спина переливалась всѣми цвѣтами, какъ мокрая черепица, когда солнышко свѣтитъ сквозь дождикъ.

Жанъ опустил занавѣску. Столовая вся была полна бѣлымъ свѣтомъ, какой-то размѣренной, теплой тишиной; часы тикали мѣрно, какъ здоровое, спокойное сердце. Кисея занавѣски прильнула къ стеклу, совершенно изолировавъ Денизу и Жана. Молодой человекъ закинулъ голову назадъ и поднялъ обѣ руки; онѣ встрѣтились съ руками Денизы, лежавшими на спинкѣ кресла, и поднятые кверху глаза Жана встрѣтились съ глазами Денизы, которая говорила и вдругъ смолкла...

Они смотрѣли другъ на друга: онъ — взоромъ, полнымъ обожанія, она — взоромъ, полнымъ мольбы... Ея глаза были какъ вечернее небо, зеленовато-сѣрое, грустное и вѣжное. Щеки ея были блѣдны; вся кровь отхлынула къ сердцу. Губы были крѣпко сжаты, словно скованныя печатью тайны. Волосы будто свѣтымъ вѣнчикомъ обрамляли лобъ.

Она смотрѣла на Жана, готовая склониться надъ нимъ съ цѣломудренной лаской. Смотрѣла на прозрачныя виски съ сѣтью голубенькихъ жилокъ, на благородныя очертанія лба, тонкія брови и уже рѣдѣющіе шелковистые волосы, на чистыя линіи носа съ будто восковыми ноздрями, на усталыя измятыя вѣки и темные круги подъ глазами, въ глаза, черные, томные и тоскующіе, какъ у животнаго. И ей казалось, что она читаетъ въ нихъ вопросъ и укоръ. Она видѣла, сколько опустошеній уже произвела болѣзнь на этомъ юношескомъ лицѣ: впалость щекъ, выдавшіяся скулы, поблекшую кожу, запекшіяся губы, къ которымъ никогда уже не прильнуть съ поцѣлуемъ женскія уста. Вѣрная добыча смерти, глина, которая скоро утратитъ человѣческій обликъ, тлѣніе и прахъ, который скоро опустятъ въ могилу!.. Но вѣдь пока это былъ еще живой человѣкъ, это былъ Жанъ, съ его мыслями, желаніями, съ его любовью... И глаза Жана смотрѣли на нее, загораясь радостью и восторгомъ, начиная сіять, какъ солнце изъ-за тучъ, все ярче и ярче. Горячая, сладостная ласка этихъ глазъ грѣла лицо Денизы, слѣпила ей очи, проникала въ самую душу...

За дверью слышались голоса, шаги. Голубъ тяжело поднялся съ земли и загребалъ крыльями въ воздухъ, прежде чѣмъ взвиться и парить... Ни одного слова. Ни одного жеста. А между тѣмъ все было сказано.

Взглядъ Жана говорилъ: „Вѣдь это тебя я люблю... ты же знаешь“. И взглядъ Денизы отвѣчалъ: „Я знаю“.

Ничего больше. Жанъ отъ избытка счастья закрылъ глаза. Дениза отвела руки и вышла, вся дрожа, какъ будто она совершила преступленіе.

Перев. съ франц. З. ЖУРАВСКАЯ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ТАЙНА

ФРЕДЕРИКА МАРСИНЕЛЯ

РАЗСКАЗЪ ЖЮЛЯ ДЕТРЕ.

I.

Очевидно у Фредерика Марсинеля была тайна. Вся его жизнь измѣнилась и никто не могъ бы указать причины этой перемѣны. Никто, даже его старый другъ, предсѣдатель суда Луврье, съ которымъ Фредерикъ Марсинель такъ часто, послѣ засѣданій, велъ откровенныя бесѣды...

Марсинель былъ однимъ изъ старѣйшихъ жандармовъ страны. Поступивъ на службу двадцати пяти лѣтъ отъ роду, онъ терпѣливо, послушно обучался своему трудному дѣлу и выдержалъ всѣ установленныя испытанія. Черезъ четыре года онъ получилъ нашивку, черезъ восемь лѣтъ—двѣ, послѣ десяти лѣтъ службы—орденъ. Онъ былъ назначенъ кандидатомъ въ бригадиры, затѣмъ бригадиромъ. Онъ показывалъ свою форму и свою мощную осанку въ различныхъ округахъ страны.

Сынъ Арденскаго земледѣльца, посланный очень рано въ городскую школу, онъ сохранилъ, изучая чтеніе и письмо, страстное влеченіе къ лѣсамъ и къ животнымъ. Вся обстановка, гдѣ протекло его дѣтство—холмы, покрытые чудеснымъ лѣсомъ, океанъ волнующейся зелени, ширь и уединеніе, тишина подъ тѣнью могучихъ дубовъ, таинственная жизнь, скрывающаяся подъ ихъ вѣтвями, дороги, идущія, точно сѣрыя ленты, отъ одной деревни, отъ одной фермы къ другой,—часто занимали его мысли.

Лѣтомъ въ казармѣ встаютъ въ пять часовъ. Когда Марсинель, вмѣстѣ съ товарищемъ, пускался въ путь, лошади шли шагомъ среди утренней свѣжести. Они проѣзжали по еще спавшимъ деревнямъ. Птицы щебетали въ кустахъ. Лѣсъ былъ наполненъ нѣжнымъ ароматомъ земли и зелени. Лошади, казалось, какъ и ихъ всадники, принимали участіе въ этой окружающей радости. По замедленію шага, по едва уловимымъ движеніямъ можно было понять, что онѣ узнавали мѣста, гдѣ останавливались всадники, чтобы освѣжиться. Марсинель по отношенію ко всѣмъ смутнымъ порывамъ своей лошади обнаруживалъ удивительное пониманіе и предупредительность. Онъ любилъ животное, угадывалъ предметъ его неясныхъ заботъ и радовался, когда могъ доставить ему удовольствіе. Большими горестями профессиональной жизни Марсинеля были болѣзни и смерть лошадей, которыхъ онъ воспитывалъ, училъ спокойствію, сохраняемому этими благородными животными въ толпѣ.

Когда Марсинель былъ посланъ въ городъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе нашего разказа, онъ встрѣтилъ тамъ судью Луврье. Случайный разговоръ открылъ ему, что они происходятъ изъ довольно близкихъ одна отъ другой арденскихъ деревень и связаны любовью къ природѣ и чувствомъ уваженія къ власти. Это сблизило ихъ сразу, и когда дѣловыя отношенія позволили судѣ опѣнить драгоценныя качества жандарма, его благоволеніе получило оттънокъ уваженія и обратилось незамѣтно въ настоящую дружбу. Марсинель мало-по-малу занялъ привилегированное положеніе. Его начальники, сперва по оффиціальной просьбѣ прокурора или судебного слѣдователя, затѣмъ безъ специальной рекомендаціи давали ему щекотливыя порученія, оставляли за нимъ все, что могло приблизить его къ магистратурѣ. Постоянно находясь въ общеніи съ жизнью суда, Марсинель сдѣлался, казалось, необходимымъ для нормальнаго теченія дѣлъ: онъ внушалъ страхъ молодымъ адвокатамъ, снисходительно давалъ совѣты молодымъ чиновникамъ, находившимся въ затрудненіи. Всѣ знали, что ему обезпечено высокое покровительство предсѣдателя Луврье.

Насколько жандармъ былъ необыкновененъ, настолько судья былъ баналенъ. Въ Луврье профессиональныя навыки мало-помалу заглушили нормальную человѣчность. У него были честныя намѣренія, но его разумъ былъ ограниченъ и парализованъ совокупностью готовыхъ идей, правильность которыхъ онъ не хотѣлъ провѣрить. Въ обыденной жизни онъ выказывалъ доброе сердце; но онъ считалъ бы, что измѣнилъ полномочію, дарованному ему властью, еслибы допустилъ въ судебной дѣя-

тельности малѣйшее послабленіе. Онъ съ какимъ-то религіознымъ чувствомъ относился къ закону, и когда изъ фактовъ ему удавалось извлечь рѣшеніе, хотя бы и очевидно противное справедливости, но согласное, какъ ему казалось, съ текстомъ закона и авторитетными толкованіями, онъ не колеблясь останавливался на немъ. Когда онъ удовлетворялъ явно недобросовѣстное требованіе, онъ не чувствовалъ ни заботы, ни угрызеній совѣсти; онъ даже не подозрѣвалъ, что узаконяетъ несправедливость. Невинность привлеченнаго къ суду казалась ему чѣмъ-то неправдоподобнымъ; свидѣтели обвиненія являлись для него непогрѣшными, свидѣтели защиты — подозрительными и сговорившимися между собою; агенты власти не могли, по его мнѣнію, ни ошибаться, ни лгать. Онъ не могъ допустить, чтобы полицейскій комиссаръ неточно передалъ сдѣланное ему заявленіе. Никогда онъ не осмѣлился бы оправдать, когда фактъ былъ установленъ. Привыкнувъ къ рабскому исполненію закона, онъ не допускалъ, чтобы установленная кара могла быть смягчена. Всякое нововведеніе казалось ему пагубнымъ. Онъ былъ глубоко честенъ и безпристрастенъ, никто цѣною золота не могъ бы купить его совѣсть; но достаточно было быть съ нимъ однихъ политическихъ убѣжденій, чтобы пользоваться его симпатіей. Онъ допускалъ умѣренную оппозицію правительству, но тѣхъ, кто мечталъ о лучшемъ устройствѣ общества и говорили о радикальныхъ реформахъ, онъ считалъ опасными людьми и по отношенію къ нимъ находилъ законными самыя суровыя мѣры.

Въ его расположеніи къ Марсинелю чувствовалась не только личная симпатія, но и любовь къ жандарму, поскольку онъ является живымъ и блестящимъ символомъ существующаго порядка. Ему не нравилось только, что Марсинель былъ очень мало религіозенъ. Онъ тщетно пытался указать ему дорогу въ церковь и объяснить ему преимущества благочестія; въ отвѣтъ на эти указанія онъ всегда встрѣчалъ вѣжливыя, но рѣшительныя отказы.

Но вдругъ онъ узналъ, что Фредерика Марсинеля видѣли въ церкви. Чтò это означало? Къ тому же онъ сталъ замѣчать, что Фредерикъ уклоняется отъ бесѣды съ нимъ, точно спѣшить уйти, мучимый какой-то скрываемою мыслью. Въ нѣсколькихъ дѣлахъ, разбиравшихся за послѣднее время, жандармъ выказалъ свисходительность, граничившую съ слабостью, поколебался подтвердить оскорбленія, занесенныя въ протоколъ. Чтò происходило въ его душѣ?

Судья подумалъ, что Марсинель боленъ. Онъ общалъ себѣ

разъяснить этотъ вопросъ при первой же встрѣчѣ. Но когда онъ увидѣлъ прямую и гордую осанку жандарма, столь мужественнаго несмотря на годы, онъ долженъ былъ признать, что никогда его другъ не былъ такимъ здоровымъ. Однако, лицо жандарма было непривычно серьезнымъ. Нѣсколько вопросовъ, которые предложилъ ему судья, были обойдены съ большою вѣжливостью. Рѣшительно, у Марсинеля была тайна...

Въ судѣ разнесся слухъ о предстоящей отставкѣ Марсинеля. Предсѣдатель пересталъ понимать что-либо. Однажды, послѣ длиннаго засѣданія, протянувагося за полдень, онъ сдѣлалъ знакъ Фредерикку, что хочетъ поговорить съ нимъ. Наскоро снявъ, среди тишины опустѣвшаго суда, свою мантию и собравъ бумаги, Луврье спустился по лѣстницѣ и подошелъ къ жандарму, который ждалъ его.

Они шли нѣкоторое время молча. Былъ сѣрый осенній день; казалось, печаль витала надъ городомъ. Предсѣдатель не зналъ, какъ начать бесѣду; онъ остановился наконецъ на одномъ способѣ, который показался ему шутивнымъ.

— Ну-съ, Фредерикъ, что это значитъ? Говорятъ, ты становишься святошей?

— Ахъ! господинъ предсѣдатель—отвѣчала смущенный Марсинель,—и вы... вы говорите мнѣ это?

— Извини меня, мой другъ; я хотѣлъ пошутить. Я вижу, что это неумѣстно. Но объяснишь ли ты мнѣ происшедшую въ тебѣ перемѣну? И правда ли, что ты выходишь въ отставку? Это причинило бы мнѣ большое горе.

— Правда, господинъ Луврье. Правда, что я теперь сталъ вѣрующимъ. Правда также, что я хочу скоро васъ покинуть.

— Но почему? Что случилось, Фредерикъ?

— Я долженъ былъ бы раньше сказать вамъ объ этомъ, господинъ предсѣдатель. Но дружба, которую вы всегда высказывали мнѣ, помѣшала мнѣ сдѣлать это. Я такъ боялся оскорбить, разсердить васъ. Къ тому же я опасался, что не смогу дать вамъ понять происшедшее въ моей душѣ. Но если вы такъ добры, что спрашиваете меня, то я хочу вамъ отвѣтить. Я не могу порвать связь между нашими сердцами, созданную воспоминаніями столькихъ лѣтъ, не показавъ вамъ моей души. Я не ожидаю, чтобы вы согласились со мной. Но надо, чтобы вы все знали: можетъ быть, это единственная услуга, которую еще можетъ оказать вамъ моя преданность, хотя и съ рискомъ вамъ не угодить... Идите за мной!

Слова жандарма показались предсѣдателю загадочными и

немного дерзкими, но онъ позволилъ вести себя по улицамъ, ничего не спрашивая. Сѣрый туманъ спускался на землю; прохожіе имѣли видъ призраковъ. Луврье и Марсинель остановились въ бѣдномъ кварталѣ, передъ грязнымъ домомъ, стѣны котораго были изъѣдены плѣсенью, а запачканныя окна, безъ шторъ и занавѣсокъ, напоминали выколотые глаза. Безчисленная куча дѣтей толпилась, играла, ссорилась, кричала на тротуарѣ, въ коридорахъ и на лѣстницахъ. Марсинель вошелъ, со словами:

— Это здѣсь наверху.

Отвратительный запахъ нищеты заставилъ предсѣдателя остановиться на одну минуту; но онъ послѣдовалъ за своимъ товарищемъ.

Въ пятомъ этажѣ они постучались. Не послѣдовало никакого отвѣта. Марсинель отворилъ дверь, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ темпотѣ и прошепталъ:

— Еще хуже, чѣмъ я ожидалъ.

Прошло нѣкоторое время, прежде чѣмъ Луврье отдалъ себѣ отчетъ въ томъ зрѣлищѣ, на которое его пригласили.

Комната была освѣщена слуховымъ окномъ, пробитымъ въ крышѣ; одно разбитое стекло было замѣнено старой газетой. Въ зараженномъ воздухѣ чувствовался запахъ отъ испражнений, алкоголя, гніенія...

Никакой мебели: два соломенныхъ матраца, брошенные въ углу, разорванные мѣстами; разбитая посуда... Посреди комнаты лежали женщина въ обморокѣ, у которой лобъ былъ въ крови, и мужчина, мертвецки пьяный, потрясаемый судорожной икотой. Взоры, въ концѣ-концовъ, замѣчали прижавшихся въ углу двухъ дѣтей, истощенныхъ и оборванныхъ, смотрѣвшихъ безмолвно, съ ужасомъ, на своихъ распростертыхъ родителей и на двухъ вошедшихъ. Когда они узнали жандарма, они ухватились за его мундиръ съ мольбой и рыданіями. Мать послала ихъ нищенствовать и побила ихъ, потому что они не принесли достаточно денегъ, а отецъ какъ разъ въ это время вернулся злой и избилъ жену. Сосѣди подтвердили этотъ рассказъ, прибавляя, что такія сцены случались очень часто и оставались безъ вниманія. Мужъ былъ лѣнтяй, не имѣлъ опредѣленныхъ занятій, пропивалъ все, что могъ заработать. Жена съ нѣкотораго времени тоже искала въ можжевеловой водкѣ утѣшенія въ своемъ горѣ. Дѣти, покинутыя, измученныя, бѣгали по улицамъ. Семья существовала скудною поддержкой благотворительныхъ обществъ.

Комнату освѣжили; пьяница былъ положенъ на одинъ изъ соломенныхъ матрацовъ; раненой была оказана необходимая по-

мощь. Судья и жандармъ спустились по отвратительной лѣстницѣ, оба глубоко потрясенные и погруженные въ разнородныя мысли.

Предсѣдатель первый прервалъ безмолвіе.

— Фредерикъ, нужно будетъ составить протоколъ. Драка, пьянство, подстрекательство къ нищенству—все это мы должны преслѣдовать и строго наказывать.

— Наказывать? Опять! — съ горечью сказалъ жандармъ. — Всегда наказывать! Безконечно углублять рану! Нѣтъ, господинъ предсѣдатель. Не надо наказывать, повѣрьте мнѣ. Если я васъ привелъ сюда, то лишь для того, чтобы доказать вамъ на живомъ примѣрѣ, что вы и я, мы уже достаточно наказывали. То, что вы видѣли, это мое дѣло... и ваше!

— Что? Ты съ ума сходишь, мой друг!

— Я такъ и думалъ, что вы скажете это, господинъ предсѣдатель; часто люди считаютъ безумными тѣхъ, кто идетъ въ разрѣзъ съ ихъ мыслями. Но позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ объяснить вамъ мое безуміе. Помните ли вы дѣло Кинэ?

— Кинэ? Нѣтъ, нисколько!

— Я могъ бы поклясться въ этомъ. Я тоже не вспоминалъ бы о немъ, разумѣется, еслибы случай не столкнулъ меня съ этимъ приговореннымъ. Подумать только,—прибавилъ онъ съ выраженіемъ безконечнаго отчаянія,—что вы и я, мы говоримъ въ нашихъ протоколахъ, можетъ быть, о сотняхъ такихъ Кинэ, имена которыхъ мы даже не помнимъ... Этотъ Кинэ былъ рабочимъ въ окрестностяхъ города. Ни хорошій, ни дурной, похожій на всѣхъ. Можно было упрекнуть его въ нѣкоторой слабости къ вину. Женившись, онъ жилъ то хорошо, то дурно, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Однажды, въ прошломъ году, онъ, выпивъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, возвращался домой въ сопровожденіи своего брата. Оба они шатались, распѣвая; Кинэ держалъ открытымъ зонтикъ. Въ это время я попался ему на встрѣчу. Молодой жандармъ Серве былъ со мною. Мы видѣли, какъ они проходили. Когда они прошли около пятидесяти метровъ, Серве спросилъ меня, не надо ли составить протоколъ. Онъ принялъ мое молчаніе за согласіе, соскочилъ съ лошади, побѣждалъ за пьяницами и, схвативъ Кинэ за воротъ, спросилъ его имя. Тотъ, удивленный, разсердился, старался избавиться отъ него, чуть не упалъ, ухватилъ Серве за эксельбанты и оборвалъ ихъ; затѣмъ, защищаясь, пытался ударить его своимъ зонтикомъ. Потомъ они упали, схватившись. Оба были окровавлены. Вы знаете Серве: онъ отличается силою Геркулеса, онъ молодъ и запальчивъ, и, часто получая похвалу за свою силу, никогда не

отдѣлеть въ своемъ рвеніи энергію отъ грубости. Кинэ провела тяжелую четверть часа. Связанный, онъ былъ отведенъ подъ арестъ. Что касается меня, я только поддерживалъ собрата. Протоколъ былъ составленъ: Кинэ обвинялся въ пьянствѣ, оскорбленіи, сопротивленіи и т. д. Дѣло приняло серьезный характеръ, когда узнали, что Кинэ долженъ былъ по болѣзни оставаться десять дней въ постели. Нѣкоторые изъ многочисленныхъ свидѣтелей, привлеченныхъ этой сценой, утверждали, что Серве ударилъ его саблей по головѣ. Въ дуплѣ я находилъ образъ дѣйствій моего коллеги неумѣстнымъ и некорректнымъ, но защищалъ его настойчиво. Пожалуй, мы преувеличили пьянство, буйство, сопротивленіе. Вы предсѣдательствовали въ томъ засѣданіи, господинъ Луврье. Вы были на нашей сторонѣ и угрожали свидѣтелямъ защиты тюрьмой. Прокуроръ выступилъ съ красивыми фразами объ уваженіи, съ какимъ нужно относиться къ установленному порядку. Вы приговорили Кинэ къ заключенію въ тюрьму на пять мѣсяцевъ, въ видѣ урока для другихъ. Совѣсть ваша была спокойна, вы больше о немъ не думали. Ну-съ, теперь вы его снова увидѣли...

— Что же это доказываетъ, Фредерикъ? Что это дурной, неисправимый субъектъ и что его снова надо осудить!

— Я опасаюсь, что не сумѣю васъ убѣдить, господинъ предсѣдатель. Послѣ того, какъ мы столько времени были одного мнѣнія, теперь мы смотримъ по-разному. По-моему, все только что видѣнное нами доказываетъ съ ослѣпительной очевидностью, что было бы лучше вовсе не осуждать! Нѣтъ, не прерывайте меня и дайте досказать до конца. Кинэ, убѣдившись въ бесполезности борьбы противъ жандармовъ, не подавалъ апелляціи. Его просьба о помилованіи была отклонена. Онъ просидѣлъ весь срокъ въ тюрьмѣ. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, зараженный бездѣльемъ, отвыкшій отъ своего ремесла, испорченный, онъ искалъ работы, но находилъ ее только временами. Онъ началъ пить. Жена пыталась, насколько могла, воспитывать дѣтей. Эти четверо несчастныхъ, изъ которыхъ трое, по крайней мѣрѣ, были невняными, постепенно спускались по ступенямъ нищеты. Я, конечно, не зналъ о плачевномъ результатѣ осужденія Кинэ. Но однажды его жена, нещадно избитая, явилась въ казармы просить помощи. Первое мое впечатлѣніе было, какъ и ваше, что Кинэ надо снова осудить. Но что случилось бы тогда съ женой и съ дѣтьми? Эти слабыя созданія, которыхъ тянулъ за собой Кинэ и которыя силою вещей должны были страдать изъ-за провинностей, имъ совершенно чуждыхъ, заставили меня по-

колебаться, затѣмъ размышлять. И однажды вечеромъ, когда я объ этомъ думалъ, я неожиданно взглянулъ совсѣмъ иначе на мою роль во всѣхъ этихъ несчастьяхъ. Ахъ! еслибъ я не обратилъ вниманія на безобиднаго пьяницу! Еслибъ я удержалъ злобу Серве! Еслибъ я передъ судомъ изложилъ факты съ меньшею примѣсю сословнаго духа, съ большею снисходительностью, съ большею правдивостью — да, съ большею правдивостью! Рабочій былъ бы и теперь въ мастерской, а жена у домашняго очага, воспитывая съ любовью своихъ крошекъ! Это умозаключеніе было глубокимъ, неожиданнымъ, точно внезапно разорвали покрывало, застилавшее мнѣ глаза. Я удивлялся, что такъ долго могъ не видѣть очевиднаго. Я знаю, что возмущаю васъ, господинъ предсѣдатель, но это мнѣ кажется столь яснымъ, свѣтлымъ, вѣрнымъ, что я счелъ бы свой долгъ неисполненнымъ, еслибы ради васъ я скрылъ свои убѣжденія... Нельзя распутать сразу сплетеніе ложныхъ понятій, на которыхъ держалось все существованіе. Я началъ сомнѣваться: произвелъ небольшіе опросы, открылъ цѣлую серію мелкихъ фактовъ, которые вамъ, можетъ быть, покажутся незначительными, но которые подтверждаютъ мое мнѣніе: я былъ причиною несчастья такихъ людей, какъ Кинэ...

— Какое преувеличеніе, Марсинель! Этотъ человекъ былъ алкоголикъ и долженъ былъ такъ кончить. Ты исполнилъ свой долгъ. Тебѣ не въ чемъ упрекать себя. Еслибъ Кинэ не встрѣтилъ тебя, онъ нашелъ бы какой-нибудь другой случай для паденія, причина котораго лежала въ его дурной природѣ.

— Это очень возможно, господинъ предсѣдатель. Я и не считаю себя одного виновнымъ въ томъ, что произошло. Но подобно тому, какъ слабое перемѣщеніе стрѣлки достаточно для того, чтобы послать поѣзда въ разныя направленія, такъ и человеческая жизнь можетъ быть предопредѣлена сравнительно ничтожнымъ событіемъ. Судьба Кинэ была именно такою. Она могла казаться счастливой и простой, пока онъ шелъ по торному пути; но ему пришлось споткнуться о камень — и именно я оказался тѣмъ камнемъ, который вызвалъ его паденіе. Это мучило меня больше, чѣмъ я могу сказать, господинъ предсѣдатель. Тогда-то я сблизился съ церковью. У насъ у всѣхъ есть свое внутреннее „я“, съ которымъ надо жить въ мирѣ. Часто оно засыпаетъ, убаюканное воспитаніемъ, привычками, условностями. Но когда оно заговорить, нельзя его не слышать. Моя совѣсть спросила меня, единиченъ ли случай съ Кинэ — и я долженъ былъ отвѣтить, что во многихъ другихъ случаяхъ наказаніе было недѣйствительно, даже поводъ къ нему сомнителен...

— Поестой, Марсинель! — заворчалъ разсерженный председа-
тель. — Это уже слишкомъ! Я черезчуръ добръ, что слушаю весь
этотъ вздоръ. Какую дурную революціонную книгу ты прочелъ,
что у тебя въ головѣ такія нелѣпныя мысли?

— Евангеліе, господишъ председатель. Въ немъ всё вѣчныя
истины, сверкающія простотой. Но у людей недостаточно хо-
рошо зрѣніе, чтобы читать ихъ. Тамъ я прочелъ: „Не судите!“ —
и божественныя слова, казалось, учили меня, устраяя всякую
двусмысленность, тому, что я вывелъ изъ моихъ размышленій и
мучительныхъ сомнѣній. Вы знаете этотъ текстъ, господишъ
председатель?

— Разумѣется, но ты смѣшно преувеличиваешь его смыслъ,
мой бѣдный другъ, — сказалъ смягчившійся чиновникъ, по-своему
искренне благочестивый. Полная уваженія серьезность, съ ко-
торой Марсинель говорилъ о святой книгѣ, тронула его. — Спа-
ситель никогда не говорилъ, что не надо судить преступниковъ.

— „Не судите“, однако, очень ясно сказано, господишъ
председатель. Зачѣмъ ограничивать свѣтъ, исходящій изъ столь
точныхъ и простыхъ словъ? Зачѣмъ толковать, урѣзывать, умень-
шать всёми нашими мелкими человѣческими комментаріями страш-
ныя и повелительныя слова? Вы думаете, что я ошибаюсь; но
Евангеліе цѣликомъ является выраженіемъ этого только боже-
ственного суда. И еслибъ это не было сказано прямо, развѣ
всѣ эпизоды Страстей не взывали бы къ нашему разуму? Что
такое это большое распятіе, которое помѣщено посредишъ церкви
и къ которому поднимаются дымъ кадиль и молитвы вѣрую-
щихъ, если не торжественный апоѳеозъ юридической ошибки?
Зачѣмъ оно находится въ вашемъ судѣ, если не для того, чтобы
напоминать вамъ о неосновательности человѣческихъ осужденій?
Почему Богъ захотѣлъ, чтобы первый праведникъ былъ осу-
жденъ? Нашъ Спаситель былъ подсудимымъ, какъ и тѣ, кото-
рыхъ вы судите каждый день; Онъ былъ преслѣдуемъ и аресто-
ванъ такими же жандармами, какъ и я, Онъ былъ осужденъ и
наказанъ такими же судьями, какъ вы. Еслибы я Его привелъ
къ вамъ завтра, вы упрекнули бы Его за общеніе съ людьми низ-
шаго класса и дурного поведенія, за Его мятежныя рѣчи, за Его
гнѣвные нападки на обязательную силу законовъ. Вы Его не
узнали бы, какъ не видѣли Его во всѣхъ тѣхъ, кого я вамъ
приводилъ. Между тѣмъ Онъ находился въ нихъ, какъ и во вся-
комъ человѣкѣ...

Наступила пауза. Послѣдній лучъ заходящаго солнца освѣ-
щаль разрисованныя окна часовни; кровавыя красныя полосы

сверкали, блестяло золото. Фредерикъ Марсинель снова заговорилъ:

— Если недостаточно Евангелія и Страстей, подумайте о жизни святыхъ. Вотъ одинъ, добродѣтели котораго прославляетъ это старинное изображеніе на стеклѣ, озаренное лучами заходящаго солнца: современные ему судьи осудили его! И много другихъ, другихъ безъ конца, осужденныхъ правосудіемъ ихъ времени! Вѣщее слово, съ тѣхъ поръ, какъ я его понялъ, кажется мнѣ написаннымъ повсюду, и я слышу, какъ камни святыхъ мѣстъ говорятъ мнѣ: не судите!

— Марсинель, это безуміе. Никогда церковь не учила подобнымъ заблужденіямъ.

— Вы мнѣ это уже говорили, господинъ предсѣдатель. Позвольте мнѣ повторить вамъ почтительно, что я не придерживаюсь вашего мнѣнія. Религія научила меня тому, что значеніе каждаго акта заключается прежде всего въ его конечной цѣли. Нѣтъ абсолютной морали; то, что является долгомъ для одного, можетъ быть паденіемъ для другого. Каждый человѣкъ можетъ дѣйствовать только по своему толкованію добраго и злого, и сообразно этому толкованію онъ долженъ быть судимъ. Это—состояніе души, въ которомъ другіе не могутъ разобраться. Чтобы справедливо оцѣнить поступокъ человѣка, надо было бы поставить себя вполне въ тѣ же условія, быть освѣщеннымъ тѣмъ же умственнымъ или духовнымъ свѣтомъ, какъ и онъ. Очевидно—это невозможно, и поэтому безумны наши претензіи судить другихъ. Есть только одинъ судья, господинъ предсѣдатель: тотъ, который съ милосердіемъ смотритъ въ глубину сердце и совѣсти, т.-е. Богъ. Только Богъ можетъ судить, только Богъ можетъ наказывать, и когда мы присвоиваемъ себѣ столь высокія прерогативы, наша ребяческая гордость заставляетъ насъ попадать въ сѣти демона!

— Слѣдовательно, у меня помощникомъ дьяволь, по-твоему?

— Вамъ можетъ показаться очень смѣшнымъ то, что я вамъ говорю. Къ тому же я не прошу васъ вѣрить мнѣ на слово; провѣрьте все это сами. Да, я думаю, что злой духъ сильно радуется всему дурному, что вы дѣлаете съ самыми лучшими памфреніями!

— Будемъ говорить серьезно, Фредерикъ. Ты хотѣлъ бы уничтожить суды? Но это цементъ, который скрѣпляетъ все социальное зданіе; безъ него—полное паденіе, уничтоженіе всякаго авторитета, анархія.

— Господинъ предсѣдатель, я допускаю, что общество, какъ

всякое живое существо, имѣть право защищать свое существованіе, что оно можетъ и должно съ этой цѣлью принимать необходимыя мѣры предосторожности. Если оно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы всякій вредъ былъ исправленъ, чтобы воздавали Кесарю Кесарево, чтобы для этого существовали суды—это вполнѣ, я думаю, сообразно съ божественными указаніями; но пусть оно не судитъ и не наказываетъ людей! Если власть дѣйствительно полезна и благотворна, она будетъ уважаема въ силу своихъ достоинствъ; если же, напротивъ, она притѣснительна и вредна, лучше пусть она совсѣмъ не уважается. Я не вѣрю въ абсолютную анархію. Мнѣ кажется, что мы ходимъ въ жизни сопровождаемые призраками всего того, что мы сдѣлали, сказали или подумали — и иногда одинъ изъ нихъ вдругъ хватаетъ васъ за горло. Болѣе или менѣе скоро, болѣе или менѣе явно, но все получаетъ оплату. Вотъ почему я вовсе не убѣжденъ, что неудобства, которыя явились бы слѣдствіемъ уничтоженія всякаго репрессивнаго правосудія, были бы больше неудобствъ, свойственныхъ современной администраціи. Если моя точка зрѣнія кажется вамъ слишкомъ радикальной, согласитесь, по крайней мѣрѣ, что система карательныхъ мѣръ должна была бы быть совсѣмъ иной. Поменьше жестокости и грубости въ социальномъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи идея, которая вдохновила законъ объ условномъ осужденіи, кажется мнѣ геніальной: она указываетъ на возможность спасительной эволюціи...

— Фредерикъ, по вѣдь тогда число преступленій страшно увеличится; добрые граждане не будутъ больше въ безопасности...

— Меня увѣрили, господинъ предсѣдатель, что судьи, подобные вамъ, говорили то же самое, когда уничтожали пытку, отмѣняли смертную казнь, словомъ — каждый разъ, какъ прогрессъ правовъ смягчалъ правосудіе. Эти предсказанія вовсе, къ счастью, не оправдались.

— Если ты дѣйствительно думаешь такъ, Марсинель, какъ же ты могъ работать съ свойственнымъ тебѣ рвеніемъ, умомъ, точностью, во имя репрессивной справедливости?

— Но вѣдь я и ухожу, господинъ предсѣдатель. Теперь вы знаете мотивы моего ухода. Его будутъ приписывать, разумѣется, такимъ мотивамъ, о которыхъ я и не думалъ... Истинная его причина состоитъ въ томъ, что я задыхаюсь въ вашемъ судѣ. Я тамъ долго чувствовалъ себя счастливымъ; теперь мнѣ тамъ не по себѣ. Точка зрѣнія, съ которой я смотрѣлъ на вещи, измѣнилась; какой-то свѣтъ проникъ въ мою душу. Я чувствую себя привязаннымъ къ дѣлу если не дурному, то сомнительному.

Все, что я вижу, все, что меня окружает, удивляет и огорчает меня. Сегодня утром я былъ въ засѣданіи. Я слышалъ, какъ вы приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы человѣка, который, встрѣтивъ несчастную женщину, недостойно брошенную мужемъ-пьяницей съ тремя маленькими дѣтьми, заинтересовался ими и кончилъ тѣмъ, что храбро сталъ выполнять по отношенію къ нимъ обязанности, отъ которыхъ отказался другой...

— Въѣбращная связь! Таковъ законъ!

— Я слышалъ, какъ вы осудили за клевету сказавшаго правду...

— Да, но законное доказательство факта не было доставлено.

— Я слышалъ, какъ вы осудили одного старика за то, что онъ вылечилъ нѣсколькихъ больныхъ...

— Да, но онъ незаконно лечилъ.

— Я слышалъ, какъ вы приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы двухъ мальчиковъ, которые, перелѣзая черезъ стѣну, воровали кизиль.

— Это минимумъ наказанія, предусмотрѣннаго въ законѣ.

— Я слышалъ, какъ вы оправдали умѣло мотивированнымъ приговоромъ неукротимаго эксплуататора, вызывавшаго съ большой прибылью для себя безконечный рядъ банкротствъ.

— Установленные закономъ признаки мошенничества не были на лицо въ данномъ случаѣ.

— Я слышалъ, какъ вы оправдали машиниста, обвинявшагося въ неосторожности—и видѣлъ, какъ вышелъ изъ суда, съ трудомъ двигаясь на костыляхъ, навсегда ставшій калѣкою по его винѣ и лишенный средствъ къ жизни человѣкъ, котораго вы приговорили заплатить судебныя издержки.

— Чего ты хочешь! Это законъ!

— Законъ! Законъ! Вы думаете только о законѣ, господинъ предсѣдатель, въ то время, какъ я мечтаю о справедливости. Когда законъ приводитъ къ справедливости, онъ имѣетъ право на полное уваженіе. Когда онъ отдалается отъ нея, онъ становится невыносимой тиранніей. Принужденіе по отношенію къ личностямъ допустимо только въ силу услугъ, которыя имъ оказываетъ законъ. Когда вмѣсто того, чтобы помочь имъ, законъ налагаетъ на нихъ оковы, онъ долженъ исчезнуть. Я предпочелъ бы обходиться лучше совѣмъ безъ законовъ, чѣмъ имѣть дурные или плохо примѣняемые законы.

— Какъ плохо примѣняемые?

— Разумѣется. Во многихъ случаяхъ законъ предоставилъ судѣ очень большую свободу оцѣнивать поступки. Большин-

ство судей боится пользоваться этой свободой. Они считаютъ, что ихъ долгъ — исполнять законъ послушно, буквально, узко его толкуя. Они боится всякой инициативы, рабски слѣдуютъ установленнымъ традиціямъ и выработанной юриспруденціи. Они ограничиваются тѣмъ, что взвѣшиваютъ, съ большею или меньшею ловкостью, благопріятныя и неблагопріятныя данныя и примѣняютъ текстъ закона къ результату этой операціи. Они дѣйствуютъ, точно математикъ съ числами, спокойно заставляя молчать свои чувства. Развѣ они помнятъ, что находятся не передъ теоретическими и абстрактными величинами, а передъ такимъ же человѣкомъ, какъ и они? Развѣ они смотрятъ на обвиняемаго, какъ на брата, и стремятся помочь ему? Развѣ они послѣ засѣданія занимаются судьбой людей, которыхъ они осудили, развѣ стараются узнать, былъ ли плодотворенъ приговоръ?

— Все это смѣшно, Фредерикъ. Мы должны только примѣнять законъ. Чтѣ общаго между всѣми этими сентиментальными разглагольствованіями и правосудіемъ?!

— Вотъ именно потому, что у нихъ ничего нѣтъ общаго съ вашимъ правосудіемъ, я и ухожу. Я возвращаюсь въ деревню. Мои родители оставили мнѣ нѣсколько десятинъ земли, которая я хочу воздѣлывать. Я посажу рожь, которая кормить людей, и посажу цвѣты, которые ихъ радуютъ. У меня не будетъ угрызений совѣсти. И когда наступитъ послѣдній вечеръ, я усну спокойно, потому что мои поступки будутъ согласны съ идеями, истину которыхъ угодно было Спасителю мнѣ указать. Прощайте, господинъ Луврье; простите мою горячую исповѣдь, если она была вамъ непріятна...

Послѣ отъѣзда Марсинеля предсѣдатель суда, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Жакаромъ, посѣтилъ деревню, куда уѣхалъ старый жандармъ. Лицо Марсинеля, теперь настоящаго крестьянина, освѣтилось радостью, когда онъ пожималъ руку обоимъ судьямъ. Бавальныя привѣтствія, разговоры о здоровьѣ, о температурѣ воздуха, о мелкихъ приключеніяхъ во время путешествія прошли съ обычной вѣжливостью. Марсинель передалъ много подробностей о своемъ трудолюбивомъ и спокойномъ существованіи. Онъ подвелъ судей къ маленькому домику и выказалъ имъ почтительную предупредительность.

Жакаръ пытался заставить Марсинеля заговорить о судѣ и о наказаніи. Марсинель сдѣлалъ неопредѣленный жестъ.

— Я забылъ, — сказалъ онъ. — Я вѣдь не ученый человѣкъ.

Господинъ предсѣдатель рассказывалъ вамъ о моемъ отъѣздѣ. На это была самая простая причина. Я послѣдовалъ призыву моей совѣсти. Я хотѣлъ жить сообразно моей вѣрѣ. Дѣло суда показалось мнѣ сомнительнымъ, жестокимъ, дурнымъ. Говорятъ, что оно необходимо. Я слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобы рѣшать этотъ вопросъ, но на мой взглядъ основа жизни — не месть и ненависть, а любовь!

Жакаръ, знавшій литературу, вспомнилъ, что таковъ взглядъ Льва Толстого.

— Я люблю все это,—продолжалъ Марсинель:—люблю мой бѣдный домикъ, гдѣ столько воспоминаній, люблю обширныя поля, гдѣ я дышу свободно, люблю животныхъ, которыя такъ наивно выражаютъ свою преданность, люблю деревья, растенія, цвѣты. Все меня приводитъ въ восторгъ. Прежде я не испытывалъ такого внутренняго удовлетворенія. Чего еще желать?

— Вы не одни?—спросилъ Луврье.

— Нѣтъ, господинъ предсѣдатель,—сказалъ Марсинель, понижая голосъ, точно ему было стыдно признаться въ своемъ добромъ поступкѣ.—Я взялъ къ себѣ двухъ дѣтей этого несчастнаго Кинэ. Ихъ улыбки освѣщаютъ мой домикъ!

Жакаръ былъ немного разочарованъ. Онъ представлялъ себѣ Марсинеля въ видѣ пророка, а вмѣсто того видѣлъ скромнаго и молчаливаго человѣка, который охотно ступешивается. Онъ сдѣлалъ еще попытку: заговорилъ о новыхъ сочиненіяхъ соціологовъ, о готовящихся реформахъ. Марсинель слушалъ его снисходительно, съ утомленнымъ видомъ и съ почти неувимымъ оттѣнкомъ состраданія. Когда Жакаръ спросилъ у него прямо его мнѣніе, онъ тихо сказалъ:

— Зачѣмъ до такой степени все усложнять, господинъ судья? Можетъ-быть это долгъ тѣхъ, кто составляетъ законы, кто пишетъ книги. Но я научился многому не изъ книгъ. Я знаю, кто далъ мнѣ внутреннее спокойствіе, радость души, вѣру въ жизнь. Это такъ просто; надо только прислушаться къ тому, кто говоритъ съ вами всегда, если только перестать слушать земной шумъ.

Жакаръ восторгался глубокимъ и новымъ смысломъ, какой въ устахъ Марсинеля получали слова любви. Они, разумѣется, извѣстны издавна; цѣлыми вѣками всѣ тѣ, которые призывали человѣчество къ идеалу и счастью, повторяли ихъ въ мало различныхъ выраженіяхъ. Но все же они оставались тайной для большинства людей, которые слышали ихъ, не понимая. Люди не пытались задуматься надъ ними, еще меньше — руководиться

ими въ своихъ поступкахъ. Пробѣгая по пути жизни въ погонѣ за эфемерными благами, они проходили, спѣша и волнуясь, возлѣ истины и бросали на нее только разсѣянный взглядъ. Тайна Фредерика Марсипеля имѣла ту прелесть, что ее можно было проповѣдывать въ поляхъ или въ судилищахъ, кричать о ней въ рѣчахъ и въ книгахъ, нисколько не уменьшая ея таинственности и глубины.

Перек. съ франц. М. ВЕСЕЛОВСКАЯ.

ЦЪ П И

Повѣсть Элизы Оржешко.

Едва только снѣгъ, покрывавшій крыши и улицы, началъ темнѣть въ раннихъ зимнихъ сумеркахъ, окна большого, красиваго дома засвѣтились яркимъ свѣтомъ. На ихъ золотомъ фонѣ выступили богатые узоры занавѣсей, изящныя подставки лампъ, группы растений и движущіяся тѣни людей.

Когда на улицѣ затихалъ шумъ колесъ, сквозь эти окна съ двойными рамами доносились слабыя звуки фортепіано. Нетрудно было догадаться, что люди тамъ веселятся, стараясь пріятно провести время, улетающее такъ быстро...

У воротъ стояло нѣсколько экипажей съ прекрасной запряжкой и кучерами въ ливреяхъ; кучера или дремали, свѣсивъ головы, или хлопали себя озябшими руками по плечамъ и по бокамъ. Изъ воротъ выбѣжалъ лакей во фракѣ и передалъ кучерамъ приказаніе развѣзжаться по домамъ. Колеса заскрипѣли по снѣгу; кареты, подхваченныя застоявшимися лошадьми, потянулись вереницей вглубь улицы, на которой, какъ разъ въ это время, между сѣрѣющимъ снѣгомъ и еще синеватымъ небомъ, начали загораться два ряда фонарей.

Потомъ улица затихла; иногда только проѣзжали одноконныя санки, съ тихимъ звономъ; на бѣлые троттуары изъ оконъ магазиновъ падали неподвижныя полосы свѣта, въ которыхъ мелькали профили прохожихъ.

Въ это время изъ воротъ освѣщеннаго дома вышелъ мужчина. Его сѣдая борода казалась хлопьями снѣга, положенными ему на грудь. Мѣховое пальто съ дорогимъ воротникомъ плотно

окутывало довольно высокую, нѣсколько сгорбленную фигуру; край мѣховой шапки касался золотой оправы очковъ. Одежда, движенія, даже манера надѣвать перчатки показывали, что это — человекъ высшаго общества. Съ виѣшними признаками старости не согласовалась быстрота, съ которой онъ шелъ по троттуару. Его походка и жесты выражали нетерпѣніе, какъ будто ему хотѣлось какъ можно дальше уйти отъ дома, изъ котораго онъ вышелъ.

И дѣйствительно, каждый разъ, какъ пріемныя комнаты его дочери наполнялись шумомъ блестящихъ, легкихъ, пустыхъ разговоровъ, а въ кабинетѣ зятя разставлялись карточные столы, ему было не по себѣ; на него нападала грусть, скука, и онъ торопился уйти изъ ихъ дома, который былъ и его домомъ.

Онъ ли, постарѣвъ, разлибилъ свѣтъ, или свѣтъ отъ него отвернулся? Въ обоихъ предположеніяхъ была доля правды. Для него, дѣдушки взрослыхъ внуковъ, даже отцы и матери семействъ были молоды.

Пусть будетъ такъ, но вѣдь можно любить молодежь и быть ею любимымъ. Только онъ уже плохо понимаетъ жизнь молодыхъ поколѣній. У него были въ свое время излюбленные идсалы, служившіе ему мѣриломъ для сужденія о людяхъ и вещахъ. При приложеніи этого мѣрила къ дочери, зятю, внукамъ — они оказывались необыкновенно мелкими. Онъ не хочетъ быть несправедливымъ; въ немъ сказывается отцовская привязанность. Дочь, зять, внуки и внучки — вовсе не червивыя пятна. У нихъ есть свои достоинства, свои способности; только онъ рѣдко можетъ въ чемъ-нибудь сойтись съ ними. У него другіе взгляды и вкусы. Они бы заснули отъ скуки, еслибы онъ началъ имъ говорить о воспоминаніяхъ, переживаемыхъ имъ и днемъ, и ночью. Онъ живетъ у дочери и зятя въ роскоши и блескѣ — а проживъ день, точно сбрасываетъ съ плечъ мѣшокъ съ пескомъ и тащится къ своему концу такъ же медленно, какъ идетъ по троттуару. Изъ воротъ онъ вышелъ быстрыми шагами, а теперь едва передвигаетъ ноги.

Когда онъ проходитъ мѣста, на которыя изъ оконъ магазиновъ падаетъ яркій свѣтъ, у него блестятъ бровровый воротникъ, золотая оправа очковъ и чеканенный набадашникъ палки. Но когда онъ входитъ въ пространство, погруженное въ полумракъ, на немъ ужъ ничего не блеститъ и онъ идетъ мимо встрѣчныхъ, согнувшись, какъ тѣнь, съ хлопьями снѣга, спереди положеннымъ на грудь и сзади выбивающимся изъ-подъ шапки. Освѣщенныя мѣста попадаютъ все рѣже, а погруженныхъ въ полу-

мракъ становится все больше. Уличное движеніе ослабѣваетъ; шума колесъ совсѣмъ не слышно, только изрѣдка раздаются ко-локольчики санокъ. Даже фонари какъ будто свѣтятъ меньше сквозь мутныя стекла; стѣны стали ниже, троттуары уже; освѣщенные окна еще встрѣчаются, но ихъ немного; совсѣмъ не видно за ними высокихъ лампъ, роскошныхъ вазъ, и не слышно звуковъ музыки.

Эта часть города гораздо бѣднѣе той, въ которой живутъ его богатые дѣти и гдѣ живетъ онъ самъ. Здѣсь живетъ бѣдность, но еще не крайняя, хотя и очень къ ней близкая. Скромныя лавочки пошли вмѣсто магазиновъ съ великолѣпными выставками; ярко раскрашенныя вывѣски мелькаютъ при слабомъ свѣтѣ у низкихъ воротъ и небольшихъ оконъ; нѣкоторыя изъ нихъ, покачиваясь отъ вѣтра, скрипятъ надъ головами прохожихъ.

Покачивается по временамъ и поскрипываетъ доска съ темнымъ фономъ и намалеваннымъ на немъ циферблатомъ часовъ, огромнымъ, бѣлымъ, точно старое, заплаканное лицо. Слившія цифры его и стрѣлки похожи на морщины, вырытыя временемъ, а лѣтняя пыль и осенніе дожди покрыли его множествомъ черныхъ пятнышекъ, словно засохшими слезами.

Взглядъ стараго барина въ бобровой шубѣ случайно упалъ на раскрашенный циферблатъ часовъ, который отъ вѣтра заколыхался и заскрипѣлъ. Часы точно жалостно приглашали его войти. Часовщикъ! Это отлично! Какъ разъ его часы требуютъ починки. Съ нѣкоторыхъ поръ они все время отстаютъ, минуты на двѣ въ день. Онъ постоянно передвигаетъ стрѣлку: ничего не помогаетъ. А вѣдь онъ знатокъ въ часахъ, и всѣ часы въ домѣ находятся подъ его исключительнымъ наблюденіемъ. Но для стараго друга надо спросить совѣта врача. Поднявшись по лѣстничкѣ, онъ вошелъ въ лавочку, закрылъ за собою дверь и остановился на нѣсколько минутъ у порога, слушая и всматриваясь.

Маленькая, низенькая комнатка была сверху до низу наполнена страннымъ шумомъ, тревожнымъ, монотоннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ беспокойнымъ и быстрымъ. Это былъ не шумъ, а скорѣе наполнявшее всю комнату жужжаніе, не усиливающееся, но и не ослабѣвающее, а непрерывное, однообразное, не останавливающееся ни на минуту. Здѣсь ничего другого не было слышно: ни уличнаго движенія, ни скрипа вывѣсокъ, ни какого-либо другого звука живого міра. Ничего, только отъ потолка до полу и отъ стѣны до стѣны шелъ разговоръ часовъ, висящихъ на стѣнахъ, перебивающихъ другъ друга множествомъ сухихъ и рѣзкихъ голосовъ: „такъ-такъ... такъ-то-такъ... такъ-то-такъ“ ...

Среди этого жужжанія, среди этого разговора, казавшагося вѣчнымъ, у единственнаго окна, за столикомъ, на которомъ горѣла лампа съ длинной горѣлкой, сидѣлъ человѣкъ надъ множествомъ блестящихъ колесиковъ, пружинокъ, крючечковъ. На немъ было длинное поношенное платье, съ двумя свѣжными хлопьями, однимъ на груди, другимъ надъ согнутой шеей; но это были не хлопья свѣга, а сѣдая борода и сѣдые волосы, выбивавшіеся изъ-подъ бархатной ермолки. Въ большихъ очкахъ, съ маленькими щипцами въ рукѣ, онъ сидѣлъ и работалъ надъ блестящими мелочами. Лобъ у него былъ наморщенъ, губы оттопырены; глубокое вниманіе свѣтилось серебряной искрой изъ-подъ сѣдыхъ бровей и покраснѣвшихъ вѣкъ. Вѣроятно, его ухо такъ свыкло съ разговоромъ часовъ и постояннымъ шумомъ, что другіе звуки онъ воспринималъ съ трудомъ. Онъ не слышалъ, какъ вошелъ посторонній человѣкъ.

Вдругъ раздался голосъ громкій, звонкій, удивительно ясный и свѣжій, на всю комнату прокричалъ: „ку-ку“, потомъ равномерно повторялъ: „ку-ку, ку-ку!“ и только послѣ восьмого раза замолкъ, а комнатку снова наполнила шумная и, несмотря на совершенную равномерность, торопливая, беспокойная бесѣда часовъ.

Старый еврей, со свѣжными хлопьями старости спереди и сзади, поднялъ голову. Выпяченныя губы его растянулись въ блаженную улыбку; довольнымъ взглядомъ онъ осмотрѣлся вокругъ и встрѣтился съ лицомъ вошедшаго, на которомъ также разлилась улыбка. Привставъ немного со стула, онъ коснулся пальцами ермолки и началъ было:

— Что вамъ, сударь...

Замѣтивъ дорогую шубу, очки въ золотой оправѣ, сгорбленную, но осанистую фигуру, онъ поправился:

— Что вамъ, баринъ, угодно?

Баринъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить, подошелъ къ стѣнѣ съ жужжащими часами и остановился передъ тѣми, изъ которыхъ раздавался голосъ кукушки.

— Откуда у тебя эти часы? Старинные?.. Такой циферблатъ—рѣдкость!.. Откуда они у тебя? Чьи они?

Еврея точно пружина подбросила со стула; онъ двумя быстрыми шагами сталъ возлѣ стараго господина, передъ высокимъ шкафчикомъ изъ чернаго дерева, откуда виднѣлись часы съ кукушкой.

— Чьи это часы? А чьи же они могутъ быть? Они мои! Они такъ же мои, какъ я сынъ моего отца, какъ я прія-

тель моего пріятеля. А вы, баринъ, можетъ быть, думали, что эти часы отданы мнѣ въ почивку? Что кто-нибудь придетъ и ихъ возьметъ отсюда? Ай, ай, я бы палкой отколотилъ того, кто бы захотѣлъ взять у меня эти часы. Если бы кто-нибудь ихъ захотѣлъ унести, я бы такой поднялъ шумъ, что сбѣжались бы люди и выгнали бы того, кто взялъ эти часы... потому что они мои.—Онъ говорилъ съ большимъ жаромъ, оживленіемъ и съ плутовской улыбкой на устахъ, но вдругъ замолчалъ и сталъ внимательно всматриваться въ посѣтителя. Послѣдній, не обращая на него вниманія, разсматривалъ часы и вдругъ крикнулъ:

— Дай-ка стулъ и лампу! Я не могу разглядѣть пейзажа на циферблатѣ. Вижу, что тамъ есть пейзажъ, но какой—не разберу.

При этихъ словахъ онъ взобрался на стулъ, пододвинутый ему евреемъ, съ такой гибкостью, какъ будто онъ никогда не волочилъ ногъ.

— Дай-ка лампу!—крикнулъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, баринъ.

Говоря эти слова, старый еврей влѣзъ съ лампою въ рукѣ на другой стулъ, который придвинулъ къ посѣтителю.

— Женева!—воскликнулъ старый баринъ.—Да, да! Швейцарская фабрика. Не знаешь какая?

— Какъ же мнѣ не знать? Можетъ ли быть, чтобы я о нихъ чего-нибудь не зналъ?

Онъ торжественно назвалъ уже давно не существующую фабрику.

— Это была такая фабрика, какой теперь уже на свѣтѣ нѣтъ.

— Да, это правда, что такой фабрики на свѣтѣ уже нѣтъ! А какъ они заводятся?

Старый еврей точно вытряхнулъ ключъ изъ рукава и держалъ его въ пальцахъ. На самомъ дѣлѣ онъ вынулъ ключъ изъ ящика, находившагося въ шкафу.

— А вотъ какъ они заводятся: видите, баринъ? Какъ хорошо, что я ихъ сегодня еще не заводилъ и могу вамъ показать. Прелесть! Такой старый ключъ, а идетъ какъ по маслу.

— Такъ! Да! А я думалъ, что они заводятся съ другой стороны.

— Вы, баринъ, ошиблись... Такіе часы никогда не заводятся сзади. А вотъ теперь я вамъ покажу карнизикъ, посмотрите какая тонкая работа, какая рѣзьба, позолота хорошая...

— Подожди, подожди; а это что за пружинка?

— Ну, это такая пружина, что если я ее надавлю, то сейчас из часов вылетитъ птица, помашетъ крыльями и начнетъ кричать.

— Да, правда, я видѣлъ какъ-то такой механизмъ.

— Ну, если вы разъ видѣли, то я вамъ, баринъ, и еще разъ покажу...

Они стояли на стульяхъ рядомъ, но совсѣмъ не походили другъ на друга. Хозяинъ былъ тоньше и ниже гостя. Лампа, которую еврей держалъ въ поднятой рукѣ, освѣщала два совсѣмъ разныхъ лица, только одинаково покрытыхъ множествомъ морщинокъ. Оба съ одинаковымъ восторгомъ глядѣли на часы. Въ это время надъ ихъ сѣдыми головами и сморщенными лицами вылетѣла выкинутая нажатой пружиной изъ шкафика металлическая птица, замахала крыльями и начала звучно и звонко кричать на всю комнату: „ку-ку“, „ку-ку“. Еврей первый сошелъ со стула на полъ и, забывъ поставить лампу на столъ, снова сталъ оглядывать гостя.

— Позвольте, баринъ,—шепнулъ онъ робко,—можетъ быть я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что мои старые глаза васъ узнали...

— Погоди, погоди,—перебилъ его старый баринъ,—я тоже что-то припоминаю. Какъ будто я тебя когда-то знавалъ?

— Баринъ—вы графъ Ксаверій изъ Струменицы...

— Ну, а ты? Не могу припомнить...

— Я Берекъ, сынъ Шимшеля, который арендовалъ въ Струменицѣ ферму.

— Берекъ! Неужели? Я тебя отлично помню! Ты былъ на-турщикомъ у моей сестры для какой-то картины.

Еврей кивнулъ утвердительно головой, поставилъ лампу на столъ, потому что у него задрожали руки, и выдвинулъ изъ угла старое кресло съ продавленнымъ сидѣньемъ и сломанными ручками, прося гостя сѣсть. Онъ чмокалъ губами, смѣялся, моргалъ красными вѣками изъ-подъ сѣдыхъ бровей, точно отъ ослѣпленія. Наконецъ, также усѣвшись, онъ сталъ всматриваться въ гостя и издавать неясные звуки, въ которыхъ слышались радость и изумленіе.

Но и старый баринъ вглядывался въ него съ удивленіемъ.

— Возможно ли это? Ты Берекъ!.. Ты... тотъ самый Берекъ съ кудрявыми золотистыми волосами, съ румянымъ, точно дѣвичьимъ, лицомъ, съ бирюзовыми глазами? Моя сестра писала съ тебя для какой-то картины, потому ты часто приходилъ во дворецъ... Такъ это ты?

— Я, я самый, ваше сіятельство. А вы тотъ самый барченокъ, что никогда иначе не поднимался по лѣстницѣ Струменицкаго дворца, какъ перескакивая черезъ четыре ступеньки. Когда меня ея сіятельство молодая графиня рисовала и вы входили въ ту комнату, гдѣ мы находились, то словно солнце всходило. Ай, развѣ я не помню, какъ вы, графъ, ѣздили верхомъ и какъ съ барышнями танцовали!.. Если бы не знаю сколько господъ ѣхало верхомъ, ваше сіятельство всѣхъ перегоняли—и сколько бы ни было барышень, всѣ хотѣли танцовать только съ вами. Я все это видѣлъ, стоя у забора или за окномъ дворца...

— Вѣрно, вѣрно,—подхватилъ графъ.—Я тебя тоже лучше всего помню стоящимъ у рѣшетки, на дворѣ или въ саду, и наблюдающимъ глазами, удивительно выражавшими наивное любопытство и восторгъ... Мы часто говорили съ сестрой, что у тебя такой видъ, точно ты наслаждаешься цѣлымъ міромъ и никогда достаточно насладиться не можешь...

Еврей засмѣялся и тихонько сказалъ:

— А ваше сіятельство развѣ никогда не радовались цѣлому міру?

Графъ задумался и вздохнулъ.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ,—то была молодость... Мы тогда были оба молоды, мой Берекъ.

Не спуская глазъ съ графа, еврей снова тихонько спросилъ:

— А теперь?

— Теперь? чтожъ? Мы оба стары...

Еврей уперся ладонями въ колѣни, опустил взоръ въ землю, сгорбился, съѣжился.

— Тс!.. тс!.. Почему было намъ и не состарѣться вмѣстѣ, если мы были молоды вмѣстѣ? Каждый человекъ на свѣтѣ—еврей ли, христіанинъ ли, важный ли, простой ли—бываетъ молодъ и старъ... и для cadaго молодость—радость, а старость—такая печаль, отъ которой до могилы нельзя избавиться... Это удѣлъ cadaго...

Еврей умолкъ. Графъ также молчалъ; только часы на стѣнахъ жужжали сухо и беспокойно: такъ-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ, такъ-то-такъ. Одни изъ нихъ глубокимъ басомъ начали бить: разъ, два, три! Но чуть только они пробили три раза, отозвались другіе и очень тонко пробили: разъ, два! При шестомъ ударѣ звонили уже три голоса, а при седьмомъ ихъ было цѣлыхъ шесть. Семь, восемь, девять вызвонили хоромъ, который потомъ уменьшился до трехъ и двухъ голосовъ, кончая извѣщать о девятомъ часѣ. Графъ съ улыбкой глядѣлъ вокругъ себя.

— Концертъ! — шепнулъ онъ, а потомъ задумчиво прибавилъ:

— Мой Берекъ, сколько уже часовъ отзвонило время для тебя и для меня!

— Ну! — отвѣчалъ еврей, — почему бы времени было и не отзванивать наши часы? Мы были далеко другъ отъ друга, и не видѣлись никогда, и забыли другъ друга, а время на часахъ шло впередъ, и сколько ни пробило часовъ, пробило и для вашего сіятельства и для меня, потому что часы одинаково бьютъ для всѣхъ.

Съ минуту помолчавъ, онъ взглянулъ на гостя и робко началъ:

— А знаете ли, ваше сіятельство, что я помню родителей вашего сіятельства, какъ будто ихъ вчера видѣлъ? Графъ отецъ вашего сіятельства былъ маленькаго роста, но такой гордый съ виду, а у графини-матушки были такія маленькія руки, какъ бѣлые цвѣты... тѣ, что растутъ въ саду. Садовникъ говорилъ, что это лиліи... можетъ быть, я плохо помню... лиліи... лиліи... такіе бѣлые, красивые цвѣты, они сильно пахнутъ... У ихъ сіятельства руки походили на эти лиліи. Ваше сіятельство, вы не разсердитесь, если я спрошу, живы ли ихъ сіятельства папаша и мамаша?

Графъ горько улыбнулся и отвѣтилъ: — Гдѣ ужъ, мой Берекъ! Развѣ можетъ быть, чтобы у меня были родители въ живыхъ? Тѣ бѣлыя лиліи, о которыхъ ты говоришь, давно уже въ землѣ.

У него голосъ дрогнулъ. Сдерживая волненіе, онъ участливо спросилъ:

— А твои родители? Отца твоего я почти не помню, а мать припоминаю отлично. Она была худощавая, небольшая, изнуренная женщина, съ увядшимъ лицомъ, но съ прекрасными еще глазами, черными и огненными.

Еврей немного помолчалъ, а потомъ указалъ сухимъ и темнымъ пальцемъ въ полъ и промолвилъ тихо:

— Тѣ глаза, что ваше сіятельство помните, давно въ землѣ.

Часы жужжали: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“; а они оба молчали, и души ихъ углубились въ потокъ времени.

Еврей первый очнулся отъ задумчивости и сказалъ:

— А чѣмъ я заслужилъ ту великую милость Господа Бога, что Онъ привелъ ко мнѣ такого стараго знакомаго?

Графъ вынулъ изъ кармана старинные часы и положилъ ихъ на столъ. Еврей любовно взялъ ихъ въ руки и, оглядывая ихъ съ улыбкой, спросилъ:

— А какая на нихъ жалоба? Чѣмъ они согрѣшили? Отстаютъ? Ваше сіятельство пробовали ихъ исправить и ничто не помогло? Тс!.. тс!.. я ужъ вижу, что съ ними неладно, они очень больны. Ихъ надо разобрать и лечить...

У графа глаза сверкнули изъ-за очковъ. Онъ взволновался и вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовался.

— Можешь это сдѣлать сейчасъ?

— Почему же нѣтъ? Я буду очень радъ, если ваше сіятельство немного у меня посидите и сами увидите, что я больному не сдѣлаю ничего худого. Только я зажгу лампу побольше, потому что для такой работы при этой маленькой лампѣ мои глаза слишкомъ слабы...

Графъ, приходя все въ лучшее настроеніе духа, сказалъ:

— Тебѣ-то хорошо, ты можешь зажечь большую лампу, а у меня съ собой нѣтъ очковъ, которые я надѣваю, когда починаю часы...

— Ай, ай! Что за бѣда? У меня есть нѣсколько паръ разныхъ очковъ; выберите себѣ, ваше сіятельство, тѣ, которые придется по глазамъ. Ужъ не просятся ли и глаза вашего сіятельства въ отставку?

— Ой, вѣрно, мой Берекъ, даже очень просятся... и мнѣ чертовски это надоѣло. Безъ очковъ и не двинься, а подчасъ и съ очками трудно...

Еврей вынулъ изъ ящика нѣсколько паръ очковъ и сказалъ:

— Это richtig, какъ у меня. Наши глаза совсѣмъ постарѣли.

Спустя нѣсколько минутъ оба сидѣли нагнувшись надъ столикомъ, погруженные въ работу, разбирали часы и разсматривали разныя ихъ части. Роговая оправка очковъ перерѣзала темными линіями ихъ морщинистые лбы, щеки, виски и исчезала за ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Глаза за большими стеклами все болѣе сосредоточивались; свѣтъ лампы зажигалъ въ нихъ серебряныя искры. Работая, старики разговаривали, но только о предметѣ своего занятія, потому что въ эту минуту они совершенно забыли обо всемъ, кромѣ своей работы. Иногда они молчали и, приглядываясь, провѣряя, передѣлывая, отъ сильнаго напряженія вниманія начинали глубоко и громко вздыхать. Иногда перекидывались между собой отрывочными фразами:

— Смотри, смотри, вотъ гдѣ бѣда!

— Если тутъ, то мы бѣду отсюда выгонимъ! но мнѣ кажется, что она гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

А иногда начинали спорить.

— Что ты дѣлаешь? Это не такъ! — беспокойно говорилъ графъ.

Еврей отвѣчалъ успокоительно:

— Не бойтесь, ваше сіятельство, ваше сіятельство сейчасъ увидите, что изъ этого выйдетъ...

— Да ничего изъ этого не выйдетъ!.. тутъ прижми... оттуда вышь...

Тутъ еврей возвышалъ голосъ и почти кричалъ:

— Ваше сіятельство ошибаетесь... тутъ есть такія тоненькія пружинки, что ваше сіятельство ихъ не видите.

А графъ тоже громкимъ голосомъ возражалъ:

— Вотъ это мнѣ нравится! я могъ чего-нибудь не замѣтить въ этихъ часахъ...

Но увидавъ, что еврей по-своему, но хорошо дѣлаеть, бормоталъ потихоньку:

— А правда, правда! ты былъ правъ!..

А тотъ, также уже успокоившись, ворчалъ:

— Когда дѣло касается моей работы, то я всегда правъ...

Снова умолкали, приглядывались; мастерили, приближались другъ къ другу лицами, изборожденными морщинами и темными линиями очковъ; надъ столомъ соединялись ихъ увядшія руки, съ осторожно двигавшимися сухими пальцами; дыханіе ихъ, громкое и протяжное, смѣшивалось съ жужжаніемъ часовъ, текущимъ непрерывной волной.

Въ это время изъ этой волны сухого и торопливаго шума выдѣлился низкій басъ очень чистый и началъ вызванивать: разъ, два, три! За четвертымъ ударомъ ему началъ вторить, какъ отрокъ взрослому мужчинѣ, тоненькій альтовый голосокъ и выкрикнулъ: разъ, два! А за третьимъ ударомъ ему начали вторить другіе голоса, которымъ тотчасъ же пришли на помощь еще другіе, пока цѣлый хоръ, пробивъ вмѣстѣ нѣсколько разъ, не уменьшился снова до трехъ и двухъ голосовъ, кончавшихъ выбивать десять часовъ.

Оба человѣка приподняли отъ стола головы и опустили на колѣни руки. Еврей заговорилъ съ улыбкой:

— Ну, ваше сіятельство—хорошій знатокъ въ часахъ... Ужъ я вижу, что ваше сіятельство имѣете такую же любовь къ часамъ, какъ прежде имѣли къ быстрымъ лошадямъ и краснымъ барышвамъ.

Графъ тоже весело отвѣчалъ:

— Это правда, мой Берекъ, это правда, что на меня на-

пала эта страсть, невѣсть какъ и для чего... Да въ старости всякія чудачества нападаютъ...

Еврей сдѣлалъ гримасу и съ неудовольствіемъ началъ бормотать:

— Чудачество! какое тутъ чудачество? Почему это чудачество? Часы—это прекрасная машина и дѣлаютъ честь человѣческому разуму, который ихъ выдумалъ. Развѣ они кого-нибудь убиваютъ, какъ напримѣръ ружье или пушка? Развѣ они кого-нибудь калѣчатъ, какъ тѣ машины, которыя на большихъ фабрикахъ причиняютъ людямъ всевозможное зло? Часы — это другъ для человѣка; они съ нимъ, когда ему весело и когда грустно; они ему показываютъ въ какое время чтò дѣлать; они говорятъ, когда никто съ человѣкомъ не разговариваетъ; они его учатъ, что время бѣжитъ и что онъ съ этимъ временемъ, точно по большой рѣкѣ, тоже плыветъ къ непредѣльному морю...

Онъ махнулъ рукой и закончилъ:

— Знаете что, ваше сіятельство? Они для человѣка иногда лучший другъ, чѣмъ нѣкоторые люди, потому что они никогда не кусаются! Хи, хи, хи!

Онъ тихонько засмѣялся, но графъ задумчиво слушалъ и, поддакивая ему, отвѣтилъ:

— Ты говоришь умныя вещи: эта говорящая машина всегда съ человѣкомъ, когда ему весело и когда грустно... Знаешь ли ты, что эти часы были у меня уже тогда, когда, какъ ты говоришь, у меня была страсть къ быстрымъ лошадямъ и красивымъ барышнямъ?..

— Ай, ай! — чмокнулъ еврей; — у такого молодого барина уже были такіе дорогіе часы!

Графъ улыбнулся.

— У меня никогда не было недостатка въ дорогихъ вещахъ, но не разъ недоставало дорогихъ людей... Я никогда не забуду предсмертныхъ часовъ моей матери... Докторъ сказалъ, что смерть станетъ приближаться тогда, когда пульсъ начнетъ ослабѣвать, и пошелъ отдохнуть, потому что онъ страшно усталъ и мало спалъ. Я остался одинъ при ея постели и часто, съ часами въ одной рукѣ, съ ея рукой въ другой спрашивалъ себя: не приближается ли уже?.. Чѣмъ болѣе она приближалась, тѣмъ рѣже становились удары пульса, и мнѣ казалось, что тѣмъ скорѣе двигалась часовая стрѣлка. Она двигалась, а въ той лиліи, которую ты помнишь, пульсъ становился медленнѣе, медленнѣе... и остановился. То, чтò приближалось, пришло. На часахъ было пять минутъ и три секунды перваго часа ночи...

Еврей, со слезами на глазахъ, сочувственно кивалъ головой, а часы жужжали хоромъ: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“.

Подавляя волненіе, графъ пошутилъ:

— Ты не повѣришь, мой Берекъ, какая па нихъ иногда рѣзвость нападала! Когда я былъ однажды влюбленъ въ одну даму, а могъ быть съ нею всегда очень недолго, каждый разъ, когда я взглядывалъ на часы, меня такая брала злость, что, кажется, я бы ихъ охотно раздавилъ. Я мысленно бранилъ ихъ: „не бѣгите же такъ, глухые! Пойдите немножко, отдохните и пусть вмѣстѣ съ вами и время остановится!“ Но они не слушались: бѣжали—и счастье мое... улетѣло!..

Еврей тихонько спросилъ:

— А что, ваше сіятельство, вы всегда по почамъ хорошо спали?..

Графъ сдѣлалъ рукой ироническій жестъ.

— А когда вы, ваше сіятельство, не спали, то ваши мысли всегда были веселыя? Ну, я самъ знаю, что иногда онѣ должны были быть невеселыми? А когда ваше сіятельство лежали въ темнотѣ, съ невеселыми мыслями въ головѣ, то часы вѣроятно шли очень медленно?

— Но все-таки шли,—отвѣчалъ графъ,—и черныя ночи тянулись...

— А когда онѣ тянулись, всѣ спали и только часы съ вашимъ сіятельствомъ разговаривали... о чемъ они говорили? Они утѣшали ваше сіятельство, что и эта чернота пройдетъ...

— Какъ все проходитъ,—докончилъ графъ и глубоко задумался. Онъ чувствовалъ себя какъ-то странно. Къ чему онъ такъ долго тутъ сидитъ и такъ фамиллярно разговариваетъ съ этимъ лапсердакомъ?

Онъ его зналъ когда-то! Ну такъ что же? Общихъ воспоминаній все-таки у нихъ не можетъ быть, и вообще нѣтъ ничего общаго. Графъ не былъ гордъ, у него была врожденная доброжелательность къ людямъ; тѣмъ не менѣе онъ зналъ, какая пропасть отдѣляетъ его отъ Берека, когда-то сына фермера, а теперь часовщика на второстепенной улицѣ города. Попросту, они разнились во всемъ и между ними не было ничего общаго. Онъ зашелъ сюда, чтобы отдать въ починку часы, а засидѣлся нѣсколько часовъ. Но еще болѣе странно было то, что ему совсѣмъ не хотѣлось уходить. Почти неожиданно для самого себя онъ спросилъ:

— Какъ же тебѣ жилось, мой Берекъ? Какъ живетъ тебѣ теперь? Есть у тебя семья и достаточно средствъ къ жизни?

Еврей поблагодарилъ за эти участливые вопросы и сталъ очень подробно рассказывать.

Онъ не богатъ, капиталовъ не скопилъ, но имѣетъ кое-какія средства къ жизни и нужды не терпитъ. Онъ еще работаетъ и зарабатываетъ столько, сколько ему нужно на жизнь—а много ли ему нужно теперь, когда онъ уже одинъ и при немъ только одна внучка, которая за нимъ присматриваетъ и также кое-что зарабатываетъ шитьемъ! У него нѣсколько дѣтей, множество внуковъ, но это все...

Онъ махнулъ рукой.

— Знаете что, ваше сіятельство? Есть такая загадка и мнѣ очень интересно, знаете ли вы, ваше сіятельство, ее или не знаете... Какъ можетъ случиться, чтобы у человѣка была семья и въ то же время ее не было?—Говоря это, онъ устремилъ на графа вопросительный и вмѣстѣ хитрый взглядъ.

— Ну, ваше сіятельство знаете эту загадку?

На губахъ графа промелькнула ироническая улыбка.

— Знаю эту загадку, Берекъ, очень хорошо знаю...

Еврей обѣими руками хлопнулъ по колѣнямъ и тревожно воскликнулъ:

— Ой, зачѣмъ, ваше сіятельство, ее знаете? Ее лучше не знать! Ну, а если мы оба ее знаемъ, то ужъ я вашему сіятельству о своей семьѣ рассказывать не буду. Они порядочные люди и честные люди, и нѣкоторые даже образованы и богаты, но они не мои... они принадлежатъ себѣ и свѣту, не мнѣ...

У него было нѣсколько дочерей, но только одна не перестала быть для него родной. Она любила его и заботилась о немъ, была свѣтомъ и отрадой для его глазъ; но ужъ онъ давно ее не видѣлъ и никогда болѣе не увидитъ. Ее постигли неудачи и несчастія въ торговлѣ. Она уѣхала съ дѣтьми и мужемъ въ Америку, искать счастья... Иногда онъ получаетъ письма отъ нея, но что письма? Онъ ее никогда больше не увидитъ и это такое большое горе, что его можно перенести спокойно и терпѣливо только потому, что оно исходитъ отъ руки Божіей. Что дѣлать!

Его глаза, когда-то, по словамъ графа, голубые, какъ бирюза, теперь сѣрые и тусклые, съ красными вѣками, подернулись слезами. Но вскорѣ онъ оправился отъ волненія и, благодаря за сочувственные вопросы, прибавилъ нерѣшительно:

— Не сердитесь, ваше сіятельство, если я спрошу о сестрѣ вашего сіятельства, о ея сіятельствѣ молодой графинѣ, которая когда-то меня, бѣднаго еврейчика, рисовала на картинѣ. Ай, какая это была прелестная барышня! Я ее помню. Какъ же мнѣ ее не помнить, если я такой прелестной барышни больше никогда потомъ не видѣлъ? Это былъ ангель, она была такая красивая и такая добрая, и такая тихая и нѣжная, какъ ангель! Я помню, что ваше сіятельство жили съ ней въ большой дружбѣ. Какъ мнѣ этого не помнить, когда я потомъ такой дружбы ужъ никогда не видѣлъ. Жива ли она? Гдѣ она живетъ? Что дѣлаетъ? Какъ ей живется?

Съ минутой помолчавъ, графъ, устремивъ взоръ на полъ, отвѣчалъ:

— У меня было три сестры, но съ тою, о которой ты спрашиваешь, я былъ больше всего друженъ. Она жива, живется ей хорошо; но я давно ее не видѣлъ и, можетъ быть, никогда уже не увижу. Она вышла замужъ за англичанина, живетъ въ Англии; сюда она не приѣзжаетъ никогда, а мнѣ, приближающемуся къ концу длиннаго пути, трудно уже пускаться хотя бы въ короткій... Она для меня умерла, хотя и жива... Что же дѣлать!

Еврей внимательно слушалъ и грустно качалъ головой.

— У вашего сіятельства та же печаль, что и у меня. И ваше сіятельство правду сказали: она умерла, хотя и жива. Я то же самое думаю о своей Мальцѣ. Я думаю, что люди по разному умираютъ: одни отъ болѣзни, другіе уѣзжая, третьи потому, что мѣняются, четвертые... Но къ чему я это говорю вашему сіятельству, когда ваше сіятельство сами знаете...

Онъ махнулъ рукой и замолчалъ, а графъ, все смотря въ полъ, коротко отвѣтилъ:

— Знаю.

Оба замолчали, а вокругъ часы говорили въ непрерывномъ жужжаніи: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“. И вдругъ раздался изъ-за нихъ жужжанья громкій голосъ, кричавшій на всю комнату: „ку-ку!“ „ку-ку!“

Графъ всталъ и, подойдя къ часамъ, остановился передъ ними. Онъ распахнулъ шубу, потому что ему стало жарко въ душной комнатѣ. На глазахъ у него были уже собственные очки въ золотой оправѣ.

Поднявъ голову, онъ долго смотрѣлъ сквозь очки на старинные часы и спросилъ:

— Сколько бы ты взялъ за эти часы?

Еврей, сидѣвшій у стола, поднявъ голову и улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Что я могу за нихъ взять? я за нихъ ничего не возьму.

— Какъ такъ? вѣдь ты же торгуешь часами!

— Ваше сіятельство сказали вѣрно. Я торгую часами, но эти часы не продажны.

Графъ съ удивленіемъ обернулся къ нему.

— Почему? Это вещь большой цѣны. Я бы самъ ихъ охотно приобрѣлъ.

Еврей одобрительно кивалъ головой.

— Я знаю, что это дорогіе часы и что я бы получилъ за нихъ хорошія деньги, но я ихъ не продамъ. Развѣ ваше сіятельство слышали когда-нибудь, чтобы другъ продавалъ друга?

Графъ смотрѣлъ на говорившаго почти съ изумленіемъ.

— Можетъ ли быть?—вскричалъ онъ.—Но ты не богатъ, и ты еврей, а евреи цѣнятъ только деньги!

Еврей тихонько отвѣтилъ:

— Ваше сіятельство изволите ошибаться.

А графъ, посмѣиваясь, сказалъ:

— Въ чемъ же я ошибаюсь? Чтò ты такъ высоко цѣнишь въ этихъ часахъ, что не хочешь ихъ продать? Вѣдь у тебя столько другихъ! Изъ-за чего эти часы для тебя такъ важны или дороги?

Онъ былъ такъ заинтересованъ или удивленъ, что снова усѣлся возлѣ стола, на креслѣ съ продавленнымъ сидѣньемъ и сломанными ручками.

Еврей началъ медленно говорить:

— Если ваше сіятельство хотите послушать, то я все расскажу. Скоро будетъ уже сорокъ лѣтъ, какъ у меня эти часы. Я купилъ ихъ дешево, и купилъ для того, чтобы продать дороже! Но въ то время мой Мойша—теперь ужъ купецъ и ведетъ крупную торговлю хлѣбомъ,—былъ такимъ маленькимъ мальчикомъ, что ходилъ въ школу, а у меня еще не было другихъ сыновей; я очень боялся, что мнѣ ихъ Господь Богъ не дастъ, и я его очень любилъ. Ай, что это былъ за ребенокъ, мой Мойша! Если бы ваше сіятельство его знали, то сами бы удивились, что на свѣтѣ можетъ быть такое дитя. А когда я купилъ эти часы, то въ тотъ самый день мой Мойша вернулся изъ школы такой ослабѣвшій, такой скучный и блѣдный, что меня страхъ взялъ, какъ бы онъ не заболѣлъ и какъ бы Господь Богъ не отнял у меня моего единственнаго сына. Пришелъ мой Мойша изъ хедера, сѣлъ въ уголь, ѣсть не хочетъ, только смотритъ въ

землю и говорить, что у него очень болить голова, и что онъ въ школѣ очень измучился, и что учитель очень строгій, и что онъ не хочетъ больше жить! Ай, ай! чтобы такое дитя не хотѣло жить. Это странно, это страшно и это великій грѣхъ! Когда онъ это сказалъ, я схватился за голову, и его мать схватилась за голову, а его сестры начали плакать о томъ, что Мойша жить не хочетъ, и что мы сидимъ, схватившись за головы и покачиваемся отъ великой скорби. Въ это время вдругъ эти часы закуковали. Было десять часовъ, и они долго куковали—десять разъ. Послѣ перваго раза Мойша поднялъ голову и удивился; послѣ втораго онъ смотрѣлъ уже не въ землю, а на часы; послѣ третьяго у него глаза заблестѣли и онъ воскликнулъ: „Ай, ай! папа, что это такое? откуда ты это взялъ!“ И началъ такъ радоваться часамъ, какъ человѣкъ, котораго долго держать въ темнотѣ, радуется, увидя солнце. Я былъ очень доволенъ, что онъ смѣется, вскочилъ на табуретъ и надавилъ пружинку, которую ваше сіятельство знаете: изъ часовъ выскочила птица и начала махать крыльями и еще сильнѣе куковать. Ну, какъ онъ ту птицу увидалъ, мой Мойша, то онъ просто вылетѣлъ изъ угла, схватилъ старшую сестру обѣими руками и началъ съ ней передъ часами танцевать, а видя какъ онъ со старшей сестрой танцевалъ, то и двѣ младшія, такія маленькія, что ихъ едва видно было отъ земли, схватились за ручки и тоже начали танцевать. Они не только танцевали, но съ большой радости, что увидели такую красивую птицу, смѣялись на всю комнату, а глядя на нихъ и мать, приготавливая у огня обѣдъ, начала смѣяться. Я не слѣзалъ съ табурета и смотрѣлъ, какъ они всѣ танцевали и смѣялись. Птица куковала, а я, стоя на табуретѣ возлѣ этихъ часовъ, мысленно благодарилъ Господа Бога, что Мойша уже не боленъ и хочетъ жить, и что въ моемъ домѣ такая большая печаль превратилась въ такую большую радость.

Должно быть это была въ самомъ дѣлѣ большая радость, потому что еще теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, она отражалась на морщинистомъ лицѣ Берека, а эхо отзывалось тихимъ и протяжнымъ смѣхомъ. Повеселѣвшій, съ блестящими глазами и разставивши руки, онъ продолжалъ:

— Ну, развѣ я могъ въ то время продать часы, когда Господь Богъ ниспослалъ мнѣ черезъ нихъ Свою милость? Я немножко боялся ихъ продать, чтобы отъ меня не отвернулось счастье, а немножко жалѣлъ и дѣтей, для которыхъ та птица, что въ нихъ поетъ, была настоящей забавой и такой радостью, что, бывало, какъ закукуетъ, такъ они и начнутъ танцевать...

У меня были на нихъ покупатели, но я всегда думалъ: лучше послѣ! пусть еще немножко у насъ побудутъ! Но вотъ Господь Богъ послалъ мнѣ тяжкую болѣзнь...

Онъ глубоко вздохнулъ, поднялъ глаза къ потолку и продолжалъ:

— Когда Господь Богъ послалъ мнѣ эту болѣзнь, то я, пожалуй, цѣлый мѣсяцъ не спалъ. Знаете ли, ваше сіятельство, каково это, когда у человѣка внутри сильная болѣзнь, а въ головѣ черныя мысли, и онъ цѣлую ночь лежитъ съ открытыми глазами и смотритъ въ темноту. Я въ той темнотѣ много такого видалъ, что не дай Богъ ни одному доброму человѣку видѣть! Я видѣлъ свою смерть и своихъ дѣтей, которыя безъ меня останутся въ большой нуждѣ, и свои грѣхи, которыми я оскорблялъ Господа Бога, и великій ужасъ, ожидающій меня за нихъ на томъ свѣтѣ... А когда я такъ лежалъ и видѣлъ все это открытыми глазами, то стоило птицѣ закуковать, какъ тотчасъ эти являвшіяся въ темнотѣ видѣнія замѣнялись другими. Можетъ быть, ваше сіятельство догадываетесь, что я видѣлъ въ темнотѣ, когда куковала птица? Тогда я видѣлъ Струменицу и самого себя, какъ я стою у двора за плетнемъ и смотрю на тотъ лѣсъ, который начинался сейчасъ за дворомъ... Ай, какое чудное лѣто! Тотъ садъ, съ выдѣляющимся бѣлымъ дворцомъ, такой зеленый, и изъ него несутся очень пріятные ароматы... Надъ дворцомъ, на такомъ высокомъ деревѣ, такая большая птица съ длиннымъ клювомъ стоитъ на такомъ большомъ гнѣздѣ и кормитъ своихъ птенцовъ лягушками, которыхъ принесла съ луга... а въ томъ лѣсу, на который я смотрю, въ такомъ зеленомъ, другая птица кукуетъ... совсѣмъ такъ кукуетъ, какъ эти часы... Смотря на эти видѣнія, я смѣялся, какъ дитя, когда ему покажутъ игрушку, и благодарилъ Господа Бога, что Онъ далъ мнѣ такую вещь, которая мнѣ въ темнотѣ рисуетъ такія свѣтлыя видѣнія...

Онъ умолкъ и довольно долго сидѣлъ, сложивъ руки на колѣняхъ и свѣсивъ голову.

Графъ, подперевъ голову рукой, сосредоточенно молчалъ, и обѣ ихъ сѣдья, опущенныя головы обдавало непрерывное жужжаніе времени: „такъ-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“, „такъ-то-такъ“.

Черезъ минуту среди этого жужжанья раздался голосъ еврея, пониженный, почти шепчущій:

— Я могъ бы цѣлую недѣлю рассказывать вашему сіятельству объ этихъ часахъ и все же всего бы не пересказалъ. Но

еще одно расскажу. Ужъ не откажите, ваше сіятельство, терпѣливо выслушать еще только это.

Онъ рассказалъ, что когда его любимица Мальца уѣзжала въ Америку, онъ не провожалъ ее на вокзалъ, потому что чувствовалъ, что не удержится отъ слезъ, и не хотѣлъ, чтобы люди жалѣли его старые глаза, которымъ приходится такъ плакать. И вотъ онъ простился съ дочерью и ея дѣтьми здѣсь, въ этой самой комнатѣ, и они ушли, а онъ, еле живой, сѣлъ на полъ, вонъ въ томъ углу, и схватившись обѣими руками за голову, раскачивался и плакалъ, и жаловался Господу Богу, что Онъ ему послалъ такое большое несчастье. Вдругъ онъ вспомнилъ, что при отходѣ поѣзда отъ станціи бываетъ слышенъ протяжный и рѣзкій свистъ, и ему страшно захотѣлось услышать этотъ свистъ. „Хоть бы мнѣ его услышать,—подумалъ онъ,—чтобы знать, когда моя Мальца и ея дѣти уже перестанутъ находиться здѣсь, когда они для меня совсѣмъ пропадутъ“. Онъ зналъ, въ которомъ часу раздастся обыкновенно этотъ свистъ, и, сидя въ углу на полу, держась руками за голову, сталъ смотрѣть на часы, на эти часы съ птицей. Смотрѣлъ и думалъ: черезъ четверть часа, черезъ десять минутъ, черезъ пять, черезъ три минуты. Въ это время раздался свистъ протяжный и такой рѣзкій, что пронзилъ его въ самое сердце. Ужъ его Мальцы нѣтъ здѣсь, ужъ она хотя и жива, но для него умерла...

— Повѣрите ли, ваше сіятельство? Я помню, что въ то время было двадцать-три минуты одиннадцатаго...

Графъ задумался. Всталъ.

— Мой Берекъ,—сказалъ онъ,—я хорошо понимаю, почему ты не хочешь продать эти часы. Ты по нимъ читаешь, какъ я по своимъ... прошедшее.

Еврей кивнулъ головой, очень довольный.

— Ваше сіятельство сказали правду. Ваше сіятельство по своимъ часамъ такъ, какъ я по моимъ... читаете прошедшее. Оно есть у каждаго.

Они стояли другъ противъ друга, готовые разстаться, но оттягивали прощаніе, чувствуя присутствіе невидимаго кузнеца, приковывавшаго ихъ другъ къ другу неожиданными цѣпами, а вокругъ ихъ сгорбленныхъ и слабыхъ фигуръ волна времени плыла съ непрерывнымъ шумомъ: „такъ-такъ“, „такъ-то такъ“, „такъ-то-такъ“.

Графъ сѣлъ снова и даже разсѣлся въ креслѣ, какъ будто для долгой бесѣды, а изъ шума, наполнявшаго комнату, выдѣлился очень чистый басъ — и началъ бить: разъ, два, три! За

четвертымъ ударомъ ему началъ вторить, какъ отрокъ взрослому мужчинѣ, тоненькій альтъ и выкрикнулъ: разъ, два! А за третьимъ ударомъ ему начали вторить другіе голоса, которымъ тотчасъ же пришли на помощь еще другіе, пока цѣлый хоръ, согласно ударивъ нѣсколько разъ, снова уменьшился до трехъ и двухъ голосовъ, кончавшихъ бить одиннадцать часовъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Была ранняя весна, теплая, солнечная. Старый Берекъ вышелъ изъ комнаты, наполненной вѣчнымъ шумомъ часовъ, и всталъ передъ дверьми на ступенькахъ, которые спускались къ троттуару. Его тотчасъ залило солнечнымъ свѣтомъ и на золотомъ фонѣ выдѣлилась небольшая фигурка, слабая, немножко сторбленная, въ длинной и изношенной одеждѣ, въ сплющенной шапкѣ съ измятымъ козырькомъ. Подъ козырькомъ шапки выдѣлилось въ золотомъ освѣщеніи круглое, увядшее лицо, съ небольшимъ румянцемъ на сморщенныхъ щекахъ. Роговая оправка очковъ перерѣзывала черными линиями лобъ, виски и исчезала за ушами въ сѣдыхъ волосахъ. Сѣдая борода блестѣла на груди, какъ кудель съ серебряной пряжей.

Онъ стоялъ на солнцѣ. Свѣтъ и тепло разогрѣли и развеселили его; онъ глядѣлъ сквозь большія стекла очковъ на узкую улицу, украшенную сверху полосой голубого неба. Былъ полдень. Городское населеніе было въ движеніи; съ ближайшихъ, болѣе людныхъ улицъ доходили хорошо знакомые шумъ и стукъ, среди которыхъ ухо еврея тотчасъ же различило менѣе обычные звуки. Это былъ басовый вапѣвъ, который то слышался громче, то умолкалъ, то снова лился торжественными звуками среди городского шума.

Берекъ съ минуту вслушивался, потомъ кивнулъ головой, понявъ, что это за звуки. Медленно подвигалось погребальное шествіе, все приближаясь. На узкой улицѣ поднялась суматоха, какая обыкновенно бываетъ, когда толпа торопится взглянуть на интересное зрѣлище. По троттуарамъ затопали торопливые шаги; зашумѣлъ говоръ приподнятыхъ голосовъ.

Берекъ спокойно остановился на ступенькахъ своей лѣстницы, спускающейся на троттуаръ, и смотрѣлъ въ ту сторону, откуда приближалось торжественное пѣніе. Сотни двѣ шаговъ отдѣляли его отъ конца улицы, мимо котораго обыкновенно проходили похоронныя процессіи.

Вскорѣ показалось шествіе. Изъ-за угла высокаго дома

вышло нѣсколько фигуръ въ бѣломъ. Въ залитомъ солнцемъ воздухѣ возносился черный крестъ; развѣвались красныя и синія хоругви; зажженные факелы блеснули цѣпью желтыхъ, мертвыхъ, грустныхъ огней. Раздался погребальный напѣвъ и смѣшался съ изумленнымъ и глухимъ шумомъ колесъ. Зачернѣлъ траурный балдахинъ. Погребальная колесница, запряженная шестеркой лошадей и окруженная людьми въ траурной одеждѣ, везла гробъ, весь залитый серебромъ.

Потомъ снова, при медленно удалявшемся пѣніи—хоругви, факелы и, за пышной колесницей, вереница медленно идущихъ парами людей, одѣтыхъ въ глубокой трауръ, по нарядныхъ. Тяжелыя женскія платья, волочащіяся по мостовой, черныя крепы, спускающіяся съ головы до самой земли, черныя повязки на блестящихъ мужскихъ шляпахъ, въ обтянутыхъ чернымъ рукахъ молитвенники въ переплетахъ, украшенныхъ слоной костью и золотомъ. Длинный рядъ такихъ паръ тянулся посреди двухъ рядовъ зажженныхъ факеловъ, за которыми толпился народъ, тѣсняясь на троттуарахъ и по краямъ улицы.

Это были пышныя, богатыя похороны, какія рѣдко въ этомъ городѣ.

Сквозь большія стекла очковъ Берекъ спокойно смотрѣлъ на тянувшееся шествіе и только изрѣдка задумчиво покачивалъ головой. Но когда до его ушей донеслось нѣсколько словъ изъ уличной толпы, онъ вздрогнулъ, выпрямился и началъ спрашивать, самъ не зная кого:

— Wos? wos? wer? кто такой? графъ! какой графъ? Что это такое? Кто умеръ? Чьи это похороны?

Съ этими вопросами, вырвавшимися изъ его безкровныхъ губъ, онъ очутился на троттуарѣ и загородилъ дорогу какому-то прохожему.

— Ну что? Не задерживай меня, жидь!

— Чьи это похороны?

— Похороны графа Струменицкаго! Ну такъ чтожь? Чего еще ты держишь меня за полу?

— Котораго Струменицкаго? Отца... отца... стараго графа Ксаверія...

— Ну пусти, мнѣ некогда!

Еврей отпустилъ полу прохожаго, закинулъ голову и, глядя на голубую полосу неба, заговорилъ, почти закричалъ:

— Онъ умеръ? графъ Ксаверій умеръ? Ну, можетъ ли это быть? Почему онъ умеръ? Онъ былъ совершенно здоровъ, когда ко мнѣ приходилъ! Онъ когда-то такой былъ молодой, и такой

красивый, и такой веселый, а теперь онъ умеръ? Откуда это взяли, что онъ умеръ?

Прохожіе, торопившіеся посмотрѣть на пышныя похороны, толкали его и съ удивленіемъ оглядывались на старика, который, глядя сквозь очки на небо, голосилъ, задавая вопросы. Онъ спрашивалъ неизвѣстно о чемъ и неизвѣстно кого. Кто-то, быстро идущій, оттолкнулъ его къ самой стѣнѣ дома; два еврейскихъ мальчика, пробѣгая, крикнули: *Sieh! sieh! a myszugener!*— Но это продолжалось недолго, потому что старый еврей, подталкиваемый какой-то непреодолимой силой, побѣжалъ, какъ только могъ, догоняя погребальный кортежъ. Поддерживая руками длинную одежду, онъ бѣжалъ, сгорбленный, съ вытянутой вперед жилистой шеей, съ торчащей серебристой бородой. Онъ ужасно торопился. Онъ ни о чемъ другомъ не думалъ, какъ только о томъ, чтобы догнать погребальную процессію; у него не было другого желанія.

Процессія подвигалась медленно; догнать ее было нетрудно. Берекъ скоро догналъ послѣдніе ея ряды, но ему этого было мало. Онъ еще бѣжалъ, ловко проскальзывалъ сквозь толпу, гдѣ она была самая густая, пускалъ въ ходъ даже кулаки, пока не очутился среди дамъ и господъ, шедшихъ парами за гробомъ.

Родственники покойнаго, близкіе и далекіе, друзья дома, близкіе знакомые, старые и молодые, высокіе и низкіе, красивые и некрасивые, всѣ были изящны въ глубокомъ траурѣ, всѣ точно старались выказать свое торжественное настроеніе. За ними слѣдовалъ необозримый рядъ экипажей и слышался топотъ сѣрой массы оттиснутаго подальше простонародья.

По обѣ стороны колесницы тянулись пустыя и залитыя солнцемъ полосы мостовой. Берекъ убавилъ шагъ и пошелъ по одной изъ этихъ полосъ, рядомъ съ вереницей дамъ и господъ. Они шли ровно и торжественно; онъ еле тащился и иногда спотыкался о камни. На фонѣ ихъ черныхъ нарядовъ его изношенная одежда казалась выброшенными за негодностью лохмотьями. На его сплющенной шапкѣ не было креповой повязки, а изъ-подъ измятаго козырька видна была черная оправка очковъ, пересѣкавшая морщины его лба и висковъ. Онъ казался каплей, брызнувшею изъ сѣрой, оттиснутой назадъ толпы, и упавшею сзади залитаго серебромъ гроба подъ громаднымъ и пышнымъ балдахиномъ.

Онъ шелъ. Можетъ-быть и обращали на него вниманіе и удивлялись, откуда онъ взялся и зачѣмъ идетъ; но онъ шелъ. Во главѣ процессіи, въ прозрачномъ воздухѣ, высоко возносились

темныя линіи креста и торжественно звучало церковное пѣвiе. Скоро онъ самъ сталъ думать:

— Ну, откуда я тутъ взялся? Зачѣмъ я бѣжалъ какъ сумасшедшій? Зачѣмъ я иду?

И все-таки шелъ. Пока онъ бѣжалъ и пробивался сквозь толпу, онъ не думалъ ни о чемъ; онъ двигался инстинктивно; его влекла неясная, непреодолимая сила. Теперь онъ началъ удивляться, зачѣмъ онъ, спотыкаясь о камни, плетется за гробомъ, рядомъ съ родственниками и самыми близкими друзьями покойника.

— Ну, чего онъ тогда сидѣлъ у меня нѣсколько часовъ, почти цѣлую ночь? Чего онъ со мной разговаривалъ, какъ съ братомъ? Чего я бѣжалъ за его гробомъ, когда узналъ, что это его везутъ? Чего я и теперь за нимъ иду?

Такъ онъ думалъ и все больше удивлялся, но шелъ.

За городомъ стало просторно, свѣтло, чисто, прохладно. По обѣ стороны разстилались зеленыя поля; молодыя березы серебрились бѣлой полосой и шелестили молодыми листочками; легкій вѣтерокъ вѣялъ въ прозрачномъ воздухѣ, разнося запахи травъ, пробивавшихся изъ земли; рѣка блеснула изъ-за холмовъ такой горячей синевою, что казалась упавшимъ кусочкомъ неба.

Берекъ ужъ давно не былъ за городомъ, и теперь, какъ только вышелъ въ поле, на него повѣяло Струменицей. Вѣтеръ, березы, лучи солнца, разсѣянные въ воздухѣ, шептали въ оба уха: Струменица! Струменица! Онъ стоитъ у забора двора, смотреть на тѣ же самыя березы, на тотъ же самый кусочекъ синеватой воды и слушаетъ, какъ въ лѣсу кукуетъ птица...

Онъ устремилъ взоръ на залитый серебромъ гробъ.

— Тутъ родились и ты, и я...

Черезъ настежь открытыя ворота процессія вошла за ограду кладбища и среди усѣянныхъ фіалками могилъ рассыпалась по лѣсу памятниковъ и крестовъ. Берекъ, въ сильной тревогѣ, остановился, и когда людская волна прошла, остался одинъ. На кладбищѣ было много деревьевъ; старый еврей пробрался между березъ и, со свѣсившейся головой, съ растопыренными пальцами опущенныхъ рукъ, блуждалъ съ минуту подъ плакучими вѣтвями, раздумывая, даже бормоча въ полголоса.

— Ну, чего я сюда пришелъ? Откуда я тутъ взялся? Чего я сюда залѣзь?

Но не уходилъ и чувствовалъ, что невидимый кузнецъ приковывалъ его къ опускаемому въ землю гробу неожиданными цѣпями.

На противоположномъ концѣ кладбища стояла смѣшанная

толпа людей, возносилось торжественное пѣніе, сіялъ крестъ надъ высокой могилой. Еврей, опустивъ голову, топтался между березъ и разсуждалъ самъ съ собой. Ворота на кладбищѣ оставались все время открытыми настежь, но онъ не уходилъ; даже сѣлъ подъ березами...

Подъ березами, плачущими потокомъ мелкихъ листьевъ, посреди бѣлыхъ пней, надъ могилой, усыпанной фіалками, темнѣла опустившаяся на землю фигура стараго еврея, въ сплющенной шапкѣ, съ большими очками въ роговой оправѣ, съ серебряной куделью на груди.

Кладбище спускалось съ высокаго берега къ рѣкѣ, за которой разстилались зеленые луга и желтые пески.

Еврей вытянулъ шею и смотрѣлъ на пески.

— Что это такое?—забормоталъ онъ:—что это значить, неужели это оно? я не зналъ, что его можно отсюда видѣть!

На желтыхъ пескахъ выдѣлялось мѣсто, обведенное низкой стѣной. Тамъ не было ни деревьевъ, ни памятниковъ, ничего, только множество торчащихъ камней, красноватыхъ отъ блеска солнца и кругомъ—желтый песокъ. Еврейское кладбище.

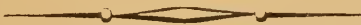
Берекъ оперся локтемъ въ колѣно, закрылъ руками лицо и потихоньку покачивался то взадъ, то впередъ, въ тактъ наковални, на которой между нимъ и гробомъ, опущеннымъ въ могилу, ковались невидимыя цѣпи. Онъ потихоньку говорилъ:

— Тутъ конецъ и твой, и мой!

Онъ пересталъ шептать, но все сидѣлъ подъ березами, выдѣляясь темнымъ пятномъ въ окружавшей зелени, среди щебетанья птицъ, надъ могилой, усыпанной фіалками.

А два кладбища, одно все въ зелени и крестахъ, другое—съ торчащими камнями на желтомъ песку, сковало широкой цѣпью одно общее небо.

Перев. съ польскаго Н. Мѣшкова.

ЗАКОНЪ 9-го НОЯБРЯ

(Мысли и наблюдения деревенскаго обывателя.)

Въ 1909 г. статистическое отдѣленіе владимірской губернской земской управы предпріяло среди корреспондентовъ текущей статистики небольшую анкету по вопросамъ, связаннымъ съ примѣненіемъ закона 9-го ноября. Цѣль этой анкеты заключалась, конечно, не въ количественной, а въ качественной характеристикѣ тѣхъ перемѣнъ, тѣхъ, главнымъ образомъ, особенностей массоваго настроенія, которыя успѣли за трехлѣтній промежутокъ времени болѣе или менѣе ясно обозначиться въ деревенской жизни. Предложенные корреспондентамъ вопросы распались, по своему содержанію, какъ бы на три отдѣльныя части. Прежде всего, предстояло вообще высказаться о сельско-хозяйственныхъ удобствахъ или неудобствахъ хуторской и отрубной формъ владѣнія, сравнительно съ общинной, черезполосной; далѣе — о томъ, въ какой мѣрѣ успѣшно подвигается въ данной мѣстности практика закона 9-го ноября, и если были случаи выдѣловъ, то какъ именно: черезполосно, въ отрубной участокъ или на хуторъ, и какіе разряды хозяйствъ, по имущественному и семейному положенію, предпочтительно предъ другими выдѣлялись; наконецъ — какъ реагируетъ на стремленіе отдѣльныхъ домохозяевъ къ выдѣлу остальная масса крестьянства. Всего было получено 437 отвѣтовъ. Въ нихъ слышится голосъ того населенія, которое несетъ на себѣ и будетъ и далѣе нести всѣ послѣдствія современной аграрной политики ¹⁾. И хотя вокругъ закона 9-го ноября, за кратковременное его существованіе, успѣла уже возникнуть обширная литература, однако какъ разъ эта сторона дѣла до сихъ поръ оставалась въ тѣни.

---

¹⁾ По крайней мѣрѣ ⁴зъ общаго числа корреспондентовъ — коренные крестьяне.

Мы почти не знаемъ, что думаетъ, что чувствуетъ и какъ вообще переживаетъ само населеніе тѣ чрезвычайныя неожиданности, которыя свалились ему на голову. Между тѣмъ, казалось бы, оно больше всѣхъ въ правѣ требовать, чтобы его голосъ былъ выслушанъ. А такъ какъ, кромѣ того, губернія, о которой идетъ рѣчь, типична для всего центрального промышленнаго района, то все происходящее здѣсь до известной степени характеризуетъ положеніе вещей въ цѣлой широкой полосѣ средней Россіи.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы вездѣ предоставляемъ первое слово корреспондентамъ, ограничивая свою роль сводкой и систематизаціей ихъ мнѣній. Нѣкоторые выводы напрашиваются сами собой только потому, что очевидность ихъ слишкомъ велика, и они выдвигаются впередъ большинствомъ корреспондентовъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи владимірская губернія не вполне однородна. Отличаясь вообще промышленнымъ характеромъ, она въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ обнаруживаетъ, однако, существенныя особенности, въ связи съ той или другой степенью заинтересованности населенія собственно въ земледѣльческомъ промыслѣ. Средина—владимірскій, суздальскій и юрьевскій уѣзды, такъ называемая, по старинѣ, „опольщина“, мѣстность съ лучшими въ губерніи по плодородію почвами и почти лишенная сколько-нибудь развитой фабрично-заводской промышленности,—все еще сильна своими земледѣльческими традиціями, составляющими здѣсь главное содержаніе жизни крестьянской массы. Діаметральную, во всѣхъ отношеніяхъ, противоположность представляетъ сѣверо-восточная часть—шуйскій, ковровскій и, пожалуй, вязниковскій уѣзды, центръ оживленной фабрично-заводской дѣятельности, съ знаменитымъ Иваново-Шуйскимъ фабричнымъ райономъ во главѣ. Въ этой мѣстности сельско-хозяйственные интересы давно уже завяли и играютъ чуть ли не послѣднюю роль въ обиходѣ рядового крестьянина. Остальная территория занимаетъ какъ бы переходное положеніе между двумя крайностями. Естественно ожидать, что тѣ новыя явленія, которыя возникаютъ въ деревенской жизни на почвѣ закона 9-го ноября, въ различныхъ мѣстностяхъ и сами по себѣ неодинаковы, и неодинаково отражаются въ сознаніи наблюдателя, смотря по тому, насколько прочны или, наоборотъ, слабы его земледѣльческія симпатіи. Въ дальнѣйшемъ мы попытаемся, гдѣ окажется возможнымъ, уловить эти оттѣнки настроеній среди крестьянъ той или другой мѣстности.

Обратимся прежде всего къ той позиціи, которую занимаетъ населеніе по основному вопросу землеустройства—отрубной и хуторской формамъ владѣнія, сравнительно съ общинной, черезполосной. Въ виду слишкомъ откровеннаго съ самаго начала курса правительственной

политики, теперь страннымъ даже кажется и затрогивать подобную тему. Конечно, если бы заданіе всей реформы было иное, если бы на первомъ планѣ стояло не своеобразно понятое „успокоеніе“, а дѣйствительное благо страны, то главною ея цѣлью было бы возможно болѣе полное согласованіе ея принципіальныхъ основаній съ тѣми потребностями и запросами, которые успѣли уже назрѣть и отчетливо формулироваться въ представленіяхъ массы. Эти представленія, весьма опредѣленныя, во многомъ идутъ прямо въ разрѣзъ съ видами правительства.

„У меня на двѣ души по пяти полосъ въ полѣ: выйдешь съ боронной—обернуться некуда, станешь сѣять—то-ли себѣ, то-ли сосѣду“ (влад. у.). Картина слишкомъ хорошо знакома... Развѣ ужъ очень наивный или неопытный защитникъ общины рѣшился бы отрицать, что въ условіяхъ настоящаго внутриобщиннаго малоземелья принципъ уравнительнаго крестьянскаго землепользованія самымъ трагическимъ образомъ столкнулся съ мелкополосницей—столкнулся въ такомъ тупикѣ, изъ котораго ему какъ будто бы нѣтъ даже и выхода. При этихъ условіяхъ стѣитъ только намекнуть—и теоретическая мысль деревенскаго наблюдателя охотно послѣдуетъ за вами по той линіи наименьшаго сопротивленія, которою является, въ данномъ случаѣ, хуторъ или отрубъ: средство, на первый взглядъ, простое и, главное, очень понятное. Кромѣ того, почему не помечтать? „Самое лучшее хозяйство на свѣтѣ такое, чтобы усадьба, лугъ, поле и лѣсъ были бы въ одной площади, окруженные рѣками, прудами, колодцами и дорогами, обезпеченные охраной—свѣтло, чисто и безопасно“ (шуйск. у.). Это ли — не заманчивая перспектива? „Однако, если не будетъ хватать чего-либо одного изъ сказаннаго, то не только плохо, а даже невозможно“, — заключаетъ корреспондентъ, изъ области мечтаній переносясь, очевидно, къ окружающей его дѣйствительности.

Извѣстныя техническія преимущества отрубной и хуторской формъ владѣнія предъ современной мелкополосницей настолько, почти до ослѣзательности, очевидны, что ихъ можно, зажмуривши глаза, по пальцамъ пересчитать. Безъ затрудненія это дѣлаютъ и корреспонденты, приводя обычные въ такомъ случаѣ доводы. „Хуторской способъ удобенъ: близость земли къ дому, легче удобрять, не уходитъ земля на межи между полосами, а, главное, инициатива крестьянина въ измѣненіи посѣва, обработки и вообще въ улучшеніи землепользованія“ (вязник. у.). „Хуторское хозяйство удобнѣе, потому что при хуторскомъ хозяйствѣ вести крестьянство очень сподручно: все находится въ одномъ участкѣ“ (горох. у.). Все это—такія соображенія, противъ которыхъ трудно что-либо возразить: въ нихъ просто констатируется фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но практическіе выводы изъ этого факта могутъ быть очень неодинаковы: все зависитъ

отъ того, какъ подходить къ вопросу — съ точки ли зрѣнія безпристрастныхъ историческихъ предпосылокъ, или съ какими-нибудь предвзятыми намѣреніями.

Если разобраться въ мотивахъ, выставляемыхъ корреспондентами въ пользу не-черезполосныхъ формъ владѣнія, и свести ихъ къ нѣсколькимъ общимъ рубрикамъ, то они охарактеризуются слѣдующими процентными отношеніями:

Округленность владѣнія.	Удобство обработки.	Лучшее удобреніе.	Индивидуализація хозяйства.	Безъ объясненія причинъ.	Всего.
25	25	15	20	15	100

Три первыя рубрики, въ сущности, однородны: всѣ онѣ предполагаютъ округленность владѣнія, изъ которой сама собою вытекаетъ возможность лучшаго удобренія и болѣе успѣшной обработки. Такимъ образомъ, чисто техническія удобства составляютъ основу по крайней мѣрѣ $\frac{2}{3}$ общаго числа мнѣній. Подъ рубрикой: „индивидуализація хозяйства“ мы объединили самыя разнообразныя отзывы, если только въ нихъ, хотя бы даже отдаленнымъ образомъ, чувствовались признаки утомленія общинными порядками. Сюда вошло значительное число такихъ мало характерныхъ случаевъ, какъ переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ сѣвооборота. И все-таки число всѣхъ подобныхъ мнѣній не превосходитъ 20% общаго количества. Интересно, особенно въ виду дальнѣйшаго, отмѣтить нѣкоторыя принципиальныя различія у корреспондентовъ отдѣльныхъ мѣстностей.

	Техническія удобства и безъ объясн. причинъ.	Индивидуализація хозяйства.
	% / %	
Земледѣльческій районъ	83	17
Переходный районъ	84	16
Фабричный районъ	71	29

Какъ видимъ, населеніе земледѣльческихъ мѣстностей заинтересовано въ вопросѣ о техническихъ удобствахъ землепользованія, можетъ быть, даже въ большей степени, чѣмъ населеніе фабричныхъ центровъ, но возможные въ этомъ направленіи выходы рисуются ему, очевидно, въ иномъ видѣ: индивидуализація хозяйства, а, слѣдовательно, и связанное съ нимъ ближайшимъ образомъ хуторское владѣніе, встрѣчаетъ здѣсь гораздо меньше сторонниковъ, чѣмъ въ фабричныхъ мѣстностяхъ.

Это обстоятельство слѣдовало бы, конечно, учесть, какъ очень серьезный показатель; но только не случайно ли оно? Или, можетъ

быть, не вытекает ли оно просто изъ большей косности крестьянина-земледѣльца, неспособнаго до конца ориентироваться въ собственномъ положеніи? Оказывается, нѣтъ. Если посмотрѣть, какъ раздѣляются мнѣнія корреспондентовъ между формами владѣнія, то увидимъ слѣдующее:

	Какое хозяйство удобнѣе?			
	Огрубное.		Черезпол.	
	°/о	°/о	°/о	°/о
Земледѣльскій районъ . . .	86	14	37	63
Переходный районъ . . .	66	34	42	58
Фабричный районъ . . .	62	38	51	49

Цифры эти въ высшей степени знаменательны. Онѣ показываютъ, что уровень сельско-хозяйственнаго пониманія въ земледѣльческомъ районѣ несравненно выше, чѣмъ въ фабричномъ: весь громадный вредъ отъ мелкополосицы и необходимость болѣе крупныхъ участковъ чувствуется здѣсь гораздо сильнѣе. И, несмотря на это, земледѣльскій крестьянинъ все-таки отдаетъ рѣшительное предпочтеніе обычнымъ формамъ общиннаго землепользованія, какъ только начинаетъ сравнивать ихъ съ хуторскимъ. Въ фабричныхъ мѣстностяхъ точка зрѣнія другая: на переднемъ планѣ здѣсь — хуторъ, индивидуализація хозяйства какъ бы сама по себѣ составляетъ цѣль, которая отчасти, повидимому, заслоняетъ даже вопросы земледѣльческаго порядка. Новаго во всемъ этомъ немного: давно уже извѣстно, что земледѣльскія мѣстности отличаются отъ фабричныхъ свѣжестью своихъ общинныхъ традицій; но только теперь, на почвѣ жгучихъ вопросовъ, поднятыхъ закономъ 9-го ноября, разница эта стала много острѣй, мнѣнія рѣзче опредѣлились. Отношеніе къ хуторскому владѣнію играетъ при этомъ роль очень чувствительнаго критерія: такъ какъ хуторъ—полный и безповоротный разрывъ съ общиной, то естественно, что именно въ этомъ пунктѣ сильнѣе всего и выступаетъ непримиримость противоположныхъ принципиальныхъ позицій.

Итакъ, хуторская форма владѣнія, эта современная правительственная панацея отъ всякихъ золъ, встрѣчаетъ въ массѣ населенія принципиальный отпоръ, тѣмъ болѣе энергичный, чѣмъ выше и прочнѣе ея сельско-хозяйственные интересы и привычки. Настоящая земледѣльская масса (а на нее, конечно, въ первую голову и разсчитанъ законъ 9-го ноября) не можетъ себѣ представить задачъ землеустройства иначе, какъ въ рамкахъ того самаго общиннаго строя, который служитъ сейчасъ главной мишенью для нападеній аграрной политики, и рѣшительно отворачивается отъ тѣхъ идеаловъ „крѣпкаго крестьянства“, которые занимаютъ самое видное мѣсто въ рецептахъ г. Столыпина. Каковы должны быть задачи

истиннаго землеустройства—обсужденіе этого вопроса не входило въ обязанности корреспондентовъ; но для полноты характеристики общаго настроенія интересенъ предлагаемый очень многими изъ нихъ выходъ, своего рода какъ бы формула: „общинное, но съ болѣе крупными полосами“ (сузд. у.). „По моему мнѣнію, общинный, съ переходомъ на крупныя полосы“ (горох. у.). „Общинный удобнѣй; только правительству нужно раздѣлить на крупныя полосы, а не такъ, какъ сейчасъ—14, 16 и 18 мѣстъ въ каждомъ полѣ“ (юрьевск. у.). „Хуторской въ нашей мѣстности немыслимъ, хотя онъ, по моему мнѣнію, и хорошъ; но замѣнить его можно тѣмъ, что раздѣлить всю общественную землю, какъ пахотную, такъ и луговую, на болѣе широкія полосы“ (вязник. у.). Любопытно, какъ иногда преломляется въ понятіяхъ корреспондентовъ и получаетъ совсѣмъ особое освѣщеніе самая форма хуторскаго владѣнія. „Удобнѣе, по моему мнѣнію, хуторской; хуторскимъ я называю такой, чтобы земля была въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ деревни“ (судог. у.). „По моему мнѣнію, хуторское хозяйство хорошо, если надѣлъ побольше; а еще лучше, если составится нѣсколько домохозяевъ, съ надѣломъ по 12 дес. и даже меньше того,—тогда можно жить лучше“ (вязник. у.).

Вообще, лишь только изъ области теоретическихъ разсужденій корреспонденты вступаютъ на практическую почву, удѣльный вѣсъ не-черезполоснаго, особенно хуторскаго владѣнія все больше и больше падаетъ. Очень часто сами сторонники хуторскаго хозяйства спѣшатъ отъ него отказаться, когда примѣряютъ его къ дѣйствительности. Главнымъ препятствіемъ, по общему признанію, служить недостатокъ земли. „Хуторской трудъ продуктивнѣе и болѣе распорядителенъ, но малы участки земли: кабы хозяину приходилось не менѣе 15 дес.“ (юрьевск. у.). „Хуторской способъ хозяйства, можетъ быть, и выгоднѣе, но онъ не можетъ быть примѣненъ по малоземелью: для хуторскаго хозяйства надо имѣть по крайней мѣрѣ 15 дес. земли“ (муромск. у.). „У насъ земли очень мало: всякой земли—пахотной, сѣнокосной, лѣсной и прочей—падаетъ десятины по 3 на домохозяина. Хуторъ хорошъ для обработки земли, если бы ея было 10 или 15 десятинъ; а тутъ, я такъ думаю, ни одна комиссія ничего не сдѣлаетъ. А если сдѣлаетъ, то я просилъ бы губернскую управу дать мнѣ разъясненіе: какъ мнѣ прожить на 1-ой десятинѣ? Насъ четыре брата, а земли 3 дес., и то—двѣ болотной, неудобной“ (перевясл. у.). Цифра 10—15 дес., которая вообще часто мелькаетъ въ разсужденіяхъ корреспондентовъ, далеко не случайна и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Если исчислять необходимый во владимірской губерніи минимумъ земли для хуторскаго хозяйства по трехпольному сѣвообороту (а другого расчета корреспонденты, конечно, и дѣлать не могутъ), то она является совершенно правильной. Въ другомъ

мѣств¹⁾ намъ пришлось показать, что каждая рабочая пара въ состояніи здѣсь обработать 5 дес. посѣвной площади, при 3 дес. покоса; прибавимъ сюда другія угодья, — приблизительно и получится около 12 дес.

Слѣдующимъ важнымъ препятствіемъ считается вопросъ о вынасъ, водоснабженіи и нѣкоторыхъ другихъ потребностяхъ, которыя легче и дешевле удовлетворяются при общинныхъ распорядкахъ. „Общинное пользованіе болѣе подходяще, чѣмъ хуторское: обгораживаніе полей, вырваніе прудовъ и колодезевъ, пастьба скота, пути сообщенія болѣе примѣнимы къ общинному пользованію“ (судог. у.). „Хуторской былъ бы хорошъ, если бы возможно было производить на немъ пасево, потому что для пасева нужно будетъ имѣть изгороди, а у насъ лѣсу нѣтъ: мы за хворостомъ ѣздимъ за 20 в.“ (юрьевск. у.). „Деревни всегда расположены около рѣкъ, рѣчекъ, озеръ и ручьевъ; а если гдѣ таковыхъ и не имѣется, то деревней вырыть колодезь или прудъ, чтò не составляетъ такихъ затратъ, какъ хуторянину. Общинная пастьба скота лучше хуторской; отправленіе какъ общественныхъ, такъ и общегосударственныхъ службъ и повинностей удобнѣе при общинѣ“ (визн. у.). Въ связи съ крайней степенью деревенской бѣдности всѣ эти соображенія получаютъ особенную силу. Одинъ изъ корреспондентовъ, убѣжденный принципиальный сторонникъ хуторского хозяйства, немедленно ставитъ на немъ крестъ, лишь только сталкивается съ этимъ вопросомъ. „Дѣло въ томъ“ — говоритъ онъ, — „что для перехода на хуторъ нужно много положить труда, а, главное, денежныхъ расходовъ. Вѣдь для того, чтобы пріобрѣсти участокъ, допустимъ, десятинъ въ 10, нужно немало денегъ; затѣмъ — перенести постройки, вырыть колодезь и т. д. Хотя правительство и помогаетъ въ подобныхъ случаяхъ — выдаетъ ссуды при помощи крестьянскаго банка, но, по-моему, это не велика помощь: вѣдь хозяинъ, разорившись въ конецъ и имѣя массу долга въ банкъ и частнымъ лицамъ, долго не выплетется изъ него и не радъ будетъ и хутору“ (шуйск. у.). „Выходъ на хуторъ сопряженъ съ очень большими издержками“ — говоритъ другой: — „нужно каждому хозяину вырыть свой колодезь, обстроить усадьбу и непременно всю землю огородить, на чтò потребуются много денегъ, — такой суммы крестьянинъ и во свѣ не видалъ. На субсидію же рассчитывать нечего, потому что съ субсидіей въ 300—400 руб. ничего ровнымъ счетомъ не сдѣлаешь, субсидировать же нужно всѣхъ и сполна“ (визн. у.). Продолжая развивать дальше свою мысль, тотъ же корреспондентъ пишетъ: „Но если, предположимъ, крестьяне и будутъ выселены на хутора, то никакой

¹⁾ См. „Землевлѣдѣніе и землепользованіе въ влад. губ.“, Влад. на Клязьмѣ, 1910.

пользы это не принесетъ, кромѣ, развѣ, что увеличить безработныхъ, которыхъ и сейчасъ хоть отбавляй. Разсчитывать, что крестьяне при переходѣ на хутора улучшатъ свое хозяйство, немислимо; думать такъ—значить строить воздушные замки. И прежде чѣмъ мы дождемся улучшенія хозяйства, крестьяне почти все лишатся своей земли. Крестьянину для улучшенія хозяйства нужны не хутора—нѣтъ! Ему нужны образованіе, школы, хорошіе учителя, опытные поля и дѣльные и трудолюбивые агрономы, которые наглядно бы учили его рациональному веденію хозяйства. Защитники хутора скажутъ, что все это и нужно сдѣлать, и тогда на хуторѣ дѣло пойдетъ гораздо лучше и скорѣе, потому что каждый будетъ стараться для себя. Очень хорошо; но только если крестьянинъ будетъ образованъ, то онъ и не подумаетъ о хуторѣ, не захочетъ даже никогда и слушать о немъ. Крестьяне тогда свободно разберутся въ окружающей ихъ жизни и сами найдутъ ключъ къ своему благосостоянію. Они заведутъ тогда свои потребительскія лавки, кооперативныя мастерскія и трудовыя артели и переимѣняютъ теперешнее трехполье на болѣе прибыльную многопольную систему“ (корр. крестьянина нагуевской волости).

По мѣрѣ того, какъ окончательно разсѣивается миражъ хуторского хозяйства, все больше и больше растутъ симпатіи къ общинѣ. И случайно это или нѣтъ, но только она всегда находитъ себѣ самыхъ горячихъ и краснорѣчивыхъ защитниковъ. Приведемъ два первыхъ попавшихся мнѣнія: оба они принадлежатъ крестьянамъ. „Общинному землевладѣнію можно сдѣлать упрекъ только влѣдствіе невѣжества населенія; но преимуществъ при немъ очень много: общій выгонъ, общій водопой, общій наемъ пастуховъ, общія дороги и переправы и сосѣдскія отношенія, а отсюда повседневная, можетъ быть мелочная, но значительная по результатамъ помощь“ (покр. у.). „Общинное въ сто разъ лучше. На хуторъ намъ выдѣляться нельзя, потому что у насъ малоземелье; въ общинѣ же все стоитъ дешевле: вода, починка дорогъ, пастьба скота и пр. Въ общинѣ легче сообща купить сельско-хозяйственныя орудія и помогать другъ-другу во всей сельской жизни. Община много преодолѣла и еще много преодолѣетъ. Она—основа великаго будущаго“ (суд. у.).

Такова та почва настроеній и взглядовъ, на которую упалъ законъ 9-го ноябля. Если бы подобные вопросы рѣшались не соотношеніемъ политическихъ конъюнктуръ, а простымъ большинствомъ, то все усилія правительства не привели бы ровно ни къ чему, и самыя даже гороическія съ его стороны попытки насадить институтъ частной собственности разлѣтѣлись бы въ пыль при первомъ же соприкосновеніи съ народной жизнью. Къ несчастію, дѣло обстоитъ иначе: въ противовѣсъ народному мнѣнію на историческіе вѣсы брошенъ вра-

жебный ему классовый интересъ, на сторонѣ котораго—матеріальныя средства и силы. Невѣроятно, чтобы предпринятый правительствомъ походъ прошелъ для народной жизни безвѣдно. Невѣроятно, чтобы вся эта громадная армія чиновниковъ отъ землеустройства, безконечные отряды спеціально инструкторовъ агрономовъ и земледѣровъ, безпрестанныя побужденія губернаторовъ и земскихъ начальниковъ, подкрѣпленные обязательнымъ содѣйствіемъ становыхъ и урядниковъ, непрекращающійся, наконецъ, рядъ министерскихъ внушеній и прочія, какъ офиціально дозволенные, такъ даже и недозволенные средства воздѣйствія,—невѣроятно, чтобы все это минуло безвѣдно и не вызвало очень серьезныхъ потрясеній въ историческихъ основахъ народнаго быта.

По части усиленной пропаганды новыхъ идей владимірская губернія ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитать себя обиженной. Мѣстный губернаторъ былъ отмѣченъ особымъ вниманіемъ министерства, по случаю малоуспѣшности его дѣйствій, и претерпѣлъ соответствующее внушеніе. Съ увѣренностью можно сказать, что оно сильно подогрѣло его административную распорядительность и немедленно отразилось на всѣхъ подвѣдомственныхъ ему лицахъ и учрежденіяхъ. Огласки энергичной кампаніи по проведенію въ жизнь закона 9-го ноября слышатся во многихъ корреспонденціяхъ. „Крестьяне стараются удержать общину, но старанія ихъ безуспѣшны: г. земскій начальникъ сказалъ, что хоть дадите приговоръ, хоть не дадите—все равно укрѣплю“ (вязн. у.). „Пріѣзжаютъ старшина съ писаремъ въ общество и поютъ:—Хорошо тому будетъ, кто укрѣпитъ землю. Тамъ-та-та, тамъ-та-та...—А укрѣпись—и неизвѣстно, что будетъ. Вдовы и старики начинаютъ продавать“ (ковр. у.). Судя по тому, что большая часть такихъ сообщеній идетъ изъ фабричнаго района, можно думать, что начальство обратило на него особенное вниманіе. „Сгонять всѣхъ, какъ стадо, и толкуютъ:—Вамъ такъ неудобно, а вотъ такъ лучше...—Должно быть, мужика-то еще ребенкомъ считаютъ. Перво-наперво нужно бы земли прибавить, а такъ мы и сами бы разобрались, какъ поступить“ (вязн. у.). Мелкая административная сошка, съ своей стороны, не забываетъ при этомъ случаѣ въ мутной водѣ рыбу половить и, гдѣ можно, поживиться. „У насъ волостные писаря злоупотребляютъ: дѣлаютъ сборы по этому дѣлу. Съ кого возьметъ—сдѣлаетъ собственникомъ; а кто не дастъ—по году и больше не пропуститъ дѣло къ земскому начальнику“ (судог. у.). Большіе вообще разговоры идутъ сейчасъ въ деревнѣ. „Въ народѣ происходятъ волненія и недоумѣнія по земельному дѣлу“ (юрьевск. у.). „Много толковъ у крестьянъ на эту тему, которыхъ я здѣсь помѣстить не могу. Одно скажу (не вытерпѣлъ корреспондентъ): все отъ

мужика и съ мужика, а мужику—ничего!..“ (вязник. у.). Любопытный, однако, выводъ, любопытные, должно-быть, и разговоры...

Каковы же все-таки результаты всѣхъ этихъ усилій? Каковы тѣ плоды, которые успѣла пожать администрація? На вопросъ, не замѣчается ли среди крестьянъ стремленія къ укрѣпленію земли въ личную собственность, отвѣты корреспондентовъ различныхъ мѣстностей распределяются слѣдующимъ образомъ:

	Есть стремленіе.	
	Нѣтъ.	Нѣтъ.
	°/о °/о.	
Земледѣльческій районъ	57	43
Переходный районъ	70	30
Фабричный районъ	85	15

Стремленіе, несомнѣнно, существуетъ—и немалое. Однако, громадная опять разница между фабричнымъ и земледѣльческимъ районами: въ первомъ мы встрѣчаемся съ нимъ, приблизительно говоря, въ 85-ти селеніяхъ изъ 100, во второмъ—только въ 57. Вообще оно правильно падаетъ съ усиленіемъ земледѣльческаго характера мѣстности. Далеко неодинакова, затѣмъ, и самая степень этого стремленія, какъ видно изъ дальнѣйшей таблички, въ которой подробнѣе изученъ первый столбецъ предыдущихъ цифръ:

	Какая степень стремленія къ укрѣпленію?		
	Сильная.	Слабая.	Неопредѣл.
		°/о °/о.	
Земледѣльческій районъ	7	27	66
Переходный районъ	26	23	51
Фабричный районъ	42	12	46

Замѣтимъ, между прочимъ, что изъ фабричнаго района получены четыре извѣстія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ собственность обществами въ полномъ составѣ, а изъ обоихъ остальныхъ вмѣстѣ—только два извѣстія. Сила стремленія въ различныхъ мѣстностяхъ рѣзко различна: она очень быстро и совершенно правильно растетъ по направленію отъ земледѣльческаго района къ фабричному. Относительное число показаній, констатирующихъ наличие сильнаго стремленія, въ фабричномъ районѣ въ шесть разъ больше, констатирующихъ слабое—вдвое меньше. Если въ земледѣльческомъ районѣ очень еще много такихъ мѣстъ, гдѣ „объ этомъ дѣлѣ и разговора нѣтъ“, а въ значительномъ числѣ другихъ все ограничивается пока мѣстъ одними предположеніями, то въ фабричномъ районѣ предположенія, несомнѣнно, уже начали получать широкое практическое осуществленіе.

Впрочемъ, что касается собственно практическаго осуществленія,

то за нимъ дѣло, конечно, не постоитъ: юридическая обстановка вопроса такова, что было бы только желаніе, а средства всегда найдутся. Но вѣдь не въ этомъ, однако, главная суть. Вѣдь и самыя даже похвальные успѣхи по части укрѣпленія въ собственность имѣютъ весьма сомнительное касательство къ задачамъ землеустройства, хотя бы и по современному плану. А какъ же обстоитъ дѣло съ этой-то стороны? Каковы успѣхи, достигнутыя здѣсь? По имѣющимся у насъ точнымъ свѣдѣніямъ о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій, къ 1-му января 1910-го года было выдѣлено 94 хутора и наръзано 567 отрубовъ. Принимая во вниманіе довольно благоприятныя обстоятельства, эти цифры чрезвычайно скромныя. По даннымъ корреспондентовъ, подавляющее большинство (75%) укрѣпленій совершается черезполосно. Такимъ образомъ, въ землеустроительномъ собственно смыслѣ успѣхи, если здѣсь можно вообще говорить объ успѣхахъ, слабоватыя и даже весьма слабоватыя.

Преобладаніе черезполосныхъ укрѣпленій корреспонденты иногда объясняютъ нежеланіемъ укрѣпляющихся ломать установившіяся въ землепользованіи порядки, стремленіемъ фактически продолжать оставаться въ общинѣ. Возможно, конечно, что и это бываетъ; но правдоподобнѣе какъ разъ обратное объясненіе, что сама община налагаетъ veto на выдѣлъ къ одному мѣсту. „Остальные домохозяева не желаютъ переламывать всего поля ради одного какого-нибудь выскочки, а очень ужъ сильно желающихъ выдѣленія посылаютъ на абсолютно неудобную землю“ (визн. у.). „Нѣкоторые и желали бы на отрубной участокъ, но боятся, что имъ наръжутъ самой худшей земли и на пустоши, въ отдаленности отъ своего родного дома“ (шуйск. у.). На то же отчасти намекаетъ постоянно встрѣчающаяся оговорка, что черезполосно выдѣляются „покамѣсть“, „покуда“.

Врядъ ли, однако, этимъ однимъ все объясняется. Нѣкоторые мѣстные различія въ порядкѣ укрѣпленія говорятъ какъ-будто бы и еще кое о чемъ.

	Укрѣпл. черезпол.	Укрѣпл. на отруба.
	°/о °/о.	
Земледѣльческій районъ	71	29
Переходный районъ	71	29
Фабричный районъ	81	19

Земледѣльческія мѣстности, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, населеніе лучше понимаетъ вредъ отъ мелкополосицы, дѣйствительно идутъ впереди фабричныхъ по числу образовавшихся отрубовъ. Находятъ же онѣ пути къ нимъ, несмотря на то, что именно здѣсь-то, казалось бы, община проявитъ себя особенно неуступчивой! И если

все-таки въ массѣ наблюдается такой громадный перевѣсъ через-полосныхъ укрѣпленій, то очевидно, что именно въ ней, въ этой самой массѣ, въ тѣхъ цѣляхъ, которыя она укрѣпленіемъ преслѣдуетъ, и лежитъ еще одна причина разсматриваемаго явленія.

Какіе преимущественно крестьяне укрѣпляютъ землю въ собственность? По имущественному положенію въ большинствѣ (73⁰/₀)—многоземельные, по семейному—малосемейные (88⁰/₀). Укрѣпляются, значитъ, тѣ, кому это въ томъ или другомъ отношеніи выгодно, хозяйства же малоземельныя или многосемейныя почти не укрѣпляются, потому что въ общинѣ видятъ для себя единственный оплотъ въ будущемъ.

Двѣ указанныя категоріи укрѣпляющихся, для которыхъ какъ будто бы спеціально и написанъ весь законъ 9-го ноября, по составу своему довольно разнообразны. Многоземельные—это, съ одной стороны, богатые люди, одержимые желаніемъ присвокупленія, а съ другой, тѣ семейства, у которыхъ, со времени послѣдняго передѣла оказались умершія души; имъ грозитъ опасность земельной отрѣзки, и они спѣшатъ укрѣпиться, большею частью для того, чтобы тутъ же и продать лишнюю землю. „У хорошихъ обыкновенныхъ крестьянъ покамѣстъ и мнѣнія нѣтъ объ укрѣпленіи; имѣютъ мнѣніе только бездѣтные крестьяне, у которыхъ большой душевой надѣлъ“ (покр. у.). „Выходятъ въ собственность тѣ только, у которыхъ нѣтъ наслѣдства, чтобы продать, а остальные хотятъ жить по-старому и дѣлить землю по-общинному“ (меленк. у.). „Замѣчается стремленіе единственно съ цѣлью захвата до передѣла у малосемейныхъ, чтобы укрѣпить и продать“ (горох. у.). Два эти разряда „выходцевъ“, какъ называютъ иногда это новое явленіе корреспонденты, представляютъ особенно тяжелое новообразование въ современной деревенской жизни; къ нимъ больше всего относятся слова одного изъ корреспондентовъ, что на такихъ людей „смотрятъ какъ на отнимающихъ насильно общественную собственность“ (судог. у.). Онъ не понимаетъ, наивный человѣкъ, что они дѣлаютъ это отнюдь не насильно, а на самомъ законномъ основаніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, чтобы хоть отчасти гарантировать себя, общество хлопочетъ о передѣлѣ. „Остальные крестьяне очень стараются объ общемъ передѣлѣ, потому что малосемейные домохозяева, укрѣпившіе въ личную собственность, продаютъ свои надѣлы, а это многосемейнымъ кажется обиднымъ, такъ какъ они остаются безъ всякихъ средствъ къ жизни“ (горох. у.).

Къ малосемейнымъ относятся, далѣе, одиночки, бездѣтные старики и вдовы, которые стремятся „укрѣпить да продать, а деньги прожить“ (ковр. у.). Они, обыкновенно, „и сами сознаютъ, что дѣлаютъ общинѣ крайнія непріятности, но цѣль наживы отъ продажи земля беретъ свое“ (сузд. у.). Можетъ быть, это даже и не нажива,

а крайняя необходимость, и люди эти только невольно играютъ въ руку аграрной политики: но, съ другой стороны, понятию также и негодование одного, напр., корреспондента, который рассказываетъ, что его сосѣдка, бездѣтная вдова, которую мужъ привелъ когда-то изъ Польши, владѣетъ двумя ревизскими надѣлами, сама ихъ не пахнетъ, а сдаетъ въ сосѣднюю деревню, „стала просить утвердить ее въ личную собственность, чтобы выйти изъ общины и продать землю, повидимому, кому-то дальнему; общество этого не хотѣло, но земскій начальникъ ее утвердилъ. Мы считаемъ это неудобнымъ, также—и каждый хорошій крестьянинъ“ (покр. у.). У самого корреспондента надѣлы тоже на дѣй души, при трехъ взрослыхъ работникахъ и большомъ малолѣтнемъ семействѣ.

Укрѣпляются, наконецъ, и продаютъ землю люди, порвавшіе съ нею всякую связь, а такихъ во владимірской губерніи, конечно, немало. „Крестьяне, живущіе на фабрикахъ и не имѣющіе ни домовъ, ни сельскаго хозяйства, ходатайствуютъ предъ правительствомъ объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность“ (меленк. у.). Не появивъ такъ кстати законъ, имъ и въ голову бы не пришло безпокоиться о землѣ. „Замѣчается стремленіе укрѣпить землю у отсутствующихъ крестьянъ, проживающихъ въ городахъ и на фабрикахъ и не имѣющихъ никакой осядлости—чтобы продать“ (ковр. у.). Продаетъ и тотъ, кто собирается порвать связи, напр. переселенцы. „Хотятъ выдѣла только тѣ крестьяне, которые желаютъ переселиться въ Сибирь“ (меленк. у.).

Таковъ преобладающій контингентъ лицъ, которыя пожелали воспользоваться правомъ укрѣпить землю въ собственность. Главнымъ образомъ, какъ видимъ, „это — люди, кому лично земля не нужна“ (вязник. у.). „Они выходятъ не для того, чтобы какъ улучшить хозяйство, а только чтобы продать, и земля эта должна попасть въ руки богача; а тогда и гляди, что будетъ...“ (меленк. у.). Ну, тѣ-то, разумѣется, могли бы на это сказать: „Après nous le déluge“. Понятно теперь, почему громадное большинство укрѣпляется черезполосно: имъ совершенно незачѣмъ возиться съ отрубамі—лишь бы поскорѣй укрѣпиться да продать. Кто можетъ быть дѣйствительно заинтересованъ въ отрубяхъ и въ хуторахъ, такъ это тѣ упомянутые выше богатые многоземельные „выходцы“, на которыхъ возложена роль новыхъ „собирателей земли русской“. Уготованная для нихъ почва приноситъ свои плоды; теперь имъ только бы отдышаться, а то они все еще дрожатъ за свое существованіе, въ виду слишкомъ памятныхъ уроковъ недавняго прошлаго, и, не смѣя выступать открыто, заняты покаместъ мобилизаціей своихъ силъ. „Въ собственность укрѣпляются кулаки и несостоятельные крестьяне, послѣдніе—съ

тѣмъ, чтобы продать участокъ тому же кулаку; тотъ можетъ закупить такихъ участковъ нѣсколько, въ ущербъ всему обществу. Этотъ указъ вовсе нежелательный!“ (муромск. у.). „Нерѣдко встрѣтитъ такіа сужденія среди крестьянъ, что законъ 9-го ноября не полезенъ для крестьянъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ крестьяне рѣшительно останутся безъ земли, что и теперь наблюдается: которые укрѣпились или еще только просятъ укрѣпиться, а ужъ надѣлы продали за безцѣнокъ. Скупаютъ кулаки. Часто такъ случается, что крестьянинъ ѣдетъ укрѣпляться, а съ нимъ ѣдетъ кулакъ совершать продажную сдѣлку“ (муромск. у.). Картинка прямо съ натуры!..

Итакъ, „собирачилъ“ идетъ. Фигура эта до такой степени поражаетъ наблюдателя своей ничѣмъ неприкрытой наготой, она такъ цинично откровенна въ каждомъ своемъ тѣлодвиженіи и словѣ, что крестьянинъ видитъ ее насквозь и заклеилъ уже готовой печатью „врага общества и кровопійцы“ (горох. у.). „Въ то время (т.-е. когда придетъ „собирачилъ“) образуется въ каждомъ селеніи пролетаріатъ и въ родѣ какъ помѣщики, скупившіе землю“ (юрьевск. у.). Послѣ того наступитъ царство „крѣпкаго крестьянства“. Смыслъ грядущихъ временъ такъ вообще простъ, что онъ ни для кого не тайна. „Съ укрѣпленіемъ земля будетъ, какъ ходячая монета, которой нынѣ владѣю я, а завтра—другой“ (влад. у.). „Разъ укрѣпится какая-либо часть земли въ собственность, то возрастающее молодое поколѣніе должно оставаться безземельными батраками. Въ землѣ и такъ ощущается острая нужда; землеустроительныя комиссіи не удовлетворяютъ требованіямъ народа. Если заглянуть впередъ — что будетъ тогда?“ (судог. у.). „Сильно большая будетъ безземелица въ будущее время—и большое насильство, и масса грабежей“ (сузд. у.). Мрачныя вообще картины, и тяжелыя мысли онѣ ведутъ за собой. „Крестьяне мрачно представляютъ будущее: гдѣ будутъ селиться ихъ сыновья? Грозитъ полное обнищаніе“ (горох. у.).

Община, разумѣется, бессильна и не можетъ ничего предпринять, чтобы отвратить отъ себя тяжелыя испытанія, которыя подстерегаютъ ее въ самомъ недалекомъ времени. Въ ея рукахъ, въ сущности, одно только средство: чисто пассивное сопротивленіе. Имъ она, дѣйствительно, и пользуется въ широкихъ размѣрахъ, отказывая въ приговорахъ на укрѣпленіе и оставаясь при этомъ совершенно глухой какъ къ угрозамъ, такъ и къ убѣжденіямъ. Одинъ корреспондентъ, неоднократно, но безуспѣшно добивавшійся общественнаго приговора, съ раздраженіемъ жалуется, что его „совсѣмъ поѣдомъ сожрали; что-жъ ты тутъ съ ними будешь дѣлать! Ихъ безъ дубины не уговорить“ (покр. у.).

Отказъ въ приговорѣ—это какъ бы своего рода выраженіе обще-

ственного порицанія—черпаетъ свою моральную силу въ той глубинѣ граничащаго то съ негодованіемъ, то съ презрѣніемъ несочувствій, какое встрѣчаютъ по отношенію къ себѣ „выходцы“ въ широкихъ кругахъ деревенскаго населенія, — несочувствія, выраженнаго тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше развиты земледѣльческіе интересы мѣстности.

	Какъ относятся остальные кр-не къ выходу изъ общины?		
	Сочувств.	Безразлично.	Несочувств.
		°/о °/о.	
Земледѣльческій районъ	—	8	92
Переходный районъ.	6	5	89
Фабричный районъ	6	10	84

„Враждебно“, съ „большимъ негодованіемъ и даже презрѣніемъ“, „противно даже и слушать имъ“—таковы постоянные отзывы корреспондентовъ. Отказавши въ приговорѣ, община какъ бы умываетъ руки и всю отвѣтственность за дальнѣйшее слагаетъ на голову „выходца“. Съ этого момента онъ попадаетъ въ условія своего рода экстерриториальности, становится какъ бы внѣ защиты общинныхъ порядковъ и долженъ постоянно чувствовать себя въ щекотливомъ положеніи изгой. Въ настоящее время это далеко не безопасно, и потому отказъ въ приговорѣ или даже одна только возможность отказа часто въ самомъ началѣ убиваетъ всякія попытки въ этомъ направленіи. „Были желанія укрѣпиться, но разбились о большинство нежелающихъ“ (влад. у.).

Однако, въ атмосферѣ деревенскихъ отношеній чувствуется такая сейчасъ напряженность, столько успѣло скопиться въ пей всякихъ горючихъ матеріаловъ, что не обходится дѣло и безъ эксцессовъ. Кругъ интересовъ, затронутыхъ закономъ 9-го ноября, такъ широкъ, жизненность ихъ такъ глубока, что—помимо всего прочаго—онъ легче всего можетъ дать въ руки желающему способъ внести раздраженіе въ сферу не только общественныхъ, но и семейныхъ отношеній. Очень распространены указанія, что укрѣпляется „отецъ, который живетъ въ неприятности съ дѣтьми“ (юрьевск. у.), укрѣпляются „крестьяне, въ ущербъ сыну, брату и вообще младшимъ членамъ семьи, дабы держать ихъ въ рукахъ“ (муромск. у.). Все это вмѣстѣ взятое порождаетъ такое нервное и неустойчивое настроеніе, что при первомъ же удобномъ поводѣ оно проявляетъ себя бурными взрывами. „Десять домохозяевъ изъ д. Шанькова осенью прошлаго 1903 г. надумали перейти въ собственники; но остальные домохозяева выразили имъ протестъ и здорово поколотили ихъ на сходѣ, такъ что пришлось вызывать станового со стражниками и унимать“ (визн. у.).

Безъ преувеличенія можно сказать, что создавшійся въ деревнѣ

порядокъ вещей представляетъ какъ бы нарочитую и самую подходящую почву, на которой одна часть населенія возбуждается противъ другой. Но, повторяемъ, не община отвѣтственна за это, какъ и за все прочее, чтò совершается сейчасъ въ деревнѣ. До сихъ поръ, въ большинствѣ случаевъ, она заявляетъ только моральный протестъ, не нарушая поставленныхъ ей юридическихъ рамокъ. „Когда я подалъ черезъ сельскаго старосту заявленіе обществу, то оно его отвергло; когда я вынесъ законъ и сталъ объяснять, что если общество несогласно, то я и безъ его согласія сдѣлаю, то они сказали:—а если сдѣлаешь, то зачѣмъ насъ и спрашиваешь?“ —(алекс. у.). Прекрасный и достойный отвѣтъ!.. Иди, и „что хочешь дѣлать, дѣлай скорѣ!“

Вс. Н.

РЕФОРМА УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ ГЕРМАНИИ

Медленно, но неуклонно пробиваетъ себѣ путь къ господству голось криминалистовъ, стремящихся превратить уголовное законодательство въ дѣйствительное средство борьбы съ преступностью. Творчество не процвѣтаетъ въ наши дни; юридическая мысль благополучно обходится сейчасъ доставшимся ей по наслѣдству капиталомъ. Но, говоря словами мудреца, „всемирный духъ далъ времени приказъ идти впередъ“. И какъ ни тяжела работа, малыя дѣла, цѣпляясь другъ за друга, образуютъ постепенно значительный вкладъ въ общую сумму правового и социальнаго прогресса.

Серьезныя уступки требованіямъ такъ-называемой позитивной криминалистической школы—фактъ, съ которымъ правовѣрная юриспруденція не можетъ долше не считаться. Въ цѣломъ рядѣ государствъ введенъ институтъ условнаго осужденія. Повсюду измѣняются мѣры противодѣйствія возрастающей преступности малолѣтнихъ. Подготавливается радикальная перестройка господствующей системы борьбы съ рецидивомъ. А за послѣдніе годы предпринимаются уже энергическія попытки распространенія „новыхъ“ идей и на все вообще уголовное законодательство. Маленькая Норвегія, съ ея неисчерпаемымъ богатствомъ моральныхъ и творческихъ силъ, и въ этомъ случаѣ опередила всю Европу. Кодексъ 22-го мая 1902 г. еще очень далекъ отъ совершенства; но онъ начинается собой новую эпоху. И каковы бы ни были достоинства и преимущества дальнѣйшихъ опытовъ, въ исторіи

ему обезпечено мѣсто рядомъ съ замѣчательнѣйшими памятниками уголовно-правовыхъ исканій.

Въ настоящее время закончены уже предварительныя работы по реформѣ кодексовъ швейцарскаго, австрійскаго и германскаго. И всѣ три проекта отражаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, заявляемыя прогрессивной криминалистикой домогательства. Соціологическая школа заняла на законодательномъ горизонтѣ вполне определенное мѣсто. Сейчасъ уже нельзя себѣ представить случая, когда бы сколько-нибудь серьезная реформа карательнаго права прошла равнодушно мимо тѣхъ практическихъ требованій, которыя написаны на знамени „модернистовъ“.

Успѣхъ, какъ мы видимъ, несомнѣнный. Но до того триумфа, о которомъ мечтали въ 80-хъ годахъ только-что организовавшіеся тогда протестанты, очень еще далеко. Отъ звука іерихонскихъ трубъ стѣны классической криминалистики не рухнули. Чѣмъ суровѣе на нее нападали, тѣмъ ярче выступала незыблемость ея юридическаго фундамента. Атакующіе останавливались, взвѣшивали еще разъ свои требованія, отбрасывали инныя изъ нихъ, какъ совершенно негодныя, признавали другія практически въ настоящій моментъ неосуществимыми. Отъ года къ году характеръ кампаніи постепенно измѣнился. И сейчасъ борьба ведется уже подъ знакомъ компромисса, съ молчаливымъ признаніемъ за противной стороною права на львиную долю законодательной добычи.

Я не хочу уменьшить этимъ значенія достигнутыхъ уступокъ. Иначе, очевидно, и быть не могло. Именно въ области уголовной юстиціи сдерживающее вліяніе укоренившихся взглядовъ должно отличаться особою силою. Родиной цѣлаго ряда новшествъ не даромъ является въ этой сферѣ Америка. На почвѣ, свободной отъ тяжелаго груза историческихъ и культурныхъ традицій, производятся съ одинаковой легкостью совершенно, казалось бы, несовмѣстимые опыты. Тутъ и заманчивая картина будущаго—великодушный планъ устройства специальныхъ школъ для *излеченія* унаслѣдованныхъ провинившимися дѣтьми дурныхъ наклонностей,—и запоздавшій на нѣсколько вѣковъ проектъ кастраціи „неисправимыхъ“ преступниковъ. Въ одной изъ своихъ беллетристическихъ шутокъ Оскаръ Уальдъ съ большимъ блескомъ, хотя и нѣсколько утрировано, изобразилъ равнодушіе атлантической республики къ предразсудкамъ стараго свѣта. Это относится въ равной мѣрѣ ко злу и къ добру. Европа обнаруживаетъ въ обоихъ направленіяхъ гораздо большую сдержанность.

I.

Смертная казнь и тѣлесныя наказанія.

Въ связи съ общими тенденціями нашей эпохи криминалистика проявляетъ сейчасъ слабую заботливость объ отдѣльномъ человѣкѣ. Все, что въ этомъ смыслѣ заключаютъ въ себѣ уголовные кодексы, является лишь реализаціей требованій, выдвинутыхъ философами и гуманистами еще во второй половинѣ XVIII-го столѣтія. Беккарія и Филанжери, Монтескье и Вольтеръ, Джонъ Говардъ въ различной формѣ, но съ одинаковой силой возстали противъ жестокостей закона, произвола судовъ, варварскаго режима тогдашнихъ тюремъ. Очарованію провозглашенныхъ ими лозунговъ поддались благороднѣйшіе умы того времени. Началось движеніе, идеи котораго и по сей еще день окончательно не исчерпаны. Теперь пришла ему на смѣну другая волна. Не интересы личности, а *общее благо*— вотъ въ какую сторону устремлена сейчасъ всецѣло мысль криминалиста. Холодность, съ которою въ XX-мъ вѣкѣ разсматривается вопросъ о смертной казни—характернѣйшій показатель этого опаснаго во многихъ отношеніяхъ поворота.

Принципъ соціальной охраны проникаетъ насквозь и всѣ реформаторскія начинанія въ разработанныхъ за послѣдніе годы уголовно-правовыхъ кодексахъ. Объяснительныя записки изобилуютъ аргументами наивнѣйшаго утилитаризма. „Неотъемлемыя права человѣка“ тщательно, напротивъ, исключаются изъ всѣхъ расчетовъ.

Этимъ духомъ охваченъ и *предварительный проектъ германскаго уголовного уложенія*. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда партикулярные нѣмецкіе кодексы впервые должны были уступить мѣсто общегерманскому законодательству, надъ всѣми текущими спорами безраздѣльно господствовалъ вопросъ о правѣ государства на жизнь гражданина. Объединеніе Германіи воскресило въ памяти эпоху франкфуртскаго парламента, съ провозглашенной въ „основныхъ правахъ нѣмецкаго народа“ торжественной отмѣной смертной казни. Наступившая реакція, вмѣстѣ съ другими завоеваніями мартовскихъ дней, ликвидировала очень скоро и это. Въ 1870 г. проблема всплыла снова съ такой остротой, что изъ-за нея чуть было не рухнулъ весь проектъ общаго уголовного кодекса. Сѣверогерманскій рейхстагъ стоялъ на томъ, что въ союзномъ законодательствѣ не мѣсто отжившему институту. Большинствомъ 118 противъ 81 голоса смертная казнь вычеркнута была, при второмъ чтеніи, изъ нѣмецкой карательной системы. Правительство объявило съ своей стороны, что въ двухъ слу-

чалхъ — при умысленномъ убійствѣ и при покушеніи на жизнь одного изъ государей,—оно безусловно не можетъ отказаться отъ этого крайняго средства. Только въ самый послѣдній моментъ мысль о вредѣ уголовно-правового партикуляризма одержала верхъ надъ всѣми остальными мотивами—да и то предложенія союзнаго совѣта приняты были лишь 127 голосами противъ 119.

Какой контрастъ съ тѣмъ равнодушіемъ, которымъ эта роковая тема окутана въ настоящее время! Составители предварительнаго проекта съ большою легкостью проходятъ мимо вопроса. Они знаютъ, что онъ причинитъ имъ очень мало заботы. Все, что писалось и говорилось юристами за послѣднюю четверть вѣка, скорѣе укрѣпило сторонниковъ смертной казни, чѣмъ ослабило ихъ. И достаточно вспомнить о томъ фіаско, которое постигло недавно враговъ смертной казни въ французской палатѣ депутатовъ, чтобы отдать себѣ отчетъ въ усиѣхѣ агитаціи, предохраняющей законодателя и общество противъ увлеченія чувствомъ „фальшивой гуманности“. Вопросъ, въ лучшемъ случаѣ, сошелъ, что называется, съ очереди. Сотни страницъ посвящены въ безчисленныхъ отзывахъ на германскій проектъ всевозможнымъ деталямъ принятой имъ карательной системы—но лишь изрѣдка тотъ или другой авторъ напоминаетъ вскользь о томъ, что во главѣ ея остается попрежнему смертная казнь. Достоинства и недостатки уголовныхъ кодексовъ опредѣляются теперь иными критеріями.

Но какъ ни мало благоприятны условія, всепобѣждающая сила времени должна была, очевидно, сказаться и здѣсь. Смертная казнь съ 1881 г. неизвѣстна голландскому законодательству. Она исключена изъ дѣйствующихъ итальянскаго (1889 г.) и норвежскаго (1902 г.) кодексовъ. Не упоминаетъ о ней и нашумѣвшій швейцарскій проектъ (1903 г.)¹⁾. На значительныя уступки идетъ, наконецъ, и правительственная коммиссія, разработавшая основы реформы уголовного права въ Германіи. Именно тамъ, гдѣ фактически только и примѣняется здѣсь смертная казнь — при заранѣе обдуманномъ предумышленномъ убійствѣ,—она перестаетъ быть *обязательнымъ* наказаніемъ (§ 212). Смягчающія вину обстоятельства, которыхъ не знаетъ соответствующая статья (§ 211) швейцарскаго кодекса, даютъ судѣ право понизить кару до 10-ти лѣтъ каторжной тюрьмы. Такъ достигается теперь безъ

¹⁾ Сохраняютъ смертную казнь изъ новыхъ кодексовъ: *финляндское* уложеніе 19-го декабря 1889 г., *болгарское*—2-го февраля 1896 г., *русское*—22-го марта 1903 г., *японское*—23-го апрѣля 1907 г. и проекты: австрійскій—1891 г. и аргентинскій—1906 г. См. „Vorentwurf zu einem deutschen Strafgesetzbuch“, Begründung, Allg. Teil, стр. 24.

борьбы добрая половина того, что сорокъ лѣтъ тому назадъ оказалось не подѣ силу сѣверо-германскому рейхстагу.

Въ принципиальномъ отношеніи вопросъ ни на шагъ не сдвинулся съ мѣста. Не чуждые вообще краснорѣчію, составители предварительнаго проекта какъ бы нарочно извлекаютъ въ этомъ случаѣ изъ своего лексикона самые будничные обороты. Объяснительная записка вполне гармонически заканчиваетъ главу о смертной казни вопросомъ, какъ слѣдуетъ отрубать осужденному голову—простымъ или механическимъ топоромъ. Въ отдѣльных частяхъ германской имперіи установились издавна различные способы казни. И проектъ находить, что „хотя желательно также и въ этой области достигнуть на всей территоріи извѣстнаго единообразія, но сохраненіе нынѣшнихъ различій, не затрагивающихъ самаго существа кары, является безвреднымъ и отдавать одновременно дань укоренившимся въ населеніи привычкамъ“.

Тѣлесное наказаніе юристы правительственной комиссіи рѣшительно отвергаютъ. Но печать попятнаго движенія отъ гуманныхъ лозунговъ классической криминалистики лежитъ и на этомъ вопросѣ. Съ различныхъ сторонъ призываютъ за послѣднее время законодателя къ большей „строгости“. И признавая ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ неумѣстной, онъ считаетъ, однако, долгомъ входить въ обсужденіе вопросовъ, казалось бы—разъ навсегда разрѣшенныхъ.

Что же дѣлать, когда и въ просвѣщеннѣйшихъ странахъ обширные круги общества продолжаютъ все еще вѣрить въ спасительную силу палки. Конецъ прошлаго вѣка ознаменовался въ Англійи цѣлымъ рядомъ петицій, въ которыхъ граждане настаивали предъ парламентомъ на расширеніи границъ, установленныхъ закономъ 1863 г., согласно которому тѣлесное наказаніе, рассчитанное вообще на дѣтей, можетъ быть распространено въ двухъ случаяхъ также и на взрослыхъ. Хорошо еще, что въ палатахъ „реформа“ эта заранѣе обречена была на гибель. Но тотъ фактъ, что она нашла въ странѣ извѣстное число горячихъ приверженцевъ, самъ по себѣ объ очень многомъ свидѣтельствуетъ... Въ Даніи тѣлесное наказаніе для взрослыхъ уголовному кодексу неизвѣстно. Законъ 1-го апрѣля 1905 г., изданный въ отмѣну порядка, допускавшаго эту кару для дѣтей обоюго пола, оставлялъ ее только для мальчиковъ. Подѣ впечатлѣніемъ ряда возмутительныхъ насилій принять былъ въ томъ же году, въ видѣ опыта, срокомъ на шесть лѣтъ, законъ, по которому къ побоямъ разрѣшается присуждать также и совершеннолѣтнихъ. Условіе—рецидивъ, при отсутствіи надежды на исправленіе. Недалеко уже время, когда мы узнаемъ, къ чему привела эта проба... Накопецъ, въ сѣверо-американскомъ штатѣ Орегонъ задумали испытать палку въ качествѣ способа воздѣйствія

на мужей, жестоко обращающихся со своими женами (законъ 22-го февраля 1905 г.).

Приверженцы тѣлеснаго наказанія, — а они имѣются и среди юристовъ, — указывали на всѣ эти обстоятельства авторамъ нѣмецкаго проекта. Но исторія вопроса въ самой Германіи позволяла съ легкостью отразить всѣ домогательства этого рода. Изъ партикулярныхъ кодексовъ розги и родственники имъ мѣры торжественно изгнаны были въ эпоху революціи. А гдѣ онѣ снова затѣмъ появились, тамъ отмѣнило ихъ уже однимъ ударомъ дѣйствующее имперское законодательство. Коммиссія нашла, что „отъ средства, находящагося въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствующими въ народѣ воззрѣніями, нельзя вообще ожидать благоприятныхъ результатовъ“. Палка не получить до ступа въ новое германское уложеніе.

II.

Борьба школь.

Въ Германіи и за ея предѣлами расточаются по адресу предварительнаго проекта самыя неумѣренныя похвалы. Безспорно, онъ представляетъ во многихъ отношеніяхъ значительный шагъ впередъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы должны закрывать глаза на его темныя стороны и прежде всего на то узкосердечіе, въ атмосферѣ котораго протекали работы созданной правительствомъ коммиссіи. Передъ нами въ данномъ случаѣ не вина отдѣльныхъ людей, а несомнѣнная „болѣзнь вѣка“.

Жесточайшій упрекъ, посылаемый по адресу дѣйствующаго нѣмецкаго кодекса, это — указаніе на полную его практическую бесплодность. Суды работаютъ не покладая рукъ, тюрьмы переполнены, къ старымъ уголовнымъ законамъ присоединяются новые — а число преступленій, въ особенности наиболѣе опасныхъ, непрерывно растетъ.

Не будемъ касаться вопроса о мѣстѣ репрессіи въ системѣ мѣръ борьбы съ различными проявленіями преступности. Построенные на отвлеченныхъ предпосылкахъ, нынѣшніе кодексы страдаютъ цѣлымъ рядомъ дефектовъ, до крайности ослабляющихъ предупредительную роль уголовного закона. Законодатель долженъ позаботиться о томъ, чтобы работа судовъ и тюремныхъ служителей создавала извѣстнаго рода преграду широко разливающемуся потоку преступленій. Цѣль эта сознательно теперь всѣми ставится. Другой вопросъ, какими путями она лучше всего можетъ быть достигнута.

Принципъ, положенный въ основу карательной системы большинства нынѣшнихъ кодексовъ, достаточно хорошо извѣстенъ. Сущность

его сводится къ тому, что человѣкъ вполнѣ свободенъ въ своихъ поступкахъ и каждый долженъ быть, поэтому, наказанъ по дѣламъ его. Масштабомъ заслуженнаго осужденнымъ зла является прежде всего, если не исключительно, тяжесть совершеннаго имъ преступленія.

Справедливое возмездіе—вотъ въ чемъ, согласно этой теоріи, сущность всякаго правосудія. Его характеристическая черта заключается въ томъ, что оно сосредоточиваетъ всѣ свои заботы исключительно на прошедшемъ. Определить дѣйствительныя размѣры вины, найти приличествующій имъ карательный эквивалентъ—и больше ничего. До будущаго служителямъ нынѣшней юстиціи, по духу и буквѣ закона, нѣтъ никакого дѣла.

Эта доктрина какъ бы исключаетъ борьбу съ преступникомъ изъ круга своихъ стремленій. Критики ея, напротивъ, именно въ такой борьбѣ видятъ основную задачу земнаго правосудія. Кара важна для нихъ лишь какъ способъ противодѣйствія дальнѣйшимъ нарушеніямъ правоохраненнаго интереса. Вотъ почему они такъ легко отказываются отъ нея тамъ, гдѣ та же цѣль можетъ быть лучше достигнута другими средствами. Вотъ почему они не удовлетворяются наказаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно не служитъ достаточно сильнымъ противовѣсомъ склонности отдѣльныхъ людей продолжать свою преступную дѣятельность. Условное осужденіе, воспитательный режимъ для малолѣтнихъ и maximum снисходительности къ случайнымъ преступникамъ съ одной стороны, суровая борьба съ рецидивомъ и всѣ вообще охранительныя мѣропріятія съ другой — непосредственный логическій выводъ изъ этихъ посылокъ.

Въ наукѣ и литературѣ весь комплексъ перечисленныхъ новшествъ прочно соединенъ съ представленіемъ о такъ-называемой социологической школѣ. Во имя ихъ принятія модернисты громили много лѣтъ подрядъ на всѣхъ криминалистическихъ соборахъ дѣйствующее уголовное законодательство. И въ качествѣ „нигилистическихъ домогательствъ“ требованія эти подвергались одно время жесточайшимъ нападкамъ изъ лагеря классиковъ. Борьба отличалась особенно рѣзкимъ характеромъ въ Германіи. Но отсюда же стали раздаваться—въ видахъ скорѣйшаго осуществленія реформы—первые призывы къ перемирію. Практической интересъ выдвинулъ идею компромисса. Она легла въ основу грандіознаго подготовительнаго труда специалистовъ ¹⁾. И ею же продиктована законодательная работа созданной правительствомъ особой комиссіи.

¹⁾ Рядъ монографій по главнѣйшимъ вопросамъ общей и особенной части уголовного права объединенъ въ многотомномъ трудѣ: „Vergleichende Darstellung des deutschen und ausländischen Strafrechts“.

Поскольку,—читаемъ мы въ мотивахъ,—поддается вообще научной характеристикѣ исходная точка зрѣнія проекта, можно опредѣлить ее такъ, что хотя онъ и основывается въ цѣломъ на фундаментѣ классической уголовно-правовой доктрины, но принимаетъ также въ расчетъ и требованія новой школы, тамъ, гдѣ они подсказываются дѣйствительными нуждами нашего времени. Уступки выражаются, главнымъ образомъ, въ институтѣ такъ-называемаго условнаго осужденія и въ системѣ различныхъ охранительныхъ мѣропріятій, которая не можетъ быть оправдана одной лишь идеей возмездія, а имѣютъ прежде всего въ виду предупрежденіе преступленій. Такъ же поступаютъ и другія новыя законодательства, въ особенности швейцарское и норвежское. Эту платформу объявили, наконецъ, пріемлемой и правильной видные ученые изъ обоихъ лагерей, признавъ, что компромиссъ между двумя крайними флангами уголовной теоріи осуществимъ и желателенъ“.

Если и не совсѣмъ открыто, то по существу Рубиконъ, такимъ образомъ, перейденъ. Проектъ выступаетъ съ рядомъ предложеній, игнорирующихъ многовѣковую основу уголовного права—начало воздающей справедливости. И задачи, до сихъ поръ неизвѣстныя, отнынѣ должны будутъ встать предъ германскими судами. Въ настоящее время юстиція удовлетворяется тѣмъ, что представляетъ обвиняемому болѣе или менѣе точный счетъ за содѣянное имъ. Мысль о будущемъ—новый элементъ, настоятельно выдвигаемый не одною лишь статистикою преступности, но и всѣмъ вообще ходомъ нашего соціального развитія. Разъ вступивъ на этотъ путь, законодательство никогда уже, разумѣется, его не покинетъ.

Въ выборѣ и конструкціи *предупредительныхъ мѣръ* коммиссія обнаруживаетъ незаурядное практическое чутье. Тѣмъ, что въ этомъ направленіи предпринято, опредѣляется и степень уголовно-политического прогресса, вносимаго проектомъ въ дѣйствующіе порядки.

III.

Условное осужденіе.

Не дать *случайному* правонарушителю превратиться въ подлиннаго „лихого человѣка“,—устранить опасность, которою обществу угрожаютъ *неуравновѣшенные* и присуждаемые въ силу этого къ незначительнымъ карамъ субъекты,—обезвредить, по возможности, настоящаго *закоренелаго* преступника: таковы исходные пункты реформаторскихъ начинаній послѣдняго тридцатилѣтія. Многіе изъ нихъ вполне совмѣстимы съ традиціями классической криминологіи. И

только близорукая ортодоксія привела къ тому, что такъ-называемая социологическая школа трактуетъ соотвѣтствующія домогательства, какъ исключительно ей принадлежащее идейное достояніе.

Начать хотя бы съ заботы о томъ, чтобы человѣкъ, почему-либо попавшій однажды подъ судъ, не оказался въ силу этого разъ навсегда выброшеннымъ изъ общечитія. О гибельномъ вліяніи тюремъ и говорить какъ-то неловко — настолько это заѣзженная тема. Сто лѣтъ тому назадъ она обсуждалась отнюдь не менѣе краснорѣчиво, чѣмъ сейчасъ. За нашимъ временемъ только заслуга новой постановки этого вопроса, въ смыслѣ замѣны краткосрочнаго отнятія свободы другими средствами принудительнаго воздѣйствія. *Условному осужденію* по праву принадлежитъ въ ихъ ряду наиболѣе видное мѣсто.

Слѣпыя приверженцы старины отвергаютъ этотъ популярный институтъ, какъ замаскированный отказъ отъ идеи возмездія, осложняемый посягательствомъ на принадлежащее одному лишь монарху право помилованія. Составители германскаго проекта не испугались, къ счастью, этого жупела. Условное осужденіе, проникшее за послѣднюю четверть вѣка во всѣ передовыя законодательства, имѣетъ теперь шансы стать твердой ногой и въ Германіи.

Теорія признаетъ эту мѣру далеко не при всѣхъ обстоятельствахъ одинаково цѣлесообразной. Если не исключительно, то во всякомъ случаѣ преимущественно условное осужденіе рассчитано на новичковъ, которымъ оно должно показать всѣ выгоды согласнаго съ закономъ и всѣ неудобства идущаго въ разрѣзъ съ нимъ поведенія. Перспектива двойной кары — весьма серьезный задерживающій мотивъ. Но предупредительная сила его не всегда одинакова. Если инкриминируемый поступокъ не свидѣтельствуетъ самъ по себѣ о порочности обвиняемаго, а ходъ процесса убѣждаетъ судей въ томъ, что опасность рецидива весьма незначительна, то слѣдуетъ, разумѣется, предпочесть эту *мирную* кару всякому другому виду уголовной репрессіи, заключающему въ себѣ элементъ разрушенія тѣхъ или иныхъ жизненныхъ благъ.

Составители германскаго проекта раздѣляютъ господствующій въ литературѣ и законодательной практикѣ взглядъ, что условной отмінѣ можетъ подлежать далеко не всякое наказаніе. Но самый кругъ дѣлъ, на которыя распространяется условное осужденіе, формально заранѣе не ограниченъ: судѣ предоставляется въ этой области извѣстная свобода усмотрѣнія.

Въ связи съ исходными предпосылками института устанавливается, прежде всего, что онъ имѣетъ въ виду только лицъ, *еще не присуждавшихся къ лишенію свободы*. Приговоривъ такого новичка къ тюрьмѣ или аресту срокомъ *не больше, чѣмъ на шесть мѣсяцевъ*,

судья можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановить, чтобы вердиктъ этотъ въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени не исполнялся. Цѣль— дать обвиненному возможность „заслужить хорошимъ поведеніемъ полную отмену кары“. Срокъ испытанія въ тяжелыхъ случаяхъ—отъ 2-хъ до 5-ти лѣтъ, въ менѣе серьезныхъ—отъ одного года до двухъ лѣтъ.

Огромному большинству лицъ, въ первый разъ осужденныхъ, открывается, такимъ образомъ, возможность избѣжать гибельнаго во всѣхъ смыслахъ тюремнаго клейма. Но проектъ находить, что вновь вводимая мѣра должна сохранять при всѣхъ обстоятельствахъ характеръ исключенія. И служителямъ юстиціи преподаются въ этихъ видахъ извѣстныя общія директивы.

Реализация наказанія можетъ быть отложена въ томъ только случаѣ, когда „личность виновника, судя по обстановкѣ совершеннаго имъ поступка и по условіямъ его предыдущей жизни, представляется заслуживающей особаго вниманія и позволяетъ рассчитывать, что онъ будетъ вести себя впредь хорошо и безъ того, чтобы кара фактически была исполнена“. Рекомендуются, далѣе, „учитывать побудительные мотивы поступка и образъ дѣйствій осужденнаго послѣ того, какъ совершенно было преступленіе,—старался ли онъ, въ особенности, по мѣрѣ силъ своихъ исправить причиненный вредъ“. Условная отмена наказанія имѣетъ въ виду главнымъ образомъ несовершеннолѣтнихъ, но она можетъ быть, въ случаѣ надобности, примѣняема и къ взрослымъ.

Теоретически передъ нами здѣсь не что иное, какъ дальнѣйшій этапъ въ развитіи великаго принципа индивидуализаціи. Его первоначальное обоснованіе—одна изъ величайшихъ заслугъ классической школы. Этого не могутъ, къ счастью, позабыть и тѣ криминалисты, которые стараются изо всѣхъ силъ изолировать свою науку отъ голоса живой дѣйствительности. Даже такой упорный буквоѣдъ, какъ извѣстный мюнхенскій профессоръ *Карль Биркмейеръ*, находить, что „личныя отношенія“ преступника недостаточно, *de facto*, въ настоящее время учитываются. „Для того, чтобы опредѣлить степень виновности,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ работъ,—судья долженъ знать, не подвергались ли когда-либо тяжелой уголовной карѣ родители или ближайшіе родственники обвиняемаго, не предавались ли они пьянству, не страдаютъ ли наслѣдственнымъ умопомѣшательствомъ. Необходимо, далѣе, ознакомиться съ характеромъ полученнаго подсудимымъ воспитанія, съ исторіей его жизни, въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ, съ семейнымъ его положеніемъ, родомъ занятій, средой, въ которой онъ вращался и прочими социальными условіями“. Поскольку, стало быть, моментъ индивидуализаціи призванъ регулировать оцѣнку „заслуженной преступникомъ кары“,

правовѣрные юристы готовы идти ему на встрѣчу. Не надо лишь „врываться въ сферу полицейской инициативы“ и думать о будущемъ. Но развѣ, опредѣляя наказаніе, судья способенъ провести въ своемъ умѣ подобную границу? И развѣ самая идея возмездія не требуетъ того, чтобы человѣку „менѣ виновному“ не ставились на жизненномъ пути препятствія, связанныя обыкновенно съ фактомъ тюремнаго сидѣнья?!

Проектъ поборолъ враждебные доводы. Благодѣтельному дѣйствию мѣры, примѣняемой съ успѣхомъ въ цѣломъ рядѣ государствъ, откроется новое широкое поприще. Надо поставить юристамъ правительственной комиссіи въ особую заслугу, что предложенная ими конструкція института не является для суда слишкомъ стѣснительной. Даже новая кара, навлеченная на себя испытуемымъ, не обращается ему обязательно во вредъ. Съ другой стороны, отмѣна наказанія можетъ быть взята обратно и безъ того, чтобы осужденный вторично нарушилъ охраняемую уголовнымъ закономъ норму. Понятіе „хорошаго поведенія“ страдает, конечно, нѣкоторой растяжимостью. Если оно окажется практически несостоятельнымъ, на смѣну ему должны будутъ придти извѣстные формальные признаки. А ргіогі, однако, критерій этотъ является совершенно пріемлемымъ, лишь бы только уголовная юстиція обладала достаточной независимостью.

IV.

Особенно легкіе случаи.

Къ сходной съ условнымъ осужденіемъ цѣли стремится и другая мѣра, точно также неизвѣстная дѣйствующему уголовному кодексу. „Въ особенно легкихъ случаяхъ“ суду предоставляется право по собственному „свободному усмотрѣнію“ понижать кару, а тамъ, „гдѣ это непосредственно разрѣшено, и совершенно отъ нея отказываться“. Между регулярнымъ наказаніемъ и условной его отмѣной возникаетъ, такимъ образомъ, промежуточная ступень, рассчитанная на безконечное разнообразіе жизненныхъ казусовъ, рѣзко отклоняющихся отъ предполагаемаго законодателемъ средняго типа. Обычныя „смягчающія вину обстоятельства“ оказываются здѣсь уже недостаточными: юстиціи ставится преграда только въ принятыхъ для отдѣльных видовъ кары *minimum*'ахъ, спускающихся, согласно проекту, до одного дня тюрьмы или ареста или одной марки штрафа. Мало того: среди „особенно легкихъ случаевъ“ могутъ быть и такіе, когда становится излишнимъ даже самое ничтожное наказаніе. Въ видѣ общей нормы суду предоставлено признавать наличность та-

кихъ исключительныхъ обстоятельствъ при покушеніи и по всѣмъ мелкимъ дѣламъ, объединеннымъ въ группу такъ-называемыхъ нарушеній. Но кромѣ того привилегія эта распространяется и на нѣкоторые отдѣльныя преступленія. Таковы, напр., лжесвидѣтельство безъ присяги, посягательство на тѣлесную неприкосновенность, вызванная нуждою кража съѣстныхъ припасовъ и другихъ предметовъ хозяйственной необходимости. Индивидуализація идетъ настолько далеко, что допускается *отказъ* отъ кары тамъ, гдѣ предусмотрѣнный закономъ максимумъ ея достигаетъ трехъ лѣтъ тюрьмы (§ 227). Въ свободномъ *смысленіи* репрессіи судъ не ограниченъ ничѣмъ, кромѣ формулы, опредѣляющей характеристическіе признаки „особенно легкаго случая“. Проектъ усматриваетъ ихъ въ томъ, что „противоправныя послѣдствія поступка незначительны, а преступная воля виновнаго заслуживаетъ, по обстоятельствамъ дѣла, извиненія“. Судебной практикѣ эта редакція оставляетъ достаточную долю простора. Во всѣхъ тѣхъ коллизіяхъ, гдѣ присяжные въ настоящее время такъ или иначе игнорируютъ расходящееся съ народною совѣстію писанное право, создана теперь возможность исполнѣ легальнаго выхода ¹⁾). Составители проекта, правда, думаютъ, что предлагаемая ими мѣра не должна распространяться на „тяжелые по самой своей природѣ деликты“. Но мотивы открыто признаютъ, что текстъ закона не устанавливаетъ въ этомъ направленіи никакихъ юридическихъ границъ. Собственный и чужой жизненный опытъ краснорѣчиво повѣствуетъ о случаяхъ, когда весь ядъ объективно опаснаго дѣйствія растворяется безъ остатка въ исключительныхъ условіяхъ той или иной конкретной драмы. Нельзя, поэтому, предусмотрѣть заранѣе всѣ тѣ благопріятныя возможности, открывающіяся здѣсь для вѣрнаго своимъ непреходящимъ цѣлямъ правосудія.

V.

Малолѣтніе.

Уголовная кара только вредна, если и поскольку она не абсолютно необходима. Изъ этой молчаливой предпосылки вытекаютъ, въ конечномъ результатѣ, и „условное осужденіе“, и понятіе „особенно легкаго случая“. Она же положена въ основу принятой проектомъ системы воздѣйствія на *малолѣтнихъ*.

Господствующая въ законодательствѣ доктрина,—жестoko крити-

¹⁾ Вотъ почему аналогичная статья была бы чрезвычайно кстати у насъ, гдѣ случаи уклоненія отъ буквы закона происходятъ особенно часто.

куемая далеко не одними лишь „модернистами“, — принимаетъ и въ этой области свой обычный шаблонъ. Преступленіе — продуктъ злой человѣческой воли. Кто виноватъ, тотъ обязательно долженъ быть наказанъ. Необходимо, такимъ образомъ, прежде всего опредѣлить, обладаетъ ли малолѣтній предполагаемой, по общему правилу, *вмѣняемостью*. Утвердительный отвѣтъ влечетъ за собою обычное послѣдствіе — тюрьму. И юный возрастъ является тогда лишь смягчающимъ вину обстоятельствомъ.

Противъ этой идейной конструкціи выступилъ особенно энергично „Международный Союзъ Криминалистовъ“. И ни въ какой другой области агитація его не была въ такой мѣрѣ плодотворной. Малолѣтній тюремный сидѣлецъ — почти неизбежно будущій закоренѣлый преступникъ. Исходя изъ этого факта, приверженцы реформы провозгласили прежде всего лозунгъ: не кара, а перевоспитаніе. Репрессія допустима лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ, когда судья, по обстоятельствамъ дѣла, не можетъ рассчитывать на успѣхъ другихъ средствъ. Да и то она должна отличаться здѣсь совершенно особымъ характеромъ.

Эти общіе тезисы влекутъ за собой рядъ конкретныхъ практическихъ требованій. По вопросу о возрастѣ полной безответственности предъ уголовнымъ закономъ дѣйствующее германское право остановилось на двѣнадцати годахъ. „Международный Союзъ Криминалистовъ“, имѣя главнымъ образомъ въ виду ту роль, которую играетъ въ жизни огромнаго большинства подростковъ моментъ окончанія обязательнаго начальнаго обученія, энергично выдвигалъ четырнадцатилѣтнюю границу. Вокругъ этой проблемы загорѣлся въ свое время жесточайшій бой. Но преимущество критерія, опирающагося на извѣстную социальную основу, должно было, силою вещей, выступать съ годами все ярче и ярче. И сейчасъ число сторонниковъ его повсюду очень уже велико. Разсмотрѣвъ всѣ доводы противъ и за, остановились твердо на этой границѣ и авторы германскаго проекта. „Карѣ не подлежитъ тотъ, кому при совершеніи запрещеннаго дѣйствія еще не было четырнадцати лѣтъ“. Можно съ увѣренностью сказать, что не одна сотня дѣтей вырвана будетъ, благодаря этому принципу, изъ цѣпкихъ объятій преступной карьеры.

Но это, очевидно, только половина дѣла. Юношескій возрастъ открываетъ для спасительной работы ничуть не менѣе широкое поле. Господствующій порядокъ пытается разрѣшить задачу при помощи чисто формальнаго признака. За чертою абсолютной безответственности слѣдуетъ промежуточная ступень — періодъ *условной* вмѣняемости. Чтобы установить ее, судья въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выясняетъ, дѣйствовалъ ли несовершеннолѣтній съ надлежа-

щямъ „разумѣніемъ“. И если послѣднее валицо, то, каковы бы ни были обстоятельства дѣла, виновнаго отправляютъ въ тюрьму, т.-е. посвящаютъ въ преступники.

„Международный Союзъ Криминалистовъ“ уже на берискомъ сѣздѣ въ 1891 г. рѣшительно осудилъ такую постановку вопроса. Центральнымъ пунктомъ дебатовъ явился докладъ Н. Я. Фойницкаго на тему: слѣдуетъ ли и цѣлесообразно ли ставить обхожденіе съ юными преступниками въ зависимость отъ того, обладаютъ ли они развитіемъ, необходимымъ для пониманія наказуемости совершеннаго дѣйствія“. Сѣздъ призналъ, что выборъ между репрессивными и предупредительными мѣрами вообще не долженъ опредѣляться отвѣтомъ на вопросъ о вѣняемости. Если несовершеннолѣтній нуждается въ „общественной опецѣ“, то никакія причины не могутъ быть помѣхой къ тому, чтобы судья остановился именно на этомъ способѣ воздѣйствія.

Предварительный проектъ германскаго уголовного кодекса всецѣло присоединяется къ изложенному выводу. Оковы пресловутаго „разумѣнія“ сняты. Съ тѣмъ довѣріемъ, которое особенно необходимо въ этомъ вопросѣ, законодатель предоставляетъ органамъ юстиціи припимать въ каждомъ данномъ случаѣ соотвѣтствующія его спеціальнымъ условіямъ мѣры. Если окажется, что противоправный поступокъ лица, недостигшаго восемнадцати лѣтъ, является преимущественно результатомъ дурнаго вліянія окружающей среды, „или будетъ вообще признано, что необходимъ попечительный уходъ для того, чтобы поселить въ обвиняемомъ привычку къ закономѣрному образу жизни, то судъ можетъ назначить, рядомъ съ уголовной карой или же вмѣсто нея, принудительное государственное воспитаніе“. Несовершеннолѣтніе, присужденные къ тюрьмѣ, помѣщаются въ отдѣльныхъ, спеціально предназначенныхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ. Обладающіе полной вѣняемостью совершенно при этомъ изолируются отъ менѣе сознательныхъ, легче поддающихся исправительному воздѣйствію элементовъ. Это—въ сущности вся схема требованій, выставленныхъ „новой школой“ относительно юнаго возраста. Модернисты одержали здѣсь несомнѣнно побѣду по всей линіи.

VI.

Охранительныя мѣропріятія.

Черта, присущая всѣмъ рассмотрѣннымъ до сихъ поръ новшествамъ, это—максимумъ снисходительности къ правонарушителю. Имѣется, очевидно, въ виду категорія лицъ, только случайно попавшихъ на скамью подсудимыхъ. Законодатель исходитъ изъ вполне основательной пред-

посылки, что мягкость въ данномъ случаѣ одинаково отвѣчаетъ какъ интересамъ общества, такъ и благу самого осужденнаго.

Такая гармонія существуетъ, однако, далеко не всегда. Задача борьбы съ преступностью очень часто требуетъ энергичнѣйшаго вторженія въ сферу личной свободы виновнаго. И тогда наступаетъ обратное несоотвѣтствие: размѣры репрессіи значительно превосходятъ тяжесть непосредственно вызвавшего ее поступка.

Проектъ считается съ этой необходимостью въ цѣломъ рядѣ статей, разбросанныхъ по различнымъ главамъ такъ-называемой общей части. Рабочіе дома для бродягъ и тунеядцевъ, лечебницы для провинившихся алкоголиковъ, заведенія для лицъ, оправданныхъ по причинѣ душевной болѣзни или приговоренныхъ къ незначительнымъ карамъ въ виду уменьшенной вмѣняемости, особыя мѣропріятія противъ рецидивистовъ, привычныхъ и профессиональныхъ преступниковъ—всѣмъ этимъ традиционный масштабъ оцѣнки наказуемыхъ дѣйствій рѣзко нарушается во вредъ осужденному. Спасительное возмездіе отстѣпаетъ далеко на задній планъ предъ другими уголовно-политическими задачами. Во имя принципа соціальной охраны преступникъ изымается на болѣе или менѣе продолжительное время изъ общественнаго оборота.

Въ зачаточной формѣ нѣкоторыя изъ этихъ мѣропріятій извѣстны дѣйствующему нѣмецкому кодексу. Таковы его постановленія о сутенерахъ, объ упорныхъ пьяницахъ, о людяхъ, превратившихъ въ ремесло игру или нищенство и о всякихъ вообще любителяхъ легкой наживы. Наличие одного изъ такихъ признаковъ открываетъ возможность приговорить виновнаго къ отдачѣ —по отбытіи кары—въ распоряженіе полиціи, которая получаетъ въ силу этого право помѣстить его на время до двухъ лѣтъ въ рабочій домъ.

Согласно проекту, роль администраціи ограничена сначала чисто исполнительными функціями. Длительность заключенія—отъ 6-ти мѣсяцевъ до 3-хъ лѣтъ—опредѣляется въ самомъ судебномъ вердиктѣ. Лишь послѣ того, какъ протекла половина назначеннаго времени, полиція можетъ вознаградить хорошее поведеніе осужденнаго досрочнымъ отпускомъ его на свободу. Въ рабочій домъ водворяются лица, совершившія наказуемый поступокъ „вслѣдствіе распущенности или страха передъ работой“ и приговоренные не менѣе чѣмъ къ четыремъ недѣлямъ тюрьмы. Необходимая предпосылка такой мѣры—надежда „вернуть осужденнаго къ согласному съ законами и трудовому образу жизни“.

Вполнѣ основательно проектъ выдѣляетъ въ особую категорію преступные эксцессы, возникшіе на почвѣ различныхъ видовъ злоупотребленія спиртными напитками. Имѣется ли налицо привычное

пьянство—это, конечно, вопросъ факта. Но утвердительный отвѣтъ даетъ судья право распорядиться отдачей виновнаго впредь до излеченія, не болѣе чѣмъ на два года, въ лечебницу для алкоголиковъ. Граница избрана въ связи съ указаніями медицинскаго опыта, признающаго двухлѣтній срокъ достаточнымъ для случаевъ, въ которыхъ вообще можетъ быть достигнуть благоприятный результатъ. Чтобы ничтожнѣйшіе сами по себѣ проступки не вызывали столь тяжелыхъ послѣдствій, установлено, что мѣра эта можетъ быть принимаема лишь при заключеніи въ тюрьму не меньше чѣмъ на двухнедѣльный срокъ. Права полиціи—такія же, какъ и относительно заключенія въ рабочій домъ.

Противъ учинившихъ преступное дѣйствіе въ пьяномъ видѣ,—а таковъ именно генезисъ весьма значительнаго числа тѣлесныхъ поврежденій, —проектъ выдвигаетъ вспомогательное средство, которое можетъ несомнѣнно оказаться, при извѣстныхъ условіяхъ, очень успешнымъ. Суду предоставляется запрещать такимъ лицамъ на срокъ до одного года посѣщеніе всякихъ вообще трактировъ. Это, прежде всего, удаляетъ человѣка отъ той обстановки, въ которой его разрушительныя наклонности находятъ особенно благоприятную почву. А страстный охотникъ выпить „въ хорошемъ обществѣ“ обрекается на лишеніе, весьма для него чувствительное. Пройдя чрезъ тяжелый искусь алкогольнаго одиночества, не всякій гуляка скоро рискнетъ подвергнуть себя ему снова.

Родственнымъ характеромъ, но безконечно большей напряженностью отличается другая мѣра, точно также призванная служить одной только цѣли предупрежденія. Разъ допустивъ возможность специальныхъ запретовъ, проектъ естественно примѣнилъ ихъ не къ однимъ только пьяницамъ. „Если родъ совершеннаго наказуемаго поступка или личность дѣятеля заставляютъ предполагать, что пребываніе его въ извѣстныхъ мѣстностяхъ сопряжено будетъ съ особою опасностью для другого лица или для общественнаго спокойствія,... то судъ можетъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ объявить дозволеннымъ подобное ограниченіе свободы осужденнаго на время до пяти лѣтъ“, считая съ момента отбытія кары. Авторы проекта хорошо сознаютъ остроту этого средства и разрѣшаютъ связывать его только съ такими тяжелыми видами репрессіи, какъ каторга или обыкновенная тюрьма срокомъ не менѣе года. Число наказуемыхъ дѣйствій, на которыя указанная мѣра рассчитана, очень невелико. Это—почти все различныя виды торговли женщинами, угрожающіе осужденному, помимо регулярной кары, еще и заключеніемъ въ рабочій домъ. Отъ строгости уголовного закона едва ли можно ожидать гдѣ-либо такой пользы, какъ въ этой именно области.

Мы подходимъ къ институту, въ которомъ духъ реформаторскихъ домогательствъ нашего времени отразился особенно ярко. Господствующее право сводитъ всю работу суда къ тому, чтобы установить виновность и отмѣрить соотвѣтствующую ей кару. Невмѣняемость — это свобода. По какимъ бы причинамъ оправдательный вердиктъ ни послѣдовалъ, между служителями юстиции и объектами ея онъ порываетъ всякую связь. Иная конструція немислима въ кодексахъ, оперирующемъ только такими величинами, какъ тяжесть поступка и отношеніе къ нему воли виновнаго. Предварительный проектъ, поставившій себѣ задачу соціальной охраны, долженъ былъ рѣзко порвать съ этимъ порядкомъ. Хотя бы юридическая вина была ничтожна или совершенно отсутствовала, судья не можетъ пройти равнодушно мимо развернувшейся картины тяжелой опасности. Законодательная власть предусмотрительно снабжаетъ его не одними лишь тюремными ключами, но и другими средствами общественной самозащиты.

Душевно-больные, сумасшедшіе, временно лишившіеся всякаго сознанія не могутъ подлежать уголовной карѣ, какова бы ни была сама по себѣ тяжесть причиненнаго ими вреда. Положеніе это издавна признано кодексами всѣхъ культурныхъ народовъ. Слѣдуя нѣкоторымъ старымъ законодательнымъ образцамъ, предварительный проектъ вводитъ еще особое понятіе уменьшенной вмѣняемости, естественно связывая съ нимъ смягченную наказуемость. Но въ противоположность тому, что происходитъ въ настоящее время, дѣло далеко еще этимъ однимъ не исчерпывается. Человѣка, который только-что доказалъ, какъ опасна его свобода для окружающихъ, не отпускаютъ на всѣ четыре стороны. И оправданнаго по причинѣ сумасшествия, и приговореннаго къ ничтожной карѣ вслѣдствіе крайней душевной неуравновѣшенности судья, „когда этого требуетъ общественное спокойствіе, предписываетъ помѣстить въ лечебное или попечительное заведеніе“. Согласно дѣлямъ и характеру мѣры, длительность ея не можетъ быть опредѣлена а priori и устанавливается въ каждомъ данномъ случаѣ органами администраціи. По жалобѣ заинтересованныхъ, рѣшенія послѣдней могутъ быть судомъ измѣнены.

Система охранительныхъ средствъ завершается спеціальными правилами о наказуемости рецидива. Судьба этой мѣры рѣшена была еще въ 1903 г., на 26-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ юристовъ, когда видный представитель классической школы открыто призналъ основательность заявленныхъ модернистами требованій. „При выборѣ рода и мѣры репрессіи,—гласилъ одинъ изъ тезисовъ, выставленныхъ страбургскимъ профессоромъ фонъ-Калькеромъ,—необходимо... болѣе послѣдовательно, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ дѣйствующемъ правѣ, учитывать на ряду съ внѣшними результатами дѣйствія также и *степень*

напряженности преступнаго образа мыслей... Будущій уголовный кодексъ долженъ, поэтому, предоставить суду право, въ случаяхъ, когда преступныя свойства лица угрожаютъ обществу длительной опасностью, принимать параллельно съ карою еще и охрательными мѣры". Ближайшая практическая цѣль этой отвлеченной конструкции—возможность успѣшной борьбы съ рецидивомъ. Лицъ, обнаружившихъ „такую склонность къ совершенію противозаконныхъ поступковъ, что, насколько можно предвидѣть, они, послѣ отбытія назначенной кары, снова займутся преступной дѣятельностью“, рекомендуется отдавать въ руки мѣстной полиціи, для помѣщенія на срокъ отъ одного года до 15-ти лѣтъ въ рабочій домъ. Это уже, *horribile dictu*, иѣчто въ родѣ неопредѣленнаго наказанія, противъ котораго, какъ извѣстно, съ такой яростью возстаетъ вся правовѣрная криминалистика.

Авторы предварительнаго проекта съ большою осторожностью подходятъ къ проблемѣ борьбы съ рецидивомъ. Но они нескрываютъ отъ себя, что на одномъ „возмездіи“ въ этомъ вопросѣ далеко не уѣдешь. Объяснительная записка признаетъ, что правосудіе должно поставить себѣ въ данномъ случаѣ задачу „посредствомъ долгосрочнаго лишенія свободы на возможно болѣе продолжительное время обезвредить преступника“.

Въ противоположность дѣйствующему кодексу, устанавливается, прежде всего, общее понятіе повторенія. Кара обязательно при наличности его повышается. Въ случаѣ третьяго рецидива и дальше, наказаніе колеблется между четвертью²⁾ и двойнымъ размѣромъ положенной за извѣстный проступокъ максимальной кары, съ тѣмъ, однако, чтобы она не выходила за предѣлы указанной въ законѣ высшей мѣры даннаго вида репрессіи. Это значитъ, что тамъ, гдѣ челоуѣку, въ первый разъ провинившемуся, угрожала бы тюрьма до двухъ лѣтъ, судья свободенъ теперь назначить любую кару между шестью мѣсяцами и четырьмя годами лишенія свободы. Низшая мѣра—если принять въ разсчетъ, что законный *minimum* простой тюрьмы равенъ *одному дню*,—очень чувствительная.

Если штрафной регистръ обвиняемаго свидѣтельствуетъ о томъ, что противозаконная дѣятельность превратилась для него въ ремесло или привычку, то, сообразно тяжести новаго преступленія, ему назначается кара въ размѣрѣ отъ 5-ти до 15-ти или отъ 2-хъ до 10-ти лѣтъ каторжной тюрьмы. Это—дальнѣйшій шагъ на встрѣчу громко раздающемуся въ послѣднее время требованію перенести въ нѣкоторыхъ случаяхъ центръ тяжести съ оцѣнки объективныхъ результа-

²⁾ „Особыя обстоятельства“ даютъ, впрочемъ, суду возможность перейти за эту границу.

товъ поступка на индивидуальность дѣятеля. Исходнымъ началамъ классической школы принципъ этотъ нисколько не противорѣчить. Постепенное проникновеніе его въ законодательство обѣщаетъ значительно смягчить дефекты господствующей карательной системы. Суровый призывъ къ строгости — печальный, но, увы, неизбѣжный на первыхъ порахъ спутникъ намѣчающейся эволюціи.

VII.

Стремленіе къ компромиссу проходить красной нитью черезъ всѣ предлагаемыя проектомъ новшества, сообщая имъ характеръ какой-то сѣрвовой половинчатости. Несправедливо было бы, однако, обвинять комиссію въ отсутствіи надлежащаго радикализма. Она очень критически относится къ существующему и порываетъ съ весьма значительнымъ числомъ предразсудковъ. Сомнѣнія вызываетъ не то, *что* даетъ проектъ, а то, *какъ* онъ это дѣлаетъ. Мотивы не усиливаютъ, а большей частью только ослабляютъ впечатлѣніе, производимое текстомъ. И это можетъ парализовать на практикѣ добрую половину открываемыхъ реформой богатыхъ возможностей.

Какъ мало значать сами по себѣ законы — нагляднѣе всего свидѣтельствуется именно опытъ борьбы съ рецидивомъ. Криминалисты хлопчутъ о новыхъ мѣрахъ уголовной репрессіи — а юстиція далеко не исчерпываетъ всѣхъ, и теперь уже во власти ея находящихся карательныхъ средствъ. Въ нѣкоторыхъ заваленныхъ дѣлами округахъ проходятъ нерѣдко многіе годы, въ теченіе которыхъ допускаемый, согласно дѣйствующему праву, максимумъ кары ни разу не былъ судомъ примѣненъ. Вопреки буквѣ закона, обычнымъ отвѣтомъ на рецидивъ, — тамъ, гдѣ послѣдній является увеличивающимъ вину обстоятельствомъ, — служить не каторжная, а простая тюрьма.

Мы видѣли, что проектъ вносить въ господствующій порядокъ весьма существенныя перемѣны. Рецидивъ влечетъ за собой, по общему правилу, усиленную репрессію. Факультативное увеличеніе кары уступаетъ мѣсто обязательному. Соотвѣтствіе между тяжестью преступнаго дѣйствія и напряженностью послѣдующей государственной реакціи рѣшительно нарушено.

Все это, однако, совсѣмъ не устраняетъ потребность въ открыто поставленномъ, рельефно сформулированномъ идеалѣ. Конечная цѣль законодателя должна ясно чувствоваться не въ отдѣльныхъ лишь словахъ и параграфахъ, а больше еще во всей совокупности ихъ. Только тогда рука практика и можетъ отличаться столь необходимой въ этомъ

дѣлѣ твердостью ¹⁾. Но авторы проекта не видѣли спасенія внѣ компромисса. И въ качествѣ миротворцевъ они скорѣе стали заглушивать, чѣмъ выявлять характернѣйшія особенности задуманной реформы. Зажжетъ ли будущій германскій кодексъ, при такихъ условіяхъ, судейскія сердца—сказать очень трудно. А въ уголовной юстиціи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, отъ этого зависитъ успѣхъ всякаго начинанія.

Г. Штильманъ.

ВЫМЫСЕЛЬ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

По поводу одной книги.

Мнѣ хотѣлось бы подѣлиться съ читателями содержаніемъ одной случайно попавшей мнѣ въ руки книги-лѣтописи, которая съ поразительною ясностью показываетъ, какъ близка къ жизни, къ реальной русской жизни „Исторія одного города“, четыре десятилѣтія тому назадъ написанная М. Е. Салтыковымъ. Многія изъ административныхъ мѣръ славныхъ градоправителей города Глупова, обычно принимаемыя за аллегорію, за злую сатиру на характеръ и направленіе нашей бюрократіи, оказываются просто-напросто реальными фактами.

Книга, о которой я говорю — „Записки генераль-маіора Ивана Васильевича Чернова“—издана въ 1907 г. официальнымъ учрежденіемъ, какъ часть „Трудовъ Оренбургской архивной комиссіи“ (вып. XVIII). Изъ предпосланной „Запискамъ“ краткой біографіи умершаго въ 1902-мъ году отставнаго генераль-маіора Оренбургскаго казачьяго войска И. В. Чернова видно, что это былъ типичный провинціальный чиновникъ, добросовѣстный и исполнительный, сдѣлавшій всю свою карьеру въ оренбургскихъ канцеляріяхъ. Преданный начальству, смиренный, строго соблюдающій всѣ церковные обряды и посты, Черновъ являлъ собою типъ безусловно благонамѣреннаго чловѣка. И вотъ, именно записки такого ультра „благонадежнаго“ генерала и представляютъ удивительное сходство съ исторіей города Глупова. И. В. Черновъ написалъ, подобно Щедрину, исторію цѣлаго ряда губернаторовъ. „Основаніемъ настоящихъ замѣтокъ — говоритъ онъ — служить то, что я лично видѣлъ, слышалъ отъ достовѣрныхъ людей

¹⁾ Общую критику идеи компромисса см. въ статьѣ автора: „Нарушенный миръ“ („Право“, 1910, № 15).

или взялъ изъ дѣлъ и другихъ источниковъ, нисколько не отступая отъ правды“.

„Тайный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ (1742—1757) — читаемъ мы въ „Запискахъ“ — былъ разумный, дѣятельный, но строгій до жестокости въ исполненіи своихъ приказаній, которыя не отмѣнялъ, каждое дѣло доводилъ до конца, не стѣсняясь въ принятіи мѣръ къ устраненію препятствій. Онъ строгими мѣрами усмирилъ второй бунтъ башкирь, казнями, имъ самимъ придуманными. Изъ нихъ приведу одну. Онъ приказалъ построить на льду рѣки Сакмары, когда она замерзла, избу; потомъ выкликивались изъ собранныхъ по именамъ башкиры, замѣченные въ неблагонадежности, для допроса. Какъ только входилъ башкирь въ избу, стоявшіе внутри солдаты спускали его въ прорубь, подъ ледъ. Такимъ образомъ исчезали съ лица земли всѣ входившіе, и возвращавшихся не было; хотя и было оповѣщено, что народъ собирался для совѣщанія, но по объему избы догадались, что входящіе въ избу спускаются безъ всякаго шума въ воду, и народъ съ берега разбѣжался. Эта мѣра была принята послѣ повелѣнія сажать на коль и тѣлеснаго наказанія къ тѣмъ бунтовщикамъ, которые не попали въ руки правительства“. — Развѣ этотъ рассказъ не могъ бы быть вставленъ безъ всякихъ измѣненій въ исторію города Глупова? Замѣчательно здѣсь, помимо всего прочаго, то, что въ проруби топили не осужденныхъ или признанныхъ виновными башкирь, а просто „замѣченныхъ въ неблагонадежности“. Кѣмъ замѣченныхъ? И какъ должно быть хорошо и прочно въ свое время подобныя мѣры укрѣпляли среди инородцевъ престижъ русской твердой власти! Приглашали народъ „для совѣщанія“ — и совѣщались „безъ всякаго шума“.

Этотъ же администраторъ реально исполнялъ то, что Щедривъ приписываетъ своему девятому (по описи лѣтописца) градоначальнику, Двоекурову. Статскій совѣтникъ Двоекуровъ „ввелъ въ употребленіе горчицу и лавровый листъ“. Тѣмъ же прославился пятнадцатый градоначальникъ — Беневоленскій, который „вновь ввелъ въ употребленіе, яко полезныя, горчицу, лавровый листъ и прованское масло“. Читатели, конечно, помнятъ тѣ административныя мѣры увѣщеванія и твердой строгости, которыя принимались, чтобы понудить глуповцевъ сѣять горчицу. И вотъ, оказывается, что даже эти горчица и лавровый листъ совсѣмъ не вымысль, а дѣйствительность. „Въ управленіе Неплюева основалась Каргала (Сеитовскій посадъ) богатыми татарами... Сеитовцы, получивъ съ Высочайшаго соизволенія извѣстныя привилегіи, обязывались завести посѣвъ хлопка, сорочинскаго пшена и марены. Однакоже опытъ не удался. Неплюевъ требовалъ и принуждалъ долгое время сѣять упомянутыя растенія, для чего указалъ имъ мѣсто недалеко отъ Оренбурга, по нынѣшней почтовой дорогѣ

на Уфу. Сеитовцы очистили это мѣсто отъ росшаго тутъ лѣса, но ничего хорошаго не выходило, и оставили посѣвъ за увольненіемъ Неплюева“.

Изъ этихъ краткихъ строкъ видна вся картина исключительнаго административнаго начинанія. Природныхъ степниковъ заставляли культивировать совершенно незнакомыя имъ растенія, требующія со-всѣмъ особеннаго ухода, особыхъ приѣмовъ обработки почвы. Къ до-вершенію всего власть указывала точно даже мѣсто, гдѣ должны быть разведены плантаціи этихъ растеній. Это—густой дѣвственный лѣсъ, и на мѣстѣ лѣсныхъ трупцобъ, сѣвернѣе Оренбурга, должны были появиться плантаціи хлопка и марены, наперекоръ даже климату. И можно себѣ представить, чтó скрывается въ безхитростныхъ словахъ генерала-лѣтописца: „Неплюевъ требовалъ и принуждалъ долгое время сѣять упомянутыя растенія“? Сколько тутъ было приято „мѣръ воз-дѣйствія“, и какихъ мѣръ?

Щедринскій Бородавкинъ „спалилъ 33 деревни и съ помощью сихъ мѣръ взыскалъ недоимокъ два рубля съ полтипою“. Знаменитый Угрюмъ-Бурчеевъ „разрушилъ старый городъ и построилъ другой на новомъ мѣстѣ“. А вотъ чѣмъ замѣчательнъ оренбургскій губернаторъ Н. Н. Бахметевъ (1798—1803): „въ его время Оренбургъ состоялъ изъ бѣдныхъ домиковъ, въ которыхъ жили казаки. Силою выселять ихъ изъ города Бахметевъ не желалъ или считалъ незаконнымъ. По народной молвѣ, онъ черезъ особыхъ людей заставлялъ поджигать кварталы съ плохими домами и такимъ образомъ переселилъ ихъ изъ города въ форштадтъ, населенный тогда какъ казаками, такъ и сол-датами, жившими въ нижнихъ улицахъ къ Георгіевской церкви, гдѣ тогда расположенъ былъ артиллерійскій паркъ. Въ городѣ остались одни казачьи чиновники; они одни имѣли на это право, и распоря-женіе это было подтверждаемо не разъ во время управленія военнаго губернатора Эссена, о чемъ я видѣлъ переписку въ архивѣ канце-ляріи губернатора“. Тутъ особенно привлекательны наивныя слова лѣтописца: „силою выселять... не желалъ или считалъ незаконнымъ“.

Но и у Щедрина не всѣ градоначальники свирѣпствуютъ, караютъ и разрушаютъ; есть и статскій совѣтникъ Грустиловъ. Этотъ „другъ Карамзина отличался нѣжностью и чувствительностью сердца, любилъ пить чай въ городской рошѣ“ и т. п. Есть и князь Макаладзе, ко-торый „былъ столь охочъ до женскаго пола, что увеличилъ гдунов-ское народонаселеніе почти вдвое“. Въ Оренбургѣ на смѣну генерала Бахметева въ 1803 г. губернаторомъ былъ назначенъ князь Гр. Сем. Волконскій (1803—1817). О немъ читаемъ у Чернова слѣдующее: „По общему отзыву, онъ былъ человекъ старый, неспособный для боевой службы, которая требовалась въ то время, со странностями

и привычками, рѣзко отличавшимися отъ общепринятыхъ условій жизни: ходилъ по городу въ ночномъ колпакѣ, спальной курткѣ и простыхъ панталонахъ; при встрѣчѣ съ женщиной, если была молодая, красивая, цѣловаль ея, давалъ денегъ, которыя за нимъ носилъ камердинеръ“. Это ли не административная идиллія!

Послѣ описанія нехитрыхъ и, употребляя выраженіе Щедрина, „простыхъ“ дѣлъ этого губернатора, И. В. Черновъ пишетъ о немъ такъ: „А когда князь сталъ старикомъ, то занимался дѣлами мало, кромѣ важныхъ, направлять которыя безъ его вѣдома и указанія было невозможно. Говорятъ, что присылаемая для подписанія бумаги на ночь клалъ къ святымъ иконамъ, молился передъ послѣдними, а утромъ, перекрестась, все подписывалъ, не читая, и дѣло сходило благополучно“. Не было ли это время золотымъ вѣкомъ славнаго города?

Послѣ князя Волконскаго губернаторомъ въ Оренбургъ былъ назначенъ генералъ П. К. Эссенъ (1817—1830), блестящая карьера котораго сложилась весьма просто. Онъ былъ офицеромъ Павловскаго полка въ царствованіе Павла I. Однажды, „встрѣтивъ Эссена на дорогѣ идущимъ или ѣдущимъ въ Гатчину, государь посадилъ его въ свою карету и, разговаривая съ нимъ, за умные отвѣты пожаловалъ въ чинъ капитана, а черезъ часъ, когда высадилъ его изъ кареты, въ полковники, потомъ очень скоро въ генералъ-майоры“. Это былъ довольно спокойный губернаторъ, совершавшій тоже по преимуществу дѣла „малыя“. Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы онъ не имѣлъ административной изобрѣтательности. Черновъ пишетъ о немъ, что „управленіе генерала Эссена, продолжавшееся болѣе 10 лѣтъ, не было ознаменовано никакими реформами, которыя хотя и были проектированы, но высшимъ начальствомъ не приняты“.

Не менѣе характернымъ, хотя и совершенно инымъ, было правленіе самаго умнаго изъ всѣхъ оренбургскихъ губернаторовъ (я, конечно, говорю только о губернаторахъ „добраго стараго времени“), именно графа В. А. Перовскаго. Онъ правилъ краемъ дважды: въ первый разъ съ 1833 по 1842 г., во второй разъ съ 1851 по 1857 г. Этотъ дѣятельный и неутомимый администраторъ, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ императора Николая I, творилъ преимущественно дѣла „великія“. Онъ успѣшно усмиралъ большіе и малые бунты, каралъ и миловалъ, ходилъ воевать Хиву, но, заморозивъ и сморивъ въ стени голодомъ $\frac{2}{3}$ отряда, вернулся обратно, не выдавъ непріятели. Занимаясь дѣлами „внѣшними“, Перовскій не оставлялъ своимъ административнымъ попеченіемъ и дѣлъ „внутреннихъ“ и не менѣе своихъ славныхъ предшественниковъ заботился о благоустройствѣ и красотѣ города. Вѣдь и градоначальники города

Глунова проявляли отеческую заботливость о красотѣ и благоустройствѣ вѣреннаго имъ города. Такъ, напр., Бородавкинъ „замостилъ бизарную площадь и засадилъ березками улицу, ведущую къ присутственнымъ мѣстамъ“. Смилившій Бородавкина градоначальникъ Негодяевъ, Онуфрій Ивановичъ, бывший гатчинскій истопникъ, „размостилъ вымощенные предметниками его улицы и изъ добытаго камня настроилъ монументовъ“.

О дѣлахъ Перовскаго Черновъ пишетъ, между прочимъ, такъ: „Для того, чтобы привести городъ въ лучшій видъ, Перовскій въ 1835-мъ году назначилъ особую комиссію, поручивъ ей осмотрѣть въ городѣ всѣ дома, ветхіе назначить къ слому черезъ два или три года, объявивъ владѣльцевъ въ этотъ срокъ построить новые дома по планамъ, а кто по бѣдности не въ состояніи былъ этого сдѣлать, тому предложено убрать свое строеніе, получить даромъ 50 бревенъ и 50 руб. асс. и перейти на житье во вновь образовавшуюся слободу. Освободившіяся же мѣста въ городѣ отводились сосѣднимъ владѣльцамъ, которые уплачивали за нихъ стоимость полученнаго прежнимъ хозяиномъ пособія“.

Еще замѣчательнѣе исторія постройки караванъ-сарая — одного изъ самыхъ (и нынѣ) большихъ зданій Оренбурга. „Караванъ-сарай былъ начатъ постройкою Перовскимъ чрезъ оповѣщеніе циркулярами башкирскихъ кантонныхъ начальниковъ, для объявленія народу, что зданіе строится для пріѣзжающихъ въ Оренбургъ по своимъ дѣламъ башкиръ, останавливавшихся ранѣе въ частныхъ домахъ, а съ постройкою караванъ-сарая будутъ имѣть болѣе удобное помѣщеніе для себя и своихъ лошадей. Зданіе въ началѣ было построено съ большими комнатами въ видѣ казармъ, съ нарами, а въ нижнемъ этажѣ конюшни. Все показываетъ, что Перовскій думалъ перевести на русскую землю азіатскіе караванъ-сарай для странствующихъ мусульманъ и торговцевъ“. Въ серединѣ огромнаго караванъ-сарая была устроена большая мечеть, на сооруженіе которой, равно какъ и на сооруженіе самаго караванъ-сарая „приглашали башкиръ дѣлать пожертвованія“, которыхъ и было собрано деньгами около 30.000 рублей. Кромѣ того, какъ рассказывали автору этихъ строкъ въ Оренбургѣ мѣстные знающіе люди, башкиры принимали участіе въ постройкѣ „своего“ караванъ-сарая натурою, подвозя строительные матеріалы и работая на постройкѣ. Открытіе караванъ-сарая было обставлено большою торжественностью. Но... „въ концѣ 1841 г. въ караванъ-сарай перевели канцелярію командующаго башкирскимъ войскомъ“, а затѣмъ перенесли туда же квартиру губернатора, его канцелярію и другія присутственныя мѣста, которыя всѣ и поднесъ тамъ пребываютъ. Черновъ сообщаетъ объ этомъ со свойственнымъ ему убѣ-

жденіемъ въ правильности всѣхъ мѣръ, отъ высшаго начальства исходящихъ. „Помѣщенія для башкиръ не думали открывать и никто изъ нихъ никогда тамъ не останавливался. Обращеніе зданія въ постоянный дворъ стоило бы дорого по отопленію, содержанію въ чистотѣ и ремонту. Правый фасадъ зданія, гдѣ были казармы съ нарами, передѣлали подъ помѣщеніе канцеляріи, а лѣвый обратили въ помѣщеніе для губернатора; въ нижнемъ этажѣ, гдѣ были стойла для лошадей, оставшіеся своды показываютъ первое его назначеніе“. Странное впечатлѣніе производитъ и теперь это удивительное зданіе— центръ губернской администраціи, съ квартирою губернатора и съ большою мечетью во дворѣ. И какъ это мечеть осталась мечетью!... Тотъ же Перовскій въ 1851 г. построилъ особое зданіе для помѣщенія архива и архивной комиссіи. Но „временно“ зданіе это было занято подъ гауптвахту, которая, конечно, пребываетъ тамъ и сегодня, а архивная комиссія (очень почтенное учрежденіе, организовавшее историческій, этнографическій и геологическій музей) все еще ютится въ жалкомъ и до невозможности тѣсномъ помѣщеніи.

За Перовскимъ послѣдовалъ рядъ другихъ губернаторовъ, о которыхъ болѣе или менѣе подробно говорится въ „Запискахъ“ Чернова. Заканчиваются „Записки“ правленіемъ генералъ-адъютанта Н. А. Крыжановскаго (1864 — 1881 г.), который больше всѣхъ предшественниковъ прославился извѣстнымъ дѣломъ о башкирскихъ земляхъ.

Я привелъ, разумѣется, только отдѣльные примѣры на выдержку; но вся безхитростная книга ген. Чернова производитъ впечатлѣніе именно своимъ сходствомъ съ Щедринскою лѣтописью. Оба автора описываютъ зачастую вполне аналогичныя событія, почти тождественныя административныя мѣропріятія, кары, проявленія твердой власти; оба одинаково говорятъ тономъ полнѣйшаго убѣжденія въ правильности, мудрости и цѣлесообразности всего, что дѣлается администраціей; оба, наконецъ, преклоняются передъ волею всегда благодѣтельнаго начальства. Только генералъ-маіоръ Черновъ пишетъ искренно, „не мудрствуя лукаво“, и передаетъ реальные факты—а Щедринъ, со своимъ дивнымъ сарказмомъ и юморомъ, творитъ неподражаемую сатиру. Я не знаю, извѣстны ли были Щедрину факты изъ дѣяній оренбургскихъ правителей и поэтому не берусь утверждать, чтобы онъ имѣлъ въ виду именно ихъ. Едва ли, впрочемъ, Оренбургъ представлялъ собою рѣзкое исключеніе сравнительно съ другими русскими губернаторствами того времени.

Къ сожалѣнію, интересныя „Записки“ Чернова подверглись, изъ боязни „раздразнить гусей“, значительнымъ сокращеніямъ. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ эта живая лѣтопись города Оренбурга дышетъ глубокою правдою. Читая ее, все время думаешь словами Гри-

Бобцова (служащими эпиграфомъ къ „Губернскимъ очеркамъ“ Щедрина): „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“. И лишній разъ удивляешься силѣ таланта и ума Щедрина, этого поистинѣ великаго сатирика.

Евгеній Елачичъ.

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ СЛАВЯНСКАГО СОБОРА

(Письмо изъ Софіи.)

— Изволите ли видѣть, ваше превосходительство, — сказалъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій Ивану Александровичу Хлестакову, — есть у меня сынъ, рожденный внѣ брака, но совершенно тѣмъ же способомъ, какъ бы и во бракѣ; такъ вотъ я бы желалъ, чтобы онъ назывался тоже Бобчинскій.

— Пусть называется!—отвѣтилъ Хлестаковъ.

— Изволите ли видѣть, ваши превосходительства и ваши сіятельства,—обратился на софійскомъ соборѣ его предсѣдатель, Степанъ Савичъ Бобчевъ, къ „русской делегаціи“,—я очень хорошо знаю, что ваши воззрѣнія на славянскій вопросъ не имѣютъ ничего общаго съ неославизмомъ, что вы боролись и словомъ, и дѣломъ противъ пражскихъ резолюцій, что вы напрягали всѣ свои силы для превращенія формулы „свобода, равенство и братство всѣхъ славянскихъ народовъ“ въ формулу „угнетеніе поляковъ и украинцевъ всѣми зависящими отъ васъ средствами“; но для спасенія аппаратовъ я бы желалъ, чтобы вы назвали ваши дѣйствія также стоящими на почвѣ пражскихъ резолюцій. Согласны?

— Пусть называются, — хоромъ отвѣтили гг. Черепъ - Свиридовичъ, Башмаковъ и другіе.

— Вы, господа, тоже, конечно, противъ этого ничего не имѣете?—спросилъ С. С. Бобчевъ депутатовъ изъ Галиціи.

— О, конечно, конечно, нѣтъ. Пусть называются, — воскликнули въ одинъ голосъ галиційскіе „москофилы“.

— Ну, вотъ и прекрасно. Обстоятельства весьма намъ благопріятствуютъ: у насъ на соборѣ нѣтъ ни поляковъ, ни украинцевъ, ни представителей московскаго общества славянской культуры, ни кадетовъ изъ Россіи, ни Масарика изъ Чехіи, ни Скерлица изъ Сербіи, ни Бабича-Джалскаго изъ Хорватіи, словомъ, никого изъ этихъ без-

покойныхъ людей, которые могли бы внести непріятный диссонансъ. Крамаржъ будетъ разливаться соловьемъ о томъ, что „тотъ не славянинъ, кто утѣсняетъ другого славянина“, вы будете апплодировать его рѣчамъ,—а ему больше ничего и не нужно,—и кто тогда осмѣлится сказать, что софійскій соборъ не стоялъ на почвѣ пражскихъ резолюцій? Такъ пусть постановленія нашего собора будутъ называться тождественными съ пражскими? Не правда ли?

— Пусть называются, пусть называются!..

Такой сцены въ дѣйствительности, разумѣется, не было, но именно такой духъ проникалъ всю русско-галиційскую депутацію софійскаго собора. Въ отличіе отъ прежняго реакціоннаго „славизма“ въ Прагѣ были выдвинуты принципы „неославизма“, провозглашена формула „свобода, равенство и братство“ всѣхъ славянскихъ народовъ. И что же? Теперь смѣло можно сказать, что гг. Крамаржъ, Бобчевъ и К⁰ или лишены самой элементарной способности логическаго мышленія, или пражскія резолюціи являются въ ихъ глазахъ лишь красивыми фразами, рѣшительно никого ни къ чему не обязывающими. Иначе совершенно необъяснимо, какимъ образомъ—даже оставляя въ сторонѣ предъявленное А. А. Стаховичемъ софійскому организаціонному комитету обвиненіе въ весьма некрасивыхъ дѣйствіяхъ, клонившихся къ созданію опредѣленнаго состава русской делегаціи на софійскомъ соборѣ,—какимъ образомъ могли организаторы этого собора приглашать къ участию въ немъ людей, пражскимъ резолюціямъ явно враждебныхъ? Провозгласивъ опредѣленные принципы, устроители софійскаго конгресса—это должно было бы, кажется, быть ясно и для малаго ребенка—были обязаны приглашать на конгрессъ людей исключительно по признаку ихъ солидарности или несолидарности съ этими принципами. Между тѣмъ русская делегація оказалась, въ своемъ подавляющемъ большинствѣ, состоящею изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ провозглашенныхъ въ Прагѣ началъ. Въ ея составъ вошли, между прочимъ, гг. Вергунъ, Комаровъ, гр. Бобринскій, профессоръ Флоринскій, одесскій генералъ Кардиналовскій.

А г. Крамаржъ? Онъ чего же смотрѣлъ? Отчего не принялъ мѣръ противъ такого вопіющаго поруганія всякой логики, уничтожающаго морально-политическій смыслъ собора? Да именно оттого, что и г. Крамаржу, очевидно, ровно столько же дѣла до дѣйствительнаго смысла пражскихъ резолюцій, какъ и г. Бобчеву. Трескъ, блескъ, фраза—вотъ и весь г. Крамаржъ. Вѣдь подтвердилъ же софійскій соборъ пражскія резолюціи—чего-жъ вамъ еще надо? А если созданъ прецедентъ, показывающій, что можно одновременно „стоять на почвѣ пражскихъ резолюцій“ и дѣлать то дѣло, которое дѣлаютъ въ Россіи гр. Бобринскій со товарищами, если на другой же день послѣ собора

г. Башмаковъ могъ говорить въ публичномъ собраніи (на жалкомъ докладѣ о „неославизмѣ“, г. Каменскаго) о возвращеніи славянскаго движенія его „майкѣ“¹⁾—то какое до всего этого дѣло г. Крамаржу?..

Удивительно ли, что въ виду такого положенія вещей софійскій соборъ встрѣтилъ среди лучшей части болгарскаго общества не только безусловно отрицательное отношеніе, но и явную враждебность, выразившуюся въ цѣлой газетной кампаніи, во множествѣ митинговъ, въ организаціи спеціального комитета протеста, инициаторами котораго явились писатели съ самыми громкими въ Болгаріи именами: драматургъ Петко Тодоровъ, знаменитый поэтъ, директоръ національной бібліотеки въ Софіи Пенчо Славейковъ, поэтъ, директоръ національнаго театра Пѣю Яваровъ, публицистъ д-ръ Христо Разовскій. О дѣятельности протестантовъ, о присоединеніи къ нимъ софійскаго студенчества, союза народныхъ учителей (самой сильной въ Болгаріи организаціи) и другихъ интеллигентныхъ силъ извѣстно всѣмъ, слѣдившимъ за корреспонденціями изъ Софіи въ русскіихъ прогрессивныхъ газетахъ.

Мнѣ хочется поставить вопросъ: правильно ли поступили кадеты, московское общество славянской культуры и другіе прогрессивные элементы въ Россіи, отказавшіеся отъ участія въ софійскомъ съѣздѣ?

И не сторонникъ „бойкотистской“ тактики, но въ данномъ случаѣ убѣжденъ безусловно, что русскіе прогрессивные дѣятели поступили правильно. Приславъ привѣтъ не собору, а главѣ протестантовъ противъ него, Пенчо Славейкову, московское общество славянской культуры сдѣлало именно то что нужно. „Скажите Грановскому, что я въ неприличныхъ мѣстахъ свиданій друзьямъ не пазначаю“,—сказала когда-то Вѣлинскій на предложеніе работать въ „Москвитянищѣ“ вмѣстѣ съ Погодинымъ и Шевыревымъ...

Попробовали пріѣхать А. Л. Погодинъ и д-ръ Луденко—и что же? Насмотрѣлись и послушались такого, что изъ „русской делегаціи“ имъ пришлось выйти на другой же день. Пріѣздъ другихъ русскіихъ прогрессивистовъ ничего не измѣнилъ бы къ лучшему.

Что же, однако, дальше? Будетъ съездъ третій, можетъ быть четвертый. Что же, такъ и предоставить все славянское движеніе его пылѣющему теченію, отстраниться отъ него совершенно?

Существуетъ точка зрѣнія, отрицающая „неославизмъ“ въ самомъ его корнѣ и считающая его ученіемъ реакціоннымъ, не потому, что *на практикѣ*, кромѣ ни къ чему не обязывающихъ фразъ, отъ „старославизма“ онъ въ настоящее время ничѣмъ не отличается, а на томъ основаніи, что въ своихъ принципахъ („свобода, равенство и братство

¹⁾ По-болгарски „майка“ значитъ мать.

всѣхъ славянскихъ народовъ“) онъ заключаетъ въ себѣ, будто бы, элементы противныя духу общечеловѣческой культуры. Она призываетъ къ единенію, безъ различія національностей—а неославизмъ, какъ и всякое ученіе съ національной окраской, ведетъ къ разъединенію, къ распаденію человѣчества на враждебныя между собою части. Объединеніе людей,—говорятъ принципиальные противники неославизма,—должно совершаться на другой почвѣ: на почвѣ классовыхъ интересовъ пролетаріата всего міра — по мнѣнію социаль-демократовъ; на почвѣ пропикповенія однимъ и тѣмъ же религіозно-общественнымъ сознаніемъ—по мнѣнію Льва Толстого.

Несмотря на противоположность этихъ точекъ зрѣнія, изъ которыхъ одна проповѣдуетъ борьбу общественныхъ классовъ, другая—христіанское примиреніе людей путемъ самоотверженія и самоотреченія, онѣ обѣ отличаются логическою послѣдовательностью, обѣ выдвигаютъ опредѣленную систему практическихъ дѣйствій. Но жизнь человѣческихъ обществъ не укладывается ни въ какія теоретическія схемы: она безконечно сложнѣе. Въ приведенныхъ выше формулахъ не находитъ мѣста „національное чувство“—а оно является такимъ живымъ, такимъ повсемѣстнымъ факторомъ жизни человѣческихъ обществъ, что проходитъ мимо него, разъ что стоишь не на облакахъ, а на землѣ, значить обрекать общественно-политическое дѣло на несомнѣнную неудачу. Любить свою страну больше, чѣмъ другія—это фактъ психической структуры людей, завѣщанный имъ всею предыдущею исторіей человѣчества, столь же древній, какъ сами человѣческія общества, на всѣхъ наложившій свою неизгладимую печать.

„Я сначала нѣмецъ, а потомъ уже социалистъ“—сказалъ одинъ изъ вождей нѣмецкой социаль-демократіи. Обращаясь даже къ такой, совершенно исключительной по своимъ духовнымъ силамъ личности, какъ Левъ Толстой, не видимъ ли мы въ его письмѣ къ софійскому собору той же самой идеи? Съ всегда отличающей его неустрашимостью, искренностью и правдивостью мысли и чувства Левъ Толстой излагаетъ здѣсь свои принципы, отрицающіе національность, патриотизмъ и государственность — и въ то же время пишетъ слѣдующее: „Думаю, почти увѣренъ, что высказанныя мною мысли будутъ признаны неприложимыми и неправильными, но я счелъ своимъ долгомъ вполнѣ откровенно высказать ихъ людямъ, которые, несмотря на мое отрицаніе племенного и народнаго патриотизма, *все-таки ближе мнѣ*, чѣмъ люди другихъ народовъ (т.-е. неславяне). Скажу болѣе, откинувъ соображенія о томъ, что по этимъ словамъ моимъ меня могутъ уличить *въ непослѣдовательности и противорѣчій самому себѣ*,—скажу, что особенно побудила меня высказать то, что я высказалъ, моя вѣра, что та основа всеобщаго религіознаго единенія, которая

одна можетъ все болѣе и болѣе соединять людей, вести ихъ къ собственному имъ благу, что эта основа будетъ принята прежде всѣхъ другихъ народовъ христіанскаго міра народами именно славянскаго племени“.

Конечно, здѣсь есть непослѣдовательность, есть пристрастіе къ своему. А развѣ Герцень былъ болѣе послѣдователемъ, когда писалъ: „я русскій и *вездѣ* становлюсь, какъ русскій“? Тургеневъ называлъ его „непослѣдовательнымъ славянофиломъ“, прибавляя при этомъ: „чему, однако, я очень радъ“. А Тургеневъ развѣ не былъ пристрастенъ къ „великому, могучему, свободному и правдивому русскому языку“? Если такая непослѣдовательность, такое пристрастіе—грѣхъ, то грѣхъ общій, первородный, и не считается съ нимъ невозможно.

Но любить Россію больше другихъ странъ—не значитъ любить ее такъ, какъ, употребляя сравненіе Чаадаева, „любить самоѣдъ развѣдающій глаза дымъ своей юрты и прогорклый жиръ своихъ оленей“. Между тѣмъ, софійскіе „соборяне“, коцунственно называющіе себя духовными потомками Хомякова и Константина Аксакова, считаютъ именно „развѣдающій глаза дымъ и прогорклый жиръ“ современной Россіи тѣми высшими цѣнностями, которыя слѣдуетъ навязать и „братьямъ-славянамъ“. Прогрессивные дѣятели Россіи должны, мнѣ кажется, дать имъ самый рѣшительный отпоръ, невозможный при одной лишь системѣ пассивнаго уклоненія отъ участія въ начавшемся среди славянъ движеніи.

На одномъ изъ митинговъ протеста противъ состава софійскаго собора Пепчо Славейковъ произнесъ много комментировавшіяся въ болгарскомъ обществѣ слова: „Въ разговорѣ, который я имѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ Милюковымъ, я сказалъ ему съ удивленіемъ: отчего прогрессивная Россія смотритъ на насъ нехорошо, отчего нашему болгарскому слову не даютъ мѣста ни „Вѣстникъ Европы“, ни другіе серьезные органы русской печати? — Оттого, — отвѣчалъ мнѣ Милюковъ, — что вы, болгары, въ глазахъ прогрессивной Россіи себя скомпрометтировали; вы не доказали ни словомъ, ни дѣломъ, что вы доросли до ея уваженія, и она смотритъ на васъ, какъ на поборниковъ мракобѣсія, какъ на „братушекъ“, какъ на людей, вѣчно просящихъ подаенія, какъ на орудіе, которымъ намъ *стучаютъ по головамъ и задерживаютъ наше движеніе*. Станете людьми, приобрѣтете и уваженіе“.

Если съ того времени, какъ имѣлъ мѣсто этотъ разговоръ, въ Болгаріи произошла большая переменна, — а это, по моему мнѣнію, безспорно, — то ее менѣе всего можно приписать русскимъ прогрессивнымъ дѣятелямъ. За исключеніемъ самого П. Н. Милюкова, много поработавшаго среди славянъ и заслуженно пользующагося на Балканскомъ

полуостровѣ большимъ авторитетомъ, я затруднился бы назвать русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей, которые были бы извѣстны болѣе или менѣе широкимъ кругамъ балканской интеллигенціи иначе, какъ изъ книгъ или газетъ. У реакціонеровъ личныхъ связей здѣсь несравненно больше. Между тѣмъ, Балканами попрежнему могутъ еще, и даже очень и очень больно, „стукать намъ по головамъ и задерживать наше движеніе“. Простой политическій расчетъ, поэтому, долженъ заставить русскихъ прогрессивныхъ дѣятелей обратить на эту сторону дѣла серьезное вниманіе. Конечно, сильно преувеличивалъ въ разговорѣ со мною вождь партіи „тѣсныхъ“ социалистовъ въ Болгаріи, Кирковъ, утверждавшій, что, кромѣ пролетаріата, всѣ остальные слои и группы населенія Болгаріи (крестьянство, буржуазія крупная и мелкая, интеллигенція) настроены крайне „русофильски“ (въ дурномъ смыслѣ этого слова); но все же для того, чтобы „стукнуть насъ по головамъ“, т.-е. запутать общественное сознаніе въ Россіи, элементавъ и въ Болгаріи, а въ Сербіи или Черногоріи—тѣмъ болѣе, найдется очень и очень достаточно. Для предотвращенія возможности въ будущемъ такого „стуканія по головамъ“ недостаточно, разумѣется, однихъ литературныхъ работъ, выясняющихъ исторически отношеніе Россіи и русскихъ къ балканскимъ славянамъ; необходимо широкое личное общеніе между интеллигентными силами различныхъ славянскихъ земель.

Насъ могутъ спросить: развѣ такое общеніе приведетъ къ разрѣшенію наиболѣе острыхъ и, слѣдовательно, наиболѣе чреватыхъ опасностями вопросовъ, какъ русско-польскій, сербско-болгарскій, сербско-хорватскій, македонскій? Разрѣшить ихъ, конечно, никакіе славянскіе конгрессы не въ силахъ, но помочь ихъ разрѣшенію путемъ всесторонняго изученія, постояннаго обсужденія, безспорно могутъ. И было бы крайне желательнo, чтобы за это дѣло взялось именно такое выдающееся по богатству умственныхъ силъ общество, какъ московское общество славянской культуры. Отъликъ въ другихъ славянскихъ странахъ, думается мнѣ, нашелся бы большой. Не только свѣта въ окошкѣ, что гг. Крамаржъ да Бобчевъ. Можно и даже должно обойтись безъ нихъ, завязывая съ интеллигенціей славянскихъ странъ самостоятельныя сношенія, а затѣмъ и устраивая самостоятельные конгрессы.

Таковы мысли и пожеланія, навѣянные на меня печальной и тяжелой картиной „всеславянскаго собора въ Софіи“.

В. Богучарскій.

4-го іюля 1910 г.

КОНСТИТУЦІЯ И ШКОЛА ВЪ ШВЕЙЦАРІИ

(Письмо изъ Швейцаріи.)

Исторія швейцарской школы неразрывно слетена съ исторіей швейцарской демократіи. Швейцарская демократія въ своемъ поступательномъ историческомъ движеніи формировала школу, отъ низшей до высшей, по своему образу и подобию. Она давно поняла, какую огромную политическую роль играетъ школа, подготовляющая новое поколѣніе гражданъ и этимъ самымъ въ значительной степени опредѣляющая характеръ ближайшаго будущаго страны.

„Ребенокъ — отецъ мужчины; школьникъ — отецъ гражданина“. Истину, заключающуюся въ этой англійской поговоркѣ, всегда отчетливо сознавала и твердо помнила швейцарская демократія. Сосредоточивъ въ рукахъ народа всю полноту политической власти, она и всей постановкѣ школьнаго воспитанія и преподаванія придала характеръ подготовки гражданъ свободной демократіи.

По выраженію Кондорсе, „народъ никогда не будетъ пользоваться прочной свободой, если въ его средѣ не получитъ общаго распространенія преподаваніе политическихъ знаній. Чтѣ законы, необходимо умѣть въ нихъ разбираться“. На этомъ пути швейцарская школа достигла очень многого. Но жизнь не остаивливается. Широкое развитіе политическаго самоуправленія, выдвигая передъ каждымъ гражданиномъ все болѣе сложныя задачи и требуя отъ него все болѣе политической сознательности, ставитъ и передъ швейцарской школой все новыя, болѣе обширныя и сложныя задачи. И сейчасъ въ общей и спеціальной печати Швейцаріи усердно обсуждается вопросъ о дальнѣйшемъ расширеніи преподаванія политическихъ знаній. Чтѣ нынѣшніе швейцарскіе педагоги считаютъ въ этой области пройденною ступеню, то является не только для Россіи, но и для Германіи идеаломъ, подлежащимъ реализаціи лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Швейцарскіе педагоги хорошо знаютъ, что они готовятъ своихъ учениковъ не только для поступленія въ высшее учебное заведеніе, но и для дѣла гораздо болѣе важнаго и отвѣтственнаго — для вступленія въ жизнь. А для швейцарца вступить въ жизнь — значитъ сдѣлаться полноправнымъ гражданиномъ, получить голосъ при рѣшеніи безусловно всѣхъ вопросовъ общей политики и

мѣстной жизни. Какъ только швейцарцу исполняется двадцать лѣтъ, передъ нимъ широко раскрывается поприще самой разнообразной политической и общественной дѣятельности. Опъ подаетъ голосъ не только при выборѣ депутатовъ парламента, но, во многихъ кантонахъ, и при выборѣ судей, чиновниковъ, учителей, священниковъ и т. д. Всенародныя голосованія то и дѣло призываютъ весь швейцарскій народъ сказать свое рѣшающее слово по крупнымъ и сложнымъ вопросамъ политической и экономической жизни страны. И зная, что ея питомцы, едва сойдя со школьной скамьи, должны будутъ принять самое широкое и отвѣтственное участіе въ этой интенсивной жизни, швейцарская школа спѣшитъ снабдить ихъ нужными, хотя бы основными политическими знаніями и, главное, выработать въ нихъ умѣнье и потребность независимо дѣйствовать, отвѣчать за свои слова и поступки, самостоятельно мыслить. Она готовитъ будущихъ политическихъ хозяевъ страны.

Какъ безконечно далека идеаль швейцарскихъ педагоговъ отъ идеала нашихъ „педагоговъ въ футлярѣ“! Послѣдніе упали бы въ обморокъ въ своемъ футлярѣ, если бы познакомились съ преподаваніемъ въ швейцарскихъ школахъ. Швейцарскаго педагога они признавали бы, конечно, „карбонаріемъ“, который „властей не признаетъ“. На самомъ дѣлѣ мирный швейцарскій учитель—менѣе всего карбонарій и нимало не повиненъ въ „непризнаніи властей“. Въ его странѣ власть принадлежитъ народу—и учитель знаетъ, что въ лицѣ своихъ учениковъ онъ воспитываетъ и обучаетъ будущую власть. По мѣрѣ силъ онъ стремится къ тому, чтобы эта власть была самостоятельна, культурна, просвѣщенна, терпима. Швейцарскій педагогъ такъ опредѣляетъ задачи учителя по отношенію къ ученику: „школа представляетъ собою демократію. Если демократія слѣдуетъ девизу: *все для народа и черезъ народъ*, то по отношенію къ школѣ этотъ девизъ долженъ гласить: *все для учениковъ и все черезъ учениковъ*. Девизъ: *все для учениковъ*—долженъ быть золотыми буквами выбитъ на дверяхъ каждой школы. Учитель, какъ истинный послѣдователь Песталлоцци, долженъ жертвовать собою для своихъ учениковъ. Но при этомъ все должно дѣлаться не только для учениковъ, но и черезъ учениковъ. Преподавательское искусство учителя должно быть направлено на то, чтобы сдѣлать учениковъ самостоятельными. Шагъ за шагомъ учитель долженъ побуждать и пріучать ребенка къ самостоятельности, поддерживая его сначала всею рукою, потомъ только пальцемъ, потомъ только соломинкою, а затѣмъ слѣдя за нимъ лишь глазами, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока ученикъ не научится самъ руководить собою, самъ свободно двигаться въ опредѣленномъ кругу идей. Ученикъ долженъ научиться *самъ* искать, *самъ* находить, *самъ* все дѣлать,

прибѣгая лишь къ руководству старшихъ“ (см. сборникъ „Moderne Democratie“, Цюрихъ, 1904).

Сообщеніе ученикамъ политическихъ знаній начинается уже съ нижней школы. Во всѣхъ швейцарскихъ школахъ учителя стараются ознакомить учениковъ съ общими основами конституціоннаго права. Въ низшей школѣ, гдѣ учатся дѣти до девяти лѣтъ, политическая наука въ видѣ особой отрасли знанія, конечно, еще не преподается. Но уже и здѣсь учителямъ исторіи вмѣняется въ обязанность на конкретныхъ примѣрахъ указывать различные типы государства и его организаціи.

Къ преподаванію политическихъ знаній приступаютъ непосредственно въ такъ-называемыхъ Sekundärschulen, куда переходятъ ученики, окончившіе начальную школу. Здѣсь учатся до 14—15 лѣтъ. Преподаваніе политическихъ знаній возлагается на учителей исторіи: они должны вводить ученика въ основныя понятія конституціоннаго права, знакомить его съ историческимъ ходомъ развитія правового государства.

Не желая обременить учениковъ городскихъ школъ новыми предметами, швейцарскіе школьные совѣты пока не ввели въ программу этихъ школъ конституціонное право, какъ особый предметъ преподаванія; но они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы учителя исторіи непременно выяснили ученикамъ основныя положенія и понятія политическихъ наукъ. Въ коммерческихъ и сельско-хозяйственныхъ школахъ конституціонное право введено какъ отдѣльный предметъ преподаванія.

Послѣ окончанія городской школы швейцарскій юноша поступаетъ въ такъ-называемую дополнительную школу. Посѣщеніе ея въ большинствѣ кантоновъ обязательно. И вотъ въ этихъ-то школахъ, гдѣ обучаются юноши 15—17 лѣтъ, особенно большое вниманіе удѣляется преподаванію политическихъ наукъ. Здѣсь съ учениками проходятъ довольно обстоятельный курсъ законовѣдѣнія и конституціоннаго права, твердо помня, что черезъ 3—4 года ученики станутъ полноправными гражданами. Сознывая, что и городскія, и дополнительные школы, тяжело нагруженные множествомъ предметовъ, не могутъ удѣлить много мѣста политическимъ наукамъ, и заботятся о томъ, чтобы школы выпускали юношей по возможности подготовленными къ предстоящей имъ роли законодателей, швейцарскіе педагоги въ послѣднее время стали учреждать спеціальныя „гражданскія школы“, одною изъ главныхъ цѣлей которыхъ является политическое воспитаніе и обученіе юношества. Въ эти „гражданскія школы“ принимаются юноши 17—19 лѣтъ. Курсъ—двухлѣтній. Преподаваніе производится только зимою, по три часа въ недѣлю. Въ этихъ шко-

лахъ учениковъ подробно знакомятъ съ швейцарскою конституціей и съ основами конституціоннаго права вообще. Въ „гражданскихъ“ школахъ, какъ и въ дополнительныхъ, на учителей возлагается обязанность развивать въ ученикахъ ясное сознаніе „правъ и обязанностей гражданина“.

Въ дополнительныхъ школахъ, посѣщеніе которыхъ обязательно, преподаванію государственныхъ знаній въ различныхъ кантонахъ удѣляется различное число часовъ (отъ 40 до 120 въ году).

Весьма крупную роль, въ качествѣ рассадника политическихъ знаній, играютъ въ Швейцаріи такъ-называемые рекрутскіе курсы. Союзное правительство, въ видахъ контроля, насколько кантоны выполняютъ возложенную на нихъ 27 § союзной конституціи обязанность заботиться о всеобщемъ народномъ образованіи, установило въ 1875 г. особые экзамены для всѣхъ отбывающихъ воинскую повинность. Всѣ новобранцы, прежде медицинскаго осмотра, подвергаются, такъ сказать, осмотру педагогическому: провѣряются ихъ познанія по географіи, исторіи, грамматикѣ. Эти рекрутскіе экзамены, данныя о которыхъ публикуются, вызвали среди кантоновъ чрезвычайно напряженное соревнованіе. Каждый кантонъ стремится къ тому, чтобы на этихъ испытаніяхъ его „ученики“, т.-е. получившіе образованіе въ его школахъ, обнаружили широкія и прочныя знанія. Отсюда сильный толчокъ развитію народнаго образованія въ остальныхъ кантонахъ. Кантоны стали учреждать у себя особые рекрутскіе курсы, подготовляющіе новобранцевъ къ „педагогическому освидѣтельствованію“. Въ семнадцати швейцарскихъ кантонахъ введены подобные курсы; въ четырнадцати изъ нихъ они обязательны. Курсы эти читаются юношамъ, которымъ въ будущемъ году предстоитъ отбывать воинскую повинность. Цѣль ихъ—освѣжить школьныя познанія. И вотъ этими-то курсами, имѣющими дѣло съ юношами, стоящими уже на порогѣ полной политической возмужалости, воспользовались для распространенія политическихъ знаній. Такъ какъ новобранцевъ подробно спрашиваютъ о политическомъ устройствѣ страны, объ ея основныхъ законахъ, о правахъ и обязанностяхъ ея гражданъ, то юношамъ прочитываютъ сжатый курсъ конституціоннаго права, съ особенною подробностью останавливаясь, конечно, на швейцарскихъ государственныхъ учрежденіяхъ и на швейцарской политической жизни. Какъ показываютъ итоги изъ года въ годъ повторяющихся испытаній, швейцарцы выносятъ изъ народной школы достаточное, отчетливое и прочное понятіе объ общихъ основахъ политическаго строя Швейцаріи. Въ остальныхъ кантонахъ отмѣчается еще иногда политическое невѣжество молодыхъ людей, но въ общемъ и цѣломъ швейцарская школа можетъ смѣло гордиться итогами испытаній: они обнаруживаютъ не только высокую общую

грамотность населенія, но, такъ сказать, его политическую грамотность.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, когда нѣмецкій другъ Нуришкевича, гр. Ольденбургъ, произнесъ свою историческую фразу о правѣ германскаго императора послать офицера съ десятью солдатами, чтобы разогнать рейхстагъ, одинъ нѣмецкій педагогъ произвелъ любопытную анкету среди гимназистовъ, школьниковъ, студентовъ и т. д. Всѣмъ имъ были заданы элементарные вопросы изъ области германской конституціи. Отвѣты поражаютъ своею политическою безграмотностью. Достаточно сравнить данныя этой анкеты съ итогами швейцарскихъ рекрутскихъ испытаній, чтобы убѣдиться, что въ общемъ швейцарцы, окончившіе народную школу, лучше разбираются въ политическихъ вопросахъ и больше имѣютъ свѣдѣній по конституціонному праву родной страны, чѣмъ нѣмцы, получающіе среднее и даже высшее спеціальное образованіе. И въ этомъ широкомъ распространеніи политическихъ знаній — одна изъ серьезнѣйшихъ заслугъ швейцарской школы.

Швейцарскіе педагоги все еще не довольны достигнутыми результатами. Прежде всего предполагается выдѣлить преподаваніе политическихъ знаній въ народной школѣ въ отдѣльный предметъ и назначить для него, въ старшемъ отдѣленіи, нѣсколько часовъ въ недѣлю. Проектируется, дальше, придать этому преподаванію жизненный характеръ, сблизивъ „сѣрую“ теорію государственнаго права съ зелѣнющею жизнью. Съ этою цѣлью на урокахъ государственныхъ знаній предполагается комментировать и теоретически разъяснить текущія событія въ государственной жизни Швейцаріи и другихъ странъ. Событія эти должны освѣщаться съ формально-правовой стороны: по поводу того или иного народнаго голосованія или постановленія парламента будетъ выясняться, какимъ путемъ это постановленіе возникло, какія стадіи оно прошло, какими путями оно должно быть воплощено въ жизнь и т. д.

Съ цѣлью еще больше сблизить политическую теорію съ политической жизнью нѣкоторые швейцарскіе педагоги предлагаютъ въ старшихъ классахъ, на урокахъ государственнаго права, читать съ учениками текущій номеръ газеты и толковать прочитанное съ точки зрѣнія конституціоннаго права. Этимъ достигается двойная цѣль: во-первыхъ, ученики легче схватываютъ и тверже запоминаютъ основныя положенія государственнаго права, когда изучаютъ ихъ на живыхъ событіяхъ текущей жизни, какъ бы съ помощью политической вивисекціи; во-вторыхъ, они пріучаются вдумчиво относиться къ текущимъ событіямъ и умѣло въ нихъ разбираться, сознательно относясь къ чтенію газетъ.

У русскаго читателя можетъ родиться опасеніе: не внесетъ ли въ школу подобное преподаваніе атмосферу политическихъ страстей? Не воспользуются ли имъ швейцарскіе педагоги, чтобы превратить своихъ юныхъ слушателей въ приверженцевъ той или иной политической партіи, къ которой они сами принадлежать? Швейцарскіе педагоги этого не боятся. Они знаютъ, что въ странѣ, гдѣ всѣмъ открыта возможность свободно исповѣдывать и свободно распространять свои убѣжденія, нѣтъ никакихъ основаній опасаться внесенія въ школу политическаго азарта и политической борьбы. Въ странѣ, гдѣ взрослые граждане обладаютъ полною политическою свободою, подрастающее поколѣніе не спѣшитъ окунуться въ политическую жизнь, зная, что она отъ него не уйдетъ.

И швейцарскіе педагоги единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что преподаваніе политическихъ наукъ нигдѣ не возбуждало политическихъ страстей; повсюду ученики относились къ нему съ чисто научнымъ интересомъ. Какъ во всѣхъ истинно-свободныхъ странахъ, школьники Швейцаріи держатся въ сторонѣ отъ активнаго участія въ политикѣ, хотя имъ этого никто не запрещаетъ.

До сихъ поръ мы говорили о преподаваніи политическихъ знаній швейцарскимъ школьникамъ. Скажемъ, въ заключеніе, нѣсколько словъ о воспитаніи изъ школьниковъ гражданъ.

Швейцарскіе учителя, какую бы они науку ни преподавали, не устаютъ подчеркивать необходимость вполне самостоятельнаго и критическаго отношенія учениковъ къ предмету. Они никогда не дѣйствуютъ на ученика авторитетомъ; они пріучаютъ его не вѣрить, а провѣрять (мы говоримъ, конечно, о лучшихъ представителяхъ швейцарской школы). Но однимъ методомъ преподаванія дѣло, конечно, не ограничивается. Швейцарскіе педагоги всячески поощряютъ образованіе ученическихъ обществъ, союзовъ, преслѣдующихъ самыя различныя цѣли и устраивающихъ оживленные „дискуссионные вечера“ на самыя разнообразныя, въ томъ числѣ и политическія темы. Учителя сплошь и рядомъ принимаютъ дѣятельнѣйшее участіе въ дискуссіяхъ; нерѣдко между учителемъ и ученикомъ идетъ долгій и оживленный политическій споръ. Швейцарскіе педагоги иногда шутя называютъ эти ученическіе клубы „предварительными парламентами“. И дѣйствительно, уже здѣсь закладываются прочныя психологическія основанія конституціоннаго строя. Швейцарская школа не готовитъ учениковъ для какой-либо опредѣленной политической партіи, но зато несомнѣнно готовитъ ихъ для жизни и дѣятельности въ странѣ съ вполне опредѣленнымъ политическимъ строемъ.

И къ какой бы политической партіи впоследствии ни примкнулъ воспитанникъ школы, ему пригодятся и тѣ политическія знанія, которыми она его снабдила, и тѣ черты характера, которыя она въ немъ воспитала. Станеть ли онъ либераломъ, социалистомъ, радикаломъ или даже — конечно, въ швейцарскомъ смыслѣ — консерваторомъ, онъ будетъ самостоятельно разбираться въ цѣломъ рядѣ сложныхъ вопросовъ, онъ сумѣетъ выслушивать, возражать, говорить, работать съ людьми иныхъ убѣжденій. Всему этому научила и ко всему этому его пріучила школа. Она развиваетъ ту привычку полагаться на самого себя, самостоятельно думать и поступать, свободно выражать свои мнѣнія и сомнѣнія, которая является могущественною прививкою конституціоннаго духа и служитъ твердымъ отпоромъ гнету и деспотизму во всѣхъ видахъ и формахъ.

II. Берлинъ.

СОВРЕМЕННАЯ ИСПАНІЯ

(Письмо изъ Барселоны.)

Огромныя, нелѣпыя очертанья на фонѣ яркаго синяго неба. Чудовищная путаница изъ каменныхъ кружевъ съ летящими, точно падающими ангелами, какихъ-то дикихъ и безобразныхъ головъ съ низвергающимися и неподвижно застывшими каскадами сѣраго камня; уродливыя, кривыя колонны, подпирающія нѣчто неуклюжее, пузатое, нагло выпятившееся впередъ... Что это? Кошмаръ? Тяжелый бредъ? Нѣтъ — это передній фасадъ „Sagrada Familia“ — еще неоконченнаго постройкой храма современнаго, воинствующаго католицизма въ Испаніи!

Тридцать лѣтъ тому назадъ барселонскіе монахи ордена „Святого Семейства“ задумали построить свой собственный храмъ, который долженъ былъ явиться выразителемъ неумирающей мощи и величія католической идеи. Храмъ — доказательство, храмъ — вызовъ всему антиклерикальному, храмъ — при видѣ котораго сердца вѣрующихъ должны наполняться тихимъ умилениемъ, сердца же нечестивцевъ — трепетать.

Лучшіе католическіе архитекторы и художники взялись за постройку. Для большей „убѣдительности“ храмъ предполагалось соорудить единственно на средства, собранныя общественной подпиской,

дабы имѣть возможность воздвигнуть новый памятникъ непоколебимой преданности испанскаго народа святой церкви. Работа закипѣла съ лихорадочной быстротой. Собранные по всей Испаніи „трудовыми сантимами“ огромныя деньги позволили въ первые же два-три года довести зданіе до значительной высоты.

— Лѣтъ черезъ 10-15 готово будетъ! — радостно потирали руки святые отцы, похаживая вокругъ растущихъ съ чудодѣйственной скоростью стѣнъ.

Но покамѣстъ росли стѣны „Sagrada Familia“, росло и пробуждалось рядомъ съ ними нѣчто другое, на что не рассчитывали преждевременно ликовавшіе монахи. Прошло тридцать лѣтъ: великолѣпный и суетный храмъ такъ и остался печальнымъ воспоминаньемъ неудавшейся попытки воскресить былыя и, слава Богу, навсегда уже прошедшія времена. Теперь даже въ Испаніи нельзя построить ни Notre Dame de Paris, ни Кёльнскаго собора!

Уныло смотрятъ на зеленѣющіе вокругъ сады недоконченныя, гордыя башни. Святые и апостолы, сперва-было побѣдоносной толпой выступившіе изъ сѣрыхъ стѣнъ, неожиданно сконфузились и остановились. Они имѣютъ сейчасъ такой видъ, точно поняли всю несвоевременность своего выступленія, и имъ хочется уйти обратно — да нельзя. Волей художника закрылись для нихъ навсегда разступившіеся передъ ними мертвые камни. Приходится теперь одиноко жаться въ своихъ высокихъ нишахъ, да терпѣливо ждать. Но чего? — „Не течетъ рѣка обратно. Что прошло — того не будетъ!“ — Грустно и обидно такъ неосторожно опоздать!

— Подвигается работа? — спрашиваю я у вышедшаго мнѣ на встрѣчу завѣдующаго постройкой.

Онъ неопредѣленно пожимаетъ плечами.

— Н-да... понемножку, — неохотно отвѣчаетъ онъ. — Денегъ нѣтъ...

— Такъ что не скоро кончите?

— Лѣтъ черезъ 50-60... если кончимъ!

Разговоръ обрывается. Тишина. Гдѣ-то наверху глухо, точно дятель клювомъ, постукиваетъ далекій молоточекъ.

— Много рабочихъ у васъ? — снова начинаю я.

Завѣдующій неожиданно раздражается.

— Четыре на башняхъ — да внизу, въ модельной, двое... всего шесть! — отвѣчаетъ онъ такимъ тономъ, точно собирается меня укусить.

Я уже не рискую высказывать своихъ соображеній по этому поводу и скромно молчу.

— Желаете посмотрѣть капеллу? — смягчившись, спрашиваетъ наконецъ завѣдующій. — Одна капелла у насъ совсѣмъ готова.

— Съ удовольствіемъ.

— Проводи сенора въ „анархическую“! — киваетъ онъ на меня вышедшему изъ зияющаго своей пустотой портала рабочему, „одному изъ шести“, которому въ этотъ моментъ очевидно ровно нечего дѣлать. Тотъ неторопливо закуриваетъ даже на свѣжемъ воздухѣ убійственную сигару и съ равнодушнымъ видомъ идетъ впереди меня.

— Вотъ!—заявляетъ онъ, распахивая какую-то дверь.

Передо мной невысокая сѣрая часовня. Убожествомъ духа и скудостью фантазій вѣетъ отъ каждаго орнамента, отъ каждой фигуры апостоловъ и святыхъ, такъ же растерянню застывшихъ вдоль карнизовъ, въ напряженныхъ и неестественныхъ позахъ, какъ и на главномъ фасадѣ.

Одна фигура невольно останавливаетъ мое вниманіе: дико растрепанный и плохо одѣтый человѣкъ, въ современномъ костюмѣ, съ звѣрскимъ выраженіемъ изможденнаго лица, полусогнувшись, держитъ въ рукѣ огромную бомбу. Среди кудрявыхъ и затѣйливыхъ облаковъ изъ бѣлаго мрамора и благообразныхъ апостоловъ въ ниспадающихъ складками хитонахъ онъ производитъ странное впечатлѣніе.

— Это кто же такой?—обращаюсь я къ своему провожатому.

— А это—рабочій ухмыляется и дѣлаетъ рукой широкій, пояснительный жестъ—анархистъ тутъ одинъ...

— Какъ же онъ сюда попалъ?—изумляюсь я:—со святыми вмѣстѣ?

— Да онъ не вмѣстѣ. Видите—онъ ниже помѣщенъ. Значитъ недостойнъ царствія небеснаго... За грѣхи...

Я внимательно смотрю на апатичное лицо моего провожатаго. Никакого впечатлѣнія. Нѣтъ! Художникъ своей цѣли не достигъ!

— Съ натуры сдѣлано,—одобрительнымъ тономъ продолжаетъ рабочій,—нашъ это... барселонскій. Замѣчательный былъ анархистъ. Извѣстный во всей Европѣ!

И опять не разберешь: не то къ назидательности изображенія относится это одобреніе, не то къ изображаемому лицу?

— А дальше у насъ ничего еще не готово...—заканчиваетъ онъ. Мы выходимъ обратно изъ капеллы.

Нѣтъ! Богъ съ нимъ, съ этимъ мертвымъ памятникомъ старчески одряхлѣвшей силы! Исчезла искренность, оскудѣло воображеніе, и даже муки ада, которыми такъ легко было раньше „уловлять сердца“, превратились теперь въ безвѣріи самихъ носителей церковной идеи въ жалкое и незначительное подражаніе.

Кончилась легенда объ инквизиціонной Испаніи! Минули славные дни Аранжуэса, когда „на призывъ плѣнительной пери шелъ воинъ, купецъ и пастухъ“, когда, по мановенію руки католическаго архіепископа, благородные сеньоры мгновенно забывали свои распри и раздоры и бросались на защиту „дѣла вѣры“ рядомъ съ оставившими

свои пашни мужиками. Теперь — увы! — картина рѣзко измѣнилась: былого единодушія и въ поминѣ нѣтъ — да и само „дѣло вѣры“ изъ прежней, эффектно задрапированной высокими идеями эксплуатаціи невѣжественныхъ массъ стало просто коммерческимъ предпріятіемъ, безъ всякой драпировки.

Эпоха фабричныхъ трубъ, оскорбительными силуэтами вырастающихъ повсюду на фонѣ романтическаго пейзажа старой Испаніи, задѣла своими все увлекающими крыльями и тихія обители „отцовъ пустынниковъ и непорочныхъ женъ“, превративъ бывшія мѣста молитвы въ современные фабрики и заводы. Чего только не фабрикують теперь монахи и монахини въ Испаніи, за какую отрасль производства не берутся? Все, начиная съ четокъ и изображеній святыхъ и кончая кружевами для дамскаго бѣлья, можно получить въ любомъ монастырѣ гораздо дешевле, скорѣе и удобнѣе, чѣмъ въ спеціально занимающемся этимъ заведеніи. Даровой трудъ многочисленныхъ послушниковъ и братіи позволяетъ монастырямъ вести, въ широкихъ размѣрахъ, самыя разностороннія индустріальныя предпріятія, подрывая дешевизной возникающія рядомъ свѣтскія производства. Въ настоящій моментъ монастыри въ Испаніи владѣютъ собственностью на сумму болѣе 1.550 милліоновъ пезетъ, будучи свободными отъ какихъ бы то ни было государственныхъ повинностей и отъ всякаго контроля за своей все болѣе и болѣе развивающейся коммерціей. По конкордату второй половины прошлаго столѣтія свѣтскія власти совершенно безсильны передъ духовными конгрегаціями, отвѣтственными въ своихъ даже торговыхъ дѣлахъ предъ однимъ лишь Господомъ Богомъ. Но это отчужденіе отъ міра не мѣшаетъ имъ ввязываться рѣшительно во всѣ проявленія общественной жизни и налагать свое veto на все, что имѣетъ хотя малѣйшій характеръ стремленія къ духовному и физическому раскрѣпощенію народа.

При ежегодномъ собственномъ доходѣ въ 773 милліона пезетъ, черная Испанія умудряется еще получать „небольшую“ субсидію отъ правительства, въ видѣ 44 милліоновъ пезетъ въ годъ. А на народное образованіе, которое, кстати сказать, всецѣло находится въ рукахъ все тѣхъ же монаховъ и поповъ, правительствомъ тратится ежегодно только *восемь* милліоновъ.

Немудрено, поэтому, что со всѣхъ сторонъ свѣта бѣгутъ и садятся на шею испанскаго народа смиренные любители легкой наживы и безнаказанной эксплуатаціи, которымъ почему-либо не повезло у себя дома. Такъ, напримѣръ, изгнанные изъ Франціи монахи и монахини чуть ли не *in corpore* переселились въ Испанію со всѣми своими пожитками и немедленно же съ жадностью принялись стричь овецъ новаго, ввѣреннаго ихъ духовному попеченію стада.

Но стригомая наства давно уже оказалась безъ послѣдняго куска шерсти. Дальше стричь уже нечего: „настырскія“ ножницы рѣжутъ куски живого мяса. Терѣніе истощается. Подъ вліяніемъ непосредственной боли невольно и неизбежно открываются когда-то доверчиво закрытые глаза. И уже не прежнимъ умиленнымъ взглядомъ встрѣчаютъ вѣрующіе испанцы недавняго руководителя своихъ земныхъ и небесныхъ судеб!

Вотъ маленькая сценка, въ которой, какъ въ каплѣ воды, отражается отношеніе современнаго средняго испанца къ своему духовенству.

Въ вагонѣ душно и невыносима тѣснота. По принятому испанской желѣзнодорожной администраціей обыкновенію, въ купѣ на 10 человекъ напихано уже около пятнадцати. Мы сидимъ, сжатые до послѣдней возможности; но настроеніе у насъ превосходное. Нигдѣ, кромѣ Россіи до періода „усмиренія и возстановленія тишины“, я не видѣлъ такой необыкновенно быстро сходящейся и завязывающей путевыя знакомства толпы, какъ въ Испаніи. И сейчасъ оживленный, веселый разговоръ не прекращается ни на минуту. Въ окнѣ мелькаютъ унылыя равнины, похожія на наши, только страннаго, буровато-краснаго оттѣнка. Несмотря на опущенныя стекла, табачный дымъ виситъ сизой пеленой. Всѣ хохочутъ, болтаютъ, время быстро мчится—поѣздъ же нашъ неторопливо, и точно нехотя, ползетъ.

На какой-то станціи кондукторъ распахиваетъ дверцы. Тотцій довѣ-Базиліо, въ черной, надвинутой на брови шляпѣ, съ смиренно поджатыми бритыми губами съ трудомъ втискивается между подслѣповатой, съ трясущейся головой, старушкой и моимъ сосѣдомъ, жирнымъ и добродушнымъ толстякомъ.

Поѣздъ трогается. Почему-то наступаетъ враждебное молчаніе. Патеръ достаетъ изъ кармана молитвенникъ и, повидимому, углубляется въ чтеніе. Товкія губы его внимательно шевелятся. Острый носъ точно ищетъ чего-то въ обтрепанной и порыжѣлой книжкѣ. Молчаніе продолжается.

— А по моему мнѣнію самое правильное—это свободная любовь!—начинаетъ вдругъ изъ противоположнаго угла жукообразный господинъ съ плутовато бѣгающими, веселыми глазами. Я удивленно смотрю на него. Мы только-что разговаривали о послѣдней „cogiola“ (неудачномъ паденіи во время боя быковъ) въ Барселонѣ знаменитаго торреадора Бомбиты; не понимаю, какое это можетъ имѣть отношеніе къ свободной любви?

Мой сосѣдъ подмигиваетъ мнѣ; его толстая шея багровѣетъ отъ сдерживаемаго смѣха.²

— Я тоже, какъ домой приѣду обязательно жену свою брошу,—

съ серьезнымъ видомъ отзывается онъ. — Надоѣла мнѣ она. Старая стала...

Всѣ смѣются и переглядываются между собой. И громче всѣхъ заливается жена моего сосѣда.

— А у васъ, въ вашей странѣ, можно разводиться, — обращается ко мнѣ неугомонный сосѣдъ, — въ случаѣ, на примѣръ, супружеской невѣрности, неизлечимой болѣзни, и т. д.?

— Можно.

— А у насъ такъ нельзя. Хоть сумасшедшая будь твоя жена или я самъ дурной болѣзнью захвораю, что бы тамъ ни случилось—живи вмѣстѣ! Богъ, молъ, такъ повелѣлъ... Вѣнчаютъ-то они у насъ безъ всякихъ документовъ, хоть по багажной квитанціи—только заплати. А развода нѣтъ!

— Такъ понамъ-то что? — поддерживаетъ изъ своего угла жукообразный господинъ.—Они вѣдь этого не понимаютъ. Плоти у нихъ нашей грѣшной нѣтъ. Они больше насчетъ молитвъ только...

— Попы и монахи—это солитеръ въ организмѣ Испаніи! — неожиданно изрекаетъ до тѣхъ поръ угрюмо молчавшій мой визави, неопредѣленныхъ лѣтъ и наружности мужчина. Голосъ его мраченъ. Бѣлки глазъ угрожающе сверкають.

— И какъ всякій живой организмъ хирѣетъ и чахнетъ,—повышая голосъ, продолжаетъ онъ,—если внутри его заводится солитеръ, такъ зачахла и захирѣла наша Испанія...

Окончивъ эту сентенцію, онъ съ глубокомысленнымъ видомъ умолкаетъ. Патеръ невозмутимо продолжаетъ шарить носомъ по страницамъ своего молитвенника. Но на лбу его замѣтно вздувается напряженная жила.

— А чтò я вамъ расскажу!—заранѣе прыская отъ веселости, начинается снова мой сосѣдъ... Далѣе слѣдуетъ скабрезный анекдотъ насчетъ монаховъ и монахинъ въ стилѣ Боккачіо, только еще болѣе ядовитый и злой. Начинается травля. Всякій вноситъ свою посильную дань. У каждаго имѣется въ запасѣ что-нибудь характеризующее попа и монаха со стороны жадности, трусости, развращенности и т. д.

Патеръ съ героическими усиліями продолжаетъ ничего не замѣчать. Я съ удивленіемъ вижу, что и ѣдущая съ нами дряхлая старушка тоже принимаетъ участіе въ общемъ весельѣ: она изрѣдка усмѣхается своимъ беззубымъ ртомъ въ особенно „характерныхъ“ мѣстахъ и что-то шамкаетъ и шепчетъ про себя. Но удивленіе мое достигло крайней степени, когда жена моего сосѣда, толстая и смѣшная дама, въ свою очередь „вспомнила“ одинъ, не скажу чтобы очень приличный анекдотъ.

Такъ продолжалось около часу, покамѣстъ несчастный патеръ не

слѣзъ на одной станціи вмѣстѣ со своимъ молитвенникомъ и заплетавшейся между ногъ отъ поспѣшности сутаной. Съ его уходомъ прежняя миролюбивая атмосфера возстановилась. Мы продолжали свой путь, снова болтали о всякихъ пустякахъ. Но ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту такъ жестоко и безжалостно осмѣяннаго представителя „черной пласти“.

Очень характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее опредѣленіе самаго талантливаго изъ современныхъ испанскихъ писателей, Переса Гальдоса, который всю свою жизнь посвятилъ борьбѣ съ клерикализмомъ.

— Я считаю нынѣшнюю Испанію одной изъ самыхъ нерелигіозныхъ странъ на свѣтѣ,—сказалъ онъ поспѣтившему его итальянскому журналисту Джузеппе Пагано. — Смѣшно говорить о религіозности такого города, какъ Мадридъ, гдѣ не переставая болтають о религіи, но до сихъ поръ еще не сумѣли построить храма, достойнаго имени столь часто призываемаго всеу Господа Бога... Въ Мадридѣ, гдѣ масса богачей-католиковъ, мы имѣемъ больше театровъ, чѣмъ въ Лондонѣ, „plaza de toros“, которая сама по себѣ уже цѣлый архитектурный монументъ, десятки и сотни кафе-шантановъ—и ни одной новой церкви, которая не была бы похожа на свиной хлѣвъ. И то же самое по всей остальной Испаніи... Изъ страны, гдѣ религія была когда-то неразрывно связана со всей моральной и физической жизнью народа, съ его героизмомъ, съ его искусствомъ, съ войной, съ богатствомъ и бѣдностью—мы стали страной, гдѣ религія существуетъ теперь сама по себѣ, безъ всякой связи со всѣмъ прочимъ. Современные театральныя манифестаціи благочестія и преданности церкви на мой взглядъ имѣють лишь исключительно политическій, а не религіозный характеръ...

И дѣйствительно: манифестаціи, вызванныя превозглашеніемъ свободы вѣроисповѣданій, наглядно показали, какіе именно элементы приимають участіе въ борьбѣ со стороны клерикаловъ и какіе—со стороны противниковъ клерикализма.

Я нарочно пошелъ посмотрѣть на обѣ демонстраціи, которыя, кстати, были назначены на одинъ и тотъ же день. Первая изъ нихъ должна была пройти подъ окнами губернатора Барселоны, для выраженія своего одобренія либеральнымъ начинаніямъ правительства; вторая устраивалась въ театрахъ Rivoli и Novedades, съ цѣлью протеста „истинныхъ сыновъ церкви“ противъ потрясенія клерикальных основъ.

Широкая, вся покрытая тѣнью отъ громадныхъ платановъ улица передъ губернаторскимъ дворцомъ была сплошь залита волнующимся и глухо шумящимъ моремъ человѣческихъ головъ. Повсюду, насколько хватало зрѣнія, шевелились и прибывали все новыя и еще болѣе

многочисленныя толпы народа — и въ стройномъ порядкѣ присоединялись къ уже стоящимъ у дворца. Прежде всего меня поразили демократическій видъ манифестантовъ: подавляющее большинство — рабочіе и ихъ жены, пришедшіе сюда даже съ дѣтьми, что придавало толпѣ характеръ какого-то семейнаго сборища. Элегантныхъ костюмовъ почти нѣтъ, нарядныхъ дамскихъ туалетовъ — тоже.

Чего еще нѣтъ — такъ это полиціи. Кое-гдѣ только мелькаютъ два-три красныхъ мундира „urbanos“ — городскихъ, содержащихся на счетъ Барселонскаго муниципалитета. „Тащить и не пущать“ они не смогутъ — да и незачѣмъ: порядокъ и дисциплина толпы образцовые. Видно, что всѣхъ объединяетъ сейчасъ одна общая идея: она глубоко проникла въ сознаніе и придаетъ живую осмысленность малѣйшему движенію этихъ медленно катящихся людскихъ волнъ. На другой день я узналъ изъ газетъ, что, по приблизительному подсчету, въ манифестаціи принимало участіе больше 50 тысячъ человекъ.

Громадное знамя неподвижно висится надъ всѣми. „Да здравствуетъ свобода вѣроисповѣданій!“ — написано на немъ. Въ Испаніи испанцевъ не-католиковъ почти нѣтъ. Всѣ протестанты и вообще иновѣрцы — обыкновенно иностранцы, такъ что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ не о собственныхъ интересахъ манифестантовъ, а объ отвлеченной прогрессивной идеѣ.

Внезапно бурнымъ и срывающимся вихремъ проносятся многотысячные аплодисменты. Губернаторъ принялъ делегатовъ отъ толпы, и они выходятъ на балконъ дворца, чтобы передать результаты состоявшагося свиданія. Какой-то сѣдоватый господинъ, наклонившись черезъ перила, начинаетъ говорить. До меня доходятъ лишь отдѣльные обрывки:

— Испанія задыхается въ тискахъ клерикализма... Намъ нужны либеральныя реформы... Свобода, какъ воздухъ — безъ нея невозможно жить... Клерикальныя угрозы намъ не страшны. Мы — сила, и намъ принадлежитъ будущее!..

Аплодисменты то и дѣло прерываютъ эту рѣчь. Манифестація кончается при общемъ восторженномъ и радостномъ возбужденіи.

Меня несетъ вмѣстѣ съ расходящейся толпой по маленькимъ и кривымъ улицамъ рабочаго предмѣстья Барселоны. Я вижу вокругъ себя сіяющія, довольныя лица, слышу добрые разговоры о томъ, какъ все хорошо удалось сегодня и какъ нельзя теперь будетъ клерикаламъ протестовать противъ прогрессивныхъ реформъ отъ имени „всего испанскаго народа“. Свѣтло и ясно становится на душѣ: чувствуется, гдѣ-то тутъ, рядомъ, выросло что-то мощное, большое. Трудно будетъ затоптать и засыпать мусоромъ старыхъ пережитковъ эту все разгорающуюся искру народнаго самосознанія.

Веселое лѣтнее утро тоже какъ будто смѣется и радуется вокругъ. Сіяетъ солнце на нахмуренныхъ и грустныхъ домахъ средне-вѣковаго квартала. Съ жизнерадостнымъ журчаньемъ разсыпается мелкими ручейками занесшій меня въ эту сѣть прихотливо переплетающихся переулковъ людской потокъ. Чѣмъ ближе я подвигаюсь къ аристократической части города, гдѣ должны состояться сегодняшніе митинги клерикаловъ, тѣмъ все дальше отстаютъ отъ меня эти плохо одѣтые люди съ открытыми, простыми лицами и грубыми, мозолистыми руками...

Наконецъ, изъ всѣхъ бывшихъ со мной передъ губернаторскимъ домомъ и остаюсь одинъ. На встрѣчу начинаютъ понадаться уже другія физиономіи. Это — участники оканчивающагося клерикальнаго митинга въ театрѣ „Novedades“. Подхожу къ дверямъ. Небольшая кучка молодыхъ людей въ изысканныхъ лѣтнихъ костюмахъ охраняетъ входъ. Оказывается — проникнуть внутрь можно не всякому: допускаются только „свои“. На слѣдующій день узнаю изъ газетъ, что этихъ „избранныхъ“ было въ обоихъ театрахъ около шести тысячъ.

Усаживаюсь возлѣ дверей на террасѣ сосѣдняго ресторана и начинаю разсматривать выходящихъ. Нѣтъ! рѣшительно я ихъ всѣхъ гдѣ-то раньше видѣлъ! Вотъ бодрой походкой проходитъ необыкновенно прямо держащійся старичокъ съ сѣдыми бакенбардами и съ гвоздикой въ петличкѣ. Онъ дѣлаетъ масляные глаза сидящимъ на террасѣ дамамъ и, торопливо приволакивая лѣвую ножку, усаживается въ ожидающійся его экипажъ. Группа угреватыхъ и толстыхъ юношей выходитъ съ скучающимъ видомъ. Движенія ихъ расслаблены, модные пиджаки уныло обвисли на тщедушныхъ плечахъ. Безукоризненные господа въ панاماхъ и съ моноклями слѣдуютъ за ними... А вотъ и рабочіе!.. Что за родныя, знакомыя лица! — всѣ, какъ на подборъ, въ широчайшихъ каскеткахъ, лихо сдвинутыхъ на затылокъ; зычные голоса, молодецкія сплевыванья въ сторону, сильные окрики черезъ всю улицу...

Все прибывающая конная и пѣшая полиція оцѣпляетъ гуляющую по бульвару публику плотнымъ охранительнымъ кольцомъ: начинается выходъ „истинно испанскихъ людей“ съ митинга протеста противъ свободы вѣроисповѣданій въ Испаніи!

„Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ успокою вы!..“ Не знаю, какъ это будетъ по-латыни, но знаю и видѣлъ, что въ современномъ испанскомъ храмѣ труждающимся и обремененнымъ мѣста нѣтъ! Посмотрите на торжественное богослуженіе въ Барселонскомъ соборѣ: горятъ тысячи свѣчей, гремятъ подъ мрачными сводами величественные звуки чудеснаго по силѣ и красотѣ органа, сіяютъ золото и парча на облаченіяхъ духовенства — вѣру-

ющіе же равнодушно слушаютъ грозныя проповѣди и оперныя напѣвы. Разодѣтыя въ пухъ и прахъ синьоры показываютъ свои туалеты, завидуютъ, ревнуютъ, злословятъ между собой, равно какъ и припомаженные, элегантныя „кабальеро“, которые не для молитвы толпятся возлѣ этихъ сурово темнѣющихъ колоннъ...

Въ будніе дни — пустынно и грустно въ средневѣковомъ соборѣ. Бормочатъ что-то себѣ подъ носъ на скорую руку отбывающіе ежедневную повинность патеры, одиноко играетъ органъ и въ печальной тишинѣ покинутаго храма двѣ-три богомольныя старушки, прижимаясь лбомъ къ холоднымъ каменнымъ плитамъ, сокрушенно отмаливаютъ свои прошедшіе грѣхи...

Молодая испанская демократія ушла отсюда и болѣе не вернется. Теперь религія въ Испаніи не объединяетъ, какъ прежде, различные классы общества на когда-то для всѣхъ одинаковой платформѣ „единого стада и единого пастыря“. Наоборотъ, она служитъ поводомъ для рѣзкаго разграниченія.

Понятіе: „клерикаль“ выражаетъ для средняго испанскаго обывателя экономическіе аппетиты и политическія стремленія вполне опредѣленной общественной группы. Терминъ: „антиклерикаль“ является синонимомъ борьбы прогрессивныхъ элементовъ противъ реакціонныхъ поползновеній, во имя освободительныхъ и гуманитарныхъ идей. Старая романтика кончилась. Католицизмъ въ Испаніи, какъ и въ другихъ странахъ, вышелъ изъ-подъ темныхъ сводовъ соборовъ и монастырей на улицу — и успѣвшія къ этому моменту немного разобраться въ своихъ интересахъ народныя массы увидѣли, безъ привычной декораціи „святого мѣста“ и „дѣла вѣры“, что изъ-за облаковъ кадильнаго дыма, изъ-за чудотворныхъ статуй выглядываетъ — *партія*. А партія, защитница эксплуататоровъ, рано или поздно неминуемо должна потерять точку опоры въ широкихъ народныхъ массахъ.

Но темная сила, въ продолженіе столькихъ вѣковъ глушившая малѣйшіе жизненные ростки несчастной и интересной страны, вошла сейчасъ въ новый фазисъ своего развитія и нисколько не ослабѣла. Она жива и увѣрена въ себѣ. Испаніи предстоятъ еще тяжкія испытанія. Отъ исхода ихъ зависитъ вся ея будущая судьба. Теперь обратимся къ другому тормазу, быть можетъ еще болѣе сильному, чѣмъ клерикализмъ, тормазу, задерживающему и замедляющему всякія попытки искренно любящихъ свою родину людей ускорить ея освобожденіе. Этотъ тормазъ — „касикизмъ“.

Революція 1868-го года, окончательно уничтоживъ послѣдніе остатки „внѣ-конституціонной“ королевской власти и даже учредивъ

на ея развалинахъ эфемерную республику, не замѣтила, среди всеобщей суматохи во время грандіознаго пожара, что фундаментъ разрушеннаго зданія остался прежній. Съ тѣхъ поръ, какую бы либеральную постройку ни пытались возводить государственныя зодчіе обновленной Испаніи, феодальный фундаментъ, на которомъ имъ волею судебъ приходилось закладывать первые камни, неизбѣжно давалъ предательскую трещину, и въ ней погребались всякія демократическія начинанія.

Къ моменту выступленія молодой Испаніи противъ отживающаго феодализма старые феодалы, распорядившіеся страшой по личному усмотрѣнію, успѣли уже уступить свое мѣсто новому поколѣнію, не такому блестящему и шумному, но зато еще болѣе опасному, благодаря своему сѣренькому и будничному одѣянію.

Яркія краски романтическаго прошлаго выцвѣли и полиняли. Теперь здѣсь даже тореадоры и ихъ „Кармены“ ходятъ въ безцвѣтныхъ современныхъ пиджакахъ и въ уродующихъ все самобытное общеевропейскихъ платьяхъ. Немудрено, что и прежніе владѣтельные сеньоры, носившіе право управлять Испаніей на остріѣ своего меча, потеряли прежнія пышныя перья, обратившись въ современныхъ политиковъ, торгующихъ, точно въ лавочкѣ, избирательными бюллетенями.

И эту-то незамѣтную трансформацию проглядѣла испанская революція 1868-го года, сметая съ своего пути рѣзко и опредѣленно бросавшіеся въ глаза пережитки феодальныхъ отношеній. У стараго режима срубили стволъ, сожгли его и пепель развѣяли по вѣтру—по забытые въ землѣ глубокіе корни продолжаютъ глушить молодые побѣги посаженнаго на томъ же мѣстѣ дерева свободы.

— Есть два правительства въ Испаніи—пишетъ извѣстный испанскій экономистъ и историкъ Іоакимъ Коста, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Sobre oligarquía y el caciquismo moderno“.—Одно—на виду у всей Европы: оно законодательствуетъ, разсуждаетъ въ кортесахъ о народныхъ нуждахъ съ депутатами, выбранными на основѣ всеобщей и тайной подачи голосовъ и т. д.; другое, незримое, безотвѣтственное, желѣзными и цѣпкими руками обхватываетъ и парализуетъ проведеніе въ жизнь какого бы то ни было прогрессивнаго закона...

— Чтò такое современная Испанія?—спрашиваетъ онъ далѣе. И немедленно отвѣчаетъ:—это страна, въ которой двѣ-три тысячи человѣкъ живутъ на счетъ сотенъ тысячъ и милліоновъ. Къ ихъ услугамъ все: армія, флотъ, государственное устройство, палата депутатовъ, судъ. Церковь заключила съ ними тѣсный союзъ. Они никого и ничего не боятся—передъ ними же трепещутъ и пресмыкаются всѣ. Ихъ ненавидятъ: но горе поднявшему противъ нихъ голову!

Онъ будетъ немедленно раздавленъ... Испаніей править не „пація“, о которой такъ гордо говорится въ первыхъ параграфахъ конституціи, что она якобы „свободна и суверенна“ и что ей одной „предоставляется право издавать законы“. Нѣтъ! Испаніей править маленькая кучка олигарховъ, связанная между собой во всей странѣ тысячами мельчайшихъ, взаимно переплетающихся между собою нитей. Своего рода особое масонство, въ которое входятъ области, провинціи, муниципіи, мелкія деревенскія мѣстечки и большіе города.

— Не убивайтесь понапрасну, милѣйшій сеньоръ Коста!— посовѣтовалъ цитируемому мною ученому въ дружескомъ разговорѣ одинъ жизнерадостный министерскій секретарь, когда Коста, по поводу судебного дѣла, въ которомъ противная сторона была оправдана вопреки всѣмъ законамъ правосудія, обивалъ пороги мадридскихъ канцелярій.—Это все равно пи къ чему не приведетъ! Если вы хотите найти управу на вашего противника, который, какъ я знаю, имѣетъ хорошія связи, то сдѣлайтесь депутатомъ или редакторомъ большой политической газеты. Они одни у насъ въ Испаніи, за исключеніемъ еще сенаторовъ, пользуются правами и преимуществами. Остальные граждане—при либеральномъ или реакціонномъ правительствѣ, все равно—лица юридически безправныя, живущія и пользующіяся жизнью лишь по милости своихъ олигархическихъ владыкъ.

И дѣйствительно: всѣ существующія въ настоящее время въ Испаніи демократическія учрежденія—муниципальныя самоуправленія, судъ, палата народныхъ представителей и т. д.,—все это лишь блестящія съ виду механическія игрушки, которыя заводитъ и пускаетъ въ ходъ все тотъ же таинственный и многоликій, неизмѣнно остающійся въ тѣни своего кажущагося ничтожества „Касикъ“.

Но что же это за странное существо, которое, какъ червь, сверлитъ и точитъ жизненную сердцевину современной Испаніи? Въ большинствѣ случаевъ это какой-нибудь бывшій мошенникъ или воръ, котораго—по выраженію газеты „Cronica Meridional de Almeria (10-го октября 1900-го года)— „выручила изъ тюрьмы или изъ-подъ судебного слѣдствія политика, чтобы сдѣлать его орудіемъ своихъ низменныхъ цѣлей“. Эти подонки общества, поступая на содержаніе стоящей въ данный моментъ у власти партіи (либеральной или реакціонной—безразлично), дѣлаются ея избирательными агентами и собираютъ, при помощи самаго беззастѣнчиваго насилія, нужные правительству голоса. Обыкновенно мѣстныя власти даютъ такому „касику“ возможность утвердиться въ своемъ округѣ, „пустить корни“, для большаго вліянія на населеніе, а слѣдовательно и для выколачиванія „свободныхъ и тайныхъ“ голосовъ.

Это—первая, самая низшая ступень касиковъ: нѣчто въ родѣ средне-

вѣковыхъ „bravi“ на службѣ у исковерканнаго современнаго демократизма. Далѣе идетъ слѣдующая ступень своеобразной іерархической лѣстницы, которая, постепенно подымаясь, приводитъ наконецъ на самый олигархическій Олимпъ. Здѣсь возсѣдаютъ касики съ громкими историческими именами, съ несмѣтными богатствами, накопленными рядомъ столѣтій насилія и грабежа. Всѣ эти бывшіе кубанскіе работорговцы и филиппинскіе плантаторы, южно-американскіе культуртрегеры и флибустьеры, современные крупные промышленники и старые аристократы, вмѣстѣ съ разжирѣвшими сельскими кулаками и мелкими сошками „отъ касикизма“, превратили народное представительство въ Испаніи въ комедію, продѣлываемую лишь для отвода глазъ европейскаго общественнаго мнѣнія.

Обыкновенно въ Мадридѣ еще задолго до выборовъ уже знаютъ, каково будетъ нынче правительственное большинство и кто именно пройдетъ въ депутаты изъ выставленныхъ въ избирательныхъ участкахъ кандидатовъ. Тонкая и прочная сѣть касикизма оплетаетъ испанскаго избирателя, въ особенности деревенскаго, съ головы до ногъ. „До Бога высоко—до Мадрида далеко!“—а свой мѣстный касикъ, у котораго въ горсти зажата вся округа, тутъ, близко... И безошибочно „избирательный агентъ“ заявляетъ въ соответствующее правительственное учрежденіе: въ моемъ участкѣ будутъ избраны такіе-то!.. Самъ касикъ никогда не баллотируется, считая это ниже своего достоинства.

Въ награду за услугу касикамъ предоставляется администраціей полная возможность дѣлать, что угодно; безнаказанность обезпечена имъ заранѣе. Касикъ, даже изъ небольшихъ, въ родѣ какого-нибудь деревенскаго ростовщика, имѣетъ право вмѣшиваться въ распредѣленіе податей и налоговъ, назначать и смѣнять по своему усмотрѣнію судей и полицейскихъ чиновниковъ, присваивать себѣ чужое имущество и... даже убивать! Громкій процессъ (въ Барселонѣ, 19-го января 1902-го года) касика Ріера, обвинявшагося въ убійствѣ, изъ личной мести, пѣкаго Гарсія, далъ потрясающую картину невѣроятныхъ нравовъ, царящихъ въ низахъ деревенскаго касикизма, и удивительной снисходительности къ нимъ со стороны испанскихъ властей.

Еще 18 октября 1883-го года мадридская газета „El Imparcial“, говоря объ ужасахъ касикизма, обратилась къ правительству и къ обществу съ слѣдующимъ призывомъ: „пора кончить съ порядкомъ вещей, когда одинъ человѣкъ, даже далекій отъ всякаго оффиціальнаго положенія и свободный отъ малѣйшей отвѣтственности передъ закономъ, представляетъ собой анонимную и всемогущую власть. Это—деспотизмъ, въ тысячу разъ худшій деспотизма прежнихъ автократическихъ королей!“

Этотъ призывъ остался гласомъ вопіющаго въ пустынь. Касикизмъ продолжаетъ и донынѣ висѣть дамокловымъ мечемъ надъ каждымъ прогрессивнымъ общественнымъ и даже правительственнымъ начинаніемъ. „Жалуется царь, да не жалуется псары!“—и въ результатѣ либеральный законъ, проведенный въ палатѣ депутатовъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, съ одобренія и благословенія министровъ и короля, рискуетъ не выйти изъ-подъ сукна мадридскихъ бюрократическихъ канцелярій, если проведенію его въ жизнь почему-либо воспротивятся мѣстные касики.

Въ общихъ чертахъ организація касикизма слѣдующая: во главѣ стоятъ олигархи — кучка наиболѣе вліятельныхъ касиковъ и лицъ, связанныхъ съ ними узами родства или дружбы, или необходимостью совмѣстнаго „обдѣльванія дѣлъ“. Почти каждая провинція имѣетъ своего „верховнаго касика“, а наиболѣе несчастныя изъ нихъ—въ родѣ Астуріи и Галисіи, откуда происходятъ почти всѣ современные испанскіе министры — даже нѣсколькихъ. Эти верховные касики составляютъ *fine fleur* касикизма. Безъ преувеличенія можно сказать, что они управляютъ Испаніей, какъ покоренной и отданной имъ „на потокъ и разореніе“ страной.

По словамъ историка Лабра, испанское общество раздѣлено на двѣ неравныя группы: одна сидитъ спокойно, пользуется всѣми благами жизни, объявляетъ съ легкимъ сердцемъ войны; другая выносить первую на своихъ плечахъ цѣною тысячи лишеній и идетъ умирать за нее ¹⁾. Никому не безызвѣстно въ Испаніи, что недавняя мароккская авантюра, втянувшая испанскій народъ въ безславную и дорого обошедшуюся войну, была вызвана стремленіемъ тогдашняго правительства защитить интересы графа Романонеса, богатѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ нынѣшнихъ касиковъ, изъ-за серебряныхъ рудниковъ котораго и загорѣлся весь сыръ-боръ.

Непосредственно за олигархами идутъ касики низшихъ степеней, изъ которыхъ каждый находится въ извѣстной іерархической зависимости отъ болѣе высокаго по своему общественному положенію: редакторы и журналисты продажной уличной прессы, оцѣпляющей своимъ враждебнымъ молчаніемъ или жестокой травлей все выходящее изъ рамокъ удовлетворенія личныхъ аппетитовъ; фабриканты, заводчики, желающіе при помощи касикизма увеличить свои барыши—и такъ далѣе, до глубокихъ провинціальныхъ нѣдръ, гдѣ недавно выпущенные изъ тюрмы отбросы населенія становятся вершителями судебъ сотенъ и тысячъ честныхъ людей.

¹⁾ Въ Испаніи всеобщей воинской повинности нѣтъ. Всякій внесшій 1.500 пезетъ освобождается отъ необходимости идти въ солдаты. Разумѣется, идутъ только тѣ, кому нечѣмъ заплатить.

Посредниками между мѣстными касиками и правительственнымъ центромъ служатъ губернаторы провинцій, назначеніе которыхъ,—какъ говоритъ Іоахимъ Коста въ своемъ изслѣдованіи: „Sobre el casiquismo“—„не управлять,—а быть управляемыми касиками, слушаться ихъ совѣтовъ и приказаній“. Губернаторы въ Испаніи являются главнымъ образомъ высшими агентами по фальсификаціи выборовъ въ парламентъ. На бумагѣ отдѣльныя провинціи пользуются большими, чуть ли не автономными правами; на дѣлѣ же всѣ якобы самоуправляющіяся муниципалитеты подчинены всецѣло губернатору, который самъ ходитъ на помочахъ у мѣстныхъ касиковъ. И вся сложная государственная машина оказывается сведенной къ тому же маленькому, ржавому винту, который одинъ заедываетъ, а нерѣдко и совсѣмъ останавливаетъ огромныя колеса.

О касикизмѣ въ испанской историко-экономической литературѣ имѣется теперь цѣлый рядъ изслѣдованій. Представители самыхъ противоположныхъ политическихъ направленій одинаково горячо заявляютъ о необходимости немедленной борьбы съ этимъ ужаснымъ зломъ.

Но бороться съ касикизмомъ можно только при помощи все развивающагося общественнаго самосознанія. Всякія бумажныя постановленія передъ нимъ безсильны. Необходимо, чтобы испанскій народъ самъ понялъ, гдѣ главный корень его нищеты, въ чемъ главная причина его безпросвѣтной, темной жизни. Остальное приложится само собой. И повидимому это время уже наступило.

Раньше, по выраженію поэта Рюиса Зорилли, „испанцы ждали избавленія отъ всѣхъ своихъ бѣдъ при помощи свѣчки, поставленной Святой Дѣвѣ, или же при помощи билета въ національную лотерею, который обязательно долженъ выиграть первый призъ“. Теперь свѣчки ставятся все рѣже и рѣже; билеты въ лотерею хотя и покупаются съ прежнимъ азартомъ, но народная мысль одновременно ищетъ другихъ выходовъ на дорогу къ новой жизни.

Бывшіе этой весной выборы въ кортесы наглядно показали, что испанскій народъ серьезно хочетъ избавиться отъ касикизма и связанной съ нимъ олигархической опеки. Несмотря на экономическую зависимость и всякаго рода другія давленія, населеніе даже самыхъ глухихъ и отдаленныхъ отъ центровъ мѣстечекъ и городовъ вступило со своими касиками въ отчаянный бой. По всей странѣ предвыборная агитація была на этотъ разъ не шутовской комедіей, какъ „въ доброе старое время“, а рядомъ битвъ между двумя воюющими сторонами. Повсюду происходили многочисленные митинги протеста противъ позорящаго Испанію касикизма, и граждане шли къ избирательнымъ урнамъ подъ общій единодушный кличъ:—Долой касиковъ! Да здравствуетъ свободное голосованіе!

Въ свою очередь касики, обезпеченные неожиданнымъ пробужденіемъ такъ долго и безнаказанно эксплуатируемаго ими народа, стали настолько злоупотреблять своимъ исключительнымъ положеніемъ „превыше закона“, что для незнакомаго съ испанскими порядками чело-вѣка многое можетъ показаться невѣроятнымъ сномъ. Къ сожалѣнію, факты, зарегистрированные періодической печатью, подтверждаютъ, что испанская дѣйствительность зачастую превосходитъ самые фантастическіе сны.

Для иллюстраціи возьмемъ хотя бы методъ борьбы алькада мѣстечка Монфорте въ Галисіи, одной изъ наиболѣе пораженныхъ язвой касикизма провинцій Испаніи, съ избирателями, не желавшими голосовать за указаннаго имъ кандидата.

„Обитатели нашего мѣстечка—гласила телеграмма отъ 16-го мая—крайне встревожены взрывомъ бомбы, которую бросила сегодня утромъ группа мѣстныхъ чиновниковъ, съ алькадомъ во главѣ“. Дальнѣйшія телеграммы разъяснили мотивы, побудившіе представителя мѣстной власти заняться столь непохвальнымъ дѣломъ. Оказывается, что избран-ный большинствомъ 298 голосовъ радикальный депутатъ Багамонте неожиданно былъ побитъ своимъ противникомъ, правительственнымъ кандидатомъ Осма, все тѣми же 298 голосами...

— Чудо! — восклицали любители вмѣшательства „потустороннихъ силъ“ въ наши мірскія дѣла. — Подлогъ! — отвѣчали невѣрующіе и скептики. Короче сказать: Монфортскій алькадъ, горячій партизанъ пер-ваго мѣвія, принужденъ былъ бросить вышеупомянутую бомбу для пресѣченія дальнѣйшаго скептицизма.

Избраннымъ окончательно оказался Осма. Противники умолкли, „убѣжденные“ краснорѣчіемъ динамита. Но при торжественной встрѣчѣ, устроенной властями новому депутату отъ монфортскаго касикизма, произошелъ неожиданный скандалъ: едва только муниципальный оркестръ заигралъ привѣтственный маршъ „герою-побѣдителю“, какъ около 300 монфортскихъ женщинъ набросились на музыкантовъ, вырвали у нихъ инструменты и растоптали ихъ. Все, какъ водится, окончилось появленіемъ конной полиціи и избіеніемъ манифестан-товъ.

Всего характернѣе, что алькадъ Монфорте до сихъ поръ еще не смѣщенъ съ занимаемой имъ должности за свои динамитные подвиги. Дѣло это, несмотря на запросы прогрессивныхъ депутатовъ, канетъ въ Лету, при гробовомъ молчаніи правительства, не желающаго отдать своего черезчуръ расторопнаго агента на съѣденіе радикаламъ.

Въ цѣломъ рядѣ другихъ испанскихъ городовъ, даже въ такихъ, сравнительно, крупныхъ центрахъ, какъ Гренада, Валенсія, Кордова,

вмѣсто избранныхъ населеніемъ депутатовъ въ кортесы также вошли ставленники мѣстныхъ касиковъ, благодаря самому наглому подмѣну избирательныхъ бюллетеней, даже послѣ подсчета собранныхъ голосовъ. Благодаря этому Гренада, чуть ли не со времени изгнанія мавровъ погрузившаяся въ тяжелую дремоту, подъ журчанье и плескъ своихъ меланхолическихъ фонтановъ, увидѣла среди своихъ старыхъ стѣнъ волюю современныхъ сценъ: всеобщую стачку, манифестацію студентовъ и рабочихъ, избіеніе тѣхъ и другихъ полиціей и т. д. въ томъ же родѣ. Въ Кордовѣ, Вильбао, Севильѣ и другихъ городахъ между избирателями и ставленниками касиковъ происходили отчаянныя, кровавыя схватки, при чемъ во многихъ мѣстностяхъ, несмотря на вселескія ухищренія, не прошелъ ни одинъ правительственный кандидатъ. А въ Мадридѣ и Барселонѣ побѣда радикаловъ была полная. Здѣсь касики даже не осмѣлились оказывать какое бы то ни было давленіе на голосованіе: ихъ бы просто разнесли въ клочки. И они благоразумно воздержались. Въ раньше неприступной стѣнѣ касикизма пробита первая серьезная брешь. Разумѣется, силы молодой испанской демократіи еще слишкомъ слабы, чтобы разрушить окончательно это вѣками созидавшееся сооруженіе; но важнѣе тотъ фактъ, что теперь не только интеллигентное меньшинство повимаетъ и оцѣниваетъ весь вредъ касикизма, но и въ народныхъ массахъ уже назрѣло волюю определенное рѣшеніе сбросить съ себя его тяжелый гнетъ.

Усиленная пропаганда, которую ведутъ передовые слои испанскаго общества противъ касикизма, иллюстрировалась во время послѣднихъ выборовъ яркими примѣрами вопіющихъ злоупотребленій касиковъ и явнаго сочувствія къ нимъ среди правящихъ круговъ. Недавно, во время дебатовъ въ кортесахъ по поводу фальсификаціи бюллетеней, выяснилось, что правительство истратило во время предвыборной кампаніи 200.000 пезетъ на подкупъ избирателей. Такіе факты, въ связи съ все болѣе и болѣе раскрывающейся картиной совмѣстной работы стоящей у власти олигархіи и раздѣдающаго Испанію касикизма, могутъ только еще сильнѣе укрѣпить въ молодой испанской демократіи рѣшимость сражаться до конца.

Съ другой стороны правительство, прочность котораго въ значительной степени обуславливается поддержкой касиковъ и доставленіемъ ими послушныхъ депутатовъ, находится сейчасъ въ большомъ затрудненіи. Либеральныя реформы необходимы; безъ нихъ будетъ всеобщая анархія и хаосъ... Но какъ ихъ провести, чтобы не затронуть интересы тѣхъ общественныхъ группъ, на которыя правительству придется опираться? И несмотря на искреннее желаніе всѣмъ угодить и никого не обидѣть, правительство въ настоящій моментъ невольно

возстанавливаетъ противъ себя свое любимое дѣтище — касикизмъ, который въ одинъ прекрасный день можетъ взбунтоваться и отложиться отъ Мадрида. Тогда молодой испанской демократіи легче будетъ справиться съ нимъ, ибо за фигурами касиковъ не станутъ больше сверкать подтверждающіе ихъ право распоряжаться Испаніей солдатскіе штыки и „лихо врѣзывающаяся“ въ толпу протестующихъ противъ касикизма гражданъ „guardia civil“ не будетъ больше растаптывать лошадиными копытами попытки добиться настоящаго народнаго представительства и не фальсифицированной свободы...

На другой день послѣ объявленія министерствомъ Каналехаса декрета, запрещающаго духовнымъ конгрегаціямъ открывать торгово-промышленныя заведенія безъ уплаты патентовъ и налоговъ наравнѣ со всѣми „свѣтскими“ смертными, я поинтересовался узнать у моего хозяина, какого онъ мнѣнія объ этомъ „кощунственномъ“ законѣ? А хозяинъ мой—отставной полковникъ и ожесточенный монархистъ, восемь лѣтъ пробывшій на Кубѣ подъ начальствомъ генерала Вейлера и съ скромной гордостью повѣствующій о томъ, какъ они тамъ жгли, вѣшали и разстрѣливали кубанцевъ, взбунтовавшихся противъ отечественной опеки Испаніи. Я готовился къ грому и молніямъ на голову несчастнаго министра-президента, но вмѣсто того услышалъ слѣдующій неожиданный отвѣтъ:

— И отлично сдѣлали, что сократили этихъ господъ! Давно пора... Помилуйте, какіе же это монахи, которые вмѣсто того, чтобы молиться, занимаются коммерціей? Если ты монахъ—такъ знай свое дѣло, а не торгуй въ лавочкѣ, да еще безъ всякаго патента!

Отношеніе рабочихъ массъ къ обузданію современнаго „торговаго клерикализма“ ясно само собою. Даровой трудъ въ безчисленныхъ монастыряхъ сбиваетъ заработную плату до минимальныхъ размѣровъ, тогда какъ дороговизна жизни все растетъ. Поэтому декретъ Каналехаса былъ встрѣченъ рабочими съ большимъ удовольствіемъ. Довольны также и фабриканты, что избавились, наконецъ, отъ назойливой и опасной монастырской конкуренціи. Но кто очень недоволенъ—такъ это связанная съ церковью многовѣковыми узами земельная аристократія, и вмѣстѣ съ нею мелкій и крупный деревенскій касикизмъ.

Въ то время какъ касики изъ среды заводчиковъ и фабрикантовъ начинаютъ уже замѣчать все неудобство своего союза съ „добрымъ старымъ временемъ“, то и дѣло тормозящимъ ихъ коммерческія начинанія пережитками феодальныхъ отношеній и баснословной дешевизной монастырскихъ издѣлій, далекая отъ области „меркантильныхъ расчетовъ“ земельная аристократія не имѣетъ съ церковью другихъ

точекъ соприкосновенія, кромѣ общаго имъ обнмъ стремленія къ эксплуатаціи народныхъ массъ.

Необъятныя владѣнія касиковъ изъ высшей аристократіи въ Андалузїи, Астурїи, Эстрамадуры обрабатываются самымъ примитивнымъ образомъ при помощи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, представляющихъ въ Испанїи, по бѣдности своей и забитости, самый отсталый элементъ. Духовенство имѣетъ на него громадное вліяніе, и владѣтельные сеноры весьма опасаются, какъ бы съ прекращеніемъ вліянія духовенства не прекратилась и ихъ собственная власть. Въ предпринятой сейчасъ кампанїи въ защиту „святой церкви“ отъ посягающаго на нее правительства принимаютъ участіе, поэтому, всѣ касики-землевладѣльцы—и очень немногіе изъ фабрикантовъ и буржуа.

Этотъ расколъ въ самомъ касикизмѣ можетъ быть очень полезенъ для демократїи, борящейся за начала истинной свободы. Не менѣе важно и то, что правительство и значительная часть касиковъ разошлись въ своемъ отношенїи къ клерикализму.

Исходъ борьбы покажетъ будущее; но уже теперь можно отмѣтить, что широкіе круги населенїа начинаютъ понемногу разбираться въ своихъ жизненныхъ интересахъ, понимать задачи, безъ радикальнаго разрѣшенїа которыхъ въ Испанїи невозможны ни истинная демократїа, ни обще-европейскїй прогрессъ. Для страны наступаетъ расцвѣтъ новой жизни. Темныя и уродливыя тѣни колеблются въ предразсвѣтномъ сумракѣ. Чуть брезжить на горизонтѣ яркая полоска начинающейся зари. Неизвѣстно еще, каково будетъ идущее вслѣдъ за нею утро. Можетъ быть—пасмурное и печальное, а можетъ быть—сіяющее всеми красками молодой и жизнерадостной весны? Испанїа ждет...

А. Деренталь.

БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА И РУССКАЯ ПОЛИТИКА

П. Милюковъ. Балканскїй кризисъ и политика А. П. Извольскаго.
Спб., 1910. Съ двумя картами.

Въ нашемъ обществѣ—какъ справедливо замѣчаетъ П. Н. Милюковъ въ одномъ изъ своихъ интересныхъ и поучительныхъ этюдовъ о балканскомъ кризисѣ—издавна установилось какое-то пренебрежительное отношенїе къ иностранной политикѣ. Многіе сомнѣваются даже, нужна ли вообще какая-нибудь внѣшняя политика и нельзя ли

ограничиться простымъ сохраненіемъ мирныхъ культурныхъ связей съ чужими народами и государствами, безъ всякаго активнаго участія въ общихъ международныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ.

Къ сожалѣнію, при современныхъ условіяхъ политической жизни ни одна великая нація не можетъ уклониться отъ прямого или косвеннаго участія въ международной политикѣ. Если бы мы пожелали добровольно отказаться отъ политики, то были бы вовлечены въ нее противъ воли: мы можемъ оставить политику въ сторонѣ, но политика насъ не оставитъ. Франція послѣ Седана сознательно избѣгала всякихъ внѣшнихъ политическихъ обязательствъ и долго не имѣла никакой внѣшней политики; изъ-за этого она вынуждена была періодически выдерживать опасные внѣшніе кризисы, вызываемые воинственными планами и агрессивною предприимчивостью сосѣднихъ державъ. Пока французская республика довольствовалась своимъ международнымъ одиночествомъ, она постоянно находилась подъ страхомъ новаго германскаго нашествія и терпѣла сильный ущербъ въ области своихъ національныхъ интересовъ въ разныхъ отдаленныхъ краяхъ, напиримѣръ въ Египтѣ и въ центральной Африкѣ; но положеніе сразу измѣнилось, когда она усвоила опредѣленную внѣшнюю политику и вступила на путь разсчетливыхъ международныхъ комбинацій. Россія, послѣ несчастной японской войны, также оказалась ослабленною и парализованною въ международномъ отношеніи, и ей предстояло бы чувствовать свою зависимость отъ доброй воли Германіи и Австро-Венгрии, если бы она не имѣла за собою обезпеченной поддержки со стороны Франціи и Англіи—а такая поддержка составляла результатъ опредѣленной политики, выразившейся въ извѣстныхъ дипломатическихъ соглашенияхъ.

Россія, граничащая на сушѣ и на морѣ съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ и могущественныхъ державъ, должна такъ или иначе охранять свои внѣшніе интересы при помощи цѣлесообразныхъ дипломатическихъ мѣръ. Огромная часть нашего государственнаго бюджета тратится на то, чтобы создать и поддерживать военную силу, какъ необходимую реальную опору для дипломатіи. Нужно только заботиться о правильномъ и разумномъ употребленіи этихъ народныхъ затратъ для дѣйствительной пользы Россіи. Другими словами, русская политика должна соответствовать жизненнымъ интересамъ и стремленіямъ русскаго общества и народа; она не можетъ быть иною, какъ только національною въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Наша внѣшняя политика до послѣдняго времени вдохновлялась разными случайными мотивами и ставила себѣ цѣли, которыя признавались національными только по недоразумѣнію. П. Н. Милюковъ полагаетъ, что она слишкомъ часто имѣла завоевательный, наступа-

тельный, расширительный характер и что въ этомъ заключается главный ея недостатокъ въ глазахъ русскаго общества. „Но вина за это—говорить онъ—лежитъ и на русскомъ обществѣ. Оно грѣшило именно тѣмъ, что безконтрольно и безраздѣльно предоставляло своему правительству дѣлать эту политику, само не интересуясь ею“. И автору кажется, что „время это прошло“, что „русское общество въ настоящее время готово и этотъ вопросъ взять въ свои руки, что оно во всемъ своемъ составѣ начинаетъ интересоваться внѣшней политикой. Это, конечно, есть лучший и единственный способъ — не давать политикѣ становиться монополіею какого-нибудь отдѣльнаго кружка, какого-нибудь отдѣльнаго общественнаго класса, какой-нибудь отдѣльной политической секты“. Ибо „только тогда именно русская политика вступитъ на настоящій путь, только тогда она будетъ тверда въ своихъ цѣляхъ, послѣдовательна въ своихъ пріемахъ, проныцательна и дальнорюка въ лицѣ своихъ отдѣльныхъ представителей, когда за нею будетъ стоять солидарное съ нею и просвѣщенное общественное мнѣніе“.

Мы сдѣлали бы только одну поправку къ приведеннымъ словамъ П. Н. Милюкова: завоевательная, наступательная политика можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ оправдываться соображеніями здравой національной разсчетливости, доставляя народу и государству крупныя политическія выгоды безъ прямого нарушенія интересовъ элементарной справедливости — но именно такой сознательной, разсчетливой политики у насъ не было и въ прошломъ. Самыя цѣнныя земельныя пріобрѣтенія и завоеванія производились у насъ стихійно, даже отчасти противъ воли центральной власти. Обыкновенно наши правители, наоборотъ, щеголяли безкорыстіемъ и неразсчетливостью своихъ внѣшнихъ предпріятій; они охотно жертвовали кровью и средствами своего народа для оказанія великодушной помощи чужимъ и даже враждебнымъ государствамъ, во имя уваженія или родственной дружбы къ той или другой иностранной династіи. Изъ всѣхъ нашихъ войнъ XIX-го вѣка самую національною могла считаться русско-турецкая война 1877—78 годовъ; но она была предпринята безъ обдуманнаго политическаго плана и велась въ высшей степени неразсчетливо, съ самоотверженнымъ предварительнымъ отказомъ отъ возможныхъ выгодъ для Россіи и съ передачей значительной части балканскихъ славянъ въ распоряженіе Австро-Венгріи. Официальная Россія вела эту войну не по собственной волѣ, не для себя и даже не для славянства, а какъ бы по уполномочію Европы, для пользы австрійцевъ и англичанъ; она почти ничего не пріобрѣтала для себя по праву побѣды, тогда какъ не участвовавшая въ войнѣ Австрія даромъ получила Боснію съ Герцеговиною, а Англія—Кипръ. Для Россіи столкнуться

съ Англією было тогда столь же возможно, какъ и съ Австро-Венгрією,—но для этого нужно было, чтобы наша политика была не придворно-фантастическою, а трезво національною, положительною. Въ сущности у насъ не было тогда и равноправнаго соглашенія съ Австро-Венгрією, такъ какъ не было вообще никакой разумной политики: нельзя назвать сознательнымъ соглашеніемъ простую отдачу сопернику тѣхъ турецко-славянскихъ земель, судьба которыхъ столь горячо волновала русское общество со времени герцеговинскаго возстанія 1875-го года. Безотвѣтственной русской дипломатіи ничего не стоило отречься въ пользу Австріи отъ значительной части историческаго наслѣдія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ 1897-мъ году Россія и Австрія взяли на себя ближайшее наблюденіе за балканскими и, въ частности, македонскими дѣлами отъ имени всѣхъ великихъ державъ, подписавшихъ берлинскій трактатъ. Фактически руководящая роль въ сохраненіи турецкаго status quo была предоставлена одной Австріи. Россія пассивно слѣдовала за вѣнскимъ кабинетомъ во всѣхъ его охранительныхъ мѣропріятіяхъ на ближнемъ Востокѣ и закрѣпила это положеніе въ 1903 г. формальнымъ соглашеніемъ, подписаннымъ при свиданіи двухъ императоровъ въ Мюрцштегѣ. На долю русской дипломатіи выпала незавидная задача — заодно съ австрійцами хлопотать объ успокоеніи злосчастной Македоніи при помощи мелкихъ и завѣдомо бесплодныхъ реформъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оберегать турецкую власть въ этой странѣ отъ вмѣшательства сочувствующихъ македонцамъ народностей: болгаръ, сербовъ и грековъ. Главныя усилія дипломатіи были направлены не на устраненіе или смягченіе турецкаго режима, а на обузданіе тѣхъ недовольныхъ имъ элементовъ, которые могли бы нарушить или поколебать его господство. Англія пыталась добиться отъ Турціи болѣе существенныхъ уступокъ въ пользу Македоніи, тогда какъ Россія стояла на австрійской точкѣ зрѣнія status quo. Это жалкое, намѣренное ничтожество нашей балканской политики получило оттѣнокъ уже вынужденнаго безсилія послѣ русско-японской войны. Наконецъ, іюльскій государственный переворотъ 1908-го года въ Турціи заставилъ Европу радикально измѣнить прежнее отношеніе къ оттоманскому правительству и отнялъ у великихъ державъ законное право и возможность прибѣгать относительно Порты къ тѣмъ способамъ дѣйствія, какіе свободно практиковались раньше.

Новѣйшій фазисъ политическаго кризиса на Балканахъ начинается съ рѣчи барона Эренталя, произнесенной въ венгерской делегаціи 27-го января 1908-го года и возвѣщавшей рѣшимость Австро-Венгріи провести небольшую соединительную желѣзную дорогу въ предѣлахъ Новобазарскаго санджака, отдѣляющаго Сербію отъ Черногоріи. Но-

вал дорога должна была связать австро-боснійскую желѣзнодорожную сѣть съ турецкою линіею, идущею отъ Митровицы до Салоникъ, чѣмъ открывались бы новые горизонты для развитія торговли и культурнаго вліянія австро-венгерской монархіи въ прилегающихъ къ Средиземному морю странахъ. По берлинскому трактату Австро-Венгрія имѣла право держать свои гарнизоны и проводить дороги въ Новобазарскомъ санджакѣ, который, однако, въ другихъ отношеніяхъ оставался въ завѣдываніи турецкой администраціи. Планъ проведенія дороги отъ Сераева до Митровицы выработанъ былъ австро-венгерскими министрами еще въ октябрѣ 1900-го года; часть этой линіи, отъ Сераева до границы санджака, была окончена въ 1905-мъ году. О предстоящемъ устройствѣ прямого желѣзнодорожнаго сообщенія между Вѣной и Салониками приводятся подробныя свѣдѣнія и соображенія въ книгѣ Шарля Луазо, напечатанной еще въ 1901-мъ году ¹⁾. П. Н. Милюковъ также называетъ это предпріятіе „старымъ планомъ, который Австрія упорно преслѣдовала уже давно“. Тѣмъ не менѣе оффиціальное заявленіе барона Эренталя объ этомъ старомъ, постепенно осуществлявшемся планѣ было приято какъ нѣчто совершенно новое и произвело впечатлѣніе какого-то неожиданнаго удара, нанесеннаго Сербіи, всему южному славянству и, косвенно, Россіи. „Русская печать всѣхъ направленій рѣшительно заговорила противъ австрійскихъ притязаній. Нельзя, однако, сказать — замѣчаетъ П. Н. Милюковъ — чтобы отвѣтъ, придуманный русскою дипломатіей, былъ особенно силенъ“. А именно: „русская дипломатія противопоставила одной желѣзной дорогѣ другую; противъ австрійской дороги съ сѣверо-запада на юго-востокъ она выставила славянскую дорогу съ сѣверо-востока на юго-западъ, такъ называемую поперечную линію отъ Дунаи до Адриатическаго моря“ — давно уже придуманный и отчасти уже подготовленный къ осуществленію проектъ желѣзнодорожной линіи черезъ Нишъ, Старую Сербію и Албанію до Скутари, съ развѣтвленіями до Антивари на черногорской территоріи и до Медун — на турецкой. Ничего другого, болѣе внушительнаго и оригинальнаго, не могла бы, пожалуй, и предложить наша дипломатія въ противовѣсъ австрійскому „старому плану“.

Еще болѣе поразительный эффектъ произвела перемѣна названій или титула австрійской оккупациі Босніи и Герцеговины, въ началѣ октября 1908 г. Въмѣсто оккупациі объявлена была аннексія; полноправное фактическое владѣніе замѣнено правомъ собственности. Вѣнскій кабинетъ могъ бы устроить эту перемѣну безъ всякихъ затруд-

¹⁾ Charles Loiseau, „L'Équilibre adriatique“. Одна изъ главъ книги посвящена вопросу о балканскихъ желѣзныхъ дорогахъ (chap. V: Les chemins de fer du Balkan occidental, стр. 155—193).

ней, если бы выбралъ для нея подходящій моментъ—напр. во время русско-японской войны. Балканскія дѣла не существовали для Россіи въ тяжелые дни Мукдена и Цусимы; вниманіе всей Европы было поглощено событіями на дальнемъ Востокѣ, и австрійская аннексія прошла бы почти незамѣченною подъ могущественнымъ прикрытіемъ Германіи, при тогдашнемъ безсиліи турецкаго правительства. Австро-Венгрія пропустила этотъ благоприятный моментъ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что не придавала значенія официальному титулу своего безспорнаго и фактически ничѣмъ не ограниченнаго владычества надъ Босніею и Герцеговиною; во-вторыхъ, потому, что не предвидѣла политическаго переворота въ Турціи и преобразованія ея въ конституціонномъ духѣ. Введеніе конституціи въ Оттоманской имперіи внезапно выдвинуло на сцену вопросъ о политическихъ правахъ населенія обѣихъ турецкихъ провинцій, занятыхъ австрійцами. Туземные жители этихъ провинцій, оставаясь номинально подданными турецкаго султана, не могли быть лишены тѣхъ конституціонныхъ благъ, которыя выпали на долю ихъ турецкихъ соотечественниковъ; они естественно стали заявлять притязаніе на равноправность съ гражданами обновленной Турціи, и нельзя было отказать имъ въ этомъ справедливомъ требованіи. Съ точки зрѣнія турецкихъ патріотовъ самая оккупанція теряла смыслъ со времени паденія стараго режима; мысль о возвращеніи Босніи съ Герцеговиною въ составъ обновленной турецкой имперіи находила благодарную почву въ общемъ патріотическомъ подъемѣ мѣстныхъ мусульманъ. Чтобы отвлечь населеніе обѣихъ областей отъ чрезмѣрныхъ симпатій къ восторжествовавшей въ Константинополѣ младотурецкой партіи, нужно было дать боснякамъ и герцеговинцамъ какую-нибудь самостоятельную конституцію—а этого нельзя было сдѣлать, пока они считались турецкими подданными. Вотъ почему для Австро-Венгріи оказалось безусловно необходимымъ въ 1908-мъ году формально измѣнить положеніе обѣихъ провинцій и окончательно порвать ихъ фиктивную связь съ Турціей.

Въ данномъ случаѣ дѣло шло только о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ санкціонировать фактъ, признанный Европою и самимъ турецкимъ правительствомъ съ 1878-го года. Вѣнскій кабинетъ очень просто и безцеремонно разрѣшилъ предстоявшую ему щекотливую задачу: онъ объявилъ о распространеніи верховныхъ правъ императора Франца-Иосифа на Боснію съ Герцеговиною и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія великихъ державъ, какъ о совершившемся фактѣ. Австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ заручился для этого шага предварительными принципиальными бесѣдами и переговорами съ своимъ русскимъ коллегою, А. П. Извольскимъ, имѣя въ виду войти затѣмъ въ особое соглашеніе съ Портою, для избѣжанія междунаrod-

ной европейской конференціи, которая была бы необходима для формальнаго пересмотра соответственныхъ статей берлинскаго трактата. Въ книгѣ П. Н. Милюкова подробно налагаются и остроумно анализируются всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о дипломатическихъ сношеніяхъ нашего министра съ барономъ Эренталемъ по поводу аннексіи, причемъ непростительныя ошибки русской дипломатіи выяснены съ исчерпывающею полнотою. А. П. Извольскій думалъ воспользоваться планами и затрудненіями Австро-Венгріи, чтобы извлечь изъ нихъ какія-либо выгоды для Россіи и для Сербіи. Въ своихъ конфиденціальныхъ запискахъ и переговорахъ онъ отчасти шелъ на встрѣчу желаніямъ барона Эрентала, допускалъ или даже самъ предлагалъ аннексію, но подъ разными условіями, выставляя требованіе открытія Дарданеллъ для прохода русскихъ военныхъ судовъ и территориальнаго вознагражденія для заинтересованныхъ славянскихъ государствъ. При свиданіи въ Бухлау, 2 — 3 сентября 1908-го года, эти разнообразныя условія были обстоятельно сформулированы и обсуждены, хотя и въ академическомъ духѣ. Нѣкоторыя изъ предъявленныхъ требованій не вызывали возраженій, какъ напр., признаніе независимости Болгаріи и возвращеніе Новобазарскаго санджака Турціи; другія, предполагавшія непремѣнный созывъ международной конференціи, настойчиво оспаривались австрійскимъ министромъ. Послѣдній, однако, не отрицалъ общаго европейскаго характера затронутыхъ вопросовъ и принципиально соглашался на конференцію, съ зарашею опредѣленною и точно ограниченою программою. А. П. Извольскій твердо надѣялся на Европу и на ея будущія дипломатическія совѣщанія: онъ обнадеживалъ и Сербію, побуждая ее терпѣливо ожидать рѣшенія великихъ державъ. Между тѣмъ баронъ Эренталь успѣлъ заключить полюбовную сдѣлку съ Турціею, точно такъ же какъ и Болгарія, которой помогла въ этомъ отношеніи русская же дипломатія; а разъ само турецкое правительство признало аннексію и болгарскую независимость, можно было уже не созывать никакой конференціи. Національно-патріотическіе протесты Сербіи, поощряемые выжидательною политикою Россіи, создали въ Босніи и Герцеговинѣ броженіе, которому австрійцы рѣшили положить копецъ; Австро-Венгрія серьезно грозила Сербіи военною расправою. Пока между западными кабинетами велись еще дипломатическіе переговоры, наше министерство иностранныхъ дѣлъ неожиданно сдалось на капитуляцію, выразивъ свое согласіе на аннексію безъ всякихъ условій и оговорокъ, подъ вліяніемъ категорическаго заявленія Германіи о полной солидарности ея съ вѣнскимъ кабинетомъ. Свиданіе въ Бухлау въ началѣ сентября 1908-го года, объявленіе австрійской аннексіи и болгарской независимости въ началѣ октября, хлопоты объ европей-

ской конференціи и заключительное внезапное отреченіе русской дипломатіи отъ всѣхъ занятыхъ ею позицій—таковы главные послѣдовательные этапы новѣйшей балканской политики, въ которой активно участвовала Россія.

Разбирая отдѣльныя частности этихъ безпочвенныхъ и нерѣдко загадочныхъ блужданій нашей иностранной политики, П. Н. Милюковъ не останавливается на оцѣнкѣ одного весьма характернаго обстоятельства, о которомъ ему приходится вскользь упоминать нѣсколько разъ въ своей книгѣ. Русская дипломатія усердно стремилась поднять вопросъ объ открытіи Босфора и Дарданелль для русскаго военнаго флота и высказывала готовность на всякія уступки для пріобрѣтенія австрійской поддержки въ этомъ вопросѣ. Спрашивается: зачѣмъ можетъ понадобиться Россіи право прохода военныхъ судовъ черезъ Дарданеллы? Гдѣ тотъ русскій военный флотъ, который будетъ свободно выходить изъ Чернаго моря на міровой просторъ, на встрѣчу возможнымъ врагамъ и соперникамъ? Не вѣрнѣ ли было бы заботиться о томъ, чтобы этотъ флотъ—когда онъ будетъ существовать—могъ спокойно держаться въ предѣлахъ черноморскихъ водъ, исполняя свои скромныя охранительныя функціи и избѣгая опасныхъ вѣдншихъ авантюръ? Притомъ, какое значеніе имѣло бы согласіе Австро-Венгрии и другихъ державъ на свободу прохода русскихъ броненосцевъ черезъ проливы, находящіеся фактически въ исключительномъ обладаніи одной лишь Турціи? Противъ воли Турціи ни одно военное судно не пройдетъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы, хотя бы на это согласилась вся Европа—а Турція всегда будетъ имѣть возможность руководствоваться своими особыми интересами и соображеніями при закрытіи или открытіи проливовъ для военныхъ судовъ того или другого иностраннаго государства. Такъ какъ господство на моряхъ и океанахъ едва ли будетъ принадлежать Россіи даже въ отдаленномъ будущемъ, то для безопасности ея черноморскаго побережья чрезвычайно важно сохранить старое правило о недопущеніи прохода военныхъ кораблей черезъ Босфоръ и Дарданеллы. Требуя отмѣны этого правила въ силу какой-то непонятной рутинѣ, наша дипломатія дѣйствовала, въ сущности, во вредъ, Россіи, и большую услугу оказала намъ Англія, побудивъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ исключить вопросъ о проливахъ изъ программы нашихъ текущихъ политическихъ заботъ. Надо только пожелать, чтобы этотъ вопросъ былъ окончательно сданъ въ архивъ и пересталъ служить предметомъ напрасныхъ недоразумѣній и соблазновъ для нашего дипломатическаго вѣдомства.

Что наша балканская политика была непростительно плоха, что она безъ всякой надобности, точно умышленно, впутывала насъ въ

непримиримыя противорѣчія и затрудненія, — въ этомъ трудно сомнѣваться: факты слишкомъ громко говорятъ сами за себя. Но относительно того, какъ должна была бы дѣйствовать дипломатія и что собственно слѣдовало предпринять въ интересахъ Россіи и славянства, взгляды расходятся. Мы думаемъ, что полное воздержаніе отъ сепаратныхъ переговоровъ съ Австро-Венгеріею и добросовѣстное стремленіе къ постоянной солидарности съ Англіею и Франціею были для насъ безусловно обязательны при данномъ международномъ положеніи. Опирались на славянское движеніе и выступать прямо противъ аннексіи во имя самостоятельныхъ правъ сербской народности было бы безцѣльно, даже если бы мы располагали прежнимъ военнымъ могуществомъ. Воевать съ Австро-Венгеріею и союзною съ нею Германіею изъ-за турецкихъ славянъ было бы чистѣйшимъ безуміемъ — а безъ риска войны дѣло не обошлось бы. П. Н. Милюковъ ставитъ въ вину А. П. Извольскому сказанныя имъ въ Бухлау слова, что Россія не станетъ воевать, такъ какъ послѣ этого признанія баронъ Эренталь, быть можетъ, „покинулъ Бухлау въ болѣе опредѣленной настроеніи, чѣмъ туда пріѣхалъ“ (стр. 37). Въ другомъ мѣстѣ П. Н. Милюковъ замѣчаетъ, что „вѣдь съ тѣхъ поръ какъ русскій министръ сказалъ въ Бухлау барону Эренталю, что изъ-за Босніи и Герцеговины Россія не будетъ вести войны, судьба Босніи и Герцеговины была рѣшена“ (стр. 133). Но, разумѣется, и безъ этихъ словъ австрійскій министръ отлично понималъ, что о войнѣ со стороны Россіи не можетъ быть и рѣчи. И самъ же П. Н. Милюковъ подтверждаетъ, что нашъ министръ сказалъ нѣчто общезвѣстное и безспорное, что ничего другого не могли предполагать и надѣявшіеся на насъ сербы. Значить, ошибка А. П. Извольскаго заключалась не въ существѣ сказаннаго имъ, а въ томъ, что онъ говорилъ это австрійскому министру и раскрывалъ предъ нимъ свои карты. Подобное раскрываніе общезвѣстныхъ картъ представляется, однако, довольно невиннымъ занятіемъ, и не имъ, конечно, была рѣшена судьба Босніи и Герцеговины.

Намъ кажется, что въ вопросѣ о судьбѣ Босніи и Герцеговины П. Н. Милюковъ нѣсколько умаляетъ значеніе реальныхъ фактовъ и придаетъ слишкомъ большую важность формально-правовымъ опредѣленіямъ и моральнымъ толкованіямъ, которыми вообще не принято руководствоваться въ области международной политики. Мы позволяемъ себѣ утверждать, что судьба Босніи и Герцеговины была рѣшена печальнымъ и постыднымъ фактомъ передачи ихъ австрійцамъ въ силу берлинскаго трактата, по инициативѣ тогдашней русской дипломатіи, и что этотъ фактъ имѣлъ по существу характеръ безповоротный и окончательный. Передача была безсрочная, не обставленная

никакими ограничительными условіями или оговорками, кромѣ чисто-фиктивныхъ. П. Н. Милюковъ напоминаетъ содержаніе тѣхъ сдѣлокъ и актовъ, которыми рѣшалась судьба обѣихъ славянскихъ областей и которые все-таки, по его мнѣнію, оставляли еще открытымъ вопросъ объ ихъ политической будущности. Въ іюль 1876-го года, при свиданіи императоровъ Александра II и Франца-Иосифа въ Рейхштадтѣ, состоялось соглашеніе, одинъ изъ пунктовъ котораго гласилъ: „если будетъ признапа независимость Сербіи и Черногоріи и если окажется, что Турція не способна поддерживать порядокъ въ Босніи и Герцеговинѣ, то Австро-Венгрія получаетъ право занять эти провинціи и управлять ими“. При началѣ русско-турецкой войны это соглашеніе было превращено въ формальный договоръ, подписанный въ январѣ 1877-го года въ Будапештѣ. На берлинскомъ конгрессѣ, въ засѣданіи 22-го іюня, послѣ заявленій графа Андраши и лорда Сольсбери предоставлено было Австро-Венгріи взять на себя „оккупацию и администрацію“ Босніи и Герцеговины, взамѣнъ автономіи, предположенной санъ-стефанскимъ договоромъ. Графъ Андраши отъ имени своего правительства выразилъ согласіе на занятіе двухъ провинцій, но прибавилъ великодушно, что администрацію третьей провинціи—Новобазарскаго санджака—австро-венгерское правительство принять на себя не желаетъ, такъ какъ этотъ санджакъ не граничитъ непосредственно съ Австріей и можетъ остаться подъ оттоманской администраціей; „однако Австро-Венгрія—закончилъ графъ Андраши—должна оставить за собой право держать гарнизоны и имѣть военные и коммерческіе пути сообщенія въ санджакѣ“. Представитель Россіи, графъ Шуваловъ, счелъ долгомъ возразить противъ такого великодушія; онъ заявилъ, что принимаетъ сказанное къ свѣдѣнію, впредь до объясненія съ австрійскимъ представителемъ. Какъ видно изъ позднѣйшаго протокола, отъ 1-го іюля, графу Шувалову удалось уговорить графа Андраши согласиться принципиально и на занятіе Новобазарскаго санджака; въ этомъ протоколѣ значитъ, что „вслѣдствіе соглашенія съ графомъ Андраши русскій уполномоченный беретъ назадъ свои возраженія“. Текстъ этого удивительнаго соглашенія опубликованъ въ ноябрѣ прошлаго года нашею министерскою „Россією“, въ видѣ отрывка секретной деклараціи, подписанной въ Берлинѣ 1-го іюля 1878-го года княземъ Горчаковымъ и графомъ Андраши. „Въ виду того, — читаемъ мы въ этомъ документѣ, — что австро-венгерское правительство отказалось представить на обсужденіе конгресса вопросъ о переходѣ оттоманской администраціи къ Австро-Венгріи въ Новобазарскомъ санджакѣ... императорское русское правительство обязуется, съ своей стороны, не дѣлать никакихъ возраженій, если вслѣдствіе неудобствъ, могущихъ произойти отъ сохраненія оттоманской администраціи въ Ново-

базарскомъ санджакѣ, Австро-Венгрія была бы вынуждена окончательно занять эту территорію, такъ-же какъ и остальную часть Босніи и Герцеговины („occuper définitivement comme le reste de la Bosnie et de l'Herzégovine“).

Здѣсь оккупация Босніи съ Герцеговиною мимоходомъ названа „окончательною“, и отъ воли вѣнскаго кабинета зависѣло бы столь-же окончательно занять и Новобазарскій санджакъ. П. Н. Милюковъ полагаетъ, что слово „окончательно“ употреблено тутъ „довольно неудачно“; но, къ сожалѣнію, подобныя документы приходится толковать по буквальному ихъ смыслу, хотя бы все содержаніе ихъ было болѣе чѣмъ неудачно—а буквальное значеніе приведенныхъ словъ не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ. Очевидно, по намѣренію участвующихъ лицъ, оккупация съ самаго начала предполагалась именно окончательною и въ сущности была лишь замаскированной аннексією, отъ которой ничѣмъ фактически не отличалась. Вырвать отданныя провинціи обратно изъ австрійскихъ рукъ ни Турція, ни Россія не могли бы иначе, какъ путемъ побѣдоносной войны, т.-е. такимъ же способомъ, какимъ можно отнять у Австро-Венгріи всякую другую часть ея территоріи. Право Сербіи и Черногоріи на воссоединеніе съ оккупированными Австро-Венгрією землями принадлежитъ къ той же категоріи правъ, какъ наше право на Галичину или право Италіи на южную часть Тироля; это — только право завосовать извѣстную территорію, право, доступное могущественнымъ военнымъ державамъ, но совершенно не осуществимое для небольшихъ славянскихъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ для славянства вполне безразлично, владѣетъ ли Австро-Венгрія Боснією и Герцеговиною по праву оккупации или по праву аннексіи, и разница между обоими терминами, на которой такъ настаиваетъ П. Н. Милюковъ, не существуетъ для практической политики. Держава, устроившая для Босніи и Герцеговины австрійскую оккупацию, не имѣла нравственнаго права протестовать противъ аннексіи, и наша дипломатія, въ лицѣ А. П. Извольскаго, не безъ основанія признавала себя связанною старыми сдѣлками и обязательствами Россіи.

Въ полемикѣ противъ этого взгляда нашей дипломатіи П. Н. Милюковъ кажется намъ безусловно неправымъ. Приведи текстъ документа, въ которомъ оккупация названа окончательною, онъ не находитъ въ немъ ничего компрометирующаго для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. „Вотъ и все содержаніе сенсаціоннаго секрета!“ — говоритъ онъ. „Нѣтъ, если у австрійскихъ дипломатовъ нѣтъ въ карманѣ ничего болѣе серьезнаго, то можно только удивляться, какимъ образомъ наши дипломаты могли хоть на минуту смутиться и счесть себя связанными такого рода обязательствами“. По его мнѣнію, „рус-

ская дипломатія можетъ съ чистою совѣстью считать свои руки совершенно развязанными. Послѣ опубликованія документа мы можемъ спокойно сказать: слава Богу, то былъ лишь сонъ,—очень дурной сонъ о нашихъ прошлыхъ грѣхахъ. Но теперь этотъ сонъ миновалъ“ (стр. 334—335). Уважаемый авторъ въ данномъ случаѣ судить о нашихъ прошлыхъ грѣхахъ съ такимъ необыкновеннымъ оптимизмомъ, какого нельзя было ожидать отъ тонкаго знатока реальныхъ условій и фактовъ этого прошлаго.

Направляя главные удары своей критики на нашего нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ, П. Н. Милюковъ, конечно, не теряетъ изъ виду особенной обстановки его дѣятельности. Вина за нашу „національную неудачу“ въ боснійскомъ вопросѣ падаетъ, по его словамъ, не на одного А. П. Извольскаго. „То противорѣчіе между цѣлями и средствами, между нашими претензіями на самостоятельную политику и нашими ресурсами, которое являлось главной причиной нашего пораженія, едва ли вытекало только изъ личныхъ свойствъ и взглядовъ нашего дипломата. Если, съ одной стороны, противорѣчивость и неопредѣленность занятой имъ позиціи и являлась послѣдствіемъ его постоянного лавированія между разными вліятельными теченіями въ Россіи, то, съ другой, очевидно, не въ его волѣ было устранить тѣ „безотвѣтственныя“ вліянія, о которыхъ самъ онъ говорилъ въ одной изъ своихъ думскихъ рѣчей. Какъ бы то ни было, главная трудность его личнаго положенія была въ то же время и трудностью положенія только-что разгромленной и не сумѣвшей достаточно быстро оправиться отъ удара Россіи“ (стр. 155). Мы скажали бы другое: бѣда не въ недостаткѣ ресурсовъ и не въ недавнихъ тяжкихъ испытаніяхъ на дальнемъ Востокѣ, а въ свойствахъ и характерѣ всей нашей ненормальной политической жизни. Еще слава Богу, что „національная неудача“ не вышла изъ предѣловъ министерскихъ кабинетовъ и газетныхъ редакцій; могло бы быть гораздо хуже, если бы поправившіеся государственные ресурсы и возстановленныя военныя силы позволили нашимъ патріотамъ вновь заняться устройствомъ судебъ балканскихъ славянъ. Мы не знаемъ въ точности, какъ и почему происходятъ закулисныя перемѣны и внезапные скачки въ нашей вѣшной политикѣ; но личность министра играетъ при этомъ лишь второстепенную и пассивную роль. Покойный графъ Ламздорфъ горько жаловался на то, что иногда важные политическіе переговоры ведутся помимо него, безъ его вѣдома и участія, и онъ случайно узнаетъ о нихъ отъ лицъ посторонняго вѣдомства; нерѣдко весьма серьезныя рѣшенія принимаются подъ вліяніемъ какихъ-нибудь частныхъ заграничныхъ писемъ, содержаніе которыхъ никому неизвѣстно. Говорили то о настойчивыхъ со-

вѣтахъ или вмѣшательствѣ Вильгельма II, то о дружескихъ лондонскихъ внушеніяхъ, и въ результатѣ получалась та неопредѣленная цѣль случайностей и противорѣчій, которая ставитъ въ тупикъ иностраннаго наблюдателя. Трудно предположить, чтобы А. П. Извольскій поставленъ былъ въ этомъ отношеніи въ болѣе благоприятныя условія, чѣмъ его предмѣстники.

Вполнѣ естественно, что при обсужденіи славянскихъ дѣлъ П. Н. Милюковъ стоитъ на національной точкѣ зрѣнія и относится отрицательно къ Австро-Венгріи; но съ некоторыхъ стороны австрійской политики заслуживали бы болѣе безпристрастной оцѣнки. Не слѣдуетъ забывать, что вся исторія австрійской монархіи тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ судьбами южнаго славянства и что изъ того конгломерата пародностей, который составляетъ теперь имперію Габсбурговъ, можетъ выдѣлиться со временемъ новая славянская федерація, не менѣе внушительная и жизнеспособная, чѣмъ предполагаемый балканскій союзъ. Въ австрійской специальной литературѣ давно уже разрабатывается вопросъ о правовомъ положеніи Босніи, входившей вѣкогда въ составъ самостоятельнаго хорватскаго королевства, которое въ свою очередь связано было личною унією съ королями Венгріи¹⁾; поэтому сдѣланная въ австрійскомъ рескриптѣ объ аннексіи ссылка на древнюю связь между предками императора на венгерскомъ тронѣ и присоединенными провинціями едва ли имѣетъ тотъ скрытый задній смыслъ, который усматриваетъ въ ней П. Н. Милюковъ. Населенію дарована конституція „со всевозможными ограниченіями“, а именно дано „лишь провинціальное представительство—ландтагъ, и его компетенція опредѣляется дѣлами законодательства и контроля, касающимися управленія и юстиціи въ одной Босніи-Герцеговинѣ“ (стр. 330). Это немногое, данное, одновременно съ формальною аннексією, сравнительно малокультурному населенію, будетъ, пожалуй, больше того, что оставлено у насъ за культурною Финляндією спустя сто лѣтъ послѣ аннексіи. При нашемъ положеніи мы должны быть болѣе снисходительны въ отзывѣхъ о чужихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, какъ и о чужой внутренней политикѣ.

Л. Слонимскій.

¹⁾ См. напр. книгу, подробно доказывающую историческую правомѣрность аннексіи Босніи съ точки зрѣнія хорватскаго государственнаго права: „Bosnien und das Kroatische Staatsrecht. Eine historisch-juridische Studie, von D-r Petrinjenski“ (Агравъ, 1898, стр. 261).

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Когда, наконецъ, Россія примется за дѣйствительное внутреннее строительство—предсказать едва ли возьмется самый розовый оптимистъ. Одно только несомнѣнно: многое вокругъ насъ неслышно рушится, колеблется, разсыпается. Старые устои, вѣрованія, привычки, старая самоувѣренная власть и старое апатичное рабство — все это какъ будто подточено въ глубокихъ корняхъ невидимымъ разрушеніемъ, клонится, обваливается, сыплется. И въ этомъ смыслѣ можно, не впадая въ преувеличенный оптимизмъ, сравнить нынѣшнее хмурое время не съ черной осенью, а съ безрадостной весной. Бываютъ такіе унылые весенніе дни, когда безнадежной тоской сжимается сердце, когда свинцовое небо виснетъ надъ головой, а въ темныя ночи вѣтеръ угрожающе воетъ, мокрымъ снѣгомъ бьетъ въ окна... И только трезвая мысль утѣшающе подсказываетъ, что въ сырой мглѣ идетъ неустанно разрушеніе, что крѣпкая, злая сила мороза скоро совсѣмъ сойдетъ съ обмерзлаго лица земли, и брызнетъ зеленью, засмѣется цвѣтами освобожденная жизнь...

Можетъ быть, и та, напримѣръ, муть, которая разлетается сейчасъ изъ-подъ шаговъ „союза русскаго народа“, страннымъ образомъ символизируетъ далекую, но близящуюся весну. „Союзники“ растворили въ себѣ главные принципы поколебавшейся старой русской власти и, раздробивъ, исказивъ, окаррикуиривъ ихъ, въ мутныхъ потокахъ понесли мимо брезгливо сторонящагося общества...

Не въ такихъ рѣзкихъ тонахъ, но съ достаточной видимостью идетъ расшатыванье старыхъ устоевъ и въ другихъ областяхъ русской жизни. Глубоко знаменательно то, что совершается теперь въ средѣ низшаго и высшаго духовенства. Провинціальныя газеты несутъ изъ разныхъ угловъ страны удручающія вѣсти. Мелкихъ и крупныхъ фактовъ съ каждымъ днемъ накапливается все больше и больше, и вѣрующимъ людямъ, вѣроятно, требуется немалое напряженіе духа, чтобы не впасть въ отчаяніе, чтобы отдѣлять глубокую суть религіи отъ нынѣшнихъ официальныхъ представителей ея.

Вотъ, напримѣръ, наиболѣе мелкіе факты. „Весной нынѣшняго года,—сообщаетъ „Смоленскій Вѣстникъ“,—крестьянинъ деревни Криволевки Филиппъ Лайковъ задумалъ женить своего сына. Подыскали

невѣсту, сладилась, ударили по рукамъ. Невѣста была или другого прихода, и за метрикой пришлось обратиться къ священнику села Клятокъ, о. Леониду. Послѣдній потребовалъ за выписъ 4 рубля 90 к.—80 коп. марка и 4 р. 10 коп. за труды. Какъ ни упрямивалъ Лайковъ взять подешевле, о. Леонидъ стоялъ на своемъ. Дѣлать нечего, пришлось Лайкову продать пару овецъ и спести батюшкѣ деньги. Послѣ свадьбы Лайковъ подалъ на имя преосвященнаго прошеніе, въ которомъ указывалъ на свою бѣдность и на обременительность такого налога, и просилъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи ему излишне полученныхъ о. Леонидомъ 3 р. 10 коп., такъ какъ, по его мнѣнію, за метрику слѣдовало взять только одинъ рубль“.

Сибирскія газеты отмѣчаютъ объявленіе священника села Ракитнаго, распространяемое среди переселенцевъ. „Объявленіе это—виже-слѣдующая такса, установленная священникомъ для совершенія требъ. Нѣсколько деревень, очевидно—въ виду бѣдственнаго матеріальнаго положенія, отказывались содержать церковныя причты. Это обстоятельство и вызвало объявленіе, въ которомъ священникъ говоритъ, что отказы деревень вызвали его рѣшеніе—обложить всѣхъ обращающихся за требоисправленіями слѣдующимъ налогомъ: бракъ, безъ марокъ, но со свѣчками и вѣнцами 12 р. 50 к., погребеніе-отпѣваніе въ церкви 2 р., панихида въ церкви 50 к., исповѣдь со свѣчей 15 к., крещеніе со свѣчами и крестикомъ 1 р. 75 к., молебень о здравіи въ церкви 30 к., поминовеніе умершихъ или живыхъ при богослуженіи 15 к., освященіе воды 50 к., молитвы при нареченіи имени ребенку 15 к.“ Такое коммерческое отношеніе къ церковной службѣ не случайно и не единично. Извѣстія изъ многихъ другихъ мѣстъ деревенской Россіи говорятъ, что таксы на требы прочно виѣдряются въ обиходъ жизни духовенства. Многіе священники совершенствуютъ эту своеобразную бухгалтерію и заводятъ списки недоимщиковъ, примѣняя къ неисправнымъ должникамъ всѣ доступныя духовенству репрессіи и воздѣйствія.

Еще маленькій фактъ: „12 апрѣля, — сообщаетъ „Голось Приуралья“,—поселковый сборъ пос. Запываловскаго, Травниковской станицы, постановилъ и отослалъ въ оренбургскую духовную консисторію приговоръ и актъ о странномъ поведеніи священника пос. Травниковскаго, о. Алексѣя Емельянова. Въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста священникъ Емельяновъ, явившись по приглашенію запываловцевъ въ поселокъ для исповѣди ихъ въ построенной ими недавно полуцеркви, обратился къ прихожанамъ съ проповѣдью, сущность которой сводится къ слѣдующему: „Вотъ вы собрались теперь въ своей полуцеркви и думаете, что для васъ все сдѣлается. Но я васъ называю богоотступниками за отказъ въ постройкѣ. Тѣхъ,

которые подписались подъ приговоромъ, я проклинаю и буду просить Божьяго проклятiя навѣки. Вы хотите теперь свою полуцерковь превратить въ настоящую церковь и имѣть своего священника; но это вамъ удастся, можетъ быть, лѣтъ черезъ десять, потому что ходатайствовать о священникѣ будете черезъ насъ, а мы вамъ ногу подставимъ“... Назвавъ потомъ выборныхъ отъ сбора дураками и пригрозивъ, какъ передаютъ, помолиться „Пресвятой Богородицѣ, чтобы она послала неурожай“, о. Алексѣй, исповѣдавъ, вмѣсто явившихся 200 человекъ, 20 человекъ, отправился домой. Въ чемъ же дѣло? А дѣло въ томъ, что заливаловцы, построивъ у себя полуцерковь, имѣя уже своего псаломщика и предполагая въ скоромъ времени пригласить себѣ священника, отдѣлились такимъ образомъ отъ травниковскаго прихода и не захотѣли, между прочимъ, нести раскладки на постройку купола въ Травникахъ. Объ этомъ своемъ нежеланіи заливаловцы составили приговоръ, мотивируя отказъ тяжестью двоекратныхъ налоговъ на свою полуцерковь и на травниковскую, и вручили его священнику. Съ этимъ-то приговоромъ и явился пастырь исповѣдывать своихъ отдѣлившихся овецъ“.

Корреспондентъ „Саратовскаго Листка“ передаетъ слѣдующій рассказъ крестьянки изъ Петровскаго уѣзда: „Сильно захворала моя сосѣдка Пелагея. Совсѣмъ плохо ей стало, того и гляди умереть. Побѣжала я къ священнику. Долго упрашивала. Все-таки упросила. Бѣхоть бы, а батюшка спрашиваетъ: — Да заплатятъ ли они за труды-то? — Ужъ я велю имъ заплатить, — говорю я ему. Пріѣхали. Сосѣдка чуть дышитъ. Надо бы соборовать скорѣе, а батюшка посмотрѣлъ — подъ хлѣбомъ полотенца нѣтъ. Бросились искать полотенце; не найдемъ. Побѣжала я тогда домой, схватила свое полотенце да и положила подъ калачъ. Батюшка увидаль полотенце и спрашиваетъ: „Ихъ ли это полотенце?“ Значить, беспокоится, можно ли будетъ его взять потомъ. — Ихъ! — говорю я. Кончилъ батюшка соборованье, свернулъ полотенце и положилъ его въ карманъ. Митрій подастъ ему цѣлковый за труды. По положенію, значить, какъ ужъ у насъ заведено. Батюшка опять недоволенъ. — За исповѣдь-то что же? — Митрій говоритъ, что все тутъ считается. Батюшка еще пуще разсердился, кричать сталъ. Пелагея очнулась да черезъ силу и шепчетъ мужу: „Отдай“... Митрій вынулъ изъ кармана пятакъ и даетъ его батюшкѣ. Тотъ какъ броситъ его на столъ: „Вы что же, смѣтаете, что ли, надъ вашимъ духовнымъ отцомъ, пятаки-то суете!“ Митрій не вытерпѣлъ: „Ну, батюшка, будетъ тебѣ. Тутъ не базаръ. Вѣдь женщина-то помираетъ“. Хлопнулъ дверью батюшка. Уѣхаль и пятака не взялъ“.

Все это, конечно, мелочи. Но когда извѣстія о подобныхъ мело-

чахъ идти съ разныхъ сторонъ и когда, повидимому, изъ подобныхъ мелочей создаются во многихъ мѣстахъ отношенія между духовенствомъ и паствою, то дѣло принимаетъ довольно серьезный оборотъ. Столкновенья крестьянъ съ духовенствомъ, разумѣется, и раньше бывали. Давно ужъ крестьяне привыкли называть священниковъ и „обиралами“, и „захребетниками“, преувеличивая, подъ гнетомъ собственной бѣдности, и поповскую жадность, и сытую праздность духовенства. Но смягчались эти взаимоотношенія и мужицкимъ юморомъ, и взаимною терпимостью. Деревни и духовенство все же жили слитной жизнью. Нынѣшнія извѣстія о столкновеньяхъ крестьянъ съ духовенствомъ поражаютъ не столько своей численностью, сколько обоюднымъ раздраженіемъ, разрастающейся ненавистью. Крестьяне уже не подсмѣиваются надъ попами, а при всякой возможности жалуются на нихъ и свѣтскому начальству, и духовному, разыскиваютъ корреспондентовъ, чтобы написать язвительную замѣтку въ газеты и ославить такимъ образомъ своихъ „духовныхъ отцовъ“ на всю Россію. Крестьяне склонны забывать, что священники, со своими семействами, тоже люди, которымъ надо пить, ѣсть, одѣваться и производить на себя всякія другія траты. Раздраженная деревня всякій рубль или гривенникъ даетъ духовенству съ неудовольствіемъ, приравнивая эти даванія къ вынужденнымъ поборамъ и налогамъ. Съ другой стороны, и въ духовенствѣ вольно или невольно развивается торгашеское, почти цивическое отношеніе къ отправленію своихъ духовныхъ обязанностей. Газеты отмѣчаютъ такіе факты профессиональной жадности, которые никакой матеріальной нуждой нельзя оправдать. Разрывъ ширится съ обѣихъ сторонъ. Нерѣдко встрѣчаются, на примѣръ, такія сообщенія въ газетныхъ корреспонденціяхъ: „Прихожане Николаевской церкви с. Николаевки, Изюмскаго уѣзда, — пишутъ „Южному Краю“, — обратились къ харьковскому архіепископу. Окруженные сектантами, прихожане с. Николаевки просятъ владыку о замѣнѣ находящагося при ихъ храмѣ священника А. другимъ, такъ какъ въ настоящее время ихъ отучили отъ посѣщенія храма и своевременнаго исполненія таинствъ крещенія и причащенія. Прихожане опасаются, что имъ, ради исполненія христіанскихъ требъ, придется обращаться къ сектантамъ“. Угроза переходомъ къ сектантамъ весьма знаменательна. Она свидѣтельствуетъ не только о томъ, что все больше слабѣетъ органическая связь деревни съ православной церковью, но и о томъ, что растутъ и крѣпнутъ иныя религиозныя организаціи. Въ сектантскихъ и старообрядческихъ общинахъ, православное населеніе видитъ выборное духовенство, принужденное или жить со своей паствою въ мирѣ и согласіи, или совсѣмъ не жить, такъ какъ поборовъ и притѣсненій со стороны духовныхъ лицъ сектантская или старообрядческая община, владѣя правомъ

выбора, смѣщенія и перемѣщенія, не потерпитъ. Въ православныхъ же селахъ назначенный епископомъ священникъ, какъ бы онъ ни былъ негоденъ населенію, неудаимъ и неприкосновененъ, подобно полицейской или другой какой-либо правительственной власти. Просьбы прихода о переводѣ священника далеко не всегда исполняются епархіальной властью. Да и какой особый толкъ въ подобныхъ просьбахъ, ежели все-таки нельзя избрать своего, достойнаго кандидата въ священники, а приходится ждать новаго назначенія все отъ той же духовной бюрократіи?... Жизнь, разрушая старые, закостенѣвшіе порядки, подсказываетъ естественныя и ближайшія реформы православной церкви. И на первомъ планѣ стоитъ ослабленіе мертвящаго бюрократическаго начала путемъ расширенія правъ прихода.

Однако, высшее духовенство безнадежно глухо къ требовательнымъ голосамъ жизни. Крупныя, насущныя реформы церкви не находятъ здѣсь ни инициаторовъ, ни поборниковъ. Пустота существованія въ этой сферѣ возводитъ въ событія такіе, напримѣръ, случаи: „преосвященнымъ Алексіемъ, — сообщаютъ „Южныя Вѣдомости“, — во время его пребыванія въ Керчи было обращено вниманіе на то, что мѣстное духовенство позволяетъ себѣ подстригать волосы. По этому поводу преосвященный особымъ отношеніемъ къ благочинному церковей керченскаго округа предупреждаетъ священнослужителей, что на будущее время лица, замѣченныя въ подстриженіи „власовъ“, для отрощенія ихъ будутъ отсылаемы въ монастырь“. Какихъ же реформъ и какого проникновенія въ нужды населенія можно ожидать, если преосвященный при объѣздѣ епархіи ничего, кромѣ подстриженныхъ волосъ, не замѣтилъ и на нихъ излилъ весь гнѣвный жаръ архипастыря? О такой же холодной пустотѣ епископской жизни свидѣтельствуетъ маленькій фактъ, отмѣченный „Оренбургскимъ Краемъ“: „2-го іюня въ восьмомъ классѣ оренбургской гимназіи происходилъ экзаменъ по закону Божію. На экзаменѣ присутствовали викарій Діонисій, епископъ челябинскій. По окончаніи испытанія епископъ сталъ раздавать воспитанникамъ евангелія. Одинъ изъ первыхъ же подошедшихъ къ Діонисію ученикъ Шукшинцевъ, получая евангеліе, не поцѣловалъ архіерейской руки. Это вызвало необычайную вспышку епископскаго гнѣва. Діонисій закричалъ, что ученикъ не хочетъ принимать святыню, грозилъ донести о происшедшемъ въ учебный округъ; потомъ, взявъ экзаменаціонный листъ, вычеркнулъ поставленную раньше Шукшинцеву отмѣтку и выставилъ по экзамену закона Божія 2. Когда, уступая настойчивому требованію директора гимназіи, Шукшинцевъ принесъ епископу извиненіе и попросилъ прощенія, епископъ Діонисій смягчился, заявивъ, что прощаетъ Шукшинцева, и исправилъ экзаменаціонную отмѣтку

на тройку. Инцидентъ этотъ подверженъ обсужденію педагогическаго совѣта гимназій. Шукнищеву грозила возможность быть лишеннымъ аттестата зрѣлости. Но, въ концѣ-концовъ, совѣтъ постановилъ ограничиться выдачей аттестата съ четверкой по поведенію“.

Разрыву населенія съ духовенствомъ, несомѣнно, много способствуетъ та вражда, съ которой многіе изъ среды духовенства относятся ко всему новому и свѣжему, пробивающемуся ростками въ русской жизни. Съ введеніемъ въ жизнь нѣкоторой вѣротерпимости значительное оживленіе замѣчается въ старообрядческой и сектантской средѣ. Православное духовенство не только не подошло къ ней съ протянутой рукой для примиренія въ нѣковой враждѣ, но стало проявлять особую нетерпимость и враждебность. „Въ с. Михайловкѣ, Каневского уѣзда, Кіевской губ.,—сообщаетъ, напримѣръ, корреспондентъ „Кіев. Вѣстей“,—умерла штундистка. Мужъ ея обратился къ священнику съ просьбой указать мѣсто на кладбищѣ для погребенія умершей. Священникъ отвѣтилъ, что не дастъ для этого мѣста. Штундистъ обратился къ уряднику, но и тотъ ничего не могъ подѣлать со священникомъ. Тогда штундистъ отправился къ приставу, который приказалъ вырыть на кладбищѣ могилу. Но когда похоронная процессія подошла къ кладбищу, священникъ приказалъ запереть ворота. Урядникъ снова отправился къ приставу, который послалъ въ с. Михайловку чиповника Верхогляда. Послѣдній приказалъ сорвать замок съ воротъ кладбища, и только тогда похороны состоялись“.

Низшее духовенство въ своей антихристіанской враждѣ къ сектантамъ и старообрядцамъ укрѣпляется примѣромъ высшаго духовенства. Послѣ изданія указа 17-го апрѣля въ старообрядчество стали переходить многіе православные священники. Если бы высшее православное духовенство было серьезно озабочено сближеніемъ православной церкви со старообрядческой, эти переходы должны были бы поощряться. Православный священникъ вноситъ въ старообрядческую среду свое православно-богословское образованіе, свои привычки, навыки и весь складъ души, воспитанной въ духѣ православной церкви. Онъ не можетъ переродиться вслѣдствіе одного перехода въ старообрядчество. И старообрядцы невольно свыкаются и примиряются съ чуждымъ для нихъ духомъ, замѣчая, что долгая вражда заставляла ихъ преувеличивать многія отрицательныя стороны и свойства духовно-православнаго быта. Переходящіе въ старообрядчество православные священники могли бы служить подготовительной основой для будущаго примиренія. Но высшее православное духовенство держится прежняго метода и, узнавая о переходахъ священниковъ въ старообрядчество, издастъ такого рода распоряженія. „Курскій архіепископъ Питиримъ,—говоритъ „Южный Край“,—обратился на-

днѣхъ въ духовную консисторію со слѣдующимъ предложеніемъ: „Изъ вырѣзокъ газеты „Волгарь“ о всероссійскомъ сѣздѣ старообрядцевъ видно, что священникъ о. Александръ Ковалевскій, о самочинномъ побѣгѣ котораго изъ прихода Николаевской церкви г. Рыльска ведется въ консисторіи дѣло, проживая нынѣ въ Москвѣ, примкнулъ къ старообрядчеству, пріемлющему священниковъ отъ великороссійской церкви, и 12-го мая сего года принималъ дѣятельное участіе на всероссійскомъ сѣздѣ старообрядцевъ названнаго толка въ Нижнемъ-Новгородѣ въ качествѣ товарища предсѣдателя этого сѣзда. Вслѣдствіе этого предлагаю консисторіи немедленно распорядиться о запрещеніи Ковалевскому священнослуженія, ношенія креста, рясы и рукоблагословенія“.

Еще рѣзче звучитъ нота нетерпимости въ распоряженіи уральскаго епископа. Старообрядческій журналъ „Церковь“ приводитъ слѣдующій документъ: „Причту N—ской церкви г. Уральска. Одинъ изъ священниковъ Уральской области рапортомъ отъ 9-го марта за № 50 проситъ у его преосвященства, преосвященнѣйшаго Тихона, епископа уральскаго, разъясненія, можно ли допускать къ причастію св. Таинъ родителей, которые выдали своихъ дочерей въ замужество за старообрядцевъ, или же сыновей женили на старообрядцахъ австрійскаго толка, съ присоединеніемъ, помазаніемъ и вѣнчаніемъ австрійскимъ обрядомъ. На такомъ рапортѣ онаго священника резолюція его преосвященства отъ 22 того же марта за № 1086 послѣдовала таковая: „Неужели есть такіе безумные люди, которые рѣшаются отдать своихъ дѣтей въ погибель? Неужели они не боятся проклятія и гнѣва Божія? Какъ они дерзнутъ приступитъ къ причастію Тѣла и Крови Христовой, ибо Христось скажетъ имъ: „Вы толкнули дѣтей своихъ въ адъ кромѣшный, въ погибель, а теперь идете спасаться“. О, горе, горе такимъ. Если виновные искренно раскаются въ храмѣ передъ всѣми и если дадутъ обѣщаніе звать въ церковь не только дѣтей своихъ, но и всю заблудшую семью, то въ такомъ случаѣ, призывая милосердіе Божіе, разрѣшаю ихъ къ причастію св. Таинъ. При чемъ на таковыхъ необходимо наложить епитимію. Пусть они утромъ и вечеромъ кладутъ по три земныхъ поклона со словами: Господи, возврати въ святую церковь сына моего (или дочь мою). Поклоны надлежитъ класть до тѣхъ поръ, когда вернутся заблудшіе. Только въ случаѣ смерти разрѣшаю отъ епитиміи сей. Прочитать мою резолюцію въ праздникъ въ церкви передъ народомъ. Сообщить резолюцію всему духовенству“.

Если вспомнить, что никогда православная церковь не находила никакой ереси въ старообрядчествѣ, а обѣ церкви — и старая, и новая — винили только другъ друга въ искаженіи обрядовъ, и притомъ

въ подробностяхъ второстепенныхъ: если вспомнить, что православная церковь всегда признавала крещеніе и другія таинства старообрядческой церкви, а старообрядцы брали и берутъ священниковъ и епископовъ изъ православнаго духовенства, то какими странными въ своей преувеличенности должны представиться грозныя слова уральскаго епископа о проклятіи и гнѣвѣ Божіемъ на православныхъ, вступившихъ въ родственное единеніе со старообрядцами. И особенно теперь, когда мало-по-малу церкви старая и новая начинаютъ закономъ уравниваться, когда загнанные и обезглавленные старообрядческіе храмы вновь вѣнчаются крестами и украшаются колоколами, т.-е. дѣлаются совершенно подобными православнымъ храмамъ, когда постепенно начинаетъ забываться двухвѣковая братоубійственная рознь въ православномъ и старообрядческомъ населеніи. Пастырю церкви слѣдовало одобрить и благословить естественное примиреніе, которое стало замѣчаться между неосмысленно враждовавшими частями населенія. И несомнѣнно, странныя, проклинаящія слова уральскаго архипастыря, опубликованныя, по его приказанію, съ церковныхъ кафедръ, внесли немало смущенія въ довѣрчивыя души вѣрующихъ православныхъ. Въ нѣкоторыхъ сердцахъ шевельнулась, можетъ быть, отмершая было вражда къ старообрядцамъ, а въ другихъ, болѣе сознательныхъ, вѣроятно сказалось невольное осужденіе неосторожныхъ словамъ епископа. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вразумленіе, по своимъ результатамъ, далеко не носило христіанскій характеръ.

Сотрудникъ „Саратовскаго Листка“ извлекаетъ изъ мѣстнаго духовнаго „Братскаго Листка“ еще одно явно несправедливое нападеніе на старообрядцевъ. „Въ настоящее время,—пишетъ въ „Брат. Л.“ свящ. К. Люкшинъ,—раскольники освобождены отъ несенія церковныхъ повинностей (наемъ сторожей, просфорни, отопленія храма и т. п.), что служить немалымъ соблазномъ для православныхъ. Такъ какъ православные, въ массѣ своей, смотрятъ на церковь православную не только какъ на свою родную приходскую церковь, но и на церковь государственную, къ которой принадлежитъ Батюшка Царь и которая, поэтому, должна быть охраняема царскими законами, то потребныя для господствующей церкви расходы должны нести всѣ, ибо у Царя всѣ равны. На практикѣ же получается, что православные платятъ церковныя расходы, а раскольники какъ бы пользуются какою-то льготою и отъ этой платы освобождены“. Сотрудникъ саратовской газеты пробуетъ вразумить духовнаго публициста: „Но тогда нечего говорить объ однихъ старообрядцахъ; слѣдовало бы привлечь къ платежу денегъ на православныя храмы и евреевъ, и католиковъ, и лютеранъ, и вообще всѣхъ! Нѣтъ, о. Люкшинъ, это не такъ. Всѣ—и старообрядцы, и католики, и лютеране, и евреи—всѣ

считаютъ своею обязанностью удѣлять отъ трудовъ своихъ лепту на содержаніе своихъ храмовъ и молитвенныхъ домовъ“.

Конечно, эту элементарную истину отлично знаетъ и духовный православный публицистъ. Онъ о ней умышленно забываетъ, побуждаемый упорной враждой къ старообрядцамъ, которыхъ онъ притомъ продолжаетъ именовать обиднымъ старымъ прозвищемъ „раскольники“, хотя ихъ теперь уже официально называютъ старообрядцами.

Для характеристики отношеній высшаго православнаго духовенства къ прогрессивной части русскаго общества поучительные факты доставилъ миссіонерскій съѣздъ, состоявшійся недавно въ Казани. Казанскія газеты приводятъ длинныя отчеты объ этомъ съѣздѣ. Извлекаемъ небольшую часть изъ отчета о засѣданіи отдѣла по вопросу о язычествѣ и борьбѣ съ нимъ. „Преосвященный предсѣдатель отдѣла, еп. саратовскій Гермогенъ, выдвинулъ вопросъ о церковной дисциплинѣ.—Дисциплина,—говорилъ онъ,—есть условіе, дѣлающее христіанство привлекательнымъ для язычниковъ. Представителями языческаго направленія въ интеллигентномъ обществѣ являются Л. Толстой, Розановъ, Мережковскій, Андреевъ и др. Среди правящихъ лицъ, отправляющихся въ логовища язычниковъ, замѣчается индифферентизмъ къ христіанству. Онъ охлаждаетъ ревность православныхъ, другихъ, наоборотъ, вооружаетъ ревностью къ оскорбленію христіанства. Переносу ваше вниманіе ко времени первыхъ вѣковъ христіанства, какъ тогда оскорбляли христіанство. Вспомните ослиную голову, съ каковою изображали распятаго Господа Нашего Иисуса Христа. То же совершается и сейчасъ. Я предлагаю внести на обсужденіе вопросъ о современномъ язычествѣ и мѣрахъ противодѣйствія язычеству въ жизни и литературѣ. В. М. Скворцовъ, въ подтвержденіе сказаннаго преосвященнымъ Гермогеномъ, показалъ брошку съ изображеніемъ страждущаго Спасителя, а также билетъ на входъ въ новый лѣтній Богородскій садъ. На оборотѣ билета изображеніе преподобныхъ св. Антонія и Феодосія, кіево-печерскихъ чудотворцевъ. Архіепископъ Никаноръ сказалъ, что есть указъ св. синода, запрещающій печатаніе священныхъ изображеній на наружной части книгъ; тѣмъ болѣе недопустимо печатаніе священныхъ изображеній на входныхъ билетахъ. Омскій еп. Гавріиль указалъ на туфли съ изображеніемъ святыхъ ангеловъ. В. М. Скворцовъ въ подробной рѣчи заявилъ, что необходимо критическое богословское освѣщеніе литературныхъ произведеній современныхъ язычниковъ. Необходима, кромѣ того, критика своевременная, которая бы дала возможность устраненія такихъ позднихъ запрещеній, какія были наложены на „Анатэму“ и „Авфису“. Въдъ противъ этихъ противохристіанскихъ пьесъ—ужасался г. Скворцовъ—

борьба началась послѣ того только, какъ раздался протестующій голосъ саратовскаго владыки. Свое впечатлѣніе отъ обоихъ произведеній Л. Андреева представитель синода характеризовалъ сильно: объ пьесы настолько ужасны — говорилъ онъ — по своему противохристіанскому содержанію, что когда онъ смотрѣлъ ихъ въ театрѣ, ему казалось, что отъ ужаса провалится театръ и рухнетъ все вокругъ. Почему же наши богословскіе критики въ время не ударили въ набатъ и не вызвали своевременнаго запрещенія? У католиковъ на это обращено большое вниманіе, и Золя, напримѣръ, за свой „Лурдь“, былъ отлученъ отъ церкви и отлученнымъ умеръ. Ужасался ораторъ и развалу церковной дисциплины. Онъ сообщилъ, со словъ одного священника, что семинаристы, только-что окончившіе семинарію, въ фотографическую группу своего выпуска помѣстили портреты Л. Толстого, Чехова и Л. Андреева. Необходимо поднять церковную дисциплину—таковъ выводъ В. М. Скворцова. Но какъ бороться съ „литературными язычниками“, что дѣлать, когда, по сообщенію епископа Андрея, въ одномъ небольшомъ уѣздномъ городѣ, куда ему пришлось попасть, объ „Анатэмѣ“ и „Апфисѣ“ узнали только послѣ того, какъ этимъ произведеніямъ одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ посвятилъ проповѣдь въ церкви. Оживленные дебаты вызвалъ вопросъ, кто изъ современныхъ литературныхъ „язычниковъ“ грѣшнѣе. Симбирскій епископъ Іаковъ, примыкая къ тезисамъ, предложеннымъ саратовскимъ епископомъ, высказался противъ помѣщенія въ постановленіяхъ съѣзда имени Розанова, какъ перваго изъ современныхъ язычниковъ, съ которымъ нужно бороться церкви. Онъ предложилъ, по крайней мѣрѣ, не ставить Розанова первымъ, такъ какъ этотъ писатель—только заблуждающійся язычникъ. Относительно М. Горькаго, о которомъ въ постановленіяхъ, предложенныхъ Гермогеномъ, говорится съ небольшою оговоркой, епископъ Іаковъ заявилъ, что онъ во всякомъ случаѣ, какъ „чистый безбожникъ“, долженъ быть поставленъ на первую доску. Епископъ Гермогенъ, особенно внимательно, по его словамъ, изучавшій произведенія Розанова, нашелъ въ немъ особенныя бѣсовскія тенденціи и особенное лукавство, которое покрывается фальшивой религіозностью. Кто-то изъ дальнихъ рядовъ внесъ предложеніе: Прибавьте Милюкова! — Да Караулова! — Епископъ Гермогенъ внесъ и Милюкова въ списокъ язычниковъ рядомъ съ Розановымъ и Андреевымъ. Карауловъ избѣжалъ участи Милюкова: саратовскій епископъ счелъ его не такой крупной величиной среди „безбожниковъ“. Всѣ постановленія, предложенныя епископомъ Гермогеномъ, были приняты съѣздомъ. Одинъ изъ пунктовъ гласитъ слѣдующее: „Всепочтительнѣйше доложить св. синоду, что по мнѣнію съѣзда писатели: Андреевъ Леонидъ, Протопоповъ В., Розановъ Ва-

силій, а также въ немалой степени Пѣшковъ Алексѣй, онъ же Горькій Максимъ, Мережковскій Дмитрій, а также нѣкоторые издатели періодическихъ журналовъ („Вѣстникъ Знанія“) и газетъ и нѣкоторые дѣятели, въ особенности первыя три лица, являющіяся, подобно Льву Толстому, сущими язычниками по духу и направленію, какъ онъ ихъ учитель, такъ и они, собравъ вокругъ себя много послѣдователей, въ особенности преступно растлѣваютъ религіозную мысль и нравы нашего молодого поколѣнія, создали уже и продолжаютъ усиливать среди общества атмосферу безбожія, кощунства, хулы и даже проклятія, направленныхъ ко Христу, христіанству и православной церкви“.

Разумѣется, съ такой ненавистью къ молодому русскому обществу и съ такой идейной нищетою церковные сановники не завоюютъ довѣрія мало-мальски сознательныхъ элементовъ населенія. При такой тактикѣ разрывъ между населеніемъ и православной церковью будетъ шириться съ каждымъ днемъ. Къ тому же имѣются еще причины, которыя, можетъ быть, всего сильнѣе отталкиваютъ населеніе отъ нынѣшнихъ представителей господствующей церкви. Значительная часть высшаго и низшаго духовенства ринулась въ политику, и притомъ въ политику откровенно-черносотенную. Вѣроятно, среди духовныхъ лицъ и въ настоящее время имѣются достойные люди прогрессивнаго направленія. Можетъ быть, ихъ и не мало. Но, волею непреодолимыхъ обстоятельствъ, они должны скрывать свои взгляды. Крикливо дѣйствуютъ сейчасъ духовныя лица противоположнаго типа. И въ силу этого впечатлѣніе получается такое, какъ будто Россія наводнена черносотенными священниками, обратившими церковную кафедру въ политическую трибуну. Усердствуетъ духовенство, конечно, для того, чтобы заслужить благоволеніе высшаго свѣтскаго и церковнаго начальства—но усердствуетъ такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и начальство недовольно морщится. О любопытномъ фактѣ этого рода сообщаетъ „Южный Край“. Полтавскій корреспондентъ этой газеты пишетъ: „Для будущаго историка жизни духовенства полтавской епархіи не безынтересны отношенія этого духовенства къ союзу русскаго народа, къ тому союзу, во главѣ котораго стоитъ мѣстный архіерей преосвященный Іоаннъ, засѣдающій въ настоящее время въ синодѣ. Въ виду опредѣленнаго политическаго курса въ „верхахъ“, священники стали въ церквахъ произносить проповѣди на политическія темы въ духѣ Дубровина и Восторгова. Священники занимались политикой, зная, что встрѣтятъ сочувствіе въ верхахъ. И въ самомъ дѣлѣ, высшія духовныя сферы довольны такой пастырскою дѣятельностью. Иначе посмотрѣла на это свѣтская власть, въ лицѣ губернатора графа Муравьева. Обѣзжая губернію, графъ выслушалъ при встрѣчахъ его священниками не-

мало политическихъ рѣчей опредѣленнаго содержанія. Каждый сельскій батюшка считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать передъ властью свою „благонадежность“ программой рѣчью. Результаты оказались печальныя. По предложенію губернатора, мѣстной духовной консисторіей изданъ слѣдующій приказъ по епархіи: „Полтавскій губернаторъ въ письмѣ на мое имя отъ 1-го іюня сего года сообщилъ мнѣ, что при посѣщеніи имъ церковей Константиноградскаго уѣзда, во время объѣзда губерніи, нѣкоторые священники встрѣчали его программными политическаго характера рѣчами, которыя болѣе присущи трибуннымъ ораторамъ, а не скромнымъ сельскимъ духовнымъ пастырямъ,—и просить сдѣлать распоряженіе, чтобы священники при посѣщеніи имъ церковей воздерживались отъ произнесенія политическихъ рѣчей. Находи со своей стороны произнесеніе политическихъ рѣчей при посѣщеніи губернаторомъ церковей неумѣстнымъ. я предлагаю консисторіи сдѣлать, немедленно распоряженіе духовенству епаріи черезъ благочинныхъ, чтобы оно не произносило рѣчей на политическія темы при посѣщеніи губернаторомъ церковей епархіи“. Приказъ этотъ озаглавленъ: „О воспрещеніи духовенству произнесенія политическихъ рѣчей при посѣщеніи губернаторомъ церковей“. Такъ какъ въ приказѣ нѣсколько разъ повторяются слова: „при посѣщеніи губернаторомъ церковей“, то корреспондентъ съ полнымъ основаніемъ иронически спрашиваетъ: „Ну, а въ отсутствіе губернатора можно?“ Разумѣется, не только можно, но и должно. Пока духовенство будетъ думать, что оно своей черносотенной политикой угождаетъ властямъ, оно не очень поспѣшно станетъ выполнять вѣшенія губернаторской власти, случайной и преходящей... Другіе епископы въ своихъ распоряженіяхъ довольно прямолинейно объ этомъ и заявляютъ. Такъ, на примѣръ, корреспондентъ „Русскаго Слова“ сообщаетъ изъ Рязани: „На журналѣ 43-го очереднаго епархіальнаго сѣзда о желательности изданія особаго безпартійнаго органа для духовенства губерніи, вмѣсто неофициальной части „Епархіальныхъ Вѣдомостей“, епископомъ рязанскимъ и зарайскимъ Никодимомъ положена слѣдующая резолюція: „Что касается до положенія безпартійности, то если разумѣть подъ безпартійностью по отношенію къ органу: онъ не кадетскій, онъ не социаль-демократическій, онъ не монархическій и пр., то выйдетъ, что онъ полное ничтожество и произведеніе скудоумія и отталкивающаго безразличія или же онъ хромаетъ на колѣна всѣхъ партій, а заключаетъ въ себѣ всего понемпожку—не прочь онъ едино мыслить и съ социалистами, не прочь онъ и съ кадетами, не прочь онъ и съ октябристами—за конституцію, не прочь даже и за самодержавіе, если положить жалованье 1.200 рублей. Неужели такого безпартійнаго органа захотѣлось отцамъ сѣзда? И тутъ, видимо, краснотой

пахнетъ. Но да не будетъ сего! Кто любить свою родину, свои родныя начала духовной жизни, кто не хочетъ смѣшаться съ инородцами во имя космополитизма, а въ особенности—кто любить св. вѣру и чтить Божіе единоедержавіе на небѣ и на землѣ, тотъ не можетъ быть безпартійнымъ. Безпартійность теперь хладность и въ жизни, и въ судьбахъ церкви, а это есть преступленіе противъ отечества и церкви, такъ какъ вѣдь не все же равно послѣдней, кто будетъ властвовать въ Россіи: социаллисты, кадеты, октябристы или монархисты, съ признаніемъ Царя самодержавнымъ“.

Еще откровеннѣе дѣйствуютъ епископъ Гермогенъ, о. Илюдоръ, архимандритъ Виталій, о. Восторговъ и многіе другіе пастыри православной церкви. И вотъ эта горячая политическая дѣятельность, можетъ быть, всего рѣшительнѣе способствуетъ отклоненію отъ господствующей и воинствующей церкви новыхъ и новыхъ тысячъ православнаго населенія. Бывало и раньше православное—патріотичнымъ. Но въ тѣ времена не было еще явнаго разрыва значительной части населенія съ правительственною властью. Казенный и церковный патріотизмъ въ большой степени совпадалъ съ народнымъ патріотизмомъ. Въ настоящее время громадныя массы населенія переживаютъ глубокой психологическій переломъ. Народилась уже, растетъ и не умретъ новая государственность. Она еще слаба, она еще въ ранахъ и цѣпяхъ, а старая власть какъ будто попрежнему могущественна и всесильна. Но суть-то въ томъ, что въ Россіи уже живутъ двѣ гражданственности. И сознательно или безсознательно, но почти всякій живой человѣкъ на Руси чувствуетъ, что старый, мрачный режимъ доживаетъ послѣдніе дни или годы, при всемъ своемъ реставрированномъ господствѣ. Новая общественность, новая гражданственность гдѣ-то близко зрѣтъ у таинственнаго порога жизни, и не далеко моментъ, когда она побѣдно займетъ мѣсто, принадлежащее ей по праву. Въ роковой борьбѣ россійское духовенство встало на сторону старины. Воспитанному въ вѣковомъ раболѣпствѣ предъ могущественной свѣтской властью духовенству трудно свернуть съ привычной дороги; но пока оно связываетъ себя съ старыми порядками, оно неизбежно теряетъ сочувствіе населенія. Равнодушно взирая на смертныя казни, на карательныя экспедиціи, на всю внутреннюю борьбу одной части населенія противъ другой, официальное духовенство встаетъ противъ всего новаго, назрѣвающаго къ будущей жизни. И этотъ грѣхъ можетъ оказаться для него роковымъ. „Всякій грѣхъ прощается, но только не грѣхъ противъ духа живаго“. Не проститъ его новая жизнь, водвореніе которой въ Россіи все же не за горами.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Первые признаки приближенія общихъ выборовъ.—Несостоятельность дѣйствующей избирательной системы.—Предстоящіе дополнительные выборы въ Государственную Думу.—Государственный Совѣтъ въ до- и послѣ-конституціонное время.—Задачи ближайшаго будущаго.—Казанскій миссіонерскій съѣздъ и „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“.

Какъ ни далеко еще до того дня, когда окончится срокъ полномочій третьей Государственной Думы, уже и теперь то здѣсь, то тамъ ставится вопросъ о вѣроятномъ исходѣ выборовъ 1912-го года, о вѣроятномъ составѣ четвертой Думы. Въ одной изъ статей, написанныхъ на эту тему, губернскіе выборщики пятидесяти губерній европейской Россіи распределены между двумя группами: „буржуазной“ и „пролетарской“. Въ составъ первой входятъ 3332 выборщика (2594 отъ землевладѣльцевъ и 738 отъ первой городской курии), въ составъ второй—1828 (1146 отъ сельскихъ обществъ, 570 отъ второй городской курии и 112 отъ рабочихъ). Изъ этихъ цифръ авторъ статьи, г. Еронкиш—членъ союза 17-го октября,—выводитъ заключеніе, что чрезвычайно опасно было бы признать октябристовъ партіей „оппозиціонной, негодной правительству“: это заставило бы ихъ заключить предвыборные блоки не съ правыми партіями, „угодными правительству“, а съ лѣвыми—прогрессистами и кадетами. Большинство, такимъ образомъ, могло бы оказаться уже не на сторонѣ „буржуазной“, а на сторонѣ пролетарской группы. При такомъ положеніи вещей, по мнѣнію г. Еронкина, „странно было бы рисковать умѣренною Думой въ иллюзорной надеждѣ получить болѣе правую Думу. На чемъ основана эта надежда? На перемѣнѣ общественныхъ настроеній? Но вѣдь сдвигъ вправо существуетъ лишь въ фантазіи крайнихъ правыхъ депутатовъ и ихъ апологетовъ въ печати. Стоитъ побывать въ провинціи и въ деревнѣ, чтобы ясно понять, куда на самомъ дѣлѣ наклоняется этотъ сдвигъ. Указъ 9-го ноября когда-то еще скажется, а пока онъ обозлилъ деревню, обозлилъ ея бѣдность, а бѣдноты этой до сихъ поръ большинство, и она пошлетъ самыхъ крайнихъ, лѣвыхъ выборщиковъ“.

Чрезвычайно характерна для октябризма тѣсная связь, устанавливаемая здѣсь между образомъ дѣйствій партіи и отношеніемъ къ ней правительства. Степень оппозиціонности партіи обусловливается не сущностью ея стремленій, а официальной ея оцѣнкой. Согласится

правительство видѣть въ октябристахъ, по прежнему, своихъ союзниковъ—они пойдутъ рука объ руку съ націоналистами, можетъ быть даже съ крайними правыми; не согласится — они вступятъ въ блокъ съ прогрессистами и кадетами... Не это откровенное сознание заставляетъ насъ, однако, остановиться на статьѣ г. Еропкина: ея интересъ заключается не въ ней самой, а въ комментаріяхъ, вызванныхъ ею въ официозной газетѣ. Для г. Еропкина — читаемъ мы тамъ — „самой по себѣ Россія какъ будто не существуетъ. Есть только избиратели, которые то лѣвѣютъ, то правѣютъ, и есть политическія партіи, которыя заключаютъ между собою блоки... Россія будто бы не заботится о своемъ положеніи, не стремится къ культурному прогрессу... И притомъ въ Россіи какъ будто все осталось попрежнему, какъ было до реформъ... Вся грандіозная картина сдвинувшейся съ мертвой точки русской дѣловой жизни въ представленіи политическихъ пророковъ заслана пеленой партійныхъ интересовъ“.

Итакъ, съ точки зрѣнія официозной газеты Россія *сама по себѣ* — одно, а русскіе избиратели — другое. Доля истины въ такомъ представленіи безспорно есть, по смыслъ ея далеко не благопріятенъ для казенныхъ публицистовъ. Да, между Россіей и русскими избирателями, при нынѣ дѣйствующемъ положеніи о выборахъ — дистанція огромнаго размѣра. Избирательная система, единственная въ своемъ родѣ по искусственности и узкой тенденціозности, не позволяетъ видѣть въ создаваемомъ ею законодательномъ собраніи дѣйствительное представительство народа. На ея почвѣ неизбѣжно возникаютъ неестественныя комбинаціи, вынужденные союзы, оптическіе обманы. Слабое, отжившее, вымирающее кажется сильнымъ; крѣпнущее и полное жизни заявляетъ о себѣ едва слышно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на цифры, сгруппированныя г. Еропкинымъ. Нормально ли, что половина выборщиковъ приходится на долю сравнительно малочисленнаго класса землевладѣльцевъ? Нормально ли, что внутри этого класса громадное преимущество предоставлено, и *de jure*, и, тѣмъ болѣе, *de facto*, меньшинству, состоящему изъ крупныхъ собственниковъ? Нормально ли, что первая городская курія, обнимающая собою однѣ верхушки городского населенія — верхушки въ матеріальномъ, но отнюдь не интеллектуальномъ смыслѣ слова, — выставляетъ больше выборщиковъ, чѣмъ вторая? Нормально ли, что выборщики отъ сельскихъ обществъ, т.-е. отъ массы русскаго народа, составляютъ, вмѣстѣ съ выборщиками отъ рабочихъ, меньше одной четвертой части общаго числа выборщиковъ? Кто искренно желаетъ услышать неподдѣльный голосъ настоящей Россіи, тотъ долженъ, прежде всего, стоять за измѣненіе избирательныхъ порядковъ, за возвращеніе на тотъ путь, который былъ намѣченъ манифестомъ

17-го октября. Тогда, въ поворотный моментъ русской жизни, рѣшено было не только привлечь къ участию въ Государственной Думѣ тѣ классы населенія, которые, въ силу указа 6-го августа, были лишены избирательнаго права, но и „предоставить вновь установленному законодательному порядку дальнѣйшее развитіе начала общаго государственнаго права“. Первая часть этого рѣшенія была исполнена, въ извѣстной мѣрѣ, указомъ 11-го декабря 1905-го года; вторая часть его не только осталась неисполненною, но сдѣланъ громадный шагъ въ прямо противоположную сторону. Не будемъ теперь говорить о томъ, насколько этотъ шагъ былъ необходимъ или неизбеженъ; для насъ достаточно указать на одинъ изъ его результатовъ, невольно признаваемый даже присяжными хвалителями власти. Пока существуютъ правила 3-го юня, до тѣхъ поръ о томъ, что думаетъ, чего желаетъ Россія, возможны только догадки—догадки, при данномъ настроеніи правительственныхъ сферъ неизмѣнно ведущія къ ошибкамъ. Устранить неизвѣстность, разсѣять мракъ, одинаково опасный для правящихъ и для управляемыхъ, было цѣлью преобразованій, предпринятыхъ пять лѣтъ тому назадъ. Теперь свѣта развѣ немногимъ больше, чѣмъ тогда — и его можетъ дать только продолженіе прерванной работы.

Россія, говорятъ намъ, „сдвинулась съ мертвой точки“: она „работаетъ, развиваетъ промышленность, стремится къ культурному прогрессу“. Повсюду „масса самыхъ свѣдущихъ, выдвинутыхъ жизнью вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія и ищущихъ людей, которые бы сумѣли „за нихъ взяться“. Особенно много „жизненнаго“ представляетъ собою, благодаря „принявшей стихійные размѣры земельной реформы“, „необъятный міръ земли и хлѣба“. Если все это такъ, то не слѣдуетъ ли дать просторъ наиболѣе активнымъ обитателямъ „необъятнаго міра“, не слѣдуетъ ли снять съ нихъ подозрѣніе, лежащее на нихъ вотъ уже четвертый годъ? Мы нисколько не преувеличиваемъ: только такимъ подозрѣніемъ можно объяснить, на примѣръ, то правило, въ силу котораго представитель крестьянства выбирается теперь не одними выборщиками отъ волостей, какъ прежде, по законамъ 6-го августа и 11-го декабря, а *всеми* губернскими выборщиками, большинство которыхъ принадлежитъ, за рѣдкими исключеніями, къ куріямъ землевладѣльческой и первой городской. А развѣ не „взятіемъ подъ сомнѣніе“ народной массы вызвано другое правило, исключившее мѣстныхъ крестьянъ изъ числа избирателей-землевладѣльцевъ и очень значительно уменьшившее, тѣмъ самымъ, численный составъ землевладѣльческой куріи?.. Если „стихійные размѣры“, принятые земельной реформой, свидѣтельствуютъ о гармоніи между настроеніемъ крестьянства и видами правитель-

ства, то не пора ли отказаться отъ явно недовѣрчиваго отношенія къ крестьянамъ, положеннаго въ основу преобразованной, 3-го іюня, избирательной системы? Съ другой стороны, если велика потребность въ людяхъ, „умѣющихъ взяться“ за очередные вопросы, то не пора ли уничтожить безчисленныя преграды, стѣсняющія свободу выбора (напр. обязательность избранія членовъ Думы изъ среды выборщиковъ, и притомъ, отчасти, изъ опредѣленныхъ ихъ категорій)? Не пора ли, однимъ словомъ, осуществить „начало общаго избирательнаго права“ или, по крайней мѣрѣ, приблизиться къ нему, уменьшивъ число избирательныхъ перегородокъ, сословныхъ, классовыхъ и ценовыхъ? Не пора ли замѣнить пестроту и казуистичность избирательнаго закона простыми, широкими основами, свободными отъ предвзятой цѣли? Тогда никому не придетъ въ голову проводить демаркаціонную черту между избирателями и Россіей и искать народную мысль, народную волю въ произвольныхъ предположеніяхъ или въ внушеніяхъ со стороны.

Несовершенство нашего избирательнаго закона и нашей избирательной практики влечетъ за собою еще одно неудобство. На Западѣ дополнительные выборы всегда имѣютъ симптоматическое значеніе: они позволяютъ судить о перемѣнахъ, совершившихся и совершающихся въ общественномъ настроеніи, и предугадывать, съ нѣкоторой вѣроятностью, исходъ ближайшей избирательной кампаніи. У насъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, это немислимо, по той простой причинѣ, что выборщики остаются тѣ же и, слѣдовательно, господствующимъ въ ихъ средѣ остается настроеніе, опредѣлившее собою результатъ предъидущихъ общихъ выборовъ. Нельзя сказать, чтобы такой порядокъ былъ неразрывно связанъ съ системой многостепенныхъ выборовъ: она допускаетъ повтореніе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всей избирательной процедуры, т.-е. созывъ избирателей, избраніе новыхъ выборщиковъ и затѣмъ уже избраніе новаго депутата. У насъ это, пожалуй, также было бы осуществимо, хотя и сопряжено съ большими затрудненіями, въ виду крайней сложности нашего избирательнаго аппарата; но при дѣйствиіи правилъ 3-го іюня для власти удобнѣе, конечно, не сходить съ почвы, уже испытанной и знакомой — и функція выборщиковъ, по самому своему существу приспособленная къ одному лишь данному моменту, признана длящейся и долгосрочной. Изъ пяти дополнительныхъ избраній, предстоящихъ въ августѣ и сентябрѣ, только одно представляетъ, поэтому, значительный интересъ: избраніе члена Думы первюю городскою курією въ Одессѣ, гдѣ, какъ и въ шести другихъ большихъ городахъ, вве-

дена прямая подача голосовъ. Въѣмъ намятно еще впечатлѣніе, произведенное, осенью прошлаго года, побѣдой оппозиціонныхъ кандидатовъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, побѣдой тѣмъ болѣе знаменательной, что въ двухъ послѣднихъ городахъ къ урнамъ была призвана первая курія—предполагаемый оплотъ благонадежныхъ элементовъ. Всего меньше можно было ожидать торжества оппозиціи среди привилегированныхъ избирателей Москвы, за два года передъ тѣмъ поднявшихъ на щитъ представителей октябризма. Въ Одессѣ гарантіей „желательныхъ“ выборовъ служилъ, повидимому, извѣстный режимъ генерала Толмачева. И все-таки первая курія ни тамъ, ни тутъ не оправдала возлагавшейся на нее надежды. Интересно будетъ узнать, что скажетъ она теперь въ Одессѣ, цѣлый годъ, вслѣдствіе печальнаго инцидента съ депутатомъ Бродскимъ, неполюто представленной въ Государственной Думѣ... Конечно, не всякое предостереженіе принимается въ расчетъ тѣми, по адресу которыхъ оно направлено. Избраніе гг. Кутлера, Щепкина и Бродскаго ничего, въ сущности, не измѣнило ни въ настроеніи министерства, ни въ образѣ дѣйствій побѣжденной партіи. Тревога въ средѣ октябристовъ скоро прошла; къ концу сессіи демаркаціонная черта между ними и сосѣдями справа оказалась болѣе стертой, чѣмъ когда бы то ни было. Значеніе факта, однако, отъ этого не пострадало: прошлогодніе выборы остались выраженіемъ недовольства, проникшаго даже въ наиболѣе спокойные и инертные слои населенія. Истекшій съ тѣхъ поръ годъ не принесъ съ собою ничего такого, что могло бы смягчить это недовольство или остановить его распространеніе.

Наличность, въ настоящую минуту, „массы самыхъ спѣвшихъ, выдвинутыхъ жизнью вопросовъ, требующихъ немедленнаго разрѣшенія“, признаетъ, какъ мы видѣли, даже офиціозная газета. Что же сдѣлано и дѣлается въ этомъ направленіи какъ правительствомъ, такъ и законодательными собраніями? Правительствомъ не законченъ до сихъ поръ пересмотръ положеній земскаго и городского, не закончены давно обѣщанные законопроекты въ области рабочаго вопроса, не составленъ законопроектъ о печати, не внесены въ Государственную Думу взятые изъ нея обратно вѣронсовѣдныя законопроекты. Въ Государственной Думѣ, послѣ трехъ длинныхъ сессій, лежатъ не рассмотрѣнными законопроекты о неприкосновенности личности, объ исключительномъ положеніи, о страхованіи рабочихъ, о смертной казни, о бюджетныхъ правахъ законодательныхъ собраній. Изъ Государственнаго Совѣта вышли готовыми, въ теченіе послѣдней сессіи, только два крупныхъ закона: о выдѣлѣ изъ общины и о такъ-назы-

заемомъ общеимперскомъ законодательствѣ. Остановимся подольше на результатахъ дѣятельности нашей верхней палаты: они заслуживаютъ особаго вниманія.

Если двухпалатная система принята въ настоящее время почти всѣми культурными государствами, это объясняется вовсе не тѣмъ, чтобы надъ каждымъ законопроектомъ одинаково должны были трудиться, примѣняя тѣ же приемы, останавливаясь на тѣхъ же деталяхъ, два законодательныхъ собранія. Работа не становится лучше отъ многократныхъ повтореній: наоборотъ, они легко могутъ нарушить ея цѣльность и стройность. Прежде, чѣмъ получить ходъ въ законодательномъ порядкѣ, законопроектъ разсматривается въ соответствующемъ вѣдомствѣ, часто передается на заключеніе экспертовъ, проходитъ черезъ совѣтъ министровъ; въ нижней палатѣ, куда онъ поступаетъ, его подробно разсматриваетъ коммиссія, и только послѣ всей этой длинной и сложной процедуры его принимаетъ, съ измѣненіями или безъ измѣненій, общее собраніе палаты. Очевидно, что не для воспроизведенія того же труда существуетъ верхняя палата. Ея *raison d'être* заключается въ предупрежденіи ошибокъ, обусловливаемыхъ торопливостью, односторонностью или увлеченіемъ, въ предотвращеніи рѣзкихъ столкновеній между верховной властью и народнымъ представительствомъ. Она умѣряетъ темпъ движенія—все равно, впередъ или назадъ,—если быстрота его грозитъ серьезными затрудненіями; она охраняетъ забытые или намѣренно нарушенные интересы; она смягчаетъ опасность, которою иногда грозитъ меньшинству слишкомъ полное торжество большинства. Степень успѣшности всѣхъ этихъ функцій зависитъ, конечно, отъ организаци и состава верхней палаты. Чтобы исполнить свое назначеніе, она не должна быть точнымъ снимкомъ съ нижней палаты, простымъ ея дубликатомъ; способъ образованія ея долженъ быть настолько своеобразенъ, насколько это необходимо для ея независимости—и насколько это совмѣстимо съ ея нравственнымъ авторитетомъ. Всего больше верхняя палата отличается отъ нижней, конечно, тогда, когда въ основаніи одной изъ нихъ лежитъ назначеніе, въ основаніи другой—избраніе; но, въ большинствѣ случаевъ, самая глубина различія мѣшаетъ правильному взаимодействию силъ, не столько сопоставленныхъ одна съ другою, сколько противопоставленныхъ одна другой. Наиболѣе высокое мѣсто верхняя палата занимаетъ тамъ, гдѣ она пополняется путемъ избранія, но избранія, построеннаго на иныхъ началахъ, чѣмъ выборъ членовъ нижней палаты. Таковъ, на примѣръ, Сенатъ во Франціи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки; такова первая палата въ Нидерландахъ. Вездѣ, гдѣ члены верхней палаты назначаются верховною властью, или отчасти назначаются, отчасти избираются,

отчасти получаютъ это званіе въ силу занимаемыхъ ими должностей или положеній, верхняя палата играетъ мало замѣтную и мало почетную роль парламентскаго „привѣска“, а по временамъ — еще менѣе завидную роль тормоза преобразовательныхъ начинаній. Такова палата господъ (или магнатовъ) въ Пруссіи, Австріи и Венгріи, таковы сенаты въ Италіи и Испаніи.

Наша верхняя палата принадлежитъ ко второму типу. Составъ Государственнаго Совѣта — смѣшанный; число избираемыхъ членовъ равно числу назначенныхъ, но способъ избранія таковъ, что меньше всего обезпечиваетъ близость избранныхъ къ живымъ силамъ страны. Можно было думать, что значеніе составленной такимъ образомъ палаты будетъ столь же невелико, какъ и значеніе однородныхъ съ нею западно-европейскихъ учреждений; можно было ожидать, что она удовлетворится пассивною ролью, лишь изрѣдка выходя изъ нея, чтобы отстоять исполнительную власть въ борьбѣ съ Государственной Думой. Такъ, вѣроятно, и случилось бы, если бы не роспускъ первыхъ двухъ Думъ и не положеніе о выборахъ 3-го іюня. Правительство оказалось не нуждающимся въ поддержкѣ — но Государственная Дума оказалась нуждающеюся въ оцѣлкѣ. Государственный Совѣтъ явился строгимъ менторомъ, наблюдающимъ за каждымъ шагомъ неопытнаго новичка, тщательно провѣряющимъ все имъ сдѣланное, какъ учитель провѣряетъ работу мало способнаго ученика. Отсюда, прежде всего, крайняя медленность, съ которою дѣйствуетъ Государственный Совѣтъ. Его коммисіи трудятся по цѣлымъ мѣсяцамъ надъ законопроектами, столь же неспѣшно двигавшимися въ коммисіяхъ Государственной Думы. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ, съ октября по мартъ, Государственный Совѣтъ имѣлъ только двадцать четыре общихъ засѣданія, терпѣливо ожидая, пока выйдетъ изъ коммисіи первый законопроектъ о землеустройствѣ. Въ концѣ сессіи засѣданія назначались чаще, но изъ трехъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ на очередь былъ все-таки поставленъ только одинъ; два остальные, принятые Думой весною прошлаго года, перешли незамѣченными въ запасъ слѣдующаго законодательнаго періода. Необыкновенную энергію Государственный Совѣтъ, по примѣру Думы, проявилъ только въ обсужденіи законопроекта объ общимперскомъ законодательствѣ. Менше, чѣмъ въ три мѣсяца, этотъ проектъ прошелъ по всѣмъ ступенямъ законодательной лѣстницы, и судьба Финляндіи была рѣшена съ такою быстротою, какъ будто бы рѣчь шла объ отраженіи Аннибала, стоящаго у воротъ Рима.

Какъ объяснить положеніе, занятое Государственнымъ Совѣтомъ въ ряду нашихъ молодыхъ законодательныхъ учреждений? Отчасти, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что онъ въ значительной мѣрѣ представляетъ

собою учрежденіе старое. Когда въ западно-европейскихъ государствахъ возникала конституціонная жизнь, верхняя палата формировалась, обыкновенно, заново; изъ высшихъ правительственныхъ слоевъ, сложившихся при прежнемъ режимѣ, въ ея среду вступали отдѣльные лица, а не цѣлыя коллегіи. Прусская палата господъ, на примѣръ, вовсе не была продолженіемъ до-конституціоннаго государственнаго совѣта, игравшаго, притомъ, гораздо менѣе важную, менѣе активную роль, чѣмъ нашъ до-реформенный Государственный Совѣтъ. Въ новое устройство верхняя палата не вносила, поэтому, опредѣленныхъ традицій, твердо укоренившихся привычекъ, непоколебимой вѣры въ собственную мудрость. Не то мы видимъ у насъ. Старый Государственный Совѣтъ почти цѣликомъ вошелъ въ составъ новаго—и, конечно, остался старымъ. Его члены, знакомые съ техникой законодательной работы, видѣли въ этомъ большое преимущество свое какъ передъ товарищами, впезапно очутившимися рядомъ съ ними, такъ и передъ нижней палатой, самая основа которой—избраніе—несимпатична или, по меньшей мѣрѣ, чужда бюрократическому взгляду. Преобладанію старыхъ, назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта надъ новыми, выборными благопріятствовали, въ добавокъ, обстоятельства, при которыхъ происходили выборы. Нетрудно было предвидѣть, что власть традиціи не встрѣтитъ противодѣйствія ни со стороны представителей духовенства, ни со стороны избранниковъ дворянства. Немногого можно было ожидать, въ этомъ отношеніи, и отъ представителей промышленности и торговли, какъ въ виду полуофициальнаго характера учреждений, которымъ ввѣрено ихъ избраніе, такъ и въ виду зависимости торгово-промышленнаго міра отъ правительственныхъ вліяній. Элементъ самостоятельности и близости къ жизни могли, повидимому, внести въ Государственный Совѣтъ представители земскихъ собраній; но организація верхней палаты совпала, по времени, съ торжествомъ въ средѣ земства новыхъ теченій, родственныхъ бюрократическому духу—и вторые выборы (1909-го года) дали результатъ еще менѣе утѣшительный, чѣмъ первые. Новый элементъ внесли въ Государственный Совѣтъ представители академіи и университетовъ—но ихъ немного, и съ присоединеніемъ къ нимъ нѣсколькихъ избранниковъ земства и землевладѣльцевъ вся лѣвая сторона Государственнаго Совѣта располагаетъ только десятью голосами ¹⁾. Рука объ руку съ нею идутъ иногда нѣкоторые изъ безпартийныхъ членовъ Совѣта (ихъ всего насчитывается шестнадцать); но уравновѣсить союзъ громаднаго большинства назначенныхъ съ такимъ же большинствомъ выборныхъ членовъ оппозиція, конечно, не

¹⁾ См. статью члена Государственнаго Совѣта А. В. Васильева въ № 22 „Запросъ жизни“.

въ силахъ— а въ этомъ союзѣ господствующая роль естественно принадлежить ветеранамъ бюрократіи.

Было же, однако, время, когда изъ среды такихъ ветерановъ выходили сторонники прогресса или, по меньшей мѣрѣ, противники реакціи; было же время, когда въ Государственномъ Совѣтѣ находило хоть нѣкоторый оплотъ то новое, что успѣлъ внести въ русскую жизнь короткій періодъ преобразовательнаго творчества. Да, такое время было; историческія заслуги Государственнаго Совѣта—Совѣта семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ— не подлежатъ сомнѣнію. Но, во-первыхъ, обстоятельства тогда были другія, и стоять за сравнительно лучшее противъ несомнѣнно худого было не особенно трудно; во-вторыхъ, движеніе назадъ, продолжавшееся непрерывно болѣе четверти вѣка, не могло не отразиться на составѣ и духѣ высшаго государственнаго учрежденія. Сошли со сцены, одинъ за другимъ, люди, вскормленные идеями сороковыхъ годовъ и выдвинувшіеся на первый планъ благодаря эпохѣ великихъ реформъ—А. П. Заблоцкій-Десятовскій, Е. П. Старицкій, К. К. Гротъ, Е. А. Перетцъ, Н. Х. Вунге и другіе. Ихъ мѣсто заняли, по болѣе части, дѣятели той мрачной исторической полосы, тѣмъ которой лежитъ на всѣхъ сторонахъ настоящаго. Не называя именъ, достаточно припомнить, какъ широко раскрылись двери Государственнаго Совѣта для сподвижниковъ Д. С. Сипягина и В. К. Плеве, когда, въ 1904-мъ году, перестала быть возможной ихъ дальнѣйшая активная дѣятельность. Характеръ назначеній остался, въ главныхъ чертахъ, тотъ же самый и послѣ вступленія Государственнаго Совѣта въ число конституціонныхъ учреждений. Мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ является, по болѣе части, завершеніемъ долгой административной карьеры— и вмѣстѣ съ тѣмъ наградою за „правильный“ образъ мыслей назначаемаго. Прибавимъ къ этому установившійся на практикѣ порядокъ, въ силу котораго списокъ *присутствующихъ* членовъ Государственнаго Совѣта ежегодно подвергается пересмотру—порядокъ, уничтожающій, *de facto*, единственную гарантію независимости назначенныхъ членовъ: несмѣняемость. Особую важность приобретаетъ, въ такой обстановкѣ, *назначеніе* председателя Государственнаго Совѣта. Сохранять сдержанность, оставаться въ предѣлахъ своей власти назначенному председателю всегда трудноѣ, чѣмъ выборному—но трудное становится почти невозможнымъ, когда собраніе состоитъ изъ двухъ разнородныхъ частей, равныхъ *de jure*, но не равныхъ *de facto*, и не привилегированная часть его, въ громадномъ своемъ большинствѣ, не считаетъ ни нужнымъ, ни возможнымъ энергично отстаивать свою равноправность. Мы приводили недавно образцы замѣчавшій— или наставленій, — съ которыми председатель Государственнаго Совѣта обращается иногда къ ораторамъ (болѣею частью—

изъ числа выборныхъ членовъ). При отсутствіи какихъ бы то ни было путей и средствъ реагированія противъ злоупотребленія предсѣдательскою властью, они не могутъ не отражаться на ходѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, еще болѣе нарушая равновѣсіе между элементами, входящими въ составъ нашей верхней палаты.

Ярче, чѣмъ когда-либо, всѣ указанныя нами черты обрисовались въ теченіе послѣдней сессіи Государственного Совѣта, можетъ быть потому, что въ то же время окончательно выяснилось „лицо“ пылѣвшей нижней палаты. Доведенный до *pes plus ultra* цинизмъ крайней правой, безнадежное убожество вновь явленнаго „націонализма“, безграничная уступчивость и непослѣдовательность союза 17-го октября—все это подорвало въ конецъ авторитетъ Государственной Думы (конечно—не народнаго представительства вообще, а только его суррогата, созданнаго положеніемъ 3-го іюня 1907-го года). Часть потеряннаго Думой была, какъ будто бы, приобрѣтена Государственнымъ Совѣтомъ; сравненіе, невольно напрашивающееся на мысль, оказалось благопріятнымъ для верхней палаты. Въ сущности это не что иное, какъ оптическій обманъ. Въ нѣсколько болѣе приличныхъ формахъ большинство Совѣта дѣлало и дѣлаетъ то же самое, что и большинство Думы: замедляетъ законодательную работу, подчиняется внушеніямъ министерства, стѣсняетъ свободу меньшинства, съ сожалѣніемъ оглядывается на прошлое, преклоняется передъ узко толкуемой формулой: „Россія для русскихъ“. Въ концѣ-концовъ активъ Государственной Думы все же богаче, чѣмъ активъ Государственного Совѣта. Дума все же не только припала, но и измѣнила къ лучшему нѣсколько вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ—а Государственный Совѣтъ совершенно испортилъ тотъ изъ нихъ, который прошелъ черезъ его руки. Дума высказалась за условное осужденіе, за расширеніе круга дѣйствій защиты; Государственный Совѣтъ отклонилъ и то, и другое, надолго отерочивъ давно ожидаемый шагъ впередъ въ области уголовнаго процесса. Мы не видимъ, поэтому, никакой причины превозносить нашу верхнюю палату за счетъ нижней. Если событія послѣднихъ трехъ лѣтъ доказали съ полною ясностью недостатки закона, опредѣляющаго составъ Государственной Думы, то столь же ясно они раскрыли настоятельность коренной реформы Государственного Совѣта. Если онъ мѣшаетъ перемѣнамъ къ лучшему даже теперь, когда ихъ предпринимается такъ немного, то чего же можно ожидать отъ него тогда, когда закончится эпоха застоя и регресса?

Существуетъ французская поговорка: *dis moi qui tu hantes—je te dirai qui tu es*. Ее можно было бы передѣлать такъ: „скажи мнѣ, кто тебя хвалитъ—я скажу тебѣ, что ты такое“. Непріятнѣе самаго рѣзкаго порицанія должны быть для Государственного Совѣта похвалы,

идуція изъ мутнаго источника. „Что дѣлаеть большую честь Государственному Совѣту“ — говоритъ одинъ изъ наименѣе почтенныхъ его панегиристовъ, — „здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ въ Государственной Думѣ, чувствуется скрытая, закулисная государственная работа. Сюда являються люди многоопытные въ государственномъ отношеніи, люди, которыхъ жизнь учила и такъ, и этакъ, и для которыхъ ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ. Всѣ мыслимыя вопросы на ихъ памяти поднимались не разъ, и не разъ опускались въ бездну небытія. О каждомъ вопросѣ приходилось не однажды и читать, и думать“. Читая эти строки, можно предположить, что онѣ касаются не бывшихъ губернаторовъ, прокуроровъ, министровъ, корпусныхъ командировъ, а мудрецовъ, извѣданныхъ все земное, глубоко проникшихъ мыслью въ прошлое, не разъ задумывавшихся надъ будущимъ. На самомъ дѣлѣ къ работѣ, которую несло большинство назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, меньше всего примѣнимо названіе *государственной*; въ лучшемъ случаѣ она была дѣловою, въ худшемъ—формальною, канцелярскою, бумажною. Вопросовъ, которыхъ она не затрагивала вовсе, несравненно больше, чѣмъ вопросовъ, сколько-нибудь ею выиспанныхъ и освѣщенныхъ. На высшихъ ступеняхъ государственной службы, многія задачи первостепенной важности еще недавно считались какъ бы несуществующими и не имѣющими права на существованіе; ихъ нельзя было ставить — и, слѣдовательно, въ официальныхъ сферахъ о нихъ незачѣмъ было и помышлять. Тѣ изъ нихъ, которыя внезапно и неожиданно были выдвинуты на очередь, были, сплошь и рядомъ, новыми именно для сановниковъ, состарившихся вдали отъ народной жизни—болѣе новыми, быть можетъ, чѣмъ для молодыхъ людей, выросшихъ и созрѣвшихъ въ самой скромной житейской обстановкѣ...

Мудрость, всеобъемлющая и все предусмотрѣвшая—не единственное свойство, приписываемое Государственному Совѣту. Члены его—разумѣется, за исключеніемъ „оппозиціонныхъ“ (къ категоріи какихъ причисляются гг. Манухинъ, Шиповъ, Извольскій, кн. Оболенскій!), обладаютъ еще другимъ драгоценнымъ качествомъ: любовью, доходящею до „чуждаго безумія“. Необходимо—говорять намъ—„такъ любить отечество, чтобы это чувство застилало глаза и чтобы даже дурное сознавалось какъ хорошее; вѣдь нуженъ же хлороформъ при операціяхъ“. И вотъ, именно такъ любящихъ Россію въ Государственномъ Совѣтѣ оказывается особенно много. Доказательство этому приводится только одно: припятіе громаднымъ большинствомъ финляндскаго законопроекта!... Съ завязанными глазами изображали до сихъ поръ только правосудіе, въ лицѣ Фемиды; никому не приходило въ голову примѣнять этотъ атрибутъ къ олицетворенію законодательныхъ функций. Новѣйшіе апологеты реакціонныхъ силъ

ont changé tout cela; имъ нужно достигнуть, такъ или иначе, того, чтобы „дурное сознавалось хорошимъ“. Они упускаютъ изъ виду, что хлороформъ во время операций нуженъ для больныхъ, а не для операторовъ... И что это за любовь, производящая нѣчто въ родѣ наркотика? Какъ отличить ее отъ другихъ чувствъ, вовсе на нее не похожихъ? Мы лучшаго мнѣнія о большинствѣ Государственнаго Совѣта, чѣмъ его черезчуръ усердный хвалитель: мы убѣждены, что оно отдавало себѣ ясный отчетъ въ смыслѣ своихъ рѣшеній и меньше всего руководилось чѣмъ-то въ родѣ сентиментальнаго аффекта.

„Населеніе — такъ заканчивается статья „Россіи“, о которой мы говорили въ началѣ обозрѣнія —идеть впередъ, и долгъ законодателя—облегчить и упорядочить поступательное движеніе страны“. Въ другой статьѣ оффиціозная газета даетъ перечень того, что нужно для достиженія этой цѣли: „практическая система школьнаго образованія, прочное административное устройство и практическое самоуправленіе, простой и доступный народу судъ, твердое и ясное право собственности“. „Выработать все это —читаемъ мы дальше — и согласить въ разрѣшеніи этихъ задачъ права народа-строителя имперіи съ правами другихъ русскихъ подданныхъ, сохранить имперію русской, а не космополитической — вотъ тѣ основы русскаго законодательства, за которыя должно быть и будетъ благомыслящее большинство русскаго народа. Ибо не въ борьбѣ партій—залогъ лучшаго будущаго, а въ практичности ихъ работы, въ пониманіи потребностей русской жизни и въ здоровой оцѣнкѣ мѣръ къ ихъ удовлетворенію“. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о правѣ казенныхъ перьевъ говорить отъ имени русскаго народа или хотя бы отъ имени „благомыслящаго“ его большинства; не будемъ останавливаться ни на пробѣлахъ программы, претендующей на исчерпывающую полноту, ни на странномъ представленіи о „борьбѣ партій“, какъ о чемъ-то совершающемся въ безвоздушномъ пространствѣ, а не на почвѣ различнаго пониманія „потребностей жизни и мѣръ къ ихъ удовлетворенію“. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить настойчивость, съ которою имперія *русская* противопоставляется имперіи *космополитической*. Русскою въ смыслѣ одноцвѣтности и однохарактерности россійская имперія могла бы стать лишь въ такомъ случаѣ, если бы русская національность поглотила или ассимилировала всѣ остальные части населенія—а это не только нежелательно, но и неосуществимо. Не можетъ россійская имперія, съ другой стороны, и перестать быть русскою—въ смыслѣ естественнаго, ничѣмъ не вынуждаемаго преобладанія русской національности, — если къ численному перевѣсу русскаго племени присоединится

перевѣсъ культурный или, по меньшей мѣрѣ, культурное равенство. *Сохранить* имперію русскою, въ последнемъ, единственномъ мыслимомъ значеніи этого слова, можетъ только непрерывное, свободное развитіе русскаго народа. Попытки искусственной или насильственной руссификаціи не удавались даже тогда, когда условія для нихъ были, повидимому, гораздо болѣе благоприятны. *Согласованіе* правъ, о которомъ говорить „Россія“, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ нарушеніемъ правъ одной стороны, безъ всякой пользы для другой. Въ самомъ дѣлѣ, что могутъ выиграть коренные русскіе отъ ограниченій, налагаемыхъ на не-русское и не-русскихъ? На этотъ вопросъ нетрудно найти отвѣтъ въ недавнемъ прошломъ. Никогда русскому народу не жилось хуже, чѣмъ въ эпоху торжества формулы: „Россія для русскихъ“—и никогда не терпѣла столь тяжелыхъ ударовъ русская имперія. Безправіе однихъ не можетъ служить для другихъ прочной опорой права. Съ развитіемъ истинной гражданственности несовмѣстимо существованіе „гражданъ второго разряда“. А между тѣмъ, созданіе и увѣковѣченіе такого разряда принадлежитъ къ числу модныхъ мечтаній, стоящихъ, быть можетъ—въ той или другой своей части—на порогѣ факта. На страницахъ изданій, замалчивающихъ худшія черты современной дѣйствительности, слышатся зловѣщія рѣчи о „національномъ цензѣ“—и смягченнымъ ихъ отголоскомъ являются приведенныя нами выше слова „Россія“. Ничего добраго не предвѣщаетъ усиленное подчеркиваніе заслугъ русскаго народа, какъ *строителя имперіи*. Какъ сложилось государство—это вопросъ прошлаго: въ современномъ его устройствѣ не должно быть различій между завоевателями и завоеванными, особенно когда послѣ завоеваній прошли десятилѣтія, прошли вѣка. Ужъ если нужно почтить чѣмъ-нибудь „строителя имперіи“, то всего правильнѣе было бы снять съ него подозрѣніе, тяготѣющее, какъ мы видѣли, надъ народной массой, и возвратить крестьянству хотя бы то положеніе, которое оно занимало въ политической жизни страны до 3-го іюня 1907-го года.

Кто дорожить душевнымъ покоеніемъ, тому не слѣдовало бы, въ настоящее время, слѣдить за западно-европейскою жизнью: слишкомъ великъ, во многомъ, контрастъ между нею и русскою дѣйствительностью. Ограничимся двумя примѣрами, заимствуемыми изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 159). Въ баварскомъ ландтагѣ разсматривалось недавно предложеніе о закрытіи южно-германскаго союза железнодорожныхъ рабочихъ, ва томъ основаніи, что онъ находится подъ вліяніемъ социаль-демократовъ. Министръ путей сообщенія, фонъ-Фрауэндорферъ, отклонилъ это предложеніе, сказавъ, между прочимъ, слѣдующее: „Достаточно было бы росчерка пера для того, чтобы закрыть союзъ; но осторожный человѣкъ долженъ задать себѣ вопросъ,

чего онъ такимъ мѣропріятіемъ достигнетъ. Тщательно взвѣсивая всѣ условія, я прихожу къ заключенію, что этого дѣлать не слѣдуетъ. Такимъ способомъ мы не истребимъ социаль-демократіи среди желѣзнодорожныхъ служащихъ... Мы, наоборотъ, этимъ достигли бы лишь того, что радикальные элементы возьмутъ верхъ. Историческій опытъ показываетъ ошибочность мнѣнія, что подобнаго рода мѣропріятіями можно уничтожить сильное движеніе. Мы теперь знаемъ, что князь Бисмаркъ совершилъ ошибку, издавъ законъ противъ социалистовъ... Я не хочу повторить даже въ малыхъ размѣрахъ такой ошибки. Съ социаль-демократіей можно бороться только путемъ исполненія справедливыхъ требованій рабочихъ, въ смыслѣ социаль-реформаторской политики“.

Почти въ то же время въ верхней палатѣ баденскаго парламента министръ фонъ-Бодманъ также коснулся вопроса объ отношеніи къ социаль-демократіи. „Нельзя видѣть въ социаль-демократическомъ движеніи,—сказалъ онъ,—только ненормальное явленіе. Слѣдуетъ признать утопическимъ отрицаніе монархіи и борьбу противъ капиталистическаго строя. Но социаль-демократія является вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ движеніемъ, направленнымъ къ поднятію четвертаго сословія, незажиточныхъ слоевъ населенія, которые также желаютъ участвовать въ развитіи нашего государственнаго и общественнаго организма. Имъ мы должны пойти на встрѣчу. Мы должны изучить ихъ требованія. Неудовлетвореніе во-время обоснованныхъ требованій является ошибкой“. Къ словамъ министра вполне присоединился и предсѣдатель баденской верхней палаты, принцъ Максъ, наслѣдникъ баденскаго престола... Намъ могутъ замѣтить, что крайніе лѣвые въ Германіи, особенно въ Баваріи и Баденѣ, не сходятъ съ легальной почвы, вслѣдствіе чего оказывается возможнымъ и строго легальное, даже благожелательное къ нимъ отношеніе; но развѣ нельзя переставить обѣ части этого положенія одну на мѣсто другой и сказать, что легальнымъ отношеніемъ къ партіи обуславливается ея вѣрность легальной почвѣ?

Два года тому назадъ печальнымъ „признакомъ времени“ явился миссіонерскій съѣздъ, засѣдавшій въ Кіевѣ. Закрывшійся недавно казанскій миссіонерскій съѣздъ отличается отъ кіевскаго, въ сущности, только тѣмъ, что, собравшись на восточной окраинѣ европейской Россіи, онъ неизбежно долженъ былъ заняться, прежде всего и больше всего, вопросами борьбы съ язычествомъ и магометанствомъ ¹⁾. Въ одной симбирской губерніи за четыре послѣдніе года перешло въ му-

1) См. №№ 146 и 148 „Русскихъ Вѣдомостей“.

сульминство около четырехъ тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ немало исконныхъ православныхъ. Опаснымъ соперникомъ является и ламайзмъ, изъ духовныхъ школъ котораго выходятъ широко образованные и уместивно развитые люди. А между тѣмъ, православная миссія, по признанію авторитетныхъ членовъ съѣзда, обратилась въ профессию, въ способъ кормленія; ей недостаетъ одинаково и духовной ревности, и матеріальныхъ средствъ. Таково положеніе дѣлъ, созданное недавно господствовавшей системой. Ея недостатки были открыто признаны органами печати, близкими къ духовенству: одинъ изъ нихъ — „Сотрудникъ Братства св. Гурія“ — прямо рекомендовалъ съѣзду „не надѣяться ни на какую виѣцерковную помощь“. Ту же мысль выразилъ даже носитель побѣдоносцевскихъ завѣтовъ, г. Скворцовъ: „не поворотаи назадъ,—воскликнулъ онъ,—не репрессіями и не полицейскими мѣрами должна дѣйствовать миссія“. Нелегко и нескоро, однако, исчезаютъ глубоко вкоренившіяся привычки. По предложенію ламайской своей секціи, казанскій съѣздъ постановилъ, между прочимъ: 1) „представить на благоусмотрѣніе высшаго начальства свѣдѣнія о существованіи (среди калмыковъ) невызываемыхъ духовными нуждами населенія хуруловъ, имѣющихся иногда въ одной и той же станицѣ рядомъ, и 2) обратить вниманіе высшаго начальства на несоответствіе съ званіемъ членовъ духовенства участія ихъ въ дѣлахъ станичнаго правленія, въ виду того, что ламайское духовенство есть орденъ монашескій и должно вести отшельническую жизнь, а не мірскую“. Когда одинъ изъ членовъ съѣзда замѣтилъ, что подобныя мѣры имѣютъ чисто-полицейскій характеръ, ему возразили, что постановленія съѣзда—только *освѣдомительныя*, что онъ обращается къ правительству не съ требованіями, а съ просьбами. Но развѣ прежніе призывы „къ свѣтской рукѣ“ предъявлялись въ видѣ требованій? Развѣ центръ тяжести лежитъ въ томъ, въ какой формѣ „высшее начальство“ освѣдомляется о желаніяхъ духовенства, а не въ томъ, чего касается самая суть этихъ желаній? Не очевидно ли, что къ мѣрамъ духовнаго воздѣйствія, къ „духовнымъ лекарствамъ противъ духовной болѣзни“ нельзя отнести ни сокращеніе числа мѣстъ, гдѣ ламанты собираются для молитвы, ни ограниченіе свѣтскихъ функций ламайскаго духовенства? И кого могутъ ввести въ заблужденіе увѣренія членовъ съѣзда, что ими руководитъ „состраданіе къ калмыцкому народу, безсовѣстно обираемому ламайскимъ духовенствомъ“?

Болѣе общее значеніе имѣютъ постановленія съѣзда, касающіяся „упорнаго и мятежнаго противохристіанскаго духа и направленія въ жизни современнаго общества“—направленія, въ которомъ повинны не только „нѣкоторые литературные писатели, издатели и сотрудники періодическихъ журналовъ и газетъ“, но и „нѣ-

которые государственные дѣятели¹⁾. Съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать передъ синодомъ о примѣненіи ко всѣмъ подобнымъ лицамъ церковныхъ правилъ и постановленій, „во всей ихъ полнотѣ и силѣ“, и объ учрежденіи при синодѣ особаго комитета для наблюденія „за всей церковной и свѣтской печатью“. Если бы рѣчь шла только о составленіи списка „предосудительныхъ“, съ извѣстной точки зрѣнія, сочиненій и періодическихъ изданій, столь же мало обязательнаго, какъ римскій *index librorum prohibitorum*, то съ этимъ нетрудно было бы примириться; но не таковъ, повидимому, истинный смыслъ резолюціи казанскаго съѣзда. Платоническимъ осужденіемъ духовная власть, издавна привыкшая искать и находить опору въ власти свѣтской, довольствоваться не можетъ: за „особымъ комитетомъ“ видѣются попытки возстановленія духовной, а можетъ быть и свѣтской цензуры. Вѣдь не ограничились же іерархи, возставшіе противъ „Анатэмы“, увѣщаніемъ не ходить на представленія этой пьесы: они успокоились только тогда, когда она была изъята изъ театральнаго репертуара... Любопытно было бы узнать, кого именно имѣлъ въ виду казанскій съѣздъ, говоря о „государственныхъ дѣятеляхъ“, зараженныхъ „языческимъ духомъ“? Отчего онъ не назвалъ, хотя бы для примѣра, нѣсколькихъ именъ, въ pendant къ Леониду Андрееву и другимъ литераторамъ-язычникамъ? И гдѣ онъ усматриваетъ опасность для церкви: въ средѣ ли только народныхъ представителей, или также—*horribile dictu!*—въ средѣ высшей бюрократіи?..

Что носители церковной власти не отступаютъ передъ борьбой съ государственными дѣятелями—объ этомъ свидѣтельствуетъ походъ, предпринятый въ бессарабской епархіи противъ министерства народнаго просвѣщенія. Приведемъ *in extenso* характерное заявленіе, появившееся на-дняхъ въ „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“:

„Однимъ изъ главныхъ оплотовъ русской имперіи всегда было, есть и будетъ русское православное духовенство, русская православная церковь. И эта русская твердыня, православная церковь, унижена. Она унижена Госуд. Думой. Въ засѣданіи 5 іюня обсуждался законопроектъ, внесенный оберъ-прокуроромъ св. синода, объ ассигнованіи изъ казны 232 тыс. руб. на увеличеніе содержанія служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, примѣнительно къ окладу жалованья, установленному министромъ народнаго просвѣщенія. Этотъ законопроектъ въ томъ же засѣданіи былъ отклоненъ Гос. Думой. Мы склонны видѣть причины такого отношенія Гос. Думы къ духовенству въ томъ, что какъ сама Дума, такъ и министерство народнаго просвѣщенія боятся, какъ бы духовная школа не оказалась выше ми-

¹⁾ См. выше, провинціальное обозрѣніе.

нистерской. Эта боязнь, очевидно приспѣшниковъ министерства народнаго просвѣщенія, сказалась и въ отклоненіи законопроекта о прибавкѣ жалованья служащимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. М-во народнаго просвѣщенія, подобно библейскимъ тощимъ египетскимъ коровамъ фараона, пожиравшимъ тучныхъ коровъ и остававшимся тощими, пожирая въ своихъ пѣдрахъ лучшія силы духовнаго вѣдомства, благодаря приманкѣ въ болѣе обеспеченномъ положеніи служащихъ по министерству, само остается попрежнему тощимъ: оно изъ года въ годъ оставляетъ многія штатныя каѳедры при университетахъ и многія среднія заведенія безъ педагоговъ по важнѣйшимъ предметамъ. Министерство народнаго просвѣщенія умѣетъ держать духовенство въ черномъ тѣлѣ. Одной рукой вырывая изъ рукъ духовнаго вѣдомства церковныя школы, другой рукой опустошая духовно-учебныя заведенія, покупая изъ него 30 серебряниками лучшихъ синовъ русскаго православнаго духовенства, — это министерство и является самымъ главнымъ недоброжелателемъ русскаго православнаго духовенства, русской православной церкви⁴.

Чтобы оцѣнить по достоинству эту выходку, необходимо имѣть въ виду, что въ засѣданіи 5-го іюня коммиссія по народному образованію — къ членамъ которой только и можетъ быть примененъ, хотя и безъ достаточныхъ основаній, терминъ: „приспѣшники министерства народнаго просвѣщенія“ — высказалась за ассигнованіе всей суммы, о которой ходатайствовалъ синодальный оберъ-прокуроръ. Бюджетная коммиссія возражала противъ части этой суммы (46 тысячъ), по соображеніямъ, не заключающимъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для духовнаго вѣдомства. Въ этихъ предѣлахъ и вращались пренія, въ которыхъ не принимали участія ни представители синода, ни представители министерства народнаго просвѣщенія, а изъ среды членовъ Думы говорили лишь трое, и все — за спорную ассигновку. Отклоненіе *всего* законопроекта, только-что передъ тѣмъ признаннаго спѣшнымъ, было, очевидно, случайностью, зависѣвшею, по всей вѣроятности, отъ незначительности числа присутствовавшихъ (противъ законопроекта было подано 83 голоса, за — 65, при шести воздержавшихся). Въ протестѣ, заявленномъ епископомъ Митрофаномъ противъ рѣшенія Думы, нѣтъ ни малѣйшаго намека на какое-нибудь закулисное вліяніе, на соперничество между вѣдомствами. Онъ называлъ отклоненіе кредита „политической демонстраціей“ — а въ такой демонстраціи ни прямо, ни косвенно не могло участвовать министерство народнаго просвѣщенія, столь же „согласно мыслящее“, какъ и вѣдомство православнаго исповѣданія. О боязни, какъ бы духовная школа не оказалась выше министерской, не можетъ быть и рѣчи: какъ ни много оставляетъ желать послѣдняя, всемъ извѣстно, что

еще менѣе удовлетворительна первая. Въ *вырваніи* церковно-приходской школы изъ рукъ духовнаго вѣдомства министерство народнаго просвѣщенія, къ сожалѣнію, неповинно: если оно и идетъ къ объединенію начальнаго образованія, къ прекращенію двоевластія, такъ вредно отражающагося на его развитіи, то слишкомъ робкими, слишкомъ нерѣшительными шагами... И что это за „лучшіе сыны“ русскаго православнаго духовенства, которыхъ можно купить „тридцатью се ребренниками?...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Русско-японское соглашеніе.—Новыя манчжурскія заботы и обязательства.—Опасныя послѣдствія старыхъ ошибокъ.—Вызывающая политика Ватикана.—Политическій кризисъ въ Испаніи.—Внутреннія дѣла въ Германіи и во Франціи.

Новая русско-японская конвенція, подписанная 21-го іюня (4-го іюля нов. ст.) нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскимъ и японскимъ посломъ въ Петербургѣ барономъ Мотоно, достаточно ясно опредѣляетъ новый курсъ нашей политики на Дальнемъ Востокѣ. Россія не отказывается отъ своихъ „приобрѣтенныхъ правъ“ въ Манчжуріи и думаетъ сохранить ихъ при помощи японской дружбы. Недавніе враги и соперники становятся для насъ союзниками, съ которыми мы готовимся, въ случаѣ надобности, совмѣстно дѣйствовать въ Китаѣ для защиты существующаго *statu quo* отъ возможныхъ притязаній другихъ державъ. Въ 1907-мъ году, послѣ состоявшихся конвенцій о манчжурскихъ желѣзныхъ дорогахъ и о рыбной ловлѣ, Россія и Японія въ особомъ дипломатическомъ актѣ выразили рѣшимость „укрѣпить столь счастливо возстановленныя мирныя дружескія и добрососѣдскія отношенія и устранить возможность будущихъ недоразумѣній между обѣими имперіями“. Теперь сдѣланъ дальнѣйшій шагъ на этомъ пути—шагъ болѣе серьезный, чѣмъ всѣ предыдущіе. Приводимъ оффиціальныи текстъ конвенціи 21-го іюня:

„Императорское руссійское правительство и императорское японское правительство, будучи искренне привержены тѣмъ принципамъ, которые установлены заключенной между ними 17 (30) іюля 1907 года конвенціею и желая развить дѣйствіе этой конвенціи въ видахъ упроченія мира на Дальнемъ Востокѣ, условились дополнить сказанное соглашеніе нижеслѣдующими постановленіями:

„Статья 1. Съ цѣлью облегченія сообщенія и развитія международной торговли обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются оказать взаимное свое дружеское содѣйствіе въ видахъ улучшенія ихъ желѣзнодорожныхъ линій въ Манчжуріи и введенія усовершенствованій въ дѣлѣ соединенія сказанныхъ желѣзныхъ дорогъ и воздерживаться отъ всякаго предпаго для осуществленія этой цѣли соперничества.

„Статья 2. Каждая изъ высокихъ договаривающихся сторонъ обязуется поддерживать и уважать *statu quo* Манчжуріи въ томъ видѣ, какъ оно установлено всѣми договорами, конвенціями и прочими соглашениями, заключенными до сего дня какъ между Россіей и Японіей, такъ и между этими двумя державами и Китаемъ. Копіи выше-сказанныхъ соглашеній были обмѣнены между Россіей и Японіей.

„Статья 3. Въ случаѣ возникновенія какихъ-либо событій, могущихъ угрожать вышеупомянутому *statu quo*, обѣ высокія договаривающіяся стороны будутъ входить между собою каждый разъ въ сношенія, дабы условиться относительно тѣхъ мѣръ, которыя онѣ сочтутъ нужнымъ принять для поддержанія сказаннаго *statu quo*.

„Въ удостовѣреніе чего нижеподписавшіеся, надлежаще уполномоченные своими правительствами, подписали эту конвенцію и приложили къ ней свои печати“.

Общій смыслъ этой конвенціи сводится къ тому, что Россія и Японія какъ будто подѣлили между собою Манчжурію и условились не допускать никакихъ „постороннихъ“ государствъ къ участію въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Первый пунктъ, касающійся взаимнаго дружескаго содѣйствія въ улучшеніи и развитіи желѣзнодорожной сѣти, категорически устраниваетъ такіе проекты, какъ недавнее американское предложеніе о нейтрализаціи манчжурскихъ дорогъ, съ передачей ихъ международному синдикату, для обезпеченія интересовъ свободной торговли по принципу „открытыхъ дверей“. О коммерческихъ и прочихъ правахъ другихъ культурныхъ державъ совершенно не упоминается въ конвенціи; ничего не сказано также о правахъ самого Китая. Поддержаніе *statu quo* имѣетъ въ виду положеніе вещей, созданное договорами какъ между Россіей и Японіей, такъ между послѣдними и Китаемъ; но нѣтъ и намекъ на то, что кромѣ этихъ международныхъ договоровъ существуетъ еще внутренняя формальная связь между Манчжуріей и Китайской имперіей. Изъ текста конвенціи можно заключить, что Манчжурія вовсе не признается китайской провинціей и что Китай не имѣетъ на нее никакихъ реальныхъ правъ; оттого и обязанность охранять ея *statu quo* берутъ на себя Японія и Россія, безъ всякаго участія китайскаго правительства. Самый важный пунктъ — третій — поражаетъ крайней неопредѣлен-

ностью и эластичностью своей формулировки. Какія событія будутъ считаться „могущими угрожать“ упомянутому status quo—объ этомъ трудно гадать заранѣе, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ субъективныхъ взглядовъ и впечатлѣній заинтересованныхъ сторонъ. „Угрожающимъ“ для Японіи можетъ оказаться нѣчто безразличное или даже благоприятное для Россіи, и наоборотъ, такъ что для совмѣстной оцѣнки положенія не всегда найдется подходящая почва, а практическій выводъ будетъ дѣлаться обѣими державами по взаимному соглашенію, безъ вѣдома и согласія Китая. Японія и Россія „будутъ входить между собою каждый разъ въ сношенія“, чтобы условиться относительно необходимыхъ мѣръ для охраны status quo; но къ этимъ переговорамъ не привлекается именно та держава, къ составу которой принадлежит охраняемая область. Притомъ во второмъ и третьемъ пунктахъ конвенціи нѣтъ уже и рѣчи о желѣзныхъ дорогахъ, а говорится вообще объ охранѣ даннаго положенія Манчжуріи. Какъ же опредѣлить теперь это положеніе съ точки зрѣнія новой русско-японской сдѣлки? Манчжурія не занята иностранными войсками; она не отдѣлена отъ Китая, и всѣ существующіе договоры рассматриваютъ ее какъ несомнѣнную часть Китайской имперіи. Между тѣмъ, Китай фактически устраняется даже отъ охраны status quo въ Манчжуріи, и эта забота цѣликомъ передается двумъ постороннимъ государствамъ, къ которымъ китайцы не могутъ относиться иначе какъ враждебно и которыя еще недавно воевали между собою именно изъ-за Манчжуріи.

Новая конвенція встрѣчена была многими, у насъ и за границей, какъ залогъ дальнѣйшаго упроченія мира на Дальнемъ Востокѣ. Въ дѣйствительности она сильно запутываетъ наши отношенія съ Китаемъ и создаетъ для Россіи постоянный источникъ опасныхъ затрудненій и конфликтовъ, изъ которыхъ будетъ извлекать пользу одна Японія. Мы не сомнѣваемся, что наше министерство иностранныхъ дѣлъ при заключеніи конвенціи имѣло ту хорошую цѣль, которая указана въ ея вступительныхъ словахъ, а именно—„упроченіе мира на Дальнемъ Востокѣ“; но средства, выбранныя для этой цѣли, должны быть признаны крайне неудачными. Прежде всего является непонятнымъ, на чемъ можетъ основываться предположеніе безусловнаго взаимнаго довѣрія и солидарности между Россіею и Японіею послѣ всѣхъ событій послѣдняго десятилѣтія. Японія призвана къ активной, наступательной роли на Дальнемъ Востокѣ; въ сущности она—единственная активная, сознательно дѣйствующая держава въ восточной Азіи, и быть заодно съ нею, дѣйствовать съ нею совмѣстно, значило бы для Россіи заранѣе подчиниться японскому руководству. Русская дипломатія не имѣла никакого разумнаго основанія ставить политику и

интересы Россіи въ зависимость отъ намѣреній и цѣлей Японіи. Если японцы соперничаютъ съ американцами въ восточно-азиатской торговлѣ и стараются вытѣснить ихъ изъ Манчжуріи, то намъ нѣтъ смысла ссориться изъ-за этого съ Соединенными Штатами. Японія можетъ съ успѣхомъ распорядиться въ доступныхъ ей областяхъ Китая, не заботясь о чувствахъ китайскаго населенія; она можетъ со временемъ—если пожелаетъ—помириться съ Китаемъ и вступить съ нимъ въ союзъ противъ иностранцевъ, потому что все-таки китайцевъ связываетъ съ японцами расовое родство и общность культурныхъ традицій. Россія же крайне заинтересована въ томъ, чтобы возстановить и упрочить мирныя довѣрчивыя отношенія съ Китаемъ, и она должна была бы рѣшительно избѣгать всякихъ мѣръ, способныхъ возбудить противъ нея вражду и ненависть китайскаго народа. Манчжурская дорога приноситъ намъ только одни убытки, никакихъ выгодъ мы не получимъ отъ нея и въ будущемъ; поэтому мы могли бы только выиграть при продажѣ ея въ другія руки, тогда какъ для Японіи манчжурская желѣзнодорожная сѣтъ служить орудіемъ торговаго преобладанія и господства въ значительной части Китая. Сближеніе съ Японіею само по себѣ въ высшей степени намъ желательно и полезно, но еще болѣе необходимо для насъ возстановленіе старинныхъ связей добраго сосѣдства съ пограничною Китайскою имперіей. Соглашеніе съ Японіею для вызывающихъ дѣйствій противъ Китая, съ цѣлью удержанія какихъ-то эфемерныхъ правъ на Манчжурію—это самая худшая политика, какую можно было бы придумать для Россіи. Очень можетъ быть, что вредныя стороны конвенціи 21-го іюня останутся безъ осуществленія на практикѣ и что никакихъ совмѣстныхъ вызывающихъ мѣръ противъ Китая предпринято не будетъ; но нельзя отрицать, что вся конвенція, по внутреннему своему смыслу, представляетъ собою безпричинный вызовъ по адресу Китая и китайскаго правительства. Когда побѣдоносныя державы распорядятся въ предѣлахъ чужой территоріи, это объясняется правомъ силы, и побѣжденные невольно мирятся съ своею печальною участью. Китайцы отчасти уже привыкли къ тому, что въ Манчжуріи хозяйничаютъ могущественные иностранные пришельцы; но когда это фактическое хозяйничанье дѣлается предметомъ публичныхъ официальныхъ соглашеній, игнорирующихъ права дѣйствительныхъ хозяевъ страны, то къ элементу насилія и произвола присоединяется еще элементъ жгучей обиды и насмѣшки, особенно нестерпимой для такого народа, который только вслѣдствіе несчастныхъ временныхъ обстоятельствъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ сопротивленію.

Это сознаніе неспособности къ сопротивленію сказывается въ дипломатическомъ отвѣтѣ китайскаго правительства на сообщенный ему

текстъ конвенціи. „Обстоятельно ознакомившись съ содержаніемъ договора,—говорится въ китайской нотѣ,—правительство твердо убѣждено, что это соглашеніе обязываетъ Россію и Японію подобающимъ образомъ соблюдать различные договоры между Китаемъ и Японією, Китаемъ и Россією, Россією и Японією; слѣдовательно, оно является новымъ и серьезнымъ подтвержденіемъ признапныхъ Россією и Японією по договору 1905-го года верховныхъ правъ Китая въ Манчжуріи, принципа равноправности иностранныхъ державъ и поддержки Китая въ развитіи его торговли и промышленности въ Манчжуріи, а также проведенія принципа открытыхъ дверей, предусмотрѣннаго китайско-японскимъ договоромъ 1905-го года. Руководимое выставленнымъ въ русско-японскомъ договорѣ принципомъ, китайское правительство считаетъ нужнымъ осуществить для себя лежащій въ основѣ китайско-японскаго соглашенія принципъ и все свое вниманіе обратить на проведеніе и обезпеченіе принимаемыхъ имъ мѣръ въ предѣлахъ своихъ верховныхъ правъ, на соблюденіе равноправности всѣхъ иностранныхъ державъ и на развитіе торговли и промышленности въ Манчжуріи для общей пользы“.

Попытка китайской дипломатіи, путемъ толкованія, включить въ конвенцію то, чего въ ней нѣтъ, и приписать договорившимся державамъ намѣренія, которыя ими не высказываются, только сильнѣе подчеркиваетъ истинный характеръ этого дипломатическаго акта. Китай не рѣшается прямо указать на существенные пробѣлы конвенціи—на умолчаніе въ ней о верховныхъ правахъ Китая, о принципахъ равноправности и свободы иностранной торговли,—но косвенно отмѣчаетъ забытые принципы, дѣлая предположеніе, что они молчаливо вновь подтверждены или обязательность ихъ подразумѣвается сама собою. Ничего другого китайцамъ и не оставалось дѣлать, какъ только съ довѣрчивымъ видомъ напомнить о пропущенномъ и этимъ дать понять „благодѣтелямъ“, что Китай въ заблужденіе не введень.

Манчжуріи долго еще придется, какъ видно, подвергаться различнымъ международнымъ опытамъ, прежде чѣмъ окончательно разрѣшится ея судьба. Дипломатическая формула охраны *status quo* окажется столь же зловѣщею на Дальнемъ Востокѣ, какъ и на Ближнемъ. Русская дипломатія всегда обнаруживала какое-то удивительное пристрастіе къ этой въ сущности безсодержательной, ничего не выражающей формулѣ, и подъ ея прикрытіемъ не разъ навлекла на Россію крупныя нравственныя пораженія и политическія неудачи. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы упорно охраняли интересы Австро-Венгріи на Балканахъ, подъ видомъ сохраненія *status quo*, а теперь дѣлается то же самое въ Манчжуріи и Китаѣ, для пользы Японіи. Разница только въ томъ, что на Балканскомъ полуостровѣ

мы своею политикою отталкивали отъ себя лишь разрозненные славянскія народности, а въ Манчжуріи мы вызываемъ и поддерживаемъ вражду многомилліоннаго, тѣсно сплоченнаго китайскаго народа, съ которымъ намъ суждено жить въ ближайшемъ сосѣдствѣ на огромномъ протяженіи нашей азіатской границы. Чтò побуждаетъ наше дипломатическое вѣдомство жертвовать хорошими отношеніями съ мирнымъ и терпимымъ Китаемъ ради сомнительной дружбы честолюбивой и предприимчивой Японіи — намъ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что со времени жестокой русско-японской войны прошло всего пять лѣтъ, и потому нѣкоторая сдержанность въ дружескихъ соглашеніяхъ съ Японіею была бы для насъ далеко не безполезна, особенно когда эти соглашения направлены противъ другихъ государствъ. Было бы слишкомъ самонадѣнно съ нашей стороны предполагать, что намъ удастся въ союзѣ съ Японіею проводить свою собственную политику и охранять въ Манчжуріи наши собственные интересы. Въмѣсто того, чтобы избавить насъ отъ дальнѣйшихъ заботъ о манчжурскихъ дѣлахъ, конвенція 21-го іюня налагаетъ на насъ новыя обязательства и новую отвѣтственность за будущій ходъ событій на Дальнемъ Востокѣ.

Политика римско-католической церкви — или, вѣрнѣе, папства — издавна славится своею гибкостью, своимъ умѣньемъ приспособляться къ обстоятельствамъ и условіямъ различныхъ странъ. Безъ этого традиціоннаго дипломатическаго искусства католичество не могло бы съ такимъ успѣхомъ поддерживать свое господствующее положеніе въ значительной части культурнаго міра. Высшіе представители католической церкви обыкновенно внимательно слѣдили за требованіями и стремленіями народныхъ массъ; они пытались завладѣть и рабочимъ движеніемъ, стараясь отвлечь его отъ революціонной социаль-демократіи и направить на путь смиреннаго христіанскаго социализма. Покойный папа Левъ XIII, тонкій дипломатъ и изящный писатель, выпустилъ въ свѣтъ на латинскомъ языкѣ иѣлую книгу о социальномъ вопросѣ, въ видѣ энциклики, которая въ свое время надѣлала много шума въ Европѣ и Америкѣ. Преемникъ его Пій X отличается другими качествами: не обладая большимъ образованіемъ, при искренней убѣжденности, онъ часто отступаетъ отъ правилъ мягкаго оппортунизма и дѣйствуетъ слишкомъ прямолинейно и круто, иногда въ ущербъ авторитету церкви. Ближайшіе совѣтники его, съ статус-секретаремъ Мерри дель-Валемъ во главѣ, принадлежатъ къ категоріи узкихъ фанатиковъ, неспособныхъ ни къ какимъ компромиссамъ. Подъ руководствомъ такого рода дѣятелей создается цѣлый рядъ це-

нужныхъ инцидентовъ и конфликтовъ, изъ которыхъ папство, кромѣ урона, ничего не выноситъ.

Еще недавно, по поводу чествованія памяти извѣстнаго противника и искоренителя реформаци, св. Борромея, разослана была Ватиканомъ папская энциклика съ такими рѣзкими и оскорбительными сужденіями о всемъ реформаціонномъ движеніи и участвовавшихъ въ немъ нѣмецкихъ государяхъ и князьяхъ, что даже клерикальная пресса была смущена. Эта неожиданная и ничѣмъ не мотивированная выходка противъ реформаци и ея защитниковъ вызвала сначала недоумѣніе, а потомъ раздраженіе и протесты во всѣхъ протестантскихъ странахъ, особенно въ Германіи. Дипломаты Ватикана должны были сознаться, что они допустили невольный промахъ или недосмотръ, что они вовсе не имѣли въ виду оскорбить германскихъ государей и ихъ подданныхъ, примкнувшихъ къ реформѣ. Распространеніе энциклики въ нѣмецкомъ переводѣ было остановлено приказомъ изъ Рима; но и публикація латинскаго текста въ официальныхъ церковныхъ изданіяхъ признавалась обидною и неумѣстною для государствъ съ протестантскимъ населеніемъ. Въ Австро-Венгріи усилилась агитація въ смыслѣ отпаденія отъ Рима. Въ Нидерландахъ представитель римской курии сообщилъ кабинету, что папа крайне огорченъ неприятымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на протестантовъ нѣкоторыми мѣстами энциклики, и что въ дѣйствительности онъ не думалъ обидѣть ни королеву Вильгельмину, ни Оранскихъ принцевъ, ни голландскихъ гражданъ. Волненіе мало-по-малу улеглось, послѣ всѣхъ этихъ официальныхъ объясненій; но публика узнала и поняла, что сановники Ватикана и солидарные съ ними клерикалы, представленные своимъ собственнымъ чувствамъ и взглядамъ, не могутъ говорить о реформаци иначе какъ въ злобно-полемическомъ тонѣ XVI-го вѣка. Отдѣльные факты убѣждаютъ насъ на каждомъ шагѣ, что духъ средневѣковаго католичества сохранился въ полной силѣ среди іерарховъ римской церкви. При папѣ Львѣ XIII-мъ этотъ духъ скрывался или облачался въ дипломатическія формы; при нынѣшнемъ папѣ онъ выступаетъ открыто, съ наивною убѣжденностью. Католическіе органы не стѣсняются заявлять, напр., что церковь не признаетъ законности брака принцессы Агаты Ратиборъ съ сыномъ императора Вильгельма II, принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, на томъ основаніи, что принцесса, въ качествѣ католички, обязана была предварительно заручиться согласіемъ мужа на воспитаніе будущихъ дѣтей въ католической религіи, тогда какъ протестантская фамилія Гогенцоллерновъ такого обязательства не даетъ. Въ Португаліи францисканскіе монахи издавали журналъ, въ которомъ высказывали иногда мнѣнія, несогласныя съ идеями господствующей въ Ватиканѣ партіи

или клики. Изъ Рима пришло распоряженіе прекратить изданіе, и францисканцы повиновались. Португальское правительство усмотрѣло въ этомъ незаконное вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, связанное съ нарушеніемъ конституціи, которая обезпечиваетъ всѣмъ гражданамъ свободу мѣній. Министры утверждаютъ, что церковная власть не имѣла права передавать свое распоряженіе издателямъ черезъ мѣстнаго епископа, помимо свѣтской администраціи, ибо для дѣйствительности такого приказа требовалась санкція короли; представители Ватикана съ своей стороны ссылаются на то, что францисканцы, издававшіе журналъ, безусловно подчинены правиламъ церковной дисциплины и что принятая мѣра не выходитъ изъ круга заботъ о внутреннемъ порядкѣ церкви. На этой почвѣ разгорѣлась полемика въ португальской печати, и хотя съ формальной стороны трудно оспаривать доводы клерикаловъ, тѣмъ не менѣе общественное мѣненіе склоняется на сторону правительства.

Наиболѣе серьезныя и острыя пререканія религіозно-политическаго свойства возникли за послѣднее время въ классической странѣ католичества—Испаніи. И здѣсь папа Пій X и его приближенные, рассчитывая на преданность невѣжественнаго большинства населенія и на поддержку значительной части высшихъ классовъ, сумѣли возбудить противъ себя движеніе, захватывающее все болѣе широкіе круги испанскаго общества. Политика папства достигла того, что въ борьбѣ противъ клерикализма объединились самые разнородныя и враждующіе между собою элементы, начиная съ министровъ и кончая социалистами и республиканцами. Всѣ либеральныя, прогрессивныя и радикальныя группы политическихъ и общественныхъ дѣятелей сплотились вокругъ министерства Каналехаса во имя реформаторской программы, направленной къ избавленію страны отъ гнета монашества и къ возрожденію націи на началахъ свободной европейской культуры. Стремленія министра-президента, убѣжденнаго и рѣшительнаго прогрессиста, встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку даже въ умѣренно-консервативномъ лагерѣ; не только бывший глава либеральнаго кабинета Мореть, но и вождь консерваторовъ Маура, виновникъ казни Феррера, относятся сочувственно къ начинаніямъ Каналехаса. Испанскія политическія партіи слѣдуютъ своеобразной тактикѣ, допускающей мирное общеніе между реакціонерами и либералами; невозможный съ нашей точки зрѣнія Маура живетъ въ мирѣ съ либеральнымъ Моретомъ и одобряетъ радикальнаго Каналехаса; завѣдомыя республиканцы и социалисты дѣйствуютъ подъ руководствомъ министерства и подчиняются его указаніямъ, безъ ущерба для своихъ партійныхъ принциповъ. Въ Испаніи, очевидно, нѣтъ той партійной обособленности, которая такъ мѣшаетъ парламентской жизни другихъ странъ; временныя сближенія

и соглашенія происходятъ здѣсь съ большею свободою, и оттого политическія манифестаціи легче принимаютъ характеръ общенародный. Извѣстная степень обузданія или ограниченія клерикализма признается желательною и необходимою всеми образованными людьми въ Испаніи — и на этой почвѣ могло установиться единеніе между партіями, стоящими довольно далеко одна отъ другой. Умѣренные консерваторы готовы слѣдовать за радикалами до опредѣленнаго пункта; либералы идутъ нѣсколько дальше; социалисты и республиканцы согласны содѣйствовать осуществленію тѣхъ скромныхъ прогрессивныхъ мѣръ, которыя правительство беретъ провести въ жизнь, и такимъ образомъ все вмѣстѣ образуютъ коалицію для достиженія возможнаго при данныхъ условіяхъ положительнаго результата.

Въ главныхъ городахъ Испаніи организованы были республиканцами и социалистами, 3-го іюля (нов. ст.), многоядныя антиклерикальныя сборища и процессіи; въ Мадридѣ участвовало въ нихъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, болѣе ста тысячъ человекъ, при участіи всехъ выдающихся дѣятелей прогрессивныхъ и либеральныхъ партій; рядомъ съ бывшимъ либеральнымъ премьеромъ Моретомъ шли республиканцы Пабло Иглесіасъ и Пересъ Гальдосъ, члены городского управленія, множество женщинъ изъ различныхъ классовъ общества, рабочіе союзы со знаменами и т. д. Министру-президенту Каналехасу, прѣзжавшему съ семействомъ въ коляскѣ, была устроена шумная овація. На митингахъ произносились горячія рѣчи противъ монастырей, подрывающихъ заработную плату своими дешевыми издѣліями, и противъ католическихъ дамъ-аристократокъ, позволяющихъ себѣ говорить отъ имени испанскихъ женщинъ. Такія же манифестаціи происходили въ Барселонѣ, Бильбао, Севильѣ, Валенсіи, при участіи десятковъ тысячъ народа; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ состоялись также сборища клерикаловъ, безусловныхъ защитниковъ папства ¹⁾).

Общій либерально-прогрессивный „блокъ“ противъ клерикализма установился самъ собою, благодаря чрезвычайному воинственному усердію Ватикана. Правительство начало переговоры съ курією о пересмотрѣ конкордата, а пока устранило или измѣняло нѣкоторыя стѣснительныя постановленія, введенныя прежними консервативными министрами. Статья конституціи, запрещающая „внѣшнія проявленія культа“ для всехъ другихъ религій, кромѣ католической, толковалась до сихъ поръ въ смыслѣ недопущенія никакихъ надписей или эмблемъ на храмахъ и зданіяхъ чужихъ вѣроисповѣданій; новымъ декретомъ признаны запрещенными только публичныя религіозныя манифестаціи иновѣрцевъ, какъ напр. уличныя процессіи, а надписи и эмблемы на протестантскихъ хра-

¹⁾ См. выше, письмо изъ Барселоны.

махъ и еврейскихъ синагогахъ дозволены. Противъ этого скромнаго „дозволенія“, соответствующаго не только здравому смыслу, но и прямому содержанию 11-ой статьи испанской конституціи, энергически протестовала римская курія. Правительство приостановило, далѣе, разрѣшеніе новыхъ духовныхъ конгрегацій впредь до выясненія исхода переговоровъ относительно соответственныхъ параграфовъ конкордата. Курія опять протестовала, указывая на то, что свѣтская власть вообще не можетъ и не должна, будто бы, принимать никакихъ самостоятельныхъ мѣръ по религіознымъ вопросамъ, пока ведутся еще переговоры съ Ватиканомъ. Министерство отвергаетъ эти указанія и протесты, какъ незаконныя попытки вмѣшательства въ дѣятельность государственной власти; римская курія съ своей стороны отказывается продолжать переговоры о конкордатѣ, пока правительствомъ не будутъ отмѣнены принятые и объявленные имъ постановленія. Правительство не можетъ уступить въ данномъ случаѣ, такъ какъ это значило бы подчинить государство авторитету церкви—а представители и органы папства рассчитываютъ добиться перемены министерства при помощи клерикальныхъ демонстрацій и закулисныхъ придворныхъ вліяній. Правительство имѣетъ за собою лучшую часть общественнаго мнѣнія и надѣется на сочувствіе и твердость короля, который до сихъ поръ, повидимому, вполне одобряетъ взгляды и рѣшенія своего министра-президента; но устоитъ ли онъ подъ давленіемъ могущественныхъ клерикальныхъ вліяній, скрытыхъ и явныхъ—сказать трудно.

Вся обстановка современнаго политическаго кризиса въ Испаніи вполне благоприятна для министерства и его союзниковъ. Если бы король склоненъ былъ лично къ уступчивости относительно Ватикана, то онъ былъ бы поставленъ въ невозможность слѣдовать этому влеченію, такъ какъ дѣло идетъ о достоинствѣ и авторитетѣ власти, даже о достоинствѣ самого монарха. Въ отвѣтъ на оскорбительный ультиматумъ римской курії Испанія вынуждена была временно отозвать своего посланника изъ Ватикана; папскій нунцій также выѣхалъ изъ Мадрида, и дипломатическія сношенія съ конца іюля (нов. ст.) прерваны между правительствомъ короля Альфонса XIII и свѣтѣйшимъ престоломъ. Этотъ разрывъ могъ бы послужить началомъ новой эры возрожденія для Испаніи, если бы династія Бурбоновъ была способна отрѣшиться отъ всего своего прошлаго и вступить на путь широкихъ, истинно-національныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, на это надѣяться трудно.

Въ политической жизни Германіи все чаще повторяются симптомы ожидаемаго поворота къ чему-то новому и лучшему; отъ времени до времени происходятъ любопытные инциденты, указывающіе какъ будто

на энергическую внутреннюю творческую работу въ обществѣ и народѣ,—но инциденты проходятъ, симптомы исчезаютъ, и положеніе остается тѣмъ же, какимъ оно было. Говорили, что либеральныя и прогрессивныя группы сближаются между собою для болѣе успѣшнаго противодѣйствія союзу консерваторовъ и клерикаловъ; лѣвое крыло національ-либеральной партіи, предводимое депутатомъ Бассерманомъ, должно было отречься отъ консервативныхъ связей и примкнуть къ либерально-прогрессивному блоку. Съ другой стороны, многіе надѣялись, что передовые прогрессисты сойдутся, наконецъ, съ социаль-демократами и что послѣдніе не откажутся отъ соглашения съ „буржуазными“ партіями для совмѣстной борьбы противъ элементовъ реакціи и застоя. Но „лѣвые“ національ-либералы предпочли остаться въ распоряженіи государственной власти и въ составѣ существующаго парламентскаго большинства; они не пошли за Бассерманомъ и по старой привычкѣ стали вновь прислушиваться къ неопредѣленнымъ предположеніямъ резонерствующаго канцлера фонъ-Бетмана-Голльвега, въ безотчетной надеждѣ на будущія политическія комбинаціи, при которыхъ и національ-либераламъ найдется соответственное мѣсто въ ряду правящихъ лицъ. Въ этихъ мнимыхъ „лѣвыхъ“ разочаровался даже ихъ собственный представитель и главный ораторъ, обычный выразитель ихъ излюбленныхъ стремленій и идеаловъ, Бассерманъ. Онъ до того былъ потрясенъ этимъ разочарованіемъ, что рѣшилъ отказаться отъ дальнѣйшей политической дѣятельности,—чѣмъ, въ свою очередь, взволновалъ не только національ-либераловъ, но и прогрессистовъ; а этимъ общимъ волненіемъ онъ настолько увеличилъ свою популярность, что ему пришлось измѣнить свое рѣшеніе и остаться въ многообѣщающей роли проповѣдника и пророка будущей „лѣвой“ группы національ-либеральной партіи. Въ способности этой партіи осуществить идею либеральнаго блока усомнился и умѣренно-консервативный вице-президентъ имперскаго сейма, принцъ Гогенлоэ-Лангенбургъ, который также почему-то возлагалъ надежды на „лѣвыхъ“, хотя самъ принадлежитъ къ числу правыхъ; принцъ также разочаровался, подобно Бассерману, и сложилъ съ себя званіе вице-президента, объяснивъ мотивы своего поступка въ особомъ дипломатическомъ письмѣ, которое сдѣлалось предметомъ оживленныхъ толковъ въ печати.

Оба событія—разочарованіе Бассермана и уходъ принца Гогенлоэ-Лангенбурга—являются уже симптомами отрицательными, свидѣтельствующими какъ будто о безнадежности всякихъ попытокъ внести новую свѣжую струю въ парламентскую жизнь Германіи. Газеты серьезнѣйшимъ образомъ обсуждали политическое значеніе фактовъ, которые сами по себѣ въ сущности ничего не доказывали и не вы-

ясняли. Только весьма немногіе наивные оптимисты могли предаваться иллюзіямъ насчетъ „тѣхъ“ національ-либераловъ, тѣмъ болѣе, что передвиженіе этой небольшой группы въ ту или другую сторону нисколько не повліяло бы на группировку главныхъ партій въ рейхстагѣ. Другая, болѣе существенная комбинація — сближеніе либераловъ съ социаль-демократією—остается еще пока въ области утопій. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ депутаты-соціалисты вступили въ официальные сношенія съ правительствомъ и подали голосъ за утвержденіе бюджета; они проводятъ свою политику въ реальныхъ условіяхъ дѣйствительности, добиваются результатовъ, которыхъ можно достигнуть, и стремятся извлечь изъ своихъ депутатскихъ полномочій всю возможную практическую пользу для рабочей демократіи и для всей страны. Они не пренебрегаютъ выгоднымъ союзомъ съ отдѣльными буржуазными партіями; они не довольствуются мечтаніями о будущемъ социаль-демократическомъ строѣ, а бодро идутъ на встрѣчу этому будущему, подготавливая его приближеніе своею практическою дѣятельностью. Но въ центрѣ германской социаль-демократіи эта тактика баденскихъ соціалистовъ считается недопустимою ересью, и противъ нея возстаетъ большинство, вѣрное традиціямъ непримиримой обособленности. И съ этой стороны не предвидится еще никакой крупной перемѣны въ общемъ политическомъ положеніи, хотя самая постановка вопроса о новой тактикѣ социаль-демократіи представляетъ несомнѣнную важность для дальнѣйшаго хода внутреннихъ дѣлъ Германіи.

Глава французскаго кабинета, Аристидъ Брианъ, находится въ счастливомъ положеніи: республиканское большинство палаты депутатовъ выражаетъ ему свое довѣріе и сочувствіе; умѣренные либералы и консерваторы относятся къ нему въ высшей степени одобрительно; передовые радикалы и соціалисты возлагаютъ на него свои надежды, хотя иногда критикуютъ его не безъ рѣзкости; даже принципиальные противники ведутъ противъ него свою оппозицію въ сдержанныхъ и мягкихъ формахъ.

Аристидъ Брианъ правится даже врагамъ республики; его неизмѣнно хвалятъ и хроникеръ „Revue des deux Mondes“, выступающій въ то же время защитникомъ испанскихъ клерикаловъ. Настойчивыя атаки, предпріятыя противъ министерства радикалами подъ предводительствомъ Берто, при обсужденіи запросовъ объ общей политикѣ кабинета, окончились—какъ увѣряетъ консервативный Франсисъ Шармъ — постыдною капитуляцією; нападавшіе „были обращены въ безпорядочное бѣгство“, и они оказались въ „жалкомъ разстройствѣ“ послѣ нанесенныхъ имъ Брианомъ ударовъ. Въ дѣйствительности на-

паденіе велось довольно благодушно, и самъ Бертò присоединился къ формулѣ, выражавшей довѣріе къ правительству, — такъ что не было вовсе матеріала ни для геройскихъ подвиговъ, ни для ужасовъ пораженія. Ораторскіе турниры занимаютъ почетное мѣсто въ дѣятельности французскаго парламента, и тѣ турниры, въ которыхъ участвуютъ Брианъ и Жорèsъ, всегда имѣютъ заслуженный успѣхъ.

Подкрѣпленный довѣріемъ палаты, предсѣдатель совѣта министровъ можетъ уже приступить къ осуществленію своей практической программы: послѣ хорошихъ и блестящихъ рѣчей начнутся полезныя дѣла, практическія реформы и преобразованія. На очереди стоитъ выработка поваго избирательнаго закона, на основѣ пропорціональнаго представительства. Большинство депутатовъ при своемъ избраніи выставляло избирательную реформу важнѣйшей задачей современной внутренней политики во Франціи. Многимъ кажется, что введеніе выборовъ по спискамъ взамѣнъ выборовъ по округамъ, вмѣстѣ съ представительствомъ меньшинства, возвеличитъ республику, придастъ ей новыя силы и обезпечитъ ей блестящую будущность. Искренніе приверженцы реформы сознаютъ, что она можетъ только расширить предѣлы народнаго участія въ парламентскихъ выборахъ, оживить интересъ къ нимъ и косвенно улучшить условія политическаго развитія, но не усовершенствовать самую жизнь націи, внесеніемъ въ нее новой энергіи или открытіемъ ей новыхъ горизонтовъ. Самая лучшая и справедливая избирательная система не повыситъ уровня народнаго пониманія, не повліяетъ на нравы, стремленія и понятія обывателей. Дѣло идетъ пока объ улучшеніи внѣшнихъ формъ, независимо отъ того содержанія, которое можетъ ихъ наполнить, — а формы сильнѣе всего привлекаютъ вниманіе французовъ. Въ палатѣ насчитывается около 320 сторонниковъ новой системы выборовъ, и предводитель этой многочисленной группы депутатовъ, Шарль Бенуа, высказываетъ увѣренность въ успѣхѣ задуманной реформы.

Въ видѣ развлеченія, палата занялась разслѣдованіемъ исторіи спекулянта Рошетта, относительно котораго правительству приписаны были разныя неправильныя дѣйствія. Рошеттъ, основатель множества фиктивныхъ и дутыхъ предпріятій, былъ арестованъ будто бы по пропискамъ его соперниковъ, темныхъ биржевыхъ дѣльцовъ, при прямомъ участіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей полицейской власти. Въ печати появились разоблаченія, которыми воспользовались оппозиціонные депутаты для внесенія соответственныхъ запросовъ. Крайніе лѣвые почему-то приняли на себя роль защитниковъ Рошетта, собиравшаго милліоны съ довѣрчивой публики, и потребовали назначенія особой парламентской комиссіи для провѣрки причинъ и обстоятельствъ его ареста. Палата приняла это предложеніе, избрала ком-

миссію, и послѣдняя, подъ предѣдательствомъ Жореса, стала разбирать дѣло, которое одновременно находилось въ производствѣ судебной власти. Коммиссія вызывала и допрашивала свидѣтелей, — банкировъ, заподозрѣнныхъ чиновниковъ и разныхъ предпринимателей, — выслушала префекта полиціи Ленина и отложила дальнѣйшее разбирательство до осени; а тѣмъ временемъ судъ успѣлъ постановить приговоръ, которымъ Рошеттъ признанъ виновнымъ въ дѣломъ рядѣ крупныхъ мошенничествъ и присужденъ къ тюремному заключенію на два года. Слѣдовательно, арестъ его не былъ дѣломъ произвола или злоупотребленія, и пока еще не удалось установить никакихъ фактовъ, которые указывали бы на участіе представителей администраціи въ биржевыхъ продѣлкахъ, имѣвшихъ цѣлью погубить Рошетта. Ожиданія, связанныя съ назначеніемъ коммиссіи, не оправдались, и дѣятельность Жореса въ новой роли слѣдственнаго судьи ничего не прибавить къ его славѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Несторъ Котляревскій. Мировая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Второе исправл. изданіе. Спб. 1910. Цѣна 2 руб.

Подъ терминомъ „мировая скорбь“ авторъ разумѣетъ „ту до крайностей доведенную пессимистическую оцѣнку всего міропорядка, которая такъ ярко проступала наружу въ сужденіяхъ, чувствахъ и мечтахъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка“. Скорбное міросозерцаніе, покоющееся на житейскомъ опытѣ и на теоріи, само по себѣ не представляетъ въ исторической жизни человѣчества чего-либо исключительнаго: печальное раздумье надъ несовершенствами земного бытія не покидало человѣка съ первыхъ дней его сознательной жизни. Но указанная эпоха, положившая начало новому этапу въ жизни культурныхъ народовъ, въ особенности была богата и восторженною вѣрою человѣка въ наступающій золотой вѣкъ, и глубочайшими разочарованіями, доводившими людей до крайней грани скорби и раздраженія, до самопрезрѣнія, до черстваго индифферентизма и отвращенія къ людямъ. Общая задача автора — выяснить основные этические и соціальныя мотивы этого умонастроенія и прослѣдить ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Все это сведено въ общую картину единой душевной трагедіи, пережитой европейцемъ на про-

тяженіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Развертывается эта трагедія въ такой послѣдовательности. Приблизительно со середины XVIII вѣка выступаетъ любящій, но пока еще слабый человѣкъ—сентименталистъ; единственное его оружіе—сентиментальная проповѣдь, противопоставляемая торжествующей и порочной цивилизаціи. Властитель думъ этого поколѣнія—Жанъ-Жакъ Руссо. Его соціальныя утопіи, его обвинительные акты противъ существующаго порядка разжигали сердца современниковъ, но самъ онъ осторожно опасался всякаго рѣшительнаго дѣйствія. Въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка въ Германіи чисто литературные „буря и натискъ“ уже гремятъ, хотя только на словахъ, дѣйствительность. Сентименталистъ-реформаторъ превратился, въ мечтахъ, въ бойца, въ апостола насилія благодѣтельнаго для человѣчества; но онъ скоро разочаровывается въ этой программѣ, ибо насиліе будитъ только эгоизмъ и звѣрскіе инстинкты. То, что пережито было въ Германіи мысленно, то во Франціи, перенесшей подлинную великую революцію, было пережито реально. Послѣ кровавыхъ потрясеній, обманутой жизнью и революціей, гуманистъ подавленъ мракомъ отчаянія и скорби, тѣмъ болѣе непроницаемымъ, что эта скорбь—выводъ изъ дѣйствительно бывшаго. Въ литературѣ памятниками этого періода остались въ особенности романы Шатобриана, Сенанкура и Нодье, съ ихъ героями, близкими къ человѣконенавистничеству. Разочарованный и озлобленный идеалистъ доходитъ до предѣла отрѣшенія отъ соціальныхъ инстинктовъ въ лицѣ демоническихъ натуръ Байрона, съ ихъ угрюмымъ самообожаніемъ, отрицаніемъ сострадательности и гибелью отъ избытка страстей и силы, обращенной внутрь человѣка. Этотъ противообщественный пессимизмъ, съ теченіемъ времени и ростомъ новыхъ поколѣній, ступенька вываляется предъ возрожденіемъ соціальныхъ чувствъ. Гуманистъ болѣе близкаго къ намъ времени, оглядываясь назадъ, видитъ ясно, какъ преувеличенна была самонадѣянность героя недавней эпохи, и ищетъ опоры въ воспитаніи и подъемѣ той массы, которую раньше игнорировали. Изъ пережитой человѣчествомъ трагедіи міровой скорби вырастаетъ выводомъ надежда, что эта скорбь, неизбѣжный удѣлъ и спутникъ зрѣющаго человѣчества, не безотраднa: она сближаетъ людей. Говоря заключительными словами книги: „она смиритъ гордыню всякаго героя и подыметъ въ его глазахъ всякую толпу, сколь бы ни были велики ея умственные и нравственные погрѣшности. И родникомъ соціальнаго мира станетъ равенство всѣхъ людей передъ страданіемъ“.

Таковы основныя мысли интересной, увлекательно написанной книги г. Котляревскаго. Читатель не найдетъ въ ней ни изложенія внѣшнихъ историческихъ фактовъ, ни характеристики со-

ціальнихъ отношеній, составляющихъ подкладку моральныхъ настроеній эпохи. Для читателя мало подготовленнаго кое-что покажется, поэтому, безцельно отвлеченнымъ и неяснымъ. Не смотря на это, „Міровая скорбь“ заслуживаетъ горячей рекомендаціи, какъ умно и живо написанная популярная книга. Она бросаетъ свѣтъ на явленіе огромной исторической важности, полное значенія, между прочимъ, и для исторіи русской литературы. Подъ знакомъ міровой скорби развѣтывались таланты Пушкина и Лермонтова; литература тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, съ ея типами „прекрасныхъ душъ“ и „лишнихъ людей“, отражаетъ цѣлыя полосы „міровой скорби“. И помимо этого, книга г. Котляревскаго не лишена довольно живого интереса современности, или по крайней мѣрѣ современности. Между освѣщенными въ ней явленіями европейской мысли и многими недавно пережитымъ и переживаемымъ у насъ можно было бы провести любопытныя параллели. Наша общественная реакція—осадокъ послѣ сентиментальнаго народничества, послѣ „бури“ и „натиска“ въ области соціальныхъ утопій и послѣ настоящей бури революціи. Въ настроеніи общества замѣчаются теперь признаки того же противообщественнаго пессимизма, который такъ характеренъ для эпохи „міровой скорби“. Современный русскій человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ переживаетъ кризисъ, аналогичный кризису европейскаго гуманизма въ началѣ XIX вѣка. Примѣръ Запада даетъ намъ увѣренность въ благополучномъ разрѣшеніи русскаго кризиса, путемъ плодотворной работы непрерывно возрождающихся общественныхъ и народныхъ силъ.

— А. С. Изгоевъ, Русское общество и революція. Изданіе журнала „Русская Мысль“. Москва, 1910. Цѣна 1 р.

Авторъ заявляетъ себя въ предисловіи „неортодоксальнымъ марксистомъ“. Русскій марксизмъ въ его дореволюціонномъ прошломъ онъ считаетъ „незамѣнимой школой политическаго и соціальнаго реализма“ для русской интеллигенціи, отрѣшившейся, благодаря ему, отъ фантастическихъ утопій народничества. Однако, въ революціонное время въ воспріятіи большинства русской интеллигенціи элементы подлиннаго марксизма уступили мѣсто фантастическому пророчеству о прыжкѣ изъ царства необходимости въ царство свободы. Рабочая социалдемократическая партія, сплошь состоящая изъ интеллигенціи, „поддерживала свое званіе „рабочей“ только тѣмъ, что демагогически плелась въ хвостѣ рабочей толпы, контрсигнуя всѣ ея нелѣпѣйшія требованія въ родѣ введенія явочнымъ порядкомъ восьмичасоваго рабочаго дня. Теоретически прекрасно сознанная и обоснованная истина,

что Россіи предстоитъ буржуазная революція — т.-е. такая, которая приведетъ къ гражданскому правовому строю,—въ жизни была подмѣнена утопической, нелѣпой теоріей перманентной революціи, непосредственно переходящей въ социалистическую“. Революція не удалась. Силы для конституціонной реформы—очередной задачи дня,—у „пролетаріата“ не оказалось. „Только интеллигенція, лица свободныхъ профессій, педагоги, такъ-называемый третій элементъ, земскій и городской, всякаго рода техническіе работники, близко стоящіе къ населенію, могутъ сдѣлать эту огромной важности работу“. И далѣе авторъ, какъ сотрудникъ „Вѣхъ“ (ему принадлежитъ въ нихъ статья: „Объ интеллигентной молодежи“, вошедшая и въ разбираемый нами сборникъ), поясняетъ, что именно изъ высокаго представленія о роли, которая принадлежитъ интеллигенціи, родилось обличительное настроеніе „Вѣхъ“.

Если отбросить общую у г. Изгоева съ „Вѣхами“ черту—придирчиво-огульную и потому не доказательную манеру полемическихъ упрековъ по адресу интеллигенціи,—его можно назвать вдумчивымъ и не лишеннымъ темперамента публицистомъ, мѣтко характеризующимъ многія стороны нашей общественно-политической жизни. Такія его статьи, какъ „Самодержавіе и общественная жизнь“, „П. А. Столыпинъ“, „Три года“, „Политическая провокація“, „Процессъ выборгцевъ“ содержатъ вѣрные и острые наблюденія. Онѣ рисуютъ современное торжество союза самодержавной бюрократіи и дворянскихъ 130 тысячъ, безвыходное вращеніе страны въ заколдованномъ кругу переплетающихся анархіи и беззаконія, игру въ Государственную Думу, предъ которой „сотни важныхъ, существенныхъ для населенія реформъ, точно волшебные шары, вылетаютъ неизвѣстно откуда, прыгаютъ, мѣшаются одни съ другими и затѣмъ неизвѣстно куда исчезаютъ, точно и на самомъ дѣлѣ это не реформы, а баллоны, выпускаемые съ развѣдочными цѣлями“. Зло охарактеризована политика блокады, которую должна быть покорена третья Дума. Земельная политика Столыпина, стремящаяся къ созданію самостоятельнаго и зажиточнаго крестьянства въ управляемой беззаконіемъ странѣ, справедливо оцѣнена какъ „чистая утопія, самый несомнѣнный иллюзионизмъ“. Интересны также многіе отзывы и мнѣнія автора объ особенностяхъ психологіи русскихъ революціонеровъ. Но, многократно настаивая на необходимости организующей дѣятельности интеллигенціи, г. Изгоевъ не выходитъ, въ этомъ отношеніи, изъ области банальныхъ фразъ, въ родѣ сказаннаго имъ по поводу аграрныхъ программъ: „если бы наши общественныя силы, трезво отдавъ себѣ отчетъ въ потребностяхъ народа, двинулись къ массѣ съ реальной программой, онѣ могли бы стать не мнимыми величинами, а дѣйствительными силами, найти серьезную опору въ наиболѣе развитой и сознательной

части народа". „Реальной программы" въ точномъ смыслѣ слова читатель не найдетъ въ книгѣ г. Изгоева.

— И. П. Бѣлоконскій. — Земское движеніе (Земство и Конституція). Изд. книгоиздательства „Образованіе". Москва, 1910.

Авторъ предупреждаетъ, что „почти не касается земскаго движенія въ смыслѣ культурно-экономическомъ, а имѣетъ въ виду лишь политическое движеніе". Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ свою книгу „сокращеннымъ изложеніемъ земскаго освободительнаго движенія". Эти особенности значительно отразились на содержаніи книги, притомъ написанной, повидимому, наспѣхъ. Вся она носитъ характеръ чисто виѣшняго пересказа отдѣльныхъ явленій и фактовъ изъ исторіи земской оппозиціи. Оставивъ въ сторонѣ культурно-экономическій ростъ страны, а сообразно съ этимъ — и роли земства, авторъ даетъ неправильное, умаленное представленіе о земскомъ движеніи: неволью оно сводится имъ на роль отдѣльныхъ личностей и политическихъ идей, почему-то взволновавшихъ земство. Существеннымъ пробѣломъ въ изложеніи является и то, что политическое движеніе земства разсматривается, отчасти, въ связи съ развитіемъ политическаго національнаго движенія въ его цѣломъ. Въ особенности въ 1903—1905 гг. земское движеніе не только шло параллельно съ болѣе демократическимъ революціоннымъ броженіемъ, но нерѣдко испытывало прямое давленіе со стороны послѣдняго. Такъ, даже земскій съѣздъ 6—8 ноября 1904 года состоялся не безъ многихъ предъявленныхъ членамъ его на мѣстахъ требованій рѣзко-демократической окраски (четырёхчленная формула избирательнаго права). Губернскія земскія собранія въ концѣ этого и началѣ слѣдующаго года проходили при напряженномъ вниманіи къ нимъ со стороны революціонно настроенныхъ слоевъ общества и нерѣдко прерывались требованіями революціоннаго характера. „Сокращенностью" изложенія, вѣроятно, объясняются и нѣкоторые существенные фактическіе пробѣлы книги. Особенно бросилось намъ въ глаза отсутствіе свѣдѣній о томъ, какъ приняты уѣздныя земскія собранія 1904-го года возвѣщенную кн. Святополкомъ-Мирскимъ эру довѣрія. Неосвѣщеннымъ остался и финалъ земскаго движенія: расколъ въ земской средѣ, выдѣленіе конституціонно-демократической партіи и вытѣсненіе прежнихъ господъ положенія—освобожденцевъ—изъ земскихъ собраній и управъ октябристами и правыми. Послѣдній моментъ даже не затронуть, а о расколѣ, который выразился уже на ноябрьскомъ съѣздѣ 1904-го года образованіемъ большинства и меньшинства, сообщены чисто виѣшнія свѣдѣнія.

При всемъ схематизмѣ и пробѣлахъ, книга г. Бѣлоконскаго заслу-

живае́тъ внима́нiя, какъ единственный пока обзоръ движенiя огромной важности, отражавшаго—даже въ своихъ колебанiяхъ и непослѣдовательностяхъ—тревогу національной жизни, стремленiе вырваться изъ-подъ гнета пережившей себя системы управленiя.

Къ книгѣ приложены снимки группъ земскихъ дѣятелей, портретъ кн. Святополкъ-Мирскаго и факсимиле постановленiй ноябрьскаго съѣзда.

— Полное собранiе сочиненiй В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакцiю и съ примѣчанiями С. А. Венгерова. Томъ IX. Спб. 1910. Ц. 1 р. 75 коп.

— Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ. Томъ II. Гогоцкая-Карамзинъ. Спб. 1910. Ц. 4 руб.

И собранiе сочиненiй Бѣлинскаго, и источники словаря русскихъ писателей дѣлать злую судьбу другихъ широко задуманныхъ предпрiятiй почтеннаго изслѣдователя русской литературы: „Критико-биографическаго словаря“, „Русской поэзiи“, „Русскихъ книгъ“. Всѣ эти изданiя растягиваются на неопредѣленное число лѣтъ, и только содержательность и значенiе въ отдѣльности тѣхъ „началь“, которыя обычно даетъ г. Венгеровъ, оправдываютъ общее вниманiе читателей и изслѣдователей къ его трудамъ.—Собранiе сочиненiй Бѣлинскаго, начатое десять лѣтъ назадъ, перешло уже, впрочемъ, половину общаго числа томовъ (ихъ будетъ четырнадцать). Это первое дѣйствительно полное собранiе сочиненiй знаменитаго критика. Въ IX-ый томъ вошла 91 статья, изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1844—45 гг. Изъ нихъ только 27 появляются въ настоящемъ изданiи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ печатались до сихъ поръ; всѣ остальные напечатаны либо съ дополненiями противъ Солдатовскаго изданiя, либо впервые. Изъ статей, не вошедшихъ въ прежнiя собранiя, выдѣляются своимъ объемомъ и интересомъ извлеченныя изъ некрасовскаго сборника „Физиологiя Петербурга“: „Петербургская литература“ и „Александринскiй театръ“. Замѣчательна также рецензiя о книгѣ Жана Араго: „Воспоминанiя слѣпого“; о русскомъ крѣпостномъ рабствѣ писать въ 1845 г. не полагалось, поэтому вниманiе читателей критикъ останавливалъ на ужасахъ цевольничества негровъ въ Бразилии... Начиная съ VIII-го тома примѣчанiя къ тексту Бѣлинскаго переносятся редакторомъ въ послѣднiй томъ, что едва ли удобно.

Первый томъ „Источниковъ словаря русскихъ писателей“ вышелъ также десять лѣтъ тому назадъ. Составитель говоритъ въ предисловiи ко второму тому, что этотъ томъ есть продолженiе I-го и даетъ библиографическiя указанiя не позже 1899 г.; „указанiя XX вѣка въ задачи настоящаго труда не входятъ“. Это представляется намъ не

совсѣмъ удобнымъ: составитель, конечно, въ правѣ былъ ограничить свой трудъ писателями XIX вѣка, но отказъ отъ библиографическихъ указаній XX вѣка на этихъ писателей, разъ выходи книги растягивается на десятокъ-другой лѣтъ, едва ли былъ желателенъ и дѣлаетъ справочникъ запоздалымъ. Сколько-нибудь существенныхъ пропусковъ именъ въ настоящемъ томѣ мы не замѣтили. Въ интересѣ полноты можемъ указать современныхъ провинціальныхъ публицистовъ (начавшихъ писать съ начала 1890-хъ годовъ): Гриневицкаго, Станислава Ивановича, и Жукова, Сергѣя Ивановича (оба—нижегородцы). Ошибочно показанъ въ качествѣ самостоятельнаго лица „современный беллетристъ“ Г. П. Гроковъ: это — псевдонимъ уже умершаго Г. П. Демьянова (названнаго въ словарѣ). „Источники словаря русскихъ писателей“ печатаются Академією Наукъ: ей слѣдовало бы позаботиться, чтобы послѣдующіе томы этого изданія, существенно необходимаго для работниковъ по исторіи русской литературы, выходили въ свѣтъ безостановочно.—Ч. В—скій.

— Э. Фельсбергъ.—Братья Гракхи. Юрьевъ. 1910 г.

Величавые образы двухъ братьевъ-римскихъ трибуновъ всегда привлекали усиленное вниманіе историковъ и побуждали къ появленію новыхъ трудовъ и изслѣдованій. На изученіи Гракховъ ярко отразилась смѣна историческихъ направлений: чисто-біографическія описанія, съ преобладаніемъ внѣшнихъ подробностей, постепенно уступаютъ мѣсто критическому анализу первоисточниковъ и обслѣдованію историческихъ условій эпохи и социальнo-экономическихъ отношеній. Наконецъ, сторонники модернизациі древняго міра пытаются еще болѣе приблизить къ намъ римскихъ популяровъ, находятъ въ ихъ реформаторскихъ начинаніяхъ тѣ лозунги и формулы, которые волнуютъ современное человѣчество. До самаго послѣдняго времени въ ученой литературѣ Запада постоянно появляются новые труды о Гракхахъ; такъ, два года тому назадъ извѣстный пѣмецкій историкъ Пельманъ посвятилъ имъ цѣнное изслѣдованіе; яркую характеристику ихъ даетъ въ недавнихъ вышедшихъ лекціяхъ по римской исторіи французскій ученый Буше-Леклеркъ. Въ этой научной работѣ русская историческая литература стояла изолированно; можно указать лишь прекрасно составленный проф. Э. Д. Гриммомъ біографическій очеркъ братьевъ Гракховъ (въ серіи Павленкова), да соотвѣтствующій отдѣлъ въ „Очеркахъ римской имперіи“ г. Виппера. Поэтому нельзя не привѣтствовать книгу г. Фельсберга, посвященную одному изъ основныхъ вопросовъ римской исторіи.

Работа г. Фельсберга, лаконично озаглавленная „Братья Гракхи“,

должна бы носить болѣе точное заглавіе „Этюды о Гракхахъ“. Она не представляетъ единого, компактнаго цѣлага, не являясь ни биографіей Тиберія и Кая Гракховъ, ни трудомъ о Гракхахъ и ихъ времени. Авторъ далъ рядъ тщательныхъ и обстоятельныхъ этюдовъ, посящихъ, однако, нѣсколько фрагментарный характеръ. Характеръ большинства первоисточниковъ, дошедшихъ до насъ въ *фрагментахъ*, сказался, повидимому, и на книгѣ г. Фельсберга. Она открывается отдѣломъ, озаглавленнымъ: „Очеркъ исторіи римскаго аграрнаго строя до времени Гракховъ“; первые два параграфа его трактуютъ объ источникахъ и литературѣ. Авторъ выходитъ здѣсь далеко за хронологическія рамки и говорить о римскихъ аграрныхъ отношеніяхъ вообще, включая даже періодъ имперіи. Такой масштабъ является излишне широкимъ, въ то же время отнюдь не охватывая всей литературы предмета. Въ дальнѣйшемъ авторъ не теряетъ хронологической перспективы и говоритъ о времени до Гракховъ. Здѣсь г. Фельсбергъ выказываетъ полную освѣдомленность въ источникахъ и литературѣ, но оригинальнаго даетъ мало. Его резюмирующіе выводы (стр. 46—47) давно уже прочно установлены и безспорны. Болѣе другихъ интереснымъ является экскурсъ VII-ой—объ аграрномъ законодательствѣ Лицінія и Секстія, касающійся извѣстной полемики, поднятой работами Низе и Машке. Заключительный параграфъ перваго отдѣла даетъ характеристику римскаго аграрнаго строя въ первой половинѣ II вѣка до Р. Х., по трактату Катона: *De agri cultura*. Центромъ тяжести изслѣдованія г. Фельсберга является обширный (стр. 55—161) второй отдѣлъ: „Наши главнѣйшіе источники для исторіи Гракховъ“. Здѣсь г. Фельсбергъ подвергаетъ внимательному и подробному разсмотрѣнію всѣ дошедшіе до насъ источники о Гракхахъ, устанавливаетъ ихъ взаимоотношеніе, выясняетъ первоисточники. Работа произведена большая, детальная и чрезвычайно важная. Прежде всего приведены цѣликомъ сохранившіеся фрагменты рѣчей Тиберія и Кая Гракховъ и рѣчей ихъ противниковъ. Эти краткіе и неполные отрывки производятъ сильное впечатлѣніе, являясь далекимъ отзвукомъ великихъ и бурныхъ событій. Далѣе г. Фельсбергъ переходитъ къ разбору всѣхъ дошедшихъ до насъ сочиненій древнихъ писателей, которыя такъ или иначе касаются Гракховъ. Особенно полно и обстоятельно разобраны фрагменты писемъ Корнеліи—матери Гракховъ, риторика „*ad Nepennium*“, Цицеронъ, Діодоръ, Плутархъ и Аппіанъ. Въ анализѣ источниковъ г. Фельсбергъ выказываетъ тонкое критическое чутье, позволяющее ему легко разбираться въ многочисленныхъ и запутанныхъ контраверсахъ нѣмецкихъ историковъ и филологовъ. Безусловно интересны соображенія автора относительно первоисточниковъ Діодора, Плутарха и Аппіана (стр. 161). Въ упрекъ

автору можно поставить развѣ излишнюю осторожность суждений, доходящую иногда до неполной ясности самыхъ взглядовъ автора.— Третій и послѣдній отдѣлъ книги (стр. 162—240) посвященъ жизни и дѣятельности братьевъ-трибуновъ. Это—подробный разсказъ, всецѣло основывающійся на источникахъ и изобилующій фактическими подробностями; но автору не удалось ни представить картину социальной борьбы, ни нарисовать красочные портреты мятежныхъ вождей народной партіи—братьевъ-борцовъ за права и волюности римскаго народа. На страницахъ изслѣдованія мелькають только мазки, такъ и не слившіеся въ общую композицію.—И. Воровзинъ.

— Ученые труды въ изданіи Императорскаго Московскаго Университета. Часть первая. Проф. А. И. Чупровъ. Железнодорожное хозяйство. Тома I и II. Москва. 1910.

Настоящее изданіе извѣстнаго классическаго труда проф. А. И. Чупрова по железнодорожному хозяйству составляетъ первую часть полнаго собранія его ученыхъ трудовъ, которое императорскій московскій университетъ рѣшилъ, согласно представленію своего юридическаго факультета, выпустить въ свѣтъ въ память покойнаго ученаго. Исполненіе этого рѣшенія возложено на особую комиссію въ составѣ профессоровъ—А. А. Мануилова, Н. А. Каблукова и Д. М. Петрушевскаго.

Все изданіе предположено въ трехъ частяхъ. Въ только что вышедшей первой части помѣщены біографическій очеркъ проф. А. И. Чупрова, составленный очень живо и съ искренней любовью проф. Н. А. Каблуковымъ, и сочиненіе А. И.: „Железнодорожное хозяйство“, напечатанное при жизни автора въ двухъ томахъ. Первый изъ нихъ, посвященный изслѣдованію экономическихъ особенностей железнодорожнаго хозяйства и его отношеній къ интересамъ страны, представлялъ собою магистерскую диссертацию А. И., а второй, содержащій въ себѣ изученіе условій, опредѣляющихъ движеніе и сборы на желѣзныхъ дорогахъ—докторскую.

Первое изданіе труда проф. А. И. Чупрова по железнодорожному хозяйству, вышедшее въ срединѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, давно стало бібліографическою рѣдкостью, а между тѣмъ и до сихъ поръ этотъ трудъ остается въ нашей экономической литературѣ наиболѣе полнымъ теоретическимъ изслѣдованіемъ общихъ основъ железнодорожнаго хозяйства. Лица, обращающіяся у насъ къ систематическому изученію железнодорожнаго дѣла, испытываютъ существенныя затрудненія вслѣдствіе отсутствія въ русской научной литературѣ самостоятельныхъ руководствъ по этому предмету. Даже пользованіе

иностранными источниками далеко не вполне устраняетъ эти затрудненія, потому что общіе трактаты по желѣзнодорожному дѣлу какъ въ способахъ построенія своихъ положеній, такъ и въ соотношеніи частей въ значительной степени отражаютъ специфическія особенности, присущія желѣзнодорожному дѣлу въ данной странѣ. Нельзя поэтому не привѣтствовать изданіе московскаго университета, благодаря которому существенно облегчается для всѣхъ интересующихся у насъ желѣзнодорожнымъ дѣломъ систематическое изученіе его экономики. Въмѣстѣ съ постояннымъ ростомъ рельсовой сѣти и ея значенія въ общемъ ходѣ нашей экономической и государственной жизни, управленіе ею все болѣе и болѣе усложняется, повышая уровень необходимой спеціальной подготовки; въ то же время къ участию въ обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ, возникающихъ при сооруженіи и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, все болѣе и болѣе привлекаются самыя разнообразныя государственныя и общественныя элементы.

Наша спеціальная желѣзнодорожная литература очень небогата объективными научными изслѣдованіями даже по отдѣльнымъ спеціальнымъ вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства и желѣзнодорожной политики. Изъ вышедшихъ послѣ разсматриваемаго труда проф. А. И. Чупрова сочиненій этого рода можно указать лишь три-четыре работы по желѣзнодорожнымъ тарифамъ, да столько же по исторіи желѣзнодорожной политики, преимущественно въ области финансовыхъ отношеній государства къ желѣзнымъ дорогамъ. Русская экономическая наука, подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ и въ значительной мѣрѣ вполне уважительныхъ причинъ, сосредоточиваетъ свое вниманіе главнымъ образомъ на разработкѣ нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ теоретической экономіи или такихъ первостепенныхъ вопросовъ экономической политики, какъ аграрный, рабочій и т. под., проявляя сравнительно гораздо меньше интереса къ вопросамъ желѣзнодорожнаго хозяйства. Разработка послѣднихъ попадаетъ большею частью въ руки практическихъ дѣятелей, заинтересованныхъ въ томъ или иномъ ихъ освѣщеніи. Значительно болѣе большая часть работъ, имѣющихся въ нашей спеціальной желѣзнодорожной литературѣ какъ болѣе давняго, такъ и новѣйшаго времени, даже при богатствѣ фактическаго матеріала и серьезности его разработки, далеко не отличается безпристрастіемъ и объективностью ни въ выясненіи существующаго положенія желѣзнодорожнаго дѣла, ни въ обсужденіи очередныхъ задачъ нашей желѣзнодорожной политики. Нельзя, поэтому, не пожалѣть, что такой безпристрастный и авторитетный ученый, какимъ былъ А. И. Чупровъ, не успѣлъ осуществить тотъ планъ работъ по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла, который, какъ видно

изъ предисловія ко второму тому, намѣчался имъ еще при выпускѣ этого тома въ свѣтъ. Слѣдующій, третій томъ авторъ предполагалъ посвятить дальнѣйшему разсмотрѣнію факторовъ товарнаго движенія, а также выясненію условій пассажирской перевозки. Заклѣчить свой трудъ покойный ученый хотѣлъ попыткой „примѣнить полученные результаты къ вопросамъ хозяйственной организаціи желѣзнодорожныхъ предиріятій, именно: къ выбору направленія желѣзныхъ дорогъ, системы ихъ постройки, размѣра предиріятій и, наконецъ, къ тарифной политикѣ“. Всѣ эти важнѣйшія стороны желѣзнодорожнаго дѣла остаются и до сихъ поръ безъ систематическаго научнаго изслѣдованія.

Научныя достоинства разсматриваемаго труда А. И. создали автору вполне заслуженный успѣхъ. Результаты его изслѣдованія вошли неотъемлемой частью въ составъ экономическаго науки и остаются въ ней неуничтожимымъ вкладомъ. Всѣ сколько-нибудь существенныя теоретическія положенія, установленія А. И. Чупровымъ, нашли блестящее подтвержденіе какъ въ дальнѣйшемъ движеніи теоретической мысли, такъ и въ фактическомъ развитіи желѣзнодорожнаго дѣла.

Остановимся на важнѣйшихъ изъ числа этихъ положеній. Вопросъ о значеніи желѣзнодорожнаго транспорта и его роли въ хозяйственномъ развитіи страны является однимъ изъ основныхъ вопросовъ теоріи желѣзнодорожнаго хозяйства. Разрѣшеніе его въ томъ или иномъ смыслѣ неизбѣжно опредѣляетъ то или иное направленіе желѣзнодорожной политики въ отношеніи какъ сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и характера управленія существующими линіями. А. И. посвятилъ этому вопросу четыре первыя главы I-го тома, въ которыхъ, послѣ сравненія желѣзныхъ дорогъ съ другими видами путей сообщенія, весьма подробно разсмотрѣно вліяніе желѣзныхъ дорогъ на обмѣнъ, на цѣны и на производство. Общій результатъ всего этого изслѣдованія А. И. формулируетъ въ главѣ V-ой слѣдующимъ образомъ: „всѣ перемѣны, вызванныя ихъ (т.-е. рельсовыхъ путей) появленіемъ, сводятся къ одному главному пункту, къ удешевленію стоимости провоза; чѣмъ ниже спускается эта стоимость, тѣмъ больше значенія имѣютъ рельсовые пути для страны. Степень той пользы, которую извлекаетъ страна изъ своей желѣзнодорожной сѣти, обуславливается, поэтому, совокупностью всѣхъ обстоятельствъ, которыя опредѣляютъ мѣрную стоимость желѣзнодорожной перевозки“. Въ другомъ мѣстѣ та же мысль выражается съ еще большею опредѣлительностью: „многообразныя вліянія желѣзныхъ дорогъ сводятся къ удешевленію перевозки. Степень этого удешевленія есть мѣра той пользы, которую получаетъ отъ нихъ нація“. Говоря объ „удешевленіи перевозки“, авторъ имѣетъ въ виду отнюдь не простыя произвольныя пониженія тарифовъ за счетъ желѣзнодорожныхъ предиріятій или за счетъ казны,

а дѣйствительное сокращеніе затратъ труда и капитала на удовлетвореніе потребности въ транспортѣ, достигаемое народнымъ хозяйствомъ благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Этотъ взглядъ на роль желѣзнодорожнаго транспорта въ развитіи народнаго хозяйства является въ настоящее время общепринятымъ въ научной экономической литературѣ. Одинъ изъ новѣйшихъ спеціалистовъ по желѣзнодорожному дѣлу, французскій профессоръ Кольсонъ ¹⁾, подвергнувъ подробному изслѣдованію прямыя выгоды, получаемыя отъ сооруженія или улучшенія путей сообщенія, выражаетъ ту же мысль слѣдующимъ образомъ: „мы остановились такъ долго на собственныхъ издержкахъ перевозки, потому что пониженіе ихъ составляетъ истинную выгоду, получаемую отъ улучшенія путей сообщенія какъ въ томъ случаѣ, когда она всецѣло удерживается владѣльцемъ пути въ свою пользу, такъ и въ томъ, когда она въ большей или меньшей мѣрѣ предоставляется частнымъ лицамъ, которыя пользуются имъ“. Этотъ взглядъ, нисколько не умаляя огромнаго вліянія желѣзныхъ дорогъ, впервые открывающихъ иногда возможность разработки втунѣ лежащихъ богатствъ и заселенія новыхъ территорій, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ истинную причину этого вліянія и даетъ прочный базисъ для разрѣшенія вопросовъ о выгодности или невыгодности, съ точки зрѣнія общихъ экономическихъ интересовъ, сооруженія тѣхъ или иныхъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Насколько это мнѣніе въ научномъ отношеніи выше весьма популярной въ настоящее время среди представителей всякихъ правительственныхъ вѣдомствъ и торговопромышленныхъ и сельскохозяйственныхъ организацій точки зрѣнія такъ-называемаго „созданія новыхъ цѣнностей“, по которой въ активъ желѣзныхъ дорогъ ставится вся сумма цѣнностей различныхъ производствъ, возникающихъ въ районѣ дороги! Эта точка зрѣнія смѣшиваетъ созданіе дѣйствительно новыхъ богатствъ благодаря улучшенію путей и способовъ транспорта— съ простымъ перемѣщеніемъ существовавшихъ уже богатствъ и производительныхъ силъ, которое всегда имѣетъ мѣсто въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ при сооруженіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Соединяя подъ именемъ такъ-называемыхъ „косвенныхъ выгодъ“ всю стоимость произведенныхъ въ районѣ дороги продуктовъ, всю сумму сборовъ, полученныхъ казною или общественными самоуправленіями, всѣ заработки, полученные населеніемъ, весьма легко дать экономическое оправданіе, за рѣдкими исключеніями, всякой, даже самой нелѣпой дорогѣ, обязанной своимъ существованіемъ давленію одностороннихъ корыстныхъ интересовъ, легкомыслію, ажіотажу, стремленію угодить тѣмъ или инымъ вліятельнымъ кругамъ. Тщательное изученіе и воз-

¹⁾ С. Colson, „Les travaux publics et les transports“, Парижъ, 1907, стр. 190.

можно большее распространение положений, установленныхъ въ изслѣдованіи А. И. Чупрова относительно условій, опредѣляющихъ доходность желѣзныхъ дорогъ, размѣръ тяготящихся къ нимъ районовъ и т. под., несомнѣнно оказало бы сильное противодѣйствіе вліянію указанныхъ ошибочныхъ и вредныхъ взглядовъ.

То же самое можно сказать и о тѣхъ положеніяхъ, которыми покойный ученый характеризуетъ особенности желѣзнодорожныхъ предпріятій, взаимное соотношеніе различныхъ категорій издержекъ сооруженія и эксплуатаціи, зависимость ихъ отъ размѣровъ и условій движенія, вліяніе ихъ на стоимость транспортныхъ услугъ и на прибыль желѣзнодорожныхъ предпріятій. Все, сказанное имъ по этимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго дѣла, до сихъ поръ сохраняетъ полную силу и значеніе объективныхъ научныхъ положеній. Отмѣтимъ, напр., взглядъ А. И. Чупрова по вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ желѣзныя дороги могутъ посредствомъ своей тарифной политики измѣнять условія и размѣры движенія. Всякій, кто близко стоитъ къ тарифному дѣлу, согласится, что въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ въ широкихъ заинтересованныхъ кругахъ „безмолвно допускается предположеніе, что провозная плата обладаетъ магической силой создавать движеніе изъ ничего“. Анализъ всей совокупности условій, наличность которыхъ необходима, чтобы пониженіе провозныхъ платъ могло оказать воздѣйствіе на спросъ желѣзнодорожныхъ услугъ и вызвать выгодное для желѣзныхъ дорогъ развитіе перевозокъ, сдѣланъ А. И. Чупровымъ съ такой тонкостью и полнотой, съ такимъ обиліемъ фактическихъ указаній, что все послѣдующее время не могло прибавить къ нему ничего существенно новаго.

Что касается тѣхъ частей разсматриваемаго труда, которыя посвящены изслѣдованію размѣровъ движенія и его характера на отдѣльныхъ дорогахъ, среднихъ ставокъ провозныхъ платъ преобладающихъ грузовыхъ теченій на нашихъ дорогахъ того времени, то, конечно, во многія выведенныя А. И. Чупровымъ цифры должны быть въ настоящее время внесены существенныя измѣненія. Тѣмъ не менѣе, не только общія положенія и выводы, устанавливаемые въ этихъ частяхъ труда, но даже самыя цифры представляютъ большой историческій интересъ и сохраняютъ свое значеніе для нашего времени, такъ какъ значительная часть нашей современной рельсовой сѣти находится теперь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, именно въ той стадіи развитія, которая была объектомъ изслѣдованія А. И. Протяженіе рельсовой сѣти, вмѣсто 8—16 тысячъ, превышаетъ въ настоящее время 60 тысячъ верстъ, желѣзнодорожная статистика и ея разработка чрезвычайно расширились, создано специальное обширное желѣзнодорожное законодательство, всѣ желѣзныя дороги въ значительной степени объединены въ

эксплоатаціонномъ отношеніи въ одно цѣлое, подъ контролемъ и руководствомъ правительственной власти. Возникли цѣлыя новыя отрасли промышленности и новыя промышленныя раіоны, напр. горно-заводское и каменноугольное дѣло въ донецкомъ краѣ, хлопковая промышленность въ Средней Азіи, маслодѣліе въ Сибири, нефтяная промышленность въ Баку, не говоря уже о чрезвычайномъ расширеніи земледѣльческой культуры на нашихъ восточныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ—на Кавказѣ, въ Сибири.

Съ внѣшней стороны первая часть изданія ученыхъ трудовъ А. П. безукоризненна. Всѣ лица (профессора В. Э. Денъ, А. А. Чупровъ, Н. В. Сперанскій и инж.-мех. Е. В. Сперанскій), принявшія участіе въ подготовкѣ и исполненіи изданія, отнеслись къ своей задачѣ такъ, какъ того заслуживаютъ память покойнаго профессора и достоинство университета, которому онъ посвятилъ многіе годы своей жизни.

Къ изданію приложенъ прекрасный портретъ А. П., съ его факсимиле.—К. Загорскій.

— Проф. А. С. Алексѣевъ. Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ. Ярославль, 1910 г.

Небольшая работа проф. Алексѣева (вышедшая въ видѣ отдѣльнаго оттиска раньше печатавшихся его статей) является цѣннымъ вкладомъ въ нашу юридическую литературу. Важная тема разработана авторомъ въ доступной и живой формѣ, въ связи съ самыми общими вопросами государствовѣдѣнія. Книга носитъ, главнымъ образомъ, полемическій характеръ; она направлена противъ господствующихъ въ Германіи воззрѣній на монархію. Проф. Алексѣевъ приходитъ къ выводу, что въ классификаціи государствъ монархія и республика не могутъ считаться высшими родами; и та, и другая—подчиненные виды одного рода: господствующаго теперь правового государства, противопоставляемаго отошедшему въ прошлое государству абсолютному. Монархъ, какъ и президентъ нѣкоторыхъ республикъ, есть безотвѣтственный членъ правительства; компетенція монарха, вообще говоря, однородна компетенціи президента; единственное специфическое отличіе монарха—это его наследственность. Сначала авторъ устанавливаетъ общій признакъ государственной власти какъ таковой, затѣмъ родовой признакъ правового государства, въ отличіе отъ государства абсолютнаго, наконецъ — специфическую особенность (*differentia specifica*) монархіи.

Въ связи съ воззрѣніемъ на государственную власть какъ на силу, предшествующую праву и потому господствующую надъ нимъ и имъ не ограниченную, стоитъ ученіе, по которому власть монарха возвышается

надъ правовымъ строемъ государства. Практическое выраженіе этой мысли авторъ находитъ въ „монархическомъ принципѣ“ конституцій реставрированной монархіи во Франціи и нѣмецкихъ государствахъ первой половины XIX вѣка, а теоретическое обоснованіе той же мысли—въ ученіи Гербера и его послѣдователей. Проф. Алексѣевъ даетъ прекрасную исторію монархическаго принципа, начиная съ реставраціи. Принципъ этотъ въ его чистомъ видѣ сводился къ отрицанію какихъ-либо новыхъ началъ въ новомъ строѣ и къ утвержденію, что власть монарха осталась по прежнему неограниченной. Въ Германіи монархическій принципъ получаетъ нѣсколько иное, смягченное значеніе: признается, что монархъ въ известной сферѣ ограниченъ представительствомъ населенія. Главѣ государства принадлежитъ вся власть, минусъ опредѣленная сфера, а представительству—только эта сфера. Обращаясь къ ученію, что власть государства предшествуетъ его праву, авторъ доказываетъ, что та или иная правовая организація всегда значительно предшествуетъ государству, и само государство есть уже правовая организація: не власть творитъ право, а она сама творится правомъ, и потому связывается имъ. „Существо права заключается въ его свойствѣ ограничивать и связывать“. Здѣсь мы видимъ у проф. Алексѣева нѣкоторую двойственность: то рѣшительно говорится, что власть есть право, то она рассматривается какъ нѣчто опредѣленное правомъ (т.-е. отличное отъ него). Очевидно, что въ первомъ случаѣ власть связана правомъ со-всѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ во второмъ. Подъ правомъ или правопорядкомъ авторъ понимаетъ правосознаніе, созрѣвшее въ нѣдрахъ народной жизни: законодатель связанъ правомъ въ томъ смыслѣ, что онъ лишь констатируетъ сложившееся уже право. Едва ли можно согласиться съ этой данью исторической школѣ. Конечно, всякое право, значить и всякій государственный правопорядокъ, покоится на правосознаніи народа; но вѣдь содержаніемъ правосознанія можетъ быть предоставленіе главѣ государства творить право, не заключенное въ сознаніи народа. Указавъ на подчиненный праву характеръ власти монарха, авторъ переходитъ къ выясненію природы монархіи, какъ вида правового государства. Здѣсь онъ сталкивается съ ученіемъ Теллинека, по которому монархъ есть суверенный, высшій органъ государства. Проф. Алексѣевъ утверждаетъ, что въ правовомъ государствѣ вообще нѣтъ высшаго рѣшающаго органа, будь то народъ или государь, а есть лишь господство закона, какъ выраженія „правовыхъ представленій народа“. Правовой характеръ государства авторъ видитъ въ томъ, что мѣсто *одного* высшаго органа занимаетъ *система* органовъ. Подъ высшимъ органомъ понимается тотъ, который устанавливаетъ связывающія всѣхъ юридическія нормы и опредѣляетъ

дѣятельность остальныхъ органовъ. Проф. Алексѣевъ убѣдительно показываетъ, что такимъ органомъ современный монархъ отнюдь не является. Совершенно вѣрно, что въ конституціонномъ государствѣ нѣтъ одного высшаго органа; но совершенно невѣрно, что тамъ владыка — законъ, въ смыслѣ правосознанія народа. Владыкой является *система органовъ* (напр. парламентъ въ Англіи).

Тщательно разбирая компетенцію монарха, авторъ приходитъ къ полному уподобленію его президенту парламентарной республики. Съ этимъ нельзя согласиться безъ оговорки. Ни одинъ президентъ не обладаетъ такими правами, какими располагаютъ нѣкоторые монархи, напр. правомъ самостоятельно объявлять войну (при всей фактической неважности этого права). Далѣе, монархъ совершенно безответствененъ, тогда какъ президенты всегда отвѣтственны, хотя бы только за уголовныя правонарушенія. Врядъ ли также наследственность есть такое твердое отличіе: вѣдь можетъ быть монархъ и не наследственный (напр. первый монархъ новой династіи). Если, поэтому, трудно сказать, что уже теперь между монархіей и республикой въ правовомъ государствѣ нѣтъ принципиальнаго различія, то можно смѣло признать, что формы эти *стремятся* къ все большому и большому сходству.—Н. Болдыревъ.

Въ теченіе іюля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бальмонтъ, Е.—Змѣйные цвѣты. Москва, 1910 г. Цѣна 3 р.

Бальмонтъ, Лео.—Открытое письмо П. А. Столыпину. Варшава, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Благовѣщенская, М. П., и Измайловъ, А. А.—Клуть Гамсувъ. Біографія по неизданнымъ источникамъ и литературная характеристика. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гинсъ, Г. К.—Дѣйствующее водное право Туркестана и будущій водный законъ. Спб., 1910 г.

Гинтовъ, С. И.—Бесѣды по методикѣ латинскаго языка. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Григорьевъ, Владиміръ.—Реформа мѣстнаго управленія при Екатеринѣ II. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Короленко, Владиміръ.—Бытовое явленіе. (Замѣтки публициста о смертной казни). Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Купласть, А.—Семирѣченская область. Полтава, 1910 г.

Крыловъ, И. А.—Басни. Съ рисунками худ. Богатова и Спасскаго. Изд. 2. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Марголинъ, С. О.—Еврей-труженникъ. Спб., 1910 г. Цѣна 15 коп.

Меншиковъ, А.—Опытъ изслѣдованія экономическаго положенія новоселовъ 1906, 1907 и 1908 гг. въ Приморской области. Подъ ред. М. Н. Савинскаго. Владивостокъ, 1910 г. Цѣна 2 р.

- Митаревскій, А.*—Акмолинская область. Полтава, 1910 г.
- Музыченко, Александръ.*—Отчетъ о специальныхъ занятіяхъ педагогикой за границей. Нѣжинъ, 1909 г.
- Музыченко, А. О.*—Реформа средняго женскаго образованія и его исторія въ Германіи. Сиб., 1909 г.
- Музыченко, Александръ.*—Философско-педагогическая мысль и школьная практика въ современной Германіи. Нѣжинъ, 1909 г.
- Никольскій, М.*—Наставленіе ходокамъ и переселенцамъ. Полтава, 1910 г.
- Новомберскій, Н.*—Ветеринарное дѣло въ Россіи въ половинѣ XVIII столѣтія. Томъ V. Томскъ, 1910 г. Цѣна 2 р.
- Новосельскій, С. А.*—Статистика самоубійствъ. Сиб., 1910 г.
- Обуловъ, А. М.*—Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.
- Обуловъ, А. М. и Саввицъ, Н. А.*—Тридцатые и сороковые годы XIX ст. въ исторіи русскаго общества и литературы. Историко-литературная хрестоматія. Нижній-Новгородъ, 1909 г. Цѣна 80 коп.
- Печальный, Георгій.*—Стихотворенія. Керчь, 1909 г. Цѣна 1 р.
- Розинъ, Н. П., проф.*—Объ оскорбленіи чести. Уголовно-юридическое изслѣдованіе. Второе перераб. и дополн. изданіе. Общая часть. Опозореніе. Томскъ, 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Роковъ, Г.*—Воспитатели, школа и молодое поколѣніе. Москва, 1910 г. Цѣна 75 коп.
- Риттигъ, П. А.*—У альпійскихъ егерей. Письма изъ Франціи. Сиб., 1910 г. Цѣна 3 р.
- Семновъ Волжскій, С.*—Разказы. Т. I. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Соколовъ, Г. А.*—Въ защиту церковно-славянскаго языка. Астрахань, 1910 г.
- Савари, А. М.*—Краткія свѣдѣнія о Семипалатинской области. Полтава, 1910 г.
- Сервантесъ, Мигель.*—Славный рыцарь Донъ-Кихоть Ламанчскій. Романъ въ 2-хъ томахъ. Новый полный переводъ С. М. съ портретомъ и рисунками Густава Доре. Москва, 1910 г. Цѣна за два тома 3 р.
- Спиноза, Бенедиктъ.* Политическій трактатъ. Пер. съ латинскаго студента А. Б. Ставскаго, подъ ред. и съ пред. Е. В. Снекторскаго. Варшава, 1910 г. Цѣна 1 р.
- Уэллсъ, Гербертъ-Джорджъ.* Собраніе сочиненій. Томъ 9. Топо-Бэнге. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.
- Шалландъ, Л. А., проф.* Безотвѣтственность и неприкосновенность депутатовъ во Франціи. Юрьевъ, 1910 г. Цѣна 80 к.
- Шевкунъ, А.* Иркутская губернія. Полтава, 1910 г.
- Шереметевъ, П. С., гр.* Бонапартъ и русскіе въ 1789 году и о Заборовскомъ. Москва, 1910 г.
- Шершеневичъ, Г. Ф.* Соціологія. Лекціи. Москва, 1910 г. Цѣна 40 коп.
- Федоровъ, А. М.* Бурунь. Разказъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.
- , А. М. Жатва. Разказъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.
- Виды на урожай въ 1910 году. Москва, 1910 г.
- Журналь ген.-адъют. графа К. О. Толь о декабрьскихъ событіяхъ 1825 года. Изд. и ред. гр. Е. Н. Толь. Сиб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Матеріалы къ вопросу о борьбѣ съ холерой на водныхъ путяхъ Вытегрскаго Округа Путей Сообщенія. Д-ра мед. А. В. Чирикова. Вытегра, 1910 г.

- Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго Учебнаго Округа за 1909 годъ. Тифлисъ, 1910 г.
- Сборникъ т-ва „Знаніе“ за 1910 г. XXXI. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.
- Статистико-Экономическій Обзоръ Херсонской губ. за 1908 г. Годъ 22-ой. Херсонъ, 1910 г.
- Уроженцы и дѣятели Владимірской губ., получившіе извѣстность. Собр. и дополнилъ А. В. Смирновъ. Вып. 4. Владимір-губ., 1910 г. Цѣна 75 коп.
- Фракція народной свободы въ періодъ 10 окт. 1909 г.—5 іюня 1910 г. Отчетъ и рѣчи депутатовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.
- Экскурсіи учащихся Кавказскаго учебнаго округа въ 1909 году. Тифлисъ, 1910 г.
- 1910 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Выпускъ I. Спб., 1910 г.
- Демократически Прѣгледъ. Година VIII, книга VI. Софія, 1910 годъ.

КУИНДЖИ И ЛЕВИТАНЪ

Цѣнный даръ творчества, однажды возгорѣвшись въ человѣческой душѣ, угасаетъ обыкновенно вмѣстѣ съ человѣкомъ. Какъ его ни тушить жизнь, какіе вихри ни поднимаетъ она, творческіе лучи все же проникаютъ сквозь тучи, и обычно художникъ видитъ жизнь освѣщенною свѣтомъ творчества до конца дней своихъ.

Но бываютъ исключенія. Начало самостоятельной творческой дѣятельности недавно скончавшагося художника относится къ концу семидесятихъ годовъ; конецъ же—къ серединѣ восьмидесятихъ. Съ тѣхъ поръ Куинджи, вплоть до самой смерти, не выставляетъ ни одной картины. Это двадцатипятилѣтнее бездѣйствіе талантливаго художника тѣмъ болѣе удивительно, что оно зависѣло только отъ свободнаго его рѣшенія. И совсѣмъ страннымъ покажется такое бездѣйствіе, если вспомнить, какъ счастливо выступилъ Куинджи, какую громкую славу завоевалъ своими картинами и какъ сразу былъ признанъ. И вотъ, не смотря на признаніе публики, не смотря на сочувствіе тогдашней передовой художественной молодежи, не смотря на шипѣнье художниковъ-рутинеровъ (тоже вѣдь хорошій показатель для таланта), не смотря на все это,—творчество Куинджи вдругъ сразу обрывается. Онъ добровольно обрекаетъ себя на молчаніе.

Будущій біографъ этого талантливаго художника и прямого чловека выяснитъ, конечно, мотивы такого страннаго творческаго воздержанія. Намъ остается только догадываться. Было ли здѣсь разочарованіе въ цѣнности созданнаго? Думаю, что нѣтъ. Это видно изъ

того, что, перерывавъ нить своего творчества, Куинджи ничуть не порвалъ связи съ художественнымъ міромъ: наоборотъ, когда начались въ академіи реформы, онъ вошелъ въ тѣсное соприкосновеніе съ академической молодежью и пользовался ея любовью, не только въ качествѣ печальника о матеріальныхъ ея нуждахъ, но и въ качествѣ идейнаго руководителя передовой въ академіи партіи. Въ основѣ этого руководительства лежали тѣ художественныя цѣнности, которыми Куинджи создалъ себѣ имя за краткій періодъ своей творческой дѣятельности. И роль вождя была ему по душѣ. Слѣдовательно, не разочарованіе въ цѣнности созданнаго было причиною бездѣйствія его въ теченіе цѣлой четверти вѣка. Скорѣе можно приписать его неувѣренности Куинджи въ своихъ силахъ. Надо думать, что послѣ первыхъ триумфовъ онъ уже не надѣялся сдѣлать нѣчто большее, не надѣялся достигнуть еще большей славы. Если это вѣрно, то такая черта показываетъ необычайную силу воли, ибо броженіе жизненныхъ силъ, направленныхъ въ сторону искусства, было въ немъ очень велико.

Какъ художникъ, онъ все время стремится къ искусству; какъ человѣкъ исключительнаго самолюбія, онъ налагаетъ на свое творчество запретъ, и въ сферѣ искусства ему остается лишь дѣятельность учителя, совѣтника и радѣтеля о нуждахъ академической молодежи. Но къ тому времени, когда онъ окончательно завоевываетъ себѣ у этой молодежи любовь и уваженіе своей отзывчивостью и прямою, подрастаетъ и крѣпнеть иная художественная молодежь—не академическая. И скорѣе она оказывается въ передовомъ художественномъ лагерѣ. Между тѣмъ, разъ отнесясь къ этимъ молодымъ силамъ отрицательно, Куинджи держится отрицательнаго о нихъ мнѣнія до конца своей жизни.

Какова художественная фізіономія Куинджи? Принято говорить, что онъ былъ реалистъ. Да, конечно. Но вѣдь и Шишкинъ, и Левитанъ были реалистами,—однако разница между этими художниками очевидна.

Мірѣ многограненъ. Многограненъ и духъ человѣческій. Отсюда неисчислимое количество возможныхъ комбинацій и соотношеній при соприкосновеніи творческаго духа съ міромъ. Творческіе замыслы двухъ художниковъ, изображающихъ одинъ и тотъ же объектъ, бывають такъ различны, что иной разъ диву даешься: какъ много вмѣщаетъ въ себя творческій духъ изъ многообразнаго міра, и какъ многообразно объясняетъ онъ намъ этотъ міръ. Художникъ объясняетъ, какимъ онъ его видитъ и какимъ, по его мнѣнію, этотъ міръ долженъ быть и въ нашихъ глазахъ. И вотъ, вспоминается завѣтъ Рафаэля: *fare le cose non come le fa la natura, ma come ella*

le dovrebbe fare. Завѣтъ—подлинно реалистическій: цѣнный металл реализма очищается тутъ отъ грубой натуралистической руды. И художникъ—подлинно реалистъ только тогда, когда изъ темныхъ нѣдръ природы искусно и по-своему добываетъ чистый металл — свое твореніе; кто мѣдь, кто золото, кто желѣзо, кто серебро. Иное по-своему добытое желѣзо здѣсь цѣннѣе бываетъ неумѣло отмытаго отъ руды золота: вѣдь кромѣ добытаго металла, приобрѣтеніемъ для всѣхъ любящихъ землю является также искусный способъ извлеченія изъ нея богатствъ. Какія же богатства добывалъ Куинджи изъ нѣдръ природы и какъ добывалъ онъ ихъ?

Выше были названы имена двухъ не менѣе чѣмъ Куинджи извѣстныхъ художниковъ: Шишкина—старшаго собрата Куинджи,—и Левитана—младшаго его собрата по живописи. Сравненіе художественныхъ фізіономій этихъ русскихъ пейзажистовъ будетъ тѣмъ болѣе умѣстно, что нынче какъ разъ исполнилось десятилѣтіе со дня смерти Левитана.

Тема Шишкина—лѣсъ, русская лѣсная глушь. Забравшись въ нее, Шишкинъ почти не выходитъ въ поле, занятый своими сосновыми стволами и вѣтками и солнечными бликами на нихъ. Природу передаетъ онъ съ удивительной точностью, подолгу останавливаясь на мелочахъ и подробностяхъ, часто даже впадая въ сухую фотографичность. Реалистическія богатства, добываемыя Шишкинымъ изъ нѣдръ природы, почти всегда содержатъ въ себѣ плохо отмытую руду натурализма.

Романтическая красивость маринъ учителя Куинджи — Айвазовскаго—отразилась и на пейзажахъ его ученика. Болѣе всего сказывается она въ выборѣ художникомъ темъ яркаго, контрастнаго освѣщенія. Знаменитыя, столь шумѣвшія картины Куинджи: „Березовая роща“ и „Лунная ночь въ Малороссіи“—вотъ образцы прекрасно понятаго и умѣло переданнаго яркаго освѣщенія, во всей его волшебной интенсивности. Здѣсь нѣтъ ничего похожаго на Шишкинскую трезвость. Передъ нами энтузіастъ. Нѣтъ ему надобности, подобно Шишкину, каждой вѣткой и каждымъ сучкомъ увѣрять васъ въ томъ, какъ хороша природа: чтобы убѣдить въ этомъ зрителя, для Куинджи достаточно восторженнаго возгласа—возгласа яркимъ красочнымъ пятномъ, рѣзкой и смѣлой тѣнью, четкимъ и мѣткимъ бликомъ. Отсюда его эффектность, быть можетъ иногда и театральная, но во всякомъ случаѣ прямая и непосредственная.

Картины Левитана также притягиваютъ своей непосредственностью, но все стремленіе этого художника — не къ фееричной красивости контрастныхъ тоновъ на сочной желто-зеленой травѣ или на бѣлыхъ украинскихъ мазанкахъ, а къ тихой углубленности задумчиваго великорусскаго пейзажа. Онъ говоритъ о тихой красотѣ не-

латвійскихъ березонныхъ лѣсковъ Новгородской губерніи, о печальной шире спокойныхъ русскихъ рѣкъ. За Левитаномъ по праву должна быть закрѣплена честь открытія простой и глубокой души русской природы.

Хорошо изучившій свою тему Шишкинъ дѣловито показывается: „вотъ точно такой — а не иной, — лѣсъ въ Россіи“. Восторженный Куинджи восклицаетъ въ своихъ пейзажахъ: „смотрите, какъ прекрасна эта пышная красавица земли!“ А Левитанъ думаетъ про себя: „какъ бы убога и проста ни была ты, родная земля—такую и люблю я тебя, тихую“. И кто чувствуетъ душу своей земли, — тотъ безъ словъ и возгласовъ пойметъ Левитана.

Большія богатства извлечь Левитанъ изъ недръ родной земли, такъ какъ глубоко искалъ, и вѣрилъ, что найдетъ. Онъ нашелъ большія цѣнности, чѣмъ Куинджи, быть можетъ потому, что передъ нимъ лежалъ большій опытъ въ творествѣ болѣе раннихъ художниковъ (въ разрѣшеніи проблемы свѣта и красокъ), — и онъ умѣло воспользовался этимъ опытомъ, — насколько вообще возможно въ области искусства чужимъ опытомъ воспользоваться. Куинджи долженъ былъ однимъ изъ первыхъ въ русской живописи пройти черезъ искусь этого опыта. Онъ выдержалъ его съ достоинствомъ побѣдителя и въ этомъ его неувидаемая заслуга.

Конст. Эрбергъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Десятилѣтіе смерти В. С. Соловьева. — В. С. Соловьевъ и послѣконституціонная современность. — Религіозная свобода. — Походъ епископа противъ г. Шварца. — Изъ-за монастырскихъ доходовъ. — Эпизоды борьбы за церковную школу. — Еврейскій вопросъ. — Травля, преслѣдованіе и неуклонное соблюденіе закона. — Что ждетъ евреевъ въ ближайшемъ будущемъ? — В. С. Соловьевъ и смертная казнь. — В. А. Фаусекъ, Н. А. Шишковъ, В. М. Володиміровъ, А. П. Масловъ, М. В. Картавцева-Крестовская †.

31-го іюля 1900 г. скончался Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ. Въ послѣдніе годы русское общество такъ много пережило, сейчасъ мы все еще настолько находимся подъ впечатлѣніемъ пережитаго — общественнаго подъема, сперва, и революціоннаго взрыва, затѣмъ, — переживаемая послѣконституціонная реакція въ такой мѣрѣ если не всехъ насъ давить, то всехъ волнуетъ, — что при каждомъ воспоми-

паніи о людяхъ, ушедшихъ за грань земного до наступленія этихъ послѣднихъ лѣтъ, рѣшительно передъ всѣми, помимо воли, встаетъ вопросъ: на чьей сторонѣ и съ кѣмъ былъ бы теперь покойникъ? Этотъ вопросъ явственно звучалъ въ рѣчахъ и статьяхъ, посвященныхъ памяти К. Д. Кавелина, со дня смерти котораго 3-го мая минула четверть вѣка. Можно быть увѣреннымъ, что онъ же прозвучитъ въ томъ, что будетъ сказано по поводу десятилѣтія кончины В. С. Соловьева. И въ отношеніи Соловьева такія поминки не будутъ имѣть и тѣни искусственности. Не нужно даже особаго усилія воображенія, чтобы представить себѣ Соловьева живымъ. Если бы смерть не похитила его десять лѣтъ тому назадъ, ему было бы теперь всего 57 лѣтъ. Онъ былъ бы среди насъ не отжившимъ старикомъ, не человѣкомъ сороковыхъ годовъ, даже не шестидесятникомъ, а полнымъ силъ и энергіи современникомъ. Въ области политики передъ нимъ стояло бы то самое, что всего болѣе заставляло его болѣть и страдать при жизни: угнетеніе инородцевъ и иновѣрцевъ, тиски, наложенныя на свободу совѣсти, мысли и слова, смертная казнь, торжество готтентотской морали.

Соловьевъ умеръ въ тотъ моментъ, когда въ русскомъ общественномъ сознаніи уже было сформулировано слово „конституція“. Оно еще только не было произнесено, главнымъ образомъ потому, что произносить его было нельзя. Споръ о неразрывной связи между формой государственнаго строя и содержаніемъ государственной дѣятельности былъ оконченъ въ половинѣ девяностыхъ годовъ. Въ неравномъ спорѣ, въ которомъ могла громко возвышать голосъ только сторона, отрицавшая неустранимую причинную зависимость содержанія законодательства и приемовъ управленія отъ формы строя и выдвигавшая, какъ принципъ, безразличіе той или другой формы—послѣ несбывшихся ожиданій начала новаго царствованія, побѣда осталась за стороной, вынужденно молчавшей. Прогрессивные слои общества въ послѣдній годъ XIX-го вѣка уже были объединены желаніемъ—конечно, не требованіемъ—„реформы“, а не „реформъ“. Соловьевъ оказался внѣ создаваемаго объединенія. Вѣрный своему общему религиозно-философскому міросозерцанію, онъ и въ работахъ научныхъ, особенно въ „Исторіи и будущности теократіи“, всегда проводилъ мысль о неограниченной монархіи—правда, своеобразно понимаемой,—какъ единственной нормальной съ его точки зрѣнія формѣ государственнаго строя. Широкой публикѣ, однако, эти его работы частью были неизвѣстны, частью по цензурнымъ условіямъ недоступны. Въ работахъ же публицистическихъ, пока шелъ споръ о безразличіи формы правленія, онъ прямо по предмету спора не высказывался. Но когда

споръ сталъ клониться къ концу, Соловьевъ съ полной опредѣленностью объявилъ себя противникомъ конституціонализма.

Въ этомъ удаленіи Соловьева отъ русла, въ которое вошло общественное настроеніе и въ которомъ оно твердо тогда обосновалось, лежитъ причина того, что его смерть не была общественнымъ событіемъ. Сопровождавшихъ его тѣло на мѣсто послѣдняго упокоенія считали тысячами не приходилось. Едва ли ихъ были сотни. Соловьевъ умиралъ весь охваченный мыслью о „желтой опасности“ для христіанства и для европейской культуры. Черезъ возгорѣвшееся боксерское возстаніе въ Китаѣ онъ глядѣлъ на много лѣтъ впередъ. Русское же общество въ то время цѣликомъ отдавалось своей домашней современности. Для насъ боксерское возстаніе было эпизодомъ, если не чуждымъ, то далекимъ: какъ опасность — далекимъ во времени, какъ фактъ — далекимъ въ пространствѣ. Насъ оно тревожило не столько само по себѣ, сколько тѣмъ, что могло отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ чувствовалось, что идейный абсолютизмъ уже выродился въ безсиліе кажущагося приказнаго всемогущества и что въ борьбѣ съ теченіемъ въ пользу „реформы“ онъ шатается и дѣлается съ каждымъ шагомъ слабѣе. Плеве тогда еще не былъ у власти. Тогда только-что взошла звѣзда иного типа — звѣзда Сипягина.

Черезъ четыре-пять лѣтъ Соловьевъ не былъ бы, конечно, ни членомъ союза освобожденія, ни участникомъ съѣздовъ и митинговъ, ни составителемъ партійныхъ программъ. Подобно Льву Толстому, онъ не примкнулъ бы къ освободительному движенію, ибо главнымъ лозунгомъ движенія была конституція. Но Толстой во всемъ стоялъ въ сторонѣ отъ движенія, Соловьевъ же, безъ сомнѣнія, далъ бы свою подпись и подъ датированную 12-мъ января 1905 г. записку трехсотъ сорока двухъ ученыхъ, и подъ каждую резолюцію, требовавшую равноправія національностей, свободы слова и вѣроисповѣданія или отмены смертной казни. Онъ съ энтузіазмомъ привѣтствовалъ бы манифестъ 17-го октября, поскольку этимъ актомъ не только была дарована конституція, но вмѣстѣ съ конституціей были провозглашены „незыблемыя“ основы гражданской свободы. Онъ привѣтствовалъ бы навѣрное и адресъ первой Думы. Словомъ, не будучи ни кадетомъ, ни октябристомъ, ни мирнообновленцемъ, ни тѣмъ болѣе социаль-демократомъ или трудовикомъ, Соловьевъ, всетаки, во многомъ былъ бы съ конституціоналистами. Отъ конституціоналистовъ его отдѣлялъ бы отвлеченный принципъ. А отъ абсолютистовъ — непреходимая реальная пропасть ихъ злобы, мстительности и человѣконенавистничества.

Въ настоящій моментъ, когда слово конституція, въ приложеніи къ нашему новому государственному строю, все больше и больше стано-

вится только словомъ, когда „реформа“ создала возможность такихъ „реформъ“, передъ которыми останавливалась реакція восьмидесятыхъ годовъ,—въ настоящій моментъ отвлеченный принципъ, отдѣлявшій Соловьева отъ прогрессивныхъ слоевъ общества поднялся въ такую высь, откуда онъ раздѣлять людей не можетъ. Лѣвыя партійныя перегородки если еще не упали, то готовы упасть подъ тяжестью торжества реакціи. Реакція торжествуетъ безудержно и торопится закрѣпить свое торжество. Она мечется отъ Финляндіи къ Холмщинѣ и къ Западному краю, отъ насильственного разрушенія общины къ раздачѣ дворянамъ излишне взятыхъ съ крестьянъ крестьянскимъ банкомъ рублей, отъ „потѣшныхъ ротъ“ къ разрушенію университетской автономіи и къ насажденію въ студенчествѣ пуришкевичевскаго академизма, отъ разжиганія племенной вражды противъ евреевъ къ преслѣдованію евреевъ въ „законномъ“ и циркулярномъ порядкѣ, отъ расширенія „охранныхъ“ полномочій и увеличенія каръ, какъ единственно вѣрнаго средства борьбы съ преступностью, къ возрожденію смертной казни за общеуголовныя правонарушенія. Въ такой моментъ индивидуальныя обособленія исчезаютъ сами собою и люди, высоко стоящіе надъ толпой, входятъ въ толпу. Въ толпу снова вошелъ Левъ Толстой. Онъ идетъ сейчасъ своей тропой, но среди насъ. Вошелъ бы въ толпу и Владиміръ Соловьевъ. И онъ, всего себя отдававшій оправданію вѣры отцовъ и оправданію добра, сильнѣйшій борецъ съ челоуѣконенавистничествомъ и съ угнетеніемъ въ людяхъ живого духа, онъ былъ бы принятъ толпой конституціоналистовъ какъ первый соратникъ. Въ короткіе дни свободы паломничества въ Ясную Поляну не было. А теперь, кого не тянетъ и кто не идетъ къ великому старцу? Русское прогрессивное общество вѣры въ конституціонализмъ не утратило. Но оно на горькомъ опытѣ познало, что измѣненіе формы государственнаго строя, само по себѣ, ничего не предрѣшаетъ: въ рамки народнаго представительства можетъ быть вложена Дума 3-го іюня.

Завѣтной мечтой Соловьева былъ созывъ православнаго церковнаго собора. Онъ считалъ, что этотъ соборъ будетъ первымъ шагомъ къ созыву собора вселенскаго и къ возстановленію христіанскаго единства. Въ періодъ конституціонныхъ ожиданій его мечта была близка къ осуществленію. Первымъ вступилъ въ новое объединенное министерство, въ кабинетъ гр. С. Ю. Витте, личный другъ Соловьева и идейно близкій ему челоуѣкъ, князь А. Д. Оболенскій. Кн. Оболенскій былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ синода, т.-е. занялъ мѣсто, съ котораго двадцать пять лѣтъ главенствовалъ надъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія и надъ православнымъ духовенствомъ К. П.

Побѣдоносцевъ. Одинъ этотъ фактъ, даже самъ по себѣ взятый, знаменовалъ бы для Соловьева полный отказъ отъ религіозныхъ гоненій и отъ принудительныхъ мѣръ въ дѣлахъ вѣры. Ки. Оболенскій энергично взялся за мысль о церковномъ соборѣ. Едва ли православный церковный соборъ, вопросъ о которомъ въ 1906 г. былъ детально разработать, явился бы дѣйствительно шагомъ къ воссоединенію церквей. Но въ глазахъ Соловьева необходимость помѣстнаго собора обуславливалась отнюдь не только его посредствующимъ значеніемъ.

Прошло четыре года. По ироніи судьбы, постъ оберъ-прокурора синода занимаетъ тоже личный знакомый Соловьева, г. Лукьяновъ. Мысль о соборѣ оставлена. Въмѣсто собора, въ Кіевѣ былъ одинъ миссіонерскій съѣздъ, въ Казани—другой. Резолюціи этихъ съѣздовъ, особенно кіевскаго, хорошо извѣстны и долго будутъ памяты. Сдѣйствіе гражданскихъ властей, кары и запреты снова провозглашены, какъ главное средство охраны православія. По деревнямъ священники вызываютъ прихожанъ для исполненія долга исповѣди и причастія черезъ урядниковъ. Покойному О. Я. Пергаменту чуть не было отказано въ христіанскомъ погребеніи, такъ какъ его родственники не могли представить удостовѣренія о томъ, что онъ каждагодно бывалъ у исповѣди. Усердствующіе губернаторы и градоначальники широко идутъ на встрѣчу требованію если не юридически, то фактически аннулировать значеніе указа 17-го апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости. Петербургскимъ градоначальникомъ было сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы отъ лицъ православнаго исповѣданія, подающихъ заявленія о перемѣнѣ вѣры, требовались указанія, въ приходѣ какой церкви они проживаютъ и кого имѣютъ своимъ духовнымъ отцомъ. Понадобилось вмѣшательство министра внутреннихъ дѣлъ для разъясненія казалось бы азбучной истины, что лица, подающія заявленія о переходѣ изъ православія въ другое исповѣданіе, „безъ сомнѣнія задолго до исполненія требуемыхъ закономъ для легализаціи вѣроисповѣдной перемѣны формальностей прекращаютъ общеніе съ православною церковью и ея служителями и фактически едва ли имѣютъ среди православныхъ пастырей духовнаго отца въ смыслѣ руководителя ихъ духовной жизни“.

Изъ другого циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ извѣстно, что были примѣры, когда губернаторы обуславливали разрѣшеніе публичныхъ собраній сектантовъ представленіемъ списковъ лицъ, принадлежащихъ къ сектѣ въ данной мѣстности, провѣркой этихъ списковъ, опросомъ вошедшихъ на собраніе лицъ и отобраніемъ подписки о дѣйствительной принадлежности къ сектѣ—т.-е. мѣрами, имѣвшими характеръ отнски, равносильной запрету. Отъ проповѣдниковъ отнималось право свободнаго передвиженія. Однимъ полицеймейстеромъ было

отказано въ разрѣшеніи собранія евангельскимъ христіанамъ-баптистамъ, „во-первыхъ, въ виду имѣвшихся у полицеймейстера свѣдѣній, что собранія эти имѣютъ цѣлю совращеніе православныхъ, и во-вторыхъ, потому, что въ данномъ городѣ не существовало зарегистрированной законнымъ порядкомъ общины христіанъ-баптистовъ“. Опять понадобилось вмѣшательство министра для разясненія, что „отсутствіе зарегистрированной общины не можетъ служить основаніемъ къ воспрещенію устройства сектаптами молитвенныхъ собраній“ и что „съ дарованіемъ по Высочайшему указу 17-го апрѣля 1905-го года православнымъ права свободнаго перехода въ другія христіанскія вѣроисповѣданія и вѣроученія, возможность отпаденія православныхъ отъ своей вѣры подъ вліяніемъ иноземнаго богослуженія или молитвословія не является препятствіемъ къ совершенію таковыхъ“.

На первый взглядъ приведенныя разясненія должны вызывать чувство удовлетворенія. Все-таки, есть хоть власть министра, которая охраняетъ возглашенное начало терпимости въ дѣлахъ вѣры и останавливаетъ азбучными соображеніями не въ мѣру усердствующихъ мѣстныхъ администраторовъ. Но ничему, вызывающему чувство удовлетворенія, по нынѣшнимъ временамъ, нельзя отдаваться. Считая допустимымъ иновѣрное богослуженіе или молитвословіе, не смотря на создаваемую ими возможность отпаденія православныхъ отъ своей вѣры, тотъ же министр и въ тѣхъ же циркулярахъ объявляетъ: „очевидно, не можетъ почитаться дозволенной раздача приглашеній на молитвенныя собранія сектантовъ среди лицъ, къ данной сектѣ не принадлежащихъ, или какого-либо иного рода призывы на сектантское богомоленіе, призывныя афиши, плакаты и т. п.“. А съ другой стороны необходимо оговориться, что всѣ эти разясненія были напечатаны въ газетахъ еще въ мартѣ. Состоялись же они тому назадъ, можетъ быть, полгода, а можетъ быть — и цѣлый годъ. Въ нарастаніи современной реакціи и въ неуклонно послѣдовательномъ эволюціонированіи въ реакціонномъ направленіи министерства П. А. Столыпина годъ и даже полгода — срокъ не малый. Намъ лишь случайно попадаютъ въ руки „Земщина“ и „Колоколь“, и мы не помнимъ, чтò именно печатали они по поводу „радикальныхъ“ и „безбожническихъ“ разясненій. Органы г. Маркова и Замысловскаго и синодскаго чиновника, г. Скворцова, конечно, не молчали и, конечно же — какъ ни грустно быть въ этомъ увѣренномъ à priori, — ихъ окрики и вопли возымѣли дѣйствіе. А потому весьма и весьма вѣроятно, что губернаторы къ настоящему времени уже успѣли получить новѣйшія разясненія разясненій — секретныя разясненія по чьей-то нескромности опубликованныхъ циркуляровъ. Что такое предположеніе не фантастично, подтверждаетъ слѣдующая телеграмма отъ 14-го іюля

иль Твери („Русское Слово“, № 161): „Группѣ христіанъ-евангелистовъ администраціей запрещены собранія. Полиціей отбирались подписки въ томъ, что собраній, чтенія и толкованія Евангелія они производить не будутъ“.

Отказавшись отъ собора, высшее православное духовенство не только вернулось къ прежнему, насажденному Побѣдоносцевымъ воззрѣнію на свои пастырскія задачи. Оно вполнѣ вошло въ политику. Имена архіепископа Антоція польскаго, епископовъ Серафима кишиневскаго и Гермогена саратовскаго, а также протоіерея Восторгова по праву заняли мѣсто среди именъ передовыхъ борцовъ контрреволюціи. Ихъ имена приобрѣли такую же извѣстность, какъ имена гг. Дубровина, Пуришкевича или гр. Коновницина. За высшимъ духовенствомъ потянулись Иліодоры. Закономъ 3-го іюня православные священники массою введены въ Государственную Думу. Тамъ, подъ главенствомъ двухъ епископовъ, они составляютъ вѣрную реакціи испугательную силу, спаянную священнослужительскою дисциплиною, политическое значеніе которой духовная власть такъ ярко демонстрировала на лишенныхъ сана священникахъ-членахъ первой и второй Думы. Выбранные народомъ въ его представители бывшіе священники Огневъ, Афанасьевъ, Тихвинскій, Бриллиантовъ тоже отдались политикѣ. На ихъ примѣрѣ и на многихъ случаяхъ лишенія однихъ священниковъ за выѣдумскую политическую дѣятельность сана и награжденія другихъ высшая церковная власть, въ полномъ согласіи съ властью свѣтскою, сказала подначальнымъ служителямъ церкви: записаться политикой — вашъ долгъ, но никакой свободы политическаго самоопредѣленія для васъ нѣтъ. Въ результатѣ священники-члены Думы голосуютъ за смертную казнь, за уничтоженіе деревенской общины, за ограниченіе правъ ипородцевъ, за охрану интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ, хотя бы въ ущербъ интересамъ крестьянъ. Думское духовенство своими голосами закрѣпило афоризмъ г. Маркова 2-го: земству нуженъ дворянинъ, „ибо это мозгъ русскаго народа“...

Петербургскій викариальный епископъ Антонинъ, слово котораго еще такъ недавно раздавалось съ церковнаго амвона—въ монастырѣ „на покой“. Преосвященный подольскій Порфирій уволенъ за то, что при объѣздѣ епархіи объяснялся съ паствою на единственно понятномъ ей языкѣ—по-малорусски („Петербургскія Вѣдомости“, № 144). Когда умеръ протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства, толки о кандидатахъ на вакантный постъ вращались исключительно вокругъ свѣдѣній о политической окраскѣ и о партійной принадлежности того или другаго кандидата. О пастырскихъ ихъ заслугахъ даже не упоминалось. То же самое повторилось послѣ смерти придворнаго прото-

пресвитера. Въ русской современности послѣдовательно проводится подчиненіе всего и всѣхъ политикѣ: школы, земства, арміи, церкви. Политическое безразличіе солдатъ и офицеровъ, учащихъ и учащихся, а также служителей алтаря объявлено вздорной „кадетской“ выдумкой. Для всѣхъ и вездѣ политика обязательна. Только, конечно, политика однобокая, „истинно-русская“.

Уподобившись свѣтскимъ главарямъ черносотенства, церковные іерархи полемизируютъ между собой, на соблазнъ вѣрующихъ ведутъ другъ противъ друга подпольную и надпольную войну и преуспѣваютъ въ розыскахъ корней крамолы. Бессарабскій епископъ Серафимъ узрѣлъ крамольника... въ г. Шварцѣ! Нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія—и крамола! Даже г. Меньшиковъ до этого не договаривался; даже его епископъ Серафимъ превзошелъ. Поводомъ для епископскаго гнѣва противъ министерства народнаго просвѣщенія послужилъ отказъ Государственной Думы въ ассигновкѣ 232 тысячъ рублей на увеличеніе содержанія служащихъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾. „Бессарабское духовенство!—зываютъ въ отвѣтъ на рѣшеніе Думы „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“, официальный органъ мѣстнаго преосвященнаго.—Вы должны показать, что стоите на стражѣ государственныхъ интересовъ Россіи, какъ православнаго государства. Вы должны понять, что наши главные враги—это инородцы, чуждые намъ по духу, если не по вѣрѣ, засѣдающіе въ министерствѣ народнаго помраченія, — да простятъ это слово тѣ, кто понимаетъ, какой мракъ наводитъ на Русь министерство народнаго просвѣщенія своимъ проектомъ отнятія церковныхъ школъ, проводимымъ черезъ Государственную Думу, и своимъ отношеніемъ къ духовному вѣдомству“. И очевидно для полноты состава преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго ст. 129 уголовного уложенія, которая, какъ отлично извѣстно епископу Серафиму, написана не для него и не для его политическихъ союзниковъ, газета на цитированныхъ словахъ точки не ставитъ: она тутъ же указываетъ и средство „преступнаго“ противоудѣйствія „видамъ правительства“. „А когда это поймете, — такъ заканчивается „возбуждающій“ призывъ, — то первымъ вашимъ долгомъ будетъ написать въ редакцію „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, за подлинною подписью всѣхъ единомыслящихъ и за приложеніемъ церковной печати, о нежелательности иноплеменнаго и особенно иновѣрческаго начала въ русскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія“.

Не намъ, конечно, становиться въ какомъ бы то ни было отношеніи на защиту политики г. Шварца. Не взялъ бы ее подъ свою защиту и Владиміръ Соловьевъ. Для насъ распря между епископомъ

¹⁾ См. выше, внутреннее обозрѣніе.

Серафимомъ и г. Шварцемъ—внутреннее, домашнее дѣло „истинно-русскихъ“ славянскаго происхожденія съ „истинно-русскими“ иѣмцами. Такъ было бы и для Соловьева. Но онъ не прошелъ бы мимо факта политическаго сьска, чинимаго епископомъ, мимо начальственнаго подстрекательства бессарабскаго духовенства къ тому, за что людей другого политическаго образа мыслей, не исключая православныхъ священниковъ, современная русская государственность ежедневно подвергаетъ суровымъ карамъ. Легко представить себѣ, какая судьба постигла бы того бессарабскаго священника, который счелъ бы долгомъ своей совѣсти откликнуться на возбуждающій призывъ — „за подлинной подписью единомыслищихъ и за приложеніемъ церковной печати“, но въ направленіи, обратномъ желаніямъ епископа Серафима. Соловьевъ не прошелъ бы мимо того, что официальный духовный органъ относитъ церковныя бѣды—допустимъ, что отказъ въ ассигнованіи 232 тысячъ есть церковная бѣда—на счетъ „политической спячки“ духовенства. „Пора проснуться намъ отъ политической спячки“ — такъ начинается призывъ къ походу противъ г. Шварца.

Тотъ же кишиневскій епископъ Серафимъ не поладилъ съ другимъ Серафимомъ, епископомъ подольскимъ, насчетъ чтимаго мѣстнымъ населеніемъ балтскаго Θεодосіевскаго монастыря. О своей борьбѣ съ паломничествомъ въ этотъ монастырь, гдѣ, по его словамъ, „эксплоатація молдаванъ была обставлена весьма хитро—при покровительствѣ начальства монастыря, намѣревавшагося деньгами доверчивыхъ молдаванъ матеріально обставить бѣдный свой монастырь“, — кишиневскій епископъ оповѣщаетъ въ мѣстныхъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Онъ велъ борьбу энергично, сносаясь съ подольскимъ епископомъ, а равно обращаясь за содѣйствіемъ къ губернатору. Настоятель монастыря отвѣчалъ въ „Подоліи“, что „никакихъ злоупотребленій въ балтско-ѳеодосіевскомъ монастырѣ, въ родѣ тѣхъ, на какія указываетъ пресвященныи кишиневскій, въ дѣйствительности не было и пѣтъ“. „Это—писалъ онъ—я заявляю рѣшительно, ибо это хорошо извѣстно мнѣ, какъ настоятелю монастыря“. Теперь, въ корреспонденціи, напечатанной 29-го іюня въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, г. Дурново вскрылъ закулисную сторону епископской полемики. Дѣло, оказывается, хотя и недавно возникло, но уже имѣетъ любопытную исторію.

Умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, священникъ Θεодосій Левицкій завѣщалъ на оставленныя имъ средства основать въ г. Балтѣ мужской Θεодосіевъ монастырь. Монастырь открыли въ 1908 г., и настоятелемъ былъ назначенъ архимандритъ. Вскорѣ занимавшій подольскую кафедру епископъ Порфирій былъ удаленъ. Его преемникомъ назначили викарія московскаго митрополита, епископа Серафима

Голубятникова. „Въ Москвѣ—пишетъ г. Дурново—епископъ Серафимъ жилъ какъ архимандритъ Высокопетровскаго монастыря со своею дочерью и держалъ въ келіяхъ открыто женскую прислугу. О поведеніи его и о томъ примѣрѣ, который онъ подавалъ братіи, лучше не говорить. Знатокъ самыхъ лучшихъ и дорогихъ иностранныхъ винъ, владыка послѣ обѣда долгое время отдыхалъ и прекращалъ на 5—6 часовъ приемы; электрическій звонокъ въ это время бездѣйствовалъ“. „Такому владыкѣ — продолжаетъ разсказъ авторъ корреспонденціи — въ Каменецъ-Подольскѣ понадобились большія средства. Пришлось выпросить у синода самый богатый въ епархіи монастырь въ Шаргородѣ, могилевскаго уѣзда. Но тогда и викарій пожелалъ тоже увеличить и свои доходы. Рѣшено было такъ: викарію предоставляется на эксплуатацію монастырь въ Балтѣ; епископъ подольскій закрываетъ глаза на все происходящее въ балтскомъ монастырѣ, а викарій молчитъ о дѣйствіяхъ шаргородскихъ монаховъ, которые, обходя села и деревни съ иконою св. Николая Чудотворца, назначаютъ за молебны несоразмѣрную плату, открыто заявляя, что шаргородскій монастырь отнынѣ—архіерейскій, что архіерей—вдовецъ и ему нужны деньги... Сосѣдъ, кишиневскій кирь-Серафимъ все это знаетъ, и ему желательно выжить сосѣда, который не обращаетъ вниманія на его письма. Но здѣсь коса нашла на камень. У кирь-Серафима сила во власти гражданской, у кирь-подольскаго Серафима сила—въ московскомъ кирь-Владимирѣ, о. Восторговѣ и В. М. Скворцовѣ, съ которыми и преосв. кишиневскій въ дружескихъ отношеніяхъ. Оба епископа другъ друга не долюбиваютъ. Одинъ—дворянинъ, а другой не разъ выражался, что дворяне—царскіе холопы“.

Чѣмъ эти безпримѣрные разоблаченія отличаются отъ того, что печатаютъ другъ про друга, про „темныя деньги“, про „темныя ходы“ и дѣла свѣтскіе главари черносотенства—Дубровинъ, Пуришкевичъ, Юскевичъ-Красковскій и т. д., и т. д.?! Призывая къ походу противъ г. Шварца, „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“ характеризуютъ переживаемые дни какъ „годину общественной разрухи“. Да, вѣрно: наступила ужасная разруха, и глубоко она втянула въ себя тѣхъ, кому, во всякомъ случаѣ, не мѣсто въ боевыхъ рядахъ политической реакціи, кого политика вовсе не должна была бы касаться...

Воинствующее духовенство, въ лицѣ волинскаго архіепископа Антонія, кишиневскаго епископа Серафима и думскихъ священниковъ, въ первую голову ставитъ вопросъ о церковно-приходской школѣ. О школѣ земско-архіепископъ Антоній недавно писалъ въ „Колоколѣ“ (№ 1266): „Пусть никто не повторяетъ глупой и фальшивой

фразы, что и въ той школѣ преподается законъ Божій". Когда коммиссія Государственной Думы высказалась за объединеніе низшей народной школы, съ подчиненіемъ школы церковной вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, оба епископа, принадлежащіе къ составу Думы, и 32 думскихъ священника опубликовали въ „Новомъ Времени“ (№ 12225) протестъ. „Опираясь на историческое свое право“, они заявляли, что „духовенство не пойдетъ ни на какіе компромиссы по вопросу объ условіяхъ передачи церковной школы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія, ибо тутъ несомнѣнно заключается явное посягательство на самобытность и независимость церковной школы“. „У насъ — писали они — могутъ взять школу, но только силою, если пожелають ее примѣнить, если найдуть пужнымъ силою отстранить духовенство отъ этого дѣла, которому оно по внутреннему своему расположенію готово посвятить всѣ свои силы“. Авторы протеста съ негодованіемъ отвергали „неправильные толки о томъ, что будто бы само духовенство, въ значительной своей части, втайнѣ сочувствуетъ такой передачѣ“.

И послѣ столь авторитетныхъ заявленій, смоленскій епархіальный съѣздъ, большинствомъ 74 голосовъ противъ 3-хъ, отклонилъ предложеніе о дополнительномъ обложеніи церковей па церковно-школьное дѣло („Рѣчь“, 9-го іюля, № 185). Участвовавшіе въ съѣздѣ церковные старосты, справедливо отмѣчая, что церковныя школы только тѣмъ отличаются отъ земскихъ, что онѣ во всемъ хуже — и по составу учащихся, и по постановкѣ преподаванія, и по приспособленности помѣщепій, — говорили: „Теперь земство съ каждымъ годомъ увеличиваетъ число своихъ школъ... Церковная школа можетъ только напортить: гдѣ будетъ торчать плохая церковная школа, тамъ не выстроятъ хорошей земской“. Изъ устъ „батюшекъ“ подобныя рѣчи не раздавались. Но голосованіемъ, которое производилось въ отсутствіи епархіальнаго наблюдателя церковныхъ школъ и уѣздныхъ наблюдателей, они ясно обнаружили свои мысли... Правъ кипшиневскій епископъ: массы духовенства еще находятся въ состояніи „политической спячки“. Представители духовенства въ Думѣ напрасно берутъ на себя смѣлость дѣлать заявленія отъ имени всего духовенства. Ихъ послалъ въ Думу законъ 3-го іюня, а не свободная воля русскихъ православныхъ священниковъ. Священники въ массѣ еще не отдались политической реакціи и сохранили способность чувствовать и понимать дѣйствительные насущные интересы того крестьянства, которое, по увѣренію архіепископа Автопія (см. „Рѣчь“, 12 іюня, № 158), ждетъ торжества церковной школы, чтобы послать на школу земскую „краснаго пѣтушка“. Призывы проснуться отъ „спячки“ свидѣлствуютъ, что и внутри клира идетъ „разруха“...

Въ описаніи послѣднихъ минутъ жизни В. С. Соловьева кн. Трубецкой передавалъ, что, находясь уже безъ сознанія, Соловьевъ въ бреду молился за еврейскій народъ. Знатокъ еврейства, его исторіи, языка и вѣрученія, Соловьевъ являлъ собою примѣръ истинно христіанскаго отношенія къ еврейскому вопросу. Безсмысленныя легенды о евреяхъ, употребляющихъ по пасхальному ритуалу христіанскую кровь, и правовыя стѣсненія еврейства его всегда волновали и мучили. О погромахъ, конечно, нечего и упоминать. Онъ не могъ спокойно думать о чертѣ осѣдлости, о процентной нормѣ и о всей той сѣти ограниченій, которою опутано у насъ еврейство. Одно время онъ живо интересовался теченіемъ среди евреевъ въ пользу сіонизма и эмиграціей въ Аргентину, не надѣясь, что въ Россіи роковой вопросъ получить когда-нибудь разрѣшеніе. Какіе моменты не разрѣшенія, а развитія еврейскаго вопроса пришлось бы переживать Соловьеву, еслибы судьба не судила ему скончаться десять лѣтъ тому назадъ?

Онъ пережилъ бы ужасъ кишиневскаго погрома 1903-го года. Затѣмъ—ужасъ октябрьскихъ погромовъ 1905-го года. Потомъ—для него наступила бы короткая полоса надежды на возможность увидѣть торжество справедливости въ отношеніи евреевъ. Выборнымъ закономъ 11 декабря 1905 г. евреи, на общихъ основаніяхъ съ гражданами другихъ національностей — тогда въ Россіи были граждане!—получили политическое право избранія народныхъ представителей. Въ законѣ впервые не оказалось никакой запретительнаго свойства оговорки о евреяхъ. И это было настолько непривычнымъ новшествомъ, что сами евреи не сразу повѣрили. Они долго и тщательно перечитывали законъ, въ твердой увѣренности, что въ немъ непременно должно быть обычное изъятіе, если не въ текстѣ статей, то гдѣ-нибудь въ примѣчаніяхъ или приложеніяхъ. Въ то же время получившая автономію высшая школа фактически отмѣнила процентную норму. Министерство юстиціи утвердило присяжными повѣренными всѣхъ евреевъ-помощниковъ, выполнившихъ условія стажа. Отмѣна черты осѣдлости стала вопросомъ времени. Никто и въ мысляхъ не имѣлъ, чтобы, въ случаѣ его принятія Государственной Думой, законопроектъ по этому предмету могъ встрѣтить какія бы то ни было препятствія. Также точно, въ соотвѣтствіе съ указомъ 12-го декабря 1904 г., только до созыва первой Думы и до вотированія ею законопроекта былъ отложенъ вопросъ о правѣ участія евреевъ въ земствѣ и въ городскомъ самоуправленіи.

И вотъ, Соловьевъ увидѣлъ бы, какъ съ роспускомъ первой Думы сразу измѣнились „виды“ правительства по еврейскому вопросу. На одномъ изъ прошлогоднихъ предвыборныхъ собраній въ Петербургѣ

П. Д. Соколовъ говорилъ, что за долгую свою адвокатскую дѣятельность ему приходилось встрѣчаться и сталкиваться съ безчисленнымъ множествомъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ-администраторовъ, и что онъ встрѣчалъ чиновниковъ добрыхъ и злыхъ, умныхъ и глупыхъ, честныхъ и вшиточниковъ, но не встрѣтилъ ни одного, который не былъ бы антисемитомъ. Если въ этомъ есть преувеличеніе, то развѣ только въ словахъ: „ни одного“. Антисемитизмъ свилъ прочное гнѣздо въ нашей бюрократіи. Тѣмъ легче въ данномъ отношеніи былъ успѣхъ „истинно-русской“ агитаціи. Съ перваго же раза, какъ она раскрыла ротъ, вслѣдъ за крикомъ: „долгой подлюю конституцію!“ полились непрерывной струей повторенія на всѣ лады: „все зло отъ евреевъ“. Крикъ на первыхъ порахъ только слушали, струя повтореній внимали и скоро видали. Изъ своей августовской программы 1906 г. министерство П. А. Столыпина еврейскій вопросъ выкинуло. Оно умыло руки заявленіемъ, что оставляетъ изысканіе способовъ его разрѣшенія свободной инициативѣ народнаго представительства. Вслѣдъ затѣмъ министерство стало примѣнять къ евреямъ „дѣйствующій законъ“ и, постепенно переходя все къ большей суровости, подъ вліяніемъ безудержно нарастающаго и нарастающаго юдофобства третьей Думы, возстановило въ полной силѣ всѣ архаическія ограниченія и стѣсненія.

Наконецъ, Соловьеву довелось бы быть зрителемъ той дикой вакханаліи, въ которой вертится сейчасъ реакція вокругъ еврейскаго вопроса. Освободительное движеніе и революціонный взрывъ, даже проигранная война—объявлены дѣломъ рукъ евреевъ. Правда, еврейство, какъ національность, этимъ подиано на недосыгаемую духовную высоту, а стомилліонное русское населеніе незаслуженно припижено. Но въ пылу ненависти и злобы одни наши антисемиты этого не замѣчаютъ, другіе сознательно все готовы признать за евреями, лишь бы ничто не было для нихъ препятствіемъ травить ненавистное племя. Травля давно перешла границы преступнаго возбужденія вражды между отдѣльными частями или классами населенія. Но такъ какъ еврей—исключительные виновники освободительнаго движенія и революціи, а въ отношеніи участниковъ движенія и особенно революціи нѣтъ, по нынѣшнимъ временамъ, большой разницы между допустимымъ и недопустимымъ,—то травля не встрѣчаетъ ни малѣйшаго противодѣйствія. Еврей чуть только что формально не объявленъ стоящимъ вѣ охранѣ закона. За посягательства противъ нихъ судятъ лишь погромщиковъ. Судятъ, караютъ, а затѣмъ, по неизмѣнно возбуждаемому ходатайству „союза русскаго народа“, даруютъ помилованіе. Одни еврей-Азефы находятся подъ зоркой уголовной охраной.

Еврейскій вопросъ сдѣлался центромъ, къ которому рѣшительно все сводится. О чемъ только ни пишетъ г. Меньшиковъ въ „Новомъ Времени“—и не найти ни одной его статьи, въ которой такъ или иначе не упоминалось бы о евреяхъ. Какъ для тургеневскаго Пигасова всегда и во всемъ была виновата женщина, такъ наши союзники и націоналисты, чего бы они ни касались, непременно все сведутъ къ евреямъ и къ еврейству, будетъ ли то разсужденіе объ авіаціи или о новомъ министрѣ, о шахматной игрѣ или о Польшѣ, о картинной выставкѣ или объ аграрныхъ беспорядкахъ—совершенно безразлично. „Еврейскія Извѣстія“ (№ 13) сдѣлали любопытный подсчетъ: въ теченіе минувшей сессіи Государственной Думы еврейскому вопросу посвящено было 53 засѣданія, или около половины общаго числа засѣданій сессіи, если отбросить предканикулярныя засѣданія, а также посвященныя выборамъ президіума; выступало противъ евреевъ 87 ораторовъ; говорили по еврейскому вопросу Марковъ 2-ой—17 разъ, Замысловскій—12, Тимошкинъ—11, Пуришкевичъ—10; еврейскіе дебаты возникали въ связи съ слѣдующими безконечно разнообразными законопроектами, поправками и формулами перехода: о неприкосновенности личности, о налогѣ съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, мѣстечкахъ и посадахъ, о виленской центральной фельдшерской школѣ, о правѣ застройки, о введеніи земства въ 6 западныхъ губ., о праздничномъ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, о мѣстномъ судѣ, объ удаленіи евреевъ съ земской службы по вольному найму, о сдачѣ евреямъ въ аренду казенныхъ земель, о замѣнѣ для евреевъ натуральной воинской повинности денежною, объ удаленіи евреевъ изъ военно-медицинской академіи.

Министерство, создавшее закономъ 3-го іюня фикцію народнаго представительства, всѣ три года дѣятельности третьей Думы держалось пассивнаго отношенія къ законодательству по еврейскому вопросу. Оно дѣлало и дѣлаетъ видъ, будто бы дѣйствительно принимаетъ злопахательства думской черной сотни и готовность къ послушанію октябристовъ за вѣрное выраженіе воли и требованій народа. Въ 1908-мъ году П. А. Столыпинымъ изданъ былъ сравнительно льготный циркуляръ о правѣ жительства евреевъ внѣ черты осѣдлости. Въ Думѣ послѣдовалъ запросъ—и даже раньше его обсужденія циркуляръ фактически утратилъ примѣненіе. Послѣконституціонная практика вообще научила, что значить у насъ неуклонное принятіе дѣйствующаго закона за единственную регулирующую норму. А въ отношеніи евреевъ особенно легко создалась возможность обратить примѣненіе закона въ систематическое преслѣдованіе. Во-первыхъ, законы, опредѣляющіе ихъ права, въ громадномъ большинствѣ случаевъ такъ конструированы, что реализація правъ отдается всецѣло усмо-

тривію центральной или мѣстной администраціи. Во-вторыхъ, поскольку законъ касается еврейскихъ правоограниченій, онъ всегда предусматриваетъ недопустимость ихъ обхода и на этотъ предметъ снабжаетъ администрацію сверхзаконными полномочіями. Въ 1905 и 1906 гг. министръ юстиціи безпрепятственно утверждалъ присяжныхъ повѣренныхъ евреевъ. Теперь двери присяжной адвокатуры для евреевъ снова закрыты. И то было безупречно закономерно, и это. Еврей Гринбергъ, призванный въ 1904 г. къ отиравленію воинской повинности, опоздалъ явкой въ воинское присутствіе. На службу онъ, все-таки, былъ принятъ. По окончаніи срока его службы съ матери Гринберга требуютъ уплаты штрафа въ 300 рублей. Она прислала телеграмму члену Думы Н. М. Фридману, умоляя заступиться. Администрація можетъ мольбу уважить, но можетъ и отказать. Въ обоихъ случаяхъ законъ будетъ соблюденъ. Въ Смоленскѣ на-дняхъ, какъ сообщали газеты, получено увѣдомленіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ о томъ, „что постройка еврейской молебни можетъ быть окончена при условіи, чтобы послѣдняя по своему ви́шнему виду не напоминала храма, для чего должны быть сняты съ ея фасада купола, башни и эмблемы, и чтобы ви́шній фасадъ ея ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ городскихъ зданій“. А въ Петербургѣ, при дѣйствіи одного и того же закона, на Большой Мастерской уже много лѣтъ стоитъ синагога, фасадъ которой сразу говоритъ, что это не обыкновенное городское зданіе.

Съ процентной нормой получилось слѣдующее. Въ приѣмы слушателей высшихъ учебныхъ заведеній въ 1906 г. и отчасти въ 1907 г. процентная норма не соблюдалась. А потому наличное число студентовъ-евреевъ значительно норму превысило. Казалось бы, что при возвратѣ къ точному соблюденію формально не отмѣненнаго и потому дѣйствующаго закона элементарная справедливость требовала, чтобы норма исчислялась въ процентномъ отношеніи къ числу вновь принимаемыхъ слушателей, а отнюдь не къ общему ихъ числу. Юдофобская мораль подсказала какъ разъ обратное. Въ результатѣ уже второй годъ многія учебныя заведенія публикуютъ, что приѣма евреевъ производиться не будетъ, и такимъ образомъ, вопреки закону, для вновь подрастающихъ поколѣній евреевъ на неопредѣленное число лѣтъ доступъ къ цѣлому ряду отраслей высшаго образованія закрытъ вовсе. Во исполненіе закона о чертѣ осѣдлости, выселяютъ евреевъ-провизоровъ, зубныхъ врачей, солдатъ. Въ дачныхъ мѣстностяхъ на евреевъ дѣлали облавы, какъ на дикихъ звѣрей. Ихъ разыскивали въ лѣсахъ и немедленно выселяли. Въ Москвѣ былъ примѣръ распоряженія о выселеніи, какъ неимѣющихъ „самостоятельнаго“ права жительства, сыновей еврея Райццына, 8 и 10 лѣтъ, и дочери, 4 лѣтъ, а также

4-хъ-лѣтнаго сына еврейки Юделіовичъ. И товарищъ министра впу-
треннихъ дѣлъ доказывалъ передъ сенатомъ закономѣрность этого
распоряженія...

А что ждетъ евреевъ въ ближайшемъ будущемъ? Въ какія юри-
дическія формулы выливаютъ свои мысли о способахъ разрѣшенія
еврейскаго вопроса тѣ, чьи воззрѣнія такъ полно восторжествовали
въ вопросахъ финляндскомъ и о земствѣ въ Западномъ краѣ и чьему
торжеству не видно еще начала конца? На эти вопросы отвѣтилъ
мартовскій дворянскій съѣздъ. Докладчикъ, г. Панчулидзевъ, проекти-
ровалъ, кромѣ сохраненія всѣхъ существующихъ ограниченій, съ распро-
страненіемъ ихъ также на „выкрестовъ изъ евреевъ“, лишеніе евреевъ
и „выкрестовъ“ права участія въ выборахъ въ Государственную Думу,
права общественной службы по найму и права быть присяжными и
частными повѣренными. Дворянинъ Пашковъ, подъ бурное одобреніе,
предлагалъ дополнить перечень ограниченій отстраненіемъ (!) евреевъ
отъ участія въ періодической печати, „такъ какъ послѣднія въ ихъ ру-
кахъ—могучее орудіе развращенія народа“. „Евреи—заявлялъ дворя-
нинъ Кушелевъ изъ Пскова—терпимы лишь постольку, поскольку они
намъ полезны“. Такъ судятъ о еврействѣ гг. объединенные дворяне,
многіе изъ которыхъ, по злому, по мѣткому замѣчанію О. И. Роди-
чева, съ принципиальной ненавистью къ евреямъ соединяютъ любовь
къ еврейскимъ деньгамъ и готовность отдавать евреямъ свои имена
напрокатъ для пріобрѣтенія евреями лѣсовъ. При жизни В. С. Со-
ловьева до такой циничной откровенности въ сужденіяхъ по еврей-
скому вопросу не доходили. Тогда, все-таки, былъ стыдъ...

Соловьевъ поднялъ голосъ противъ смертной казни въ 1881 г.—
въ тотъ моментъ, когда воздвигалась висѣлица для казни вивовни-
ковъ убійства имп. Александра II. Христіанинъ, вѣрный послѣдова-
тель евангелія, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ
мириться съ насильственнымъ прекращеніемъ жизни человѣка, все
равно — неправомѣрнымъ или по закону. Кромѣ христіанской точки
зрѣнія, Соловьевъ въ своей извѣстной рѣчи развивалъ тогда точку
зрѣнія историческую. „Смертная казнь—говорилъ онъ—претитъ духу
русскаго народа“.

Если бы онъ прожилъ съ нами эти десять лѣтъ, минувшія со дня
его смерти, онъ увидѣлъ бы громкое, на весь міръ, подтвержденіе
своихъ словъ. Онъ узналъ бы, что первые въ Россіи избранники на-
рода пришли въ Государственную Думу съ наказомъ отмѣнить смертную
казнь и что Дума, какъ святой долгъ, исполнила наказъ избирателей:
единогласно привяла законопроектъ, гласившій: „смертная казнь отмѣ-

няется навсегда". Но недолго было бы его ликованіе. Черезъ два мѣсяца онъ увидѣлъ бы военно-полевые суды. А затѣмъ — дѣсь висѣлицъ, которымъ обросла вся Россія, и тысячи казнимыхъ. Онъ содрогался бы ежедневно, читая лаконическія телеграммы о казняхъ. Онъ услышалъ бы изъ Таврическаго дворца призывы къ крови и крики: „мало!“... „Земщина“ недавно писала: „У насъ заведенъ обычай, согласно которому лица, покушающіяся на жизнь представителей власти, предаются смертной казни. Обычай этотъ заслуживаетъ всяческаго одобренія, что бы ни говорили кадетствующіе юристы, ибо самой суровой кары заслуживаетъ тотъ, кто ослабляетъ власть, основу всякаго гражданскаго и политическаго порядка“. И дѣйствительно: для наказанія тюрьмой и арестомъ за кражу и за оскорбленіе у насъ есть законъ, а для наказанія смертію — „заведенъ обычай“. Тутъ надъ закономъ стоитъ безапелляціонное усмотрѣніе: захочу — повѣшу, захочу — замѣню казнь недѣльнымъ арестомъ. Соловьевъ узналъ бы про заведенныя послѣ казни судебныя ошибки, про живые оговоры, дѣлаемые изъ страха завтра быть лишеннымъ жизни, про всѣ эти тенета, въ которыя попало правосудіе. Онъ вмѣстѣ съ нами съ ужасомъ ждалъ бы, что „заслуживающій всяческаго одобренія обычай“ станетъ нормальной карой русскаго уголовнаго кодекса.

Но онъ видѣлъ бы и всю глубину несправды, выдающей призывы къ кровавой расправѣ за вѣрное выраженіе народной воли. Отъ его взора не укрылся бы эпизодъ, передаваемый корреспондентомъ „Русскаго Слова“ (№ 161): „Крестьянинъ Шинкаренко, присужденный къ казни за вымогательство и убійство, а затѣмъ помилованный и долго исполнявшій въ Екатеринославѣ обязанности палача, задумалъ вернуться въ родную деревню Мануиловку и поселиться тамъ. Крестьяне высказались противъ этого. Былъ созванъ сходъ, на которомъ единогласно было постановлено ходатайствовать о выселеніи Шинкаренко въ Сибирь. Бывшій палачъ послалъ въ министерство жалобу. Въ ней онъ рассказывалъ о своихъ „заслугахъ“, перечисляя казненныхъ имъ по приговору военно-окружныхъ судовъ. Министерство предложило новомосковскому предводителю дворянства, г. Родзянко, еще разъ созвать сходъ. Г. Родзянко исполнилъ порученіе и вновь созвалъ сходъ. На сходѣ онъ опрашивалъ каждого крестьянина въ отдѣльности. Голосованіе было поименное. Но и это не помогло: сходъ подтвердилъ свое первоначальное постановленіе“...

На чьей сторонѣ и съ кѣмъ былъ бы теперь Соловьевъ?..

Въ короткое время, въ теченіе одного мѣсяца, русское общество лишилось многихъ крупныхъ общественныхъ дѣятелей и дѣятелей

науки и литературы. Одни за другими скончались В. А. Фаусекъ, Н. А. Шипковъ, В. М. Володиміровъ, А. П. Масловъ, М. В. Крестовская, А. И. Куинджи ¹⁾).

Викторъ Андреевичъ Фаусекъ былъ профессоромъ зоологіи: съ 1891 г.—петербургскаго университета, съ 1897 г.—бестужевскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Его перу принадлежитъ рядъ специальныхъ изслѣдованій и работъ. Главнѣйшія изъ нихъ: „Къ природѣ степей сѣвернаго Кавказа“, „Этюды по анатоміи и исторіи развитія пауковъ-сѣноносцевъ“, „Изслѣдованія надъ исторіей развитія головоногихъ“, „Біологическія наблюденія надъ пластинчатожаберными моллюсками“, „Этюды по вопросамъ біологической эволюціи“ и мн. др. Онъ принималъ ближайшее участіе въ изданіи „Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза-Ефрона, гдѣ помѣстилъ множество статей по предмету своей специальности ²⁾). Послѣ изданія указа 27 августа 1905 г. совѣтъ профессоровъ избралъ его директоромъ курсовъ. Эту должность онъ занималъ до смерти. Покойный пользовался на курсахъ исключительной популярностью, какъ среди профессоровъ, такъ и среди слушательницъ. „Трудно сейчасъ говорить о Викторѣ Андреевичѣ, какъ о директорѣ, — писали по поводу его смерти слушательницы, — трудно потому, что слишкомъ много сдѣлалъ онъ для курсовъ. Это былъ директоръ-руководитель, директоръ-защитникъ. Пять тяжелыхъ лѣтъ стоялъ онъ на передовомъ посту, принимая на себя всѣ удары. Ни въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній эти годы не прошли такъ мирно, какъ на высшихъ женскихъ курсахъ. За это время у насъ не было ни одного серьезнаго внутренняго конфликта. И этимъ курсы обязаны только обаянію его личности. Виктора Андреевича глубоко уважали, какъ профессора, ему были безконечно благодарны, какъ директору, но любили его больше всего просто, какъ человѣка“... Между нѣкоторыми изъ окончившихъ курсы возникла мысль учрежденіемъ стипендіи навсегда связать имя покойнаго съ курсами. Съ этой цѣлью онѣ составили воззваніе, которое просить всѣ изданія перепечатать. Съ полной готовностью исполняемъ ихъ желаніе.

„Объединенныя общей печалью о безвременно угасшемъ Викторѣ Андреевичѣ, мы хотѣли бы сдѣлать что-нибудь, чтò говорило бы о томъ чувствѣ любви и признательности, которое питали къ Виктору Андреевичу всѣ, знавшіе его, и которое каждая изъ насъ навсегда

¹⁾ Памяти А. И. Куинджи посвящена выше особая статья.

²⁾ Въ „Вѣстникѣ Европы“ В. А., кромѣ статей, имѣющихъ отношеніе къ его специальности: „На зоологической станціи“ (1889, май—іюнь) и „На далекомъ сѣверѣ“ (1891, авг.), помѣстилъ блестящій этюдъ о „Жерминаль“ Э. Зола (подъ псевдонимомъ В. Андреевича, 1892, іюль).

сохранить въ своемъ сердцѣ. Мы рѣшили, что наиболее подходящимъ для этой цѣли было бы учрежденіе стипендіи имени В. А. на высшихъ женскихъ курсахъ, къ которымъ онъ относился такъ сердечно, отдавая столько энергіи, и забота о которыхъ не покидала его до послѣдней минуты его недолгой, такъ неожиданно, такъ внезапно оборвавшейся жизни.

„Всѣхъ окончившихъ высшіе женскіе курсы и раздѣляющихъ нашу мысль просимъ откликнуться.

„Деньги можно направлять въ контору газеты „Рѣчь“.

Въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Европы“ за нынѣшній годъ мы отмѣтили дѣятельность самарскаго общества народныхъ университетовъ и появленіе перваго номера „Извѣстій Общества“. Но мы не назвали имени того, кому самарскій народный университетъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ, кто его создалъ, кто ему преданъ былъ всею душой. Это былъ нынѣ скончавшійся старѣйшій самарскій земець, Николай Александровичъ Шинковъ. Н. А. являлъ собою типъ рѣдкаго, по цѣльности натуры, человѣка. Въ области вопросовъ народнаго образованія онъ былъ незауряднымъ знатокомъ. Земець въ лучшемъ смыслѣ слова, Н. А. принималъ участіе въ земскихъ сѣздахъ 1904 и 1905 гг., занимая среди другихъ участниковъ всегда наиболее лѣвое мѣсто. Во время первой Думы онъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта отъ самарскаго земства. Послѣ роспуска Думы Н. А. сложилъ съ себя званіе члена Совѣта, вернулся на родину, въ Самару, и тамъ весь отдался организаціонной работѣ въ народномъ университетѣ. Покойный перѣдко выступалъ въ печати. Въ „Вѣстникѣ Европы“ имъ была помѣщена статья: „Наше земство, его труды и недочеты“ (1901, сент.).

Владиміръ Михайловичъ Володиміровъ большую часть своей жизни отдалъ профессорской дѣятельности въ военно-юридической академіи, гдѣ въ теченіе многихъ лѣтъ занималъ кафедрю военно-уголовнаго судопроизводства. Нѣкоторое время онъ состоялъ редакторомъ „Журнала гражданского и уголовного права“. Послѣ выхода въ отставку В. М. съ 1904 г. по 1909-ый былъ гласнымъ петербургской городской думы. Покойный въ послѣдніе годы принадлежалъ къ ревностнымъ сторонникамъ неославизма, увлекался сокольствомъ, неоднократно ѣздилъ въ Прагу и былъ однимъ изъ устроителей приѣма въ Петербургѣ д-ра Крамаржа.

Скончавшійся въ Горячеводскѣ отъ холеры А. П. Масловъ былъ однимъ изъ тѣхъ членовъ первой Думы, жизнь которыхъ послѣ короткаго блестящаго трехмѣсячнаго промежутка оказалась вдругъ безвозвратно разбитой. До избранія въ Думу онъ занималъ скромную должность учителя въ гор. Грозномъ. Въ Думѣ это былъ часто выступавшій ораторъ-трудовикъ, горячій, нервный, всегда подкупавшій своей искренностью. Послѣ роспуска Думы онъ сталъ объектомъ непрерывныхъ преслѣдованій: сначала—какъ привлеченный по дѣлу о выборскомъ воззваніи, затѣмъ—какъ осужденный. Учительская дѣятельность для него была закрыта. За нимъ оставлено было одно право: право постоянной борьбы съ нуждой, въ тщетныхъ поискахъ заработка.

Память о безвременно скончавшейся М. В. Картавцевой-Крестовской особенно дорога нашему журналу, въ которомъ она помѣстила главное свое произведеніе—романъ: „Артистка“ (1891, апр.-дек.), а также рассказъ: „Сынъ“ (1893, ноябрь-декабрь). Обладая недюжиннымъ художественнымъ дарованіемъ, она глубоко проникала въ міръ женской души, въ развитіе чувства и страсти; ей хорошо удавалось изображеніе мало замѣтныхъ, но тяжелыхъ драмъ, возникающихъ на фонѣ семейной жизни. Быстро слабѣвшее здоровье давно заставило ее ограничить, затѣмъ прекратить литературную дѣятельность; но ея лучшія вещи—къ которымъ, кромѣ названныхъ выше, принадлежать еще „Раннія грозы“,—едва ли скоро будутъ забыты.

Издатель М. М. Ковалевскій.

Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Отъ Комитета по сбору пожертвованій на увѣковѣченіе
памяти Пирогова.

13-го ноября с. г. исполняется столѣтіе со дня рожденія отца русской хирургіи и великаго русскаго мыслителя и учителя Николая Ивановича Пирогова, послѣднія 20 лѣтъ своей жизни подвизавшагося, какъ врачъ и общественный дѣятель, въ с. Вишиѣ подъ г. Винницей Подольской губерніи, гдѣ и похороненъ въ 1881 г.

Желая увѣковѣчить память Пирогова достойно его имени, Подольское земство, по инициативѣ общества винницкихъ врачей, считаетъ своимъ долгомъ ознаменовать это событіе постройкой больницы въ г. Винницѣ въ 3 верстахъ отъ мѣста послѣдняго его упокоенія.

Государь Императоръ первый отозвался на это благое дѣло, давъ разрѣшеніе на всероссійскую подписку.

Комитетъ по сбору пожертвованій обращается ко всемъ русскимъ гражданамъ, сочувствующимъ истинному просвѣщенію родины и чтущимъ память ея великихъ сыновъ, съ просьбой удѣлить свою посильную лепту на увѣковѣченіе памяти Пирогова. Пожертванія благоволятъ прислать въ г. Винницу, на имя предводителя дворянства графа Д. Ф. Гейдена.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.—АВГУСТЪ.

	СТРАН
I. ЛАМАРКЪ И ДАРВИНЪ КАКЪ ТИПЫ УЧЕНЫХЪ.—III-IV.— Окончаніе.—Влад. Вагнера	3
II. КЛЮЧЪ БОГОРОДИЦЫ.—Легенда.—Стихотвореніе.—Дмитрія Цензора	19
III. ПРИЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ.—Разсказъ.—I-VII.—А. Свирскаго	23
IV. ВЪ ТУМАНЪ.—*.*.—Стихотворенія.—Л. Андрусона	43
V. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КОСТОМАРОВЪ.—Изъ воспоминаній А. Л. Костомаровой	45
VI. СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.—Стихотвореніе. М. Ватсонъ	76
VII. ЗАТРАВИЛИ.—Разсказъ.—I-XI.—Аркадія Велскаго	77
VIII. ВЪ АВГУСТЪ.—Стихотвореніе.—Вл. Нарбута	102
IX. ЗАБАСТОВКА.—Изъ жизни на „золотыхъ“ пріискахъ.—А. Се- менова	103
X. СМЕРТНИКИ.—V-X.—Окончаніе.—С.	121
XI. ПРАВО ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНІЯ.—М. Ратнера	148
XII. ВОСПОМИНАНІЯ О В. С. СОЛОВЬЕВЪ.—Н. Макшеевой	164
XIII. КУЛЬТУРА И ВОЕННОЕ ДѢЛО.—Замѣтки „штатскаго“ чело- вѣка.—I-III.—Н. Новикова	178
XIV. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ РОССИИ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.—I-XI.—Нестора Котляревскаго	190
XV. ТѢНЬ ЛЮБВИ.—Романъ Марсель Тинэйръ.—IX-XIII.—Перев. съ франц. З. Журавской	213
XVI. ТАЙНА ФРЕДЕРИКА МАРСИНЕЛЯ.—Разсказъ Жюля Дегре.— Перев. съ франц. М. Веселовской	248
XVII. ЦѢПИ.—Повѣсть Элизы Оржешко.—Перев. съ польскаго Н. Мѣш- ковой	263
XVIII. Х р о н и к а.—ЗАКОНЪ 9-го НОЯБРЯ.—Мысли и наблюденія дере- венскаго обывателя.—Вс. Н.	286
XIX. РЕФОРМА УГОЛОВНАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЪ ГЕР- МАНИИ.—Г. Штильмана	301
XX. ВЫМЫСЕЛЪ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.—По поводу одной книги.—Евгенія Елачича	320

XXI. ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ СЛАВЯНСКАГО СОВОРА.— Письмо изъ Софіи.— В. Богучарскаго	326
XXII. КОНСТИТУЦІЯ И ШКОЛА ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.— Письмо изъ Швейцаріи.— П. Берлина.	332
XXIII. СОВРЕМЕННАЯ ІСПАНІЯ.— Письмо изъ Барселоны.— А. Деренталя	338
XXIV. БАЛКАНСКІЯ ДѢЛА И РУССКАЯ ПОЛИТИКА.— Л. З. Слонимскаго.	356
XXV. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— И. В. Жилкина	369
XXVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Первые признаки приближенія общихъ выборов.— Несостоятельность дѣйствующей избирательной системы.— Предстоящіе дополнительные выборы въ Государственную Думу.— Государственный Совѣтъ въ до- и послѣ-конституціонное время.— Задачи ближайшаго будущаго.— Казанскій миссіонерскій съѣздъ и „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости“.	382
XXVII. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Русско-лионское соглашеніе.— Новыя манчжурскія заботы и обязательства.— Опасныя послѣдствія старыхъ ошибок.— Вызывающая политика Ватикана.— Политическій кризисъ въ Испаніи.— Внутренній дѣла въ Германіи и во Франціи	399
XXVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.— Исторія Котляревскій, Мировая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.— А. С. Изгоевъ, Русское общество и революція.— И. П. Вѣлюковскій, Земское движеніе (Земство и Конституція).— Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. и съ прим. С. А. Венгерова, т. IX.— Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ, т. II.— Ч. В—скаго.— Э. Фельсбергъ, Братья Гракки.— И. Бороздина.— Ученые труды въ изданіи Имп. Моск. Унив., ч. I: проф. А. П. Чупровъ, Желѣзнодорожное хозяйство, т. I и II.— К. Загорскаго.— Проф. А. С. Алексѣевъ, Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ.— Н. Болдырева.— Новыя книги и брошюры.	412
XXIX. КУИИДЖИ И ЛЕВИТАНЪ.— Конст. Эрберга.	429
XXX. ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.— Десятилѣтіе смерти В. С. Соловьева.— В. С. Соловьевъ и послѣконституціонная современность.— Религіозная свобода.— Походъ епископа противъ г. Шварца.— Изъ-за монастырскихъ доходов.— Эпизоды борьбы за церковную школу.— Еврейскій вопросъ.— Травля, преслѣдованіе и неуклонное соблюденіе закона.— Что ждетъ евреевъ въ ближайшемъ будущемъ? — В. С. Соловьевъ и смертная казнь.— В. А. Фаусекъ, П. А. Шияковъ, В. М. Володиміровъ, А. П. Маслово, М. В. Картавецва-Крестовская †	432
XXXI. ИЗВѢЩЕНІЕ	452
XXXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	455
XXXIII. БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ИНОСТР. КНИЖН. МАГАЗИНЪ

книги и журналы

(съ 1859 года).

Авг. Дейбнеръ

— Морская, д. 12, уг. Невскаго, къ аркѣ. —

ОТКРЫВАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНИЕ:

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К^о“.

Седьмое, совершенно переработанное и значительно расширенное изданіе,
подъ редакціей профессоровъ:

В. Я. ЖЕЛЪЗНОВА, М. М. НОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА и Н. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изданіе составитъ приблизительно около 40 полутомовъ объемомъ въ 640 столбцовъ текста или около 20 томовъ объемомъ въ сложности въ 25,000 столбцовъ; оно будетъ выходить также и выпусками (по пяти выпусковъ въ каждомъ томѣ). Кромѣ пояснительныхъ рисунковъ въ текстѣ, Словарь будетъ заключать около 800 художественныхъ репродукцій въ цѣлую страницу; но отдѣлу анатоміи челоѣка будутъ даны **СКЛАДНЫЯ МОДЕЛИ**: географическія карты государствъ и русскихъ губерній составляются заново специально для этого изданія. Кромѣ основного иллюстрированнаго изданія, будетъ выходить удешевленное изданіе безъ иллюстрацій.

УСЛОВІЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПОДПИСКИ: при подпискѣ вносятся 2 р. и каждыя 5—6 недѣль при полученіи полутома полнаго изданія (безъ переплета)—2 р., либо полутома удешевленнаго изданія—1 р. 40 к., или каждыя три мѣсяца при полученіи тома въ переплетѣ—4 р. 80 к. и за пересылку и переводъ платежа по дѣйствительной стоимости; при полученіи изданія выпусками при подпискѣ уплачивается 2 руб. и еженѣсячно при полученіи каждаго выпуска по 1 руб. (включая пересылку) и за переводъ платежа по 10 коп.; задаточные 2 руб. засчитываются при высылкѣ послѣдняго тома, полутома или послѣднихъ двухъ выпусковъ. Цѣна выпуска въ розничной продажѣ—1 р. 25 к. По выходѣ 2-го тома цѣна будетъ повышена.

ПОДРОБНЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО.

Журналъ выходитъ 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, за исключе-
ніемъ іюня и іюля. Подписка принимается на годъ съ 15-го ноября
1909-го года и на полгода съ 15-го апрѣля 1910-го года. Подписная
цѣна съ пересылкою во все мѣста Россійской имперіи 2 руб. въ годъ
и 1 руб. 10 коп. на полгода.

Въ первомъ полугодіи въ журналѣ были помѣщены СТАТЬИ: проф.
А. Э. Вормса—О правѣ женщинъ на выдѣлъ по указу 9-го ноября, При-
нятіе крестьянъ рачотчиками; В. П. Дроздова—О новыхъ порядкахъ
владѣнія крестьянъ землею, Пыльный вопросъ, Кустари и ихъ нужды; Н. М.
Юрданскаго—Мѣстный судъ и его реформа; И. В. Ильинскаго—
Объ условномъ осужденіи; проф. А. А. Кауфмана—О переселеніи въ
Сибирь, О ходачествѣ; А. Е. Кулыжнаго—Крестьяне и кооперація;
А. П. Левицкаго—Земскіе налоги и оцѣнка; проф. А. А. Мануи-
лова—Указъ 9-го ноября; Ал. Ал. Мануилова—Продажа хлѣба и
хлѣбныя элеваторы, Экономическая сторона крестьянской реформы; С. П.
Мельгунова—Паденіе крѣпостного права; В. Ф. Тотоміанца—Сбытъ
хлѣба кредитными и сельскохозяйственными товариществами; В. Я. Ула-
нова—Народное образованіе въ Россіи; А. В. Чайнова—Народныя сбе-
реженія; О. А. Шкапскаго—Переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ;
Н. В. Якушкина—Государственный бюджетъ, и др. ФЕЛЪЕТОНЫ:
П. Булыгина—Обида, Война; академ. Ив. Бунина—Стихотвореніе
„Сиротка“; Г. В. Вернадскаго—Для души, Крѣпостное право на Руси;
В. Всеволодова—Кометы; Игоря Ильинскаго—Двѣ старухи, Н. С.
Тургеневъ о крѣпостномъ правѣ; А. Мухина—А. П. Чеховъ; В. Г. Сах-
новскаго—А. В. Кольцовъ; Юл. Семенова—Какъ люди летаютъ;
С. Т. Семенова—Имениныя и др. ОТЧЕТЫ О ГОСУДАРСТВЕННОМЪ
СОВѢТѢ и ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАС-
ПОРЯЖЕНІЯ и СООБЩЕНІЯ. ЖИЗНЬ РОССИИ. (Жизнь деревни. Письма
изъ деревни). ВЪ ЧУЖИХЪ КРАЯХЪ. (Статьи: Н. П. Губскаго, А. Г.
Юлоса, А. Руданова, А. В. Чайнова и др.). СЕЛЪСКО-ХОЗЯЙ-
СТВЕННЫЙ ОТДѢЛЪ. (Статьи: В. Э. Брунета, М. Н. Вонзблейна,
Д. И. Деларова, М. Е. Шатерникова и др.). ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.
КНИГИ и О КНИГАХЪ. ТОРГОВЛЯ.

Пробный номеръ высылается **БЕЗПЛАТНО.**

Адресъ редакціи: Москва, Ново-Слободская, домъ № 55, кв. 11.

Редакторъ-издатель В. П. Дроздовъ.

AP
50
V5
g.45
kn.7-8

Viestnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY
